Чарлз Дарвин в возрасте двадцати восьми лет.

С акварельного портрета работы Д. Ричмонда 1838 г.

ЧАРЛЗ ДАРВИН

ЧАРЛЗ ДАРВИН

СОЧИНЕНИЯ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Л. С. БЕРГА, Н. И. ВАВИЛОВА, П. И. ВАЛЕСКАЛНА, Д. Л. ВЕЙСА, А. П. ИЛЬИНСКОГО, В. М. КАГАНОВА, В. Л. КОМАРОВА, М. Л. ЛЕВИНА, М. А. МЕНЗБИРА, А. Д. НЕКРАСОВА, С. Л. СОБОЛЯ, Н. Г. ХОЛОДНОГО, Н. С. ШАТСКОГО

ТОМ 1

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО БИОЛОГИЧЕСКОЙ И МЕДИЦИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

москва · 1935 · ленинград

ЧАРЛЗ ДАРВИН

ПУТЕШЕСТВИЕ НАТУРАЛИСТА ВОКРУГ СВЕТА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

С. Л. СОБОЛЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
БИОЛОГИЧЕСКОЙ И МЕДИЦИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
москва · 1935 · ленинград

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
С. Л. СОБОЛЬ

ОТ РЕДАКЦИИ

Потребность в новом издании сочинений Ч. Дарвина назрела у нас уже давно. В последний раз собрание основных работ Ч. Дарвина было издано в СССР Государственным издательством в 1925—1928 гг. Это собрание, вышедшее в четырех томах (восьми книгах) под редакцией нашего выдающегося дарвиниста, недавно скончавшегося академика Михаила Александровича Мензбира, было полностью распродано уже вскоре после своего выхода в свет. Точно так же только изредка можно встретить у букинистов полные комплекты дореволюционных изданий сочинений Ч. Дарвина.

В связи с этим Государственное издательство биологической и медицинской литературы приняло уже в 1932 г., в дни, когда наука и общественность СССР широкой кампанией в печати и публичных заседаниях отметили пятидесятилетнюю годовщину со дня смерти гениального творца учения об естественном отборе, решение о новом издании сочинений Ч. Дарвина. При этом было признано, что новое издание должно соответствовать по своему характеру и содержанию той великой исторической роли, которую сыграли работы Ч. Дарвина в развитии естествознания.

На Западе существует ряд полных комментированных изданий сочинений великих естествоиспытателей. Флоренция недавно закончила такого рода издание трудов Галилея, в Германии во второй половине прошлого века был так издан Кеплер, в Голландии продолжает и сейчас выходить капитальнейшее издание работ Гюйгенса. Не так роскошно и обстоятельно, как упомянутые издания, изданы на Западе собрания сочинений и очень многих других ученых. Но Дарвина нигде на Западе, даже на его родине—в Англии, так не издали и, видимо, не собираются издавать. Теперь, когда созрело время для полного, академического издания сочинений великого натуралиста и гениального биолога, экономический кризис и вызванная им политическая и духовная реакция не только зовут к полному забвению Дарвина, но все чаще—в бессильной борьбе с дарвинизмом—буржуазия прибегает к обветшалому оружию его антитезы—религиозно-церковному учению о сотворении мира.

В противоположность этому у нас, в СССР, Дарвин и его учение пользуются величайшим вниманием и любовью. Великие основоположники марксизма, и среди них в особенности Ф. Энгельс и В. И. Ленин,—чьи посмертные работы («Диалектика природы» Энгельса и «Философские тетради» Ленина), дающие глубочайший анализ эволюционного учения, были опубликованы у нас за последние годы, -

высоко ценили учение Дарвина, как учение материалистическое в своей основе. Применяя к оценке дарвинизма диалектический материализм, молодая советская наука сумела четко отграничить в учении Дарвина стихийно-диалектическое зерно от имеющейся в нем идеалистической шелухи и показать, что это учение является действительным фундаментом, на котором покоится и продолжает свой рост мощное здание современной биологической науки. Эта основа современной биологии должна быть глубочайшим образом освоена все растущими, многочисленными кадрами советских биологов. И поэтому великое классическое наследие Дарвина должно быть дано советской науке с возможно большей полнотой, в адэкватном английским текстам русском переводе и с научным аппаратом, который поможет читателю детально разобраться в работах Дарвина во всей их исторической обусловленности.

Здесь, в СССР, мы, разумеется, не можем ставить перед собой задачу осуществить действительно полное, академическое издание текстов Дарвина. Это могло бы быть сделано только в Англии, на родине великого ученого, где имеются обширные дарвиновские архивы, лишь незначительная часть которых опубликована до настоящего времени. Но мы можем и должны сделать нечто гораздо большее в отношении издания его сочинений, чем то, что было сделано у нас до сих пор.

В дореволюционной России собрания сочинений Дарвина издавались несколько раз. Одним из лучших по своим научным достоинствам было издание О. Поповой, осуществленное в основном под редакцией К. А. Тимирязева (1898—1900 гг., некоторые тома вышли двумя изданиями). Наряду с ним стоит юбилейное «Иллюстрированное собрание сочинений Чарлза Дарвина», изданное Лепковским (Москва, 1907—1909) под редакцией того же К. А. Тимирязева. Значительно ниже и по качеству переводов и по внешнему оформлению издания Филиппова (выходившее дважды) и Битнера. После революции было выпущено упомянутое выше издание под редакцией М. А. Мензбира, носящее ошибочное название «Полное собрание сочинений Чарльза Дарвина»*.

По составу включенных в них работ Дарвина все эти издания приблизительно однотипны. Оставляя в стороне издания Филиппова и Битнера, которые уступают по своей полноте другим русским изданиям, отметим, что в издании Лепковского даны впервые отрывки из переписки Дарвина, но зато опущена помещенная в издании Поповой работа Дарвина о дождевых червях; издание Государственного издательства включает те же работы, что и издание Поповой и, кроме того, дает (так же как и издание Лепковского) статью Дарвина о половом подборе у обезьян, напечатанную в журнале «Nature» за 1876 г. Ни одно из этих собраний сочинений не включает нескольких работ Дарвина, которые были переведены на русский язык. Так, в 1881 г. в журнале «Слово» был напечатан перевод статьи Дарвина «Наблюдения над жизнью ребенка», в 1882 г. в Киеве вышел перевод совместной работы Дарвина с его сыном Френсисом «Способность ра-

* Подробное библиографическое описание всех изданий сочинений Дарвина см. в XII томе настоящего издания.

стений к движению» и, наконец, в 1894 г. Филиппов опубликовал отдельным изданием перевод той части главы об инстинкте, которая не была включена Дарвином в текст «Происхождения видов». Уже после выхода в свет собрания сочинений под редакцией М. А. Мензбира, в 1932 г., в журнале «Под знаменем марксизма» был напечатан перевод первого наброска «Происхождения видов» 1842 г. Этим исчерпывается все, что было когда-либо переведено из сочинений Дарвина на русский язык.

Однако, все то, что вошло в состав издававшихся у нас собраний сочинений Дарвина и перечисленные выше четыре его работы, отдельно изданные, составляет лишь около половины его литературного наследия. Русскому читателю остались совершенно неизвестными капитальные работы Дарвина по геологии—«Коралловые рифы» и «Геологические наблюдения над вулканическими островами и берегами Южной Америки», по ботанике—«Перекрестное опыление и самоопыление в растительном царстве» и «Различные формы цветков у растений одного и того же вида», по зоологии—«Усоногие раки» (эта работа, правда, в виду ее узко специального характера не была переведена не только у нас, но и в Германии и во Франции); не переводились далее на русский язык написанная Ч. Дарвином биография его деда Эразма Дарвина, знаменитый второй набросок «Происхождения видов» 1844 г., опубликованные Френсисом Дарвином пять томов переписки Дарвина, выпущенный в 1933 г. «Путевой дневник» Дарвина, который он вел во время путешествия на «Бигле», и, наконец, мелкие работы и полемические статьи Дарвина по различным вопросам геологии, ботаники, зоологии и общей биологии, представляющие первостепенный интерес, так как одни из них, опубликованные до выхода в свет соответствующих по теме фундаментальных работ Дарвина, позволяют проследить в зародыше возникновение отдельных идей Дарвина, другие же, опубликованные позже, показывают дальнейшее развитие точек зрения Дарвина по отдельным вопросам.

В отличие от всех прежде издававшихся у нас собраний сочинений Дарвина в настоящем издании решено дать все перечисленные выше работы Дарвина за исключением «Усоногих раков» и «Геологических наблюдений», из которых будут даны лишь главы общего характера, представляющие более широкий интерес, и некоторых мелких статей, целиком или в основной своей части включенных Дарвином в последующие более крупные работы, и статей по очень узким, специальным вопросам. Переписка Дарвина будет представлена в настоящем издании даже несколько полнее, чем в пяти изданных Фр. Дарвином томах «Life and Letters» и «More Letters» Ч. Дарвина, так как будут даны и письма, опубликованные в книгах «Emma Darwin. A Century of Family Letters», K. Pearson «Life, Letters and Labours of Fr. Galton», L. Huxley «Life and Letters of T. H. Huxley», J. Marchant «A. R. Wallace. Letters and Reminescences» и др., а также письма, имеющиеся в архивах научных учреждений и отдельных ученых СССР.

Наряду с включением почти всего литературного наследия Дарвина настоящее издание ставит перед собой и другую капитальную задачу: дать впервые на русском языке точные переводы работ Дар-

вина, переводы, адэкватные английским подлинникам. Совершенно естественным требованием было при этом использование всей той огромной работы по переводу сочинений Дарвина, которая была проделана, начиная со второй половины прошлого столетия, рядом выдающихся русских биологов. Имена Вл. Ковалевского и Сеченова, Тимирязева и Мензбира останутся для нас навсегда памятными, как имена людей, чья полная энтузиазма деятельность привела к широкому распространению идей Дарвина в дореволюционной России и в СССР. Это были неутомимые пропагандисты, положившие много труда—особенно К. А. Тимирязев и М. А. Мензбир—и на дело перевода дарвиновских работ.

Однако, в те времена, когда основная масса работ Дарвина была переведена на русский язык (60-е—80-е годы прошлого века), к задаче перевода относились совсем иначе, чем в наше время. Воодушевленные идеями Дарвина, переводчики не заботились о «деталях», о правильном, точном переводе терминов, научной номенклатуры, отдельных выражений, а сплошь и рядом говорили «за Дарвина» и нередко, понимая его по-своему, невольно искажали Дарвина. Мировоззрение эпохи, желание увидеть у Дарвина те или иные ходячие идеи того времени, наконец, язык времени, наложили свой отпечаток на переводы. С тех пор, благодаря отчасти этим же первым пропагандистам и переводчикам Дарвина, мы лучше разобрались в представлениях и идеях Дарвина, и весь накопленный предыдущими поколениями опыт позволяет нам поставить перед собой задачу дать, наконец, на русском языке подлинного Дарвина.

В предисловиях к отдельным работам, для которых были использованы старые переводы, строка в строку сверенные с английским текстом и исправленные по нему, будут указаны характер исправлений и наиболее существенные и типичные примеры искажений. Здесь же достаточно указать, что редакция настоящего издания, выбрав лучший из существующих переводов, стремилась при исправлении его устранить лишь существенные недостатки научного характера, оставляя в основном нетронутым литературный стиль прежнего переводчика и даже допуская в известных пределах литературную «вольность» перевода, если эта «вольность» не приводит к искажению текста и идей Дарвина. Такое решение было принято редакцией в виду того, что стремление сделать перевод абсолютно близким к оригиналу вынудило бы редакцию совершенно отказаться от использования старых переводов, что отодвинуло бы осуществление издания на много лет.

С целью помочь читателю при изучении им работ Дарвина редакция настоящего издания решила снабдить все работы вспомогательным аппаратом в виде вводных статей и примечаний, а также особого (XII) тома, который будет представлять собой «справочник по Дарвину». Вводные статьи к отдельным работам должны вскрыть историческую обстановку, в которой создавалась данная работа, проследить развитие идей Дарвина по данному вопросу, определить роль, которую сыграла эта работа в развитии данной проблемы и т. д. Задача примечаний в основном сводится к следующему: дать историю текста, связать те или иные высказывания Дарвина с состоянием науки того времени, проанализировать источники Дарвина, пере-

вести дарвиновскую номенклатуру на язык современной систематики, указать на отдельные ошибочные или неподтвердившиеся с дальнейшим развитием науки утверждения Дарвина, проследить развитие точек зрения Дарвина в последующих его работах и в работах других исследователей, наконец, дать пояснения чисто фактического характера по различным вопросам, без которых понимание текста Дарвина может оказаться затруднительным для современного читателя, особенно имея в виду более широкие круги читателей-неспециалистов.

Существенную часть примечаний должны составить биографические и библиографические справки относительно ученых, путешественников и других лиц, упоминаемых в работах Дарвина. Так как, однако, громадное большинство этих имен встречается не в одной, а во многих работах Дарвина, редакция—во избежание повторений—решила объединить весь био-библиографический материал в XII томе, где будет дан биографический словарь всех лиц, имена которых встречаются в сочинениях Дарвина, и библиографические данные об их важнейших работах. В том же XII томе будет дан единый предметный указатель ко всему изданию, что позволит читателю легко найти все те места в различных работах Дарвина, где идет речь об одном и том же предмете. В XII томе будет дана также обширная библиография всех работ Дарвина, всех переводов его работ на русский язык и работ о Дарвине и дарвинизме на русском и иностранном языках. Там же будет помещен и обзор библиотеки самого Дарвина, каталог которой опубликован Фр. Дарвином.

Иллюстрирование издания решено провести по следующим принципам. Из портретов Дарвина будут даны только те, автентичность которых твердо установлена, причем по возможности к каждому тому будет приложен портрет, относящийся к периоду написания основных произведений, входящих в данный том. Тома, которые будут заключать переписку Дарвина и материалы к его биографии, будут снабжены портретами ближайших родственников, друзей и соратников Дарвина. Самые работы Дарвина будут иллюстрированы только теми рисунками, которые даны самим Дарвином в прижизненных изданиях его сочинений (исключение будет сделано только для «Путешествия на „Бигле“», о чем см. ниже, в вводной статье к первому тому). Необходимый дополнительный иллюстративный материал будет дан в вводных статьях и примечаниях.

В отношении распределения работ Дарвина по томам редакцией принят смешанный хронологически-тематический принцип, т. е. в общем порядок томов соответствует последовательности появления работ Дарвина в свет, но в известной мере эта последовательность нарушается помещением в одном томе работ на одну и ту же тему. Мелкие статьи приурочиваются к большим работам, с которыми они тематически связаны. Основные работы распределяются по томам следующим образом. В I том входит первая фундаментальная работа Дарвина «Путешествие натуралиста вокруг света» и опубликованный в 1933 г. «Путевой дневник». Зоологические и геологические работы Дарвина, в основном представляющие собой научные результаты экспедиции на «Бигле» и в качестве таковых опубликованные им в сороковых и пятидесятых годах, войдут во II том. Но в этот же

том будет включена и наиболее поздняя работа Дарвина о дождевых червях (1881 г.), так как тематически эта работа связана с зоологическими и геологическими исследованиями и так как, кроме того, Дарвин в этой работе возвращается к одной из наиболее ранних тем, интересовавших его (предварительное сообщение на эту тему было опубликовано Дарвином еще в 1837 г.). «Происхождение видов» и связанные с ним материалы, работа над которыми падает в основном на период с 1842 по 1872 г. (год выхода 6-го издания), войдут в III том. «Изменения животных и растений», вышедшие в 1868 г., составят IV том. В V том войдут «Происхождение человека и половой отбор» (1871 г.) и «Выражение эмоций у человека и животных» (1872 г.). VI, VII и VIII тома охватят все ботанические работы, также расположенные в общем в порядке их появления в свет, но с соблюдением тематического принципа. Переписка и материалы к биографии Дарвина составят IX, X и XI тома. XII том, как было указано, будет представлять собой «Справочник по Дарвину».

Во время печатания настоящего тома, 10 октября 1935 г. скончался *Михаил Александрович МЕНЗБИР*, выдающийся зоолог, блестящий педагог и убежденнейший дарвинист, столь много любви и труда вложивший, наряду с К. А. Тимирязевым, в дело распространения дарвинизма в России и СССР. Михаил Александрович Мензбир состоял членом редакции настоящего издания, но тяжелая болезнь, приковавшая его в течение последних двух лет к постели, не позволила ему принять непосредственное участие в работах редакции по подготовке томов к печати. В предисловии к выпущенному им в 1927 г. сборнику его статей о дарвинизме («За Дарвина») М. А. Мензбир писал: «Из 67 лет в истории дарвинизма 47 прошли на моих глазах, и теперь, без сомнения, подходя к концу своей научной деятельности и, вероятно, жизни, я остаюсь тем же убежденным дарвинистом, каким был в дни моей молодости». Эту стойкость, непоколебимость своих убеждений М. А. Мензбир, непосредственный свидетель роста и торжества дарвинизма, активный участник его победоносного шествия, неизменно проявлял во всех своих многочисленных устных и печатных выступлениях о Дарвине и дарвинизме. Перу М. А. Мензбира принадлежат многочисленные статьи и книги по эволюционной теории и перевод ряда работ Дарвина. Последнее издание сочинений Дарвина, выпущенное Государственным издательством в 1925—1928 гг., М. А. Мензбир один вынес на своих плечах.

ПУТЕШЕСТВИЕ НАТУРАЛИСТА ВОКРУГ СВЕТА

ЭКСПЕДИЦИЯ Ч. ДАРВИНА НА КОРАБЛЕ «БИГЛЬ»

Пройдя 15 сентября 1835 г. мимо острова Худ, самого юго-восточного из островов Галапагосского архипелага, «Бигль» на следующий день, 16-го, остановился у северо-западного конца острова Чатэм, куда была послана на один час для предварительной ориентировки группа членов экспедиции. Начиная с этого дня и до 20 октября «Бигль» производил работы по картографической съемке Галапагосского архипелага, а Дарвин посвятил это время подробному изучению природы этих островов. Эти тридцать четыре дня, проведенных Дарвином на Галапагосских островах, тридцать четыре дня, столетнюю годовщину которых Зоологическая секция Британской ассоциации наук отметила 6 сентября 1935 г. торжественным заседанием, навсегда войдут в историю естествознания как событие, положившее начало эволюционным воззрениям Дарвина, а тем самым и современному эволюционному учению.

Дарвин всегда сам подчеркивал, какую огромную роль в формировании его воззрений сыграло путешествие на «Бигле», и особенно — его наблюдения над животным миром Галапагосских островов. Указанием на это он открывает свое введение к «Происхождению видов», об этом же он подробно рассказывает в своей «Автобиографии». Сличение текстов первого и второго изданий «Путешествия» также обнаруживает, хотя, как будет показано ниже, и в сильно затушеванном виде, что перелом в воззрениях Дарвина произошел именно во время пребывания его на Галапагосских островах. Самому Дарвину, повидимому, казалось, что со всей ясностью значение наблюдений, сделанных им на Галапагосских островах, открылось ему уже по возвращении в Англию, в марте 1837 г. Фр. Дарвин во втором томе «Life and Letters» приводит следующую выписку из записной книжки Дарвина 1837 г.: «В июле начал первую записную книжку о „трансмутации видов“.—Приблизительно с предыдущего марта был крайне поражен характером южно-американских ископаемых—и видов Галапагосского архипелага.—Эти факты (особенно последний) положили начало всем моим воззрениям». В настоящий момент мы имеем, однако, в руках недавно опубликованный внучкой Дарвина Норой Барло документ *, с несомненностью доказывающий, что уже во время пребывания на Галапагосских островах Дарвин почувствовал себя вынужденным с достаточной резкостью поставить вопрос о

* Nora Barlow, Charles Darwin and the Galapagos Islands. Nature, vol. 136, № 3436, 7 Sept. 1935. Полный перевод этого документа см. прим. 228.

«трансмутации видов». Во время путешествия Дарвин, помимо путевого дневника, вел особые записные книжки, в которые заносил свои научные наблюдения и которые легли в основу опубликованных им впоследствии зоологических и геологических результатов экспедиции. Среди этих записей Н. Барло обнаружила в заметке Дарвина о галапагосских пересмешниках (Mimus), в измененном виде вошедшей в описание путешествия и в третий том «Зоологии путешествия на „Бигле"» (том, посвященный птицам), следующую фразу: «Если имеется хотя бы малейшее основание для этих замечаний, то зоология Архипелага вполне заслуживает исследования; ибо такого рода факты подорвали бы неизменность видов»*. Сопоставляя эту фразу с рядом других замечаний Дарвина в его «Путешествии», сделанных как до сентября 1835 г., так и после, мы можем в настоящее время уже с достаточной подробностью проследить, как во время путешествия постепенно складывались эволюционные воззрения Дарвина.

Но пятилетнее путешествие Дарвина на корабле «Бигль» не только в этом отношении представляет собой одно из важнейших событий в истории естествознания. Дарвин сам писал в своей «Автобиографии», что «путешествие на „Бигле" было, конечно, самым важным событием моей жизни, определившим всю мою последующую деятельность». И это верно не только в том смысле, что для Дарвина, уехавшего из Англии, когда ему не было еще 23 лет, путешествие явилось подлинной школой, которая помогла ему выработать в себе навыки исследователя и окончательно определила его научные интересы. Огромный фактический материал по геологии и зоологии, собранный Дарвином во время путешествия и в дальнейшем обработанный как им лично, так и рядом других исследователей, лег в основу длинного ряда капитальных произведений, до настоящего времени сохраняющих первостепенное значение в различных областях естествознания. Все эти работы были опубликованы до выхода в свет «Происхождения видов», и имя Дарвина, как крупнейшего натуралиста, создателя замечательной теории происхождения коралловых рифов, исследователя, произведшего глубочайшие и обширнейшие наблюдения над процессами поднятия и опускания земной коры, фауниста, собравшего богатейший и в большинстве оригинальный материал по животному миру Южной Америки, наконец, автора громадной систематической сводки по современным и ископаемым усоногим ракам,— имя Дарвина получило широкую известность и признание уже в сороковых и пятидесятых годах XIX века.

Таково великое значение этого путешествия,—путешествия, создавшего Дарвина как исследователя, давшего ценнейшие геологические и зоологические результаты и положившего начало современному эволюционному учению, учению Чарлза Дарвина.

ТЕКСТ «ПУТЕШЕСТВИЯ НАТУРАЛИСТА ВОКРУГ СВЕТА»

В первый раз «Путешествие» Дарвина было опубликовано им в 1839 г. в составе отчета капитанов П. Кинга и Р. Фиц Роя о путеше-

* Ввиду исключительной исторической важности этого места приводим его в подлиннике: «If there is the slightest foundation for these remarks, the Zoology of Archipelagoes will be well worth examining; for such facts would undermine the stability of species».

ствиях судов «Эдвенчер» и «Бигль» с 1826 по 1836 г. Это официальное издание, носящее заглавие «Narrative of the surveying voyages of His Majesty's ships Adventure and Beagle, between the years 1826 and 1836, describing their examination of the southern shores of South America, and the Beagle's circumnavigation of the Globe», состоит из четырех томов. Первый том заключает описание экспедиции судов «Эдвенчер» и «Бигль» в Южную Америку под командой капитана Кинга с 1826 по 1830 г. и написан Фиц Роем по поручению Кинга; второй том, написанный Фиц Роем, дает описание экспедиции «Бигля» (1831—1836), третий том, носящий подзаголовок «Journal and Remarks. 1832—1836» («Дневник и заметки»), и представляет собой первое издание «Путешествия» Дарвина; четвертый том, носящий название «Приложение ко II тому», содержит метеорологический дневник, судовой журнал «Бигля» и различные документы, связанные с экспедицией «Бигля» под командой Фиц Роя. Все издание вышло в 1839 г., хотя Дарвин свою часть закончил еще в 1837 г.,—печатание задержалось из-за болезненного состояния Фиц Роя. Повидимому, дарвиновский «Дневник» сразу привлек к себе внимание читателей, потому что уже в том же 1839 г. издатель «Отчета» Кольберн выпустил III том особым тиражом, причем снял приведенный выше общий титул издания, который был заменен воспроизводимым здесь специальным титулом (см. стр. XVII). Любопытно, что в этом титуле слова «по геологии» предшествуют словам «и естественной истории» в противоположность дальнейшим изданиям, где они поменялись местами; в то время Дарвин считал, что наиболее существенной частью его наблюдений были наблюдения геологические. Интерес к «Дневнику» Дарвина—в противоположность работам Кинга и Фиц Роя—был настолько велик, что в 1840 г. Кольберн выпустил третий тираж первого издания.

Как уже было указано, Дарвин во время путешествия вел записи двух родов: во-первых, путевой дневник, в который он день за днем записывал текущие события, впечатления, встречи и мысли, возникавшие у него по поводу наблюдавшихся им явлений и, во-вторых, записные книжки, в которых он подробно описывал свои научные наблюдения. Как сообщает Нора Барло, в архиве Дарвина имеется свыше двух тысяч страниц этих черновых записей. Свой «Путевой дневник» Дарвин по частям отсылал домой, где он являлся предметом общего обсуждения и восхищения всех членов семьи Дарвинов. Некоторые из своих записей по геологии Дарвин послал с пути своему учителю и другу профессору Генсло, который нашел их столь интересными, что зачитал их 16 ноября 1835 г. на заседании Кембриджского философского общества, а затем размножил для раздачи членам общества. Дарвин об этом ничего не знал до своего возвращения в Англию и не мог понять поэтому, на основании чего известный геолог Седжвик сказал отцу Дарвина, что Чарлз займет «видное положение в ряду современных ученых» («Автобиография»). Эта брошюра, содержавшая 32 страницы в 8° долю листа, сопровождалась следующим обращением Генсло к читателям:

ДЛЯ ЧАСТНОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ

Нижеследующие страницы содержат извлечения из писем, адресованных профессору Генсло эсквайром Ч. Дарвином. Они напечатаны для рас-

пространения среди членов Кембриджского Философского общества в виду интереса, который был вызван некоторыми из содержащихся в них геологических сообщений, зачитанных на заседании Общества 16 ноября 1835 г.

Мнения, выраженные здесь, следует рассматривать только лишь как первые мысли, которые приходят в голову путешественнику относительно того, что он видит, еще до того, как он успел проверить свои записи и изучить свои коллекции с тем вниманием, которое необходимо для научной точности.

Кембридж, 1 декабря 1835 года.*

К концу путешествия Дарвин познакомил со своим «Дневником» Фиц Роя, и последний был настолько заинтересован записками Дарвина, что высказал мысль о необходимости издать их. Позже Дарвин писал своим сестрам, что Фиц Рой предложил ему соединить их дневники, издав их единой книгой, на что он согласился. Повидимому, еще в декабре 1836 г. эта мысль не была оставлена ими, так как Эмма Веджвуд, будущая жена Дарвина, в письме от 17 декабря 1836 г. к своей сводной сестре сообщала ей, что Катерина (сестра Дарвина) относится неодобрительно к идее смешанного текста и считает, что «Дневник» Чарлза заслуживает того, чтобы быть изданным совершенно самостоятельно в виде приложения к отчету Фиц Роя**. Но уже в марте 1837 г. Дарвин пишет своему другу Фоксу: «Наш план таков: капитан Фиц Рой пишет два тома на основании материалов, собранных во время предыдущего путешествия на Огненную Землю под командой капитана Кинга и во время нашего кругосветного путешествия. Я должен заняться третьим томом, в котором я намерен дать нечто вроде дневника натуралиста» (см. том IX настоящего издания).

Мы видим, таким образом, что уже задолго до появления в свет «Путешествия» Дарвина к нему был проявлен большой интерес, и нужно полагать, что именно под влиянием своих ученых друзей—Генсло, Седжвика, Ляйелля (с последним Дарвин очень часто встречался после своего возвращения из путешествия)—Дарвин в вопросе об издании своего «Дневника» пришел к решению, коренным образом отличающемуся от того, которое первоначально предлагал ему Фиц Рой. Сравнение опубликованного в 1933 г. Норой Барло по записным книжкам Дарвина, которые он вел в дороге, его «Путевого дневника» («Diary») с первым изданием «Путешествия» показывает, что, во-первых, Дарвин не включил в опубликованный текст около трети своих путевых заметок (преимущественно тех, которые относятся к первым двум годам путешествия), во-вторых, сделал очень много добавлений, заимствованных им из его научных записей и использованных им в дальнейшем также для «Зоологии путешествия на „Бигле“» и геологических работ, и, в-третьих, наконец, сильно переработал весь текст не только в литературном отношении, но и в том смысле, что отказался от строгой хронологической последовательности изложения. Так как «Бигль» оставался у берегов Южной Америки четыре года, то он для производства съемочных работ по нескольку раз возвращался в одно и то же место, иногда через большие промежутки времени. Справедливо считая, что хронологическая последователь-

* См. Ch. Darwin's Diary of the voyage of H. M. S. «Beagle», edited from the MS by Nora Barlow. Cambridge. 1933. Стр. XXV.

** Emma Darwin. A Century of Family Letters (1792—1896). Edited by her daughter H. Litchfield. London, 1915. Том I, стр. 274.

JOURNAL OF RESEARCHES

INTO THE

GEOLOGY

AND

NATURAL HISTORY

OF THE

VARIOUS COUNTRIES

VISITED BY H. M. S. BEAGLE,

UNDER THE COMMAND OF CAPTAIN FITZROY, R.N.

FROM 1832 TO 1836.

BY

CHARLES DARWIN, Esq., M.A. F.R.S.

SECRETARY TO THE GEOLOGICAL SOCIETY.

LONDON:

HENRY COLBURN, GREAT MARLBOROUGH STREET.

1839.

Титульный лист 1-го издания «Дневника изысканий».

ность изложения не представляет интереса для широких кругов читателей и только разобьет материал, относящийся к описанию природы одного и того же места, Дарвин от нее отказался.

Так возник текст «Дневника изысканий» Дарвина, широко известного под названием «Путешествие вокруг света на корабле „Бигль“». Однако, этот текст первого издания не явился окончательным, и когда Мэррей предложил Дарвину в 1845 г. выпустить «Дневник изысканий» новым изданием, он приступил к переработке текста с целью, как он сам говорит в предисловии к этому второму изданию, «приспособить эту книгу в большей мере для популярного чтения». Работа была начата Дарвином 25 апреля и закончена 25 августа, и в том же 1845 г. книга вышла в свет. Дарвин очень хотел снабдить издание картами. Он писал Мэррею: «Как по моему мнению, так и по мнению многих людей наличие карты в любом сочинении о путешествиях представляет большое удобство»*. Но хотя он несколько раз возвращался к этому вопросу, Мэррей упорно отказывался дать карту как в этом, так и в последующих прижизненных изданиях «Дневника изысканий».

Текст 1845 г. несколько короче первого издания. Существенным отличием его является сильно расширенное изложение теории происхождения коралловых рифов, что и понятно, так как работа Дарвина о коралловых рифах к тому времени уже вышла (1842 г.), и из нее Дарвин взял для «Дневника» известные рисунки, иллюстрирующие образование атолла. Но в отношении проблемы происхождения видов Дарвин не только не внес никаких изменений (слова «creation» и «creative force» продолжают фигурировать и в этом издании), но сильно сократил и перенес в примечание свое рассуждение о муравьином льве (см. примеч. 368), заключавшее сомнение относительно характера работы «творца». Он ограничивается лишь тем, что несколько расширяет описания картин борьбы за существование, явлений приспособления животных и растений к условиям среды, явлений вымирания, изменчивости, наследования при скрещивании и т. п. Не делая из этих отдельных фактов никаких выводов общего характера, лишь изредка ставя недоуменный вопрос, обнаруживающий, что старое, обычное объяснение его не удовлетворяет, Дарвин всячески остерегается даже намеком обнаружить существование у него своей, новой концепции. В 1844 г. Дарвин закончил свой второй, значительно расширенный по сравнению с очерком 1842 г., предварительный эскиз «Происхождения видов». В основном к этому времени эволюционная теория Дарвина была готова, и тем не менее, до крайности осторожный, все еще полагая, что не созрело время для выступления (он продолжал так думать и до 1858 г.), Дарвин не хотел в других своих работах даже мимоходом касаться в прямой форме этого вопроса и неосторожными выражениями вызвать сомнение в правильности всей теории в целом. Тем не менее в письме к Ляйеллю относительно этого второго издания Дарвин писал: «Кажется, это издание вышло лучше, особенно вторая половина, которую я только что окончил. Многое прибавлено мною об огнеземельцах, а немилосердно длинные рассуждения о климате, ледниках и пр.

* Ch. Darwin's Diary etc., стр. XXIX.

JOURNAL OF RESEARCHES

INTO THE

NATURAL HISTORY AND GEOLOGY

OF THE

COUNTRIES VISITED DURING THE VOYAGE OF
H.M.S. BEAGLE ROUND THE WORLD,

UNDER THE

Command of Capt. Fitz Roy, R.N.

By CHARLES DARWIN, M.A., F.R.S.

SECOND EDITION, CORRECTED, WITH ADDITIONS.

LONDON:
JOHN MURRAY, ALBEMARLE STREET.

1845.

Титульный лист 2-го издания «Дневника изысканий».

сокращены наполовину. Не помню, есть ли какие добавления в первой половине, достаточно длинные, чтобы обратить на них Ваше внимание; есть страница, в которой описана любопытная порода быков в Банда Ориенталь. Хотел бы я, чтобы Вы прочли немногие последние страницы [первой половины]; там есть небольшое рассуждение о вымирании, которое, может быть, не поразит Вас новизной, как поразило меня, заставив меня отнести все трудности, сопряженные с причинами вымирания, к разряду тех трудностей, которые обыкновенно не обращают на себя внимание натуралистов или получают от них низкую оценку»*.

В 1860 г. Мэррей выпустил «десятую тысячу» второго издания. Это издание ничем, даже по нумерации страниц, не отличается от издания 1845 г. Лишь в особом предисловии, которое Дарвин называет «постскриптумом», он указывает несколько мелких изменений, которые следует сделать в разных местах книги. На корешке переплета этого издания впервые появляется сокращенное название книги «Путешествие натуралиста вокруг света», которое впоследствии—в виде добавочного титула—переносится внутрь книги**.

В 1933 г., как уже было указано, Нора Барло опубликовала «Путевой дневник» Дарвина. Этот «Дневник», лежащий в основе известного всем текста «Дневника изысканий», представляет исключительный интерес, так как позволяет не только проследить рост Дарвина в течение пяти лет его путешествия и увидеть во всей непосредственности фигуру Дарвина—человека и исследователя, но и выявить путем сравнения с двумя опубликованными текстами «Дневника изысканий» формирование воззрений Дарвина.

СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ И ПРИГЛАШЕНИЕ НА «БИГЛЬ»

Авторы популярных биографий Дарвина нередко изображают Дарвина-студента, как легкомысленного молодого человека, увлекавшегося охотой, спортом, лошадьми и кутежами и отправившегося в путешествие, не имея сколько-нибудь солидного естественнонаучного образования. «Автобиография» Дарвина, его письма из Эдинбурга и Кембриджа, где он учился, и некоторые другие документы, относящиеся к его студенческим годам, делают решительно несостоятельной эту точку зрения. Дарвин действительно, как он сам об этом рассказывает, учился весьма посредственно и не проявлял никакого интереса к преподаваемым предметам как в классической школе, так и позже, в студенческие годы, в Эдинбурге, где он готовился стать врачом, и затем в Кембридже, куда он перешел в 1828 г., решив под влиянием отца стать священником ввиду обнаруженной им неспособности сделаться врачом. Этот явный неуспех в ходе систематического образования Дарвина приходится прежде всего отнести за счет того

* Полный текст этого письма, в котором Дарвин излагает Ляйеллю мотивы, заставившие его посвятить этому знаменитому геологу второе издание «Дневника изысканий», см. в IX томе настоящего издания.

** Я не мог найти следующего издания Мэррея, выпущенного в 1870 г. Барло, описывая это издание, сообщает, что оно отличается от предыдущего лишь незначительными изменениями в страницах, предшествующих титулу, на которых дан список работ Дарвина.

непонимания, которое упорно проявлял отец Дарвина в отношении четко сложившихся уже в детские годы интересов Чарлза. Его любовь к природе и одиноким длительным прогулкам в окрестностях Шрюсбери, его «вкус к естественной истории и в особенности к собиранию коллекций», который «ясно выразился» «уже ко времени посещения школы» («Автобиография»), его восторг перед логической последовательностью эвклидовой геометрии, критическое отношение к описаниям природы дальних стран в распространенной в то время в Англии книге для юношества «Wonders of the World» («Чудеса природы») и рожденное этой книгой желание самому побывать в тропических странах и лично проверить правильность прочитанного, собирание насекомых, интерес к орнитологии, увлечение охотой и ужением рыбы, самостоятельные занятия химией вместе с братом Эразмом и вообще «те единственные задатки, которые обещали что-нибудь в будущем» («Автобиография»)—все это совершенно игнорировалось, не принималось в серьез его отцом и учителями. Совершенно понятно поэтому то внутреннее сопротивление, которое оказывал Чарлз по отношению к преподававшейся в школе схоластической «науке». Его заставляли проделать обычный в то время в Англии путь образования, между тем как, по его собственным словам, «ничто не могло быть вреднее для развития моего ума, как эта школа доктора Бэтлера» («Автобиография»).

Та же история повторилась и в Эдинбурге и в Кембридже, но юноша, отдавая формально дань университету в виде подготовки раз в год в течение одного или двух месяцев к экзаменам, упорно продолжал увлекаться вопросами естествознания, совершенно правильно определил круг своих знакомых и друзей и сумел если и не получить систематического естественнонаучного образования, то во всяком случае приобрести столь обширные познания и опыт в различных областях естествознания, что Генсло, рекомендуя его в 1831 г. в качестве натуралиста на «Бигль», руководствовался далеко не одной лишь своей интуицией.

В Эдинбургском университете Дарвин учился два года, с октября 1825 г. и до апреля 1827 г., и именно в Эдинбурге, наряду с возникшим у него резко отрицательным отношением к бездарным преподавателям медицины и к занятию практической медициной, он впервые в серьезной форме мог проявить свой интерес к естествознанию. Он сблизился здесь с несколькими людьми, занимавшимися одни— геологией, другие зоологией. Среди последних были Роберт Грант, который в дальнейшем состоял профессором зоологии университетского колледжа в Лондоне, и Уильям Макджилливрей—хранитель Музея естественной истории в Эдинбургском университете. Вместе с Грантом и другим зоологом, Кольдстримом, которые занимались изучением морских животных, Дарвин постоянно совершал экскурсии к берегам морского залива Форс, близ которого расположен Эдинбург. Известен рассказ Дарвина о том, как изложенное ему однажды во время прогулки Робертом Грантом учение Ламарка не произвело на него никакого впечатления. Но зато он с тем большим интересом воспринимал от Гранта непосредственное знакомство с морскими беспозвоночными, сам занялся их изучением и вступил в члены студенческого естественнонаучного кружка при Эдинбург-

ском университете, носившего торжественное название Плиниевского общества. Как сообщает проф. Эшуорс*, те два доклада Дарвина о Flustra и Pontobdella, которые, как известно из его «Автобиографии», он сделал в этом обществе на основании собственных наблюдений, были представлены им в марте 1827 г.; они занимают в записной книжке Дарвина, которую он начал в Эдинбурге в марте 1827 г., четыре с половиной страницы. Наряду с ними эта записная книжка содержит наблюдения Дарвина и над другими морскими животными**. Замечательнее всего, что эти две маленькие работы восемнадцатилетнего Дарвина обнаруживают не только его наблюдательность, но и большую самостоятельность в научной работе, так как каждая из них содержит небольшое открытие: снабженные ресничками образования, которые считали «яйцами» мшанки Flustra, оказались ее личинками, а шаровидные тела, которые принимали за ранние стадии водоросли *Fucus loreus*, были на самом деле оболочками яиц пиявки *Pontobdella muricata*. Макджилливрей занимался орнитологией, и дружба Дарвина с ним несомненно способствовала более глубокому знакомству Дарвина с птицами Шотландии. На заседании Вернеровского общества в Эдинбурге Дарвин однажды слышал доклад Дж. Одюбона, известного американского орнитолога. В Эдинбурге же Дарвин познакомился с негром, весьма искусно изготовлявшим чучела птиц, и брал у него платные уроки. Страстный охотник, он «делал точную запись о каждой птице, застреленной в течение сезона» («Автобиография»). Хуже обстояло в Эдинбурге у Дарвина с геологией, хотя и в этой области он уже был, очевидно, настолько образован, что разбирался в спорах между нептунистами и плутонистами и мог критически отнестись к профессору-нептунисту, который на экскурсии, не замечая очевидных повсюду в этой местности следов вулканической деятельности, утверждал, что трапповая дейка представляла собой просто трещину, заполненную проникшими сверху осадками. Таким образом, в Эдинбурге были заложены основы естественнонаучных знаний Дарвина. В Кембридже он получил возможность значительно расширить и углубить их, чему способствовало и близкое знакомство его с несколькими крупнейшими натуралистами, работавшими там.

В Кембридже Дарвин провел три года, от января 1828 г. до мая 1831 г. Впоследствии Дарвин писал: «Три года, проведенные в Кембридже, были так же потеряны мною в смысле академических занятий, как и годы, проведенные в Эдинбурге и в школе» («Автобиография»). Но эти слова Дарвина, которые он упорно и часто любил повторять, относятся, конечно, только к «академическим занятиям». В Кембридже он сразу же сблизился с группой молодых людей (У. Фокс, А. Уэй, Г. Томсон и др.), увлекавшихся энтомологией. Письма Дарвина к У. Фоксу и Дж. Герберту свидетельствуют, с какой страстью он

* Nature, vol. 136, № 3440, от 5 октября 1935 г., стр. 534.

** Мне неизвестно, опубликован ли уже подробный отчет того заседания Британской ассоциации от 6 сентября 1935 г. в Норвиче, на котором проф. Эшуорс сделал подробное сообщение об эдинбургской записной книжке Дарвина и журнале заседаний Плиниевского общества. Эшуорс заявляет, что эти документы содержат достаточно материала, позволяющего судить, какие вопросы являлись предметом обсуждения среди студентов—членов этого общества. Плиниевское общество было организовано в 1823 г. и просуществовало до 1848 г.

отдался своему давнишнему школьному увлечению собиранием насекомых. Фауна кембриджских жуков была изучена им подробнейшим образом, он обнаружил исключительный талант в установлении новых видов и благодаря этому вскоре увидел даже свою фамилию впервые напечатанной в книге Стивенса «Illustrations of British Insects» («Изображения британских насекомых»), где под изображением одного из жуков красовалась подпись: «Пойман Ч. Дарвином, эсквайром». Несколько дней, проведенных им в феврале 1829 г. в Лондоне, он посвятил, главным образом, установлению связей с энтомологами: он завязывает там дружбу с основателем кафедры зоологии в Оксфорде Хопом*, обладателем обширной коллекции насекомых, с которым он уже в июле того же года совершает энтомологическую экскурсию по северному Уэльсу, и отправляется с визитом к одному из крупнейших английских энтомологов Стефенсу, автору ряда трудов о британских насекомых. В эти же дни в Лондоне он «посетил Королевский институт, Линнеевское общество и Зоологический сад, и много других мест, усердно посещаемых натуралистами» (письмо к Фоксу от 26 февраля 1829 г.).

Однако, наиболее решающим для всей дальнейшей судьбы Дарвина было его знакомство с кембриджским ботаником профессором Генсло, с которым он вскоре тесно подружил. На собраниях у Генсло,— собраниях, которые в 1837 г. положили начало знаменитому английскому естественнонаучному обществу—Реевскому клубу в Кембридже,—Дарвин получил возможность участвовать в обсуждении важнейших проблем естествознания. Там он познакомился с известным натуралистом, автором «Истории индуктивных наук» У. Уэвеллем, сблизился с Л. Дженинсом, энтомологом и ихтиологом, который впоследствии обработал рыб для III тома «Зоологии путешествия на „Бигле“», там же, наконец, он испытывал на себе благотворное влияние самого Генсло, чрезвычайно одаренного и широко образованного человека. Он посещал университетские лекции Генсло по ботанике, принимал постоянное участие в научных экскурсиях под руководством Генсло и по всем волновавшим его научным вопросам постоянно советовался с Генсло. Когда весной 1831 г. Дарвин сдал свой последний экзамен и получил степень бакалавра наук, Генсло познакомил его с знаменитым геологом Седжвиком и просил последнего взять Дарвина с собой в геологическую экскурсию по северному Уэльсу, так как считал, что Дарвину необходимо углубить свое геологическое образование путем полевой геологической работы. Эта экскурсия состоялась в августе 1831 г., и после нее-то, вернувшись домой, Дарвин нашел письмо Генсло с предложением ему места на «Бигле».

Свое непосредственное, практическое ознакомление с естественными науками Дарвин в течение всех шести лет своего пребывания в университете усиленно пополнял чтением. Даже летом,—время, которое он «исключительно посвящал удовольствиям», т. е. охоте

* Это тот самый Ф. У. Хоп, который впоследствии определил многих насекомых, привезенных Дарвином из экспедиции, и которого Дарвин называет в «Дневнике изысканий» (стр. 410) своим «учителем в энтомологии». (Здесь, как и всюду в дальнейшем, ссылки на страницы «Дневника изысканий» и «Путевого дневника» относятся к настоящему изданию).

и экскурсиям, он «постоянно имел при себе какую-нибудь книгу, которую читал с большим удовольствием» («Автобиография»). В эдинбургской St. James's Gazette от 16 февраля 1888 г. сообщается (см. примечания Фр. Дарвина к «Автобиографии»), что Чарлз и Эразм Дарвины были неизменными абонентами университетской библиотеки, появляясь там гораздо чаще, чем это было в обычае эдинбургских студентов того времени. Под конец своего пребывания в Кембридже Дарвин прочитал две книги, произведшие на него особенно глубокое впечатление. Это были «Introduction to the Study of Natural Philosophy» («Введение в изучение философии естествознания») Дж. Гершеля и «Personal Narrative» А. фон Гумбольдта*. Чтение этих книг, как пишет Дарвин, пробудило в нем «горячее желание своими скромными силами хотя сколько-нибудь содействовать возведению величественного здания естествознания». Влияние Гумбольдта было настолько велико, что Дарвин решил по окончании университета во что бы то ни стало поехать на Тенериф, который так красочно описывает Гумбольдт. Ссылками на сочинения Гумбольдта переполнен «Дневник изысканий», и, несомненно польщенный этим, Гумбольдт впоследствии (в 1844 г.) писал некоей Аустин: «Увы! у вас есть в Англии некто, которого вы не читаете,—молодой Дарвин, ездивший с экспедицией в Магелланов пролив. Ему гораздо лучше удалось разработать предмет, за который брался и я. В его „Дневнике" встречаются превосходные описания тропической природы, но вы их не читаете, потому что автор—зоолог, что в ваших глазах равнозначно надоедливому человеку. У м-ра Дарвина есть еще достоинство, весьма редкое в вашей стране,—он хвалит меня» (приведено Фр. Дарвином в «Life and Letters», период 1842—1854 гг.).

Все эти данные с несомненностью показывают, что к середине 1831 г. Дарвин, не получивший систематического естественнонаучного образования, обладал тем не менее обширным запасом знаний в различных областях естествознания и, что важнее всего, умением самостоятельно работать, наблюдать, улавливать своеобразие тех или иных явлений, пользоваться техническими приемами, применяемыми при зоологических, ботанических и геологических исследованиях в поле. Если прибавить к этому, что он был прекрасным спортсменом, наездником и охотником, имел большой опыт длительных экскурсий, а за годы жизни в Кембридже развил в себе вкус к музыке и живописи, читал много книг по истории и изящной литературе, наконец, был жизнерадостным юношей и легко устанавливал дружеские отношения с людьми,—то в лице двадцатидвухлетнего Дарвина, несомненно, можно видеть человека, всесторонне подготовленного к длительному научному путешествию. Очевидно, Дарвин в достаточной степени резко выделялся среди своих сверстников по своему уму и способностям,—этим, несомненно, приходится объя-

* Результаты путешествия Гумбольдта по Средней и Южной Америке, которое он совершил совместно с французским ботаником Бонпланом с 1799 по 1804 годы, были опубликованы им при участии ряда французских ученых в 30 томах («Voyage aux régions équinoxiales du Nouveau Continent, fait en 1799—1804», Paris, 1805—1837). Входящее в состав этого издания описание путешествия, написанное лично Гумбольдтом, носит название «Relation historique du voyage» (Paris, 1811—1829). Дарвин пользовался английским трехтомным переводом части этой работы: «Personal Narrative of Travels»... (London, 1818—1819).

снять тот факт, что люди, значительно старше его и занимавшие видное академическое положение, часто встречались и дружили с ним.

Обстоятельства, сопровождавшие приглашение Дарвина в качестве натуралиста на «Бигль», в достаточной мере подробно и точно рассказаны самим Дарвином в его «Автобиографии» и в вводной страничке к «Путевому дневнику» (см. этот том, стр. 425). Предложение Дарвину было сделано Генсло в связи с тем, что кембриджский астроном профессор Дж. Пикокк, к которому обратились с просьбой рекомендовать натуралиста на «Бигль», не мог найти подходящего человека и просил Генсло помочь ему. В письме к Дарвину от 24 августа 1831 г. Генсло писал: «Я заявил, что считаю Вас из всех, кого я знаю, наиболее подходящим для этой цели. Я утверждаю это не потому, что вижу в Вас *законченного* натуралиста, а по той причине, что Вы весьма специализировались в коллекционировании, наблюдении и способности отмечать все то, что заслуживает быть отмеченным в естественной истории... Не впадайте из-за скромности в сомнения или опасения относительно своей неспособности, ибо—уверяю Вас—я убежден, что Вы и есть тот человек, которого они ищут». И вот, несмотря на эту оценку Дарвина, данную Генсло, несмотря на слова Пикокка о том, что «это счастливый случай, которого нельзя упускать», отец Дарвина едва не расстроил весь план, как «бесполезное», «дикое» предприятие, которое повредит духовной карьере Дарвина. Положение было спасено дядей Дарвина Джосией Веджвудом, который считал, что Дарвин, «находясь в экспедиции, будет продолжать тот же путь изучения науки, на котором он стоит и сейчас».

Возможными кандидатами являлись одно время сам Генсло, затем упомянутый выше Л. Дженинс, наконец, Честер, личный друг капитана Р. Фиц Роя. Служебные и семейные дела не позволили им уехать на большой срок, и Фиц Рой, которому рекомендовал Дарвина—помимо Генсло и Пикокка—родственник Фиц Роя Вуд, согласился предоставить место на корабле Дарвину. Наконец, 9 сентября Дарвин мог написать домой со слов капитана Фр. Бофорта, который состоял в то время гидрографом Адмиралтейства и ведал снаряжением экспедиции на «Бигле», что «он внесен в списки на снабжение провиантом». Жалование Дарвину Адмиралтейство отказалось выдавать, а за свое содержание он должен был платить, а также нести сам все расходы по экипировке, приобретению научного оборудования, охотничьего оружия, по сухопутным экскурсиям и т. д. Иначе говоря, правительство, снаряжая эту экспедицию, которая, как писал Пикокк Дарвину, «преследует исключительно научные цели», не хотело брать на себя никакой заботы о натуралисте, считая, очевидно, далеко не обязательным его присутствие в составе экспедиции. Самая инициатива приглашения натуралиста принадлежала Фиц Рою, и Адмиралтейство ограничилось лишь тем, что не препятствовало ему в этом.

Срок экспедиции первоначально намечался в два, затем в три года, причем очень долго оставался нерешенным вопрос о том, будет ли путешествие кругосветным или ограничится обследованием южных частей побережья Южной Америки, что очень смущало Дарвина, который ставил свое окончательное решение об участии в экспедиции

в связь с положительным решением о кругосветном путешествии. Самый отъезд из Англии все откладывался. Сначала предполагали выехать в сентябре, затем 4 ноября, но только 27 декабря 1831 г. «Бигль» оставил берега Англии. До 24 октября Дарвин оставался в Лондоне, закупая все необходимое для экспедиции и собирая сведения об Южной Америке у лиц, бывавших там. Остальное время Дарвин провел в Девонпорте и Плимуте, двух портовых городах, расположенных очень близко один от другого на берегу узкой, глубоко вдающейся в сушу Плимутской бухты, где стоял в ожидании отъезда «Бигль». Два месяца, проведенные Дарвином в Девонпорте и Плимуте, были не очень насыщены содержанием; Дарвин старается освоиться с условиями жизни на корабле и все время мечтает о будущей работе. Запись от 13 декабря содержит намеченную им программу работ: «Главными предметами являются, во-первых, собирание коллекций, наблюдение и чтение во всех областях естественной истории, с какими мне удастся справиться. Метеорологические наблюдения, занятия французским и испанским языками, математикой и немного классическими сочинениями, не больше чтения Завета погречески в воскресные дни. Помимо всего этого я рассчитываю вообще почитать ту или иную английскую книгу для развлечения. Если у меня не будет достаточно энергии, чтобы заставить себя упорно работать во время путешествия, то я упущу большой и редкий случай для самоусовершенствования». Энергии оказалось достаточно, и только в двух отношениях программа эта не была, повидимому, осуществлена: мы не находим в «Путевом дневнике» указаний на то, что он занимался математикой, как советовал ему перед отъездом Генсло, и читал по воскресеньям греческую библию. Испанским языком Дарвин начал заниматься уже раньше, когда решил ехать на Тенериф. Перед самым отъездом Дарвин решил заняться астрономией, чтобы научиться самостоятельно определять долготу и широту места. Надо отметить и то, что уезжая, Дарвин получил от ряда геологов поручение выяснить для них некоторые геологические вопросы, а Зоологическое общество (повидимому, лондонское) предложило ему звание члена-корреспондента Общества.

БИГЛЬ

Задачи, поставленные Адмиралтейством перед экспедицией на «Бигле», очень точно формулированы Дарвином во вступительных строках «Дневника изысканий». Напечатанные в «Отчете» капитанов Кинга и Фиц Роя «Инструкции» Адмиралтейства первой и второй экспедициям и подробный «Меморандум» гидрографа Адмиралтейства капитана Бофорта*, адресованный Фиц Рою, намечают с большой полнотой будущую работу каждой из двух экспедиций. Первой и основной задачей как первой, так и второй экспедиции являлась детальная съемка восточных и западных берегов Южной Америки (приблизительно от 10° ю. ш. до мыса Горна) и прилегающих островов. На основании этой съемки экспедиции должны были составить деталь-

* См. «Narrative of the surveying Voyages» и т. д., том I, стр. XV—XIX; том II, стр. 22—23 и 24—40 («Меморандум» Бофорта).

ные морские карты, которые облегчили бы плавание военных и торговых судов в этих водах. Некоторые из этих карт приложены к «Отчету». Но они составляют лишь незначительную часть той огромной

Капитан Роберт Фиц Рой
(1805—1865).

картографической работы, которая была проделана обеими экспедициями и в особенности экспедицией 1831—1836 гг. Как сообщает вице-адмирал и гидрограф Адмиралтейства Г. П. Дуглас*, Фиц Роем в общем было доставлено в Адмиралтейство свыше 80 карт различных частей побережья и островов, 80 планов бухт и гаваней

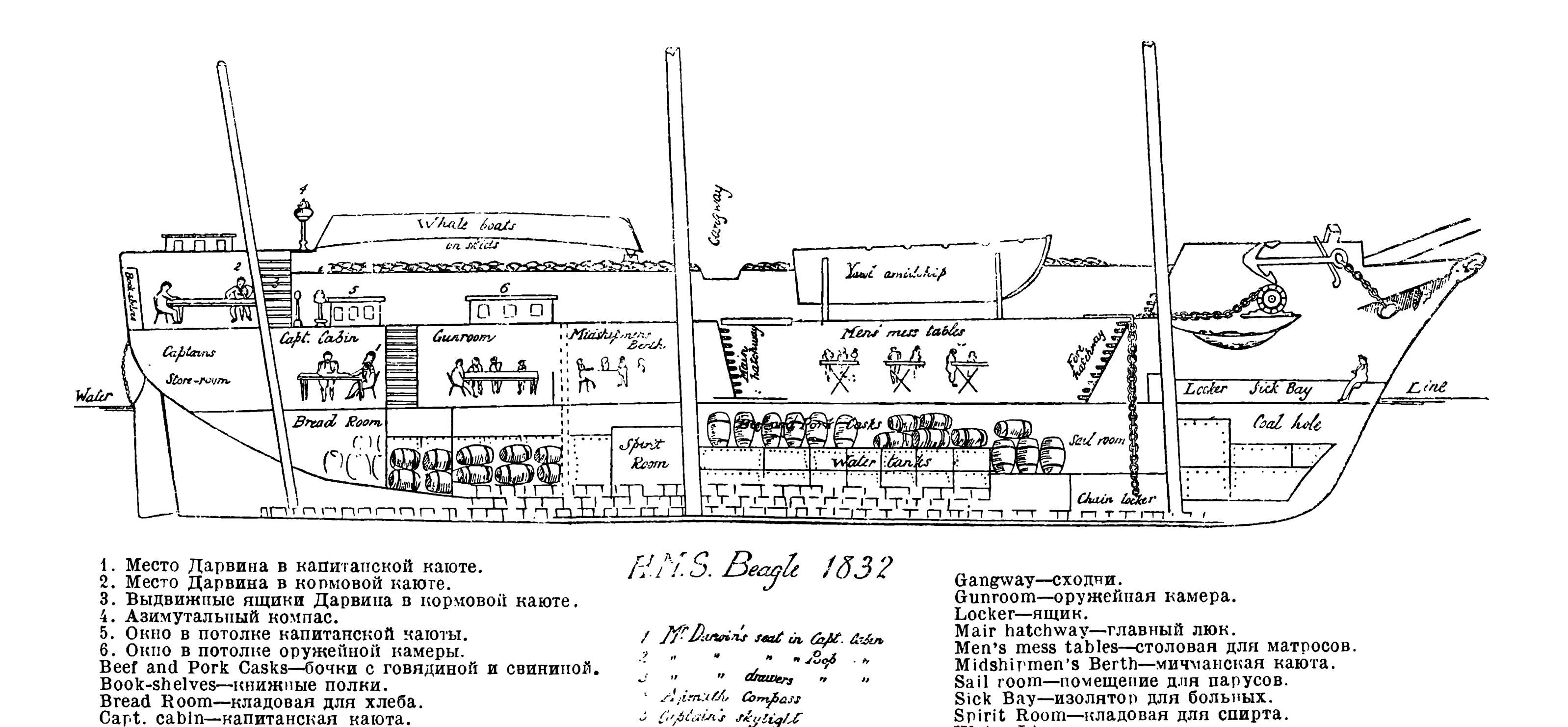
* Nature, vol. 129, № 3249 от 6 февраля 1932 г., стр. 200. Дуглас приводит подробный перечень всех карт и планов, изготовленных офицерами «Бигля»

с указанием всех якорных стоянок и 40 рисунков *. Вторая задача, специально поставленная перед второй экспедицией «Бигля», заключалась в производстве цепи хронометрических измерений вокруг земли, и с этой именно целью «Бигль» и должен был совершить кругосветное путешествие. «Ни одно судно не отходило от берегов Англии с таким набором хронометров, а именно 24-мя, причем все они очень хороши», пишет Дарвин к Генсло из Девонпорта 15 ноября 1831 г. Результаты и в этом отношении оказались блестящими: промеры цепи расстояний между меридианами дали в итоге ошибку против 24 часов (суток) только в $+33''$ на протяжении пяти лет работы. Принимая во внимание исключительную плодотворность картографических работ «Бигля», а также и то, что нанесение на карту течения реки Санта Крус в Южной Патагонии было впервые произведено этой экспедицией, нужно признать, что и независимо от пребывания на борту «Бигля» Дарвина и великих результатов, обусловленных этим фактом, экспедиция «Бигля» и сама по себе является одной из значительнейших среди экспедиций этого рода, снаряжавшихся английским правительством в первой трети прошлого века. Это, несомненно, обусловливается и личными особенностями начальника экспедиции капитана Р. Фиц Роя, чрезвычайно энергичного человека, великолепного организатора, крупного гидрографа и автора ряда метеорологических работ **. Для ускорения работы Фиц Рой, не желая отказаться от выполнения намеченного плана целиком, приобретал несколько раз, как у восточных, так и у западных берегов Южной Америки, шхуны, которые параллельно с «Биглем» производили съемочные работы; затраченные им на это большие средства Адмиралтейство отказалось возместить ему (см. примечания 346 и 352).

Экспедиция «Бигля» была далеко не единственной экспедицией, снаряжавшейся с подобными задачами Англией. «Владычица морей», утерявшая свои североамериканские колонии, направила свои захватнические стремления на Южную Америку. Продолжая свою старую борьбу с некогда мощной Испанией, Англия в первой трети XIX века решила воспользоваться развернувшейся в латинских странах Южной Америки борьбой с метрополией за независимость. Аргентина, Чили и Перу в первую очередь становятся объектами английской торговой экспансии. Англичане захватывают в свои руки весь вывоз кож из Аргентины и Уругвая, достигавший уже в тридцатых годах XIX века громадных размеров, почти весь вывоз селитры из Перу, который, по словам Дарвина («Дневник изысканий», стр. 297), начался в 1830 г., причем «в один год ее было отправлено во Францию и в Англию на сумму сто тысяч фунтов стерлингов», скупают за бесценок в Чили медные и серебряные рудники (Дневник изысканий, стр. 281) и находят более выгодным перевозить медную

* Последние приложены к «Отчету» и воспроизводятся в настоящем издании.

** Помещенный здесь портрет Р. Фиц Роя воспроизводится впервые в настоящем издании. Он исполнен по фотокопии с дагерротипа, любезно предоставленной мне дочерью Р. Фиц Роя мисс Фиц Рой, и представляет собой, насколько известно, единственный существующий портрет Р. Фиц Роя. За предоставление мне мисс Фиц Рой этого портрета и за помощь в отыскании его, которую мне с такой готовностью оказали гидрографы Британского адмиралтейства H. P. Douglas и T. A. Edgell, я приношу мисс Фиц Рой, Г. П. Дугласу и Т. А. Эджеллу свою искреннюю благодарность.



1. Место Дарвина в капитанской каюте.
2. Место Дарвина в кормовой каюте.
3. Выдвижные ящики Дарвина в кормовой каюте.
4. Азимутальный компас.
5. Окно в потолке капитанской каюты.
6. Окно в потолке оружейной камеры.

Beef and Pork Casks—бочки с говядиной и свининой.
Book-shelves—книжные полки.
Bread Room—кладовая для хлеба.
Capt. cabin—капитанская каюта.
Captains Store-room—кладовая капитана.
Chain locker—камера для якорной цепи.
Coal hole—подвал для угля.
Fore hatchway—носовой люк.
Gangway—сходни.
Gunroom—оружейная камера.
Locker—ящик.
Mair hatchway—главный люк.
Men's mess tables—столовая для матросов.
Midshipmen's Berth—мичманская каюта.
Sail room—помещение для парусов.
Sick Bay—изолятор для больных.
Spirit Room—кладовая для спирта.
Water Line—ватерлиния.
Water tanks—баки для воды.
Whale boats or skids—вельботы на рейках.
Yawl amidship—ялик посередине судна.

Разрез «Бигля». Рисунок Ф. Г. Кинга.

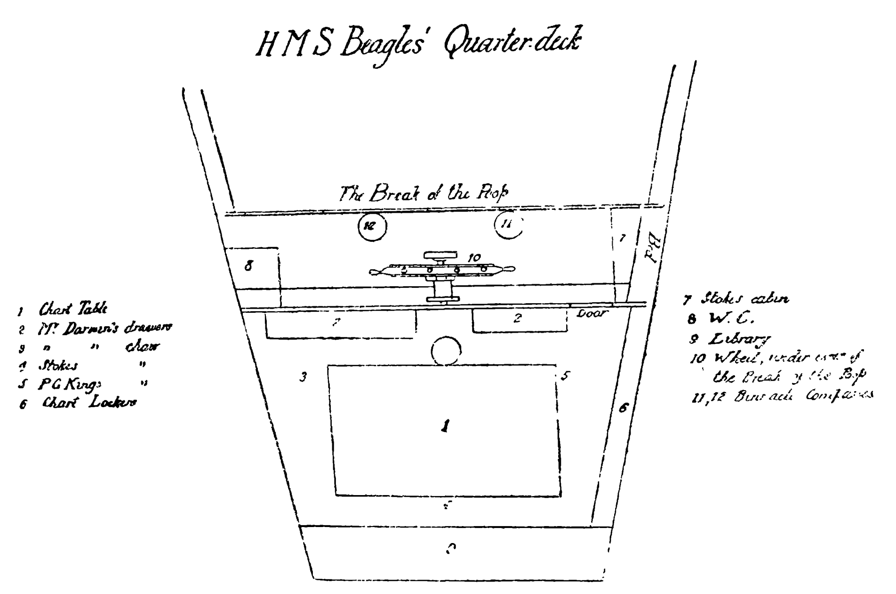
руду в необогащенном виде в Англию для обработки ее там («Дневник изысканий», стр. 220). Множество английских резидентов, начиная от мелких спекулянтов типа Леннона и Лори («Путевой дневник», стр. 460—461) и кончая дельцами более крупного масштаба, как лорд Кочрейн, Эдуардс и тот «английский медик», который заработал на серебряном руднике в Чили 24 000 фунтов стерлингов («Дневник изысканий», стр. 285), наводняют Южную Америку. «Интересы» Англии в этой стране приобретали с каждым годом все больший размах, и, несмотря на то, что доктрина Монроэ была провозглашена уже в 1823 г., английские военные суда — под хорошо исиспытанным в истории империализма предлогом защиты своих резидентов—стояли во всех портах Южной Америки, Англия снабжала инсургентов оружием и пополняла их ряды наемными английскими солдатами; англичанин адмирал Кочрейн возглавил флот чилийских повстанцев и напал на испанский флот. Впрочем, эта исполненная «гуманности» и «свободолюбия» помощь восставшим против Испании ее южноамериканским колониям не помешала Англии воспользоваться раздором между Провинциями Ла Платы и организовать в 1806 г. военный набег в устье Ла Платы с целью захватить Буэнос Айрес и Монтевидео. Попытка эта кончилась скандальной неудачей в виду сопротивления, оказанного англичанам армией инсургентов (см. прим. 348). Более успешным оказался захват Англией Фальклендских островов. В «Путевом дневнике» Дарвина описан ряд эпизодов, очень ярко иллюстрирующих подлинное лицо «защитницы свободы». Поведение «Бигля» в Буэнос Айресе 2 августа 1832 г. может быть квалифицировано только как поведение победителя в завоеванной стране. Не менее характерны эпизоды в Монтевидео 26 июля и 5—11 августа 1832 г. «Бигль»—судно, плававшее с чисто-научными целями,—был вооружен шестью пушками, а в Рио де Жанейро 26 июня 1832 г. к ним были добавлены «две длинные девятифунтовые пушки» (т. е. пушки, заряжавшиеся ядрами весом в девять фунтов), так как, пишет Дарвин, «это дает нам больше уверенности в себе; во время последней войны было несколько случаев, когда очень маленькие корабли причиняли страшные повреждения большим вследствие того, что они имели одну большую пушку и держались вне выстрела противника». В указанном эпизоде в Монтевидео «Бигль» и был использован как военное судно. В такой же роли «Бигль» выступил и на Таити, где Фиц Рой выполнил миссию по получению с таитян наложенной на них английским правительством контрибуции в 3 000 долларов за то, что «маленький корабль под английским флагом был ограблен жителями низменных островов» («Дневник изысканий», стр. 347—348).

Ясно, таким образом, что исследовательские экспедиции типа «Бигля», снаряжавшиеся Британским адмиралтейством для разработки точных мореходных карт тех областей, которые сто лет назад еще не были достаточно освоены торговым флотом, в действительности преследовали не просто высокие научные цели, а пролагали путь военному наступлению и торговой экспансии Англии. Конкретно в данном случае разрабатывались условия не только для нормального плавания вдоль берегов Южной Америки в морях, представлявших большие опасности для судов того времени, но и наиболее без-

ENGLAND EXPECTS

Note The circle in centre of wheel was a drawing by Earle, the artist, of Neptune with his trident

H M S Beagles' Quarter-deck



Poop Cabin

Кормовая палуба «Бигля» (H. M. S. Beagle's Quarter-deck) и план кормовой каюты (Poop Cabin). Рисунки Ф. Г. Кинга.

Bed—койка.—Door—дверь.—Note. The circle.....—Примечание. В центральном круге рулевого колеса находился рисунок художника Эрла, изображавший Нептуна с его трезубцем.—The Break of the Poop—граница кормы.—1. Стол для черчения карт.—2. Выдвижные ящики Дарвина.—3. Стул Дарвина.—4. Стул Стокса.—5. Стул Ф. Г. Кинга.—6. Ящик для хранения карт.—7. Каюта Стокса.—8. Уборная.—9. Библиотека.—10. Рулевое колесо.—11, 12. Коробки для судовых компасов.

опасного пути через эти моря и через каналы Огненной Земли в Тихий океан к многочисленным островам, к Новой Зеландии и Австралии, где «цивилизаторская» деятельность Англии только еще начиналась. Этого не видели и не могли видеть либеральные интеллигенты типа Дарвина, сами выходцы из буржуазной среды, искренно уверенные, что такого рода «экспедиции посвящены благороднейшей цели, приобретению знаний» («Меморандум» Бофорта)*. Дарвин и его ученые друзья не в состоянии были, повидимому, осмыслить даже тот факт, что хотя «Инструкции» Адмиралтейства и «Меморандум» Бофорта переполнены указаниями на желательность собирания коллекций и сведений по естественной истории посещаемых стран, Адмиралтейство не желало брать на себя никаких расходов по содержанию и снаряжению натуралиста,—они относили это за счет «скупости» Адмиралтейства.

«Бигль» представлял собой «хорошо построенное маленькое судно, водоизмещением в 235 тонн, оснащенное, как барка, и вооруженное шестью пушками»**. Название «десятипушечный бриг» говорит лишь о типе судна, а не об его действительном вооружении. По своей конструкции он был плохо приспособлен для плавания в бурных южных морях, где любой шторм грозил перевернуть эту «маленькую ныряющую утку» («Путевой дневник», стр. 514). И, однако, «Бигль» прекрасно выдержал все пять лет тяжелого плавания, проделав до этого, с 1826 по 1830 г., такую же экспедицию вместе с судном «Эдвенчер» в те же места. Правда, он подвергся после этого капитальному ремонту. По окончании экспедиции 1831—1836 гг. «Бигль» проделал еще две экспедиции—одну с 1838 г. по съемке северных берегов Австралии, другую с 1841 г. по съемке берегов Новой Зеландии, а затем до 1870 г. нес береговую службу в Англии, после чего был продан (см. прим. 378). Дарвин имел все основания полюбить этот «славный кораблик, на котором прожил почти пять лет» («Дневник изысканий», стр. 418), хотя ему пришлось в продолжение всего этого времени очень сильно страдать от морской качки на этом корабле, палубы которого были названы командой «полуприливной скалой»,—до того непрерывно их захлестывали волны («Путевой дневник», стр. 516)***. Однако, самым серьезным неудобством, которое испытывали на корабле как Дарвин, так и другие члены экспедиции, было отсутствие достаточно просторных помещений. Дарвин вместе с одним из офицеров (Стоксом) помещался в кормовой каюте, служившей одновременно и чертежной****. Здесь Дарвин читал, писал, микроскопировал и разбирал собранные материалы, здесь же спал в гамаке и отлеживался во время особенно сильной качки. Обедал он с Фиц Роем в капитанской каюте. Несмотря на неудобства, он писал отцу 8 февраля 1832 г.:

* «Narrative of the surveying Voyages» и т. д., т. II, стр. 40.

** «Narrative» и т. д., том, I, стр. XII.

*** Прилагаемое изображение «Бигля», заимствованное из современного английского издания, сделано по старым материалам в 1890 г. Более точное, «портретное» изображение читатель найдет на таблице при стр. 526, где «Бигль» изображен вытащенным на берег для ремонта. Рисунок этот был сделан непосредственно на месте, в устье реки Санта Крус.

**** Из «Путевого дневника», а также из данных, сообщаемых Фр. Дарвином со слов некоторых членов экспедиции (см. том IX), читатель узнает подробности жизни Дарвина на борту «Бигля».

«Бигль».

«Я нахожу корабль особенно удобным местом для всех видов работы. Все находится так близко под рукой, а связанность заставляет быть столь методичным в работе, что в конце концов я оказался в выигрыше».

В состав экспедиции входили капитан корабля, начальник экспедиции и руководитель съемочных работ Роберт Фиц Рой, два лейтенанта Дж. Уикгем и Б. Дж. Селиван, помощник руководителя съемочных работ штурман Дж. Л. Стокс, врач. Б. Байно и еще десять офицеров, боцман, 42 матроса и 8 юнг. Из лиц, не входивших официально в состав экспедиции, на борту корабля находились: натуралист Ч. Дарвин, инструментальный мастер Дж. Стеббинг (приглашенный Фиц Роем и им лично оплачивавшийся), художник и чертежник А. Эрл, которого в Монтевидео сменил в виду его болезни Ч. Мартенс, миссионер Р. Метьюс, направлявшийся на Огненную Землю, и три огнеземельца, возвращавшихся из Англии на родину.

Условия жизни и работы матросов на корабле, вообще суровые в те времена,—на «Бигле», как судне военном, отягощались очень строгой дисциплиной, а изредка и жестокими наказаниями. За дерзость и пьянство, которые позволили себе матросы во время рождественских праздников, они отсиживали затем 8—9 часов в тяжелых кандалах («Путевой дневник», стр. 438). В одном месте («Путевой дневник», стр. 525) Дарвин рассказывает о случае «непонятного» бегства моряков с корабля, которое он объясняет «отсутствием устойчивости» у моряков. К чести Фиц Роя надо сказать, что он лишь в очень редких случаях прибегал к наказаниям и старался занять свободное время матросов разумными развлечениями («Путевой дневник», стр. 526). Этим, несомненно, можно объяснить тот факт, что очень многие офицеры и матросы, плававшие с Кингом и Фиц Роем в предыдущую экспедицию на Огненную Землю, вошли снова в состав второй экспедиции на «Бигле». Вообще надо сказать, что подбор членов экспедиции был исключительно высокий, это были по большей части люди очень культурные. Дарвин всегда отзывался о них с большой теплотой и со многими поддерживал связь долгие годы. Но между командой съемочного судна, каким был «Бигль», и командой обыкновенно военного корабля существовала, несомненно, весьма разительная разница. Вечер, проведенный Дарвином с мичманами с английского военного корабля «Сэмеренг», стоявшего на якоре в Байе (Сан Сальвадоре), заставил Дарвина притти к следующему выводу: «Такой компании неповешенных мошенников, какими являются эти „молодые джентльмены“, достаточно, чтобы привести в изумление берегового человека» («Путевой дневник», стр. 456).

ЭКСПЕДИЦИЯ И ЕЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Отплыв 27 декабря 1831 г. из Девонпорта, «Бигль» 6 января 1832 г. достиг Тенерифа, а 16-го—островов Зеленого Мыса, где оставался (у Сант Яго) до 8 февраля. Проведя день 16-го у скал св. Павла, «Бигль» 17-го пересек экватор и, задержавшись на один день (20-го) у Фернандо Нороньи, достиг 28-го города Байи (Сан Сальвадор) в Бразилии. Здесь «Бигль» оставался до 19 марта. 27—30 марта «Бигль» работал у островов Аброльос, а 4 апреля прибыл в Рио де Жанейро.

Во время съемочных работ «Бигля», затянувшихся здесь до 5 июля, Дарвин жил в коттедже у залива Ботофого, изучая природу окрестностей Рио. 26-го «Бигль» достиг Монтевидео и затем до 10 июня 1834 г. оставался у восточных берегов Южной Америки. Наиболее важными моментами в работе экспедиции за это время были: работы у Байа Бланки (2 IX—18 X 1832 г.), двукратное посещение Огненной Земли (16 XII 1832 г.—25 II 1833 г. и 2 II—5 III 1834 г.), двукратное посещение Фалькленлских островов (1 III—4 IV 1833 г. и 10 III—6 IV 1834 г.), подъем по реке Санта Крус (13 IV—8 V 1834 г.). Пока «Бигль» в 1833 г. производил съемку восточных берегов Патагонии, Дарвин совершил ряд сухопутных экскурсий по Аргентине и Уругваю: с 28 апреля по 20 июля он оставался в Мальдонадо, изучая природу его окрестностей; время с 10 августа по 20 сентября заняла экскурсия из Патагонеса в Буэнос Айрес, с 27 сентября по 21 октября—экскурсия из Буэнос Айреса в Санта Фе и обратно по реке Паране, и, наконец, с 14 октября по 28 ноября—экскурсия по Уругваю. 12 мая 1834 г. «Бигль» отошел от устья реки Санта Крус, прошел через Магелланов пролив и 28 июня стал на якорь в порту Сан Карлос на острове Чилоэ. С этого времени «Бигль» оставался у западных берегов Южной Америки до 7 сентября 1835 г. Здесь были произведены работы по картографической съемке группы островов Чилоэ, архипелага Чонос и всего западного побережья от полуострова Трес Монтес на юге до Каллао (порт Лимы) на севере. За это время Дарвин совершил сухопутную экскурсию по центральному Чили (14 VIII—26 IX 1834 г.), переход через Кордильеры от Сант Яго до Мендосы через перевал Портильо и обратно через перевал Успаллата (14 III—10 IV 1835 г.) и сухопутную экскурсию по направлению Вальпарайсо—Кокимбо—Гуаско—Копиапо́ (27 IV—5 VII). 7 сентября 1835 г. «Бигль» направился к Галапагосским островам, которых достиг 15 сентября. 20 октября «Бигль» отсюда взял курс на острова Товарищества и, пройдя через Низменный архипелаг, достиг 15 ноября Таити, где оставался до 26-го. Почти месяц отнял затем переход от Таити до Новой Зеландии, к северному острову которой (бухта Айленде) «Бигль» подошел 20 декабря. Через десять дней, 30-го, «Бигль» направился в Сидней (Австралия), куда прибыл 12 января 1836 г. Из Сиднея Дарвин совершил сухопутную экскурсию по Новому Южному Уэльсу, из которой вернулся в Сидней 27 января. 30 января «Бигль» направился в Тасманию, где пробыл с 5 по 17 февраля, после чего, пройдя мимо южных берегов Австралии и сделав остановку (с 6 по 14 марта) в Заливе короля Георга, он 1 апреля достиг островов Килинг в Индийском океане. Исследование этих островов продолжалось до 12 апреля. 29-го «Бигль» был уже у острова Маврикия в западной части Индийского океана. Оставив 9 мая остров Маврикия и пройдя в виду южной оконечности Мадагаскара «Бигль» достиг бухты Симонса у Капштадта 31 мая. 1 июня Дарвин отправился в экскурсию внутрь страны. 16-го он вернулся, а 18-го «Бигль» взял курс на остров Св. Елены, куда прибыл 8 июля. 13 июля «Бигль» отплыл к острову Вознесения, где простоял с 19 по 23 июля. 1 августа «Бигль» вторично бросил якорь в Байе (Сан Сальвадор), завершив, таким образом, свое кругосветное путешествие. Наконец, 6 августа «Бигль» взял путь на северо-восток к берегам

Англии. 12-го из-за плохой погоды он остановился в Пернамбуко, 17-го, оставив берега Бразилии, вышел в Атлантический океан, 21-го пересек экватор, с 31 августа до 4 сентября простоял в Порто Прайя на Сант Яго, с 20-го по 24-е—у Азорских островов, и, наконец, 2 октября бросил якорь в Фалмутской бухте, на крайнем юго-западе Англии. Здесь Дарвин покинул «Бигль», поехав домой сухим путем.

Дарвин проводил свою работу по собиранию коллекций и изучению природы на всем протяжении путешествия с исключительной точностью и методичностью. Все свои наблюдения он записывал чрезвычайно подробно, убедившись в том, что «поверхностные записи без всяких замечаний о подробностях» приводят в дальнейшем ученого к «наклонности заполнять пробелы науки неточными и поверхностными гипотезами» («Дневник изысканий», стр. 422). В заключительной части первого издания «Дневника изысканий»* Дарвин пишет: «Ничего не доверяйте своей памяти, ибо память становится ненадежным хранителем, когда за одним интересным предметом следует другой, еще более интересный». Он всегда боится как бы тщательное, точное описание явления не отступило на задний план перед пустым красноречием: «Притти в восторг от великого множества органических существ, которыми так изобилуют тропические моря, совершенно позволительно; однако, мне кажется, что естествоиспытатели, описывающие в столь известной форме подводные гроты, наполненные тысячами красот, впадают в излишнее красноречие» («Дневник изысканий», стр. 384). Такую же точность и аккуратность Дарвин проявлял и в отношении всех собранных им образцов горных пород, костей ископаемых, шкурок млекопитающих и птиц, насекомых, моллюсков, червей, растений и т. д. В конце первого издания «Дневника изысканий» Дарвин на нескольких страницах рассказывает о приемах обработки и консервирования материала, которые он применял. Этот очерк он впоследствии расширил до большой статьи, которая под названием «Геология» вошла в состав изданного Дж. Гершелем руководства для научных исследований**. Статья Дарвина представляет исключительный интерес, так как является не просто перечнем технических приемов исследования, а своего рода credo крупного исследователя, который на собственном опыте проверил глубокое принципиальное значение тех или иных навыков в работе для всего хода и успешного завершения исследования. Сопоставляя эту статью Дарвина с его собственной работой во время путешествия и известными нам результатами этой работы, мы должны притти к выводу, что бо́льшую часть описываемых им навыков и приемов работы Дарвин выработал в себе уже в самом начале путешествия в результате упорного размышления над ними и систематической проверки их.

Значительную помощь в этом отношении ему, несомненно, оказало чтение многочисленных описаний кругосветных путешествий и путешествий в Южную Америку, прекрасный подбор которых имелся в судовой библиотеке Фиц Роя. Не говоря о Гумбольдте, которого

* См. «Narrative» и т. д., том III, стр. 598.
** Перевод этой статьи Дарвина см. во II томе настоящего издания.

он продолжал читать и перечитывать во время путешествия («Раньше я восхищался Гумбольдтом, теперь я почти обожаю его», пишет он 18 мая 1832 г. в письме к Генсло), он внимательнейшим образом изучает «Путешествия» своих предшественников по изучению Южной Америки — Добрицгоффера (1718—1791), давшего описание области Чако, Фалькнера, впервые в XVIII веке описавшего пампу Патагонии, Антонио де Уллоа, участвовавшего во французской экспедиции 1736—1742 гг. в Экуадор, капитана Ансона, возглавлявшего английскую экспедицию в Южную Америку 1740 г., дона Феликса де Азара, который в конце XVIII века (1781—1802) изъездил и дал первое подробное описание естественной истории стран, окружающих Ла Плату, капитана Бэзила Холла, совершившего с 1820 по 1822 г. путешествие в Чили, Перу и Мексику, и многих других, в числе которых на первое место нужно поставить описания кругосветных путешествий капитана Кука, капитана Дж. Байрона (1764—1765, он дал подробное описание Патагонии и Магелланова пролива), капитана Ф. Бичи, путешествие которого в Тихий океан (1825—1828) дало значительные зоологические результаты, Бугенвиля (1766—1769), кругосветное путешествие на «Рюрике» (1815—1818) капитана Коцебу и Шамиссо, и т. д.

Работая упорно, ругая себя за «лень» («Путевой дневник», стр. 453), Дарвин все время имел в виду, что «необходимо надеяться при этом на жатву в будущем, хотя бы в очень отдаленном будущем, предвидеть возможность получить те или иные плоды, добиться осуществления некоторого блага» («Дневник изысканий», стр. 418). Уже в самом начале путешествия, познакомившись с геологией острова Сант Яго, он приходит к мысли о возможности написать «целую книгу о геологии» стран, которые он посетит, а его дневник, который, по мнению Фиц Роя, заслуживал того, чтобы его издать, представлял «уже вторую книгу в перспективе» («Автобиография»). При точности описаний «Дневник» Дарвина поражает необычайной тонкостью наблюдений. Когда читаешь одну за другой эти насыщенные фактами страницы, кажется, что человек, написавший их, обладал каким-то особенным умением видеть. На что бы ни бросал свой взгляд Дарвин, будь это геологический разрез Патагонской равнины, парение кондора высоко над пампой, водоросль Macrocystis с ее поразительным сообществом организмов, грызун Ctenomys, живущий в норах под землей, рождающий вполне зрячих детенышей, которые затем слепнут, гаучосы и индейцы с их приемами ловли степных животных, чилийские рудокопы с их ужасными условиями труда и т. д.—всюду он подмечает такие детали, такие особенности явления, которые позволяют ему представить это явление во всей его полноте, как-то особенно рельефно, осязательно. При этом всегда он не просто созерцает и описывает, а сравнивает, испытывает и от частного явления переходит к общему порядку вещей, это явление породившему. Этим и объясняется исключительная плодотворность путешествия Дарвина,—в «Дневнике изысканий» мы обнаруживаем зародыши всех тех идей и тех сочинений, над которыми Дарвин работал в течение двадцати лет после возвращения из путешествия.

Оставляя пока в стороне вопрос о роли путешествия в формировании воззрений Дарвина на происхождение видов животных и ра-

стений, вопрос, к которому мы перейдем ниже, мы должны здесь заняться кратким обзором тех результатов, которые дало путешествие в различных областях естествознания.

Прежде всего фундаментальное значение имеют геологические наблюдения Дарвина. Материал по геологии островов Атлантического, Тихого и Индийского океанов, восточных и западных берегов Южной Америки и Чилийских Кордильер является важнейшим вкладом в познание геологии этих стран, не утерявшим и до сих пор своего значения. Описания землетрясения в Консепсионе, строения вулканической бомбы с острова Вознесения, ледников Огненной Земли и архипелага Чонос точно также представляют собой классические описания этого рода явлений. Но все это отступает на задний план по сравнению с тремя важнейшими обобщениями, сделанными Дарвином на основании его наблюдений во время путешествия, в достаточно законченной форме сформулированными им уже в первом издании «Дневника изысканий», а отчасти еще раньше—в «Путевом дневнике» (см. примечания к соответствующим местам текста) и сохранившими свое значение до наших дней. Первое обобщение относится к природе океанических островов. Это обобщение, устанавливающее, что океанические острова, лежащие вдали от материков, либо образованы кораллами, либо состоят из вулканических пород и что «вулканическая природа этих океанических островов является, очевидно, выражением тех же законов и следствием тех же причин, в силу которых огромное большинство действующих ныне вулканов находится или на берегу моря, или на островах посередине его» («Дневник изысканий», стр. 18), явилось впоследствии предметом специальной работы Дарвина о вулканических островах, впервые опубликованной в 1844 г.*. Второе обобщение относится к проблеме вековых движений земной коры. Проследив на протяжении громадного пространства геологическое строение восточных и западных берегов Южной Америки и Чилийских Кордильер, внимательно изучив расположенные на различных высотах над уровнем моря слои раковин вымерших моллюсков и взаимоотношения последних с современными моллюсками, обитающими в море у тех же берегов, Дарвин пришел к выводу, что на протяжении нескольких последних геологических периодов материк Южной Америки испытал несколько раз движения поднятия и опускания, которые чередовались с периодами относительного покоя. Детальную картину этих движений и все данные, доказывающие несомненность их, он развернул в третьей по времени из его больших геологических работ, именно—в «Геологических наблюдениях над Южной Америкой», опубликованной в 1846 г.** Совершенно незабываемы те страницы «Дневника изысканий», где Дарвин широкими мазками рисует историю происхождения Патагонской равнины и постепенной денудации Кордильер (см. «Дневник изысканий», стр. 148—150). Наконец, третьим, наболее важным

* См. том II настоящего издания, где дан перевод наиболее важных в теоретическом отношении глав этой работы. Любопытно, что это обобщение почти в тех же словах сформулировано в издании 1839 г. (см. «Narrative» и т. д., том III, стр. 8).

** И из этой работы во II томе настоящего издания дан перевод двух наиболее интересных и важных глав.

обобщением Дарвина, целиком подсказанным ему теорией опускания и поднятия материков, является теория происхождения коралловых рифов. То изложение этой теории,—поражающее своей строгой логичностью, необычайной простотой и универсальным охватом фактов,—которое дано во втором издании «Дневника изысканий» (стр. 389—403), написано уже после того, как вышло в свет первое издание знаменитой работы Дарвина о коралловых рифах, этой первой по времени его большой геологической работы (1842 г.)*. Но уже в «Путевом дневнике» Дарвин высказал свою основную идею с достаточной ясностью (см. примечание 281). Наряду с этими важнейшими геологическими обобщениями Дарвина следует отметить и его рассуждения о роли плавающих льдин (айсбергов) в переносе валунов на большие расстояния от материнской породы и роли ледников в образовании на большем или меньшем расстоянии от отступившего затем ледника рядов валунов моренного типа. Однако, до универсальной теории, объясняющей обширное распространение валунов на равнинах Европы и Северной Америки, Дарвин не дошел**. Все геологические воззрения Дарвина глубоко проникнуты духом учения Ляйелля, первый том «Основ геологии» которого Дарвин, уезжая из Англии, взял с собой, а второй том получил во время пребывания в Америке, в октябре 1832 г.***.

Описания жизни южноамериканских животных, сделанные Дарвином на основании его наблюдений, широко известны не только по «Дневнику изысканий», но и по «Жизни животных» Брема, куда большинство из них включено. Многие из них имеют первостепенное значение, так как являются первыми в науке описаниями данных животных. Таковы, в частности, описания грызуна тукутуко (Ctenomys), некоторых южноамериканских и фальклендских хищных птиц, питающихся падалью, фальклендской лисицы и лисицы с острова Сан Педро (у юго-восточного конца Чилоэ), огнеземельских и чилийских одноголосых птиц (Clamatores), галапагосских ящериц, черепах, вьюрков и пересмешников и др.**** Некоторые из впервые описанных Дарвином млекопитающих, птиц и других животных и растений были названы в честь него его именем. Описание собранных Дарвином ископаемых млекопитающих и современных позвоночных животных вошло в состав пятитомной «Зоологии путешествия на „Бигле“» («Zoology of the Voyage of the Beagle»), вышедшей под редакцией Дарвина (см. примечание 1) в 1839—1843 гг. Не меньший интерес представляет ряд других наблюдений Дарвина над животными и растениями: таковы описания свечения и окраски моря, совершенно исключительное по тонкости описание сообщества организмов, связанных с гигантской ламинариевой водорослью Macrocystis pyrifera, сопоставление фауны соленых озер Патагонии и Приволжья, наблюдения над сезонными миграциями колибри на западном побережьи

* Перевод этой работы дан во II томе настоящего издания.

** Перевод ряда статей Дарвина об эрратических валунах см. во II томе настоящего издания.

*** Подробнее о влиянии Ляйелля на Дарвина см. ниже (стр. XLI) и в статье проф. Н. С. Шатского «Дарвин как геолог» во II томе настоящего издания.

**** Подробнее об этом см. в статье проф. Л. С. Берга «Дарвин как зоолог» во II томе настоящего издания.

Южной Америки, определение границ географического распространения различных видов животных и т. д. Дарвин не считал себя ботаником, но тем не менее, как констатирует Варминг *, он сделал ряд ценных наблюдений в области ботанической географии. В частности, Варминг указывает, что «антарктические влажные леса сделались известными благодаря описаниям Дарвина и Гукера». Дарвин совершенно правильно подчеркнул отсутствие деревьев в Уругвае и обратил внимание науки на это явление. Однако, причину его, которая, как пишет Варминг, «вероятно, сводится к тому, что почва в геологическом отношении еще слишком молода», Дарвину выяснить не удалось.

ЗАРОДЫШИ ЭВОЛЮЦИОННОГО УЧЕНИЯ ДАРВИНА

Ни в одном из двух ранних текстов «Дневника»—в «Путевом дневнике» и в «Дневнике и заметках» 1839 г. (последние, напоминаем, были закончены в 1837 г.)—мы не обнаруживаем никаких данных, на основании которых можно было бы утверждать, что уже во время путешествия у Дарвина сложилась та или иная концепция по вопросу об эволюции видов. Но мы можем, безусловно, констатировать, что начиная приблизительно с конца сентября 1832 г.—знаменитые кости вымерших гигантских неполнозубых в первый раз были найдены Дарвином в Пунта Альте близ Байа Бланки 22—23 сентября—Дарвин начинает впервые задумываться над «этой тайной из тайн—первым появлением на земле новых существ» и что с этого времени, непрерывно нарастая с продвижением путешествия вперед, его охватывает величайшее волнение и смятение, которое достигает своего максимума на Галапагосских островах в сентябре—октябре 1835 г. Состояние Дарвина можно определить именно этим словом «смятение», потому что в нем происходит упорная борьба между воспитанным, традиционным представлением о неизменности организмов, убеждением в несомненной истинности священного писания и учения о сотворении, с одной стороны, и наблюдавшимися им фактами, противоречившими этому учению, с другой. Дарвин был честен и не в состоянии был отказаться от того, чтобы в поисках объяснения непонятного для него явления не итти до конца. В результате мы и видим, что в «Дневнике изысканий» перемешаны элементы старых убеждений Дарвина и возникших у него в пути сомнений. Как в «Путевом дневнике», так и в «Дневнике изысканий» Дарвин в прямом смысле слова пользуется понятием о «сотворении» видов. «Нельзя, повидимому, считать особенно невероятным, что недостаточное количество [видов] животных объясняется тем, что с тех пор, как эта страна поднялась из моря, ни единое животное не было здесь сотворено»,—пишет он в своем «Путевом дневнике» 5 августа 1834 г. (стр. 537). И значительно позже, 23 марта 1835 г., рассуждая об отсутствии сходства между организмами на противоположных сторонах Кордильер, он пишет в «Дневнике изысканий» (стр. 271), что этого сходства и нельзя ожидать, «иначе пришлось бы предположить, что в двух совершенно различных местах были единовременно со-

* Е. Варминг, Распределение растений в зависимости от внешних условий (экологическая география растений). СПБ, 1902. Стр. 95, 218, 277.

зданы одни и те же виды». Правда, уже в издании 1839 г. он дает к этому месту примечание, в котором с величайшей осторожностью делает намек на возможность иной трактовки. «Все рассуждение, конечно, основано на принятии неизменности видов; иначе пришлось бы считать, что различие видов в двух областях возникло *в связи с различием в условиях* [обитания]* в течение длинного периода времени». Не приходится говорить о том, что в более ранних частях «Дневника изысканий» слова «великий план, по которому были созданы живые существа», «творческая сила» (стр. 89, 151) применяются Дарвином в еще более непосредственном их значении. Однако, в главе о Галапагосских островах у Дарвина, все еще пользующегося этой терминологией, слова «творческая сила», «были созданы», «были сотворены» все чаще связываются с выражением сомнения, и уже в издании 1839 г. свое основное заключение о поразительном сходстве галапагосских обитателей с американскими Дарвин заканчивает словами: «Его (это сходство—*С. С-ль*) *можно было бы объяснить согласно точке зрения многих авторов, сказав*, что творческая сила действовала согласно одному и тому же закону на обширном пространстве» **. Он как бы отгораживается от этих «многих авторов» и от такого рода объяснения, о котором он говорит в тоне большого сомнения. И тем не менее и во втором издании, в 1845 г., он решается не более, чем на замену этой фразы постановкой прямого вопроса: «Почему здесь (на Галапагосских островах—*С. С-ль*) коренное население было сотворено по американскому типу организации?», причем сохраняет даже слова «было сотворено». Галапагосские наблюдения настолько взволновали Дарвина, что он, очевидно, в продолжение всего дальнейшего пути не переставал размышлять над ними. Об этом свидетельствует замечательная страничка из «Путевого дневника» от 17—18 января 1836 г. (стр. 552), где он уже в тоне полунасмешки говорит о «двух творцах», и о том, «что творец делал передышку в своей работе». Сопоставляя все приведенные только что данные с цитированной в начале статьи заметкой Дарвина о галапагосских пересмешниках, мы должны притти к тому несомненному выводу, что время пребывания Дарвина на Галапагосских островах и является поворотным моментом в изменении воззрений Дарвина по вопросу о возникновении новых видов животных и растений.

Изучение «Дневника изысканий» показывает, однако, что галапагосские наблюдения могли сыграть эту свою роль только по той причине, что весь предыдущий ход роста Дарвина во время путешествия подготовил его к соответствующему восприятию и обработке этих наблюдений. Ведь замечательно, что Фиц Рой, описывая тех же толстоклювых вьюрков, видел все совершенно иными глазами, чем Дарвин. Как бы в противовес Дарвину, который, несомненно, делился с ним своими впечатлениями и мыслями, он дает следующую характеристику галапагосских вьюрков, типичную для сторонника учения о сотворении и неизменности видов (креационизма): «Все маленькие птицы, которые живут на этих покрытых лавой островах, имеют короткие клювы, очень толстые у основания, вроде клюва

* Эти слова, взятые курсивом мною, в издании 1845 г. исключены.

** «Narrative» и т. д., том. III, стр. 474. См. также примеч. 223. Курсив мой.

снегиря. Это представляет, повидимому, одно из тех изумительных [проявлений] заботливости Бесконечной Мудрости, благодаря которой каждое сотворенное создание приспособлено к месту, для которого оно предназначено. При склевывании насекомых или семян, которые лежат на твердой, подобной железу, лаве, превосходство таких клювов по сравнению с более нежными не может, я думаю, быть подвергнутым сомнению; впрочем, может быть, имеется и другая цель в том, что они столь сильны и велики»*.

Широко известна и неоднократно описывалась та роль, которую сыграли в формировании воззрений молодого Дарвина «Основы геологии» Ляйелля. И мы, действительно, видим на протяжении всего текста «Дневника изысканий», как Дарвин все глубже овладевает учением Ляйелля, последовательно прилагая его ко все более широким группам наблюдавшихся им явлений. Он не упускает случая, чтобы не отметить каждый раз снова несостоятельность теории катастроф (см. стр. 84, 152, 158) и, наоборот, подчеркнуть значение обычных, повседневных физических факторов, которые, непрерывно действуя на протяжении бесконечно громадных периодов времени, приводят к грандиозным геологическим изменениям (см. стр. 22, 159, 264). Мы видим далее, как основные принципы Ляйелля—требование отыскать для объяснения явлений прошлого причины обычного порядка и учитывать постоянно фактор времени—Дарвин начинает применять и к объяснению биологических процессов. В этом отношении все рассуждения Дарвина об ископаемых млекопитающих, их соотношении с современными родственными им формами, причинах вымирания (надо, впрочем, отметить, что наиболее существенная часть рассуждения о причинах вымирания добавлена Дарвином в издании 1845 г.,—стр. 152—154), наконец, в высшей степени замечательное обсуждение вопроса о том, в каких условиях могли обитать вымершие гигантские млекопитающие Южной Америки (стр. 81—84), свидетельствуют о том, как глубоко воспринял учение Ляйелля Дарвин и с какой самостоятельностью он применял это учение. Очевидно, под влиянием тех же «Основ геологии» Дарвин с самого начала путешествия начал уделять большое внимание вопросу о географическом распространении видов животных и растений, способах расширения ареала (см., например, его замечания относительно заселения вновь образующихся коралловых островов—стр. 20, примечание на стр. 242, о порядке, в котором различные группы птиц заселяют океанические острова—стр. 381, о переносе семян растений волнами—стр. 381), географическому соотношению современных и вымерших животных (глава VII) и т. д. Понятно поэтому, что к тому времени, когда Дарвин прибыл на Галапагосские острова, он в состоянии был во всей широте применить к объяснению особенностей их флоры и фауны как географический фактор («печать американского происхождения»), так и фактор времени (образование на изолированных островках своих, эндемичных видов).

Остается отметить, что и другие элементы будущего учения Дарвина—и прежде всего борьба за существование—находят свои истоки

* «Narrative» и т. д., том II, стр. 503.

в наблюдениях Дарвина во время путешествия на «Бигле». Массовая гибель животных в пампе во время засухи (стр. 119—120), вытеснение коренных видов пришлыми, изменение состава биоценозов и роль человека в этом процессе (107—109, 357, 407—410)—примеры, которые впоследствии были прямо использованы Дарвином в «Происхождении видов». Исключительный интерес представляет примечание (стр. 173) об огромном количестве яиц у морского слизня дориды и крайне редкой встречаемости этого животного,—наблюдение, которое чрезвычайно близко подвело Дарвина к формулировке соотношения между количеством зародышей какого-нибудь организма и числом особей, доживающих до зрелого состояния. Не приходится говорить о том, что «Дневник изысканий» переполнен множеством наблюдений над приспособлениями организмов друг к другу и к условиям среды, над разнообразными инстинктами животных, над изменениями животных и растений и образованием у них местных рас и разновидностей и т. д.,—все то, что так хорошо знакомо по «Происхождению видов».

Таким образом, путешествие на «Бигле» действительно дало Дарвину широкую базу для построения его эволюционного учения, хотя во время самого путешествия он был еще очень далек от построения какой бы то ни было теории эволюции *.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ МОЛОДОГО ДАРВИНА

«Дневник изысканий» и в еще большей мере «Путевой дневник» дают обильный материал, характеризующий отношение Дарвина к различного рода явлениям социального и политического порядка, с которыми он сталкивался во время путешествия. В годы, когда Дарвин путешествовал на «Бигле», он застал Южную Америку в состоянии величайшего брожения. Южноамериканские колонии Испании одна за другой откалывались от своей метрополии, образуя независимые государства с республиканским строем. Одновременно эти молодые государства, раздираемые внутренними противоречиями и борьбой различных групп за власть, вели истребительную войну с многочисленными племенами индейцев, все еще не желавших отступить перед белыми завоевателями. Ужасное положение негров-рабов в Бразилии, варварские условия труда чилийских рудокопов, первобытные обитатели Огненной Земли, которых не коснулась еще рука «цивилизации», и вымирающие под благодетельным влиянием этой «цивилизации» таитяне и новозеландцы—обладатели своеобразной, но высокой культуры, методы колонизации Австралии и Тасмании, применявшиеся англичанами, и жестокое уничтожение ими туземного населения и т. д.,—вот тот клубок социально-экономических и политических явлений, свидетелем которых стал Дарвин.

Дарвин принадлежал к старинной интеллигентной семье и был воспитан в духе буржуазного либерализма,—он был вигом, близко принимавшим к сердцу политическую борьбу и программу этой партии. Отсюда—его резко отрицательное отношение к невольничеству, к неэкономной, нерациональной с точки зрения английского промыш-

* См. об этом также в вводной статье проф. А. Д. Некрасова к «Происхождению видов» в III томе настоящего издания.

чника эксплоатации пролетаризирующегося чилийского крестьянства, к католическим миссионерам, которые, правда, распространяют цивилизацию, но вместе с тем, «стремясь одновременно превратить цивилизуемых в христиан и рабов», приводят к их вымиранию. Дарвин вынужден признать, что «смерть как будто преследует местных жителей всюду, куда только ступит европеец. Куда мы ни взглянем, на громадных пространствах обеих Америк, в Полинезии, на мысе Доброй Надежды и в Австралии, везде мы встретим те же самые результаты». Это явление представляется ему непонятным, загадочным, но он сам же заявляет, что в глазах туземцев «водка и цивилизация это—синонимы», что английские колонизаторы в Новой Зеландии и Австралии это—в большинстве «мошенники» и «подонки общества», что европейцы заносят в колонизируемые страны болезни, от которых умирает множество народа. Сравнивая темнокожие народы с их колонизаторами, он отдает предпочтение первым. Он восторгается умом и благородством характера негров, которые, несомненно, в будущем «захватят власть, предъявят требования на собственные права и забудут отомстить», героизмом индейцев, красотой и энергичностью таитян и новозеландцев, и одновременно подчеркивает, что индейцы Чилоэ были проданы в рабство своим христианским учителям, что «всепрощение» католичества распространяется только на богатых, что «христианское человеколюбие» белых в Южной Америке выражается в истреблении индейцев, что жестокость индейцев—ответ на соответствующие действия испанцев и их несправедливость, что только «цивилизованные дикари в Англии» могут утверждать, будто «порядочные люди заинтересованы в рабстве».

Но Дарвин—виг до конца. Он сторонник той партии, которая ратует за демократию, которая борется за парламентскую реформу, чтобы обеспечить свободный рост английской промышленности, английского капитала и английской торговли, которая борется за «расширение Англии», за создание великой колониальной державы, ибо без колоний—этих источников сырья и рынков сбыта готовой продукции—не могут развиваться ни английская промышленность, ни английский торговый и банковский капитал. И поэтому Дарвин, противопоставляя английскую инициативу и энергию их отсутствию у других колонизаторов, отвлекается от им же самим установленных фактов и испытывает национальный восторг, когда смотрит «на все эти отдаленные колонии»: «Кажется, что стоит только водрузить где-нибудь британский флаг, и вокруг него тотчас возникнут богатства, благосостояние и цивилизация» (стр. 422). И ослепленный этой английской гордостью Дарвин не замечает ни возмутительного поведения «Бигля» в Буэнос Айресе, ни того, что, противореча самому себе, восхваляет «христианство и филантропический дух британской нации», которая «улучшила отношения в Южном океане», ни катастрофического падения рождаемости на Таити несмотря на этот самый «филантропический» и «христианский» дух британской нации, ни, наконец, полной потери им в столь высокой степени развитой у него способности наблюдать и правильно оценивать, когда он столкнулся с огнеземельцами. Пораженный их внешним видом, совершенно не понимая существующих у них социальных отношений, не будучи способным проникнуть в своеобразие их общественного

строя и быта, он—как и другие члены экспедиции—оценивает их с точки зрения английской цивилизации и респектабельности. В результате огнеземельцы оказываются, в глазах Дарвина, по своим умственным и моральным качествам чем-то вроде обезьян. «Язык этого народа, сколько мы можем судить, едва ли заслуживает название членораздельного»,—пишет он в главе об Огненной Земле, и, очевидно, забыв об этом, он, спустя некоторое время, при описании Чилоэ говорит о том, что «здесь, как и на Огненной Земле, индейский язык, повидимому, особенно хорошо приспособлен для наименования самых незначительных местных подробностей». Он забывает и о той характеристике, которую сам же дал трем вывезенным в Англию Фиц Роем огнеземельцам,—об энергичном характере Иорка Минстера, прекраснодушии Джемми Бёттона и мягкости и необычайной способности к усвоению иностранных языков Фуэгии Баскет. Разбирая вопрос о возможном дальнейшем развитии общественного строя у огнеземельцев, Дарвин строит в высшей степени наивную гипотезу, в основу которой положено буржуазное представление о частной собственности.

Надо, правда, сказать, что во всех этих рассуждениях и взглядах Дарвин стоит на уровне общих идей и представлений своего времени, да и по отношению к ним является, безусловно, весьма передовым и радикально мыслящим человеком. Но все же, гениальный естествоиспытатель, сумевший уже в молодости, во время своего путешествия, шагнуть по ряду кардинальных вопросов неизмеримо дальше научной рутины своего времени, он в вопросах социальных оказался в плену обычных представлений своей среды и уже на страницах «Дневника изысканий», подводя итог по вопросу об отношениях, существующих в человеческом обществе, высказал положение, которого он упорно держался всю жизнь и которое дало крайне вредные последствия для всей его теории, вызвав в дальнейшем использование его учения реакционными учеными для оправдания так называемого расизма,—положение это сводит общественные отношения к отношениям биологическим: «Разновидности человеческой расы,—утверждает Дарвин («Дневник изысканий», стр. 364),—повидимому, так же действуют друг на друга, как и разные виды животных, т. е. сильнейший всегда истребляет слабейшего».

«Дневник изысканий», более знакомый широким кругам русских читателей под несоответствующим английскому заглавию названием «Путешествие вокруг света на корабле „Бигль“», переводился на русский язык несколько раз. Наиболее ранний перевод, вышедший впервые в 1865 г., затем несколько раз переиздававшийся и вошедший в состав собраний сочинений Дарвина в изданиях Поповой и Государственного издательства, принадлежит Е. Бекетовой. Редакторами его были известный ботаник проф. А. Н. Бекетов, впоследствии же К. А. Тимирязев (в издании Поповой) и М. А. Мензбир (в издании Государственного издательства). Вторым по времени является перевод М. Филиппова, вышедший в 1896 г.; хотя на титуле этого издания значится лишь «Издание д-ра философии М. Филиппова», а переводчик не указан, но поскольку в этом издании сочинений Дарвина почти все

остальные работы переведены самим Филипповым, можно думать, что и перевод «Бигля» принадлежит ему (об этом свидетельствует и язык перевода). В 1908 г. в Собрании сочинений Дарвина под редакцией К. А. Тимирязева, изданном Лепковским, появился новый перевод, принадлежащий Е. Боратынской. Наконец, в 1913 г. в Собрании сочинений Дарвина, изданном «Вестником Знания», вышел перевод Э. Серебрякова под редакцией В. В. Битнера. Мы не будем рассматривать здесь популярных сокращенных изданий и пересказов «Бигля» для юношества, их было несколько как до революции, так и после.

Из четырех указанных переводов оригинальными являются лишь переводы Бекетовой и Филиппова. Переводы Боратынской и Серебрякова представляют собой стилистические переработки перевода Бекетовой, при этом очень неудачные, так как усиливают отклонение от английского подлинника; механика работы Боратынской и Серебрякова в достаточной мере прозрачна, так как они повторяют все ошибки и смысловые искажения перевода Бекетовой; в лучшем случае они изредка справлялись с английским оригиналом. Этого упрека нельзя послать переводу Филиппова, который доводит свою «точность» до точности подстрочника, не считаясь ни с русским языком, ни со смыслом,—в результате этот перевод представляет собой подлинную абракадабру, обнаруживая к тому же грубое невежество переводчика во всех областях естествознания. Перевод Бекетовой несколько тяжеловат, но в общем сделан хорошим русским языком 60-х годов и звучит не очень архаично даже для современного слуха. Однако, и перевод Бекетовой нельзя считать вполне удовлетворительным. Во-первых, по своему типу он является «вольным» переводом; это выражается в значительных длиннотах, часто совершенно излишних,—чувствуется, что переводчик, не находя адэкватного русского выражения для передачи экономной английской фразы, прибегает к методу изложения, причем нередко весьма многословного, иногда же наоборот, сжимает английскую фразу почти до неузнаваемости. Поскольку, однако, «Дневник изысканий» является в значительной мере не только научным произведением, но и художественным, мы решили в той мере, в какой переводом не искажается смысл английского текста—сохранить перевод нетронутым, устраняя лишь излишнее многословие и искажения. Вторым и более существенным недостатком перевода Бекетовой является его полная неудовлетворительность с научной точки зрения. Как только Дарвин от простого описания картин природы, встреч с людьми, политических событий и т. п. переходит к какой бы то ни было научной проблеме, переводчица оказывается совершенно беспомощной, причем она не только не в состоянии дать точный перевод терминов из различных областей естествознания, но нередко, как это совершенно очевидно из нижеследующих примеров, просто не понимает того, что говорит Дарвин. Вся эта часть перевода коренным образом переработана, причем весь текст был сверен фраза в фразу с английским оригиналом. Чтобы продемонстрировать работу, которую нам пришлось произвести, приведем несколько особенно разительных примеров (указанные в скобках страницы в графе «У Бекетовой» относятся к изданию Государственного издательства, том I, Москва—Ленинград, 1925):

У Бекетовой	Должно быть
Можно ли допустить, что какая-нибудь сила, действуя в течение почти бесконечного времени, обнажила эти огромные массы гранита? (53)	Можно ли допустить, чтобы какая бы то ни было сила, если она не действовала в течение почти бесконечного времени, была в состоянии обнажить гранит на протяжении многих тысяч квадратных лье?
Оба они относятся к вечной зелени этих стран, как лавровое дерево и остролист к более легкой зелени нашего английского чернолесья. (67)	Оба они находятся в таком же отношении к вечнозеленой растительности этого климата, как лавр и падуб в Англии—к деревьям с опадающей листвой.
Ламарк был бы восхищен этим фактом, если бы знал его, когда строил свою теорию (довольно, кажется, верную) о постепенно ***приобретаемой*** слепоте у цокора (Aspalax—земляная медведка), грызуна, живущего также под землей, и у протея... (82)	Ламарк был бы восхищен этим фактом, если бы знал его, когда выдвинул свое предположение (вероятно, более близкое к истине, чем это бывает обычно у него) о постепенно ***приобретаемой*** слепоте у Aspalax—грызуна, живущего под землей,—и у протея...
Без сомнения, Ламарк сказал бы, что тукутуко теперь в переходном состоянии и превращается в цокора и протея *. (82)	Без сомнения, Ламарк сказал бы, что тукутуко в настоящее время переходит в то состояние, в котором находятся Aspalax и протей.
Итак, я имею повод утверждать, что моя теория развития и возрастания кораллов по мере погружения почвы в воду объясняет все главные черты строения этих удивительных атоллов... (398)	Я решаюсь поэтому утверждать, что теория направленного вверх роста кораллов, происходящего по мере оседания суши, дает простое объяснение всех главных черт строения этих удивительных образований—лагунных островов, или атоллов...

Я полагаю, что этих пяти примеров совершенно достаточно. Количество их можно было бы значительно увеличить, но вряд ли это стоит здесь делать,—читатель, который специально заинтересуется этим вопросом, может путем простого сличения старого перевода с настоящим изданием убедиться, что более или менее значительные исправления имеются на каждой странице, причем количество и значение их возрастает во всех теоретических разделах книги.

В настоящем издании впервые на русском языке появляются предисловия Дарвина к «Дневнику изысканий», а также перевод отрывков из «Путевого дневника» («Diary»). Для перевода были выбраны все те места «Путевого дневника», которые не были включены Дарвином в текст «Дневника изысканий». Непереведенные места заменены ссылками на соответствующие страницы «Дневника изысканий» в настоящем издании, условно обозначенного буквами Д. и. Таким образом, читатель, сопоставляя эти ссылки с текстом «Дневника изысканий», получит полное представление о «Путевом дневнике», поскольку эти места при включении их Дарвином в «Дневник изысканий» были подвергнуты им лишь стилистической обработке (и то не всегда). Перевод «Путевого дневника» сделан очень близким к английскому подлиннику, и шероховатости черновых записей намеренно не сглажены; все добавленные переводчиком и редактором или Норой Барло слова взяты в прямые скобки. Мы перевели слово

* Эта фраза была К. А. Тимирязевым в издании Поповой исправлена.

«Diary» как «Путевой дневник», чтобы легко было отличать эту работу от «Дневника изысканий». Надо иметь также в виду, что название «Diary» дано не самим Дарвином, а его сыном Горасом.

Все сноски Дарвина отмечены звездочками; сноски на примечания, помещенные в конце книги,—цифрами, поставленными справа вверху от слова или фразы, к которым сделано примечание.

Что касается иллюстраций, то здесь был избран следующий путь. Как известно, прижизненные английские издания «Дневника изысканий» были иллюстрированы до крайности бедно. В 1890 г. Мэррей выпустил роскошное издание, для которого им были заказаны иллюстрации современным художникам (эти иллюстрации почти все воспроизведены в издании Лепковского). Популярные издания, как издания Битнера и Филиппова, брали рисунки из самых случайных источников, причем часто без всякой связи с текстом Дарвина. В настоящем издании, как издании академического типа, работы Дарвина решено иллюстрировать только теми рисунками, которые были даны самим Дарвином. Исключение допущено лишь для «Путешествия натуралиста» в виду того, что для иллюстрирования этого сочинения можно было использовать источники, по своему характеру равноценные подлинным работам Дарвина, а именно: 1) из «Narrative» Фиц Роя и Кинга заимствованы рисунки, сделанные во время путешествия «Бигля» художниками «Бигля»; 2) оттуда же заимствованы две прилагаемые в конце карты, в точности воспроизводимые (из них маршрутная карта переведена на русский язык); 3) вспомогательные карты в тексте составлены по картам офицеров «Бигля», приложенным к «Narrative»; 4) изображения южноамериканских млекопитающих, птиц и других позвоночных взяты из пятитомной «Зоологии путешествия на „Бигле“», причем ввиду невозможности воспроизвести их в точности (все они раскрашены акварелью) они переведены в штрих; некоторая случайность в подборе их объясняется тем, что далеко не все описанные Дарвином в «Дневнике изысканий» животные изображены в «Зоологии путешествия на „Бигле“»; 5) наконец, изображения скелетов ископаемых млекопитающих даны по работам Оуэна, Лидеккера и Бурмейстера,—крупнейших авторитетов по южноамериканским ископаемым позвоночным, из которых первый работал над материалами, привезенными Дарвином. В конце книги приложен список рисунков с указанием источника каждого из них.

С. Соболь.

ДНЕВНИК ИЗЫСКАНИЙ ПО ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ И ГЕОЛОГИИ

СТРАН, ПОСЕЩЕННЫХ ВО ВРЕМЯ КРУГОСВЕТНОГО ПЛАВАНИЯ КОРАБЛЯ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА „БИГЛЬ“

ПОД КОМАНДОЙ
КАПИТАНА КОРОЛЕВСКОГО ФЛОТА
ФИЦ РОЯ

ЧАРЛЗА ДАРВИНА

МАГИСТРА НАУК, ЧЛЕНА КОРОЛЕВСКОГО ОБЩЕСТВА

ПЕРЕВОД
Е. БЕКЕТОВОЙ
ПЕРЕСМОТРЕННЫЙ И ИСПРАВЛЕННЫЙ
ПО ВТОРОМУ АНГЛИЙСКОМУ ИЗДАНИЮ

✳

ЧАРЛЗУ ЛЯЙЕЛЛЮ

ЭСКВАЙРУ, ЧЛЕНУ КОРОЛЕВСКОГО ОБЩЕСТВА,

ЭТО ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ С БЛАГОДАРНОСТЬЮ ПОСВЯЩАЕТСЯ КАК ПРИЗНАНИЕ ТОГО, ЧТО ГЛАВНЫЕ НАУЧНЫЕ ДОСТОИНСТВА ЭТОГО ДНЕВНИКА И ДРУГИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АВТОРА ОБЯЗАНЫ СВОИМ ПРОИСХОЖДЕНИЕМ ИЗУЧЕНИЮ ВСЕМ ИЗВЕСТНЫХ УДИВИТЕЛЬНЫХ

ОСНОВ ГЕОЛОГИИ.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предисловиях к первому изданию настоящего сочинения и к «Зоологии путешествия на „Бигле"» (Zoology of the Voyage of the Beagle) я указывал уже, что в ответ на выраженное капитаном Фиц Роем пожелание иметь на корабле научного сотрудника, для чего он готов частично пожертвовать своими личными удобствами, я предложил свои услуги, что получило—благодаря любезности гидрографа капитана Бофорта—утверждение со стороны Лордов Адмиралтейства. Так как капитану Фиц Рою я полностью обязан за счастливый случай, благодаря которому я мог насладиться изучением естественной истории различных стран, посещенных нами, то я надеюсь, что мне позволено будет выразить здесь мою благодарность ему и добавить, что в течение пяти лет, проведенных нами вместе, я встречал с его стороны самую сердечную дружбу и постоянную помощь. У меня навсегда останется чувство глубокой благодарности к капитану Фиц Рою и ко всем офицерам «Бигля»* за то неизменное радушие, с которым они относились ко мне во время нашего долгого путешествия.

Настоящий том содержит в форме дневника историю нашего путешествия и очерк тех наблюдений по естественной истории и геологии, которые, я думаю, представят известный интерес для широких кругов читателей. В настоящем издании я значительно сжал и исправил некоторые разделы, а кое-что и добавил с целью приспособить эту книгу в большей мере для популярного чтения; но я надеюсь, что натуралисты будут помнить, что за подробностями они должны обратиться к более обширным сочинениям, в которых изложены научные результаты экспедиции. «Зоология путешествия на „Бигле"» содержит описание ископаемых млекопитающих профессора Оуэна;—современных млекопитающих м-ра Уотергауза;—птиц м-ра Гоулда;—рыб преподобного Л. Дженинса и рептилий м-ра Белла. Я добавил к описанию каждого вида заметки о его нравах и распространении. Эти сочинения, осуществление которых обязано высокому таланту и бескорыстному усердию упомянутых выше выдающихся ученых, не могли бы быть предприняты, если бы не щедрость Лордов казначейства ее величества, которые по предложению Высокопочтенного Канцлера казначейства любезно предоставили тысячу фунтов для оплаты части расходов по изданию[1].

* Я не могу не воспользоваться этим удобным случаем, чтобы выразить мою искреннюю благодарность м-ру Байно, врачу «Бигля», за то исключительное внимание, которое он проявил ко мне во время моей болезни в Вальпараисо.

С своей стороны я опубликовал отдельные тома «О строении и распределении коралловых рифов», «О вулканических островах, посещенных во время путешествия „Бигля“» и «О геологии Южной Америки». Шестой том «Geological Transactions» содержит две мои статьи об эрратических валунах и о вулканических явлениях в Южной Америке [2]. М-ры Уотергауз, Уолкер, Ньюмен и Уайт опубликовали несколько обстоятельных статей о насекомых, которые были собраны, и я надеюсь, что за ними последуют многие другие. Растения южных областей Америки описаны д-ром Дж. Гукером в его большом труде о ботанике южного полушария. Флора Галапагосского архипелага составляет предмет особого мемуара, опубликованного им в «Linnean Transactions». Преподобный профессор Генсло опубликовал список растений, собранных мною на островах Килинг, а преподобный Дж. М. Беркли описал мою коллекцию тайнобрачных растений [3].

Я счастлив выразить свою признательность многочисленным натуралистам за ту великую помощь, которую они оказали мне в течение моей работы над этим и другими сочинениями; но в первую очередь я должен позволить себе заявить здесь о моей самой неподдельной благодарности преподобному профессору Генсло, который главным образом и привил мне—в годы моего студенчества в Кембридже—вкус к естественной истории,—который—во время моего отсутствия—взял на себя заботу о коллекциях, посланных мною на родину, и своими письмами руководил моими начинаниями,—и который—со времени моего возвращения—неизменно оказывал мне всяческую помощь, какую только может предложить самый добрый друг.

Даун, Бромлей, Кент.
Июнь 1845 года.

ПОСТСКРИПТУМ

Я пользуюсь удобным случаем, предоставляемым мне новым изданием моего «Дневника», чтобы исправить некоторые ошибки [4]. На стр. 78 я заявлял, что большинство раковин, погребенных с ископаемыми млекопитающими в Пунта Альте близ Байа Бланки, принадлежит живущим еще и в настоящее время видам. Эти раковины были после того исследованы г-ном Альсидом д'Орбиньи (см. «Geological Observations in South America», p. 83), который признал, что все они являются современными. Г-н Авг. Бравар недавно описал в сочинении на испанском языке («Observaciones Geologicas», 1857) эту местность и уверяет, что кости вымерших млекопитающих были вымыты из подстилающего пампу отложения, а впоследствии оказались погребенными с раковинами ныне еще существующих моллюсков; эти его соображения меня, однако, не убеждают. Г-н Бравар утверждает, что все гигантское отложение пампы представляет собой субаэральное образование, наподобие песчаных дюн; это учение кажется мне слабо обоснованным.

На стр. 313 и сл. я привел список птиц, населяющих Галапагосский архипелаг. Успехи исследования показали, что некоторые из этих птиц, относительно которых в то время предполагали, что распространение их ограничено островами, встречаются на Американском континенте. Выдающийся орнитолог м-р Склэтер сообщил мне, что именно так обстоит дело с *Strix punctatissima* и *Pyrocephalus nanus*, а, вероятно, и с *Otus galapagoensis* и *Zenaida galapagoensis;* таким образом, число эндемичных птиц сводится к двадцати трем, а, может быть, и к двадцати одной. М-р Склэтер полагает, что одну или две из этих эндемичных форм следует рассматривать скорее как разновидности, чем как виды, что и мне всегда казалось вероятным.

Змея, относительно которой на стр. 319 сказано, что она, по словам г-на Биброна, идентична с чилийским видом, представляет собой, как заявляет д-р Гюнтер («Zoological Society», 24 января 1859), особый вид, не встречающийся ни в какой другой стране.

1 февраля 1860 года.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА I

ГЛАВА II

ГЛАВА III

ГЛАВА IV

ГЛАВА V

ГЛАВА VI

ГЛАВА VII

ГЛАВА VIII

ГЛАВА IX

ГЛАВА X

ГЛАВА XI

ГЛАВА XVII

ГЛАВА XVIII

ГЛАВА XIX

ГЛАВА XX

ГЛАВА XXI

ДНЕВНИК

ГЛАВА I

САНТ ЯГО—ОСТРОВА ЗЕЛЕНОГО МЫСА

Порто Прайя.—Рибейра Гранде.—Атмосферная пыль с инфузориями.—Повадки одного морского слизняка и спрута.—Скалы Св. Павла—невулканического происхождения.—Своеобразные накипи.—Насекомые—первые поселенцы островов.—Фернандо Норонья.—Байа.—Полированные скалы.—Повадки рыбы Diodon.—Пелагические Confervae и инфузории.—Причины окрашивания моря.

«Бигль», флота ее величества десятипушечный бриг, под командою капитана Фиц Роя, дважды пытался выйти из гавани, но каждый раз сильный юго-западный ветер принуждал его возвратиться. Наконец, 27 декабря 1831 г. он отплыл из Девонпорта. Экспедиция имела в виду довершить съемку Патагонии и Огненной Земли, начатую капитаном Кингом (с 1826 по 1830 г.), сделать съемку берегов Чили, Перу и некоторых островов Тихого океана и, наконец, произвести ряд хронометрических измерений вокруг земного шара. 6 января мы достигли Тенерифа, но высадиться нам не дали, опасаясь, чтобы мы не завезли холеры. На следующее утро восходящее солнце показалось из-за зубчатых очертаний острова Гран Канария и внезапно озарило перед нами Тенерифский Пик, между тем как низкие части острова все еще скрывались за легкими облачками. То была заря первого из многих прелестных дней, которых я никогда не забуду. 16 января 1832 г. мы бросили якорь у Порто Прайя на Сант Яго, главном острове архипелага Зеленого Мыса.

С моря окрестности Порто Прайя имеют унылый вид. Вулканический огонь прошедших веков и палящий зной тропического солнца сделали почву во многих местах непригодной для растительности. Местность постепенно поднимается плоскими уступами, на которых там и сям возвышаются конические холмы с тупыми верхушками, а на горизонте тянется неправильная цепь более высоких гор. Картина, видимая сквозь туманный воздух тех мест, чрезвычайно интересна; впрочем, человек, только что попавший прямо с моря, и притом в первый раз в жизни, в рощу из кокосовых пальм, едва ли может думать о чем-либо кроме испытываемого счастья. Остров сам по себе может быть и очень неинтересен; но на человека, привыкшего к одним

только английским пейзажам, вид страны совершенно бесплодной производит впечатление сурового величия, которое было бы нарушено присутствием зелени. На обширных равнинах, покрытых лавою, лишь кое-где едва отыщешь какой-нибудь зеленый листок, а между тем там умудряются пастись стада коз и несколько коров. Дождь идет редко, но в году есть один короткий промежуток времени, в течение которого бывают сильные ливни, и вслед за тем из каждой трещины пробивается зелень. Она быстро засыхает, и этим-то естественным сеном и питаются животные. На этот раз дождя не было уже целый год. В эпоху открытия острова ближайшие окрестности Порто Прайя были покрыты деревьями*, но их безрассудно уничтожили, что повело за собою, как на о. Св. Елены и на некоторых Канарских островах, почти полное бесплодие. Широкие и плоские долины, из которых многие лишь несколько дней в году служат ложем для стока воды, одеты зарослями безлистных кустов. Немного живых существ обитает в этих долинах. Самая обыкновенная здесь птица—зимородок *(Dacelo Iagoensis)*, который смирно сидит на ветвях клещевины и оттуда налетает на кузнечиков и ящериц. Он ярко окрашен, но не так красив, как европейский вид, от которого он сильно отличается также полетом, образом жизни и местом обитания,—по большей части он держится в самых сухих долинах.

Однажды я поехал с двумя офицерами в Рибейра Гранде, селение, расположенное на несколько миль к востоку от Порто Прайя. Вплоть до долины Св. Мартина местность представляла свой обычный, мрачный вид; но тут протекает маленький ручеек, и вокруг него разрослась роскошная растительность. Через час мы достигли Рибейра Гранде, где нас поразил вид развалин обширной крепости и собора. Этот городок, до того как была засыпана его гавань, был главным городом острова; вид его теперь довольно печален, но очень живописен. Взяв в проводники чернокожего патера, а в переводчики одного испанца, участвовавшего в пиринейской войне за независимость[5], мы посетили несколько зданий, из которых всего интереснее оказалась одна старинная церковь. Тут хоронили прежде губернаторов и военных правителей архипелага. Некоторые из надгробных памятников относятся к шестнадцатому столетию**. Геральдические украшения были в этом уединенном месте единственными предметами, напомнившими нам Европу. Церковь, или часовня, образует одну из сторон четырехугольника, посреди которого растет большая группа бананов. По другой стороне помещается богадельня, в которой живет человек двенадцать бедняков очень жалкого вида.

Мы вернулись в гостиницу обедать. Порядочная толпа мужчин, женщин и ребятишек, черных, как уголь, собралась глядеть на нас. Проводники наши были превеселые, и, что бы мы ни говорили и ни делали, они на все разражались самым искренним хохотом. Перед отъездом из города мы посетили собор; он, кажется, не так богат, как маленькая церковь, но зато может похвастать небольшим органом,

* Я привожу это на основании слов доктора Э. Диффенбаха в его немецком переводе первого издания этого «Дневника».

** Острова Зеленого Мыса открыты в 1449 г. Мы видели памятник одного епископа с надписью 1571 г.; на геральдическом украшении в виде руки и меча была дата 1497 г.

издающим поразительно негармоничные звуки. Мы дали чернокожему священнику несколько шиллингов; при этом испанец, похлопав его по голове, с большой искренностью заметил, что по его мнению цвет его кожи не создает большого различия между ними. После этого мы отправились обратно в Порто Прайю и ехали так быстро, как только могли бежать наши пони.

В другой раз мы поехали в селение Сан Доминго, лежащее почти в центре острова. На небольшой равнине, по которой мы проезжали, росло несколько чахлых акаций; постоянный пассатный ветер странным образом согнул их верхушки, иные стали даже под прямым углом к своему стволу. Направление ветвей с северной стороны было на северо-восток, а с южной—на юго-запад, и эти естественные флюгеры наглядно выражают преобладающее направление и силу пассатных ветров. На каменистой почве не сохраняется почти никаких следов, так что на этот раз мы сбились с пути и нечаянно проехали в Фуэнтес. Мы этого не заметили до тех пор, пока не доехали до самого местечка, но после были рады своей ошибке. Фуэнтес—прелестное селение, орошаемое ручьем, и все там, кажется, процветает, исключая, впрочем, главного, что должно было бы процветать,—ее обитателей. Черные ребятишки, совершенно нагие и очень жалкого вида, таскали вязанки дров в половину их собственного роста.

Недалеко от Фуэнтеса мы видели большую стаю цесарок, штук до 50 или 60. Они были крайне пугливы и не подпускали нас к себе. Они убегали от нас, подняв головы кверху, точно куропатки в дождливый сентябрьский день, и когда мы стали преследовать их, они тотчас улетели.

Вид Сан Доминго поражает своею красотой, совершенно неожиданной, если судить по мрачному колориту, преобладающему в остальных частях острова. Селение расположено на дне долины, окруженной высокими зубчатыми стенами наслоившейся лавы. Черные скалы представляют поразительный контраст с яркозеленой растительностью, которая следует за изгибами небольшого ручья с прозрачной водой. Случайно мы приехали туда в какой-то большой праздник, и селение было полно народа. На обратном пути мы обогнали толпу черных девушек, числом до двадцати, которые были одеты с большим вкусом: черная их кожа и белое, как снег, белье еще резче выступали из-под пестрых головных уборов и больших шалей. При нашем приближении они остановились и, разостлав свои шали, запели с большим воодушевлением какую-то дикую песню, отбивая такт руками по ляжкам. Мы бросили им несколько винтемов[6], которые они приняли с радостными криками и зашумели еще сильнее, когда мы их оставили.

Раз утром было как-то особенно ясно; отдаленные горы резко вырисовывались на тяжелой гряде темносиних облаков. Судя по виду и на основании подобных же случаев в Англии, я предположил, что воздух насыщен водяными парами. Однако, на деле оказалось прямо противоположное. Гигрометр показал разницу в 29,6 градусов между температурой воздуха и точкой росы[7]. Разница была почти вдвое больше той, какую я наблюдал в предшествовавшее утро. Эта необыкновенная сухость воздуха сопровождалась беспрестанным сверканием молний. Неудивительно ли наблюдать столь замечательную прозрачность воздуха при подобном состоянии погоды?

Обыкновенно воздух здесь туманный, что вызывается падением тончайшей пыли, которая, как оказалось, несколько попортила наши астрономические инструменты. Утром накануне нашей остановки в Порто Прайе я собрал небольшое количество этой тонкой буроватой пыли, которая, повидимому, осела на ткани флюгера, укрепленного на верхушке мачты. Мистер Ляйелль также дал мне четыре пакета с пылью, осевшей на корабле за несколько сот миль к северу от этих островов. Профессор Эренберг* находит, что эта пыль состоит главным образом из инфузорий с кремневыми панцырями и из кремневых частей растительной ткани. В пяти пакетиках, которые я ему послал, он нашел не менее шестидесяти семи различных органических форм. Инфузории, за исключением двух морских видов, оказались все обитателями пресных вод. Я нашел не менее пятнадцати различных описаний пыли, осевшей на кораблях, плававших далеко от берегов в Атлантическом океане. Судя по направлению ветра во время ее падения и по тому факту, что она всегда падает именно в те месяцы, когда гарматтан, как известно, поднимает целые облака пыли высоко в верхние слои атмосферы, можно сказать с уверенностью, что вся эта пыль приносится из Африки. Странно однако, что профессор Эренберг, которому известны многие виды африканских инфузорий, не нашел ни одного из них в пыли, посланной ему мною; с другой стороны, он нашел в ней два вида, которые, сколько ему было до сих пор известно, живут исключительно в Южной Америке. Пыль эта падает в таком количестве, что грязнит все на корабле и наносит вред глазам; иногда она создает до того непроницаемый мрак, что корабли не раз садились на мель. Нередко случалось, что она садилась на корабли, находившиеся за несколько сот и даже более чем за 1 000 миль от африканских берегов, а также в таких местах, которые удалены друг от друга на 1 600 миль в долготном направлении. В пыли, собранной на корабле за триста миль от берега, я, к моему удивлению, нашел частицы камня, величиной в одну тысячную долю квадратного дюйма, перемешанные с более тонким веществом. После этого нечего удивляться распространению воздухом гораздо более легких и мелких спор тайнобрачных растений [8].

Геология этого острова—самый интересный раздел его естественной истории. При входе в гавань вы замечаете в стене береговых утесов совершенно горизонтальную белую полосу, протянувшуюся на несколько миль вдоль берега на высоте около сорока пяти футов над водой. При исследовании этого белого слоя оказывается, что он состоит из известняка, заключающего в себе множество раковин моллюсков, которые все или почти все и теперь еще живут на соседнем берегу. Слой этот покоится на древних вулканических породах и впоследствии был залит потоком базальта, который, по всей вероятности, излился в море в то время, когда белый раковинный известняк лежал на дне моря. Интересно проследить изменения, произведенные жаром лавы, покрывшей эту рыхлую массу, которая местами превратилась в кристаллический известняк, а местами—в плотную, пеструю породу.

* Пользуюсь случаем выразить здесь свою благодарность за любезность, с которой этот знаменитый натуралист рассмотрел многие из собранных мною экземпляров. Я послал в Геологическое общество (в июне 1845 г.) полный отчет о падении этой пыли.

Там, где известняк подвергся действию расплавленных участков нижней поверхности лавового потока, он образовал пучки красивых, лучеобразно расположенных волокон, сходных с арагонитом[9]. Слои лавы слегка наклонными площадками постепенно возвышаются к центру острова, откуда первоначально потекли расплавленные потоки. В исторические времена, сколько мне известно, ни в одной из частей Сант Яго не проявлялось никаких признаков вулканической деятельности. Лишь крайне редко удается обнаружить остатки кратеров на вершинах многочисленных красного цвета пепельных холмов; однако, на берегу можно еще различить следы последних потоков, образовавших ряды скал менее высоких, чем более древние слои, но зато расположенных ближе к морю. Таким образом высота этих утесов служит грубым мерилом древности потоков.

Во время нашей стоянки я наблюдал повадки некоторых морских животных. Большая Aplysia[10] встречается здесь очень часто. Этот морской слизняк имеет около пяти дюймов длины; цвета он грязно-желтоватого с пурпуровыми жилками. По обеим сторонам его нижней поверхности, или ноги, находится широкая перепонка, которая, повидимому, играет иногда роль вентилятора, заставляющего воду протекать по спинным жабрам, или легким. Это животное питается нежными морскими водорослями, растущими в мутной мелкой воде между камнями; мне случалось находить в его желудке мелкие камешки, как в зобу у птиц. Если потревожить животное, оно выбрасывает очень яркую пурпурно-красную жидкость, которая окрашивает воду на целый фут в окружности. Кроме этого способа защиты, оно выделяет на поверхности своего тела едкое вещество, вызывающее острое болевое ощущение, подобное тому, какое производит Physalia[11], или «португальский военный корабль».

Несколько раз я с большим интересом наблюдал повадки Octopus, или спрута[12]. Хотя эти животные часто попадаются в лужах, остающихся после отлива, но поймать их вовсе нелегко. С помощью своих длинных рук и присосков они могут втискивать свое тело в чрезвычайное узкие щели, и если они уж укрепились там, приходится применить большую силу, чтобы вытащить их. В других случаях они с чрезвычайной быстротой бросались с одной стороны лужи на другую задом вперед, окрашивая в то же время воду темнокоричневыми чернилами. Эти животные скрываются от преследования еще одним необычайным способом, изменяя свой цвет, подобно хамелеону. Повидимому, они изменяют свой цвет в соответствии со свойствами грунта, над которым они находятся; в глубокой воде их общий оттенок был красновато-коричневый, а на суше или в мелкой воде этот темный оттенок переходил в желтовато-зеленый. При более внимательном рассмотрении цвет их тела оказывался серым, испещренным множеством ярко-желтых крапинок; серый цвет делался то гуще, то светлее, а крапинки то исчезали, то появлялись вновь. Изменения эти происходили таким образом, будто по телу беспрерывно проходили облака, оттенок которых изменялся в пределах от гиацинтового до каштаново-коричневого*. Под действием слабого гальванического разряда соответствующий участок тела становился почти совершенно черным; такой же

* Названия цветов приводятся согласно номенклатуре Патрика Саймса.

эффект, но только в меньшей степени, вызывало царапание кожи иголкою. Эти изменения цветов, похожие, если можно так выразиться, на игру красок на лице, происходят, как говорят, от попеременного расширения и сокращения маленьких пузырьков[13], заключающих в себе различно окрашенные жидкости*.

Спрут обнаруживал свою хамелеоноподобную способность как при плавании, так и при неподвижном положении на дне. Меня очень занимали различного рода уловки, которые употребляло одно из этих животных с целью укрыться от меня; оно, казалось, вполне понимало, что я за ним наблюдаю. Некоторое время оно оставалось неподвижным, потом украдкой, точно кошка за мышью, подвигалось на дюйм или на два; по временам оно изменяло свой цвет и продолжало поступать таким образом, пока не добралось до более глубокого места; тогда оно внезапно рванулось вперед, оставляя за собою густую струю чернил, чтобы скрыть нору, в которую спряталось.

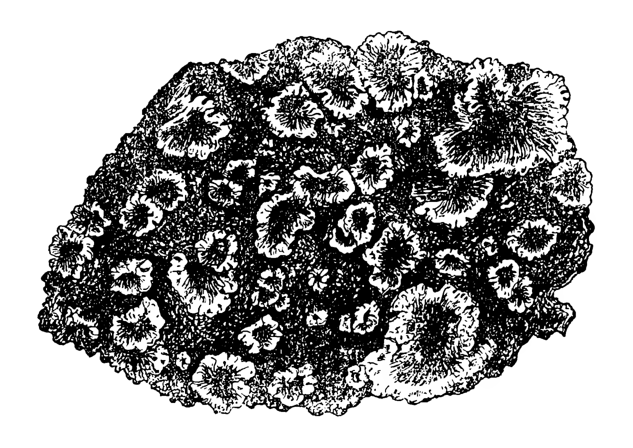
Когда при наблюдении морских животных мне случалось нагибать голову фута на два над скалистым берегом, меня не раз обдавала снизу струя воды и при этом слышался легкий скрипучий звук. Сначала я не мог понять, что это такое, но потом обнаружил, что струю выбрасывал спрут, который хотя и залез в норку, но часто давал мне таким путем возможность найти его. Не подлежит сомнению, что это животное обладает способностью выбрасывать из себя воду, и мне кажется, что оно способно довольно верно прицеливаться, направляя на цель трубку, или сифон, находящийся на нижней стороне его тела. Эти животные не могут свободно ползать по суше, потому что им очень трудно носить голову. Я заметил, что то, которое я держал в каюте, слегка фосфоресцировало в темноте.

Скалы Св. Павла.—Утром 16 февраля, пересекая Атлантический океан, мы легли в дрейф у острова Св. Павла. Эта группа скал лежит под 0°58′ северной широты и 29°15′ западной долготы. Расстояние ее от берегов Америки равняется 540 милям, а от острова Фернандо Норонья—350 милям. Самая высшая точка подымается только на 50 футов над уровнем моря, а вся окружность острова не занимает и трех четвертей мили. Этот маленький островок круто поднимается из глубин океана. Минералогическое его строение довольно сложно; в некоторых местах скалы состоят из кремнистых пород, в других—из полевого шпата, прорезанного тонкими жилками змеевика[14]. Замечательно, что все многочисленные мелкие острова, лежащие вдали от материков в Тихом, Индийском и Атлантическом океанах, за исключением Сейшельских и этой маленькой группы скал, образованы, как я полагаю, или кораллами или изверженными породами. Вулканическая природа этих океанических островов является очевидно выражением того же закона и следствием тех же причин, механических или химических, в силу которых огромное большинство действующих ныне вулканов находится или на берегу моря или на островах посредине его.

Скалы Св. Павла издали кажутся блестяще белыми. Это обусловлено отчасти пометом огромного количества морских птиц, а отчасти

* См. статью *Cephalopoda* в Encyclopaedia of Anatomy and Physiology.

слоем твердого, блестящего вещества с жемчужным отливом, которое находится в тесном соединении с поверхностью скал. Если этот слой, который вообще не толще одной десятой доли дюйма, рассмотреть в лупу, то оказывается, что он состоит из множества тончайших пластинок. В нем заключается много животных веществ, и своим происхождением он без всякого сомнения обязан действию дождя или морских брызг на птичий помет. Под небольшими накоплениями гуано на острове Вознесения и на островках Аброльос я нашел несколько ветвящихся, как сталактиты, тел, которые образовались, по всей вероятности, таким же образом, как и та белая пленка, которая покрывает эти скалы. Эти ветвистые тела по своему внешнему виду до такой степени сходны с некоторыми нуллипорами (Nulliporae—семейство твердых известковых морских водорослей)[15], что недавно при беглом просмотре моей коллекции я не сразу заметил разницу между ними. Шаровидные оконечности ветвей имеют жемчугоподоб-



ную структуру, напоминающую зубную эмаль, и настолько тверды, что чертят стекло. Замечу мимоходом, что на берегу острова Вознесения, в одном месте, где накопилось огромное количество раковистого песка, на утесах, омываемых приливом, под действием воды образовалась накипь, представляющая большое сходство с некоторыми тайнобрачными растениями (Marchantiae[16]), которые часто встречаются на сырых стенах. Поверхность пластинок отличается очень красивым блеском; те части, которые образовались при полном освещении, черны, как смоль; те же, которые были затемнены выступами скал, серые. Я показывал образцы этой накипи многим геологам, и все они полагали, что она вулканического, или огненного, происхождения! По степени своей твердости и прозрачности, по гладкости, равной лучшим экземплярам раковин морских олив[17], наконец, по неприятному запаху и по обесцвечиванию под действием паяльной трубки накипь эта обнаруживает сильнейшее сходство с раковинами современных морских моллюсков. Кроме того, известно, что у моллюсков те части раковины, которые обычно прикрыты и заслонены от света мантией животного, бледнее тех, которые вполне подвергаются действию света,—точно так же, как и у этой накипи.

Если мы вспомним, что известь, фосфорнокислая или углекислая, входит в состав твердых частей (костей и раковин) всех животных, то в физиологическом отношении* весьма любопытно обнаружить вещество, которое, будучи тверже зубной эмали и имея, подобно раковинам, окрашенную и полированную поверхность, представляет собою мертвое органическое вещество, переработанное неорганическими силами и к тому же своей формою напоминающее некоторые низшие растительные организмы.

На острове Св. Павла мы нашли только два вида птиц—глупыша и нодди. Первый представляет собою вид буревестников, второй—вид крачек. Оба они очень смирны, бестолковы и до такой степени не привыкли к посетителям, что я мог бы перебить их сколько угодно моим геологическим молотком. Глупыш кладет яйца на голые камни утеса; крачка вьет очень простое гнездо из водорослей. Около многих таких гнезд было положено по маленькой летучей рыбке, которая, вероятно, была принесена самцом для своей подруги. Любопытно было наблюдать, как один крупный и проворный краб (Graspus), живущий в трещинах утеса, быстро похищал положенную у гнезда рыбку, как только взрослые птицы были растревожены нашим появлением. Сэр У. Саймондс, один из немногих людей, побывавших здесь, рассказывал мне, что сам видел, как крабы таскали даже птенцов из гнезд и пожирали их. На всем островке нет ни одного растения, даже лишайника; тем не менее здесь водятся немногие насекомые и пауки. Следующий список исчерпывает, я думаю, наземную фауну: муха (Olfersia), живущая на глупыше, и клещ, вероятно, занесенный сюда птицами в качестве паразита; маленькая коричневая моль, которая принадлежит к роду, питающемуся перьями; жучок (Quedius) и мокрица, обитающие под пометом, и, наконец, множество пауков, которые, я полагаю, пожирают этих мелких мусорщиков и спутников морских птиц. По всей вероятности, так часто повторяемое описание того, как на вновь образовавшихся коралловых островах Тихого океана сначала появляются стройные пальмы и другие благородные тропические растения, потом птицы и, наконец, человек,—не вполне точно; боюсь, что поэзия этого описания сильно пострадает, если я скажу, что первыми поселенцами вновь возникшей из океана земли должны быть насекомые, питающиеся перьями и грязью, и паразитические насекомые и пауки.

В тропических морях малейшая скала, дающая основу для размножения бесчисленного множества видов водорослей и сложно организованных животных, поддерживает также существование огромного количества рыбы. Наши моряки, выезжая в лодках, вели постоянную борьбу с акулами за обладание большей долей добычи, попадавшейся на удочки. Я слышал, что присутствие одной

* М-р Хорнер и сэр Дэвид Брюстер описали (Philosophical Transactions, 1836, стр. 65) своеобразное «искусственное вещество, похожее на раковину». Оно оседает тонкими, прозрачными и весьма гладкими пластинками бурого цвета, обладающими особыми оптическими свойствами, на дно сосуда с водой, в котором быстро вращают кусок холста, пропитанный клеем и известью. Оно мягче, прозрачнее и содержит больше животного вещества, нежели естественная накипь на о. Вознесения; но тут мы опять видим проявляемую углекислой известью и животным веществом резко выраженную наклонность к образованию твердого вещества, подобного раковине.

скалы, лежащей в нескольких милях от Бермудских островов и притом на значительной глубине, было открыто впервые именно потому, что по соседству от нее заметили много рыбы.

Фернандо Норонья, *20 февраля*.—Насколько я мог определить в течение немногих часов, проведенных нами в этом месте, остров этот вулканического характера, но возник он, вероятно, очень давно. Самую замечательную его особенность составляет конический холм около тысячи футов вышиною; верхняя часть этого конуса необыкновенно крута и с одной стороны выступает над своим основанием. Скала состоит из фонолита[18] и разделена на неправильные столбчатые отдельности. Глядя на эти отдельные массы, можно подумать сначала, что они были внезапно выброшены вверх в полужидком состоянии. Однако, на острове св. Елены я убедился, что некоторые столбы, почти такой же формы и такого же состава, образовались из расплавленных пород, влившихся в более рыхлые слои, которые таким образом послужили формами для этих гигантских обелисков. Весь остров покрыт лесом, но вследствие крайней сухости климата растительность здесь далеко не роскошна. На середине склона горы большие массы столбообразных утесов, осененных какими-то деревьями вроде лавров и украшенных другими деревцами, на которых было множество красивых пунцовых цветов, но ни одного листочка зелени, сообщали всей окрестности довольно живописный вид.

Байа, или Сан Сальвадор. Бразилия, *29 февраля*.—День прошел восхитительно. Но даже и это слово слишком слабо, чтобы выразить чувства натуралиста, который попадает в первый раз в бразильский лес. Изящество трав, невиданные паразитические растения, красота цветов, блестящая зелень листьев, а главное—общая роскошь растительности приводили меня в восторг. Самая парадоксальная смесь звуков и безмолвия господствует в тенистых частях леса. Насекомые гудят так громко, что гул этот слышен с корабля, стоящего за несколько сот ярдов от берега, и тем не менее в чаще леса как будто царствует полнейшая тишина. Любителю естественной истории такой день доставляет наслаждение, глубже которого едва ли можно что испытать. Погуляв там несколько часов, я пошел было обратно к месту высадки, но, прежде чем успел дойти, меня настигла тропическая гроза. Я старался найти себе убежище под деревом; оно было так густо, что обыкновенный английский дождь никогда не пробил бы его листву, но здесь через несколько минут по стволу уже текли небольшие потоки. Этой-то силе дождя нужно приписать богатство зелени, одевающей почву даже в самых густых лесах; если бы здешние ливни походили на дожди, типичные для стран более умеренного климата, то бóльшая часть их успевала бы поглощаться или испаряться, не проникая в почву. Не стану пока описывать отрадной картины этого чудного залива, потому что мы снова заходили в него на обратном пути, так что я буду еще иметь случай поговорить о нем.

Вдоль всего бразильского берега, по крайней мере на 2 000 миль, и, конечно, на значительное протяжение внутрь страны, все встречающиеся скалы принадлежат к гранитной формации. Такая необычайно громадная площадь, занятая веществом, которое, как считает боль-

шинство геологов, образовалось путем кристаллизации из расплавленных масс под высоким давлением, заставляет задуматься. Происходил ли процесс образования этих масс в глубинах океана или они были покрыты первоначально слоистой породой, которая впоследствии исчезла? Можно ли допустить, чтобы какая бы то ни было сила, если она не действовала в течение почти бесконечного времени, была в состоянии обнажить гранит на протяжении многих тысяч квадратных лье?

Неподалеку от города, в том месте, где ручей впадает в море, я наблюдал явление, связанное с предметом, который был подвергнут обсуждению Гумбольдтом*. При порогах великих рек—Ориноко, Нила и Конго—сиенитовые скалы[19] одеты черным веществом и как будто отполированы графитом. Слой этот чрезвычайно тонок и, по анализу Берцелиуса, состоит из окисей марганца и железа. На Ориноко это замечается на скалах, периодически омываемых водой, и только в тех местах, где течение всего сильнее, или, как говорят индейцы, «скалы черны там, где воды белы». Здесь слой яркокоричневый, а не черный, и состоит, повидимому, исключительно из железистых веществ. По образчикам нельзя составить себе полного понятия об этих темных, как бы обожженных скалах, блестящих на солнце. Они встречаются только в местах, доступных приливу, и так как ручеек тихо сбегает вниз, то полировка производится здесь, вероятно, прибоем, заменяющим падение воды в больших реках. Точно так же прилив и отлив соответствуют, повидимому, периодическим наводнениям; следовательно, одни и те же результаты обусловливаются причинами, видимо различными, но в действительности сходными между собой. Однако, происхождение этого осадка из металлических окисей, который кажется плотно прикрепленным к скалам, остается невыясненным, и я полагаю, что нельзя привести каких-либо доводов в пользу того, что толщина слоя остается всегда одинаковой.

Однажды я с удовольствием наблюдал за поведением *Diodon antennatus*[20], которого поймали у берега. Эта рыба имеет очень растяжимую кожу, и всем известна ее удивительная способность раздуваться почти в шар. Если вынуть ее из воды на короткое время и потом снова погрузить, то она поглощает большое количество воды и воздуха ртом, а, может быть, также и жаберными отверстиями. Это делается двумя способами: проглоченный воздух вгоняется в полость тела, откуда возврат прегражден ему мышечным сокращением, которое заметно снаружи, вода же входит слабой струей через рот, который открыт и остается неподвижным; следовательно, этот последний процесс основан на всасывании. Кожа на животе гораздо шире, чем на спине; поэтому во время надувания нижняя поверхность растягивается гораздо сильнее верхней, и рыба плавает спиною вниз. Кювье сомневается в том, чтобы Diodon мог плавать в таком положении; однако он может при этом не только двигаться вперед по прямой линии, но и повертываться в любую сторону. Последнее движение производится исключительно с помощью грудных плавников; при этом хвост расслабляется, и рыба им не пользуется. Когда тело сильно раздуто, жа-

* Personal Narrative, vol. V, pt. I, p. 18.

берные отверстия лежат над водой, но струя воды, проглатываемой ртом, постоянно проходит через них.

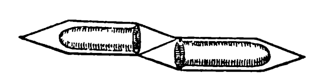
Пробыв в таком раздутом состоянии некоторое время, рыба обыкновенно сильным движением выпускает из себя воду и воздух через жаберные отверстия и рот. Она может по произволу выбрасывать известное количество воды, и поэтому можно предположить, что она набирает жидкость, между прочим, для регулирования своего удельного веса. Данный вид Diodon обладает несколькими способами защиты. Наш экземпляр очень больно кусался и выбрасывал воду изо рта на довольно значительное расстояние, производя при этом движением челюстей странный звук. При раздувании тела сосочки, покрывающие кожу, напрягаются и становятся колючими. Но всего любопытнее то, что если взять его в руку, из кожи живота выделяется волокнистое вещество прекрасного яркокарминового цвета, которое окрашивает слоновую кость и бумагу так прочно, что и до сих пор цвет еще сохранился во всей своей свежести; я совершенно не знаю ни состава, ни значения этого выделения. От доктора Оллена из Форреса я узнал, что он нередко находил в желудках акул плававшего там живого вздутого Diodon и что в некоторых случаях, как он узнал, рыба выходит наружу, прогрызая не только стенки желудка, но и самые бока чудовища, которое вследствие этого умирает. Кто бы мог ожидать, что такая маленькая мягкая рыбка в состоянии уничтожить огромную хищную акулу?

18 марта.—Мы отплыли из Байи. Несколько дней спустя, неподалеку от островков Аброльос, внимание мое было привлечено красновато-бурым оттенком моря. Вся поверхность воды, как показало исследование ее под лупой, была покрыта как бы кусочками мелко нарубленного сена с зазубренными кончиками. То были крошечные цилиндрические Confervae [21], собранные в связки или пучочки, от двадцати до шестидесяти штук в каждой связке. Мистер Беркли сообщил мне, что это тот же самый вид *(Trichodesmium erythraeum)*, которым покрыты огромные пространства в водах Красного моря, откуда и произошло название этого моря*. Количество их должно быть громадно: наш корабль проходил через несколько таких скоплений, из которых одно занимало в ширину около десяти ярдов, а в длину, судя по мутному цвету воды, тянулось, по крайней мере, на две с половиной мили. Почти в каждом описании мало-мальски продолжительного путешествия говорится об этих Confervae. Всего чаще, кажется, встречаются они в водах, окружающих Австралию; около мыса Лиюуин я нашел другой вид, близкий к этому, но меньших размеров. Капитан Кук в своем Третьем путешествии замечает, что моряки дают этому явлению название морских опилок.

Близ атолла Килинг в Индийском океане я заметил много небольших масс Confervae величиной в несколько квадратных дюймов; они состояли из длинных цилиндрических нитей необыкновенной тонины, так что простым глазом их едва можно рассмотреть; эти ниточки были перемешаны с другими, более крупными телами, конически

* M. Montagne, Comptes rendus etc., Juillet 1844; Annales des sciences naturelles, Dec. 1844.

заостренными по концам. На рисунке показаны две такие фигурки, соединенные вместе. Длина их изменяется от 0,04 до 0,06 и даже 0,08 дюйма, а поперечник—от 0,006 до 0,008 дюйма. У одного из концов цилиндрической части обычно расположена зеленая перегородка, состоящая из зернистого вещества и посредине утолщенная. Это, как мне кажется, дно очень нежного бесцветного мешочка, который состоит из мягкого вещества, выстилающего изнутри наружную оболочку, но не заходящего в конические концы. У некоторых экземпляров место этих перегородок занимали правильные шарики из буроватого зернистого вещества, и мне удалось видеть любопытный процесс их образования. Мягкое вещество, находящееся во внутренней оболочке, внезапно начинает распределяться полосками; некоторые из них принимают вид лучей, исходящих из одного общего центра; после этого, продолжая сокращаться быстрыми и неправильными движениями, все вещество в течение одной секунды собирается в правильный шарик, который занимает место перегородки на одном из концов совершенно опустевшего мешочка. Образование зернистого шарика ускорялось всяким случайным раздражением. Нужно еще прибавить, что часто эти тельца встречались соединенными попарно, конус с конусом, как показано на рисунке, и именно той стороной, где расположена перегородка.



Я сообщу здесь еще несколько других наблюдений над явлением окрашивания моря организмами. У чилийских берегов, в нескольких милях к северу от Консепсиона, «Бигль» однажды прошел через большое пространство воды, такой мутной, как вода рек в половодье; в другой раз, на один градус к югу от Вальпараисо, на расстоянии пятидесяти миль от берега, повторилось то же явление, но только на еще бóльшем пространстве. В стакане эта вода имела бледнокрасный оттенок, а под микроскопом видно было, что она кишела множеством мельчайших животных, которые быстро двигались и часто лопались[22]. Их тело имело овальную форму и посредине было перетянуто кольцом изогнутых мерцательных ресничек. Рассмотреть их было, однако, очень трудно, так как почти в ту же минуту, еще не успев уйти из поля зрения, они переставали двигаться и лопались. Иногда тело их разрывалось на одном конце, иногда на обоих разом, и из него выступало в изобилии буроватое крупнозернистое вещество. За мгновение до того, как происходил разрыв, животное раздувалось в полтора раза против своей обычной величины, и разрыв обыкновенно наступал секунд через пятнадцать после прекращения быстрых поступательных движений; в нескольких случаях ему предшествовало кратковременное вращательное движение около более удлиненной оси тела. Минуты через две некоторое количество их было изолировано в капле воды, и все они погибли вследствие разрывов оболочки. Животные эти движутся узким концом вперед посредством мерцательных ресничек и обыкновенно перемещаются быстрыми скачками. Они крайне мелки, простым глазом совершенно невидимы, и каждое из них занимает едва ли одну тысячную долю квадратного дюйма. Количество их бесконечно, потому что я находил их во множестве в малейшей капле воды, какую только мог выделить. Раз мы в один день прошли через два таких окрашенных пространства воды, из которых

каждое простиралось на многие квадратные мили. Какое неисчислимое количество этих микроскопических животных! Издали цвет воды был похож на цвет реки, протекающей по руслу из красной глины; но в тени, отбрасываемой кораблем, он казался темным, почти шоколадным. Линия, где встречалась красная вода с голубой, обозначалась очень резко. За несколько дней перед тем погода стояла тихая, и океан вообще необыкновенно изобиловал живыми существами*.

В море, окружающем Огненную Землю, неподалеку от берега, я видел узкие полосы воды яркокрасного цвета, обусловленного множеством ракообразных, несколько похожих на креветок. Ловцы тюленей называют их китовой едой. Не знаю, действительно ли питаются ими киты, но крачки, бакланы и огромные стаи больших, неуклюжих тюленей питаются в некоторых местах побережья почти исключительно этими плавающими рачками [23]. Моряки всегда приписывают окрашивание воды плавающей икре, но я наблюдал это только в одном случае. На расстоянии нескольких миль от Галапагосского архипелага наш корабль шел между тремя полосами темножелтой, как бы мутной, воды; полосы имели несколько миль в длину и только несколько ярдов в ширину и отделялись от окружающей воды извилистой, но явственной чертой. Окраска вызывалась наличием маленьких студенистых шариков, которые имели около одной пятой дюйма в поперечнике и в которых заключались многочисленные маленькие шарообразные яички; они были двух родов,—одни отличались от других красноватым цветом и формой. Я никак не могу представить себе, каким двум родам животных принадлежали эти яйца [24]. Капитан Кольнет сообщает, что это явление очень обычно около Галапагосских островов и что направление полос показывает направление течений; в описанном случае, однако, полосы образовались действием ветра. Остается упомянуть еще об одном явлении, а именно о переливающем радужными цветами тонком маслянистом налете на поверхности воды. У берегов Бразилии море было однажды покрыто таким налетом на большом протяжении; моряки приписывали его разложению трупа какого-нибудь кита, плавающего где-нибудь неподалеку. Я не стану говорить здесь о маленьких, часто встречающихся в воде студенистых частицах,—тем более, что я еще вернусь к ним после,—количество их не так велико, чтобы иметь влияние на цвет воды.

Во всем вышесказанном особого внимания заслуживают два обстоятельства: во-первых, каким образом различные тельца, образующие эти полосы со строго определенными границами, могут держаться вместе? Приведенные выше ракообразные, похожие на креветок, двигались столь же стройно, как полк солдат; но ведь нельзя же предположить что-нибудь похожее на произвольные движения у яиц или у Confervae; это невероятно даже относительно инфузорий. Во-вторых,

* Г-н Лессон (Voyage de la Coquille, tome I, p. 255) упоминает о красном цвете воды за Лимой, обусловленном, вероятно, той же причиной. Перон, известный натуралист, в своем Voyage aux Terres Australes упоминает, по крайней мере, о двенадцати путешественниках, говоривших об окрашивании морской воды (vol. II, p. 239). К сведениям, сообщенным Пероном, можно прибавить еще: Гумбольдта, Pers. Narr., vol. VI, p. 804; Флайндерса, Voyage, vol. I, p. 92; Лябийардьера, vol. I, p. 287; Уллоа, Voyage; Voyage of the Astrolabe and of the Coquille; капитана Кинга, Survey of Australia, и т. д.

чем объясняется узкая и длинная форма этих полос? Это явление до такой степени напоминает то, что мы видим в каждом потоке, где течение растягивает в длинные полосы пену, собравшуюся в водоворотах, что я должен приписать происхождение его подобному же действию воздушных или морских течений. С этой точки зрения мы должны принять, что эти различные организмы развиваются в удобных местах и затем уносятся оттуда ветром или водой. Сознаюсь однако, что очень трудно вообразить себе, чтобы в каком-нибудь одном месте могли возникнуть эти миллиарды маленьких животных или Confervae; откуда бы в таком случае приносились к этим местам зародыши?— ведь организмы, произведшие их, рассеяны ветром и волнами по безграничному простору океана. И все-таки я не в состоянии объяснить себе никакой другой гипотезой их полосообразное расположение. Можно прибавить еще замечание Скорсби, что в некоторых местах Арктического моря всегда находят зеленую воду, которая кишит пелагическими животными.

ГЛАВА II

РИО ДЕ ЖАНЕЙРО

Рио де Жанейро.—Поездка к северу от мыса Фрио.—Сильное испарение.—Невольничество.—Залив Ботофого.—Наземные планарии.—Облака на Корковадо.—Сильный дождь.—Певчие лягушки.—Светящиеся насекомые.—Щелкун и его прыганье.—Синий туман.—Шум, произведенный бабочкою.—Энтомология.—Муравьи.—Оса, убивающая паука.—Паразитический паук.—Уловки крестовика.—Пауки, живущие обществами.—Паук, ткущий несимметричные тенета.

С 4 апреля по 5 июля 1832 г.—Несколько дней спустя после нашего приезда я познакомился с одним англичанином, который отправлялся в свое имение, находившееся более чем в ста милях от столицы, к северу от мыса Фрио. Я с удовольствием согласился на его любезное приглашение и поехал с ним.

8 апреля.—Наше общество состояло из семи человек. Дорога до первого привала была очень интересна. День был чрезвычайно жаркий. Мы проезжали через лес, в котором все было совершенно неподвижно, кроме больших, великолепных бабочек, лениво перелетавших с места на место. В горах за Прайа Гранде открывался очаровательный вид, все цвета казались особенно яркими, и над всеми преобладал синий оттенок; небо и тихие воды залива спорили между собой в красоте. Несколько времени наша дорога шла по возделанным полям, потом мы снова въехали в лес, величественнее которого ничего нельзя вообразить себе. К полудню мы прибыли в Итакайю. Это маленькое селение лежит на равнине; в центре стоит дом владельца, а вокруг него расположены хижины негров. Форма и расположение этих жилищ напомнили мне изображения готтентотских хижин в Южной Африке. Так как луна должна была взойти рано, то мы решили отправиться в тот же вечер на ночлег в Лагоа Марика. Когда стало смеркаться, мы проезжали у подошвы массивной, обнаженной и крутой гранитной скалы, которые так обычны в этой стране. Место это известно тем, что долго служило убежищем беглым рабам, которые существовали здесь кое-как, обрабатывая маленькое пространство земли около вершины скалы. Наконец, их открыли. Посланный отряд солдат переловил всех, за исключением одной старухи; женщина эта, чтобы снова не попасть в рабство, бросилась с вершины горы и разбилась в прах. В римской матроне такую черту признали бы благородной любовью к свободе, а бедную негритянку обвинили в грубом упрямстве. Мы ехали верхом еще несколько часов. На последних двух-трех милях

дорога стала довольно трудной: она проходила по пустынной местности, пересеченной болотами и лагунами. При слабом свете луны картина была самая печальная. Несколько светящихся насекомых пролетело мимо, да одинокий кулик, встревоженный нашим появлением, испустил свой жалобный крик. Отдаленный грозный рокот океана едва нарушал безмолвие ночи.

9 апреля.—Мы оставили свой неудобный ночлег еще до восхода солнца. Путь шел через узкую песчаную равнину между морем и внутренними солеными лагунами. Множество питающихся рыбой красивых птиц, таких, как цапли и журавли, да суккулентные растения[25] самых причудливых форм только и оживляли эту равнину. Несколько чахлых деревьев были покрыты паразитными растениями, между которыми орхидные по красоте и прелестному запаху заслуживали особенного внимания. С восходом солнца стало страшно жарко, а отражение света и жара от белого песка было очень мучительным. Мы обедали в Мандетибе при температуре 84° в тени. Очаровательный вид отдаленных лесистых холмов, отражавшихся в тихой воде обширной лагуны, придал нам бодрости. Так как венда* была здесь очень хороша, и у меня осталось от нее приятное воспоминание об отличном обеде, что встречается здесь довольно редко, то в знак благодарности опишу ее как тип здешних гостиниц. Эти дома, иногда очень большие, построены из толстых бревен, поставленных стоймя, связанных между собой переплетенными ветвями и потом замазанных штукатуркой. Пол в них встречается редко, а в окнах никогда не бывает стекол; но крыши сделаны обыкновенно довольно хорошо. Передняя часть здания, повсюду открытая, представляет род веранды, где поставлены столы и скамьи. Спальные комнаты со всех сторон открыты, и путешественнику предоставляется спать здесь как ему заблагорассудится, растянувшись на деревянной лавке, покрытой соломенной рогожкой. Венда стоит среди двора, где кормятся лошади. Приезжая в гостиницу, мы имели обыкновение сначала расседлать лошадей, дать им кукурузы, и потом уже, низко поклонившись хозяину, спрашивали его, не будет ли он любезен дать нам чего-нибудь поесть. Обыкновенно он отвечал: «Все, что вам будет угодно, сэр». В первое время я не раз понапрасну благодарил провидение за то, что оно послало нам такого доброго человека. Но при дальнейшем разговоре наше дело всегда принимало плачевный оборот. «Не соблаговолите ли дать нам рыбы?»—«О, нет, сэр!».—«Какой-нибудь похлебки?»—«Нет, сэр!»—«Хлеба?»—«Не могу, сэр!»—«Какого-нибудь сушеного мяса?»—«О, нет, сэр!». Было сущим счастьем, если, прождав часика два, мы получали какую-нибудь домашнюю птицу, рис и маниоковую муку. Нередко случалось, что мы были принуждены сами убивать камнями домашних птиц себе на ужин. Когда, изнывая от усталости и голода, мы робко замечали, что желали бы скорее поесть, то всегда слышали гордый и неутешительный, хотя и справедливый ответ, что «кушанье будет готово, когда поспеет». Если мы отваживались настаивать, то нам рекомендовали ехать дальше, так как мы слишком назойливы. Хозяева гостиниц страшно неприятны и невежливы в обращении, их дома и сами они часто отвратительно грязны; недостаток ви-

* Vênda—португальское название гостиницы.

лок, ножей и ложек—вещь самая обыкновенная. Я уверен, что в Англии нельзя найти ни одного коттеджа или хижины, до такой степени лишенных всяких удобств. В Кампос Новос нас однако угостили великолепно: к обеду нам дали курицу с рисом, бисквит, вино и водку: вечером мы пили кофе, а на завтрак нам опять подали кофе и рыбу. Все это, вместе с прокормом лошадей, стоило только $2^1/_2$ шиллинга с человека. Однако же на вопрос, не видал ли он хлыста, потерянного одним из нас, хозяин этой венды сурово ответил: «Я почем знаю? Вы что же не прибрали его сами? Должно быть, собаки съели».

Выехав из Мандетибы, мы продолжали наш путь по той же неудобной дороге между бесчисленными озерами; в одних мы находили пресноводных моллюсков, в других—соленоводных. Из числа первых я нашел один вид Limnaea, огромные количества которого жили в озере, ежегодно, по уверению жителей, заливаемом морем, иногда даже по нескольку раз в год, отчего вода в нем совсем соленая. Я уверен, что в этой цепи лагун, окаймляющей бразильский берег, можно было бы сделать много интересных наблюдений касательно морских и пресноводных животных. Г-н Гэ* утверждает, что в окрестностях Рио он нашел моллюсков, принадлежащих к морским родам Solen и Mytilus, а также несколько пресноводных Ampullariae, которые жили вместе в солоноватой воде. Я сам часто замечал в лагуне близ ботанического сада, где вода немного менее солона, чем морская, один вид Hydrophilus, очень похожего на водяного жука, живущего в канавах Англии; единственный вид моллюсков, живущий в этой лагуне, принадлежит к роду, который обыкновенно встречается в эстуариях [26].

Покинув на время берег, мы снова поехали лесом. Деревья были очень высоки и замечательны, сравнительно с европейскими, белизною своих стволов. По моей записной книжке видно, что более всего поразили меня тогда своей новизной среди этого грандиозного пейзажа «чудные и красивые цветы паразитных растений». Проезжая далее, мы увидели пастбища, сильно изуродованные огромными коническими муравейниками почти в 12 футов вышины. Они придавали равнине совершенно такой же вид, как грязевые вулканы в Хорульо [27], изображенные Гумбольдтом. Уже стемнело, когда мы прибыли в Энгенодо после десятичасовой верховой езды. В течение всей дороги я не мог достаточно надивиться выносливости здешних лошадей: они не только легко выносили громадную работу, но и оправлялись от всяких повреждений гораздо скорее, чем наши английские лошади. Вампир [28] причиняет здесь иногда много хлопот, кусая лошадей в загривок. Вред заключается обычно не столько в потере крови, сколько в воспалении, которое вызывается затем давлением седла. В последнее время в Англии сомневались в истине этого, и я очень рад, что мне удалось самому видеть, как поймали вампира *(Desmodus d'Orbignyi*, Wat.) на спине одной лошади. Однажды вечером нам случилось ночевать под открытым небом близ Кокимбо, в Чили; мой слуга заметил, что одна из лошадей очень беспокойна, и пошел посмотреть, что с нею случилось; ему показалось, что на загривке лошади что-то сидит; он быстро занес руку и поймал вампира. На другое утро можно было

* Annales des Sciences Naturelles за 1833 г.

отличить укушенное место по легкой опухоли и кровавой ранке. На третий день мы ездили на этой лошади без всякого вреда для нее.

Вампир (*Desmodus d'Orbignyi*, Waterhouse).

13 апреля.—После трехдневного путешествия мы приехали в Сосего, поместье сеньора Мануэля Фигуиреда, родственника одного из наших спутников. Дом был очень простой и, хотя по внешности походил на сарай, вполне соответствовал климату. В приемной позолоченные стулья и диваны представляли странный контраст с выбеленными стенами, соломенной крышей и окнами без стекол. Дом вместе с амбарами, конюшнями и мастерскими для негров, которые обучены различным ремеслам, представлял род четырехугольника; в центре этого двора сушилась куча кофе. Здания стоят на небольшом холме, который возвышается над обработанными полями и со всех сторон окружен темнозеленой стеной роскошного леса. Главный продукт этой части страны—кофе. Каждое дерево приносит ежегодно в среднем по два фунта, но некоторые деревья дают и до 8 фунтов. Маниок [29], или кассада, тоже разводится здесь в большом количестве. Все части этого растения идут впрок: листья и стебли употребляются на корм лошадям, а корни перетирают, и полученную массу выжимают досуха и пекут,—получаемый таким путем продукт составляет главную пищу в Бразилии под именем farinha. Очень любопытен, всем, впрочем, известный факт, что сок этого питательного растения в высшей степени ядовит. Несколько лет тому назад в этой фасенде [30] околела корова, отведавшая этого сока. Сеньор Фигуиреда говорил мне, что в прошлом году он посеял один мешок фейхао, или бобов, и три мешка риса; бобов он собрал в восемьдесят раз, а риса в 320 раз больше, чем посеял. На лугах прекрасно откармливается стадо отлич-

ного скота, а в лесах такое множество дичи, что в каждый из трех предшествовавших дней было убито по оленю. Такое обилие жизненных припасов, конечно, отразилось на обеде. Столы еще кое-как выдерживали огромное множество блюд, но гости, которые непременно должны поесть каждого кушанья, не могли не тяготиться этим. Как-то раз, когда я думал, что отведал уже решительно все, что только подавалось за обедом, к моему крайнему ужасу явились еще жареный индюк и поросенок во всей своей вещественной реальности. Во время обеда один из служителей только и делал, что изгонял из столовой несколько старых собак и с дюжину черных ребятишек, которые при первом удобном случае снова вползали в комнату. Пока мысль о рабстве не приходит в голову, простота этой патриархальной жизни действует в высшей степени чарующе: она проникнута полным уединением и совершенной независимостью от остального мира. Как только завидят путешественника, начинают звонить в большой колокол и даже стреляют из маленькой пушки. Таким образом это событие возвещается окрестным скалам и лесам, ибо извещать более некого. Раз утром, за час до зари, я пошел гулять, чтобы насладиться торжественной тишиной здешней природы. Через несколько времени молчание было нарушено звуками утреннего гимна, который поют громким хором все негры. Так они обыкновенно начинают свою дневную работу. На таких фасендах, как здешняя, невольникам, вероятно, живется, вполне хорошо. По субботам и воскресеньям они работают на себя, а в этом благодатном климате двухдневной работы достаточно, чтобы прокормить семейство в течение целой недели.

14 апреля.—Из Сосего мы отправились в другое поместье, на Рио Макаэ, которое представляло собой последний участок обработанной земли в этой стороне. Имение это в длину тянулось на две с половиной мили, а как далеко оно простиралось в ширину, владелец и сам забыл. Только незначительное пространство было расчищено; но почти каждый акр был годен к обработке и мог бы давать все роскошные и разнообразные продукты тропических стран. Если принять в соображение огромное протяжение Бразилии, то количество возделанной земли ничтожно в сравнении с тем, которое остается в первобытном состоянии. Какое огромное население сможет в будущем прокормить эта земля! На второй день путешествия дорога стала настолько непроходимой, что пришлось посылать вперед человека, чтобы саблей рубить на пути ползучие растения. Лес изобиловал красивыми формами, из которых древовидные папоротники, хотя и не очень большие, приводили меня в восторг яркостью своей зелени и изящным изгибом листьев. Вечером шел проливной дождь, и хотя термометр показывал 65°, я сильно прозяб. Как только дождь прекратился, интересно было наблюдать необыкновенно сильное испарение, охватившее весь лес. Горы на сто футов в вышину тонули в густом белом тумане, который дымными столбами подымался из самых густых мест леса и в особенности из долин. Мне несколько раз удавалось наблюдать это явление; я думаю, оно обусловливается громадной поверхностью листьев, нагретых до дождя солнечными лучами.

Пока мы гостили в этом поместье, я чуть не сделался очевидцем одной из тех возмутительных жестокостей, которые возможны только

в стране, где существует рабство. Вследствие какой-то ссоры и тяжбы владелец хотел было отобрать всех жен и детей у своих невольников и продать их каждого в отдельности на публичном аукционе в Рио. Намерения этого он не привел в исполнение, но вовсе не из чувства сострадания, а единственно по расчету. Я уверен, что мысль о бесчеловечности такого поступка, как разлучение тридцати семейств, живших вместе многие годы, никогда не приходила в голову владельцу. И вместе с тем я могу поручиться, что в сущности он был добрый человек и стоял выше обыкновенного уровня. Вот до какого ослепления могут доводить корыстолюбие и эгоистические привычки. Приведу здесь один маленький случай, который в то время поразил меня сильнее, чем все рассказы о бесчеловечных поступках. Меня перевозил на пароме один негр, тупоумный наредкость. Стараясь растолковать ему, что мне было нужно, я заговорил громко и, жестикулируя, размахнулся так, что рука моя очутилась довольно близко от его лица. Вероятно, он вообразил, что я сержусь и хочу его ударить, потому что внезапно с испуганным лицом и полузакрытыми глазами он вытянул руки по швам. Никогда не забуду смешанных чувств удивления, отвращения и стыда, овладевших мною при виде взрослого мощного человека, который побоялся даже защититься от удара, направленного, как он полагал, ему в лицо. Этот человек доведен уже до такого унижения, которое хуже, чем рабство самых беззащитных животных.

18 апреля.—На обратном пути мы провели два дня в Сосего, и я употребил их на собирание насекомых в лесу. Бо́льшая часть деревьев, несмотря на свою вышину, имеет не больше трех или четырех футов в окружности. Конечно, изредка встречаются деревья и гораздо больших размеров. Сеньор Мануэль был в это время занят постройкой каноэ [31] в 70 футов длиной из цельного ствола, который на корню имел в длину 110 футов и был очень толст. Пальмы, растущие вперемежку с обыновенными ветвистыми деревьями, всегда придают местности тропический характер. Здесь главным украшением леса служила капустная пальма [32], одна из самых красивых форм этого семейства. Ствол ее так тонок, что его можно обхватить ладонями, между тем как изящная крона раскачивается на высоте сорока или даже пятидесяти футов над землей. Древесные ползучие растения, в свою очередь опутанные другими ползучими растениями, были очень толсты; некоторые, измеренные мною, имели до двух футов в окружности. Старые деревья, опутанные лианами, которые свешивались с их ветвей, напоминая связки сена, имели очень оригинальный вид. Если взор отрывался от этой древесной зелени и опускался вниз, то внимание тотчас приковывалось необыкновенным изяществом листвы мимоз и папоротников. В некоторых местах мимозы покрывали почву ковром в несколько дюймов вышины. Идя по этому толстому ковру, я оставлял за собой широкие следы, возникавшие благодаря изменению оттенка чувствительных листочков мимозы, поникающих от прикосновения. Нетрудно перечислить отдельные предметы этой великолепной панорамы, приводившие меня в восхищение, но нет никакой возможности дать хотя приблизительное понятие о чувствах удивления, благоговения и восторга, которые наполняли и возвышали мою душу.

Гора Корковадо в Рио де Жанейро.
Рисунок А. Эрла.

19 апреля.—Оставив Сосего, мы первые два дня ехали по старой дороге. Это было очень тягостно, потому что дорога проходила по ослепительной и жгучей песчаной равнине неподалеку от берега. Я заметил, что каждый раз, как моя лошадь ступала по мелкому кремнистому песку, под ногами ее раздавалось легкое, приятное хрустение. На третий день мы свернули на другую дорогу и проехали через веселую деревушку, называемую Мадре де Деос. Это одна из главных дорог в Бразилии, а между тем она была в таком плачевном состоянии, что ни один колесный экипаж, кроме неуклюжей телеги, запряженной волами, не мог бы по ней проехать. За все время нашего пути мы не встретили ни одного каменного моста, а деревянные были большей частью настолько плохи, что приходилось брать в сторону и объезжать их. Расстояния от места до места определяются здесь крайне неточным образом. Часто на дороге вместо дорожных столбов попадаются кресты, обозначающие места, где была пролита человеческая кровь. Вечером 23-го мы приехали обратно в Рио, окончив таким образом нашу небольшую приятную поездку.

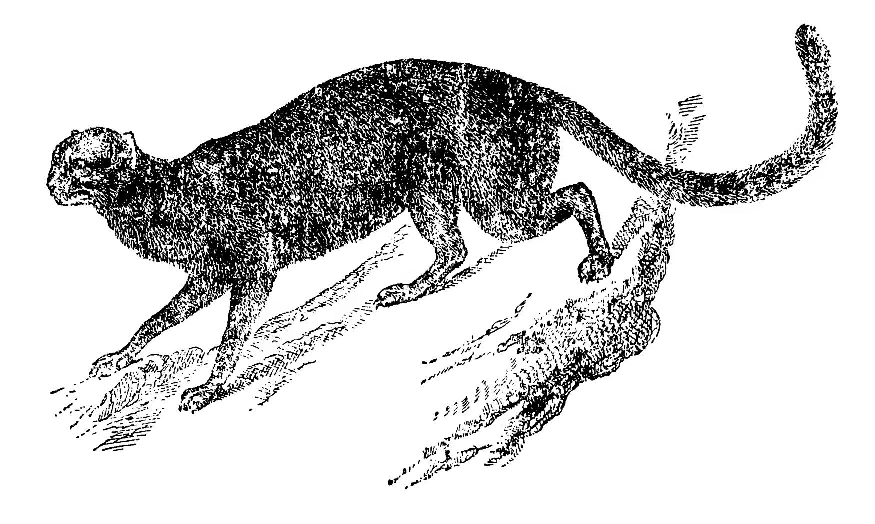
Во время остального пребывания моего в Рио я жил в коттедже у залива Ботофого. Невозможно пожелать что-либо более приятное, чем провести несколько недель в этом великолепном месте. В Англии любитель естественной истории пользуется во время своих прогулок тем важным преимуществом, что всегда может встретить что-нибудь, привлекающее его внимание, но в этом благодатном климате, где все живое встречается в таком изобилии, предметов, привлекающих внимание, до того много, что натуралист почти вовсе не в состоянии гулять.

Те немногие наблюдения, которые я успел сделать, почти исключительно посвящены беспозвоночным животным. Меня очень заинтересовало наличие здесь нескольких представителей рода Planaria[33], ведущих наземный образ жизни. Строение этих животных до такой степени просто, что Кювье относил их к кишечным червям, хотя никогда их не находили в телах других животных. Множество видов этого рода живет и в соленой и в пресной воде; но те, о которых я говорю, даже в самых сухих местах леса водятся только под гниющими корягами, которыми они, вероятно, питаются. Общим видом своим они похожи на маленьких слизней, но только гораздо уже их, и кроме того некоторые виды покрыты продольными полосками самых ярких цветов. Они устроены очень просто: около середины нижней поверхности тела, на которой они ползают, находятся две маленькие, поперечные щели; через переднюю щель они могут просовывать воронковидный, в высшей степени чувствительный рот. Некоторое время спустя после того, как животное умерщвлено действием соленой воды или чем-либо другим, рот еще сохраняет признаки жизни.

Я нашел не менее двенадцати различных видов наземных планарий в разных местах южного полушария*. Несколько экземпляров, найденных мной на Вандименовой Земле, жили у меня почти два месяца; я их кормил гнилым деревом. Одно из этих животных я разрезал поперек на две почти равные части, и в течение двух недель каждая половина преобразовалась в целое животное, хотя я разрезал тело

* Я описал и назвал эти виды в Annals of Natural History, vol. XIV, p. 241.

так, что на одной половине оставались оба нижние отверстия, а на другой, следовательно, ни одного. Через двадцать пять дней после операции нельзя было отличить первую, более совершенную, половину от всякого другого цельного экземпляра. Другая половина сильно увеличилась в объеме, и около заднего конца ее в паренхиме образовалось светлое пятно, в котором можно было явственно различить зачаток воронкообразного рта; однако, на нижней поверхности тела не было еще видно соответствующей щели. Если бы температура, повышающаяся по мере приближения к экватору, не уничтожила всех наших планарий, то нет сомнения, что и эта последняя ступень развития была бы достигнута. Хотя все эти опыты давно уже извест-



Ягуарунди (*Felis yaguarundi*, Desmarest).

ны, но все-таки любопытно было наблюдать за постепенным развитием всех существенных органов, совершающимся в отрезанном куске животного. Чрезвычайно трудно сохранять планарий: как только прекращение жизни дает возможность действовать обычным законам разложения, все тело их приходит в рыхлое и жидкое состояние с такой быстротой, равной которой мне не приходилось видеть.

В первый раз я ходил в тот лес, где находились эти планарии, с одним старым португальским священником, который взял меня с собой на охоту. Охота наша состояла только в том, чтобы спустить несколько собак в чащу леса, а самим терпеливо ждать и стрелять в любое животное, какое только появится. С нами был еще сын соседнего фермера—отличный образец нетронутого цивилизацией бразильского юноши. Он был одет в изорванную старую рубашку и панталоны, ходил с непокрытой головой и носил ружье старинного образца и широкий нож. Здесь все имеют обыкновение носить с собой ножи, и это действительно необходимо в лесу, где приходится прочищать себе дорогу среди ползучих растений, но я думаю, что этой привычке отчасти можно приписать и частые здесь случаи убийства. Бразильцы так искусно владеют ножом, что умеют метко и сильно бросать его в цель на до-

вольно значительном расстоянии, нанося смертельные раны. Я видел много маленьких мальчиков, практиковавшихся в этом искусстве ради забавы: ловкость, с которой они попадали в стоячую палку, доказывала, что впоследствии они сумеют совладать и с более серьезным делом. Накануне мой товарищ убил двух больших бородатых обезьян[34]. Эти животные имеют такой цепкий хвост, что конец его даже после смерти животного может выдерживать всю тяжесть его тела. Одна из обезьян так и осталась крепко повисшей на ветке, и нужно было срубить большое дерево, чтобы достать ее. Это тотчас было исполнено, и дерево вместе с обезьяной с страшным треском рухнуло на землю. В этот день мы добыли на охоте кроме обезьян много мелких зеленых попугаев и несколько туканов. Знакомство с португальским патером оказалось для меня довольно выгодным, потому что в другой раз он подарил мне великолепный экземпляр ягуарунди[35].

Вероятно, всякий слыхал о красоте местности в окрестностях Ботофого. Дом, в котором я жил, стоял у подножия всем известной горы Корковадо. Очень справедливо было замечено, что все крутые конические возвышения составляют характерную черту той формации, которую Гумбольдт называет гнейсовым гранитом. Нет ничего более поразительного, чем вид этих громадных закругленных масс голого камня, поднимающихся среди самой роскошной растительности.

Я часто и с большим интересом наблюдал облака, которые шли с моря и располагались сплошной грядой как раз у вершины Корковадо. Эта гора, когда ее частично закрывали облака, казалась, как и многие другие горы, несравненно выше своей настоящей высоты, которая в действительности не превосходит 2 300 футов. М-р Дэниэл сообщает в своих статьях по метеорологии, что он иногда видал облака, остававшиеся, несмотря на сильный ветер, как бы прицепленными к верхушке горы. Это явление носило здесь несколько другой характер: можно было видеть, как облако обвивалось вокруг вершины и быстро проходило мимо нее, но в то же время нимало не уменьшалось и не увеличивалось в объеме. Солнце садилось, и легкий южный ветерок, ударяясь об южную сторону скалы, смешивал свои теплые струи с более холодными верхними слоями воздуха; таким образом, пары сгущались, но по мере того, как эти легкие облака перебегали через верхушку и на другой стороне снова вступали в более теплую атмосферу северного склона, они немедленно рассеивались.

Погода в мае и июне, т. е. в начале зимы, была великолепная. Средняя температура по наблюдениям, производившимся в 9 часов утра и вечера, равнялась 72°. Часто шел проливной дождь, но южный ветер скоро осушал дороги. Раз утром в продолжение шести часов выпало дождя на $^1/_6$ дюйма. Когда эта гроза проходила над лесами, окружающими Корковадо, капли дождя, ударяясь о бесчисленное множество листьев, производили сильнейший шум; его можно было слышать за четверть мили, и он походил на шум большого водопада. После очень жарких дней было приятно спокойно сидеть по вечерам в саду и наблюдать, как сумерки переходят в ночь. В этих местах природа довольствуется гораздо более скромными певцами, чем в Европе. Маленькая лягушка из рода Hyla[36] сидит себе на кустике травы, около дюйма над поверхностью воды, и затягивает приятную песню. Если они соберутся по нескольку вместе, то поют в лад на разные голоса.

Мне стоило большого труда поймать одну такую лягушку. У лягушек рода Hyla на концах пальцев находятся маленькие сосочки, и оказалось, что это животное может ползать по стеклянной пластинке, поставленной совершенно отвесно. Разнообразные цикады и сверчки поднимали в то же время неумолкаемый пронзительный крик, который на некотором расстоянии не кажется неприятным. Каждый вечер, как только смеркалось, начинался этот большой концерт, и я нередко сидел и слушал его до тех пор, пока мое внимание не отвлекалось каким-нибудь интересным насекомым, пролетавшим мимо.

В это время летает много светящихся насекомых, которые садятся то на одну изгородь, то на другую. В темную ночь испускаемый ими свет виден за двести шагов. Замечательно, что у всех тех светляков, светящихся щелкунов и различных морских животных (например, у таких, как ракообразные, медузы, нереиды, кораллина из рода Clytia и у Pyrosoma [37]), которых я наблюдал, испускаемый ими свет был всегда определенно зеленого цвета. Все светляки, которые мне здесь попадались, принадлежали к семейству Lampyridae (к которому относится и английский светлячок), и чаще всего встречался вид *Lampyris occidentalis**. Я нашел, что это насекомое издает наиболее сильный свет, когда раздражено; в промежутках же его брюшные кольца тускнеют. Свет появлялся почти одновременно в двух кольцах, но все-таки его можно было раньше заметить в переднем. Светящееся вещество жидко и очень липко. Те места, где кожа была расцарапана, продолжали светиться мерцающим светом и после того, как нетронутые места уже потухли. У обезглавленного насекомого кольца все еще продолжали светиться, но не так ярко, как прежде; местное раздражение иголкой всегда усиливало яркость света. В одном случае кольца сохраняли свою способность светиться в продолжение почти 24 часов после смерти насекомого. На основании этих фактов можно, повидимому, предположить, что животное способно только на некоторое время делаться невидимым или гасить свой свет, а в остальное время свечение происходит непроизвольно. На сырых и засоренных песчаных дорожках я находил личинок этих светляков в большом количестве; своим общим видом они были похожи на самок английского светлячка. Эти личинки светились очень слабо; в противоположность взрослым насекомым при малейшем прикосновении они притворялись мертвыми и переставали вовсе светиться; даже раздражение не вызывало усиления света. Я сохранял несколько из них живыми в продолжение некоторого времени. Их хвост представляет собой своеобразный орган, он хорошо приспособлен к работе в качестве присоски, или органа прикрепления, и вместе с тем служит своего рода резервуаром для слюны или для какой-то другой жидкости в этом роде. Я много раз кормил их сырым мясом и всякий раз замечал, что от времени до времени они приближают конец хвоста ко рту; при этом из хвоста выделяется капелька жидкости на мясо, которое затем и поедается. Однако, несмотря на то, что это происходит неоднократно, хвост, повидимому, не умеет сразу находить дорогу ко рту; по крайней

* Я весьма благодарен м-ру Уотергаузу за то, что он с такой готовностью определил для меня это насекомое, равно как и многих других, и вообще оказывал мне всякое полезное содействие.

мере, он всегда сначала прикасался к шее и по ней двигался дальше.

Во время нашей стоянки в Байе самым обыкновенным из светящихся насекомых был один щелкун *(Pyrophorus luminosus*, Illig.*)*. У него тоже раздражение вызывало более яркий свет. Один раз я внимательно наблюдал, как он прыгает; насколько мне помнится, это искусство его еще не было должным образом описано*. Щелкун, положенный на спину и приготовляющийся к прыжку, загибает голову и грудь назад, так что грудной отросток выдается наружу и опирается на край своего влагалища. Пока продолжается это загибание головы назад, грудной отросток сильным действием мышц сгибается подобно пружине; в этот момент насекомое опирается на землю краями головы и надкрыльев. При внезапном ослаблении этого напряженного состояния голова и грудь отлетают кверху, вследствие чего основания надкрыльев ударяются с такой силой о землю, что насекомое подбрасывается кверху на высоту одного или двух дюймов. Выступы груди и влагалище грудного отростка служат для устойчивости тела во время прыжка. В описаниях, которые мне приходилось читать, не придавалось достаточно значения упругости грудного отростка, а между тем такой быстрый прыжок не может быть результатом одного сокращения мышц без помощи какого-нибудь механического приспособления.

Несколько раз я предпринимал маленькие, но в высшей степени приятные экскурсии по окрестностям. Однажды я был в ботаническом саду, где можно видеть много растений, хорошо известных по приносимой ими пользе. Листья камфорного, перечного, коричного и гвоздичного деревьев имели чудный запах; хлебное дерево, или яка, и манговое дерево [38] состязались между собой в великолепии зелени. Характер пейзажа в окрестностях Байи определяется главным образом двумя последними деревьями. Не видав их, я и не воображал, чтобы дерево могло отбрасывать такую черную тень. Оба они находятся в таком же отношении к вечнозеленой растительности этого климата, как лавр и падуб в Англии—к деревьям с опадающей листвой. Нужно заметить, что дома в тропических странах всегда окружены очень красивыми растениями, потому что многие из них в то же время весьма полезны человеку. Кто станет сомневаться, что оба эти качества, красота и полезность, соединены в банане, в кокосовой пальме, во многих других видах пальм, в апельсинном и хлебном дереве?

В этот день я был особенно поражен замечанием Гумбольдта,—которое он неоднократно повторяет,—о «тонком тумане, который, не изменяя прозрачности воздуха, делает только оттенки цветов более нежными, смягчая их резкость». Этого явления я никогда не замечал в умеренном поясе. Воздух на протяжении какой-нибудь полумили или трех четвертей мили был совершенно прозрачен, но на бо́льшем расстоянии все цвета виднелись сквозь удивительно красивую дымку, светлосерую с голубым оттенком. Атмосферные условия с утра и до полудня, когда эффект был всего резче, оставались одинаковыми, кроме степени сухости воздуха. В этот промежуток разность между точкой росы и температурой возрастала с 7,5 до 17°.

* Kirby, Entomology, vol. II, p. 317.

В другой раз я встал рано и пошел к Гавие, или Мачтовой горе. Воздух был удивительно свеж и ароматен; капли росы еще блестели на листьях больших лилейных растений, осенявших прозрачные ручейки. Сидя на обломке гранита, я с наслаждением смотрел на разнообразных насекомых и птиц, пролетавших мимо. Колибри, кажется, особенно любят такие уединенные, тенистые места. Глядя, как эти маленькие создания, щебеча, порхают вокруг цветка, так быстро трепеща крылышками, что их едва можно рассмотреть, я всегда вспоминал наших бражников (Sphinx); в самом деле, их движения и повадки сходны во многих отношениях.

Продолжая итти вперед по тропинке, я вступил в величественный лес, и с высоты пятисот или шестисот футов передо мной открылась одна из тех великолепных панорам, которые так обычны повсюду в окрестностях Рио. На этой высоте пейзаж принимает самые яркие краски, и каждая отдельная форма, каждый оттенок до такой степени превосходят все, что европейцу когда-либо удается видеть на своей родине, что он решительно не находит слов для выражения своих чувств. Общий эффект часто напоминал мне самые роскошные декорации больших оперных театров. Никогда не возвращался я с этих прогулок с пустыми руками. На этот раз мне попался экземпляр замечательного гриба, называемого Hymenophallus. Всем известен в Англии гриб Phallus, распространяющий осенью такой отвратительный запах; впрочем, энтомологам известно также и то, что этот запах очень нравится некоторым из наших жуков. То же самое замечается и здесь, потому что Strongylus[39], привлеченный этим запахом, сел на гриб, пока я нес его в руках. Таким образом мы видим в двух отдаленных друг от друга странах одинаковое отношение между растениями и насекомыми одних и тех же семейств, хотя оба принадлежат к различным видам. Но когда человек становится посредником при введении новых видов в какую-нибудь страну, отношение это часто нарушается; могу указать для примера, что капуста и салат, которые в Англии служат пищей такому множеству слизней и гусениц, остаются нетронутыми в садах Рио.

Во время нашей стоянки в Бразилии я собрал большую коллекцию насекомых. Несколько общих замечаний об относительном значении разных отрядов могут представить интерес для английских энтомологов. Ярко окрашенные крупные Lepidoptera[40] характеризуют обитаемую ими зону гораздо более отчетливо, чем какие-либо другие животные. Я буду говорить только о булавоусых, или дневных, бабочках, потому что разноусые бабочки здесь гораздо малочисленнее, чем в наших умеренных странах, чего бы никак нельзя было ожидать при богатстве здешней растительности. Меня очень удивили некоторые привычки *Papilio feronia*. Эта бабочка здесь довольно обыкновенна и водится всего чаще в апельсинных рощах. Хотя она летает очень высоко, но нередко садится на древесные стволы и ползает по ним. В этих случаях ее голова всегда обращена вниз и крылья распущены горизонтально, а не сложены вертикально, как это обыкновенно бывает. Это единственная бабочка из всех виденных мной, которая пользуется ногами для беганья. Не зная этой особенности, я много раз старался поймать ее, но всякий раз, как бы осторожно я ни приближался к ней с своим пинцетом, она быстро отбегала в сторону в то

самое мгновение, как мой инструмент был уже готов сомкнуться над ней. Но еще более замечательна способность этого вида производить шум*. Много раз, когда пара этих бабочек, вероятно самец и самка, гоняясь друг за другом, в неправильном полете носились в нескольких ярдах от меня, я ясно слышал какой-то стук, вроде треска, производимого зубчатым колесом о спуск пружины. Треск продолжался с короткими перерывами, и его можно было слышать за двадцать ярдов. Я уверен, что в этом наблюдении нет ошибки.

Coleoptera[41] разочаровали меня: количество маленьких и темноокрашенных жуков чрезвычайно велико**. Европейские кабинеты до сих пор еще могут похвастать только самыми крупными видами тропических стран. Стоит только вообразить, до каких размеров должны со временем достигнуть полные каталоги, чтобы привести в волнение душу всякого энтомолога. Хищные жуки, или Carabidae, очень редки под тропиками, и это тем более замечательно, что число хищных четвероногих в жарких странах чрезвычайно велико. Меня поразило это обстоятельство как при вступлении в Бразилию, так и в то время, когда я вновь увидел много изящных и проворных форм Harpalidae в умеренном климате равнин Ла Платы. Не замещают ли многочисленные пауки и хищные Hymenoptera хищных жуков? Мертвоеды и Brachelytera очень редки; наоборот, Rhyncophora и Chrysomelidae, которые все питаются растительными веществами, встречаются в громадном количестве. Я имею здесь в виду не число различных видов, а количество отдельных особей, потому что именно этим определяются характерные отличия разных стран в энтомологическом отношении. Отряды Orthoptera и Hemiptera особенно многочисленны; то же можно сказать относительно жалящих Hymenoptera, за исключением, разве, пчел. Человека, попадающего в первый раз в тропический лес, поражает работа муравьев: протоптанные ими дорожки расходятся по всем направлениям, и по ним непрерывно двигаются целые армии фуражиров; одни уходят, другие возвращаются, таща на себе куски зеленых листьев, величина которых нередко значительно больше их самих.

Маленькие муравьи темного цвета кочуют иногда в бесчисленном множестве. Раз в Байе я был поражен при виде множества пауков, тараканов и других насекомых, а также нескольких ящериц, которые в большом испуге бежали по открытому и ровному месту. Позади их каждая ветка и каждый листок были так усеяны маленькими мура-

* М-р Дэблдей сообщил недавно (в Энтомологическом обществе, 3 марта 1845 г.) о специальном приспособлении на крыльях этой бабочки, при помощи которого, повидимому, она и производит этот шум. Он говорит: «Бабочка замечательна тем, что у основания передних крыльев между передне-крайней и подкраевой жилками у нее имеется род барабана. Кроме того, внутри этих жилок находится особенная винтообразная диафрагма или чашечка». Я прочел в «Путешествиях» Лангсдорфа (1803—1807 гг., стр. 4), что на острове Св. Екатерины, у берегов Бразилии, бабочка *Februa Hoffmanseggi* во время полета шумит, как трещотка.

** Я могу упомянуть, как об обыкновенном случае, что в один день (23 июня), не занимаясь специально отыскиванием Coleoptera, я собрал 68 видов этого отряда. Между ними было только два вида Carabidae, четыре—Brachelytera, 15—Rhyncophora и 14—Chrysomelidae. 37 видов пауков, которых я принес домой, могут служить доказательством, что я не обращал особенного внимания на столь излюбленный всеми отряд Coleoptera.

вьями, что казались черными. Рой, пройдя по ровному месту, разделился и спустился по старому валу. Этим маневром они оцепили множество насекомых, и надо было видеть, какие усилия употребляли эти маленькие создания, чтобы спастись от смерти. Подойдя к дороге, муравьи переменили свой путь и узкими колоннами снова взобрались на вал. Я поставил маленький камень, чтобы преградить дорогу одной из колонн; весь корпус бросился на это препятствие, но затем немедленно отступил. Несколько времени спустя пришла другая армия, и после новой неудавшейся попытки прежний маршрут был оставлен. Стоило первой колонне взять на один дюйм в сторону, и камень был бы обойден; конечно, они бы так и сделали, если бы камень и прежде лежал здесь, но, видя с моей стороны нападение, эти маленькие воинственные герои не допускали и мысли об уступке.

В окрестностях Рио часто встречаются насекомые вроде ос, которые строят для своих личинок глиняные гнезда по углам веранд. Эти гнезда они доверху набивают полуживыми пауками и гусеницами, которых они умеют удивительно ловко жалить, так, чтобы те оставались парализованными, но живыми до тех пор, пока личинки не вылупятся из яиц; личинки питаются этим ужасным скоплением беспомощных, полуживых жертв,—зрелище, которое было описано одним восторженным натуралистом*, как любопытное и увлекательное! Меня очень занимала однажды смертельная схватка между осой Pepsis и большим пауком из рода Lycosa. Оса бросилась на паука, нанесла ему удар и улетела; паук был, очевидно, ранен, потому что, пытаясь убежать, покатился вниз по маленькому склону, но все-таки сохранил еще довольно силы, чтобы доползти до густого кустика травы. Вскоре оса вернулась и была явно поражена, не найдя сразу своей жертвы. Тогда она начала правильные поиски не хуже любой собаки, охотящейся за лисицей; она стала описывать короткие полукруги и все время быстро двигала крыльями и щупальцами. Паук, хотя и хорошо спрятавшийся, был вскоре открыт, и оса, все еще, очевидно, опасаясь челюстей своего противника, после многих маневров ужалила его в двух местах на нижней стороне груди. Наконец, тщательно обследовав своими щупальцами уже неподвижного паука, она потащила труп [42]. Но тут я захватил убийцу и овладел ею вместе с ее добычей**.

Число пауков, сравнительно с другими насекомыми [43], здесь несравненно больше, чем в Англии; их, может быть, здесь даже больше, чем представителей любого из других отделов членистоногих животных. Разнообразие видов прыгающих пауков можно сказать бесконечно. Род, или правильнее семейство, Epeira[44] представлено здесь многими своеобразными формами; многие виды имеют колючие жесткие

* См. рукопись м-ра Аббота в Британском музее; он производил свои наблюдения в Георгии; см. также статью м-ра Уайта в «Annals of Natural History», vol. VII, p. 472. Лейт. Хёттон описал один вид сфекса (Sphex) в Индии, отличающийся подобными же нравами («Journal of the Asiatic Society», vol. I, p. 555).

** Дон Феликс Азара (vol. I, p. 175), упоминая об одном перепончатокрылом насекомом, вероятно, того же самого рода, говорит, что он видел, как оно тащило мертвого паука по высокой траве прямо к своему гнезду, которое находилось от него в 163 шагах. Он прибавляет, что оса, отыскивая дорогу, по временам описывала полукруги приблизительно в три пяди («demi-tours d'environ trois palmes»).

покровы, другие—широкие колючие голени. Тропинки в лесу то и дело перегорожены крепкими желтыми тенетами паука, принадлежащего к той же группе, что и *Epeira clavipes* Fabricii, о котором Слоан некогда рассказывал, что в Вест-Индии он ткет весьма крепкие тенета, в которые попадаются птицы. Почти в каждой такой паутине живет в качестве паразита маленький красивый паучок с очень длинными передними ногами, принадлежащий к роду, который, кажется, еще вовсе не описан. Полагаю, что он слишком незначителен, чтобы обратить на себя внимание большого крестовика, и потому получает возможность питаться мелкими прилипшими к паутине насекомыми, которые иначе пропадали бы даром. Если пугнуть этого маленького паучка, он или притворяется мертвым, вытянув свои передние ноги, или стремглав падает с паутины. Здесь очень обыкновенен, особенно в сухих местах, большой крестовик, принадлежащий к одной группе с *Epeira tuberculata* и *conica*. Обыкновенно он раскидывает свою паутину между большими листьями тамошней агавы и укрепляет ее иногда около центра двумя или даже четырьмя нитями, которые зигзагами соединяют соседние лучи. Если в тенета попадает какое-нибудь большое насекомое, например, кузнечик или оса, паук ловким движением начинает очень быстро повертывать его и в то же время, выделяя из своих паутинных желез пучок нитей, обволакивает вскоре свою добычу чехлом, напоминающим кокон шелковичного червя. После того паук осматривает беспомощную жертву и наносит ей смертельный укус в нижнюю часть груди; затем он уходит и терпеливо дожидается пока яд окажет свое действие. О силе яда можно судить по тому, что когда я через полминуты открыл кокон, то нашел огромную осу уже мертвой. Этот крестовик сидит всегда около центра своей паутины головой вниз. Если его потревожить, то он поступает различно, смотря по обстоятельствам: если под паутиной есть трава или кусты, то он быстро падает вниз; при этом я ясно видел, как, собираясь падать, он выпустил из своей железы длинную нить. В случае, если место под паутиной открыто, паук редко бросается вниз, но быстро перебегает по центральному ходу с одной стороны на другую. Если продолжать преследовать его далее, то он прибегает к очень хитрой уловке, а именно: оставаясь в середине, он начинает сильно подергивать нити, прикрепленные к очень гибким ветвям, и мало-помалу приводит паутину в столь быстрое колебание, что даже очертания тела самого паука становятся неясными.

Известно, что почти все британские пауки в случае, если в их тенета попадает слишком большое насекомое, стараются оборвать нити и освободить добычу, чтобы спасти от разрушения свою паутину. Однако, мне случилось однажды видеть в одной теплице в Шропшире, что в неправильные тенета маленького паука попала большая оса. Паук вместо того, чтобы оборвать захватившие ее нити, еще крепче принялся опутывать ими тело и преимущественно крылья своей добычи. Сначала оса все пыталась достать жалом и уколоть своего маленького противника. В течение целого часа я наблюдал эту борьбу, и, наконец, сжалившись, убил осу и снова положил на паутину. Паук вскоре возвратился, и через час я с удивлением увидел, что он запустил свои челюсти в отверстие, через которое оса высовывает свое жало. Два или три раза я отгонял паука, но в течение всех следу-

ющих суток постоянно находил его сосущим осу все в том же месте. Паук сильно раздулся, насосавшись соков своей добычи, которая была во много раз больше его.

Здесь кстати упомянуть, что в окрестностях Санта Фе Бахада я нашел много больших черных пауков с красными пятнами на спине, живущих обществами. Тенета расположены у них вертикально, как у всего рода крестовиков; одна паутина отстоит от другой фута на два, но все они прикрепляются к общим нитям, которые очень длинны и протянуты во все стороны общественной паутины. Таким образом верхушки некоторых больших кустов были со всех сторон окружены этими соединенными паутинами. Азара* описал общественного парагвайского паука, которого Уолкнер принимает за Theridion, но вероятнее, что это крестовик и даже того же вида, как и мой. Однако, я не помню, чтобы мне когда-нибудь случалось видеть центральное гнездо величиной в шапку, в которое, по словам Азары, пауки откладывают яйца осенью перед смертью. Так как все пауки, которых я видел, были одинакового роста, то можно думать, что все они были приблизительно одного возраста. Жизнь обществами у некоторых видов такого типичного рода, как Epeira, которые являются насекомыми, живущими уединенно, и настолько кровожадными, что даже оба пола постоянно воюют между собой, представляется совершенно исключительным фактом.

Неподалеку от Мендосы, в высокой долине Кордильер, я нашел другого паука с очень странной формой тенет. Из центра, где сидит насекомое, шли лучами крепкие нити, расположенные в вертикальной плоскости; но только два луча были связаны друг с другом симметрическим переплетом, так что паутина имела не обычную круглую форму, а форму клинообразного сегмента. Так были построены все паутины.

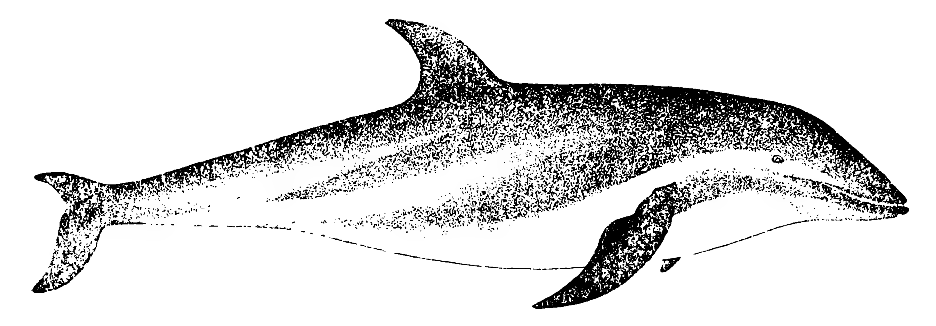
* Azara, Voyage, vol. I, p. 213.

ГЛАВА III

МАЛЬДОНАДО

Монтевидео.—Мальдонадо.—Путешествие к реке Поланко.—Лассо и бола.—Куропатки.—Отсутствие деревьев.—Олень.—Capybara, или водосвинка.—Тукутуко.—Molothrus, его кукушкообразные повадки.—Бентеви.—Пересмешник.—Стервятники.—Трубки, образованные молнией.—Разрушенный дом.

5 июля 1832 г.—Утром мы отправились в путь и вышли из великолепной гавани Рио де Жанейро. До Ла Платы мы не видали ничего достойного внимания; только раз нам попалось большое стадо дельфинов, состоявшее из нескольких сот штук. В некоторых местах все



Дельфин (*Delphinus FitzRoyi*).

море было усеяно ими; сотни этих животных, быстро разрезавших волны и подпрыгивавших при этом так высоко, что все тело их высовывалось наружу, представляли необычайное зрелище. Когда корабль делал до девяти узлов в час, они совершенно свободно сновали взад и вперед перед самым носом и потом быстро исчезали, убегая вперед. Вскоре после того, как мы вошли в эстуарий Ла Платы, наступила очень непостоянная погода. В одну темную ночь нас окружили многочисленные тюлени и пингвины; они производили такие странные звуки, что вахтенный офицер отрапортовал, что с берега слышно уже мычание домашнего скота. На другую ночь мы были свидетелями великолепного естественного фейерверка: верхушка мачты и концы рей засветились огнями св. Эльма, а очертания флюгера сияли как будто натертые фосфором. Море светилось до такой степени, что следы пингвинов обозначались огненными полосами, а в темных небесах по временам мелькала ослепительная молния.

Когда мы вошли в устье реки, я с любопытством наблюдал, как медленно смешивалась морская вода с водою реки. Мутная и окрашенная вода реки, будучи легче соленой воды, текла поверх ее, что было особенно заметно в борозде, оставляемой ходом корабля; здесь было ясно видно, как чистая голубая струя маленькими водоворотами смешивалась с окружающей мутной водой.

26 июля.—Мы бросили якорь в Монтевидео. Следующие два года «Бигль» производил съемку восточных и южных берегов Америки к югу от Ла Платы. Чтобы избежать излишних повторений, я выберу из моего дневника все то, что относится к этим местам, не соблюдая, однако, порядка, в котором мы их посещали.

Мальдонадо лежит на северном плоском берегу Ла Платы, недалеко от входа в эстуарий. Это тихий, заброшенный, маленький городок. Улицы его, как и во всех здешних городах, расположены под прямыми углами друг к другу, а в центре города помещается обширная площадь или сквер, размеры которого еще резче подчеркивают малочисленность населения. Торговли здесь почти нет; предметы вывоза ограничиваются кожами и живым скотом. Жители преимущественно землевладельцы; есть также несколько лавочников и необходимых ремесленников, как кузнецы и плотники, которые обслуживают все население на пятьдесят миль в окружности. Город отделен от реки рядом песчаных холмов, которые тянутся почти на милю в ширину. С других сторон его окружает открытая, слегка волнистая равнина, одетая однообразным покровом зеленой травы, на которой пасутся бесчисленные стада рогатого скота, овец и лошадей. Обработанной земли очень мало даже в окрестностях города. Изгороди из кактусов и агав отмечают те немногие места, где посеяна пшеница или маис. Общий характер страны по всему протяжению северного плоского берега Ла Платы одинаков. Вся разница в том, что здесь гранитные скалы несколько крупнее. Местность вообще непривлекательна. Только изредка оживляется она видом дома, огороженного места или дерева. Однако, пробыв в течение некоторого времени пленником на корабле, чувствуешь особенное наслаждение от прогулок по безграничным луговым равнинам. Сверх того, если сосредоточить внимание на небольшом пространстве, всегда можно найти много хорошего. Многие из здешних мелких птиц очень ярко расцвечены, а свежая зеленая мурава, коротко общипанная пасущимся скотом, украшена мелкими цветами, между которыми я встретил, как старого друга, цветок, похожий на маргаритку. А что сказал бы любитель цветов при виде огромных пространств, так густо усеянных вербенами, что даже издали они так и горят великолепнейшим алым цветом?

Я оставался в Мальдонадо десять недель и в это время успел собрать почти полную коллекцию здешних зверей, птиц и пресмыкающихся. Однако, прежде, чем сообщить некоторые свои наблюдения над ними, я расскажу о небольшой экскурсии, которую я совершил к реке Поланко, протекающей миль за семьдесят на север отсюда. Вот образчик здешней дешевизны: я платил всего лишь два доллара, или 8 шиллингов, в день двум проводникам с целой дюжиной верховых лошадей. Мои спутники были хорошо вооружены пистолетами и саблями. Эта предосторожность показалась мне совершенно лишней; но первое, что мы услышали на пути, было известие, что накануне

на дороге из Монтевидео найден убитый путешественник с перерезанным горлом. Убийство случилось около креста, поставленного в память другого подобного события.

Первую ночь мы провели в уединенном сельском домике, и тут оказалось, что я обладаю двумя или тремя вещами, которые служат предметом величайшего удивления. Особенное внимание возбуждал мой карманный компас. В каждом доме меня просили показать его и объяснить, как при помощи этого инструмента и карты определяется направление к какому-либо месту. Особенно удивляло туземцев то, что я, чужестранец, так хорошо знаю дорогу (в этой открытой стране направление и дорога—слова однозначащие) к местам, где никогда не бывал. В одном доме молодая женщина, лежавшая вследствие болезни в постели, просила меня зайти к ней и показать ей компас. Если их удивление было велико, то и я не мало изумлялся невежеству народа, который владеет тысячами голов скота и обширнейшими поместьями. Это можно объяснить разве тем, что в эту глухую страну редко приезжают иностранцы. Меня спрашивали: земля ли движется или солнце; теплее или холоднее к северу; где лежит Испания и множество других подобных вещей. Жители большей частью полагают, что Англия, Лондон и Северная Америка суть различные названия одного и того же места; однако, находились люди, лучше осведомленные,—они хорошо знали, что Лондон и Северная Америка отдельные, но соседние между собой страны и что Англия—большой город в Лондоне! У меня были так называемые прометеевы спички, которые зажигаются путем откусывания головки: то обстоятельство, что человек может добывать огонь с помощью своих зубов, казалось таким чудом, что, когда я зажигал спичку, вся семья сбегалась смотреть на меня; раз мне предлагали доллар за одну такую спичку. В селении Лас Минас много толковали о том, что я каждое утро умываюсь. Один богатый купец подвергнул меня подробному допросу по поводу такого странного моего обыкновения. Он расспрашивал меня также и о том, почему мы на корабле не бреем бороду, о чем он слышал от моего проводника. Он вообще смотрел на меня с большим подозрением; может быть он слыхал об омовениях магометан и, зная, что я еретик, вероятно пришел к тому заключению, что все еретики—турки. В этих местах существует обыкновение просить ночлега в первом встречном доме. Мне было отчасти полезно то удивление, которое возбуждали мой компас и другие «фокусы»; все это, вместе с бесконечными рассказами моих проводников о том, как я раскалываю камни, отличаю ядовитых змей от безвредных, собираю насекомых и т. д., служило моей платой за их гостеприимство [45]. Я пишу так, как будто нахожусь среди жителей Центральной Африки: Банда Ориенталь [46] не была бы, вероятно, польщена таким сравнением, но именно таковы были мои впечатления в то время.

На следующий день мы отправились в селение Лас Минас. Местность была несколько более холмиста, но в других отношениях совершенно такая же; впрочем, жителю пампасов [47] она, без сомнения, могла казаться настоящими Альпами. Население здесь так редко, что за целый день едва встретишь одного человека. Лас Минас еще меньше, чем Мальдонадо. Селение расположено на небольшой равнине и окружено низкими скалистыми горами. Оно построено по обычной здесь

симметричной форме и со своей выбеленной церковью в центре имеет в общем довольно красивый вид. Крайние дома одиноко возвышались на равнине; возле них не было ни садов, ни дворов. В тех местах это обычное явление, и потому дома имеют вообще неуютный вид. На ночь мы остановились в пульперии (pulperia), т. е. в кабаке. Вечером туда пришло много гаучосов[48] пить вино и курить сигары. Наружность их весьма занятна; все они высокого роста и красивы, но с каким-то надменным и распущенным выражением лица; многие носят усы и длинные черные волосы, вьющиеся по плечам. Красивая пестрая одежда, звенящие шпоры на каблуках, ножи, заткнутые за пояс в виде кинжалов (и в качестве таковых нередко употребляемые в дело),—все это, вместе взятое, придает им характер, далеко не соответствующий названию гаучо, т. е. попросту поселянин. Они чрезвычайно вежливы; ни один не выпьет стакана вина, не попросив вас наперед отведать его, но даже в ту самую минуту, как он отвешивает вам свой изящный поклон, так и кажется, что он не прочь тотчас перерезать вам горло, если представится случай.

На третий день мы продолжали свой путь, отклоняясь в разные стороны, потому что я занялся осмотром нескольких залежей мрамора. На зеленой мураве равнин мы видели много страусов[49] *(Struthio rhea)*. В некоторых стадах их было до двадцати или тридцати штук. Эти птицы, стоя на каком-нибудь небольшом возвышении, очень красиво рисовались на светлом фоне неба. Я никогда еще не встречал где-либо в этой стране таких смирных страусов, как здесь: к ним можно было подъезжать верхом очень близко, но тут они распускали крылья, стремительно пускались по ветру и вскоре оставляли лошадь далеко за собой.

К ночи мы приехали в дом дон Хуана Фуэнтес, богатого землевладельца, с которым, впрочем, никто из нас не был лично знаком. Приближаясь к чужому дому, здесь необходимо соблюсти некоторые требования этикета: медленно подъехав к двери, нужно приветствовать хозяев словами «Ave Maria»[50], и пока кто-нибудь не выйдет и не попросит вас войти, неприлично даже слезать с лошади; по установленной форме хозяин отвечает вам—«Sin pecado concebida», т. е. «зачатая без греха». Войдя в дом, вы несколько минут поддерживаете какой-нибудь разговор общего характера и лишь после того просите разрешения переночевать здесь. На эту просьбу немедленно отвечают согласием. С этой минуты гость уже может принимать участие во всех семейных трапезах, и ему отводят комнату, где он устраивает себе постель из чепрака, принадлежащего к его рекадо (recado), т. е. пампасскому седлу. Любопытно, в какой мере сходные условия вырабатывают и весьма сходные обычаи. На мысе Доброй Надежды повсеместно существует совершенно такого же рода гостеприимство и соблюдаются почти те же формы этикета. Однако разница между характером испанца и голландца-бура сказывается в том, что первый никогда не задает гостю вопроса, выходящего за пределы самой тончайшей вежливости, тогда как добряк голландец спросит вас, где вы были, куда едете, чем занимаетесь и, наконец, осведомится даже, много ли у вас братьев, сестер и детей.

Вскоре после нашего приезда к дон Хуану к дому его пригнали одно из больших стад рогатого скота, и трех быков отобрали на убой

для нужд хозяйства. Полудикие животные были очень проворны и, будучи хорошо знакомы с роковым лассо, порядком измучили лошадей, заставляя гоняться за собой. При виде такого богатства, выражавшегося в огромном количестве скота, лошадей и служителей, странно было смотреть на жалкое жилище дон Хуана. Пол в его доме был земляной, окна без стекол, в гостиной было только несколько стульев и скамеек самой грубой работы да два стола. Ужин, несмотря на присутствие нескольких посторонних лиц, состоял только из двух огромных кусков говядины—жареной и вареной—и из нескольких тыкв; кроме тыквы никаких других овощей не было; не оказалось даже ни одного куска хлеба. Для питья стоял огромный глиняный кувшин с водой—один на все общество. А между тем этот человек владел большим числом квадратных миль земли, где почти каждый акр мог бы производить не только хлеб, но—при затрате небольшого труда—и все обыкновенные овощи. Вечер прошел в курении сигар, да в импровизированном пении под аккомпанимент гитары. Синьориты сидели кучкой в одном углу комнаты и не ужинали с мужчинами.

Об этих странах было так много писано, что рассказывать о лассо (lazo) и бола (bolas) почти лишнее. Лассо (аркан) состоит из очень крепкой, но тонкой веревки, плотно сплетенной из сыромятных ремней. Один конец его прикрепляется к широкой подпруге, которой связаны между собой различные, очень сложные части рекадо, или седла, употребляемого в пампасах; на другом конце есть маленькое кольцо, железное или медное, сквозь которое продевается петля. Когда гаучо собирается пустить лассо в ход, он оставляет небольшой сверток веревки в левой руке, а в правой держит петлю, которая обыкновенно делается очень большой, около 8 футов в поперечнике. Вращая петлю над головой, он ловким движением запястья руки оставляет ее открытой и затем, нацелившись, накидывает на желаемый предмет. Когда лассо не нужно, оно свертывается узлом и привязывается к задней части седла. Бола, или шары, бывают двух родов. Самые простые, употребляемые обыкновенно для ловли страусов, состоят из двух круглых камней, обтянутых кожей и соединенных вместе тонким плетеным ремешком, около 8 футов длиною. Другой род бола отличается только тем, что вместо двух в них три шара, соединенных ремнями в общем центре. Гаучо держит самый маленький из трех шаров в руке, а остальные два быстро вертит над головой; потом, прицелясь, бросает их в воздух, где они кружатся будто связанные цепью ядра. Шары, падая на какой-нибудь предмет, обвиваются вокруг него, перекрещиваются и таким образом плотно охватывают его. Величина и вес шаров изменяются, смотря по цели, для которой они предназначаются; каменные шары величиной хотя бы с яблоко наносят при падении такой сильный удар, что могут иногда переломить ногу даже лошади. Я видел деревянные шары с репу величиной, назначенные для того, чтобы ловить животных, не причиняя им вреда. Иногда шары делаются железные и в этом случае могут быть бросаемы на огромное расстояние. Главная трудность при употреблении лассо и бола заключается в уменьи ездить верхом так искусно, чтобы на всем скаку и при всяких быстрых поворотах уметь верной рукой вращать их над головою и метко прицеливаться; пешему же очень легко и скоро дается это искусство. Однажды я пустился скакать верхом на

лошади и пробовал кружить эти шары над головой: случайно один из них ударился о куст; потеряв таким образом свое вращательное движение, он упал на землю и, словно заколдованный, обвился около одной из ног моей лошади; другой шар выскочил у меня из рук, и лошадь была поймана. К счастью, конь был старый, бывалый и тотчас понял, в чем дело; другая лошадь, пожалуй, стала бы лягаться, пока не свалилась бы на землю. Гаучосы помирали со смеху и кричали, что им случалось ловить на аркан всяких зверей, но еще ни разу не доводилось видеть, чтобы человек изловил самого себя.

В течение следующих двух дней я достиг крайнего предела местности, которую желал исследовать. Страна носила все тот же характер, так что под конец превосходная зелень лугов сделалась несноснее пыльной, неровной дороги. Мы везде встречали множество куропаток *(Nothura major)*. Эти птицы не ходят здесь стаями и не прячутся, как у нас в Англии. Повидимому, это преглупые создания. Человек верхом, объезжая их по кругу, или вернее по спирали, может приблизиться к ним настолько близко, что получает возможность сколько угодно набить их ударами по голове. Обыкновенно их ловят посредством петли, или маленького лассо, сделанного из ствола страусового пера, прикрепленного к концу длинной палки. Мальчик на смирной старой лошади может наловить их штук до тридцати или сорока в день. В холодном поясе Северной Америки* индейцы ловят таким же способом зайцев, обходя их по спирали; полдень считается самым лучшим временем для этой охоты, потому что солнце стоит тогда всего выше и тень от охотника всего короче.

Обратно в Мальдонадо мы поехали другой дорогой. Около Пан де Асукар, местечка, хорошо известного всякому, кто плавал по Ла Плате, я провел целый день в доме очень гостеприимного старого испанца. Рано утром мы взобрались на Сьерра де лас Анимас. При свете восходящего солнца картина была весьма живописна. К западу глаз обнимал обширную плоскую равнину вплоть до самой горы, лежащей около Монтевидео, а к востоку тянулась холмистая область Мальдонадо. На вершине горы лежало несколько кучек камней, которые, очевидно, занесены сюда много лет назад. Спутник мой уверял меня, что эти кучки были сложены в старину индейцами. Кучки были похожи, но только в миниатюре, на те, которые часто встречаются на верхушках гор в Уэльсе. Желание ознаменовать важное происшествие каким-нибудь памятником, помещенным на высшем пункте местности, повидимому, общая страсть всего человечества. В настоящее время в этой части страны нет ни одного ни дикого, ни цивилизованного индейца, и едва ли прежние обитатели ее оставили какие-либо другие памятники своего существования, кроме этих небольших кучек камней на вершине Сьерра де лас Анимас.

Замечательно, что во всей Банда Ориенталь почти совершенно нет деревьев. На некоторых скалистых холмах, правда, встречаются кусты, да по плоским берегам больших рек, особенно к северу от Лас Минас, довольно часто попадаются ивы. Мне рассказывали, что близ Аройо Тапес есть пальмовый лес; одну пальму, и даже довольно боль-

* Hearne, Journey, p. 383.

шую, я видел близ Пан де Асукар, под 35° широты. Кроме этих деревьев да тех, которые посажены испанцами, в стране почти вовсе нет леса. Из числа разведенных пород следует упомянуть о тополе, масличном, персиковом и других фруктовых деревьях. Персики так хорошо принялись, что составляют главнейшее топливо города Буэнос Айреса. Такие плоские равнины, как пампасы, редко обладают условиями, благоприятными для произрастания деревьев. Это можно приписать или силе ветров или быстрому высыханию земли. Однако, в окрестностях Мальдонадо эти причины не могут иметь влияния, потому что между скалистыми горами лежат защищенные места, почва которых достаточно разнообразна; почти в каждой долине встречаются ручьи, а глинистый характер почвы должен способствовать поддержанию влажности. Утверждали, и это весьма вероятно, что развитие лесов вообще обусловливается* годичной суммой влажности; однако, в этой стране сильные дожди бывают зимой, а лето хотя и сухо, но не чрезмерно**. Известно, что почти вся Австралия покрыта высокими деревьями, несмотря на то, что климат этой страны гораздо суше. Следовательно, для объяснения этого явления мы должны искать какие-то другие неизвестные причины.

Если судить по одной Южной Америке, мы должны были бы притти к убеждению, что деревья могут расти только в очень сыром климате, потому что здесь граница лесной полосы весьма замечательным образом совпадает с пределами распространения влажных ветров. В южной части материка, где господствуют западные ветры, несущие влагу с Тихого океана, каждый островок около изрезанного западного берега, от 38° широты до самой оконечности Огненной Земли, густо покрыт непроходимыми лесами. На восток от Кордильер, под теми же широтами, где голубое небо и ровный климат доказывают, что воздух, прошедший через вершины гор, утратил свою влажность, сухие равнины Патагонии отличаются крайне бедной растительностью. В более северных частях материка, в пределах постоянных юго-восточных пассатов, восточная сторона покрыта великолепными лесами, между тем как западный берег между 4 и 32° юж. широты справедливо может быть назван пустыней; на том же западном берегу к северу от 4° юж. широты, где пассаты теряют свою правильность и периодически выпадают сильные ливни, берега Тихого океана, столь пустынные в Перу, одеваются близ мыса Бланко той роскошной растительностью, которой так прославились Гваякиль и Панама. Таким образом, в южной и северной частях материка лесистые и пустынные местности занимают противоположные стороны относительно Кордильер, и положение это, очевидно, зависит от направления господствующих ветров. Середину материка занимает широкий переходный пояс, заключающий в себе центральную часть Чили и те провинции Ла Платы, где влажные ветры, приносящие дожди, не встречают на своем пути высокие горы и где местность не представляет собою пустыни, но и не покрыта лесами. Но если и принять за правило, что в Южной Америке деревья растут только в местностях, находящихся под не-

* Maclaren, статья «America» в Encyclopedia Britannica.

** Азара говорит: «Я думаю, что годовое количество дождей в этих странах больше, чем в Испании».—Vol. I, p. 36.

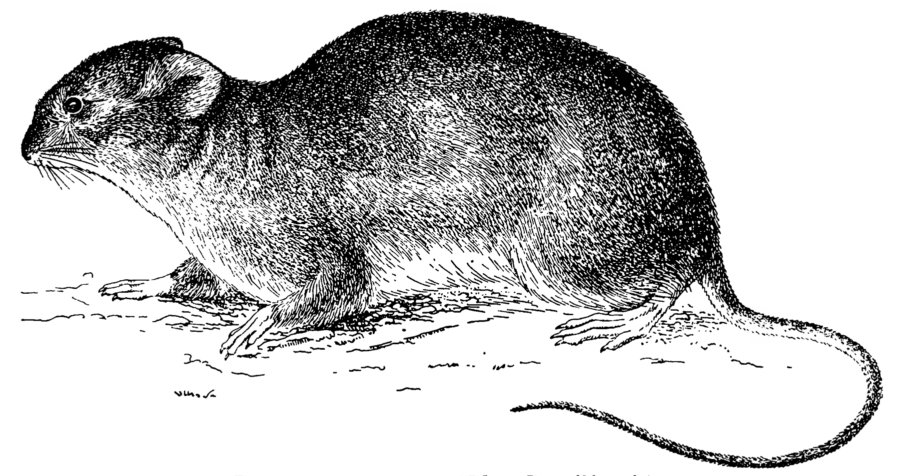
посредственным влиянием влажных ветров, то и тогда мы имеем весьма определенное исключение в виде Фальклендских островов. Эти острова лежат под одной широтой с Огненной Землей и удалены от нее только миль на двести или триста; климат и геологическая формация почти те же, что и на Огненной Земле, местность благоприятная и почва такая же торфяниковая; а между тем на этих островах едва ли можно указать хоть на несколько растений, достойных названия кустов, тогда как на Огненной Земле невозможно найти ни одного акра земли, не покрытого густым лесом. В этом случае направление сильных ветров, а также и морского течения способствует перенесению семян с Огненной Земли, на что указывают челноки и стволы деревьев, относимые от берегов Огненной Земли и нередко прибиваемые волнами к берегам Западного Фальклендского острова. Поэтому-то, может быть, мы находим много растений, общих обеим странам. Что же касается деревьев Огненной Земли, то все попытки даже искусственного разведения их на Фальклендских островах оставались безуспешными.

Во время нашей стоянки в Мальдонадо я собрал несколько млекопитающих, восемьдесят разных птиц и много пресмыкающихся, в том числе девять видов змей. Из крупных туземных млекопитающих в настоящее время остался только один *Cervus campestris*, но зато этот олень очень многочислен и встречается небольшими стадами в местах, прилегающих к Ла Плате, и в Северной Патагонии. Если подобраться к стаду ползком по земле, то олени сами подходят и с любопытством рассматривают человека. Таким способом я сам убил трех животных из одного стада. Однако, несмотря на такую доверчивость и любопытство, они проявляют исключительную осторожность при приближении человека верхом на лошади. Здесь никто не ходит пешком, и олень видит в человеке врага только в том случае, если он верхом и притом с бола в руке. В Байа Бланке, недавно основанном поселении в Северной Патагонии, я с удивлением заметил, что олени совершенно не боятся звука ружейных выстрелов. Однажды я стрелял в одного оленя на расстоянии восьмидесяти ярдов десять раз сряду, и каждый раз животное гораздо с бо́льшим любопытством вглядывалось в то, как пуля бороздила землю, чем пугалось звуков выстрела. Так как у меня не было более пороха, то я поневоле встал (должен в этом сознаться, хотя это и стыдно для охотника, который может стрелять птиц на лету) и кричал, пока олень не убежал.

Самая замечательная особенность этого животного заключается в нестерпимо сильном и неприятном запахе, исходящем от самца. Описать его нет возможности; когда я снимал шкуру с экземпляра, который находится теперь в Зоологическом музее, меня несколько раз тошнило. Шкуру я принес домой в шелковом носовом платке. Этот платок был тщательно вымыт, и я стал его употреблять попрежнему; но в течение года и семи месяцев каждый раз, как мне приходилось развертывать вымытый платок, я явственно слышал запах. Это удивительный пример прочности вещества, которое по своей природе должно быть весьма тонко и летуче. Я часто замечал, проходя на расстоянии полумили от стада с подветренной стороны, что весь воздух пропитан этим запахом. Мне кажется, что запах самца всего сильнее в то время, когда его рога вполне развились и освободились от покры-

вавшей их волосистой кожи. В это время, конечно, мясо его совершенно негодно в пищу; но гаучосы уверяют, что если его на некоторое время зарыть в сырую землю, то запах уничтожается. Я где-то читал, что жители островов на севере Шотландии поступают таким же образом с вонючим мясом птиц, питающихся рыбой.

Отряд грызунов здесь очень богат видами: одних мышей я нашел не менее восьми родов*. Самый крупный из всех грызунов—*Hydrochaerus capybara* (водосвинка)—встречается здесь в большом количестве. Одна из них, застреленная мною около Монтевидео, весила девя-



Бразильская мышь (*Mus Brasiliensis*).

носто восемь фунтов; длина ее от конца морды до короткого тупого хвоста равнялась трем футам и двум дюймам, а в обхвате она имела три фута и восемь дюймов. Эти большие грызуны появляются иногда на островах в устье Ла Платы, где вода совершенно соленая, но они гораздо многочисленнее на берегах пресных озер и рек. Близ Мальдонадо они всегда живут по три или по четыре вместе. Днем они или лежат между водяными растениями или открыто пасутся на зеленых лугах**. Издали своим цветом и походкой они напоминают свиней; но когда они сидят на задних лапках и внимательно смотрят одним глазом на какой-нибудь предмет, то всего более похожи на родствен-

* В Южной Америке я в общей сложности собрал двадцать семь видов мышей; кроме того, известно еще тринадцать по сочинениям Азары и других авторов. Те, которых я нашел, были названы и описаны м-ром Уотергаузом на заседаниях Зоологического общества. Снова пользуюсь этим случаем, чтобы выразить самую искреннюю благодарность м-ру Уотергаузу и другим членам этого общества за то любезное и просвещенное содействие, которое они всегда оказывали мне.

** Во вскрытом мною желудке и двенадцатиперстной кишке одной водосвинки я нашел очень большое количество прозрачной желтоватой жидкости, в которой с трудом можно было найти единственное волокно. М-р Оуэн сообщил мне, что часть пищевода устроена у них таким образом, что более крупные куски не могут пройти через нее. Действительно, широкие зубы и сильные челюсти этого животного хорошо приспособлены для перемалывания в кашицу водяных растений, которые служат ему пищей.

ных им морских свинок (Cavia) и кроликов. Спереди и сбоку их голова, благодаря исключительно большим челюстям, имеет довольно нелепый вид. В Мальдонадо эти животные очень смирны; подвигаясь осторожно, я мог подойти на расстояние трех ярдов к четырем взрослым водосвинкам. Такая доверчивость может быть объяснена тем, что здесь уже давно нет ягуаров, а гаучосы пренебрегают охотой за водосвинками. По мере того как я приближался к ним, свинки издавали особый, свойственный им звук, нечто вроде слабого, отрывистого хрюканья, которое они производят, вероятно, внезапным выдыханием из себя воздуха. Звук этот всего более похож на то хриплое ворчанье, которое испускают большие собаки, собираясь лаять. Несколько минут я стоял на расстоянии одного шага от четырех водосвинок и смотрел на них (а они на меня), затем они вдруг с величайшей поспешностью кинулись в воду, издавая в то же время свое хрюканье. Проплыв несколько времени под водою, они снова показались на поверхности, высовывая, однако, только верхнюю часть головы. Я слыхал, что когда самка плавает с детенышами, они сидят у нее на спине. Этих животных очень легко набить в большом количестве, но шкуры их почти не имеют цены, а мясо безвкусно. На островах реки Параны их великое множество, и ими обыкновенно питаются ягуары.

Тукутуко *(Ctenomys Brasiliensis)* очень интересное маленькое животное, которое можно назвать грызуном с нравами крота. В некоторых частях страны их чрезвычайно много, но добыть их трудно, потому что, как кажется, они никогда не выходят из-под земли. При входе в свою норку тукутуко, подобно кроту, насыпает кучки земли, но только несколько меньших размеров. Иногда земля бывает на довольно большом протяжении так подрыта этими животными, что лошади часто проваливаются выше щеток. Повидимому, тукутуко живут обществами: человек, которому я поручил достать мне несколько экземпляров, поймал шестерых разом и говорил мне, что это вовсе нередкость. По нравам своим они принадлежат к ночным животным; питаются преимущественно кореньями растений, в поисках которых они и прокладывают свои неглубокие, но длинные ходы. Это животное всем известно по тому особому звуку, который оно производит под землей. Этот звук очень поражает того, кто его слышит в первый раз, потому что сразу не догадаешься, откуда он идет и какого рода создание производит его. Звук этот состоит из отрывистых, но не резких носовых хрюканий, повторяющихся очень быстро и однообразно четыре раза сряду*; в подражание этому звуку зверька и назвали тукутуко. В тех местах, где этих животных много, хрюканье можно слышать во все часы дня и иногда как раз под ногами. В комнате тукутуко передвигается медленно и неловко, вероятно, оттого, что задние ноги при ходьбе выворачиваются наружу; точно так же он не может вспрыгнуть по вертикали даже на самое маленькое возвышение, по-

* Близ Рио Негро в Северной Патагонии встречается животное с такими же повадками и, вероятно, того же рода, но я его никогда не видел. Его звук несколько отличается от хрюканья мальдонадского тукутуко; он повторяется два раза, а не три или четыре, и гораздо резче и звонче. На некотором расстоянии он так похож на стук, производимый топором при рубке маленького дерева, что я иногда оставался в недоумении, точно ли это зверек, а не топор.

тому что во впадине бедреной кости у него недостает определенной связки. В своих попытках к бегству они обнаруживают исключительную тупость; если их рассердить или пугнуть, они тотчас издают свое туку-туко. Из тех, которых я держал у себя живыми, некоторые сделались ручными с первого же дня и не пробовали ни убегать, ни кусаться; другие были более дикими.

Человек, который ловил их для меня, уверял, что очень многие из них остаются всегда слепыми. Заспиртованный мною экземпляр был тоже слепой; м-р Рейд думает, что это—следствие воспаления мигательной оболочки глаза. При жизни этого животного я помещал палец на полдюйма от его головы, и оно ничего не замечало, хотя ходило по комнате нисколько не хуже других. Так как тукутуко живут исключительно под землею, то слепота, так часто встречающаяся у них, вряд ли приносит им существенный вред, но как-то странно видеть у животного орган, так часто подверженный заболеваниям. Ламарк был бы восхищен этим фактом, если бы знал его, когда выдвинул свое предположение* (вероятно, более близкое к истине, чем это бывает обычно у него) о постепенно *приобретаемой* слепоте у Aspalax [51],—грызуна, живущего под землей,—и у протея (Proteus),—земноводного, обитающего в темных пещерах, наполненных водою; у этих животных глаза находятся почти в зачаточном состоянии и покрыты волокнистой перепонкой и кожей. У обыкновенного крота глаза чрезвычайно малы, но вполне развиты, хотя многие анатомы сомневаются в том, связаны ли они с настоящим зрительным нервом; зрение у него, конечно, плохое, но, вероятно, все-таки оказывается для него полезным, когда он выходит из норки. У тукутуко, который, как мне кажется, никогда не выходит на поверхность земли, глаза больше, но часто слепнут и становятся бесполезными, что, повидимому, не причиняет животному никакого неудобства. Без сомнения, Ламарк сказал бы, что тукутуко в настоящее время переходит в то состояние, в котором находятся Aspalax и протей [52].

На холмистых травяных равнинах вокруг Мальдонадо водится множество разных птиц. Есть несколько видов из семейства, сходного по строению и нравам с нашими скворцами; один из них *(Molothrus niger)* [53] особенно замечателен своими повадками. Часто видишь, как эти птицы по нескольку сразу садятся на спину лошади или коровы; сидя на изгороди и охорашиваясь на солнышке, они иногда начинают петь или, вернее, свистать; звуки их песни очень странны: как будто пузырьки воздуха быстро выходят через маленькое отверстие под водой и производят пронзительный звук. По словам Азары, эта птица кладет свои яйца в гнезда других птиц, как наша кукушка. Местные жители не раз говорили мне, что здесь действительно есть птица с такими привычками, а мой коллектор, человек очень точный, нашел гнездо здешнего воробья *(Zonotrichia matutina)*, в котором одно яйцо было крупнее прочих и совсем иного цвета и формы. В Северной Америке живет другой вид Molothrus *(M. pecoris)* с такими же кукушечьими привычками; он и во всем остальном очень сходен с тем, который встречается в районе Ла Платы, даже до такой подробности, что также садится на спину домашних животных. Единственная разница между

* Philosophie zoologique, tome I, p. 242.

ними та, что североамериканский несколько меньше ростом, а его перья и яйца имеют слегка другой оттенок. Столь большое сходство в строении и повадках двух видов, принадлежащих к одному роду, но живущих на противоположных концах громадного материка, хотя встречается очень часто, но всегда поражает.

М-р Суэнсон справедливо заметил *, что из всех птиц, кроме *Molothrus pecoris* да разве еще *Molothrus niger*, одни только кукушки могут быть названы настоящими паразитами, т. е. такими, «которые приживаются к другому животному, пользуются его теплотой для вывода своих детенышей, питаются его кормом и, наконец, в раннем периоде своего существования полностью зависят от существования своих воспитателей». Замечательно, что некоторые из видов кукушек и Molothrus сходны только в этом странном паразитическом способе размножения, между тем как почти по всем своим другим повадкам они прямо противоположны друг другу: Molothrus, как и наш скворец, чрезвычайно общителен и живет в открытых местах без всяких хитростей и уловок, кукушка же, как всем известно, птица очень пугливая, держится в лесу в самых уединенных местах и питается плодами и гусеницами. По строению своему эти два рода птиц также крайне различны. Для того чтобы объяснить происхождение этой привычки кукушки класть яйца в гнезда других птиц, было выдвинуто много разных теорий, даже френологическая. Мне кажется, однако, что только один Прево своими наблюдениями** пролил свет на этот запутанный вопрос: он заметил, что самка кукушки, которая, по наблюдениям многих натуралистов, кладет по крайней мере от четырех до шести яиц, должна каждый раз после откладки одного или двух яиц вновь спариваться с самцом. В таком случае, если бы кукушка вынуждена была сама высиживать свои яйца, она должна была бы или садиться на все яйца зараз, и за это время первые из снесенных ею яиц успели бы уже испортиться, или ей пришлось бы высиживать поочередно каждое яйцо или каждую пару яиц по мере снесения их; так как кукушка остается в данной стране значительно меньше времени, чем другие перелетные птицы, то понятно, что ей недостало бы времени для поочередного высиживания всех яиц. Следовательно, причина того, что кукушка кладет свои яйца в гнезда других птиц, предоставляя их на попечение приемных родителей, заключается в том, что она спаривается несколько раз и несет яйца не сряду, а с промежутками. Я твердо убежден в справедливости этой точки зрения, тем более, что и сам я независимо пришел (как увидим ниже) к такому же заключению относительно южноамериканского страуса. Самки этих птиц живут, так сказать, паразитами в своем кругу; каждая из них откладывает свои яйца в гнездах нескольких других самок; весь же труд высиживания, подобно приемным родителям кукушки, принимает на себя самец.

Упомяну еще о двух птицах, которые здесь очень обыкновенны и обращают на себя внимание своими повадками. *Saurophagus sulphuratus*—типичный представитель большого американского подсемейства (трибы) тираннов-мухоловок. По своему строению он очень

* Magazine of Zoology and Botany, vol. I, p. 217.

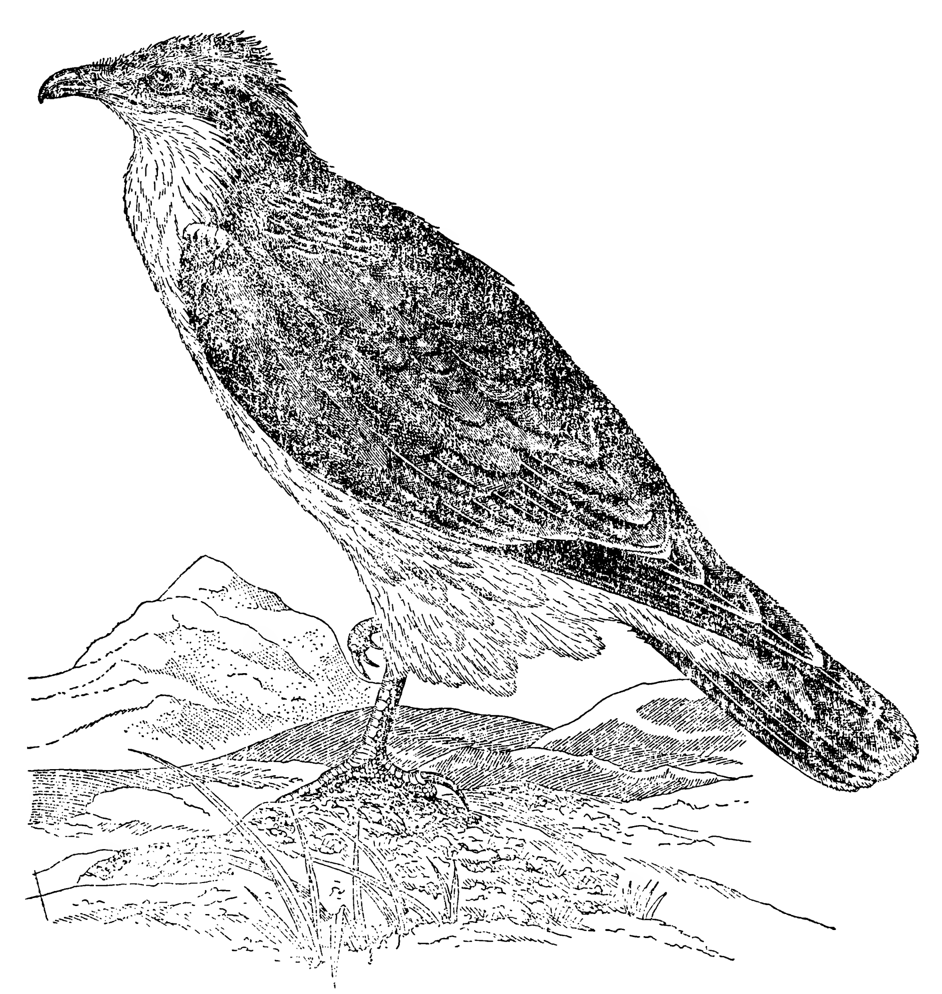
** Доложено в Парижской академии наук. L'Institut, 1834, p. 418.

близок к настоящим сорокопутам, а по образу жизни сходен со многими птицами. Охотясь в поле, я часто наблюдал его парящим над одной точкой, подобно хищной птице, и потом быстро перелетающим на другое место. В этом положении его даже на близком расстоянии можно принять за представителя отряда хищников, но по силе и быстроте полета он далеко уступает хищным птицам. Иногда Saurophagus садится около воды, подобно зимородку, и, неподвижно выжидая, хватает какую-нибудь маленькую рыбку, которая близко подходит к берегу. Этих птиц изредка держат в клетках или даже на птичьих дворах, подстригая им крылья. Они скоро делаются ручными и очень забавны своими лукавыми и своеобразными ухватками, похожими, судя по рассказам, которые мне приходилось слышать, на ухватки обыкновенной сороки. Полет их неровный, слегка колеблющийся, вследствие того, что голова и клюв слишком, повидимому, тяжелы сравнительно с телом. Вечером Saurophagus садится на кусты, часто около самой дороги, и беспрерывно повторяет один и тот же резкий, но приятный крик, в котором слышится как будто человеческая речь; испанцы говорят, что эта птица выговаривает слова: «Bien te veo» (я хорошо тебя вижу), и называют ее таким образом (бентеви).

Один пересмешник *(Mimus orpheus)*, называемый местными жителями «каландрия», замечателен тем, что поет лучше всех здешних птиц; по моим наблюдениям, это действительно почти единственная птица Южной Америки, которая садится с явным намерением петь. Она поет в роде нашей камышевки, но только гораздо громче; ее пение—смесь приятного щебетания с резкими, иногда очень высокими нотами. Она поет только весной. В остальное время года ее крик резок и нисколько не мелодичен. В окрестностях Мальдонадо эти птички очень смелы; они постоянно летают стаями около сельских домов, чтобы поклевать мяса, которое вывешено для просушки на шестах или стенах; если какая-нибудь другая маленькая птичка вздумает принять участие в пиршестве, каландрии тотчас отгоняют ее прочь. В обширных необитаемых равнинах Патагонии водится другой, близкий вид, *O[rpheus] Patagonica* d'Orbigny, который посещает долины, поросшие колючим кустарником; эта птица пугливее и голос имеет несколько другой. Мне кажется любопытным следующий случай, обнаруживающий, насколько тонким является различие в повадках этих птиц: когда я в первый раз увидал этот второй вид, то на основании только лишь различия в повадках я решил, что это совсем другой вид, чем тот, который водится в Мальдонадо. Впоследствии, достав экземпляр из Патагонии, я сравнил оба вида, правда, довольно поверхностно, и они показались мне до такой степени схожими, что я переменил свое мнение, а в настоящее время м-р Гоулд считает, что они действительно принадлежат к различным видам, и этот вывод сделан им независимо от несходства повадок, о котором он даже и не знал.

Человека, привыкшего к виду одних только птиц Северной Европы южноамериканские стервятники [54] поражают своей многочисленностью, дерзостью и отвратительными повадками. К числу их относятся четыре вида каракар (Polyborus), гриф-индейка, галлинасо и кондор. Каракар по особенностям их строения относят к орлам; однако, мы сейчас увидим, как мало эти птицы достойны такого почетного места. По своим повадкам они вполне замещают наших ворон,

сорок и воронов, которые, при всем своем широком распространении по земному шару, в Южной Америке совершенно отсутствуют. Начнем с *Polyborus Brasiliensis:* это очень обыкновенная птица, и пределы ее географического распространения очень обширны; всего



Каракара патагонская (*Milvago*, или *Polyborus*, *albogularis*).

многочисленнее она в травянистых саваннах Ла Платы, где ее называют карранча; нередко встречается она и в бесплодных равнинах Патагонии. В пустыне между реками Негро и Колорадо множество их постоянно держится вдоль дороги, где они пожирают трупы животных, павших от усталости и жажды. Хотя карранча является, таким образом, обычным обитателем этих открытых и сухих равнин, а также бесплодных берегов Тихого океана, тем не менее ее встречают и во влажных дремучих лесах Западной Патагонии и Огненной Земли. Карранча и чиманго держатся всегда стаями около селений и боен.

Если на равнине падет какое-нибудь животное, то пировать начинают галлинасо, а обгладывают кости оба эти вида каракар. Хотя эти птицы едят вместе, но живут они далеко не дружно. Когда карранча сидит спокойно на ветке дерева или на земле, чиманго часто начинает летать из стороны в сторону, вверх и вниз, описывая полукруги и стараясь всякий раз при подъеме вверх ударить своего более крупного сородича. Карранча мало обращает на это внимания и только машет головой. Карранчи часто собираются в стаи, но живут не сообща; в пустынных местах они водятся или в одиночку или, чаще, парами.

Говорят, что карранчи очень сильны и воруют множество яиц. Вместе с чиманго они склевывают также струпья с болячек на спинах лошадей и мулов. Капитан Хед со свойственной ему живостью и точностью описал непривлекательный вид, который представляет, с одной стороны, несчастное животное с вытянутыми ушами и выгнутой спиной, а с другой—эта хищная птица, парящая в воздухе и высматривающая на расстоянии какого-нибудь ярда свое отвратительное лакомство. Эти лжеорлы очень редко убивают живую птицу или какое-нибудь другое животное; их коршуньи привычки есть падаль знакомы всякому, кому случалось засыпать в пустынных равнинах Патагонии: проснувшись, всегда увидишь на каждом окружающем холме, по крайней мере, по одной такой птице, которые своим зловещим оком терпеливо всматриваются в предполагаемую добычу. В здешних местах—это одна из характерных черт ландшафта, и она, конечно, останется памятной всякому, кто здесь путешествовал. Если отправляется партия охотников с собаками и лошадьми, то стая этих птиц целый день будет всюду за ними следовать. После еды их неприкрытый перьями зоб раздувается; в это время, да и вообще, карранча ленивая, смирная и трусливая птица. Полет у нее медленный и тяжелый, как у английского грача. Она редко парит в высоте, но раза два мне случалось видеть, как она плавно скользила в воздухе на большой высоте. Она бегает (а не скачет), но не так быстро, как некоторые другие виды того же рода. По временам карранча становится крикливой; крик у нее громкий, резкий и совершенно особенный; его можно сравнить с горловым испанским *g*, за которым следует сильное двойное *rr*. Испуская этот крик, птица все более и более закидывает голову назад, так что, наконец, макушка головы почти касается нижней части спины, а широко разинутый клюв направлен вверх. В факте этом сомневались, но он совершенно несомненен; я сам видел их много раз в этом странном положении с закинутыми назад головами. К этим наблюдениям я могу прибавить еще, опираясь на авторитет Азары, что карранча питается червями, моллюсками, слизнями, кузнечиками и лягушками; убивает ягнят, разрывая их пуповину, а также преследует галлинасо до тех пор, пока эта птица не изрыгнет только что проглоченную падаль. Наконец, Азара уверяет, что карранчи собираются по пяти или шести штук вместе на охоту за какой-нибудь большой птицей, например, за цаплей. Все эти факты доказывают, что у этой птицы очень изменчивые привычки и что она довольно сметлива.

Polyborus Chimango гораздо меньше ростом, чем предшествующий вид. Всеядная птица, она ест даже хлеб; меня уверяли, что она наносит чувствительный вред посевам картофеля на острове Чилоэ,

вырывая только что посаженные клубни. Из всех птиц, питающихся падалью, она всех дольше остается на остове мертвого животного, и часто можно ее видеть внутри ребер лошади или коровы, точно в клетке. Другой вид той же птицы представляет *Polyborus Novae Zelandiae*, весьма обычный на Фальклендских островах. Нравы этих птиц во многих отношениях сходны с нравами карранчей. Они питаются мясом павших животных и продуктами, выброшенными морем; на скалистых островках Рамирес море является единственным источником их существования. Они необыкновенно дерзки, бесстрашны и держатся в соседстве домов, поедая всякие отбросы. Если партия охотников убьет какое-нибудь животное, немедленно собирается множество этих птиц: они садятся вокруг на землю и терпеливо выжидают своей очереди. После еды их неприкрытый перьями зоб сильно выдается вперед, придавая им отвратительный вид. Они очень охотно нападают на раненых птиц: добравшийся до берега раненый баклан был немедленно схвачен несколькими чимангo, которые добили его клювами. «Бигль» был у Фальклендских островов только летом, но офицеры корабля «Эдвенчер», которые были здесь зимой, приводят много удивительных примеров смелости и хищности этих птиц. Так, однажды они напали на собаку, крепко спавшую возле одного из офицеров; прямо на глазах охотников они пытались схватить раненых гусей и лишь с большим трудом удалось их отогнать. Рассказывают, что, собираясь по нескольку вместе (в этом отношении они похожи на карранчей), они сторожат у входа в кроличью норку и все вместе бросаются на кролика, как только он покажется из норы. Они постоянно прилетали на корабль, пока мы стояли в гавани, и нужно было внимательно присматривать, чтобы они не сорвали на снастях кожу или не унесли бы говядину и дичь с кормы. Эти птицы очень лукавы и любопытны; они подбирают с земли любой предмет: один раз они унесли за целую милю большую лакированную черную шляпу, а в другой раз— пару тяжелых шаров, употребляемых для ловли скота. М-р Эшборн поплатился во время съемки очень дорогой для него вещью,—они украли у него маленький катеровский компас в красном сафьяновом футляре. Помимо всего эти птицы драчливы и очень задорны; в порывах злобы они своими клювами вырывают траву из земли. Чиманго не живут обществами, не парят в высоте, и полет у них тяжелый и неуклюжий; зато по земле они бегают очень скоро, почти как фазаны. Они шумливы и издают несколько резких криков, один из которых похож на голос английского грача, отчего моряки и называют их грачами. Любопытно, что они точно так же, как карранча, закидывают голову вверх и назад, когда кричат. Гнезда они вьют на скалистых береговых утесах, но только на мелких, соседних между собой островках, а не на двух больших островах,—странная предосторожность у такой бесстрашной и дерзкой птицы. Моряки говорят, что вареное мясо этих птиц совершенно бело и очень вкусно, но нужна порядочная решимость, чтобы отважиться попробовать такое кушанье.

Остается описать только грифа-индейку *(Vultur aura)* и галлинасо. Первый встречается повсюду, где есть хотя умеренная влажность, от мыса Горна до Северной Америки. В противоположность

карранче и чиманго эта птица проникла и на Фальклендские острова. Гриф-индейка живет или в одиночку или попарно. Его легко узнать издали по легкому, высокому и плавному полету. Достоверно известно, что он питается падалью. На покрытых густым лесом островках и бесчисленных полуостровах западного побережья Патагонии он питается исключительно тем, что выбрасывает море, да трупами тюленей. Всюду, где на скалах собираются тюлени, непременно увидишь и грифа-индейку. Галлинасо *(Cathartes atratus)* в своем распространении отличается от предыдущего вида: он не встречается южнее 41° широты. Азара говорит, что существует предание, будто этих птиц во времена конкисты [55] не было в окрестностях Монтевидео и что они перешли сюда впоследствии вслед за переселенцами с севера. В настоящее время их чрезвычайно много в долине Колорадо, которая тянется на триста миль к югу от Монтевидео. Очень может быть, что это дальнейшее переселение случилось уже после Азары. Галлинасо вообще предпочитают влажный климат или, вернее сказать, селятся по соседству с пресной водой, поэтому их чрезвычайно много в Бразилии и Ла Плате и совершенно нет в пустынях и сухих равнинах Северной Патагонии, за исключением берегов некоторых рек. Птицы эти встречаются повсюду в пампасах, вплоть до подошвы Кордильер, но мне никогда не приходилось видеть их и даже слышать о них в Чили; в Перу их ценят как истребителей нечистот. Эти грифы могут быть названы общественными, потому что им, повидимому, доставляет удовольствие собираться в стаи и притом не только ради общей добычи. В ясный день нередко видишь, как они целыми стаями парят на большой высоте, причем каждая птица чрезвычайно грациозно описывает в воздухе круги, не взмахивая крыльями. Очевидно, подобное упражнение доставляет им удовольствие или, может быть, имеет какое-нибудь отношение к их брачным союзам.

Я описал всех стервятников за исключением кондора, но о нем лучше поговорим тогда, когда мы вступим в страну, более соответствующую его нравам, чем равнины Ла Платы.

В широкой цепи песчаных холмов, которые отделяют лагуну дель Потреро от берегов Ла Платы, в нескольких милях от Мальдонадо, я нашел целую кучу остеклованных кремнистых трубок, которые образуются ударами молнии в сыпучий песок. Эти трубки во всех отношениях сходны с теми, которые были найдены в Дригге, в Кемберленде, и описаны в «Трудах геологического общества»*. Песчаные холмы Мальдонадо, не защищаемые растительностью, постоянно передвигаются с места на место. Вследствие этого трубки выступили над поверхностью почвы и лежащие рядом многочисленные обломки их показывают, что некогда они залегали гораздо глубже. Четыре из них были погружены в песок совершенно вертикально. Разгребая песок руками, я проследил одну из них до глу-

* Geological Transactions, vol. II, p. 528. В Philosophical Transactions (1790, p. 294) д-р Пристли описывает несколько неполных кремнистых трубок и сплавленный кварцевый голыш, найденные в земле под деревом на месте, где молния убила человека.

бины двух футов; приложив к этой трубке несколько обломков, очевидно, принадлежавших к ней, я нашел, что длина ее равняется пяти футам и трем дюймам. Но так как диаметр этой трубки был почти по всей длине одинаков, то можно заключить, что первоначальная длина ее была несравненно больше. Эти размеры, однако, ничтожны по сравнению с трубками, найденными в Дригге, одну из которых проследили до глубины не менее тридцати футов.

Внутренняя поверхность, блестящая и гладкая, совершенно остеклована. Благодаря большому количеству маленьких пузырьков воздуха, а, может быть, и пара, маленький осколок этой трубки, рассмотренный под микроскопом, имел вид сплава, полученного с помощью паяльной трубки. Песок весь или почти весь состоит из кремния, но некоторые места черного цвета и их поверхность имеет металлический блеск. Толщина стенок трубки изменяется от одной тридцатой до одной двадцатой дюйма, а в некоторых случаях доходит до одной десятой. На наружной стороне песчинки округлены и как будто слегка покрыты глазурью; я не мог заметить никаких следов кристаллизации. Эти трубки точно так же, как и описанные в «Трудах геологического общества», большей частью несколько сдавлены и имеют глубокие продольные борозды, что придает им большое сходство с морщинистым растительным стеблем или с корой вяза или пробкового дерева. В окружности они имеют около двух дюймов, но некоторые куски, цилиндрические и совсем неизборожденные, имели в окружности более четырех дюймов. Очевидно, эти складки или борозды образовались вследствие давления окружающего рыхлого песка в то время, когда трубки были еще мягки от действия сильного жара. Если судить по несдавленным обломкам, то размер, или, если можно так выразиться, калибр, молнии должен был иметь около одного дюйма с четвертью в поперечнике. В Париже гг. Ашетт и Бёдан * удалось сделать искусственные трубки, похожие на эти фульгуриты, действуя очень сильными гальваническими разрядами на мелко истолченное стекло; если к стеклу прибавляли соль, чтобы увеличить плавкость массы, то все размеры трубок значительно увеличивались. Опыты над толченым кварцем и полевым шпатом не удались. Одна из трубок, образовавшаяся из толченого стекла, имела около дюйма в длину, именно 0,982, а внутренний диаметр ее равнялся 0,019 дюйма. Если вспомнить, что при этих опытах были употреблены самые сильные гальванические батареи в Париже и что они могли образовать в таком плавком веществе, как стекло, трубки лишь столь ничтожных размеров, то нельзя не удивляться силе разряда молнии, которая, ударяя в песок, в нескольких местах образовала, по крайней мере в одном случае, трубку около тридцати футов длины, с внутренним диаметром в целые полтора дюйма (в несдавленных частях), и все это в веществе до такой степени тугоплавком, как кварц!

Трубки, как я уже говорил, погружены в песок почти в вертикальном направлении. Однако, я видел одну, менее правильную, чем остальные, которая уклонялась от вертикали на довольно значительный угол, а именно на тридцать три градуса. От этой трубки две мень-

* Annales de Chimie et de Physique, tome XXXVII, p. 319.

шие ветви отходили почти на целый фут в сторону, одна была направлена вниз, а другая вверх. Это очень замечательный случай, потому что здесь электричество должно было повернуть назад под углом в 26° от своего главного направления. Кроме четырех вертикальных трубок, которые я проследил под поверхностью земли, я нашел еще несколько групп обломков, первоначальное место которых находилось, вероятно, поблизости. Все они лежали на ровном месте в слое подвижного песка, занимавшего шестьдесят ярдов в длину и двадцать в ширину; этот слой был расположен между несколькими довольно высокими песчаными холмиками, а на расстоянии полумили от него находилась цепь холмов в четыреста и пятьсот футов вышиной. Я думаю, что здесь, равно как и в Дригге и еще в том случае, который описан г. Риббентропом в Германии, наиболее замечательным является количество трубок, найденных на таком ограниченном пространстве. В Дригге на протяжении пятнадцати ярдов их найдено три; точно такое же число найдено и в Германии. В случае, описанном мною, на пространстве в шестьдесят на двадцать ярдов их было, без сомнения, больше четырех. Так как нельзя предположить, чтобы трубки образовались в результате отдельных последовательных ударов, то нужно думать, что молния, перед тем как войти в землю, делится на несколько отдельных ветвей.

Окрестности Ла Платы, повидимому, особенно подвержены электрическим явлениям. В 1793 г.* одна из самых разрушительных гроз, какие только запомнят, разразилась над Буэнос Айресом: в самом городе молния упала в тридцати семи местах и убила девятнадцать человек. На основании фактов, сообщаемых в различных описаниях путешествий, я склонен предположить, что сильные грозы особенно часто случаются около устьев больших рек. Нельзя ли допустить, что смешение больших масс пресной и соленой воды нарушает равновесие электричества? Даже во время наших случайных посещений этой части Южной Америки мы слышали, что молния ударила в корабль, в две церкви и в дом. Церкви и дом я видел спустя короткое время после этого: дом принадлежал мистеру Худу, нашему генеральному консулу в Монтевидео. Молния оставила после себя любопытные следы: обои по обеим сторонам от того места, где проходила проволока колокольчика, почернели почти на целый фут. Металл расплавился, и, хотя комната была почти в пятнадцать футов вышины, падавшие на мебель капли прожгли в ней ряд мелких дыр. Часть стены была разрушена, будто после порохового взрыва, и обломки были отброшены с такой силой, что образовали углубления на противоположной стене комнаты. Рамка зеркала почернела, и позолота, вероятно, улетучилась, потому что флакон, стоявший на камине, покрылся блестящими металлическими частичками, которые пристали к нему так плотно, как будто настоящая позолота.

* Azara, Voyage, vol. I, p. 36.

ГЛАВА IV

ОТ РИО НЕГРО ДО БАЙА БЛАНКИ

Рио Негро.—Нападения индейцев на фермы.—Соляные озера.—Фламинго.— От Рио Негро до Колорадо.— Священное дерево.— Патагонский заяц.— Индейские семьи.—Генерал Росас.—Путешествие в Байа Бланку.—Соляные налеты.—Пунта Альта.—Сорильо.

24 июля 1833 г.—«Бигль» отплыл из Мальдонадо и 3 августа бросил якорь близ устья Рио Негро. Это—главная река на всем протяжении между Магеллановым проливом и Ла Платой. Она впадает в море приблизительно на триста миль к югу от эстуария Ла Платы. Около пятидесяти лет тому назад, при прежнем испанском правительстве, здесь находилась небольшая колония; и до сих пор на восточном берегу Америки это самое южное (41° широты) место, населенное цивилизованными людьми.

Местность около устьев реки имеет до-нельзя печальный вид; с юга тянется длинный ряд отвесных утесов, раскрывающих разрез геологического строения страны. Слои состоят из песчаника; один из них замечателен тем, что сложен плотно слившимися между собой конгломератами пемзы; чтобы с Андов попасть сюда, голыши из пемзы должны были быть перенесены более чем на 400 миль. На поверхности этих утесов везде лежит толстый слой гравия, который продолжается во все стороны и на равнине. Растительность очень бедна, и хотя кусты встречаются различного рода, но все они вооружены грозными шипами, которые как будто предостерегают путника от этих негостеприимных мест.

Колония лежит на восемнадцать миль вверх по реке. Дорога идет у подошвы наклонного утеса, составляющего северную границу большой долины, по которой протекает Рио Негро. По дороге мы видели развалины нескольких прекрасных «estancias», разрушенных несколько лет назад индейцами. Они выдержали ряд нападений. Один очевидец весьма живо описал мне, как это происходило. Жители были во-время предупреждены и успели загнать весь домашний скот и лошадей в «корраль»*, устроенный вокруг дома, а также установить несколько маленьких пушек. Индейцы были арауканцы из южной части Чили; их было несколько сот вполне дисциплинированных воинов. Сначала они показались двумя отря-

* Корралем (corral) называется загон, устроенный из высоких и толстых бревен. Каждая эстансия (estancia), или ферма, имеет такой загон.

дами на соседнем холме; потом сошли с лошадей и, сбросив с себя меховые плащи, совершенно нагие пошли в атаку. Единственное оружие индейца составляет длинное бамбуковое копье, или «чусо» (chuzo), украшенное страусовыми перьями и оканчивающееся острым наконечником. Мой рассказчик с ужасом вспоминал, как они, приближаясь, размахивали этими чусо. Когда индейцы окружили лагерь, их касик [56] Пинчейра закричал осажденным, чтобы они сдали оружие или он их всех перережет. Так как исполнение этой угрозы было бы следствием их вторжения при любых условиях, то залп из ружей был единственным ответом. Индейцы с большой твердостью подошли к самой ограде корраля, но, к своему удивлению, нашли, что бревна скреплены железными гвоздями вместо кожаных ремней, и, разумеется, тщетно старались разрезать их ножами. Это спасло жизнь христиан. Много раненых индейцев было уже унесено их товарищами, и, наконец, когда был ранен один из младших касиков, они затрубили в рог, что было сигналом к отступлению. Они вернулись к своим лошадям и, повидимому, держали военный совет. То была минута мучительного ожидания для испанцев. Все боевые запасы их, за исключением небольшого числа патронов, были уже истрачены. Вдруг индейцы вскочили на лошадей и ускакали из виду. Другое нападение было отражено еще быстрее. Тут у пушки стоял хладнокровный француз; он ждал, пока индейцы приблизились вплотную, и тогда пронизал их строй картечью. Таким образом он положил сразу тридцать девять человек. Разумеется, подобный выстрел должен был привести в смятение всех остальных.

Город имеет два названия: Эль Кармен, или Патагонес. Он построен на склоне утеса, обращенного к реке. Многие дома даже высечены в песчанике. Река имеет двести или триста ярдов в ширину; она глубока и быстра. Множество островов с растущими на них ивами и плоские выступы, виднеющиеся один за другим по всей северной окраине широкой зеленой долины, составляют при свете яркого солнца довольно живописную картину. Жителей здесь не больше нескольких сотен. Эти испанские колонии не имеют в самих себе, как наши английские, элементов для процветания. Здесь живет много чистокровных индейцев; так, например, на окраинах города постоянно стоят тольдо*, принадлежащие племени касика Люкани. Местное начальство снабжает их отчасти пищей, отдавая им всех старых, негодных лошадей; кроме того, они кое-что зарабатывают, выделывая попоны и другие предметы конской сбруи. Эти индейцы считаются цивилизованными, но то, что они приобрели в смысле смягчения их жестоких нравов, почти перевешивается их крайней развращенностью. Однако, из молодых некоторые начинают исправляться; они обнаруживают наклонность к труду, и еще недавно нескольких взяли в морское путешествие, и они держали себя очень хорошо. Теперь они наслаждались плодами своих трудов: были одеты в яркие и чистые ткани и ровно ничего не делали. Их одежды обнаруживают наличие у них удивительного вкуса; если бы можно было превратить одного из этих молодых индейцев в бронзовую статую, то драпировка оказалась бы полной изящества.

* Тольдо (toldo)—название индейских хижин.

Однажды я поехал верхом к большому соляному озеру, или, как их тут называют, «салине» (salina), в пятнадцати милях от города. Зимой оно представляет собой мелкое озеро, наполненное рассолом, но летом превращается в ровную площадь белой, как снег, соли. Слой соли около краев имеет четыре или пять дюймов толщины, а к середине постепенно утолщается. Озеро тянется на две с половиной мили в длину и на одну милю в ширину.

По соседству находятся другие озера, гораздо бóльших размеров, и соляное дно там имеет два или три фута толщины даже зимой, когда оно покрыто водой. Среди однообразно бурой пустынной равнины ровное и ослепительно белое пространство одного из этих озер представляет поразительное зрелище. Из салин ежегодно добывают огромное количество соли; тут же лежат большие груды соли в несколько сот тонн весом, приготовленные к отправке. Время работ на салинах заменяет время жатвы для города Патагонеса, потому что от сбора соли зависит благосостояние всего города. Почти все население переселяется тогда на берег реки и занимается перетаскиванием соли в телегах, запряженных буйволами. Соль кристаллизуется большими кубами и замечательно чиста: м-р Тренгэм Рикс был любезен сделать для меня ее анализ и нашел в ней только 0,26 гипса и 0,22 земляных веществ. Странно, что она не так хорошо сохраняет мясо, как морская соль с островов Зеленого Мыса; один купец в Буэнос Айресе говорил мне, что считает ее на пятьдесят процентов менее ценной. Поэтому сюда постоянно привозят соль с островов Зеленого Мыса и смешивают ее с здешней, добытой из салин. Чистота патагонской соли, т. е. отсутствие в ней других солей, находимых во всякой морской воде, единственная причина, которой можно объяснить ее недостатки. Такое объяснение кажется очень странным, однако, оно недавно получило подтверждение* в том факте, что для сохранения сыра лучше всего употреблять такую соль, в которой всего больше легко растворимых хлористых соединений.

Озеро окаймлено полосой ила, в котором лежат во множестве крупные кристаллы гипса, иные до трех дюймов длиной, а на поверхности рассыпаны кристаллы сернокислого натрия. Гаучосы называют первый «отцом соли», а второй «матерью» и говорят, что эти «родительские» соли всегда встречаются у берегов салин, когда вода начинает испаряться. Ил имеет черный цвет и противный запах. Сначала я не мог понять причины этого запаха, но потом заметил, что пена, которую ветер прибивает к берегу, окрашена в зеленый цвет, будто от нитчаток (Confervae). Мне хотелось захватить с собой это зеленое вещество, но случайно не удалось. На небольшом расстоянии некоторые части озера кажутся как бы красноватыми, что вызывается, вероятно, какими-нибудь инфузориями. Ил во многих местах был усеян множеством каких-то кольчатых червей. Удивительно, как могут какие бы то ни было организмы существовать в этом рассоле и ползать между кристаллами сернокислого натрия и извести! И что делается с этими червями в течение длинного лета, когда вся поверхность превращается в твердый слой соли? Около

* Report of the Agricultural chemical Association в Agricultural Gasette, 1845, p. 93.

озера живут в большом количестве фламинго, которые здесь же выводят свое потомство. По всей Патагонии, в Северном Чили и на Галапагосских островах я встречал этих птиц везде, где только есть соляные озера. Они ходили тут по илу, отыскивая корм; вероятно, они питаются червями, которые роются в грязи, а черви, в свою очередь, едят, повидимому, инфузорий и нитчаток. Таким образом, мы находим здесь целый, особый, замкнутый в себе мирок, приспособленный именно к таким внутренним соляным озерам. Говорят*, что маленькое ракообразное *(Cancer salinus)* встречается в бесчисленном количестве в соляных озерах Лимингтона; но он водится только в таких местах, где рассол, вследствие испарения воды, достигает значительной густоты, а именно, где на пинту воды приходится около четверти фунта соли [57]. Можно действительно сказать, что нет места на земле, которое было бы необитаемо! И в соляных озерах, и в подземных водах, скрытых под вулканическими горами, и в горячих минеральных ключах, и на всем обширном пространстве и в глубинах океана, и в верхних слоях атмосферы, и даже на поверхности вечных снегов—везде встречаем мы органические существа.

К северу от Рио Негро, между нею и заселенной местностью около Буэнос Айреса, испанцы имеют одну, и то недавно основанную, небольшую колонию близ Байа Бланки. От нее до Буэнос Айреса по прямой линии около пятисот английских миль. Кочующие племена конных индейцев, занимавших всегда бóльшую часть страны, в последнее время сильно тревожили пограничные фермы. Поэтому власти Буэнос Айреса снарядили недавно армию под командой генерала Росаса с целью истребить индейцев. Войска стоят теперь на берегах Колорадо, реки, протекающей около восьмидесяти миль к северу от Рио Негро. Генерал Росас, выйдя из Буэнос Айреса, прошел по прямой линии через неисследованные до тех пор равнины, и так как в результате этого похода страна была достаточно очищена от индейцев, он оставил в нескольких пунктах, отделенных друг от друга довольно большими промежутками, небольшие пикеты конных солдат *(posta)*, чтобы обеспечить постоянное сообщение со столицей. Так как «Биглю» предстояло непременно зайти в Байа Бланку, я решил ехать туда сухим путем, а под конец даже расширил свой план, решившись проехать вплоть до Буэнос Айреса через пикеты.

11 августа.—В этом путешествии мне сопутствовали м-р Гаррис, англичанин, живущий в Патагонесе, проводник и пять гаучосов, ехавших в армию по делу. Колорадо, как я уже сказал, про-

* Linnean Transactions, vol. XI, p. 205. Удивительно, до какой степени сходны между собой во всем, что относится к соляным озерам, Патагония и Сибирь[57]. Повидимому, обе страны только в недавнее время поднялись над уровнем океана. В обеих соляные озера занимают мелкие углубления на равнинах; и там и тут грязь на берегах черная и вонючая; под слоем обыкновенной соли встречаются не вполне окристаллизованные сернокислые натрий и магний; наконец, грязный песок смешан с чечевицами гипса. В соляных озерах Сибири встречаются маленькие ракообразные, и фламинго (Edin. New Philos. Journ., Jan. 1830) также водятся около них. Так как эти, по видимости маловажные, обстоятельства встречаются на двух отдаленных материках, мы можем с уверенностью сказать, что они—необходимое следствие одних и тех же причин.—См. Pallas, Travels, 1793—1794, pp. 129—134.

текает на расстоянии примерно восьмидесяти миль отсюда, и так как мы ехали тихо, то пробыли в дороге два с половиной дня. На всем этом протяжении страну нельзя иначе назвать как пустыней. Только в двух маленьких ключах можно найти воду; она считается пресной, но, по-моему, даже в это дождливое время года она была достаточно солоновата. Летом эта дорога должна быть очень мучительной, потому что и теперь она порядочно утомила нас. Как ни широка долина Рио Негро, но она не что иное, как ложбина в ровной плоскости песчаника, потому что непосредственно за городом, который стоит на берегу, начинается совершенно плоская местность, изредка прерываемая незначительными долинами и углублениями. Повсюду страна имеет тот же пустынный вид: на сухой, покрытой гравием почве растет куртинами засохшая желтая трава и попадаются низкие кустарники, вооруженные колючками.

Невдалеке от первого ручья мы увидели знаменитое дерево, которое индейцы чтут как алтарь Уаллиху. Оно стоит на возвышенном пункте равнины и, как межевой столб, видно издалека. Как только индейцы любого племени увидят его, они выражают свое благоговение громкими возгласами. Самое дерево низко, очень ветвисто и усеяно иглами; над самым корнем оно имеет до трех футов в диаметре. Оно стоит совершенно одиноко, и в самом деле это было чуть ли не первое дерево, которое мы видели на нашем пути. Впоследствии мы встречали еще несколько других той же породы, но вообще их было очень мало. В то время была зима и листьев на дереве не было, но вместо них висели на нитках бесчисленные приношения: сигары, хлеб, мясо, куски тканей и пр. Бедные индейцы за неимением ничего лучшего выдергивают хотя нитку из своих плащей (пончо) и привязывают ее к дереву. Более богатые обыкновенно льют водку и мате [58] в определенное отверстие на дереве, а также курят, пуская дым кверху, и этим думают доставить Уаллиху величайшее наслаждение. К довершению картины дерево окружено побелевшими костями лошадей, принесенных в жертву. Все индейцы, без различия пола и возраста, делают приношения; они надеются, что благодаря этому их лошади будут неутомимы, а сами они будут иметь во всех делах успех. Гаучо, от которого я узнал все это, говорил, что в мирное время он сам бывал свидетелем таких сцен, и вместе со своими товарищами обыкновенно выжидал ухода индейцев, чтобы стащить с Уаллиху все приношения.

Гаучосы думают, что индейцы считают божеством самое дерево, но мне кажется гораздо более вероятным, что они считают его только престолом божества. Насколько я могу представить себе, единственная причина, которая обусловила такого рода выбор, заключается в том, что дерево служит путеводным знаком в опасном переходе. Сьерра де ла Вентана видна на чрезвычайно большом расстоянии. Один гаучо рассказывал мне, что раз ему случилось ехать вместе с индейцем в нескольких милях к северу от Рио Колорадо; вдруг индеец начал издавать громкие возгласы (как обыкновенно делается, когда они завидят священное дерево), приложив руку к голове и потом протянув ее по направлению к Сьерре. На вопрос, зачем он это делает, индеец отвечал на ломаном испанском языке: «Увидел Сьерру». Мы остановились на ночлег в шести лье от пресловутого дерева;

рысы глаза гаучосов сразу же высмотрели вдали какую-то горемычную корову; они тотчас поскакали за нею, в несколько минут приволокли ее своими лассо и зарезали. Таким образом, у нас оказались в наличии четыре условия, необходимые для жизни «en el campo» [в поле]: пастбище для лошадей, вода (хотя и из мутной лужи), мясо и дрова. Гаучосы торжествовали при виде такой роскоши, и мы скоро принялись за бедную корову. Это была первая ночь, которую я провел под открытым небом на попоне из-под рекадо вместо постели. В независимой жизни гаучосов есть своего рода высокая прелесть— быть в состоянии в любой момент расседлать свою лошадь и сказать: «Вот тут мы переночуем». Мертвая тишина равнины, сторожевые собаки и характерная группа гаучосов, расположившихся спать вокруг костра по-цыгански,—все это так глубоко врезалось в мою память, что я никогда в жизни не забуду эту первую ночь.

На следующий день характер местности оставался все тот же. Здесь очень мало птиц или каких-нибудь других животных. Только случайно попадается олень или гуанако (дикая лама); зато агути [59] *(Cavia Patagonica)* самое обыкновенное из четвероногих. Это животное соответствует нашим зайцам. Однако, между ними есть некоторые существенные различия; так, например, у агути на задних ногах только по три пальца. Кроме того, он почти вдвое больше ростом и весит от двадцати до двадцати пяти фунтов. Агути—настоящий житель пустыни, и в этой местности нередко встречаешь двух или трех зверьков, быстро скачущих один за другим по прямой линии через пустынную равнину. К северу они встречаются до Сьерры Тапальгуен (37° 30′ широты), где равнина почти внезапно становится зеленее и более влажной; южная граница их распространения лежит между Порт Дезире и Сан Хулиан, где характер страны остается все тот же. Замечательно, что теперь агути не заходят на юг далее Порт Сан Хулиан, между тем как капитан Вуд, путешествовавший в 1670 г., упоминает, что и в более южных районах их было множество. Какие причины могли изменить границы географического распространения подобного животного в такой обширной, безлюдной и редко посещаемой стране? Судя по количеству экземпляров агути, которых капитану Вуду удалось убить в один день в Порт Дезире, нужно думать, что и здесь они в то время были гораздо многочисленнее, чем теперь. Там, где водится и роет свои норы вискаша, агути пользуются ее норами; но там, где, как в Байа Бланке, ее нет, агути принуждены сами вырывать себе жилища. То же случается и с маленькой совой пампасов *(Athene cunicularia)*, которую столь часто описывают стоящей настороже у входа в нору; в Банда Ориенталь, где нет вискашей, сова эта также должна сама выдалбливать себе жилище.

На другое утро, по мере приближения к Рио Колорадо, вид местности начал изменяться. Вскоре мы достигли зеленой равнины, которая благодаря своим цветам, высокому клеверу и маленьким совам имела сходство с пампасами. Мы прошли также через топкое и довольно обширное болото, которое летом высыхает и покрывается коркой из разных солей, вследствие чего его называют здесь «salitral» [60]. На поверхности его росли низенькие, сочные растения, такие же, какие растут на морском берегу. Колорадо в том месте, где мы через него переправлялись, имеет только около шестидесяти ярдов в

ширину; но вообще оно по крайней мере вдвое шире. Эта река течет очень извилисто; ее русло окаймлено ивами и зарослями тростника. Расстояние до устья по прямой линии считается в девять лье, а водой не меньше двадцати пяти. Переправляясь в лодке, мы были задержаны огромными табунами кобыл, плывших по реке внутрь страны вслед за отрядом войска. Я не видывал ничего смешнее этого множества голов, торчащих из воды все в одну сторону, с навостренными ушами и раздутыми, храпящими ноздрями, точно огромная стая каких-то земноводных животных. Конина служит единственной пищей солдат в походе. Это чрезвычайно облегчает движение войск, так как в этих равнинах лошади в состоянии совершать изумительно длинные переходы: меня уверяли, что ненавьюченная лошадь может много дней сряду делать по сто миль в день.

Лагерь генерала Росаса стоял у самой реки. Он представлял собой четырехугольник, образованный телегами, пушечными лафетами, соломенными шалашами и т. д. Войско было почти все конное, и я думаю, не бывало еще на свете армии, составленной из такого отвратительного сброда разбойничьих физиономий. Люди эти были большей частью какой-то смешанной породы—нето негры, нето индейцы и испанцы. Не знаю почему, но люди такого происхождения редко имеют благовидную наружность. Я пошел к секретарю показать ему паспорт. Он начал допрашивать меня самым важным и таинственным образом. К счастью, у меня было рекомендательное письмо от властей Буэнос Айреса* к коменданту Патагонеса. Это письмо отнесли генералу Росасу, который прислал мне самый обязательный ответ, после чего секретарь вернулся, улыбаясь и преисполненный любезности. Мы расположились в *ранчо* (rancho), или хижине, любопытного старика-испанца, который участвовал в походе Наполеона в Россию.

Два дня мы стояли у Колорадо. Мне нечего было делать, потому что местность кругом была болотистая; летом (в декабре), когда снег тает на Кордильерах, река заливает все это болото. Главным моим развлечением было наблюдение над тем, как семьи индейцев приходили покупать разную мелочь в ранчо, где мы жили. Между индейцами у генерала Росаса были союзники, и число их, как полагали, простиралось до шестисот человек. Все они были породисты, высоки и красивы; но я видел впоследствии на Огненной Земле, как та же самая раса может быть обезображена недостатком одежды, пищи и всякой тени цивилизации. Некоторые писатели, определяя первоначальные человеческие расы, разделили этих индейцев на два класса, но это совершенно неверно. Многих молодых женщин, или чинас, можно было назвать красавицами. Их волосы, хотя и жесткие, но черные и блестящие, были заплетены в две длинные косы, доходившие до пояса. Цвет лица свежий, румяный, глаза блестящие, ноги и руки маленькие и чрезвычайно изящные. На ногах, а иногда вокруг талии они носят широкие ожерелья из голубых бус. Некоторые из семейных групп были удивительно живописны. Часто к нашему ранчо

* Мне очень приятно выразить самую искреннюю благодарность властям Буэнос Айреса за любезность, с которой мне выдавали паспорта во все места страны как натуралисту корабля «Бигль».

приезжала мать с одной или двумя дочерьми верхом, все вместе на одной лошади. Женщины сидят на лошади по-мужски, только поднимают колени гораздо выше. Эта привычка происходит может быть от того, что в путешествиях они сидят обыкновенно на навьюченных лошадях. Обязанность женщины—навьючивать и расседлывать лошадей, устраивать шалаши на ночь, одним словом, быть, как жены всех дикарей, полезными рабами. Мужчины сражаются, охотятся, ухаживают за лошадьми и делают сбрую. Одно из их главных домашних занятий состоит в том, чтобы приготовлять камни для бола, которые они обколачивают один о другой до тех пор, пока камни не округлятся. Этим важным орудием индеец ловит дичь, а также свою лошадь, гуляющую на свободе по равнине. Сражаясь, он прежде всего старается повалить лошадь противника своими бола и запутанного таким образом врага убивает копьем (чусо). Если шары обовьются только около тела или шеи животного, то оно часто убегает вместе с ними. Так как работа по округлению камней совершается два дня, то производством их занимаются почти все. Многие из мужчин и женщин мажут себе лицо красной краской, но я никогда не видал тех поперечных полосок, которыми так часто украшают себя жители Огненной Земли. Они особенно гордятся серебряными вещами; у одного касика я видел шпоры, стремена, рукоятку ножа и мундштук из этого металла; уздечка и поводья были из проволоки не толще бечевки, и вид горячего коня, послушного такой легкой узде, придавал всаднику исключительное изящество.

Генерал Росас выразил желание видеть меня: обстоятельство, которому я впоследствии был очень рад. Это человек с сильным характером, пользующийся огромным влиянием, которое, надо думать, он употребит для пользы и процветания страны*. Говорят, что он владеет семьюдесятью четырьмя квадратными лье земли и имеет до трехсот тысяч голов скота. Хозяйство в его поместьях образцовое; хлеба у него родится гораздо больше, чем в других имениях. Слава о нем пошла именно с того времени, как он завел особые законы на своих фермах и так хорошо дисциплинировал несколько сот своих рабочих, что они с успехом отражали нападения индейцев. Много ходит рассказов о чрезвычайной строгости, соблюдаемой при исполнении его предписаний. Так, например, он постановил, чтобы по воскресеньям никто не смел иметь при себе ножа под страхом заключения в колодки; закон этот издан был на том основании, что по праздникам всего больше пьют и играют, вследствие чего нередко происходят ссоры, которые могут принять печальный оборот, когда нож под рукой. Раз в воскресенье к нему приехал в имение губернатор в парадной форме, и генерал Росас, выходя к нему навстречу, забыл второпях вынуть нож из-за пояса. Дворецкий заметил это и напомнил ему о законе. Тогда генерал, обратясь к губернатору, объявил, что весьма сожалеет, но принужден итти в колодки и не может быть хозяином в доме, пока его не выпустят. Через несколько времени дворецкого уговорили освободить генерала, но как только его выпустили, Росас обратился к дворецкому со словами: «Теперь ты нарушил за-

* Это предсказание обернулось самым противоположным и печальным образом. 1845.

кон, ступай же на мое место в колодки». Подобные поступки приводят в восторг гаучосов, у которых сильно развито стремление к равенству и чувство собственного достоинства.

Генерал Росас отличный наездник, а это качество имеет немалое значение в стране, где сборное войско выбирает себе военачальника следующим образом: в корраль загоняют табун необъезженных лошадей и потом выпускают их через калитку, над которой лежит перекладина. Тот, кто с перекладины успеет вскочить на одно из этих диких животных, когда оно стремительно выбегает через калитку, и будет в состоянии не только проехать на нем без седла и узды, но еще и привести его обратно к калитке корраля, тот и будет генералом. В начальники выбирали только наездника, выдержавшего такое испытание, и, без сомнения, это был подходящий генерал для подобной армии. Этот исключительный фокус был проделан и Росасом.

С помощью таких средств, а также приноравливаясь к одежде и нравам гаучосов, он приобрел безграничную популярность в стране, а вместе с тем и деспотическую власть. Один английский купец уверял меня, что один человек, убивший другого, на заданный ему при аресте вопрос о причине совершенного им убийства ответил: «Он непочтительно отзывался о генерале Росасе, за то я и убил его». К концу недели убийца был освобожден. Нет сомнения, что это было делом приверженцев генерала, а не его самого.

В разговоре это увлекающийся, но умный и серьезный человек. Серьезность свою он доводит до крайности. Один из его шутов (подобно феодальным баронам, он держит двух шутов) рассказывал следующий случай: «Однажды мне очень захотелось послушать одно музыкальное произведение, и я приходил раза два или три просить об этом генерала; первый раз он сказал: „Убирайся, я занят“. Я опять пришел; он сказал: „Если придешь еще раз, я тебя накажу“. Я попросил его в третий раз, и он засмеялся. Я опрометью бросился вон из палатки, но уже было поздно: он приказал двум солдатам схватить меня и привязать к столбам. Всеми святыми умолял я его освободить меня, но это не помогло; когда генерал засмеется, то уже не щадит ни умных, ни дураков». Бедный весельчак имел весьма печальный вид при одном воспоминании об этом наказании. Оно и в самом деле очень жестокое: четыре столба врыты в землю и человека растягивают между ними в горизонтальном положении за руки и за ноги, оставляя его в таком состоянии на несколько часов. Очевидно, это наказание придумано по аналогии с обычным способом высушивания кож. Мое свидание с генералом обошлось без всяких улыбок, но я получил и паспорт, и подорожную на получение лошадей на постах, и все это он дал мне с величайшей готовностью и любезностью.

Утром мы отправились в Байа Бланку, куда добрались в два дня. Выехав из лагеря, мы проехали мимо индейских тольдо [хижин]. Эти хижины круглы, как хлебные печи, и покрыты кожами; у входа в каждую хижину было воткнуто в землю по острому чусо. Тольдо были расположены отдельными группами, каждая из которых принадлежала племени особого касика, а эти группы опять делились на меньшие сообразно с родством владельцев. Мы ехали много миль вдоль по долине Колорадо. Покрытые речными наносами равнины по сторонам, повидимому, плодородны; полагают, что они будут очень

удобны для произрастания хлебных растений. Повернув к северу от Колорадо, мы вскоре вступили в местность, совершенно отличную от равнин южной стороны реки. Правда, почва все еще оставалась сухой и тощей, но на ней появилось много различного рода растений, и трава, хотя бурая и засохшая, была гораздо обильнее; наоборот, колючие кустарники встречались все реже. Скоро они и вовсе исчезли и перед нами открылись совершенно обнаженные равнины без единого кустика. Эта перемена в растительности обозначает начало обширного глинисто-известкового наноса, который тянется по всему протяжению пампасов и покрывает гранитные скалы Банда Ориенталь. От Магелланова пролива до Колорадо, на расстоянии около восьмисот миль, страна покрыта слоем мелких булыжников; голыши здесь большей частью из порфира и происходят, вероятно, из обломков кордильерских скал. К северу от Колорадо слой этот постепенно утончается, и голыши становятся чрезвычайно мелкими. Здесь-то и кончается характерная растительность Патагонии.

Проехав около двадцати пяти миль, мы достигли широкого пояса песчаных дюн, которые, насколько хватал глаз, тянулись далеко на восток и на запад. Эти песчаные холмы, лежащие на слое глины, способствуют образованию небольших скоплений воды и таким образом обеспечивают запасы пресной воды, имеющие исключительную ценность в этой сухой стране. В привычных для нас условиях нам и в голову не приходит, какое важное значение имеют возвышения и понижения почвы. Те два жалких ключа, которые встречаются на длинном пути между Рио Негро и Колорадо, возникли благодаря самым незначительным неровностям равнины, и не будь их здесь, нельзя было бы найти и капли воды. Пояс песчаных дюн имеет около восьми миль в ширину. Вероятно, в отдаленные времена это был берег большого эстуария, по ложу которого теперь течет Колорадо. Трудно воздержаться от подобных предположений в стране, где встречаешь несомненные доказательства весьма недавнего поднятия почвы, хотя бы уже при знакомстве с одной физической географией страны. Переехав через песчаную полосу, мы вечером добрались до одного из постов, и, так как лошади паслись довольно далеко, мы решили переночевать здесь.

Станционный дом стоял у подошвы пригорка, имевшего от ста до двухсот футов в вышину, что большая редкость в этих местах. Этот пост находился под командой лейтенанта-негра родом из Африки. Нужно отдать ему справедливость: от Колорадо до Буэнос Айреса не было ни одного жилья, которое содержалось бы в такой чистоте и в таком порядке, как его ранчо. У него была отдельная комнатка для приезжих и небольшой корраль для лошадей, огороженный прутьями и тростником; вокруг дома вырыта была даже канава для защиты на случай нападения. Конечно, это немного помогло бы ему, если бы в самом деле напали индейцы, но, повидимому, для него всего важнее было сознание, что он дорого продаст свою жизнь. Незадолго до нашего приезда здесь проезжала ночью партия индейцев, и, заметь они только этот пост, наш черный приятель и его четыре солдата были бы, несомненно, убиты. Я от роду не встречал человека вежливее и предупредительнее этого негра; тем прискорбнее было для меня, что он никак не хотел при нас садиться и есть с нами.

Утром мы очень рано послали за лошадьми и весело поскакали дальше. Мы проехали Кабеса дель Буэй, как называли в старину начало обширного болота, которое тянется от Байа Бланки. Здесь мы снова переменили лошадей и проехали несколько лье по трясинам и солончакам. Переменив лошадей в последний раз, мы снова начали пробираться по грязи. Моя лошадь упала, и я выкупался в черной грязи—весьма неприятное происшествие, особенно если не имеешь с собой перемены чистого платья. За несколько миль от форта мы встретили человека, который сказал нам, что стреляли из большой пушки; это сигнал, что индейцы близко. Немедленно мы оставили дорогу и поехали по краю болота—самое лучшее средство спастись от погони. Добравшись таким образом до стен форта, мы очень обрадовались, услыхав, что вся тревога была напрасной, так как индейцы оказались союзниками, выразившими желание присоединиться к войску генерала Росаса.

Байа Бланка едва заслуживает названия деревни. Несколько домов и бараков для солдат окружены глубоким рвом и укрепленной стеной. Эта колония основана совсем недавно (в 1828 г.), и развитие ее доставило немало хлопот. Власти Буэнос Айреса поступили несправедливо, заняв его силой, вместо того чтобы следовать разумному примеру испанских вице-королей, которые покупали у индейцев землю близ прежних поселений на Рио Негро. В результате оказалось необходимым возводить укрепления, домов построили мало, возделанной земли за пределами стен также немного, и даже домашний скот не обеспечен от нападений индейцев за пределами равнины, на которой стоит крепость.

Так как та часть гавани, где «Бигль» намеревался бросить якорь, находилась на расстоянии двадцати пяти миль, я попросил коменданта дать мне проводника и лошадей и поехал узнать, не пришел ли корабль. Сначала мы ехали по зеленой равнине, расположенной вдоль по течению небольшого ручья, но вскоре оставили ее и очутились в обширной плоской пустоши, представлявшей собой пески и солончаковые болота, а иногда просто покрытой слоем грязи. В некоторых местах разросся низкий кустарник, а в других—те суккулентные растения, которые встречаются в изобилии только в местах, богатых солью. Как ни бедна была местность, в ней попадалось много страусов, оленей, агути и броненосцев. Проводник рассказывал, что два месяца тому назад он едва выбрался живой отсюда: он да еще двое людей отправились на охоту неподалеку от этого места; неожиданно попалась им навстречу партия индейцев, которые погнались за ними, вскоре настигли их и убили обоих его товарищей. Ноги его собственной лошади были также опутаны ремнями бола, но он соскочил и ножом перерезал ремни; при этом он должен был укрываться за лошадью и в то время, как он бегал вокруг нее, они нанесли ему две тяжелые раны своими чусо. Вскочив в седло, он собрал последние силы и помчался, оставаясь лишь чуть-чуть впереди от длинных копий своих преследователей, которые гнались за ним почти до самых стен крепости. С этих пор был отдан приказ, чтобы никто не отлучался далеко от поселения. Выезжая оттуда, я этого не знал и с удивлением смотрел, как мой проводник внимательно следил глазами за бежавшим оленем, который, повидимому, был спугнут где-то вдалеке.

Узнав, что «Бигль» еще не пришел, мы немедленно поехали обратно, но лошади вскоре начали уставать, и это принудило нас ночевать на равнине под открытым небом. Утром нам удалось поймать броненосца, и хотя, зажаренный в своей броне, он представляет великолепное блюдо, однако, для двух голодных людей такой завтрак и обед оказались не слишком сытными. В том месте, где мы остановились на ночлег, почва была покрыта коркой из сернокислого натрия и поэтому, понятно, тут совершенно не было воды. Однако, несколько мелких грызунов умудрялись жить даже и здесь, и маленький тукутуко в продолжение, по крайней мере, половины ночи тихонько похрюкивал под самой моей головой. Лошади у нас были довольно плохие, а так как они долго не пили, то утром скоро выбились из сил, и мы должны были итти пешком. Около полудня наши собаки поймали козленка. Мы его изжарили, и я немного поел, но это вызвало у меня нестерпимую жажду. Она казалась тем более мучительной, что незадолго перед тем шел дождь, и по дороге беспрестанно попадались лужицы воды, довольно чистой, но совершенно негодной для питья. Я оставался без воды не более двадцати часов и только часть этого времени провел под горячим солнцем, но жажда совершенно истомила меня. Я не могу представить себе, как может прожить человек два или три дня при таких условиях; в то же время я должен признаться, что мой проводник не страдал нисколько и удивлялся, что один день лишений оказался для меня столь мучительным.

Я уже несколько раз говорил, что поверхность почвы покрыта здесь коркой соли. Явление это имеет совершенно другой характер, чем в салинах, и в высшей степени замечательно. Во многих местах Южной Америки, где климат достаточно сух, встречаются эти налеты; но нигде не видал я их в таком изобилии, как около Байа Бланки. Здесь, как и в других местах Патагонии, соль состоит из сернокислого натрия с примесью поваренной соли. Пока почва этих солончаков остается влажной (испанцы совершенно неправильно называют их salitrales, принимая это вещество за селитру), вся равнина представляет лишь обширную площадь черной, илистой земли, кое-где покрытой клумбами суккулентных растений. Если с неделю стоит жаркая, сухая погода, то, проходя снова по тем же местам, с удивлением видишь, что вся равнина на целые мили кругом побелела, как будто покрылась тонким слоем снега, сметенным кое-где ветром в маленькие кучки. Последнее явление зависит, главным образом, от того, что соли при медленном испарении воды оседают на листьях засохших растений, на кусках дерева и комьях земли, а не кристаллизуются на дне водяных луж. Солончаки встречаются или на ровных местах, поднятых лишь на несколько футов над уровнем моря, или на наносной почве по берегам рек. Г. Паршапп* нашел, что соляная корка на равнине, лежащей в нескольких милях от моря, состояла преимущественно из сернокислого натрия с примесью только семи процентов поваренной соли, между тем как ближе к морскому берегу количество поваренной соли увеличивалось уже до 37 процентов. Это обстоятельство может дать повод к предположению, что сернокислый натрий образуется в почве из хлористых соединений, оставшихся на

* Voyage dans l'Amérique Mérid. par M. A. d'Orbigny. Part. Hist., t. I, p. 664.

поверхности при медленном и притом недавнем поднятии этой сухой страны. Явление это вполне заслуживает внимания натуралистов. Не обладают ли суккулентные растения, свойственные солончакам и, как известно, содержащие в себе много натрия, свойством разлагать хлористые соединения? Или, может быть, черная вонючая грязь, изобилующая органическими веществами, дает серу и даже серную кислоту?

Два дня спустя я опять поехал в гавань. Когда мы были уже недалеко от цели нашего путешествия, мой спутник, все тот же проводник, высмотрел троих охотящихся всадников. Он тотчас слез с лошади и, посмотрев пристально, сказал: «У них посадка не христианская, к тому же из крепости никто не смеет выйти». Всадники съехались вместе и также слезли с лошадей. Потом один из них снова вскочил на седло и скрылся из виду за холмом. Тогда спутник мой сказал: «Теперь и нам надо сесть на лошадей; заряжайте свой пистолет», а сам при этом осмотрел свою саблю. Я спросил: «Это индейцы?»— «Quien sabe? (а кто же их знает?), но если их не больше трех, то это пустяки».—Мне вдруг пришло в голову, что ускакавший всадник поехал за остальной шайкой. Я сказал это проводнику, но получил опять в ответ: «Quien sabe?» Между тем его глаза ни на минуту не отрывались от далекого горизонта. Его необыкновенное спокойствие показалось мне плохой шуткой; я спросил, отчего мы не едем домой, и был очень удивлен его ответом: «Мы и возвращаемся, но по другой дороге; придется ехать болотом, и мы погоним туда наших лошадей, пока они смогут итти, а там уже придется довериться собственным ногам; никакой опасности нет». Я совсем не был в этом так уверен и побуждал его ехать скорее. Но он сказал: «Нет, нельзя, пока они не погонят своих лошадей». Когда неровность местности скрывала нас, мы пускались в галоп, но на виду продолжали ехать шагом. Наконец, мы достигли лощины и, повернув влево, быстро поскакали к подножию холма. Проводник дал мне подержать свою лошадь, велел собакам лечь на землю, а сам на четвереньках пополз на рекогносцировку. В этом положении он оставался несколько времени, но вдруг разразился хохотом и воскликнул: «Mugeres!» (женщины!). Он признал жену и свояченицу майорова сына, которые искали яйца страусов. Я описал этот случай потому, что здесь мой проводник поступал так, как будто за нами в самом деле гнались индейцы. Когда мы уверились в своей ошибке, спутник мой начал приводить тысячи доказательств, что это и не могли быть индейцы; в минуту страха ему, однако, ни один из этих доводов не пришел в голову. После того мы преспокойно доехали до плоского мыса, называемого Пунта Альта, откуда можно было видеть почти всю обширную гавань Байа Бланки.

Обширная поверхность воды здесь во многих местах изборождена большими отмелями грязи, которые жители называют кангрехалес (Cangrejales), или *рачьими садками*, ввиду множества живущих там мелких крабов. Грязь так жидка, что невозможно пройти по отмелям даже на самое короткое расстояние. Многие отмели покрыты высоким тростником, но во время прилива над водой видны только верхушки растений. Раз на лодке мы так запутались среди этих отмелей, что едва могли выбраться. Не было видно ничего, кроме

плоских пятен грязи: день был не совсем ясный, и преломление лучей было очень сильным, или, как говорят моряки, «все поднялось». Только один горизонт казался на месте, а тростник торчал точно кусты, стоящие в воздухе без всякой поддержки; вода казалась грязевой отмелью, а грязевые отмели—водой.

Мы провели ночь в Пунта Альте, и я занялся отыскиванием ископаемых костей, потому что мыс этот—настоящая гробница всяких вымерших чудовищ. Вечер был тихий и ясный; необычайная монотонность пейзажа придавала ему какую-то прелесть даже среди этих грязевых отмелей с чайками и песчаных холмов с одинокими грифами. Утром, на обратном пути, мы напали на совершенно свежий след пумы, но самого зверя нам не удалось отыскать. Мы видели также пару сорильо, или скунсов[61],—отвратительные животные, которые попадаются здесь весьма часто. С виду сорильо похож на хорька, но несколько больше и толще его. Сознавая свою силу, он бродит днем по открытой равнине и не боится ни людей, ни собак. Если натравить на него собаку, вся храбрость ее мгновенно исчезает, как только сорильо выпустит несколько капель своей вонючей маслянистой жидкости, которая, попадая в нос, вызывает сильнейшую тошноту. Вещь, хоть раз запачканная этой жидкостью, становится навсегда негодной. Азара говорит, что на расстоянии одного лье можно уже слышать этот запах; и не раз при входе в гавань Монтевидео ветер с берега приносил нам его на палубу «Бигля». Твердо установлено, что все животные бегут от сорильо, добровольно уступая ему место.

ГЛАВА V

БАЙА БЛАНКА

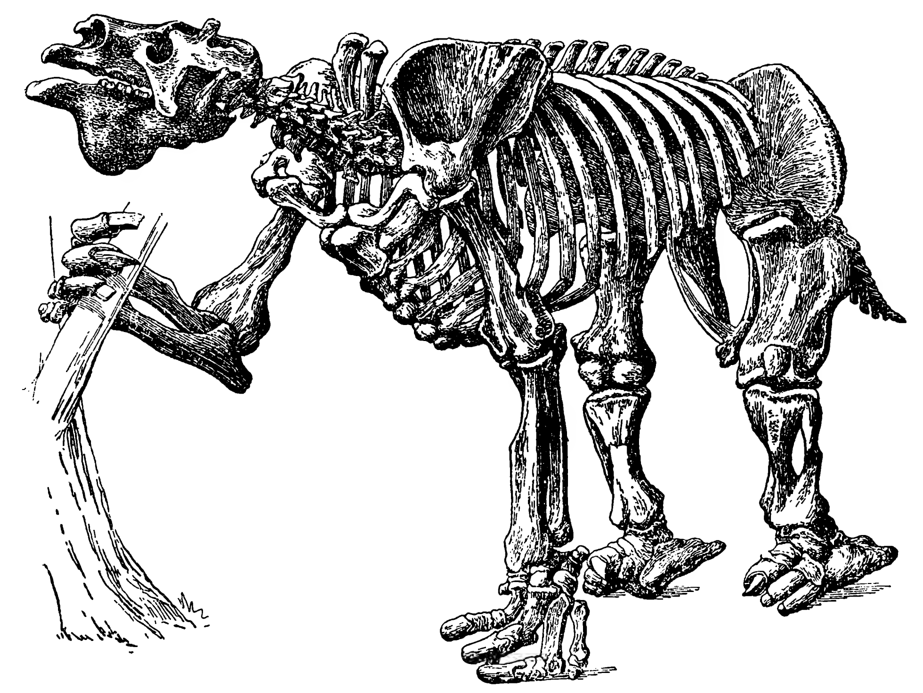
Байа Бланка.—Геология.—Многочисленные гигантские вымершие четвероногие.—Недавнее их исчезновение.—Долговечность видов.—Для крупных животных не нужна роскошная растительность.—Южная Африка.—Сибирские ископаемые животные.—Два вида страуса.—Повадки печника.—Броненосцы.—Ядовитая змея, жаба, ящерица.—Зимняя спячка животных.—Повадки морского пера.—Войны с индейцами и уничтожение их.—Древний наконечник стрелы.

«Бигль» пришел сюда 24 августа и неделю спустя отправился к Ла Плате. С согласия капитана Фиц Роя я остался здесь, чтобы сухим путем ехать в Буэнос Айрес. Приведу некоторые наблюдения, сделанные мною как во время этого посещения, так и прежде, когда «Бигль» занимался исследованием гавани.

Равнина, на расстоянии нескольких миль от берега, принадлежит к обширной формации пампасов, состоящей частью из красной глины, а частью из пород мергеля, чрезвычайно богатого известью. Ближе к берегу лежит местами слой, образованный из обломков верхней равнины, а также из грязи, гравия и песка, выброшенных морем во время медленного поднятия суши; явными признаками этого поднятия служат слои раковин существующих и ныне моллюсков и круглые голыши пемзы, рассыпанные по всей стране. В Пунта Альте мы имеем разрез одной из этих недавно образованных площадок, представляющий исключительный интерес по количеству и необыкновенному характеру остатков громадных наземных животных, погребенных в нем. Эти остатки были описаны профессором Оуэном в Зоологии путешествия на «Бигле» и находятся в Хирургическом училище. Я приведу здесь лишь краткую характеристику их.

Во-первых, части трех черепов и другие кости мегатерия (Megatherium), на громадные размеры которого указывает уже самое его название. Во-вторых, мегалоникс (Megalonyx)—огромное животное, близкое к первому. В-третьих, также близкое к ним животное сцелидотерий (Scelidotherium), почти полный скелет которого мне удалось собрать. Ростом последний должен был быть с носорога; по строению черепа он, по мнению м-ра Оуэна, более всего сходен с капским муравьедом, но в других отношениях приближается к броненосцам. В-четвертых, милодон *(Mylodon Darwinii)*—род, тоже очень близкий к описанным, но меньших размеров. В-пятых,

еще одно огромное четвероногое из неполнозубых. В-шестых, большое животное с покровом из костяных пластинок, очень похожим на панцырь броненосца. В-седьмых, вымерший род лошади, о котором я еще поговорю впоследствии. В-восьмых, зуб толстокожего, вероятно, макраухении (Macrauchenia), огромного животного, с шеей, длинной, как у верблюда; о нем я тоже буду говорить впоследствии. Наконец, токсодон (Toxodon), чуть ли не самое странное из всех когда-либо открытых животных: по величине он равняется слону или мегатерию, но, по мнению мистера Оуэна, строение зубов бесспорно указывает на близкое родство его с грызунами,—отрядом,



Скелет мегатерия (*Megatherium Americanum*, Cuvier et Blumenbach).

к которому в настоящее время принадлежат большей частью мельчайшие из четвероногих; кроме того, многие особенности приближают его к толстокожим (Pachydermata), а если судить по положению глаз, ноздрей и ушей, то нужно думать, что токсодон был водным животным, как дюгонь и ламантин, с которыми он тоже имеет много общего [62]. Просто удивительно, [признаки] скольких различных отрядов, в настоящее время так резко отделяющихся один от другого, перемешаны между собой в различных пунктах тела токсодона!

Остатки этих девяти огромных четвероногих и много других отдельных костей были выкопаны на берегу на пространстве около 200 квадратных ярдов. Весьма замечательно, что в одном месте найдено столько различных видов: это показывает, как разнообразны и многочисленны были древние обитатели этой страны. Миль за тридцать от Пунта Альты, в утесе из красной земли, я нашел несколько

обломков костей, из которых некоторые были довольно велики. Среди них были зубы грызуна, чрезвычайно сходные, как по форме, так и по величине, с зубами водосвинки, повадки которой описаны выше; возможно поэтому, что это было также водное животное. Найдена также часть черепа Ctenomys,—не тукутуко, а другой вид, очень на него похожий. Красная земля, подобная почве пампасов, в которой сохранились все эти остатки, заключает, по свидетельству профессора Эренберга, восемь видов пресноводных и один вид солоноводных инфузорий. Из этого можно заключить, что почва была отложена эстуарием.

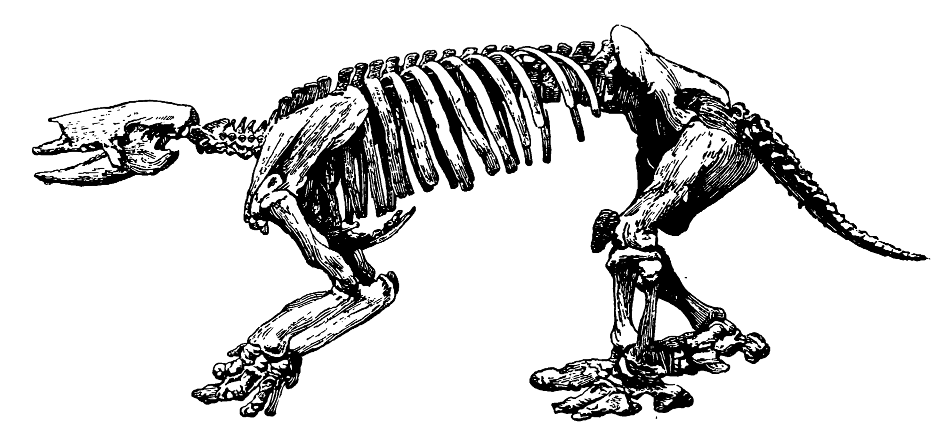
Ископаемые остатки в Пунта Альте были погребены в слоях гравия и красноватой грязи, совершенно похожей на ту, которую море наносит в настоящее время на неглубокие отмели. Вместе с костями найдено двадцать три вида раковин; из них тринадцать принадлежат к числу форм, живущих и поныне, а четыре другие вида очень близки к современным; остается неясным, принадлежат ли остальные к неизвестным нам или к действительно исчезнувшим видам, потому что на этом берегу моллюски вообще слишком еще мало исследованы. Так как, однако, современные виды найдены в ископаемом состоянии почти в том же количественном соотношении, какое существует и между моллюсками, ныне живущими в заливе, то, по моему мнению, едва ли можно сомневаться, что эти остатки принадлежат к очень позднему третичному периоду. Судя по костям сцелидотерия, которые все, не исключая даже и коленной чашки, найдены в своем естественном взаимном расположении, а также по вполне сохранившимся костям ноги и костному панцырю гигантского животного, похожего на броненосца, мы можем сказать с уверенностью, что эти остатки были еще свежи и соединены связками в то время, когда слой гравия покрыл их вместе с множеством раковин. На этом основании становится ясным, что вышеупомянутые громадные четвероногие, отличающиеся от нынешних резче, чем самые древние из третичных четвероногих Европы, жили в то время когда море было уже населено большей частью его теперешних обитателей; а этим подтверждается замечательный закон, на котором так часто останавливается м-р Ляйелль, именно, что «долговечность видов у млекопитающих в общем ниже, чем у Testacea»*[63].

Огромные размеры костей мегатероидов, т. е. мегатерия, мегалоникса, сцелидотерия и милодона, в самом деле поразительны. Образ жизни этих животных долго оставался загадкой для натуралистов; но в последнее время профессор Оуэн** очень остроумно решил этот вопрос. Простое устройство зубов показывает, что эти животные питались растениями, вероятно, листьями и молодыми ветками деревьев. Их тяжеловесные формы и большие, сильные и кривые когти так мало приспособлены для передвижения, что многие выдающиеся натуралисты полагали даже, что эти животные, подобно ленивцам, к которым они довольно близки, питались древесной листвой, карабкаясь по ветвям спиной вниз. Это была смелая, чтобы н

* Principles of Geology, vol. IV, p. 40.

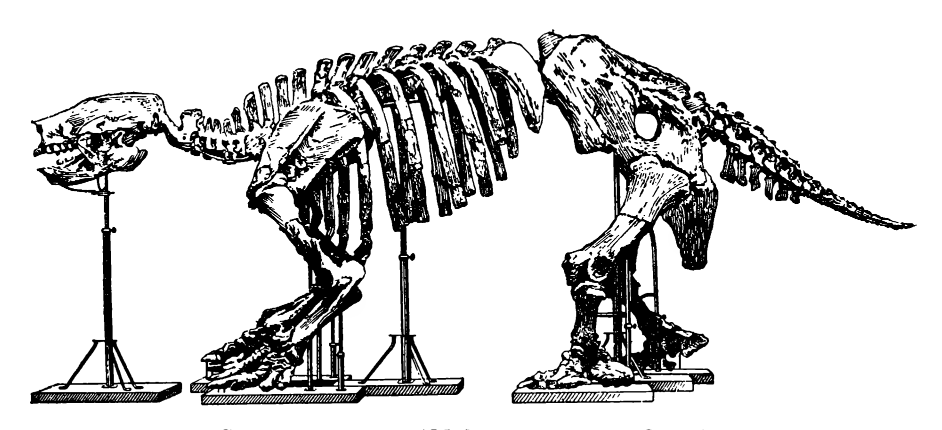
** Эта теория в первый раз была высказана в Zoology of the Voyage of the Beagle и позднее профессором Оуэном в его Memoir on Mylodon robustus.

сказать нелепая, мысль: трудно предположить, чтобы даже в допотопные времена существовали деревья с ветками, настолько крепкими, чтобы выдерживать тяжесть животных величиной со слона. Профессор Оуэн с гораздо бо́льшим вероятием думает, что вместо того, чтобы лазать по деревьям, они притягивали ветви к себе, от-



Скелет сцелидотерия (*Scelidotherium leptocephalum*, Owen).

рывали самые молодые из них и таким образом питались листьями. Громадная ширина и тяжесть задней половины их тела, которые трудно вообразить себе, не видав костей, с этой точки зрения оказывали им пользу вместо того, чтобы служить помехой: их видимая неуклюжесть исчезает. Опираясь о землю огромным хвостом и мощ-

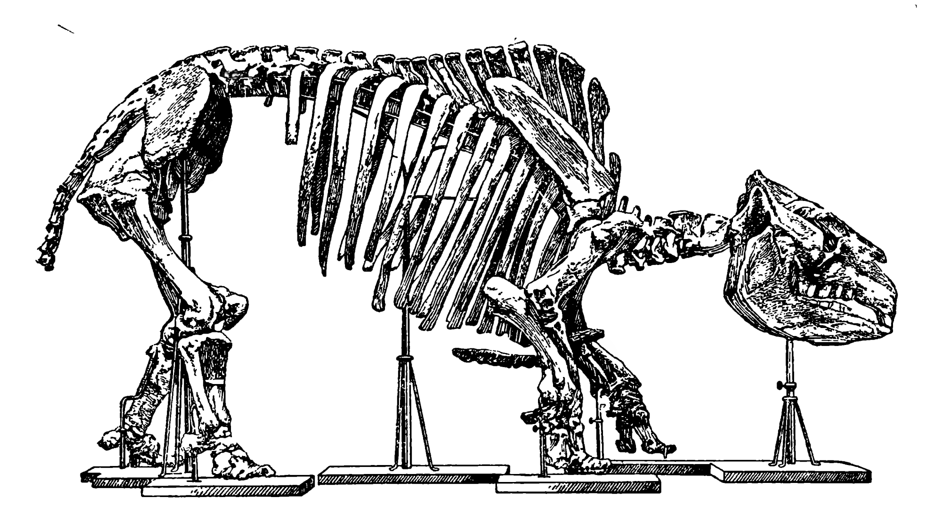


Скелет милодона (*Mylodon robustus*, Owen).

ными ступнями, которые получали вид как бы прочно установленного треножника, они могли свободно пускать в дело всю силу передних лап и длинных когтей. Надо согласиться, однако, что крепки были корни у деревьев, выдерживавших такой напор! Кроме того, у милодона был еще длинный растяжимый язык, как у жираффы;

последняя благодаря этому удивительному органу, которым снабдила ее природа, а также с помощью своей длинной шеи может свободно доставать листья с высоких деревьев. Замечу, кстати, что согласно Брюсу абиссинский слон в том случае, если не может достать хоботом ветки, начинает долбить клыками ствол дерева со всех сторон, пока не ослабит его настолько, чтобы повалить.

Слои, заключающие в себе упомянутые ископаемые остатки, возвышаются только на пятнадцать-двадцать футов над уровнем воды во время прилива, и, следовательно, с тех пор, как по окрестным равнинам бродили эти громадные четвероногие, страна поднялась чрезвычайно мало (или нужно предположить, что между периодами



Скелет токсодона (*Toxodon platensis*, Owen, или *Toxodon darwinii*, Burmeister).

поднятия был период опускания, на что нет никаких указаний) и что вообще с тех пор общий характер местности почти не изменился. Здесь сам собой приходит в голову вопрос, какова была в то время растительность и так же ли жалка и бесплодна была тогда страна, как теперь? Так как многие из погребенных вместе с четвероногими моллюсков принадлежат к видам, живущим и поныне в заливе, то я сначала склонялся к мысли, что прежняя растительность была похожа на нынешнюю; подобное сближение было бы, однако, ошибочным, потому что иные из этих моллюсков живут и на роскошных берегах Бразилии; да и вообще характер обитателей моря отнюдь не может служить указанием для определения свойств наземных организмов. Тем не менее из того факта, что на равнинах вокруг Байа Бланки водилось много громадных четвероногих, по-моему, совершенно не следует заключать, что эти равнины были когда-то покрыты роскошной растительностью; для меня несомненно, что немного южнее, близ Рио Негро, бесплодная местность, изредка поросшая колючими деревьями, могла поддерживать существование многочисленных крупных четвероногих.

Все думали прежде, что для крупных животных необходима роскошная растительность. Это мнение переходило от одного автора к другому, но я, не колеблясь, скажу, что оно совершенно неверно и сделало неубедительными рассуждения геологов по многим вопросам большой важности, касающимся древнейшей истории земли. Вероятно, предрассудок этот установился благодаря примеру Индии и индийских островов, где, как мы все привыкли воображать себе, соединены вместе стада слонов, великолепные леса и непроходимые джунгли. Но, с другой стороны, если мы заглянем в какое-нибудь «Путешествие» по Южной Африке, то почти на каждой странице будет речь или о пустынном характере страны или об огромном количестве крупных животных, обитающих в ней. То же следует из множества рисунков, изображающих различные местности внутренней Африки. Когда «Бигль» стоял в Капштадте, я совершил экскурсию внутрь страны, продолжавшуюся несколько дней, и этой поездки было достаточно, чтобы окончательно уяснить себе читанное мною прежде.

Д-р Эндрью Смит, которому с несколькими предприимчивыми товарищами удалось недавно перейти тропик Козерога, сообщил мне, что если судить по южной части Африки, то нельзя сомневаться в бесплодности всей страны. На южном и юго-восточном берегу встречаются, правда, великолепные леса, но, за исключением их, путешественнику приходится по целым дням проезжать через открытые равнины, где растительность бедна и редка. Очень трудно дать точное понятие о сравнительном плодородии стран, но можно наверное сказать, что в Англии количество растительности в любое время* превосходит, быть может, в десять раз количество растительности на таком же пространстве земли во внутренних частях Южной Африки. Бедность тамошней растительности, быть может, яснее всего доказывается тем обстоятельством, что на телегах, запряженных буйволами, можно беспрепятственно ездить по всем направлениям, исключая лишь морское побережье, и только разве случайно приходится останавливаться на полчаса, чтобы вырубить кусты. Между тем, если мы обратим внимание на животных, населяющих эти обширные равнины, то найдем, что количество их необычайно велико, а размеры отдельных особей огромны. Припомним слона, три вида носорогов и, быть может, согласно данным доктора Смита, еще два вида их; далее—бегемота и жираффу, кафрского буйвола *(Bos caffer)*, который по размерам равен нашему взрослому быку, оленебыка, размеры которого несколько меньше; два вида зебр, кваггу, два вида гну и, наконец, несколько видов антилоп даже бóльших размеров, чем гну. Можно было бы думать, конечно, что хотя видов много, но зато мало особей каждого из них. Благодаря любезности д-ра Смита я могу доказать противное. Он осведомил меня, что под 24° широты, в продолжение одного дня пути в телеге на волах, он, не очень отдаляясь в ту или другую сторону, видел от ста до ста пятидесяти носорогов, принадлежавших к трем видам; в тот же день он видел несколько стад жирафф, общее число голов которых доходило до ста; хотя ему

* Этими словами я хочу исключить общую сумму растительности, которая могла развиваться и истребляться постепенно в течение данного периода.

не попадались слоны, но вообще они нередки в этих местах. На расстоянии около часа езды от места ночлега товарищи его убили в одну охоту восемь бегемотов, а видели их гораздо больше. В той же реке были и крокодилы. Конечно, встретить зараз столько громадных животных не всякому удается и там, и этот случай исключительный, но он все-таки доказывает, как они многочисленны в тех местах. Д-р Смит так описывает местность, по которой проезжал в тот день: «Она была покрыта реденькой травой, изредка попадались кустарники фута в четыре вышиной и еще реже древесные мимозы». Телеги их могли ехать беспрепятственно почти по прямой линии.

Кроме этих крупных животных, всякий, кто сколько-нибудь знаком с естественной историей Капской колонии, читал о стадах антилоп, которые можно сравнить по многочисленности только со стаями перелетных птиц. И в самом деле, количество львов, пантер, гиен и множество хищных птиц довольно ясно говорит об изобилии мелких четвероногих: в один вечер насчитали семь львов, бродивших вокруг лагеря д-ра Смита. Этот талантливый натуралист говорил мне, что в Южной Африке ежедневно должны происходить ужасные кровопролития! Признаюсь, меня не мало удивляет, как такое огромное число животных может существовать в стране, производящей так мало пищи. Крупные четвероногие, без сомнения, проходят огромные пространства в поисках пищи, и пища эта преимущественно состоит из молодого кустарника, который в малом объеме содержит, вероятно, много питательных веществ. Д-р Смит сообщил мне также, что рост растений происходит там очень быстро: по мере того, как одни части растений истребляются, их немедленно заменяют новые. Можно почти наверное сказать, что наши понятия о количестве пищи, необходимой для крупных четвероногих, в значительной степени преувеличены; для примера можно привести верблюда: животное это никак нельзя назвать маленьким, а между тем с незапамятных времен его считают эмблемой пустыни.

Представление, будто растительность должна быть роскошной в тех местах, где водятся крупные четвероногие, тем более неверно, что и обратное отношение далеко от истины. М-р Берчелл говорил мне, что при первом знакомстве с Бразилией он всего больше был поражен роскошью южноамериканской растительности, представляющей такой контраст с южноафриканской, а также полным отсутствием в Бразилии крупных четвероногих. В своих «Путешествиях» * он замечает, что было бы чрезвычайно любопытно сравнить (если бы были для этого достаточные данные) относительный вес равного числа крупнейших травоядных четвероногих в обеих странах. Если мы возьмем, с одной стороны слона**, бегемота, жираффу, кафрского буйвола, оленебыка, три, а может быть и пять видов но-

* Travels in the Interior of South Africa, vol. II, p. 207.

** Слон, убитый в Эксетер Чендж, весил до пяти с половиной тонн (он был взвешен по частям). Мне говорили, что самка слона весит на одну тонну меньше, так что можно принять средний вес взрослого слона в пять тонн. В Зоологическом саду в Сёррее мне сообщили, что бегемот, которого прислали в Англию разрезанным на куски, весил три с половиной тонны, для круглого счета скажем три тонны. Основываясь на этих числах, можно определить вес каждого из пяти

сорогов, со стороны же Америки—два вида тапиров, гуанако, три вида оленей, вигонь, пекари, водосвинку (чтобы дополнить счет, нужно было бы выбрать одну из обезьян), и потом поставим рядом эти две группы, то, конечно, трудно себе представить что-нибудь более несоответственное по величине. После всего сказанного приходится заключить в противоположность прежнему мнению *, что для млекопитающих не существует тесного отношения между *размерами тела* видов и *количеством* растительности в стране, где они живут.

Что касается числа крупных четвероногих, то, конечно, нет страны на земном шаре, которая могла бы сравниться в этом отношении с Южной Африкой. После приведенных выше данных не может быть сомнения в совершенно пустынном характере этой страны. В Европе нужно обратиться к эпохам третичного периода, чтобы обнаружить в отношении млекопитающих положение вещей, сходное с тем, какое в настоящее время существует на мысе Доброй Надежды. Да едва ли и в эти эпохи третичного периода, для которых мы привыкли предполагать изумительное изобилие громадных животных на основании остатков, накопившихся в течение ряда веков в известных пунктах, водились животные бóльших размеров, чем живущие теперь на юге Африки. Выдвигая те или иные предположения о состоянии растительности в те отдаленные времена, мы, по крайней мере, настолько должны придерживаться аналогии с современными условиями, чтобы не провозглашать безусловную необходимость роскошной растительности, когда у нас перед глазами пример мыса Доброй Надежды, где господствуют прямо противоположные отношения.

Известно**, что в крайних областях Северной Америки, в нескольких градусах за пределами тех мест, где на глубине немногих футов земля круглый год остается мерзлой, имеются целые леса, состоящие из высоких и толстых деревьев. Точно так же и в Сибири мы видим леса из березы, ели, осины и лиственницы под такой широтой*** (64°), где средняя температура воздуха стоит ниже точки замерзания

видов носорогов в три с половиной тонны, вес жираффы—в одну тонну, полтонны для кафрского быка и столько же для оленебыка (большой бык весит от 1 200 до 1 500 фунтов). Это дает среднюю цифру в 2,7 тонны для каждого из десяти больших травоядных животных Южной Африки. Для Южной Америки: 1 200 фунтов—общий вес обоих тапиров, 550 фунтов—общий вес гуанако и вигони, 500 фунтов—трех видов оленей, 300 фунтов—водосвинка, пекари и обезьяна. Средняя цифра в этом случае будет 250 фунтов, я думаю, что она еще все-таки преувеличена. Отношение будет, следовательно, 6 048 : 250, или 24:1 для десяти самых больших животных обоих материков.

* Представим себе, что с лица земли исчезли все китообразные и найден остов гренландского кита в ископаемом состоянии; какой натуралист смог бы предположить, что для поддержания жизни в таком громадном теле могли служить крошечные ракообразные и моллюски, живущие в холодных морях крайнего севера?

** См. Dr. Richardson, Zoological Remarks to Capt. Back's Expedition. Ричардсон говорит: «Подпочва к северу от 56° широты остается постоянно мерзлой, у берегов моря земля оттаивает не больше, как на 3 фута в глубину, а близ Медвежьего озера (64° широты) не больше, как на 20 дюймов. Как кажется, мерзлота подпочвы сама по себе не мешает растительности, потому что на некотором расстоянии от берега видны прекрасные леса».

*** См. Humboldt, Fragments Asiatiques, p. 386; Barton, Geography of Plants и Malte Brun. В последнем сочинении говорится, что крайнюю границу древесной растительности в Сибири можно провести под параллелью 70°.

и где земля промерзает до такой степени, что трупы погребенных в ней ископаемых животных прекрасно сохраняются. Ввиду этих фактов мы должны допустить (принимая в расчет *только количество* растительности), что крупные четвероногие более поздних эпох третичного периода могли жить в большей части Северной Европы и Азии в тех самых местах, где теперь находят их остатки. Я не говорю о *характере* растительности, необходимой для их существования, потому что поскольку имеются признаки физических перемен, а животные эти совершенно исчезли с лица земли, можно предположить, что и виды растений с тех пор также переменились.

Я должен, впрочем, заметить, что все сказанное относится только к сибирским животным, сохранившимся во льду. С одной стороны, твердое убеждение в необходимости богатой тропической растительности для поддержания жизни крупных животных, а с другой— невозможность согласовать это с близостью вечной мерзлоты были одними из главных причин возникновения различных теорий о внезапных изменениях климата и разрушительных катастрофах,—теорий, изобретенных для того, чтобы объяснить факты нахождения ископаемых остатков. Я далек от мысли, чтобы климат не изменился с того времени, когда жили эти животные, погребенные ныне во льду. Сейчас я имею в виду показать только, что если остановиться *лишь на количестве* пищи, то древние носороги даже и теперь могли бы пастись в *степях* Центральной Сибири (северная часть тогда еще, вероятно, была покрыта водой), точно так же, как современные слоны и носороги пасутся в *каррах*[64] (karros) Южной Африки.

Приступаю к описанию нравов некоторых из наиболее интересных птиц, живущих в пустынных равнинах Северной Патагонии, и прежде всего самой большой из них—южноамериканского страуса. В общих чертах нравы страусов известны каждому. Они питаются растительными веществами—травой и кореньями; но в Байа Бланке я несколько раз видел, как три или четыре страуса спускались во время отлива к широким грязевым отмелям, которые тогда были сухи, чтобы, как уверяют гаучосы, поесть мелкой рыбы. Хотя страусы крайне осторожны, дики, любят уединение и бегают очень легко и быстро, однако гаучосы и индейцы без особого труда ловят их своими бола. Если всадники обступят страуса полукругом, он теряется и не знает, куда бежать. Вообще они предпочитают бежать против ветра, однако, трогаясь с места, они распускают крылья и, как корабль, бегут «на всех парусах». Раз в жаркий, ясный день я видел, как несколько страусов вошли в заросли высокого тростника и, присев там, прятались, пока я не подошел к ним совсем близко. Не всем, кажется, известно, что страусы охотно идут в воду. М-р Кинг сообщил мне, что в заливе Сан Блас и в порту Вальдес в Патагонии он не раз видал, как эти птицы переплывали с острова на остров. Они бросались в воду, как для спасения от преследования, когда их пригоняли к мысу, так и по собственной прихоти, когда их никто не пугал; они переплывали расстояние около двухсот ярдов. Во время плавания на поверхности видна только незначительная часть их тела, шея вытянута немного вперед, а движения медленны. Два раза я сам видел несколько страусов, переплывав-

ших реку Санта Крус в том месте, где течение быстро, а ширина около четырехсот ярдов. Капитан Стёрт *, плывя вниз по течению Мёррамбиджи, в Австралии, видел двух плававших эму.

Жители этой местности очень легко, даже издали, отличают самца страуса от самки. У первого цвет перьев темнее**, кроме того он больше ростом и голова у него толще. Страус, кажется, самец, издает какой-то странный, низкий, свистящий звук; первый раз я услыхал его, стоя между песчаными холмами, и мне показалось, что это голос какого-нибудь дикого зверя, потому что звук этот такого рода, что нельзя сказать, откуда он и с какого расстояния слышен. Во время нашего пребывания в Байа Бланке в сентябре и октябре по всей равнине было разбросано огромное количество яиц. Яйца лежат или поодиночке, и в этих случаях они никогда не высиживаются (испанцы называют их huachos), или же они сложены в мелкие ямы, которые заменяют гнезда. Из четырех виденных мною гнезд в трех лежало по двадцать два яйца, а в четвертом—двадцать семь. В течение однодневной верховой езды я нашел шестьдесят четыре яйца; из них сорок четыре были взяты из двух гнезд, а остальные двадцать представляли собой разбросанные по степи huachos. Гаучосы единодушно утверждают—и в справедливости их показаний нет поводов сомневаться,—что высиживает яйца только самец и что он же водит потом некоторое время молодых. Сидя в гнезде, самец плотно прилегает к земле; однажды я чуть не наехал на одного. Уверяют, что в это время страус становится свирепым и даже опасным и что бывали случаи, когда он нападал на всадника, стараясь вскочить на него и ударить. Человек, рассказывавший мне это, показывал мне старика, которого таким образом сильно напугал преследовавший его страус. Берчелл в своем «Путешествии по Южной Африке» пишет: «Когда однажды я убил самца с грязными перьями, то готтентоты сказали мне, что эта птица сидела на яйцах». Я знаю также, что самец эму в Зоологическом саду берет на себя все заботы по высиживанию; следовательно, это общая черта всего семейства.

Гаучосы единогласно уверяют, что несколько самок кладут яйца в одно и то же гнездо. Меня уверяли самым решительным образом, что среди белого дня видели, как четыре или пять самок приходили одна за другой к одному и тому же гнезду. Я могу прибавить, что это мнение распространено и в Африке***. Хотя эта черта с первого взгляда кажется очень странной, но причина ее, как мне кажется, может быть объяснена просто. Число яиц в гнезде бывает от двадцати до сорока и даже до пятидесяти, а, по словам Азары, доходит иногда до семидесяти или восьмидесяти. Судя по количеству находимых в одном районе яиц, которое непропорционально велико по сравнению с числом птиц, а также и по строению яичника самки, можно с большим вероятием предположить, что каждая самка кладет в течение сезона очень много яиц, но для этого нужен длинный период времени. Азара утверждает****, что одна самка в одомашнен-

* Sturt, Travels, vol. II, p. 74.

** Один гаучо уверял меня, что ему раз случилось видеть страуса белого, как снег, т. е. альбиноса, и что это чрезвычайно красивая птица.

*** Burchell, Travels, vol. I, p. 280.

**** Azara, vol. IV, p. 173.

ном состоянии снесла семнадцать яиц,—по одному через каждые три дня. Если бы ей пришлось самой высиживать яйца, то пока было бы снесено последнее, первые оказались бы испорченными. Но если каждая самка в последовательные периоды времени кладет по нескольку яиц в различные гнезда и если притом действительно несколько самок соединяются для этой цели, то ясно, что яйца, находящиеся в одном гнезде в данный момент, будут приблизительно одинакового возраста. Если количество яиц в одном гнезде не превышает, как я думаю, средним числом количества яиц, которое вообще кладет одна самка в течение сезона, то гнезд должно быть столько же, сколько самок, и на долю каждого самца достается одинаковый труд высиживания, и именно в тот период времени, когда самки не могут насиживать сами, потому что еще несутся*. Я говорил уже о большом количестве яиц huachos, брошенных на равнине; в один день я их набрал до двадцати штук. Странно, что так много яиц пропадает даром. Не оттого ли, что нескольким самкам трудно соединиться в общину или найти самца, готового принять на себя труд высиживания? Очевидно, что на первых порах необходимо соединение, по крайней мере, двух самок, иначе яйца оставались бы разбросанными по обширной равнине на таких больших расстояниях, что самцу было бы слишком трудно собрать их в одно гнездо. Некоторые авторы думают, что яйца разбрасываются для того, чтобы ими могли питаться молодые птицы. Едва ли это справедливо для Америки, потому что здесь такие яйца, хотя и часто встречаются попорченными или даже протухшими, но почти всегда целы.

В мое пребывание у Рио Негро в Северной Патагонии я часто слыхал от гаучосов об одной редкой птице, которую они называли Avestruz Petise. Они говорили, что ростом она меньше страуса (который там очень обыкновенен), но вообще очень похожа на него. По их словам, она темного цвета с пятнами, а ноги у нее гораздо короче и оперены гораздо ниже, чем у обыкновенного страуса. Ловить ее при помощи бола легче, чем другие виды. Те немногие, которым случалось видеть обеих птиц, уверяли, что можно отличить их друг от друга на большом расстоянии. Яйца этого меньшего вида, кажется, больше известны, чем сами птицы: яйца, как это ни удивительно, почти такой же величины, как и яйца Rhea, но несколько другой формы и с легким голубым оттенком. Этот вид очень редок в равнинах, окаймляющих Рио Негро, но одним или полутора градусами южнее он встречается довольно часто. Однажды в Порт Дезире, в Патагонии (48° широты), м-р Мартенс застрелил страуса; я посмотрел на него и, совершенно позабыв рассказы о Petise, подумал, что это, должно быть, молодой экземпляр обыкновенного здешнего страуса. Его изжарили и съели, прежде чем я опомнился. К счастью, уцелели голова, шея, ноги, крылья, несколько перьев и бо́льшая часть шкурки. С помощью этих остатков я мог восстановить почти совершенно полный экземпляр, который находится теперь в музее Зоологического

* Лихтенштейн, впрочем, утверждает (Travels, vol. II, p. 25), что самки садятся на яйца, снеся десять или двенадцать штук, и после этого продолжают нестись—я полагаю—уже в другое гнездо. Это кажется мне невероятным. Он говорит еще, что для высиживания соединяются вместе 4 или 5 самок с одним самцом, который сидит только по ночам.

Нанду Дарвина (*Rhea*, или *Struthio*, *Darwinii*, Gould).

общества. М-р Гоулд, описывая этот новый вид, сделал мне честь, назвав его моим именем.

Между патагонскими индейцами, живущими на берегу Магелланова пролива, мы нашли одного полуиндейца, который уже несколько лет жил с диким племенем, хотя родился в северных провинциях. Я спросил его, слыхал ли он когда-либо об Avestruz Petise. Он отвечал: «Здесь, в южной стороне, других страусов и не бывает». Он сказал мне тоже, что в гнездах Petise яиц бывает гораздо меньше, чем у других страусов, в среднем не больше пятнадцати; но он уверял, что их также кладет не одна самка. На Санта Крус мы видели несколько этих птиц. Они были до крайности осторожны, и, кажется, видят человека на таком расстоянии, на котором человек еще не может разглядеть их. Когда мы ехали вверх по реке, нам попадалось очень мало этих птиц; но когда мы стали быстро и без шума спускаться вниз по течению, то увидели их множество, парами или по четыре и по пяти вместе. Замечено, что когда они трогаются с места, чтобы бежать, то не распускают крыльев подобно северным страусам. В заключение могу сказать, что *Struthio rhea* водится в странах Ла Платы до 41° широты, т. е встречается еще несколько далее к югу от Рио Негро, а *Struthio Darwinii* живет в Южной Патагонии; таким образом, полоса около Рио Негро остается нейтральной территорией. Г-н А. д'Орбиньи * в бытность свою на Рио Негро всеми силами старался добыть эту птицу, но это ему ни разу не удалось. Добрицгоффер** давно знал о существовании двух видов страусов. Он говорит: «Нужно еще заметить, что величина и нравы эму изменяются, смотря по местности. Те, которые живут в равнинах Буэнос Айреса и Тукумана, больше ростом и имеют черные, белые и серые перья; ближе к Магелланову проливу они меньше и красивее; их белые перья имеют черные концы и, наоборот, черные—оканчиваются белыми».

Здесь очень обыкновенна замечательная маленькая птичка *Tinochorus rumicivorus*; по виду и нравам она одинаково похожа на двух столь непохожих друг на друга птиц, как бекас и перепелка[65]. Tinochorus встречается во всей южной части Южной Америки, всюду, где есть бесплодные равнины или открытые сухие луга. Парами или маленькими стаями попадаются они в таких пустынных местах, где едва ли может жить какое-нибудь другое животное. Увидав приближающегося человека, они так плотно приседают к земле, что их очень трудно различить на окружающем фоне. Отыскивая пищу, они медленно передвигаются, растопыривая ноги. Они купаются в придорожной пыли и в песке и любят постоянно держаться в каких-нибудь определенных местах, где их можно всегда застать. Они летают, как куропатки, стаями.

По всем этим особенностям—по мускулистому желудку, приспособленному к растительной пище, по кривому клюву и мяси-

* Когда мы были на Рио Негро, то много слышали об этом неутомимом натуралисте. Г-н Альсид д'Орбиньи с 1825 по 1833 г. много путешествовал по Южной Америке, собрал коллекцию и теперь занимается изданием описания своих наблюдений в таких величественных размерах, что в числе путешественников по Америке сразу становится на второе место после Гумбольдта.

** Account of the Abipones, a. d. 1749, vol. I (в английском переводе), p. 314.

стым ноздрям, наконец, по коротким ногам и по форме пятки— Tinochorus очень похож на перепелку. Но на лету вид этой птицы совершенно изменяется; длинные, острые крылья, резко отличающиеся от крыльев отряда куриных, неправильность полета и жалобный крик, испускаемый, когда птица поднимается в воздух,— все это напоминает бекаса. Охотники с нашего корабля единодушно прозвали ее коротконлювым бекасом. Скелет ее действительно указывает на родство с этим родом или, вернее, со всем семейством голенастых птиц.

Tinochorus состоит в близком родстве и с некоторыми другими южноамериканскими птицами. Два вида из рода Attagis по своим нравам сходны почти во всех отношениях с птармиганами; один живет на Огненной Земле, выше границы распространения лесов, а другой—тотчас под снежной линией Кордильер в центральных областях Чили. Птица другого, очень близкого рода, *Chionis alba*, живет в антарктической области. Она питается морскими водорослями и моллюсками на скалах, заливаемых приливом. Хотя она не принадлежит к лапчатоногим птицам, но почему-то часто встречается далеко в море. Это маленькое семейство птиц хотя и представляет по своим разнообразным отношениям к другим семействам случай, доставляющий в настоящее время натуралисту-систематику только одни затруднения, но в конце концов оно сможет оказать помощь в разъяснении того великого плана, общего для прошлого и настоящего времени, по которому были созданы живые существа.

Род Furnarius заключает в себе несколько видов маленьких птиц, которые держатся на земле и живут в открытых сухих местах. По строению они не похожи ни на одну из европейских птиц. Орнитологи причисляли их вообще к лазящим, хотя они по всем своим повадкам противоположны этому семейству. Лучше других известен обыкновенный в Ла Плате вид—печник или, как называют его испанцы, касара (Casara), т. е. домостроитель. Гнездо, по форме которого птица получила свое название, помещается всегда на самых открытых местах, например, на верхушке столба, на голой скале или на кактусе. Оно построено из грязи и соломинок и имеет крепкие толстые стенки. Форма его действительно напоминает печь или сплюснутый улей. Отверстие большое, в виде арки, и прямо против него, внутри гнезда, находится перегородка, доходящая почти до крыши и представляющая как бы сени перед входом в настоящее гнездо.

Другой вид фурнарий *(F. cunicularius)* несколько меньше первого, но похож на печника красноватым оттенком перьев, особенным, резким и неоднократно повторяющимся криком и, наконец, странной манерой бегать скачками. На основании этого сходства испанцы называют эту птичку «касарита» (т. е маленький домостроитель), хотя устройство гнезда у нее совершенно иное. Касарита устраивает свое жилище на дне узкого цилиндрического хода, который, как говорят, идет горизонтально почти на шесть футов под землей. Многие из сельских жителей говорили мне, что когда они были мальчиками, то не раз старались выкопать гнездо, но им почти никогда не удавалось дойти до конца хода. Птичка выбирает в твердом песчаном грунте небольшое возвышение около дороги или ручья. Здесь (в Байа Бланке) ограды вокруг домов построены из затвердевшей грязи,

и я заметил, что в одной из них, окружавшей двор при доме, в котором я жил, во многих местах были пробуравлены круглые отверстия. На вопрос мой, откуда эти дыры, хозяин стал горько жаловаться на маленькую касариту,—вскоре я и сам увидел, как работали эти птички. Любопытно видеть, как эти птички неспособны усвоить себе понятие о толщине; несмотря на то, что они то и дело перелетали через низкую стенку, они продолжали понапрасну долбить ее, очевидно принимая ее за отличный пригорок для своих гнезд. Я уверен, что каждая из них, пробуравивши стену насквозь и очутившись на другой стороне, не мало дивилась такому чуду.

Я описал уже почти всех млекопитающих, свойственных этой стране. Из броненосцев здесь встречаются три вида: *Dasypus minutus*, или *пичи* (pichy), *D. villosus*, или *пелюдо* (peludo), и *апар* (apar). Первый вид распространен десятью градусами южнее других. Южная граница четвертого вида, *мулита* (mulita), не доходит до Байа Бланки. У всех четырех нравы почти одинаковы. Из них один пелюдо ночное животное, тогда как другие бродят днем по открытой равнине, питаясь жуками, личинками, корнями и даже маленькими змеями. Апар, чаще называемый *матако* (mataco), замечателен тем, что имеет только три подвижных пояса, тогда как остальной его панцырь почти совсем не сгибается. Он обладает способностью свертываться клубком, как одна из английских мокриц. В этом состоянии он не боится собак, потому что собака не может схватить животное целиком в рот и, стараясь укусить его куда-нибудь, только катает этот шар с места на место. Гладкий и твердый панцырь матако лучше защищает его, чем острые иглы ежа. Пичи предпочитает очень сухую почву и держится всего больше на песчаных дюнах около берегов, где в течение многих месяцев он совершенно лишен воды. Чтобы спастись от преследования, он часто плотно прилегает к земле. В продолжение одного дня пути мы встретили их в окрестностях Байа Бланки несколько штук. Чтобы поймать пичи, нужно, заметив его, как можно скорее спрыгнуть с лошади, иначе животное до того быстро зарывается в рыхлую почву, что, прежде чем успеешь слезть с лошади, задняя половина его тела уже почти исчезает в земле. Убивать этих миленьких зверьков просто жалко, тем более, что они, как говорил один гаучо, спокойно точа нож о спину пичи: «Son tan mansos» (такие смирные).

Пресмыкающихся здесь очень много: одна змея (Trigonocephalus, или Cophias), должно быть, страшно ядовита, судя по величине ядоносного канала в ее зубах. Кювье, в противоположность некоторым другим натуралистам, считает ее подродом гремучих змей, промежуточным между последними и гадюками. В подтверждение этого мнения я должен привести факт, являющийся, как мне кажется, очень интересным и поучительным, потому что он показывает, что любой признак, иногда даже в известной степени независимый от основного строения, медленно и постепенно изменяется. Заостренный конец хвоста у этой змеи кончается небольшим расширением, и, ползая, она постоянно двигает им. Конец хвоста, ударяясь о сухую траву или хворост, производит особенный шум, который можно явственно слышать на расстоянии шести футов. Всякий раз, как животное было раздражено или испугано, хвост приводился в движение и начинал очень быстро колебаться. До тех пор, пока тело сохраняло свою раз-

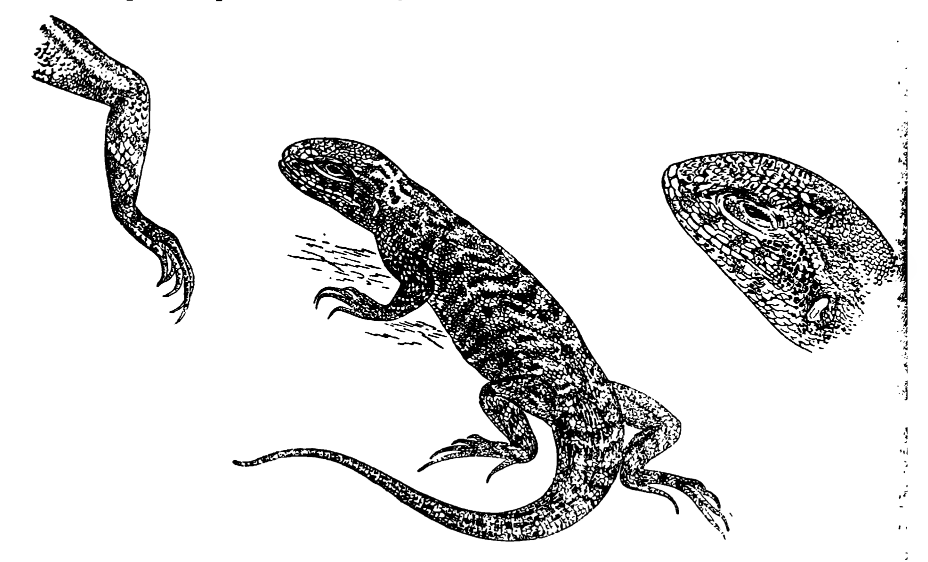
дражимость, тенденция производить это обычное движение была ясно видна. Trigonocephalus имеет, следовательно, в некоторых отношениях строение гадюки, между тем как повадки делают его сходным с гремучей змеей; впрочем, шум производится у него более простым механизмом. Выражение лица у этой змеи отвратительное и свирепое; зрачки представляют вертикальную щель в пестрой, меднокрасной радужной оболочке; челюсти у основания очень широки, а нос выдается вперед треугольником. Мне никогда не случалось видеть ничего более безобразного, исключая разве некоторых вампиров. По всей вероятности, это отталкивающее впечатление происходит оттого, что относительное расположение черт лица несколько напоминает человеческие черты, и таким образом мы лучше можем судить об их безобразии.

Из числа бесхвостых гадов[66] (Batrachia) я нашел только маленькую жабу *(Phryniscus nigricans)*, очень замечательную по своей окраске. Если вообразить себе, что ее сначала окунули в самые густые чернила, дали им высохнуть, и потом пустили животное ползать по доске, только что выкрашенной самой яркой киноварью, то получится довольно ясное представление об окраске лапок и живота этой жабы. Можно бы назвать ее *Diabolicus*[67], если бы она еще не имела имени; такой жабе было бы очень подстать искушать Еву. В противоположность своим сродницам, которые выходят только ночью и любят влажные, темные убежища, она ползает среди белого дня, на самом припеке, по сухим песчаным холмам или по бесплодным равнинам, где нельзя найти ни капли воды. Для получения необходимой влаги она, несомненно, пользуется росой, которую, вероятно, усваивает через кожу, так как известно, что кожа этих гадов в сильнейшей степени обладает способностью всасывания. В Мальдонадо я нашел такую жабу в местности не менее сухой, чем Байа Бланка, и, думая доставить ей большую услугу, принес ее к маленькой луже; но оказалось, что это маленькое животное не только не умеет плавать, но даже без моей помощи могло бы утонуть.

Здесь много разных ящериц, но только одна *(Proctotretus multimaculatus)* замечательна своими нравами. Она живет на голом песке близ морского берега; по ее буроватым чешуйкам разбросаны белые, желто-красные и грязноголубоватые крапинки; благодаря этому пестрому цвету ее очень трудно различить на окружающем песке. Если спугнуть эту ящерицу, то она, чтобы не быть замеченной, притворяется мертвой, вытягивает лапы, сжимает тело и закрывает глаза; если продолжать тревожить ее, она с чрезвычайной быстротой зарывается в рыхлый песок. Ящерица эта имеет сплюснутое тело и короткие ноги и потому не может быстро бегать.

Я приведу еще несколько замечаний насчет зимовки животных в этой части Южной Америки. Когда мы в первый раз высадились в Байа Бланке 7 сентября 1832 г., мы думали, что в этой сухой и песчаной стране едва ли водится хотя одно живое существо. Но, копая землю, мы нашли несколько насекомых, больших пауков и ящериц в полуоцепенелом состоянии. 15 сентября начали уже появляться некоторые животные, а 18-го (за три дня до равноденствия) повсюду были видны признаки начинающейся весны. Равнины украсились цветами розовой кислицы, дикого гороха, герани и энотеры, и птицы

начали нестись. Множество Lamellicornia и Heteromera[68] (последние замечательны глубокой скульптурой на теле) медленно заползали повсюду, а ящерицы, постоянные обитательницы песчаной почвы, забегали по всем направлениям. В течение первых одиннадцати дней, когда вся природа была еще погружена в сон, средняя температура по наблюдениям, производившимся на «Бигле» через каждые два часа, равнялась 51°, а в полдень температура редко поднималась выше 55°. В следующие одиннадцать дней, в течение которых все ожило и закипело деятельностью, средняя температура была 58°, а в полдень термометр стоял между 60 и 70°. Следовательно, здесь было



Ящерица *Proctotretus* (*Tropidurus*) *multimaculatus*, Bibron.

достаточно повышения средней температуры на 7° и несколько бóльшего усиления жары в полдень, чтобы пробудить жизнь в природе. В Монтевидео, откуда мы только что прибыли, в продолжение 23 дней, между 26 июля и 19 августа, средняя температура по 276 наблюдениям была 58,4°; средняя температура самого жаркого дня равнялась 65,5°, а самого холодного 46°. Самая низкая точка падения термометра была 41,5°; в полдень он иногда поднимался до 69° или 70°. И однако, несмотря на эту высокую температуру, почти все жуки, многие роды пауков, слизняки и наземные моллюски, жабы и ящерицы—все лежали в оцепенении под камнями. Между тем мы видели, что в Байа Бланке, только на четыре градуса южнее, где, следовательно, климат немного холоднее, было вполне достаточно той же самой температуры, при меньшей степени наибольшей жары, чтобы пробудить все живые существа. Это доказывает, что толчок, необходимый для того, чтобы вывести животных из зимней спячки, зависит не от абсолютной степени теплоты, а определяется климатом, свойственным данной местности. Достоверно известно, что под тропиками зимняя, или, вернее, летняя, спячка животных определяется не температурой, а временем засухи. Я сначала с удивлением замечал в окрестностях

Рио де Жанейро, что маленькие лужи, только что образовавшиеся от дождя, через несколько дней уже кишели взрослыми жуками и моллюсками, которые, вероятно, до тех пор лежали там в оцепенении. Гумбольдт рассказывал о следующем странном случае: однажды на том самом месте, где спал в земле молодой крокодил, погруженный в засохшую грязь, построили хижину. Он прибавляет, что «индейцы часто находят огромных удавов, которых называют Uji, или водяными змеями, в таком же летаргическом состоянии. Чтобы пробудить их, индейцы раздражают их или обливают водой.

Я упомяну еще только об одном животном, а именно об одном зоофите (я думаю, что это *Virgularia Patagonica*—род морского пера). [69] Оно представляет собой тонкий, прямой, мясистый ствол, со всех сторон которого, чередуясь, сидят рядами полипы; ствол этот обнимает упругую каменистую ось от 8 дюймов до 2 футов длиной. На одном конце он усечен, на другом кончается червеобразным мясистым придатком. В этом конце каменистая ось, поддерживающая ствол, входит в мешок, наполненный зернистым веществом. Во время отлива можно видеть сотни этих зоофитов, торчащих своими тупыми концами вверх, точно срезанная солома на жнивье, на несколько дюймов над поверхностью илистого песка. Если к ним прикоснуться или толкнуть их, они сразу втягиваются с такой силой, что почти или даже совершенно исчезают. Вследствие этого чрезвычайно упругая ось должна согнуться на своем нижнем конце, где она вообще несколько изогнута; вероятно, только благодаря этой упругости зоофит в состоянии снова выпрямиться, пройдя через слой ила. Каждый полип, хотя и тесно соединен со своими братьями, но имеет отдельные рот, тело и щупальца. На крупном экземпляре этого животного таких полипов должно быть несколько тысяч, и тем не менее мы видим, что все они сразу приходят в движение; значит, у них есть общая центральная ось, находящаяся в связи с какой-то еще неоткрытой системой циркуляции, а яйца образуются в органе, отличном от отдельных особей *. Невольно приходит в голову вопрос, что же такое особь? Всегда любопытно установить, на чем основаны странные рассказы старинных путешественников; несомненно, нравы Virgularia объясняют одну из таких басен. Капитан Ланкестер, путешествовавший ** в 1601 г., рассказывает, что на морских песках около острова Сомбреро, в Ост-Индии, он «нашел маленькую ветку, похожую на молодое деревцо; если захочешь ее сорвать, она уходит

* Полости, ведущие из мясистых отделений, находящихся на конце, были наполнены желтым мягким веществом, которое под микроскопом имело весьма замечательный вид. Масса состояла из округлых полупрозрачных неправильных зерен, соединенных в частицы различной величины. Все эти частицы, как и отдельные зерна, находились в быстром движении, главным образом, вращательном, вокруг различных осей, но иногда и поступательном. Оно было заметно при очень слабом увеличении, но даже самое сильное увеличение не могло открыть его причины. Движение это было совершенно отлично от циркуляции жидкости в упругом мешке, охватывающем конец стержня. В других случаях, вскрывая маленьких морских животных под микроскопом, я замечал, что частицы мягкой массы, иногда довольно большие, начинали вращаться, как только выходили из тела. Я представляю себе,—не знаю, насколько правильно,—что это было началом превращения зернистой массы в яйца. Во всяком случае, в приложения к описываемому зоофиту это казалось очень правдоподобным.

** Kerr's Collection of Voyages, vol. VIII, p. 119.

в песок и скрывается от глаз, если не держать ее очень крепко. Когда ее сорвешь, то видно, что корнем служит ей большой червяк, и, по мере возрастания дерева, червяк этот уменьшается. Когда, наконец, он совсем превратится в дерево, то растение пускает корни в землю и становится большим. Это превращение—самое необычайное чудо, какое мне доводилось видеть во всех моих путешествиях. А если сорвать это деревцо в молодости и снять с него кору и листья, то оно, высыхая, затвердевает, как камень, и похоже тогда на белый коралл. Таким образом, червяк два раза изменяет свою природу. Мы собрали и привезли домой много экземпляров этого растения».

Пока я жил в Байа Бланке в ожидании «Бигля», жители этого местечка находились в постоянном волнении вследствие слухов о сражениях и победах в войне между войсками Росаса и дикими индейцами. Раз распространилась весть, что маленький отряд, стоявший на одном из постов по линии к Буэнос Айресу, был вырезан весь до последнего человека. На следующий день пришли с Колорадо триста человек под начальством коменданта Миранды. Большинство этих людей были индейцы (*mansos*, т. е. мирные) из племени касика Бернанцио. Они здесь ночевали, и бивак их представлял самое странное и дикое зрелище, какое только можно себе представить. Одни напились до бесчувствия, другие глотали еще теплую кровь животных, убитых ими на ужин, и, напившись до рвоты, валялись в грязи и в запекшейся крови.

Nam simul expletus dapibus, vinoque sepultus
Cervicem inflexam posuit, jacuitque per antrum
Immensus, saniem eructans, ac frusta cruenta
Per somnum commixta mero [70].

Утром они отправились на резню, получив приказание итти по следам («rastro») индейцев, хотя бы до самого Чили. Впоследствии мы узнали, что дикие индейцы ушли в большую пампу, и след их почему-то был затерян. Один взгляд на «растро», т. е. на оставшийся след, открывает этим людям целый ряд событий. Положим, что перед ними след тысячи лошадей; они тотчас же узнают число всадников по числу лошадей, шедших в галоп, а глубина следов покажет им, сколько лошадей было навьючено; по неровности шага они судят о степени усталости лошадей; способ приготовления пищи служит указанием, спешили ли преследуемые или нет; по общему характеру следов они вам скажут, давно ли проехали. Десятидневные или даже двухнедельные «растро» еще достаточно, по их мнению, свежи, чтобы сделать возможным преследование. Мы слышали, что Миранда прошел по прямой линии от западного конца Сьерры Вентаны к острову Чолечель, лежащему на семьдесят лье вверх по Рио Негро. Это составляет переход от двухсот до трехсот миль по совершенно неизвестной стране. Какое другое войско на свете может двигаться так свободно? Проводником им служит солнце, пищей—конина, постелью—седло и чепрак, и, лишь бы было немного воды, они пойдут хотя на край света.

Несколько дней спустя я видел, как новый отряд этих бандитоподобных солдат шел в экспедицию против индейского племени,

стоявшего у малых салин и выданного взятым в плен касиком. Испанец, который привез приказ об этом походе, очень умный человек, рассказал мне все подробности последнего дела, в котором он участвовал. Несколько индейцев, взятых в плен, рассказали, что к северу от Колорадо живет одно племя. Тотчас послали туда двести солдат. Отряд открыл индейцев по облаку пыли: они в это самое время отправлялись куда-то на лошадях. Местность была гористая и дикая, и, вероятно, отряд зашел далеко внутрь страны, потому что Кордильеры были в виду. Всех индейцев, считая женщин и детей, было около ста десяти человек, и все они были взяты в плен или убиты, потому что солдаты рубят кого попало. Индейцы теперь так напуганы, что не оказывают дружного сопротивления; каждый бежит в одиночку, забывая даже жену и детей. Но если их догнать, то они, как дикие звери, дерутся до последней крайности, невзирая на превосходство сил противника. Один умиравший индеец схватил зубами палец своего врага и позволил выдавить себе глаз, не выпустив добычи. Другой, раненый, притворился мертвым, держа наготове нож, чтобы нанести хотя еще одну смертельную рану. Испанец говорил еще, что раз, когда он гнался за индейцем, преследуемый взмолился о пощаде, но в то же время исподтишка отвязывал от пояса свои бола, чтобы, взмахнув ими над головой своего преследователя, поразить его на смерть. «Но я сбросил его саблей на землю и, соскочив с лошади, перерезал ему горло ножом». Картина в высшей степени мрачная, но еще более отвратителен следующий несомненный факт: всех женщин старше двадцати лет испанцы режут после сражения совершенно хладнокровно! Когда я выразил свое негодование на такую бесчеловечность, мне ответили: «Ну, а что делать! Ведь они так плодятся!»

Все здесь вполне убеждены в законности этой войны, так как она ведется против варваров. Кто бы мог поверить, что такие жестокости совершаются в наше время в цивилизованной христианской стране? Детей индейцев испанцы щадят, но продают их или отдают в услужение, или, вернее, в рабство, где они и остаются столь долго, что владельцы успевают в конце концов внушить им взгляд на самих себя как на рабов; впрочем, с ними обращаются, кажется, довольно сносно.

Во время битвы четыре индейца пустились бежать. За ними погнались; одного убили, остальных взяли в плен. Оказалось, что это гонцы или посланники большого скопища индейцев, соединившихся для общей защиты близ Кордильер. Племя, к которому они были посланы, собиралось держать большой совет, конина для пиршества уже была зажарена, и подготовлялись пляски; в это утро гонцы должны были вернуться к Кордильерам. Это были замечательно красивые люди, стройные, выше 6 футов ростом и все моложе тридцати лет. Конечно, три пленника обладали очень ценными сведениями. Чтобы вынудить у них эти сведения, их всех поставили в ряд. Первые два на все вопросы отвечали: «No sé» (не знаю) и были расстреляны один за другим. Третий тоже сказал: «No sé» и прибавил: «Стреляйте: я мужчина и сумею умереть!» Ни одним словом не выдали они общего дела своей родины. Касик, о котором я упомянул выше, вел себя совсем иначе: он спас свою жизнь тем, что выдал испанцам план

военных действий своих соотечественников и место сборища их в Андах. Думали, что уже теперь там собрано до шестисот или семисот индейцев и что в течение лета число их удвоится. Индейцы собирались послать гонцов к племени, расположившемуся около малых салин, неподалеку от Байа Бланки; вот это племя и выдал касик. Сношения индейцев между собой простираются, следовательно, от Кордильер до берегов Атлантического океана.

План генерала Росаса заключается в том, чтобы перерезать всех индейцев, бродящих отдельными группами, и, согнав остальных в один пункт, напасть летом на всех вместе при содействии чилийцев. Такие кампании предположено делать три года сряду. Я думаю, что для главного нападения лето выбирают на том основании, что тогда в равнинах нет воды, и индейцы принуждены следовать по определенным направлениям. Если бы индейцы перешли на юг от Рио Негро, то, очутившись в обширной пустынной стране, они оказались бы в безопасности; но возможность такого отступления отнята у них посредством договора, заключенного с техуэльчами. Условия этого договора следующие: за каждого индейца, убитого на южном берегу реки, Росас платит им известную сумму; но если они нарушат условие, то будут сами истреблены испанцами. Война ведется преимущественно против индейцев, живущих близ Кордильер, потому что многие из племен, обитающих на восточной стороне, сражаются в рядах Росаса. Но генерал, думая, подобно лорду Честерфилду, что друзья могут со временем сделаться врагами, ставит их всегда в первые ряды, чтобы мало-помалу уменьшить их число. После того, как мы оставили Южную Америку, до нас дошли известия, что эта истребительная война совершенно не удалась.

В числе нескольких девушек, взятых в этом сражении, оказались две очень красивые испанки; они были уведены индейцами в детстве и теперь умели говорить только по-индейски. Судя по их рассказам, они шли, должно быть, из Сальты и, следовательно, прошли расстояние около тысячи миль по прямой линии. Это дает представление о грандиозных пространствах, по которым бродят индейцы. Но как ни огромны эти пространства, можно почти ручаться, что лет через пятьдесят к северу от Рио Негро не останется ни одного дикого индейца. Война так кровопролитна, что долго продолжаться не может: христиане убивают каждого попавшегося индейца, а индейцы платят христианам тем же. Грустно следить за тем, как шаг за шагом индейцы отступают перед испанскими завоевателями. Ширдель* рассказывает, что во время основания Буэнос Айреса, в 1535 г., здесь были индейские селения, заключавшие по две и по три тысячи жителей. Даже во времена Фальконера (1750) индейцы делали набеги в пределы Луксана, Ареко и Арресифе, а теперь их оттеснили уже за Саладо. Не только совершенно истреблены целые племена, но и оставшиеся впадают мало-помалу в более варварское состояние: вместо того чтобы жить в селениях, занимаясь охотой и рыбной ловлей, они теперь кочуют по открытым равнинам, не имея ни жилищ, ни определенных занятий.

* Purchas's Collection of Voyages. Я думаю, что это было в действительности в 1537 г.[71]

Я слышал еще об одном сражении при Чолечеле, происходившем за несколько недель перед описанным выше делом. Это очень важный пункт, так как здесь переправляют лошадей [через реку Рио Негро], и потому он довольно долго служил главной квартирой одной из дивизий. Когда отряд пришел туда в первый раз, там было уже одно племя индейцев; из них двадцать или тридцать человек убили, а касик спасся, прибегнув к способу, поразившему всех. Предводители индейцев всегда имеют наготове одну или две лошади про запас на всякий случай. Касик вскочил на одну из таких лошадей, захватив с собой своего маленького сына. Это была старая белая лошадь, без узды и без седла. Чтобы укрыться от выстрелов, индеец держался на коне особым способом, применяемым индейцами: одной рукой он охватил шею лошади, а одну ногу положил ей на спину и таким образом повис на одной стороне. Все видели, как он трепал свою лошадь по голове и разговаривал с ней. Погоня употребляла все усилия, чтобы догнать его; начальник отряда три раза переменял коня, но все было тщетно; старый индеец спасся и ускакал со своим сыном. Так и представляешь себе прекрасную картину обнаженной бронзовой фигуры старика с маленьким сыном, скачущего, точно Мазепа [72], на белой лошади и далеко позади себя оставляющего толпу своих преследователей.

Однажды, видя, как солдат вырубал кремнем огонь, я сейчас же признал в этом камешке обломок наконечника стрелы. Он сказал мне, что кремень этот найден около острова Чолечель, где их находят часто. Обломок имел от двух до трех дюймов длины и, следовательно, был вдвое больше наконечников, которые употребляются теперь на Огненной Земле. Он был сделан из матового, непрозрачного кремня кремового цвета; кончик и зубцы были нарочно обломаны. Известно, что кочевые индейцы пампы не употребляют теперь лука и стрел, кроме, как я полагаю, одного маленького племени, живущего в Банда Ориенталь; но оно живет далеко от индейцев пампы и примыкает к лесным и пешим племенам. Поэтому можно думать, что эти наконечники стрел — памятники древнего быта индейцев*, того быта, который предшествовал введению лошади в Южную Америку, а это событие, как известно, внесло великие перемены в нравы и обычаи ее обитателей.

* Азара усомнился даже в том, было ли когда-либо индейцам пампы известно употребление лука.

ГЛАВА VI

ОТ БАЙА БЛАНКИ ДО БУЭНОС АЙРЕСА

Поездка в Буэнос Айрес.—Рио Саусе.—Сьерра Вентана.—Третий пост.—Транспортирование лошадей.—Бола.—Куропатки и лисицы.—Характер местности.—Длинноногая ржанка.—Теру-теро.—Град.—Естественные стены Сьерры Тапальгуен.—Мясо пумы.—Мясная пища.—Гвардиа дель Монте.—Влияние скота на растительность.—Кардон.—Буэнос Айрес.—Корраль для убоя скота.

8 сентября.—Я нанял гаучо в проводники до Буэнос Айреса. Это было не так-то легко сделать: в одном случае отец боялся за сына и не отпускал его; с другим, который готов был отправиться со мною, я сам побоялся ехать, так как мне рассказали, будто он такой трус, что если увидит на некотором расстоянии хотя страуса, то непременно примет его за индейца и пустится бежать изо всех сил. Расстояние до Буэнос Айреса около 400 миль, и почти все время дорога идет по необитаемой местности. Мы отправились в путь рано утром; поднявшись на несколько сот футов над зеленой долиной, в которой лежит Байа Бланка, мы очутились на обширной бесплодной равнине. Она образована рыхлой глинисто-известковой породой, на которой вследствие чрезвычайной сухости климата видны лишь кое-где разбросанные пучки засохшей травы и нет ни одного куста или дерева, чтобы хотя несколько оживить утомительное однообразие этой пустыни. Погода была хорошая, но в воздухе стоял туман. Я считал такое состояние атмосферы предвестником бури, но гаучосы говорили, что туман происходит от пожара, пущенного по равнине, где-то далеко от берега. После длинного перехода, во время которого мы два раза меняли лошадей, мы доехали до Рио Саусе: это глубокая, быстрая речка, не более двадцати пяти футов ширины. На берегах ее стоит второй пост по дороге к Буэнос Айресу; несколько выше есть брод, где вода не доходит лошадям и по брюхо; но от этого места до впадения в море речка так быстра, что нет возможности переехать через нее, и по этой причине она представляет надежный оплот против индейцев.

Описания иезуита Фальконера вообще очень верны; но он называет эту маленькую речку порядочной рекой, начинающейся у подошвы Кордильер. Впрочем, что касается ее истоков, то, без сомнения, он прав. Гаучо говорил мне, что во время летней жары этот ручей периодически разливается в одно время с Колорадо, а это может происходить только вследствие таяния снегов на Андах. Кажется

невероятным, чтобы такая ничтожная речка, какой представлялась мне тогда Саусе, могла протекать через весь материк; если бы поток этот представлял остаток большой реки, то вода, как известно из других примеров, была бы в нем солоноватая. В зимнее время, по всей вероятности, следует искать источников этой чистой и прозрачной реки у подошвы Сьерры Вентаны, где много ключей. Мне думается, что равнины Патагонии точно так же, как и австралийские, перерезаны многочисленными руслами рек, которые наполняются водой только в известное время года. Вероятно, такой характер имеет река, впадающая около Порт Дезире, а так же Рио Чупат, на берегах которого офицеры, производившие съемку, нашли множество пористого шлака.

Так как мы приехали немного ранее полудня, то переменили лошадей, взяли солдата в проводники и тотчас отправились к Сьерре де ла Вентана. Эта гора видна с якорной стоянки в Байа Бланке, и капитан Фиц Рой вычислил ее высоту в 3 340 футов,—вышина очень значительная для восточной стороны южноамериканского материка. Я не думаю, чтобы кто-нибудь из путешественников всходил до меня на эту гору и даже немногие из солдат в Байа Бланке могли что-нибудь толком сказать о ней. Поэтому шли лишь смутные слухи, будто там есть слои каменного угля, россыпи золота и серебра, леса, пещеры; все это возбудило во мне сильное любопытство, но кончилось разочарованием. Расстояние от поста было около шести лье по плоской равнине, имевшей совершенно такой же характер, как и прежде. Но все-таки дорога не показалась мне скучной, потому что тут начали выясняться настоящие очертания горы. Добравшись до подошвы главного хребта, мы сначала не могли найти воды и думали, что придется провести ночь, совсем не утолив жажды. Но при более внимательном осмотре мы, наконец, открыли воду; ручейки, скрытые между хрупким известняком и рыхлыми обломками, не были видны даже на расстоянии нескольких сот ярдов. Не знаю, есть ли еще где-нибудь более уединенная и печальная груда скал; она вполне заслуживает свое название «Hurtado», т. е. уединенная. Гора крута, очень неровна и пересечена разломами; деревьев и кустов на ней нет совсем, и мы не могли даже устроить вертел, чтобы изжарить мясо над костром, который мы развели из стеблей чертополоха*. Странный вид горы представляет резкий контраст с гладкой, как море, равниной, которая не только прямо упирается в ее крутые бока, но и отделяет друг от друга параллельные хребты. Однообразие колорита придает удивительное спокойствие всей картине; беловато-серый цвет кварцевых скал и светлобурый цвет засохшей травы не сменяются никакими яркими красками. Мы привыкли видеть всегда вокруг высокой и крутой горы неровную местность, покрытую крупными обломками. Здесь же природа как будто показывает, что перед тем, как морское дно превращается в сушу, это движение может происходить иногда очень спокойно. Поэтому мне было чрезвычайно любопытно исследовать, на каком расстоянии от этой скалы можно найти голыши, оторвавшиеся от нее. На берегах Байа Бланки и близ

* Я называю это растение чертополохом потому, что настоящего названия его не знаю, но думаю, что это вид Eryngium.

поселения встречаются обломки кварца, происходящие, по всей вероятности, отсюда; расстояние это равно сорока пяти милям.

В начале ночи попоны, под которыми мы спали, намокли от росы, которая к утру замерзла. Равнина хотя и казалась горизонтальной, но незаметно поднималась на высоту от 800 до 900 футов над уровнем моря. Утром (9 сентября) проводник посоветовал мне подняться на ближайшую вершину, с которой, как он думал, мне можно будет пробраться к четырем остроконечным верхушкам, венчающим гору. Было очень утомительно карабкаться по таким неровным скалам; бока их были так изрыты, что расстояние, пройденное в первые пять минут, часто приходилось терять в следующие пять. Когда я, наконец, добрался до гребня, мое разочарование было ужасно: глубокая долина, дно которой было в уровень с остальной равниной, перерезывала горную цепь надвое и отделяла меня от четырех пиков. Эта долина очень узка, но дно ее ровное и представляет удобный проход для конных индейцев, потому что соединяет между собой равнины, лежащие по северной и южной сторонам этого хребта. Я спустился в долину, но, проходя через нее, увидел двух пасущихся лошадей и тотчас же спрятался в высокую траву, чтобы высмотреть, в чем дело. Но так как не видно было ни малейшего следа индейцев, то я осторожно приступил ко вторичному восхождению. Было уже поздно, и эта часть горы была так же крута и неровна, как и предыдущая. В два часа дня я, правда, добрался до высшей точки второго пика, но это стоило мне больших усилий; через каждые двадцать ярдов я чувствовал судороги в обоих бедрах. Я боялся поэтому, что не буду в силах спуститься вниз. Во всяком случае было необходимо возвращаться другим путем, потому что нечего было и думать о вторичном переходе через гребень. Все это заставило меня отказаться от намерения взобраться на два более высоких пика. Вышина их была немногим значительнее, а геологические цели уже были достигнуты и потому не стоило, в сущности, подвергать себя новым трудам. Я думаю, причиною судорог была быстрая перемена формы мышечной работы, т. е. внезапный переход от утомительной верховой езды к еще более утомительному карабканию по скалам. Этот урок стоит запомнить, потому что иногда он может быть причиной больших затруднений для путешественника.

Я уже говорил, что гора сложена из белой кварцевой породы с примесью небольшого количества глянцевитого глинистого сланца. На высоте нескольких сот футов над равниной к твердой скале прилеплены в разных местах глыбы конгломерата. По своей твердости и по характеру цемента они походят на те, которые обыкновенно образуются на некоторых морских берегах. Я не сомневаюсь, что эти аггрегаты образовались точно таким же образом в тот период, когда известковая формация оседала на дно окружающего моря. Можно думать, что зубчатая и шероховатая форма твердого кварца образовалась под действием волн открытого океана.

Восхождение на эти возвышенности, вообще говоря, далеко не оправдало моих ожиданий. Даже вид с горы не представлял ничего интересного: равнина гладкая, как море, но без его роскошных оттенков и определенных очертаний. Однако, картина была все-таки новая и небольшая опасность, как соль в кушанье, придавала ей

пикантность. Что опасность была очень ничтожна, в этом нельзя и сомневаться, потому что два моих товарища развели большой огонь, чего здесь не сделают никогда, если есть повод подозревать близость индейцев. К закату солнца я добрался до нашего ночлега, выпил большое количество мате, выкурил несколько сигар и приготовил свою постель. Ветер был сильный и холодный, но я спал лучше, чем когда-либо.

10 сентября.—Утром мы отправились в путь и, сильно подгоняемые попутным ветром, к полудню приехали к посту Саусе. По дороге мы видели много оленей, а около горы одного гуанако. Равнина, примыкающая к Сьерре, перерезана несколькими оврагами, один из которых был футов в двадцать ширины и имел по крайней мере тридцать футов в глубину, так что мы были принуждены сделать большой крюк, пока нашли место, удобное для перехода. На этом посту мы ночевали и разговор, по обыкновению, шел об индейцах. Сьерра Вентана была прежде очень важным сборным пунктом, и три или четыре года назад здесь происходили большие побоища. Мой проводник участвовал в одном деле, где было убито много индейцев; он говорил, что женщины взобрались на вершину горы и с ожесточением продолжали битву, бросая вниз огромные камни; многие из них таким образом успели спастись.

11 сентября.—К третьему посту мы поехали в сопровождении лейтенанта—начальника этого поста. Говорят, что до поста пятнадцать лье, но здесь определяют расстояния наугад и бóльшей частью преувеличивают. Дорога была неинтересна; она шла по сухой равнине, покрытой травой, а слева, на большем или меньшем расстоянии, виднелись низкие холмы, продолжение тех, через которые мы проехали подле самого поста. Не доезжая станции, мы встретили большое стадо домашнего скота и лошадей, которое охраняли пятнадцать солдат; несмотря на это, многие животные, как нам говорили, затерялись. Чрезвычайно трудно пасти стада на равнине: стоит ночью приблизиться пуме или даже лисице, и лошади непременно разбегутся во все стороны. Также разбегаются они и во время грозы. Несколько времени тому назад один офицер вел из Буэнос Айреса пятьсот лошадей, а к войску привел меньше двадцати.

Вскоре мы догадались по поднимавшемуся облаку пыли, что навстречу нам едет толпа всадников. Еще издали мои спутники признали в них индейцев по длинным, распущенным волосам. Индейцы обыкновенно ничего не носят на голове, кроме ленточки, обвязанной вокруг головы. Черные волосы, рассыпающиеся по загорелым лицам, придают им еще более дикий вид. Оказалось, что это отряд из мирного племени Бернанцио, направлявшийся к салине за солью. Индейцы вообще едят много соли, а их дети сосут ее, как сахар. В этом отношении они совершенно непохожи на испанских гаучосов, которые при таком же образе жизни почти совсем не употребляют соли. Мунго Парк* говорит, что люди, которые питаются растительной пищей, всегда большие охотники до соли. Индейцы дружелюбно кивнули нам головой и проскакали мимо, гоня перед собой табун лошадей; стая тощих собак следовала за ними.

* Travels in Africa, p. 233.

12 и 13 сентября.—Я пробыл на этом посту два дня в ожидании отряда солдат, который, как любезно известил меня генерал Росас, отправлялся на-днях в Буэнос Айрес. Генерал советовал мне воспользоваться этим конвоем. Утром мы побывали на нескольких соседних холмах с целью осмотреть местность и познакомиться с ее геологией. После обеда солдаты разделились на две партии для состязания в искусстве метания бола. В землю воткнули две пики на расстоянии тридцати пяти ярдов одна от другой; на таком расстоянии ударить и обвить их шарами удавалось из четырех или пяти раз не больше одного. Шары можно бросать и на пятьдесят или шестьдесят ярдов, однако, не очень метко. Это, впрочем, не относится к тем случаям, когда человек на коне, потому что тогда к размаху руки присоединяется движение лошади, и можно, говорят, метко бросать шары даже на расстоянии восьмидесяти ярдов. Чтобы дать понятие о силе удара, я могу рассказать случай, бывший на Фальклендских островах. Когда испанцы перерезали там некоторых своих соотечественников и всех англичан, один сочувствовавший англичанам молодой испанец убежал, за ним погнался галопом человек огромного роста по имени Люсиано. Он кричал беглецу, что хочет с ним только поговорить, и приказывал ему остановиться; но тот продолжал бежать и уже хотел вскочить в лодку, когда Люсиано запустил в него шары. Удар по ногам был так силен, что испанец упал и оставался несколько времени без чувств. Поговоривши с побежденным, Люсиано отпустил его. Испанец говорил нам, что у него остались на ногах глубокие рубцы от обвившихся ремней, как бы от удара хлыстом. В полдень с соседнего поста пришли два человека с пакетом для генерала; таким образом, кроме этих двух людей, наше общество в этот вечер состояло из меня с проводником и лейтенанта с его четырьмя солдатами. Эти солдаты производили странное впечатление; один был молодой красивый негр, другой полуиндеец—полунегр, а остальных двух просто не знаешь как назвать: один из них старый чилийский рудокоп, цвета красного дерева, а другой нечто вроде мулата; таких ублюдков, как эти двое, и притом с таким отвратительным выражением лица, я никогда и не видывал. Впрочем, когда они ночью сели вокруг огня и стали играть в карты, я отошел в сторону, чтобы хорошенько полюбоваться этой сценой, достойной кисти Сальватора Розы. Они сидели у подошвы невысокой скалы, так что я мог смотреть на них сверху. Вокруг людей лежали собаки, оружие, остатки дичи и страусов; длинные копья были воткнуты в землю. Далее на темном фоне рисовались привязанные лошади, приготовленные на случай опасности. Как только тишина пустынной равнины нарушалась лаем собаки, один из солдат отходил от огня, прикладывал голову к земле и тихо всматривался в горизонт. Даже когда начинал кричать беспокойный теру-теро, разговор прерывался, и все головы на несколько мгновений наклонялись и прислушивались.

Что за жалкая жизнь у этих людей, как посмотришь с нашей точки зрения! До поста Саусе было, по крайней мере, десять лье, а до следующего поста целых двадцать с тех пор, как индейцы недавно вырезали ближайший пикет. Полагают, что индейцы произвели нападение среди ночи, потому что рано утром они уже приближались к здешнему посту, но тут, к счастью, их во-время заметили и все успели

спастись и даже увести с собой табун лошадей; люди бежали врассыпную, причем каждый захватил с собой такую партию лошадей, с которой надеялся справиться.

Сложенный из стеблей чертополоха маленький шалаш, в котором спали эти люди, не защищал их ни от ветра, ни от дождя; крыша, можно даже сказать, только помогала дождю собираться в более крупные капли. Единственная пища их состояла из животных, которых им удавалось поймать,—страусов, оленей, броненосцев и т. д., а топливом служили сухие стебли небольшого растения, несколько похожего на алоэ. Вся роскошь их ограничивалась тем, что они курили маленькие папиросы и тянули свое мате. Мне не раз приходило в голову, что хищные коршуны, постоянные спутники человека в этих печальных равнинах, сидя терпеливо на соседних буграх, казалось, только и думали: «Вот придут индейцы; то-то будет нам пир!»

Утром мы все отправились на охоту, и хотя она была не очень удачна, но погоня за животными проходила с большим увлечением. Выехав в поле, мы вскоре разделились и условились в назначенное время дня (они чрезвычайно искусны в точном определении времени) съехаться со всех сторон на одно ровное место и пригнать туда всю дичь. Я ездил на охоту и в Байа Бланке, но там верховые охотники располагаются полукругом на расстоянии четверти мили один от другого. Красивый страус самец, вспугнутый крайними всадниками, попытался было убежать в сторону, но гаучосы, сломя голову, преследовали его, управляя лошадьми с необыкновенным искусством и кружа шары над головой. Наконец, передний всадник кинул их в цель, и в то же мгновение страус покатился по земле, барахтаясь в ремнях, плотно обвивших его ноги.

В этих равнинах водятся в большом количестве три разных куропатки*, причем две из них ростом с самку фазана. Их истребитель, маленькая и красивая лисица, встречается также в необыкновенном множестве; в течение дня мы видели их не меньше сорока или пятидесяти. Обыкновенно они попадались близ своих нор, но тем не менее наши собаки поймали одну из них. Возвращаясь к посту, мы встретили двух человек из нашей компании, которые охотились отдельно. Они убили пуму и нашли страусовое гнездо с двадцатью семью яйцами. Каждое из них, говорят, равняется по весу одиннадцати куриным яйцам; следовательно, из одного этого гнезда мы получили количество пищи, равняющееся 297 куриным яйцам.

14 сентября.—Так как солдаты, пришедшие с ближайшего поста, намерены были вернуться домой, а с ними мы составляли компанию в пять вооруженных человек, то я решил не дожидаться обещанного отряда. Мой хозяин, лейтенант, убедительно просил меня остаться. Он был чрезвычайно любезен—не только кормил меня все время, но даже давал мне своих собственных лошадей. Мне захотелось его чем-нибудь отблагодарить. Я спросил проводника, можно ли это сделать, но он сказал, что никак нельзя и что мне наверное ответят следующее: «У нас довольно мяса и для собак, а для христианина найдется и по-

* Два вида тинаму и *Eudromia elegans* A. d'Orbigny, которую можно назвать куропаткой только по ее повадкам. [73]

давно». Не надо думать, что чин лейтенанта такой армии является препятствием к получению платы: нет! тут действовал только принцип гостеприимства, широко распространенный по всей стране, как это могут засвидетельствовать все путешественники. Проскакав несколько лье, мы очутились в низкой болотистой местности, которая тянется около восьмидесяти миль к северу до Сьерры Тапальгуен. В некоторых местах виднелись прекрасные влажные равнины, покрытые травой; в других почва была черная, мягкая и торфянистая. Здесь было также много озер, широких, но мелких, и большие заросли тростника. Местность вообще напоминала лучшие места болот Кембриджшира. Вечером мы не без труда отыскали сухое место для ночлега.

15 сентября.—Встали рано утром и вскоре проехали мимо поста, где индейцы убили недавно пятерых солдат. Офицеру индейцы нанесли тогда восемнадцать ран своими чусо. К полудню, после усиленной езды, мы добрались до пятого поста и здесь должны были переночевать за невозможностью достать лошадей. Так как этот пункт самый открытый на всей линии, то солдат здесь 21 человек. К закату солнца они вернулись с охоты и принесли семь оленей, трех страусов, много броненосцев и куропаток. Здесь существует обыкновение, проезжая по равнине, зажигать на ней траву; поэтому по ночам горизонт иногда в нескольких местах освещается ярким заревом. Так было и теперь. Это делается частью для того, чтобы сбивать с пути бродящих индейцев, но преимущественно для улучшения пастбища. В травянистых лугах, где нет крупных жвачных животных, кажется, действительно необходимо уничтожать излишнюю растительность огнем, чтобы облегчить на следующий год рост новой травы.

Ранчо в этом месте не мог даже похвалиться крышей; это был просто плетень из стеблей чертополоха, предназначенный для защиты от степного ветра. Это жилье стояло на берегу обширного мелководного озера, на котором было множество диких птиц; из них наибольшего внимания заслуживал лебедь с черной шеей.

Один вид ржанок *(Himantopus nigricollis)*, которые точно стоят на ходулях, встречается здесь большими стаями. Их напрасно называют неуклюжими; когда они бродят по мелкой воде, своему излюбленному месту, походка их не имеет в себе ничего неловкого. Эти птицы, собравшись вместе, поднимают крик, который удивительно напоминает лай своры маленьких собак на охоте. Просыпаясь ночью, я не раз был поражен этим отдаленным звуком. Теру-теро *(Vanellus cayanus)* тоже нарушает тишину ночи своим криком. По виду и нравам эта птица очень похожа на нашего чибиса; только на крыльях у нее острые шпоры, в роде тех, что бывают на ногах петуха. Здешний теру-теро, как и наш чибис, получил свое название по созвучию со своим криком [74]. Когда едешь верхом по зеленой равнине, птицы эти не отстают ни на минуту; они, кажется, ненавидят людей, и, помоему, сами вполне заслуживают ненависти за свой резкий, неумолкаемый и однообразный крик. Охотнику они досаждают потому, что своим криком предупреждают о его приближении всех других птиц и зверей. Но, может быть, путешественнику они приносят пользу, остерегая его, как говорит Молина, от полуночных разбойников. В пе-

риод высиживания яиц теру-теро, как и наш чибис, притворяется раненой, чтобы отвлечь от своего гнезда собак и других врагов. Яйца этой птицы считаются большим лакомством.

16 сентября.—Добрались до седьмого поста у подошвы Сьерры Тапальгуен. Местность оставалась все время ровной, трава грубой, почва мягкой, торфянистой. Жилье здесь было очень опрятным; столбы и стропила были сделаны из дюжины сухих стеблей чертополоха, связанных кожаными ремнями; на эти столбы, напоминавшие ионические колонны, опиралась крыша из тростника; стены состояли из того же материала. Мне рассказывали здесь факт, который показался бы мне совершенно невероятным, если бы я сам отчасти не был очевидцем его; дело в том, что в прошлую ночь здесь выпал град, причем отдельные градины были величиной с маленькое яблоко и чрезвычайно тверды; он падал с такой силой, что побил множество диких животных. Один из солдат уже нашел тринадцать мертвых оленей *(Cervus campestris)*, и я сам видел их *только что снятые* шкуры; другой через несколько минут после нашего приезда принес их еще семь штук. Я очень хорошо знаю, что один человек, без помощи собак, едва ли в состоянии убить семь оленей в целую неделю. Охотники говорили, что видели не меньше пятнадцати мертвых страусов (часть одного из них мы съели за обедом) и что кроме того по полю бегает много страусов, повидимому, ослепших на один глаз. Множество маленьких птиц—уток, ястребов и куропаток—было убито. Я видел одну куропатку, на спине у которой было черное пятно, как бы от удара камнем. Град почти совершенно изломал плетень вокруг хижины. Рассказывавший мне все эти подробности высунул было во время града голову из окна, чтобы посмотреть, что делается, но был тотчас же сильно ранен и теперь ходит с повязкой. Гроза разразилась, говорят, на небольшом пространстве: я помню, что мы с нашего ночлега видели густое облако и молнию в этом направлении. Удивительно, что град мог убить таких сильных животных, как олени; но я уверен, на основании приведенных мною данных, что рассказы не были преувеличены. Я очень рад, что вероятность этого события подтверждается иезуитом Добрицгоффером*. Описывая местность, расположенную далеко на север отсюда, он говорит, что там выпал град огромной величины, который убил много домашнего скота; индейцы с тех пор назвали это место *Лялеграйкавалка* (Lalegraicavalca), что значит «маленькие белые вещицы». Доктор Мalькольмсон говорил мне также, что в 1831 г. в Индии он был свидетелем бури с градом, который побил множество крупных птиц и сильно попортил домашний скот. Градины там были плоские; одна имела десять дюймов в окружности, а другая весила две унции. Они избороздили посыпанную гравием дорогу, как картечь, и пробили в стеклах окон круглые отверстия, не разбив их.

Кончив наш обед, состоявший из мяса животных, убитых градом, мы переехали через Сьерру Тапальгуен,—низкую цепь холмов в несколько сот футов вышины, которая тянется от мыса Корриентес. Горная порода в этом месте состоит из чистого кварца; далее к востоку, судя по рассказам, она состоит из гранита. Холмы имеют за-

* History of the Abipones, vol. II, p. 6.

мечательную форму; они представляют собой ряды плоских террас, окруженных низкими, отвесными утесами, подобно выступам осадочных слоев. Холм, на который я подымался, был очень незначительным, диаметр его составлял всего около двухсот ярдов, но я видел другие, гораздо большие. Один из них, получивший здесь название «Корраль», имеет, говорят, от двух до трех миль в поперечнике и окружен отвесными утесами от тридцати до сорока футов высотой, которые прерываются только в одном месте, где образовался вход в эту ограду. Фальконер * рассказывает очень любопытный факт: индейцы загоняют туда табуны диких лошадей и, чтобы удержать их там, караулят только у входа. Мне неизвестно, чтобы где-либо еще существовало плоскогорье в кварцевой формации; холм, который я исследовал, не обнаруживал ни кливажа, ни слоистости. Мне говорили, что «Корраль» состоит из камня белого цвета, который дает искры.

Мы добрались до поста на Рио Тапальгуен, когда уже совсем стемнело. За ужином я из разговора собеседников чуть было не заключил, что нам подали самое любимое здешнее кушанье,—недоразвитого теленка, вынутого из чрева матери задолго до рождения, и эта мысль привела меня в ужас; но впоследствии оказалось, что это была пума: мясо было очень белое и вкусом необыкновенно походило на телятину. Когда-то смеялись над доктором Шоу, который говорил, будто бы «львиное мясо очень ценится», потому что по вкусу, цвету и запаху похоже на телятину. Относительно пумы это совершенно справедливо. Насчет вкуса мяса ягуара гаучосы расходятся во мнениях, но кошку единодушно признают отличным кушаньем.

17 сентября.—Мы отправились по течению Рио Тапальгуен через плодородную местность к девятому посту. Самый Тапальгуен, или город Тапальгуен, если только можно назвать его городом, стоит на совершенно гладком месте, которое все сплошь, насколько доступно глазу, усеяно тольдо,—печкообразными хижинами индейцев. Здесь жили семьи мирных индейцев, сражавшихся под знаменами Росаса. Мы встречали и обгоняли много молодых индианок, сидевших по две или по три на одной лошади; они, как и многие из молодых мужчин, были поразительно красивы: их правильные красноватого цвета лица дышали здоровьем. Кроме тольдо в городе было три ранчо: в одном жил комендант, в двух других—испанцы, владельцы маленьких лавок.

Здесь можно было купить сухарей. Несколько дней уже я ничего не ел, кроме мяса; не могу сказать, чтобы этот род пищи мне не нравился, но думаю, что я мог переносить его только при усиленном моционе. Я слыхал, что в Англии больные, посаженные исключительно на мясную диету, с большим трудом выносили ее даже в тех случаях, когда от этого зависело спасение их жизни. Между тем гаучосы в пампасах по целым месяцам не едят ничего кроме говядины. Но нужно заметить, что они поглощают в то же время огромное количество жира, животная природа которого выражена слабее, и очень не любят сухого мяса, как например мясо агути. Док-

* Falconer, Patagonia, p. 70.

тор Ричардсон * тоже заметил, «что если питаться долгое время мясом без жира, то потребность в жире становится так сильна, что люди могут съедать огромные количества чистого жира или даже жидкого масла без всякой тошноты». Это, по-моему, любопытный физиологический факт. Гаучосы, подобно плотоядным животным, могут долго обходиться без еды. Может быть, это зависит от мясной пищи. Мне говорили, что в Тандиле один отряд войска добровольно преследовал партию индейцев в продолжение трех дней, не имея в течение этого времени ни воды, ни пищи.

В лавках мы видели много предметов—попон, поясов и подвязок,—сделанных индейскими женщинами. Узоры были очень красивы и цвета ярки. Подвязки делаются здесь так хорошо, что один английский купец из Буэнос Айреса принимал их за английские изделия до тех пор, пока не рассмотрел, что кисточки у них перевязаны сплющенными жилами.

18 сентября.—В этот день мы проехали огромное расстояние. Близ двенадцатого поста, лежащего на семь лье к югу от Рио Саладо, мы увидели первую ферму с домашним скотом и белыми женщинами. Потом нам пришлось много миль ехать по местности, залитой водой. Вода доходила нашим лошадям выше колен. Подобрав стремена и сев по-арабски со скрещенными ногами, нам удалось кое-как остаться сухими. Было почти темно, когда мы приехали к Саладо; река была глубокая и имела почти сорок ярдов в ширину, однако, летом ложе ее почти совсем высыхает, и остающаяся вода солона, как морская. Мы ночевали в одной из больших ферм генерала Росаса. Она была укреплена и тянулась на такое большое расстояние, что, подъезжая в темноте, я счел ее за город или крепость; утром мы увидели огромные стада домашних животных; генерал в этом месте владеет семьюдесятью четырьмя квадратными лье земли. Прежде здесь работало до трехсот человек, которые притом отражали все нападения индейцев.

19 сентября.—Проезжали через Гвардиа дел Монте. Это красивый разбросанный городок с множеством садов, в которых растет огромное количество персиков и айвы. Равнина имела здесь такой же характер, как в окрестностях Буэнос Айреса: трава была низкая и яркозеленая, с полосами клевера и чертополоха и с норками вискашей. Меня очень поразила резкая перемена в общем виде местности по ту сторону Рио Саладо. С грубой травы противоположного берега мы прямо перешли на ковер превосходной травы. Сначала я думал, что причина такой перемены кроется в свойстве почвы, но жители уверили меня, что здесь, как и в Банда Ориенталь,—где также существует огромная разница между местностью вокруг Монтевидео и редко населенным исаваннами Колонии [75],—перемену нужно приписать единственно стадам домашнего скота, удобряющим луга, на которых они пасутся. Совершенно то же замечено в прериях** Северной Америки, где грубая трава в пять или шесть футов вышины превращается в обыкновенный луг, если на нее пускать домашний

* Fauna Boreali-Americana, vol. I, p. 35.

** См. Mr. Atwater, Account of the Prairies, в Silliman's N. A. Journal, vol. I, p. 117.

скот. Я недостаточно занимался ботаникой, чтобы решить, зависит ли эта перемена от введения новых видов, от изменения в росте прежних или от разницы в их количественном отношении. Азара тоже с удивлением заметил этот факт: и его поражало это внезапное появление новых растений, не встречающихся в соседних местах, по краям каждой тропинки, ведущей к вновь выстроенной хижине. В другом месте он говорит: «Эти (дикие) лошади почему-то предпочитают оставлять свои экскременты на дорогах или около них, и на этих местах видишь всегда целые кучи навоза»*. Не объясняется ли этим отчасти упомянутое явление? Таким способом образуются полосы отлично удобренной земли, которые могут служить путями сообщения через пустынные местности.

Около Гвардии проходит южная граница распространения двух европейских растений, совершенно натурализовавшихся здесь в настоящее время. Укроп в изобилии покрывает края канав в окрестностях Буэнос Айреса, Монтевидео и других городов. Но кардон[76] *(Cynara cardunculus)*** распространен еще гораздо шире: он встречается в этих широтах по всему материку по обеим сторонам Кордильер. Я встречал его в глухих местах в Чили, Энтре Риос и в Банда Ориенталь. В последней стране, например, целые сотни квадратных миль сплошь покрыты зарослями этих колючих растений, так что ни люди, ни животные не могут пройти там. На холмистых равнинах, где встречаются эти огромные заросли, кроме них не может расти ничего. Пока растение это не было завезено сюда, здесь, как и в других местах, вероятно, росла густая трава. Я не знаю другого примера, где бы пришлое растение до такой степени вытеснило туземные. Я уже сказал, что не видел кардона к югу от Саладо, но очень вероятно, что, по мере того как страна будет заселяться, растение это расширит границы своего распространения. Совершенно иное нужно сказать о гигантском чертополохе пампасов с пестрыми листьями; я встречал его и в долине Саусе. В полном соответствии с законами, так превосходно изложенными мистером Ляйеллем[77], немногие страны подвергались таким замечательным изменениям, как Ла Плата, начиная с 1535 г., когда в ней появился первый колонист с семидесятью двумя лошадьми. Бесчисленные стада лошадей, рогатого скота и овец не только изменили весь характер растительности, но почти совершенно вытеснили гуанако, оленя и страуса. Много, должно быть, произошло и других перемен; одичавшая свинья, вероятно во многих местах заменила пекари[78]; стаи одичавших

* Azara, Voyage, vol. I, p. 373.

** А. д'Орбиньи говорит (том I, стр. 474), что как кардон, так и артишок встречаются здесь в диком состоянии. Д-р Гукер (Botanical Magazine, vol. LV, p. 2862) описал разновидность Cynara из этой части Южной Америки под именем *inermis*. Он говорит, что теперь все ботаники признают кардон и артишок за разновидности одного и того же вида растения. Могу со своей стороны прибавить, что один наблюдательный фермер уверял меня, будто сам видел в одном заброшенном саду артишок, находившийся в состоянии перехода в обыкновенный кардон. Д-р Гукер думает, что живое описание чертополоха пампасов, данное Хедом, относится к кардону, но это ошибка. Капитан Хед имел в виду растение, о котором я буду говорить несколько ниже под названием гигантского чертополоха. Действительно ли это чертополох, я не знаю, но только растение это совершенно не похоже на кардон и больше всего приближается к обыкновенному чертополоху.

собак воют по лесистым берегам уединенных ручьев, а домашняя кошка, превратившаяся в большое и свирепое животное, приютилась на скалистых холмах. А. д'Орбиньи справедливо заметил, что число коршунов-стервятников увеличилось в значительной степени со времени введения домашних животных. Мы привели уже доказательства того, что они распространились к югу дальше, чем прежде. Нет сомнения, что кроме кардона и укропа многие другие растения здесь уже натурализовались. Так, острова близ устья Параны густо одеты персиковыми и апельсинными деревьями, выросшими из семян, занесенных сюда рекой.

Пока мы переменяли лошадей в Гвардии, много народа приходило спрашивать нас о войске; я никогда не видал такого энтузиазма, какой возбуждают здесь Росас и его успехи в «справедливейшей из войн, потому что она ведется против варваров». Нужно согласиться, что такого рода выражения вполне естественны, потому что еще недавно ни мужчины, ни женщины, ни лошади не были безопасны от нападений индейцев. Мы ехали целый день по роскошной зеленой равнине, на которой встречались нам многочисленные стада да изредка выднелась какая-нибудь уединенная ферма под сенью единственного дерева (*«омбu»* [79]). Вечером шел проливной дождь. Мы подъехали к почтовой станции, но ее содержатель заявил нам, что если у нас нет законных паспортов, то мы можем отправляться дальше, теперь, дескать, здесь так много разбойников, что никому нельзя верить. Однако, когда он прочел мой паспорт, начинавшийся словами: «Натуралист дон Карлос» («El Naturalista Don Carlos»), то его любезность и почтительность стали так же безграничны, как раньше его подозрительность. Что такое натуралист, об этом, я думаю, ни он, ни его соотечественники не имели ни малейшего понятия; но, по всей вероятности, мой титул от этого нисколько не потерял своей важности.

20 сентября.—В полдень мы приехали в Буэнос Айрес. Предместья города имели очень привлекательный вид благодаря живым изгородям из агавы и рощам оливковых, персиковых и ивовых деревьев, только что распускавших свои свежие зеленые листья. Я остановился у м-ра Лёмба, английского купца, которому я весьма обязан за чрезвычайную любезность и гостеприимство, оказанные мне во все время моего пребывания в этих краях.

Самый город очень велик * и принадлежит, кажется, к числу наиболее правильно распланированных городов в мире. Улицы все пересекаются под прямыми углами и притом на одинаковом расстоянии, так что дома размещаются на четырехугольниках одинаковой величины, которые называются «куадрами» (cuadras). Дома, в свою очередь, представляют пустые четырехугольники, где все окна открываются в чистый маленький двор. Обыкновенно они одноэтажные с плоскими крышами, на которых устроены места для сидения; здесь жители любят собираться в летнее время. В центре города находится площадь (plaza), на которой помещаются присутственные места, крепость, собор и т. д. Здесь же до революции стояли дворцы вице-

* Говорят, что в нем до 60 000 жителей. Монтевидео, второй по важности город на берегах Ла Платы, имеет 15 000 жител

королей. Общий вид зданий производит в архитектурном отношении приятное впечатление, но если брать их отдельно, то ни одно не может похвалиться изяществом.

Большой *корраль*, где держат животных, назначенных в пищу этому плотоядному народу, заслуживает особенного внимания. Сила лошади в сравнении с силой быка в самом деле удивительна: человек верхом на коне, набросив свое лассо на рога быку, может вести его куда захочет. Животное сначала обыкновенно изо всех сил роет землю ногами, тщетно пытаясь противиться насилию, бросается в сторону, но лошадь тотчас же делает поворот, чтобы выдержать напор, и стоит так твердо, что бык почти сшибается с ног. Удивительно, как они не ломают себе шеи. Впрочем, здесь в борьбе играет роль не одна сила; подпруга у лошади приноровлена и рассчитана на то, что бык будет сильно натягивать ее. Точно таким же образом один человек может удержать самую дикую лошадь, если поймает ее посредством лассо за шею, как раз за ушами. Когда быка приведут к месту, где его должны заколоть, *матадор* прежде всего перерезывает с большой осторожностью сухожилия у подколенной ямки. Вскоре затем раздается предсмертный рев—звук, выражающий самую отчаянную муку. Я часто слышал его на далеком расстоянии и знал, что борьба приближается, значит, к концу. Все это зрелище ужасно и возмутительно: вся земля устлана костями, а лошади и всадники перепачканы запекшейся кровью.

ГЛАВА VII

ОТ БУЭНОС АЙРЕСА ДО САНТА ФЕ

Поездка в Санта Фе.—Заросли чертополоха.—Нравы вискаши.—Маленькая сова.—Соленые ручьи.—Равнины.—Мастодонт.—Санта Фе.—Перемена ландшафта.—Геология.—Зуб исчезнувшего вида лошади.—Отношения ископаемых и современных четвероногих Северной и Южной Америки.—Действие продолжительной засухи.—Парана.—Нравы ягуара.—Ножеклюв.—Зимородок, попугай и ножехвост.—Революция.—Буэнос Айрес.—Состояние правительства.

27 сентября.—Вечером я поехал в Санта Фе, который лежит почти в трехстах английских милях от Буэнос Айреса на берегах Параны. Дороги в окрестностях города после дождей были в очень плохом состоянии. Я никогда не поверил бы, что волы могут протащить по ним телегу. Правда, она и тащилась по миле в час, да и то человек ехал впереди, чтобы показывать места, удобные для проезда. Волы были страшно измучены. Очень ошибаются те, кто думает, что по мере усовершенствования дорог и ускорения езды страдания животных увеличатся. Мы обогнали ряд повозок и стадо быков на пути к Мендосе. Расстояние считается в 580 географических миль, и путь совершается обыкновенно в пятьдесят дней. Повозки эти очень длинны, узки и переплетены тростником. Они имеют только по два колеса, диаметр которых равняется иногда десяти футам. Каждую тащат шесть волов, которых погоняют палкой футов в двадцать длиной; она обыкновенно подвешивается к крыше внутри повозки. Для первой пары волов имеется, кроме того, палка меньших размеров, а для средней пары от середины длинной палки отходит под прямым углом остроконечная короткая палка. Весь этот аппарат имеет вид какого-то военного орудия.

28 сентября.—Мы проезжали маленький городок Луксан, где через реку перекинут деревянный мост,—явление необыкновенное в этих местах. Проезжали также через Ареко. Равнина казалась плоской, но в действительности не была такой, потому что горизонт не везде казался на одинаковом расстоянии. Фермы стоят здесь далеко одна от другой, потому что здесь мало лугов, удобных для пастбищ,—кругом видны заросли горького клевера или гигантского чертополоха. Последний хорошо известен по картинному описанию сэра Ф. Хеда. В эту пору года растение достигло только двух третей своего нормального роста, но в некоторых местах доходило уже до спины лошади; зато в других оно еще совсем не начинало расти, и там почва была голая и пыльная, как на большой дороге. Зелень заро-

слей была очень яркого цвета и самые заросли напоминали в миниатюре разбросанный островками лес. Когда чертополох достигает полного роста, огромные заросли становятся непроходимыми; между ними вьются, впрочем, тропинки, до того перепутанные, что представляют своего рода лабиринт. Они хорошо известны только разбойникам, которые в это время года живут тут и по ночам выходят грабить и резать совершенно безнаказанно. Раз я спросил в одном доме, много ли теперь разбойников; мне отвечали: «Чертополох еще не вырос». С первого раза такой ответ может, пожалуй, показаться не совсем понятным. Изучать эти тропинки не стоит труда, потому что здесь очень мало птиц и зверей, за исключением вискаши и ее приятельницы—маленькой совы.

Всем известно, что вискаша* составляет характерную особенность фауны пампасов. К югу она встречается еще до Рио Негро под 14° широты, но не дальше. Животное это не может, подобно агути, жить в покрытых гравием пустынных равнинах Патагонии, оно ищет глинистой или песчаной почвы, производящей более обильную и притом иную растительность. Около Мендосы, у подножия Кордильер, вискаша находится в близком соседстве с родственным ей альпийским видом. Относительно географического ее распределения любопытно, что, к великому благополучию обитателей Банда Ориенталь, вискаша никогда не встречалась на восток от реки Уругвай, хотя равнины этой области, повидимому, как нельзя более подходят к ее нравам. Река Уругвай, как видно, оказалась непреодолимым препятствием для их переселения, хотя через более широкую реку Парану они переселились и очень часто встречаются в Энтре Риос, области, лежащей между этими двумя большими реками. В окрестностях Буэнос Айреса их великое множество. Самое любимое их убежище—те части равнины, которые полгода подряд покрыты зарослями гигантского чертополоха без всякой примеси других растений. Гаучосы уверяют, что вискаши питаются кореньями. Это, может быть, справедливо, судя по необыкновенной силе их зубов и по роду мест, ими посещаемых. По вечерам вискаши в огромном количестве выходят из своих нор и спокойно сидят на задних лапках у входа в свои жилища. В это время они очень смирны, и если проедет человек верхом на лошади, то они только пресерьезно его рассматривают. Вискаши очень неловко бегают; спасаясь от опасности, они поднимают хвост, что при коротких ногах придает им большое сходство с огромными крысами. Мясо их нежно и вкусно, но редко употребляется в пищу.

Вискаша имеет странное обыкновение тащить всякую твердую вещь ко входу в свою нору: вокруг каждой группы нор непременно увидишь множество бычьих костей, камешков, бурьяна, затвердевших комьев земли, сухого навоза и т. д. Все это собрано в неправильную и часто очень большую кучу, которая могла бы наполнить целую тачку. Мне рассказывали, будто один джентльмен, ехавший верхом в темную ночь, потерял часы; утром он вернулся и, осматри-

* Вискаша (*Lagostomus trichodactylus*) несколько похожа на большого кролика, но зубы у нее больше и хвост длинный; как агути, она имеет на задних ногах только по три пальца. За последние три или четыре года шкуры этих животных начали посылать в Англию ради их меха.

В окрестностях Монтевидео.

Рисунок Ч. Мартенса.

вая каждую нору вискашей по краю дороги, вскоре, как и ожидал, нашел свои часы. Эта привычка таскать всякую завалявшуюся вещь к своей норе, вероятно, стоит им немалых хлопот. Для чего они это делают, не знаю и не могу себе составить даже самого отдаленного представления: ясно, что это не для защиты, потому что куча всегда лежит над входом в нору, направляющимся в почву всегда несколько наклонно. Нет сомнения, что какая-нибудь причина должна быть, но из туземцев никто не мог дать мне на этот счет никаких объяснений. Мне известен один только пример, аналогичный с этим,—нравы замечательной австралийской птицы *Calodera maculata*[80]; она делает из веток красивую беседку, куда приходит играть; туда же собирает она раковины морских и наземных моллюсков, косточки, птичьи перья, выбирая притом только самые яркие. М-р Гоулд, описавший эти факты, сообщил мне, что, когда у туземцев пропадает какая-нибудь твердая вещь, они отправляются искать ее в этих беседках, и он сам видел, как найдена была таким образом пропавшая курительная трубка[81].

Маленькая сова *(Athene cunicularia)*, о которой я уже не раз говорил, живет в равнинах Буэнос Айреса исключительно в норах вискашей, но в Банда Ориенталь устраивает себе особое жилище. Среди дня, но чаще вечером, можно видеть во всех направлениях этих птиц, сидящих по большей части парами на буграх близ своей норы. Если их испугать, они прячутся в нору или испускают резкий, звонкий крик, как-то особенно плавно перелетают на небольшое расстояние и потом, обернувшись, пристально смотрят на врага. Иногда вечером можно слышать их гукание. В желудках двух этих сов, вскрытых мною, я нашел остатки мышей, а раз сам видел, как сова убила и унесла с собой маленькую змею. Говорят, что в продолжение дня змеи служат им обычной пищей. Чтобы показать, до чего разнообразна пища, употребляемая совами, я могу сообщить, что у одного вида совы, убитой на архипелаге Чонос, желудок был наполнен довольно крупными крабами. В Индии* живут совы, употребляющие в пищу рыб, а также крабов.

Вечером мы переправились через Рио Аресифе на простом пароме, сделанном из связанных друг с другом бочек, и ночевали на почтовой станции, стоящей на противоположном берегу. В этот день я заплатил прогоны за тридцать одно лье, и хотя солнце сильно жарило, я не очень устал. Капитан Хед упоминает в своем «Путешествии», что он сделал в один день пятьдесят лье; я не думаю, чтобы это расстояние составляло 150 английских миль. Во всяком случае эти тридцать одно лье составляли только 76 миль по прямой линии; к этому нужно прибавить еще мили четыре на повороты, что в такой ровной местности совершенно достаточно.

29 и *30 сентября.*—Мы продолжали ехать по таким же однообразным равнинам. В Сан Николасе я в первый раз увидел великолепную реку Парану. У подошвы возвышенности, на которой расположен город, стояло на якоре несколько больших кораблей. Не доезжая до Росарио, мы должны были переехать через Саладильо, ручей чистой и прозрачной воды, но слишком соленой для питья. Росарио—

* Journal of Asiatic Society, vol. V, p. 363.

большой город, выстроенный на бесплодной, ровной местности, которая образует над Параной возвышенность футов в шестьдесят вышиной. Река в этом месте очень широка и усеяна множеством низких и лесистых островов; противоположный берег также низкий и лесистый. Общий вид напоминал бы большое озеро, если бы не удлиненной формы островки, делающие очевидным наличие текучей воды. Скалы необыкновенно живописны; в некоторых местах они поднимаются совершенно отвесно и цвет их красный; в других местах они как будто нагромождены из огромных обломков, обросших кактусами и мимозами. Впрочем, подлинное величие такой огромной реки определяется не этим: глядя на нее, невольно думаешь о том, каким важным путем сообщения служит она между народами, как она способствует торговле, какие расстояния протекает, как обширна та страна, из которой берется вся эта масса пресной воды, текущая перед вами.

К северу и к югу от Сан Николаса и Росарио на далекое расстояние тянется гладкая равнина. Едва ли можно считать преувеличенным что-нибудь из всего, что было писано о ее необыкновенной ровности. Однако, я не мог найти такого места, откуда при медленном поворачивании головы горизонт казался бы по всему кругу одинаково отдаленным, а это, конечно, доказывает, что равнина не совершенно горизонтальна. В море для человека, стоящего на шесть футов над уровнем воды, горизонт всегда будет казаться удаленным на $2^4/_5$ мили. Точно так же и в ровной местности: чем она ровнее, тем горизонт должен более приближаться к этому пределу; а это обстоятельство, по моему мнению, совершенно уничтожает впечатление того величия, которое, как многие представляют себе, должна бы производить такая обширная и гладкая равнина.

1 октября.—Мы выехали при свете луны и к восходу солнца были у берегов Рио Терсеро. Эту реку называют также Саладильо, и она в самом деле заслуживает такого названия [82], потому что вода в ней солоноватая. Я провел здесь бóльшую часть дня в поисках за ископаемыми костями. Кроме превосходно сохранившегося зуба токсодона и нескольких других разрозненных костей, я нашел один возле другого два гигантских скелета, рельефно выдававшихся из отвесных скал Параны. Но они так истлели от времени, что я мог овладеть лишь небольшими обломками одного из громадных коренных зубов; но и этого было уже достаточно, чтобы определить, что скелеты принадлежали мастодонтам, вероятно, того же вида, который некогда во множестве населял Кордильеры в Верхнем Перу. Перевозчики, переправлявшие меня в челноке, говорили, что они давно приметили тут эти кости и не раз дивились, как они туда попали. Так как они чувствовали необходимость составить какую-нибудь теорию, они пришли к заключению, что мастодонт, подобно вискаше, рыл норы в земле. Вечером мы проехали еще одну станцию и переправились через Монж, другой соленый ручей, несущий в своей воде осадки, вымытые из почвы пампасов.

2 октября.—Мы проехали Корунду, одно из самых красивых селений, которые мне удавалось видеть. Главную красоту его составляли роскошные сады. От этого места до Санта Фе дорога не совсем безопасна. Западная часть северных берегов Параны не населена,

и потому индейцы часто спускаются сюда и подстерегают путешественников. Характер страны также способствует этому; вместо равнины, покрытой травой, здесь местность лесистая, поросшая низкими и колючими мимозами. Мы проехали мимо нескольких домов, которые были разграблены и заброшены. Мы видели также зрелище, доставившее немалое удовольствие моим проводникам: это был труп индейца, повешенного на ветке дерева, или, вернее, скелет, обтянутый высохшей кожей.

Утром мы добрались до Санта Фе. Меня удивила заметная перемена климата, тем более неожиданная, что расстояние от этого города до Буэнос Айреса не более трех градусов широты. Разница эта проявлялась во всем: в одежде жителей, в оттенках их кожи, в заметно увеличившихся размерах деревьев омбу, во множестве новых видов кактусов и других растений, а главное птиц. В течение одного часа я приметил с полдюжины птиц, никогда не виданных мною в Буэнос Айресе. Зная, что нет никаких естественных границ между этими двумя областями и что характер местности почти один и тот же, я никак не мог ожидать такой огромной разницы.

3 и 4 октября.—Эти два дня я пролежал в постели с головной болью. Добродушная старая женщина, ухаживавшая за мною, предлагала мне много оригинальных лекарств. Обыкновенно здесь в таких случаях прикладывают к вискам по листу апельсинного дерева или по куску черного пластыря; но еще более употребительное средство—это разрезать боб пополам, намочить обе половинки и приложить к вискам, где они легко приклеиваются. Снимать бобы или пластырь нельзя ни в коем случае. Они должны отпасть сами. Часто видишь человека с такими «мушками» на голове, и если спросить его, что с ним, он пресерьезно ответит: «Третьего дня у меня болела голова». Многие средства, употребляемые здесь, странны до смешного, но вместе с тем слишком отвратительны, чтобы описывать их. Одно из самых отвратительных состоит в том, что двух щенков с вскрытыми животами привязывают по обеим сторонам сломанной руки или ноги. Маленьких голых собак очень часто кладут спать к ногам больных.

Санта Фе—тихий городок, содержимый очень чисто и в порядке. Губернатор Лопес был простым солдатом во время революции, но теперь уже семнадцать лет управляет городом. Такое долговременное сохранение власти объясняется, вероятно, его деспотическим нравом, потому что до сих пор, повидимому, деспотическая власть более подходит для этой страны, чем республиканское правление. Любимое занятие губернатора—охота за индейцами; незадолго до нашего приезда он убил сорок восемь человек, а детей распродал по три или по четыре фунта стерлингов каждого.

5 октября.—Мы переплыли через Парану в Санта Фе Бахада, город, лежащий на противоположном берегу. Переезд занял несколько часов, потому что река состоит здесь из лабиринта рукавов, отделенных друг от друга низкими лесистыми островами. У меня было рекомендательное письмо к старому каталонскому испанцу, который принял меня с необыкновенным радушием. Бахада—столица провинции Энтре Риос. В 1825 г. в городе было 6 000 жителей, а в провинции 30 000; но как ни мало населена она по сравнению с другими,

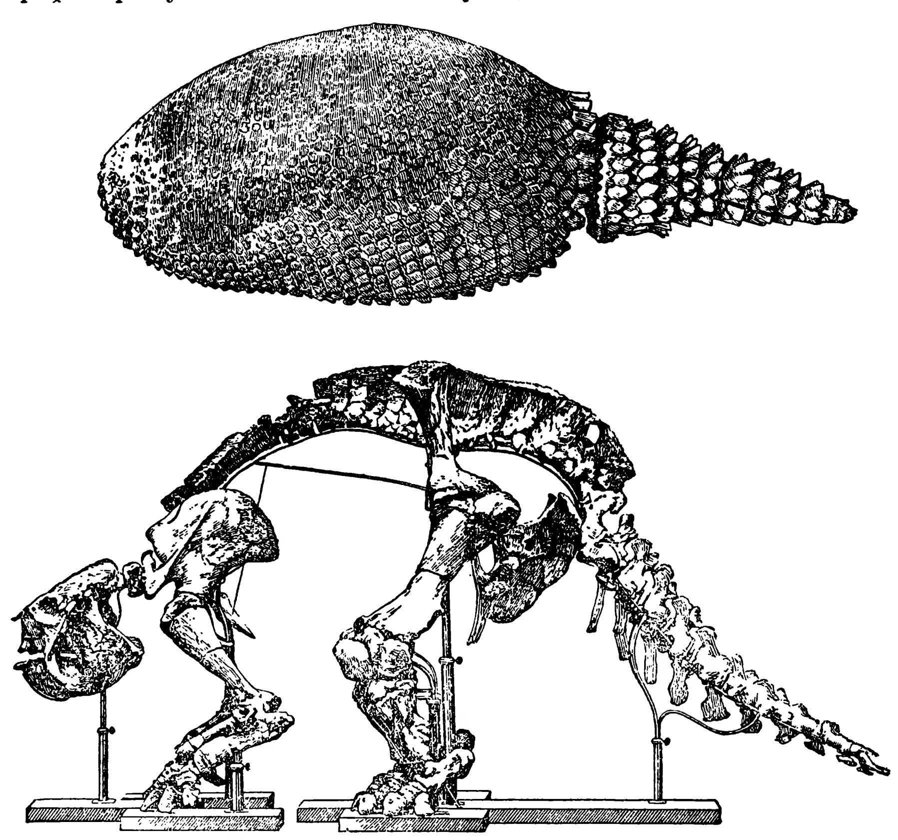
ни одна область не потерпела столько от кровавых и отчаянных революций. Жители гордятся здесь представительным строем, имеют министров, постоянное войско, губернаторов; неудивительно после этого, что у них было так много революций. Когда-нибудь Энтре Риос будет одной из самых богатых провинций Ла Платы. Почва здесь плодородна и разнообразна, а огромные реки Уругвай и Парана, представляя удобнейшие пути сообщения, придают этой области почти островной характер.

Я провел здесь пять дней, занимаясь изучением чрезвычайно интересного геологического строения окружающей местности. У подошвы скал лежат слои, в которых находятся зубы акул и раковины исчезнувших видов морских моллюсков. Слои эти кверху переходят в затвердевший мергель, а еще далее в красную глинистую почву пампасов с известковыми конкрециями и костями наземных четвероногих. Вертикальный разрез самым ясным образом говорит, что здесь был некогда обширный залив чистой соленой воды, который мало-помалу превратился в ложе мутного эстуария, куда река заносила плывшие по ней трупы животных. В Пунта Горда (в Банда Ориенталь) я обнаружил разновидность осадочных отложений пампы, образованных эстуарием; их известняк содержал много таких же вымерших морских моллюсков; это доказывает или изменение русла прежних рек, или, что более вероятно, колебания уровня древнего эстуария. Еще недавно, судя по общему виду формации пампы, по положению ее при устье и ныне существующей огромной реки Ла Платы и по присутствию в ней множества остатков сухопутных четвероногих, я считал, что эта формация образована отложениями эстуария. Но вот профессор Эренберг, имевший любезность рассмотреть по моей просьбе образчик красной земли, взятой из нижних слоев возле самых скелетов мастодонта, нашел в ней много инфузорий морских и пресноводных и обнаружил даже, что число последних преобладает над первыми. Из этого он выводит заключение, что вода должна была быть солоноватой. Г-н А. д'Орбиньи нашел на берегах Параны, на высоте ста футов, большие слои раковин эстуарных моллюсков, живущих теперь на сто миль ниже, ближе к морю. Я нашел сходные с этими раковины, но на меньшей высоте, на берегах Уругвая; это показывает, что непосредственно перед тем, как пампа поднялась и стала сушей, ее покрывала солоноватая вода. Ниже Буэнос Айреса встречаются приподнятые слои морских раковин тех видов, которые живут и теперь. Это тоже показывает, что поднятие пампы произошло в недавний период.

В осадочных слоях пампы, в окрестностях Бахады, я нашел костный панцырь огромного животного, сходного с броненосцами. Внутренность панцыря, очищенная от земли, напоминала большой котел. Я нашел также зубы токсодона и мастодонта и один зуб лошади— все в том же истлевшем и разрушенном состоянии. Меня в особенности заинтересовал зуб лошади*, и я употребил всевозможные старания, чтобы убедиться, одновременно ли с другими остатками он по-

* Едва ли нужно напоминать читателю, что есть много доказательств против существования лошади в Америке во времена Колумба.

пал в землю. В то время я еще не знал, что в числе ископаемых костей в Байа Бланке был найден лошадиный зуб, скрытый в материнской породе, не знал также и того, что в Северной Америке остатки вымерших лошадей часто встречаются. М-р Ляйелль привез недавно из Соединенных штатов лошадиный зуб, имеющий характерную особенность, а именно легкий своеобразный изгиб; такого изгиба профессор Оуэн не мог найти ни у одного из видов лошади, как



Скелет и панцырь гигантского ископаемого броненосца *Glyptodon clavipes.*

современных, так и ископаемых, пока ему не пришла мысль сравнить этот североамериканский зуб с моим экземпляром, найденным здесь: у него оказалась та же особенность. Оуэн назвал эту американскую лошадь *Equus curvidens.* Совершенно поразителен в истории млекопитающих тот факт, что в Южной Америке существовала некогда туземная лошадь, которая жила и исчезла, и спустя много веков была заменена бесчисленными стадами других лошадей, происшедших от нескольких экземпляров, завезенных сюда испанскими колонистами.

Существование в Южной Америке ископаемой лошади, мастодонта, быть может, слона* и жвачного животного с полыми рогами,

* Cuvier, Ossements fossiles, t. I, p. 158.

открытого в бразильских пещерах гг. Лундом и Клаузеном, представляется чрезвычайно интересным в отношении географического распространения животных. Если мы разделим современную Америку не по линии, проходящей через Панамский перешеек, а повыше, в южной части Мексики * (под 20° широты), там, где обширное плоскогорье представляет препятствие для миграции видов, изменяя климат и образуя широкую преграду, перерезанную лишь немногими долинами и только у берегов окаймленную низменной полосой, то получим две зоологические области—северную и южную, которые сильно одна от другой отличаются. Только немногим видам удалось пройти через эту преграду, и таких животных, как, например, пума, опоссум, кинкажу и пекари, следует считать переселенцами с юга. Южная Америка характеризуется наличием многих особенных грызунов, особого семейства обезьян, ламы, пекари, тапира, опоссумов, и особенно нескольких родов неполнозубых, к которым относятся ленивцы, муравьеды и броненосцы. С другой стороны, Северная Америка (оставляя в стороне некоторые кочующие виды) отличается множеством ей одной свойственных грызунов и четырьмя родами полорогих жвачных (бык, овца, коза и антилопа). Из этой большой группы, насколько известно, в Южной Америке не встречается ни одного вида. Когда-то прежде, но, впрочем, в том периоде, когда существовали уже почти все современные моллюски, в Северной Америке помимо полорогих жвачных водились слон, мастодонт, лошадь и три рода неполнозубых, а именно: мегатерий, мегалоникс и милодон. Почти в тот же самый период (что доказывают моллюски из Байа Бланки) мастодонт, лошадь, полорогое жвачное, те же три вида неполнозубых (и кроме того несколько других) жили, как мы уже видели, в Южной Америке. Отсюда явно вытекает, что в сравнительно недавний геологический период Северная и Южная Америка стояли ближе друг к другу по характеру своих наземных обитателей, чем теперь. Чем более я думаю об этом факте, тем он кажется мне интереснее. Я не знаю другого случая, где бы так определенно обозначались и эпоха и способ распадения одной большой области на две хорошо охарактеризованные зоологические провинции. Геолог, находясь под впечатлением обширных колебаний уровня земной коры в последние периоды, не задумался бы приписать причину теперешнего зоологического разделения Северной и Южной Америки либо современному поднятию мексиканского плато, либо, что вероятнее, современному понижению материка в Вест-Индском архипелаге. Южноамериканский характер вест-индских млекопитающих **, по-

* Этому географическому разделению следовали Лихтенштейн, Суэнсон, Эриксон и Ричардсон. Разрез от Вера Крус до Акапулько, описанный Гумбольдтом в Polit. Essay on Kingdom of N. Spain, показывает, какую огромную преграду представляет мексиканское плоскогорье. Д-р Ричардсон в своем замечательном докладе о североамериканской фауне (Report on the Zoology of N. America), читанном в Британском научном обществе (Brit. Assoc., 1836, p. 157), говоря о тождестве одного мексиканского животного с видом *Synetheres prehensilis*[83], говорит: «Мы не знаем, насколько это верно, но во всяком случае это чуть ли не единственный пример существования грызуна, общего Южной и Северной Америке».

** См. Dr. Richardson, Report, стр. 157; также L'Institut, 1837, стр. 253. Кювье говорит, что кинкажу[84] встречается на Больших Антильских островах, но это сомнительно. Г-н Жерве утверждает, что на них живет *Didelphis cancri-*

видимому, указывает на то, что этот архипелаг был в прежнее время соединен с южным материком и что впоследствии он представлял собой область оседания.

В те времена, когда Америка, и преимущественно Северная, была населена слонами, мастодонтами, лошадью и полорогими жвачными, она в зоологическом отношении была гораздо ближе к умеренным частям Европы и Азии, чем теперь. Так как остатки этих родов были найдены по обеим сторонам Берингова пролива* и в равнинах Сибири, то мы должны смотреть на северо-западную часть Северной Америки, как на прежнюю точку соединения Старого с так называемым Новым Светом. Так как далее множество и живущих еще и уже вымерших видов этих родов жило в Старом Свете прежде и живет ныне, то весьма вероятно, что североамериканские слоны, мастодонты, лошадь и полорогие жвачные переселились из Сибири в Северную Америку по той полосе земли, которая ныне у Берингова пролива находится под водой, потом из Северной Америки по суше, впоследствии также затопленной морем в области Вест-Индии, они перешли в Южную Америку; здесь в течение некоторого времени они смешивались с видами, свойственными южному материку, и, наконец, исчезли.

Во время моего странствования по этой стране мне не раз случалось слышать яркие описания последствий недавней большой засухи. Приведу их вкратце, потому что они могут пролить некоторый свет на причины, вследствие которых огромное количество всяких животных находят погребенными вместе. Период с 1827 по 1830 г. называется здесь «gran seco», т. е. великой засухой. В это время выпадало так мало дождя, что погибли все растения, даже чертополох; ручьи совершенно высохли, и вся страна приняла вид пыльной большой дороги. Засуха была особенно сильна в северной части провинции Буэнос Айреса и в южной части Санта Фе. Множество птиц, диких зверей, рогатого скота и лошадей погибло тогда от недостатка пищи и воды. Один местный житель рассказывал мне, что к колодцу, который он принужден был вырыть у себя на дворе для снабжения водой своего семейства, приходили олени **, а в поле куропатки так ослабели, что едва имели силу улетать от охотников. По самому умеренному расчету, в одной провинции Буэнос Айрес пало до миллиона голов рогатого скота. У одного владельца в Сан Педро было до этого времени до 20 000 штук скота, а под конец засухи не осталось

vora[85]. Известно, что в Вест-Индии существует несколько млекопитающих, свойственных только ей. Зуб мастодонта был привезен из Багамы: Edinburgh New Philosophical Journal, 1826, p. 395.

* См. превосходное «Дополнение» доктора Бекленда к «Путешествию» Бичи, также статьи Шамиссо в «Путешествии» Коцебу.

** В «Путешествии» капитана Оуэна (Capt. Owen, Surveying Voyage, vol. II, p. 274) есть любопытный рассказ о влиянии засухи на слонов в Бенгуэле (на западном берегу Африки): «Недавно большое стадо этих животных проникло в город, стремясь пробраться к колодцам, так как в окрестностях нельзя было найти ни капли воды. Жители собрались толпой: произошла отчаянная борьба и хотя слонов вытеснили, но они успели убить одного человека и многих ранили». А в этом городе, говорят, около трех тысяч жителей. Д-р Малькольмсон говорил мне, что у Эллора, в Индии, во время засухи дикие звери входили в лагерные палатки, и раз заяц пил из чашки, которую поднес ему адъютант полка.

ни одного животного. Сан Педро лежит в центре самой прелестной местности и в настоящее время снова изобилует животными, но под конец великой засухи туда должны были подвозить на судах скот для пропитания жителей. Животные убегали из ферм и, направляясь к югу, скоплялись в некоторых местах в таком количестве, что из Буэнос Айреса была выслана комиссия для разбирательства возникших по поводу этого споров между владельцами. Сэр Удбайн Periш рассказывал мне еще об одном любопытном поводе к тяжбам: от продолжительной засухи на земле в некоторых местах накопилось столько пыли, что поземельные межи были совершенно сглажены, и владельцы не могли разобрать границ своих земель.

Я слышал от очевидца, что скот тысячами бросался в Парану; истомленный голодом, он не имел сил пробраться по болотистым берегам и тонул. Рукав реки, протекающий у Сан Педро, был так запружен гниющими трупами, что, по словам капитана одного судна, по реке нельзя было плыть от вони. Нет сомнения, что таким образом погибли в реке сотни тысяч животных; их гниющие трупы уносились вниз по течению и многие из них, вероятно, погрузились на дно эстуария Ла Платы. В маленьких речках вода сделалась чрезвычайно соленой, и это было также причиной гибели многочисленных животных в различных местах, потому что животные, напившись такой воды, погибают. Азара описывает * один подобный случай: дикие лошади с яростью бросались в болото, опрокидывая и давя друг друга. Он прибавляет, что не раз видел более тысячи трупов диких лошадей, погибших таким образом. Я заметил, что в пампасах дно маленьких речек устлано брекчией[86] из костей, но этот слой образовался, вероятно, постепенно, а не вследствие единовременно происшедшей гибели животных. Вслед за засухой 1827—1832 гг. последовал период сильных дождей, вызвавших большие наводнения. Поэтому чрезвычайно вероятно, что многие тысячи скелетов были занесены наносами на следующий же год. Что подумал бы геолог при виде такого огромного скопления костей животных всевозможных видов и возрастов, погребенных в толстом слое земли? Не приписал ли бы он это явление скорее действию потопа, прошедшего по всей поверхности материка, чем обычному порядку вещей? **

12 октября.—Я имел намерение продолжать мою экскурсию дальше, но нездоровье заставило меня вернуться на баландре, т. е. одномачтовом судне вместимостью около ста тонн, которое шло в Буэнос Айрес. Так как погода была плохая, мы рано утром притянулись канатом к дереву на одном из островов. Парана вообще очень богата островами, которые то исчезают, то вновь появляются. На памяти капитана судна исчезло много больших островов и много образовалось новых, уже покрывшихся растительностью. Эти острова сложены из илистого песка, без всякой примеси голышей, и поверх-

* Travels, vol. I, p. 374.

** Повидимому, эти засухи до известной степени повторяются периодически. Мне называли года нескольких других засух, которые были отделены друг от друга промежутками около пятнадцати лет.

ность их во время нашего плавания поднималась лишь фута на четыре над уровнем реки; но во время периодических разливов Параны они постоянно затопляются. Все эти острова имеют один общий характер: многочисленные ивы и несколько других видов деревьев переплетены различными ползучими растениями, образуя густые джунгли. В таких зарослях водятся обыкновенно водосвинки и ягуары. Страх, внушаемый последними животными, отбивает всякую охоту пробираться сквозь эти леса. В этот вечер я прошел не более ста ярдов по острову, как уже увидел несомненные и свежие следы ягуара, так что принужден был тотчас же вернуться. На каждом острове встречаются эти следы, и как во время прежних моих экскурсий разговор постоянно шел «el rastro de los Indios» [о следах индейцев], так и здесь только и слышишь, что «el rastro del tigre» [о следах «тигров»].

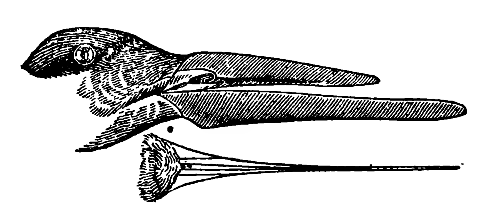
Повидимому, любимым местопребыванием ягуаров служат лесистые берега больших рек; но я слышал, что к югу от реки Ла Платы они живут в тростниках по берегам озер; так или иначе вода составляет необходимое условие их существования. Их обычная пища—водосвинки; поэтому здесь говорят, что где много водосвинок, там мало опасности от ягуаров. Фальконер уверяет, что близ южной стороны устьев Ла Платы водится много ягуаров и что они питаются преимущественно рыбой; и от других я несколько раз слышал то же. На Паране они растерзали много дровосеков и даже приходили ночью на суда. И теперь еще живет в Бахаде человек, который, влезая однажды с реки на корабль в темноте, был схвачен на палубе ягуаром; однако, он спасся, поплатившись только рукой. Когда разлив гонит этих животных с островов, они делаются всего опаснее. Мне рассказывали, что несколько лет тому назад в Санта Фе громадный ягуар забрался в церковь; два патера, вошедшие туда один за другим, были растерзаны, а третий, который пришел посмотреть, что с ними сталось, едва спасся. Зверя убили выстрелом с угла здания, разобрав часть крыши. В то же время ягуары производят большие опустошения среди рогатого скота и лошадей. Говорят, что они убивают добычу, переламывая животному шею. Если их отогнать от трупа, то они очень редко возвращаются к нему. Гаучосы говорят, что во время ночных странствований ягуара сильно беспокоят лисицы, бегающие за ним с тявканьем. Это—любопытное совпадение с общеизвестным фактом, что в Восточной Индии шакалы точно так же обязательно сопровождают тигра. Ягуар—беспокойное животное; он ревет по целым ночам, особенно перед дурной погодой.

Однажды на охоте на берегах Уругвая мне показали деревья, к которым постоянно приходят ягуары, чтобы, как говорят, точить о них свои когти. Это были три хорошо известных дерева; спереди у них кора была совершенно гладкая, как будто отполированная грудью животных, а по обеим сторонам находились глубокие царапины или, вернее, желобки, идущие наискось, около ярда в длину. Царапины были не одинаковой свежести. Чтобы узнать, нет ли где поблизости ягуаров, туземцы обыкновенно осматривают эти деревья. Я думаю, что эта привычка ягуара должна быть совершенно сходна с обыкновением нашей домашней кошки, которая, как мы

каждый день можем наблюдать, вытянув лапки и выпустив когти, царапает ножки стульев. Я слыхал также, что в одном фруктовом саду в Англии многие молодые деревья таким образом пострадали от кошачьих когтей. Вероятно, такая же привычка свойственна и пуме; я видел не раз на твердой голой почве в Патагонии такие глубокие борозды, что никакое другое животное не могло бы их сделать. Цель этой привычки заключается, по моему мнению, в том, чтобы обрывать расщепившиеся кончики когтей, а не точить их, как говорят гаучосы. Убить ягуара нетрудно; для этого его обыкновенно загоняют собаками на дерево, где его легко застрелить из ружья.

Дурная погода задержала нас на два дня на нашей стоянке. Единственным развлечением была ловля рыбы к обеду; рыба была различная и очень вкусная. Одна, называемая «armado» (армадо—вид Silurus) [87], замечательна по резкому скребущему звуку, который она производит, когда ее поймают на крючок; этот шум можно слышать даже, когда рыба еще под водой. Она обладает также способностью крепко захватывать какой-нибудь предмет, например, плоскую часть весла или удочку, крепкой иглой, находящейся у нее на грудном и спинном плавниках. Вечер был совершенно тропический; термометр стоял на 79°. Множество светляков летало кругом, а москиты очень сильно надоедали. Я выставил руку на пять минут, и она тотчас почернела от насевших на нее насекомых; я думаю, их было, по крайней мере, пятьдесят штук, жадно сосавших мою кровь.

15 октября.—Мы отправились в путь и проплыли мимо Пунта Горда, где находится колония мирных индейцев из провинции Миссионес. Мы быстро плыли вниз по течению, но перед заходом солнца из странного опасения дурной погоды вошли в узкий рукав реки. Я сел в лодку и поехал вверх по этому рукаву. Он был очень узкий, извилистый и глубокий. С каждой стороны возвышалась стена в тридцать или сорок футов вышины, состоявшая из деревьев,



переплетенных ползучими растениями. Все вместе придавало этому протоку какой-то особенно мрачный характер. Здесь я видел замечательную птицу, называемую ножеклювом *(Rhynchops nigra)*. У этой птицы короткие перепончатопалые ноги и длинные заостренные крылья; ростом она не больше крачки. Клюв ее с боков сплюснут, т. е. сдавлен в плоскости, перпендикулярной к той, в которой он сдавлен у колпицы или утки. Клюв этот так же плоск и упруг, как нож из слоновой кости, которым режут бумагу, а нижняя челюсть, в противоположность всем другим птицам, на полтора дюйма длиннее верхней. В окрестностях Мальдонадо, на озере, почти пересохшем, и в котором, следовательно, кишело множество мелкой рыбы, я видел много этих птиц, быстро летавших небольшими стаями взад и вперед над самой поверхностью воды. Клюв их был широко раскрыт и нижняя челюсть наполовину погружена в воду. Касаясь на лету поверхности воды, они при этом бороздили ее, и так как озеро было совершенно спокойно, то было любопытно следить, как каждая птица

оставляла узкую борозду на зеркальной поверхности его. Часто на лету ножеклювы с чрезвычайной быстротой делают повороты и своей выдающейся нижней челюстью проворно подхватывают маленькую рыбку, придерживая ее верхней и более короткой половиной клюва, который очень похож на ножницы. Я это видел много раз, пока они, подобно ласточкам, беспрестанно проносились мимо меня взад и вперед. Иногда, оставляя поверхность воды, они начинают лететь стремительным, неправильным и быстрым полетом и в это время испускают громкие, резкие крики. Когда эти птицы ловят рыбу, длинные перья их крыльев, очевидно, помогают им оставаться сухими и тем, конечно, доставляют очень важное преимущество. Когда они таким образом летают и ловят рыбу, то общий вид их напоминает тот типичный образ морских птиц, который так часто воспроизводят художники. Их хвост играет важную роль, направляя, как руль, их неправильный полет.

Ножеклювы встречаются часто далеко внутри страны по берегам Параны; говорят, что они остаются здесь в продолжение всего года и выводят птенцов в болотах. Днем они сидят стаями на зеленых равнинах неподалеку от воды. Во время упомянутой уже стоянки в одном из рукавов между островами Параны поздно вечером внезапно появился ножеклюв. Вода была совершенно спокойна и множество рыбок поднималось со дна. Птица довольно долго скользила по поверхности, летая по обыкновению неправильно и беспокойно взад и вперед по узкому протоку, совершенно почерневшему от приближающейся ночи и от тени навиеших над ним деревьев. В Монтевидео я заметил, что несколько больших стай ножеклювов сидело днем на грязевых отмелях у входа в гавань, точно так же как на зеленых равнинах близ Параны, а по вечерам они отправлялись в море. Из этих фактов я делаю заключение, что ножеклюв охотится больше по ночам, когда низшие животные вообще в большом количестве подымаются к поверхности. Г-н Лессон расказывает, что сам видел, как эти птицы открывают клювами раковины мактр[88], зарывшихся в песке на отмелях чилийского берега; но я не думаю, чтобы при слабом клюве, сильно выдающейся вперед нижней челюсти, коротких ногах и длинных крыльях ножеклювов эта привычка была распространена среди них очень широко.

В наше плавание вниз по Паране я видел еще только трех птиц, замечательных по своим нравам. Одна из них—маленький зимородок *(Ceryle Americana)*; хвост у него более длинный, чем у европейского вида, и потому он сидит не так прямо и натянуто, как наш. Полет его не так прям и быстр, как у нашего зимородка, летающего, как стрела, но скорее мягкий и волнистый, как у птиц с мягкими клювами. Он издает какой-то глухой звук, похожий на стук, производимый при ударе двух камешков друг о друга. Маленький зеленый попугай с серой грудью *(Conurus murinus)* гнездится, кажется, всего охотнее на высоких деревьях по островам. Гнезда поставлены так тесно друг подле друга, что составляют как бы одну сплошную массу прутиков. Эти попугаи всегда живут обществами и производят большие опустошения на хлебных полях. Мне говорили, что близ Колонии в течение одного года их убили до 2 500 штук. Другая птица, с вилообразным хвостом, оканчивающимся двумя длинными перьями

(*Tyrannus savana*), называемая испанцами ножехвостом, очень обыкновенна около Буэнос Айреса; она большей частью сидит на ветке омбу, около жилья, совершает оттуда самые коротенькие перелеты, охотясь за насекомыми, и снова возвращается на прежнее место. На лету она представляет некоторое карикатурное сходство с ласточкой, делает в воздухе очень быстрые повороты и при этом раскрывает и закрывает свой хвост то в горизонтальном, то в боковом, то даже в вертикальном направлении, совершенно как ножницы.

16 октября.—В нескольких лье ниже Росарио западный берег Параны окаймлен отвесными скалами, которые тянутся на большое расстояние, кончаясь за Сан Николасом. Поэтому берега Параны похожи здесь скорее на морское побережье, чем на речное. Общему виду Параны в значительной степени вредит то обстоятельство, что вследствие мягкой структуры ее берегов вода в реке мутна. Уругвай, текущий по гранитному ложу, несравненно чище; в том месте, где обе эти реки сливаются, т. е. при начале Ла Платы, можно на довольно большом расстоянии различить их воды по красному и черному цвету. Вечером подул не совсем благоприятный ветер, и мы, по обыкновению, сейчас же стали на якорь; на следующий день поднялся довольно сильный, хотя и попутный ветер, но капитан по лености не намеревался плыть дальше. В Бахаде мне говорили, что человек этот очень неудачливый, «hombre muy aflicto», и надо сознаться, что он с удивительным терпением относился ко всяким задержкам в пути. Это был старый испанец, уже давно поселившийся в этой стране. Он говорил, что очень любит англичан, но в то же время непреклонно утверждал, что в битве при Трафальгаре победа только потому досталась англичанам, что испанские офицеры были все подкуплены и что единственный молодецкий поступок в этом деле совершен был также испанским адмиралом. Какая поразительная и характерная черта: этому человеку легче было допустить, что его соотечественники поступили, как отъявленные изменники, нежели усомниться в их искусстве или храбрости!

18 и *19 октября.*—Мы медленно продолжали спускаться по величественной реке; течение почти совсем не помогало нам. Навстречу попадалось очень мало судов. Здесь добровольно отвергают один из лучших даров природы—реку, по которой свободно могут ходить корабли; этот превосходный путь соединяет здесь, как нарочно, страну умеренную, богатую одними продуктами и поразительно бедную другими, с другой страной, которая обладает тропическим климатом и имеет почву, едва ли не самую плодородную в мире, если верить отзывам г. Бонплана, одного из лучших судей в этом деле. Как изменился бы вид этой реки, если бы счастливая звезда привела английских колонистов первыми на Ла Плату! Какие великолепные города стояли бы теперь по ее берегам! Пока будет жив Франсиа, диктатор Парагвая, между этими странами будет так же мало общего, как если бы они лежали в противоположных полушариях. А когда этот старый, кровожадный тиран отправится на тот свет, Парагвай начнет переживать ряд революций, тем более неистовых, что страна так долго пребывает в неестественном покое. Тогда-то эта область, подобно всем остальным южноамериканским государствам, должна будет убедиться, что республика не может

преуспевать до тех пор, пока не разовьется в ней достаточного числа людей, глубоко проникнутых чувством чести и справедливости.

20 октября.—Достигнув устья Параны, я высадился на берег в Лас Кончас с тем, чтобы отсюда ехать верхом в Буэнос Айрес, куда мне хотелось поскорее попасть. Выйдя на берег, я с величайшим удивлением узнал, что нахожусь до некоторой степени в плену. В мое отсутствие здесь успела вспыхнуть революция и во всех портах было объявлено эмбарго. Возвратиться на судно не было возможности, а о том, чтобы ехать сухим путем, не могло быть и речи. После долгого совещания с начальником этого пункта я получил позволение отправиться на следующий день к генералу Ролору, командовавшему войсками инсургентов по эту сторону столицы. Утром я поехал верхом в лагерь. Генерал, офицеры и солдаты казались, да, я думаю, и были на самом деле, большими негодяями. Этот самый генерал, накануне того дня, как оставил город, добровольно приходил к губернатору и, приложив руку к сердцу, честью заверял, что до конца останется ему верен. Он сказал мне, что город в строгом осадном положении, и сам он ничего не может для меня сделать, как только дать мне паспорт на проезд к главному начальнику инсургентов в Кильмесе. Предстояло сделать порядочный крюк, чтобы объехать город; лошадей мы достали с величайшим трудом. В лагере меня приняли чрезвычайно вежливо, но вместе с тем сказали, что не могут позволить мне въехать в город. Это меня очень встревожило; я боялся, что «Бигль» уйдет из устья Ла Платы раньше, чем это случилось на самом деле. Но когда я в разговоре случайно упомянул о любезности, с которой генерал Росас беседовал со мною у Рио Колорадо, то дела мои в одно мгновение ока приняли иной оборот. Мне сказали, что хотя не могут дать мне паспорта, но если я соглашусь расстаться с проводником и лошадьми, то меня немедленно пропустят через цепь. Я, конечно, и этому обрадовался, и мне дали в спутники офицера, который должен был распорядиться, чтобы меня не задержали на мосту. По дороге, на расстоянии целого лье, не было ни души. Потом я встретил отряд солдат, которые удовольствовались тем, что с важностью осмотрели мой старый паспорт, и, наконец, к великому моему удовольствию, я очутился в городе.

Эта революция едва ли была вызвана серьезными мотивами, но в государстве, где в течение девяти месяцев (от февраля до октября 1820 г.) перебывало пятнадцать правителей, несмотря на то, что согласно конституции каждый правитель избирается на три года,—было бы в высшей степени безрассудным требовать серьезных мотивов. Так, в эту революцию человек семьдесят приверженцев генерала Росаса, недовольных тогдашним губернатором Балькарсе, оставили город, и, провозглашая имя генерала Росаса, вся страна взялась за оружие. Город со всех сторон окружили, не пропуская в него съестных припасов, скота и лошадей. Кроме того, под городом происходили ежедневно маленькие стычки, причем обыкновенно убивали несколько человек. Блокирующие очень хорошо знали, что если подвоз съестных припасов в город прекратится, то победа на их стороне. Генерал Росас не мог знать об этом восстании, но, повидимому, оно совершенно согласовалось с планами его партии. Год тому назад его выбрали губернатором, но он отказался принять

этот титул, пока палата не предоставит ему неограниченной власти. На это требование палата не согласилась, и с тех пор партия его старается доказать, что никакой другой губернатор не удержится на месте. Военные действия с обеих сторон намеренно затягивались до тех пор, пока придет какое-нибудь известие от Росаса. Через несколько дней после моего отъезда из Буэнос Айреса пришло известие, что генерал хотя и недоволен нарушением порядка, но полагает, что инсургенты правы. Получив такое заявление, губернатор, министры и часть войска, числом до нескольких сот человек, бежали из города. Тогда инсургенты вошли в него, избрали нового губернатора и за заслуги отечеству роздали награды 5 500 человекам. Из всего этого ясно, что рано или поздно Росас сделается диктатором: в этой стране, как и в других республиках, народ имеет особенное отвращение к титулу короля. Оставив Южную Америку, мы слышали, что Росас был избран с такими правами и на такой срок, которые явно противоречили конституционным основам республики.

ГЛАВА VIII

БАНДА ОРИЕНТАЛЬ И ПАТАГОНИЯ

Поездка в Колониа дель Сакрамиенто.—Оценка одной фермы.—Способ подсчета домашнего скота.—Замечательная порода быков.—Продырявленные голыши.—Овчарки.—Выездка лошадей.—Гаучосы как наездники.—Нравы жителей.—Рио Плата.—Скопление бабочек.—Пауки-воздухоплаватели.—Фосфоресценция моря.—Порт Дезире.—Гуанако.—Порт Сан Хулиан.—Геология Патагонии.—Ископаемые остатки гигантского животного.—Постоянство типов организации.—Изменения в фауне Америки.—Причины вымирания.

Меня задержали в городе почти на две недели, и я был донельзя рад вырваться из него на почтовом корабле, шедшем в Монтевидео. Жить в осажденном городе вообще неприятно; здесь же к этому присоединялись постоянные опасения разбойников внутри города. Часовые занимали в этом отношении первое место; имея оружие в руках и пользуясь своим официальным положением, они грабят с таким сознанием своего права, которому другие, конечно, подражать не могут.

Наш переезд был очень продолжителен и скучен. Ла Плата на карте имеет вид великолепного эстуария, но на деле она совсем непривлекательна. В этом обширном пространстве грязной воды нет ничего величественного и красивого. Один раз в продолжение дня можно было видеть с палубы оба берега реки, которые очень низменны. Приехав в Монтевидео, я узнал, что «Бигль» останется еще несколько времени в гавани, и потому тотчас собрался совершить еще маленькую поездку по этой части Банда Ориенталь. Все, что я говорил о местности, окружающей Мальдонадо, вполне приложимо и к окрестностям Монтевидео; разница только в том, что здесь страна, за исключением Зеленой Горы высотой в 450 футов (от которой и вся местность получила свое название) [89], еще более плоска. Волнистых зеленых холмов встречается очень мало, но в окрестностях города есть несколько возвышений, покрытых агавами, кактусами и укропом.

14 ноября.—Мы выехали из Монтевидео после полудня. Я намеревался проехать в Колониа дель Сакрамиенто, лежащую на северном берегу Ла Платы, против Буэнос Айреса, а оттуда по Уругваю в местечко Мерседес на Рио Негро (одной из многочисленных южноамериканских рек, носящих это имя); из этого же места я хотел вернуться прямо в Монтевидео. Мы ночевали в доме моего проводника в Канелонесе. Утром поднялись очень рано, чтобы проехать по-

больше, но ожидания наши не сбылись, потому что все реки были в разливе. Пришлось переправляться на лодках через реки Канелонес, Санта Лусия и Сан Хосе, что заставило нас потерять не мало времени. В прежнюю поездку мне пришлось переезжать через Лусию около ее устья, и я удивлялся тогда, с какой легкостью переплыли эту реку, шириной, по крайней мере, в шестьсот ярдов, наши лошади, вовсе не приученные к плаванию. Когда я рассказывал об этом в Монтевидео, мне сказали, что раз на Ла Плате затонуло судно, на котором ехала труппа акробатов с лошадьми, и что одна из лошадей проплыла семь миль до берега. В этот день я с удовольствием наблюдал, как ловко один гаучо заставлял плыть по реке свою упрямую лошадь. Он разделся, вскочил ей на спину и ехал, пока она доставала дно ногами. Затем, соскочив с лошади, гаучо схватил ее за хвост и каждый раз, как она хотела повернуть назад, брызгал ей в морду водой, заставляя итти вперед. Едва только лошадь успела коснуться ногами дна на другой стороне, как гаучо уже твердо сидел на ней, держа узду в руках, и таким образом выехал на берег. Нагой человек на неоседланной лошади—эффектное зрелище; я не представлял себе раньше, насколько эти два животных гармонируют друг с другом. Хвост лошади оказывается иногда очень полезным придатком: один раз я переезжал через реку в лодке с четырьмя товарищами, и нашу лодку тащила лошадь именно хвостом, как того гаучо. Если человеку с лошадью приходится переплывать широкую реку, то ему лучше всего схватиться одной рукой за седельную луку или за гриву, а другой грести.

На следующий день мы остановились и ночевали на станции Куфре. Вечером туда приехал почтальон. Он опоздал на целый день вследствие разлива Рио Росарио. Это замедление не имело, однако, большого значения, потому что хотя он и проехал через несколько главных городов в Банда Ориенталь, но в его сумке находилось только два письма! Вид из дома был очарователен: волнистая зеленая поверхность с далеким отблеском Ла Платы. Замечаю, что на этот раз эта провинция представляется мне в совершенно другом свете, чем в первый приезд. Помню, что тогда она мне казалась чрезвычайно плоской; теперь же, проехавшись по пампасам, я даже удивляюсь, как могла мне притти мысль назвать ее плоской. Местность представляет собой ряды холмов, и хотя холмы сами по себе невысоки, но в сравнении с равнинами Санта Фе представляются настоящими горами. Вследствие неровностей почвы здесь множество маленьких ручьев, и луга покрыты роскошной зеленью.

17 ноября.—Мы переехали Росарио, глубокую и быструю реку, и через деревню Колла добрались в полдень до Колониа дель Сакраменто. Мы сделали двадцать лье по местности, покрытой прекрасной травой, но очень бедной жителями и скотом. Меня пригласили ночевать в Колонии и ехать на следующий день к одному владельцу фермы, где было несколько известковых скал. Город построен на каменистом мысе, почти как Монтевидео. Он хорошо укреплен, но в бразильскую войну [90] сильно пострадали и укрепления и город. Неправильность улиц этого старинного города и окружающие его рощи старых апельсинных и персиковых деревьев придают ему много прелести. Церковь представляет любопытную развалину; она слу-

жила пороховым магазином, и на нее упала молния в одну из тех частых и страшных гроз, которые разражаются над Ла Платой. Две трети зданий разлетелись тогда в прах, а остальные представляют любопытный памятник соединения разрушительных сил молнии и пороха. Вечером я гулял по полуразрушенным стенам города. Колониа была главным пунктом военных действий во время бразильской войны—войны, которая была гибельна для страны не столько по своим непосредственным результатам, сколько по тому, что породила тьму генералов и других офицерских чинов. В Соединенных провинциях Ла Платы насчитывается (но не состоит на жаловании) больше генералов, чем в Соединенном королевстве Великобритании. Эти джентльмены выучились властвовать и никогда не прочь повоевать. Поэтому среди них всегда много господ, только и ожидающих момента, чтобы вызвать волнение и столкнуть правительство, которое никак не может утвердиться прочно. Однако, как здесь, так и в других местах, я замечал, что все сильно интересуются выбором президента, а это уже хороший знак для будущего благосостояния этого маленького государства. От представителей здесь никто не требует большого образования; я слышал, как несколько человек рассуждали здесь о качествах своих представителей: при этом говорилось, что «хотя это люди и не очень деловые, но каждый из них умеет подписать свое имя». Им казалось, что этим должен довольствоваться всякий рассудительный человек.

18 ноября.—Я отправился с моим хозяином в его имение в Аройо де Сан Хуан. Вечером мы на лошадях объехали ферму кругом: она тянулась на два с половиной квадратных лье и лежала в местности, которую здесь называют rincon[91], т. е. с одной стороны она была прикрыта Ла Платой, а с двух других протекали ручьи, через которые нельзя было проехать. Тут была прекрасная гавань для небольших судов и много мелкого леса, имевшего немаловажное значение в снабжении Буэнос Айреса топливом. Мне очень хотелось знать цену такой отличной фермы. Здесь было 3 000 голов рогатого скота, но могло прокормиться втрое или вчетверо больше, лошадей было 800, в том числе 150 выезженных, и 600 овец. Вода и известняк находились в изобилии, дом был прочно выстроен, имелись превосходные коррали и персиковый сад. За все это хозяину предлагали 2 000 ливров[92], но ему хотелось взять 2 500, хотя он, вероятно, уступил бы и дешевле. Главные хлопоты хозяйства на ферме заключаются в том, чтобы два раза в неделю загонять скот в одно место, приручать его и пересчитывать. Легко представить себе, что это довольно сложная операция при десяти или пятнадцати тысячах голов скота. При этом пользуются, главным образом, привычкой рогатого скота собираться небольшими стадами от сорока до сотни голов. Каждый такой табун распознается по особо отмеченному животному, и таким образом получается сумма всех голов. Если из десяти тысяч потеряется несколько голов, то это сейчас заметно по отсутствию одного из табунов («tropilla»). В бурную ночь весь скот обыкновенно перемешивается, но по утрам опять разделяется на те же неизменные «тропижи». Следовательно, животные отличают своих товарищей между десятью тысячами голов.

В этой провинции я два раза видел быков очень странной породы,

называемых ньята (ñata или niata). Судя по наружности, они занимают относительно прочего рогатого скота то же место, как наши мопсы или бульдоги относительно других собак. Лоб у них низкий и широкий, конец носа приподнят несколько кверху, а верхняя губа сильно отогнута назад; нижняя челюсть выдается вперед, выступая за пределы верхней, так что зубы всегда видны. Ноздри расположены высоко и очень открыты; глаза навыкате. На ходу они опускают голову, сидящую на короткой шее. Задние ноги длиннее передних в большей мере, чем у обыкновенных быков. Эти обнаженные зубы, укороченные головы и открытые ноздри придают им очень смешное, самоуверенное и донельзя надменное выражение.

После моего возвращения я, благодаря любезности моего друга капитана Селивана, добыл череп одного из этих быков и передал его в Хирургическую коллегию *. Дон Ф. Мунис из Луксана любезно собрал для меня все сведения, касающиеся этой породы. На основании его данных можно, пожалуй, думать, что лет восемьдесят-девяносто назад этих быков было здесь очень мало и их держали в Буэнос Айресе, как редкость. По мнению всех, эта порода получена от индейцев, живущих на юг от Ла Платы, где она является самой обычной. Те быки, которые разведены в провинциях, близких к Ла Плате, до сих пор не сделались совершенно ручными. Дикостью своей они значительно превосходят обыкновенный рогатый скот, а корова покидает своего первого теленка, если ее беспокоят или слишком часто ходят к ней. Любопытно, что почти такое же уклонение от нормального строения **, какое мы видим в породе ньята, представляет, как сообщил мне доктор Фальконер, и сиватерий— вымерший вид огромного жвачного Индии. Порода очень *постоянна*; бык и корова ньята непременно производят совершенно подобного себе теленка. Наоборот, бык ньята с обыкновенной коровой, или обратное скрещивание обыкновенного быка с коровой ньята, дают среднюю породу, но с более резко выраженными признаками ньята; по мнению сеньора Муниса, это, в противоположность утвердившемуся среди агрономов представлению относительно аналогичных случаев, является самым очевидным доказательством против того, будто корова ньята и обыкновенный бык производят помесь с более резко выраженным характером ньята, чем помесь быка этой породы с обыкновенной коровой. Когда трава довольно высока, скот этой породы, точно так же, как и обыкновенный, захватывает пищу языком и небом; но во время засухи, когда погибает столько животных, порода ньята терпит больше других и могла бы погибнуть, если бы на нее не обращали особенного внимания. Обыкновенный скот и лошади могут кое-как кормиться, обрывая губами ветки деревьев и тростник, но ньяты не могут этого делать, так как их губы не сходятся, и поэтому погибают раньше других. Меня поражает этот факт, как наглядный пример того, до какой степени мы не умеем судить по обыденным случаям о тех обстоятельствах, которые лишь на про-

* М-р Уотергауз составил подробное описание этого черепа, которое, надеюсь, будет напечатано в каком-нибудь журнале.

** Такое же уклонение в строении, но только не знаю, наследственное или нет, было замечено у карпа и у крокодила из Ганга; см. Isid. Geoffroy St. Hilaire, Histoire des anomalies, tome I, p. 244.

тяжении долгого времени обусловливают малочисленность или исчезновение вида[93].

19 ноября.—Проехав через долину Лас Вакас, мы ночевали в доме одного североамериканца, который обжигал известь на Арройо де Лас Виворас. Утром мы отправились на длинный речной мыс, называемый Пунта Горда. По дороге старались отыскать ягуара. Было много свежих следов, и мы ходили смотреть на деревья, где они, как говорят, точат когти, но нам не удалось спугнуть зверя. С этого места Уругвай развертывается перед нами величественной рекой. Прозрачность воды и быстрота течения делают ее гораздо красивее соседки—Параны. С противоположного берега несколько рукавов Параны впадает в Уругвай, и при солнечном свете можно было ясно различать цвет воды одной реки от цвета другой.

Вечером мы снова пустились в путь в направлении к Мерседесу на Рио Негро. С наступлением ночи подъехали к какой-то ферме и попросили ночлега. Это была большая ферма в десять квадратных лье, а владелец ее один из самых богатых в стране. Имением управлял его племянник, а в гостях у него был в то время капитан армии, бежавший за день перед тем из Буэнос Айреса. Разговор их, принимая в соображение их положение в свете, был довольно забавен. Они также выразили крайнее удивление, услыхав, что земля кругла, и почти не хотели верить, что если бы можно было прорыть всю землю насквозь, то скважина вышла бы на другой стороне земного шара. Они слыхали, однако же, про такую страну, где шесть месяцев в году бывает светло, а шесть месяцев темно, и где живут люди очень высокие и худые! Их очень занимало состояние и цены на лошадей и рогатый скот в Англии. Но узнав, что мы не ловим животных при помощи лассо, они воскликнули: «Ах, да, вы, значит, употребляете для этого одни бола!» Понятие о стране с огороженными полями было для них совершенно ново. Наконец, капитан сказал, что ему очень хочется задать мне один вопрос и что он будет очень благодарен, если я отвечу ему сущую правду. Я уж испугался, чтобы вопрос не оказался слишком ученым, но услыхал следующее: «Не правда ли,—спросил он,—красивее буэнос-айресских дам нет на свете?» Я с бессовестным ренегатством отвечал, что это совершенно справедливо. Тогда он прибавил, что у него заготовлен еще один вопрос: «Носят ли женщины какой-нибудь другой страны такие огромные гребни?» Я торжественно уверил его, что не носят. Это привело обоих в восторг. «Слышите,—закричал капитан,—человек, видевший полсвета, подтверждает это! Мы хотя всегда так думали, но теперь узнали наверное». Мое удивительно верное суждение о красоте и о гребнях обеспечило мне самый радушный прием; капитан уговорил меня даже воспользоваться на ночь его постелью, а сам лег на попоне своего рекадо.

21 ноября.—Мы поднялись с восходом солнца и тихо ехали в течение всего дня. Геологический характер этой части провинции отличается от остальной страны и очень напоминает пампасы. Этим объясняется наличие здесь необозримых зарослей чертополоха и кардона; можно было бы даже назвать всю местность сплошной зарослью этих растений. Оба вида росли отдельно, каждое растение в сообществе своих родичей. Кардон доходит до лошадиной

спины, но чертополох пампасов часто бывает выше головы всадника. Нельзя и думать о том, чтобы хотя на один ярд съехать с дороги: даже самая дорога иногда зарастает. Разумеется, здесь уже нет пастбищ. Если лошадь или рогатый скот как-нибудь попадет в эти заросли, то на время совершенно пропадает. Поэтому очень трудно пасти скот в это время года; если его загнать в такое место, откуда видны поля чертополоха, то животные бросаются туда и мигом исчезают. В этой местности очень мало ферм, и эти немногие лежат близ сырых долин, где, к счастью, не могут расти эти растения, от которых все глохнет. Ночь застигла нас прежде, чем мы добрались до цели нашего путешествия, и мы были принуждены ночевать в какой-то жалкой лачуге, где жили очень бедные люди. Чрезвычайная, хотя несколько церемонная любезность хозяина и хозяйки, при бедности их, очаровала меня.

22 ноября.—Приехали к ферме в Беркело, принадлежащей очень радушному англичанину, к которому я имел рекомендательное письмо от моего приятеля, м-ра Лёмба. Я провел здесь три дня. Однажды утром я поехал со своим хозяином к Сьерра дель Педро Флако, около двадцати миль вверх по Рио Негро. Почти вся местность была покрыта хорошей, хотя и грубой травой, доходившей лошадям до живота, и однако на пространстве многих квадратных лье мы совершенно не видели рогатого скота. Если бы провинция Банда Ориенталь была достаточно населена, то могла бы прокормить громадное количество животных; даже теперь годичный вывоз шкур из Монтевидео доходит до трехсот тысяч штук, а внутри страны их пропадает даром очень значительное количество. Один землевладелец говорил мне, что ему много раз приходилось посылать на дальнее расстояние большие партии скота на фабрику, где приготовляют солонину. Уставших животных часто приходилось убивать на дороге и обдирать с них шкуру, но невозможно было убедить гаучосов употреблять их мясо в пищу: они каждый день требовали на ужин свежее животное! Вид на Рио Негро с горы был живописнее всех, которые я видел в этой провинции. Широкая, глубокая и быстрая река вилась у подошвы крутого утеса; пояс леса следовал за ее изгибами, а горизонт кончался зыбью зеленой равнины.

В этих местах я несколько раз слышал о Сьерра де Лас Куэнтас—горе, лежащей на много миль к северу. Название ее значит гора бус. Меня уверяли, что на ней находят множество маленьких круглых камешков различных цветов, каждый с цилиндрическим отверстием. Прежде индейцы собирали их и делали ожерелья и браслеты—пристрастие, замечу мимоходом, общее как всем диким, так и самым цивилизованным народам. Я не знал, как понимать эти рассказы. Впоследствии я говорил об этом с доктором Эндрью Смитом на мысе Доброй Надежды, и он сообщил мне, что на юго-восточном берегу Африки, около ста миль к востоку от реки Сент Джон, он находил на взморье среди гравия кристаллы кварца, грани которых были притуплены трением. Каждый кристалл имел до пяти линий в диаметре и от одного до полутора дюйма в длину. Многие из них были продырявлены насквозь совершенно цилиндрическим каналом такой ширины, что можно было продеть в него толстую нитку или струну. Они были красного или мутнобелого цвета. Туземцам они

очень хорошо известны. Я упомянул об этом обстоятельстве ради того, чтобы будущий путешественник имел возможность определить точнее природу этих камней, так как в настоящее время неизвестно ни одного случая, когда бы кристаллическое тело принимало такую форму.

Во время моего пребывания на этой ферме меня очень забавляли местные пастушьи собаки и рассказы о них *. Когда едешь верхом, очень часто видишь, что целое стадо овец стерегут одна или две собаки на расстоянии нескольких миль от жилья. Я часто удивлялся, как могла установиться между этими животными такая тесная дружба. Способ дрессировки собак состоит в том, что их еще маленькими щенятами отнимают от матери и приучают к будущим товарищам. Щенку дают сосать три или четыре раза в день овцу и кроме того делают ему в овчарне род гнезда из овечьей шерсти. Ему никогда не дают играть ни с другими собаками, ни даже с хозяйскими детьми. Щенка, сверх того, обыкновенно кастрируют, так что, когда он вырастает, в нем, вероятно, не остается никакого стремления к своей породе. Собаке, воспитанной таким образом, конечно, не может прийти охота покинуть стадо и она будет защищать овец точно так же, как всякая другая собака защищает своего хозяина—человека. Забавно смотреть, как собака засуетится и залает, когда кто-нибудь подойдет к стаду; а овцы тогда сбиваются в кучу около собаки, как вокруг старого вожака-барана. Этих собак легко научить загонять стадо вечером в определенный час домой. В молодости они часто грешат желанием поиграть с овцами и, увлекаясь этой забавой, иногда беспощадно гоняют своих бедных подданных.

Овчарки приходят каждый день к дому за говядиной и, как только получат кусок, поспешно убегают, точно им совестно. В этих случаях домашние собаки к ним безжалостны, и самая маленькая дворняжка всегда нападает на пришельца и непременно кинется преследовать его. Зато, как только овчарка добежит до своего стада и, обернувшись, начнет лаять, преследователи со всех ног бросаются домой. Целая свора голодных диких собак едва ли (мне говорили даже, что этого никогда не бывает) решится напасть на стадо, охраняемое преданной овчаркой. Все это кажется мне любопытным примером податливости наклонностей у собаки; кроме того, как в диком, так и в прирученном состоянии собака питает чувство уважения или страха ко всем животным, соединяющимся в общества: только этим и можно объяснить, почему дикие собаки удаляются при виде одной овчарки, охраняющей целое стадо; вероятно, они как-нибудь смутно представляют себе, что в таком сообществе собака имеет столько же силы, как среди целой стаи своих соплеменников. Ф. Кювье заметил, что все животные, легко приручающиеся, смотрят на человека как на члена своего собственного общества и таким образом реализуют свой инстинкт стадности. В случае, описанном выше, пастушья собака смотрит на овец как на своих собратьев, и это придает ей храбрости. С другой стороны, дикие собаки, хотя очень хорошо

* Г-н А. д'Орбиньи почти то же самое рассказывает об этих собаках. Том I, стр. 175.

знают, что отдельная овца вовсе не собака и что ее даже очень приятно есть, но как будто соглашаются с этим взглядом овчарки, когда видят стадо овец во главе с овчаркой.

Раз вечером пришел «домидор» (укротитель лошадей), чтобы объезжать молодых лошадей. Опишу его приемы, потому что, как мне кажется, это не было еще описано другими путешественниками. Табун диких молодых лошадей загоняется в корраль, обширную бревенчатую ограду, и ворота запираются. Положим, что в этой ограде только один человек и ему нужно поймать и объездить лошадь, которая еще не знает ни седла, ни узды. Я, впрочем, думаю, что кроме гаучо никто такой штуки сделать не в состоянии. Он начинает с того, что выбирает взрослого жеребца, и в то время, как тот мечется в ограде, он бросает лассо так, чтобы опутать обе передние ноги. Лошадь мгновенно и тяжело падает, и, пока она бьется на земле, гаучо, затянув лассо, обводит его вокруг одной из задних ног ее, непосредственно под щеткой, и притягивает эту ногу к передним. Таким образом у лошади связываются вместе три ноги. Тогда гаучо садится ей на шею и надевает крепкую узду без удил на нижнюю челюсть; это делается таким образом: через кольца на концах поводьев продевается тонкий ремень, и им обматывают несколько раз нижнюю челюсть вместе с языком. Затем передние ноги крепко стягиваются ремнем, завязанным в петлю; лассо, связывавшее три ноги, снимается, и лошадь может подняться, хотя с трудом. Теперь гаучо, крепко держа узду, привязанную к нижней челюсти, выводит лошадь из корраля. Если при этом находится другой человек (в противном случае хлопот гораздо больше), то один держит голову животного, другой надевает попону, седло и затягивает подпругу. Во время этой операции лошадь от страха и удивления, что ее стягивают поперек тела, то и дело бросается на землю, и ее бьют, чтобы заставить встать. Под конец, когда процесс оседлывания кончен, бедное животное покрыто пеной и пóтом и еле дышит от страха. Прежде чем сесть в седло, гаучо крепко тянет стремя книзу, чтобы лошадь не потеряла равновесия, потом, забрасывая ногу на спину животного, распускает узел ремня, стягивающего передние ноги, и освобождает таким образом лошадь. Некоторые «домидоры» распускают петлю, пока животное еще лежит на земле, и, став над седлом, дают коню подняться на ноги под собой. Лошадь вне себя от ужаса делает несколько отчаянных прыжков и пускается скакать во весь опор. Совершенно измучив ее, гаучо приводит лошадь назад к корралю и, еле живую, тяжело дышащую, отпускает на волю. Всего больше хлопот бывает с теми лошадьми, которые не хотят скакать, но упорно катаются по земле. Весь этот процесс ужасно труден и утомителен, но зато в два-три приема лошадь укрощена. Однако, не раньше нескольких недель можно надеть на нее узду с железными удилами, потому что лошади нужно еще привыкнуть узнавать волю седока по движению повода, без чего самые крепкие удила ни к чему не послужат.

В этой стране так много лошадей, что сострадательное обращение с ними и собственная выгода связаны между собой не очень тесно; поэтому-то, я думаю, здесь даже и понятия не имеют о сострадании. Раз мне случилось ехать в пампасах с одним очень почтенным фер-

мером; моя лошадь устала и начала отставать. Спутник постоянно кричал мне, чтобы я шпорил ее. Когда я ему заметил, что жалко шпорить, потому что лошадь в самом деле измучена, он отвечал: «О, нет, ничего, пришпорьте: ведь это *моя* лошадь». Нелегко мне было втолковать ему, что я не в его интересах, а просто из жалости к самой лошади не употребляю шпор. Когда же, наконец, он понял, в чем дело, то с величайшим изумлением проговорил: «Ah, Don Carlos, que cosa!» («Ах, дон Карлос, какие пустяки!»). Ясно, что ему такая мысль никогда в голову не приходила.

Гаучосы известны за самых искусных наездников. Что бы ни делала лошадь, они и не думают, чтобы можно было свалиться с нее. Хорошим ездоком считается у них тот, кто может объездить неукрощенного жеребца, умеет на скаку спрыгнуть на ноги, когда лошадь его падает, и кто вообще способен на разные другие подвиги. Я слышал об одном человеке, который на пари брался двадцать раз сряду повалить свою лошадь на скаку и из них девятнадцать раз стать на ноги. Я сам видел, как один гаучо расправлялся с чрезвычайно упрямой лошадью: она три раза подряд так страшно становилась на дыбы, что каждый раз опрокидывалась на спину. Ездок с удивительным хладнокровием выбирал момент, когда нужно было соскочить, и действительно соскакивал ни одной секундой раньше или позже, чем нужно. Как только лошадь снова становилась на ноги, он уже сидел у нее на спине и, наконец, ускакал. Повидимому, гаучосы совсем не употребляют в дело своих мышц. Я однажды скакал с хорошим ездоком в галоп и думал про себя, глядя на его небрежную посадку, что, прыгни теперь его лошадь в сторону, он непременно слетит. Как нарочно, в эту минуту выскочил из гнезда, как раз под ногами его лошади, страус; молодая лошадь, как олень, бросилась в сторону; что же касается седока, то можно только сказать, что он разделил и испуг и движение своей лошади.

В Чили и Перу гораздо больше, чем в Ла Плате, занимаются при выездке лошадей приучением их к удилам, и это, очевидно, находится в связи с более сложными местными условиями. В Чили лошадь считается не вполне выезженной, пока ее нельзя остановить на всем скаку на любом месте, например, на плаще, брошенном для этого на землю; или же в то время, как она становится на дыбы, чтобы перескочить через стену, ее заставляют повертываться так близко от стены, что она задевает ее копытами. Я видел горячую лошадь, которой управляли только большим и указательным пальцами; ее заставили проскакать во всю мочь через двор и потом кружиться около столба веранды, но на таком ровном от него расстоянии, чтобы седок мог все время касаться этого столба пальцем вытянутой руки. Покружившись в одну сторону, лошадь сделала в воздухе полуоборот и стала кружиться с удивительной быстротой в противоположном направлении.

Такая лошадь считается хорошо выезженной, и хотя все это может показаться бесполезным, но на деле выходит иначе. Всеми этими качествами ежедневно приходится пользоваться, но только тут они доведены до совершенства. Когда бык пойман при помощи лассо, то он часто быстро бежит по кругу и тянет лошадь за собой; если последняя не выезжена хорошо, то может испугаться и не станет

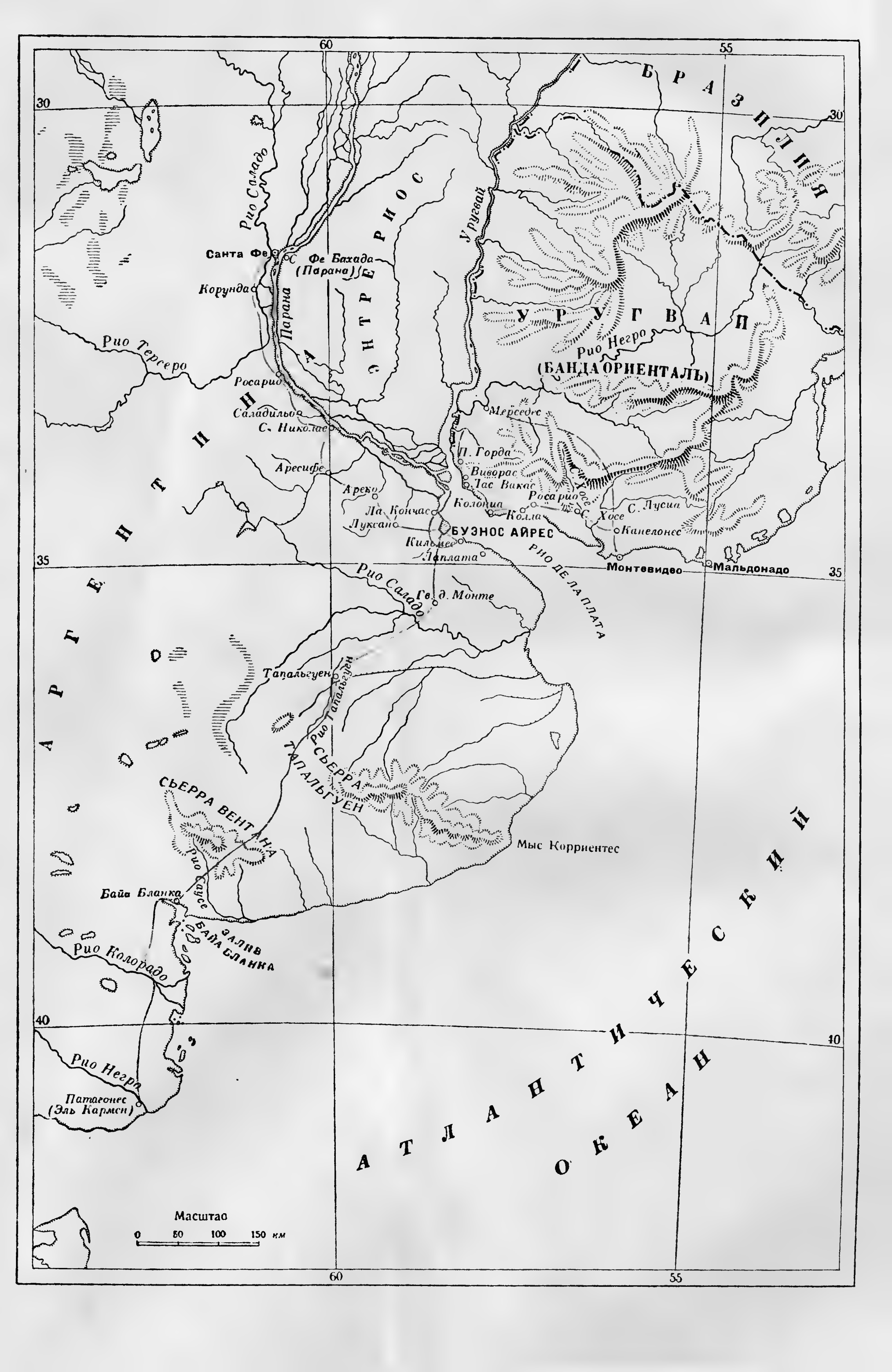
вертеться за ним, как колесная ось, а от таких случаев погибло уже много людей. В самом деле, если лассо захлестнется вокруг тела наездника, то, вследствие быстрого движения обоих животных в противоположные стороны, ремень может перерезать человека пополам. На таких же условиях основаны и здешние ристалища; длина бега не длиннее двух или трех сот ярдов, но зато от лошадей требуется ужасная быстрота. Беговые лошади приучены к тому, чтобы не только останавливаться на заранее обозначенной черте, но ставить при этом все четыре ноги вместе так, чтобы при следующем же прыжке задние ноги могли вполне действовать. В Чили мне рассказали анекдот, который, я думаю, соответствует истине и ясно доказывает пользу хорошо выезженной лошади. Один почтенный господин ехал верхом и встретил двух всадников, из которых один ехал на лошади, украденной у него. Он потребовал свою лошадь, а те в ответ вынули сабли и погнались за ним. Хозяин украденной лошади скакал на своем быстром коне впереди противников; подъехав к густому кусту, он начал кружиться вокруг него и вдруг остановился, как вкопанный. Преследователи проскакали мимо и опередили его. Тогда он бросился за ними, одного ударил ножом в спину, другого ранил, отнял лошадь у умирающего разбойника и вернулся домой. Для таких наезднических подвигов необходимы две вещи: сильные удила, вроде тех, которые употребляют мамелюки [94] и которые лошади хорошо знают, несмотря на то, что их редко употребляют в дело, и большие тупые шпоры, которыми можно пользоваться, только слегка касаясь ими лошади и в случае нужды причиняя ими очень сильную боль. Я думаю, что с английскими шпорами, которые колют кожу при самом легком прикосновении, выездить лошадь на южноамериканский лад было бы невозможно.

На одной ферме около Лас Вакас каждую неделю убивают множество кобыл для кож, хотя каждая кожа стоит не более пяти бумажных долларов или около полкроны [95]. На первый взгляд кажется странным убивать кобыл из-за таких пустяков; но так как здесь считают смешным ездить на кобылах и никогда даже не объезжают их, то они и служат только для размножения. Впрочем, их еще употребляют иногда, чтобы молотить пшеницу. Для этой цели их загоняют в круглый загороженный ток, на котором разложены снопы. Человек, который убивал кобыл, был знаменит своей способностью ловко закидывать лассо. Он бился об заклад, что, стоя на расстоянии двенадцати ярдов от ворот корраля, поймает без промаха за ноги каждое животное, которое пробежит мимо него. Был еще другой человек, бравшийся войти в корраль пешком, поймать кобылу, связать ей передние ноги, вывести вон, повалить, убить, содрать шкуру и растянуть ее для просушки (последняя работа берет много времени), и всю эту операцию он брался повторить на двадцати двух животных в течение дня или вместо того убить и содрать кожу с пятидесяти кобыл. Это была бы в самом деле феноменальная работа, потому что порядочной дневной работой считается снять и растянуть шкуры с пятнадцати или шестнадцати животных.

26 ноября.—На обратном пути я проехал по прямой линии в Монтевидео. Слыша рассказы о каких-то огромных костях, которые были найдены близ соседней фермы на речке Сарандис, впадающей в Рио

Карта Аргентины и Уругвая.

По данным карт, составленных офицерами «Бигля». Красная линия—маршрут сухопутных экскурсий Дарвина.



БРАЗИЛИЯ
УРУГВАЙ
(БАНДА ОРИЕНТАЛЬ)
АРГЕНТИНА
ЭНТРЕРИОС
Рио Саладо
Санта Фе
Фе Бахада (Парана)
Корунда
Парана
Уругвай
Рио Терсеро
Росарио
Саладильо
С. Николас
Аресифе
Арeко
Ла Кончас
Луксано
Мерседес
П. Горда
Виборас
Лас Вакас
Колониа
Колла
Росарио
С. Хосе
С. Лусиа
Канелонес
Рио Негро
БУЭНОС АЙРЕС
Кильмес
Лаплата
Монтевидео
Мальдонадо
РИО ДЕ ЛА ПЛАТА
Рио Саладо
Гв. д. Монте
Тапальгуен
Рио Тапальгуен
СЬЕРРА ТАПАЛЬГУЕН
СЬЕРРА ВЕНТАНА
Мыс Коррентес
Рио Сауce
Байа Бланка
ЗАЛИВ БАЙА БЛАНКА
Рио Колорадо
Рио Негро
Патагонес (Эль Кармен)
АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН
Масштаб
0 50 100 150 км
30
35
40
55
60

Негро, я поехал туда в сопровождении мистера Кина и купил за восемнадцать пенсов на наши деньги череп токсодона*. Череп был выкопан совершенно целым, но мальчики, играя, вышибли из него несколько зубов камнями и потом стали бросать ими в череп, как в цель. По счастливому случаю, я нашел потом хорошо сохранившийся зуб, совершенно подходивший к одной из луночек этого черепа, хотя зуб этот лежал одиноко в песке на берегу Рио Терсеро, на расстоянии почти 180 миль от реки Сарандис. Я нашел остатки этого необыкновенного животного еще в двух местах, так что некогда оно, вероятно, встречалось тут нередко. Здесь же я нашел несколько больших кусков панцыря гигантского животного, похожего на броненосца, и часть большого черепа милодона. Последние кости так свежи, что, по анализу мистера Рикса, содержат до семи процентов животных веществ; на спиртовой лампе они горят слабым пламенем. Число ископаемых остатков в мощных наносах эстуария, образующих пампу и покрывающих гранитные скалы в Банда Ориенталь, должно быть необыкновенно велико. Я думаю, что если провести прямую линию в каком бы то ни было направлении через пампу, то на протяжении ее наверное найдется целый скелет или кости. Кроме тех костей, которые мне удалось собрать во время моих коротких экскурсий, я слышал о многих других; здесь нередко слышишь такие названия местностей, как например «Звериная река», «Великанова гора», происхождение которых очевидно. При мне не раз рассказывали о чудесном свойстве некоторых рек превращать маленькие кости в большие, или о том, что некоторые кости сами растут. Сколько мне известно, ни одно из этих животных не погибло, как полагали прежде, в болотах или в илистом дне рек нашего времени; кости их лишь вымыты реками, пересекающими подводные отложения, в которых они были первоначально погребены. Можно думать, что вся поверхность пампасов представляет одно обширное кладбище этих исчезнувших гигантских четвероногих.

Около полудня 28 ноября мы приехали в Монтевидео, пробыв в дороге два с половиной дня. Путь лежал все время по однообразной местности, но в некоторых местах было больше скал и холмов, чем около Ла Платы. Недалеко от Монтевидео мы проехали через селение Лас Пиетрас, получившее свое название от нескольких больших округлых глыб сиенита. Селение имело довольно красивый вид. В этой стране можно назвать живописными несколько домов, окруженных фиговыми деревьями, и место, возвышающееся футов на сто над общим уровнем.

В течение последних шести месяцев я имел случай наблюдать характер жителей этих провинций. Гаучосы, или поселяне, стоят гораздо выше горожан. Гаучо всегда услужлив, вежлив и гостеприимен; мне не случалось встретить между ними ни одного примера грубости или негостеприимства. Они скромны как в отношении самих себя, так и в отношении своей страны, но в то же время это народ

* Я должен выразить мою признательность м-ру Кину, в доме которого я останавливался в Беркело, и мистеру Лёмбу в Буэнос Айресе, ибо без их содействия эти драгоценные остатки не достигли бы никогда Англии.

живой и молодцеватый. С другой стороны, здесь случается много разбоев и убийств; главной причиной последних нужно считать обычай всегда носить при себе нож. Грустно слышать, сколько людей погибает в самых пустых ссорах. В борьбе каждая сторона старается попасть противнику в лицо, поранить ему нос или глаз; следы таких подвигов можно видеть очень часто в виде глубоких и страшных рубцов на лицах. Разбои представляют необходимое следствие широкого распространения азартных игр, пьянства, а также непомерной лени. В Мерседесе я спрашивал двух человек, почему они не работают. Один отвечал совершенно серьезно, что дни слишком длинны, другой—что он слишком беден. Огромное число лошадей и изобилие пищи убивает всякую промышленность. Кроме того, праздников ужасно много, и притом никакое дело, по мнению жителей, не может иметь успеха, если оно не начато в то время, когда луна на прибыли; следовательно, уже по двум только последним причинам половина месяца должна пропадать даром.

Полиция и судьи совершенно бездействуют. Если бедный человек совершит убийство и будет пойман, то его непременно засадят в тюрьму, и, может быть, даже и расстреляют. Но если убийца богат или имеет друзей, то может быть уверен, что никаких дурных последствий для него не будет. Любопытно, что самые почтенные граждане всегда помогают убийце спастись от преследования; они, повидимому, думают, что человек, убивая, грешит против правительства, а не против общества. Единственной защитой путешественнику служит его огнестрельное оружие, постоянное ношение которого, должно быть, предупреждает более частые грабежи.

Высшие и более образованные классы, живущие в городах, отличаются, хотя и в меньшей степени, многими из хороших сторон гаучосов; но, как мне кажется, у них встречается много пороков, которые поселянам чужды. Разврат, кощунство и самая грубая продажность здесь далеко не редкость. Почти каждое официальное лицо можно подкупить. Начальник почтовой конторы продает фальшивую монету. Губернатор и первый министр общими силами грабят страну. Как только в дело замешались деньги, никто уже и не ждет правосудия. Я знал англичанина, который однажды пришел к председателю суда (он после говорил мне, что, не зная местных обычаев, сначала дрожал, входя в комнату) и сказал: «Сэр, я пришел предложить вам двести (бумажных) долларов (около 5 фунтов стерлингов), если вы в такой-то срок арестуете человека, который меня обманул. Я знаю, что это противозаконно, но мой адвокат (называет его) посоветовал мне поступить таким образом». Председатель суда благосклонно улыбнулся, поблагодарил, и к ночи человек был посажен в тюрьму. При таком-то полном отсутствии всяких правил у большинства лиц, управляющих страной, при огромном количестве плохо оплачиваемых беспокойных чиновников народ все еще надеется, что демократический образ правления может иметь успех.

При первом знакомстве с здешним обществом в глаза больше всего бросаются две-три особенности, в самом деле замечательные: вежливость и достоинство обращения, господствующие во всех классах, необыкновенный вкус в одежде женщин и равенство всех классов общества. На Рио Колорадо несколько человек, содержавших самые

бедные лавочки, обедали обыкновенно вместе с генералом Росасом. Сын майора в Байа Бланке зарабатывал себе хлеб приготовлением папирос, и он же предлагал мне ехать со мною в качестве проводника или слуги в Буэнос Айрес, но отец не пустил его единственно из страха опасности. Многие офицеры армии не умеют ни читать, ни писать, но в обществе все встречаются как равные. В Энтре Риос палата состояла только из шести представителей. Один из них содержал лавочку, и это, очевидно, никому не казалось унизительным для его звания. Все это так и должно быть в молодой стране; однако, отсутствие джентльменов по профессии как-то невольно поражает англичанина. Говоря об этих странах, нужно всегда помнить о том способе, каким они были порождены своим жестоким родителем—Испанией. В сущности, если все взвесить, то, может быть, придется больше хвалить испанцев за сделанное, чем порицать за упущенное. Нельзя сомневаться, что чрезвычайный либерализм этих стран приведет их когда-нибудь к хорошим результатам. Всеобщая веротерпимость, забота о средствах к воспитанию, свобода печати, радушие ко всем иностранцам, и, я должен прибавить, в особенности ко всем, имеющим хотя самую легкую претензию на ученость,—вот качества, которые должен вспоминать с благодарностью всякий, побывавший в испанской части Южной Америки.

6 декабря.—«Бигль» отплыл из Рио Платы, чтобы никогда больше не возвращаться в ее мутные воды. Мы направились в Порт Дезире к берегам Патагонии. Но прежде чем буду описывать эти места, я приведу здесь все наблюдения, сделанные мною в море.

Когда наш корабль находился в нескольких милях от устья Ла Платы, а также против берегов Северной Патагонии, нас несколько раз окружали рои насекомых. Раз вечером, в десяти милях от залива Сан Блас, несчетные рои дневных бабочек наполнили воздух на необозримое пространство. Даже с помощью зрительной трубы нельзя было рассмотреть, где конец этому скопищу. Матросы говорили, что «идет снег из бабочек», и действительно такой характер имело это явление. Тут было много различных видов, но бóльшая часть принадлежала к виду, очень похожему на английский вид *Colias edusa* [96], но не тождественному с ним. Несколько разноусых бабочек и перепончатокрылых насекомых сопровождали дневных бабочек; красивый жук (Calosoma [97]) сел на палубу. Известны и другие случаи, когда этот жук встречался далеко в море, и это тем более замечательно, что большинство Carabidae почти никогда не летает или, по крайней мере, очень редко. Погода в тот день и в предыдущий была ясная и тихая, так что нельзя предположить, чтобы ветер занес насекомых с берега, и приходится принять, что они сами прилетели. Огромные рои вида Colias напоминали с первого взгляда перелеты другой бабочки, *Vanessa cardui** [98], но присутствие других насекомых заставляет думать, что это явление другого порядка и даже делает его еще менее понятным. Перед заходом солнца с севера подул довольно сильный ветер, от

* Lyell, Principles of Geology, vol. III, p. 63.

которого, вероятно, погибли десятки тысяч бабочек и других насекомых.

В другой раз, на расстоянии семнадцати миль от мыса Корриентес, я спустил в море сетку для ловли пелагических животных. Поднимая ее из воды, я, к великому удивлению, нашел в ней большое количество жуков, и хотя они были в открытом море, но соленая вода, повидимому, не причинила им большого вреда. Некоторые экземпляры я потерял, но те, которые остались у меня, принадлежат к следующим родам: Colymbetes, Hydroporus, Hydrobius (два вида), Notaphus, Cynucus, Adimonia и Scarabaeus. Сначала я думал, что насекомые занесены ветром с берега, но, рассудив, что из восьми видов четыре принадлежат к водным, а два другие отчасти также могли быть причислены к ним по своим нравам, я пришел к заключению, что их занес в море маленький ручей, вытекающий из озера близ мыса Корриентес. Как бы то ни было, но видеть живых насекомых, плывущих в открытом море за семнадцать миль от берега, все-таки очень любопытно. Существует несколько сообщений о насекомых, занесенных ветром с берегов Патагонии. Это заметил и капитан Кук и еще в недавнее время капитан Кинг, плававший на корабле «Эдвенчер». Вероятно, причину этого явления нужно искать в полном отсутствии мест, защищенных деревьями или холмами, так что ветер с берега может занести летящее насекомое далеко в море. Самый любопытный из известных мне примеров нахождения насекомых далеко от берега случился на нашем корабле. Большой кузнечик (Acridium) прилетел на палубу «Бигля», когда острова Зеленого Мыса находились у нас с подветренной стороны, а ближайший берег, не прямо противоположный направлению пассата, был мыс Бланко на берегах Африки, на расстоянии 370 миль*.

Во время нашей стоянки в устьях Ла Платы снасти «Бигля» много раз покрывались паутиной обыкновенного паука, ткущего летающую в воздухе паутину [99]. Однажды (1 ноября 1832 г.) я внимательнее занялся этим явлением. Погода была тихая и ясная, утром носились в воздухе пряди волокнистой паутины, как в осенний день в Англии. Корабль был в шестидесяти милях от берега под легким, но постоянным ветром. На снасти насело множество паучков темнокрасного цвета, длиною почти в десятую часть дюйма. Мне казалось, что на корабле их несколько тысяч. Каждый из этих крошечных паучков, садясь на снасти, держался всегда на одном волокне, а не на клочьях паутины. Последние состояли, кажется, просто из перепутанных отдельных волокон. Все пауки были одного вида, но разных полов; тут были и молодые паучки, которых можно было распознать по меньшему объему и по более темному цвету. Не стану описывать этого паука, скажу только, что, по моему мнению, он не подходит ни под один из родов, установленных Лятрейлем. Маленькие воздухоплаватели, попав на корабль, обнаруживали большую деятельность: они бегали взад и вперед, иногда падая и опять поднимаясь по тому же волокну; некоторые занимались устройством маленькой, очень неправильной сети в углах между канатами. Они бегали очень

* Мухи, которые часто сопровождают корабль в течение нескольких дней переезда из гавани в гавань, удаляясь от корабля, скоро теряются и погибают.

свободно по поверхности воды. Потревоженный паук поднимал передние ноги и останавливался, как бы прислушиваясь. Когда они попали на корабль, всех их, казалось, томила сильная жажда, и они выдвинутыми челюстями жадно втягивали в себя капли воды. То же замечено было и Стрэком; не оттого ли это происходит, что насекомое летело через сухую и разреженную атмосферу? Запасы паутины были у них, кажется, неистощимы. Не раз случалось мне видеть, как некоторых из них, висевших на одной нити, вдруг малейшим дуновением ветра уносило далеко в горизонтальном направлении. В другом случае (25-го) и при подобных же обстоятельствах я наблюдал, как паучок, случайно попавший или сам всползший на возвышеньице, приподнял брюшко, выпустил волокно и затем с неимоверной быстротой унесся вдаль, попрежнему в горизонтальном направлении. Мне при этом казалось, что паук предварительно, во время своих сборов, связывает себе ноги чрезвычайно тонкими волокнами, но я не уверен в правильности этого наблюдения.

Однажды в Санта Фе мне представился более удобный случай для подобных наблюдений. Паук, который был длиной около $\frac{3}{10}$ дюйма и по своему внешнему виду походил на Citigrada[100] (следовательно, совершенно отличался от описанных выше пауков), держась на вершине шеста, пустил четыре или пять волокон из своих прядильных желез. Блистая на солнце, они казались расходящимися лучами света, но, впрочем, шли не прямо, а волнообразно, как шелковинки, колеблемые ветром. В длину они тянулись более чем на ярд и расходились в восходящем направлении от отверстий бородавок. Затем паук внезапно оставил занятый им шест и вскоре исчез из виду. День был жаркий и, видимо, совершенно тихий, но именно в жаркое время воздух никогда не может быть настолько спокойным, чтобы не привести в колебание такой нежный флюгер, как паутинное волокно. Восхождение теплого разреженного воздуха почти всегда заметно, если внимательно наблюдать за тенью от предметов, лежащих на ровном берегу, или если всматриваться в отдаленные предметы, возвышающиеся вдали на равнине. Направление восходящего потока воздуха обнаруживается также при пуске мыльных пузырей, которые в закрытой комнате не поднимаются. После этого, я думаю, нетрудно понять восхождение тонких волокон, выделяемых прядильными железами паука, равно как и поднятие самого паука; расхождение же волокон пытался объяснить, кажется, м-р Мэррей их одинаковым электрическим состоянием. То обстоятельство, что пауки одного вида, но разного пола и возраста были часто находимы на расстоянии нескольких лье от берега, прикрепленные в огромных количествах к нитям своей паутины, наводит на предположение, что передвижение по воздуху свойственно этой группе так же, как привычка нырять свойственна Argyroneta[101]. Мы можем поэтому отвергнуть мнение Латрейля, полагающего, что летучие волокна производятся молодью самых различных родов пауков, хотя, как мы видели, молодь и других пауков обладает способностью совершать воздушные путешествия *.

* В Researches in Zoology мистера Блэкуолла приведено много превосходных наблюдений над привычками пауков.

Во время наших переходов к югу от Ла Платы я часто буксировал за кормой сеть, сделанную из материи для флагов, и этим способом поймал много любопытных животных. Между ними было немало странных и еще не описанных родов Crustacea [102]. Один из них, близкий во многих отношениях к Notopoda (крабы, у которых задние ноги отодвинуты почти на спину, благодаря чему они могут цепляться ими за нижние поверхности камней), очень замечателен строением задней пары своих ножек. Предпоследний сустав их заканчивается не простым коготком, а тремя щетинистыми придатками различной длины, из которых самый длинный равняется целой ноге. Эти их конечности весьма тонки и снабжены чрезвычайно мелкими зубчиками, обращенными назад; их согнутые концы сплющены и усажены пятью очень маленькими чашечками, имеющими, кажется, такое же назначение, что и сосочки на щупальцах спрута. Так как животное держится в открытом море и, вероятно, нуждается в месте для отдыха, то, я полагаю, это замечательное и чрезвычайно оригинальное строение их конечностей служит для прикрепления к плавающим морским животным.

На большой глубине, далеко от берега, число живых существ крайне незначительно; к югу от 35° широты мне ничего не удавалось поймать, кроме нескольких Beroë [103] и некоторых видов мелких низших раков (Entomostraca). В более мелких местах, на расстоянии немногих миль от суши, встречаются во множестве разные породы ракообразных и других животных, но только по ночам. Между 56 и 57° широты к югу от мыса Горна сеть несколько раз закидывали у кормы, но в нее ни разу ничего не попадало, кроме немногих экземпляров двух чрезвычайно мелких видов Entomostraca. Эта часть океана, однако же, особенно изобилует китами, тюленями, буревестниками и альбатросами. Для меня всегда было непонятно, чем кормится альбатрос, живущий так далеко от берега; полагаю, что он, подобно кондору, способен к долгому голоданию и может разом насыщаться надолго, напав на гниющий труп какого-нибудь кита. Центральная и тропическая части Атлантического океана кишат множеством Pteropoda, Crustacea и Radiata и пожирающими их летучими рыбами, которые в свою очередь становятся добычею бонитов и альбикор [104]. Я полагаю, что многочисленные низшие пелагические животные питаются инфузориями, которые, как известно из исследований Эренберга, встречаются во множестве в открытом океане; но чем же, спрашивается, поддерживают свое существование инфузории в этой прозрачной синей воде? [105]

В одну очень темную ночь, когда мы находились несколько южнее Ла Платы, море представляло удивительное и прекрасное зрелище. Дул свежий ветерок, и вся поверхность моря, которая днем была покрыта пеной, теперь сияла бледным светом. Перед носом корабля вздымались две волны как бы из жидкого фосфора, а за ним тянулся млечный след. Кругом, насколько было видно, светился гребень каждой волны, а на горизонте небосклон, отражая блеск этих синеватых огней, не был так темен, как небо прямо над нами.

Чем далее мы подвигались к югу, тем реже встречалась нам эта фосфоресценция моря; начиная от мыса Горна, мне помнится, только один раз случилось видеть это явление, да и то свет был не очень

ярок. Это обстоятельство находится, вероятно, в тесной связи с малым количеством органических существ в этой части океана. После тщательного исследования Эренберга* о фосфоресценции моря почти излишне с моей стороны распространяться об этом предмете [106]. Прибавлю, впрочем, что те же разорванные и неправильные частицы студенистого вещества, которые описал Эренберг, составляют, кажется, в южном полушарии столь же обычную причину этого явления, как и в северном. Частицы эти были так мелки, что легко проходили сквозь тонкий газ, но многие можно было ясно различить невооруженным глазом. Вода, налитая в бокалы и взболтанная, искрилась, но небольшое количество ее в часовом стеклышке редко светилось. Эренберг утверждает, что все эти частицы сохраняют в некоторой степени раздражимость. Мои наблюдения, из коих некоторые сделаны были тотчас, лишь только вода была зачерпнута, привели к другому результату. Замечу также, что, дав сети немного просохнуть после ночного ее употребления и взявшись за нее снова через двенадцать часов, я нашел, что вся ее поверхность светилась так же ярко, как будто она была только что вынута из воды. Невероятным кажется в этом случае, чтобы частицы могли прожить так долго. Один раз я держал в воде медузу из рода Dianaea, и когда она там умерла, то вода, в которой она находилась, начала светиться. Когда волны мерцают яркозелеными искрами, то это, я думаю, зависит большей частью от присутствия мелких ракообразных. Но нет никакого сомнения, что множество других пелагических животных фосфоресцируют, пока они живы.

Два раза я замечал, что море светилось на значительной глубине от поверхности. Близ устья Ла Платы несколько круглых и овальных полос, от двух до четырех ярдов в диаметре, с ясными очертаниями сияли постоянным, но бледным светом, тогда как окружающая вода давала только немногие искры. Явление это походило на отражение месяца или другого светящегося тела, потому что края светящихся пятен извивались вследствие колебания поверхности. Судно, сидевшее в воде на тринадцать футов, проплыло, не затронув этих пятен; надо поэтому полагать, что какие-то животные скопились там на глубине, более значительной, чем подводная часть корабля.

Близ Фернандо Нороньи море выделяло свет брызгами, как будто большая рыба быстро двигалась в светящейся влаге. Матросы так и объясняли явление, но мне показалось это однако сомнительным, потому что брызги летели слишком быстро и слишком часто. Я уже заметил, что свечение моря чаще встречается в теплых, чем в холодных странах, и мне иногда казалось, что напряженное электрическое состояние атмосферы много ему способствует. Я, впрочем, считаю несомненным, что море светится преимущественно после нескольких дней особенно тихой погоды, в продолжение которых оно кишело разнообразными животными. Так как вода, наполненная студенистыми частицами, не совсем чиста, а явление свечения обыкновенно бывает следствием сотрясения жидкости при условии соприкосновения с воздухом, то я и склоняюсь к той мысли, что фосфоресценция моря происходит от разложения органических частиц и

* Извлечение из него помещено в № IV Magazine of Zoology and Botany.

что этим путем (можно, пожалуй, назвать это некоторым образом дыханием) океан очищается.

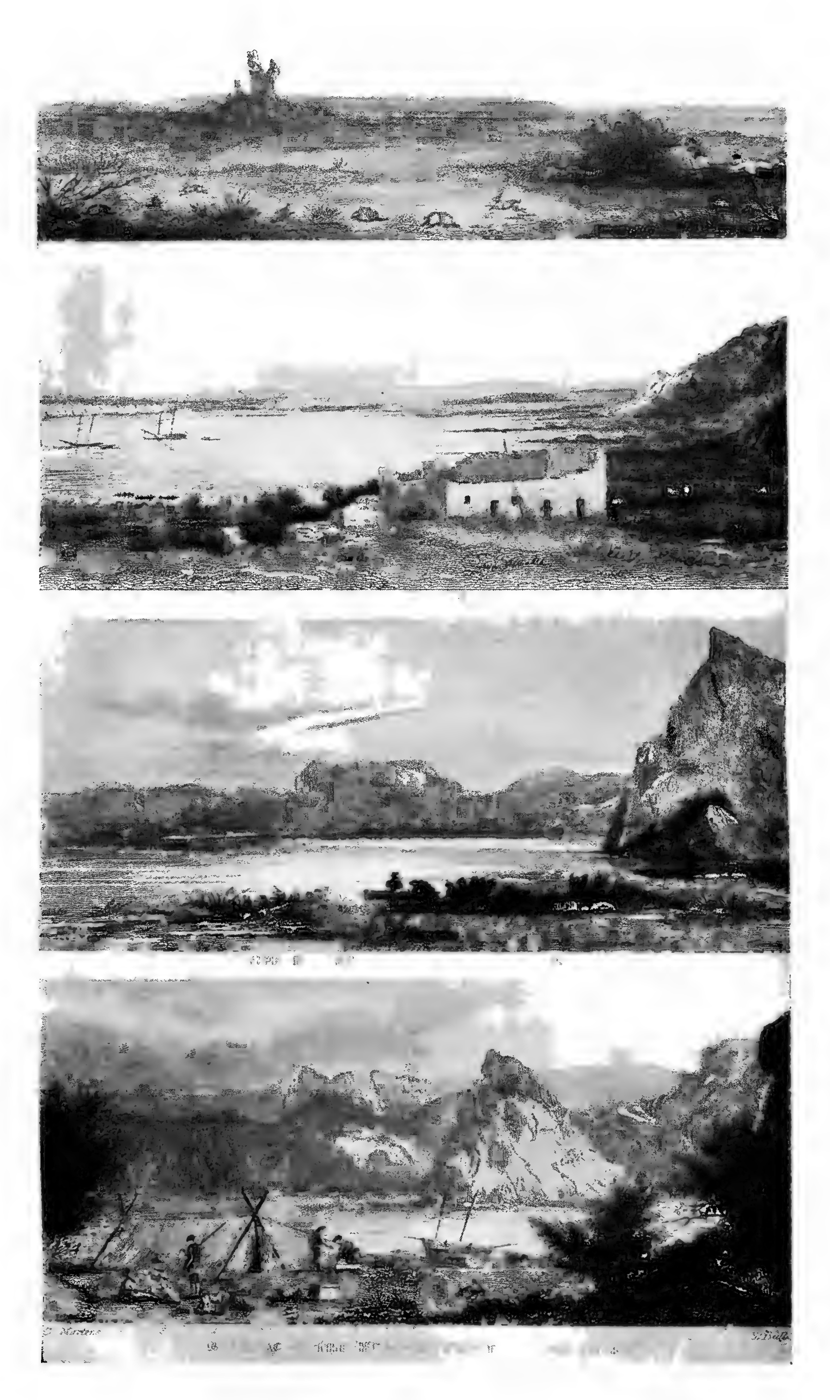
23 декабря.—Мы прибыли в Порт Дезире, лежащий под 47° широты, на берегу Патагонии. Залив простирается внутрь страны приблизительно на двадцать миль, неправильно расширяясь. «Бигль» стал на якоре в нескольких милях от входа, против развалин старого испанского поселения.

В тот же вечер я вышел на берег. Первая высадка в новой стране чрезвычайно интересна, особенно если, как в настоящем случае, на всем окружающем лежит свой особый, резко выраженный отпечаток. Над порфировыми массами, от двухсот до трехсот футов вышиной, простираются обширные равнины, преимущественно отличающие Патагонию. Поверхность совершенно ровна и покрыта хорошо округленной галькой вперемежку с беловатой землей. Местами попадаются разбросанные островки бурой и грубой травы и еще реже—низкие колючие кустарники. Погода суха и приятна, чистое голубое небо редко омрачается. Если стать среди одной из этих пустынных равнин и вглядеться в глубь страны, то глазу обыкновенно представляется скат другой равнины, несколько более возвышенной, но одинаково ровной и пустынной, и горизонт кругом неясен вследствие колебания воздуха, зависящего, очевидно, от лучеиспускания сильно нагретой земли.

В такой стране участь испанского поселения была скоро решена: сухость климата в течение бо́льшей части года, а по временам и враждебные нападения кочующих индейцев принудили колонистов бросить недостроенными жилища. Стиль, в котором они были начаты, обнаруживает мощь и великолепие старой Испании. Все попытки колонизовать часть Америки, лежащую к югу от 41°, кончались печально. Порт Фемин [Бухта Голода] уже одним своим названием указывает на долгие и ужасные мучения нескольких сотен страдальцев, из которых только один человек остался в живых и мог рассказать о несчастиях остальных. У бухты Св. Иосифа на берегу Патагонии была небольшая колония, но в одно воскресенье на нее напали индейцы и перебили все население, за исключением двух человек, живших в плену долгие годы. С одним из них, человеком уже очень старым, я беседовал, когда был на Рио Негро.

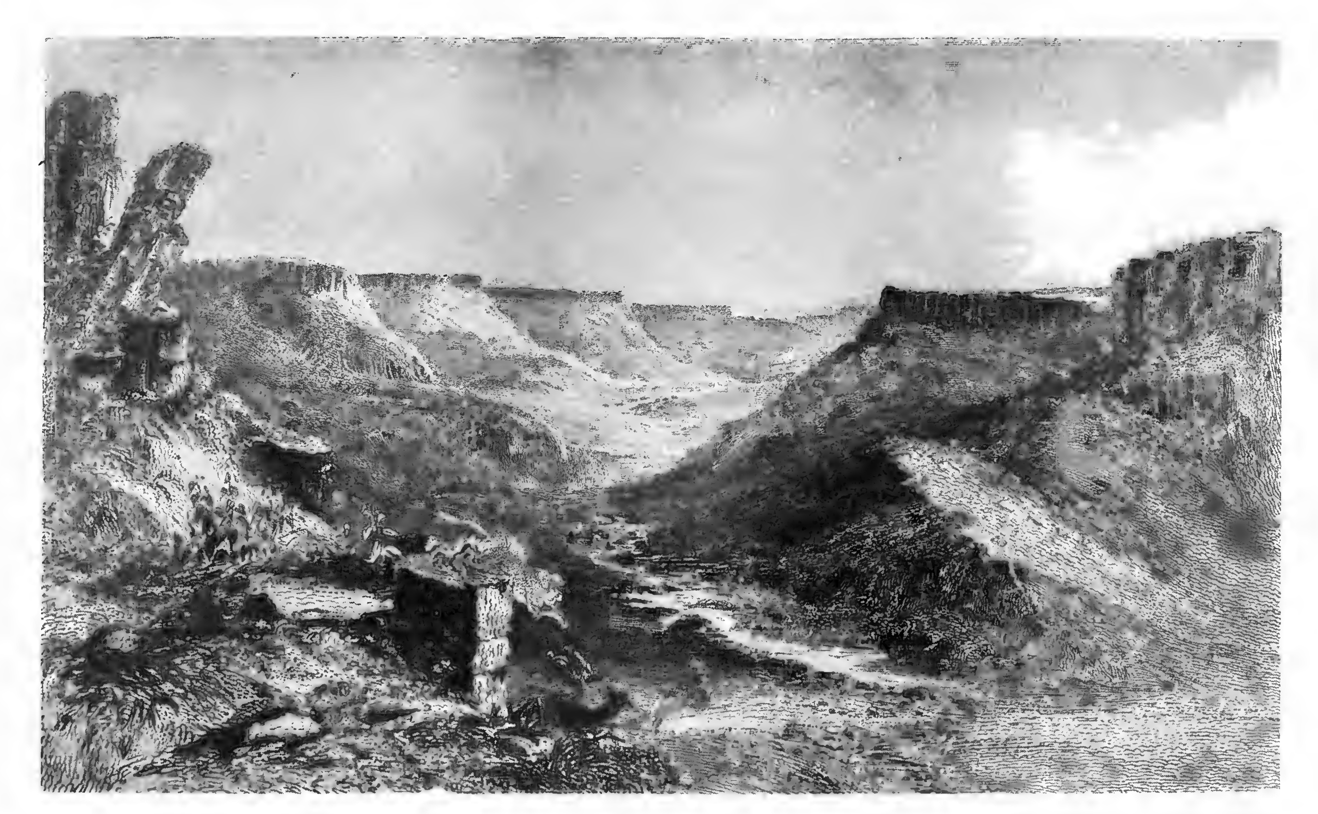
Фауна Патагонии так же скудна, как и ее флора*. На бесплодных равнинах попадается несколько медленно ползающих черных жуков (Heteromera) да изредка ящерица бросится из стороны в сторону. Из птиц встречаются три вида грифов, а в долинах несколько видов зябликов и насекомоядных птиц. Ибис (*Theristicus melanops*[107], вид, находимый, как говорят, в Центральной Африке) попадается

* Я нашел здесь вид кактуса, описанного проф. Генсло под именем *Opuntia Darwinii* (Magazine of Zoology and Botany, vol. I, p. 466); он замечателен раздражимостью тычинок, которая обнаруживалась, когда я вставлял в цветок конец трости или палец. Листочки околоцветника тоже смыкались над пестиком, но медленнее тычинок. Растения из этого семейства, обыкновенно рассматриваемого как тропическое, встречаются в Северной Америке (Lewis and Clarke, Travels, p. 221) под такой же высокой широтой, как и здесь, именно в обоих случаях под 47°.



Порт Дезире (сверху вниз): скала Британия, или Тоуэр; якорная стоянка и испанские руины; верхняя часть бухты; лагерь в верхней части бухты.

Рисунки Ч. Мартенса.



Базальтовые утесы на берегах реки Санта Крус.

Рисунок Ч. Мартенса.

в самых пустынных местах; в желудках у них я находил кузнечиков, цикад, маленьких ящериц и даже скорпионов*. В одно время года эти птицы летают стаями, в другое—попарно, крик их очень громок и своеобразен, походит на ржание гуанако.

Гуанако, или дикая лама,—самое характерное четвероногое патагонских равнин; оно заменяет в Южной Америке восточного верблюда. В диком состоянии гуанако очень изящное животное с длинной, стройной шеей и с тонкими ногами. Оно очень распространено в умеренных частях континента, доходя к югу до островов, находящихся вблизи мыса Горна. Живет обыкновенно небольшими стадами, от полудюжины до тридцати голов в каждом, но на берегах Санта Крус мы видели одно стадо, состоявшее по меньшей мере из пятисот штук.

Гуанако вообще дики и крайне осторожны. М-р Стокс рассказывал мне, что однажды он наблюдал в зрительную трубу, как стадо этих животных, очевидно, чем-нибудь испуганное, убегало во всю мочь, хотя оно находилось на таком расстоянии, что его нельзя было различить простым глазом. Охотник часто узнает об их присутствии на большом расстоянии по своеобразному пронзительному ржанию, которое у них является сигналом тревоги. Вглядевшись повнимательнее, он нередко открывает стадо, расположенное в одну линию по краю какого-нибудь отдаленного холма. Если подступить к ним ближе, то они испускают еще несколько взвизгов и тогда пускаются бежать видимо мерным, но в действительности чрезвычайно быстрым шагом по узкой проторенной тропе к соседнему холму. Если же охотнику внезапно попадется одно животное или несколько вместе, то они обыкновенно останавливаются неподвижно и пристально на него смотрят; потом, отойдя на несколько ярдов, снова оборачиваются и опять взглядывают. В чем причина такого различия в их поведении? Не принимают ли они человека издали за главного своего врага—пуму? Или любопытство в них пересиливает страх? В любопытстве их нельзя сомневаться. Если, например, лечь на землю и производить какие-нибудь необыкновенные телодвижения, например, вскидывать ноги на воздух, то гуанако почти всегда малопомалу подходят, чтобы получше рассмотреть то, что делается. Эта хитрость неоднократно с успехом применялась нашими охотниками, которые успевали сделать и несколько выстрелов, так как гуанако, очевидно, и это принимали за часть программы. На горах Огненной Земли я не раз встречал гуанако, который при моем приближении ржал, визжал, становился на дыбы и прыгал самым забавным образом, повидимому, ожидая нападения. Животные эти легко приручаются; в Северной Патагонии я видел возле одного дома несколько штук, которые не убегали, несмотря на то, что им была предоставлена полная свобода. Прирученные гуанако очень смелы и кидаются на человека, ударяя его сзади обеими коленками. Утверждают, что они делают это из ревности к своим самкам. Диким гуанако, однако, не приходит и в голову защищаться; достаточно даже одной собаки, чтобы задержать такого большого зверя до

* Эти насекомые прячутся нередко под камнями. Я видел, как один скорпион-каннибал спокойно пожирал другого.

прихода охотника. Многими привычками они напоминают овец. Так, если они видят несколько всадников, приближающихся к ним с разных сторон, то сразу теряются и не знают, куда деваться. Это обстоятельство особенно благоприятно для индейских охотников, которые легко сгоняют животных к одному центральному пункту и потом их окружают.

Гуанако очень любят воду: близ Порт Вальдес их несколько раз видели переплывающими от одного острова к другому. Байрон в своем «Путешествии» говорит, что он видел, как они пьют соленую воду. Некоторые из наших офицеров также были свидетелями того, как одно стадо, повидимому, пило горькую влагу из салины близ мыса Бланко. Я думаю, что во многих местах этой страны им кроме соленой воды ничего пить и не приходится. Около полудня они часто валяются в пыли в воронкообразных ямах. Самцы их не обходятся без драк; два самца проходили однажды очень близко от меня: они визжали и кусали друг друга; у некоторых из застреленных нами кожа была значительно поранена. Стада гуанако пускаются по временам на разведки; в Байа Бланке, в тридцати милях от берега, где эти животные уже очень редки, я раз заметил следы тридцати или сорока гуанако, подходивших прямой дорогой к грязной горько-соленой бухте. Должно быть, они тогда поняли, что приблизились к морю, потому что они повернули с правильностью кавалерии и ушли назад по той же прямой дороге, по которой пришли. У гуанако есть одна странная привычка, для меня совершенно непонятная: они несколько дней подряд испражняются на одном и том же месте. Я видел одну такую кучу, имевшую восемь футов в диаметре и содержавшую большое количество помета. Эта привычка, по мнению г. д'Орбиньи, свойственна всем видам этого рода; ею широко пользуются перуанские индейцы, употребляющие этот помет вместо топлива; благодаря этому им не приходится затруднять себя его собиранием.

У гуанако, кажется, также есть любимые места, куда они удаляются умирать. По берегам Санта Крус, на некоторых определенных местах, большей частью поросших кустарником и непременно лежащих близ реки, почва сплошь была усеяна костями гуанако. На одном таком месте я насчитал от десяти до двадцати черепов. Я рассматривал кости с особенным вниманием; они не походили на прежде мною виденные, которые были разбросаны, обглоданы, поломаны и словно притащены в одно место хищными зверями. Здесь же животные перед смертью должны были пробираться ползком между кустами. М-р Байно говорил мне, что во время одного из прежних своих путешествий он видел то же самое на берегах Рио Галлегос. Я решительно не постигаю причины этого, но прибавлю, что у Санта Крус раненые гуанако постоянно направлялись к реке. На Сант Яго, одном из островов Зеленого Мыса, я, помнится, заметил в овраге отдаленный угол, заваленный козьими костями; мы тогда воскликнули, что это, должно быть, кладбище всех коз на острове. Я привожу эти маловажные обстоятельства потому, что они в известных случаях могут объяснить нахождение множества неповрежденных костей в пещерах или под наносными слоями, объясняя отчасти и то, почему одни животные чаще других встречаются в осадочных породах.

Однажды ялик, снабженный трехдневным запасом провизии, был отправлен под начальством м-ра Чефферса для обследования верхней части бухты. Утром мы отыскивали несколько речек, нанесенных на одной старой испанской карте. Мы нашли небольшой залив, у начала которого струился ручеек (первый, найденный нами) с солоноватой водой. Отлив вынудил нас остановиться здесь на некоторое время, и я успел пройти несколько миль в глубь страны. Равнина, как обыкновенно, состояла из гравия, смешанного с землей, которая с виду походила на известь, но в сущности совершенно от нее отличалась. Вследствие мягкости этих материалов равнина была вся изрыта оврагами. Ни одного дерева не было видно, ни одного почти четвероногого, ни даже птицы; один только гуанако стоял на вершине холма бдительным стражем своего стада. Всюду пустынная тишина. И однако, глядя на эту картину, не оживленную ни одним светлым, отрадным явлением, живо чувствуешь какое-то неопределенное, но сильное наслаждение. Невольно спрашиваешь: сколько веков равнина находится уже в этом состоянии и сколько веков еще суждено ей так оставаться?

Ответа нет—все в вечности застыло.
Пустыня, твой таинственный глагол
Внушает страшное сомненье*.

Вечером мы проплыли несколько миль далее и там в палатках расположились на ночлег. Около полудня на следующий день ялик сел на мель и вследствие мелководья не мог итти далее. Так как вода оказалась несколько пресной, то м-р Чefферс на маленькой шлюпке поднялся на две или три мили выше, где и шлюпка села на мель, но на этот раз среди пресноводной реки. Вода в ней была мутная, и хотя речка была ничтожных размеров, нельзя было иначе объяснить себе ее происхождение, как только таянием снега на Кордильерах. На том месте, где мы расположились, нас окружали крутые обрывы и отвесные утесы порфира. Более замкнутого и уединенного от остального мира места, чем эта скалистая расщелина на обширной равнине, мне, кажется, нигде не приходилось видеть.

На другой день по возвращении к стоянке несколько офицеров, и я вместе с ними, отправились осмотреть старинную индейскую могилу, найденную мною на вершине соседнего холма. Два громадных камня, каждый весом по меньшей мере в две тонны, лежали перед скалистой грядой, возвышавшейся на шесть футов. На дне могилы, на твердой скале, была земляная настилка в фут глубины, нанесенная, вероятно, снизу из равнины. Она была вымощена плоскими камнями, а сверх них наложена была еще куча камней, благодаря чему было заполнено все пространство между грядой и двумя огромными глыбами. Для завершения могилы индейцам удалось отделить от гряды большой обломок, который был брошен поверх всей кучи и покоился на двух глыбах. Мы подкапывали могилу с обеих сторон, но не нашли никаких останков, даже и костей. Последние, вероятно, давно уж истлели (и в таком случае могила принадлежит

* Шелли, стихи о Монблане [108].

глубокой древности), ибо в другом месте я находил несколько меньших куч, внутри которых оказались разрушенные обломки костей, несомненно, принадлежавших человеку. Фальконер утверждает, что индейца хоронят на месте его кончины, но что впоследствии кости его заботливо собираются и переносятся на морской берег, как бы не было велико расстояние до него. Обычай этот можно объяснить, вспомнив, что до введения лошадей индейцы должны были вести почти такой же образ жизни, какой ведут теперь обитатели Огненной Земли, и поэтому селились большей частью поблизости моря; общий предрассудок, выражающийся в желании быть похороненным вместе со своими предками, может побуждать и теперешних бродячих индейцев к перенесению наименее тленных частей их покойников на старое кладбище у морского берега.

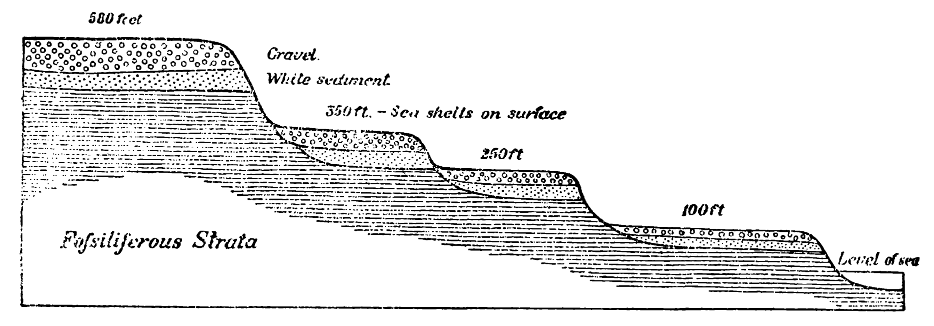
9 января 1834 г.—Еще не стемнело, когда «Бигль» бросил якорь в прекрасной и обширной гавани Порт Сан Хулиан, расположенной в ста десяти милях к югу от Порт Дезире. Мы пробыли здесь восемь дней. Местность здесь почти такая же, как и в Порт Дезире, только, кажется, еще бесплоднее. Однажды мы совершили вместе с капитаном Фиц Роем длинную прогулку вокруг гавани. Одиннадцать часов подряд мы оставались без воды и многие из нас были совершенно изнурены. С вершины одного холма (справедливо названного с тех пор «Холмом жажды») мы заметили прекрасное озеро, и двое из нас отправились на разведку, условившись заранее о том, какими знаками передать издали известие, если вода окажется пресной. Каково же было наше разочарование, когда вместо воды мы увидели белоснежный пласт соли, кристаллизовавшейся большими кубами! Мы приписывали нашу сильную жажду сухости воздуха; какова бы, впрочем, ни была тому причина, мы чрезвычайно обрадовались, вернувшись поздно вечером к лодкам[357]. Хотя во время этого странствования мы нигде не могли сыскать ни одной капли пресной воды, но она все-таки должна была быть здесь, ибо я как-то случайно нашел на поверхности соленой воды, неподалеку от начала бухты, не совсем еще мертвого Colymbetes, который должен был жить в пруде, находившемся где-нибудь поблизости. Три других насекомых (Cicindella, похожая на *hybrida*, Cymindis и Harpalus[109], живущие в болотистых низинах, заливаемых по временам морем) и еще одно, найденное мертвым на равнине, составляют все здешнее население жуков. Довольно крупная муха (Tabanus), попадающаяся здесь в большом количестве, больно нас кусала. Обыкновенные слепни, столь докучливые по тенистым проселкам в Англии, принадлежат к тому же роду. Нас здесь затруднял тот же вопрос, который задаешь себе по поводу москитов: кровью каких животных питаются обыкновенно эти насекомые? Гуанако здесь почти единственное теплокровное четвероногое, но и оно встречается в незначительных количествах сравнительно с множеством мух.

Геология Патагонии интересна. В отличие от Европы, где третичные формации выходят наружу, повидимому, преимущественно в заливах, здесь на пространстве сотен миль вдоль берега тянется один громадный пласт, заключающий в себе множество вымерших третичных моллюсков. Самый обыкновенный из них—массивная,

гигантская устрица, иногда в фут в диаметре. Эти слои покрыты другими из особенного мягкого белого камня, содержащего много гипса и похожего на известь, но в действительности состоящего из пемзы. Чрезвычайно замечательно, что этот пласт по меньшей мере на $^1/_{10}$ своего объема состоит из инфузорий: профессор Эренберг открыл в нем уже тридцать океанических форм. Этот пласт простирается на 500 миль вдоль берега, а, возможно, и на еще большее расстояние. Возле Порт Сан Хулиан он имеет более 800 футов толщины! Эти белые пласты всюду покрыты массой гравия, образующего, кажется, один из самых значительных слоев гальки в свете: он идет от Рио Колорадо на 600 или 700 морских миль к югу; у Санта Крус (реки, протекающей немного южнее Сан Хулиана) он достигает подошвы Кордильер; на полпути вверх по реке толщина его более 200 футов; он, вероятно, везде простирается до этой громадной горной цепи, откуда и произошли все эти хорошо округленные порфировые голыши; среднюю ширину этого пласта можно считать в 200 миль, а толщину—в 50 футов. Если бы этот огромный слой голышей, не считая грязи, происшедшей от взаимного их трения, взгромоздить в одну груду, он составил бы большую горную цепь! Когда подумаешь о том, что все эти голыши, несчетные, как песчинки в пустыне, происходили мало-помалу от падения каменных масс на берега древних морей и рек и что эти обломки раскалывались еще на более мелкие куски, и затем каждый из них катился, округлялся и уносился далеко от места своего падения, то просто теряешься при мысли о громадной продолжительности времени, необходимого для образования всего пласта. А весь этот голышник бесспорно занесен сюда и даже округлился после образования белых слоев и значительно позже образования еще ниже лежащих пластов с третичными раковинами.

Здесь, на южном континенте, все совершалось в гигантских размерах: пространство от Рио Платы до Огненной Земли, на расстоянии 1 200 миль, было все поднято (в Патагонии до высоты от 300 до 400 футов) в период ныне живущих морских моллюсков. Старые выветрившиеся раковины, оставшиеся на поверхности поднятой равнины, сохраняют еще отчасти свои цвета. Процесс поднятия был прерываем, по крайней мере, восемью длинными периодами покоя, во время которых море снова глубоко вдавалось в материк, образуя на последовательных уровнях длинные ряды утесов или откосов, отделяющих друг от друга равнины, которые, подобно ступеням, подымаются одна над другой. Поднятие берегов и обратное наступание моря в периоды покоя происходили равномерно по всей длине береговой линии; я с изумлением нашел, что в разных местах, весьма отдаленных друг от друга, уступы равнин лежат почти на одинаковом уровне. Самая низкая равнина возвышается на 90 футов; самая высокая, на которую я подымался близ берега,—на 950 футов, но от нее уцелели только остатки в виде плоских холмов, покрытых гравием. Верхняя равнина на реке Санта Крус подымается до высоты в 3 000 футов у подошвы Кордильер. Я сказал, что в период современных моллюсков Патагония поднялась на высоту от 300 до 400 футов; прибавлю, что в течение того периода, когда ледники переносили валуны над верхней равниной Санта Крус, произошло поднятие, по крайней мере, в 1 500 футов. Патагония подвергалась, однако же,

не одному только поднятию: вымершие третичные моллюски из Порт Сан Хулиан и Санта Крус могли жить в море, по мнению профессора Э. Форбса, только на глубине от 40 до 250 футов; теперь же они покрыты морскими отложениями толщиной от 800 до 1 000 футов; итак, морское ложе, на котором некогда жили эти моллюски, должно было понизиться на несколько сот футов, чтобы дать возможность накопиться вышележащим слоям. Какую историю геологических перемен открывает этот столь простой по своему строению берег Патагонии!



Разрез Патагонской равнины

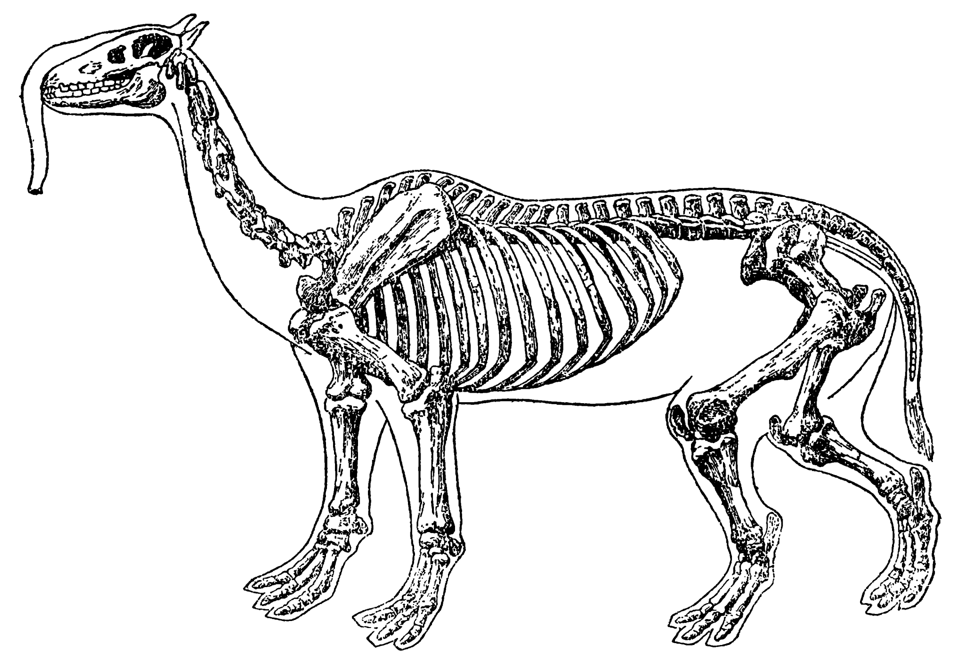
(feet., ft.—футы; Fossiliferous Strata—пласты с ископаемыми; Gravel—гравий; Level of sea—уровень моря; Sea shells on surface—морские раковины на поверхности; White sediment—отложения белого цвета).

Около Порт Сан Хулиан* в красной глине, покрывающей гравий на низшей из равнин (90 футов), я нашел половину скелета Macrauchenia patachonica, замечательного четвероногого, равного по величине верблюду. Вместе с носорогом, тапиром и палеотерием оно относится к отряду Pachydermata [110] ,но по строению костей и своей длинной шее имеет близкое сродство с верблюдом или, скорее, с гуанако и ламой. Судя по раковинам современных морских моллюсков, найденным на двух более высоких ступенеобразных равнинах, образование и поднятие которых предшествовало отложению глины, в коей погребена макраухения, можно заключить, что это любопытное четвероногое жило еще долго после того, как море заселилось своими современными моллюсками. Меня сначала сильно удивляло, как такое большое четвероногое могло существовать столь недавно под 49° 15′ широты, на этих жалких покрытых гравием равнинах, с их тощей растительностью, но сродство макраухении с гуанако, ныне обитающим на самых бесплодных местах, отчасти разъясняет дело.

Сродство, хотя и отдаленное, между макраухенией и гуанако, между токсодоном и водосвинкой [111], более тесное сродство между многими вымершими неполнозубыми и современными ленивцами, муравьедами и броненосцами, ныне в столь высокой степени характерными для южноамериканской фауны, наконец, еще более близкое сродство между ископаемыми и современными видами Ctenomys

* Я слышал недавно, что капитан Селиван нашел много ископаемых костей в правильных слоях на берегах Рио Галлегос, под 51°4′ широты. Некоторые из костей велики, другие малы и принадлежали, повидимому, броненосцу. Это чрезвычайно любопытное и важное открытие.

и Hydrochaerus—все это факты в высокой степени интересные. Это сродство изумительно обнаруживается—столь же изумительно, как между ископаемыми и вымершими сумчатыми животными Австралии—в большой коллекции, недавно привезенной в Европу из бразильских пещер гг. Лундом и Клаузеном. Эта коллекция заключает в себе вымершие виды всех тридцати двух (за исключением 4) родов сухопутных четвероногих, которые теперь населяют провинции, где встречаются пещеры; вымершие виды гораздо многочисленнее современных: между ними имеются ископаемые муравьеды, броненосцы, тапиры, пекари, гуанако, опоссумы, многочисленные



Скелет (с контурами тела) макраухении (*Macrauchenia patachonica*).

южноамериканские грызуны и обезьяны и другие животные. Я не сомневаюсь в том, что это удивительное сродство между вымершими и современными животными одного и того же материка прольет когда-нибудь больше света на вопрос о появлении и исчезновении организмов на земной поверхности, чем какой бы то ни было другой разряд фактов.

Нельзя без глубокого изумления размышлять о тех переменах, которые постигли американский материк. В прежние времена он, по всей вероятности, был населен огромными чудовищами, между тем как современные виды—настоящие пигмеи по сравнению с предшествовавшими, близкими им расами. Если бы Бюффону были известны гигантский ленивец, животное, похожее на броненосцев, и погибшие толстокожие, он с бо́льшей основательностью мог бы тогда сказать, что в Америке творческая сила значительно ослабела, вместо того чтобы утверждать, что она никогда не отличалась большим

могуществом [112]. Бо́льшая часть этих вымерших четвероногих, если не все, жили в недавний период, одновременно с большинством современных морских моллюсков. С тех пор не произошло никаких важных перемен в форме страны. Что же, спрашивается, вызвало истребление такого множества видов и целых родов? С первого раза мысль непреодолимо склоняется к допущению какой-нибудь великой катастрофы, но, для того чтобы таким путем могли быть уничтожены как крупные, так и мелкие животные в Южной Патагонии, Бразилии, Перуанских Кордильерах и Северной Америке до Берингова пролива, необходимо было бы допустить потрясение всего земного шара. Сверх того, исследование геологии Ла Платы и Патагонии наводит на мысль, что весь ландшафт со всеми его особенностями представляет результат медленных и постепенных перемен. Из характера окаменелостей Европы, Азии, Австралии, Северной и Южной Америки следует, что условия, благоприятствовавшие существованию *более крупных* четвероногих, еще недавно были распространены по всей земле, но в чем заключались эти условия, этого еще никто не разгадал. Вряд ли можно считать причиной этого перемену температуры, которая должна была почти в одно время истребить обитателей тропических, умеренных и арктических широт на обоих полушариях. М-р Ляйелль с несомненностью установил, что крупные четвероногие жили в Северной Америке еще после того периода, когда валуны занесены были в такие широты, до которых теперь ледники никогда не доходят; убедительные, хотя и косвенные умозаключения позволяют нам питать уверенность, что и в южном полушарии макраухении жили долго спустя после того периода, когда валуны переносились ледниками. Не человек ли, после своего первого вторжения в Южную Америку, уничтожил неповоротливых мегатериев и других неполнозубых, как уверяли некоторые? По крайней мере, причина истребления маленького тукутуко в Байа Бланке, многих ископаемых мышей и других небольших четвероногих в Бразилии была, по всей вероятности, иная. Никому также не придет в голову, чтобы засуха, даже значительнее тех, которые производят столько опустошений в провинциях Ла Платы, могла уничтожить всех особей всех видов от Южной Патагонии до Берингова пролива. Что сказать об исчезновении лошади? Неужели нехватило корма на этих равнинах, наводненных впоследствии тысячами и сотнями тысяч потомков той лошадиной породы, которая ввезена была испанцами? Неужели этот позже введенный вид отнял пищу у громадных предшествовавших пород? Можно ли поверить, чтобы водосвинка отбила пищу у токсодона, гуанако—у макраухении, маленькие современные неполнозубые—у своих многочисленных гигантских прототипов? Несомненно, ничто так не поражает в истории мира, как это повсеместное и столько раз повторявшееся исчезновение обитателей земного шара.

Рассматривая, однако, предмет с другой точки зрения, мы найдем его менее запутанным. Мы не всегда имеем в виду всю глубину нашего невежества относительно условий существования животных; мы забываем также о том, что существуют различного рода препятствия, сдерживающие слишком быстрое размножение любого организма в естественных условиях его жизни. Запас пищи в среднем остается

постоянным, между тем как у каждого животного тенденция к размножению увеличивается в геометрической прогрессии, и неожиданные последствия этого нигде не обнаруживались так изумительно, как в Америке, где в течение нескольких последних столетий одичали европейские животные. В естественном состоянии каждое животное размножается регулярно, но для какого-нибудь вида, давно установившегося, всякое *значительное* возрастание численности, очевидно, представляется невозможным и встречает, несомненно, какие-то препятствия. Мы, однако, редко в состоянии указать для какого-нибудь данного вида, в какое именно время года или в какой период жизни, или хотя бы через какие более продолжительные промежутки времени это препятствие возникает; мы даже не знаем, в чем собственно состоит это препятствие. Этим, возможно, объясняется, почему нас так мало удивляет то обстоятельство, что нередко из двух видов, весьма сходных между собой по своим нравам, один попадается редко, другой—в большом числе в одной и той же местности; или что один изобилует в данной местности, другой же, занимая такое же место в экономии природы, встречается в большом числе в соседней местности, весьма мало отличающейся по своим условиям от первой. На вопрос: отчего это так?—мы готовы ответить немедленно, что это зависит от какого-нибудь слабого различия в климате, пище или количестве врагов, но никогда почти мы не можем точно установить причину и тот способ, которым действует препятствие! Поэтому-то мы и приходим к тому заключению, что изобилие или малочисленность данного вида определяются вообще причинами, которые совершенно не поддаются нашей оценке.

Когда мы можем проследить за уничтожением вида человеком, в ограниченной ли местности или всего вида в целом, мы замечаем, что он встречается постепенно все реже и реже и, наконец, исчезает совершенно; но было бы трудно указать, в чем собственно заключается различие* между истреблением вида человеком и истреблением, вызванным размножением его естественных врагов. Несомненность того, что редкость вида предшествует его полному уничтожению, всего очевиднее в последовательных третичных напластованиях, как это замечено многими талантливыми наблюдателями. Иная раковина попадается во множестве в каком-нибудь третичном пласте, теперь же встречается весьма редко и даже долго считалась вымершей. Итак, если (а это весьма вероятно) вымиранию каждого вида предшествует редкая его встречаемость; если действительно существует предел слишком быстрому размножению любого вида, даже наиболее благоприятствуемого, предел, существование которого мы должны допустить, хотя и не в состоянии сказать, как и когда он осуществляется; если мы видим без малейшего удивления, не умея, впрочем, указать настоящей тому причины, что в данной местности один вид попадается во множестве, тогда как другой, близкий к первому, встречается редко,—то нет ничего удивительного в том, что вид поредел еще на одну степень, подвигаясь к своему окончательному вымиранию. Процесс, совершающийся повсюду во-

* См. превосходные замечания м-ра Ляйелля об этом предмете в его Principles of Geology [113].

круг нас, хотя и мало заметный, может, без сомнения, несколько расширитьтя, не привлекая нашего внимания. Кто, например, изумится, услышав, что мегалоникс встречался в прежние времена реже, чем мегатерий, или что какая-нибудь из ископаемых обезьян была малочисленнее какой-нибудь из ныне живущих? Однако же в этой сравнительной редкости ясно обнаруживается действие обстоятельств, менее благоприятствовавших их существованию. Допускать, что вымиранию вида всегда предшествует его поредение, не удивляясь тому, что один вид встречается редко по сравнению с другим, и все-таки прибегать для объяснения этого к какому-то сверхестественному деятелю и чувствовать изумление, когда вид окончательно перестает существовать,—мне кажется то же, что допускать, что болезнь данного лица предвещает его смерть, нисколько не удивляясь самой болезни, а между тем, когда больной умрет, начать недоумевать и предполагать, что он умер от насилия [114].

ГЛАВА IX

САНТА КРУС, ПАТАГОНИЯ И ФАЛЬКЛЕНДСКИЕ ОСТРОВА

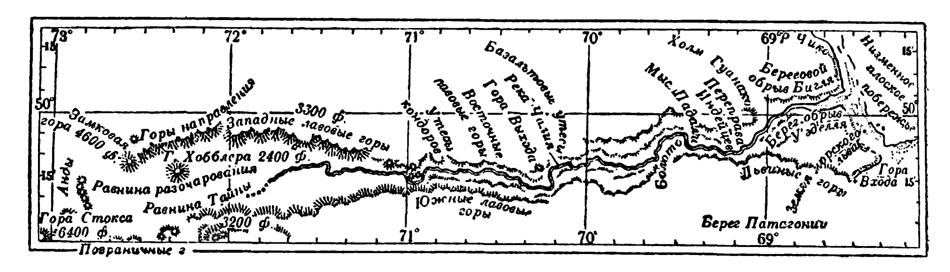
Санта Крус.—Экспедиция вверх по реке.—Индейцы.—Огромные потоки базальтовой лавы.—Обломки, которые не могла перенести река.—Образование долины.—Кондор и его повадки.—Кордильеры.—Большие эрратические валуны.—Предметы, оставленные индейцами.—Возвращение на корабль.—Фальклендские острова.—Дикие лошади, рогатый скот, кролики.—Волкообразная лисица.—Разведение огня с помощью костей.—Охота за дикими коровами.—Геология.—Каменные потоки.—Пингвин.—Гуси.—Яйца дориды.—Колониальные животные.

13 апреля 1834 г.—«Бигль» бросил якорь в устье Санта Крус. Река эта протекает приблизительно в 60 милях к югу от Порт Сан Хулиан. В последнее свое путешествие капитан Стокс поднимался на тридцать миль вверх по реке, но вынужден был вернуться из-за недостатка съестных припасов. За исключением того, что было открыто в то время, вряд ли было еще что-нибудь известно об этой большой реке. Капитан Фиц Рой решил поэтому пройти вверх по ее течению настолько далеко, насколько позволит время. 18-го числа выступили три вельбота, снабженные трехнедельным запасом провизии; экипаж состоял из двадцати пяти человек; этого было достаточно, чтобы померяться с целой ратью индейцев. При сильном приливе и хорошей погоде мы сделали порядочный рейс, вскоре добыли пресной воды, а к ночи находились вне влияния прилива и отлива.

Река здесь приняла тот размер и вид, которые почти не изменились на всем пройденном нами протяжении. В ширину она имела от трехсот до четырехсот ярдов, в глубину — на середине — около семнадцати футов. Быстрое течение, составлявшее на всем ее протяжении от четырех до шести узлов в час,— быть может, самая замечательная черта этой реки. Вода в ней чистого голубого цвета, с легким молочным отливом, и не так прозрачна, как это кажется с первого раза. Она протекает по руслу из голышей, и таков же состав берега и окружающих равнин; долина, по которой она извивается, простирается к западу по прямой линии. Ширина долины изменяется от пяти до десяти миль; она ограничена террасами, подымающимися уступами и громоздящимися во многих местах одна над другой до высоты пятисот футов; террасы на противоположных сторонах реки отличаются замечательной соответственностью.

19 апреля.—Против такого сильного течения, разумеется, совершенно невозможно было плыть на веслах или на парусах; поэтому

все три бота были связаны друг с другом, каждый носом к корме находящегося перед ним, в каждом оставлено по два человека, а остальные сошли на берег тянуть бечеву. Так как общий порядок, заведенный капитаном Фиц Роем, очень облегчал работу и так как все принимали в ней участие, то я и опишу, как это было организовано. Вся компания разделена была на две группы, из которых каждая тянула бечеву по очереди в продолжение полутора часов. Офицеры каждого бота жили вместе, питаясь одной и той же пищей, и спали в одной палатке со своей командой, так что каждый бот был вполне независим от другого. После заката солнца первое ровное место, поросшее кустарником, выбиралось для ночлега.



Карта реки Санта Крус.
По карте, составленной офицерами «Бигля».

Каждый из команды исполнял поочередно обязанности повара. Как только боты привязывались, повар разводил огонь, двое других раскидывали палатку, рулевой выдавал вещи из бота, остальные сносили их в палатки и собирали хворост для костра. При таком порядке в продолжение получаса все было готово для ночлега. В течение всей ночи мы держали стражу из двух матросов и офицера, в обязанность которых входило наблюдение за ботами, поддержание огня и охрана от нападения индейцев. Все мы поочередно дежурили каждую ночь.

В этот день мы проехали немного, потому что по пути было много островков, покрытых колючими кустами, а проливы между ними мелководны.

20 апреля.—Мы миновали острова и принялись за дело. В течение одного дня при довольно большом напряжении сил мы продвигались обычно, если считать по прямой линии, в среднем на 10 миль, а, возможно, и миль на 15 или 20. Выше того места, где мы спали последнюю ночь, страна может быть названа в полном смысле слова *terra incognita*; отсюда-то и поворотил назад капитан Стокс. Мы заметили в отдалении густой дым и нашли скелет лошади, из чего мы заключили, что поблизости находятся индейцы. На следующее утро (21-го) мы увидели на земле следы лошадиных копыт и знаки, оставленные волочившимися по земле концами чусо (длинных пик). Мы решили, что индейцы высматривали нас в продолжение ночи. Немного спустя мы дошли до одного места, где по свежим следам людей, детей и лошадей ясно было видно, что партия переправилась через реку.

22 апреля.—Местность такая же и крайне неинтересна. Чрезвычайное однообразие природы на протяжении всей Патагонии—одна из ее наиболее характерных черт. Гладкие бесплодные равнины, покрытые щебнем, поросли все теми же хилыми и малорослыми растениями, а в долинах произрастают те же колючие кустарники. Повсюду встречаются одни и те же птицы и насекомые. Самые берега реки и прозрачных ручейков, впадающих в нее, едва оживлены более яркой зеленью. Проклятие бесплодия тяготеет над страной, и вода, текущая по кремнистому руслу, подвержена тому же проклятию. Число водных птиц здесь так незначительно именно потому, что в этой бесплодной реке ничто не в состоянии поддержать существования какого бы то ни было организма.

Но как ни бедна Патагония во многих отношениях, она, однако, может похвалиться бо̀льшим количеством мелких грызунов*, чем, может быть, какая-либо другая страна на свете. Характерным внешним признаком множества видов мышей являются большие уши и весьма нежная шерсть. Эти маленькие животные кишат в зарослях среди долин, где им по целым месяцам приходится оставаться без капли воды, если не считать росу. Они, повидимому, каннибалы, потому что как только мышь попадала в мою западню, ее тотчас же пожирали другие. Небольшая, статная лисица, также в изобилии водящаяся здесь, вероятно, питается исключительно этими маленькими животными. Гуанако здесь также, как будто, чувствуют себя в своей родной обстановке: стада в пятьдесят или сто голов встречаются часто, и, как я уже рассказывал, мы видели одно стадо, содержавшее по меньшей мере штук до пятисот. Пума, в сопровождении кондора и других стервятников, преследует и пожирает этих животных. Следы пумы заметны были почти везде по берегам реки, а остовы многих гуанако с вывихнутыми шеями и сломанными костями обнаруживали, каким способом они погибли.

24 апреля.—Как это искони бывало с мореплавателями при приближении к незнакомой стране, мы рассматривали и наблюдали малейший признак какой-нибудь перемены. Пловучий ствол дерева или глыбу первобытной породы мы встречали с такой радостью, как если бы мы увидели лес, растущий на склонах Кордильер. Впрочем, вершина тяжелой гряды облаков, остававшихся все время в одном положении, была самым многообещающим признаком и оказалась решительно правдивой предвестницей. Мы сначала даже принимали облака за настоящие горы, а не за массу испарений, сгустившихся над ледяными вершинами.

26 апреля.—Сегодня мы напали на резкую перемену в геологическом строении равнины. С самого начала этой экспедиции я тщательно исследовал речной гравий, и в последние два дня заметил присутствие в нем редких мелких голышей чрезвычайно губчатого базальта. Они становились постепенно обильнее и крупнее, но ни один не достигал, однако, величины человеческой головы. Нынче утром, однако же, куски того же камня, только более плотного, вдруг стали еще обильнее, и через полчаса мы увидели перед собой, в пяти или

* Пустыни Сирии отличаются, по Вольни (т. I, стр. 351), лесными кустарниками, многочисленными крысами, газелями и зайцами. В Патагонии гуанако заменяет газель, а агути—зайца.

шести милях, острый угол обширной базальтовой платформы. Подойдя к ее основанию, мы увидели, что река струится между свалившимися глыбами. На протяжении следующих двадцати восьми миль течение реки было загромождено этими базальтовыми массами. Выше этого рубежа лежат, тоже в большом числе, громадные обломки первобытных пород, происходящие от окружающей базальтовой формации. Ни один из этих обломков сколько-нибудь порядочного объема не был унесен течением далее трех или четырех миль от места своего первоначального нахождения; если мы обратим внимание на особенную быстроту большой массы воды в Санта Крус, в которой совершенно не замечается извилин с тихим течением, то река эта представит нам прекрасный пример того, что реки вообще не в состоянии переносить обломки даже средней величины.

Базальт представляет собой лаву, разлившуюся по морскому дну, но извержения должны были при этом совершаться в огромных размерах. На том месте, где мы впервые нашли эту формацию, она имела 120 футов в толщину, выше по течению реки поверхность подымается незаметно, и масса становится толще, так что в сорока милях от начала она достигала толщины в 320 футов. Как велика толщина непосредственно у Кордильер, мне неизвестно, но платформа достигает здесь высоты около 3 000 футов над уровнем моря; мы должны поэтому рассматривать эту великую горную цепь как источник этой формации; такого источника, несомненно, заслуживают потоки, разлившиеся по несколько наклонному морскому дну на расстоянии целых ста миль. С первого же взгляда на базальтовые утесы на противоположных сторонах долины можно ясно видеть, что этот слой когда-то представлял одно целое. Какая же сила снесла целую полосу земли, плотную массу весьма твердого камня, средняя толщина которой равна приблизительно 300 футам, а ширина простирается от 2 до 4 миль? Хотя река мало способна переносить даже незначительные обломки, но с течением времени путем постепенной эрозии она может произвести действие, о силе которого трудно судить. В настоящем же случае, независимо от недостаточности такого деятеля, можно привести основательные доводы в пользу предположения, что эта долина прежде занята была морским рукавом. В этом сочинении нет нужды распространяться о доказательствах, приводящих к такому заключению: оно явствует из формы и природы возвышающихся уступами террас по обеим сторонам долины, из того факта, что дно долины близ Андов расширяется в большую, подобную эстуарию, равнину с песчаными холмами на ней, наконец, из того, что в русле реки встречаются раковины морских моллюсков. Будь у меня больше места, я мог бы доказать, что Южная Америка некогда была прорезана здесь проливом, связывавшим Атлантический и Тихий океаны, подобно Магелланову. Но вопрос о том, как был снесен плотный базальт, остается неразрешенным. В прежнее время геологи пустили бы тут в ход насильственное действие какой-нибудь катастрофы, но в этом случае подобное предположение не могло бы быть допущено потому, что те возвышающиеся уступами равнины, с современными раковинами на их поверхности, которые господствуют на всем протяжении патагонского берега, простираются и по обеим сторонам долины Санта Крус. Никакое действие наводнений не могло бы таким обра-

зом видоизменить страну ни в долине, ни вдоль открытого берега; долина была выдолблена сама по себе путем образования этих уступов, или террас. Хотя известно, что в узких частях Магелланова пролива быстрота течения приливной волны равняется 8 узлам в час, но мы должны сознаться, что голова кружится при одной мысли о числе годов,—столетие за столетием,—которые должны были пройти для того, чтобы один прилив без помощи сильного прибоя мог разъесть такую громадную и толстую массу плотной базальтовой лавы. Тем не менее надо полагать, что пласты, подмытые водами этого древнего пролива, раздробились сначала на огромные обломки, рассыпавшиеся по берегу; затем они стали распадаться на мелкие глыбы, потом в голышник и, наконец, в самую мелкую глину, занесенную волнами далеко в Восточный и Западный океаны.

С переменой в геологическом строении равнин изменился и характер ландшафта. Бродя по узким и каменистым ущельям, я почти воображал себя перенесенным обратно к бесплодным долинам острова Сант Яго. Между базальтовыми утесами я нашел несколько невиданных еще мною растений, в других же узнал пришельцев с Огненной Земли. Эти скважистые утесы служат резервуарами для скудной дождевой воды, а вследствие этого на той черте, где соединяются вулканическая и осадочная формации, пробивается несколько небольших ключей (очень редко попадающихся в Патагонии); их можно различить издали по резким полосам яркозеленой травы.

27 апреля.—Русло реки суживается, а от этого течение становится еще быстрее. Она течет здесь со скоростью около 6 узлов в час. По этой причине, а также вследствие того, что здесь очень много огромных угловатых обломков, тянуть лодки стало опасно и затруднительно.

Сегодня я застрелил кондора. В нем было от конца одного крыла до конца другого восемь с половиной футов, а от клюва до хвоста четыре фута. Известно, что эта птица широко распространена по западному побережью Южной Америки от Магелланова пролива, вдоль Кордильер, до восьмого градуса к северу от экватора. Крутой утес близ устья Рио Негро составляет ее северную границу на патагонском берегу; сюда она пробралась, пройдя расстояние в четыреста миль от центральной линии своего распространения, проходящей в Андах. Далее к югу, среди обрывов в глубине Порт Дезире, кондор встречается тоже довольно часто, но на морской берег залетает редко. Ряд утесов близ устья Санта Крус часто посещается этими птицами, и в восьми милях вверх по реке, где края долины образованы крутыми базальтовыми стремнинами, кондор появляется снова. Из этих фактов, кажется, следует, что кондоры особенно любят отвесные утесы. В Чили они большую часть года пребывают в низменных местах около берегов Тихого океана и ночью садятся по нескольку вместе на одном дереве; но в раннюю летнюю пору они удаляются в самые недоступные части внутри Кордильер, чтобы там высиживать яйца в покое.

Относительно их размножения поселяне в Чили рассказывали мне, что кондор не строит никаких гнезд, но в ноябре и декабре кладет два больших белых яйца прямо на голом утесе. Говорят, что молодые кондоры не умеют летать в продолжение целого года и

долго после приобретения ими этой способности они продолжают по ночам садиться вместе со своими родителями, а днем вместе с ними охотиться. Старые птицы живут большей частью парами, но между базальтовыми утесами на берегах Санта Крус в глубине материка я нашел место, где они обычно собираются целыми десятками. Подойдя неожиданно к краю одной стремнины, мы увидели грандиозное зрелище: от двадцати до тридцати этих больших птиц тяжело подымались с места своего отдыха и улетали вдаль, описывая величавые круги. По количеству помета на утесах было видно, что они давно посещают это место для отдыха и для высиживания яиц. Наевшись досыта падали внизу на равнинах, они удаляются на эти излюбленные ими скалы, чтобы здесь переварить свою пищу. На основании этих фактов кондора, подобно галлинасо, следует до известной степени считать стадной птицей. В этих местах все кондоры кормятся трупами гуанако, умерших естественной смертью или, что бывает еще чаще, убитых пумой. Судя по тому, что я видел в Патагонии, я полагаю, что вообще они улетают на свою дневную охоту недалеко от места своего постоянного ночлега.

Кондоров можно часто видеть на большой высоте, где они парят над каким-нибудь местом, описывая полные изящества круги. В некоторых случаях они, я уверен, парят просто из удовольствия, но часто, по словам чилийских крестьян, высматривают умирающее животное или пуму, пожирающую свою добычу. Если кондоры спускаются и потом вдруг все вместе подымаются, то, как утверждают чилийцы, причиной тому—стерегущая труп пума, которая выскочила, чтобы прогнать разбойников. Кроме падали, кондоры часто нападают на молодых коз и ягнят; пастушеские собаки так приучены, что когда кондор проносится мимо, то они выбегают и, глядя вверх, громко лают. Чилийцы уничтожают и ловят их во множестве. Для этого они пользуются двумя способами: один состоит в том, что кладут падаль на ровном месте, огороженном заборами с единственным входом; когда кондоры насытятся, то охотники пускаются верхом вскачь ко входу и запирают его; дело в том, что если птице негде разбежаться, то она не может сообщить своему телу достаточной скорости движения, чтобы подняться с земли. Второй способ заключается в том, что отмечают деревья, на которых кондоры ночуют, часто по пяти или шести штук вместе, а потом ночью взлезают на дерево и ловят птиц силками. Сон птиц так крепок, как я сам в этом убедился, что это для охотников совсем нетрудно. В Вальпарайсо продали при мне живого кондора за полшиллинга, но обыкновенная цена—от восьми до десяти шиллингов. Я видел одного кондора, который был связан веревкой и был сильно поранен, но едва разрезали веревку, стягивавшую его клюв, как он, несмотря на окружающую его толпу, с жадностью набросился на кусок падали. Здесь же, в одном саду, содержали от двадцати до тридцати живых кондоров. Их кормили только раз в неделю, и, однако, они имели вполне здоровый вид*. Чилийские поселяне утверждают, что кондор может прожить без пищи, сохраняя при этом всю свою энергию, от пяти до шести недель;

* Я замечал, что за несколько часов до смерти кондора все кишевшие на нем вши выползают на наружные перья. Меня уверяли, что так бывает всегда.

Равнина в верховьях реки Санта Крус; на заднем плане Анды.
Рисунок Ч. Мартенса.

Фальклендские острова (сверху вниз): вход в пролив Беркли; поселение Порт Луи; поселение на берегу пролива Беркли.

Рисунки Ч. Мартенса.

не ручаюсь за справедливость этого, но такой жестокий опыт, по всему вероятию, был испробован.

Хорошо известно, что кондоры, подобно другим грифам, тотчас узнают о смерти погибшего где-нибудь в окрестностях животного и слетаются на его труп с непонятной быстротой. Не надо упускать из виду, что в большинстве случаев птицы эти открывают свою добычу и дочиста очищают скелет прежде, чем мясо успело хоть несколько попортиться. Припомнив опыты г. Одюбона относительно слабости обоняния у трупоядных птиц, я произвел следующий опыт в названном выше саду: кондоры были привязаны веревками, каждый отдельно, и посажены рядом у стены; завернувши кусок мяса в белую бумагу, я ходил взад и вперед перед птицами, держа его в руке на расстоянии трех ярдов от них, но птицы не обратили на это ни малейшего внимания. Тогда я бросил сверток на землю, на расстоянии ярда от одного старого самца; минуту он смотрел внимательно на него, а затем больше не обращал на него внимания. Я начал придвигать сверток палкой все ближе и ближе, пока он не коснулся клюва кондора; бумага мгновенно была изорвана с яростью, и тотчас же все птицы, расположенные в длинный ряд, стали биться и хлопать крыльями. Ввести таким образом в заблуждение собаку совершенно невозможно. Доводы в пользу и против острого чутья грифов странным образом уравновешиваются одни другими. Профессор Оуэн доказал, что обонятельные нервы грифа-индейки *(Cathartes aura)* чрезвычайно развиты, и в тот вечер, когда доклад м-ра Оуэна был зачитан в Зоологическом обществе, один из присутствовавших рассказывал, что он в двух случаях видел, как трупоядные грифы в Вест-Индии собирались на крыше дома, когда находившийся там труп, который не успели похоронить, начал издавать запах, о чем грифы едва ли могли в этом случае узнать при помощи зрения. С другой стороны, кроме опытов Одюбона и моего, м-р Бэчмен в Соединенных штатах ставил разнообразнейшие опыты, показавшие, что ни гриф-индейка (тот вид, который вскрывал профессор Оуэн), ни галлинасо не находят своей пищи чутьем. Он покрывал сильно попортившуюся падаль тонким холстом и сверху разбрасывал куски мяса; эти последние были съедены грифами, но вслед затем они тотчас же и успокоились, хотя их клюв находился всего на одну восьмую дюйма от вонючей падали, которой они не в состоянии были обнаружить. Как только сделали небольшой разрыв в холсте, падаль тотчас была обнаружена; холст заменили новым, по которому снова раскинули мясо, и оно снова было съедено грифами, не замечавшими прикрытой падали, по которой они ходили. Эти факты кроме м-ра Бэчмена засвидетельствовали своей подписью еще шесть джентльменов*.

Часто, ложась среди открытых равнин и глядя вверх, я видел грифов, носящихся в воздухе на большой высоте. Я не думаю, чтобы в ровной местности пространство, которое может внимательно рассмотреть пешеход или человек, сидящий на лошади, вообще говоря, было больше, чем какие-нибудь 15° над горизонтом. В таком случае, если гриф, прежде чем он попадет в поле нашего зрения, летит на высоте от 3 000 до 4 000 футов, то его расстояние по прямой линии

* Loudon's Magasine of Nat. Hist., vol. VII[115].

от глаза наблюдателя должно быть несколько более двух английских миль, и немудрено, что мы тогда и не замечаем его. Когда охотник убивает животное в уединенной долине, то очень возможно, что за ним все время следит с высоты зоркая птица. А способ, которым она спускается, может быть, дает знать всем грифам в окрестности, что для них есть добыча.

Когда кондоры кружатся стаей над каким-нибудь местом, их полет очень красив. Я ни разу не видел, чтобы птицы эти хлопали крыльями кроме самого момента поднятия их с земли. Близ Лимы я наблюдал за некоторыми около получаса, не сводя глаз: они на лету то описывали большие кривые линии, то круги, спускались и подымались, ни разу не взмахнув крылом. Когда они проносились близко надо мной, я внимательно следил по косвенному направлению за очертаниями каждого из больших маховых перьев крыла; малейшее колебание этих раздельных перьев тотчас бы уничтожило чистоту их очертаний, и они показались бы мне слитыми, но они все время отчетливо рисовались на голубом небе. Голове и шее сообщалось частое и, повидимому, сильное движение, а распростертые крылья составляли как бы точку опоры, определявшую движения шеи, туловища и хвоста. Когда птица начинала спускаться, то крылья у нее на минуту складывались, когда же она их снова распускала, с измененным наклоном, то скорость движения, приобретенная быстрым опусканием, как бы уносила птицу вверх ровным и твердым движением бумажного змея. При *взлете* птицы ее движение должно быть достаточно быстрым, чтобы действие наклонной поверхности ее тела на воздух могло уравновесить ее тяжесть. Сила, потребная для поддержания скорости тела, двигающегося в горизонтальном направлении в воздухе, где трение весьма слабое, не может быть очень велика, а только эта сила и нужна. Надо полагать, что для этого довольно движения шеи и туловища кондора. Как бы то ни было, все же нельзя без удивления и удовольствия смотреть, как такая большая птица по целым часам и без малейшего видимого усилия, парит и кружится над горами и реками.

29 апреля.—С невысокой возвышенности мы радостно приветствовали белые вершины Кордильер, выглянувшие сквозь темный облачный покров. В продолжение нескольких следующих дней мы подвигались вперед медленно, так как течение реки было извилисто и загромождено огромными обломками гранита и разных древних сланцевых пород. Равнина, окаймляющая долину, достигает здесь высоты около 1 100 футов над уровнем реки и значительно меняет свой характер. Кругловатые голыши порфира перемешаны с многочисленными громадными угловатыми обломками базальта и первичных пород. Первый из этих эрратических валунов, замеченных мной, находился в 67 милях от ближайшей горы; другой, измеренный мной, имел пять квадратных ярдов и подымался на пять футов над щебнем. Его края были до того угловаты, а объем так велик, что я сначала принял его за утес *in situ* и вынул компас, чтобы определить направление его откола. Равнина в этом месте не была так гладка, как у берега, но не обнаруживала никаких признаков значительного переворота. При таких обстоятельствах, я думаю, невозможно

иначе объяснить перенесение этих гигантских каменных масс на столько миль от места их первоначального залегания, как только теорией плавающих льдин.

В последние два дня мы нападали на лошадиные следы и находили мелкие вещи, принадлежащие индейцам,—куски плаща и пук страусовых перьев; но все это, повидимому, давно уже лежало на земле. Между тем местом, где индейцы в последний раз переправлялись через реку, и местностью, где мы теперь находились, страна была совершенно пустынна, хотя расстояние было очень велико. Сначала это меня удивило ввиду изобилия гуанако; но это объясняется каменистым характером равнин, по которым трудно охотиться на неподкованной лошади. Однако, в двух местах этой весьма уединенной страны я нашел небольшие кучи камней, которые, по моему мнению, не могли образоваться случайно. Они были положены на вершинах, выступающих над краем са́мого высокого лавового утеса, и походили, только в меньших размерах, на камни близ Порт Дезире.

4 мая.—Капитан Фиц Рой решил не вести боты дальше вверх по реке, которая стала очень излучистой и быстрой, а общий вид местности не внушал желания подвигаться далее. Всюду мы видели одни и те же предметы и все тот же угрюмый ландшафт. Мы теперь находились в ста сорока милях от Атлантического океана и около шестидесяти от ближайшего рукава Тихого. В этой верхней своей части долина расширялась в обширный бассейн, ограниченный с севера и юга базальтовыми платформами, а впереди господствовала длинная цепь Кордильер, увенчанных снегом. Мы с сожалением смотрели на эти высокие горы, вынужденные ограничиться одними соображениями об их природе, вместо того, чтобы, как мы надеялись, стоять на их вершинах. Не говоря о бесполезной трате времени, которой стоила бы нам попытка подняться выше по реке, мы уже несколько дней получали только половинную порцию хлеба. Хотя рассудительным людям достаточно, пожалуй, и этого, но после тяжелого дневного перехода это несколько скудно: пустой желудок и спокойное пищеварение—вещи, о которых хорошо рассуждать, но которые очень неприятны на деле.

5 мая.—Мы начали свое обратное плавание до восхода солнца. Мы неслись вниз по реке с большой быстротой, делая около десяти узлов в час. В этот один день мы прошли то, что стоило нам, при плавании вверх, пяти с половиной дней тяжкого труда. 8-го числа мы достигли «Бигля» после нашей 21-дневной экспедиции. Кроме меня, каждый имел причину быть недовольным; мне же эта экспедиция доставила знакомство с чрезвычайно любопытным разрезом великой третичной формации Патагонии.

1 марта 1833 г. и второй раз *16 марта 1834 г.* «Бигль» стал на якорь в проливе Беркли у Восточного Фальклендского острова. Этот архипелаг расположен почти на одной широте с устьем Магелланова пролива; он занимает пространство в сто двадцать географических миль в длину и шестьдесят в ширину, немногим больше половины Ирландии. Франция, Испания и Англия оспаривали друг у друга обладание этими жалкими островами, которые в конце концов остались необитаемыми. Правительство Буэнос Айреса усту-

пило их в частные руки, но пользовалось этими островами как поселением для преступников, так же, как в старину это делала Испания. Англия, объявив свои притязания, овладела архипелагом. Англичанин, оставленный охранять флаг, был убит. Послан был британский офицер, без всякого, однако, отряда, и когда мы прибыли, то нашли его среди народонаселения, бóльшая половина которого состояла из беглых мятежников и убийц.

Место действий достойно разыгравшихся на нем событий. Волнистая местность пустынного и жалкого вида всюду покрыта торфяными болотами и тощей травой однообразного бурого цвета. Там и сям вершина серого кварцевого утеса пробивается сквозь гладкую поверхность. Всякий слыхал о климате этих стран; его можно сравнить с тем, который господствует на высоте от одной до двух тысяч футов на горах Северного Уэльса; впрочем, здесь меньше солнечного света и мороза, но больше ветра и дождя*.

16 марта.—Опишу теперь небольшую экскурсию, сделанную мной вокруг одной части этого острова. Утром я отправился с шестью лошадьми и двумя гаучосами; последние были отменными людьми для этого предприятия, привыкшими пробиваться собственными средствами. Погода стояла холодная, с сильными бурями и градом. Мы, однако, подвигались вперед довольно благополучно, хотя—помимо геологического интереса—ничего не могло быть скучнее нашей поездки в этот день. Страна—все та же однообразная, волнистая болотистая местность, поверхность покрыта редкой бурой, грубой травой и немногими, очень мелкими кустами, поднимающимися из упругой торфяной почвы. В долинах там и сям встречались порой небольшие стада диких гусей и повсюду земля была так рыхла, что бекасы могли находить здесь свой корм. Кроме этих двух видов птиц здесь было очень мало других. Главная гряда холмов, около двух тысяч футов в вышину, сложенных из кварца, затруднила нам несколько переход своими шероховатыми и бесплодными гребнями. На южной стороне мы попали в местность, удобную для дикого рогатого скота, однако, встретили немного животных, потому что в последнее время их очень тревожили.

Вечером мы прошли мимо небольшого стада. Один из моих спутников, по имени Сант Яго, отогнал одну жирную корову и бросил бола, которые хотя и попали ей по ногам, но не опутали их. Бросив свою шапку, чтобы отметить место, где остались шары, он на всем скаку развернул свое лассо и после довольно трудной погони снова настиг корову и поймал ее за рога. Другой гаучо ушел вперед с запасными лошадьми, так что Сант Яго порядком повозился с разъяренным животным. Он старался вывести корову на ровное место, пользуясь каждый раз случаем, когда она на него бросалась; когда же она упрямо останавливалась, то моя лошадь, приученная к этому, с разбегу наносила ей своею грудью сильные толчки. Но для одного чело-

* По отчетам, обнародованным после нашего путешествия, и особенно по многим интересным письмам капитана Селивана, производившего съемку этих островов, выходит, что мы преувеличили вредность их климата. Но когда я подумаю о том, что торфяной покров здесь чрезвычайно широко распространен и что пшеница здесь редко вызревает, то мне с трудом верится, чтобы летом климат здесь был так хорош и сух, как это представляли в последнее время.

века справиться с обезумевшим от страха животным на ровном месте— дело нелегкое и было бы еще труднее, если бы лошадь, предоставленная самой себе, без всадника, не привыкала скоро, для собственной безопасности, не спускать лассо, так что, если корова или вол идут впереди, лошадь следует за ними тем же шагом; в противном случае она стоит неподвижно, наклоняясь на один бок. Наша лошадь впрочем была молода и не стояла тихо, а подавалась корове, когда она билась. Интересно было смотреть, с какой ловкостью Сант Яго изворачивался позади коровы, пока ему не удалось, наконец, нанести ей роковой удар в главное сухожилие задней ноги; после этого он без затруднения вонзил свой нож в верхушку спинного мозга и корова повалилась, как пораженная молнией. Затем он вырезал достаточное для всех нас количество кусков мяса с кожей, но без костей, и мы отправились к ночлегу, где имели к ужину «carne con cuero», т. е. мясо, зажаренное вместе со шкурой. Это лучше обыкновенной говядины настолько же, насколько дичь лучше баранины. Большой круглый кусок из задней части жарится на горячей золе шкурой, получающей форму блюдца, вниз, так что из мясного сока ни капли не пропадает. Если бы какой-нибудь почтенный ольдермен поужинал с нами в тот вечер, то «carne con cuero», без сомнения, сделалось бы скоро знаменитым в Лондоне.

Ночью шел дождь, и следующий день (17-го) был очень бурный, с градом и снегом. Мы ехали поперек острова к той полосе, которая соединяет Ринкон дель Торо (большой полуостров на юго-западной оконечности) с остальной частью острова. Так как здесь бьют много коров, то остается несоразмерное количество быков. Они бродят в одиночку или по два и по три вместе и чрезвычайно дики. Я никогда не видал таких великолепных животных; объемом своих громадных голов и шей они похожи на греческие мраморные изваяния. Капитан Селиван сообщил мне, что шкура быка средней величины весит 47 фунтов, между тем как шкура такого веса, но слабее просушенная, считается очень тяжелой в Монтевидео. Молодые быки обыкновенно отбегают несколько в сторону, но старые не трогаются ни на шаг, разве для того, чтобы броситься на человека или лошадь; много лошадей погибло таким образом. Старый бык перешел через болотистый ручей и остановился против нас на другой стороне; мы напрасно пытались отогнать его и принуждены были сделать большой обход. В отместку гаучосы решили оскопить его и сделать на будущее время безвредным. Любопытно было смотреть, как искусство восторжествовало над силой. Одно лассо закинуто было на рога, когда бык бросился к лошади, другое—на задние ноги; в мгновение обессиленное чудовище растянулось на земле. Когда лассо было туго затянуто вокруг рогов рассвирепевшего животного, то с первого раза казалось довольно трудным снять его обратно, не убив быка, и я думаю, для одного человека не было бы тут другого средства. Но с помощью второго человека, захватившего своим лассо задние ноги животного, оно было быстро усмирено, потому что, пока вытянутые задние ноги животного крепко держали, оно было совершенно беспомощно, и первый человек мог развязать свое лассо на рогах, а потом спокойно сесть на лошадь; в этот момент второй человек, отступив немного назад, ослабил узел, лассо соскользнуло с ног бьющегося живот-

ного, которое вскочило, отряхнулось и безуспешно кинулось на своего противника.

За все время нашей поездки мы встретили только один табун диких лошадей. Эти животные так же, как и рогатый скот, ввезены французами в 1764 г., и с тех пор и те и другие сильно размножились. Любопытно, что лошади никогда не оставляли восточной части острова, хотя здесь нет естественной преграды, которая бы им мешала бродить повсюду, и эта часть острова не заманчивее остальной его половины. Спрошенные мною гаучосы подтвердили, правда, этот факт, но ничем не могли объяснить его, кроме того, что лошади сильно привязываются к местности, с которой свыклись. Принимая во внимание, что остров заселен животными еще далеко недостаточно и что хищные животные на нем отсутствуют, мне было особенно любопытно узнать, что задержало их первоначально быстрое размножение. Что рано или поздно на незначительном острове какое-нибудь препятствие к излишнему размножению должно возникнуть—это несомненно; но почему же размножение лошади приостановилось ранее размножения рогатого скота? Капитан Селиван приложил много усилий, чтобы помочь мне в розысках по этому поводу. Гаучосы приписывали это явление, главным образом, жеребцам, которые постоянно бродят с места на место и заставляют кобыл им сопутствовать, не взирая на то, могут ли следовать за ними жеребята или нет. Один гаучо рассказывал капитану Селивану, что он наблюдал целый час, как жеребец жестоко толкал и кусал кобылу, до тех пор пока не принудил ее бросить жеребенка на произвол судьбы. Капитан Селиван может подкрепить этот любопытный рассказ тем, что он нередко находил мертвых жеребят, но ни разу не видел мертвого теленка. Кроме того, встречаются часто и трупы взрослых лошадей, как будто они более подвержены болезням и несчастным случаям, чем рогатый скот. Вследствие мягкости почвы, копыта их часто растут неправильно, становясь очень длинными, а это вызывает хромоту. Преобладающие цвета здешних лошадей—рыжий и серый. Все они, как ручные, так и дикие, небольшого роста, хотя вообще хороших стáтей; они настолько потеряли свою силу, что их нельзя употреблять при захватывании с помощью лассо дикого рогатого скота, вследствие чего здесь вынуждены много тратиться на ввоз свежих лошадей из Ла Платы. Вероятно, когда-нибудь южное полушарие будет иметь свою породу фалькленлских пони, как северное имеет свою шотландскую породу.

Рогатый скот не только не выродился, подобно лошадям, но, напротив, он, как выше замечено, еще кажется стал значительно рослее; он также гораздо многочисленнее лошадей. Капитан Селиван сообщил мне, что здешние коровы менее разнятся между собой общей формой тела и очертанием рогов, чем английские. Мастями же они чрезвычайно различны, и всего удивительнее то, что в разных частях этого небольшого острова преобладают различные цвета. Около горы Эшборн, на высоте от 1 000 до 1 500 футов над морем, почти половина стад мышиного или свинцового цвета,—масть, редко попадающаяся в других частях острова. Близ Порт Плизент господствует темнобурый, тогда как к югу от пролива Шуазель (который делит остров почти на две равные половины) белый скот с черными

головами и ногами встречается всего чаще, но по всему острову можно встретить пестрых и черных животных. Капитан Селиван говорит, что разница в господствующих цветах до того очевидна, что когда смотришь на стада близ Порт Плизент, они издали кажутся черными пятнами, между тем как к югу от пролива Шуазель они являются белыми пятнами на скатах холмов. Капитан Селиван полагает, что стада между собой не смешиваются; и странно, что скот мышиного цвета, хотя живет в гористом месте, телится месяцем ранее, чем скот других цветов на низменных местах. Интересно видеть, как этот скот, когда-то одомашненный, распался на три масти, из которых одна, по всей вероятности, в конце концов возобладает над прочими, если только стада будут оставлены в покое в продолжение нескольких веков.

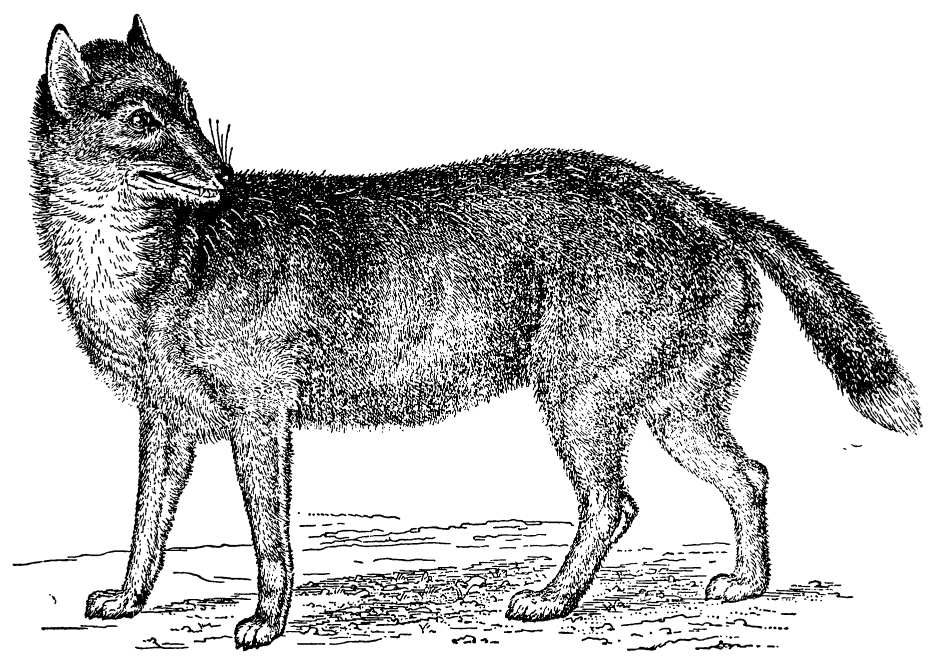
Кролик—тоже одно из ввезенных сюда животных; он здесь очень размножился, так что изобилует в большей части острова. Но, подобно лошадям, кролики тоже не распространились далее известных пределов,—они не перешли за центральную цепь холмов и даже не добрались бы до ее подошвы, если бы, как мне говорили гаучосы, они не были перенесены сюда малыми партиями. Я бы никак не мог полагать, чтобы эти животные, родом из Северной Африки, могли существовать в здешнем сыром климате, до такой степени лишенном солнечного света, что пшеница созревает здесь только изредка. Утверждают, что в Швеции, где, по общему мнению, климат гораздо более благоприятен, кролик не может жить на открытом воздухе. К тому же первым немногочисленным парам приходилось терпеть от существовавших до них врагов—лисиц и некоторых крупных грифов. Французские натуралисты рассматривали черную разновидность как отдельный вид и назвали его *Lepus Magellanicus* *. Они думали, что данное Магелланом описание какого-то животного под именем «conejos», которое он видел у Магелланова пролива, относится к этому виду; но он имел в виду маленькую морскую свинку (Cavia), которая и поныне зовется так испанцами. Гаучосы смеялись над тем, будто черная порода отличается от серой, и говорили, что во всяком случае черная порода не распространилась шире серой, что их никогда не находят отдельно и что, наконец, они охотно совокупляются между собой и производят пегих потомков. У меня есть теперь экземпляр последних, и знаки у него на голове оказались вовсе не те, которые внесены французами в видовое описание. Это обстоятельство доказывает, как осторожны должны быть натуралисты, устанавливая новые виды; даже Кювье, рассматривая череп одного из этих кроликов, решил, что это, вероятно, особый вид.

Единственное туземное четвероногое на острове**—большая

* Lesson, Zoology of the Voyage of the Coquille, t. I, p. 168. Все прежние путешественники, в особенности Бугенвиль, положительно утверждают, что волкообразная лисица была единственным туземным животным на острове. Видовые отличия кролика заключаются в особенностях его шерсти, в форме головы и в короткости ушей; замечу здесь, что различие между ирландским и английским зайцем основывается почти на подобных же признаках, только резче обозначенных.

** Впрочем, я имею основание предполагать, что здесь есть полевая мышь. Обыкновенные европейские крыса и мышь разбрелись далеко от жилищ поселенцев. Обыкновенная свинья тоже водится в диком состоянии на одном островке; она здесь черного цвета; боровы чрезвычайно свирепы и имеют большие клыки.

волкообразная лисица (*Canis antarcticus*), общая восточному и западному Фальклендским островам. Я не сомневаюсь, что это особенный вид, свойственный только этому архипелагу, потому что многие тюленепромышленники, гаучосы и индейцы, посещавшие эти острова, утверждают, что нигде больше в Южной Америке это животное не встречается. Молина на основании сходства в нравах полагал, что это животное то же, что его «culpeu» *, но я видел обоих и нахожу, что они совершенно различны. Эти волки хорошо известны из рассказа Байрона, который описал их как животных смирных и любопытных, их любопытство матросы ошибочно сочли за свирепость и,



Фальклендская волкообразная лисица (*Canis antarcticus*, Shaw).

спасаясь от них, бросились в воду. Доныне их привычки остаются такими же. Так, один раз они забрались в палатку и вытащили немного говядины прямо из-под головы спящего моряка. Гаучосы часто бьют их по вечерам, держа напоказ кусок мяса в одной руке, а в другой нож. Ни в одной части света нет, сколько мне известно, на таком незначительном клочке земли, отдаленном от материка, таких больших аборигенных четвероногих, ему одному свойственных. Численность их быстро уменьшается; они уже изгнаны из той половины острова, которая находится к востоку от перешейка между бухтой Сан Сальвадор и проливом Беркли. Через несколько лет после того, как будет проведено правильное заселение островов, эта лисица, по всей вероятности, будет поставлена наряду с додо, как животное, исчезнувшее с лица земли.

* «Culpeu»—это *Canis Magellanicus*, экземпляр которого привез в Англию капитан Кинг с берегов Магелланова пролива. Он встречается часто в Чили.

Ночью (17-го) мы ночевали у начала пролива Шуазель, на перешейке, отделяющем юго-западный полуостров. Долина была отлично защищена от холодного ветра, но не было хвороста для костра. Однако, гаучосы отыскали скоро весьма изумившее меня средство, которое давало огонь столь же жаркий, как уголь. Для этого послужил скелет недавно убитого бычка, мясо которого было обглодано грифами. Они мне рассказали, что зимой им часто случается убивать животное, снять ножом мясо с костей и с помощью тех же костей жарить это мясо.

18 марта.—Почти весь день лил дождь. Ночью мы завернулись в попоны, благодаря чему нам удалось не промокнуть и не прозябнуть; но земля, на которой мы спали, была почти во всех отношениях болотом, и после целого дня езды мы не могли отыскать сухого местечка, куда бы присесть. Я уже заметил в другом месте, насколько странным кажется полное отсутствие на этих островах деревьев, тогда как Огненная Земля сплошь покрыта лесом. Самый значительный куст на острове (из семейства сложноцветных растений) величиной едва с наш дрок[116]. Самое лучшее топливо доставляет маленький зеленый кустарник, не больше обыкновенного вереска, обладающий полезным свойством гореть даже в свежем состоянии. Удивительно было смотреть, как гаучосы под дождем, на пропитанной сыростью земле с помощью только лишь трута и тряпки, сразу развели огонь. Под травой и кустами отыскали они несколько сухих веток и расщепили их на отдельные волокна, затем они обложили их более толстыми ветками, наподобие птичьего гнезда, в середину положили тряпку с огнем и все это сверху прикрыли. Обращенное к ветру гнездо мало-помалу начало дымиться и, наконец, запылало. Я думаю, что с такими сырыми материалами никакой другой метод не имел бы успеха.

19 марта.—Отвыкнув за последнее время ездить верхом, я каждое утро чувствовал, что у меня словно деревянеют ноги, но изумился, услышав от гаучосов, с детства почти живущих на лошади, что в подобных случаях и они страдают. Сант Яго рассказывал мне, что, проболев три месяца, он отправился на охоту за диким скотом, и после этого у него до того одеревянели ноги, что он дня два должен был пролежать в постели. Это доказывает, что гаучосы порядочно напрягают свои мускулы при езде верхом, хотя это и незаметно. Охота за диким скотом должна быть очень трудным делом в местности, столь неудобной для езды, как здешняя, благодаря ее болотистой почве. Гаучосы говорят, что они часто во всю прыть проезжают такие места, которые были бы непроходимы при более медленной езде, подобно тому, как катаются на коньках по тонкому льду. Во время охоты партия старается подойти как можно ближе к стаду, но так, чтобы не быть замеченной. Каждый участник имеет при себе четыре или пять пар бола; он бросает их одно за другим и, поймав возможно больше животных, оставляет их в этом положении на несколько дней, пока они немного поистощатся от голода и барахтанья. Их тогда освобождают и пригоняют к небольшому стаду домашнего скота, который именно с этой целью приводят сюда. Достаточно напуганный дикий скот следует за стадом и, если у него хватает еще силы, его уже без труда пригоняют в поселение.

Погода все стояла такая плохая, что мы решили непременно до ночи вернуться на корабль. От непрерывно падавшего дождя поверхность всей страны сделалась топкой. Лошадь моя падала, я думаю, раз двенадцать, а иногда все шесть лошадей барахтались вместе в грязи. Берега всех маленьких ручьев образованы мягким торфом, и лошадям очень трудно перескакивать через ручьи, не спотыкаясь. К довершению наших злоключений нам пришлось переправляться вброд через маленький морской залив, в котором вода доходила нашим лошадям до спины; при этом о нас разбивались мелкие волны, поднятые сильным ветром, так что мы промокли и озябли. Даже привычные ко всему гаучосы выразили радость, когда мы добрались до поселения после нашей небольшой экскурсии.

Геологическое строение этих островов во многих отношениях очень просто. Низменность состоит из сланцеватой глины и песчаника, которые содержат ископаемых, весьма близких к находимым в силурийских формациях Европы, но не тождественных с ними; холмы образованы белой зернистой кварцевой породой. Слои последней часто изогнуты совершенно симметрично, вследствие чего некоторые возвышения имеют чрезвычайно странный вид. Пернети* посвятил многие страницы описанию Холма развалин (Hill of Ruins), последовательные слои которого он справедливо сравнил с рядами амфитеатра. Кварцевая порода должна была обладать значительной мягкостью, если могла подвергнуться таким замечательным изгибам, не распавшись на куски. Так как кварц незаметно переходит в песчаник, то весьма вероятно, что первый обязан своим происхождением песчанику, который подвергся такому сильному нагреванию, что сделался вязким, а при остывании кристаллизовался. Он, вероятно, был продвинут сквозь вышележащие пласты, находясь именно в мягком состоянии.

Во многих частях острова дно долин покрыто мириадами больших угловатых обломков кварцевого камня, образующих «каменные потоки». О них упоминают с удивлением все путешественники со времен Пернети. Обломки эти не истерты водой—их углы только немного притуплены; в объеме они имеют от одного и двух футов в диаметре до десяти футов и даже в двадцать раз более этого. Они не сброшены вместе в неправильные кучи, а растянуты ровными полосами или большими потоками. Невозможно измерить толщину слоя, ими образуемого, но слышно, как на глубине нескольких футов под поверхностью струится между камнями вода маленьких ручейков. Настоящая глубина слоя, вероятно, велика, ибо иначе расщелины между нижними обломками давно бы уже наполнились песком. Ширина этих каменных полос различна, от нескольких футов до мили, но торфяная почва с каждым днем захватывает все больше места, образуя островки даже там, где несколько обломков лежат близко друг к другу. В одной долине, к югу от пролива Беркли, которую некоторые из нашей компании назвали «большой долиной обломков», нам пришлось переходить через непрерывную гряду в полмили шириной и прыгать с одного остроконечного утеса на другой. Обломки были до того велики, что застигнутый ливнем, я скоро нашел приют под одним из них.

* Pernety, Voyage aux Isles Malouines, p. 526.

Самая замечательная черта этих «каменных потоков» состоит в незначительности их наклона. По склонам холма я видел, что он наклонен к горизонту под углом в десять градусов, но в некоторых ровных, широких долинах наклон так мал, что его едва можно различить. На такой неровной поверхности никак нельзя было измерить угла наклона, но, чтобы дать общее представление о нем, могу сказать, что наклон этот не замедлил бы скорости английской почтовой кареты. В некоторых местах сплошной поток этих обломков простирался вдоль всей долины и даже достигал до самого гребня холма. На этих гребнях громадные массы, размерами превосходившие небольшие здания, казалось были остановлены в своем безудержном стремлении: изогнутые, подобно сводам, слои нагромождены один на другой, напоминая развалины огромного древнего собора. Пытаясь описать такого рода грандиозные явления, невольно переходишь от одного сравнения к другому. Мы можем себе представить, что потоки белой лавы текли из многих гор в низменную часть страны, и когда они отвердели, то каким-нибудь значительным сотрясением были расколоты на мириады обломков. Выражение «каменные потоки», немедленно приходящее в голову всякому, скрывает ту же мысль. На месте эта картина еще более поражает своим резким контрастом с низкими округленными формами соседних холмов.

Весьма любопытным показался мне на самой высокой вершине одного из гребней (около 700 футов над уровнем моря) большой изогнутый обломок, лежавший на своей выпуклой стороне, т. е. «спиною» вниз. Не следует ли предположить, что он был подброшен на воздух и перевернулся? Или, может быть, вероятнее представить себе, что первоначально часть этого гребня возвышалась над той вершиной, на которой теперь лежит этот памятник мощной конвульсии природы. Так как обломки в долинах не круглые и расщелины между ними не заполнены песком, то следует думать, что период потрясений начался после поднятия страны над водами моря. В поперечном разрезе дно этих долин почти ровное или возвышается постепенно к обеим сторонам. Вследствие этого кажется, что обломки передвигались с верхнего конца долины; но в действительности более вероятно, что они были сброшены вниз с ближайших покатостей, и уже после того колебательное движение необычайной силы* вытянуло их в сплошную полосу. Если во время землетрясения**, опрокинувшего в 1835 г. Консепсион в Чили, удивлялись, когда небольшие тела были подброшены на несколько дюймов от земли, то что же сказать о движении, заставившем глыбы в несколько тонн весом двигаться вперед, как песок на колеблющейся доске, и расположившем их ровным слоем. На Кордильерах в Андах я видел ясные следы того, что огромные горы были разбиты на куски, как тонкая кора, и пласты

* «Nous n'avons pas été moins saisis d'étonnement à la vûe de l'innombrable quantité de pierres de toutes grandeurs, bouleversées les unes sur les autres, et cependant rangées, comme si elles avoient été amoncelées négligemment pour remplir des ravins. On ne se lassoit pas d'admirer les effets prodigieux de la nature»[118]. Pernety, p. 526.

** Один обитатель Мендосы, который должен быть хорошим судьей в этом деле, уверял меня, что в продолжение многих лет, которые он провел на этих островах, он ни разу не чувствовал ни малейшего толчка землетрясения.

были расположены стоймя, на своих вертикальных ребрах; но никогда ни одно явление, кроме этих «каменных потоков», не внушало мне с такой силой мысли о потрясении, подобного которому мы напрасно будем искать в летописях истории. Впоследствии наука, вероятно, найдет более простое объяснение этого явления, подобно тому, как она уже разъяснила бывший долго загадочным перенос эрратических валунов, раскиданных по равнинам Европы[117].

О фауне этих островов мне придется говорить немного. Я уже прежде описал каракару, или Polyborus. Встречается здесь еще несколько грифов, сов и мелких сухопутных птиц. Особенно многочисленны водные птицы, которых, по рассказам старинных мореплавателей, в прежнее время было еще больше. Однажды я наблюдал, как баклан играл с пойманной им рыбой. Восемь раз сряду птица отпускала свою добычу, снова ныряла за ней, вытаскивая ее каждый раз с довольно большой глубины на поверхность. В зоологических садах мне случалось видеть выдр, обращавшихся с рыбой таким же образом, словно кошка с мышью; я не знаю другого примера, где бы госпожа Природа выказала такую настойчивую жестокость. В другой раз мне доставили большое удовольствие наблюдения над повадками пингвина *(Aptenodytes demersa)*, которому я отрезал отступление к воде. Это была храбрая птица, и, чтобы добраться до моря, она дала правильное сражение и заставила меня отступить. Только очень сильные удары могли бы ее остановить; она крепко держалась за каждый завоеванный дюйм, стоя передо мной прямо и решительно. При этом она все время престранно вертела головой из стороны в сторону, как будто способность ясного видения свойственна только передним и нижним частям ее глаз. Птицу эту обыкновенно называют ослом-пингвином, потому что она имеет привычку, находясь на берегу, закидывать голову назад и издавать громкий, странный крик, очень похожий на рев осла; когда же она находится на море и ничем не встревожена, то издает весьма глубокие и торжественные звуки, которые бывают часто слышны в ночное время. При нырянии она пользуется своими короткими крыльями, как плавниками, на суше же—как передними ногами. Пингвин, пробирающийся, можно сказать, на четырех ногах, сквозь туссок[119] или по скату поросшего травой утеса, двигается так быстро, что его легко принять за четвероногое. Когда он ловит рыбу на море, то с такой быстротой выходит из воды, чтобы вдохнуть свежий воздух, и так мгновенно погружается снова в воду, что с первого взгляда всякий наверное примет его за рыбу, которая играет, выскакивая из воды.

На Фальклендских островах живут две породы гусей. Нагорный вид *(Anas Magellanica)* встречается парами и небольшими стаями по всему острову. Это не перелетные птицы, они вьют гнезда на мелких окружных островах. Полагают, что они выбирают для гнездовья эти островки, чтобы обезопасить себя от нападения лисиц; может быть, по той же причине эти птицы, очень ручные днем, становятся пугливыми и дикими с наступлением вечерних сумерек. Они питаются исключительно растительной пищей. Скалистый гусь, называемый так потому, что постоянно живет среди скал на морском берегу *(Anas antarctica)*, попадается и здесь, и на западном берегу

Америки (до самого Чили). В глубоких и уединенных каналах Огненной Земли белоснежный гусак, неизменно сопровождаемый своей более темной подругой и виднеющийся часто вместе с ней на какой-нибудь отдаленной скале, представляет обязательную особенность ландшафта.

На этих островах водится в изобилии еще одна большая толстоголовая утка, или гусь *(Anas brachyptera)*, которая иногда весит до двадцати двух фунтов. Ее прежде называли скаковой лошадью за необыкновенную привычку плескаться и брызгаться на воде; теперь же ей придают более подходящее название «пароход». Крылья этих птиц слишком малы и слабы для летания, но с их помощью, отчасти плавая и отчасти хлопая по воде, они передвигаются очень быстро. Характер ее движения напоминает несколько наших домашних уток, когда они спасаются от преследующей их собаки; но я почти уверен, что «пароход» действует крыльями попеременно, а не обоими сразу, как другие птицы. Эти неповоротливые, глупые утки производят такой шум и плескание, что получается удивительно странное впечатление.

Итак, мы нашли в Южной Америке трех птиц, употребляющих свои крылья не для летания; пингвину они заменяют плавники, «пароходу»—весла, а страус действует ими, как парусами; у новозеландского киви, как и у вымершего его гигантского прототипа динорниса, имеются вместо крыльев только одни их зачатки. «Пароход» способен нырять только на весьма незначительную глубину. Он питается одними моллюсками, доставая их с морских водорослей и с заливаемых приливом утесов; поэтому клюв и голова, приспособленные для разламывания раковин, чрезвычайно тяжелы и крепки: мой геологический молоток с трудом раздробил его крепкий череп, и все наши охотники скоро убедились в необыкновенной живучести этой птицы. Когда по вечерам, собираясь стаей, они чистят свои перья, то производят такой же странный шум, представляющий собой целую смесь звуков, как лягушки-быки под тропиками.

На Огненной Земле и на Фальклендских осторовах я произвел много наблюдений над низшими морскими животными*, но они не представляют общего интереса. Приведу только ряд фактов о некоторых зоофитах из наиболее сложного по своей организации отряда этого класса. Многие роды (Flustra, Eschara, Cellaria, Crisia и др.) сходны в том отношении, что снабжены своеобразными подвижными

* Я сосчитал яйца большой белой дориды (Doris)—этот морской слизень имел в длину 3½ дюйма—и изумился их многочисленности. Яйца (каждое в 0,003 дюйма в диаметре) находились по 2 и по 5 в маленьких сферических мешочках. Последние были расположены двумя рядами, причем каждый мешочек был поставлен поперек ряда; оба ряда образовали ленту, которая своим концом прикреплялась к скале в виде овального завитка. Одна из лент, измеренная мною, имела около 20 дюймов в длину и полдюйма в ширину. Если подсчитать число мешочков, умещающихся в одной десятой дюйма одного ряда и число рядов в таком же отрезке ленты, то по самому умеренному вычислению здесь было до шестисот тысяч яиц. И тем не менее эта дорида в действительности попадается довольно редко: я не раз искал ее под камнями, а нашел только семь особей. *Не существует заблуждения, более распространенного среди натуралистов, нежели убеждение в том, что численность какого-нибудь отдельного вида зависит от его силы размножения* [120].

органами (такими же, как у *Flustra avicularia*, находимой в европейских морях), прикрепленными к их ячейкам. В большинстве случаев орган этот очень похож на ястребиную голову, но нижняя челюсть раскрывается более широко, чем у настоящего птичьего клюва. Самая головка обладает значительной подвижностью благодаря наличию короткой шеи. У одного из зоофитов головка была неподвижна, но нижняя челюсть свободна; у другого она была заменена треугольной шапочкой, с красиво прилаженной опускной дверцей, очевидно соответствующей нижней челюсти. У большей части видов каждая ячейка была снабжена одной головкой, у других же—двумя.

Молодые ячейки на верхушках ветвей этих кораллин заключали еще совершенно незрелых полипов, но прикрепленные к ним ястребиные головки, хотя и очень малого размера, были вполне развиты. Когда полипа вытягивали иголкой из ячейки, то названные органы, казалось, нисколько от этого не страдали. Если отрезали от ячейки одну из ястребинообразных головок, то нижняя челюсть ее сохраняла способность раскрываться и закрываться. Самая странная особенность их строения заключается, пожалуй, в том, что при наличии на одной ветви более двух рядов ячеек, центральные ячейки хотя и снабжены этими придатками, но последние по своему размеру равны только $^1/_4$ размера боковых. Движения их различны, смотря по виду; у некоторых я и вовсе не замечал движения, тогда как другие с широко открытыми нижними челюстями колебались взад и вперед, причем скорость одного колебания составляла пять секунд; были и такие, которые двигались быстро и скачками. Если касались клюва иголкой, он обыкновенно схватывал ее кончик так крепко, что вся ветвь приходила в сотрясение.

Эти придатки не имеют никакого отношения к продуцированию яиц или почек, ибо они образуются прежде, чем молодые полипы появляются в ячейках на концах растущих ветвей; так как они двигаются независимо от полипов и, повидимому, не находятся с ними ни в какой связи, притом же имеют различный размер на наружных и внутренних рядах ячеек, то я не сомневаюсь, что по своим функциям они должны быть скорее отнесены к роговой оси ветвей, чем к полипам в ячейках. Мясистый придаток на нижнем конце морского пера (описание которого я дал выше, рассказывая о Байа Бланке) также представляет собой часть всего зоофита, точно так же как корни дерева составляют часть дерева, а не отдельного листа или цветочных почек.

У другой красивой маленькой кораллины (Crisia?) каждая ячейка была снабжена длинной зубчатой щетинкой, способной быстро двигаться. Каждая из этих щетинок так же, как и каждая из ястребинообразных головок, двигалась совершенно независимо от других: иногда они двигались, впрочем, одновременно все по обеим сторонам ветви, иногда же только на одной стороне; по временам они двигались в правильном порядке одна за другой. Все эти явления показывают, повидимому, что у зоофитов, составленных из тысяч отдельных полипов, совершается такая же передача воли, как и у любого индивидуального животного. Нечто совершенно подобное мы видим и у морского пера, которое при прикосновении зарывалось в песок на берегу Байа Бланки. Приведу еще пример одновременного дейст-

вия, хотя и совершенно иного характера, у зоофита, близкого к Clytia, следовательно, очень просто организованного. Я держал в сосуде с соленой водой большой пучок этих зоофитов, и когда я натирал в темноте какую-нибудь часть ветки, то все животное начинало сильно фосфоресцировать зеленым светом; ничего красивее в этом роде я, кажется, и не видывал. Самым же замечательным было то обстоятельство, что искры света подвигались вверх по веткам, от их основания к концам [121].

Меня всегда чрезвычайно интересовало исследование этих колониальных [122] животных. Действительно, что может быть любопытнее организма, имеющего вид растения, но производящего яйцо, которое может плавать, выбирать удобное место для прикрепления и затем давать от себя ветви, каждая из которых усажена бесчисленными отдельными животными, часто весьма сложной организации? Кроме того, как мы видели, ветви иногда обладают органами, могущими двигаться независимо от полипов. Как ни кажется изумительным это соединение самостоятельных особей на одном общем стволе, но то же самое представляет нам каждое дерево, ибо почки следует рассматривать как самостоятельные растения. Вполне естественно, однако, что полипа, снабженного ртом, внутренностями и другими органами, следует считать самостоятельной особью, между тем как индивидуальность листовой почки проявляется значительно слабее; поэтому соединение раздельных особей в одно общее тело поражает нас более у кораллины, чем у дерева. Представление о колониальном животном, в котором отдельные особи в некоторых отношениях не вполне самостоятельны, облегчится для нас, если мы вспомним о том, что из одного существа могут произойти две отдельные особи через рассечение его ножом или же с помощью естественного деления. Мы можем рассматривать отдельных полипов зоофита или же почки дерева, как особи, обособление которых не доведено до конца. Действительно, как у деревьев, так, судя по аналогии, и у кораллин отдельные особи, развившиеся из почек, могут считаться более тесно связанными между собой, чем яйца или семена со своими родителями. Ныне, кажется, вполне установлено, что растениям, развившимся из почек, свойственна обычная продолжительность жизни; всякому притом хорошо известно, какие странные и многочисленные особенности постоянно передаются почками, черенками и прививками, особенности, которые при размножении семенами или совсем не проявляются или обнаруживаются только случайным образом.

ГЛАВА X

ОГНЕННАЯ ЗЕМЛЯ

Огненная Земля, первое прибытие.—Бухта Доброго Успеха.—Уроженцы Огненной Земли на корабле.—Свидание с дикарями.—Лесной пейзаж —Мыс Горн.— Залив Вигвам.—Жалкое положение дикарей.—Голод.—Людоеды.—Матереубийство.—Религиозные чувствования.—Сильный ветер.—Канал Бигля.— Пролив Понсонби.—Постройка вигвамов и поселение огнеземельцев.—Раздвоение Канала Бигля.—Ледники.—Возвращение на корабль.—Второе посещение «Биглем» поселения.—Равенство между туземцами.

17 декабря 1832 г.—Покончив рассказ о Патагонии и Фальклендских островах, я опишу теперь наше первое прибытие на Огненную Землю. Вскоре после полудня мы обогнули мыс Сан Диего и вступили в знаменитый пролив Ле Мер. Мы держались близко к берегу Огненной Земли, а вдали виднелись среди облаков очертания суровой, негостеприимной Земли Статен. В полдень мы бросили якорь в Бухте Доброго Успеха. При въезде нам был отдан салют соответствующим для жителей этой дикой страны образом. Группа огнеземельцев, отчасти скрытая густым лесом, сидела на мысе, нависшем над морем; когда мы проехали мимо, люди эти вскочили и с громкими, зычными криками стали махать своими рубищами. Они пошли потом вслед за кораблем, и еще до наступления темноты мы увидели их огонь и снова услышали их дикие крики. Бухта представляет собой живописное водное пространство, окаймленное с одной стороны низкими, округлыми горами из сланцеватой глины, покрытыми до самой воды густым, мрачным лесом. Одного взгляда на этот ландшафт было достаточно, чтобы я мог заметить, что он резко отличается от всего виденного мною до сих пор. Ночью дул крепкий ветер, мимо нас проносились с гор сильные шквалы. Плохо было бы в это время в открытом море, и мы имели все основания назвать эту бухту, как и другие мореплаватели, Бухтой Доброго Успеха.

Утром капитан отрядил партию, чтобы завязать сношения с огнеземельцами. Когда мы приблизились на расстояние человеческого голоса, один из четырех присутствовавших дикарей выступил вперед как бы для того, чтобы принять нас и начал очень громко кричать, желая указать нам, где высадиться. Когда мы вышли на берег, дикари казались как будто встревоженными, но продолжали толковать и выделывать жесты с большой быстротой. Мне никогда не случалось видеть более странного и любопытного зрелища; я не мог себе представить, как далеко расстояние между дикарем и образованным чело-

Огненная Земля (сверху вниз): мыс Горн (два вида с восточной стороны); мыс Горн (вид с западной стороны, слева—мыс Спенсер); бухта Сан Франсис и вход в бухточку Сан Мартин; гора Иорк Минстер; мыс Ложный Горн; Черный мыс (два вида); ю.-з. вход в канал Кокбёрн.

Рисунки У. У. Уильсона.

Огнеземельцы. Левый ряд (сверху вниз): Фуэгия Баскет в 1833 г., Джемми Бёттон в 1834 г., Иорк Минстер в 1832 г.; правый ряд (сверху внив): жена Джемми в 1834 г., Джемми в 1833 г., Иорк в 1833 г.

веком,—оно значительнее, чем между диким и домашним животным, только в человеке больше способности к усовершенствованию. Все переговоры вел старик, который, повидимому, был главою семьи; остальные трое были сильные, молодые люди, ростом футов в шесть. Женщины и дети были удалены. Эти огнеземельцы нисколько не походят на людей той хилой и жалкой породы, которая обитает далее к западу; они более родственны с знаменитыми патагонцами Магелланова пролива. Единственная их одежда состоит из плаща, сделанного из шкуры гуанако, мехом вверх; этот плащ они набрасывают себе на плечи, с грехом пополам прикрывая свое тело. Кожа их грязного, меднокрасного цвета.

На голове у старика была повязка из белых перьев, отчасти сдерживавшая его черные, грубые и всклокоченные волосы. Лицо его было пересечено двумя широкими поперечными полосами: одна, яркокрасная, шла от одного уха к другому по верхней губе; другая, белая, как мел, тянулась над первою и параллельно ей, так что даже веки были окрашены. Двое других были украшены полосами черной пудры, сделанной из древесного угля. Все они походили на чертей, появляющихся на подмостках в таких театральных пьесах, как, например, «Der Freischütz»[123].

Вся фигура их выражала нечто приниженное, а выражение лиц было жалкое, изумленное и испуганное. После того, как мы подарили им яркокрасные платки, которые они немедленно обвязали вокруг шеи, они стали нашими приятелями. Старик проявил это тем, что начал толкать нас в грудь и издавать звуки, похожие на кудахтанье, как это делается при кормлении цыплят. Я пошел со стариком, и он не раз повторил свое странное доказательство дружбы, завершив его тремя крепкими ударами, которые он нанес мне в грудь и спину одновременно. После того он обнажил свою грудь, чтобы я ответил на комплимент и, когда это было сделано, он казался чрезвычайно довольным. Язык этого народа, сколько мы можем судить, едва ли заслуживает названия членораздельного[124]. Капитан Кук сравнивал его со звуками при полоскании горла, но, конечно, ни один европеец не производит при полоскании своего горла столько сиплых, гортанных и щелкающих звуков.

Они прекрасно умеют подражать: стоило кому-нибудь из нас кашлянуть, зевнуть или сделать какое-нибудь странное движение, как они тотчас все это повторяли. Один из наших начал косить глазами и глядеть одним глазом; но молодому огнеземельцу (у которого все лицо было выкрашено черным, кроме одной белой полоски поперек глаз) удалось сделать еще более отвратительные гримасы. Они были в состоянии повторять совершенно правильно каждое слово фразы, с которой мы к ним обращались, и слова эти они даже помнили некоторое время. Мы, европейцы, знаем, как трудно различать в отдельности звуки иностранного языка. Кто из нас, например, может повторить вслед за американским индейцем фразу, состоящую более, чем из трех слов? Все дикари как будто обладают в необыкновенной степени этой способностью подражания. Почти то же мне рассказывали о такой же смешной привычке у кафров. Австралийцы также давно славились своей способностью подражать походке любого человека так, что его можно было узнать.

Как объяснить эту особенность? Не есть ли это следствие постоянного упражнения восприятий и необыкновенного изощрения чувств, что свойственно дикарям в большей мере, чем людям, давно цивилизованным?

Когда наши затянули песню, я думал, что огнеземельцы попадают ниц от изумления; с таким же удивлением они смотрели на наши танцы; но один из молодых, когда его попросили, не отказался немного повальсировать. Повидимому, они мало привыкли к европейцам, но знали и боялись нашего огнестрельного оружия; ничто не могло заставить их взять ружье в руки. Они просили ножей, называя их испанским словом «cuchilla», и поясняли свою просьбу еще и жестами, показывая, будто у них во рту по куску ворвани, и они желают ее отрезать, вместо того, чтобы обрывать.

До сих пор я ни разу еще не говорил об огнеземельцах, которые находились на борту «Бигля». Во время прежнего своего плавания на кораблях «Эдвенчер» и «Бигль», с 1826 по 1830 г., капитан Фиц Рой захватил партию туземцев в виде заложников за потерю лодки, которая была украдена к великой опасности лиц, занимавшихся съемкой; некоторых из этих туземцев, равно как и мальчика, купленного за перламутровую пуговицу, он взял с собой в Англию, решив воспитывать их и наставлять в религии на свой счет. Желание переселить этих туземцев опять на родину было одним из главных мотивов, побудивших капитана Фиц Роя принять участие в настоящем нашем путешествии, и, прежде чем адмиралтейство решило отправить экспедицию, капитан Фиц Рой великодушно нанял судно и хотел сам свезти их обратно. Туземцев сопровождал миссионер преподобный Метьюс; о нем и туземцах капитан Фиц Рой обнародовал полный и превосходный отчет. Первоначально взяты были отсюда двое мужчин, из которых один умер в Англии от оспы, да мальчик и девочка; теперь у нас на корабле находились: Иорк Минстер, Джемми Бёттон (имя которого выражает «монету», за которую его приобрели) [125] и Фуэгия Баскет. Иорк Минстер был вполне зрелый, полный, небольшого роста, сильный мужчина; нрава он был сдержанного, молчаливого, угрюмого, но, если его раздражали, он проявлял бурную вспыльчивость; он очень крепко привязался к некоторым из друзей своих на корабле; способности его были хорошие. Джемми Бёттон был общим любимцем, но тоже был очень вспыльчивым; выражение его лица сразу обнаруживало его милый нрав. Он был весел, часто смеялся и был замечательно чувствителен к чужому горю: когда в море бывало бурно, я часто страдал немного от морской болезни, и он постояно подходил ко мне и говорил жалобным голосом: «Бедный, бедный малый!» Но ему, привыкшему к жизни на воде, смешно было слышать о человеке, страдающем морской болезнью, и он всегда был принужден повертываться в сторону, чтобы скрыть улыбку или смех, а потом уже повторял свое: «Бедный, бедный малый!» Он был патриотом и любил восхвалять свое родное племя и свою страну, в которой, как он говаривал, растет «множество деревьев», остальные же племена он бранил; он настойчиво утверждал, что в его земле нет дьявола. Джемми был небольшого роста, толст и тучен, но чванился своей наружностью; постоянно носил перчатки, подстригал щеголевато свои во-

лосы и бывал в отчаянии, если его тщательно вычищенные башмаки как-нибудь запачкаются. Он любил также рассматривать себя в зеркале; один веселый индейский мальчик из Рио Негро, находившийся несколько месяцев у нас на корабле, вскоре это подметил и часто над ним посмеивался. Джемми, всегда ревновавший к мальчику за внимание, которое ему оказывали, очень этого не долюбливал и обыкновенно презрительно покачивал головой и говорил: «Жаворонок ты этакий!» Когда я думал о добрых качествах, которыми он был одарен, меня особенно удивляло, что он принадлежал к одной расе с теми жалкими и униженными дикарями, которых мы впервые здесь встретили и с которыми он, без сомнения, имел много общего в характере. Наконец, Фуэгия Баскет была милая, скромная, сдержанная молодая девушка, с довольно приятным, хотя иногда и угрюмым выражением лица; она очень быстро усваивала то, чему ее учили, особенно языки. Так, например, будучи оставлена на короткое время на берегу в Рио де Жанейро и Монтевидео, она выучилась немного португальскому и испанскому языкам; она неплохо знала и английский язык. Иорк Минстер был очень ревнив ко всякой любезности, ей оказываемой: ясно было, что он решил жениться на ней, как только они поселятся на берегу.

Хотя все трое говорили и понимали порядочно по-английски, все-таки трудно было добиться от них сведений об обычаях их земляков; это происходило отчасти от того, что они, очевидно, с трудом понимали самые простые вещи. Всякий, имевший дело с очень маленькими детьми, знает, до чего трудно получить от них ответ даже на такой простой вопрос, как бела или черна какая-нибудь вещь; понятия о белом и черном как будто чередуются в их уме[126]. В таком же положении были наши огнеземельцы, и оттого вообще невозможно было убедиться посредством перекрестных вопросов, правильно ли понято нами то, что̀ они рассказывали. Зрение у них было чрезвычайно остро; известно, что матросы в результате долгого упражнения в состоянии различать отдаленные предметы лучше жителя суши; но Иорк и Джемми превосходили в этом отношении всякого матроса: несколько раз они указывали на чрезвычайно отдаленные предметы, и, несмотря на общее сомнение, они всегда оказывались правы, когда для проверки прибегали к помощи телескопа. Они хорошо сознавали свою силу, и Джемми бывало, когда он не был в ладу с дежурным офицером, говорил: «Мой видит корабль, мой не скажет».

Любопытно было наблюдать, когда мы вышли на берег, поведение дикарей в отношении к Джемми Бёттону: они немедленно заметили разницу между ним и нами и много об этом между собой толковали. Старик обратился к Джемми с длинной речью, в которой, повидимому, приглашал его остаться с ними; но Джемми очень плохо понимал их язык, к тому же он определенно устыдился своих соотечественников. Когда затем на берег сошел Иорк Минстер, они его приняли точно так же и сказали, что ему следует выбриться, хотя у него на лице едва ли было двадцать волосков, тогда как у всех нас были небритые бороды. Они рассматривали цвет его кожи, сравнивая ее с нашей. Когда один из нас обнажил свою руку, они выразили свое живое изумление при виде ее белизны, точь в точь

как оранг-утан, которого я как-то наблюдал в зоологическом саду. Нам казалось, что они приняли за женщин в нашей партии двух или трех офицеров, которые были ниже ростом и красивее, хотя и украшены большими бородами. Самый высокий из огнеземельцев, видимо, очень обрадовался, когда мы обратили внимание на его высоту. Поставленный спиной к спине с самым высоким из лодочной команды, он всячески старался стать как-нибудь на более высокое место и подняться на цыпочки. Он раскрывал рот, чтобы показать свои зубы, и поворачивал лицо, чтобы показать себя в профиль; все это делалось с необыкновенным самодовольством, и я уверен, что он считал себя первым красавцем на Огненной Земле. Когда прошло наше первое изумление, то нас поражала лишь смешная сторона этого странного смешения подражания и удивления, которое дикари обнаруживали каждую минуту.

На следующий день я попытался проникнуть внутрь страны. Огненную Землю можно представить себе как гористую страну, которая частично опустилась в море, вследствие чего глубокие проливы и бухты занимают места долин. Скаты гор, кроме открытого западного берега, заросли от самой воды и до верхушек густым лесом. Деревья поднимаются на высоту 1 000 и 1 500 футов; за ними следует торфяная полоса с мелкими альпийскими растениями; еще выше проходит линия вечного снега, лежащая, по мнению капитана Кинга, в Магеллановом проливе на высоте от 3 000 до 4 000 футов. Очень редко можно найти хотя один акр ровной земли в этой стране. Я припоминаю только один небольшой плоский клочок близ Порт Фемин и другой, несколько большей величины, близ Гёри Руд. На этих местах, как и на других, поверхность покрыта толстым слоем топкого торфа. Даже в лесу почва завалена массой медленно гниющих растительных веществ, которые пропитаны водой и проваливаются под ногами.

Отказавшись от надежды проложить себе дорогу через лес, я пошел вдоль по течению одного горного потока. Сначала я едва мог пробираться вперед из-за водопадов и множества поваленных деревьев, но скоро русло потока стало свободнее, потому что волны расчистили берега. В продолжение часа я медленно подвигался вдоль изрытых и утесистых берегов и был щедро вознагражден величием открывшейся предо мной картины. Мрачная глубина оврага вполне гармонировала с заметными повсюду следами мощных потрясений. Везде лежали неправильные глыбы камней и кучи опрокинутых деревьев; другие, хотя еще держались, но уже засохли до сердцевины и готовы были упасть. Эта перепутанная масса погибших и полных жизни растений напоминала мне тропические леса. Но между ними была существенная разница, ибо в этих тихих пустынях господствует скорее дух Смерти, чем Жизни. Я следовал по течению, пока не дошел до одного места, где большой обвал проложил прямую дорогу по скату горы. По этой дороге я поднялся на значительную высоту, откуда мне представился хороший вид на окружающие леса. Все деревья принадлежат к одному виду—*Fagus betuloides*, ибо число других видов бука и *Drimys Winteri*[127] чрезвычайно незначительно. Названный бук сохраняет свои листья круглый год,

но они какого-то особенного, буровато-зеленого цвета, с оттенком желтого. Весь ландшафт, окрашенный в этой цвет, имеет мрачный, пасмурный вид, тем более что и солнечные лучи редко его оживляют.

20 декабря. Одну сторону бухты образует возвышенность в 1 500 футов высотою, названная капитаном Фиц Роем по имени сэра Дж. Бенкса, в память его несчастной экскурсии, стоившей жизни двоим из сопровождавших его лиц и едва не погубившей также доктора Соландера. Снежная вьюга, бывшая причиной их гибели, случилась в середине января, соответствующего нашему июлю и под одинаковой широтой с Дёргемом! [128] Мне очень хотелось добраться до вершины этой горы, чтобы набрать альпийских растений, потому что в нижней части очень мало каких бы то ни было цветов. Мы пошли по течению того же потока, вдоль которого я пробирался вчера, пока в состоянии были его различать; затем мы были принуждены пробираться наудачу между деревьями. Последние на этой высоте под действием сильных ветров были низки, толсты и искривлены. Наконец, мы достигли места, казавшегося издали красивым, зеленым торфяным ковром, но оно, к нашему прискорбию, оказалось плотной массой небольших буковых деревьев от четырех до пяти футов в вышину. Они стояли так близко друг к другу, как буковые деревья в живой изгороди сада, и нам пришлось пробираться вперед по гладкой, но обманчивой поверхности. Потрудившись еще немного, мы добрались до торфа и затем до обнаженного сланцевого утеса.

Этот холм был соединен посредством отрога с другим, отстоявшим на несколько миль и более высоким, так что на нем виднелись снежные полосы. Так как еще не было поздно, то я решил пойти туда и набрать по дороге растений. Это было бы совсем не легко, если бы здесь не было прямой тропинки, хорошо протоптанной гуанако, которые, как овцы, постоянно ходят по одной и той же дороге. Достигнув холма, мы обнаружили, что это самый высокий холм в ближайшей окрестности, и воды текли с него в море по двум противоположным направлениям. Далеко кругом можно было оглядеть местность: к северу простиралось топкое болото, к югу же нам представлялось дикое, великолепное зрелище, вполне соответствующее Огненной Земле. Нельзя не признать какого-то таинственного величия в этом ряде гор, с глубокими, разделяющими их долинами, покрытыми густой, мрачной массой леса. В этом климате, где один ветер сменяет другой, где постоянно падают дожди, град и мокрый снег, самый воздух кажется более темным, чем в других местах. Если в Магеллановом проливе смотреть прямо на юг от Порт Фемин, отдаленные узкие каналы между горами кажутся такими мрачными, будто они ведут за пределы этого мира.

21 декабря.—«Бигль» отплыл в путь, и на следующий день при легком и чрезвычайно благоприятном восточном ветре мы подошли к Барневельту, прошли мимо мыса Обмана с его каменистыми пиками, и к трем часам обогнули подверженный непогодам мыс Горн. Вечер был тих и ясен, и мы наслаждались приятным видом окружающих островов. Мыс Горн, однако, требовал своей дани и перед наступлением ночи угостил нас порывами ветра, дувшего нам прямо в лицо. Мы вышли в море, а на другой день снова пристали к берегу; тогда

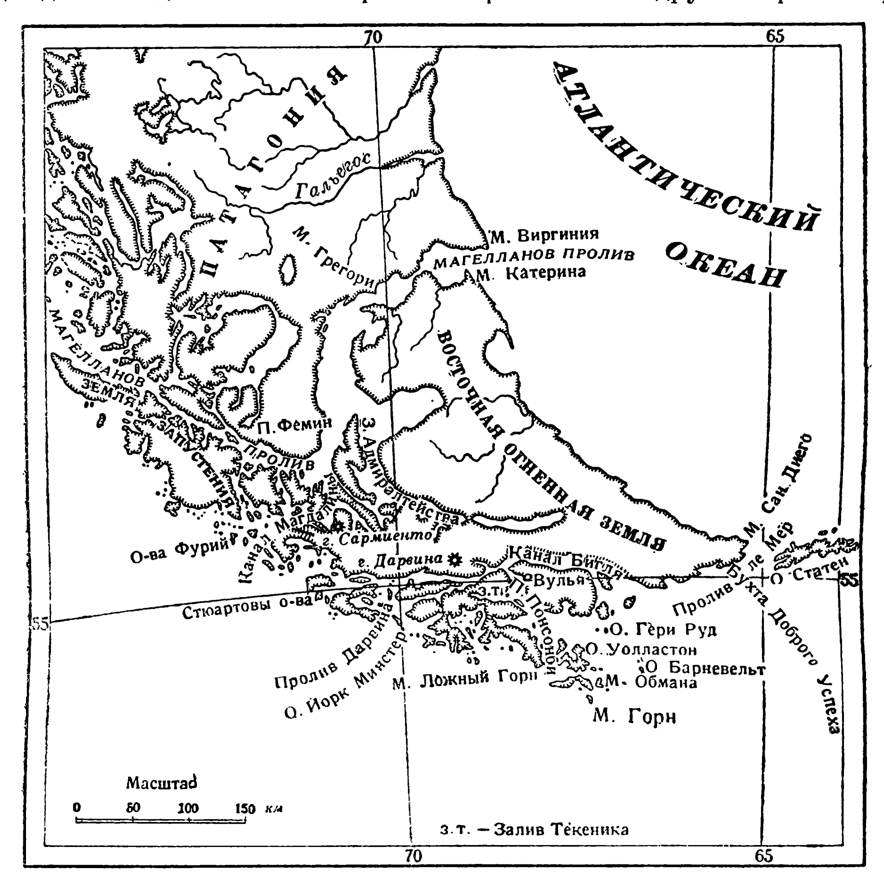
с корабельного носа представился нам этот знаменитый мыс в своем настоящем виде—одетый туманом и обуреваемый ветром и волнами. Большие черные тучи клубились по небу, и шквалы с дождем и градом проносились над нами с такой силой, что капитан решил войти в бухту Вигвам. Это—уютная, маленькая гавань неподалеку от мыса Горна; здесь, в тихой воде, мы стали на якорь в ночь накануне Рождества. Только время от времени сильный порыв ветра со стороны гор, от которого судно дрожало на якорях, напоминал нам о бушевавшей кругом нас буре.

25 декабря.—Поблизости от бухты возвышается на 1 700 футов остроконечный холм, называемый Пиком Катера. Окружающие острова все состоят из конических масс грюнштейна, перемешанных кое-где с менее правильными холмами затверделой и измененной сланцеватой глины. Эта часть Огненной Земли может быть рассматриваема как последний отрог той затопленной цепи гор, о которых мы уже выше говорили. Бухта получила свое название «Вигвам» от расположенных здесь нескольких жилищ огнеземельцев, но каждый из соседних заливов может быть назван этим же именем с одинаковой основательностью. Туземцы, питающиеся, главным образом, моллюсками, вынуждены постоянно менять свое местопребывание; но время от времени они возвращаются к старым местам, как это видно по кучам старых раковин, которые часто достигают нескольких тонн весом. Эти груды легко различить на большом расстоянии по яркозеленому цвету определенных растений, неизменно на них растущих. Среди них попадаются, между прочим, дикий сельдерей и цынготная трава,—два очень полезных растения, употребление которых туземцам неизвестно.

Вигвам огнеземельцев по своим размерам и форме похож на копну сена. Он состоит из нескольких сучьев, воткнутых в землю и очень плохо прикрытых с одной стороны несколькими клоками травы и тростника. Все это можно устроить меньше, чем в час, да и пользуются подобным жильем только несколько дней. В Гёри Руд я видел жилье, в котором спал один из этих нагих людей; могу решительно утверждать, что оно было не лучше заячьего логовища. Этот дикарь, очевидно, жил особняком, и Йорк Минстер говорил, что он «очень дурной человек» и, верно, что-нибудь украл. На западном берегу, впрочем, вигвамы лучше, потому что покрыты тюленьими шкурами. Здесь мы были задержаны на несколько дней дурной погодой. Климат действительно крайне плохой: летнее солнцестояние уже прошло, а снег все-таки ежедневно выпадал на холмах; в долинах же шел дождь, сопровождаемый также мокрым снегом. Термометр обыкновенно стоял на 45°, но ночью спускался до 38 или 40°. Вследствие постоянной сырости и непогоды, и никогда не появляющегося бодрящего проблеска солнца, климат этот может показаться еще хуже, чем он есть на самом деле.

Приближаясь однажды к берегу близ острова Уолластона, мы столкнулись борт о борт с челноком, в котором сидело шесть огнеземельцев. Это были самые жалкие и приниженные существа, каких я когда-либо видел. На восточном берегу туземцы, как я сказал, прикрываются плащом из шкуры гуанако, на западном—они пользуются тюленьими шкурами. Но здесь, у центральных племен,

мужчины обыкновенно носят выдровую шкуру или какой-нибудь узкий лоскуток, шириной с карманный платок, едва достаточный для того, чтобы прикрыть спину до поясницы. Этот лоскут привязан через грудь веревками и, смотря по тому, откуда дует ветер, передвигается из стороны в сторону. Но те огнеземельцы, которых мы встретили в лодке, были совершенно наги, и в том же виде была даже одна взрослая женщина. Шел сильный дождь, и по ее телу струилась дождевая вода вместе с морскими брызгами. В другой пристани,



Карта Огненной Земли.
По данным карт, составленных офицерами «Бигля».

недалеко отсюда, женщина, кормившая грудью новорожденного ребенка, подошла однажды к кораблю и оставалась на месте единственно из любопытства, а между тем мокрый снег, падая, таял на ее голой груди и на теле ее голого малютки! Эти бедняки были какими-то недоростками; их безобразные лица измараны белой краской, кожа засалена и грязна, волосы всклокочены, голоса нестройны, а движения необузданны. При виде таких людей едва можно верить, что это наши ближние и что они живут в одном мире с нами. Нередко спрашивают, какими удовольствиями жизни могут наслаждаться неко-

торые из низших животных? Но насколько естественнее поставить тот же вопрос относительно этих варваров! Ночью эти люди, скучившись по пяти или шести, голые и едва прикрытые от дождя и ветра этого бурного климата, спят на сырой земле, свернувшись подобно животным. Во время отлива, как в зимнее, так и в летнее время, днем или ночью, им необходимо вставать, чтобы набрать раковин по утесам; женщины же ныряют, чтобы доставать морские яйца[129], или сидят терпеливо в своих челноках, ловя маленьких рыбок на волосяную удочку с приманкой, но без всякого крючка. Если удается убить тюленя или найти плавающий труп гниющего кита, то это уже праздник; к этой жалкой пище присоединяется еще немного безвкусных ягод и грибов.

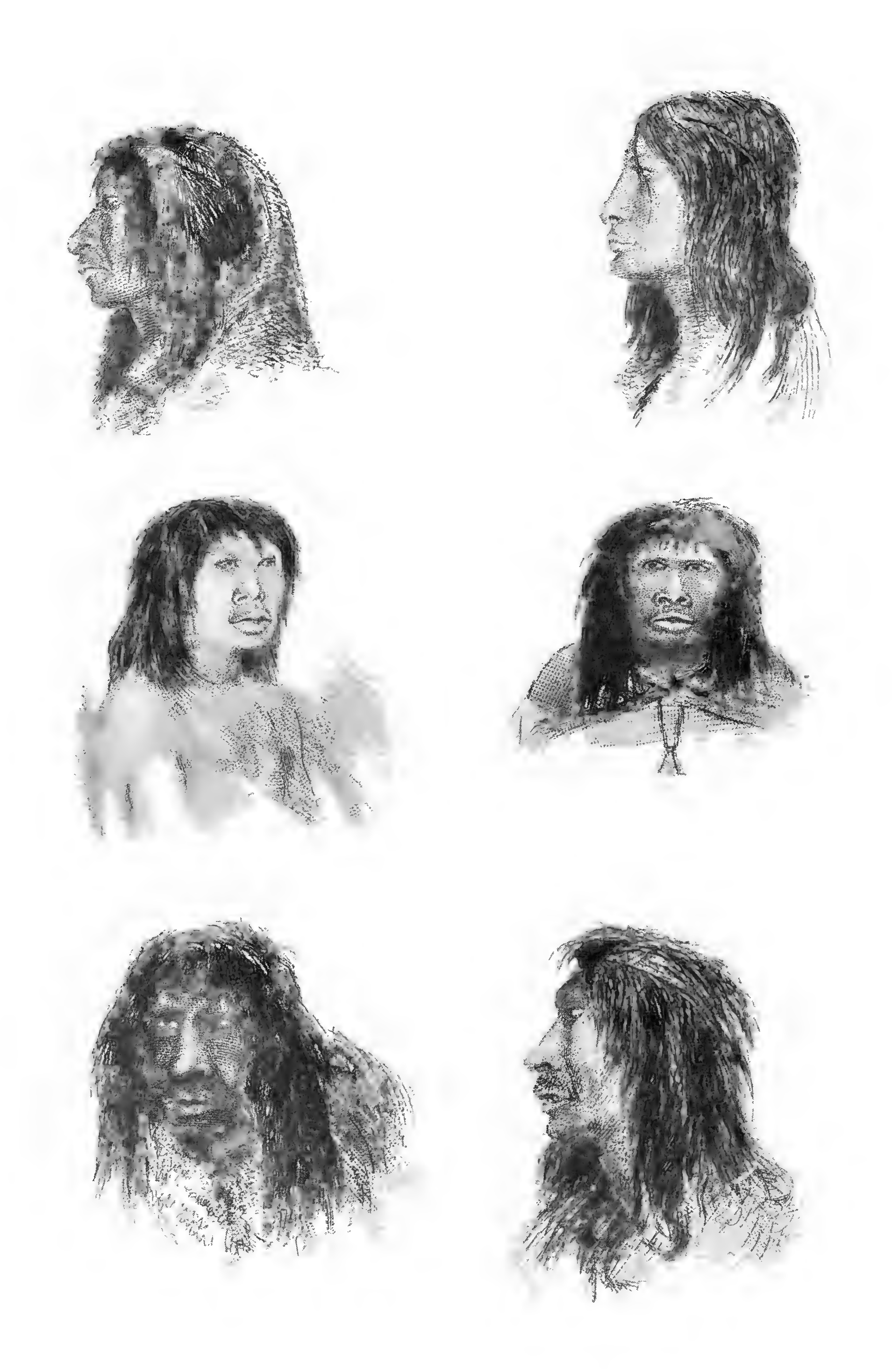
Огнеземельцы часто страдают от голода; я слышал любопытный рассказ м-ра Лоу, тюленьего промышленника, близко знакомого с туземцами этой страны, о приключениях живших на западном берегу 150 туземцев, которые были необыкновенно тощи и чрезвычайно бедствовали. Продолжительный ветер препятствовал женщинам собирать раковины с прибрежных утесов, а выйти на своих челноках в море на охоту за тюленями они не могли. Однажды утром небольшая часть этих людей пустилась в путь, и остальные индейцы объяснили Лоу, что они предприняли четырехдневное путешествие, чтобы поискать пищи; по возвращении их Лоу вышел к ним навстречу и нашел их крайне изнуренными; каждый из них тащил большой квадратный кусок вонючего китового сала, с отверстием по середине, сквозь которое они продели свои головы, как это делают гаучосы со своими пончо, или плащами. Как только сало было внесено в вигвам, старик отрезал от него тонкие ломтики и, бормоча над ними, в минуту поджарил их, а затем роздал истомленной партии, которая в это время хранила глубокое молчание. М-р Лоу полагает, что если кит выброшен на берег, то туземцы зарывают в песок большие куски китовины на случай голода; один туземный мальчик, бывший у него на корабле, однажды нашел подобным образом сбереженный запас. Когда племена воюют между собою, они становятся людоедами. На основании совпадающих, хотя и полученных совершенно независимо друг от друга показаний мальчика, взятого м-ром Лоу, и Джемми Бёттона можно с достоверностью утверждать, что зимою, понуждаемые голодом, огнеземельцы убивают и поедают своих старых женщин прежде, чем собак; на вопрос Лоу, почему они так поступают, мальчик отвечал, что «собаки ловят выдр, а старухи нет». По словам этого мальчика, способ умерщвления их заключается в том, что старух держат над дымом до удушения; он шутя подражал их воплям и рассказывал, какие именно части их тела считаются самыми вкусными. Как ни ужасна такая смерть от руки друзей и родственников, но еще мучительнее должен быть страх бедных старух, когда начинает подступать голод; нам говорили, что они тогда часто убегают в горы, но их преследуют мужчины и приводят на бойню у собственного их очага.

Капитан Фиц Рой никак не мог выяснить, имеют ли огнеземельцы сколько-нибудь ясное представление о будущей жизни. Иногда они зарывают своих покойников в пещерах, иногда в горных лесах; нам неизвестно, какие обряды они при этом совершают. Джемми Бёт-

Остров Уолластон (с северо-восточной стороны) близ мыса Горн.
Рисунок Ч. Мартенса.

Вигвамы огнеземельцев в бухте Надежды (канал Магдалины).

Рисунок Ф. П. Кинга.



Типы огнеземельцев. Левый ряд (сверху вниз): мужчина из племени запалло; мальчик из племени гуэмуль; мужчина из племени якана; правый ряд (сверху вниз): женщина из племени гуэмуль; мужчина из племени иапу; мужчина из племени пичерай.

Рисунки Р. Фиц Роя.

Канал Бигля: наверху—проход Мёррея, внизу—бухточка.

Рисунки Ч. Мартенса.

тон не хотел есть сухопутных птиц, потому что «они едят мертвых людей». Дикари эти даже неохотно вспоминают о своих умерших друзьях. Мы не имеем никакого основания полагать, что они совершают какое-нибудь богослужение, хотя, быть может, бормотание старика перед раздачею гнилого китового сала голодным и есть что-нибудь в этом роде. Каждая семья или племя имеет своего колдуна или знахаря, обязанности которого мы никогда не могли ясно определить. Джемми верил в сны, хотя не верил, как я сказал, в дьявола; я не думаю, чтобы наши огнеземельцы были суевернее некоторых из матросов; наш старый штурман твердо был убежден, что сильные бури, встретившие нас по ту сторону мыса Горна, были вызваны присутствием на корабле огнеземельцев. Кое-какой намек на религиозное чувство обнаружил Иорк Минстер, который, увидев, что м-р Байно застрелил несколько молодых утят с целью пополнить нашу коллекцию, воскликнул самым торжественным голосом: «О, м-р Байно, много дождя, снега и бури!», разумея, очевидно, последующую кару за уничтожение человеческой пищи. Он рассказывал также с большим жаром, что его брат, возвращаясь однажды, чтобы подобрать мертвых птиц, оставленных им на берегу, увидел несколько перьев, носимых ветром. Тогда его брат сказал (Иорк подражает его голосу): «Что это такое?» и, проползши вперед, он посмотрел со скалы и увидел «дикого человека», общипывавшего его птиц; он подполз еще ближе, швырнул вниз большой камень и убил его. Иорк прибавил, что долгое время спустя бушевали бури и выпадало много дождя и снега. Сколько мы могли понять, он, кажется, смотрел на самые стихии, как на мстительных деятелей; это, между прочим, ясно показывает, как естественно народу, несколько более цивилизованному, олицетворять силы природы. Что такое собственно означало выражение «дурные дикие люди»—для меня всегда оставалось загадочным; из того, что сказал Иорк, когда мы натолкнулись на похожее на заячье логовище место, где накануне спал одинокий человек, я склонен был заключить, что это—воры, изгнанные своим племенем; но другие непонятные слова заставляют меня сомневаться в этом; я иногда думал, что самое вероятное объяснение то, что это сумасшедшие.

Различные племена не имеют общего правительства или вождя. Каждое окружено другими, ему враждебными племенами, говорящими на различных наречиях и отделенными друг от друга только пустынной полосой земли или нейтральной территорией; средства к существованию составляют, кажется, главную причину их взаимной вражды. Страна их состоит из беспорядочной массы диких утесов, высоких холмов и бесполезных лесов, постоянно окутанных туманом и обуреваемых ветрами. Обитаемыми могут считаться одни только прибрежные камни. В постоянных поисках пищи дикари эти вынуждены беспрестанно переходить с места на место, а берег до того крут, что они могут объезжать его лишь на своих жалких челноках. Им чуждо чувство привязанности к дому, а любовь к семье известна им еще менее, ибо муж относится к жене, как грубый хозяин к рабочему рабу. Что может быть ужаснее того, чему был свидетелем Байрон на западном берегу: он видел несчастную мать, подымавшую своего окровавленного умирающего ребенка,

которого бесчеловечный отец со всей силы бросил на камни за то, что он уронил корзину с морскими яйцами! Да и очень немногое здесь могло привести в действие высшие духовные способности: какая здесь пища воображению, какая работа рассудку для сопоставлений, суждений и решений? Чтобы снять раковину с утеса, не требуется даже хитрости, этой низшей умственной способности. Ловкость здешних туземцев можно уподобить в некоторых отношениях инстинкту животных, потому что она не совершенствуется опытом: самое замысловатое их произведение—челнок, при всей своей недостаточности, остался в продолжение последних двухсот пятидесяти лет таким же, каким впервые описал его Дрэк.

Смотря на этих дикарей, спрашиваешь себя: откуда они? Какая перемена могла заставить целое племя людей покинуть удобные северные страны, спуститься вниз по Кордильерам, или американскому хребту, изобрести и построить челноки, не употребляемые обитателями Чили, Перу и Бразилии, а затем поселиться в самой негостеприимной стране в мире? Хотя подобные соображения с первого раза как-то сами собой напрашиваются, но мы можем быть уверены, что они отчасти ошибочны. Нет никакого основания полагать, что огнеземельцы уменьшаются в числе; поэтому мы должны допустить, что они наслаждаются настолько достаточной долей довольства, какого бы рода оно ни было, что имеют причину ценить и свою жизнь. Природа, сделав привычку всемогущей, а результаты ее действия—наследственными, приноровила огнеземельца к климату и произведениям его жалкой родины.

Задержанные крайне дурной погодой на шесть дней в бухте Вигвам, мы вышли в море 30 декабря. Капитан Фиц Рой хотел пристать к западному берегу, чтобы высадить Иорка и Фуэгию в их родной стране. На море нас преследовали непрерывные штормы, течение тоже было против нас: мы дрейфовали до 57° 23′ на юг. 11 января 1833 г., подняв все паруса, мы оказались в нескольких милях от большой горы Иорка Минстера (названной так капитаном Куком и по имени которой был назван старший из наших огнеземельцев), но сильный шквал заставил нас убавить паруса и пуститься опять в море. Бурун с страшной силой набегал на берег, и брызги взлетали над скалой, имевшей около 200 футов в вышину. 12-го буря усилилась, а мы не знали наверное, где мы; неприятно было слышать беспрестанно повторяемые слова: «Смотри хорошенько за ветром». 13-го буря неистовствовала с необычайной яростью: кругом ничего не было видно кроме бесчисленных брызг, носившихся в воздухе. Вид моря был зловещий: оно походило на какую-то мрачную, колеблющуюся равнину с полосами нагроможденного снега, а между тем, пока корабль выбивался из сил, альбатрос, распустив крылья, ровно несся по ветру. Около полудня на нас обрушилась огромная волна, она залила один из вельботов, который пришлось немедленно отрезать. Бедный «Бигль» задрожал от толчка и несколько минут не слушался руля; вскоре, однако, добрый корабль оправился и пошел опять по ветру. Если бы за первой волной последовала вторая, участь наша была бы решена скоро и навсегда. Уже двадцать четыре дня мы тщетно силились достигнуть западного берега; матросы были

изнурены от усталости, несколько суток сряду у них не было ни одной сухой вещи, которую бы можно было надеть. Капитан Фиц Рой отказался от намерения добраться до западной стороны с открытого берега. Вечером мы зашли за предательский мыс Горн и бросили якорь на глубину 47 фатомов; искры сверкнули из брашпиля, когда по нему спустилась цепь. Как отрадна была эта спокойная ночь после оглушавшего нас так долго шума враждующих стихий!

15 января 1833 г.—«Бигль» стал на якорь у Гёри Руд. Капитан Фиц Рой решил по желанию огнеземельцев высадить их в Проливе Понсонби; были снаряжены четыре бота, чтобы провезти их туда через Канал Бигля. Канал этот, открытый капитаном Фиц Роем во время его предыдущего путешествия, чрезвычайно характерен для географии не только этой, но и всякой другой страны: его можно сравнить с долиной Лоч-Несс в Шотландии, с ее цепью озер и заливов. Он простирается в длину на 120 миль, средняя ширина его мало изменяется и равна приблизительно двум милям; в бóльшей своей части он до того прям, что где-то на большом расстоянии он становится постепенно неразличимым, сливаясь с линиями гор, ограничивающих его с обеих сторон. Он проходит по южной части Огненной Земли от востока к западу, а на середине к нему примыкает с юга под прямым углом извилистый канал, названный Проливом Понсонби. Здесь живет племя и семья Джемми Бёттона.

19 января.—Три вельбота и ялик с партией в 28 человек отправились под командой капитана Фиц Роя. После полудня мы вошли в восточное устье канала и немного спустя нашли маленький уютный залив, защищенный окружающими островками. Здесь мы раскинули свои палатки и развели огонь. Ничего привлекательнее этого зрелища нельзя было себе представить. Зеркальная вода маленькой гавани, висящие над скалистым берегом ветви деревьев, боты, стоящие на якоре, палатки, поддерживаемые скрещенными веслами, дым, извивающийся над лесистой долиной,—все это представляло картину покоя и уединения. На следующий день (20-го) наш маленький флот двинулся вперед, и мы дошли до более населенного места. Вряд ли кому из этих туземцев приходилось встречать белых людей; действительно, ничто не может сравниться с их изумлением при появлении четырех ботов. На каждой возвышенности засветились огни (отсюда название Огненной Земли—Tierra del Fuego) как для привлечения нашего внимания, так и для распространения этой новости далеко кругом. Некоторые из дикарей бежали вдоль берега целые мили. Я никогда не забуду одной дикой и странной группы: внезапно четыре или пять человек появились на краю нависшей скалы; они были совершенно голы и их длинные волосы ниспадали на лицо; в руках они держали грубые палки и, прыгая на месте, размахивали ими над головой, издавая самые страшные восклицания.

Около обеденного времени мы вышли на берег к партии огнеземельцев. Сначала они были к нам не слишком дружелюбны; пока капитан не выступил вперед, они все держали свои пращи в руках. Однако, мы скоро успокоили их пустыми подарками вроде красных тесемок, которые мы обвязали вокруг их голов. Им нравились наши сухари, но когда один из дикарей прикоснулся пальцем к лежавшему предо мной куску говядины, законсервированной в жестянке, и нашел его

мягким и холодным, то обнаружил такое отвращение, больше которого не мог бы выразить и я по поводу гнилой ворвани. Джемми решительно устыдился за своих соотечественников и утверждал, что его племя совершенно не таково; но, к несчастью, он ошибался. Этих дикарей было так же легко обрадовать, как трудно удовлетворить. Молодые и старые, взрослые и дети беспрестанно твердили слово «яммершунер», что означает «дай мне». Указывая один за другим почти на каждый предмет, даже на пуговицы на платье, и произнося при этом свое любимое слово со всевозможными интонациями, они напоследок стали употреблять его в неопределенном смысле и повторяли бессмысленно «яммершунер». Если они «яммершунерничали» о какой-нибудь вещи очень настойчиво, то с наивной хитростью указывали при этом на своих молодых жен или маленьких детей, как бы говоря: «Если вы не дадите этого мне, то наверное дадите им».

Ночью мы напрасно искали ненаселенную бухту и, наконец, были принуждены остановиться невдалеке от партии туземцев. Пока их было мало, они держали себя мирно; на утро же (21-го), когда к ним присоединились другие, они стали обнаруживать признаки неприязненности, и мы думали, что дело дойдет до стычки. Европейцу чрезвычайно неудобно иметь дело с подобными дикарями, нисколько не подозревающими свойств огнестрельного оружия. Поэтому-то именно европеец со своим ружьем кажется дикарю горадо ниже человека, вооруженного луком и стрелой, копьем или даже пращой. И нелегко убедить их в нашем превосходстве, не произведя рокового выстрела. Подобно диким животным они, кажется, не обращают внимания на число; каждый из них, если на него напасть, не бежит, а старается камнем размозжить противнику голову, точно тигр, который в подобных обстоятельствах пытается растерзать врага. Капитану Фиц Рою как-то раз по причинам весьма уважительным пришлось пугнуть небольшую партию дикарей; он сначала размахнулся на них тесаком, на что они только расхохотались; тогда он два раза выстрелил из своего пистолета мимо одного из туземцев. Каждый раз дикарь обнаруживал изумление, быстро и тщательно тер себе голову; затем, вытаращив на некоторое время глаза, он пробормотал что-то своим товарищам, но, кажется, и не помышлял о бегстве. Нам трудно поставить себя в положение этих дикарей и понять их поступки. Например, этому огнеземельцу даже и не представлялся возможным такой звук, как гром ружейного выстрела над его ухом. Он, может быть, в самом деле в первую минуту не знал, был ли это звук или удар, а потому очень естественно схватился за голову. Подобным образом, увидев след, пробитый пулей, дикарь не скоро поймет, как это произошло; для него, может быть, совершенно непостижим тот факт, что от быстроты движения тело становится невидимым. Тем более неимоверная сила пули, проникающей в твердое вещество, не разрывая его, может показаться дикарю недостатком силы. Я действительно полагаю, что многие дикари, находящиеся на той же низкой ступени развития, на которой находятся жители Огненной Земли, могли видеть предметы, пробитые пулей, и даже маленьких животных, убитых из ружья, нимало не представляя себе смертоносной силы этого оружия[130].

22 января.—Проведя спокойно ночь на нейтральной, повидимому, территории между племенем Джемми и тем, которое мы видели вчера, мы весело пустились далее. Мне кажется, что эти широкие полосы нейтральной территории всего яснее доказывают взаимную вражду племен. Хотя Джемми Бёттону известна была сила нашего отряда, но он сначала не желал выйти на берег, где по соседству с его родным племенем жило враждебное племя. Он часто нам рассказывал, что «когда лист покраснеет», дикие люди энс (oens) переходят через горы с восточного берега Огненной Земли и нападают на жителей этой части страны. Чрезвычайно любопытно было наблюдать за ним во время этих рассказов; его глаза сверкали, а лицо принимало какое-то новое, дикое выражение. По мере того как мы подвигались по Каналу Бигля, местность приобретала особенный, величавый характер; эффект был, впрочем, очень ослаблен тем, что наблюдать приходилось снизу, с наших лодок и притом вдоль долины, лишаясь таким образом возможности увидеть всю красоту последовательного ряда горных цепей. Горы достигали здесь 3 000 футов высоты и заканчивались острыми и зубчатыми вершинами. Они подымались непосредственно из воды и были покрыты до высоты 1 400—1 500 футов густым, мрачным лесом. Любопытно было наблюдать, насколько хватал глаз, проходившую по склону горы ровную и совершенно горизонтальную линию предела древесной растительности: она очень походила на предельную линию приливов, обозначенную скоплением наносных водорослей на морском берегу.

Ночью мы остановились близ соединения Пролива Понсонби с Каналом Бигля. Небольшое семейство огнеземельцев, жившее в бухте, встретило нас спокойно и мирно и скоро присоединилось к нашей партии, расположившись вокруг пылавшего огня. Мы были тепло одеты и все же, хотя мы сидели близко к огню, нам было далеко не жарко; а между тем голые дикари, сидевшие поодаль, к великому нашему изумлению, обливались пóтом от такого поджаривания. Впрочем, они казались вполне довольными и подтягивали хоровому пению матросов; было забавно, что они постоянно немного отставали.

В продолжение ночи новость о нашем прибытии распространилась, и рано утром (23-го) прибыла свежая партия огнеземельцев текиника,—племени Джемми. Многие из них бежали до того быстро, что у них шла носом кровь, и они говорили с такой быстротой, что рот их покрывался пеной; их голое тело, вымазанное черной, белой* и красной краской, придавало им большое сходство с бесноватыми,

* Это вещество в сухом виде довольно плотно и небольшого удельного веса. Профессор Эренберг исследовал его. Он утверждает (Königliche Akademie der Wissenschaften, Berlin, Februar 1845), что оно составлено из инфузорий и заключает в себе 14 Polygastrica и четырех Phytolitharia. По словам этого ученого, все они живут в пресной воде. Это прекрасный пример результатов, полученных благодаря микроскопическим исследованиям профессора Эренберга, ибо Джемми Бёттон говорил мне, что вещество, о котором идет речь, постоянно собирается со дна горных ручьев. Кроме того, весьма существенно для географического распространения инфузорий, занимающих, как известно, большие пространства, то обстоятельство, что все виды, находящиеся в этом веществе, хотя и привезены с южной оконечности Огненной Земли,—старые, знакомые формы.

только что окончившими драку. Мы двинулись (в сопровождении двенадцати челноков, в каждом из которых сидело по четыре или пять человек) по Проливу Понсонби к месту, где бедный Джемми думал найти свою мать и родню. Он уже знал, что его отец умер; но так как по этому поводу он «имел сон в голове», то, кажется, и не был очень опечален, утешая себя вполне естественным соображением: «Мой этому не поможет». Он не мог разведать никаких подробностей относительно смерти своего отца, так как его знакомые не хотели об этом говорить.

Джемми находился теперь в местности, хорошо ему известной, и повел боты к тихой, красивой бухте по названию Вулья, окруженной островками, каждый из которых (да и каждое место здесь вообще) имел свое туземное название. Здесь мы нашли семейство из племени Джемми, впрочем, незнакомое ему; мы подружились с ними, и вечером они отправили челнок, чтобы уведомить мать и братьев Джемми. Бухта была ограничена несколькими акрами хорошей покатой земли, не покрытой (как в других местах) ни торфом, ни деревьями. Капитан Фиц Рой первоначально намеревался, как сказано прежде, доставить Иорка Минстера и Фуэгию к их племени на западном берегу; но когда они выразили желание остаться здесь, так как место было особенно благоприятно, то капитан Фиц Рой решил поселить здесь всю партию вместе с миссионером Метьюсом. Пять дней было употреблено на постройку для них трех больших вигвамов, на выгрузку их имущества, на устройство двух садов и посадку семян.

На следующее утро после нашего прибытия (24-го) огнеземельцы начали собираться толпами; приехали также мать и братья Джемми. Он узнал громкий голос одного из своих братьев на удивительно далеком расстоянии. Встреча была менее интересна, чем между лошадью, вернувшейся с поля, и ее товарищами по конюшне[131]. Ни в чем не проявилась их взаимная привязанность; они просто пристально поглядели друг на друга в течение короткого времени, и мать тотчас же пошла присмотреть за своим челноком. Мы, однако, слышали от Иорка, что мать была в большом горе, потеряв Джемми, и всюду его искала, полагая, что его где-нибудь оставили после того, как его взяли на бот. Женщины принимали живое участие в Фуэгии и оказывали ей большое расположение. Мы уже заметили, что Джемми почти забыл свой родной язык, и я думаю, что вряд ли найдется другое человеческое существо с таким небольшим запасом слов, так как он был еще слаб в английском языке. Смешно и жалко было слышать, как он обращался к своему дикому брату на английском языке и затем спрашивал у него по-испански, понял ли он его («no sabe?»).

Остальные три дня, во время которых устраивали сады и строили вигвамы, прошли мирно. Туземцев было около ста двадцати. Женщины много работали, а мужчины шатались целый день без дела и все рассматривали нас. Они выпрашивали все, что попадалось им на глаза, и крали все, что могли. Им нравились наши танцы и пение; особенно же интересовало их то, что мы мылись в соседнем ручье; на все прочее они не обращали большого внимания, даже на наши боты. Из всех предметов, которые пришлось видеть Иорку

за время его пребывания в чужих странах, более всего удивил его страус близ Мальдонадо; задыхаясь от восторга, он подбежал к м-ру Байно, с которым вышел погулять: «О, м-р Байно, птица, точно лошадь!» Как ни изумляла туземцев наша белая кожа, но по рассказу м-ра Лоу один негр-повар с судна для ловли тюленей поверг их еще в бо́льшее изумление; бедный малый был окружен такой толпой и возбуждал такие крики, что никогда более не выходил на берег. Все шло так мирно, что мы с несколькими офицерами подолгу гуляли по окрестным холмам и лесам. Но 27-го числа внезапно исчезли все женщины и дети. Это встревожило нас, так как ни Иорк, ни Джемми не могли объяснить нам причину этого. Некоторые думали, что они были напуганы нами, потому что накануне вечером мы чистили ружья и стреляли; другие, что это произошло вследствие обиды, нанесенной одному старому дикарю, которой на совет держаться подальше хладнокровно плюнул в лицо часовому и потом посредством жестов над спящим огнеземельцем показал, как говорят, весьма отчетливо, что ему бы хотелось зарезать и съесть кого-нибудь из наших. Капитан Фиц Рой для избежания всякого столкновения, которое могло бы сделаться роковым для многих огнеземельцев, счел за лучшее переночевать в бухте, отстоящей отсюда на несколько миль. Метьюс с обычными для него спокойствием и твердостью (замечательными в человеке, повидимому, не обладавшем достаточно энергичным характером) решил остаться с огнеземельцами, не обнаруживавшими за себя никаких опасений. Итак, мы оставили их провести первую опасную ночь.

Вернувшись к ним утром (28-го), мы были обрадованы, найдя все спокойным и мужчин, занятых на своих челноках ловлей рыбы пиками. Капитан Фиц Рой решил отправить ялик и один вельбот обратно к кораблю, на двух же остальных—один под его собственной командой (причем он очень любезно предложил мне сопровождать его), другой—под командой мистера Гаммонда—обозреть западную часть Канала Бигля, а затем посетить поселение еще раз на обратном пути. День, к нашему изумлению, был невыносимо жаркий, так что наша кожа загорела; при этой чудной погоде вид с середины Канала Бигля был замечателен. Ничто не преграждало вида—ни впереди, ни позади нас—на этот длинный канал, терявшийся в отдалении среди гор, окаймлявших его. Канал этот—несомненно морской рукав, очевидным подтверждением чего было появление в разных местах нескольких громадных китов *, выбрасывавших свои фонтаны. Раз я видел двух чудовищ, вероятно, самца и самку, медленно плававших один за другим весьма близко от берега, над которым буковые деревья простирали свои ветви.

Мы шли вперед, пока не стемнело, и тогда раскинули свои палатки на берегу небольшого тихого залива. Тут мы нашли сухую и рыхлую гальку, на которой могли устроить себе роскошное ложе, так как она уступала тяжести тела. Торфяной грунт сыр, камень неровен и жесток, песок попадает в пищу, когда ее варят и едят по

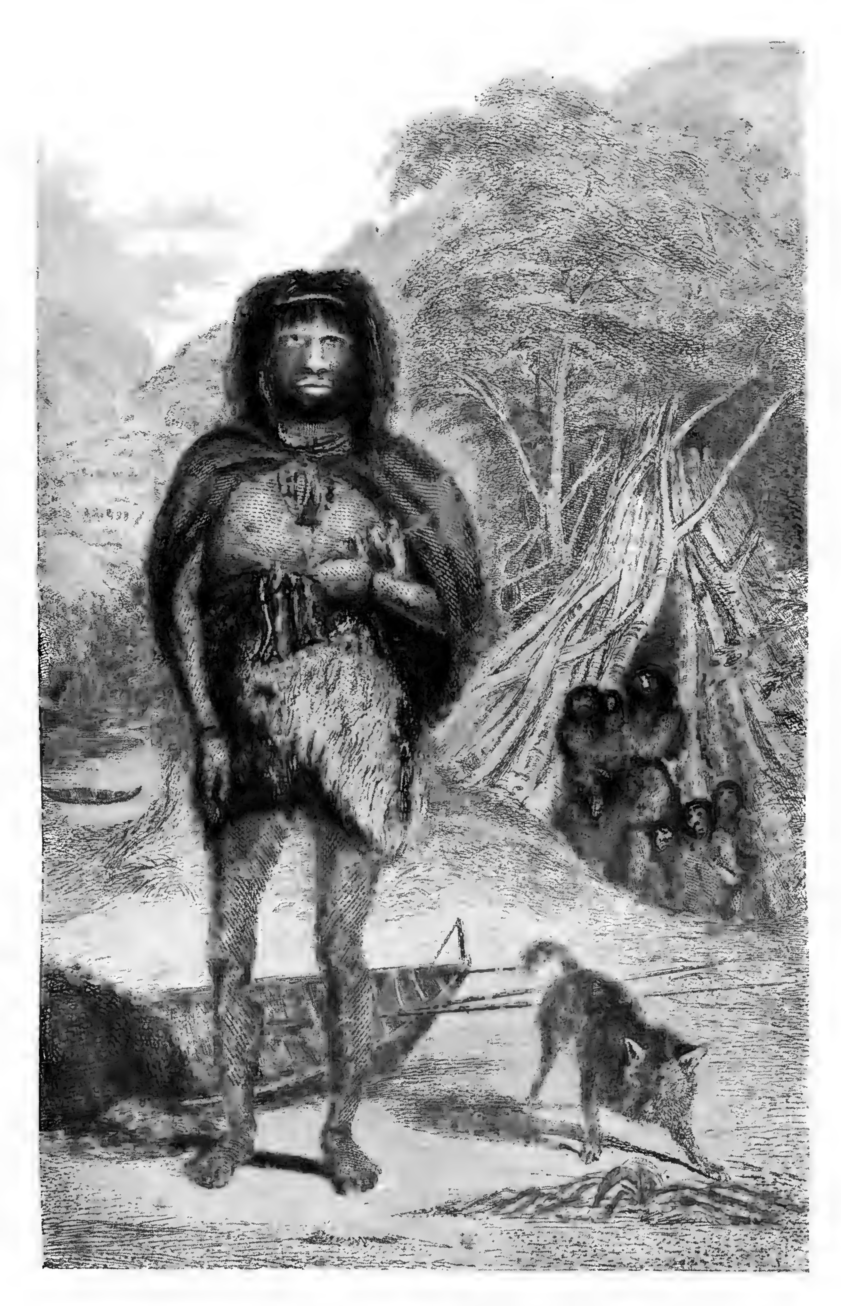
* Однажды далеко от восточного берега Огненной Земли мы увидели замечательное зрелище: несколько кашалотов выскакивали вверх из воды до самых хвостовых плавников. Падая на бок, они высоко разбрызгивали воду, а звук, раздававшийся при этом, был похож на отдаленный залп.

корабельным обычаям, но, лежа в наших спальных мешках на толстом слое гладкой гальки, мы с большим удобством спали всю ночь.

Мне пришлось стоять настороже до часа ночи. Было что-то торжественное в этом ночном пейзаже. Никогда сознание того, в каком отдаленном углу мира я нахожусь, не ощущалось с такой ясностью. Все способствовало этому: тишина ночи нарушалась только тяжелым дыханием моряков под палатками, да иногда криком ночной птицы. Случайный вой собаки, слышный в отдалении, напоминал, что это—страна дикарей.

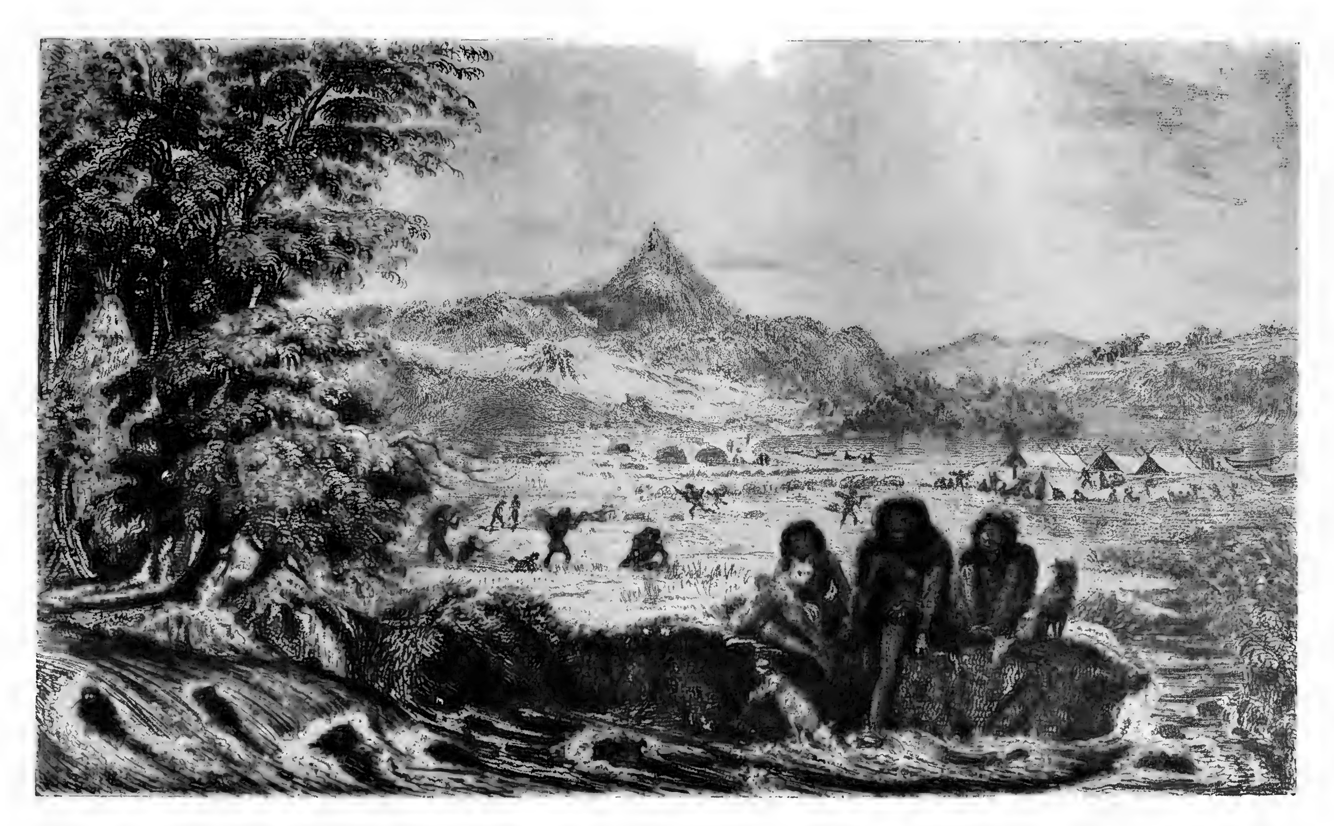
29 января.—Рано утром мы добрались до того места, где Канал Бигля разделяется на два рукава, и вошли в северный. Вид становится еще величественнее. Высокие горы на северной стороне образуют гранитную ось или хребет страны и круто подымаются до высоты от трех до четырех тысяч футов, а одна из вершин их достигает шести тысяч футов. Они одеты широким покровом вечного снега, а многочисленные водопады, струясь в чаще лесов, изливаются внизу в узкий канал. Во многих местах великолепные ледники простираются по горе до самой воды. Едва ли возможно вообразить себе что-нибудь прелестнее бериллово-голубого цвета этих ледников, представляющего резкий контраст с мертвенной белизной верхнего слоя снега. Обломки, упавшие с ледников в воду, уплывали дальше, и канал, усеянный этими айсбергами на расстоянии мили, представлял миниатюрное подобие полярного океана. Когда в обеденное время боты были пододвинуты к берегу, мы увидели в полумиле от нас вертикальную ледяную скалу, которой мы долго любовались; нам хотелось увидеть, как от нее оторвутся глыбы льда. Наконец, с оглушительным шумом масса спустилась вниз, и мы увидели тотчас гладкое очертание волны, надвигавшейся на нас. Моряки со всех ног бросились к ботам, которым грозила явная опасность быть разбитыми в щепки. Один из матросов уже ухватился за носовую часть бота, когда его настиг пенящийся бурун. Матрос этот был сбит с ног, но не ушиблен; боты, хотя и были три раза подняты вверх, также не потерпели ущерба. Для нас это было большим счастьем, потому что мы находились в ста милях от корабля и могли бы остаться без съестных припасов и огнестрельного оружия [132]. Я уже прежде заметил, что некоторые большие обломки утеса на берегу были недавно сдвинуты с места; но я не понимал причины этого, пока не увидел этой волны. Одну сторону бухты образует откос из сланцевой слюды; верхний конец его—ледяная скала в сорок футов вышины; другую сторону ее составляет мыс, возвышающийся на пятьдесят футов и состоящий из громадных, круглых глыб гранита и сланцевой слюды, на которых росли старые деревья. Этот мыс был, очевидно мореной, образовавшейся в том периоде, когда ледник имел бóльшие размеры.

Когда мы достигли западного устья этой северной ветви Канала Бигля, нам пришлось проходить мимо многих неизвестных пустынных островов при очень дурной погоде. Туземцы не попадались нам. Берег почти везде был так крут, что нам неоднократно приходилось грести по нескольку миль, пока мы находили место, где можно было расставить наши две палатки; одну ночь мы спали на больших круглых валунах, между которыми накопились гниющие водоросли;



Огнеземелец (иапу текиника).

Рисунок Ч. Мартенса.



Бухта Вулья.

Рисунок Р. Фиц-Роя.

когда начался прилив, мы были принуждены снова подняться и перенести дальше свои спальные мешки. Самый отдаленный западный пункт, до которого мы достигли, Стюартовы острова, находился на расстоянии около 150 миль от нашего корабля. Мы вернулись в Канал Бигля южным рукавом и без приключений добрались обратно до Пролива Понсонби.

6 февраля.—Мы прибыли в Вулья. Метьюс так дурно отзывался о поведении огнеземельцев, что капитан Фиц Рой решил взять его обратно на «Бигль»; впоследствии он был оставлен в Новой Зеландии, где его брат был миссионером. Со времени нашего отъезда стали появляться все новые партии туземцев, и начался систематический грабеж. Иорк и Джемми потеряли много вещей, Метьюс—почти все, что не успел зарыть в землю. Туземцы, кажется, рвали на части и делили между собой каждый предмет. Метьюс описывал чрезвычайно тревожное состояние, в котором он постоянно находился: днем и ночью он был окружен туземцами, которые старались утомить его, производя беспрестанный шум над его головой. Однажды старик, которого Метьюс просил выйти из своего вигвама, вышел, но немедленно вернулся с большим камнем в руке; в другой раз пришла целая партия, вооруженная камнями и кольями, и некоторые из молодых, в том числе брат Джемми, кричали, чтобы Метьюс встретил их с подарками. Другие объясняли ему знаками, что хотят раздеть его донага и выдернуть все волосы на его лице и теле. Я думаю, мы прибыли во-время, чтобы спасти ему жизнь. Родственники Джемми были до того тщеславны и глупы, что показывали чужим свою добычу и рассказывали о способе, которым овладели ею. Невесело было оставлять наших трех огнеземельцев среди их диких земляков; но хорошо было и то, что лично за себя они не опасались. Иорк, сильный, решительный мужчина, был уверен, что заживет как следует со своей женой Фуэгией. Бедный Джемми казался более расстроенным и был бы, я думаю, рад возвратиться с нами. Собственный его брат украл у него много вещей. «Как это назвать», замечал он и бранил своих соотечественников: «все они дурные люди, no sabe (ничего не знают)», и хотя прежде ни разу не ругался, но теперь обзывал их: «проклятые дураки». Наши три огнеземельца, побывавшие только три года с цивилизованными людьми, были бы рады, я уверен, остаться при своих новых привычках; но это, очевидно, было невозможно. Более чем сомнительно, что путешествие принесло им какую-нибудь пользу.

Вечером, взяв с собой Метьюса, мы отправились обратно к кораблю, но не Каналом Бигля, а вдоль южного берега. Боты были тяжело нагружены, море бурно, и переезд наш был довольно опасен. Седьмого числа вечером мы уже находились на борту «Бигля» после двадцатидневного отсутствия, в продолжение которого проплыли триста миль в открытых ботах. 11-го капитан Фиц Рой один посетил огнеземельцев: они поживали хорошо и лишились еще лишь очень немногих вещей.

В последний день февраля следующего года (1834) «Бигль» бросил якорь в прекрасной маленькой бухте у восточного входа в Канал Бигля. Капитан Фиц Рой решился на смелую и, как оказалось, успеш-

ную поездку—пройти, лавируя против западных ветров, по тому же пути, по которому мы следовали в лодках к поселению на Вулья. Мы встречали мало туземцев до Пролива Понсонби, и только неподалеку оттуда нас стали провожать десять или двенадцать челноков. Туземцы совершенно не понимали, что мы лавируем, и вместо того, чтобы встречать нас по прямой линии во время каждого галса, тщетно старались не отставать от нас в наших зигзагах. Я заметил, что мне было гораздо приятнее наблюдать этих дикарей при сознании решительного превосходства наших сил над ними. На вельботе мне надоел самый звук их голосов—так они нам докучали. Первое и последнее слово было «яммершунер». Когда мы входили в какую-нибудь маленькую, тихую бухту и, осмотревшись кругом, думали спокойно провести ночь, ненавистное слово «яммершунер» резко звучало откуда-нибудь из темного угла, и затем небольшие сигнальные дымки взвивались, чтобы оповестить всех и каждого далеко в окрестности о нашем прибытии. Покидая какое-нибудь место, мы говорили друг другу: «Слава Богу! Наконец, мы избавились от этих несчастных», и вдруг еще раз слабый отголосок зычного крика, слышного на огромном расстоянии, доносился до нашего слуха, и мы снова ясно различали «яммершунер». Теперь же, чем более было огнеземельцев, тем нам было веселее, и, действительно, дело было очень забавное. Обе стороны смеялись, дивовались, глазели друг на друга; нам жалко было смотреть, как они отдавали хорошую рыбу и крабов за тряпки и т. п.; они же пользовались случаем, что нашлись дураки, которые меняют такие блестящие украшения на еду. Потешно было видеть непритворную улыбку удовольствия, с которой одна молодая женщина с вымазанным черной краской лицом обвязывала вокруг своей головы посредством тростника несколько красных обрывков. Ее муж, пользовавшийся весьма обыкновенной здесь привилегией иметь двух жен, стал ревновать свою молодую жену за оказанное ей внимание и начал увещевать своих нагих красавиц, но они прогнали его.

Некоторые из огнеземельцев вполне доказали, что имеют ясное понятие о меновой торговле. Одному из них я дал большой гвоздь (очень ценный подарок), не требуя ничего взамен; но он немедленно вытащил двух рыб и передал их мне на конце своего копья. Если какой-либо подарок, предназначенный для одного челнока, падал около другого, его всегда отдавали тому, кому он был предназначен. Мальчик-огнеземелец, бывший на корабле м-ра Лоу, обнаружил, приходя в сильнейшее раздражение, что вполне понимал делаемый ему упрек в воровстве, в чем он, действительно, был повинен. Мы на этот раз, как и прежде, чрезвычайно удивлялись незначительному или, лучше сказать, полному невниманию дикарей ко многим вещам, ценность которых должна была бы быть для них вполне очевидна. Такие пустяки, как красивые красные лоскутки или голубые четки, отсутствие у нас женщин, наша забота о чистоте возбуждали их изумление в гораздо большей степени, чем такой большой и сложный предмет, как наш корабль. Бугенвиль хорошо заметил относительно этих племен, что они относятся к «chef-d'oeuvres de l'industrie humaine, comme ils traitent les loix de la nature et ses phénomènes»[133].

5 марта мы стали на якорь в бухте у Вулья, но не нашли

здесь ни души. Нас это обеспокоило, так как туземцы Пролива Понсонби объясняли нам знаками, что здесь происходила битва; впоследствии мы слышали, что страшные энсы произвели здесь высадку. Скоро мы увидели приближавшийся челнок с маленьким развевающимся флагом; в нем сидел мужчина, смывавший краску с лица. Это был бедный Джемми, ныне тощий, угрюмый дикарь, с длинными, всклокоченными волосами, нагой, с одним лишь куском одеяла, обвязанным вокруг пояса. Мы узнали его, когда он был уже близко от нас, потому что он стыдился самого себя и повернулся спиной к кораблю. Мы оставили его дородным, тучным, чистым и хорошо одетым; никогда не видал я такой разительной и горестной перемены. Впрочем, как только его одели и когда первое смущение его прошло, дело приняло другой оборот. Он обедал с капитаном Фиц Роем и вел себя за обедом так же порядочно, как и прежде. Он рассказал нам, что у него «слишком много» (значит достаточно) пищи, что он не страдает от холода, что его знакомые—народ хороший и что он не желает возвратиться в Англию. Мы открыли причину столь большой перемены в чувствах Джемми вечером, когда прибыла его молодая и миловидная жена. Со своей обычной добротой он подарил двум своим лучшим друзьям две прекрасные выдровые шкуры, а для капитана сделал собственными руками несколько наконечников для копий и стрел. Он говорил, что сам для себя построил лодку, и хвастал, что в состоянии говорить немного на своем родном языке! Но чрезвычайно странно то, что он, кажется, научил свое племя объясняться немного по-английски; один старик по собственной инициативе сообщил нам о прибытии «Jemmy Button's wife» [жены Джемми Бёттона]. Джемми лишился всего своего имущества. Он рассказывал, что Иорк Минстер построил большой челнок и со своей женой Фуэгией* несколько месяцев тому назад отправился на свою родину, совершив при расставании крайне низкий поступок: он уговорил Джемми и его мать отправиться вместе с ним и на дороге ночью оставил их, утащив с собой все их вещи.

Джемми пошел спать на берег, а утром вернулся и оставался на борту корабля, пока не подняли якорь, что напугало его жену, продолжавшую неистово кричать, пока он не сел в свой челнок. Он возвращался, наделенный значительным имуществом. Каждый из бывших на корабле душевно жалел, что приходится пожать ему руку в последний раз. Я не сомневаюсь теперь, что он будет столь же счастлив, а может быть еще счастливее, чем в том случае, если бы никогда не покидал своей страны. Всякий должен искренне надеяться, что исполнится благородная надежда капитана Фиц Роя—быть вознагражденным за все то великодушие, которое он проявил в отношении этих огнеземельцев, хотя бы тем, что какой-нибудь потерпевший крушение моряк найдет защиту у потомков Джемми Бёттона и его племени! Добравшись до берега, Джемми зажег сигнальный

* Капитан Селиван, который после своего путешествия на «Бигле» занимался съемкой Фальклендских островов, слышал от одного матроса (в 1842 г.) что в западной части Магелланова пролива его изумила туземная женщина, пришедшая на корабль и говорившая немного по-английски. Без сомнения, это была Фуэгия Баскет. Она жила (я боюсь, что это выражение, повидимому, имеет двойной смысл) несколько дней на корабле.

огонь, и извивавшийся дым как бы посылал нам последнее и долгое «прости», когда корабль наш выходил в открытое море.

Полное равенство между огнеземельцами одного и того же племени должно надолго задержать их культурное развитие. Как те животные, которых инстинкт побуждает жить обществами и повиноваться вожаку, способнее других к усовершенствованию, так и человеческие племена. Будем ли мы смотреть на это как на причину или как на следствие, но несомненно, что наиболее цивилизованные народы имеют и наиболее совершенное правление. Так, обитатели Таити, управлявшиеся при открытии острова наследственными королями, достигли гораздо более высокой степени развития, чем другая ветвь того же народа, новозеландцы, которые, несмотря на то, что были вынуждены заняться земледелием, были республиканцами в полном смысле этого слова. Пока на Огненной Земле не выдвинется какой-нибудь вождь, обладающий силой, достаточной для того, чтобы закрепить за собой какое-либо приобретенное имущество, например, домашних животных, до тех пор политическое состояние страны вряд ли сможет стать более совершенным. В настоящее время даже кусок холста, данный кому-нибудь, разрывается на куски и делится так, что ни один не становится богаче другого. С другой стороны, трудно понять, каким образом может появиться вождь, пока не существует какой-нибудь собственности, посредством которой он мог бы проявить свое превосходство и увеличить свое могущество.

Я думаю, в этой крайней части Южной Америки человек находится на более низкой степени развития, чем в какой-либо другой части земного шара. Островитяне двух рас, обитающих в южной части Тихого океана, сравнительно цивилизованы. Эскимосы в своих подземных лачугах[134] пользуются некоторыми удобствами жизни и в устройстве своих искусно снаряженных челноков обнаруживают довольно высокое мастерство. Некоторые племена Южной Африки, бродящие в поисках за кореньями и кое-как укрывающиеся на своих диких и безводных равнинах, в достаточной степени жалки. Австралиец по простоте своей обстановки наиболее приближается к огнеземельцу, но он все же может похвалиться перед ним своим бумерангом[135], своими копьями и дротиками, своим способом лазать по деревьям, выслеживать зверя и охотиться. Хотя австралиец в некоторых отношениях ушел дальше огнеземельца, но из этого не следует, чтобы он был сколько-нибудь выше его по своим умственным способностям: из того, что я сам наблюдал у огнеземельцев, бывших с нами на корабле, и из того, что читал об австралийцах, я даже склонен притти к совершенно противоположному заключению.

ГЛАВА XI

МАГЕЛЛАНОВ ПРОЛИВ.—КЛИМАТ ЮЖНЫХ БЕРЕГОВ

Магелланов пролив.—Порт Фемин.—Восхождение на гору Тарн.—Леса.—Съедобный гриб.—Фауна.—Большая водоросль.—Прощание с Огненной Землей.—Климат.—Плодовые деревья и произведения природы южных берегов.—Высота снеговой линии на Кордильерах.—Спуск ледников к морю.—Образование айсбергов. — Перенос валунов.—Климат и произведения природы антарктических островов.—Сохранение трупов в мерзлом состоянии.—Краткое резюме.

В конце мая 1834 г. мы вторично вошли в восточное устье Магелланова пролива. По обеим сторонам этой части пролива страна состоит из равнин, почти совершенно плоских, как в Патагонии. Мыс Негро, расположенный почти у самого начала второго сужения пролива, может считаться пунктом, от которого страна начинает представлять особенности, свойственные собственно Огненной Земле. На восточном берегу—к югу от пролива—неровная паркообразная местность таким же образом связывает эти две страны, почти во всех отношениях друг другу противоположные. Удивительно в самом деле, какая поразительная разница в ландшафтах на расстоянии каких-нибудь двадцати миль. Если взять для сравнения пункты, еще несколько более отдаленные, как, например, от Порт Фемин до залива Грегори (около 60 миль), то различие окажется еще более разительным. В первой из названных местностей мы видим округленные горы, покрытые непроходимыми лесами, которые постоянно напоены влагой дождей, приносимых никогда не прекращающимися бурями; мыс Грегори, напротив того, представляет ряд сухих и бесплодных равнин, над которыми сияет вечно безоблачное синее небо. Бурные и стремительные атмосферные течения *, видимо не стесненные какими-либо границами, тем не менее следуют по совершенно определенному направлению подобно реке в ее ложе.

Во время нашего предыдущего приезда (в январе) мы видели на мысе Грегори знаменитых, так называемых исполинских, патагонцев, которые приняли нас очень радушно. Они кажутся выше, чем они

* Юго-западные ветры вообще очень сухи. 29 января мы стояли на якоре у мыса Грегори. Дул очень крепкий ветер с запада через юг; небо было чисто, изредка набегали кучевые облака; температура воздуха 57°, точка росы 36°, разность 21°. 15 января в Порт Сан Хулиан: утром легкий ветер, обильный дождь; затем сильный шквал с дождем, перешедший в крепкий, бурный ветер, нагнавший большие кучевые облака. Когда прояснилось, задул сильный ветер с юго-запада. Температура 60°, точка росы 42°, разность 18°.

есть в действительности, вследствие мощности своих фигур, окутанных широкими плащами из шкур гуанако, а также благодаря длинным волосам, развевающимся по ветру. Средний рост их около шести футов: из мужчин многие выше этого и лишь немногие ниже, а женщины все так же высоки; говоря вообще, эта раса, конечно, самая высокая, какую только мне удавалось видеть. Чертами лица они поразительно напоминают северных индейцев, которых я видел в войске Росаса, но патагонцы суровее и мужественнее тех; все они раскрашивают себе лица красной и черной краской, а у одного все тело было испещрено белыми кругами и точками, как у жителей Огненной Земли. Капитан Фиц Рой предложил взять к себе на корабль троих из них по желанию, и они так охотно приняли это предложение, что, кажется, готовы были переехать на корабль все. Мы насилу отогнали их от лодки, и, когда привели, наконец, своих трех великанов на корабль, капитан тотчас посадил их с собой обедать; они вели себя, как настоящие джентльмены, употребляли за столом ножи, вилки и ложки; больше всего им пришелся по вкусу сахар. Это племя имеет так много сношений с моряками и китоловами, что бо́льшая часть мужчин говорит немного по-английски и по-испански; они уже полуцивилизованы и соразмерно с этим деморализованы.

На следующее утро большая партия наших вышла на берег, чтобы приобрести меной шкуры и страусовые перья; так как в огнестрельном оружии туземцам было отказано, то они всего больше кинулись на табак, даже больше, чем на топоры и иные инструменты. Обитатели всех тольдо, мужчины, женщины и дети, расположились на берегу. Это была интересная сцена, и невозможно было не полюбить этих великанов—до того они были добродушны и доверчивы: они просили нас приходить опять. Как кажется, они желали бы, чтобы у них жили европейцы, и одна, как видно влиятельная в их племени, старуха Мария очень упрашивала м-ра Лоу оставить у них хотя одного матроса. Бо́льшую часть года они проводят здесь; но летом охотятся по долинам вдоль подошвы Кордильер; иногда они доходят даже до Рио Негро, на 750 миль на север. Они снабжены в достаточном количестве лошадьми, которых у каждого, по словам м-ра Лоу, бывает шесть или семь, и все женщины и даже дети имеют по собственной лошади. Во времена Сармиенто (1580) у этих индейцев были луки и стрелы, теперь уже давно вышедшие из употребления; лошадей у них было тогда мало. Это очень любопытный факт, доказывающий неимоверно быстрое размножение лошадей в Южной Америке. Лошадь впервые была высажена в Буэнос Айресе в 1537 г., и когда колония на время была покинута, лошадь одичала *; в 1580 г., только сорок три года спустя, их находят уже у Магелланова пролива. М-р Лоу сообщил мне, что соседнее племя пеших индейцев ныне обращается в конных; племя, живущее у залива Грегори, уступает им своих плохих лошадей, а зимой они отряжают по нескольку человек из самых ловких для поимки диких лошадей.

1 июня.—Мы стали на якорь в красивой бухте Порт Фемин. Было начало зимы, и зрелище представлялось самое унылое; мрачные леса, засыпанные снегом, едва виднелись сквозь сырой, туманный

* Rengger, Naturgeschichte der Saeugethiere von Paraguay, S. 334.

воздух. Мы, однако, были настолько счастливы, что дождались двух ясных дней. В один из них отдаленная гора Сармиенто, возвышающаяся на 6 800 футов, представляла очень красивый вид. Меня часто удивляло в пейзажах Огненной Земли то обстоятельство, что горы, в действительности высокие, не казались высокими. Я полагаю, что это зависит от причины, которая сразу не придет в голову; именно от того, что вся горная масса от вершины до самой поверхности воды постоянно на виду. Помню, что одну гору я видел сначала с Канала Бигля, откуда всю ее, сверху до основания, можно было разглядеть сразу, и потом с Пролива Понсонби, откуда она виднелась из-за нескольких последовательных хребтов; любопытно было наблюдать в последнем случае, что, по мере того как каждая новая цепь гор позволяла наново оценить расстояние,—гора подымалась все выше и выше.

Не доезжая Порт Фемин, мы увидели двух людей, бежавших вдоль берега и окликавших корабль. К ним выслали лодку. Оказалось, что это два матроса, убежавшие с охотившегося за тюленями судна и приставшие к патагонцам. Индейцы приняли их со своим обычным бескорыстным гостеприимством. Матросы случайно отстали от них и шли теперь к Порт Фемин в надежде застать там какой-нибудь корабль. Могу сказать, что это были отчаянные бродяги, но вместе с тем у них был чрезвычайно жалкий вид. Несколько дней они питались ракушками и ягодами, и их изодранное платье прогорело от огня, около которого они спали. День и ночь без всякого приюта, они сильно настрадались от недавно пронесшихся беспрерывных бурь, с дождем и мокрым снегом, и все-таки были довольно здоровы.

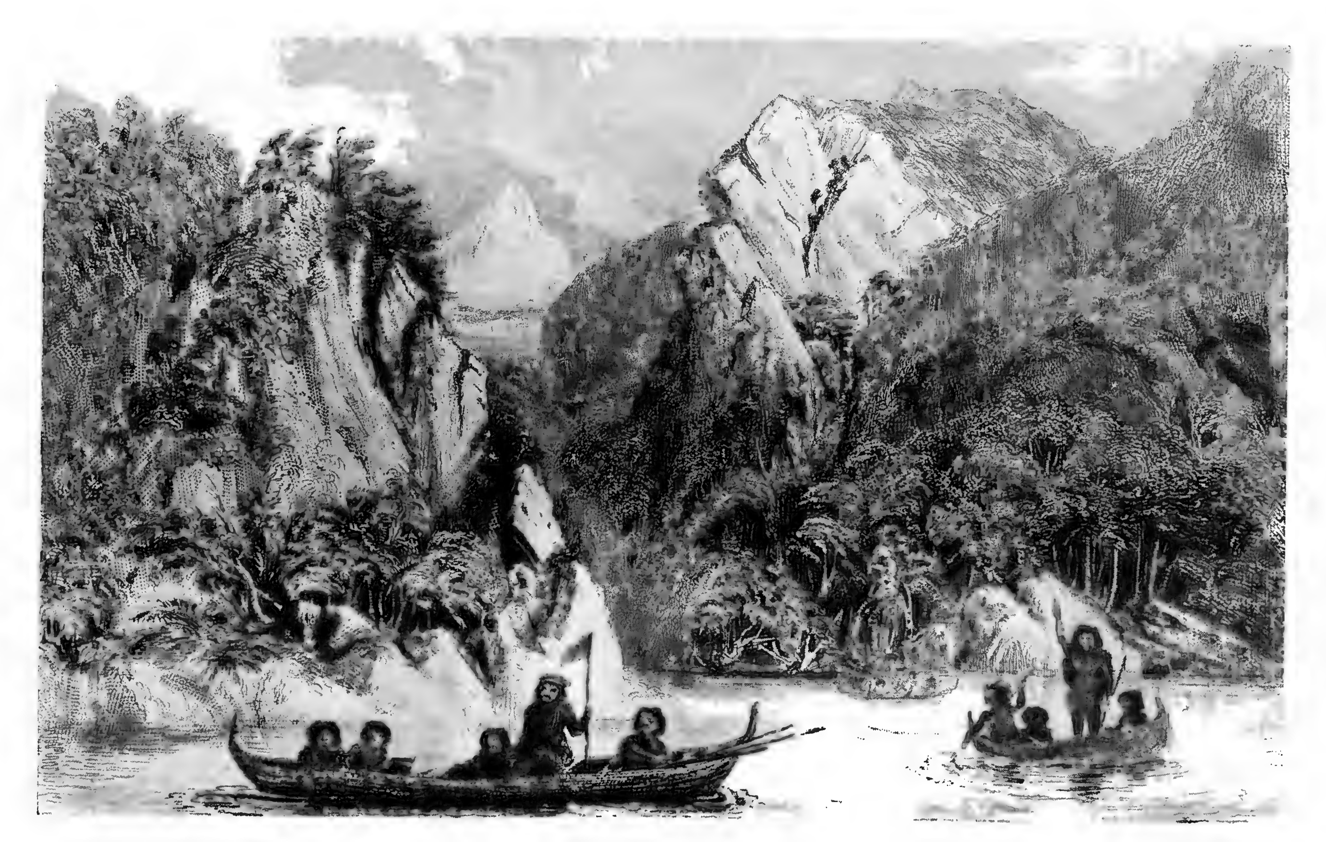
Во время нашей стоянки в Порт Фемин огнеземельцы два раза являлись и надоедали нам. Так как мы расположились на берегу с множеством всяких инструментов, платья и людей, то необходимо было отогнать дикарей, выстрелив на первый раз из нескольких больших ружей, когда они были еще далеко. Чрезвычайно смешно было наблюдать в зрительную трубу, как индейцы каждый раз, как выстрел ударял по воде, хватали камни и, как бы в ответ, отважно кидали их по направлению к кораблю, отстоявшему от них на полторы мили! Потом мы отправили туда лодку с приказанием дать мимо них несколько выстрелов из мушкетов. Огнеземельцы спрятались за деревья и на каждый залп из мушкета пускали свои стрелы, которые однако не достигали лодки. Наш офицер, указывая на них, рассмеялся; это окончательно взбесило огнеземельцев, и они в бессильной ярости потрясали своими пращами. Наконец, видя, что пули пробивают деревья, они побежали прочь и оставили нас в покое. Во время предыдущего путешествия местные огнеземельцы были чрезвычайно назойливы, и чтобы отвадить их, ночью была спущена ракета над их вигвамами: это отлично подействовало, и один офицер рассказывал мне, что сначала у них поднялись неистовые крики, лай собак, а вслед за тем, минуты через две, водворилось глубочайшее безмолвие. На другое утро не оказалось в окрестности ни одного огнеземельца.

Однажды утром, когда «Бигль» был здесь в феврале, я встал в четыре часа, чтобы подняться на гору Тарн, которая имеет в вы-

соту до 2 600 футов и составляет самую высокую точку в этой местности. Мы на лодке отправились к подошве горы (к сожалению, мы попали не на самый удобный для этого пункт) и затем начали наш подъем. Лес начинается с того места, до которого подымается прилив, и в продолжение первых двух часов я потерял надежду когда-нибудь достигнуть вершины. Лес был до того густ, что необходимо было беспрестанно справляться с компасом, потому что хотя местность гористая, но никаких примет невозможно было рассмотреть. В глубоких оврагах все до того было мертвенно, что наводило глубокое уныние. Вокруг бушевала буря, но в этих трущобах ни одно дуновение ветра не шевелило листьев самых высоких деревьев. Всюду было до того мрачно, холодно, сыро, что здесь не могли успешно расти даже грибы, мхи или папоротники. По долинам едва возможно было пробираться: они были совершенно загромождены большими гниющими стволами, разбросанными по всем направлениям. Проходя по этим естественным мостам, мы часто по колено проваливались в гнилое дерево; в другой раз, пробуя опереться о дерево, повидимому, крепкое, мы с изумлением обнаруживали, что это—масса прогнившего вещества, готового развалиться при малейшем прикосновении. Наконец, мы дошли до малорослых деревьев и вскоре добрались до голого гребня, откуда уже достигли самой вершины. Здесь открылся нам вид, характерный для Огненной Земли: неправильные цепи гор, испещренных снеговыми пятнами, глубокие желтовато-зеленые долины и морские рукава, изрезывавшие страну в разных направлениях. Сильный ветер был пронзительно холоден, воздух несколько туманен, так что мы недолго оставались на вершине горы. Спуск наш был далеко не так труден, как подъем, ибо тяжесть тела ускоряла движение, а скользили и падали мы в направлении нашего пути.

Я уже упоминал о мрачном и угрюмом характере вечнозеленых лесов*, в которых растут только два или три вида деревьев. Над поясом лесов начинаются низкорослые альпийские растения, которые растут на торфяной почве и сами способствуют ее образованию; они особенно замечательны близким родством своим с теми видами, которые растут на горах Европы, хотя их разделяют тысячи миль. Центральная часть Огненной Земли, где встречается сланцевато-глинистая формация, очень благоприятна для роста деревьев; на открытом берегу моря почва гранитная, более тощая, притом и местность подвержена сильным ветрам, поэтому деревья не достигают там большой величины. Близ Порт Фемин мне попадались более крупные деревья, чем где-либо в другом месте; один измеренный мною экземпляр *Drimys Winteri* имел в окружности четыре фута шесть дюймов, а из буков многие имели до тридцати футов. Капитан Кинг

* Капитан Фиц Рой сообщил мне, что в апреле (соответственно нашему октябрю) листья деревьев, растущих близ основания гор, меняют свой цвет, но этого не бывает с теми, которые находятся на большой высоте. Я, помнится, читал о некоторых наблюдениях, показывающих, что в Англии листья опадают в теплую и ясную осень ранее, чем в позднюю и холодную. Перемена цвета, происходящая здесь позднее в более высоких и поэтому более холодных местах, вероятно, зависит от того же общего закона вегетации. Деревья Огненной Земли ни в какое время года не теряют целиком своих листьев.



Остров Бёттона близ Вулья.

Рисунок Ч. Мартенса.

Патагонец.

Рисунок Ф. П. Кинга.

Патагонцы в бухте Грегори.

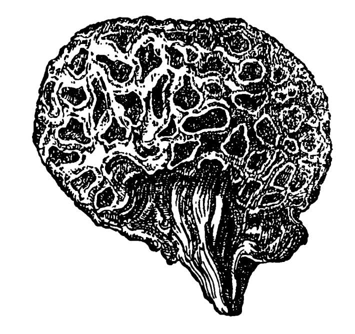
Рисунок Ч. Мартенса.

Порт Фемин (наверху—с севера, в середине—с юга). Внизу—залив Адмиралтейства (близ канала Магдалины).

Рисунки Ф. П. Кинга.

упоминает о буковом дереве, имевшем семь футов в диаметре на высоте семнадцати футов от корня.

Здесь есть одно растение, заслуживающее особенного внимания, потому что оно служит предметом питания огнеземельцев. Это шаровидный, яркожелтый гриб, растущий во множестве на буковых деревьях. В молодости он упруг и пухл, с гладкой поверхностью; в зрелом состоянии он съеживается, становится жестче, и вся поверхность его покрывается глубокими ямочками или ячейками. Этот гриб принадлежит к новому, любопытному роду *; я нашел второй вид его на другом виде бука в Чили, а доктор Гукер сообщил мне, что недавно открыт третий вид этого гриба на третьем виде бука на Вандименовой Земле. Поразительна эта связь между паразитическими грибами и деревьями, на которых они растут, в таких отдаленных друг от друга частях мира! На Огненной Земле гриб в жестком и спелом состоянии собирается во множестве женщинами и детьми и съедается сырым. Он имеет слизистый, слегка сладковатый вкус и слабый запах, напоминающий запах шампиньонов. Туземцы не употребляют никакой растительной пищи, кроме этого гриба и некоторых ягод, преимущественно плодов низкорослого земляничного дерева (Arbutus). В Новой Зеландии до введения картофеля потребляли во множестве корни папоротника; теперь же, я думаю, Огненная Земля—единственная страна в свете, где тайнобрачное растение составляет существенную часть пищи жителей.



Фауна Огненной Земли очень бедна, как и следует ожидать, принимая во внимание характер ее климата и растительности. Из млекопитающих, не считая китов и тюленей, здесь водится одна летучая мышь, род мышеобразных грызунов *(Reithrodon chinchilloides)*, две настоящие мыши, ктеномис, родственный или тождественный с тукутуко, две лисицы *(Canis Magellanicus* и *C. Azarae)*, морская выдра, гуанако и олень. Большинство этих животных живет лишь в более сухих восточных частях страны, а олень никогда не встречается к югу от Магелланова пролива. Судя по общему соответствию в расположении скал из мягкого песчаника, пластов глины и щебня по обеим сторонам пролива, а также на некоторых промежуточных островах, можно с достаточным основанием предполагать, что вся эта земля некогда представляла собой единое целое, так что возможно было переселение на Огненную Землю таких нежных и беззащитных животных, как тукутуко и Reithrodon. Соответствие в расположении скал, правда, еще не есть окончательное доказательство соединения их, потому что такие скалы вообще образуются путем пересечения наклонных отложений, которые накоплялись близ существовавших тогда берегов еще до поднятия страны.

* Он описан по моим экземплярам и снабжен заметками преподобным Дж. М. Беркли в Linnean Transactions (vol. XIX, p. 37) под названием *Cyttaria Darvinii*; чилийский вид—*C. Berteroii*. Это род, близкий к Bulgaria.

Тем не менее все-таки замечательно, что из двух больших островов, отделенных от остальной части Огненной Земли Каналом Бигля, на одном скалы состоят из веществ, которые можно назвать аллювиальными наслоениями и которые соответствуют точно таким же слоям, находящимся на противолежащем берегу канала, тогда как другой остров покрыт исключительно древними кристаллическими породами; на первом из этих островов, Наварине, встречаются лисицы и гуанако, на последнем же, Гести, не водится—говорю это на основании слов Джемми Бёттона—ни одно из этих животных, несмотря на то что во всех отношениях этот остров сходен с предыдущим и отделен от него лишь каналом шириной чуть больше полумили.

В мрачных лесах водится мало птиц; по временам раздается жалобный крик тиранна-мухоловки с белым хохолком *(Myiobius albiceps)*, прячущегося по вершинам самых высоких деревьев; еще реже слышен громкий, странный возглас черного дятла, с красивым хохолком на голове. Маленький скромно окрашенный королек *(Scytalopus Magellanicus)* робко попрыгивает по беспорядочной массе свалившихся и гниющих стволов. Но самая обыкновенная здесь птица—пищуха *(Oxyurus tupinieri)*. Ее можно встретить в буковых лесах повсеместно—и высоко в горах, и внизу в самых мрачных, сырых и непроходимых оврагах. Без сомнения, эта крошечная птичка кажется многочисленнее, чем на самом деле, вследствие своей привычки следовать, как бы из любопытства, за каждым лицом, посещающим эти безмолвные леса; издавая беспрестанно резкое чирикание, она порхает с дерева на дерево, на расстоянии нескольких футов перед лицом идущего человека. В противоположность настоящей пищухе *(Certhia familiaris)*, которая ищет скромных и уединенных мест, она постоянно на виду; настоящая пищуха бегает и взбирается по стволам деревьев; эта же, точно наша пеночка-королек, резво и прилежно скачет кругом и осматривает каждую веточку, каждый прутик в поисках за насекомыми. В более открытых местах попадаются три или четыре вида зябликов, дрозд, скворец (или Icterus) [136], два вида Opetiorhinchus [136], несколько ястребов и сов.

Отсутствие какого бы то ни было представителя целого класса пресмыкающихся [137]—отличительный признак как здешней фауны, так и фауны Фальклендских островов. Это суждение я основываю не только на моих собственных наблюдениях; я слышал то же самое от испанских обитателей последней местности, а относительно Огненной Земли—от Джемми Бёттона. На берегах Санта Крус под 50° южной широты я видел лягушку; очень может быть, что этих животных, равно как и ящериц, можно найти еще южнее, вплоть до Магелланова пролива, где страна сохраняет еще характер, свойственный Патагонии, но на сырой и холодной Огненной Земле они уже не встречаются. Относительно некоторых отрядов, как, например, ящериц, можно было наперед сказать, что тамошний климат для них неблагоприятен, но относительно лягушек это совсем не так очевидно.

Жуки попадаются в очень небольшом числе; я долго не мог поверить, чтобы страна, столь же обширная, как Шотландия, покрытая растительностью и представляющая столько разнообразных

местообитаний, могла быть в такой степени бедна жуками. Немногие жуки, найденные мной, принадлежали к альпийским видам (Harpalidae и Heteromidae), живущим под камнями. Травоядных Chrysomelidae, столь характерных для тропиков, здесь почти совсем нет *. Также очень мало я видел мух, бабочек и пчел, а сверчков или прямокрылых совсем не встречал. В лужах я находил очень немного водных жуков и ни одного пресноводного моллюска; правда, Succinea[138] составляет как будто исключение, но здесь ее можно считать наземным моллюском, потому что она живет в сырой траве, далеко от воды. Наземных моллюсков я находил только там же, где и жуков, т. е. в горах под камнями. Я уже упоминал о полной противоположности как климата, так и общего вида Огненной Земли и Патагонии; и это различие еще резче выражается в составе насекомых, свойственных этим странам. Не думаю, чтобы был хотя один вид насекомых, общий обеим странам, да и в общем характере насекомых разница огромная.

Если мы обратимся от суши к морю, то найдем, что последнее населено живыми существами в таком же избытке, в каком первая лишена их. Во всех частях мира утесистый и частично защищенный берег вмещает в данном пространстве, может быть, бо́льшее количество особей животных, чем всякое другое местообитание. Здесь имеется одно морское растение, заслуживающее по своей важности самого подробного описания. Это морская водоросль *Macrocystis pyrifera*[139]. Растение это произрастает на всякой скале, начиная от низшего уровня отлива до значительной глубины, как на открытом морском берегу, так и в каналах**. Во время плавания судов «Эдвенчер» и «Бигль» не встретилось, кажется, ни одного утеса, близкого к поверхности, который не был бы опутан этой пловучей водорослью. Услуга, оказываемая ею судам, плавающим в этих бурных краях, очевидна; и действительно, эта водоросль не раз спасала суда от крушения. Меня всего более поражает, что это растение растет и процветает среди сильных бурунов западного океана, которым не может долго противиться никакой утес, как бы крепок он ни был. Стебель этой водоросли круглый, слизистый и гладкий, и в диаметре редко имеет один дюйм. Несколько таких стеблей, соединенных вместе, настолько крепки, что выдерживают тяжесть больших камен-

* За исключением одного альпийского вида Haltica и единственного вида Melasoma. М-р Уотергауз сообщил мне, что здесь найдено восемь или девять видов Harpalidae, отличающихся большей частью весьма своеобразной формой; четыре или пять видов Heteromera; шесть или семь Rhyncophora и по одному виду каждого из следующих семейств: Staphylinidae, Elateridae, Cebrionidae, Melolonthidae. Из других отрядов здесь еще меньше видов. Во всех отрядах малочисленность особей еще заметнее, нежели малочисленность видов. Бо́льшая часть жесткокрылых тщательно описана м-ром Уотергаузом в Annals of Natural History.

** Ее географическое распространение замечательно обширно: ее находят, начиная от крайних южных островков близ мыса Горн, к северу вдоль восточного берега (согласно показаниям м-ра Стокса) до 43° широты, а по западному берегу, по словам д-ра Гукера, она распространяется до реки Сан Франциско в Калифорнии и, быть может, даже до Камчатки. Таким образом, мы видим, что по широте она распространена на огромное протяжение, а так как Кук, без сомнения, хорошо знакомый с этим видом, встречал его у Земли Кергелен, то оказывается, что и по долготе она распространена не менее чем на 140°.

ных глыб, к которым они прикрепляются в каналах между островами, а между тем многие из этих камней были так тяжелы, что один человек едва мог втащить их в лодку. Капитан Кук в своем «Втором путешествии» говорит, что на Земле Кергелен эта водоросль подымается с глубины более 24 фатомов, «а так как она растет не в вертикальном направлении, а образует с дном моря очень острый угол и кроме того бо́льшая часть ее растягивается еще на много фатомов по поверхности моря, то я с полным правом могу сказать, что некоторые из них вырастают длиной в 60 фатомов и более». Я не думаю, чтобы стебель какого-либо другого растения достигал 360 футов длины, как нашел капитан Кук у этой водоросли. Кроме того, капитан Фиц Рой* находил экземпляры этой водоросли, подымающиеся с глубины более сорока пяти фатомов. Заросли или пласты этой водоросли, хотя не очень широкие, образуют превосходные естественные пловучие волноломы. Любопытно наблюдать в какой-нибудь открытой гавани, как огромные морские волны, проходя через эти раскинутые стебли, очень быстро снижаются и переходят в гладкую поверхность.

Число живых существ всех отрядов, существование которых непосредственно зависит от этой водоросли, поразительно. Можно бы написать большой том об обитателях хотя одного из этих пластов водорослей. Почти все листья, за исключением плавающих на поверхности, до того обросли кораллинами, что приобрели совершенно белый цвет. Здесь встречаются изящнейшие постройки, из которых некоторые населены простыми гидроподобными полипами, другие—более сложными организмами и красивейшими асцидиями. К листьям прикрепляются также разнообразные блюдцевидные моллюски (Trochi), голые моллюски и некоторые двустворчатые. На всех частях растения встречается бесчисленное множество ракообразных. Если встряхнуть корни, то из них посыплется целая куча мелкой рыбы, моллюсков, каракатиц, всевозможных крабов, морских яиц, морских звезд, красивых голотурий, планарий и ползающих нереид разнообразнейшего вида. Каждый раз, как я брался за ветку этой водоросли—а я делал это нередко,—мне попадались в ней все новые и интересные животные. На Чилоэ, где эта водоросль растет не очень хорошо, совсем нет многих моллюсков, кораллин и ракообразных; но все же здесь встречаются немногие Flustraceae и некоторые колониальные асцидии; последние, однако, отличаются от тех видов, которые встречаются у Огненной Земли; таким образом, мы видим, что географическое распространение водоросли несравненно обширнее распространения животных, которые на ней живут. Эти громадные водные леса южного полушария можно сравнить только с материковыми лесами тропических стран. Но если где-нибудь истребить настоящий лес, то не думаю, чтобы вместе с ним погибло такое множество разнообразнейших животных, как здесь от истреб-

* Voyages of the Adventure and Beagle, vol. I, p. 363.—Повидимому, эти водоросли растут неимоверно быстро. М-р Стефенсон нашел (Wilson's Voyage round Scotland, vol. II, p. 228), что утес, обнажающийся только при весенних отливах и дочиста отмытый в ноябре, через шесть месяцев, в мае следующего года, густо оброс фукусами[140], из которых *Fucus digitatus* вырос уже на два фута, а *F. esculentus* на шесть футов в длину.

ления этой водоросли. Между листьями этого растения живет множество рыб различных видов и притом таких, которые нигде, кроме этой водоросли, не найдут себе ни пищи, ни убежища; с уничтожением их погибнут и все бакланы и другие питающиеся рыбой птицы, а также выдры, тюлени и дельфины; и, наконец, дикие огнеземельцы, жалкие хозяева этой жалкой страны, должны будут удвоить свои каннибальские пиршества, уменьшатся в числе и, быть может, совершенно исчезнут с лица земли.

8 июня.—Мы снялись с якоря рано утром и оставили Порт Фемин. Капитан Фиц Рой решил выйти из Магелланова пролива через недавно открытый канал Магдалины. Наш путь лежал прямо к югу, по тому мрачному проходу, о котором я упоминал выше; он как бы ведет в другой и притом худший мир. Ветер был попутный, но воздух очень туманный, так что мы пропустили много интересных видов. Темные, разорванные облака быстро неслись через горы, окутывая их с вершины почти до основания. То, что нам удавалось разглядеть мельком сквозь эту туманную массу, было чрезвычайно интересно; зубчатые вершины, снежные конусы, голубые ледники, резкие очертания, рисовавшиеся на бледном небе,—все это виднелось на разных расстояниях и на различных высотах. Среди такой местности мы стали на якорь у мыса Терн, близ горы Сармиенто, скрывавшейся в то время за облаками. У подошвы высоких и почти вертикальных берегов нашей маленькой бухты стоял покинутый вигвам, и только это одно напоминало нам, что и в эти пустынные страны изредка забирается человек. Но трудно представить себе местность, в которой он мог бы играть более жалкую роль. Неодушевленные силы природы—утесы, льды, снег, ветер и вода,—борясь между собой, но соединяясь в борьбе против человека, царствуют здесь безгранично.

9 июня.—Утром мы с радостью увидели, что туманный покров постепенно подымается все выше над Сармиенто и раскрывает перед нами вид на эту гору,—одну из высочайших гор на Огненной Земле, возвышающуюся на 6 800 футов. От основания почти на восьмую часть всей своей высоты она покрыта мрачными лесами, за которыми до вершины простирается сплошная масса снега. Эта громада никогда не тающих снегов, которым суждено, кажется, лежать здесь, пока будет стоять мир, представляет зрелище великолепное и даже величественное. Очертания горы удивительно ясны и определенны. Благодаря обилию света, отражающегося от белой и сверкающей поверхности, ни одна часть ее не оттенена, и можно было различить только те линии, которые пересекают небо; вследствие этого вся масса выступает чрезвычайно рельефно. Многие ледники, извиваясь, спускаются от верхних снеговых пространств к самому морю; их можно было бы сравнить с большими замерзшими Ниагарами, и, быть может, эти водопады синего льда не менее красивы, чем движущиеся водяные каскады. Ночью мы достигли западной части канала, но вода была так глубока, что негде было стать на якорь. Мы были принуждены поэтому лавировать в этом узком морском рукаве в продолжение четырнадцатичасовой совершенно темной ночи.

10 июня.—Утром мы вышли в Тихий океан. Западный берег повсюду состоит из низких округленных и совершенно обнаженных хол-

мов из гранита и грюнштейна[141]. Сэр Дж. Нарборо назвал одну часть этого берега Южным Запустением (South Desolation), потому что, как он говорит, «места эти наводят уныние», и это совершенно справедливо. Вокруг главных островов разбросано множество скал, о которые беспрерывно разбиваются громадные волны открытого океана. Мы прошли между Восточной и Западной Фуриями; немного севернее этого места море до того изрыто бурунами, что носит название Млечного Пути. Один вид такого берега может на целую неделю нагнать на обитателя твердой земли тоскливую мысль о кораблекрушениях, опасностях и гибели. Таков был для нас последний вид Огненной Земли, после чего мы с нею окончательно распростились.

Нижеследующие замечания о климате южных частей континента в связи с произведениями природы, о границе вечного снега, о необычайно низком опускании ледников и о зоне вечной мерзлоты на антарктических островах могут быть пропущены всяким, кто не интересуется этими любопытными вопросами, или он может прочитать только заключительные выводы. Впрочем, я помещаю здесь лишь извлечение, а за подробностями отсылаю к XIII главе первого издания этого сочинения и Приложению к нему.

О климате и произведениях природы Огненной Земли и юго-западного берега.—В следующей таблице представлена средняя температура Огненной Земли, Фальклендских островов и—для сравнения—Дублина:—

	Широта	Летняя температура	Зимняя температура	Средняя зимней и летней температуры
Огненная Земля	53°38′ ю. ш.	50°	33°,08	41°,54
Фальклендские острова	51°30′ ю. ш.	51°	—	—
Дублин	53°21′ с. ш.	59°,54	39°,2	49°,37

Отсюда мы видим, что центральная часть Огненной Земли зимой значительно холоднее Дублина, а летом даже на целых $9^1/_2$°. По словам фон Буха, в Зальтенфиорде, в Норвегии, средняя температура июля (не самого жаркого месяца года) равняется 57°,8, а это место на целых 13° ближе к полюсу, чем Порт Фемин*. Как ни суровым кажется нам этот климат, но в нем роскошно процветают вечнозеленые деревья. Под 55° ю. ш. можно видеть колибри, сосущих сок цветов, и попугаев, питающихся семенами *Drimys Winteri*. Я уже говорил, в каком изобилии море населено здесь живыми существами. Следует прибавить, что, по словам м-ра Соуерби, здешние моллюски (Patella, Fissurela, хитоны и морские уточки) гораздо крупнее и крепче, чем соответствующие им виды северного полушария. Крупная Voluta изобилует в южной части Огненной Земли и на Фальклендских

* Относительно Огненной Земли результаты заимствованы из наблюдений капитана Кинга (Geographical Journal, 1830), а также из сделанных на «Бигле». Вывод средней температуры Фальклендских островов мне любезно сообщил капитан Селиван (вывод этот сделан на основании тщательных наблюдений, производившихся в полночь, в 8 часов утра, в полдень и в 8 часов вечера в течение трех самых жарких месяцев, т. е. декабря, января и февраля). Температура Дублина взята у Бартона.

островах. В Байа Бланке, под 39° ю. ш., из моллюсков чаще всего встречаются три вида Oliva (один очень крупный), один или два вида Voluta и один вид Terebra. Все они принадлежат к самым характерным тропическим формам. Сомнительно, чтобы на южных берегах Европы существовал хотя один из мелких видов Oliva, а из остальных двух родов нет ни одного вида. Если бы геолог нашел под 39° с. ш. на берегах Португалии слой, содержащий большое количество раковин трех видов Oliva, а также Voluta и Terebra, то, вероятно, заключил бы, что в период их существования климат этой страны был тропический; но, судя по Южной Америке, мы видим, что такой вывод может быть ошибочным.

Однообразный, сырой и ветреный климат Огненной Земли простирается лишь с небольшим повышением температуры на многие градусы вдоль западного берега южноамериканского материка. Леса на 600 миль к северу от мыса Горн имеют совершенно одинаковый вид. Как доказательство однообразия климата даже еще на 300 или 400 миль далее к северу укажу, что на Чилоэ (широта которого соответствует широте северных частей Испании) персиковое дерево редко приносит плоды, между тем как земляника и яблоки родятся превосходно. Даже снопы ячменя и пшеницы * часто приносят в дома для сушки и дозревания. В Вальдивии (на том же 40° ш., что и Мадрид) созревают, правда, виноград и фиги, но очень редко. Иногда поспевают и оливки, но апельсины никогда не вызревают. Хорошо известно, что в соответствующих широтах Европы эти плоды вполне вызревают; даже и на американском континенте в Рио Негро, под одной почти широтой с Вальдивией, разводятся сладкие бататы (Convolvulus), а виноград, фиги, оливки, апельсины, арбузы и душистые дыни родятся в изобилии. Хотя сырой и однообразный климат Чилоэ и берегов Америки к северу и югу от него очень неблагоприятен для наших плодов, но туземные леса с 45 до 38° ш. почти соперничают в богатстве растительности с лесами жарких тропических стран. Стройные разнообразные деревья с гладкой и ярко окрашенной корой обременены паразитными однодольными растениями; папоротники очень крупны, изящны и многочисленны, а деревянистые злаки спутывают деревья в одну сплошную массу на 30 или 40 футов от земли. Пальмы растут под 37° ш. Древовидный злак, весьма похожий на бамбук, встречается под 40°, а другой близкий вид, очень высокий, но растущий не вертикально, процветает даже под 45° ю. ш.

Однообразный климат, очевидно, зависящий от бóльшей площади моря по сравнению с сушей, распространен, как кажется, по бóльшей половине южного полушария, и вследствие этого растительность носит полутропический характер. Древовидные папоротники превосходно растут на Вандименовой Земле (45° ш.); один измеренный мною ствол имел в окружности не менее шести футов. Форстер нашел древовидный папоротник в Новой Зеландии под 46°, где на деревьях паразитировали орхидеи. На Оклендских островах, по словам доктора Диффенбаха**, папоротники обладают такими толстыми и

* Agüeros, Descrip. Hist. de la Prov. de Chiloé, 1791, p. 94.

** См. немецкий перевод этого «Дневника», а об остальных фактах—«Приложение» м-ра Броуна к «Путешествию» Флайндерса.

высокими стволами, что их можно бы почти назвать папоротниковыми деревьями, и как на этих островах, так и далее к югу, даже до 55° южной широты, на островах Маккуари, водятся во множестве попугаи [142].

О высоте снеговой линии и об опускании ледников в Южной Америке.—За подробным указанием источников следующей таблицы прошу обратиться к первому изданию:—

Широта	Высота снеговой линии в футах	Наблюдатель
Экваториальный пояс; в среднем	15 748	Гумбольдт
Боливия, от 16 до 18° ю. ш. . .	17 000	Пентленд
Центральное Чили, 33° ю. ш. .	от 14 500 до 15 000	Джилли и автор
Чилоэ, от 41 до 43° ю. ш. . . .	6 000	Офицеры «Бигля» и автор
Огненная Земля, 54° ю. ш. . . .	от 3 500 до 4 000	Кинг

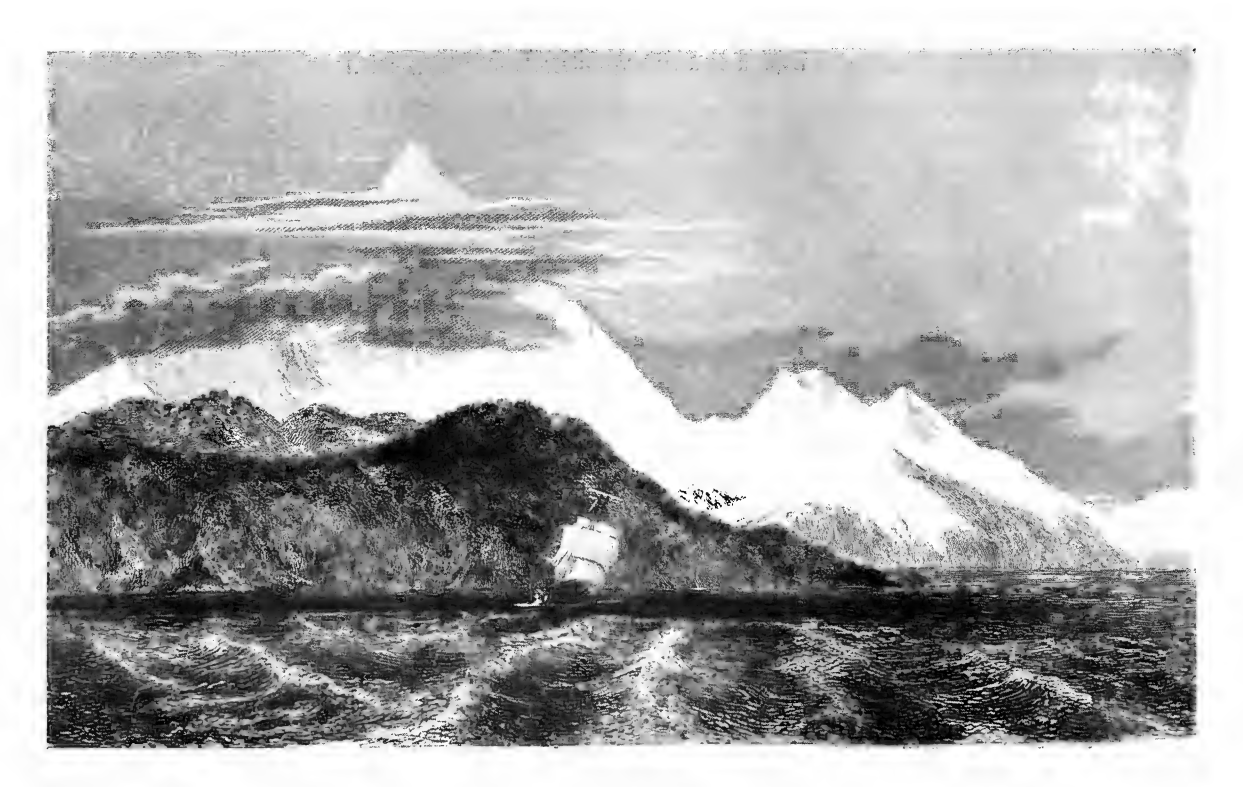
Так как высота границы вечного снега определяется, повидимому, скорее наибольшей теплотой лета, чем средней температурой года, то мы не должны удивляться понижению ее до 3 500 или 4 000 футов над уровнем моря у Магелланова пролива, где лето так прохладно; впрочем, в Норвегии мы должны подняться до 67° или даже до 70° с. ш., т. е. на 14° ближе к полюсу, чтобы на таком низком уровне найти вечный снег. Но гораздо удивительнее разница в высоте снеговой линии на Кордильерах позади Чилоэ (высшая точка колеблется здесь между 5 600 и 7 500 футов) и на Кордильерах Центрального Чили * (т. е. всего на расстоянии 9° широты); разница эта доходит почти до 9 000 футов. Страна к югу от Чилоэ и на север почти вплоть до Консепсиона (37° ш.) покрыта сплошным густым лесом, пропитанным сыростью. Небо облачно, и мы видели, как плохо поспевают здесь плоды Южной Европы. Напротив того, в Центральном Чили, немного севернее Консепсиона, небо всегда ясно, в продолжение семи летних месяцев не бывает дождя, и южноевропейские плоды растут отлично; разводили здесь также сахарный тростник**. Вероятно, линия вечных снегов подвергается упомянутому замечательному уклонению в 9 000 футов (уклонение, которому нет подобного ни в какой другой части света) недалеко от широты Консепсиона, где страна уже не покрыта лесами, потому что в Южной Америке леса означают дождливый климат, а дождь всегда указывает на облачное небо и незначительный летний зной.

Спуск ледников к морю (предполагая, конечно, что в верхних пределах накопляется достаточное количество снега) зависит, я думаю, главным образом от низкого положения границы вечных снегов

* Я думаю, что на Кордильерах Центрального Чили снеговая линия, смотря по лету, значительно меняет свою высоту. Меня уверяли, что во время одного очень длинного и сухого лета весь снег исчез на Аконкагуа, хотя эта гора достигает громадной высоты в 23 000 футов. Вероятно, бóльшая часть снега на таких значительных высотах скорее испаряется, чем тает.

** Miers, Chile, vol. I, p. 415. Говорят, что сахарный тростник рос в Ингенио, под 32—33° ш., однако, в количестве, недостаточном для того, чтобы сделать обработку его выгодной. В долине Килота, к югу от Ингенио, я видел несколько больших финиковых пальм.

Гора Сармиенто. Ледник, спускающийся к морю.
Рисунок Ч. Мартенса.



Гора Сармиенто.

Рисунок Ч. Мартенса.

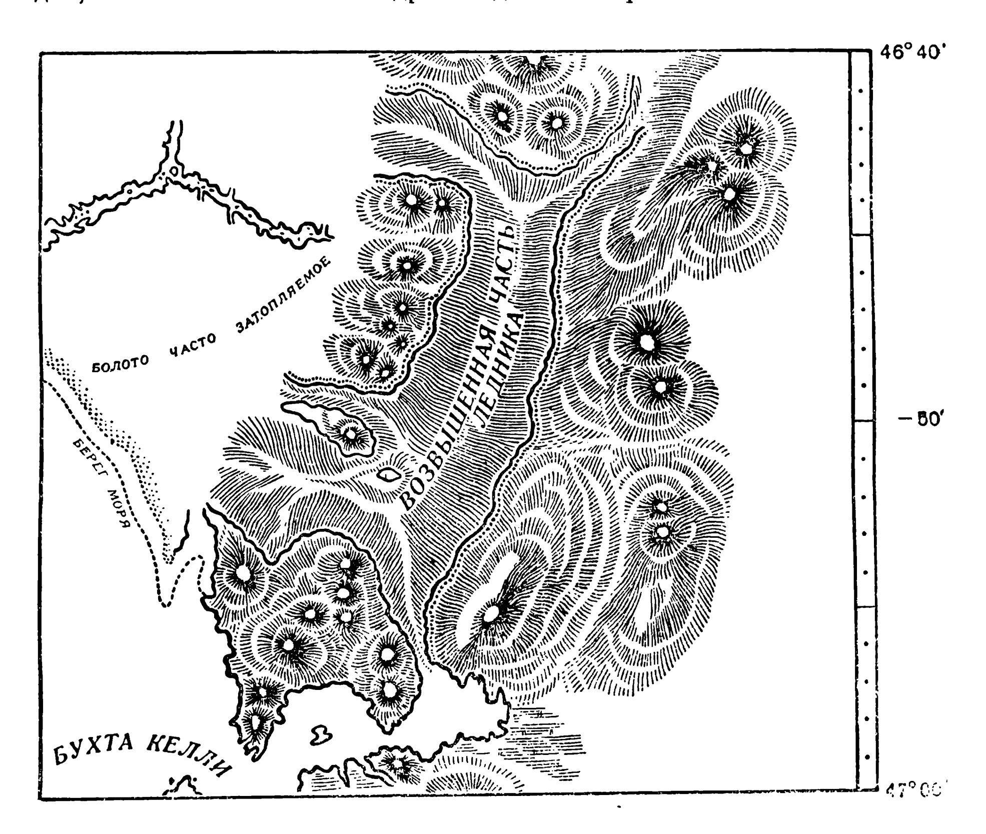
на крутых горах близ берега. Так как на Огненной Земле снеговая линия очень низка, то, конечно, можно было наперед ожидать, что многие ледники будут доходить до самого моря. Тем не менее я был очень изумлен, когда в первый раз увидел под широтой, соответствующей широте Кёмберленда, горную цепь высотой не больше чем от 3 000 до 4 000 футов, в которой каждая долина была наполнена ледяными потоками, спускавшимися к морю. Почти каждый морской рукав, проникающий до внутренней, более высокой цепи, не только на Огненной Земле, но на 650 миль к северу по берегу моря, заканчивается «страшными и изумительными ледниками»,—по выражению одного из офицеров, посланного для осмотра. Огромные массы льда часто отрываются от этих ледяных скал, и среди уединенных каналов раздается тогда треск и гул, подобный залпу с военного корабля. Эти падения, как замечено в предыдущей главе, производят большие волны, разбивающиеся о прилежащие берега. Известно, что землетрясения часто бывают причиной того, что с приморских утесов сваливаются огромные массы земли. Каково же должно быть действие сильного подземного удара, какие здесь нередко случаются *, на такое тело, как ледник, уже находящийся в движении и изборожденный трещинами! Легко поверить, что при этом вода сразу будет вытеснена из глубочайшего канала и затем, возвращаясь на свое место, будет с необычайной силой вращать громадные глыбы камней, как соломинки. В проливе Эйри, на одной широте с Парижем, находятся огромные ледники, между тем как самая высокая из ближайших гор возвышается лишь на 6 200 футов. В этом проливе однажды видели одновременно до 50 айсбергов, плывших к океану, и один из них имел в вышину *по меньшей мере* 168 футов. Некоторые из айсбергов несли на себе довольно объемистые обломки гранита и других горных пород, отличных от сланцеватой глины окружающих гор. Наиболее далекий от полюса ледник, съемка которого была произведена во время плавания судов «Эдвенчер» и «Бигль», находится под 46° 50′ ш., в заливе Пеньяс [см. рис. на стр. 210]. В длину он простирается на 15 миль, имеет в одном месте 7 миль в ширину и спускается до самого морского берега. Но даже несколькими милями севернее этого ледника в Лагуне де Сан Рафаэль, испанские миссионеры** встретили «много ледяных гор, из которых одни велики, другие малы, а некоторые среднего объема», в узком морском рукаве 22-го числа месяца, соответствующего нашему июню, и под такой широтой, которая соответствует широте Женевского озера!

В Европе самый южный ледник, спускающийся к морю, обнаружен, по словам фон Буха, на норвежском берегу под 67° ш. Это приходится более чем на 20° широты или на 1 230 миль ближе к полюсу, чем Лагуна де Сан Рафаэль. Существование ледников в этом месте и в заливе Пеньяс представляется тем более поразительным, что они спускаются к морскому берегу на расстоянии $7^1/_2$° широты или 450 миль от пристани, где Oliva, Voluta и Terebra являются

* Bulkeley and Cummin, Faithful Narrative of the Lose of the Wager. Землетрясение случилось 25 августа 1741.

** Agüeros, Desc. Hist. de Chiloe, p. 227.

самыми обычными видами моллюсков, на расстоянии менее 9° от того места, где растут пальмы, в $4^1/_2$° от страны, где ягуар и пума бродят по долинам, менее чем на $2^1/_2$° от древовидных злаков и, наконец (если в том же полушарии пойти по направлению к западу), менее чем на 2° широты от места, где растут паразитические орхидеи, и всего только на 1° от древовидных папоротников!



Эти факты представляют большой геологический интерес в отношении вопроса о климате северного полушария в период переноса валунов. Я не стану распространяться о том, насколько просто теория переноса обломков скал айсбергами объясняет происхождение и положение гигантских валунов в восточной части Огненной Земли, на высоких равнинах Санта Крус и на острове Чилоэ. На Огненной Земле бо́льшая часть валунов лежит на линиях бывших морских каналов, ныне превратившихся в сухие долины вследствие поднятия страны. Они связаны с мощной неслоистой формацией глины и песка, содержащей круглые и угловатые обломки разной величины и образовавшейся * в результате неоднократного взрытия морского дна подходившими сюда айсбергами, которые со своей стороны оставляли здесь принесенную ими землю.

* Geological Transactions, vol. VI, p. 415.

Некоторые геологи сомневаются теперь в том, что эрратические валуны, лежащие близ высоких гор, были сдвинуты самими ледниками, а находящиеся далеко от гор и зарытые в подводных отложениях либо были перенесены сюда на айсбергах, либо вмерзли в береговой лед. Связь между странствованием валунов и присутствием льда в какой-либо форме доказывается поразительным образом их географическим распределением на земной поверхности[143]. В Южной Америке их не находят далее 48° ш., считая от южного полюса; в Северной Америке граница их странствования простирается, кажется, до $53^1/_2$° северной широты; но в Европе не более чем до 40° с. ш. С другой стороны, они никогда не встречаются в тропических частях Америки, Азии и Африки, равно как и на мысе Доброй Надежды и в Австралии*.

О климате и произведениях природы антарктических островов.— Если учесть чрезвычайную силу растительности на Огненной Земле и по морскому побережью к северу от нее, состояние островов к югу и к югу-западу от Америки кажется поистине изумительным. Сандвичевы острова, на одной широте с северной частью Шотландии, были, по словам Кука, в самый жаркий месяц года «покрыты слоем вечного снега в несколько фатомов толщины»; едва ли здесь имеется какая-либо растительность. Георгия, остров в 96 миль длины и 10 ширины, на широте Иоркшира, «в самом разгаре лета сплошь покрыт мерзлым снегом». Он только и может похвастать мхом, немногими кустиками травы да диким бедринцом. Из сухопутных птиц там водится только одна *(Anthus correndera)*[144], тогда как в Исландии, которая на 10° ближе к полюсу, водится, по словам Макензи, 15 сухопутных птиц. На Южно-Шетландских островах, лежащих на одной широте с южной половиной Норвегии, растет только несколько лишайников, мох и очень мало травы, а лейтенант Кендалл** нашел, что бухта, где стоял его корабль, начала замерзать в такое время, которое соответствует нашему 8 сентября. Почва здесь состоит из перемежающихся слоев льда и вулканического пепла, и на незначительной глубине под поверхностью, должно быть, постоянно заморожена, потому что лейтенант Кендалл нашел в ней давно похороненный труп иностранного моряка с вполне сохранившимися мягкими частями тела и чертами лица. Замечательно, что на двух больших континентах северного полушария (но не на расчлененной европейской суше между ними) пояс вечномерзлой подпочвы находится в низких широтах, а именно в Северной Америке под 56° с. ш. на глубине 3 футов от поверхности***, а в Сибири под 62° на глубине 12 или 15 футов, что, очевидно, зависит от прямо противоположных условий в северном и южном полушариях. На северных материках зимы чрезвычайно холодные вследствие излуче-

* Об этом предмете я сообщил подробности (впервые, кажется, опубликованные) в первом издании и в Приложении к нему. Я показал там, что кажущиеся исключения из правила, согласно которому в жарких странах эрратические валуны отсутствуют, выведены из ошибочных наблюдений; некоторые из высказанных мною положений подтверждены впоследствии разными авторами.

** Geographical Journal, 1830, p. 65, 66.

*** Richardson, Appendix to Back's Expedition, и Humboldt, Fragments Asiatiques, t. II, p. 386.

ния с обширной поверхности страны при ясном небе, а также вследствие отсутствия умеряющих температуру, приносящих тепло морских течений; с другой стороны, тамошнее короткое лето очень жаркое. В Южном океане зима не столь холодна, но зато и лето гораздо менее жарко, потому что облачное небо препятствует нагреванию океана, который сам по себе является плохим поглотителем теплоты, оттого так низка и средняя температура года, регулирующая пояс постоянно мерзлой подпочвы. Очевидно, что обильная растительность, требующая не столько жары, сколько защиты от сильного холода, значительно ближе подходит к поясу вечной мерзлоты в равномерном климате южного полушария, чем в континентальном климате северных материков.

Случай нахождения вполне сохранившегося тела моряка в мерзлой почве Южно-Шетландских островов на 62—63° ю. ш., т. е. на широте несколько более низкой, чем та, на которой (64° с. ш.) Паласс нашел замороженного носорога в Сибири, представляет чрезвычайный интерес. Хотя, как я старался показать в одной из предыдущих глав, ошибочно предполагать, будто крупные четвероногие требуют для своего существования наличия роскошной растительности, но все-таки весьма важной является находка на Южно-Шетландских островах мерзлой подпочвы в 360 милях от лесистых островов, окружающих мыс Горн, где могло бы, если принять во внимание одно только обилие растительности, прокормиться множество крупных четвероногих. Полное сохранение трупов сибирских слонов и носорогов—несомненно один из самых поразительных фактов в геологии; но независимо от мнимой трудности, возникающей в связи с тем, что эти животные, якобы, должны были добывать себе пищу в соседних странах, весь этот вопрос в целом, по моему мнению, совсем не так сложен, как это обыкновенно представляли. Равнины Сибири, подобно пампасам, повидимому, образовались на дне моря, куда реки заносили тела многих животных; от большей части сохранились только скелеты, но от других цельные трупы. Известно также, что в мелких морях на северном берегу Америки дно замерзает * и весной оттаивает даже позже, нежели поверхность земли; сверх того, на больших глубинах, где морское дно не замерзает, глина на глубине нескольких футов под верхним слоем может даже летом сохранять температуру ниже 32°, как это бывает и в материковой почве на глубине немногих футов. На более значительных глубинах температура глины и воды, вероятно, недостаточно низка, чтобы предохранить мясо от разложения, поэтому от трупов, занесенных в более глубокие места близ северных берегов, должны были уцелеть только скелеты; действительно, в крайних северных частях Сибири кости встречаются в бесчисленном множестве, так что, говорят, из них образовались даже целые островки **; эти островки лежат не менее чем на целых десять градусов широты севернее того места, где Паллас нашел замороженного носорога. С другой стороны, труп, принесенный течением в мелководные части Арктиче-

* Messrs. Dease and Simpson, Geographical Journal, vol. VIII, p. 218, 220.

** Cuvier (Ossements fossiles, t. I, p. 151) из Billing, Voyage.

ского моря, может сохраняться в течение неопределенно долгого времени, если ил быстро покроет его слоем, достаточно толстым для того, чтобы воспрепятствовать теплой летней воде проникнуть туда; когда же морское дно подымется и станет сушей, то слой должен быть настолько толст, чтобы летний воздух и солнце не могли его прогреть и попортить лежащий под ним труп.

Краткое резюме.—Перечислю вкратце главные факты, касающиеся климата, действия льда и органических произведений южного полушария, перенося в воображении место действия в Европу, с которой мы гораздо лучше знакомы. Таким образом, близ Лиссабона самые обыкновенные там морские моллюски, а именно три вида Oliva, один вид Voluta и один вид Terebra, имели бы тропический характер. В южных департаментах Франции великолепные леса, переплетенные деревянистыми травами, с деревьями, опутанными паразитическими растениями, покрыли бы страну. Пума и ягуар бродили бы по Пиренеям. На широте Монблана, но на острове, столь же отдаленном от него к западу, как центральная часть Северной Америки, древовидные папоротники и паразитические орхидеи процветали бы в густых лесах. Даже на таком дальнем севере, какова Центральная Дания, можно было бы встретить колибри, порхающих над нежными цветами, и тут же, в вечнозеленых лесах, водились бы попугаи; здесь же в море мы нашли бы Voluta и различных моллюсков крупного объема и крепкого строения. Но тем не менее на некоторых островах, удаленных только на 360 миль к северу от нашего нового мыса Горна в Дании, мог бы сохраниться в вечно мерзлом виде труп, похороненный в земле (или занесенный в мелкое море и покрывшийся илом). Если бы какой-нибудь отважный мореплаватель попытался проникнуть к северу от этих островов, то он подвергся бы тысяче опасностей среди гигантских айсбергов; на некоторых из них он увидел бы огромные каменные глыбы, занесенные далеко от их первоначального местоположения. Другой большой остров, лежащий на широте Южной Шотландии, но вдвое далее на запад, был бы «почти весь покрыт слоем вечного снега» и каждая его бухта заканчивалась бы ледяными скалами, откуда ежегодно отрывались бы огромные массы; этот остров мог бы похвастать лишь мхом, немногими кустиками травы, да бедринцом, а один вид щеврицы был бы единственным сухопутным обитателем. От нашего нового мыса Горна в Дании протянулась бы прямо на юг горная цепь, вышиной едва равняющаяся половине высоты Альп, и на западной ее стороне каждая глубокая морская бухта или фиорд заканчивалась бы «страшным и изумительным ледником». Эти уединенные морские каналы нередко оглашались бы треском ледяных обвалов, и столь же часто вдоль берегов их проносились бы огромные морские валы. Громадные айсберги, иногда столь же высокие, как соборы, и по временам несущие на себе «порядочной величины каменные глыбы», застревали бы около соседних островков, а время от времени жестокие землетрясения сбрасывали бы некоторые из этих ледяных громад в воду. Наконец, какие-нибудь миссионеры, пытаясь пробраться по длинному морскому рукаву, заметили бы, что невысокие окружающие горы низвергают прямо к берегу моря свои обширные ледяные потоки, а далее путь их был бы загроможден бесчисленным множеством пловучих

айсбергов, больших и малых; и это происходило бы 22 июня, там, где теперь расположено Женевское озеро!*

* В первом издании и в Приложении к нему я сообщил несколько фактов относительно переноса эрратических валунов и айсбергов в Южном океане. Недавно этот вопрос был превосходно разработан м-ром Гейсом (Hayes, Boston Journal, vol. IX, p. 426). Но автору, повидимому, неизвестен описанный мной (Geographical Journal, vol. IX, p. 528) случай нахождения гигантского валуна на айсберге в Антарктическом океане, не менее чем в 100 милях от всякой суши, а может быть и того больше. В Приложении я подробно рассмотрел возможность (о которой в то время едва ли думали) того, что айсберги, застревающие у берегов, долбят и полируют скалы подобно глетчерам. Теперь это уже общепринято, и я полагаю, что оно должно быть справедливо даже относительно юры. Д-р Ричардсон уверял меня, что в Северной Америке айсберги сдвигают вперед гальку и песок, оставляя подводные плоские скалы совершенно голыми; кажется, нет уже сомнения в том, что подобные рифы полируются и царапаются в направлении, соответствующем преобладающему течению. После написания Приложения я видел в Северном Уэльсе (London Philosophical Magazin, vol. XXI, p. 180) пример соединенного действия глетчеров и пловучих айсбергов.

ГЛАВА XII

ЦЕНТРАЛЬНОЕ ЧИЛИ

Вальпарайсо.—Экскурсия к подошве Андов—Строение страны.—Восхождение на Колокольную гору (Килота).—Растрескавшиеся глыбы грюнштейна.—Обширные долины.—Рудники.—Положение рудокопов.—Сант Яго.—Горячие источники Каукенес.—Золотые россыпи.—Дробильные мельницы.—Просверленные камни.—Нравы пумы.—Тюрко и тапаколо.—Колибри.

23 июля.—Поздно вечером «Бигль» бросил якорь в заливе Вальпарайсо, главном морском порту Чили. С наступлением утра все показалось нам восхитительным. После Огненной Земли климат Вальпарайсо приводил нас в восторг; воздух такой сухой, небо ясное, синее, солнце такое яркое, что кажется будто жизнь брызжет изо всех уголков природы. Вид с якорной стоянки очень красив. Город стоит у самого подножия цепи довольно крутых холмов вышиной около 1 600 футов. Вследствие такого положения город состоит из одной длинной, широко раскинувшейся улицы, идущей параллельно морскому берегу, и каждый раз, как по дороге встречается овраг, дома громоздятся по его обоим бокам. Округленные холмы лишь отчасти одеты довольно скудной растительностью и изрыты бесчисленным множеством ложбин, в которых обнажается замечательно яркая красная почва. По этой причине, а также благодаря низким выбеленным домам с кирпичными кровлями вид этот напомнил мне Санта Крус на Тенерифе. В северо-восточном направлении довольно ясно виднеются Анды; но эти горы кажутся гораздо более величественными, если смотреть на них с соседних холмов; оттуда легче оценить то большое расстояние, на котором они находятся. Особенно великолепен вулкан Аконкагуа. Эта громадная, неправильная, коническая масса значительно выше Чимборасо, ибо по измерениям, произведенным офицерами «Бигля», она имеет не менее 23 000 футов высоты. Впрочем, вид отсюда на Кордильеры обязан большей частью своей красоты необычайной прозрачности воздуха. Когда солнце садилось в Тихий океан, было восхитительно наблюдать, как отчетливо вырисовывались их зубчатые очертания и как разнообразны и нежны были их оттенки.

Я имел счастье встретить здесь мистера Ричарда Корфильда, старого школьного товарища и друга, гостеприимству и доброте которого я чрезвычайно обязан тем, что очень приятно провел время стоянки «Бигля» в Чили. Непосредственные окрестности Вальпарайсо не очень занимательны для натуралиста. В продолжение длинного

лета ветер дует постоянно с юга и все мимо берега, так что здесь никогда не бывает дождя. Растительность поэтому очень скудна: за исключением нескольких глубоких долин, здесь совсем нет деревьев, а только немного травы да несколько низких кустарников разбросаны по наименее крутым частям холмов. Если подумать о том, что на расстоянии 350 миль к югу эта сторона Андов совершенно покрыта непроходимым лесом, то контраст кажется весьма замечательным. Я неоднократно совершал отдаленные прогулки для сбора естественноисторических объектов. Гулять здесь приятно. Встречается много очень красивых цветов, и как вообще в сухом климате, травы и кусты имеют сильный своеобразный запах, так что даже платье, когда пробираешься по ним, пропитывается этим запахом. Я не мог привыкнуть к тому, что день за днем была все такая же чудная погода. Как удивительно действует климат на расположение духа! Как противоположны ощущения, возбуждаемые видом мрачных гор, наполовину окутанных тучами, и гор, окруженных легкой голубой дымкой светлого дня! Первый вид на некоторое время может казаться величественным, но второй располагает к веселью и счастью.

14 августа.—Я отправился на экскурсию верхом с целью произвести геологическое исследование подножия Андов, которое одно только в это время года не покрыто зимним снегом. В первый день мы ехали к северу вдоль морского берега. Когда стемнело, мы достигли гасиенды Кинтеро, поместья, принадлежавшего прежде лорду Кочрейну. Цель моей поездки сюда состояла в том, чтобы осмотреть большие слои раковин, расположенные на высоте нескольких ярдов над уровнем моря; их обжигают для получения извести. Доказательства поднятия всего этого побережья несомненны: на высоте нескольких сот футов лежат в большом количестве старые раковины, а некоторые я нашел на высоте 1 300 футов. Эти раковины лежат или свободно на поверхности, или залегают в красновато-черном растительном слое почвы. Я весьма удивился, найдя под микроскопом, что этот растительный слой в действительности морской ил, наполненный крошечными частичками органических тел.

15 августа.—Мы возвращались по направлению к долине Килота. Местность была необыкновенно приятная; поэты назвали бы ее идиллической: зеленые открытые лужайки, перерезанные небольшими долинами и ручейками, да домики—можно предположить, что это хижины пастухов,—раскиданные по скатам холмов. Мы были принуждены перевалить через хребет Чиликаукен. У подошвы его растет много красивых вечнозеленых древесных пород, но только в оврагах близ текучей воды. Кто вздумал бы судить о стране по одним окрестностям Вальпарайсо, тому покажется просто невероятным, что в Чили есть такие живописные места. Когда мы достигли вершины Сьерры, долина Килота очутилась прямо под нашими ногами. Вид представлял замечательный образчик роскоши, достигнутой искусственным путем. Долина очень широка и совершенно ровная, так что ее легко орошать по всем направлениям. Небольшие четырехугольные садики наполнены апельсинными и оливковыми деревьями и множеством других растений. По сторонам возвышаются громадные обнаженные горы, и благодаря этому контрасту пестрая

обработанная долина получает еще более приятный вид. Тот, кто назвал город «Вальпарайсо»—«долина рая», имел в виду, конечно, Килоту. Переправившись через гору, мы прибыли в гасиенду де Сан Исидро, расположенную у самой подошвы Колокольной горы.

Чили, как можно видеть на картах, представляет собой полосу земли между Кордильерами и Тихим океаном; эта полоса сама по себе перерезана еще многими горными цепями, проходящими параллельно главному хребту. Между этими внешними цепями и главным хребтом Кордильер простирается далеко на юг последовательный ряд плоских котловин, обыкновенно соединяющихся между собой узкими проходами; здесь-то и расположены главные города, как Сан Фелипе, Сант Яго, Сан Фердинандо. Эти котловины или равнины с поперечными плоскими долинами (вроде долины Килоты), связывающими их с берегом моря, по моему мнению, суть не что иное, как дно древних протоков и глубоких бухт, подобных тем, которые в настоящее время повсюду пересекают Огненную Землю и западный берег. В прежние времена Чили, должно быть, походило на эту страну по распределению своей суши и воды. Иногда это сходство обнаруживалось очень резко, когда горизонтальный слой тумана покрывал точно мантией все низкие части местности; белый пар, клубясь по оврагам, прекрасно имитировал маленькие заливы и бухты; там и сям выглядывавший уединенный холмик показывал, что некогда он был островком. Противоположность этих плоских долин и котловин с прихотливыми очертаниями гор придавала местности характер, казавшийся мне совершенно новым и очень интересным.

Вследствие естественного склона этих равнин к морю они легко орошаются и потому чрезвычайно плодоносны. Не будь этого, страна едва ли производила бы что-нибудь, так как во все лето на небе не видать облаков. Горы и холмы кое-где покрыты кустарниками и низкими деревьями, но вообще растительность очень скудна. Каждый, кто владеет участком земли в долине, имеет сверх того участок в холмистой части, где многочисленные полудикие стада скота как-то умудряются отыскивать себе корм. Один раз в год происходит здесь большое «rodeo»[145], т. е. весь скот сгоняется вниз, где его считают, метят и отделяют некоторое количество для откорма на орошаемых полях. Здесь сеют преимущественно пшеницу, а также большое количество маиса; впрочем, простой народ питается главным образом какой-то особой породой бобов. Фруктовые сады производят в изобилии персики, фиги и виноград. При таких преимуществах жители страны могли бы жить гораздо лучше, чем теперь.

16 августа.—Управляющий гасиендой был так добр, что дал мне проводника и свежих лошадей, и утром мы отправились с намерением взобраться на Кампану, или Колокольную гору, имеющую 6 400 футов высоты. Дорога была очень скверная, но строение почвы и вид местности с избытком вознаграждали за труды. Вечером мы добрались до ключа, называемого Agua del Guanaco[146], расположенного на большой высоте. Должно быть, это название уже очень старо, потому что много лет прошло с тех пор, как гуанако водились близ этого ручья. Во время восхождения я заметил, что на северном склоне растут только кустарники, между тем как на южном рос бамбук

футов в 15 вышины. В некоторых местах росли пальмы, и я с изумлением увидел одну пальму на высоте по меньшей мере 4 500 футов. Здешние пальмы сравнительно с другими видами этого семейства довольно безобразны. Ствол их чрезмерно толст и очень странной формы, посредине толще, чем у основания и у вершины. В некоторых частях Чили их чрезвычайно много, и ими дорожат, так как из их сока выделывают род патоки. В одном поместье близ Петорки их пробовали подсчитать, но бросили это, насчитав несколько сот тысяч. Ежегодно ранней весной, в августе, срубают множество этих деревьев и, повалив на землю ствол, срезывают лиственный шатер. Сок тотчас же начинает течь с верхнего конца и течет непрерывно в продолжение нескольких месяцев; необходимо, однако, срезывать каждое утро тонкую пластинку с этого конца, чтобы освежить поверхность. Хорошее дерево дает до девяноста галлонов,—и все это количество содержалось в сосудах кажущегося совершенно сухим ствола. Говорят, что сок течет гораздо скорее в те дни, когда солнце, сильно греет; утверждают также, что необходимо при срубке дерева наблюдать, чтобы оно падало по скату холма вершиной вверх; ибо если оно упадет концом вниз по скату, то сока потечет очень мало, хотя можно было бы думать, что в этом случае сила тяжести будет помогать, а не препятствовать вытеканию. Сок сгущается кипячением и получает название патоки, которую очень напоминает вкусом.

Мы расседлали своих лошадей близ ручья и приготовились переночевать. Вечер был ясный, и воздух до того чист, что мачты кораблей, стоявших на якоре в гавани Вальпарайсо, несмотря на расстояние по крайней мере в 26 географических миль отчетливо рисовались в виде мелких черных черточек. Парусное судно, огибавшее мыс, казалось блестящим белым пятном. Ансон в своем «Путешествии», выражает удивление, что корабли его были замечены с берега на очень большом расстоянии; но он не принимает в расчет ни высоты местности, ни удивительной прозрачности воздуха.

Закат солнца был великолепный; в долинах уже стемнело, тогда как снежные вершины Андов еще удерживали красный отблеск. Когда настала ночь, мы развели огонь в маленькой бамбуковой роще, изжарили чарки (charqui—куски сушеной говядины), напились мате, и ощутили полнейшее удовольствие. Такая жизнь под открытым небом имеет в себе что-то невыразимо привлекательное. Вечер был тих и ясен; по временам только слышался резкий крик горной вискаши да слабый возглас козодоя. Но вообще очень немногие птицы или даже насекомые посещают эти сухие, растрескавшиеся горы.

17 августа.—Утром полезли вверх по глыбам грюнштейна на вершину горы. Этот утес, как здесь часто случается, был очень растрескан и раздроблен на громадные, угловатые глыбы. Я заметил, однако, одно любопытное обстоятельство, именно, что многие поверхности представляли разные степени свежести,—некоторые, повидимому, образовались только вчера, между тем как на других начинали уже расти лишаи, а на иных они росли уже с давних пор. Я был до того убежден, что это вызвано частыми землетрясениями, что спешил пройти как можно скорее мимо каждой отделившейся груды камней. Так как в фактах этого рода можно легко ошибиться, то я сомневался в правильности своего заключения, пока не поднялся на гору Бел-

лингтон на Вандименовой Земле; там не бывает землетрясений, тем не менее оказалось, что и там вершина горы сложена таким же образом и точно так же растрескалась, но казалось, что все эти обломки были приведены в их нынешнее положение тысячи лет назад.

Мы провели весь день на вершине, и это был исключительно приятный день. Чили, ограниченное Андами и Тихим океаном, было видно, как на карте. Вид местности и сам по себе доставлял немалое удовольствие, но, кроме того, оно увеличивалось теми соображениями, которые невольно возникали при одном виде горной цепи Кампана и других меньших цепей, параллельных ей, а также широкой долины Килота, пересекающей их в прямом направлении. Кто останется равнодушным при мысли о той силе, которая воздвигла эти горы, и о том бесконечном множестве лет, которое потребовалось, чтобы пробить, сдвинуть и выравнять такие массы. Хорошо вспомнить при этом обширные покрытые щебнем осадочные слои Патагонии, которые, будучи нагромождены на Кордильеры, увеличили бы их высоту на многие тысячи футов. Когда я был в Патагонии, я удивлялся, как может горная цепь отделить от себя такие массы, не уничтожившись совершенно. Но здесь чудо является в другой форме, и приходится сомневаться только в том, может ли всемогущее время сокрушить, измельчить и превратить в песок и ил такие гигантские горы, как Кордильеры.

Вид Андов был не таков, как я ожидал. Низкая снеговая линия шла, конечно, горизонтально, а ровный гребень горной цепи, казалось, был совершенно параллелен ей. Только через длинные промежутки выдавались группы остроконечных верхушек или одинокий конус, указывавший место, где был раньше или существует и сейчас вулкан. Поэтому цепь походила на большую плотную стену, кое-где увенчанную башнями и служащую стране надежной оградой.

Холмы почти повсюду изрыты вследствие попыток открыть золотые россыпи; страсть золотоискательства так сильна, что едва ли в Чили осталось хотя одно место, нетронутое рудокопом. Я провел вечер, как обыкновенно, беседуя у огня с моими двумя спутниками. Чилийские гуасо (guaso), соответствующие гаучосам пампасов, представляют однако людей совсем другого сорта. Из этих двух стран Чили—более цивилизованная, вследствие чего здешние жители много потеряли в своей индивидуальности. Общественные различия подчеркнуты здесь гораздо сильнее. Гуасо никак не согласится считать каждого человека равным себе, и я чрезвычайно изумился, заметив, что мои спутники неохотно едят со мной. Такое сознание неравенства есть необходимое следствие существования денежной аристократии. Говорят, что некоторые крупные землевладельцы получают от пяти до десяти тысяч фунтов стерлингов годового дохода; такое неравенство состояний, я думаю, не встречается ни в одной из скотоводческих стран к востоку от Андов. Здесь путешественник не находит того широкого гостеприимства, которое отказывается от платы, но вместе с тем предлагается так радушно и просто, что нисколько не совестно пользоваться им. Почти каждый хозяин дома в Чили пустит вас к себе переночевать, но поутру всегда ожидает за это какой-нибудь безделицы; даже богатый человек не погнушается взять два или три шиллинга. Гаучо хотя головорез, но джентльмен;

гуасо в некоторых отношениях надежнее его, но в то же время это существо вульгарное и пошлое. Тот и другой, хотя занимаются в общем одним и тем же, резко различаются по своим привычкам и одежде, и особенности каждого из них распространяются на все население их стран. Гаучо составляет как бы часть своей лошади и презрительно относится ко всякой работе, которую не может выполнить иначе как верхом; гуасо работает на полях наемным рабочим. Первый питается исключительно животной пищей, второй—почти одной растительной. Мы здесь не видим ни белых сапог, ни широких шаровар, ни алой chilipa—живописного костюма пампасов. Здесь обыкновенные штаны засовываются за вязаные, черные с зеленым, штиблеты. Пончо впрочем в употреблении и здесь. Главную гордость гуасо составляют его шпоры, нелепо большие. Я измерил одну: колесцо ее имело в *диаметре* шесть дюймов, а в самом колесце я насчитал до тридцати шипиков. Стремена таких же размеров; каждое представляет собой обтесанный квадратный выдолбленный кусок дерева и весит три или четыре фунта. Гуасо быть может искуснее гаучо в обращении с лассо, но вследствие иных условий местности совершенно не знает употребления бола.

18 августа.—Мы спустились с горы и прошли несколько небольших красивых мест с ручейками и прекрасными деревьями. Переночевав опять в той же гасиенде, мы в следующие два дня ехали вверх по долине и миновали город Килота, более похожий на собрание игрушечных садиков, чем на город. Фруктовые сады удивительно красивы и представляют сплошную массу персиковых цветов. Я видел также в одном или двух местах финиковую пальму; это очень стройное дерево, и я полагаю, что группа таких деревьев на своей родине, в азиатских или африканских пустынях, должна представлять великолепный вид. Проехали мы также Сан Фелипе, красивый, разбросанный городок, вроде Килота. Эта часть долины расширяется в одну из тех обширных бухт или равнин, достигающих самой подошвы Кордильер, которые, как я описывал выше, составляют такую замечательную особенность чилийского пейзажа. Вечером мы достигли рудников Хахуэль, расположенных в овраге по скату главного хребта. Я пробыл здесь пять дней, остановившись у управляющего рудниками,—человека сметливого, но довольно невежественного корнуолского[147] рудокопа. Он женился на испанке и не намерен возвращаться на родину, но его благоговение к корнуолским рудникам осталось беспредельным и доныне. Между многими другими вопросами он задал мне следующий: «Вот теперь Георг Рекс (Rex) помер, сколько же осталось в живых от семейства Рексов?» Этот Rex, вероятно, приходится сродни великому писателю Finis, сочинившему все книги![148]

Рудники здесь медные, и вся руда отправляется морем в Суэнси[149] для плавления. Поэтому рудники имеют необыкновенно спокойный вид сравнительно с английскими; здесь ни дым, ни печи, ни паровые машины не нарушают уединения и тишины окружающих гор.

Чилийское правительство, или, лучше сказать, старый испанский закон, всячески поощряет отыскивание руд. Нашедший руду может разрабатывать ее в любом месте, заплатив за это 5 шиллингов; но,

уже прежде чем заплатить, он имеет право производить пробную разработку, даже в чужом саду, в продолжение двадцати дней.

Известно, что чилийский способ обработки руды самый дешевый. Мой хозяин говорил, что два главные улучшения, введенные иностранцами, состоят, во-первых, в обогащении медного колчедана посредством предварительного обжигания,—прежде медный колчедан, составляющий самую обыкновенную руду в Корнуоле, здесь обыкновенно бросали, чему не мало удивлялись английские рудокопы,—во-вторых, в размельчении и промывании шлаков из старых горнов, что доставляет огромное количество частиц металла. Я действительно видел груз такого шлака, который везли на мулах к берегу для переправы в Англию. Но первое гораздо любопытнее. Чилийские рудокопы были до того убеждены, что в медном колчедане нет ни одной частицы меди, что смеялись над невежеством англичан (смеявшихся над ними в свою очередь) и самые богатые жилы продавали за несколько долларов. Чрезвычайно странно, что в стране, где многие годы занимаются разработкой руды в больших размерах, не был открыт такой простой способ вытеснения серы перед плавкой, как легкое обжигание руды. Введение кое-каких простых машин также привело к некоторым улучшениям, но и доныне еще в некоторых рудниках воду просто выносят из шахт в кожаных мешках!

Работникам приходится очень тяжело. Им предоставлено очень немного времени для еды; зиму и лето они начинают работать с рассветом и кончают, когда уже стемнеет. Им платят по фунту стерлингов в месяц на готовых харчах; к завтраку они получают 16 фиг и два небольшие хлебца; к обеду вареные бобы, к ужину—толченые и жареные зерна пшеницы. Им едва ли случается поесть мяса, так как на эти 12 фунтов стерлингов в год приходится одеваться и содержать семью. Рудакопы, работающие в самом руднике, получают в месяц по 25 шиллингов, и им дают немного charqui. Но эти люди выходят на свет из своих мрачных помещений только раз в две или три недели.

Во время моего пребывания здесь я с наслаждением бродил по этим громадным горам. Геологическое строение, как и можно было ожидать, чрезвычайно интересно. Растрескавшиеся, спекшиеся породы, прорезанные бесчисленными дейками грюнштейна, доказывают, что тут произошли некогда значительные потрясения. Местность во многом напоминала окрестности Колокольной горы в Килота; сухие обнаженные возвышенности, изредка покрытые кустарником со скудной листвой. Кактусов, или, точнее сказать, опунций [150], здесь встречается очень много. Я измерил один из них, шаровидной формы: он имел 6 футов и 4 дюйма в окружности вместе с колючками. Высота обыкновенного цилиндрического, ветвистого вида от 12 до 15 футов, а окружность ветвей (вместе с иглами) от трех до четырех футов.

Сильный снег, выпавший в горах, помешал мне произвести какие-либо интересные экскурсии в течение последних двух дней. Я пробовал пробраться к одному озеру, принимаемому жителями, по какой-то непонятной причине за морской рукав. Во время сильной засухи было предложено провести от него каналы для снабжения окрестностей водой, но патеры после совещания объявили, что это слишком опасно, так как вся страна может быть затоплена, если, как

полагают, озеро действительно соединено с Тихим океаном. Мы достигли значительной высоты, но, завязнув в снежных сугробах, не могли добраться до чудесного озера и не без труда вернулись назад. Я думал, что мы потеряем лошадей, потому что не было возможности угадать глубину сугробов, и животные, которых приходилось вести, могли подвигаться вперед только прыжками. Темное небо предвещало новую снежную бурю, и потому мы были очень рады, когда выбрались из гор. Когда мы достигли подошвы, наверху уже началась вьюга, и счастье для нас, что это не случилось тремя часами ранее.

26 августа.—Мы оставили Хахуэль и снова переправились через бассейн Сан Фелипе. День был настоящий чилийский, ослепительно яркий, с совершенно прозрачным воздухом. Пухлый и однообразный покров выпавшего свежего снега придавал вулкану Аконкагуа и всему горному хребту необыкновенно красивый вид. Мы пустились в путь по направлению к Сант Яго, столице Чили. Переправившись через Серро дель Тальгуен, мы заночевали в маленьком ранчо. Хозяин, говоря о состоянии Чили сравнительно с другими странами, был весьма скромен: «Кто смотрит двумя глазами, кто хоть одним, а Чили, я полагаю, ни одним не смотрит».

27 августа.—Перевалив через ряд низких холмов, мы спустились в небольшую замкнутую равнину Гуитрон. В бассейнах, находящихся подобно этому на высоте от тысячи до двух тысяч футов над уровнем моря, растут в значительном количестве два вида акации,—оба малорослые, но сильно отличаются друг от друга. Эти деревья никогда не встречаются близ морского берега и составляют еще одну характерную черту в пейзаже этих бассейнов. Мы переправились через низкий кряж, отделяющий Гуитрон от большой равнины, на которой расположен Сант Яго. Вид отсюда был поразителен: совершенно ровная поверхность, местами покрытая зарослями акаций, город вдали, расположенный горизонтально у основания Андов, снежные вершины которых были освещены вечерним солнцем. При первом взгляде на этот вид совершенно ясно, что равнина представляет собой дно прежнего внутреннего моря. Выбравшись на ровную дорогу, мы пустили лошадей галопом и приехали в город засветло.

Я оставался в Сант Яго целую неделю и провел время очень приятно. Утром я ездил в разные места по равнине, а вечером обедал с несколькими английскими купцами, гостеприимство которых здесь очень хорошо известно. Постоянным источником удовольствия было восхождение на небольшое утесистое возвышение (Санта Лусия), выступающее среди города. Вид действительно очень замечателен и, как я уже говорил, какой-то совершенно особенный. Мне говорили, что тот же характер свойствен городам большого мексиканского плоскогорья. О самом городе мне почти нечего сказать: он не так красив и не так велик, как Буэнос Айрес, но построен по тому же образцу. Я приехал сюда, совершив круговую поездку, с севера и потому решил вернуться в Вальпарайсо, сделав еще больший крюк к югу от прямой дороги.

5 сентября.—Около полудня мы доехали до одного из висячих кожаных мостов, переброшенных через Майпу, большую шумную реку, протекающую в нескольких лье к югу от Сант Яго. Эти мосты—

преплохая выдумка. Настилка, следующая изгибу висячих канатов, состоит из связок тростника, положенных близко одна от другой. Однако, в ней множество дыр, и притом она страшно качалась даже от тяжести одного человека, ведущего свою лошадь. Вечером мы добрались до уютной фермы, где было много хорошеньких сеньорит. Они пришли в неописанный ужас, когда я из любопытства зашел в одну из их церквей. Они спрашивали меня: «Отчего вы не перейдете в христианскую веру, ведь наша вера истинная?» Я уверял их, что я тоже некоторым образом христианин; но они и слышать не хотели об этом, ссылаясь на мои собственные слова: «Разве ваши священники, даже епископы, не живут в браке?» Их особенно поражала абсурдность представления о женатом епископе, и они сами не знали — потешаться ли над подобной чудовищностью или ужасаться ей.

6 сентября.—Мы подвигались прямо на юг и ночевали в Ранкагуа. Дорога шла по гладкой, но узкой равнине, ограниченной с одной стороны высокими холмами, а с другой Кордильерами. На следующий день мы обогнули долину Рио Качапуаль, где находятся горячие воды Каукенес, издавна славящиеся своими целебными свойствами. В менее посещаемых местах висячие мосты обыкновенно снимаются на зиму, когда реки мелководны. То же было и в этой долине, и потому мы вынуждены были переправиться через ручей верхом. Это довольно неприятно, потому что пенистая, хоть и неглубокая вода бежит так быстро по слою больших круглых камней, что голова положительно идет кругом, и даже трудно уследить, двигается ли лошадь вперед или стоит на месте. Летом, когда тает снег, потоки совершенно непроходимы; быстрота и ярость их тогда необыкновенно сильны, как ясно видно по следам, оставляемым ими. Мы добрались до горячих вод вечером и пробыли там пять дней, так как в последние два дня нас задерживал сильный дождь. Постройки представляют собой четырехугольник из жалких хижин, в каждой из которых имеется по одному столику и по лавке. Они расположены в узкой глубокой долине, вне центральных Кордильер. Это мирное, уединенное местечко не лишено некоторой дикой прелести.

Минеральные ключи Каукенеса вытекают по линии дислокации, пересекающей слоистую горную породу, которая несет на себе явные следы действия высокой температуры. Значительное количество газа постоянно выделяется из отверстий вместе с водой. Хотя ключи отдалены друг от друга только на несколько ярдов, температура их очень различна; это, кажется, происходит от неравномерной примеси холодной воды, потому что наименее теплые ключи почти не имеют минерального вкуса. После великого землетрясения 1822 г. источники исчезли, и вода не появлялась почти целый год. На них также сильно подействовало землетрясение 1835 г., когда температура их внезапно понизилась с 118 до 92°*. Очень вероятно, что минеральные воды, образующиеся глубоко в недрах земли, всегда более подвергаются влиянию подземных сотрясений, чем те, которые лежат ближе к поверхности. Человек, которому был поручен надзор за водами, уверял меня, что летом вода всегда бывает горя-

* Caldcleugh, статья в Philosophical Transactions за 1836 год.

чее и обильнее, чем зимой. Первого я мог ожидать вследствие меньшей примеси холодной воды в сухое время года, но второе кажется мне очень странным и противоречивым. Периодическая прибыль воды летом, когда совсем не бывает дождя, может быть объяснена, я думаю, единственно таянием снега; но горы, покрытые в это время снегом, находятся от ключей на расстоянии трех или четырех лье. Я не имею никакого основания сомневаться в правдивости этого человека, живущего здесь уже многие годы и, вероятно, хорошо знакомого с этим обстоятельством; если оно справедливо, то чрезвычайно любопытно, потому что тогда мы должны предположить, что снеговая вода, протекая через пористые слои к области высокой температуры, снова выбрасывается на поверхность по линии смещенных и приподнятых пород Каукенеса; периодичность же явления как будто указывает на то, что в этом месте сильно нагретые породы находятся не на очень значительной глубине.

Однажды я поехал по долине к самому отдаленному из населенных пунктов. Немного выше этого места Качапуаль разделяется на два глубоких, крутых оврага, проникающих непосредственно в главный хребет. Я вскарабкался на остроконечную гору, вероятно, более 6 000 футов вышины. Здесь, как и повсюду, правда, представлялась чрезвычайно интересная картина. Через один из таких оврагов Пинчейра пробрался в Чили и опустошил окрестную страну. Это тот самый человек, который, как я описывал выше, напал на эстансию у Рио Негро. Этот ренегат полуиспанского происхождения собрал большую шайку индейцев и засел в пампасах на берегу какой-то реки, в месте, которое ни один из высланных против него отрядов не мог обнаружить. Из этого пункта он обыкновенно делал вылазки и, переправляясь через Кордильеры по неизведанным доселе проходам, нападал на фермы и угонял скот к своему тайному убежищу. Пинчейра был отличный наездник и все его сотоварищи беспрекословно повиновались ему, потому что он застрелил бы каждого, кто поколебался бы следовать за ним. Против этого-то человека и других кочующих индейских племен генерал Росас вел истребительную войну.

13 сентября. Мы оставили каукенесские воды и, выбравшись на большую дорогу, ночевали у Рио Кларо. Отсюда мы поехали к городу Сан Фернандо. Последний замкнутый бассейн, встречающийся на пути к этому городу, расширяется в обширную равнину, которая простирается так далеко к югу, что снежные вершины более отдаленных Андов виднеются как бы над горизонтом моря. Сан Фернандо отстоит на сорок лье от Сант Яго, и далее на юг я уже не поехал, а прямо отсюда повернул на запад к морю. Мы ночевали у золотых россыпей Яквиль, разрабатываемых м-ром Никсоном, американским уроженцем, которому я премного обязан за четырехдневное пребывание в его доме. На следующее утро мы отправились на прииски, расположенные на расстоянии нескольких лье близ вершины высокого холма. По дороге мы мельком видели озеро Тагуа-тагуа, знаменитое своими плавающими островами, которые описаны г. Гэ*.

* Annales des Sciences Naturelle, mars. 1833. Г-н Гэ, ревностный и способный натуралист, занимался в то время изучением всех отраслей естественной истории на всем пространстве Чили.

Сан Карлос на Чилоэ.

Рисунки Ч. Мартенса.

Вспашка земли на Чилоэ.

Рисунок Ф. П. Кинга.

Они образовались из перепутанных в одну массу стволов различных высохших растений, на поверхности которых пускают корни и живут другие растения. Форма их обыкновенно круглая, а толщина от 4 до 6 футов, причем бо́льшая часть погружена в воду; когда дует ветер, они передвигаются с одного конца озера на другой, перенося часто коров и лошадей в качестве случайных пассажиров.

Когда мы прибыли на прииски, я был поражен бледностью и изнуренным видом многих рабочих и осведомился у м-ра Никсона об их положении. Рудник имеет в глубину 450 футов, и каждому рабочему приходится выносить зараз наверх около 200 фунтов камня. С этой тяжестью рабочие должны взбираться по зарубкам на древесных стволах, которые расположены зигзагом вверх по шахте. Даже безбородые юноши 18 и 20 лет, с плохо еще развитой мускулатурой (они ходят почти голые, в одних штанах), подымаются с этой значительной ношей почти с той же глубины. Крепкий мужчина, не привычный к этой работе, подымаясь по этой лестнице, обливается по́том от одной тяжести собственного тела. При такой тяжкой работе они питаются исключительно вареными бобами и хлебом. Они предпочли бы даже один хлеб, но хозяева, находя, что на одном хлебе они не будут в состоянии вынести такую тяжелую работу, обращаются с ними, как с лошадьми, и насильно заставляют есть бобы. Их заработок здесь несколько больше, чем на рудниках в Хахуэле — от 24 до 28 шиллингов в месяц. Они оставляют рудники только раз в три недели, оставаясь при этом дома лишь два дня. Одно из правил этого рудника очень сурово, но чрезвычайно выгодно для хозяина. Единственный способ красть золото — это прятать куски руды, унося их, когда представится случай. Если управляющий найдет такой скрытый кусок, то его полная стоимость вычитается из жалованья всех рабочих; таким образом, они вынуждены наблюдать друг за другом или воровать не иначе, как сообща.

Когда руда доставлена на мельницу, ее перетирают в мельчайший порошок; процесс промывания удаляет все более легкие частицы, а посредством амальгамации окончательно извлекают золотую пыль. По описанию промывка золота кажется очень простым процессом, но интересно наблюдать, как точное применение водяной струи к удельному весу золота облегчает отделение измельченной материнской породы от металла. Ил, пройдя через мельницу, стекает в ямы, где отстаивается; время от времени его вынимают оттуда и складывают в одну общую кучу. Тогда начинается обширный химический процесс: на поверхности выкристаллизовываются различные соли, и вся масса твердеет. На год или на два ее оставляют лежать, потом снова промывают и тогда извлекают из нее золото; этот процесс можно повторять раз шесть или семь, но с каждым разом золота становится меньше, а промежутки между работами (во время которых происходит, как говорят местные жители, нарождение золота) увеличиваются. Нет сомнения, что упомянутый химический процесс каждый раз выделяет золото из какого-нибудь соединения. Если бы открыть способ для достижения того же до первой переработки на мельнице, то ценность золотой руды, без сомнения, несравненно повысилась бы. Любопытно видеть, как крошечные частицы золота, рассеянные в массе земли и не вымытые оттуда, под конец собираются в порядочную кучу.

Недавно несколько рудокопов, не имевших работы, получили позволение сгрести землю вокруг дома и мельницы; собранную землю они промыли и добыли таким путем золота на 30 долларов. Точно то же происходит и в природе. Горы понижаются и стираются с лица земли, а с ними и содержащиеся в них металлические жилы. Самые твердые породы мало-помалу превращаются в мельчайший порошок, обычные металлы окисляются, и все это уносится прочь; но золото, платина и немногие другие металлы почти не разрушаются и, вследствие своей тяжести, падая вниз, остаются на месте. После того как целые горы прошли сквозь эту естественную дробящую мельницу и были промыты рукой природы, осадок становится золотоносным, и человек находит для себя выгодным довершить эту работу отделения металла.

Как ни тяжело положение здешних рудокопов, но народ охотно поступает на рудники, потому что положение рабочих-земледельцев гораздо хуже. Им платят меньше, и питаются они исключительно бобами. Такая бедность происходит, главным образом, от той, отчасти феодальной, системы, на основании которой здесь возделывают землю; землевладелец дает крестьянину небольшой клочок земли, на котором предоставляет ему строиться и пахать, и за это крестьянин (или кто-либо кто может его заместить) в течение всей жизни обязан изо дня в день на него работать без всякого вознаграждения. Пока не вырастет сын крестьянина, который своей работой мог бы уплачивать за него землевладельцу, до тех пор некому заботиться о его собственном клочке земли, разве в какие-нибудь случайные дни. Оттого здесь так часто встречается крайняя бедность среди трудящихся классов.

Здесь в окрестностях находится несколько индейских развалин, и я видел один из просверленных камней, о которых Молина говорит, что они во многих местах попадаются здесь в значительных количествах. Они имеют круглую сплющенную форму, от 5 до 6 дюймов в диаметре, с отверстием, проходящим как раз по середине. Все полагают, что они служили рукоятками для дубин, хотя, судя по форме, они нисколько, повидимому, не приспособлены к такому употреблению. Берчелл* рассказывает, что некоторые из племен Южной Африки откапывают корни при помощи палки, с одного конца заостренной; а сила и тяжесть этой палки увеличиваются при помощи круглого камня с просверленным в нем отверстием, куда прочно вправлен другой конец. Вероятно, чилийские индейцы прежде употребляли такое же грубое земледельческое орудие.

Однажды зашел к нам один немецкий собиратель предметов по естественной истории по фамилии Реноус, а вслед за ним явился старый испанский адвокат. Мне передали происходивший между ними разговор, и это меня очень позабавило. Реноус говорит так хорошо по-испански, что старый адвокат принял его за чилийца. Намекая на меня, Реноус спросил его, что он думает об английском короле, посылающем в их страну ученого для собирания ящериц и жуков и для раздробления камешков. Старый джентльмен несколько времени серьезно подумал и потом сказал: «Это не к добру, *hay un*

* Burchell, Travels, vol. II, p. 45.

gato encerrado aqui (тут какая-нибудь кошка спрятана). Где же найдется такой богатый человек, чтобы вправду посылал людей для сбора такой дряни? Мне это не нравится; если бы кто из нас отправился для этого в Англию, то неужели английский король не погнал бы его вон?». К этому следует прибавить, что старый адвокат уже по самой своей профессии принадлежал к наиболее образованному и интеллигентному классу! Сам Реноус года два или три тому назад оставил в одном доме в Сан Фернандо несколько гусениц, поручив горничной кормить их, чтобы они могли превратиться в бабочек. Все это разнеслось по городу, и в конце концов патеры и губернатор, порассудив между собой, решили, что это должно быть какая-нибудь ересь. В результате Реноус по возращении был арестован.

19 сентября.—Мы оставили Яквиль и поехали по плоской, похожей на долину Килота, долине, по которой протекает Рио Тиндеридика. Уже на расстоянии этих нескольких миль к югу от Сант Яго климат гораздо сырее, поэтому здесь встречается много прекрасных пастбищ, не орошаемых искусственно. (20-го). Мы подвигались по этой долине, пока она не расширилась в большую равнину, простирающуюся от моря до гор, расположенных к западу от Ранкагуа. Вскоре исчезли всякие деревья и кустарники, так что жителям, очевидно, приходится так же плохо с топливом, как и обитателям пампасов. Я никогда не слыхал об этих равнинах и потому был очень изумлен, встретив такую местность в Чили. Равнины эти представляют собой результат нескольких последовательных поднятий материка и их пересекают широкие плоскодонные долины; оба эти обстоятельства показывают, как и в Патагонии, действие моря на медленно подымающуюся страну. В крутых утесах, ограничивающих эти долины, находится несколько больших пещер, образованных первоначально, без сомнения, волнами; одна из них знаменита под именем Куева дель Обиспо (Cueva del Obispo)[151] и некогда считалась священной. В этот день я сильно заболел и вплоть до конца октября не мог оправиться.

22 сентября.—Мы все ехали по зеленым равнинам, лишенным деревьев. На следующий день мы прибыли в один дом близ Наведады, на морском берегу, где богатый помещик предоставил нам помещение. Я пробыл здесь два дня и хотя был очень нездоров, но мне удалось собрать несколько морских раковин из третичной формации.

24-го.—Наш путь был теперь направлен к Вальпарайсо, куда я добрался с большим трудом 27-го и должен был пролежать в постели до конца октября. Во все это время я гостил в доме м-ра Корфильда, внимание которого ко мне было совершенно исключительным.

Прибавлю еще несколько наблюдений о некоторых животных и птицах Чили. Пума, или южноамериканский лев, встречается довольно часто. Это животное имеет широкое географическое распространение, начиная от экваториальных лесов через патагонские пустыни и кончая далеко на юге сырыми и холодными широтами (53—54°) Огненной Земли. Я видел его следы на Кордильерах центрального Чили, на высоте по крайней мере 10 000 футов. В Ла Плате пума пожирает преимущественно оленей, страусов, вискаши и других ма-

леньких четвероногих; на лошадей или скот она здесь редко нападает и еще реже на людей. В Чили, однако, она истребляет много молодых лошадей и рогатого скота, что происходит, вероятно, от недостатка других четвероногих; я слышал также, что она умертвила двух мужчин и одну женщину. Утверждают, что пума убивает свою добычу, вскакивая ей на плечи и одной лапой отгибая ей голову назад, пока не затрещат позвонки; я видел в Патагонии скелеты гуанако с шеями, вывернутыми таким образом.

Наевшись досыта, пума прикрывает труп несколькими большими кустами и ложится сторожить его. Эта привычка пумы приводит к тому, что ее часто открывают, так как кондоры, носясь в воздухе, время от времени спускаются, чтобы поживиться трапезой, но прогоняемые пумой сразу взлетают вверх. Чилийский гуасо знает тогда, что тут лев сторожит свою добычу; сигнал дан, и люди с собаками отправляются на охоту. Сэр Ф. Хед говорит, что один гаучо в пампе, завидев несколько кондоров, летающих в воздухе, закричал: «Лев!». Мне, впрочем, ни разу не удалось встретить человека, который умел бы так тонко распознавать приметы. Известно также, что если пума раз попалась на карауле у трупа и подверглась преследованию, то навсегда оставляет эту привычку и, насытившись, удаляется прочь. Пуму легко убить. На открытом месте ее сначала опутывают при помощи бола, потом накидывают лассо и волочат по земле, пока она не издохнет. В Тандиле (к югу от Ла Платы) мне говорили, что в продолжение трех месяцев их истребили таким образом целую сотню. В Чили их обыкновенно загоняют в кусты или между деревьями и здесь или стреляют, или затравливают до смерти собаками. Употребляемые для этой охоты собаки принадлежат к особой породе, называемой леонеро: это слабые, легкие животные, похожие на длинноногих терьеров, но одаренные особенным инстинктом для этой охоты. Говорят, что пума очень хитра; во время преследования она часто возвращается по прежнему следу и, делая внезапный скачок в сторону, ждет, чтобы собаки пробежали мимо. Это животное очень молчаливое, не испускающее крика даже тогда, когда ранено; только изредка в период размножения можно слышать ее крик.

Из птиц здесь, кажется, всего замечательнее два вида из рода Pteroptochos (*megapodius* и *albicollis* Kittlitz).[152] Первая, которую чилийцы называют «тюрко» («el turco»), величиной с серого дрозда, с которым она даже несколько родственна, но ноги ее длиннее, хвост короче, а клюв крепче; цвет ее красновато-коричневый. Тюрко встречается довольно часто. Она живет на земле, прячась в зарослях, раскиданных изредка по сухим и бесплодным холмам. Иногда можно видеть, как она необыкновенно быстро перебегает от одного куста к другому, вертикально подняв хвост и семеня ходулеобразными ногами. Не нужно, действительно, слишком много воображения, чтобы представить себе, что птица стыдится самой себя и знает, что у нее чрезвычайно смешная внешность. При первом взгляде на нее так и хочется сказать: «Скверно набитое чучело ускользнуло из какого-нибудь музея и ожило». Без большого труда ее и не заставишь взлететь, а на ходу она беспрестанно подпрыгивает. Разнообразные громкие крики, издаваемые ею среди скрывающих ее кустов, так же странны, как и ее наружность. Говорят, что она строит

себе гнездо в глубокой пещере под землей. Я вскрыл несколько экземпляров: чрезвычайно мускулистый зоб содержал жуков, растительные волокна и кремни. По этим признакам, а также по длинным ногам, скребущим лапам, перепончатой оболочке у ноздрей, коротким и дугообразно согнутым крыльям эта птица, кажется, связывает до некоторой степени дроздов с отрядом куриных.

Второй вид *(P. albicollis)* сходен с первым по общему своему виду. Зовут его «tapacolo», т. е. «прикрой зад», и надо сознаться, что маленькая пернатая бесстыдница заслужила это название потому, что она держит хвост более чем прямо, пригибая его по направлению к голове. Она попадается очень часто, водится по канавам вдоль изгородей и в кустах, разбросанных по обнаженным холмам, где едва ли просуществовала бы другая птица. В способе питания, в быстром перескакивании от куста к кусту, в стремлении к уединению, в неохоте летать и в устройстве гнезда она имеет близкое сходство с тюрко, но ее наружность не так смешна. Тапаколо очень смышлен: испуганный кем-нибудь он остается без движения внутри куста и затем, спустя несколько времени, старается ловко перебраться на противоположную сторону. Эта птица также очень деятельна и беспрестанно производит шум; крики ее разнообразны и крайне странны; одни походят на воркование голубей, другие на журчание воды, а иных просто и не опишешь. Поселяне говорят, что она меняет свой крик пять раз в году; я полагаю, что это происходит сообразно с какими-нибудь переменами во временах года *.

Водятся здесь также два вида колибри; *Trochilus forficatus* попадается на пространстве 2 500 миль по западному берегу от жарких, сухих окрестностей Лимы до лесов Огненной Земли, где его можно видеть летающим даже во время снежных вьюг. На лесистом острове Чилоэ, с его чрезвычайно влажным климатом, эта маленькая птичка, прыгающая из стороны в сторону среди сырых листьев, более распространена, чем какой-нибудь другой род. Я вскрывал желудки многих экземпляров, застреленных в разных частях континента, и во всех находил столь же много остатков насекомых, как в желудке пищухи. Когда летом этот вид мигрирует на юг, то его заменяет здесь другой, прилетающий с севера. Этот другой вид *(Trochilus gigas)*—довольно большая птица для такого нежного семейства, как то, к которому она принадлежит; во время полета она имеет странный вид. Подобно другим птицам того же рода, она перемещается так же быстро, как муха Syrphus и бабочка Sphinx; но, порхая над цветком, она хлопает крыльями медленно и сильно, совершенно иначе, чем то вибрирующее движение, которое свойственно большей части видов, издающих жужжание. Я никогда не видал другой птицы, у которой сила крыльев казалась бы (как у бабочки) столь значительной по сравнению с весом тела. Держась у цветка, она беспрестанно то распускает хвост, то сжимает его, как веер, и в это время тело ее

* Замечательно, что Молина, описывая подробно всех птиц и животных Чили, ни разу не упоминает об этом роде, виды которого так часты здесь и так замечательны своими нравами. Не был ли он в недоумении, куда отнести их, и вследствие этого не полагал ли, что молчание самый лучший исход? Вот еще пример частых пропусков, встречающихся у разных авторов даже по поводу тех предметов, где всего менее можно было бы ожидать этого.

стоит в воздухе почти вертикально. Это действие, повидимому, поддерживает птицу в промежуток между медленными движениями ее крыльев. Хотя она перелетает за пищей с цветка на цветок, но желудок ее обыкновенно содержит множество остатков насекомых, которые, как я подозреваю, ей более по вкусу, нежели мед. Крик птиц этого вида, как и вообще всех видов этого семейства, чрезвычайно пронзительный.

ГЛАВА XIII

ЧИЛОЭ И ОСТРОВА ЧОНОС

Чилоэ. — Общий вид. — Поездка в лодках. — Туземные индейцы. — Кастро.— Убитая лисица.—Восхождение на Сан Педро.—Архипелаг Чонос.—Полуостров Трес Монтес.—Гранитные хребты.—Моряки, потерпевшие крушение.—Бухта Лоу.—Дикий картофель.—Торфяная формация.—Myopotamus, выдра и мышь.—Чейкау и лающая птица.—Opetiorhynchus.—Особенный характер орнитологии.—Буревестники.

10 ноября.—«Бигль» отплыл из Вальпарайсо к югу для исследования южной части Чили, острова Чилоэ и раздробленной земли, носящей название архипелага Чонос,—на юг до полуострова Трех Гор. 21 ноября мы бросили якорь в бухте Сан Карлос, столице острова Чилоэ.

Этот остров имеет около 90 миль в длину и менее третьей части того в ширину. Это скорее холмистый, чем гористый остров; он покрыт сплошным лесом, за исключением немногих вырубленных участков вокруг крытых соломой хижин. Издали он несколько напоминает Огненную Землю, но вблизи леса его несравненно красивее. Вместо мрачного букового леса южных берегов вы видите здесь разнообразные породы прекрасных вечнозеленых деревьев и растения тропического характера. Зимой климат здесь отвратителен, да и летом немногим лучше. Едва ли найдется много стран умеренного пояса, где бы так часто лил дождь. Здесь дуют сильные ветры, и небо почти постоянно покрыто тучами, так что можно считать за редкость, если хорошая погода простоит целую неделю. Отсюда трудно видеть Кордильеры; в наше первое посещение нам всего однажды удалось ясно увидеть вулкан Осорно; это было перед восходом солнца. Любопытно было наблюдать, как по мере восхождения солнца очертания горы постепенно терялись на востоке в блеске небосклона.

Наружность и низкий рост туземцев дают повод думать, что в их жилах течет три четверти индейской крови; это люди смирные, спокойные и трудолюбивые. Хотя плодородная почва, образовавшаяся в результате разложения вулканических пород, дает богатую растительность, но климат неблагоприятен для таких растений, которые созревают только при щедром солнечном свете. Для крупных четвероногих не имеется достаточного количества пастбищ, а потому пищей для населения служат свиньи, картофель и рыба. Платье туземцев состоит из толстой окрашенной индиго густо-темного цвета

шерстяной ткани, которую каждая семья выделывает сама. Ремесла стоят на самой низкой ступени, как видно по странному способу пахать землю, прясть, молоть хлеб и строить лодки. Леса совершенно непроходимы, так что страна возделана только у прибрежья и на прилежащих островках. Даже там, где существуют тропинки, встречаются почти непроходимые места вследствие рыхлой и болотистой почвы. Жители передвигаются преимущественно берегом или в лодках, так же как и на Огненной Земле. Несмотря на обилие съестных припасов, они очень бедны, так как на труд нет спроса и низшие сословия не могут скопить денег на покупку какого бы то ни было предмета роскоши. В звонкой монете также чувствуется большой недостаток: я видел, как один человек тащил на спине целый мешок угля, чтобы обменять его на какой-то пустяк; другой—доску, чтобы добыть бутылку вина. Тут каждый промышленник должен быть в то же время и купцом и перепродавать обмененные им товары.

24 ноября.—Шлюпка и вельбот под начальством м-ра Селивана (ныне капитана) были отправлены для исследования восточного, или внутреннего, берега острова Чилоэ с предписанием встретить «Бигль» у южной оконечности острова; к этому пункту «Бигль» придет, обойдя острова с внешней стороны, так что в результате мы проплывем вокруг всего острова. Я отправился с этой экспедицией, но вместо того чтобы в первый день ехать на лодке, нанял лошадей и поехал в Чакао, на северный край острова. Дорога шла берегом, и нам все время встречались мысы, покрытые прекрасными лесами. Эти тенистые тропинки приходится выстилать бревнами, положенными поперек дороги друг подле друга; иначе они непроходимы ни для человека, ни для лошади, потому что солнце не проникает в вечнозеленую кущу этих лесов, и почва в них рыхла и болотиста. Я прибыл в селение Чакао вскоре после того, как наши раскинули там на ночь палатки, привезенные на лодках.

Окрестности вокруг деревни расчищены на большое пространство, и в лесу было много спокойных и живописных уголков. Чакао был прежде главным портом этого острова; но после крушения многих кораблей, погибших среди опасных скал и быстрин пролива, испанское правительство сожгло церковь и принудило этим бо́льшую часть жителей переселиться в Сан Карлос. Немного спустя после нашего приезда явился познакомиться с нами босоногий сын губернатора. Заметив английский флаг на мачте шлюпки, он спросил с величайшим равнодушием, всегда ли он будет развеваться в Чакао. Во многих местах жители были очень удивлены появлением военных вельботов и возымели надежду, что это предвестники испанского флота, идущего отнять остров назад у правительства Чили. Впрочем, все местные власти были извещены о нашем посещении и выказали величайшую вежливость. Губернатор явился к нам с визитом, когда мы сидели за ужином; он служил когда-то полковником в испанских войсках, но теперь был крайне беден. Он дал нам двух овец, приняв взамен их два бумажных носовых платка, несколько медных безделушек и немного табаку.

25 ноября.—Шел проливной дождь, но нам удалось, однако, спуститься берегом до Гуапи-Леноу. Весь этот восточный берег Чилоэ

однообразен: ровная местность, пересеченная долинами и раздробленная на мелкие острова, сплошь одета непроходимым черновато-зеленым лесом. По окраинам имеется несколько вырубленных участков вокруг хижин с высокими кровлями.

26 ноября.—Сегодня день великолепный. Из вулкана Осорно дым валит густыми клубами. Эта великолепная гора, имеющая форму правильного конуса и совершенно белая от покрывающего ее снега, высится перед Кордильерами. Из огромного кратера другого вулкана, с вершиной в виде седла, также исходят струйки дыма. Далее мы увидели высокий шпиц Корковадо, вполне заслуживающего прозвище «el famoso Corcovado»[153]. Таким образом, нам с одной точки были видны три больших действующих вулкана, каждый из которых имеет около 7 000 футов высоты. Далее на юг виднелись еще высокие конусы, покрытые снегом, которые хотя, видимо, и бездействовали, но, должно быть, также вулканического происхождения. Цепь Андов, проходящая поблизости отсюда, далеко не так высока, как в Чили, и не образует такой резкой границы между двумя поясами. Этот огромный хребет, идущий в прямом направлении с севера на юг, кажется более или менее выгнутым вследствие оптического обмана; линии, направленные от каждой вершины к глазу наблюдателя, сходятся подобно радиусам полукруга, а так как — вследствие прозрачности воздуха и отсутствия всяких промежуточных предметов—невозможно было определить расстояния отдаленнейших вершин, то цепь и представлялась плоским полукругом.

Высадившись в полдень, мы встретили семью чисто индейского происхождения. Отец был удивительно похож на Иорка Минстера, а младшие сыновья его были так красны, что их легко было принять за пампасских индейцев. Все убеждает меня в близком сродстве всех американских племен, невзирая на разнообразие их наречий. Встреченные нами люди очень плохо объяснялись по-испански и говорили между собой на своем языке. Приятно, что туземцы достигли той же степени цивилизации, как ни низка эта степень, на которой находятся и их белые завоеватели. Далее на юг мы видели многих чистокровных индейцев; на некоторых островах все жители сохраняют свои индейские прозвища. По переписи 1832 года на Чилоэ и прилежащих к нему островах население состояло из 42 000 человек, большею частью смешанного происхождения. Из них 11 000 сохранили свои индейские имена, но едва ли все это чистокровные индейцы. Образ жизни их совершенно одинаков с образом жизни других бедных жителей; все они христиане, хотя и сохранили, как говорят, много суеверных обрядов; по их словам, они сносятся с диаволом в определенных пещерах. В былое время уличенных в подобных сношениях отправляли на суд инквизиции в Лиму. Многие жители, не включенные в состав 11 000 носящих индейские прозвища, ничем не отличаются по наружности от индейцев. Гомес, губернатор Лемуи, происходит от испанских дворян, как с материнской, так и с отцовской стороны, тем не менее, вследствие частых браков его предков с туземцами, это настоящий индеец. Зато губернатор Кинчао постоянно хвалится своею чисто испанской кровью.

К ночи мы прибыли в прелестную бухточку на севере острова Каукагуэ. Жители его жалуются на недостаток земли, чему причиной

отчасти их собственная небрежность, так как они не вырубают лесов, отчасти же и стеснения со стороны правительства, которое предписывает, чтобы при покупке какого бы то ни было участка земли уплачивалось землемеру с каждой куадры (150 квадратных ярдов) по два шиллинга сверх той цены, которую оно назначит за землю. После оценки земля пускается три раза на аукцион и, если никто не предложит больше, земля предоставляется покупателю за назначенную цену. Такие условия, разумеется, затрудняют расчистку земли в стране, где население так бедно. В других странах леса истребляются огнем без большого труда, но на Чилоэ сырой климат и характер флоры требуют предварительной вырубки. Все это является серьезным препятствием к процветанию Чилоэ. При испанцах индейцы не могли владеть землею, и если какая-нибудь семья расчищала для себя участок земли, то ее изгоняли и земля конфисковалась правительством. В настоящее время чилийские власти совершают акт справедливости и вознаграждают этих бедных индейцев, наделяя каждого из них определенным участком, смотря по его общественному положению. Нерасчищенная земля ценится весьма дешево. Правительство отдало в уплату долга м-ру Дугласу (нынешнему главному землемеру, который сам мне это рассказывал) восемь с половиной квадратных миль леса близ Сан Карлоса, а он продал его за 350 долларов, т. е. около 70 фунтов стерлингов.

Два следующие дня погода стояла прекрасная и к ночи мы прибыли на остров Кинчао, самый обработанный из островов этого архипелага. Огромная полоса прибрежной земли самого Кинчао, так же как и многих прилежащих к нему мелких островов, почти совершенно расчищена. Некоторые из находящихся здесь ферм кажутся весьма благоустроенными. Я полюбопытствовал узнать, много ли дохода имеют владельцы этих ферм, но м-р Дуглас объяснил мне, что никто из них не имеет постоянного дохода. Богатейший из землевладельцев может скопить в продолжение долгой трудовой жизни капитал фунтов в тысячу, да и тот он спешит упрятать подальше: в каждой семье ведется обычай зарывать в землю горшок или сундук с сокровищами.

30 ноября.—В воскресенье рано утром мы прибыли в Кастро, бывшую столицу Чилоэ, теперь унылое и пустынное место. Можно еще было различить обычный четырехугольник испанских городов, но улицы и площадь совсем поросли мягким дерном, на котором паслись овцы. Посреди площади стоит церковь, построенная целиком из досок и имеющая старинный и живописный вид. О бедности этого городка, имеющего всего несколько сот жителей, можно судить уже по тому, что кто-то из наших спутников нигде не мог достать фунта сахару и простого ножа. Часов также ни у кого не имеется. Какому-то старику, которому приписывали способность верно определять время, поручено отзванивать часы наугад в церковный колокол. Появление наших вельботов было великим событием в этом мирном уединенном уголке земли; почти все жители сошлись на берег смотреть, как мы разбивали палатки. Они оказались очень вежливыми и предложили нам дом, а один даже принес нам в подарок боченок фруктового квасу. После полудня мы представились губернатору, смирному старичку, который ни по своему

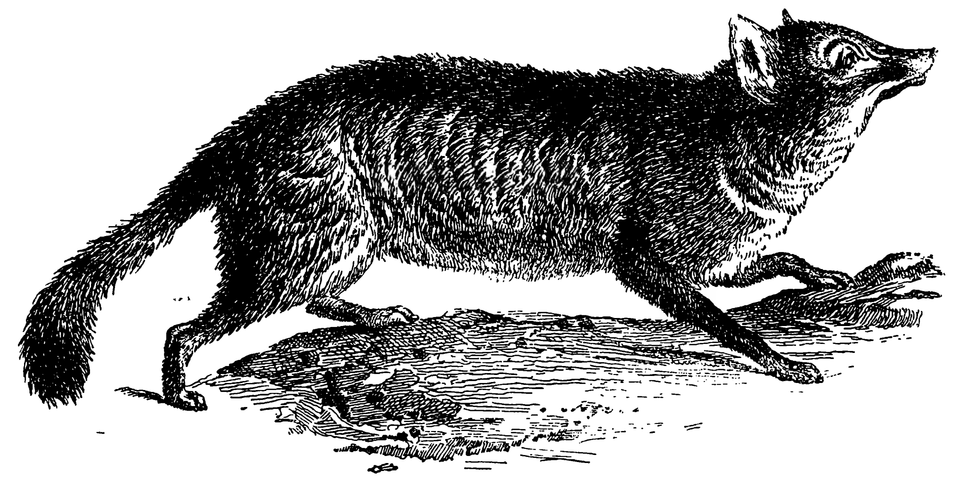
образованию, ни по своему образу жизни не стоял выше английского крестьянина. Вечером шел проливной дождь, но и тот едва мог разогнать толпу любопытных, осаждавших наши палатки. Неподалеку от нас расположилось одно индейское семейство, прибывшее с товарами на челноке с Кайлена. Им негде было укрыться во время дождя. На следующее утро я спросил молодого индейца, промокшего до костей, как он провел ночь. «Очень хорошо, сеньор», отвечал он с весьма довольным видом.

1 декабря.—Мы отправились на остров Лемуи. Мне любопытно было осмотреть одну каменноугольную копь, о которой мне говорили, но как оказалось, она содержала малой ценности лигнит [154] в песчанике (вероятно, древней третичной эпохи), из которого состоит весь этот остров. Высадившись в Лемуи, мы с трудом нашли место для наших палаток, так как в то время стоял весенний разлив, а страна покрыта лесом до самой воды. Нас вскоре окружила огромная толпа туземцев, почти все чистокровные индейцы. Они были весьма удивлены нашим приездом. «То-то,—говорили они между собой,—мы видели на-днях так много попугаев: чейкау (*cheucau*, красногрудая маленькая птица, издающая очень странный крик и живущая в самых густых лесах) никогда без дела не кричит: берегись». Туземцы спешили обменяться товарами. Деньги они почти ни во что не ценили, но табаку добивались с невероятной жадностью. За табаком следовали индиго, потом стручковый перец, старые платья и порох. Последний требовался с весьма невинной целью: каждый приход имел общественный мушкет, и порох был необходим для того, чтобы производить шум в дни церковных и ежегодных сельских праздников.

Здешний народ питается преимущественно моллюсками и картофелем. В известные времена года здесь ставят подводные плетни, «коралли» («corrales»), в которые попадает много рыбы, оставляемой отливом в береговом илу. Некоторые из жителей имеют домашних птиц, овец, коз, свиней, лошадей и рогатый скот; порядок, в котором названы здесь эти животные, соответствует их относительному количеству. Я не встречал людей обязательнее и смирнее этих индейцев; рекомендовались они обыкновенно, говоря, что они бедные уроженцы этого края, а не испанцы, и жаловались на недостаток табаку и других удобств. На Кайлене, самом южном из этих островов, моряки обменяли сверток табаку, ценой в три полупенса, на двух кур, у одной из которых, по уверению индейца, была перепонка между пальцами, так что эта курица оказалась отличной уткой; за несколько бумажных носовых платков, ценой в три шиллинга, были приобретены три овцы и огромная мера луку. Наша шлюпка бросила якорь на некотором расстоянии от берега, и мы опасались, как бы на нее не напали ночью воры. Поэтому наш лоцман, м-р Дуглас, объявил тамошнему полицейскому, что мы имеем обычай ставить вооруженных сторожей, которые, не понимая по-испански, будут стрелять в каждого, кто подойдет ночью. Полицейский с полной сговорчивостью признал пользу такой меры и обещал распорядиться, чтобы в эту ночь никто не выходил из дому.

Четыре следующие дня мы продолжали подвигаться к югу. Общий характер страны сохранялся тот же, только население ее стало

гораздо реже. На большом острове Танкви едва нашелся один расчищенный участок; деревья со всех сторон простирали свои ветви над берегом. Однажды я заметил на песчаных скалах прелестное растение панке (panke) *(Gunnera scabra)*,[155] напоминающее ревень, только огромного размера. Жители едят его кисловатые стебли, а корни употребляют при дублении кож и извлекают из них черную краску. Листья панке почти круглые, с глубокими зубцами по краям; измерив один, я нашел в нем около восьми футов в диаметре и не менее двадцати четырех в окружности! Стебель обыкновенно бывает выше ярда, и на каждом растении имеется четыре или пять таких громадных листьев. Растение это очень красиво.



Canis fulvipes, Martin, с острова Сан Педро (Чилоэ).

6 декабря.—Мы прибыли к Кайлену, прозванному «концом христианского мира» («el fin del Christiandad»). Поутру мы останавливались на несколько минут у одного дома на северном конце Лайлека, представляющего крайнюю точку христианской Южной Америки; это была не более как жалкая лачужка. Широта этой местности 43°10', на два градуса южнее Рио Негро на Атлантическом берегу. Эти христиане очень бедны и выпрашивают немного табаку, жалуясь на свое горькое положение. В доказательство бедности этих индейцев я могу рассказать, что незадолго перед тем мы встретили одного человека, который прошел пешком три с половиной дня и которому предстояло пройти столько же обратно, и все это с единственной целью продать топор и немного рыбы. Как должно быть трудно этим людям приобретать всякую вещь, если требуется столько труда для самой ничтожной выручки.

Вечером мы прибыли на остров Сан Педро, где стоял на якоре «Бигль». Обогнув мыс, двое из наших офицеров высадились, чтобы вымерить углы посредством теодолита. На скале сидела лисица *(Canis fulvipes)*, принадлежащая к особому новому виду; она встречается, как говорят, только на этом острове и то очень редко; она так внимательно следила за работой наших офицеров, что мне удалось,

подкравшись к ней сзади, ударить ее в голову моим геологическим молотком. Эта лисица, отличавшаяся большей любознательностью и ученостью, но меньшим благоразумием, чем прочие представители ее породы, находится теперь в музее Зоологического общества.

Мы простояли три дня в этой гавани, и в один из них капитан Фиц Рой попытался взобраться с несколькими товарищами на вершину Сан Педро. Здешние леса непохожи на леса северной части этого острова. Скалы из слюдяного сланца спускались отвесно в воду, так что собственно берегов не было, и общий вид более напоминал Огненную Землю, чем Чилоэ. Тщетно старались мы взобраться на вершину; лес был совершенно непроходим, и никто не мог бы себе представить, не видав, какая здесь была нагромождена масса упавших и гниющих деревьев. Я убежден, что нам случалось более десяти минут сряду итти не по земле и что мы нередко были футов на десять или на пятнадцать от ее поверхности, так что наши моряки забавлялись, выкрикивая глубину по лоту. Местами мы карабкались друг за другом на четвереньках под сгнившими стволами. На нижней части горы растут величественные *Drimys Winteri* и лавр, вроде сассафраса, с душистыми листьями; как эти, так и другие деревья, названий которых я не знаю, переплетены вьющимся бамбуком или тростником. Мы походили здесь более на рыб, попавших в сети, чем на людей. Выше вместо больших деревьев попадался лишь один кустарник, да там и сям красный кедр и сосна alerce [156]. Я с удовольствием встретил на высоте немного менее 1 000 футов старого знакомца, южный бук, хотя он является тут невзрачным, небольшим деревцом, потому что он, вероятно, близок здесь к своей северной границе. Дальше мы должны были, наконец, отказаться от нашей попытки.

10 декабря.—Шлюпка и вельбот с м-ром Селиваном продолжали свои исследования, но я остался на «Бигле», который отплыл на следующий день от Сан Педро к югу. 13-го числа мы вступили в южную часть Гваятекаса, или архипелага Чонос, и счастье, что нам это удалось, потому что на следующий день начался страшный шторм, достойный Огненной Земли. Белые массы облаков скопились на темносинем небе, и по ним быстро неслись черные, разорванные тучи. Цепи гор казались темными, и заходящее солнце обливало леса желтоватым светом, очень похожим на цвет пламени винного спирта. Вода побелела от несшейся по ней пены; ветер ревел в снастях; зрелище было величественное. В продолжение нескольких минут виднелась яркая радуга, и любопытно было наблюдать при этом влияние водяных брызг. Несясь над поверхностью моря, они изменяли обыкновенную дугу радуги в полный круг,—полоса призматических цветов, продолжаясь от обоих оснований обычной радуги, пересекала бухту и замыкалась у самого борта корабля, образуя, таким образом, неправильное, но почти полное кольцо.

Мы простояли тут три дня. Дурная погода продолжалась, но это не имело для нас никакого значения, потому что все эти острова совершенно непроходимы. Берега неприступны; на них надо карабкаться по острым слюдянисто-сланцевым утесам; что же касается до лесов, то наши исцарапанные лица, руки и колени ясно показывали, чего стоит попытка проникнуть в эти запретные дебри.

18 декабря.—Мы вышли в море и, распростившись с югом, направились 20 числа, при попутном ветре, к северу. От мыса Трех Гор мы бодро поплыли вдоль высоких, изъеденных бурями берегов, замечательных смелыми очертаниями холмов и густым лесом, растущим даже на отвесных крутизнах. На следующий день мы открыли гавань, которая может быть весьма полезна у этого опасного берега для погибающего корабля. Ее легко отличить по холму в 1 600 футов вышиной, представляющему более совершенный конус, чем даже знаменитая Сахарная Голова в Рио де Жанейро. На следующий день мы бросили якорь, и мне удалось взобраться на вершину этого холма, что стоило, впрочем, немало труда, потому что местами он был до такой степени крут, что приходилось взлезать по деревьям. Я встретил тут много обширных зарослей кустов фуксии с ее красивыми висячими цветами, но пролезть сквозь эти кусты было нелегко. В этих диких странах подъем на вершину горы доставляет какое-то особенное наслаждение; смутно ожидаешь увидеть что-то новое, и как часто ни обманывало меня это ожидание, а все же оно непременно является при каждой новой попытке. Всякому известно то ощущение торжества и гордости, которое охватывает нас, когда мы смотрим с высоты на расстилающуюся перед нами грандиозную картину, а в этих девственных странах к этому чувству присоединяется еще некоторое тщеславие при мысли, что вы, может быть, первый стоите на этой высоте и любуетесь этим зрелищем.

Вами овладевает сильное желание узнать, бывал ли кто-нибудь до вас в этих уединенных местах. Кусок дерева с гвоздем вы хватаете и начинаете рассматривать так пристально, будто он покрыт иероглифами. Охваченный этим чувством, я был чрезвычайно заинтересован, найдя на диком берегу, в углублении скалы, постель, сделанную из травы, а подле нее следы погасшего костра; видно было, что при этом употреблялся топор. Постель, костер, расположение их,—все указывало на искусные руки индейцев, но едва ли это были индейцы, потому что индейская раса вымерла в этой местности благодаря стараниям католиков, желавших превратить ее сразу в христиан и рабов. Я тогда уже заподозрил, что одинокий человек, устроивший себе постель в этом диком месте, был какой-нибудь несчастный, потерпевший крушение моряк, заброшенный на этот берег и проводивший тут свои грустные ночи.

28 декабря.—Погода продолжает стоять очень дурная, но, по крайней мере, она позволила, наконец, приступить к исследованиям. Постоянный противный ветер задерживал нас со дня на день и мешал нашим движениям. Вечером мы открыли другую гавань и бросили в ней якорь. Тотчас вслед затем мы увидели на берегу человека, махавшего нам рубашкой, и послали к нему лодку, которая вскоре привезла к нам двух моряков. Это были беглецы с американского китоловного судна; они бежали вшестером и высадились несколько южнее на этом берегу, а их лодка вскоре после того разбилась вдребезги о подводные скалы. Вот уже пятнадцать месяцев, как они бродят взад и вперед по этому берегу, не зная ни где они, ни куда им итти. Какая счастливая случайность, что они открыли эту гавань, иначе они так бы и состарились и погибли на этом диком берегу. Они много претерпели, а один из них разбился на смерть, упав с крутого утеса. По време-

нам они должны были расходиться, отыскивая себе пищу, и этим объяснялась виденная мной одинокая постель. Несмотря на все свои страдания, они довольно верно вычислили время, пропустив всего четыре дня.

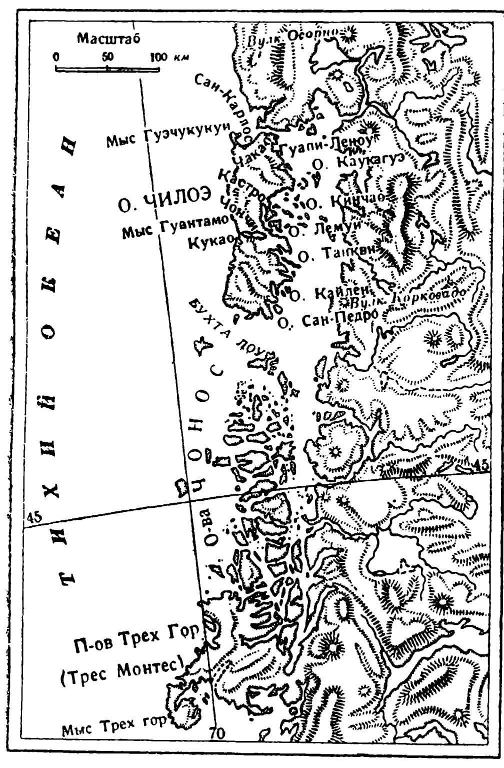
30 декабря.—Мы бросили якорь в уютной маленькой бухте у подошвы высоких холмов близ северного края полуострова Трех Гор, и на следующий день после завтрака отправились небольшой компанией на одну из этих гор, вышиной в 2 400 футов. Перед нами расстилалась замечательная картина. Главная часть хребта состояла из больших, плотных, обрывистых масс гранита, которые, казалось, являются современниками начала мира; гранит был покрыт слюдяным сланцем, образовавшим от времени странные зубцы в виде пальцев. Обе эти формации, столь несхожие по своим очертаниям, были почти лишены растительности; это нас несколько удивило, так как повсюду здесь мы уже привыкли видеть нескончаемые темнозеленые леса. Я с любопытством изучал строение этих гор. Сложные и высокие хребты создают впечатление величавой твердыни, одинаково бесполезной, впрочем, как для человека, так и для всякого другого животного. Гранит—классическая почва для геолога: обширность его распространения, изящество и плотность его сложения—причины того, что он исследован гораздо раньше большинства других горных пород. Происхождение гранита вызвало едва ли не более споров, чем происхождение всякой другой формации. Он является обыкновенно основной горной породой, и каково бы ни было его сложение, всегда залегает глубже всех тех пластов земной коры, до которых проникал человек. Предел человеческого познания в каком бы то ни было предмете сильно затрагивает любопытство, может быть, в особенности потому, что он граничит с областью воображения.

1 января 1835 г.—Новый год явился в обстановке, свойственной ему в этом климате; он не обманывал нас несбыточными надеждами и появление его было возвещено непрекращающимся дождем и сильным северо-западным ветром. Благодарение богу, нам не суждено видеть конца этого года в этих водах; мы надеемся быть к той поре в Тихом океане, где над нашими головами будет голубое небо, а не вечные облака, за которыми здесь как будто ничего уже и нет.

В следующие четыре дня дул северо-западный ветер, и нам удалось только проехать большой залив и бросить якорь в другой безопасной гавани. Я отправился в лодке с капитаном внутрь глубокой бухты. Нас удивило множество встреченных нами по дороге тюленей; каждый плоский утес и часть берега были покрыты ими. Они были, повидимому, очень мирного нрава; в полусонном состоянии они лежали кучей тесно друг около друга подобно свиньям, но даже свиньи устыдились бы покрывавшей их грязи и издаваемой ими вони. За каждой кучей пристально следили зловещие глаза грифа-индейки. Эта отвратительная птица с ее красной лысой головой, приспособленной для возни в гнили, очень обыкновенна на западном берегу; то что она постоянно сопровождает тюленей, показывает, какой пищи она ожидает. Вода (вероятно, только на поверхности) была почти пресная благодаря множеству потоков, каскадами падавших в море с крутых гранитных гор. Пресная вода привлекала рыбу, а вместе с нею и морских ласточек, чаек и два вида бакланов. Мы видели также пару

красивых лебедей с черными шеями и несколько маленьких морских выдр, мех которых так высоко ценится. На обратном пути мы забавлялись, глядя, как поспешно старые и молодые тюлени бросались в воду с приближением нашей лодки, но едва она проходила, как они снова выскакивали из воды и следовали за нами, вытянув шеи, с выражением величайшего любопытства и удивления.

7 января.—Продолжая подниматься вдоль берега, мы бросили якорь у северного края архипелага Чонос, в бухте Лоу, где мы провели неделю. Эти острова так же, как и Чилоэ, сложены из слоистых, рыхлых береговых отложений, а потому они покрыты роскошной растительностью. Леса спускаются к берегу подобно зарослям вечнозеленых кустарников, расположенных вдоль усыпанных гравием дорожек парка. Мы любовались, стоя на якоре, великолепным видом четырех снежных конусов Кордильер, в числе которых был и «el famoso Corcovado»; хребет этот так низок в здешних широтах, что некоторые части едва заметны за вершинами окрестных островков. Мы встретили пять рыболовов с Кайлена, этого «el fin del Christiandad»; они бесстрашно переплыли в своем утлом челноке открытое море между Чоносом и Чилоэ. По всем вероятиям, эти острова будут вскоре так же заселены, как и примыкающий к ним берег Чилоэ.

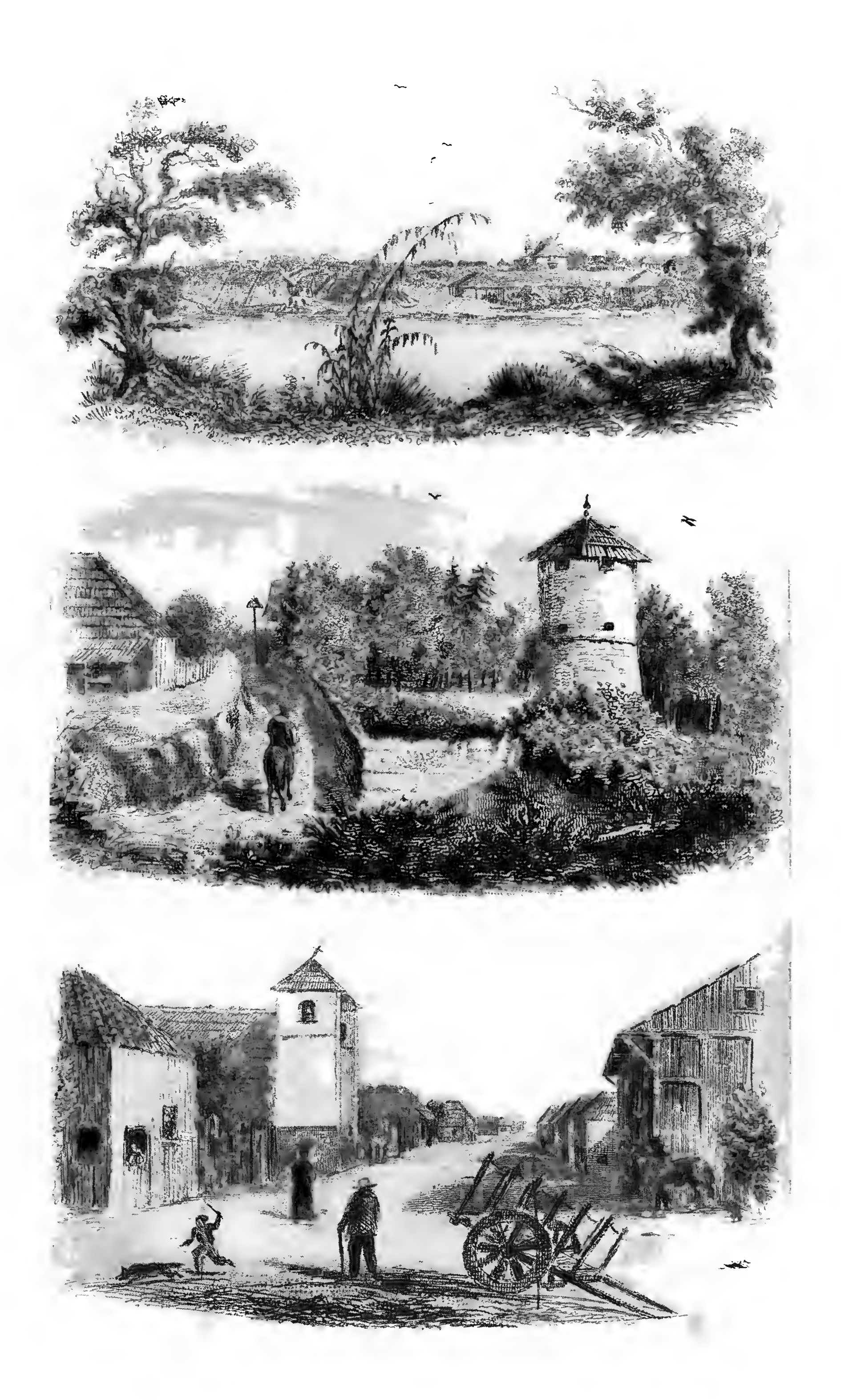


Карта Чилоэ и островов Чонос.
По картам, составленным офицерами «Бигля».

Дикий картофель растет в изобилии на песчаных, усеянных раковинами берегах этих островов. Самое высокое из этих растений имело четыре фута в вышину. Клубни вообще мелки, хотя я нашел один овальный, имевший два дюйма в диаметре; этот картофель во всех отношениях похож на английский и имеет тот же запах, но, сваренный, он сильно сморщивается, становится водянистым и безвкусным и совершенно лишен горького привкуса. Этот картофель, несомненно, туземного происхождения; по мнению м-ра Лоу, он встречается до 50° южной широты и называется у местных диких индейцев «aquinas»;

Чилоэ. Наверху: старинная испанская церковь в Кастро. В середине и внизу: виды мест близ Сан Карлоса.

Верхний рисунок Ф. П. Кинга; средний и нижний рисунки Ч. Мартенса.



Вальдивия.

Верхний рисунок Р. Фиц Роя; средний и нижний Ф. П. Кинга.

но индейцы Чилоэ называют его иначе. Профессор Генсло, исследовавший привезенные мною сухие образцы этого картофеля, нашел, что это тот же самый, который описан м-ром Себайном* из Вальпараисо, только составляет разновидность, которую некоторые ботаники принимали за особый вид. Замечательно, что это растение встречается как на бесплодных горах Центрального Чили, где едва ли в полгода раз выпадает дождь, так и в болотистых лесах этих южных островов.

В центральных частях архипелага Чонос (45° ю. ш.) леса имеют тот же самый характер, как и вдоль всего западного берега, миль на 600 к югу до мыса Горна. Здесь не встречается таких деревянистых трав, как на Чилоэ, но зато буковые деревья Огненной Земли достигают здесь значительных размеров и составляют изрядную часть здешних лесов, которые далее на юг состоят даже исключительно из этого дерева. Тайнобрачные растения находят здесь наиболее соответствующий им климат. В Магеллановом проливе они не могут достигать полного развития, потому что, как я уже говорил, там для них слишком сыро и холодно; но в лесах этих островов количество видов и гигантское изобилие мхов, лишайников и мелких папоротников совершенно необычайно**. На Огненной Земле деревья растут только на склонах холмов, между тем как всякое ровное место покрыто толстым пластом торфа; на Чилоэ, напротив, плоские места покрыты роскошнейшими лесами. Здесь же, в архипелаге Чонос, характер климата более напоминает Огненную Землю, чем северная часть Чилоэ, ибо каждый кусок ровной земли покрыт двумя видами растений *(Astelia pumila* и *Donatia magellanica)*, [157] перемешанные остатки которых образуют толстый слой упругого торфа.

На Огненной Земле пояс, лежащий над лесистой полосой, покрыт торфом, главным производителем которого служит первое из этих в высшей степени общественных растений. Вокруг главного корня его постоянно нарастают свежие листья; самые нижние вскоре увядают, и если сделать разрез торфа вглубь вдоль корня, можно видеть, что эти листья, оставаясь на своих местах, проходят через все стадии разложения, пока все, наконец, не перемешивается в одну беспорядочную массу. Astelia сопровождается небольшим число других растений: мелкий ползучий Myrtus *(M. nummularia)* с деревянистым стволом, вроде нашей клюквы, и со сладкими ягодами; Empetrum *(E. rubrum)*, похожий на наш вереск, и один вид ситника *(Juncus grandiflorus)*— чуть ли не единственные растения, произрастающие на этих болотах [158]. Все эти растения хотя очень сходны с английскими видами тех же родов, но не идентичны с ними. На многих равнинах этого края поверх-

* Horticultural Transactions, vol. V, p. 249. М-р Калдклю прислал две картофелины, которые при хорошей обработке дали в первый же год обильную зелень и множество клубней. См. у Гумбольдта в Polit. Essay on New Spain (кн. IV, глава IX) интересную дискуссию относительно этого растения, которое, по-видимому, было известно в Мексике.

** Проводя своей сеткой для ловли насекомых по этим растениям, я наловил множество мелких видов из семейства Staphylinidae, а также близких к Pselaphus и мелких Hymenoptera. Но в наиболее открытых местностях Чилоэ и Чоноса самым характерным семейством являются Telephoridae, которые отличаются количеством как видов, так и особей [159].

ность торфа прорезана небольшими прудами, находящимися на различных уровнях и производящими такое впечатление, будто они искусственно вырыты. Небольшие, текущие под почвой ручейки способствуют окончательному разложению растительных веществ и укреплению всей массы в одно целое.

Климат южной части Америки, повидимому, особенно благоприятен для образования торфа. На Фальклендских островах почти всякое растение, даже грубая трава, покрывающая всю их поверхность, превращается в торф. Почти нет такой местности, которая была бы неблагоприятна для образования этого вещества, и в некоторых местах торфяной пласт достигает 12 футов толщины; в нижних слоях он при засыхании до того твердеет, что с трудом горит. Хотя все растения способствуют образованию торфа, но в большинстве случаев главную роль при этом выполняет Astelia. Замечательно одно обстоятельство, резко противоположное тому, что мы наблюдаем в Европе: я нигде не замечал в Южной Америке, чтобы мох при своем разложении превращался хотя бы в какое-нибудь количество торфа. Что касается северного предела, до которого климатические условия способствуют тому своеобразному медленному разложению, которое необходимо для образования торфа, то я полагаю, что на Чилоэ (от 41 до 42° ю. ш.), несмотря на болотистую почву, настоящего торфа нет, но на три градуса южнее, на островах Чонос, мы видели его в изобилии. Один испанский колонист, бывавший в Ирландии, говорил мне, что на восточном берегу, в Ла Плате (35° широты), он не раз искал торф, но никогда не находил его. Он показывал мне самое близкое к торфу, что только мог найти,—кусок черной торфянистой почвы, до того проросшей насквозь корнями, что она горела весьма плохо и медленно.

Можно себе представить, как бедна фауна этих раздробленных островков архипелага Чонос. Из четвероногих здесь водятся два обитателя воды: один из них, *Myopotamus Coypus*[160] (вроде бобра, но с круглым хвостом), славится своим красивым мехом, который служит предметом торговли по всему бассейну Ла Платы. Впрочем, здесь он живет исключительно в соленой воде,—особенность, которая, как мы уже упоминали, изредка наблюдается и у крупного грызуна Capybara. Здесь встречается очень много маленьких морских выдр;[161] это животное питается не одной рыбой, но, подобно тюленям, поедает большое количество мелких, красивых крабов, плавающих стаями близ поверхности воды. М-р Байно видел на Огненной Земле одну выдру, евшую каракатицу, а другая была убита в бухте Лоу в то самое время, когда она тащила в свою норку большую раковину Voluta. Однажды я поймал в западню странную маленькую мышь *(M. brachiotis)*, которая, повидимому, очень распространена на многих островках архипелага; но в бухте Лоу туземцы говорили мне, что она встречается не на всех островах. Какие случайности* или какие изменения

* Говорят, что некоторые хищные птицы приносят в свои гнезда живую добычу. Если так, то в продолжение столетий могло случаться, что добыча иногда вырывалась от птенцов. Необходимо предположить нечто подобное, чтобы объяснить себе, как распространились эти мелкие грызуны по довольно отдаленным друг от друга островкам.

уровня понадобились для того, чтобы это маленькое животное распространилось по разбросанным островкам архипелага?

Повсюду на Чилоэ и на островках архипелага Чонос встречаются две странные птицы, родственные тюрко и тапаколо центрального Чили и заменяющие их здесь. Одну из них туземцы называют «чейкау» («Cheucau») *(Pteroptochos rubecula)*; она живет в самых мрачных и уединенных местах здешних болотистых лесов. Иногда, хотя бы крик ее раздавался над самым ухом, вам не удается увидеть чейкау, сколько не ищите ее; иногда же, напротив, стоит только остановиться неподвижно, красногрудая маленькая птица сама смело приблизится к вам на расстояние нескольких шагов. Она усердно роется в кучках хвороста и гнилых сучьев, задрав вверх свой маленький хвост. Ее странные разнообразные крики внушают суеверный страх жителям Чилоэ; они отличают три рода этих криков: один из них называется «чидуко» и предвещает хорошее; другой «гуитреу» весьма неблагоприятен, а третий я позабыл. Эти названия представляют подражание ее крикам, и туземцы слепо руководятся ими во многих обстоятельствах. Вздумалось же жителям Чилоэ выбрать себе в пророки это маленькое смешное создание! Близкий к чейкау, но несколько более крупный вид называется у туземцев «гуид-гуид» («Guid-guid») *(Pteroptochos Tarnii)*, а у англичан «barking-bird» [лающая птица], и это название весьма удачно, потому что всякий, кто слышит ее в первый раз, наверное, примет ее крик, раздающийся из леса, за лай маленькой собачонки. Эта птица так же, как и чейкау, кричит иногда совсем вблизи, но, как ни смотри, ее нигде не отыщешь и напрасно будешь трясти соседние кустарники; но иногда и гуид-гуид смело приближается к человеку. Способом питания и нравами она очень сходна с чейкау.

По берегам* часто встречается маленькая темно окрашенная птичка *(Opetiorhynchus Patagonicus)*, замечательная своим смирным характером; она живет исключительно на морском берегу, подобно морскому кулику. Кроме перечисленных птиц в этом архипелаге встречается еще несколько других видов. В моих черновых заметках записаны странные звуки, часто раздающиеся в этих мрачных лесах, но почти не нарушающие общей их тишины. Лай гуид-гуид и внезапное фью-фью чейкау раздаются иногда издали, а иногда совсем вблизи: по временам черный королек Огненной Земли присоединяет свой крик да пищуха (Oxyurus) преследует докучливого путешественника своими возгласами и щебетанием. Время от времени видишь колибри, стремительно перелетающую из стороны в сторону и издающую при этом свой свист, похожий на стрекотание насекомых. Наконец, с вершины какого-нибудь высокого дерева неясно доносится жалобная песня тиранна-мухоловки (Myiobius) с белым хохолком. При значительном преобладании в большей части стран какого-нибудь обыкновенного рода птиц, вроде зяблика, по началу испытываешь удивление, когда встречаешь в какой-нибудь стране в качестве обычных

* В доказательство значительной разницы в характере времен года на лесистых и открытых частях этих берегов могу привести то, что 20 сентября под 34° ю. ш. у этих птиц уже выведены в гнездах птенцы, тогда как на островах Чонос тремя месяцами позднее—летом—они еще только несут яйца. Различие широт между этими двумя местностями составляет около 700 миль.

для нее птиц такие своеобразные формы, какие я только что описал. В центральном Чили встречаются, хотя очень редко, две из них, именно Oxyurus и Scytalopus[162]. Когда, как в этом случае, встречаешь животных, играющих такую незначительную роль в великом плане природы, то невольно спрашиваешь себя: зачем они созданы? Но следует помнить, что, может быть, в какой-нибудь другой стране они составляют существенную часть населения или, по крайней мере, когда-нибудь прежде составляли.

Если бы вся Америка к югу от 37° широты опустилась в океан, то эти две птицы могли бы еще долго жить в Центральном Чили, но едва ли бы число их возросло. Мы увидели бы тогда пример того, что неизбежно должно было случаться со многими животными.

В этих южных морях встречается много видов буревестников; из них самый большой *Procellaria gigantea*, или нелли (quebrantahuesos, т. е. «костолом» испанцев), часто встречается в открытом море и во внутренних каналах. Нравами и полетом он очень похож на альбатроса; так же, как и за альбатросом, можно по целым часам внимательно наблюдать за ним и все-таки не видеть, чем он питается. Впрочем, «костолом»—птица хищная: в Порт Сан Антонио некоторые офицеры видели, как она гналась за нырком, который пытался улететь или нырнуть в воду, но постоянно падал под ударами, пока не был совсем убит ударом в голову. В Порт Сан Хулиан видели, как эти большие буревестники убивают и пожирают молодых чаек. Другой вид их (*Puffinus cinereus*) водится в Европе, на мысе Горн и на берегах Перу; он гораздо мельче первого, но такого же грязночерного цвета. Он обыкновенно встречается во внутренних бухтах огромными стаями; я никогда не видал другого рода птиц в таком количестве, в каком видел однажды этих за островом Чилоэ: в продолжение нескольких часов сотни тысяч их летели неправильной полосой все в одном и том же направлении. Когда часть этой стаи опустилась на воду, то вся поверхность почернела, и раздался шум, подобный отдаленному говору толпы людей.

Есть еще несколько видов буревестников, но я назову еще одну только птицу *Pelecanoides Berardi*; она представляет один из тех редких случаев, когда птица, явно принадлежащая к строго определенному семейству, в то же время по своим нравам и строению приближается к другому семейству, совершенно отличному. Эта птица никогда не покидает спокойных внутренних заливов. Если ее спугнуть, то она нырнет, проплывет довольно долго под водой, потом, выплыв на поверхность, тем же движением взлетит вверх. Крылья у ней короткие, и она на лету быстро ими двигает; пролетев некоторое пространство по прямой линии, она снова, как убитая, падает на воду и вновь ныряет. Форма ее клюва и ноздрей, длина ног и даже цвет перьев показывают, что она из рода буревестников; но, с другой стороны, короткие крылья и происходящая оттого слабость полета, форма тела и очертания хвоста, отсутствие на ногах заднего пальца, привычка нырять и выбор места обитания заставляют, пожалуй, поставить вопрос о том, не принадлежит ли она в такой же мере к чистикам. Издали ее непременно примешь за чистика, наблюдая, как она летает, ныряет или спокойно плавает по уединенным каналам Огненной Земли.

ГЛАВА XIV

ЧИЛОЭ И КОНСЕПСИОН. СИЛЬНОЕ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ

Сан Карлос, Чилоэ.—Извержение Осорно, одновременное с извержением вулканов Аконкагуа и Косегуина.—Поездка в Кукао.—Непроходимые леса.—Вальдивия. — Индейцы. — Землетрясение. — Консепсион.— Сильное землетрясение.—Трещины в горных породах.—Вид разрушенных городов.—Черное и пенистое море.— Направление колебаний.— Повернутые камни.—Большая волна.—Внезапное поднятие почвы.—Площадь вулканических явлений.—Связь между подъемлющими и эруптивными силами.—Причины землетрясений.—Медленное поднятие горных цепей.

15 января мы вышли из гавани Лоу и через три дня снова бросили якорь в Чилоэ, в бухте Сан Карлос. Ночью 19-го числа мы видели извержение вулкана Осорно. В полночь часовой заметил нечто вроде большой звезды, которая постепенно увеличивалась в размерах и к трем часам представила великолепное зрелище. Мы видели в подзорную трубу, как среди яркокрасного пламени взлетали вверх и затем падали вниз какие-то темные тела. Свет был так силен, что и на воде образовалось длинное яркое отражение. В этой части Кордильер кратеры, повидимому, весьма часто извергают огромные массы расплавленного вещества; мне говорили, что когда Корковадо находится в действии, то видно, как выбрасываются вверх громадные массы, которые взрываются в воздухе, принимая при этом различные фантастические формы, вроде деревьев. Размеры их должны быть огромны, судя по тому, что они видны с высот, лежащих за Сан Карлосом, который находится не менее, чем в 93 милях от Корковадо. Поутру вулкан затих.

Я с удивлением узнал потом, что в ту же ночь действовал вулкан Аконкагуа в Чили, лежащий на 480 миль к северу отсюда. Но еще более удивило меня известие, что через шесть часов после этого происходило большое извержение вулкана Косегуина, находящегося в 2 700 милях к северу от Аконкагуа. Это извержение сопровождалось землетрясением, которое ощущалось на пространстве 1 000 миль. Это совпадение тем замечательнее, что Косегуина уже 26 лет подряд оставался в покое, а Аконкагуа вообще редко обнаруживает признаки жизни. Трудно решить, было ли это совпадение случайностью или следствием какой-то подземной связи. Конечно, если бы в одну и ту же ночь произошло извержение Везувия, Этны и Геклы в Исландии (находящихся сравнительно ближе друг к другу, чем вышеназванные вулканы Южной Америки), то всякий счел бы это совпадение крайне замечательным; но описываемый мной факт еще более замечателен потому, что все три извержения произошли в одной и той же

цепи гор, а огромные равнины, лежащие вдоль всего восточного берега, так же, как и недавнее поднятие слоев раковин на протяжении более чем 2000 миль по западному берегу, несомненно показывают, как равномерно и взаимосвязанно действовали здесь подъемлющие силы.

Желая произвести некоторые исследования по внешнему берегу Чилоэ, капитан Фиц Рой отрядил меня и м-ра Кинга в Кастро, откуда мы должны были переехать поперек острова в Капелла де Кукао, лежащий на западном берегу. Мы наняли лошадей и проводника и выехали поутру 22-го числа. Вскоре мы встретили отправлявшихся тем же путем женщину и двух мальчиков. Здесь всякий встречный пожелает вам доброго пути, и, что большая редкость в Южной Америке, вы можете путешествовать тут без огнестрельного оружия. Вначале вся страна представляет собой ряд холмов и долин, но ближе к Кастро она становится очень ровной. Замечательна самая дорога: она состоит во всю длину, за исключением немногих мест, из больших бревен, из которых очень широкие и толстые настланы вдоль, а тонкие, наоборот, уложены поперек. Летом эта дорога еще сносна, но зимой, когда дерево становится скользким из-за дождей, по ней очень трудно ездить. В это время года вся прилежащая к дороге почва превращается в болото или даже совсем заливается водой. Тогда продольные стволы приходится прикреплять с обеих сторон кольями, вколачиваемыми в землю. Эти колья грозят опасностью всадникам, потому что при падении с лошади весьма легко попасть на один из них. Впрочем, лошади Чилоэ обладают замечательным навыком: проходя такими местами, где настилка разъехалась, животное перескакивает с одного бревна на другое с ловкостью и уверенностью собаки. Дорога окаймлена с обеих сторон высоким лесом, опутанным снизу тростником. Когда случайно удается увидеть достаточно длинную часть пути прямо перед собой, он поражает своим однообразием: перед вами длинная, белая полоса бревенчатой дороги, которая вдали суживается и, наконец, теряется в темном лесу или заканчивается зигзагом, поднимающимся на какой-нибудь крутой холм.

Хотя от Сан Карлоса до Кастро всего 12 лье по прямому направлению, но нелегко было устроить дорогу даже и на таком коротком расстоянии. Мне говорили, что в прежние времена многие поплатились жизнью за попытку пройти эти леса. Первый, кому это удалось, был один индеец, который пробил себе путь через эти тростниковые дебри и дошел до Сан Карлоса в восемь дней; испанское правительство наградило его землею. Летом по лесам бродят индейцы (преимущественно в возвышенных частях острова, где лес не так густ), отыскивая полуодичавших коров, которые питаются листьями тростника и некоторых деревьев. Один из этих охотников усмотрел случайно несколько лет назад английское судно, потерпевшее крушение у внешнего берега. Экипажу грозил голод, и могло случиться, что без помощи этого индейца англичане никогда не выбрались бы из этих почти непроходимых лесов. Один из них уже умер по пути от утомления. Индейцы руководятся в этом случае солнцем, и во время длительной туманной погоды они не могут пускаться в дорогу.

День стоял великолепный и множество деревьев в полном цвету наполняли воздух благоуханием, но, несмотря на все это, темный, бо-

лотистый лес производил мрачное впечатление. Множество засохших стволов, стоящих, подобно скелетам, придает этим девственным лесам какую-то особенную торжественность, несвойственную лесам давно цивилизованных стран. Вскоре после заката солнца мы расположились бивуаком на ночь. Наша спутница, довольно миловидная, принадлежала к одной из наиболее уважаемых фамилий в Кастро; однако, она сидела на лошади по-мужски и притом босая, без чулок и башмаков. Меня удивляло полное отсутствие гордости как в ней, так и в ее брате. Они запаслись на дорогу съестным, но присутствовали при наших трапезах и так пристально наблюдали, как мы с Кингом ели, что приводили нас в замешательство, и мы кончали тем, что всех приглашали есть вместе с нами. Ночь была ясная, и мы наслаждались (а это действительно большое наслаждение), лежа в постелях, зрелищем сонма звезд, освещавших лесной мрак.

23 января.—Мы рано встали и к двум часам дня приехали в Кастро—спокойный, красивый городок. Прежний губернатор умер вскоре после нашего первого посещения, и его должность исполнял теперь один чилиец. У нас было рекомендательное письмо к дону Педро, который оказался человеком чрезвычайно гостеприимным, любезным и более бескорыстным, чем вообще здешний народ. На следующий день дон Педро достал для нас свежих лошадей и вызвался сам нам сопутствовать. Мы направились к югу, придерживаясь берега, и проехали на пути через несколько деревушек, каждая из которых имела большую деревянную капеллу, похожую на амбар. В Вилипилли дон Педро попросил коменданта дать нам проводника до Кукао. Старый джентльмен вызвался сам сопровождать нас, но долгое время не хотел верить, чтобы два англичанина действительно намеревались забраться в такую глушь, как Кукао. Таким образом, нам сопутствовали два первых аристократа этой страны, что было видно уже из того, как относились к ним все простые индейцы. Из Чончи мы направились поперек острова по извилистым перепутанным тропинкам, проходя местами через великолепные леса, а местами через красивые, обработанные поля с богатым урожаем хлебов и картофеля. Эта волнистая лесная страна, отчасти возделанная, напомнила мне наиболее дикие части Англии, что придало ей особенную прелесть в моих глазах. В Вилинко, расположенном на берегах озера Кукао, мы нашли мало возделанных земель; все местные жители, повидимому, индейцы. Это озеро имеет 12 миль в длину, протягиваясь по направлению с востока на запад. Вследствие особых местных условий в продолжение дня здесь регулярно дует морской ветер, который ночью стихает; это дало повод к странным преувеличениям, и в Сан Карлосе нам описывали это явление как нечто совершенно необычайное.

Дорога в Кукао оказалась так плоха, что мы решили доехать туда водою в *периагуе*. Комендант приказал самым повелительным тоном везти нас туда шести индейцам, не удостоив даже сказать им, получат ли они за это плату. Периагуа—очень странная лодка самой грубой формы; но еще более странным был ее экипаж; сомневаюсь, чтобы в какой-либо другой лодке собралось когда-нибудь вместе шестеро таких безобразных, малорослых людей. Впрочем, они гребли очень хорошо и охотно. Первый гребец болтал по-индейски и испускал странные крики, вроде криков свинопаса, погоняющего своих свиней.

Нам пришлось плыть против легкого ветра, но, несмотря на это, мы прибыли к капелле Кукао еще довольно рано. По обеим сторонам озера тянулся сплошной лес. В одной с нами периагуе перевозили корову, и как ни трудно, казалось бы, уместить такое большое животное в маленькую лодку, однако, наши индейцы мигом управились с этим делом: они приблизили лодку к корове, которую поставили вдоль борта, и, накренив лодку к корове, просунули ей под живот два весла, концы которых укрепили на борту. С помощью этих рычагов они перекинули бедную скотину кувырком на дно лодки и привязали накрепко веревкою. В Кукао мы нашли пустую лачужку (местопребывание здешнего патера, когда он является в эту капеллу), развели огонь, сварили себе ужин и устроились отлично.

Округ Кукао—единственное заселенное место на всем западном берегу Чилоэ. В нем обитает от 30 до 40 индейских семейств, разбросанных на протяжении 4 или 5 миль вдоль берега. Они живут довольно изолированно от остального населения острова и почти не занимаются торговлей, если не считать небольшого количества жира, который они добывают из тюленьей ворвани. Одежда их—домашнего производства и довольно порядочная; съестных припасов вдоволь. Несмотря на то, они имеют вид далеко не довольный, но вместе с тем до того приниженный, что тяжело смотреть. То и другое происходит, я думаю, от того, что власти обращаются с ними весьма грубо и повелительно. Наши спутники, отличавшиеся такою вежливостью по отношению к нам, обращались с этими бедными индейцами, как будто они не свободные люди, а настоящие рабы. Они требовали у них провизии и пользовались их лошадьми, не только не удостоив условиться с ними о цене, но даже не обещав им никакой платы. Поутру, оставшись наедине с этими бедняками, мы расположили их в свою пользу, давши им сигар и мате. Кусок сахару, разделенный между всеми присутствовавшими, возбудил в них живейшее любопытство. Индейцы заключали свои жалобы словами: «А все это потому, что мы— бедные индейцы и ничего не знаем. Не то было, когда мы имели короля».

На следующий день, после завтрака, мы отправились за несколько миль на север к Пунта Гуантамò. Дорога проходила вдоль очень широкого берега, около которого был сильный прибой, несмотря на то, что уже пять дней стояла отличная погода. Мне рассказывали, что после сильной бури рев здешнего прибоя слышен даже в Кастро, на расстоянии не менее 21 морской мили, через холмистую страну, покрытую лесом. Мы не без труда достигли Пунта Гуантамò, потому что дороги оказались просто отвратительными; в тенистых местах почва превращается в настоящую топь. Цель нашего путешествия оказалась обрывистым каменистым холмом. Он зарос растением, близким, повидимому, к Bromelia; местные жители называют его чепонес (chepones).[163] Мы исцарапали себе все руки, карабкаясь через эти заросли: меня не мало забавляло то, что наш проводник, индеец, предусмотрительно закатал при этом свои штаны, считая, вероятно, что они гораздо нежнее его собственной кожи. Это растение имеет плод, похожий по форме на артишок; в нем заключается множество вместилищ для семян, содержащих вкусную сладкую мякоть, которую здесь очень любят. Я видел в бухте Лоу, что местные жители делают из этого плода чичи, или фруктовый квас. Гумбольдт совершенно справедливо

замечает, что люди всех стран умеют изготовлять какой-нибудь напиток из растительных веществ: одни только дикари Огненной Земли да еще, я думаю, австралийцы не дошли до этого искусства.

Берег к северу от Пунта Гуантамò чрезвычайно неровен и изрезан; здесь всегда бывает сильный прибой, сопровождаемый непрекращающимся ревом волн. Нам с Кингом очень хотелось вернуться, если можно, пешком по берегу, но даже индейцы заявили, что это совершенно невозможно. Говорят, что еще можно перейти остров поперек лесами, от Кукао в Сан Карлос, но берегом ни за что не пройдешь. Индейцы в этих случаях берут с собою на дорогу только жареную пшеницу и едят ее понемногу дважды в день.

26 января.—Мы снова переправились через озеро на периагуе и затем опять сели на лошадей. Все население Чилоэ, желая воспользоваться целой неделей необыкновенно хорошей погоды, принялось расчищать участки земли путем выжигания леса; всюду, куда ни поглядишь, клубились облака дыма; но, несмотря на усердие, с которым со всех сторон поджигали леса, я ни разу не видел, чтобы пожар принял значительные размеры. Мы пообедали с нашим другом комендантом и прибыли в Кастро, когда уже смерклось. На следующее утро мы очень рано встали и, проехав некоторое пространство, достигли холма, с которого раскрывался далекий вид на лес,—большая редкость на этой дороге. Над лесом виднелся вулкан Корковадо, а дальше на север какой-то другой, с плоской вершиной; кроме этих двух гордых великанов в длинной цепи гор не выдавалось почти ни одной увенчанной снегом вершины. Не скоро забуду я этот прощальный вид на великолепные Кордильеры, лежащие против острова Чилоэ. Мы ночевали под открытым безоблачным небом, и на следующее утро прибыли в Сан Карлос,—прибыли как нельзя более во-время, потому что к вечеру того же дня пошел проливной дождь.

4 февраля.—Мы отплыли от Чилоэ. За последнюю неделю я сделал много коротких экскурсий. В одну из них я осмотрел толстый пласт, состоящий из раковин современных моллюсков и возвышающийся на 350 футов над уровнем моря. На этом пласте из раковин растут огромные деревья. Другую поездку я совершил на мыс Гуэчукукуи. Со мной был проводник, знавший страну даже слишком хорошо; он засыпал меня индейскими названиями малейших реченок, мысков и бухт. Здесь, как и на Огненной Земле, индейский язык, повидимому, особенно хорошо приспособлен для наименования самых незначительных местных подробностей. Расставаясь с Чилоэ, вероятно, никто не ощутил особого сожаления, а между тем, если бы забыть о мрачной зимней погоде и постоянном дожде, то этот остров можно было бы назвать прелестным. Милая простота и смиренная вежливость бедных жителей также имеют в себе что-то очень привлекательное.

Мы поплыли на север вдоль берега, но из-за тумана достигли Вальдивии только к ночи 8-го числа. На следующее утро мы на лодке отправились в город, милях в десяти от берега моря. Мы плыли по течению реки, проезжая мимо редких хижин и небольших участков вырубленного леса, который покрывает сплошь всю местность. Местами нам встречались лодки с индейцами. Город раскинулся по низкому прибрежью реки и так густо оброс яблонями, что улицы в значительной мере похожи на аллеи фруктового сада. Я не видел

страны, где бы так хорошо росли яблони, как в этой болотистой части Южной Америки; по краям дорог растет множество молодых яблонь, выросших, очевидно, из случайно попавших сюда семян. На Чилоэ жители разводят фруктовые сады самым легким способом; почти на каждой ветке в нижней ее части находятся маленькие, конические, темные, сморщенные выступы, готовые всегда пустить корни, даже в тех случаях, когда на дерево случайно попадает ком грязи. Ранней весной выбирают ветку толщиной в человеческую ногу и срезают ее непосредственно под группой этих выступов; все остальные мелкие веточки с нее счищают, и этот обрубок сажают в землю на глубину двух футов. На следующее лето этот сучок уже выпускает длинные побеги, а иногда даже приносит плоды; я видел на одном таком деревце 23 яблока, но это считается редким случаем. На третье лето (это я сам видел) сучок превращается в настоящее ветвистое дерево, обремененное плодами. Один старик в окрестностях Вальдивии исчислил нам всю разнообразную пользу, которую он умеет извлекать из своих яблонь, в подтверждение своего девиза «Necesidad es la madre del invencion».[164] Он делает из яблок сидр, вино, из выжимок гонит душистую белую водку, посредством другого процесса он добывает из них сладкую патоку или, как он называет ее, мед. В летнее время его дети, а также и поросята, кажется, так и живут в саду.

11 февраля.—Я отправился с проводником в небольшую экскурсию, которая, впрочем, весьма мало познакомила меня с геологией этого края и с его жителями. Около Вальдивии мало расчищенной земли; переехав реку на расстоянии нескольких миль, мы встретили всего одну только жалкую хижину, прежде чем добрались до ночлега. Небольшое различие в широтах (150 миль) придает этому лесу уже совсем иной характер, чем на Чилоэ. Это присходит вследствие незначительной разницы в относительном количестве древесных пород. Вечнозеленых деревьев здесь, повидимому, меньше, чем там, и поэтому лес кажется более ярким. Нижние части стволов так же, как и на Чилоэ, переплетены тростником; здесь водится также другой вид тростника, футов в 20 вышиной, вроде бразильского бамбука; он растет группами и очень красиво обрамляет берега некоторых речек. Из этого растения индейцы делают свои чусо, т. е. длинные, заостренные копья. Ночлег наш был так грязен, что я предпочел ночевать на чистом воздухе: первая ночь в таких путешествиях обыкновенно очень неприятна,—не сразу привыкнешь к щекотанию и покусыванию блох. К утру на моих ногах, наверное, не было местечка величиною в шиллинг без красных пятен,—следов пиршества блох.

12 февраля.—Мы продолжали свой путь через девственные леса, изредка встречая индейца верхом или несколько красивых мулов, везущих из южных равнин алерциевые доски[156] и зерно. После полудня одна из наших лошадей упала от утомления; мы находились на скате холма, перед которым расстилался превосходный вид на лианосы. Вид этих открытых равнин действовал освежающе после долгого пути по лесным дебрям, в которых чувствуешь себя как бы похороненным. Однообразие лесного пейзажа очень скоро прискучивает. Эта часть западного берега приятно напоминала мне открытые безграничные равнины Патагонии; но, как бы в противоречие самому себе, я не могу забыть, сколько торжественности в молчании леса.

Лианосы—наиболее плодородная и заселенная часть страны, так как их огромным преимуществом является почти полное отсутствие деревьев. Выезжая из леса, мы проехали через несколько гладких лужаек, окруженных одинокими деревьями, как в английских парках; я часто с удивлением замечал в покрытых лесом холмистых местностях, что совершенно плоские места лишены деревьев. Усталость моей лошади побудила меня остановиться в миссии Кудико у одного монаха, к которому я имел рекомендательное письмо. Кудико—округ, лежащий между лесом и лианосами. В нем много сельских домов и возделанных хлебных и картофельных полей, принадлежащих почти исключительно индейцам. Все племена, находящиеся в зависимости от Вальдивии, «reducidos y Christianos».[165] Далее на север, около Арауко и Империаля, индейцы не обращены и чрезвычайно дики, но несмотря на то они имеют частые сношения с испанцами. Патер сказал нам, что индейцы-христиане не любят ходить к обедне, но что в других отношениях выказывают уважение к религии. Труднее всего заставить их исполнять обряд бракосочетания. У диких индейцев бывает столько жен, сколько они могут содержать, а у касиков—по десяти и иногда даже больше; входя в его хижину, вы узнаете количество жен по числу отдельных очагов. Каждая из жен живет с касиком поочередно одну неделю, и все они ткут для него пончо и другие вещи. Каждая индейская женщина добивается чести быть женою касика.

Мужчины всех этих племен носят грубые шерстяные пончо; на юг от Вальдивии они носят короткие штаны, а на север от нее—юбку вроде чилипы гаучосов. У всех длинные волосы перевязаны красным шнурком, а голова ничем не покрыта. Эти индейцы—прекрасно сложенные люди; выдающиеся скулы и общий вид их напоминают о великой американской семье народов, к которой они принадлежат; но лицо их, как мне казалось, несколько отличается от лиц всех других, виденных мною до того времени племен. Выражение лица у них вообще очень серьезно, даже строго и весьма типично: его можно принять за честное прямодушие или за отчаянную решимость. Их длинные черные волосы, серьезные, резкие черты лица и темный цвет кожи напоминали мне старые портреты Иакова I.[166] Дорогой мы не встречали и признака той приниженной вежливости, которая так свойственна жителям Чилоэ; некоторые, правда, и здесь бросали нам свое отрывистое «мари-мари» (здравствуйте), но бóльшая часть не удостаивала нас никаким приветствием. Эта независимость обращения должна быть следствием тех продолжительных войн и многочисленных побед, которые это племя, единственное из всех племен Америки, одерживало над испанцами.

Я провел вечер очень приятно, разговаривая с патером. Он оказался чрезвычайно гостеприимным и любезным человеком; прибыв сюда из Сант Яго, он сумел окружить себя здесь известным комфортом. Получив некоторое образование, он горько жаловался на полное отсутствие общества. И действительно, какой незаполненной должна была быть жизнь этого человека, не имевшего ни особенного религиозного рвения, ни обязанностей, ни занятия. На следующий день мы встретили на обратном пути семерых индейцев довольно дикого вида, в том числе нескольких касиков; они только что получили от чилийского правительства свое ежегодное небольшое жалование за

долгую верность. Это были красивые люди, но с весьма мрачными лицами. Они тянулись вереницей за ехавшим впереди них старым касиком, который, вероятно, был пьянее их всех, потому что вид у него был чрезвычайно торжественный, но вместе с тем и очень сварливый. Незадолго перед тем к нашей компании присоединились два индейца, ехавшие из отдаленной миссии в Вальдивию по поводу какой-то тяжбы. Один из них был веселый старичок, больше похожий на старуху своим безбородым, сморщенным лицом. Я часто угощал их обоих сигарами, и хотя они очень охотно и даже с видимым удовольствием принимали их, но не удостаивали поблагодарить меня. На Чилоэ индеец непременно снял бы шляпу, произнося «Dios le page!». [167] Наше путешествие было очень утомительным как вследствие дурных дорог, так и благодаря множеству валявшихся на пути больших деревьев, которые приходилось или убирать с дороги, или объезжать, делая при этом каждый раз большой крюк. Мы ночевали на дороге и на следующее утро прибыли в Вальдивию, откуда я отправился на корабль.

Спустя несколько дней, я переправился через залив в обществе нескольких офицеров и высадился близ форта Ниэбла. Здание этой крепости представляет почти одни развалины, пушечные лафеты совсем сгнили. М-р Уикгем заметил коменданту, что эти лафеты развалились бы в щепы при первом залпе, но тот, желая поддержать достоинство своей крепости, серьезно ответил: «О нет, сэр, я убежден, что они выдержали бы и два!». Испанцы, вероятно, желали сделать этот пункт неприступным. Теперь посреди двора находится целая гора цемента, по своей твердости не уступающая тому утесу, на котором она лежит. Цемент привезен сюда из Чили и стоил 7 000 долларов. Вспыхнувшая революция [168] помешала употребить его в дело, и теперь эта отвердевшая куча служит памятником минувшего величия Испании.

Мне нужно было пройти в один дом, до которого было около полуторы мили, но проводник мой объявил, что пройти лесом по прямому направлению нет никакой возможности. Он предложил, впрочем, проводить меня самым коротким путем—тропинками, проложенными скотом; но и эта прогулка взяла у нас не менее трех часов времени. Этот человек занимается разыскиванием заблудившегося скота; но как ни хорошо знакомы ему эти леса, а недавно случилось и ему проплутать в них целых два дня без всякой пищи. Можно судить по таким фактам о трудности освоения здешних лесов. Я часто задавал себе вопрос: как долго сохраняется упавшее дерево? Проводник показал мне одно, срубленное 14 лет тому назад партией беглых роялистов; приняв это за мерило, я полагаю, что ствол фута в полтора в диаметре может истлеть совершенно в 30 лет.

20 февраля.—Нынешний день останется памятным в летописях Вальдивии благодаря землетрясению, самому сильному из всех, какое только приходилось испытывать местным старожилам. Я случайно был на берегу и, лежа в лесу, отдыхал. Землетрясение случилось внезапно и продолжалось две минуты, но время это показалось мне гораздо более длинным. Колебание почвы было весьма ощутительным, мне и товарищу моему показалось, что оно идет прямо с востока, но другие утверждали, что оно шло с юго-запада: это доказывает, как трудно иногда определить направление вибраций. Устоять прямо на ногах было нетрудно, но колебание почвы вызвало у меня слабое голо-

вокружение; это было похоже на раскачивание корабля во время небольшой боковой качки или, вернее, на то, когда человек скользит по тонкому слою льда, который гнется под тяжестью его тела.

Сильное землетрясение сразу разрушает наши привычные ассоциации; когда земля—эта эмблема прочности—колеблется под нашими ногами, подобно тонкой коре над какой-нибудь жидкостью, тогда в нашем уме в одно мгновение возникает какое-то странное представление о непрочности, какого не вызвали бы целые часы размышлений. В лесу, где деревья качались от ветра, я чувствовал только колебание земли и не видел никаких других действий землетрясения. Капитан Фиц Рой и некоторые из офицеров были в городе во время подземного толчка, и там зрелище было гораздо более поразительное: так как дома там построены из дерева, то они не разваливались, но зато страшно тряслись и трещали. Жители в величайшем ужасе выбегали на улицу. Эти-то сопровождающие землетрясение моменты и вызывают обыкновенно такой страх в людях, которые лично видели и испытали все последствия землетрясений. В лесу это явление было далеко не так страшно, хотя тоже в высшей степени любопытно. Большой интерес представляло действие землетрясения на приливо-отливные явления. Самый сильный толчок последовал во время отлива; и одна старуха, бывшая в это время на берегу, рассказывала мне, что вода очень быстро, но небольшой волной прилила до самой высокой границы прилива и тотчас так же быстро сошла до своего обычного уровня; это видно было и по линии на мокром песке. Такой же быстрый, но спокойный прилив случился за несколько лет перед тем на Чилоэ во время легкого землетрясения, вызвав напрасную тревогу. В продолжение вечера было еще несколько более слабых толчков, которые вызвали в гавани очень сложные течения; но было также и несколько сильных толчков.

4 марта.—Мы вошли в гавань Консепсиона. Пока наш корабль отыскивал место, где бы стать на якорь, я высадился на острове Кирикина. Управляющий имением поспешно выехал ко мне с ужасными известиями о землетрясении, происходившем 20-го февраля: «Ни в Консепсионе, ни в Талькахуано (гавани) не уцелело ни одного дома; семьдесят селений погибло, а развалины Талькахуано почти совершенно смыты громадной волной». Многочисленные доказательства этого последнего утверждения я вскоре увидел собственными глазами: весь берег был усеян досками и различными вещами, словно здесь произошло крушение тысячи кораблей. Кроме множества столов, стульев, книжных шкафов и т. п., тут валялись почти целые крыши сельских домов, занесенные сюда из деревень. Торговые склады Талькахуано стояли настежь открытые, и по берегу были разбросаны большие тюки хлопка, лекарственных трав и других ценных товаров. Я видел, бродя по острову, множество обломков камней, которые, судя по покрывавшим их морским организмам, вероятно, недавно еще лежали на дне океана и были выброшены оттуда высоко на берег; один из них был в шесть футов длины, три фута ширины и два фута толщины.

На самом острове были ясно выражены следы необычайной силы землетрясения, так же как на берегу оставались следы последовав-

шей за ним громадной волны. Почва во многих местах дала трещину по направлению с севера на юг, что произошло, быть может, от того, что крутые параллельные бока этого узкого острова несколько подались. Иные трещины около утесов были в целый ярд шириной. Многие громадные скалы свалились на берег и жители полагали, что с началом дождей еще многие утесы обрушатся. Еще интереснее было действие колебаний на твердый первичный сланец, который образует основу острова: верхние слои некоторых узких гребней до такой степени были раздроблены, будто их взрывали порохом. Это действие, которое можно было наблюдать по свежим трещинам и смещениям почвы, вероятно, ограничилось верхним слоем почвы, иначе не осталось бы во всем Чили ни одного целого утеса; да оно так и должно быть, так как известно, что поверхность колеблющегося тела испытывает иное действие, чем центральная его часть. Поэтому-то может быть в глубоких рудниках землетрясения и не производят таких страшных бедствий, каких можно было бы ожидать. Я думаю, что это землетрясение более способствовало уменьшению размеров острова Кирикина, чем все морские бури и прибой волн, размывавших берега в течение целого столетия.

На следующий день я высадился в Талькахуано и потом поехал в Консепсион. Оба города представляли самое ужасное, но в то же время и самое любопытное зрелище, какое мне когда-либо случалось видеть. Оно, вероятно, производило еще более сильное впечатление на людей, видевших прежде эти города. Они представляли такую смешанную груду развалин, и вся местность так мало походила на обитаемое место, что трудно было представить себе ее прежнее состояние. Землетрясение началось в половине двенадцатого утра; случись оно ночью, бо́льшая часть жителей (которых в одной этой провинции несколько тысяч) погибла бы, тогда как в настоящем случае погибло менее ста человек; их спасла неизменная привычка выбегать из домов при первом подземном толчке. В Консепсионе каждый дом или целые ряды домов остались на месте, представляя кучи или ряды развалин; но в Талькахуано, смытом волною, кое-где можно было различить только часть уцелевшей стены, все же остальное представляло собой сплошную груду кирпичей, черепиц и досок. Поэтому хотя Консепсион и не разрушен до основания, но вид его был страшнее и, если можно так выразиться, живописнее. Первый толчок застиг их всех врасплох. Управляющий с острова Кирикина рассказывал мне, что он только потому узнал о землетрясении, что вместе с лошадью, на которой сидел, покатился на землю. Он попытался встать, но снова свалился. Он же говорил мне, что несколько коров, пасшихся на крутом берегу острова, скатились в море. Наводнение истребило множество скота; на одном низком острове в глубине бухты 70 животных были снесены в море и утонули. Вообще полагают, что это самое страшное землетрясение, когда-либо испытанное в Чили; но никто не может знать этого достоверно, так как очень сильные землетрясения случаются обыкновенно через длинные промежутки времени; впрочем, более сильный толчок не имел бы уже никакого значения, потому что и без того разрушение достигло максимального предела. За сильным землетрясением последовало бесчисленное множество более слабых колебаний,— в продолжение первых 12 дней их насчитали не менее трехсот.

После осмотра Консепсиона я не могу понять, как могла спастись бо́льшая часть жителей. Во многих местах дома завалили улицу, так что посреди улиц образовались кучи кирпича и обломков. Английский консул м-р Роуз рассказывал нам, что он завтракал, когда произошел первый толчок, заставивший его выбежать из дома. Едва он успел добежать до середины двора, как одна сторона его дома рухнула на землю. Он настолько сохранил присутствие духа, чтобы сообразить, что он будет в безопасности, добравшись до вершины кучи, образовавшейся из развалин, но, не имея возможности стоять на ногах вследствие колебания земли, он пополз на четвереньках. Едва успел он вскарабкаться на груду развалин, как обрушилась другая сторона его дома и большие балки пролетели у самой его головы. Ослепленный облаком пыли, забившейся ему в рот и в глаза и омрачившей самое небо, он добрался, наконец, до улицы. Толчки следовали один за другим с промежутками в несколько минут, так что никто не решался приблизиться к развалинам, чтобы узнать, не погибают ли из-за отсутствия помощи родные и друзья. Те, кому удалось спасти что-нибудь из своих пожитков, должны были все время сторожить их, потому что воры так и сновали вокруг и при каждом новом толчке одной рукой ударяли себя в грудь, крича: «misericordia!»,[169] а другой тянули, что удавалось, из развалин. Соломенные кровли упали на огонь, и во многих местах вспыхнул пожар. Сотни жителей были разорены в конец, и немногие нашли себе в тот день пищу.

Достаточно одних землетрясений, чтобы разорить целый край. Как могло бы разом измениться нынешнее положение Англии, если бы ныне бездействующие в ней подземные силы пробудились и стали действовать так, как они, несомненно, действовали в прежние геологические эпохи! Что сталось бы с огромными домами, с густо населенными городами, с огромными фабриками, с великолепными общественными и частными зданиями? И какая масса людей погибла бы, если бы этот новый период землетрясений начался с нескольких сильных толчков среди ночи! Англия обанкротилась бы разом; документы, счета, отчеты были бы потеряны; правительство лишилось всякой возможности собирать налоги и поддерживать свою власть; насилие и грабеж получили бы полную свободу действий. Голод распространился бы по большим городам, а вслед за ним моровые болезни и смерть.

Вскоре после толчка показалась милях в трех или четырех от берега громадная волна с гладкими очертаниями, двигавшаяся из середины бухты; с ужасающей силой сметая все на своем пути, она снесла дома и деревья, стоявшие на берегу. В глубине бухты волна разбилась на ряд ужасных, покрытых белой пеной бурунов, высота которых на 23 фута по вертикали превышала высоту самых высоких весенних приливов. Сила их была поразительна, так как в крепости одна пушка, весившая вместе с лафетом 4 тонны, была отброшена на 15 футов. Среди развалин нашли шхуну на расстоянии 200 ярдов от берега. За первой волной последовали две другие, унесшие в море множество плававших в воде предметов; в одном месте бухты был выброшен далеко на берег корабль и снова унесен в море, потом вторично выброшен и вторично унесен. В другом месте два больших судна, стоявшие близко друг к другу на якоре, были перекручены одно с другим, и канаты их трижды перевиты между собою; эти суда

оставались на суше в продолжение нескольких минут, хотя якоря их были брошены на 36 футов глубины. Но громадная волна подвигалась, должно быть, медленно, потому что жители Талькахуано успели убежать за город и взобраться на холмы, а некоторые моряки направились на лодках в открытое море, надеясь успешно миновать гребень волны, прежде чем она разобьется о берег. Одна старуха с мальчиком лет четырех или пяти тоже кинулась в лодку, но грести было некому, и лодка, ударившись о какой-то якорь, разбилась на две половины. Старуха утонула, а ребенок, удержавшись за обломок лодки, был спасен несколько часов спустя. Среди развалин домов еще стояли лужи соленой воды, и ребятишки, понаделав себе лодок из старых стульев и столов, казались столь же счастливыми, насколько несчастны были их родители. Замечательно, однако, что и те были гораздо веселее и деятельнее, чем можно было ожидать; кто-то справедливо заметил, что при таком всеобщем бедствии никто не чувствует себя более обиженным, чем другие, и не может подозревать своих друзей в недостатке участия, а это бывает всего тяжелее при потере всего благосостояния. М-р Роуз взял под свое покровительство большую группу людей, и все они вместе прожили первую неделю в саду под яблонями. Сначала всем было так весело, как будто это был пикник; но вскоре проливные дожди сделали положение этих людей весьма неудобным, так как им совершенно негде было укрыться.

В превосходном отчете об этом землетрясении, составленном капитаном Фиц Роем, [170] сказано, что в бухте видели два взрыва: один, похожий на столб дыма, а другой—на фонтан, пущенный огромным китом. Вся вода как бы кипела, «сделалась черной и издавала самый неприятный серный запах». Последнее было замечено и в бухте Вальпарайсо во время землетрясения 1822 г.; я полагаю, что его можно объяснить тем, что во время землетрясения взбалтывается на дне моря ил, содержащий разлагающиеся органические вещества. Я заметил в бухте Каллао в ясную погоду, что, когда корабль волочил по дну якорный канат, направление каната обозначалось на поверхности воды рядом пузырей. Простой народ в Талькахуано приписывал это землетрясение каким-то индейским старухам, которые года два тому назад, будучи чем-то обижены, задержали якобы извержение вулкана Антуко. Это глупое поверье любопытно в том отношении, что оно показывает, как народ выучился по опыту усматривать связь между прекратившимся действием вулканов и землетрясениями. Надо было прибегнуть хотя к чародейству, чтобы объяснить связь между явлениями в том пункте, который оставался непонятным, и оно явилось на выручку, чтобы заклепать жерло вулкана. В настоящем случае все это тем более любопытно, что, по свидетельству капитана Фиц Роя, есть причины думать, что описанное землетрясение нимало не коснулось Антуко.

Консепсион был построен по образцу всех испанских городов: все улицы расположены под прямым углом друг к другу; одни шли в юго-западном, другие—в северо-западном направлении. В первом направлении стены устояли лучше, чем в последнем; кучи мусора и кирпичных обломков падали больше на северо-восточную сторону. Оба эти обстоятельства вполне подтверждают общее мнение, что колебания шли с юго-запада, откуда слышался также подземный гул; понятно, что стены, стоявшие по направлению от юго-запада к северо-вос-

Развалины собора в Консепсионе, разрушенного землетрясением 1835 г.

Рисунок Дж. К. Уикгема.

току и, следовательно, только своими концами противостоявшие той точке, от которой распространялись колебания, могли скорее устоять, чем те, которые шли от северо-запада к юго-востоку и, следовательно, на всем своем протяжении должны были сразу встретить удар в перпендикулярном направлении, потому что колебания, шедшие с юго-запада, должны были, проходя под зданиями, распространиться волнообразно на северо-запад и юго-восток. Это можно изобразить, расставив по ковру книги ребрами, и потом, как предлагает Мичелл, производить колебания в подражание землетрясению; окажется, что книги попадают более или менее быстро, смотря по тому, насколько направление их совпадает с направлением колебательного движения. Трещины в почве вообще, хотя не повсеместно, шли по направлению от юго-востока к северо-западу и, следовательно, соответствовали линиям колебания или главной флексуры. Приняв в соображение все эти обстоятельства, так ясно показывающие, что юго-запад был главным фокусом землетрясения, мы с особым интересом отнесемся к тому факту, что в продолжение общего повышения страны остров Св. Марии, лежащий в той стороне, поднялся почти втрое выше всех остальных частей западного берега.

Примером того различия в сопротивлении, которое было оказано стенами зданий в зависимости от их направления, мог служить собор. Северо-восточный фасад его представлял груду развалин, из которых торчали, как из воды, дверные косяки и груды деревянных балок. По ровной площади были разбросаны угловые кирпичные глыбы, иногда очень крупных размеров, точно осколки утесов у подошвы высокой горы. Боковые стены, шедшие с юго-запада к северо-востоку, хотя сильно растрескались, но устояли; только огромные подпоры (под прямым углом к ним, следовательно, параллельные с упавшими стенами) были в некоторых местах начисто срезаны словно резцом и обрушились на землю. Квадратные украшения на верху некоторых стен были сдвинуты землетрясением в диагональном направлении. Подобное же явление было замечено после землетрясения в Вальпарайсо, в Калабрии и других местах, а также на некоторых древних греческих храмах*. Такого рода перемещение, как будто, указывает, что каждая точка подвергалась вращательному движению, что было бы в высшей степени невероятно. Не объясняется ли это скорее тем, что каждый камень стремится принять какое-нибудь известное положение по отношению к направлениям колебаний, подобно тому, как булавки располагаются на листе бумаги, когда его встряхивают? Вообще говоря, сводчатые двери и окна устояли более всех других частей строений. Тем не менее, какой-то больной старик, имевший обыкновение даже во время самых незначительных землетрясений подползать для безопасности к такой двери, на этот раз был совершенно раздавлен.

Не берусь описывать подробности зрелища, какое представлял Консепсион, потому что считаю совершенно невозможным выразить те сложные впечатления, которые я испытал. Многие из наших офицеров были там до меня, но их описания не дали точного представления о всей картине разрушения. Обидно и больно видеть, что произве-

* См. статью Араго в L'Institut, 1839, стр. 337. См. также Miers, Chile, vol. I, p. 392 и Lyell, Principles of Geology, chap. XV, book II.

дения, стоившие людям столько времени и труда, были уничтожены в одну минуту; но чувство сострадания к потерпевшим жителям как-то бледнело перед чувством изумления, возбуждаемым зрелищем переворота, который обыкновенно совершается веками, а тут произошел в одну минуту. Я нахожу, что с самого нашего отъезда из Англии мы ничего не видали до такой степени интересного.

Говорят, что при каждом значительном землетрясении окрестные воды приходят в сильное волнение. Это явление, повидимому, всегда бывает двоякого рода (и в настоящем случае, в Консепсионе, оно было таково же): вначале, в момент толчка, вода медленным движением приливает высоко к берегу и потом так же медленно отступает от него; спустя некоторое время море всей массой отступает от берегов, а затем снова возвращается и приливает огромными, всесокрушающими волнами. Первое движение есть, повидимому, прямое следствие землетрясения, действующего различно на тела твердые и жидкие и тем слегка нарушающего обычное отношение их уровней; но второе явление несравненно сложнее и важнее. Достоверно известно, что при землетрясениях, и в особенности на западном берегу Америки, вода вначале удаляется. Некоторые наблюдатели пытались объяснить это тем, что море сохраняет свой уровень, тогда как земля подымается; но, по всей вероятности, прилежащие к берегу воды, даже если этот берег крут, подчинились бы колебаниям дна; к тому же, как доказывает м-р Ляйелль, подобные колебания воды случались у островов, очень отдаленных от главной линии землетрясения, как, например, у острова Хуан Фернандес во время описываемого землетрясения, и у острова Мадеры во время знаменитой лиссабонской катастрофы[171]. Я полагаю (хотя этот вопрос далеко еще не разъяснен), что первое движение воды, какова бы ни была его причина, есть удаление от берега, который она омывает; я замечал это на мелких волнах, вызываемых движением пароходных колес. Замечательно, что Талькахуано и Каллао (близ Лимы), лежащие в глубине обширных, мелких бухт, терпели наводнения при каждом значительном землетрясении, тогда как Вальпарайсо, расположенный на краю очень глубоких вод, ни разу не был затоплен, хотя в нем часто случались очень сильные землетрясения. Так как большая волна следует не тотчас за землетрясением, а спустя около получаса, и так как отдаленные острова подвергаются действию землетрясения в одно время с берегами, лежащими близ его фокуса, то это доказывает, что волна подымается сначала в открытом море, и так как это явление общее, то и причина его должна быть общей: я полагаю, что место происхождения большой волны следует искать на той линии, где наименее взволнованные воды на глубине океана встречаются с ближайшими к берегу водами, на которые распространяется действие землетрясения; тогда кажется, что волна мельче или крупнее, смотря по пространству взволнованного мелководия и колеблемого под ним дна.

Самым замечательным результатом землетрясения было устойчивое повышение уровня материка, которое, может быть, вернее было бы назвать причиной. Несомненно, что берега вокруг залива Консепсион поднялись фута на два или на три; следует, однако, заметить, что я не нашел очевидных доказательств этого факта, потому что на-

воднение уничтожило прежние границы прилива на отлогом песчаном берегу; единственным доказательством могут служить только единодушные показания жителей, что одна небольшая подводная скала, прежде совсем покрытая водою, оказалась после землетрясения на суше. Остров Св. Марии (милях в тридцати отсюда) поднялся еще выше; в одной части его капитан Фиц Рой видел целые залежи разлагающихся двустворчатых моллюсков, *оставаавшиеся еще прикрепленными к скалам*, на десять футов выше черты, до которой обыкновенно доходит прилив. Прежде, во время весеннего отлива, жители ныряли на дно за этими моллюсками. Поднятие этой провинции особенно замечательно тем, что на ней уже разыгрывалось много сильных землетрясений и что она усеяна морскими раковинами до высоты 600 футов и даже, как я полагаю, до 1 000 футов. Я уже говорил, что в Вальпарайсо находят такие же раковины на высоте 1 300 футов. Едва ли можно отрицать, что поднятие до такой высоты произошло в результате последовательных небольших повышений, подобных тому, какое сопровождало нынешнее землетрясение (или, может быть, явилось причиной его), а также и очень медленного повышения, которое, несомненно, все время происходит в некоторых частях этого берега.

Остров Хуан Фернандес, лежащий в 360 милях к северо-востоку, был приведен землетрясением 20-го числа в такое сильное колебание, что деревья сталкивались друг с другом, и у самого берега разверзся подводный вулкан,—факты, замечательные особенно потому, что и при землетрясении 1751 г. этот остров пострадал более других местностей, находившихся на таком же расстоянии от Консепсиона, что заставляет предполагать некоторую подземную связь между этими двумя точками. Чилоэ, находящийся в 340 милях на юг от Консепсиона, более пострадал от землетрясения, чем лежащий между ними округ Вальдивия, где вулкан Вилларика остался совсем спокойным, тогда как в Кордильерах, лежащих против Чилоэ, два вулкана одновременно разразились сильным извержением. Извержение этих двух вулканов и некоторых других, ближайших к ним, продолжалось долго, и десять месяцев спустя они снова были приведены в действие новым землетрясением в Консепсионе. Во время землетрясения 20-го числа около подошвы одного из этих вулканов несколько человек рубили дрова и не ощутили землетрясения, от которого дрожала вся окрестность; таким образом, извержение заменило тут землетрясение и послужило как бы отводом его; то же самое случилось бы и в Консепсионе по уверению простого народа, если бы жерло вулкана Антуко не было заклепано волшебной силой. Спустя два года и девять месяцев Вальдивия и Чилоэ потерпели еще более сильное землетрясение, чем 20-го февраля, так что один из островов архипелага Чонос сразу поднялся более чем на восемь футов. Чтобы лучше уяснить себе, на каком протяжении совершались эти явления, предположим (как мы это сделали по отношению к ледникам), что они происходят на соответствующих расстояниях в Европе; предположим, что вся страна от Северного моря до Средиземного потрясена сильным землетрясением и в то же время большая полоса восточного берега Англии и некоторые из прилежащих к нему островов сразу поднялись; на берегу Голландии разразилось извержение целой цепи вулканов, а в море близ северной оконечности Ирландии также открылся вулкан

и, наконец, из потухших кратеров древних вулканов Оверни, Канталя и Мон д'Ора снова поднялись к небу клубы дыма, и усиленная деятельность этих вулканов продолжалась в течение долгого времени. Спустя два года и девять месяцев землетрясение вновь потрясло Францию от центральных ее частей до Ла Манша, а в Средиземном море внезапно поднялся остров.

Пространство, из-под которого было извергнуто 20-го числа вулканическое вещество, было равно 720 милям в одном направлении и 400 милям в другом, под прямым углом к первому. Из этого можно заключить, что, по всей вероятности, тут образовалось подземное озеро лавы, вдвое превышающее площадь Черного моря. Судя по тесной и сложной связи между подъемлющей и эруптивной силами, которая выявилась во всей этой цепи явлений, мы можем смело заключить, что силы, медленно и небольшими скачками подъемлющие материки, идентичны с силами, которые в последовательные периоды извергают вулканическое вещество из открытых кратеров. Я полагаю на основании многих данных, что частые землетрясения на этом берегу вызываются расщеплением земных пластов, представляющим необходимое следствие того напряжения, которое испытывает подымающийся материк, и дальнейшим проникновением расплавленных горных пород в промежутки между расщепившимися пластами. Когда подобное расщепление и проникновение расплавленного вещества повторяется часто (а известно, что землетрясения неоднократно охватывают один и тот же район и протекают здесь одинаковым образом), то они приводят к образованию цепи холмов; такой процесс совершился, повидимому, с продолговатым островом Св. Марии, который поднялся втрое выше окружающей страны. Я думаю, что твердая ось горы по своему способу образования отличается от холма вулканического происхождения только тем, что в первом случае расплавленное вещество неоднократно вливалось внутрь, а во втором неоднократно изливалось наружу. Кроме того, строение таких больших горных цепей, как, например, Кордильеры, где слои, прикрывающие влившуюся ось плутонических пород, были сброшены на бок вдоль нескольких параллельных и близких друг к другу линий поднятия,— такое строение иначе нельзя объяснить, как тем, что породы, составляющие горную ось, вливались несколько раз и притом через промежутки, достаточно длинные для того, чтобы верхние части или клинья успели остыть и окрепнуть; потому что, если бы слои сразу были приведены в свое нынешнее сильно наклоненное, вертикальное или даже опрокинутое положение, то самое нутро земли вылилось бы наружу, и тогда вместо существующих ныне обрывистых цепей с осями, образовавшимися из окрепнувшей под сильным давлением породы, потоки лавы разлились бы в бесчисленных пунктах на любой линии поднятия*.

* Подробное описание вулканических явлений, сопровождавших землетрясение 20 февраля, и сделанные на основании этих явлений выводы можно найти в V т. Geological Transactions.

ГЛАВА XV

ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ КОРДИЛЬЕРЫ

Вальпарайсо.—Перевал Портильо.—Умные мулы.—Горные потоки.—Как были открыты рудники.—Доказательства постепенного поднятия Кордильер.—Влияние снега на скалы.—Геологическое строение двух главных цепей: различие в их происхождении и поднятии.—Обширное опускание.—Красный снег.—Ветры.—Снежные вершины.—Сухой и прозрачный воздух.—Электричество.—Пампасы.—Зоология противоположной стороны Андов.—Саранча.—Огромные клопы.—Мендоса.—Перевал Успаллата.—Окаменелые деревья, погребенные так, как они росли.—Мост инков.—Преувеличенная трудность проходов.—Кумбре.—Казучи.—Вальпарайсо.

7 марта 1835.—Простояв три дня у Консепсиона, мы поплыли в Вальпарайсо. Ветер дул с севера, и мы добрались перед наступлением сумерек только до входа в гавань Консепсиона. Так как мы подошли очень близко к земле, а воздух становился туманным, то мы решили бросить якорь. Вдруг около самого нашего борта показалось большое американское китоловное судно, и мы услыхали проклятия янки, кричавшего на своих шумевших матросов, которые мешали ему вслушаться в прибой. Капитан Фиц Рой закричал ему громко и отчетливо, чтобы он бросил якорь на том месте, где стоял. Бедняге показалось, что это голос с берега, и тогда у него на корабле поднялось настоящее вавилонское столпотворение,—все кричали наперебой: «Бросай якорь! Спускай канат! Поднимай паруса!» Ничего не могло быть смешнее этой сцены. Если бы весь экипаж состоял из одних капитанов, то разве только тогда мог бы возникнуть такой поток приказаний. Потом мы узнали, что штурман заикался; должно быть, весь экипаж помогал ему отдавать приказания.

Одиннадцатого числа мы стали на якоре в Вальпарайсо, а через два дня я отправился в путь с намерением перейти через Кордильеры. Я поехал в Сант Яго, где мистер Калдклю помог мне с любезной готовностью сделать все необходимые приготовления для предстоящего путешествия. В этой части Чили есть два прохода через Анды к Мендосе: один из них, которым пользуются чаще, а именно проход через Аконкагуа, или Успаллата, лежит несколько дальше к северу, другой проход, Портильо, расположен южнее. Последний был ближе к нам, но он более высок и опасен.

18 марта.—Мы выступили по направлению к проходу Портильо. Оставив Сант Яго, мы проехали обширную выжженную равнину, на которой расположен этот город, и после полудня добрались до Майпу, одной из главных рек Чили. Долина в том месте, где она внед-

ряется в начало Кордильер, ограничена с обеих сторон высокими обнаженными горами; хотя она неширока, но очень плодородна. По ней разбросано много сельских домиков, окруженных виноградниками и садами с яблонями, гладкими и обыкновенными персиковыми деревьями, обремененными прекрасными зрелыми плодами. Вечером мы проехали таможню, где осматривали наш багаж. Кордильеры лучше моря охраняют границу Чили. В центральной цепи очень мало долин, а в других местах горы совершенно непроходимы для вьючного скота. Таможенные чиновники оказались весьма вежливыми людьми, чем я отчасти обязан, надо думать, паспорту, который я получил от президента республики; впрочем, вежливость—врожденное качество почти всех чилийцев. В этом отношении контраст между ними и соответствующими классами других наций выражен весьма резко. Вспоминаю случай, очень позабавивший меня: мы встретили близ Мендосы низенькую, очень толстую негритянку, ехавшую по-мужски на муле; у нее был такой огромный зоб, что нельзя было пройти мимо нее, не остановив на ней пристального взгляда; но мои два спутника, желая извиниться за свое любопытство, тотчас же обратились к ней с обычным здесь приветствием и сняли свои шляпы. Виданное ли дело в Европе, чтобы человек из низших или высших классов оказывал подобную вежливость бедному, жалкому члену отверженной расы?

Мы переночевали в одном сельском домике. Наш способ путешествия был обаятельно независимым. В обитаемых местностях мы покупали немного дров, нанимали пастбище для наших животных, располагались бивуаком рядом с ними среди хлебных полей. С нами был железный котел, в котором мы варили себе ужин, беззаботно располагаясь под безоблачным небом. Товарищами моими были Мариано Гонсалес, который уже прежде сопровождал меня в Чили, и «arriero»[172] с десятью мулами и с одной «madrina». Madrina (т. е. матка)—весьма важная особа: это старая, верная кобыла, с колокольчиком на шее, за которой мулы следуют всюду, как послушные дети. Привязанность этих животных к своим мадринам избавляет от многих хлопот. На полях, где пасутся большие табуны мулов, погонщику достаточно собрать маток и зазвонить в их колокольчики, чтобы каждый мул, будь их тут две или три сотни, тотчас узнал колокольчик своей мадрины и прибежал на звон. Старого мула почти невозможно потерять, потому что если даже задержать его на несколько часов силой, то и тогда он отыщет, как собака по следам, своих товарищей или, вернее, свою мадрину, так как, по уверениям погонщиков, она—главный предмет его привязанности. Впрочем, это чувство не индивидуального свойства, и мне кажется, что всякое животное с колокольчиком могло бы играть роль мадрины. В караванах, идущих по ровной дороге, каждое из этих животных несет груз в 416 фунтов (больше 29 стонов), а по гористой местности на 100 фунтов меньше. Каким образом животное, имеющее такие тонкие ноги с несоразмерно тонкими мускулами, может выдерживать подобные тяжести? Мул всегда казался мне удивительным животным. Искусство, повидимому, превзошло здесь природу, потому что эти гибриды умнее, памятливее, настойчивее, способны на бо́льшую привязанность, обладают более сильными мускулами и долговечнее каждого из своих родителей. Из

десяти бывших с нами животных шесть были назначены для верховой езды, а четыре для носки багажа,—каждое по очереди. С нами был большой запас провизии на случай, если бы нас занесло снегом, так как время года было уже несколько позднее для перехода через Портильо.

19 марта.—Сегодня мы доехали до последнего, наиболее высоко расположенного дома в долине. Население очень поредело, но там, где еще можно было орошать землю, она была весьма плодородна. Все главные долины Кордильер отличаются тем, что по обеим их сторонам тянется терраса, состоящая из грубо наслоенного и по большей части довольно толстого пласта щебня и песка. Эти террасы, очевидно, простирались прежде и поперек долин и были между собой соединены; в Северном Чили, где нет рек, дно долин заполнено ровным слоем песка и щебня. Дороги большей частью проложены по этим террасам, которые имеют ровную поверхность и очень отлого спускаются к долинам; это же обстоятельство обусловливает легкость возделывания долин посредством искусственного орошения. Террасы могут быть прослежены до высоты от 7000 до 9000 футов, где они теряются среди беспорядочной груды обломков. На своем нижнем конце, т. е. у устья долин, они незаметно сливаются с теми замкнутыми равнинами (также образованными щебнем) у подошвы главной цепи Кордильер, которые уже были описаны мною в одной из предыдущих глав, как одна из характерных черт чилийского ландшафта; они, несомненно, отлагались в те времена, когда морские воды еще покрывали Чили, как то происходит и до сих пор у расположенных далее на юг берегов. Ни один факт в геологии Южной Америки не заинтересовал меня более этих террас из грубо наслоенного щебня. По своему составу они совершенно сходны с теми отложениями, которые оставляют в любой долине потоки, остановленные в своем течении какой-нибудь преградой, например, при впадении в озеро или в морской рукав; теперь же потоки не отлагают осадков, а все время размывают обломки скал и наносную почву вдоль всей линии главной и боковых долин. Здесь невозможно изложить все основания, которые привели меня к убеждению, что аккумуляция этих террас происходила в процессе постепенного поднятия Кордильер, когда потоки отлагали увлеченные ими обломки на последовательных уровнях по берегам длинных и узких морских рукавов: сначала в верхней части долин, а потом все ниже и ниже, по мере медленного поднятия материка. Если это справедливо, в чем я не сомневаюсь, то мощная раздробленная цепь Кордильер возникла не вдруг, как еще недавно полагали все геологи, а многие—еще и теперь, а медленно подымалась всей своей массой, с той же постепенностью, с какой поднялись в течение современного периода берега Атлантического и Тихого океанов. С этой точки зрения весьма просто объясняется множество фактов в строении Кордильер. Реки, орошающие эти долины, вернее называть горными потоками; они текут под сильным уклоном и очень мутны. Шум, с которым бежит Майпу по большим округленным камням, не уступает шуму моря. Можно было даже издали ясно различить среди рева потока грохот камней, ударявшихся друг о друга. День и ночь слышится этот грохот на всем протяжении реки. Красноречив этот язык для геолога:

тысячи и тысячи камней, увлекаемых по одному направлению, сталкиваясь между собой, издают однообразный глухой шум. Это было подобно представлению о времени, в котором каждая протекшая минута исчезает безвозвратно; для этих камней океан—вечность, и каждая нота этой дикой мелодии возвещает, что они еще на один шаг приблизились к своему роковому пределу.

Результат, к которому приводит некоторая причина, повторяющаяся так часто, что самый множитель ее представляется нам столь же неопределенным, как дикарю количество волос на его голове,—наш ум в состоянии постигнуть только как эффект крайне медленного процесса. Когда мне случалось видеть слои ила, песка и щебня в несколько тысяч футов толщиной, то я всякий раз был готов воскликнуть, что факторы, подобные нынешним рекам и нынешним берегам, не могли снести и накопить такие массы. Но, с другой стороны, вслушиваясь в грохот этих потоков, припоминая, что целые породы животных исчезли с лица земли и что в продолжение всего этого периода эти камни безостановочно день и ночь продолжали свой шумный путь, я спрашивал себя, какие горы, какие материки могли бы устоять против этой опустошительной силы?

В этой части долины горы, стоящие по обеим сторонам ее, достигают высоты от 3 000 до 6 000 или до 8 000 футов; они имеют округленные очертания и крутые, обнаженные бока. Общий колорит утесов темнокрасный, и слоистость их обнаруживается весьма явственно. Картина, не отличаясь особенной живописностью, была замечательна и грандиозна. Мы встретили в продолжение дня много стад рогатого скота, который пастухи сгоняли с более высоких долин Кордильер. Этот признак приближения зимы заставил нас ускорить шаг более, чем подобает людям, занимающимся геологическими исследованиями. Дом, где мы ночевали, был расположен у подошвы горы, на вершине которой находятся рудники Сан Педро де Ноласко. Сэр Ф. Хед удивляется, как могли быть открыты рудники в такой необыкновенной местности, как мрачная вершина горы Сан Педро де Ноласко. Во-первых, металлические жилы здесь вообще тверже, чем окружающие их слои; поэтому, по мере того как холмы постепенно выветриваются, эти жилы выходят на поверхность. Во-вторых, здесь почти всякий рабочий, в особенности в Северном Чили, имеет понятие о наружных признаках руды. В обширных рудниках провинции Кокимбо и Копиапó дрова так редки, что их отыскивают по всем холмам и долинам, и благодаря этому были открыты почти все главные рудники. Чанунсильо, доставивший в течение немногих лет на несколько сот тысяч фунтов серебра, был открыт человеком, который бросил камень с своего навьюченного осла: ему показалось, что этот камень слишком тяжел, он снова поднял его и открыл, что он почти целиком состоит из чистого серебра; найденная неподалеку жила торчала наружу, подобно слитку металла. Рудокопы часто отправляются по воскресеньям бродить по горам, взяв с собой лом. Но обыкновенно открытия делаются в этой южной части Чили людьми, загоняющими скот в Кордильеры, так как они заходят в каждый ров, содержащий хотя сколько-нибудь подножного корма.

20 марта.—По мере восхождения вверх по долине растительность заметно редела, за исключением немногих красивых альпий-

ских цветов, а четвероногие, птицы и насекомые почти не встречались. Высокие горы, вершины которых были покрыты снегом, стояли совершенно отдельно друг от друга; долины были наполнены чрезвычайно мощным пластом слоистого аллювия. Всего более поразили меня в Андах следующие черты, противоположные тому, что я видел в других горных цепях: плоские террасы по обеим сторонам долины, переходящие иногда в узкие равнины; яркий цвет, преимущественно красный и пурпуровый, совершенно обнаженных обрывистых порфировых холмов; огромные, нигде не прерывающиеся, похожие на стены дейки[173]; явственно разделенные слои, которые там, где они почти вертикальны, образуют живописные и дикие центральные вершины, а там, где они более наклонны, представляют большие массивные горы по окраинам цепи; наконец, гладкие конические груды красивых, ярко окрашенных обломков, подымающиеся под значительным углом от основания гор, иногда более, чем на 2 000 футов высоты.

Я часто замечал, как на Огненной Земле, так и в Андах, что там, где скала покрыта большую часть года снегом, она раздроблена совершенно особенным образом на мелкие, угловатые куски. Скорсби* заметил то же самое на Шпицбергене. Этот факт представляется мне мало понятным, потому что части горы, защищенные снежным покровом, должны бы подвергаться повторным и значительным изменениям температуры в меньшей степени, чем какая-либо другая часть. Притом я полагаю, что земля и щебень сносятся с поверхности скал не столько медленно просачивающейся снеговой водой**, сколько дождем, а в таком случае было бы ошибочно предполагать, что под снегом камень выветривается быстрее. Впрочем, как бы то ни было, а в Кордильерах количество измельченного камня чрезвычайно велико. Случается, что весною целые массы этих обломков скатываются с гор и покрывают снежные наносы в долинах, образуя таким образом естественные ледники. По одному из таких ледников, расположенных гораздо ниже линии вечных снегов, случилось проехать и нам.

Поздно вечером мы добрались до странной котлообразной долины, называемой Валле дель Иесо[174]. Она представляла небольшое, скудное пастбище, и мы полюбовались зрелищем стада, пасшегося среди окружающих пустынных скал. Эта долина называется долиною Иесо—от мощного слоя белого и местами совершенно чистого гипса, толщина которого, я думаю, не менее 2 000 футов. Мы переночевали с партией работников, нагружавших мулов этим гипсом, применяемым при изготовлении вина. Выступив в путь рано утром 21 числа, мы продолжали следовать по течению реки, которая значительно сузилась, и приехали, наконец, к подножию хребта, служащего водоразделом между водами, стекающими в Атлантический и Тихий океаны. Дорога, до сих пор удобная и хотя постоянно, но медленно повышав-

* Scoresby, Arctic Regions, vol. I, p. 122.

** Я слышал в Шропшире, что когда Северн разливается от продолжительных дождей, то вода его гораздо мутнее, чем вода, получающаяся в результате таяния снегов на горах Уэльса. Д'Орбиньи (т. I, стр. 184), объясняя причины разнообразия цвета южноамериканских рек, говорит, что голубые и светлые воды вытекают из тех мест в Кордильерах, где тают снега.

шаяся, пошла теперь крутым зигзагом по великой горной цепи, отделяющей республику Чили от Мендосы.

Я приведу теперь краткий геологический очерк параллельных цепей, входящих в состав Кордильер. Две из них значительно выше остальных, а именно, со стороны Чили—хребет Пейкенес, имеющий в том месте, где его пересекает дорога, 13 210 футов над уровнем моря, а со стороны Мендосы—хребет Портильо, высотой в 14 305 футов. Нижние слои хребта Пейкенес и всех больших цепей к западу от него представляют огромные массы, в несколько тысяч футов толщиною, порфира, вытекшего в виде подводной лавы; он чередуется с угловатыми и округленными обломками той же породы, выброшенными из подводных кратеров. Эти чередующиеся массы покрыты в центральных частях весьма толстым слоем красного песчаника, конгломерата и известкового глинистого сланца, переходящего в мощные слои гипса и связанного с ним. Эти верхние слои содержат довольно много раковин; они соответствуют приблизительно нижней меловой формации Европы. То, что раковины моллюсков, ползавших некогда по дну морскому, теперь находятся на 14 000 футов выше его уровня, известно давно, и все же не перестает возбуждать удивление. Нижние слои этого великого нагромождения пластов сместились, спеклись, кристаллизовались и почти слились между собой под действием горных масс особого рода белой натриево-гранитной породы.

Другой главный хребет, Портильо, имеет совершенно другое строение; он состоит преимущественно из больших, обнаженных вершин из красного калиевого гранита, покрытых внизу, с западной стороны, песчаником, превратившимся под влиянием действовавшей некогда высокой температуры в кварц. На кварце лежат слои конгломерата в несколько тысяч футов толщиною, которые были приподняты красным гранитом; они направлены под углом 45° к хребту Пейкенес. Меня поразило то обстоятельство, что этот конгломерат состоит частью из голышей, происшедших из пород хребта Пейкенес с их ископаемыми раковинами, частью же из красного калиевого гранита, подобного граниту Портильо. Отсюда мы приходим к тому заключению, что оба хребта, как Пейкенес, так и Портильо, были отчасти приподняты и подвержены выветриванию во время образования конгломерата; но так как слои его были сброшены красным гранитом Портильо (вместе с подстилавшим его и им расплавленным песчаником) под углом 45°, то можно с уверенностью предполагать, что бо́льшая часть процессов изливания и поднятия отчасти уже образовавшегося хребта Портильо произошла вслед за накоплением конгломерата и долго спустя после поднятия хребта Пейкенес. Таким образом, Портильо, высочайший хребет этой части Кордильер, моложе не столь высокого хребта Пейкенес. Наклонное положение потока лавы на восточной стороне подошвы Портильо может также служить доказательством в пользу того, что часть больших высот этого хребта возникла в процессе поднятия в еще более поздний период. Что же касается его первоначального происхождения, то красный гранит, повидимому, излился на древнейший, уже до того существовавший хребет белого гранита и слюдяного сланца. Есть все основания полагать, что во многих местах, пожалуй, даже повсюду в Кордильерах, каждая цепь образовалась путем повторных поднятий и изливаний

и что многие параллельные цепи возникли в разные времена. Только таким образом мы получаем достаточно времени, необходимого для объяснения поистине изумительных размеров денудации[175] этой громадной горной цепи, хотя по сравнению с большей частью других гор она и более молода.

Наконец, раковины, находящиеся в более старом хребте Пейкенес, доказывают, как уже сказано выше, что он был поднят на 14 000 футов со времени вторичного периода, который считается в Европе далеко не древним; но так как эти моллюски жили на умеренных морских глубинах, то можно доказать, что площадь, занимаемая ныне Кордильерами, должна была опуститься на несколько тысяч футов (в Северном Чили на 6 000 футов), чтобы морские отложения могли скопиться на ложе, где жили эти моллюски. Это подтверждается теми же самыми доказательствами, которые удостоверяют, что в Патагонии гораздо позднее того периода, когда жили третичные моллюски, должно было произойти оседание земли на несколько сот футов, а вслед затем поднятие. Геолог убеждается с каждым днем все более и более, что ничто, даже самый ветер, не представляет такого непостоянства, как уровень коры земного шара.

Я сделаю только еще одно замечание геологического характера: несмотря на то, что хребет Портильо здесь выше, чем Пейкенес, через него проходят воды, орошающие промежуточные долины. Тот же самый факт, только в более широких размерах, замечен и в восточной, более высокой цепи Боливийских Кордильер, через которую проходят реки; подобные же факты были установлены и в других частях света. Это можно объяснить, допустив последовательное, постепенное поднятие хребта Портильо; прежде всего возникла цепь островков, и по мере того как они возвышались, прилив постоянно прорезал между ними более широкие и глубокие каналы. В настоящее время даже в самых уединенных узких проливах по берегам Огненной Земли течение в поперечных протоках, связывающих продольные каналы, так быстро, что в одном из этих протоков небольшое судно, шедшее под парусами, стало вертеться вокруг себя волчком.

Около полудня мы начали трудное восхождение на хребет Пейкенес, и тут нам в первый раз стало трудно дышать. Мулы останавливались через каждые 50 ярдов, и, простояв несколько секунд, бедные, покорные животные снова продолжали путь. Отрывистое дыхание в этой разреженной атмосфере называется у чилийцев «пуна» («puna»); они объясняют себе его происхождение самым нелепым образом. Некоторые из них говорят, что «все здешние воды содержат пуну», а другие, что «где снег, там и пуна», что, разумеется, справедливо. Единственное ощущение, которое я испытал, состояло в легком стеснении в голове и груди, какое испытываешь при выходе на мороз из теплой комнаты. Впрочем, и тут действовало немножко воображение, потому что я совершенно забыл о своей «пуне», когда нашел на самом высоком кряже ископаемые раковины. Правда, напряжение при ходьбе было довольно значительным, и дыхание стало глубоким и затруднительным; мне говорили, что в Потоси (около 13 000 футов над уровнем моря) иностранцы не могут совершенно привыкнуть к воздуху в продолжение целого года. Все здешние жители советовали употреблять

лук против «пуны»; очень возможно, что это действительно помогает, так как лук дается иногда в Европе от грудных болезней. Что же касается меня лично, то мне лучше всего помогали ископаемые раковины!

Пройдя около половины пути вверх, мы встретили большой караван из 70 навьюченных мулов. Было занятно слышать крики погонщиков и наблюдать эту длинную спускавшуюся вниз вереницу животных, казавшихся чрезвычайно мелкими, оттого что их не с чем было сравнить, кроме черных гор. С приближением к вершине поднялся по обыкновению ветер, чрезвычайно порывистый и холодный. Нам пришлось проходить по обеим сторонам хребта широкими полосами вечного снега, которому предстояло вскоре покрыться свежим слоем. Достигнув вершины хребта, мы оглянулись и увидели великолепную картину. Ослепительно прозрачный воздух, яркосинее небо, глубокие долины, дикие, угловатые формы гор, груды обломков, накопившиеся в течение многих веков, ярко окрашенные скалы, представлявшие резкий контраст с ровным тоном снежных гор,—все это вместе составляло такой пейзаж, который трудно себе вообразить. Ни растения, ни птицы, кроме немногих кондоров, паривших вокруг самых высоких вершин, не отвлекали моего внимания от этого неодушевленного величия. Я был доволен своим одиночеством; это было похоже на ощущение, какое испытываешь, когда глядишь на сильную грозу или слушаешь хор из «Мессии», исполняемый большим оркестром.

На многих глыбах снега я нашел *Protococcus nivalis*[176], или красный снег, столь известный из отчетов арктических мореплавателей. Я заметил это явление по красноватым следам мулов, оставленным, казалось, окровавленными копытами. Я подумал вначале, что это пыль с окрестных гор из красного порфира, потому что благодаря увеличению, производимому кристаллами снега, группы этих микроскопических растений казались крупными частицами. Снег был окрашен только там, где он очень быстро таял или был случайно помят. Натертая им бумага окрашивалась в бледнорозовый цвет с легкой примесью кирпично-красного. Я соскоблил потом бумагу и обнаружил, что налет состоит из групп мельчайших шариков, снабженных бесцветными оболочками; диаметр каждого из них был равен тысячной доле дюйма.

Ветер на вершине хребта Пейкенес, как уже сказано, обыкновенно порывистый и очень холодный; говорят*, что он дует постоянно с запада, т. е. со стороны Тихого океана. Так как наблюдения над ним сделаны преимущественно летом, то надо полагать, что этот ветер представляет собою верхнее и обратное течение. Под такое же течение воздуха попадает и не столь высокий Тенерифский пик, лежащий под 28° широты. Сначала кажется удивительным, что пассат, дующий вдоль северных частей Чили и берегов Перу, дует здесь так далеко по направлению на юг, но, припомнив, что Кордильеры, идущие с севера на юг, перерезывают на всем своем протяжении, подобно огромной стене, нижнее атмосферное течение, мы легко найдем при-

* Dr. Gillies, статья в Journal of Natural and Geographical Science, Aug. 1830. Этот автор указывает высоты перевалов.

чину того, что пассат дует к северу вдоль горной цепи, по направлению к экваториальным областям, и таким образом лишается отчасти того движения к востоку, которое иначе он имел бы вследствие вращения земли. В Мендосе, у восточной подошвы Андов, бывают, как говорят, продолжительные затишья и часто скопляются грозы, которые никогда не разражаются; можно представить себе для объяснения этого явления, что воздух, гонимый ветрами с востока, встречая преграду в горной цепи, застаивается и теряет правильность своего движения.

Перевалив через Пейкенес, мы спустились в горную страну, лежащую между двумя главными цепями, и расположились тут ночевать. Мы находились в республике Мендоса[177]. Эта страна лежит не ниже 11 000 футов над уровнем моря, а потому ее растительность весьма скудна. Дровами служили корни какого-то мелкого, жалкого растения, которые очень плохо горели, а между тем ветер дул пронзительно холодный. Я так устал в этот день, что, кое-как устроив себе постель, улегся спать. В полночь я заметил, что небо внезапно затянулось тучами; разбудив arriero, я спросил, не грозит ли нам непогода, но он ответил, что без грома и молнии здесь никогда не бывает снежной метели. Застигнутому бурей между этими двумя цепями грозит большая опасность, от которой почти некуда спастись; единственным убежищем служит одна пещера, в которой м-р Калдклю, переходивший горы в такое же время года, был задержан на несколько дней сильнейшей метелью. На этом перевале не построено, как в Успаллате, приютов или «casuchas», а поэтому в Портильо редко кто заходит в осеннее время. Здесь следует также заметить, что в главном хребте Кордильер никогда не бывает дождей, так как в продолжение лета небо постоянно безоблачно, а зимою бывают одни снежные бури.

В том месте, где мы спали, вода кипела вследствие меньшего давления воздуха при более низкой температуре, чем в менее высокой местности,—явление, противоположное тому, что происходит в папиновом котле. По этой причине картофель, пролежав несколько часов в кипятке, оставался таким же твердым, как и был. Котел простоял на огне всю ночь и на следующее утро все еще кипел, но картофель так и не сварился. Я узнал это, прислушавшись к рассуждениям моих двух спутников, которые пришли к тому простому заключению, что «проклятый котел (а он был новый) не расположен варить картофель».

22 марта.—Позавтракав без картофеля, мы отправились через промежуточную долину к подошве хребта Портильо. В середине лета сюда загоняют на пастбище скот, но теперь он был весь уведен; даже бóльшая часть гуанако убралась отсюда, хорошо зная, что если их застигнет здесь снегопад, то они попадут в засаду. Перед нами развернулся прекрасный вид на горную цепь Тупунгато, одетую в непроницаемый снежный покров, среди которого виднелась синеватая глыба, по всей вероятности ледник,—редкое явление в здешних горах. Началось такое же долгое и трудное восхождение, как и на хребет Пейкенес. С обеих сторон торчали большие конические холмы красного гранита; внизу лежали широкие поляны, покрытые вечным снегом. В некоторых местах массы снега превратились во время таяния

в высокие ледяные зубцы или колонны*, которые иногда стояли так близко друг от друга, что сильно затрудняли передвижение навьюченных мулов. На одной из таких ледяных колонн лежала, как на пьедестале, замерзшая лошадь с вскинутыми вверх задними ногами. Животное, должно быть, упало в яму головой вниз, когда все кругом было занесено снегом, обтаявшим потом вокруг трупа лошади.

Добравшись до гребня Портильо, мы были тотчас окутаны облаком мельчайших ледяных иголочек. Это пришлось очень некстати, так как горизонт был скрыт от нас в продолжение целого дня. Этот перевал получил название Портильо[178] от узкой расщелины, или ворот, на самом высоком кряже, через который лежит дорога. В ясный день с этой точки видны обширные равнины, расстилающиеся до самого Атлантического океана. Мы спустились до высшей границы растительности и нашли удобный ночлег под защитой больших обломков скал. Тут встретили мы нескольких путников, с беспокойством расспрашивавших нас о состоянии дороги. Когда смерклось, облака вскоре и внезапно рассеялись, и нам представилась волшебная картина. Огромные горы, освещенные полной луной, казалось, висели над нами со всех сторон, как будто мы находились в глубокой лощине; однажды в очень ранний утренний час я был свидетелем точно такого же поразительного явления. Вскоре после того, как облака рассеялись, стало сильно морозить, но так как не было ветра, то мы спали очень хорошо.

Замечателен был на этой высоте яркий блеск луны и звезд, зависевший от совершенной прозрачности воздуха. Путешественники, заметившие, как трудно среди высоких гор судить о высоте и расстояниях, обыкновенно приписывают это отсутствию предметов для сравнения. Мне кажется, что причина этого заключается столько же и в прозрачности воздуха, сглаживающей различие между предметами, находящимися на разных расстояниях, а также и в новизне того непривычного чувства усталости, которое возникает при малейшем напряжении сил,—привычка противоречит в этом случае свидетельству чувств. Я убежден, что эта-то чрезвычайная прозрачность воздуха и придает особенный характер ландшафту, потому что кажется будто все предметы выступают почти на одной плоскости, как на рисунке или в панораме. Эта прозрачность зависит, по моему мнению, от всегда одинаковой и довольно высокой сухости воздуха. В сухости здешней атмосферы я имел случай убедиться по ссыханию дерева (много хлопот доставил мне по этому случаю мой геологический молоток), по тому, как отвердели сахар и хлеб, и, наконец, по тому, что шкура и отчасти мясо павших на дороге животных хорошо сохранялись. Той же самой причине следует приписать и ту необыкновенную легкость, с какой происходит здесь возбуждение электричества.

* Такое строение обледеневшего снега уже давно заметил Скорсби на айсбергах близ Шпицбергена. Еще с большей тщательностью их исследовал недавно полковник Джексон (Journal of Geographical Society, vol. V, p. 12) на Неве. М-р Лайелль (Principles, vol. IV, p. 360) сравнил трещины, определяющие это колоннообразное строение, с прожилками, замечаемыми почти во всех породах и особенно ясными в неслоистых массах. Замечу со своей стороны, что колоннообразные формы замерзшего снега возникают вследствие «метаморфоза», а не во время самого *отложения*.

Когда я потирал в темноте мою фланелевую фуфайку, она получала такой вид, словно ее пропитали фосфором. На спине собаки трещал каждый волосок, даже полотняные простыни и ремни седла испускали искры, когда к ним прикасались рукой.

23 марта. — Спуск с восточной стороны Кордильер гораздо короче или круче, чем со стороны Тихого океана; иными словами, горы стоят отвеснее к равнинам, чем к гористой площади Чили. Под нашими ногами расстилалась ровная, блестящая скатерть облаков, застилая перед нами равнину пампасов. Вскоре мы вступили в этот пояс облаков, из которого нам не удалось выйти в тот же день. Около полудня, найдя в Лос Ареналес пастбище для наших животных и кустарник на топливо, мы расположились там ночевать. Это была почти высшая граница кустарника, полагаю, на высоте 7 000 или 8 000 футов.

Меня очень поразило резкое различие между растительностью этих восточных долин и тех, что лежат со стороны Чили, тогда как климат и свойства почвы почти одни и те же, а разница долготы весьма незначительна. То же самое различие проявляется в отношении четвероногих и, в меньшей степени, в отношении птиц и насекомых. Могу привести в пример мышей, 13 видов которых я собрал на берегах Атлантического океана и 5 видов—на берегах Тихого: ни один из них не тождественен с другими. Исключение составляют все те виды, которые обитают на высоких горах или случайно заходят туда, а также некоторые птицы, залетающие на юг вплоть до Магелланова пролива. Этот факт вполне согласуется с геологической историей Андов, уже существовавших в виде огромного барьера в то время, когда появлялись современные расы животных; поэтому нельзя ожидать полного сходства организмов на противоположных сторонах этих гор, точно так же как и на противоположных берегах океана; иначе пришлось бы предположить, что в двух совершенно различных местах были единовременно созданы одни и те же виды. В обоих случаях следует исключить те породы, которые были способны преодолеть барьер, образуемый каменными твердынями или соленой водой*.

Бóльшая часть растений и животных здесь те же, что и в Патагонии, или очень близки к ним. Мы встречаем здесь агути, вискашу, три вида броненосцев, страуса, несколько различных куропаток и других птиц; ни один из этих видов не встречается в Чили, но все это—характерные животные пустынных равнин Патагонии. Перед нами были все те же, что и в Патагонии (по крайней мере для глаз человека, который не является ботаником), колючие карликовые кустарники, засохшие травы и мелкие растения. Попадались даже чрезвычайно похожие черные, медленно ползающие жуки, многие из которых, я уверен, оказались бы вполне идентичными с патагонскими видами при более тщательном исследовании их. Я всегда жалел, что нам пришлось отказаться от дальнейшего подъема вверх по реке Санта Крус, не добравшись до гор; у меня все еще остава-

* Это только иллюстрация удивительных законов географического распределения животных под влиянием геологических изменений, впервые изложенных м-ром Ляйелем. Все рассуждение, конечно, основано на принятии неизменности видов; иначе пришлось бы считать, что различие видов в двух областях возникло в течение длинного периода времени.

лась надежда встретить какую-нибудь важную перемену в характере местности, но теперь я убежден, что все дело свелось бы только к дальнейшему продвижению по патагонским равнинам вверх по гористой местности.

24 марта.—Рано утром я взобрался на гору с одной стороны долины и был обрадован обширным видом на пампасы. Давно уже я мечтал об этой картине, но мне пришлось испытать разочарование: на первый взгляд она очень похожа на отдаленный вид океана, но на севере я заметил вскоре некоторое разнообразие. Главной особенностью были реки, блиставшие при восходящем солнце, как серебряные нити, которые терялись где-то далеко в бесконечном пространстве. В полдень мы спустились в долину и подошли к хижине, где находились офицер и три солдата для осмотра паспортов. Один из солдат был чистокровный индеец пампасов, выполнявший тут роль ищейки,—он должен был выслеживать пеших или всадников, пробиравшихся тайком. Несколько лет тому назад один путник надеялся скрыться, сделав большой обход по соседней горе; но этот индеец, натолкнувшись случайно на его след, шел за ним в продолжение целого дня по сухим каменистым холмам, пока, наконец, не бросился из засады на свою добычу. Мы узнали здесь, что серебристые облака, на которые мы любовались сверху, разрешились здесь потоками дождя. С этого пункта стала постепенно открываться долина, и горы казались ничтожными холмиками по сравнению с оставленными нами позади гигантами; равнина простиралась перед нами легкой покатостью, покрытой щебнем и поросшей низкими деревьями и кустарником. Этот, повидимому, узкий откос тянется миль на десять, прежде чем слиться с совершенно плоской на взгляд пампой. Мы миновали единственный дом в этой местности, ферму Чакайо, и на закате солнца, добравшись до первого укромного уголка, расположились здесь на ночлег.

25 марта.—Я вспомнил о пампе Буэнос Айреса, увидев, как горизонт перерезывал так же ровно, как в океане, диск восходящего солнца. Ночью выпала сильная роса,—явление, ни разу не встречавшееся нам в Кордильерах. Дорога шла некоторое время прямо на восток, через болотистую низменность, потом по сухой равнине повернула на север к Мендосе. Этот переход отнял у нас целых два дня. В первый день мы сделали 14 миль до Эстакадо, а во второй—17 до Луксана, близ Мендосы. Весь этот путь лежал по пустынной равнине, на которой нам встретилось не более двух или трех домов. Солнце сильно пекло, и путешествие наше было лишено всякого интереса. Нам попадалось очень мало воды в этой «traversia» [179], а на второй день пути мы нашли всего один маленький пруд. Небольшие ручьи текут с гор, но сухая и рыхлая почва вскоре их всасывает, так что нам не случилось переехать ни одной реки, хотя мы ехали на расстоянии не более 10 или 15 миль от наружной цепи Кордильер. Во многих местах почва была покрыта соляными налетами, а потому и растения на ней росли такие же, какие встречались нам на солончаках вокруг Байа Бланки. Ландшафт очень однообразен, начиная от Магелланова пролива, по всему восточному берегу Патагонии, до Рио Колорадо; местность такого же характера тянется, повидимому, и внутрь страны, от Рио Колорадо по изогнутой линии до Сан Луиса,

а может быть, и далее на север. На восток от этой изогнутой линии лежит бассейн сравнительно болотистых и зеленых равнин Буэнос Айреса. Бесплодные равнины Мендосы и Патагонии покрыты слоем щебня, измельченного и нанесенного волнами океана, тогда как пампасы, поросшие чертополохом, клевером и злаками, образовались из речного ила, отложившегося в древнем эстуарии Ла Платы.

Приятно было после двух дней такого трудного пути увидеть, наконец, вдали ряды ив и тополей вокруг селения и реки Луксан. Незадолго до прибытия к этому месту мы заметили на юге какие-то темные, разорванные облака красновато-бурого цвета. Сначала мы приняли их за дым большого пожара на равнинах, но вскоре увидели, что это рой саранчи. Она летела к северу и, благодаря легкому ветру, догоняла нас со скоростью 10 или 15 миль в час. Главная масса насекомых держалась футов на двадцать от земли и простиралась вверх, повидимому, на две или на три тысячи футов; шум от их крыльев можно сравнить с грохотом запряженных множеством коней колесниц, мчащихся в бой, или, я сказал бы, точнее, с завыванием сильного ветра в корабельных снастях. Небо даже сквозь передние слои этого роя казалось как бы старинной черной гравюрой, а сквозь главную массу ровно ничего не было видно. Однако, насекомые летели еще далеко не плотно друг за другом и имели довольно места, чтобы уклониться от палки, которой я размахивал в воздухе между ними. Когда саранча опустилась на землю, то насекомых оказалось больше, чем листьев в поле; они разбежались по всем направлениям, и поле из зеленого превратилось в красноватое. Саранча—довольно обычное бедствие в этой стране: в этом году сюда уже налетало несколько меньших роев с юга, где, как, повидимому, и во всех частях света, это насекомое размножается в пустынях. Тщетно бедные поселяне старались отбить нападение, разводя огонь, стреляя и отмахиваясь ветвями. Этот вид саранчи имеет близкое сходство с знаменитым восточным *Gryllus migratorius*[180], а может быть, и есть он самый.

Мы переехали через Луксан, довольно большую реку, хотя она по направлению к морю и не вполне еще исследована: неизвестно даже, не испаряется ли она на пути к океану и не теряется ли в равнинах. Мы переночевали в деревне Луксан. Это небольшое селение, окруженное садами и составляющее самый южный возделанный округ провинции Мендоса; оно лежит в пяти милях к югу от столицы. Ночью я подвергся нападению (вполне точное выражение) *бенчуки* (Benchuca),—большого черного клопа, водящегося в пампасах и принадлежащего к роду Reduvius. Нет ничего противнее того ощущения, которое вызывает ползание по телу мягкого, бескрылого насекомого длиной в целый дюйм. Эти клопы, пока не насосутся, очень плоски, но затем раздуваются, наполняются кровью, и тогда их легко раздавить. Я поймал в Икике (эти клопы водятся в Чили и в Перу) одного такого клопа совершенно тощего. Мы положили его на стол и стали рассматривать: когда кто-нибудь протягивал палец, то смелое насекомое тотчас выпускало жало и бросалось сосать кровь, если ему это позволяли. Укушение его не причиняло никакой боли. Любопытно было наблюдать тело клопа во время сосания; менее чем через десять минут оно превратилось из совершенно плоского, как облатка, в шар. Одной такой трапезы,

полученной бенчукой после укуса одного из наших офицеров, было достаточно для насекомого на целые четыре месяца; но уже после первых двух недель оно готово было снова полакомиться.

27 марта.—Мы поехали в Мендосу. Местность была прекрасно возделана и похожа на Чили. Она славится своими плодами и действительно ничего не может быть великолепнее этих виноградников и фруктовых садов, переполненных фигами, персиками и маслинами. Мы покупали арбузы почти вдвое более человеческой головы, необыкновенно вкусные и освежающие, по полпенни за штуку, а за три пенса—полтележки персиков. В этой провинции возделано и огорожено очень небольшое пространство земли, немного более расстояния от Луксана до столицы. Здесь, как и в Чили, земля обязана своим плодородием исключительно искусственному орошению, благодаря которому бесплодные «траверсии» делаются необычайно плодородными.

На следующий день мы остановились в Мендосе. В последние годы благосостояние этого города значительно упало. Жители говорят, что «жить в нем очень хорошо, но разбогатеть очень трудно». Низшие сословия так же беспечны и ленивы, как гаучосы пампасов; их одежда, конская сбруя и образ жизни почти такие же. Я нахожу, что город имеет какой-то вялый, заброшенный вид. Ни прославленная аламеда («alameda»)[181], ни местоположение не могут сравниться с Сант Яго; впрочем, для приезжего из Буэнос Айреса, долго ехавшего по однообразной пампе, эти сады и огороды должны показаться очаровательными. Сэр Ф. Хед замечает, говоря о здешних жителях: «Они пообедают и, когда очень жарко, лягут спать,—что же им больше делать?» Я совершенно согласен с этим; для обитателей Мендосы блаженство состоит в том, чтобы есть, спать и лениться.

29 марта.—Обратно в Чили мы отправились через перевал Успаллата, лежащий к северу от Мендосы. Нам пришлось проехать через совершенно бесплодную траверсию в 15 лье длиной. В некоторых местах земля была совершенно обнажена, в других покрыта бесчисленными карликовыми кактусами с огромными иглами; местное население называет этот кактус «маленьким львом». Кое-где встречался низенький кустарник. Хотя эта равнина лежит почти на 3 000 футов выше уровня моря, солнце жгло очень сильно; жара и облака мельчайшей пыли делали путешествие по ней очень неприятным. В продолжение дня путь наш лежал почти параллельно Кордильерам, но постепенно приближался к ним. Перед заходом солнца мы вступили в одну из широких долин или, вернее, бухт, открывающихся в равнину; эта долина вскоре сузилась и превратилась в овраг; немного повыше была расположена вилла Висенсия. Так как в течение всего этого дня мы ехали, не встретив нигде ни капли воды, то так же, как и наши мулы, мы томились от жажды, и с тревогой следили за рекой, протекавшей внизу по долине. Любопытно было наблюдать за постепенным появлением воды: на равнине русло реки было совсем сухое, мало-помалу оно становилось сырее; потом появились небольшие лужи, которые постепенно соединялись между собой и, наконец, слились, так что у виллы Висенсии текла уже порядочная речка.

30 марта.—Все путешественники, проезжавшие через Анды, упоминают об этой уединенной хижине, носящей громкое имя вилла

Висенсия. Я провел здесь и в соседних рудниках два следующих дня. Геология окрестной страны весьма любопытна. Хребет Успаллата отделен от главной цепи Кордильер длинной и узкой равниной, вроде бассейна, подобно тем, какие мы часто встречали в Чили, только выше, потому что она расположена на высоте 6 000 футов над уровнем моря. Этот хребет имеет почти то же географическое положение относительно Кордильер, как и гигантская цепь Портильо, только он совсем иного происхождения: он состоит из различного рода подводных лав, переслоенных вулканическим песчаником и другими замечательными осадочными отложениями; все это вместе имеет большое сходство с третичными пластами, лежащими на берегах Тихого океана. На основании этого сходства я заключил, что тут должны быть остатки окаменелых деревьев, обыкновенно встречающиеся в подобных формациях. Предположение мое оправдалось самым необыкновенным образом. В центральной части хребта, на высоте около 7 000 футов, я заметил на одном обнаженном склоне белоснежные торчащие столбы,—то были окаменелые деревья; одиннадцать из них были пропитаны кремнем, а тридцать или сорок превратились в грубо кристаллический белый известковый шпат. Деревья были переломлены, и оставшиеся пни лишь на несколько футов торчали из земли. Толщина стволов была от 3 до 5 футов в окружности. Они стояли на некотором расстоянии друг от друга, но в целом составляли одну группу. М-р Роберт Броун по моей просьбе исследовал это дерево и нашел, что оно принадлежит к трибе елевых и носит признаки семейства араукариевых; кроме того, оно имеет некоторое сходство и с тисом. Вулканический песчаник, в котором залегают эти деревья и из нижних слоев которого они должно быть выросли, скопился вокруг пней тонкими слоями; камень сохранял еще следы древесной коры[182].

Немного нужно было геологических познаний для того, чтобы понять, на какие чудесные события указывало это зрелище; но, сознаюсь, оно так удивило меня, что я едва верил очевидности. Я стоял на месте, где группа красивых деревьев простирала свои ветви над берегом Атлантического океана в ту пору, когда океан (ныне уже отступивший на 700 миль) доходил до подошвы Андов. Я видел, что эти деревья выросли на вулканической почве, поднявшейся над уровнем моря и потом снова погрузившейся, вместе с этими деревьями, в глубь океана. Там эту, прежде сухую, почву покрыли осадочные слои, на которые в свою очередь излились гигантские потоки подводной лавы. Замечу мимоходом, что один из таких громадных потоков достиг толщины в 1 000 футов. Все эти слои расплавленного камня и водных осадков чередовались пять раз. Океан, вмещавший такие массы, был, должно быть, очень глубок. Потом снова пришли в действие подземные силы, и вот теперь передо мной простиралось дно этого океана, образовавшее горную цепь вышиной более 7 000 футов. Но не дремали также и противодействующие силы, постоянно изменяющие, выветривающие поверхность земли: огромные толщи слоев были пересечены обширными долинами, и деревья, высоко развевавшие свои зеленые ветви, покрытые молодыми побегами, превратились в кремнезем, а вулканическая почва, на которой они некогда росли, обратилась в камень. Теперь все здесь пустынно и неподвижно; даже лишайнику нечем питаться на окаменелых отпечатках прежних деревьев. И все

эти удивительные, почти невероятные перемены совершились в период еще довольно недавний сравнительно с образованием, например, Кордильер, а сами Кордильеры—положительно новейшее явление по сравнению со многими ископаемыми слоями Европы и Америки.

1 апреля.—Мы переехали через хребет Успаллата и переночевали в таможне, единственной обитаемой точке во всей этой равнине. Незадолго перед тем, как мы оставили горы, мы видели поразительную картину: красные, пурпуровые, зеленые и совершенно белые осадочные породы, чередующиеся с черными лавами, были пересечены и прокраплены по всем направлениям массами порфира всевозможных цветов—от темнокоричневого до самого ярколилового. Я впервые увидел тут нечто, действительно похожее на те красивые разрезы, при помощи которых геологи изображают внутренность земли.

На следующий день мы переехали равнину и направились по берегу того большого горного потока, который протекает у Луксана. Течение было здесь так стремительно, что через поток не было возможности переправиться, и он казался шире в этом месте, чем внизу, точно так же как и ручей виллы Висенсия. Вечером на следующий день мы прибыли к Рио де Лас Вакас, которая является наиболее трудной для переправы рекой в Кордильерах. Так как все эти реки чрезвычайно быстры и очень коротки, и образуются тающим снегом, то время дня имеет большое влияние на их объем. Вечером они мутны и полноводны, а перед рассветом—прозрачнее и далеко не так стремительны. Это же мы наблюдали и на Рио Вакас, через которую мы переправились утром без большого труда.

Пейзаж до сих пор был гораздо менее интересен, чем на перевале Портильо. Немного любопытного можно было видеть за голыми стенами большой плоской равнины, по которой шла дорога до самой высокой из вершин хребта. Равнина и огромные каменистые горы были совершенно обнажены, и наши бедные мулы уже два дня ничего не ели, потому что кроме редких, низких, смолистых кустарников мы не встретили ни одного растения. В продолжение этого дня мы проехали самые опасные проходы Кордильер, но опасность эта сильно преувеличена. Мне говорили, что если бы я попытался пройти пешком, то у меня закружилась бы голова, и что в некоторых местах некуда сойти с лошади; но я не видел такого места, где бы нельзя повернуть назад или сойти с мула на обе стороны. Пройдя через Las Animas («Ду́ши»), я только через день узнал, что это один из самых страшных проходов. Попадалось, разумеется, много таких мест, откуда путник полетел бы в страшную пропасть, если бы мул оступился, но это — мало вероятно. Правда, весной дороги, «laderas»[183], которые приходится ежегодно вновь прокладывать через груды обломков, очень нехороши, но то, что я видел, весьма далеко от действительной опасности. Другое дело навьюченные мулы, на которых вьюк бывает так широк, что животные, сталкиваясь друг с другом или зацепляясь за утес, теряют равновесие и летят в пропасть. Гораздо правдоподобнее кажется мне трудность переправы через реки: в настоящее время года она еще легка, но летом должна быть очень тяжела. На этих переправах я понял описанное сэром Ф. Хедом различие между ощущениями того, кто *уже проехал* бездну, и того, кто ее *проезжает*. Я не слыхал, чтобы тонули люди, но с вьючными му-

лами это случается часто. Arriero обыкновенно советует, направив мула куда следует, предоставить ему переправляться самому, как он знает; но вьючные мулы гибнут именно потому, что избирают неверный путь.

4 апреля.—От Рио де Лас Вакас до Пуэнте дель Инкас всего полдня пути. Так как здесь имелось пастбище для мулов и геологический материал для меня, то мы расположились здесь на ночевку. При словах «естественный мост» нашему воображению обыкновенно рисуется глубокое, узкое ущелье, с переброшенной через него упавшей скалой или с большой аркой, выдолбленной наподобие свода пещеры. Мост Инков вместо всего этого представляет собой нарост из наслоенных голышей, сцементированных отложениями соседних горячих ключей. Кажется, будто поток долбил канал с одной стороны, оставив нависший над ним выступ, который соединился с землей и камнями, упавшими с противоположных утесов. Смыкание по наклонной линии, которое в таком случае должно было произойти, очень ясно видно с одной стороны. Мост Инков недостоин великих государей, имя которых он носит[184].

5 апреля.—Нам предстоял целый день пути через центральный хребет от Моста Инков до Охос дель Агуа, лежащего у самой нижней *casucha* на чилийской стороне. Казучами называют круглые башенки с наружными ступенями, ведущими к этажу, который находится на несколько футов над землей для того, чтобы его не заносило снегом. Таких башенок восемь, и при испанском правительстве их снабжали на зиму провизией и углем; каждый курьер имел свой ключ. В настоящее время они служат только погребами или, вернее, темницами. Они построены на небольших возвышениях и вполне гармонируют с окружающей их печальной картиной. Извилистый подъем на Кумбре, служащий водоразделом, очень крут и утомителен; высота этой горы, по вычислению м-ра Пентленда, 12 454 фута. Дорога не проходит по вечному снегу, хотя глыбы его встречаются по обеим сторонам. На вершине дул чрезвычайно холодный ветер, но нельзя было не остановиться хотя бы на несколько минут и не полюбоваться еще раз цветом неба и необыкновенной прозрачностью воздуха. Картина была грандиозна: на западе лежали в живописном беспорядке горы, разделенные глубокими оврагами. Некоторое количество снега выпадает обыкновенно незадолго до этого времени года, так что Кордильеры бывают совершенно закрыты в это время. Нам же особенно посчастливилось. Небо было безоблачно день и ночь, если не считать небольших масс легких облаков, плывших над самыми высокими вершинами. Мне часто случалось видеть на небе эти островки, обозначающие Кордильеры, тогда как самые горы, более отдаленные, скрывались за горизонтом.

6 апреля.—Поутру мы заметили, что воры увели у нас одного мула и сняли колокольчик с мадрины. Поэтому мы спустились в долину всего на две или на три мили и простояли там следующий день в надежде отыскать мула, так как наш arriero полагал, что он спрятан где-нибудь в овраге. В этой части Кордильер пейзаж принял чилийский характер; однако, вполне признавая, что приятнее смотреть на горы, поросшие внизу бледными вечнозелеными деревьями Quillay[185] и большими канделяброобразными кактусами, чем на обнаженные восточные до-

лины, я все же не могу разделить восторгов некоторых путешественников. Полагаю, что главной причиной их великого удовольствия была близость хорошего огня и хорошего ужина после прогулки по холодным вершинам; если это так, то я совершенно разделяю их чувства.

8 апреля.—Мы выехали из долины Аконкагуа, по которой мы спускались, и прибыли вечером в небольшой сельский дом близ виллы Санта Роса. Эта долина удивительно плодородна; так как стояла поздняя осень, то листья многих плодовых деревьев уже опали; некоторые земледельцы занимались сушкой фиг и персиков на крышах своих домов, другие же снимали виноград. Это была приятная картина, но для меня в ней недоставало того задумчивого затишья, которое делает из английской осени настоящий вечер года. Десятого числа мы прибыли в Сант Яго, где м-р Калдклю оказал мне радушное гостеприимство. Эта экскурсия отняла у меня всего 24 дня, и никогда в столь короткий срок не испытывал я такой массы глубоких наслаждений. Через несколько дней я вернулся в Вальпарайсо к м-ру Корфильду.

ГЛАВА XVI

СЕВЕРНОЕ ЧИЛИ И ПЕРУ

Береговая дорога в Кокимбо,—Большие тяжести, переносимые рудокопами. — Кокимбо. — Землетрясение. — Ступенеобразные террасы. — Отсутствие современных отложений.—Одновременность третичных формаций.—Экскурсия вверх по долине.—Дорога в Гуаско.—Пустыни.—Долина Копиапо́.—Дождь и землетрясения.—Водобоязнь,—Деспобладо.—Индейские развалины. — Возможная перемена климата. — Русло реки, выпученное землетрясением.—Порывы холодного ветра.—Шум, слышимый с одного холма. — Икике.— Соляной наплыв. — Азотнокислый натрий. — Лима. — Нездоровый климат. — Развалины Каллао, разрушенного землетрясением.—Последнее оседание.—Поднятые раковины на Сан Лоренсо; разложение их. — Долины с ископаемыми раковинами и обломками посуды. — Древность индейской расы.

27 апреля.—Я предпринял поездку в Кокимбо, а оттуда через Гуаско в Копиапо́, откуда капитан Фиц Рой любезно предложил захватить меня снова на «Бигль». Расстояние в прямом направлении вдоль берега к северу было всего 420 миль; но мой способ путешествия был очень медленный. Я купил четырех лошадей и двух мулов; последние должны были таскать багаж поочередно, сменяясь через день. Все эти шесть животных стоили 25 фунтов стерлингов, а в Копиапо́ я продал их за 23. Мы путешествовали таким же неприхотливым способом, как и прежде: сами себе стряпали кушанье и спали под открытым небом. Когда мы направились к Виньо дель Мар, я распростился с Вальпарайсо, в последний раз полюбовавшись его живописным видом. Имея в виду геологические изыскания, я свернул с большой дороги к подошве Колокольной горы в Килота. Мы проехали через аллювиальную местность, богатую золотом, и переночевали близ Лимаче. Обитатели множества хижин, разбросанных по берегам каждого маленького ручья, существуют промыванием золота; но, как и вообще люди, занимающиеся ненадежным промыслом, они живут нерасчетливо и поэтому бедны.

28 апреля.—После полудня мы прибыли на ферму у подошвы Колокольной горы. Обитатели ее были собственниками земли, что довольно редко в Чили; они существовали выручкой с продуктов, доставляемых садом и небольшим полем, но были очень бедны. Средства здесь настолько ограничены, что земледелец часто принужден продавать хлеб на корню для приобретения необходимых предметов к следующему году. Поэтому пшеница была дороже на месте ее производства, чем в Вальпарайсо, где живут подрядчики. На

следующий день мы выехали на большую дорогу в Кокимбо. Ночью шел небольшой дождь, первый со времени ливня 11 и 12 сентября, задержавшего меня на Каукенесских водах. Промежуток был равен $7^1/_2$ месяцам, но в этом году дождь пошел в Чили позднее обыкновенного. Далекие Анды были покрыты толстым покровом снега и представляли великолепное зрелище.

2 мая.—Дорога тянется вдоль берега на небольшом расстоянии от моря. Немногие деревья и кустарники, обыкновенные в Центральном Чили, быстро уменьшаются в числе и заменяются высоким растением, по внешнему виду напоминающим юкку (Jucca)[186]. Поверхность страны сильно разбита и неправильна,—все это, правда, в малом масштабе; из маленьких равнин, или бассейнов, выдаются обрывистые, небольшие вершины скал. Точно такие же формы представлял бы извилистый берег и дно прилежащего моря, усеянное рифами, если бы их превратить в сушу; нет сомнения, что именно такое превращение и случилось с той местностью, по которой мы ехали.

3 мая.—От Килимари до Кончали. Местность становится все более и более обнаженной. В долинах еще хватает воды на орошение, а промежуточная страна совсем обнажена,—здесь не могут прокормиться даже козы. Весной, после зимних дождей, быстро вырастает мелкая трава, и скот сгоняется на короткое время с Кордильер на эти луга. Любопытно наблюдать, как семена злаков и других растений приспособляются, как бы путем приобретенной привычки, к количеству дождей, выпадающих в различных частях берега.[187] Один ливень далее на север, у Копиапо́, производит такое же действие на растительность, как два в Гуаско и как три или четыре в этой местности. В Вальпарайсо зима, настолько сухая, что повредила бы растительности, порождает в Гуаско необычайное изобилие. Далее к северу количество дождя уменьшается, повидимому, не вполне соразмерно с широтой. В Кончали́, который находится всего в 67 милях к северу от Вальпарайсо, дождя не выпадает до конца мая, тогда как в Вальпарайсо он начинает итти уже в начале апреля; ежегодное количество его также слишком мало по отношению к позднему наступлению дождливого времени года.

4 мая.—Убедившись, что дорога вдоль берега не представляет никакого интереса, мы повернули внутрь страны, в рудоносный округ и долину Иллапель. Эта долина, как и все долины в Чили, ровна, широка и весьма плодородна. Она окаймлена с обеих сторон утесами из наслоенного щебня или обнаженными скалистыми горами. Над прямой линией самой верхней оросительной канавы преобладает бурый цвет, как на большой дороге, тогда как ниже все такого же яркозеленого цвета, как ярь-медянка, благодаря коврам альфарфы[188] (род клевера). Мы отправились в Лос Горнос, другой округ, богатый рудниками, где главная гора была усеяна дырами, как огромный муравейник. Образ жизни чилийских рудокопов делает их какой-то особой породой людей. Живя по нескольку недель подряд в самых глухих местах, они отчаянно кутят и сумасбродствуют, когда по праздникам спускаются в свои деревни. Иногда они зарабатывают значительные суммы и тогда, подобно морякам, получившим призовые деньги, состязаются в искусстве, как можно скорее растратить их; они страшно пьянствуют, накупают себе множество платьев и через несколько

дней возвращаются без единого пенни в свои жалкие жилища, чтобы работать хуже вьючного скота. Эта беспечность, характерная и для моряков, очевидно, представляет результат известного сходства в образе жизни тех и других. Насущный хлеб обеспечен, и это приучает их к беззаботности. К тому же искушения и средства к удовлетворению их становятся для них возможными в одно и то же время. Совсем иное дело в Корнуолсе и некоторых других частях Англии, где следуют системе продажи рудоносной жилы по частям; там рудокопы должны сами заботиться о себе, и поэтому у них развилась замечательная рассудительность и порядочность.

Одежда чилийского рудокопа очень своеобразна и довольно живописна. Он носит очень длинную темного цвета байковую рубашку с кожаным передником; то и другое перевязано вокруг талии ярким поясом; штаны очень широки, а маленькая красная шапка плотно прилегает к голове. Мы встретили партию рудокопов в полном наряде, провожавших в могилу тело одного из своих товарищей; они шли очень быстро, и четверо из них несли покойника. Пройдя таким скорым шагом около 200 ярдов, эти четверо сменились другими четырьмя, скакавшими перед тем верхом впереди процессии. Все они бежали, подстрекая друг друга дикими криками, так что эти похороны представляли весьма странное зрелище.

Мы продолжали путь к северу извилистым путем, останавливаясь иногда на день для геологических исследований. Страна была так редко заселена и дорога так неопределенна, что мы иногда с трудом находили свой путь. 12-го числа я остановился у каких-то рудников; руда была не очень хороша, но настолько обильна, что рудник предполагали продать за 30 000 или 40 000 долларов (т. е. 6 000—8 000 фунтов стерлингов), однако какая-то английская компания купила его за одну унцию золота (3 фунта и 8 шиллингов). Руда состояла из желтого колчедана, в котором, как я уже говорил, до прибытия англичан не предполагали присутствия меди. Почти так же выгодно были приобретены и груды шлака, изобилующие мельчайшими шариками металлической меди; но, несмотря на все эти выгоды, рудокопные компании умудряются терять тут, как известно, огромные суммы денег. Большая часть распорядителей и акционеров выказывают при этом неслыханное безрассудство: бросают, например, по тысяче фунтов в год на задабривание чилийских властей; заводят библиотеки роскошно переплетенных геологических книг; выписывают особых рудокопов для некоторых металлов, которых не существует в Чили, как, например, для олова; заключают контракты с условием снабжать рудокопов молоком в таких местах, где совершенно нет коров; заводят машины, которых нельзя употреблять,—все это и сотни подобных вещей свидетельствуют о безрассудстве англичан и до сих пор потешают туземцев. А между тем несомненно, что тот же самый капитал, употребленный с толком на рудники, принес бы огромную выгоду; нужно было бы только завести тут доверенное лицо—делового человека, хорошо знакомого с практической стороной дела.

Капитан Хед описывал уже, какие огромные тяжести вытаскивают из глубочайших шахт здешние «апиры» («apires»), эти настоящие вьючные животные. Сознаюсь, что я заподозрил его в преувеличении, так что очень рад был случаю лично проверить, действительно

ли так велики эти тяжести. Я попробовал поднять первую попавшуюся мне под руку, и мне стоило немалых усилий только приподнять ее с земли, стоя прямо над нею; между тем эта тяжесть была меньше обычного веса, так как в ней оказалось всего 197 фунтов; апир пронес ее на высоту 80 ярдов—частью по крутому коридору, но большей частью по перекладинам, положенным зигзагами вверх по шахте. По общему правилу, апиру дозволяется останавливаться и переводить дух только в том случае, если рудник имеет 600 футов глубины. Средний вес груза составляет несколько более 200 фунтов; мне говорили, что однажды извлекли в виде пробы из самого глубокого рудника груз в 300 фунтов ($22^1/_2$ стона). В настоящее время апиры выносят 12 раз в день свой обычный груз, т. е. 2 400 фунтов с глубины 80 ярдов, а в промежутках они занимаются выламыванием и собиранием руды.

Если не считать несчастных случаев, эти люди здоровы и, повидимому, жизнерадостны. Они не очень мускулисты. Мясо они едят не чаще одного раза в неделю, да и то только жесткое, сухое чарки. Хотя и знаешь, что труд их добровольный, но нельзя не возмутиться, когда видишь, в каком состоянии они появляются из рудника: перегнувшись вперед, они цепляются руками за ступени; ноги их выгнуты, мускулы напряжены, пот градом катится с лица на грудь, ноздри расширены, углы рта оттянуты назад, дыхание учащено в высшей степени. Переводя дух, они каждый раз издают крик «ай-ай», завершающийся звуком, исходящим из глубины груди и резким, как звук свистка. Шатаясь, они добираются до груды руды и опорожняют свой «карпачо» («carpacho»); две или три секунды переводят дух, отирают пот со лба, и, повидимому, совершенно освеженные, снова проворно спускаются в шахту. В этом представился мне разительный пример того, на какой тяжкий труд способен человек в силу привычки, ибо тут может действовать только привычка.

Вечером я разговаривал со смотрителем (*«mayor-domo»*) рудников о том, какое множество иностранцев рассыпано в настоящее время по всей этой стране; смотритель, хотя еще совсем молодой человек, помнил, что когда он был еще мальчиком и учился в Кокимбо, детей однажды специально отпустили из школы, чтобы посмотреть на английского капитана, прибывшего в город для переговоров с губернатором; мальчиков, в том числе и его самого, ничем нельзя было заставить близко подойти к капитану,—до такой степени им внушили боязнь заразиться ересью и всяким злом от прикосновения к такому человеку. Им до сих пор памятны ужасные поступки буканьеров, в особенности одного, который унес образ Девы Марии, а через год вернулся за образом Св. Иосифа, заявляя, что он чувствует жалость к даме, оставшейся без мужа. Я слышал также, как однажды за обедом в Кокимбо одна старая дама заявила, что ей кажется удивительно странным, что она дожила до того, чтобы обедать в одной комнате с англичанином; когда она была молодой девушкой, то ей дважды случилось быть свидетельницей того, как при одном крике «Los Ingleses» все бросались в горы, захватив с собой, что было поценнее[189].

14 мая.—Мы прибыли в Кокимбо и остановились там ненадолго. Город замечателен только своей тишиной. В нем, говорят, от 6 000 до 8 000 жителей. Утром 17 мая шел в продолжение пяти часов небольшой дождь, первый в этом году. Фермеры, сеющие хлеб

близ морского берега, где воздух сырее, воспользовались этим дождем для распашки земли; после вторичного дождя они будут сеять, а если дождь выпадет в третий раз, то весной будет обильный урожай. Любопытно было наблюдать действие такого незначительного дождя. Спустя 12 часов почва казалась такой же сухой, как и прежде; однако, дней через десять все холмы покрылись зелеными пятнами редкой, тонкой, как волос, волокнистой травы длиной в вершок. До этого дождя вся почва была обнажена, как на большой дороге.

Вечером, когда мы с капитаном Фиц Роем обедали у м-ра Эдуардса, английского резидента, известного всем бывавшим в Кокимбо своим гостеприимством, произошло сильное землетрясение. Я слышал предвещавший его гул, но не заметил колебания из-за поднявшейся суматохи: женщины принялись кричать, слуги забегали, мужчины бросились к дверям. Некоторые из женщин расплакались от страха, и один джентльмен сказал, что он не заснет всю ночь, а если заснет, то ему все будут сниться падающие дома. Отец его потерял незадолго перед тем все свое состояние в Талькахуано, и сам он едва спасся в 1822 г. от обрушившейся кровли в Вальпарайсо. Он рассказал нам об одном любопытном совпадении, которое тогда произошло: он играл в карты, и один из игроков, какой-то немец, встал, говоря, что он никогда не остается в этих странах в комнате при запертой двери с той поры, как едва не погиб от такой оплошности в Копиапо̀. Едва успел он отворить дверь, как вскрикнул: «Опять начинается!», и затем последовал знаменитый толчок. Игроки спаслись все до одного. Опасность при землетрясении заключается не в потере времени, необходимого для того, чтобы отворить двери, а в том, что они могут быть сдавлены движением стен.

Не приходится очень удивляться страху, который внушает землетрясение туземцам и давно поселившимся здесь резидентам, хотя многие из них известны как люди, обладающие большим присутствием духа, столь необходимым в этом случае. Полагаю, впрочем, что этот панический страх следует приписать отчасти непривычке подавлять его, так как этого чувства здесь не стыдятся. Наоборот, туземцы не переносят проявления равнодушия. Я слышал, что два англичанина, спавших на открытом воздухе во время легкого землетрясения, не встали, зная, что им не грозит опасность. Видя это, туземцы пришли в негодование и кричали: «Посмотрите, эти еретики даже встать не хотят!»

Я осматривал в продолжение нескольких дней ступенеобразные террасы из щебня, впервые описанные капитаном Б. Холлом; по мнению м-ра Ляйелля, они образованы морем в процессе постепенного поднятия страны. Это объяснение, несомненно, правильно, потому что я нашел на этих террасах множество раковин поныне существующих видов. Пять узких, слегка покатых удлиненных террас возвышаются одна над другой; в самых широких местах они состоят из щебня; они огибают обе стороны долины вдоль бухты. В Гуаско, на север от Кокимбо, это явление обнаруживается в еще более широких размерах, так что удивляет даже местных жителей. Здесь террасы гораздо шире и образуют целые равнины; в некоторых местах имеется шесть террас, но чаще их пять. Они тянутся вверх по долине

на тридцать семь миль от берега. Эти ступенеобразные террасы, или каймы, весьма похожи на те, что находятся в долине Санта Крус, и в малом виде—на большие террасы, идущие вдоль всего патагонского берега. Несомненно, они образовались в результате денудационной деятельности моря во время долгих промежутков покоя при постепенном поднятии страны.

Раковины многих современных видов не только лежат на поверхности террас в Кокимбо (на высоте 250 футов), но и погребены в рыхлой известковой породе, которая занимает небольшое пространство, но кое-где имеет толщину от 20 до 30 футов. Эти новейшие слои лежат на древней третичной формации, содержащей раковины, повидимому, исключительно вымерших видов. Хотя я осмотрел на протяжении нескольких сот миль берега Америки как со стороны Тихого, так и со стороны Атлантического океанов, но я нигде не видел правильных слоев с раковинами современных видов морских моллюсков, кроме Кокимбо и нескольких мест к северу по дороге в Гуаско. Этот факт кажется мне весьма замечательным, так как здесь неприменимо обыкновенно приводимое геологами объяснение отсутствия в какой-либо местности слоистых отложений с ископаемыми данной эпохи тем, что эта местность уже была в ту пору материком; ибо по раковинам, рассеянным по поверхности или погребенным в рыхлом песке и глине, мы видим, что эта страна еще недавно лежала под водой на протяжении нескольких тысяч миль вдоль обоих берегов. Объяснения, несомненно, следует искать в том факте, что вся южная часть этого материка очень долго и медленно поднималась, и поэтому все осадки, отложившиеся под водой на незначительной глубине вдоль берега, должны были уже через короткое время обнажаться и подвергаться медленному разрушительному действию прибоя: бо́льшая часть морских организмов может успешно существовать только в относительно мелких водах, где, очевидно, невозможно накопление очень толстого слоя. В доказательство огромной разрушительной силы прибоя достаточно напомнить о больших утесах вдоль нынешнего берега Патагонии, а равно и обрывах, или древних подводных скалах, расположенных одна над другой на различных уровнях вдоль того же берега.

Древняя подстилающая третичная формация в Кокимбо относится, повидимому, к той же эпохе, к которой относятся и многие отложения на чилийском берегу (главное из них—в Наведаде) и большая патагонская формация. Как в Наведаде, так и в Патагонии существуют доказательства тому, что с того времени, когда в этих местах жили ныне погребенные там моллюски (список их был просмотрен профессором Э. Форбсом), последовало сначала опускание на несколько сот футов, а вслед за тем поднятие. Естественно возникает вопрос: как могло случиться, что хотя по обеим сторонам материка не сохранилось обширных отложений с ископаемыми ни новейшего периода, ни периода, расположенного между ним и древней третичной эпохой, однако, в этой самой древней третичной формации находятся осадки с ископаемыми остатками, отложившиеся и сохранившиеся на различных точках линии, идущей на юг и на север на пространстве 1 100 миль по берегам Тихого океана, и, по крайней мере, 1 350 миль по берегам Атлантического, а также на 700 миль

поперек этой линии, на восток и на запад, через самую широкую часть материка. Объяснение этому нетрудно найти, и оно может, я думаю, служить и для всех других подобных фактов, замеченных в разных частях света. Принимая в соображение огромные размеры денудации, производимой, как это доказывается множеством фактов, морем, нельзя допустить, чтобы осадочное отложение, обнажившееся при поднятии, могло бы подвергаться действию прибоя и сохраниться при этом в виде достаточной толщи до более отдаленных времен, если только оно с самого начала не имело обширного распространения и значительной мощности; но так как совершенно невозможно, чтобы на сравнительно небольшой глубине на дне океана,—где только и имеются наиболее благоприятные условия для большинства живых существ,—могли накопиться такие мощные и обширные слои осадков, то необходимо предположить, что дно это постепенно опускалось, благодаря чему на нем могли отлагаться последовательные пласты. Так, повидимому, и случилось почти одновременно в Южной Патагонии и в Чили, хотя эти местности удалены друг от друга на 1 000 миль. Поэтому, если длительное и приблизительно одновременное понижение совершается на большом пространстве (я очень склонен думать это на основании моих исследований коралловых рифов в великих океанах), или же если, ограничиваясь одной только Южной Америкой, опускание совершалось на том же пространстве, что и поднятие, при котором—в течение одного и того же периода современных моллюсков—были подняты берега Перу, Чили, Огненной Земли, Патагонии и Ла Платы, то этим и объясняется одновременное существование в столь отдаленных друг от друга пунктах условий, благоприятствовавших образованию обширных и достаточно мощных отложений с ископаемыми; такие отложения имели все шансы противостоять размывающему действию прибоя на последовательных уровнях берега и сохраниться до позднейших времен.

21 мая.—Я отправился в обществе дона Хосе Эдуардса осмотреть серебряные рудники Аркероса, а оттуда вверх по долине Кокимбо. Мы ехали гористой местностью и к ночи прибыли на рудники, принадлежащие м-ру Эдуардсу. Я провел эту ночь с особенным наслаждением, которого не могут вполне оценить англичане; дело в том, что здесь не было блох, которыми кишат все дома в Кокимбо: здесь, на высоте всего трех или четырех тысяч футов, они уже не могут жить; впрочем, едва ли одно только незначительное понижение температуры изгоняет отсюда этих докучливых насекомых,—должна быть какая-то другая причина этого. В настоящее время рудники находятся в плохом состоянии, в прежние же времена они давали до 2 000 фунтов серебра в год. Кто-то сказал, что «владелец медного рудника преуспевает всегда, владелец серебряного рудника может преуспевать, но владелец золотых россыпей терпит всегда убыток». Это, однако, совершенно неверно, потому что все чилийские богачи нажились на рудниках драгоценных металлов. Еще недавно один английский медик, вернувшийся в Англию из Копиапó, привез с собой 24 000 фунтов стерлингов, свою долю барыша в компании по разработке серебряного рудника. Разумеется, хорошо разрабатываемый медный рудник дает

верный барыш, тогда как разработка руды более драгоценной представляет риск, своего рода лотерею, причем владельцы рудника еще чрезвычайно много теряют от воровства, которое предупредить невозможно. Я слышал, что один джентльмен держал пари с другим, что один из его рудокопов обворует его у него на глазах. Когда руду вытаскивают из шахты, ее разбивают на куски, и простой камень отбрасывают в сторону. Двое занятых этим рудокопов отбросили как бы случайно в одно время два обломка, сказав шутя: «Посмотрим, чей дальше упадет». Владелец, стоявший поблизости, побился об заклад со своим знакомым на сигары за одного из рудокопов. Заметив место, куда упал обломок среди кучи мусора, рудокоп отыскал его вечером и принес своему хозяину. «Вот тот камень, благодаря которому вы выиграли сигары»,—сказал он, показывая большой кусок серебряной руды.

23 мая.—Мы спустились в плодоносную долину Кокимбо и ехали по ней до гасиенды, принадлежащей родственнику дона Хосе, где мы провели следующий день. Я отправился потом дальше, на расстояние одного дня пути, чтобы осмотреть то, что мне выдавали за окаменелые раковины и бобы,—они оказались мелкими кварцевыми голышами. Мы проехали через несколько небольших селений; долина превосходно возделана и представляет величественную картину. Вблизи находилась главная цепь Кордильер, а вокруг нас—высокие холмы. Повсюду в Северном Чили фруктовые деревья дают гораздо более плодов на значительной высоте близ Андов, чем в низменной части страны. Фиги и виноград этого округа славятся своими качествами и возделываются в обширных размерах. Эта долина, может быть, самая плодородная к северу от Килоты; я полагаю, что на ней, включая Кокимбо, живет 25 000 человек. На следующий день я вернулся в гасиенду, а оттуда отправился вместе с доном Хосе в Кокимбо.

2 июня. —Мы направились в долину Гуаско по дороге, проходившей берегом моря, которая считается не столь пустынной, как другая. В первый же день прибыли мы в один уединенный дом, называемый Yerba Buena[190], где имелось пастбище для наших лошадей. Следы дождя, выпавшего, как сказано, за две недели перед тем, прекращались на полпути до Гуаско; поэтому в начале нашего путешествия мы ехали по земле, покрытой бледной зеленью, которая вскоре совсем исчезла; впрочем, даже и те места, где она была наиболее яркой, не напоминали свежего дерна с распускающимися цветами, какой бывает весной в других странах. Проезжая через эти пустыни, чувствуешь то же, что узник, которого выпустили на мрачный двор и которому так хочется увидеть зелень и подышать влажным воздухом.

3 июня.—От Иерба Буэна до Карисаля. В течение первой части дня мы проезжали по гористой, каменистой пустыне, а потом—через длинную глубокую песчаную равнину, усеянную обломками морских раковин. Воды тут было очень мало, и та солоноватая; весь этот край, от берега до Кордильер, представляет необитаемую пустыню. Я заметил обильные следы только одного животного, именно раковины моллюска Bulimus[191], лежавшие громадными кучами на самых сухих местах. Весной какое-то скромное, мелкое растение распускает здесь свои редкие листочки, которыми и питаются эти улитки. Гуаско полагают, что эти улитки родятся из росы, так как они появляются

только рано утром, когда земля увлажнена росой. Я заметил в других местах, что самые сухие и бесплодные районы с известковой почвой чрезвычайно благоприятны для наземных моллюсков. В Карисале есть несколько домиков, немного солоноватой воды и следы обработки земли; несмотря на это, мы с трудом добыли себе немного хлеба и соломы для наших лошадей.

4 июня.—От Карисаля до Саусэ. Мы продолжали ехать пустынными равнинами, на которых пасутся большие стада гуанако. Мы проезжали также через Чаньеральскую долину, самую плодородную на пути между Гуаско и Кокимбо; она, однако, так узка, что имеет весьма мало лугов, и мы не могли нанять пастбище для наших лошадей. В Саусэ мы нашли вежливого старого джентльмена, управляющего медноплавильным горном. Он разрешил мне в виде особой милости купить за дорогую цену горсть грязной соломы,— все, что наши бедные лошади получили на ужин после целого дня езды. Теперь в Чили весьма мало плавилен, потому что при крайнем недостатке в дровах и при плохом чилийском методе плавления нашли гораздо более выгодным пересылать руду в Суэнси. На следующий день мы перешли через несколько гор по пути до Фрейрины, лежащей в долине Гуаско. С каждым днем, по мере приближения к северу, растительность редела все более и более; даже большой канделябровидный кактус сменился здесь другим более мелким видом. Зимой как в Северном Чили, так и в Перу над Тихим океаном нависают низкие, однообразные облака, и мы любовались с гор на это белое блестящее воздушное поле, простирающее рукава над долинами, образуя такие же острова и мысы, как море в архипелаге Чонос и на Огненной Земле.

Мы провели два дня во Фрейрине. В долине Гуаско лежат четыре небольших городка. При входе в нее находится «порт», совершенно пустынное место, поблизости которого совсем нет воды, а пятью лье выше лежит Фрейрина, длинное, разбросанное селение с опрятными белыми домиками. Десятью милями выше находится Балленар, а над ним селение Гуаско Альто, славящееся своими садами и сушеными фруктами. В ясный день вид на долину чрезвычайно привлекателен. Перспектива ее замыкается вдали снежными Кордильерами; бесчисленное множество пересекающихся линий сливается по обеим сторонам в изящную долину. Параллельные террасы, идущие уступами, образуют оригинальный передний план этой картины, а пересекающая ее полоса зеленой долины с группами ив служит контрастом обнаженным холмам. Вся окрестная страна была совершенно бесплодна, потому что дождя не выпадало уже 13 месяцев. Жители с завистью услышали о дожде в Кокимбо; впрочем, вид неба обещал и им то же благо, и две недели спустя надежды их оправдались. Я находился тогда в Копиапó, где народ толковал с такой же завистью о дожде в Гуаско. После двух-трех лет засухи, в продолжение которых, быть может, не более одного раза выпадает дождь, обыкновенно наступает весьма дождливый год, который причиняет еще более вреда, чем засуха. Реки разливаются, заносят песком и гравием узкие полосы земли, единственно годные для возделывания; они портят также канавы, служащие для орошения. Три года тому назад случилось подобное бедствие.

8 июня.—Мы отправились в Балленар, заимствовавший свое имя от ирландского Балленаха, местопроисхождения фамилии О'Гиггинс, члены которой при испанском правительстве занимали в Чили должности президентов и генералов. Каменистые горы, стоявшие по обеим сторонам, были скрыты облаками, и равнины, расположенные террасами, придавали этой долине сходство с долиной Санта Крус в Патагонии. Проведя один день в Балленаре, я отправился 10-го числа в верхнюю часть долины Копиапо́. Мы ехали целый день по стране, не представлявшей никакого интереса. Мне уже надоело повторять слова «обнаженный» и «бесплодный»; впрочем, они имеют только относительный смысл; я назвал так равнины Патагонии, где нет ничего, кроме колючих кустарников и редкой травы; а между тем эти равнины могут назваться еще плодоносными по сравнению с Северным Чили. Да и здесь редко попадается пространство в каких-нибудь двести квадратных ярдов, на котором при тщательном осмотре нельзя было бы обнаружить кое-какие кустарники, кактусы или лишайники, а в почве лежат семена, готовые взойти при первой дождливой зиме. Настоящие же пустыни встречаются в Перу, где они простираются на огромные пространства. Вечером мы добрались до долины, в которой открыли сырую ложбину, и, следуя по ней, мы отыскали, наконец, довольно сносную воду. Ночью этот поток испаряется и поглощается медленнее, чем днем, а потому и течет на одно лье далее. Кустарники доставили нам хорошее топливо, и мы с удобством расположились в этом месте на ночлег, но для бедного скота мы не нашли ни горсти травы.

11 июня.—Мы ехали, не останавливаясь, двенадцать часов, и прибыли, наконец, к старым плавильням, где имелись вода и топливо, но лошадям нашим опять нечего было есть; мы заперли их в старом дворе. Дорога была холмистая, и отдаленные виды привлекали взор разнообразием окраски оголенных гор. Жалко даже видеть, что солнце постоянно светит над этой ни к чему не годной страной; такой ясной погоды были бы достойны цветущие сады и зеленые поля. На следующий день мы прибыли в долину Копиапо́. Я был очень рад, потому что все это путешествие наводило на меня постоянную тоску; особенно было неприятно слушать, сидя за ужином, как наши лошади грызли столбы, к которым они были привязаны, не имея никакой возможности утолить свой голод. Несмотря на то животные совсем не казались заморенными, и никто не подумал бы, что они не ели в продолжение 55 часов.

Я имел рекомендательное письмо к м-ру Бингли, который принял меня очень любезно в гасиенде Потреро Секо. Это поместье имеет от 20 до 30 миль в длину и представляет узкую полосу земли, всего в два поля по обеим сторонам реки; во многих местах оно до того узко, что невозможно даже устроить искусственное орошение, и земля так же бесплодна, как и окружающая ее каменистая пустыня. Малое количество обработанной земли вдоль всей этой долины зависит не столько от неудобства орошения неровной почвы, сколько от недостатка воды. В этом году река была очень полноводна; здесь, в верхней части долины, вода доходила под брюхо лошади; река имела до 15 ярдов ширины, и течение ее было очень быстро. Ниже она становится мельче и, наконец, совсем теряется; случилось однажды, что

в продолжение 30 лет ни одна капля ее воды не доходила до моря. Жители с нетерпением ожидали бурь на Кордильерах, потому что обильно выпавший там снег обеспечивает их водой на следующий год. Горный снег несравненно полезнее дождя в низменной части страны. Конечно, и дождь, который выпадает здесь раз в два-три года, приносит немалую пользу, потому что рогатый скот и мулы находят себе после него хотя сколько-нибудь травы на горах. Но без снега, тающего на Андах, вся долина потерпела бы крайнее бедствие. Говорят, что почти все жители уже три раза были вынуждены переселяться на юг. В этом году воды было довольно, и все орошали свои поля, сколько хотели, а то нередко приходилось ставить у плотин солдат для наблюдения за тем, чтобы на каждый участок бралось воды не более установленного в продолжение известного количества часов в неделю. В этой долине насчитывается 12 000 жителей, но производимых ею продуктов хватает всего на три месяца в году, остальное дополняется подвозом из Вальпарайсо и с юга. До открытия знаменитых серебряных рудников в Чанунсильо Копиапó быстро приходил в упадок; но теперь он в весьма хорошем положении, и город, совершенно разрушенный землетрясением, теперь снова обстроился.

Долина Копиапó, лежащая яркозеленой лентой в пустыне, тянется по направлению к югу и имеет значительное протяжение до своего начала, прилежащего к Кордильерам. Долины Гуаско и Копиапó представляются длинными, узкими островами, отделенными от остальной части Чили вместо моря каменистыми пустынями. К северу от них лежит еще одна очень жалкая долина, Папосо, населенная 200 жителей, а за нею начинается уже настоящая пустыня Атакама, образующая несравненно бóльшую преграду, чем самый бурный океан. Проведя несколько дней в Потреро Секо, я отправился вверх по долине к дому дона Бенито Крус, к которому у меня было рекомендательное письмо. Он принял меня чрезвычайно радушно; впрочем, надо сознаться, что вообще в Южной Америке путешественники находят самый ласковый прием. На следующий день я нанял мулов для переправы через овраг Холкера к центральным Кордильерам. Во вторую ночь погода предвещала, казалось, снежную или дождливую бурю, и мы, лежа в постелях, ощутили легкий подземный толчок.

Много спорили о связи между погодой и землетрясениями; мне кажется, что этот неясный для нас вопрос представляет весьма большой интерес. В Personal Narrative* Гумбольдт говорит, что никто из долго живших в Новой Андалусии или в Нижнем Перу не станет отрицать некоторой связи между этими явлениями; однако, в другом месте он считает, повидимому, эту связь воображаемой. Говорят, что в Гуаякиле сильные ливни в сухое время года обыкновенно сопровождаются землетрясениями. В Северном Чили, где дожди весьма редки и где даже редко замечаются какие-либо признаки дождя, вероятность такого случайного совпадения ничтожна, однако, и здесь жите-

* Vol. IV, p. 11; vol. II, p. 217. Относительно Гуаякиля см. Silliman's Journal[192], vol. XXIV, p. 384. Относительно Такны см. у м-ра Гамильтона в Transactions of British Association, 1840; относительно Косегуины см. у м-ра Калдклю в Philosophical Transactions, 1835. В прежнем издании я привел несколько свидетельств о совпадении между внезапным понижением барометра и землетрясениями, а также между землетрясениями и метеорами.

ли твердо убеждены в существовании какой-то связи между состоянием атмосферы и колебанием земли. Я был очень удивлен, когда жители Копиапó, узнав о землетрясении в Кокимбо, сразу же воскликнули: «Какое счастье, у нас будет много травы в нынышнем году!» Для них землетрясение так же верно предвещает дождь, как дождь— обильные пастбища. Действительно, случилось так, что в этот же самый день, когда было землетрясение, пошел проливной дождь, благодаря которому земля, как я уже сказал, покрылась через десять дней редкой травой. Случалось, что дождь следовал за землетрясением в такое время года, когда дожди невероятнее самого землетрясения; так было после землетрясения в Вальпарайсо в ноябре 1822 г. и в 1829 г., а также после землетрясения в Такне в сентябре 1833 г. Люди, несколько знакомые с климатом этих стран, поймут всю невероятность дождя в такое время года, если не допустить, что он возник в результате действия какого-то закона, стоящего вне всякой связи с обычным ходом погоды. Что касается сильных вулканических извержений, вроде случившегося в Косегуине, когда лили потоки дождя в самое необычное для него время года, чему «почти не бывало примеров в Центральной Америке», нетрудно понять, что массы паров и облаков дыма могли нарушить равновесие атмосферы. Гумбольдт распространяет этот взгляд и на землетрясения, не сопровождаемые извержениями; но я думаю, что едва ли вероятно, чтобы небольшое количество газообразного вещества, исходящего из трещин почвы, могло дать такой замечательный эффект. Значительно более вероятной кажется точка зрения, впервые высказанная м-ром П. Скропом: он думает, что при понижении барометра, когда естественно ожидать выпадения дождя, пониженное давление воздуха на обширном пространстве земли может в точности определить тот день, когда земная кора, и без того напряженная до крайности подземными силами, уступит, даст трещины и вследствие этого задрожит. Сомнительно, впрочем, может ли эта теория объяснить проливные дожди, продолжающиеся в течение нескольких дней в сухое время года после землетрясений, не сопровождаемых извержениями; подобные случаи указывают, повидимому, на какую-то более тесную связь между атмосферой и подземной областью.

Найдя мало любопытного в этой части оврага, мы возвратились к дому дона Бенито, у которого я прожил два дня, собирая ископаемые раковины и окаменевшее дерево. Тут было невероятное количество окаменевших стволов в лежачем положении, похороненных в конгломерате; один из них, измеренный мною, имел 15 футов в окружности: каждый атом вещества этого огромного цилиндра был удален и затем замещен кремнием с такой полнотой, что сохранились все сосуды и поры! Эти деревья жили приблизительно во время нашего нижнего мелового периода; все они принадлежат к елевым. Забавно было слушать, как здешний народ рассуждал о природе собранных мною ископаемых раковин, почти в тех же самых выражениях, как сто лет тому назад в Европе,—«рождены ли они природой или нет?» Вообще, мои геологические исследования немало удивляли чилийцев; они долго были убеждены, что я разыскиваю рудники. Иногда это доставляло мне немало затруднений, и я нашел, что короче всего можно объяснить им мои занятия, спрашивая: неужели им самим не любо-

пытно узнать причину извержений и землетрясений, или почему одна весна бывает жаркая, а другая холодная, или почему в Чили так много гор, тогда как в Ла Плате нет ни одного холма? Эти простые вопросы сразу удовлетворяли и заставляли умолкать бо̀льшую часть любопытных; но некоторые (как и кое-кто в Англии, кто отстал на целое столетие) находили все эти исследования бесполезными и безбожными, считая совершенно достаточным объяснение, что так уж горы созданы богом.

Незадолго перед тем вышел приказ истреблять всех бродячих собак, и мы встречали по дороге много собачьих трупов. В последнее время было очень много бешеных собак; они искусали много людей, которые от этого умерли. В этой долине несколько раз свирепствовала водобоязнь. Замечательно, что эта странная и ужасная болезнь появляется время от времени в одном и том же ограниченном месте. В Англии также замечено, что некоторые деревни более других подвержены этой болезни. Доктор Унануэ говорит, что впервые она появилась в Южной Америке в 1803 г. Это мнение подтверждается тем, что Азара и Уллоа не слыхали в свое время об этой болезни. Доктор Унануэ говорит, что она возникла в Центральной Америке и медленно распространялась к югу. В 1807 г. она достигла Арекипы, где, говорят, несколько негров заболели ею, не будучи укушенными: они поели мяса быка, издохшего от водобоязни. В Ике погибло от этой болезни 42 человека. Болезнь обнаруживалась у них между двенадцатым и девятнадцатым днем после укушения, и во всех этих случаях смерть неизбежно наступала через пять дней. После 1808 г. случаев водобоязни долго не наблюдалось. На Вандименовой Земле и в Австралии я не слыхал о водобоязни; Берчелл говорит, что в течение пяти лет, проведенных им на мысе Доброй Надежды, он и там не слышал ни об одном случае этой болезни. Уэбстер утверждает, что на Азорских островах водобоязнь никогда не появлялась; то же самое утверждают относительно островов Маврикия и Св. Елены*. Может быть, явилась бы возможность сколько-нибудь объяснить эту странную болезнь, изучив обстоятельства, при которых она появляется в различных климатах, потому что невероятно, чтобы в эти отдаленные страны могла быть перевезена собака, уже укушенная [103].

Ночью в дом дона Бенито приехал какой-то проезжий и просил позволения переночевать, говоря, что он заблудился и бродил в горах 17 дней. Он выехал из Гуаско и, будучи знаком с Кордильерами, думал без труда добраться до Копиапо̀, но вскоре заблудился в лабиринте гор, откуда не мог выбраться, потерял несколько мулов, упавших в пропасти, и оказался в очень тяжелом положении. Более всего затрудняла его невозможность достать воды в низменной части страны, так что он был вынужден держаться центральных высот.

Мы поехали обратно вниз по долине и прибыли 22 июня в город Копиапо̀. Низменная часть долины широка и образует красивую равнину, вроде равнины Килота. Город занимает значительное про-

* Observac. sobre el clima de Lima, p. 67.—Azara, Travels, vol. I, p. 381.— Ulloa, Voyage, vol. II, p. 28.—Burchell, Travels, vol. II, p. 524.—Webster, Description of the Azores, p. 124.—Voyage à l'Isle de France par un Officier du Roi[194], t. I, p. 248.—Description of St. Helena, p. 123.

странство; при каждом доме имеется сад; но вообще жизнь здесь неудобна и жилища плохие. У всех жителей, повидимому, одна цель: поскорее разбогатеть и затем уехать отсюда; все они прямо или косвенно связаны с рудниками; рудники и руда служат главным предметом разговоров. Все предметы первой необходимости здесь ужасно дороги, так как от города до порта 18 лье, а подвоз сухим путем обходится очень дорого. Курица стоит 5 или 6 шиллингов; говядина почти так же дорога, как в Англии; дрова, или, вернее, хворост, привозятся на ослах с Кордильер из мест, лежащих на расстоянии двух-трех дней езды; прокормить скот стоит здесь шиллинг в сутки; все это неслыханно дорого для Южной Америки.

26 июня.—Я нанял восемь мулов с проводником для поездки в Кордильеры по другому направлению, чем в мою последнюю экскурсию. Так как нам предстояло проезжать через совершенно пустынную страну, то мы захватили с собой запас ячменя, смешанного с рубленой соломой. На расстоянии около двух лье от города широкая долина «Despoblado», т. е. необитаемая, ответвляется от той, по которой мы ехали. Эта долина, очень обширная и ведущая к проходу через Кордильеры, совершенно суха, исключая, может быть, несколько дней в дождливые зимы. Бока осыпающихся гор почти совершенно лишены оврагов, и дно главной долины, покрытое щебнем, мягкое и почти ровное. По этому ложу из щебня никогда, повидимому, не протекал ни один значительный поток, иначе он проложил бы себе канал с утесистыми берегами, как во всех южных долинах. Несомненно, что эта долина, подобно долинам Перу, описанным путешественниками, осталась в том виде, в каком мы ее сейчас находим, с того времени, когда сошла с нее морская вода при постепенном поднятии материка. Я заметил в одном месте, где Деспобладо переходит в овраг (который во всякой другой горной цепи мог бы назваться большой долиной), что ложе этой долины, хотя и состоит преимущественно из песка и гравия, выше ложа той, которая составляет ее рукав. Маленький ручеек в один час проложил бы себе тут ложбину, но ясно, что по этой долине не протекало в продолжение целых веков ни единого ручейка. Любопытно было видеть механизм, если можно так выразиться, для орошения, находившийся в полной, за исключением некоторых деталей, исправности, но без всяких следов его применения. Каждый, я думаю, заметил, что грязевые мели во время отлива напоминают в миниатюре страну с холмами и долинами; здесь же мы имеем оригинальную модель из камня, образовавшуюся в процессе векового отступания океана вследствие поднятия материка, а не в результате действия приливов и отливов. Дожди, падающие на мели, когда с них сошла вода, углубляют уже образовавшиеся мелкие впадины, и такое же действие производят дожди в продолжение целых веков на те мели, которые состоят из камня и земли и называются материками.

Мы продолжали ехать и после того как стемнело, пока не прибыли к боковому оврагу с небольшим колодцем, называемым «Agua amarga»[195]. Вода заслуживает этого названия, так как она не только солона, но горька и сильно отзывается гнилью, так что мы не могли приготовить из нее ни чая, ни мате. Я полагаю, что отсюда до реки

Копиапо будет, по крайней мере, 25 или 30 английских миль; на всем этом протяжении не встречается ни капли воды, так что эта страна вполне заслуживает названия пустыни. Впрочем, на полупути, близ Пунта Горда, мы встретили какие-то древние индейские развалины; я заметил также в начале некоторых из долин, прилежащих к долине Деспобладо, по две груды камней, лежащих на некотором расстоянии одна от другой и как бы обозначающих вход в эти небольшие долины. Мои спутники не знали ничего о значении этих камней и на все мои расспросы отвечали своим неизменным «quien sabe»?

Я видел индейские развалины в различных частях Кордильер; наиболее замечательные из виденных мною развалины Тамбильо находятся в проходе Успаллата: это небольшие квадратные помещения, стоящие отдельными группами, местами уцелели входы, образованные при помощи каменной плиты, положенной поперек на высоте всего лишь около трех футов. Уже Уллоа заметил, что двери в древних перуанских жилищах очень низки. Эти дома могли содержать значительное число жильцов и предание говорит, что они служили местами остановок для инков во время проезда их через горы. Следы индейских жилищ найдены и в ряде других мест, где они, повидимому, не могли служить только для отдыха в пути, но где земля точно так же непригодна для обработки, как и близ Тамбильо, у Моста Инков и в проходе Портильо,—во всех этих местах я видел развалины. Я слышал, что в ущелье Хахуэль, близ Аконкагуа, где нет даже и прохода, также имеются остатки жилищ, расположенных в совершенно бесплодной местности на очень большой высоте, где чрезвычайно холодно. Я думал вначале, что эти строения служили убежищами, построенными индейцами при первом нашествии испанцев; но потом мне пришло в голову, что, может быть, тут произошла некоторая перемена в климате.

Говорят, что в северной части Чили в Кордильерах особенно много таких старинных индейских жилищ. В развалинах нередко находят клочки шерстяных тканей, различные орудия из драгоценных металлов и початки кукурузы; мне дали агатовый наконечник стрелы точно такой же формы, какая и теперь употребляется на Огненной Земле. Я знаю, что перуанские индейцы и теперь нередко селятся на самых холодных возвышенностях, а в Копиапо меня уверяли люди, проведшие всю жизнь в путешествиях через Анды, что они видели чрезвычайно много (*muchisimas*) жилищ на высотах, почти граничащих с вечным снегом, и в таких местах, где нет проходов и где почва ничего не производит, а что всего удивительнее, где нет и воды. Тем не менее здешний народ полагает (хотя и дивится этому), что, судя по характеру жилищ, индейцы жили в них постоянно. Развалины, виденные мною в Пунта Горда, состоят из семи или восьми небольших квадратных комнат такой же формы, как и в Тамбильо, но построенных преимущественно из глины, и притом так, что нынешние жители не в состоянии ни здесь, ни, по свидетельству Уллоа, в Перу строить подобного рода дома так прочно. Развалины стоят на самом опасном и беззащитном месте, в глубине плоской и широкой долины. Вода имеется только на расстоянии трех или четырех лье, и то плохая и в небольшом количестве; почва совершенно бесплодна, и я тщетно пытался обнаружить хотя бы лишайники на камнях.

В настоящее время, несмотря на наличие вьючных животных, разработка рудника вряд ли могла бы представить в этих местах выгоду, разве что рудник оказался бы чрезвычайно богатым. И однако, было же время, когда индейцы выбрали именно это место для своего поселения! Если бы в настоящее время дождь выпадал здесь два или три раза в году, а не один, как бывает сейчас, то в этой обширной долине образовался бы через несколько лет небольшой ручеек, и почву легко было бы сделать посредством орошения (в котором индейцы были прежде так искусны) достаточно плодородной для поддержания нескольких семейств.

Я имею убедительные доказательства того, что эта часть южноамериканского материка со времени появления ныне живущих моллюсков поднялась у берегов, по крайней мере, на 400 или 500 футов, а в некоторых местах даже от 1 000 до 1 300 футов. Далее внутрь страны поднятие, возможно, было и еще большим. Так как чрезвычайная сухость климата обусловлена высотой Кордильер, то можно быть вполне уверенным, что до последних поднятий воздух не был так сух, как ныне, а так как поднятие происходило постепенно, то таким же образом должен был изменяться и климат. Впрочем, допустив изменение климата с того времени, когда в этих строениях еще жили люди, придется допустить и чрезвычайную древность этих развалин; но я полагаю, что в чилийском климате им нетрудно было сохраниться. На том же основании приходится допустить (а это уже гораздо труднее), что человек обитает в Южной Америке уже чрезвычайно давно, так как постепенное изменение климата, вызванное поднятием материка, должно было совершаться тоже чрезвычайно медленно. В Вальпарайсо в течение последних 220 лет поднятие составляет несколько менее 19 футов; в Лиме морской берег несомненно поднялся на 80 или 90 футов за время существования индейской расы, но такие сравнительно незначительные поднятия не могли бы отклонить атмосферные течения, несущие влагу. Впрочем, д-р Лунд нашел в бразильских пещерах человеческие скелеты, наружность которых заставляет его предполагать, что индейская раса существует в Южной Америке уже в продолжение весьма долгого времени.

Я разговаривал в Лиме об этом предмете* и с м-ром Джиллом, гражданским инженером, хорошо знакомым с внутренней частью страны. Он говорил мне, что и у него мелькала иногда мысль об изменении климата, но он полагает, что бо́льшая часть страны, в настоящее время негодная для обработки, но покрытая индейскими развалинами, приведена в это состояние потому, что водопроводы, которые индейцы сооружали в былое время в таких огромных размерах, пришли теперь в упадок из-за небрежного отношения к ним и вследствие землетрясений. Здесь кстати упомянуть, что перуанцы проводили свои оросительные каналы в тоннелях, пробитых в горах, состоящих из твердой породы. М-р Джилл рассказывал мне, что

* Темпль рассказывает, что, проезжая от Потоси к Оруро, во время своего путешествия по Верхнему Перу, или Боливии, видел «множество развалин индейских деревень или жилищ на самых вершинах гор, свидетельствующих о былой населенности этих мест, совершенно необитаемых в настоящее время». То же самое заметил он и в другом месте; неизвестно только, что было причиной этого запустения: недостаток ли населения или изменение местных условий.

однажды он по обязанности своей службы исследовал такой тоннель; он обнаружил низкий, узкий, извилистый и не везде одинаково широкий, но очень длинный проход. Не удивительно ли, что люди предпринимали такие работы, не зная железа и пороха? М-р Джилл сообщил мне еще один весьма любопытный и, насколько мне известно, беспримерный факт, а именно о землетрясении, переместившем оросительную систему одной местности. Проезжая от Касмы к Гуарасу (неподалеку от Лимы), он увидел равнину, покрытую развалинами и следами древней обработки земли, но в настоящее время совершенно бесплодную. Поблизости находилось сухое русло довольно большой реки, из которой была проведена в старину вода для орошения. Нельзя было решить по виду этого русла, очень ли давно или только за немного лет перед тем протекала эта река; в некоторых местах виднелись пласты песка и гравия; в других—твердая порода была пробита широким каналом, который в одном месте имел до 40 ярдов ширины и 8 футов глубины. Обыкновенно, поднимаясь вверх по реке, идешь более или менее в гору; но м-р Джилл, идя вверх по ложу этой древней реки, увидел, к своему крайнему удивлению, что он спускается с холма. Он полагает, что отлогость эта имеет падение от 40 до 50 футов по вертикали. Очевидно, что прямо поперек древнего русла этой реки поднялся гребень возвышенности; когда дно реки таким образом выпучилось, вода естественно должна была отступить и прорыла себе новое русло. Вследствие этого прилежавшая к реке долина лишилась оплодотворявшей ее влаги и превратилась в пустыню.

27 июня.—Мы выступили в путь рано утром и в полдень прибыли в лощину Пайпотэ, в которой протекает маленький ручеек, растет немного травы и даже несколько деревьев альгарробы[196],—род мимозы. Ввиду наличия топлива здесь в прежнее время была построена плавильня; мы нашли при ней сторожа, единственным занятием которого была охота за гуанако. Ночью был сильный мороз, но так как дров было достаточно, то мы не страдали от холода.

28 июня.—Мы продолжали постепенно подниматься; долина превратилась в овраг. Днем мы видели нескольких гуанако, и следы весьма близкого к ним вида—викуньи. Это вполне горное животное, редко спускающееся за черту вечных снегов и поэтому обитающее в местах еще более высоких и бесплодных, чем гуанако. Из других животных довольно часто попадалась нам только маленькая лисица. Я полагаю, что она питается мышами и другими мелкими грызунами, которые водятся в значительном количестве во всех пустынных местах, где есть хотя какая-нибудь растительность. Патагония кишит этими мелкими животными даже по берегам салин, где невозможно найти ни капли пресной воды, кроме росы. Мыши, подобно ящерицам, способны, повидимому, жить в самых сухих частях земного шара; они водятся на малейших клочках земли, даже на островках среди больших океанов.

Со всех сторон нас окружала пустыня; под ясным, безоблачным небом все детали пейзажа были ярко освещены и резко подчеркнуты. Вначале такое зрелище всегда производит величавое впечатление, но это ощущение непродолжительно, и скоро картина становится

скучной. Мы расположились у подошвы «primera linea», т. е. первой линии водораздела. Впрочем, с восточной стороны реки текут здесь не в Атлантический океан, а в приподнятую местность, посреди которой находится большая салина, т. е. соленое озеро, образующее как бы небольшое подобие Каспийского моря на высоте, может быть, 10 000 футов. Там, где мы ночевали, лежали довольно значительные сугробы снега, но они не остаются в течение всего года. Ветер на этих высотах подчинен совершенно строгому правилу: днем всегда дует свежий ветерок вверх по долине, а ночью, спустя час или два после заката солнца, задувает, как из воронки, холодный ветер с горных вершин. В эту ночь дул сильный ветер, и температура была, должно быть, значительно ниже точки замерзания, потому что вода в сосуде быстро превратилась в кусок льда. Моего теплого платья было недостаточно для того, чтобы предохранить меня от стужи, так что я не мог спать и встал утром совершенно окоченевший.

Далее на юг люди нередко погибают в Кордильерах от метелей, а здесь это случается от другой причины. Мой проводник, когда был еще мальчиком лет четырнадцати, проезжал однажды в мае через Кордильеры; в это время в центральной части гор поднялась страшная буря, так что люди едва могли усидеть на своих мулах, и вокруг них так и сыпались камни. День был безоблачный, и не выпало ни одной снежинки, но было страшно холодно. Возможно, что температура была лишь немного ниже точки замерзания, но путники, плохо защищенные своей одеждой, особенно страдали от быстрого течения холодного воздуха. Прошел целый день, а буря не унималась, и люди стали уже терять силы; мулы их также отказывались двигаться вперед. Брат моего проводника сделал попытку вернуться и погиб; два года спустя его тело было найдено близ дороги, он лежал рядом со своим мулом и еще держал в руке поводья. Двое других людей из той же партии лишились пальцев на руках и на ногах, а из 200 мулов и 30 коров уцелело всего 14 мулов. За несколько лет перед тем погибла еще другая большая партия, вероятно, таким же образом; не спасся ни один человек, но трупы и до сих пор не найдены. Мне кажется, что такое сочетание безоблачного неба, низкой температуры и сильного ветра представляет исключительное явление на земном шаре.

29 июня.—Мы с радостью спустились вниз по долине к месту нашего первого ночлега, а оттуда к Агуа амарга. Первого июля мы прибыли в долину Копиапó. Запах свежего клевера казался восхитительным после сухого бесплодного Деспобладо, где воздух не имеет никакого запаха. Во время пребывания в городе я слышал от некоторых жителей о находящейся поблизости горе, называемой ими «el Bramador», т. е. ревун. В то время я не обратил на это должного внимания. Но насколько я мог понять, это холм, покрытый песком, и шум на нем слышится только тогда, когда люди, поднимаясь по нему, приводят песок в движение. Подобное же явление было подробно описано со слов Зеетцена и Эренберга* как причина звуков,

* Edinburgh Philosophical Journal, Jan. 1830, p. 74 и April 1830, p. 258, а также Daubeny, On Volcanoes, p. 438, и Bengal Journal, vol. VII, p. 324.

Карта центрального и северного Чили.

По данным карт, составленных офицерами «Бигля». Красная линия—маршрут перехода Дарвина через Кордильеры.

75
70
ГАВАНЬ КОПИАПО
Копиапо
ГУАСКО
Бухта Каррисаль
Альта
Иерба Буэно
КОКИМБО
(ЛА СЕРЕНА)
30
Лимари
Иллапель
Кончали
Килемари
Петорка
Аконкагуа
С. Филипе
Успаллата
Кинтеро
МЕНДОСА
ВАЛЬПАРАЙСО
Килота
САНТ ЯГО
Тупунгато
Пер. Портильо
Майпу
де Майпу
Наведада
Ранкагуа
С. Фернандо
Каукенес
35
КОРДИЛЬЕРЫ
ТИХИЙ ОКЕАН
О-ва Хуан Фернандес
Порт Талькахуано
КОНСЕПСИОН
Арауко
Антуко
Империаль
Вилларика
ВАЛЬДИВИЯ
40
Осорно
Масштаб
0 50 100 150 км

слышанных многими путешественниками на Синайской горе близ Красного моря. Я разговаривал с человеком, слышавшим этот шум; он описывал его, как весьма удивительное явление, положительно утверждая, что шум, причины которого он не понимал, слышался только тогда, когда песок скатывался по отлогости. Лошадь, ступая по сухому крупному песку, производит особенный скрип, происходящий от трения песчинок; это я не раз замечал на бразильском берегу.

Через три дня я узнал о прибытии «Бигля» в порт, находящийся в 18 лье от города. В долине мало возделанной земли; ее обширное пространство покрыто плохой и жесткой травой, которую даже ослы едят неохотно. Причина такой бедности растительного покрова заключается в обилии солей, которыми пропитана здешняя почва. Порт состоит из группы жалких хижин, расположенных на краю бесплодной равнины. В настоящую пору здешняя река настолько полноводна, что успевает достигнуть самого моря, благодаря чему жители добывают пресную воду всего лишь на расстоянии полуторы мили. По берегу навалены тюки товаров, что придает этому местечку оживленный вид. Вечером я дружелюбно распростился с моим товарищем Мариано Гонсалесом, с которым мы проехали такое множество лье по всему пространству Чили; я от души пожелал ему всякого добра. На следующее утро «Бигль» отплыл по направлению к Икике.

12 июля.—Мы бросили якорь в гавани Икике, на перуанском берегу, под 20° 12′ широты. Этот город имеет около 1 000 жителей и расположен на небольшой песчаной равнине, у подошвы огромной каменной стены в 2 000 футов высоты, образующей в этом месте берег. Природа здесь совершенно пустынная. Дождь выпадает только раз в несколько лет; поэтому овраги наполнены мелкими обломками камней, а скаты гор покрыты кучами мельчайшего белого песка, достигающими иногда 1 000 футов в вышину. Густые облака, расстилающиеся в это время года над океаном, редко подымаются выше скалистой стены, образующей берег. Вид этой местности самый мрачный; небольшая гавань с несколькими кораблями да маленькая группа бедных домиков кажутся как бы задавленными и совершенно несоразмерными с окружающими их громадами.

Жители живут здесь словно на борту корабля: все необходимые припасы получаются извне; воду привозят на лодках из Писагуа, лежащей в 40 милях отсюда к северу, и бочка, вмещающая 18 галлонов воды, продается по 9 реалов (4 шиллинга и 6 пенсов); я заплатил 3 пенса за одну бутылку. Дрова и все съестные припасы, конечно, также привозные. В таком месте трудно содержать какой бы то ни было скот; поэтому на следующее утро я с величайшим трудом, и то только за 4 фунта стерлингов, нанял себе мулов с проводником, чтобы съездить на селитряные копи. В настоящее время эти копи составляют все богатство Икике. В первый раз эта соль была вывезена отсюда в 1830 г., и в один год ее было отправлено во Францию и в Англию на сумму сто тысяч фунтов стерлингов. Ее употребляют преимущественно для удобрения и для выделки азотной кислоты; так как она слишком легко расплывается, то для пороха не годится. Прежде поблизости этого города находились два чрезвычайно богатых сереб-

ряных рудника, но в настоящее время они приносят самый ничтожный доход.

Наше прибытие в здешний порт вызвало некоторое волнение. Перу находилось в состоянии анархии, и каждая партия требовала уплаты контрибуции; бедный городок подумал при нашем появлении, что пробил и его час. К тому же у здешних жителей были и свои домашние неприятности; незадолго перед тем три французских плотника обокрали в одну ночь две церкви, унеся оттуда всю драгоценную утварь. Впрочем, один из воров потом покаялся и утварь была возвращена. Преступников отослали в Арекипу, столицу здешней провинции, находящуюся в 200 лье отсюда; но в Арекипе правительство нашло, что жалко наказывать таких полезных работников, которые могут изготовлять всякого рода мебель, и освободило их. После этого церкви были снова взломаны и ограблены, и на этот раз утварь уже не возвращена. Жители пришли в страшную ярость и, объявив, что только еретики способны таким образом «обобрать всемогущего бога», принялись пытать каких-то англичан, намереваясь после того даже расстрелять их. Но тут, наконец, вмешались власти, и порядок был восстановлен.

13 июля.—Утром я отправился на селитряные копи, до которых было 14 лье. Взобравшись на крутые прибрежные горы песчаной тропинкой, идущей зигзагом, мы вскоре увидели копи Гуантахайя и Санта Роса; это два небольшие селения, расположенные на обрывах у самого края копей; им тут, кажется, так неудобно, что они производят впечатление еще более печальное, чем самый город Икике. Мы прибыли к копям только после захода солнца, проехав целый день по неровной местности, представляющей совершенную пустыню. Дорога была усеяна костями и высохшими шкурами вьючных животных, погибших на ней от утомления. За исключением грифов-индеек *(Vultur aura)*, питавшихся падалью, не видно было ни птиц, ни четвероногих, ни пресмыкающихся, ни насекомых. На прибрежных горах на высоте около 2000 футов, где в это время года обыкновенно лежат облака, росло несколько кактусов, выступавших из расселин утесов, а на сыпучем песке виднелся лишайник, который свободно лежал на поверхности, ни к чему не прикрепленный. Это растение принадлежит к роду Cladonia и похоже на олений лишайник [197]. Местами его было так много, что издали песок казался бледножелтого цвета. Далее внутрь страны, на протяжении всего пути в четырнадцать миль, я встретил только еще одно растение,—очень мелкий желтый лишайник, растущий на костях мертвых мулов. Я впервые увидел настоящую пустыню, но она не произвела на меня большого впечатления, вероятно, потому, что я уже постепенно привык к подобным картинам на пути к северу от Вальпарайсо через Кокимбо в Копиапо̀. Общий вид страны особенно замечателен тем, что почва покрыта толстой корой обыкновенной соли и слоистым солончаковым наплывом, который отложился тут, вероятно, во время медленного поднятия страны над уровнем моря. Соль белого цвета, очень тверда и плотна; она встречается в вымытых водой гнездах, выдающихся над слипшимся песком, и соединена с большой примесью гипса. Общий вид поверхности этой почвы напоминает местность, покрытую выпавшим снегом, который местами не успел еще растаять,

слежавшись грязными глыбами. Присутствие такой сплошной коры легко растворимого вещества по всей поверхности страны показывает, до какой степени сух здешний климат и как долго здесь не было дождей.

Я ночевал в доме у владельца одной из селитряных копей. Страна здесь так же бесплодна, как и близ берега, но воду можно добывать из вырытых колодцев, хотя, впрочем, горькую и солоноватую. Колодец при этом доме имел тридцать шесть ярдов глубины; вода в нем, очевидно, не дождевая, потому что дождь идет крайне редко, да и в таком случае она была бы совершенно соленой, так как вся окрестная страна покрыта различными солями; поэтому мы должны предположить, что она просачивается под землей из Кордильер, хотя они отсюда очень далеко. На пути к Кордильерам встречается несколько деревушек, жители которых, имея несколько больше воды, могут уже орошать небольшие участки земли и получать сено, которым кормят мулов и ослов, употребляемых для перевозки селитры. В настоящее время азотнокислый натрий продается на корабли по 14 шиллингов за сто фунтов; главную издержку составляет подвоз товара к берегу. Копь состоит из слоя азотнокислого натрия с небольшой примесью сернокислого натрия и с довольно значительным количеством поваренной соли; этот слой имеет от 2 до 3 футов толщины; он залегает очень неглубоко, под самой поверхностью, на протяжении полутораста миль по краю обширного бассейна, или равнины, которая, судя по ее очертанию, явно была когда-то озером или, еще вероятнее, рукавом моря, врезавшимся в материк, что можно заключить и по присутствию в соляном слое солей иода. Поверхность этой равнины возвышается на 3 300 футов над уровнем Тихого океана[198].

19 июля.—Мы бросили якорь в бухте Каллао, приморском порту Лимы, столицы Перу. Мы провели здесь шесть недель, но беспорядки помешали мне хорошенько осмотреть страну. В течение всего времени нашего пребывания здесь климат оказался далеко не таким прекрасным, каким его обыкновенно изображают. Небо было постоянно застлано тучами, так что в продолжение первых шестнадцати дней мне только один раз удалось увидеть Кордильеры, лежащие позади Лимы. Вид был великолепен; горы, видимые среди разорванных туч, возвышались террасами одна над другой. В нижней части Перу, говорят, никогда не бывает дождя, так что это уже почти вошло в поговорку; однако, выражение это едва ли точно, потому что во время нашего пребывания почти ежедневно был такой густой туман, что от него стояла грязь на улицах и платье становилось совершенно влажным. Но это явление почему-то деликатно называется здесь перуанской росой. Достоверно, впрочем, что большого дождя здесь не бывает, потому что дома крыты плоскими кровлями из затвердевшей глины, а в гавани по целым неделям лежат под открытым небом грузы пшеницы.

Не скажу, чтобы мне понравилось то немногое, что я видел в Перу; впрочем, говорят, что летом здешний климат гораздо приятнее. Как туземцы, так и иностранцы страдают здесь во все времена года сильной перемежающейся лихорадкой, свирепствующей по всему перуанскому берегу, но неизвестной внутри страны. Болезни, про-

исходящие от миазмов, всегда будут казаться чрезвычайно таинственными. Нет ничего ошибочнее, как судить по наружности страны о степени ее безвредности для здоровья; если бы предложить комунибудь избрать под тропиками наиболее благоприятное для здоровья место, то очень вероятно, что он указал бы именно на этот берег. Равнина, окружающая Каллао, покрыта скудной грубой травой; повсюду по ней разбросаны крошечные пруды стоячей воды. От них-то, вероятно, и происходят миазмы; точно в таких же условиях находился город Арика, но его оздоровление было значительно поднято с тех пор, как осушили несколько таких прудов. Миазмы не всегда вызываются роскошной растительностью в жарком климате; многие части Бразилии, даже там, где имеется великолепная растительность и болота, несравненно здоровее, чем бесплодный перуанский берег. В умеренном климате самые густые леса, как, например, на Чилоэ, повидимому, ни в малейшей степени не ухудшают здоровый воздух.

Другой разительный пример вредной для здоровья страны, которая на первый взгляд может показаться в высшей степени здоровой, представляет остров Сант Яго в группе островов Зеленого Мыса. Я уже описывал, как эти голые, открытые равнины порастают на несколько недель вслед за дождливым временем года жиденькой растительностью, которая тотчас же вянет и засыхает. Но в это-то самое время воздух становится просто ядовитым, так что и туземцы и иностранцы подвергаются сильнейшим лихорадкам. Но, с другой стороны, Галапагосские острова в Тихом океане, имея подобную почву и будучи подвержены такой же периодичности в появлении растительности, совершенно безвредны для здоровья. Гумбольдт замечает, что «в жарком климате малейшее болото очень опасно, если оно окружено, как, например, в Вера Крус и в Картагене, сухой песчаной почвой, которая повышает температуру окружающего воздуха»*. Впрочем, температура на перуанском берегу никогда не бывает исключительно высокой и, может быть, поэтому местные перемежающиеся лихорадки не очень злокачественны. В нездоровом климате всего опаснее спать на берегу—оттого ли, что это зависит от состояния организма во время сна, или оттого, что самые миазмы по ночам обильнее. Достоверно то, что на судах, стоящих даже в близком расстоянии от берега, люди менее подвержены заболеванию, чем на берегу. Но, с другой стороны, мне известен один замечательный случай, когда лихорадка обнаружилась у матросов одного военного корабля, находившегося в расстоянии нескольких сот миль от африканского берега, но в то самое время, когда в Сьерра Леоне наступила одна из страшнейших смертельных эпидемий**[199].

Ни одно из государств Южной Америки не пострадало от анархии со времени объявления независимости так сильно, как Перу[200]. Когда мы были там, четыре военачальника боролись из-за верхов-

*Political Essay on the Kingdom of New Spain, vol. IV, p. 199.

** Такой же любопытный случай приведен в Madras Medical Quarterly Journal за 1839 г. стр. 350. Д-р Фергюсон ясно доказывает в своей превосходной статье (см. Edinburgh Royal Transactions, vol. 9), что яд порождается процессом высыхания и, что следовательно, сухие, жаркие страны часто являются наиболее вредными для здоровья.

ной власти. Как только одному из них удавалось одержать верх, то другие тотчас соединялись против него; но едва они одолевали его, как между ними снова возникала вражда. На следующий день, в годовщину провозглашения независимости, было устроено торжественное молебствие, причем президент причастился; во время пения *Te Deum laudamus* все полки подняли вместо обычного перуанского флага черное знамя с изображением мертвой головы. Представьте себе правительство, устроившее при таком случае подобную демонстрацию в ознаменование своего решения биться на смерть! Такое положение дел было очень некстати для меня, потому что оно помешало мне делать сколько-нибудь отдаленные экскурсии за город. Бесплодный остров Сан Лоренсо, образующий гавань, был почти единственным местом, где можно было безопасно прогуливаться. Верхняя часть его, имеющая более 1 000 футов высоты, находится в это время года (зимой) в пределах нижнего слоя облаков; множество тайнобрачных растений и немногочисленные цветковые покрывают вершину. На холмах близ Лимы, но на несколько большей высоте, почва одета мхом и группами прелестных желтых лилий, называемых аманкаэ (Amancaes). Это доказывает бо́льшую степень сырости, чем на соответствующей высоте в Икике. Чем далее на север от Лимы, тем климат становится сырее, и так продолжается до берегов Гуаякиля, почти под экватором, где мы находим роскошнейшие леса. Говорят, впрочем, что этот переход от бесплодного перуанского берега к той плодородной полосе происходит очень резко на широте мыса Бланко, двумя градусами южнее Гуаякиля.

Каллао—грязный, плохо обстроенный маленький приморский городок. Население, как и в Лиме, представляет всевозможные оттенки смешения европейской, негритянской и индейской рас. Все это, повидимому, народ пьянствующий и развратный. Воздух наполнен зловониями и в особенности тем своеобразным запахом, который замечается почти во всех городах под тропиками. Крепость, выдержавшая такую долгую осаду со стороны лорда Кочрейна, имеет очень грозный вид; но президент при нас же продал все медные пушки и приступил уже к разборке их. Чтобы объяснить причину своего распоряжения, он ссылался на то, что у него нет ни одного офицера, которому возможно было бы поручить такой важный пост. Он имел полное основание так думать, потому что и сам попал в президенты, подняв возмущение в то время, когда был начальником этой самой крепости. После нашего отъезда из Южной Америки он поплатился обычным способом, т. е. его разбили, взяли в плен и расстреляли.

Лима лежит на равнине, в долине, образовавшейся во время постепенного отступания моря. Она находится в 7 милях от Каллао и стоит на 500 футов выше его; но так как покатость очень отлога, то дорога кажется совершенно ровной и, доехав до Лимы, трудно поверить, что поднялся даже на сто футов; этот странный обман чувств был замечен Гумбольдтом. Крутые, обнаженные холмы подымаются среди равнины наподобие островов; равнина разделена прямыми стенками, сбитыми из глины, на большие зеленеющие поля, на которых редко встретишь дерево, кроме немногочисленных ив да иногда нескольких бананов и апельсинных деревьев. В настоящее время город Лима находится в большом упадке: улицы почти не за-

мощены; повсюду лежат груды всяких нечистот, в которых роются, отыскивая падаль, черные галлинасо, столь же смирные, как домашняя птица. Дома большей частью двухэтажные, и верхний этаж обыкновенно, во избежание опасности при землетрясениях, деревянный, не оштукатуренный. Некоторые старые дома, где живет теперь по нескольку семейств, очень велики и могут поспорить с любыми великолепнейшими дворцами длинными анфиладами своих комнат. Лима, город королей, должно быть, когда-то была великолепна. Необыкновенное множество церквей придает ей и доныне очень оригинальный вид, в особенности вблизи.

Однажды я отправился с несколькими купцами на охоту в ближайших окрестностях города. Дичи мы добыли очень мало, но зато мне удалось видеть развалины древней индейской деревни с насыпанным в центре селения возвышением наподобие естественного холма. Остатки домов, изгороди, оросительные каналы и могильные курганы, рассеянные по этой долине, дают представление о высоком культурном уровне и густоте древнего населения. Рассматривая остатки глиняной посуды, шерстяные ткани, изящной формы орудия, высеченные из самого крепкого камня, медные предметы, украшения из драгоценных камней, дворцы и гидравлические работы, нельзя не признать значительного развития искусств и цивилизации у этого народа. Могильные холмы, называемые «huacas», поистине изумительны, хотя местами это, кажется,—естественные холмы, только огороженные и оформленные.

Развалины совершенно иного рода, также не лишенные интереса, представляют собой остатки старого Каллао, разрушенного большим землетрясением 1746 г. и сопровождавшей его волной. Разрушение было, должно быть, еще более сильным, чем в Талькахуано. Груды щебня почти скрывают основания стен, и сбегавшая волна, должно быть, крутила, как камешки, огромные массы кирпича. Утверждают, что во время этого достопамятного землетрясения почва осела; каких-либо доказательств этого я не нашел, но это довольно вероятно, так как форма берега со времени основания старого города должна была подвергнуться изменениям; иначе нельзя понять, как люди, не лишенные рассудка, могли добровольно избрать для своего поселения узкую косу, покрытую голышом, на которой теперь стоят развалины города. После нашего путешествия м-р Чуди, сравнивая старинные и современные географические карты, пришел к тому заключению, что как к северу, так и к югу от Лимы берег несомненно осел.

На острове Сан Лоренсо имеется достаточно убедительных доказательств поднятия в течение современного периода; это, впрочем, нимало не противоречит предположению о том, что позже он опять несколько опустился. Одна сторона этого острова, против бухты Каллао, имеет три образовавшиеся в результате размывания плохо выраженные террасы; нижняя терраса на протяжении целой мили почти сплошь покрыта слоем раковин, которые принадлежат к 18 видам, живущим и в настоящее время в прилежащем океане. Этот слой имеет 85 футов толщины. Многие раковины сильно попорчены и кажутся гораздо более древними и разрушенными, чем те, которые лежат на чилийском берегу на высоте 500 и 600 футов.

К этим раковинам примешано много поваренной соли, немного сернокислой извести (та и другая, вероятно, отлагались при испарении морской воды по мере постепенного поднятия суши), а также сернокислого натрия и хлористой извести. Раковины покоятся на обломках песчаника, залегающего снизу, и покрыты на несколько дюймов обломками. На той же террасе, но повыше, можно проследить эти раковины в виде слоев чешуек, распадающихся в тончайший порошок, а на следующей террасе на высоте 170 футов, а также на некоторых значительно выше расположенных точках я нашел слой соляного порошка, точно такого же вида и относительно так же расположенного. Я убежден, что этот верхний слой когда-то состоял из таких же раковин, какие теперь образуют нижнюю террасу на высоте 85 футов, но в настоящее время в верхнем слое не осталось и следов органического строения. М-р Рикс произвел для меня анализ этого порошка и нашел, что он состоит из сернокислых и хлористых извести и натрия, с весьма малой примесью углекислой извести. Известно, что поваренная соль и углекислая известь, оставаясь некоторое время смешанными, отчасти разлагают друг друга, хотя в малых количествах в растворах этого не случается. Так как и на нижнем уступе к полуразложившимся раковинам примешивается много поваренной соли и некоторое количество того соляного вещества, из которого состоит соляной слой верхней террасы, и так как кроме того раковины нижнего уступа находятся в сильно измененном состоянии, то я полагаю, что и здесь произошло такое же двойное разложение. Впрочем, продуктом этих соединений должны бы быть углекислый натрий и хлористая известь; последняя имеется, но углекислого натрия нет. Остается заключить, что каким-то необъяснимым способом углекислый натрий превратился в сернокислый. Ясно, что соляной слой не мог бы сохраниться в стране, где бывают проливные дожди; с другой стороны, это же самое обстоятельство, на первый взгляд столь благоприятное для длительного сохранения раковин, было, может быть, косвенной причиной их разложения и быстрого разрушения, потому что поваренная соль не смывалась с них.

Я был очень заинтересован, найдя на террасе, на высоте 5 футов, куски бумажных ниток, плетеного тростника и початок кукурузы, *погребенные* в почве между раковинами и множеством нанесенного морем мусора. Сравнивая эти остатки с такими же предметами, найденными в гуаках (Huacas)—старинных перуанских могилах,—я нашел, что с виду они совершенно одинаковы. На материке против Сан Лоренсо, близ Беллависты, простирается обширная плоская равнина, имеющая около ста футов высоты; нижняя часть ее состоит из чередующихся слоев песка и нечистой глины с примесью голышника, а верхняя, до глубины от 3 до 6 футов, состоит из красноватой глины, содержащей небольшое число морских раковин и множество мелких обломков грубой посуды из красной глины, которых в иных местах было больше, в других меньше. Вначале, судя по обширности и гладкости этого верхнего слоя, я склонен был думать, что он отложился на дне моря, но потом оказалось, что он лежит на искусственном фундаменте из круглых камней. Поэтому весьма вероятно, что в ту пору, когда уровень материка был ниже, здесь суще-

ствовала равнина, весьма похожая на ту, которая теперь окружает Каллао, и, будучи защищена с берега слоями голышника, очень мало подымается над уровнем моря. Я полагаю, что на этой равнине с подстилающим ее слоем красной глины индейцы выделывали свою глиняную посуду и что во время сильного землетрясения море залило берег и превратило на время эту долину в озеро, как случилось и около Каллао в 1713 и 1746 гг. После того из воды могли осесть слои ила, содержащего морские раковины и обломки обожженной посуды, которых скопилось в иных местах больше, в других меньше. Этот слой с ископаемой глиняной посудой находится почти на одинаковой высоте с раковинами нижней террасы на Сан Лоренсо, среди которой я нашел бумажные нити и другие остатки. Из этого можно смело заключить, что за время существования индейской расы эта равнина поднялась, как мы уже заметили, более чем на 85 футов, потому что она опять несколько опустилась вследствие понижения этого берега с тех пор, как были составлены старинные географические карты. Хотя за 220 лет, предшествовавших нашему путешествию, Вальпарайсо поднялся отнюдь не больше как на 19 футов, однако с 1817 г. произошло поднятие футов на 10 или 11, частью постепенное, а частью и внезапное во время землетрясения 1822 г. Если судить по поднятию материка на 85 футов с того времени, как были погребены в почве упомянутые остатки, древность индейской расы здесь тем более замечательна, что на патагонском берегу в те времена, когда он был почти на столько же футов ниже, жило ископаемое животное макраухения. Но так как берег Патагонии довольно далек от Кордильер, то, может быть, и поднятие его шло медленнее. В Байа Бланке почва повысилась всего на несколько футов с тех пор, как в ней были погребены гигантские четвероногие, а по общепринятому мнению человек не существовал в эпоху этих вымерших животных. Но, может быть, поднятие этой части патагонского берега не имеет ничего общего с Кордильерами, а скорее связано с цепью древних вулканических утесов в Банда Ориенталь и происходило несравненно медленнее, чем поднятие берегов Перу. Впрочем, все эти соображения гадательны: кто же может утверждать, что между периодами поднятия не было нескольких периодов понижения? Ведь уже достоверно известно, что вдоль всего патагонского берега сила поднятия действовала неоднократно и прерывалась много раз длинными периодами покоя.

Галапагосские острова: наверху—остров Чарлз, в середине—остров Чатэм (общий вид и бухта у водопоя), внизу остров Альбемарль.

Рисунки Ф. Г. Кинга.

ГЛАВА XVII

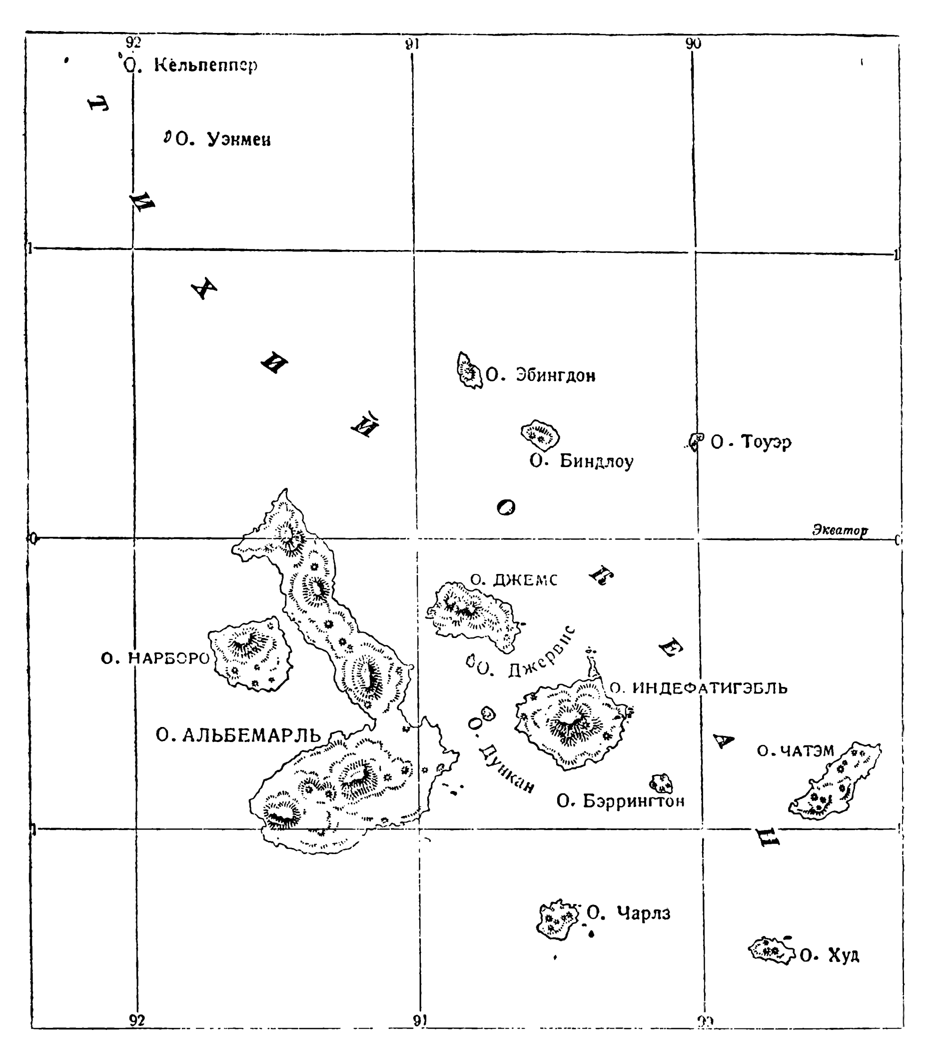
ГАЛАПАГОССКИЙ АРХИПЕЛАГ

Вся группа вулканического происхождения.—Обилие кратеров.—Безлиственные кустарники.—Колония острова Чарлз.—Остров Джемс.—Соляное озеро в кратере.—Естественная история архипелага.—Орнитология, любопытные вьюрки.—Пресмыкающиеся.—Нравы исполинских черепах.—Морские ящерицы, питающиеся водорослями.—Травоядные наземные ящерицы, живущие в норах.—Важное значение пресмыкающихся в архипелаге.—Рыбы, моллюски, насекомые.—Растения.—Американский тип организации.—Различие видов или рас на различных островах.—Доверчивость птиц.—Боязнь человека—приобретенный инстинкт.

15 сентября.—Этот архипелаг состоит из 10 главных островов, из которых 5 особенно велики. Они лежат под экватором на расстоянии от 500 до 600 миль к западу от американского берега. Все они образованы вулканическими породами; немногие куски гранита с замечательно глазированной и вообще измененной действием высокой температуры поверхностью едва ли представляют исключение. Некоторые из кратеров, возвышающиеся на более крупных островах, имеют громадные размеры и достигают высоты от 3 000 до 4 000 футов. Их склоны усеяны множеством меньших отверстий. Можно смело утверждать, что на всем архипелаге имеется до 2 000 кратеров, состоящих или из лавы и шлаков или из тонкослоистого, похожего на песчаник туфа[201]. Этот последний большей частью имеет красивую симметричную форму и обязан своим происхождением извержениям вулканической грязи без примеси лавы. Замечательно, что южные края каждого из двадцати восьми исследованных туфовых кратеров или гораздо ниже других краев или же совсем обломаны и снесены. Такое странное однообразие в изломах этих кратеров, состоящих из рыхлого и мягкого туфа и образовавшихся, повидимому, на дне моря, объясняется тем, что именно у южных берегов всех этих островов действуют соединенные силы волн, вызываемых пассатными ветрами, и течений Тихого океана.

Климат далеко не такой жаркий, как можно бы ожидать на островах, лежащих под самым экватором. Это, повидимому, объясняется главным образом необыкновенно низкой температурой окружающей воды, приносимой сюда великим южно-полярным течением.[202] Дожди редки, за исключением одного короткого периода в году, но и тогда они выпадают нерегулярно; но облака здесь вообще стоят низко. Вследствие этого низкие части островов совершенно бесплодны,

тогда как верхние, на высоте тысячи футов и более, имеют сырой климат и довольно роскошную растительность, в особенности те части, которые стоят под ветром, так как они первые получают и конденсируют атмосферную влагу.



Карта Галапагосских островов.

По карте, составленной офицерами «Бигля».

Утром (17-го) мы высадились на острове Чатэм, который, как и другие острова этого архипелага, рисуется на горизонте мягкой, округленной линией, изредка пересеченной разбросанными холмиками, остатками прежних кратеров. С первого взгляда ничего нет привлекательного: видишь обширное, изломанное поле черной базаль-

товой лавы, застывшей неправильными волнами и пересеченной большими трещинами; все это покрыто низкорослым, обожженным солнцем кустарником, который почти не обнаруживает признаков жизни. Сухая, раскаленная поверхность, палимая полуденным солнцем, делает воздух спертым и знойным, словно он идет из печи; нам показалось даже, что кустарник неприятно пахнет Несмотря на все мои старания собрать как можно больше растений, мне удалось собрать их очень немного, и эти жалкие былинки скорее можно было принять за арктическую, чем за экваториальную флору. Даже на близком расстоянии этот кустарник кажется таким же безлиственным, как наши деревья зимой, и я лишь через некоторое время увидел, что почти все эти растения были не только покрыты листьями, но даже в цвету. Чаще других встречается здесь один вид кустарника из Euphorbiaceae[203]; один вид акации и большой, странного вида кактус—единственные деревья, дающие некоторую тень. После периода проливных дождей острова местами покрываются, как говорят, на короткое время зеленью. Из всех местностей, во многих отношениях поставленных почти в те же условия, только на вулканическом острове Фернандо Норонья я видел растительность, совершенно такую же, как на Галапагосских островах.

«Бигль» обошел вокруг острова Чатэм и останавливался во многих бухтах. Один раз я ночевал на берегу в таком месте острова, где было необыкновенно много черных усеченных конусов: с вершины одного маленького холма я насчитал их до шестидесяти, и все они были увенчаны более или менее целыми кратерами. Бо́льшая часть состояла из кольца красных сцементированных шлаков; высота их над равниной лавы не превышала 100 футов; многие были не выше 50 футов, и все уже, повидимому, давно потухли. Вся поверхность этой части острова пронизана, как решето, выходами подземных газов. Местами лава, пока была еще мягка, вздулась большими пузырями; в других местах верхушки образовавшихся таким образом пустот провалились, а пустоты образовали круглые колодцы с крутыми стенками. Правильная форма многих кратеров придает местности искусственный вид, живо напомнивший мне те части Стаффордшира, где особенно много больших чугунолитейных заводов. День был очень знойный, и ходьба по этой неровной местности сквозь заросли спутанных кустарников была чрезвычайно утомительна; но я был вполне вознагражден необычайным видом этого циклопического пейзажа. Я встретил по дороге двух огромных черепах, каждая из которых весила, по крайней мере, двести фунтов. Одна из них ела кактус; когда я приблизился, она пристально поглядела на меня и медленно поползла прочь. Другая пронзительно свистнула и спрятала голову. Эти громадные пресмыкающиеся посреди черной лавы, безлиственных кустарников и огромных кактусов показались мне какими-то допотопными животными. Немногочисленные птицы с темными перьями так же мало обратили на меня внимания, как и на огромных черепах.

23 сентября.—«Бигль» направился к острову Чарлз. Этот архипелаг давно уже известен; сначала его посещали флибустьеры, потом китоловы, но только шесть лет тому назад на нем поселилась первая небольшая колония[204]. Жителей там от двух до трех сотен,

и почти все они принадлежат к цветнокожим, изгнанным за различные политические преступления из республики Экуадор, столица которой Кито. Колония лежит в $4^1/_2$ милях от берега, на высоте, вероятно, около тысячи футов. В начале пути мы ехали через безлиственные кустарники, как на острове Чатэм, но выше леса постепенно становились зеленее, а перейдя горный хребет, пересекающий этот остров, мы почувствовали прохладный, южный ветерок, и взоры наши отдохнули на зеленой густой растительности. В этой верхней полосе растет множество грубых злаков и папоротников, но древовидных папоротников нет. Я не встретил также ни одного представителя семейства пальм, и это меня удивило тем более, что за 360 миль к северу Кокосовый остров [205] даже название свое получил от обилия на нем кокосовых пальм. Дома неправильно разбросаны по плоской равнине, засеянной сладким картофелем [206] и бананами. Трудно себе представить, как приятен был для нас вид черной почвы после ставшего для нас уже привычным вида выжженной почвы Перу и северного Чили. Население хотя и жалуется на бедность, однако добывает себе без большого труда средства к существованию. В лесах водится много диких свиней и коз, но главную часть животной пищи доставляют черепахи. Число их, конечно, заметно уменьшилось на этом острове, однако, и теперь два дня охоты за ними доставляют запас пищи на целую неделю. Говорят, что прежде одно судно набирало их до семисот и что несколько лет назад экипаж одного фрегата принес к берегу в один день двести черепах.

29 сентября.—Мы обогнули юго-западную оконечность острова Альбемарль и на следующий день едва не были застигнуты штилем между ним и островом Нарборо. Оба эти острова залиты огромными потоками черной обнаженной ловы, которая или вытекала через край больших котловин, как деготь через край котла, в котором он кипит, или, вырываясь через небольшие отверстия, стекала по склонам и залила берег на несколько миль. Известно, что на обоих этих островах бывали извержения [207], а на Альбемарле мы сами видели струйку дыма, извивавшуюся над вершиной одного из больших кратеров. Вечером мы стали на якорь в бухте Бенкса на острове Альбемарль, и на следующее утро я отправился на прогулку. К югу от разломанного туфового кратера, в котором «Бигль» стал на якорь, находился другой, очень красивый, симметричный кратер, эллиптической формы; его более длинная ось была немного менее мили, а глубина около 500 футов. На дне его находилось мелкое озеро, посреди которого возвышался в виде островка небольшой кратер. День был невыносимо жаркий, а озеро так приветливо синело, что я поспешно спустился по покрытому пеплом склону и, задыхаясь от пыли, жадно припал к воде, но, к моему разочарованию, оказалось, что эта вода соленая, как рассол.

Прибрежные утесы изобилуют большими черными ящерицами, имеющими от 3 до 4 футов длины, а на холмах также обыкновенен другой вид желтовато-бурый и очень безобразный. Этих последних мы видели очень много: иные неповоротливо уползали с дороги при нашем появлении, другие прятались в свои норы. Вскоре я опишу подробнее нравы обоих этих пресмыкающихся. Вся эта северная часть острова Альбемарль совершенно бесплодна.

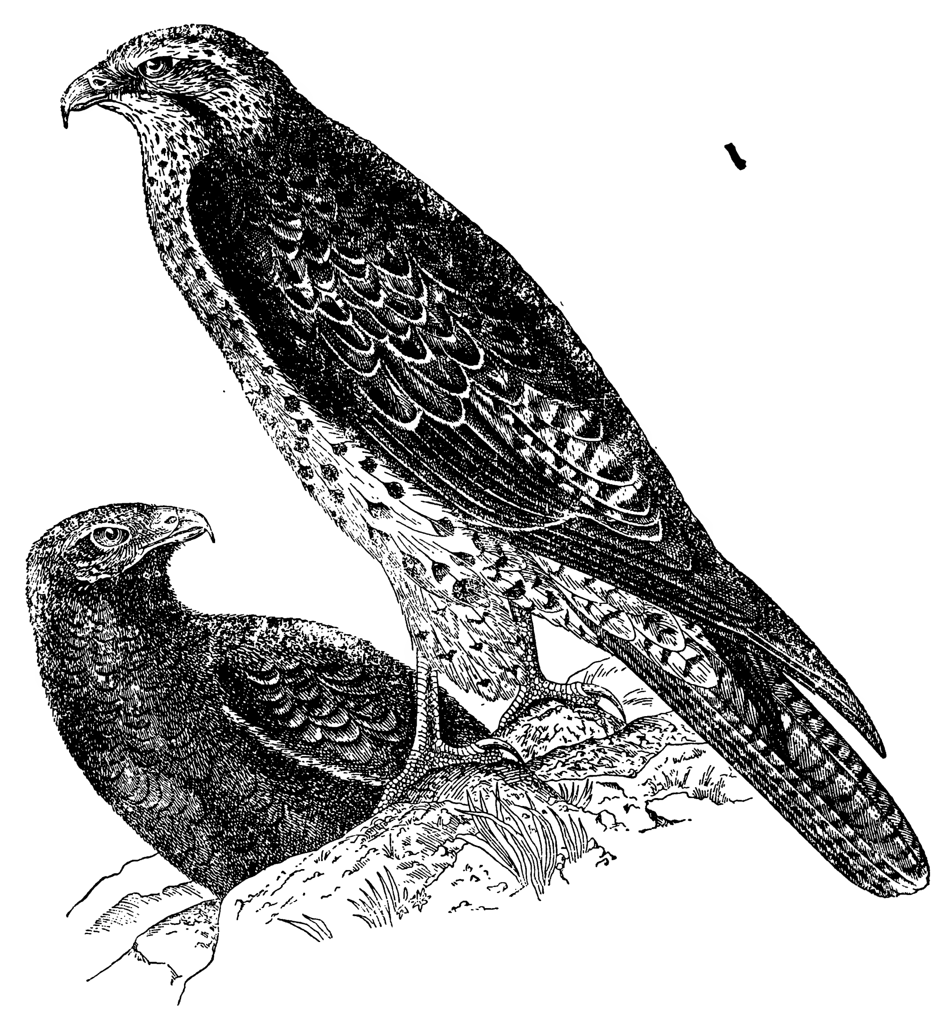
8 октября.—Мы прибыли на остров Джемс, который, так же как и остров Чарлз, когда-то в старину получил свое название в честь английских королей из дома Стюартов. М-р Байно, я и наши слуги остались здесь на неделю, взяв запас провизии и палатку, а «Бигль» отправился за пресной водой. Мы нашли здесь партию испанцев, присланных с острова Чарлз сушить рыбу и солить черепашье мясо. Миль за шесть, в глубине острова, на высоте около 2 000 футов, выстроена избушка, где живут два человека, которые ловят черепах, а другие занимаются рыболовством на берегу. Я был у этих людей два раза и однажды переночевал у них. Как и на других островах, низменные места покрыты здесь почти безлиственным кустарником, но деревья здесь больше, чем в других местах; многие имеют до двух футов и даже до двух футов и девяти дюймов в диаметре. Верхний пояс, увлажняемый облаками, покрыт зеленой, свежей растительностью. Почва его так сыра, что на ней образовались обширные заросли грубого Cyperus [208], в которых живут и размножаются многочисленные очень мелкие водяные пастушки [209]. В продолжение нашего пребывания в верхней части острова мы питались исключительно черепашьим мясом. Грудной щит черепахи, зажаренный вместе с мясом (подобно тому как гаучо приготовляют carne con cuero), очень вкусен. Хорош также суп из молодых черепах; но в других видах это мясо мне не особенно нравится.

Однажды мы поехали вместе с испанцами на их вельботе к салине,—озеру, из которого добывается соль. Высадившись, мы совершили очень трудный путь по полю, покрытому буграми недавно излившейся лавы; лава эта почти со всех сторон окружала туфовый кратер, в глубине которого лежит соленое озеро. Оно имеет всего 3—4 дюйма глубины; под водой лежит слой превосходно кристаллизованной белой соли. Это озеро совершенно круглое и окаймлено яркозеленой, сочной растительностью. Почти отвесные стены кратера одеты лесом, так что все это вместе представляет весьма живописную и любопытную картину. За несколько лет перед тем в этом уединенном месте матросы одного тюленебойного судна убили своего капитана, и мы видели его череп, валявшийся в кустах.

В течение всей недели нашего пребывания на острове небо было большей частью безоблачно, и, как только ветер утихал, жара делалась невыносимой. В продолжение двух дней термометр внутри палатки показывал несколько часов подряд 93°, на открытом же воздухе, на солнце и ветре, только 85°. Песок был чрезвычайно горяч; термометр, опущенный в темнокоричневый песок, немедленно поднялся до 137°, и я не знаю, насколько еще он бы поднялся, потому что выше 137° на трубке не было делений. Черный песок был еще горячее, так что ходить по нему было неприятно даже в сапогах с толстыми подошвами.

Естественная история этих островов чрезвычайно любопытна и заслуживает большого внимания. Большинство органических произведений—аборигены этих островов и не встречаются в других местах; существуют различия даже между обитателями разных островов; все они обнаруживают явное родство с обитателями Америки, несмотря на то, что острова отделены от материка полосой

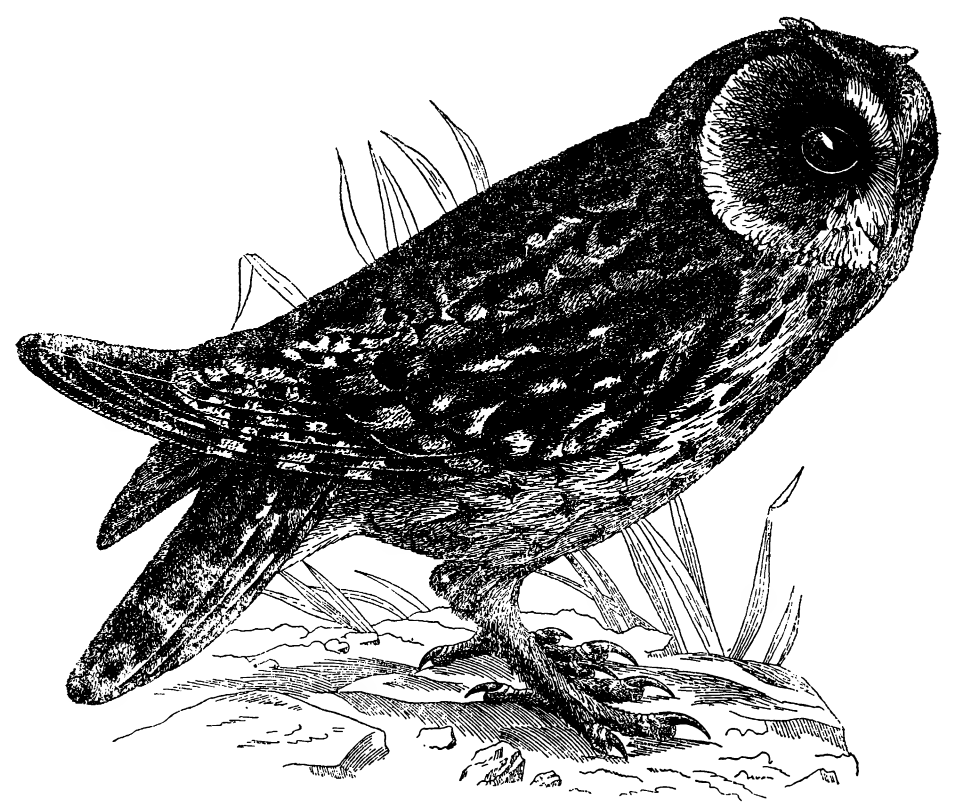
открытого океана шириной от 500 до 600 миль. Архипелаг этот представляет совершенно замкнутый мирок, вернее сказать, он—спутник Америки, откуда получил несколько случайных колонистов и заимствовал общие черты своих произведений. Принимая во внимание небольшую поверхность этих островов, невольно дивишься множе-



Каракара галапагосская, или галапагосский канюк (*Polyborus Galapagoensis*, Gould, или *Buteo Galapagoensis*).

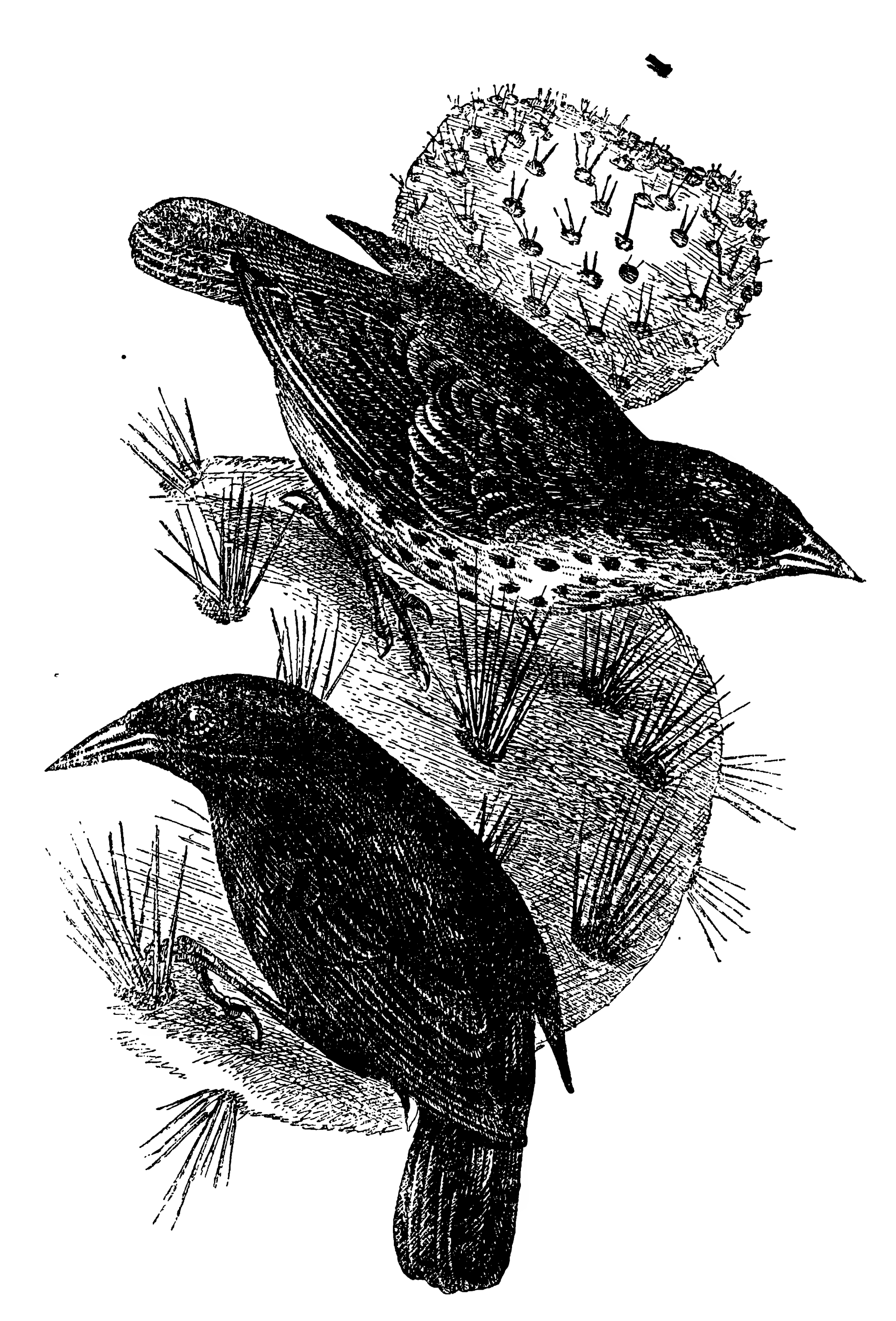
ству их аборигенов, имеющих столь ограниченное распространение. Видя, что каждое возвышение увенчано кратером и что границы лавовых потоков до сих пор еще различимы, мы должны предполагать, что в геологически недавний период эта страна была еще покрыта океаном. Отсюда,—и по времени, и по пространству,—мы приближаемся к замечательному факту—к этой тайне из тайн—первому появлению на земле новых существ.

Из наземных млекопитающих только одно может быть рассматриваемо как местное, именно мышь *(Mus Galapagoensis)*, ограниченная в своем распространении, насколько я мог заметить, исключительно островом Чатэм, самым восточным из всей группы. Принадлежит она, по свидетельству м-ра Уотергауза, к разделу семейства мышей, свойственному Америке. На острове Джемс есть крыса, настолько отличающаяся от обычного рода, что м-р Уотергауз ее описал и дал ей особое название; но так как она принадлежит к разделу семейства, свойственному Старому Свету и так как этот остров по-



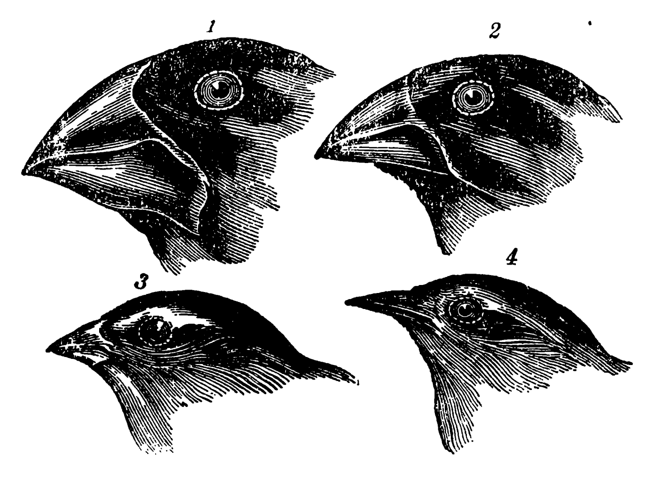
Галапагосская сова (*Otus Galapagoensis*, Gould). Остров Джемс.

сещали корабли в продолжение последних полутораста лет, то я не сомневаюсь, что эта крыса—просто разновидность, произведенная особенностями нового климата, пищи и почвы, влиянию которых она подвергалась. Хотя никто не имеет права строить какие-либо предположения, не опираясь на определенные факты, однако, можно представить себе, что и чатэмская мышь происходит от американского вида, завезенного сюда; в одной очень пустынной части пампасов я видел туземную мышь, поселившуюся в кровле только что выстроенной хижины, и нет ничего невероятного в том, что мышь может быть завезена на корабле. Такие факты были замечены доктором Ричардсоном и в Северной Америке.



Cactornis scandens, Gould. Остров Джемс.

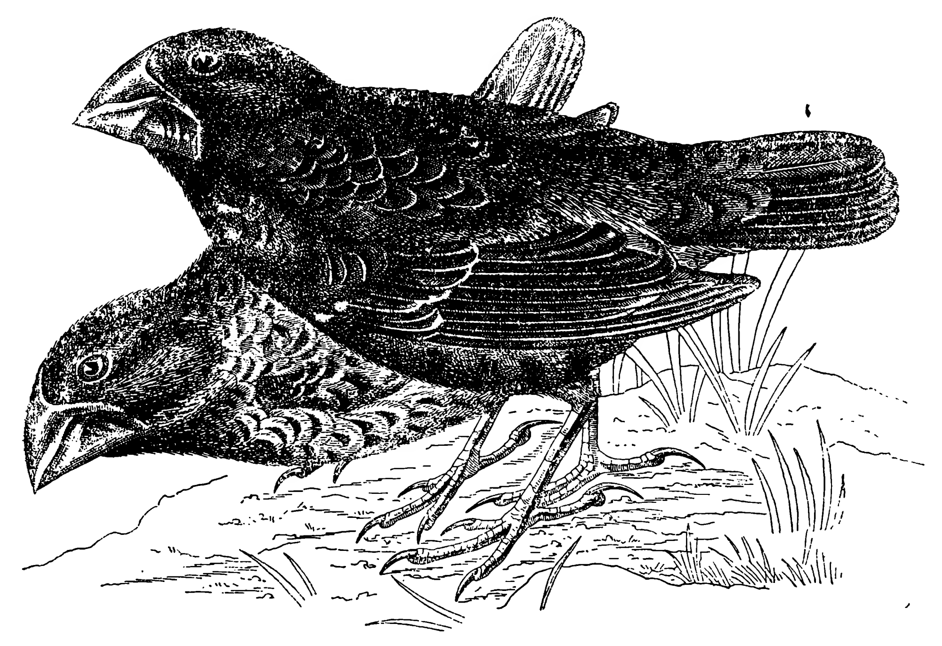
Я собрал двадцать шесть видов наземных птиц; все они совершенно особенные и ни один из них нигде больше не встречается, за исключением одной похожей на жаворонка певчей птички из Северной Америки (*Dolichonyx oryzivorus*) [210], которая водится в болотах и распространена до 54° с. ш. Прочие двадцать пять птиц состоят, во-первых, из хищника, представляющего по своему строению любопытный переход от коршунов к группе американских стервятников-каракар; с этими последними он вполне сходен не только нравом, но и самым звуком голоса. Во-вторых, здесь имеются две совы, представляющие европейских короткоухих и белых болотных сов. В-третьих, королек, три тиранна-мухоловки (из них два вида рода Pyrocephalus, из которых один, а может быть и оба, рассматриваются



1. *Geospiza magnirostris*. 2. *Geospiza fortis*.
3. *Geospiza parvula*. 4. *Certhidea olivacea*.

некоторыми орнитологами лишь как разновидности) и горлица,— все виды, аналогичные американским, но отличающиеся от них. В-четвертых, ласточка, которая хотя только тем и отличается от северо- и южноамериканской *Progne purpurea*, что цветом бледнее, ростом меньше и вообще тоньше, однако, рассматривается м-ром Гоулдом как особый вид. В-пятых, имеются три вида дроздов-пересмешников—форма, в высшей степени характерная для Америки. Остальные наземные птицы составляют исключительно любопытную группу вьюрков [211], родственных по строению клюва, короткому хвосту, форме тела и оперению; их тринадцать видов, которые м-р Гоулд разделил на четыре подгруппы. Все эти виды встречаются только на этом архипелаге; впрочем, и вся группа собственно местная, за исключением одного только вида из подгруппы Cactornis, найденного недавно на острове Боу в Низменном архипелаге. Два вида Cactornis часто можно встретить лазящими по цветам больших кактусовых деревьев; прочие же виды этой группы вьюрков, образуя смешанные стаи, отыскивают себе корм на сухой и бесплодной почве низменных частей острова. Самцы всех или, по крайней мере, большей части ви-

дов—смолисто-черного цвета, самки же (за исключением, может быть, одного или двух видов)—бурого цвета. Самым замечательным является строгая постепенность в уменьшении размеров клюва у различных видов Geospiza, начиная от такого большого клюва, как у дубоноса, и кончая клювом зяблика и даже (если прав м-р Гоулд, включая в состав главной группы свою подгруппу Certhidea) до клюва малиновки. Самый большой клюв, встречающийся в роде Geospiza, показан на рис. 1, самый малый—на рис. 3, но переход от первого к третьему, показанный здесь единственной формой на рис. 2, в действительности выражен не менее, чем шестью видами с по-

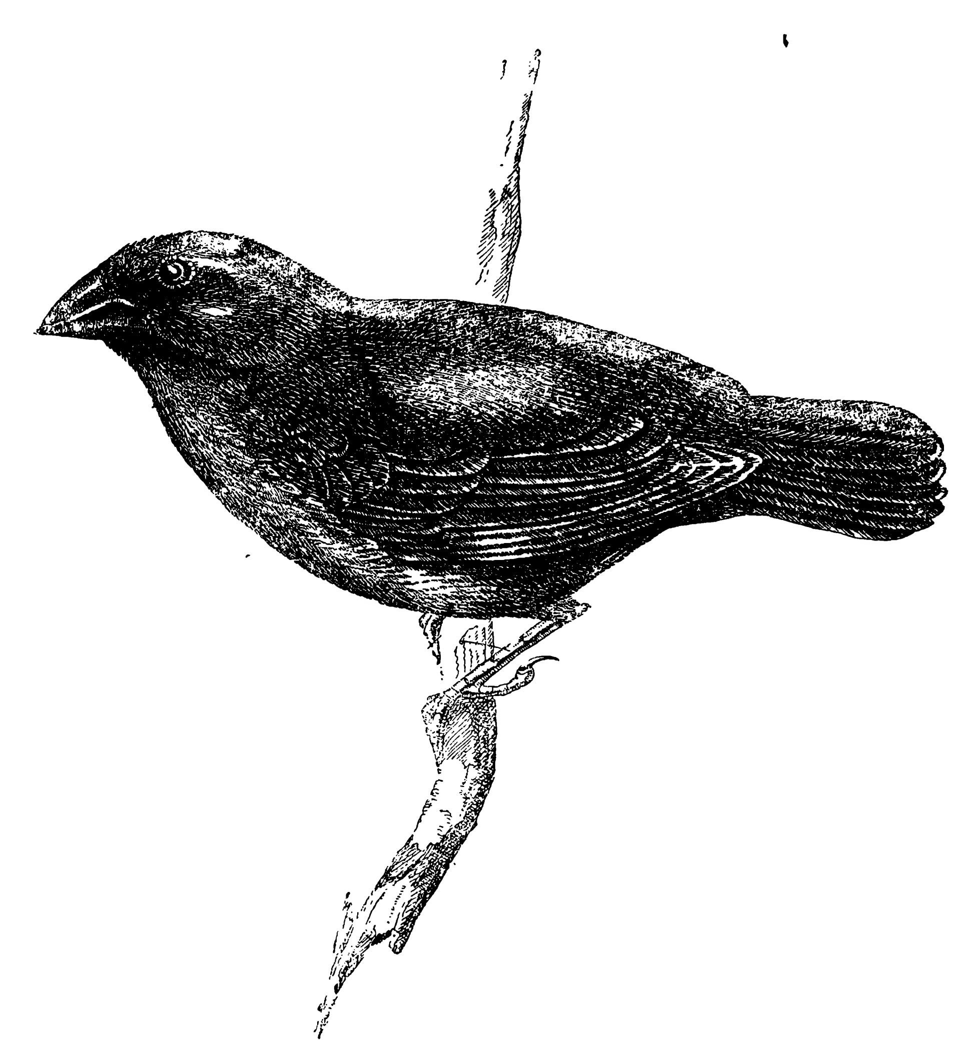


Geospiza magnirostris, Gould. Острова Чарлз и Чатэм.

степенно уменьшающимися клювами. Клюв подгруппы Certhidea показан на рис. 4. Клюв Cactornis несколько сходен с клювом скворца, а у четвертой подгруппы, Camarhynchus, он напоминает клюв попугая. Рассматривая эту постепенность и разнообразие в строении, обнаруживающиеся в пределах одной небольшой и притом связанной тесными узами родства группы птиц, можно действительно представить себе, что в связи с первоначальной бедностью птиц на этом архипелаге был взят один вид и модифицирован в различных концах архипелага. Подобным же образом можно представить себе, что некоторая птица, первоначально представлявшая собой вид коршунов, была введена сюда, чтобы взять на себя роль стервятников-каракар американского континента.

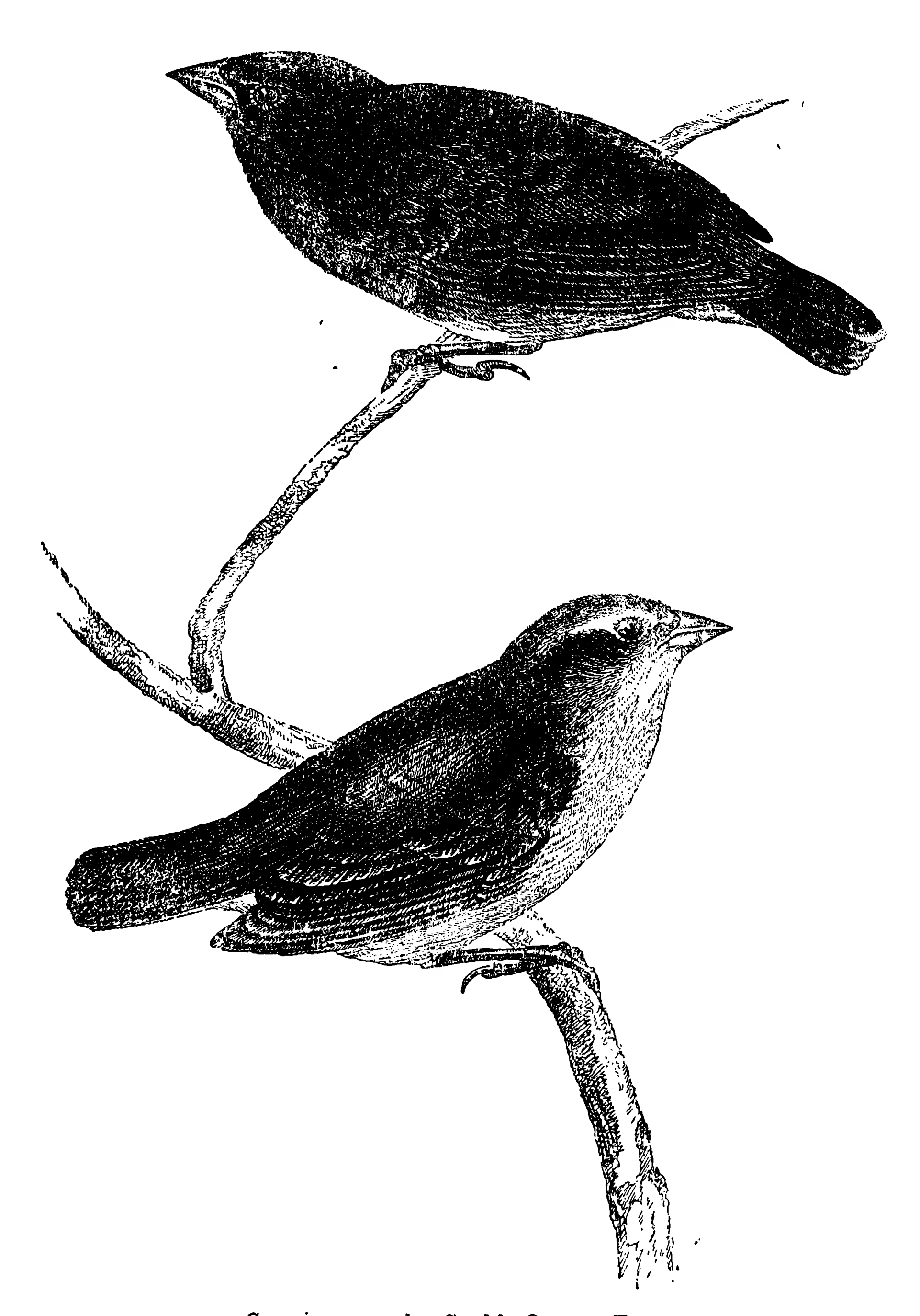
Из водных и голенастых птиц мне удалось собрать только одиннадцать видов, и из них лишь три новых вида, в том числе одного водяного пастушка, который водится исключительно на влажных

высотах острова. Зная привычку чаек совершать кочевки, я немало был удивлен, когда увидел, что вид, населяющий эти острова, очень своеобразный, хотя и родственный с одним видом из южных частей Южной Америки. Несравненно большее своеобразие наземных птиц



Geospiza fortis, Gould. Острова Чарлз и Джемс.

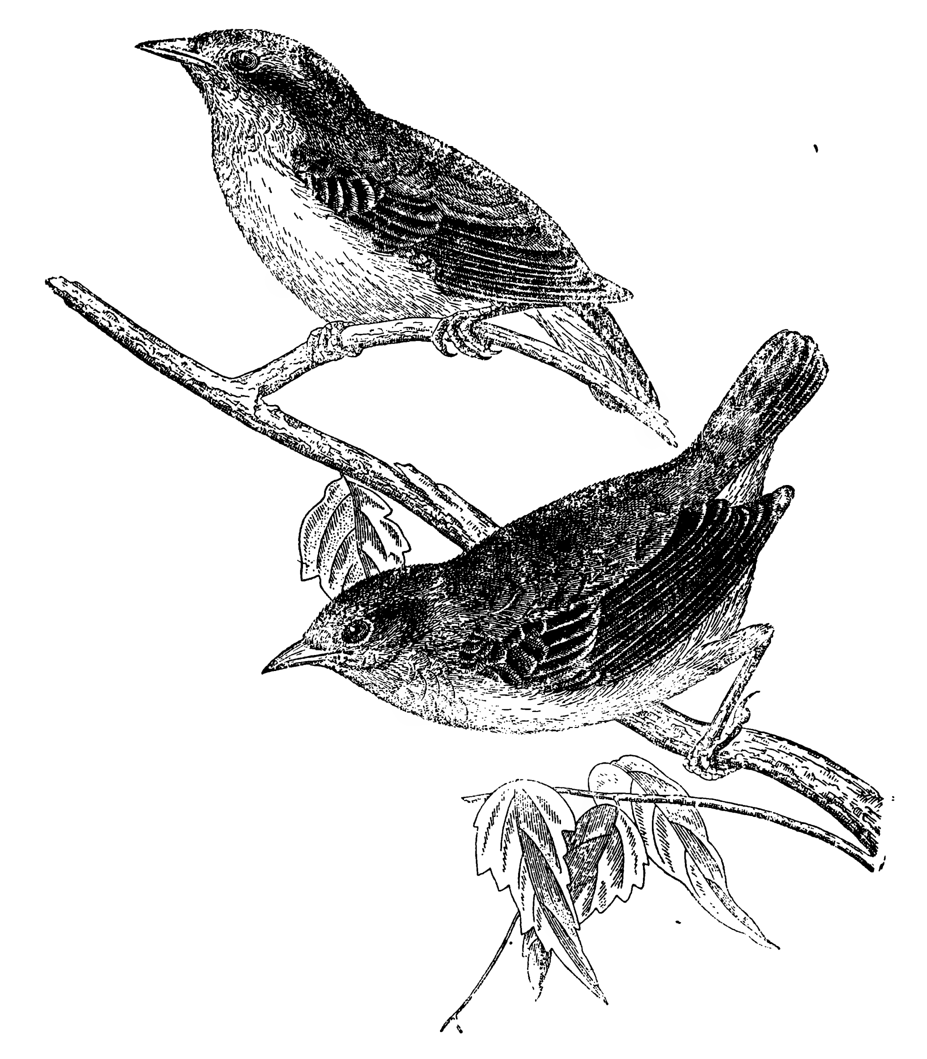
по сравнению с голенастыми и перепончатолапыми[212] (потому что из 26 наземных видов 25 оказались новыми видами или, по крайней мере, особыми расами) находится в соответствии с бóльшим распространением этих отрядов во всех вообще частях света. Водные формы — как пресноводные, так и морские — какого-либо данного пункта земного шара всегда менее своеобразны, чем наземные формы того же класса; мы впоследствии увидим, что этот закон поразительно под-



Geospiza parvula, Gould. Остров Джемс.

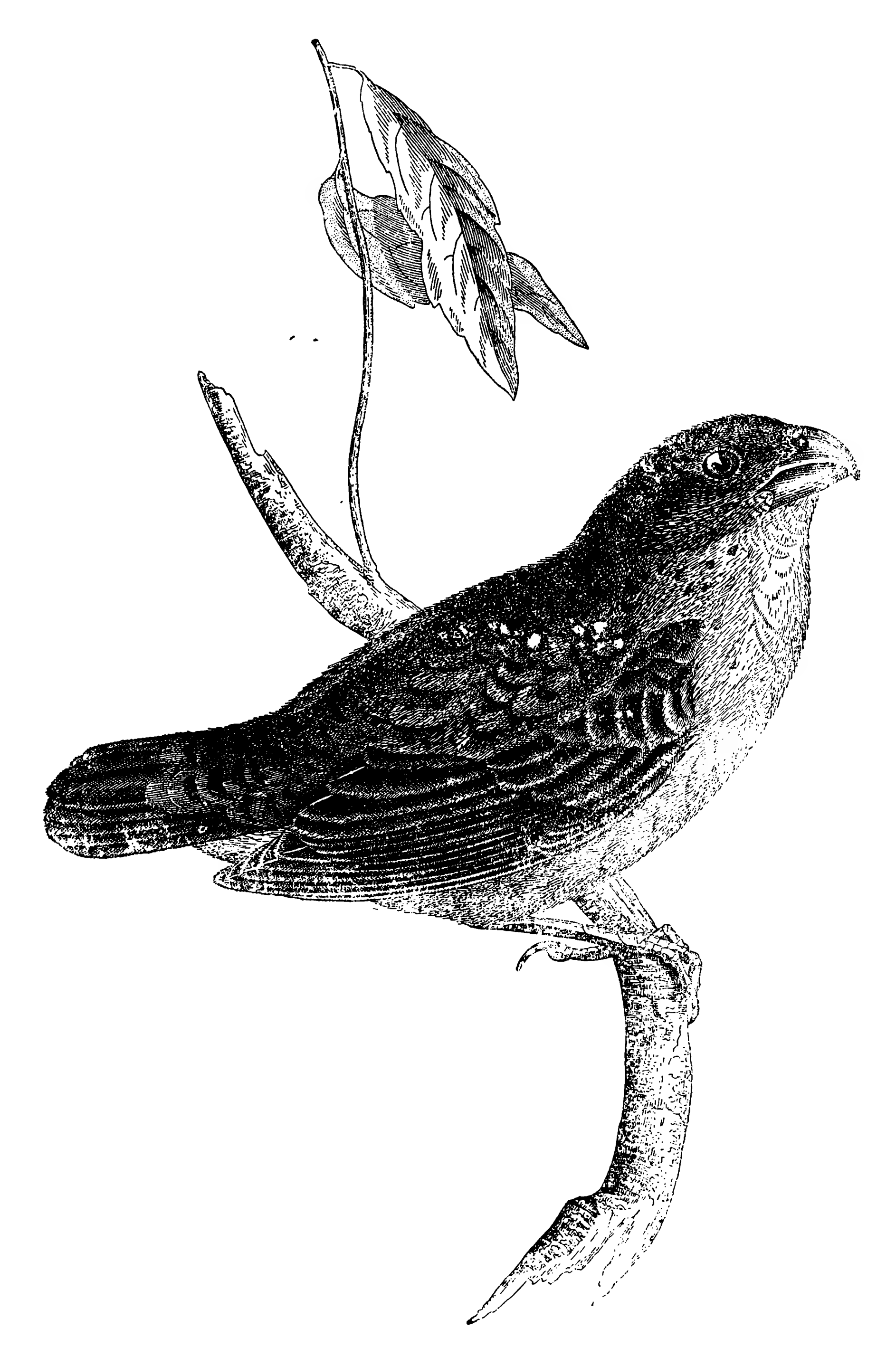
тверждается на моллюсках и в несколько меньшей степени на насекомых этого архипелага.

Два вида голенастых меньше тех же видов из других мест; ласточка тоже мельче, но все-таки остается сомнительным, отличается ли она или не отличается от своих аналогов. Обе совы, оба тиранна-



Certhidea olivacea, Gould. Острова Чатэм и Джемс.

мухоловки (Pyrocephalus) и горлица также меньше аналогичных, хотя и отличающихся от них видов, с которыми они весьма близко родственны; напротив, чайка немного больше. Обе совы, ласточка, все три вида дроздов-пересмешников, горлица (не всем своим оперением, а только окраской отдельных частей его), Totanus[213] и чайка также темнее окрашены, нежели аналогичные им виды, а дрозды-



Camarhynchus psittaculus, Gould. Остров Джемс.

пересмешники и Totanus даже темнее любого другого вида этих двух родов. За исключением королька с красивой, желтой грудью да тиранна-мухоловки с пунцовым хохлом и грудью ни одна из этих птиц не отличается яркостью оперения, как можно было бы ожидать в экваториальной местности. Поэтому очень вероятно, что те же самые причины, которые вызвали измельчание попавших сюда иммигрантов некоторых видов, вызвали и измельчание, а также, вообще говоря, более темную окраску большей части своеобразных галапагосских видов. Все здешние растения имеют очень жалкий, хилый вид, и я не видел ни одного красивого цветка. Насекомые тоже малы и темного цвета, и м-р Уотергауз говорил мне, что в их общем виде нет ничего такого, что бы напоминало об их происхождении из экваториальной области. Птицы, растения и насекомые имеют степной характер, цвета их не ярче, чем у видов из Южной Патагонии; вследствие этого мы можем заключить, что обычный яркий цвет тропических произведений не зависит ни от температуры, ни от освещения этих широт, но от каких-то иных причин, может быть от того, что тамошние условия существования вообще благоприятны для жизни.

Обратимся теперь к отряду пресмыкающихся, наиболее характеризующему фауну этих островов. Виды немногочисленны, но количество особей каждого вида громадно. Есть одна маленькая ящерица, принадлежащая к южноамериканскому роду, и два (а может быть и больше) вида Amblyrhynchus—рода, исключительно принадлежащего Галапагосским островам. В большом количестве можно встретить один вид змей, идентичный, по словам г. Биброна, с чилийским *Psammophis Temminckii.* Морских черепах, кажется, несколько видов, а из пресноводных, как мы скоро увидим, встречается два или три вида, или расы. Жаб и лягушек совсем нет; это чрезвычайно удивило меня, в особенности, если принять в соображение умеренный и влажный климат здешних горных лесов, который для них должен быть благоприятен. Это напомнило мне замечание Бори Сен Венсана*, что ни единый представитель этих семейств не встречается на вулканических островах больших океанов. Насколько я мог узнать из различных сочинений, это, кажется, подтверждается на всем протяжении Тихого океана и даже на больших островах Сандвичева архипелага. Остров Маврикия составляет, кажется, исключение,—я видел там в большом количестве *Rana Mascariensis;* говорят, что эта лягушка водится теперь на Сейшельских островах, на Мадагаскаре и на Бурбоне; но, с другой стороны, Дю Буа в своем путешествии 1669 г. свидетельствует, что на острове Бурбоне нет никаких пресмыкающихся, кроме черепах, а Officier du roi утверждает, что до 1768 г. безуспешно пытались развести лягушек на острове Маврикия,—я полагаю, для того, чтобы употреблять их в пищу;

* Voyage aux Quatre Îles d'Afrique. Относительно Сандвичевых островов см. Tyerman and Bennet, Journal, vol. I, p. 434. Относительно острова Маврикия см. Voyage par un Officier etc., part. I, p. 170. На Канарских островах лягушек нет (Webb et Berthelot, Histoire naturelle des Îles Canaries). Я не встретил ни одной на Сант Яго в архипелаге Зеленого Мыса. На острове Св. Елены их совсем нет.

поэтому вряд ли приходится сомневаться в том, что эта лягушка не является аборигеном этих островов. Отсутствие семейства лягушек на океанических островах тем более замечательно, что оно находится в прямой противоположности с обилием ящериц, которыми буквально кишат даже самые маленькие островки. Не объясняется ли эта разница тем, что яйца ящериц, защищенные известковой скорлупой, легче выдерживают перенос через соленую воду, чем слизистая икра лягушек?

Сначала опишу нравы сухопутной черепахи *(Testudo nigra*, прежде называвшаяся *Indica)* [214], о которой не раз уже было упомянуто. Эти животные, как мне кажется, водятся на всех островах архипелага и уж наверное на большей части из них. Они особенно предпочитают высокие, сырые места, хотя попадаются и в низменных бесплодных районах. Я уже указывал, как много их должно быть здесь, если судить по количеству экземпляров, пойманных в течение одного дня. Некоторые достигают чрезвычайно больших размеров. Один англичанин, м-р Лоусон, вице-губернатор колонии, рассказывал нам, что он видел несколько таких громадных экземпляров, что нужны были усилия шести или восьми человек, чтобы поднять их с земли; некоторые из них дали до двухсот фунтов мяса. Старые самцы бывают наиболее крупными, самки редко достигают такой величины; самец легко отличается от самки именно своей величиной. Черепахи, живущие на тех островах, где нет воды, или в бесплодных низменных частях других островов, питаются преимущественно сочными кактусами. Те же, которые водятся в возвышенных влажных частях, едят листья разных деревьев, род ягод (называемый гуайавита) [215] кислого и терпкого вкуса, а также светлозеленый волокнистый лишайник *(Usnera plicata)*, пряди которого свисают с ветвей деревьев.

Черепаха очень любит воду, пьет ее в большом количестве и валяется в грязи. Только на больших островах имеются источники, и они всегда находятся в центральной части на довольно большой высоте. Поэтому черепахи, живущие в низменных районах, вынуждены для утоления жажды проходить довольно значительные пространства. Благодаря этому образовались широкие, хорошо утоптанные тропинки, проходящие во все стороны от источников к берегу моря; испанцы, следуя по этим тропинкам, впервые нашли воду. Когда я высадился на острове Чатэм, я никак не мог догадаться, какое это животное так методически проходит по хорошо выбранной тропинке. Любопытно было видеть множество этих неуклюжих животных около ручья: одни вытягивали шеи и спешили утолить жажду; другие, напившись вдоволь, уже возвращались обратно. Когда черепаха подойдет к ручью, то, не обращая никакого внимания на зрителей, сейчас же погружает голову до самых глаз в воду и жадно втягивает воду большими глотками, делая до десяти глотков в минуту. Жители говорят, что каждое из этих животных остается близ воды два или три дня и после этого возвращается в низменные места; но относительно того, как часто черепахи посещают водопой, мнения расходятся. По всей вероятности, животное регулирует свои посещения водопоя сообразно с характером пищи, которую оно принимает. Достоверно, однако же, что черепахи могут жить и на таких остро-

вах, где нет воды, кроме той, которая выпадает в течение немногих дождливых дней в году.

Мне кажется достаточно доказанным, что пузырь лягушки служит резервуаром, в который она собирает влагу, необходимую для ее существования; то же самое, кажется, можно сказать и о черепахах. Некоторое время после посещения ручьев мочевой пузырь их наполнен жидкостью, которая, говорят, постепенно убывает в объеме и становится менее чистой. Жители часто пользуются этим обстоятельством во время переходов по низменным частям острова: мучимые жаждой, они выпивают содержимое пузыря черепахи, если он полон; у одной убитой черепахи, которую я видел, жидкость была совершенно прозрачна и лишь имела слегка горьковатый вкус. Туземцы, однако, прежде всего выпивают воду из околосердечной сумки, которая считатся более вкусной.

Пускаясь в путь, черепаха идет день и ночь и достигает цели своего путешествия гораздо скорее, чем можно было бы предполагать. Жители на основании наблюдений, произведенных над отмеченными экземплярами, полагают, что черепаха проходит расстояние около восьми миль в два или три дня. Большая черепаха, которую я наблюдал, проходила до шестидесяти ярдов в десять минут, что составляет 360 ярдов в час или четыре мили в день, если положить короткое время на еду по дороге. В период размножения, когда самец и самка не оставляют друг друга, самец издает хриплый рев или мычание, которое, говорят, слышно на расстоянии более ста ярдов. Самка не издает никаких звуков, самец же издает их только в этот период, так что, слыша этот звук, можно быть уверенным, что самец при самке. Во время моего пребывания (в октябре) черепахи клали яйца. Там, где почва песчаная, самка складывает все яйца вместе и прикрывает их песком; там же, где почва камениста, она без разбора складывает их в какую-нибудь яму; м-р Байно нашел семь яиц, сложенных в трещину. Яйцо белое и шарообразное; одно из них, измеренное мною, имело восемь и три восьмых дюйма в окружности и было, следовательно, больше куриного. Большое количество молодых, только что вылупившихся черепах становится добычей коршунов-стервятников. Старые большей частью умирают от несчастных случаев, например, от падения в пропасти; по крайней мере, многие жители говорили мне, что они не видели ни одной черепахи, умершей без очевидной причины.

Жители считают этих животных совершенно глухими; они, действительно, не слышат шагов идущего за ними человека. Меня очень забавляло обгонять какое-нибудь из этих больших чудищ, спокойно ползущих по дороге; в тот самый миг, как я проходил мимо, оно сразу втягивало голову и ноги и, испустив низкий свистящий звук, падало на землю с глухим шумом, как мертвое. Нередко я садился к ним на спину; если несколько раз слегка ударить по задней части щита, черепаха подымается и идет дальше; но при этом мне было весьма трудно удержаться в равновесии. Мясо этих животных употребляется в пищу в свежем и соленом виде; из жира их приготовляют отличное прозрачное масло. Поймав черепаху, делают надрез у нее на коже близ хвоста, чтобы посмотреть, достаточно ли толстый слой жира накопился у нее под спинным щитом. Если окажется мало,

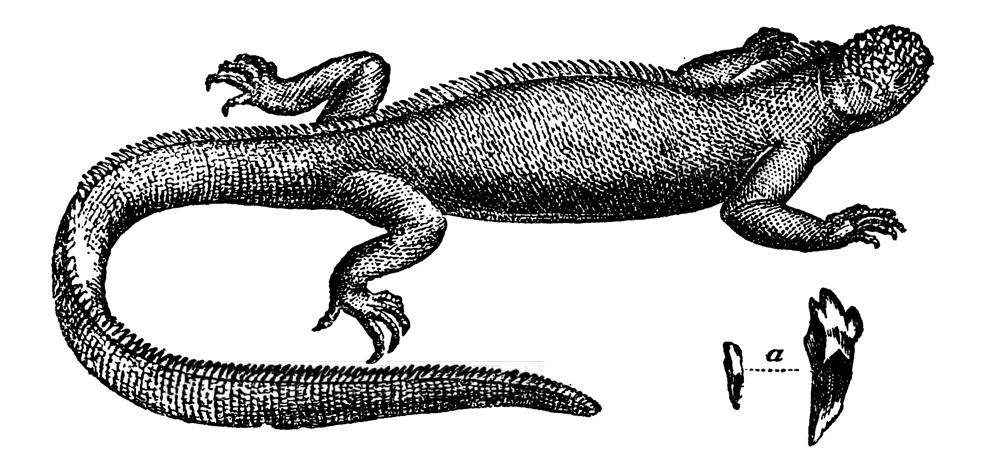
то животное отпускают на свободу; говорят, что рана от такой странной операции очень скоро заживает. Чтобы изловить наземную черепаху, недостаточно перевернуть ее на спину, как поступают с морскими черепахами, потому что она нередко опять в состоянии перевернуться и стать на ноги.

Эта черепаха, без всякого сомнения, относится к числу первоначальных обитателей Галапагосских островов; ее можно встретить на всех или почти на всех островах, даже на самых малых, на которых совсем нет воды; если бы она была ввезена из других стран, то вряд ли это могло бы случиться на островах, так редко посещаемых. Притом же в старину флибустьеры находили этих черепах даже в большем количестве, чем теперь; Вуд и Роджерс, путешествовавшие в 1708 г., говорят, что, по мнению испанцев, в другом месте этих черепах нельзя найти. Теперь они широко распространены, но сомнительно, чтобы они были где-либо в другом месте коренными обитателями. Кости черепахи с острова Маврикия, найденные вместе с костями вымершего додо, считались всеми за кости рассматриваемого вида; если это справедливо, то, несомненно, что она оттуда и происходит; но г. Биброн сообщил мне, что, по его мнению, это особый вид, точно так же как и вид, живущий в настоящее время на острове Маврикия.

Амблиринхус, замечательный род ящериц, также свойствен исключительно этому архипелагу. Здесь их два вида, похожих друг на друга общей формой: один из них наземный, а другой водный. Последний (*A. cristatus*) был впервые описан м-ром Беллом, который по короткой, широкой голове и сильным, одинаковым по длине когтям правильно заключил, что образ жизни этого животного должен быть очень своеобразным и значительно отличаться от ближайшего его родственника—игуаны. Он широко распространен по всем островам архипелага и живет исключительно на береговых скалах: я, по крайней мере, не встречал его дальше десяти ярдов от берега. Это безобразное животное, грязнобелого цвета, глупое и медлительное в своих движениях. Длина взрослого животного составляет обыкновенно около ярда, но попадаются экземпляры, доходящие до четырех футов; один большой экземпляр весил 20 фунтов; на Альбермарле они достигают большей величины, чем на других островах. Хвост у них сплюснут с боков, и все лапы снабжены плавательными перепонками. Их часто можно встретить плавающими на расстоянии нескольких сот ярдов от берега; капитан Кольнетт говорит в своем «Путешествии», что «они стаями отправляются в море на рыбную ловлю, греются на скалах и могут быть названы миниатюрными алигаторами». Не следует, однако, предполагать, что они питаются рыбой. В воде они чрезвычайно быстро и легко плавают при помощи извилистых движений тела и плоского хвоста; при этом ноги остаются неподвижными и сложены по бокам. Один матрос сбросил с борта такую ящерицу в воду с привязанным к ней тяжелым грузом, думая, что она сразу погибнет; через час ее вытащили и оказалось, что животное осталось живым. Конечности и сильные когти этих животных удивительно приспособлены для карабкания по неровным и растрескавшимся массам лавы, которые повсюду здесь образуют берег. Нередко можно видеть группы из шести или семи этих безобразных пресмыкающихся в разных местах на черных скалах, на высоте не-

скольких футов над линией прибоя, греющихся на солнце с вытянутыми ногами.

Я вскрыл желудки нескольких этих ящериц и обнаружил, что они сильно растянуты искрошенными морскими водорослями (Ulvae),[216] которые растут в виде тонких листовидных пластинок яркозеленого и темнокрасного цвета. Мне, помнится, ни разу не попадалась эта водоросль в каком бы то ни было количестве на скалах, находящихся в полосе прилива; я имею основание думать, что она растет на дне моря на некотором расстоянии от берега. Если это верно, то понятен повод, заставляющий этих животных отправляться в море. Желудок не заключал ничего, кроме этой водоросли. М-р Байно нашел, однако, в одном из них кусок краба, но он мог попасть туда случайно; точно



Amblyrhynchus cristatus. *a*—зуб (слева увеличенный в $1^1/_2$ раза, справа—в сильно увеличенном виде).

также и мне самому встретилась в желудке черепахи гусеница посреди лишайников. Кишки очень велики, как у всех травоядных. Род пищи этой ящерицы, строение ее хвоста и ног, а также то обстоятельство, что она добровольно отправляется в море, с несомненностью доказывают, что это животное водное. Этому противоречит, однако, одно странное обстоятельство, а именно то, что животное, будучи потревожено, не идет в воду. Поэтому легко загнать этих ящериц на какой-нибудь мысок над водой, где они скорее дадут поймать себя за хвост, чем спрыгнут в воду. Кусаться они, кажется, не умеют, но при сильном испуге выпускают каплю жидкости из ноздрей. Я бросал несколько раз и так далеко, как только мог, одну из этих ящериц в глубокую лужу, оставленную отливом, но она каждый раз возвращалась к тому месту, где я стоял. Она плавала у самого дна, производя очень красивые и быстрые движения; натыкаясь на неровное дно, она прибегала к помощи ног. Приплывая к берегу, но все еще оставаясь под водой, она старалась спрятаться в кусты морской травы или в какую-нибудь расселину, но лишь только убеждалась, что опасность миновала, сейчас же взлезала на сухую скалу и убегала так быстро, как только была в состоянии. Несколько раз я ловил

одну и ту же ящерицу, пригоняя ее к тому же месту, и хотя она умеет так отлично нырять и плавать, ничто не могло заставить ее войти в воду, и сколько бы раз я ни бросал ее туда, она опять возвращалась вышеописанным способом. Может быть, эта странная кажущаяся глупость происходит от того обстоятельства, что на суше это пресмыкающееся не имеет никаких врагов, между тем как в море она часто становится добычей многочисленных акул. Поэтому, вероятно, гонимая прочным наследственным инстинктом на берег, как на безопасное для нее место, она при всяком стечении обстоятельств ищет там убежища.

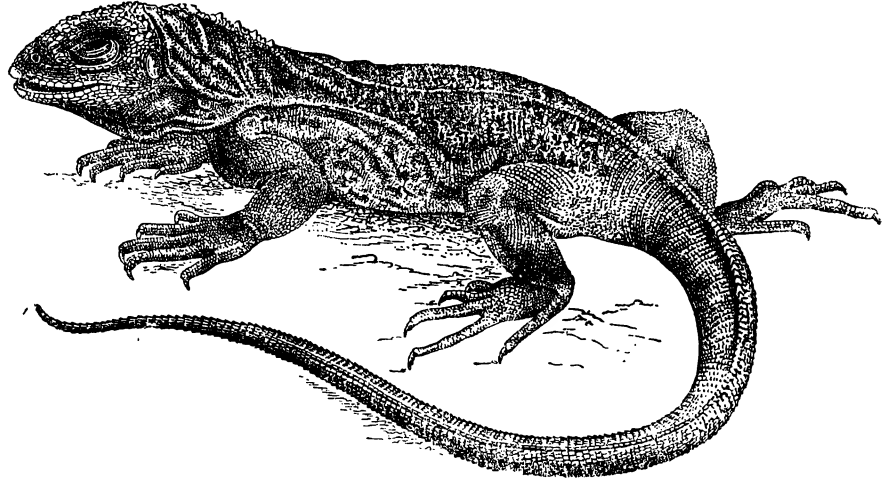
За время нашего пребывания здесь (в октябре) я видел чрезвычайно мало молодых животных этого вида и, как мне кажется, ни одного моложе года. Отсюда можно с вероятностью заключить, что период вывода еще не начинался. Я спрашивал некоторых из жителей, знают ли они, где эти животные кладут яйца, они отвечали, что ничего не знают об их размножении, хотя им хорошо известны яйца наземного вида; этот факт замечателен, если принять во внимание, насколько обычна здесь эта ящерица.

Теперь обратимся к наземному виду *(A. Demarlii)* с круглым хвостом и лапами без перепонок. Эта ящерица не встречается на всех островах, как предыдущая, а ограничена в своем распространении только центральной частью архипелага—островами Альбемарль, Джемс, Бэррингтон и Индефатигэбль. Они не попадались мне ни к югу—на островах Чарлз, Худ и Чатэм, ни к северу—на островах Тоуер, Биндлоу и Эбингдон. Точно они были сотворены в центре архипелага и оттуда распространились только на известное расстояние. Некоторые из этих ящериц живут на влажных возвышенных частях островов, но их гораздо больше на низменных, бесплодных местах возле берегов. Многочисленность их лучше всего явствует из того обстоятельства, что, оставшись на острове Джемс, мы не могли в течение некоторого времени отыскать ни одного места, где бы не было их нор и где бы мы могли разбить нашу единственную палатку. Они так же уродливы, как их водные собратья; нижняя часть их тела желтовато-оранжевого цвета, а верхняя—краснобурого; низкий лицевой угол придает им удивительно глупое выражение. Они, пожалуй, меньше ростом, чем морской вид, но некоторые из них весят от десяти до пятнадцати фунтов. Судя по их движениям,—это вялые, полусонливые животные. Если они не напуганы, то медленно ползают, волоча по земле хвост и брюхо. Они часто останавливаются и дремлют одну-две минуты, закрыв глаза и вытянув задние ноги на горячей земле.

Они живут в норах, которые они время от времени выкапывают между обломками лавы или еще чаще на ровных местах в мягком песчаникоподобном туфе. Норы эти не очень глубоки и направляются под незначительным углом к поверхности почвы. От этого на местах, изрытых подобными норами, земля постоянно сыплется под ногой, что очень неприятно, особенно для усталого ходока. Вырывая нору, животное работает попеременно обеими сторонами своего тела. Одна из передних ног в течение короткого времени царапает землю, отбрасывая ее по направлению к задней, которая удобно помещена таким образом, что выбрасывает землю вон из

норы. Когда одна сторона тела устанет, ее сменяет другая и т. д. Я наблюдал одну из таких ящериц очень долго, пока половина ее тела не скрылась в земле; тогда я подошел и потянул ее за хвост; это крайне изумило ее и она выползла, чтобы посмотреть, в чем дело; обернувшись, она уставилась мне в лицо, как бы желая сказать: «С какой стати вы тянете меня за хвост?».

Они едят днем и не отходят очень далеко от своих нор; если их испугать, то они сейчас же неуклюжей походкой направляются к своим норам. Только под гору они бегают быстро, вообще же они передвигаются медленно, вероятно, вследствие бокового расположения ног. Они совершенно не боязливы; внимательно следя за кем-нибудь, они завертывают хвост, приподнимаются на передних ногах



Amblyrhynchus Demarlii, Bibron.

и быстро кивают головой в вертикальном направлении, стараясь казаться чрезвычайно сердитыми; в действительности же они совсем не злы, и стоит только топнуть ногой, хвост немедленно разгибается, и они как можно скорее убегают в норы. Я часто видел и мелких ящериц-мухоедов, которые, наблюдая что-либо, точно так же кивают головой, но для чего они это делают, не понимаю. Если амблиринха придержать и раздражать его палкой, то он крепко вцепится в нее зубами; но я не раз ловил их за хвост, и они никогда не делали попыток укусить меня. Если держать двух ящериц вместе, то они подерутся и перегрызутся до крови.

Тем из этих ящериц, которые живут в низменных местах, а таких всего больше, едва ли удается отведать воды хотя раз в году, но они едят много сочных кактусов, ветви которых случайно обломаны ветром. Я часто бросал куски этого растения группе из двух-трех ящериц; забавно было видеть, как все они бросались на него и старались захватить зубами, словно голодные собаки кость. Они едят довольно скоро, но не пережевывают пищу. Маленькие птички очень хорошо знают всю безвредность этих животных; я видел, как толстоклювый зяблик клевал один конец ветки кактуса, чрезвычайно любимого всеми животными низменной части островов, в то время как яще-

рица поедала другой конец; затем птичка с величайшей беззаботностью села на спину ящерицы.

Я вскрыл желудки нескольких ящериц и нашел в них множество растительных волокон и листьев различных деревьев, в особенности одного вида акации. В возвышенной области они по преимуществу питаются кислыми и терпкими ягодами гуайавиты; под этими деревьями я видел ящериц, кормившихся рядом с неуклюжими черепахами. За листьями акаций они взлезают по низкорослым стволам этих деревьев, и нередко можно видеть, как какая-нибудь парочка этих ящериц спокойно сидит на ветви, раскачиваясь на высоте нескольких футов над землей. Вареное мясо этих ящериц имеет белый цвет и нравится тем, чьи желудки стоят выше всякого предрассудка. Гумбольдт заметил, что в тропических странах Южной Америки все ящерицы, живущие в сухих местах, считаются деликатной пищей. Жители говорят, что ящерицы, живущие в высоких сырых частях островов, пьют воду; те же, которые водятся в низменных, бесплодных местах, не отправляются, подобно черепахам, к водопою. Во время нашего пребывания здесь у самок этих ящериц находилось внутри тела много больших удлиненных яиц, которые они откладывали в своих норах; жители употребляют эти яйца в пищу.

Оба вида амблиринхов сходны, как я уже говорил, общими чертами строения тела и многими привычками. Ни тот, ни другой не отличается той быстротой движений, которая свойственна родам Lacerta и Iguana. Оба они травоядны, хотя растения, которыми они питаются, весьма различны. М-р Белл дал название роду на основании короткости их рыла; действительно, по форме рот их может быть почти сравнен со ртом черепахи; можно предполагать, что подобная форма представляет собой приспособление к их растительноядным привычкам. Чрезвычайный интерес представляет открытие этого хорошо очерченного рода с его двумя видами—морским и наземным, распространенными исключительно на таком тесном клочке земли.[217] Морской вид гораздо замечательнее, потому что это единственная ящерица, питающаяся морскими растениями. Эти острова, как я уже заметил, не столько замечательны количеством видов пресмыкающихся, сколько многочисленностью особей. Припоминая хорошо утоптанные тысячами громадных черепах тропинки, огромное количество морских черепах, большие стаи наземных амблиринхов, группы морских ящериц, греющихся на солнце на прибрежных скалах всех островов, нельзя не признать, что нет другого места на земном шаре, где бы этот отряд таким изумительным образом замещал травоядных млекопитающих. Слыша это, геолог наверное вспомнит вторичный период, когда частью травоядные, частью плотоядные ящерицы, могущие сравниться по величине только с ныне живущими китами, населяли в огромном количестве сушу и море. Но ему следует при этом обратить внимание и на то обстоятельство, что этот архипелаг вместо влажного климата и богатой растительности отличается крайне сухим и—для тропической страны—чрезвычайно умеренным климатом.

Закончу, однако, зоологический обзор. Все пятнадцать добытых мною здесь морских рыб были новые виды. Они относятся к двенадцати широко распространенным родам, за исключением Prionotus,[218]

из которых четыре прежде известных вида живут у восточных берегов Америки. Наземных моллюсков я собрал шестнадцать (и две резко выраженные разновидности); из них, кроме одной улитки (Helix), найденной мною также на Таити, все встречаются только на этом архипелаге; один только пресноводный моллюск (Paludina) [219] попадается еще на Таити и Вандименовой Земле. М-р Кёминг за некоторое время до нашего путешествия нашел здесь девяносто видов морских моллюсков, причем в это число не входят некоторые еще покуда не вполне определенные виды родов Trochus, Turbo, Monodonta и Nassa [220]. Он был так любезен, что сообщил мне следующие интересные результаты: из девяноста моллюсков не менее сорока семи не встречаются больше нигде,—замечательный факт, если принять в соображение, что морские моллюски имеют вообще весьма значительное распространение. Из сорока трех видов, живущих и в других местах, двадцать пять встречаются на западном берегу Америки, из них восемь разновидностей; прочие восемнадцать (с включением одной разновидности) были найдены м-ром Кёмингом на Низменном архипелаге и некоторые на Филиппинских островах. То обстоятельство, что моллюски, живущие на островах в центральной части Тихого океана, встречаются и здесь, заслуживает внимания, потому что у западных берегов Америки нет ни одного вида из живущих на океанических островах. Открытый океан, простирающийся далеко на север и на юг от западного берега, отделяет две резко друг от друга отличающиеся конхологические [221] провинции. Галапагосский архипелаг занимает среднее место между ними; на нем были созданы многие новые формы, и каждая из двух больших конхологических провинций выслала сюда нескольких колонистов. Американская провинция тоже послала сюда своих представителей, так как на Галапагосских островах имеется местный вид из рода Monoceros, встречающегося только на западном берегу Америки, а также местные виды родов Fissurella и Cancellaria [222], живущих на западном берегу, но (как мне говорил м-р Кёминг) не попадающихся на центральных островах Тихого океана. С другой стороны, имеются галапагосские виды родов Oniscia и Stylifer [223], которые живут также в Вест-Индии и в Китайском и Индийском морях, но не встречаются ни на западном берегу Америки, ни на центральных островах Тихого океана. К этому я могу добавить, что, сравнивая 2 000 моллюсков с восточных и западных берегов Америки, м-ры Кёминг и Гиндс нашли только один вид, именно *Purpura patula* [224], который живет в Вест-Индии, на берегах Панамы и на Галапагосском архипелаге. Таким образом, в этой части света мы имеем три большие морские конхологические провинции, резко друг от друга отличающиеся, хотя и удивительно близкие одна к другой, но разделенные по направлению с севера на юг громадными пространствами материка или открытого моря.

Я потратил много усилий на собирание насекомых, но нигде, кроме Огненной Земли, не видал страны, столь бедной в этом отношении. Даже в высоких, сырых местах я их встречал очень немного; из них, кроме некоторых мелких Diptera и Hymenoptera, все оказались формами, распространенными во всем мире. Все насекомые, как я и прежде заметил, были слишком мелки для тро-

пической страны и цвета их были темные. Я собрал двадцать пять видов жуков (не считая Dermestes и Corynetes[225], ввозимых всюду, куда только заходит корабль); из них два принадлежат к Harpalidae, два—к Hydrophilidae, девять—к трем семействам Heteromera, прочие же двенадцать—к такому же числу различных семейств. То обстоятельство, что насекомые (то же можно сказать и о растениях) там, где они представлены небольшим числом особей, принадлежат ко многим различным семействам, является, как мне кажется, общераспространенным. М-р Уотергауз *, который напечатал отчет о насекомых этого архипелага и которому я обязан приведенными выше подробностями, говорил мне, что здесь встречается несколько новых родов, а из родов, встречающихся в других местах, один или два—американские, прочие—распространены во всем мире. За исключением питающегося деревом Apate[226] и одного или, может быть, двух водяных жуков, свойственных и американскому материку, все виды оказались новыми.

В ботаническом отношении эти острова так же интересны, как в зоологическом. Д-р Дж. Гукер опубликует в скором времени в «Linnean Transactions» полное описание здешней флоры, и я ему очень обязан за следующие подробности. Цветковых растений, насколько до сих пор известно, встречается там 185 видов, а тайнобрачных—40 видов, что вместе составляет 225 видов; из этого числа мне удалось привезти в Англию 193 вида. Среди цветковых растений имеется 10 новых видов и все они, вероятно, свойственны одному этому архипелагу. Д-р Гукер уверяет, что из растений, произрастающих не исключительно здесь, по крайней мере 10 видов, найденных около обработанных мест на острове Чарлз, были сюда завезены. Мне кажется удивительным, что сюда не было занесено естественным путем больше американских видов, особенно если принять в соображение, что расстояние от материка только 500—600 миль и что (по словам Кольнетта, стр. 58) пловучее дерево, бамбук, тростник и пальмовые орехи часто прибиваются волнами к юго-восточным берегам. Отношение 100 новых цветковых растений к общему числу 185 (или 175, если исключить ввезенные растения), мне кажется, вполне достаточно для того, чтобы считать Галапагосский архипелаг совершенно отдельной ботанической провинцией; эта флора, однако, далеко не так своеобразна, как флора Св. Елены или, по словам д-ра Гукера, Хуан Фернандеса. Особенность галапагосской флоры всего лучше характеризуется некоторыми семействами; так, например, там имеется 21 вид Compositae,[227] из которых 20 встречаются только на архипелаге; они принадлежат к двенадцати родам, и из этих родов не менее десяти ограничены в своем распространении исключительно этим архипелагом! Д-р Гукер говорил мне, что здешняя флора имеет, несомненно, западноамериканский характер и что он не может выявить в ней никакой близости с флорой Тихого океана. Таким же образом, если мы исключим восемнадцать морских, один пресноводный и один наземный виды моллюсков, которые, повидимому, явились сюда в качестве колонистов с центральных островов Тихого океана, а также один явно тихоокеанский вид в галапагосской группе вьюр-

* Annals and Magazine of Natural History, vol. XVI, p. 19.

ков, то увидим, что хотя этот архипелаг и лежит в Тихом океане, но в зоологическом отношении он является частью Америки.

Но не то особенно замечательно, что тут попадаются выходцы из Америки. Напротив, удивительно то, что подавляющее большинство наземных животных и более половины цветковых—коренные обитатели архипелага. Особенно поразительно видеть себя окруженным новыми птицами, пресмыкающимися, моллюсками, насекомыми, растениями, которые бесчисленными незначительными подробностями своей организации и даже тоном голоса и оперением птиц живо напоминали мне умеренные патагонские равнины и горячие, бесплодные пустыни северного Чили. Какая причина тому, что на столь малом клочке земли,—который еще в недавний геологический период был покрыт океаном,—который состоит из базальтовой лавы и, следовательно, отличается по геологическому строению от американского материка,—который расположен в условиях своеобразного климата и на котором, могу прибавить, обитатели подобраны в иной пропорции как по форме, так и по числу, чем на материке, а, следовательно, совершенно иначе действуют друг на друга,—почему здесь коренное население было сотворено по американскому типу организации? Острова Зеленого Мыса, вероятно, гораздо более схожи по всем своим физическим условиям с Галапагосским архипелагом, чем последний с берегами Америки, а между тем обитатели той и другой из названных групп совершенно различны: обитатели островов Зеленого Мыса носят на себе африканский отпечаток, между тем как на Галапагосском архипелаге они носят печать американского происхождения.

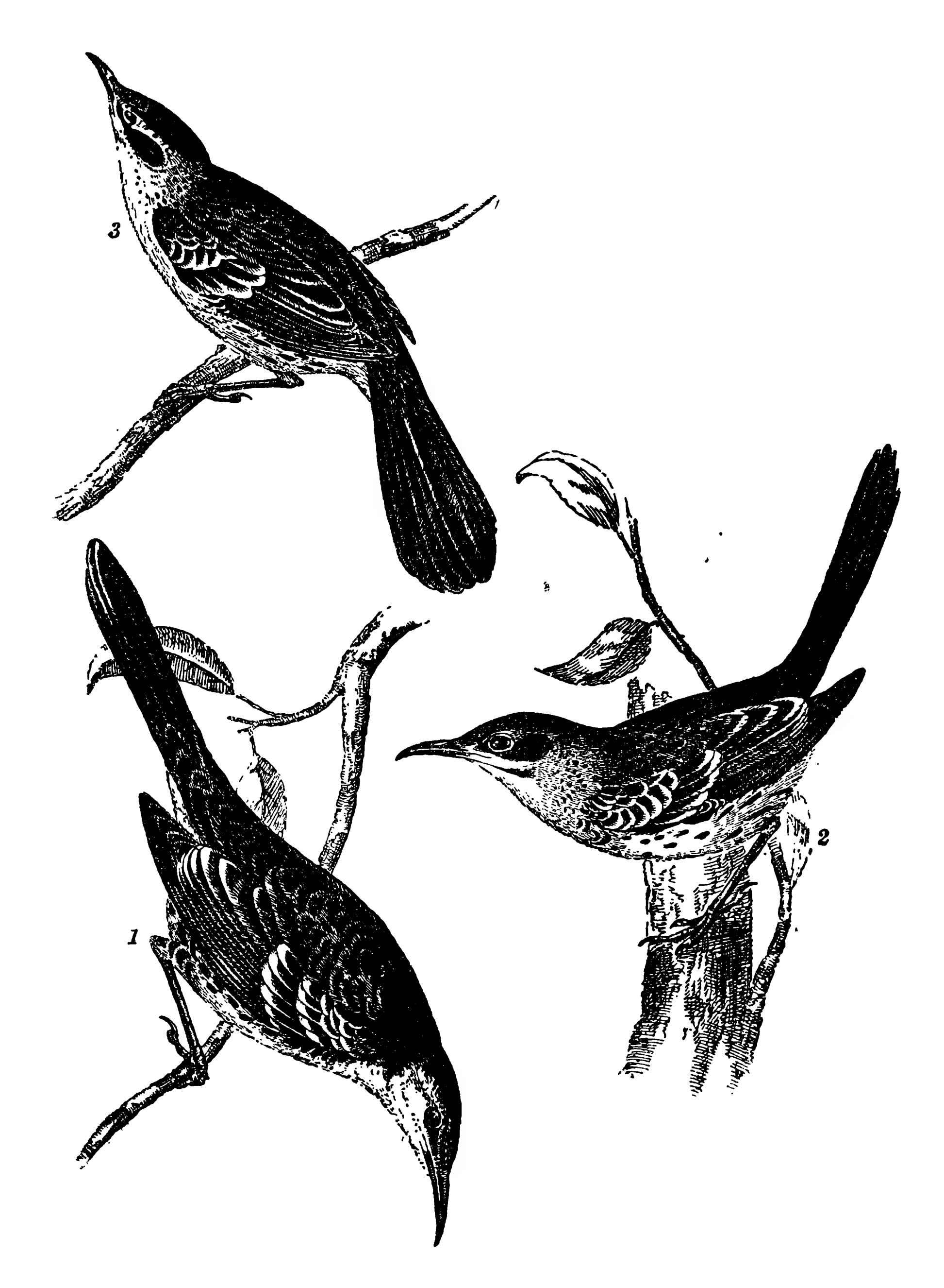
Я не отметил еще наиболее замечательной черты в естественной истории этого архипелага. Дело в том, что различные острова его населены в значительной степени различными существами. Вице-губернатор, м-р Лоусон, первый обратил на это мое внимание, утверждая, что черепахи на различных островах различны и что он может с достоверностью сказать, откуда какая привезена. Я сначала не обратил на это должного внимания и несколько перемешал коллекции, собранные мною на двух островах. Мне и не снилось, что острова, отстоящие друг от друга лишь на пятьдесят или шестьдесят миль, находящиеся в виду друг друга, состоящие из одинаковых скал, лежащие в одинаковом климате и достигающие одинаковой высоты, могли бы быть различно населены; но мы сейчас увидим, что это действительно так. Судьба всех путешественников узнавать о наиболее интересных чертах данной страны только тогда, когда ее покинешь; я должен быть, впрочем, доволен тем, что собрал достаточно материала для установления этого замечательного факта в распределении органических существ.

Я сказал, что жители островов утверждают, будто бы они могут различать черепах с различных островов не только по величине, но и по другим признакам. Капитан Портер * описал черепах с острова Чарлз и с ближайшего к нему острова Худ, и говорит, что у них щит спереди толст и загнут, наподобие испанского седла; черепахи же

* Voyage in the U. S. ship Essex, vol. I, p. 215.

с острова Джемс круглее, чернее и мясо их вкуснее. Кроме того, г. Биброн сообщил мне, что он видел оба, как он выражается—различных, вида галапагосских черепах, но не знает, с каких они островов. Экземпляры, которые я достал с трех различных островов, были все молодые животные, и, вероятно, по этой причине ни я, ни м-р Грей не могли обнаружить у них каких-либо видовых различий. Я заметил также, что морские амблиринхи крупнее на острове Альбемарль, чем на других островах, а м-р Биброн сообщил мне, что он видел два различных водных вида этого рода, так что, вероятно, на различных островах имеются свои виды или расы амблиринхов, так же как и черепах. При сравнении многочисленных экземпляров, убитых мною и моими товарищами, внимание мое было прежде всего обращено на дроздов-пересмешников, и, к удивлению, я увидел, что все те, которые были с острова Чарлз, относились к одному виду (*Mimus trifasciatus*); полученные с острова Альбемарль—к *M. parvulus*, а с островов Джемс и Чатэм (между которыми расположены два других острова, служащие соединительным мостом)—к *M. melanotis*. Два последние вида очень близки между собой и некоторые орнитологи считают их только резко обозначившимися расами или вариететами; но *Mimus trifasciatus* значительно отличается от них.[228] К несчастью, бо́льшая часть экземпляров из группы вьюрков была перемешана; но я имею серьезные основания предполагать, что некоторые виды подгруппы Geospiza приурочены к различным островам. Если различные острова имеют своих представителей Geospiza, то этого уже достаточно для того, чтобы объяснить, почему на столь небольшом архипелаге попадается такое большое количество видов названной подгруппы; наличие всех постепенных переходов в размерах их клювов представляет собой возможное следствие этого большого числа. На архипелаге были найдены два вида из подгруппы Cactornis и два вида Camarhynchus; из многочисленных экземпляров этих двух подгрупп, убитых четырьмя коллекторами на острове Джемс, каждый экземпляр принадлежал к одному какому-нибудь виду этих двух подгрупп, между тем как экземпляры, убитые на островах Чатэм и Чарлз (они были перемешаны), все принадлежали к двум другим видам; мы можем поэтому быть вполне уверены, что эти острова имеют своих представителей названных двух подгрупп. Наземные моллюски не подтверждают, повидимому, этот закон распределения. В небольшой коллекции насекомых, собранной мною, ни одно из тех, при которых было обозначено место их нахождения, не является, по мнению м-ра Уотергауза, общим для каких-либо двух островов.

Если мы обратимся к флоре, то найдем, что коренные растения на различных островах совершенно различны. Все нижеследующие выводы я привожу, опираясь на высокий авторитет моего друга д-ра Дж. Гукера. Должен предупредить, что я собирал без разбора все встречавшиеся мне на разных островах цветы, но, к счастью, хранил каждую коллекцию отдельно. Нельзя слишком доверять, однако, этим результатам, потому что небольшие коллекции, привезенные оттуда другими натуралистами, хотя в некоторых отношениях и подтверждают эти результаты, однако, ясно показывают, что много еще остается сделать по изучению флоры этого архипелага. Сверх того Leguminosae[229] были изучены довольно поверхностно:—



Галапагосские дрозды-пересмешники: 1. *Mimus trifasciatus*, G. R. Gray (*Orpheus trifasciatus*, Gould), остров Чарлз. 2. *Mimus melanotis*, G. R. Gray (*Orpheus melanotis*, Gould), острова Чатэм и Джемс. 3. *Mimus parvulus*, G. R. Gray (*Orpheus parvulus*, Gould), остров Альбемарль.

Названия островов	Число всех видов	Число видов, находимых и в других частях света	Число видов, найденных только на Галапагосском архипелаге	Число видов, свойственных одному острову	Число видов, свойственных только Галапагосскому архипелагу, но встречающихся на различных островах его
О-в Джемс . . .	71	33	38	30	8
О-в Альбемарль .	46	18	26	22	4
О-в Чатэм	32	16	16	12	4
О-в Чарлз	68	39 (или 29, если вычесть растения, по всей вероятности, ввезенные)	29	21	8

Таким образом, мы видим здесь совершенно изумительный факт: из тридцати восьми галапагосских видов растений, встречающихся на острове Джемс, или, иначе говоря, таких видов растений, которые не встречаются больше нигде в мире, тридцать встречаются только на этом острове, а на Альбемарле из двадцати шести коренных галапагосских растений двадцать два свойственны только этому острову и только четыре найдены и на других островах архипелага; как показано в приведенной таблице, точно так же обстоит дело с растениями на островах Чатэм и Чарлз. Этот факт станет, может быть, еще более очевидным, если привести несколько примеров: так, Scalesia,[230] замечательный древовидный род Compositae, водится только на этом архипелаге; он заключает в себе шесть видов; один растет на острове Чатэм, другой на острове Альбемарль, третий на острове Чарлз, четвертый и пятый на острове Джемс, а шестой на одном из трех последних островов, только неизвестно, на котором из них; ни один из этих видов не растет на двух островах. Также и Euphorbia, всемирный или во всяком случае широко распространенный род, имеет здесь восемь видов, из которых семь растут только на архипелаге, и ни один из них не встречается на двух островах; Acalypha[231] и Borreria,[232] всемирные роды, имеют здесь—первый шесть видов, а второй семь, и оба эти рода не представлены одним и тем же видом на двух островах, за исключением одного вида Borreria, встречающегося на двух островах. Виды Compositae особенно отличаются местным характером. Д-р Гукер указал мне еще несколько замечательных примеров различия между видами с разных островов. Он говорит, что этот закон распределения касается как родов, свойственных данному архипелагу, так и тех, которые распространены в других частях света; мы видели, что подобным же образом различные острова имеют свои местные виды всемирного рода черепах, широко распространенного американского рода дроздов-пересмешников, двух галапагосских групп вьюрков и, почти несомненно, галапагосского рода Amblyrhynchus.

Распределение обитателей этого архипелага не было бы столь замечательным, если бы, например, на одном острове жил дрозд-пересмешник, а на другом какой-нибудь совершенно иной род; если бы

на одном жил род ящериц, а на другом другой особый род, или бы их совсем не было; или если бы различные острова были населены не различными видами одного рода растений, а совершенно различными родами, как то бывает до известной степени и на самом деле; например, одно большое ягодное дерево, которое растет на острове Джемс, не имеет представителя на острове Чарлз. Но для меня всего удивительнее то обстоятельство, что некоторые острова имеют свои виды черепах, дроздов-пересмешников, вьюрков и многочисленных растений, что все эти виды имеют вообще одинаковые привычки, живут в сходных местах и, очевидно, занимают то же место в естественной экономии этого архипелага. Можно бы подумать, что некоторые из этих замещающих друг друга видов, по крайней мере, черепахи и некоторые птицы, окажутся впоследствии только резко обозначенными расами, но и это было бы не менее любопытно для философствующего натуралиста. Я сказал, что многие острова находятся в виду друг друга; могу прибавить для большей точности, что остров Чарлз отстоит от ближайшего к нему пункта острова Чатэм на 50 миль, а от ближайшего пункта острова Альбемарль на 33 мили. Остров Чатэм отстоит на 60 миль от ближайшего пункта острова Джемс, но между ними находятся два других острова, на которых я не был. Остров Джемс лежит в 10 милях от ближайшего к нему пункта острова Альбемарль, но места, на которых были собраны коллекции, отстоят друг от друга на 32 мили. Я должен повторить, что ни характер почвы, ни высота страны, ни климат, ни общий характер связанных друг с другом животных и вследствие этого их действие друг на друга не могут значительно отличаться на различных островах. Если и есть какое-нибудь чувствительное различие в климате, то только между группой подветренной (именно острова Чарлз и Чатэм) и наветренной; но, кажется, соответственного различия в произведениях этих двух частей архипелага не наблюдается.

Единственное объяснение этого замечательного различия между обитателями разных островов, которое я в состоянии дать, заключается в том, что очень сильные морские течения, направленные к западу и к западо-северо-западу, должны разделять северные острова от южных, если касаться только переноса местных произведений морем; в то же время между северными островами проходит сильное северо-западное течение, которое также должно разделять острова Джемс и Альбемарль. Так как на этом архипелаге совсем не бывает сильных ветров, то ни птицы, ни насекомые, ни легкие семена не могут быть переносимы с одного острова на другой. Наконец, чрезвычайная глубина океана между этими островами и их, повидимому, недавнее (в геологическом смысле) вулканическое происхождение не позволяют думать, что они были когда-либо соединены, что, вероятно, и составляет главнейшую причину особенностей географического распределения их обитателей. Пересматривая приведенные здесь факты, чрезвычайно удивляешься количеству творческой силы, если можно употребить это выражение, проявившейся на этих малых, голых и скалистых островах; еще больше, однако, удивляешься разнообразию действий этой силы, при всей их аналогичности, в пунктах, стоящих так близко друг от друга. Я сказал, что Галапагосский архипелаг можно назвать спутником Америки,

но правильнее назвать его группой спутников, в физическом отношении сходных, в органическом—различных, но находящихся в близком родстве друг с другом, а также и с американским материком, хотя с последним в гораздо меньшей степени.[233]

Заключаю естественноисторическое описание этих островов рассказом о необыкновенной доверчивости здешних птиц.

Это качество свойственно всем наземным видам, именно: дроздам-пересмешникам, вьюркам, тираннам-мухоловкам, горлице и коршуну-стервятнику. Все они подходили на такое расстояние, что их можно было убивать хлыстом, а иногда мне удавалось просто накрывать их шляпой. Ружье здесь почти излишне; раз я столкнул концом ружья хищную птицу, сидевшую на ветке дерева. Однажды, пока я лежал на земле, держа в руке сосуд из черепашьего щитка, наполненный водой, прилетел дрозд-пересмешник, сел на краешек этой чаши и преспокойно начал пить воду; сидя на сосуде, он позволял мне подымать себя с земли. Кроме того, я часто пробовал и мне иногда удавалось ловить этих птиц за ноги. В прежние времена здешние птицы были еще доверчивее, чем теперь. Коули говорит (в 1684 г.), что «горлицы были до того доверчивы, что они часто садились на наши шляпы и на руки, так что мы их могли ловить живыми; они не боялись человека до тех пор, покуда мы не начали стрелять по ним, после чего они сделались более дикими». Дампьер, путешествовавший в том же году, говорит, что во время утренней прогулки можно было убить шесть или семь дюжин этих горлиц. Теперь, хотя они и очень доверчивы, но не садятся на руки человеку и не дают убивать себя в таком количестве. Удивительно, что они не одичали гораздо более, потому что за последние 150 лет эти острова были посещаемы и флибустьерами, и китоловами, и матросы, отыскивая по лесам черепах, всегда доставляли себе жестокое удовольствие убивать мимоходом маленьких птичек.

Невзирая на то, что теперь их преследуют еще больше, эти птицы нескоро дичают: на острове Чарлз, который начал населяться колонизаторами шесть лет тому назад, я видел мальчика, сидевшего у ручья с хлыстом в руке и убивавшего горлиц и вьюрков, по мере того как они приходили пить. Он собрал уже небольшую кучку их на обед и говорил, что постоянно ходит к этому ручью для подобной охоты. Должно быть, птицы здешнего архипелага не распознали еще, что человек гораздо более опасное животное, чем черепаха и амблиринх, и не обращают на него внимания, так же как в Англии некоторые очень трусливые птицы, как, например, вороны, не обращают никакого внимания на лошадей и коров, пасущихся в поле.

На Фальклендских островах мы видим другой пример той же черты у птиц. Необыкновенная доверчивость маленького Opetiorhynchus была замечена Пернети, Лессоном и другими путешественниками. Такая особенность, однако, свойственна далеко не одной этой птице; каракары, кулики, горные и луговые гуси, дрозды, овсянки и даже некоторые хищные птицы почти все более или менее доверчивы. Так как эти птицы отличаются доверчивостью в такой стране, где водятся лисицы, хищные птицы и совы, то ясно, что на Галапагосских островах отсутствие хищных животных не является

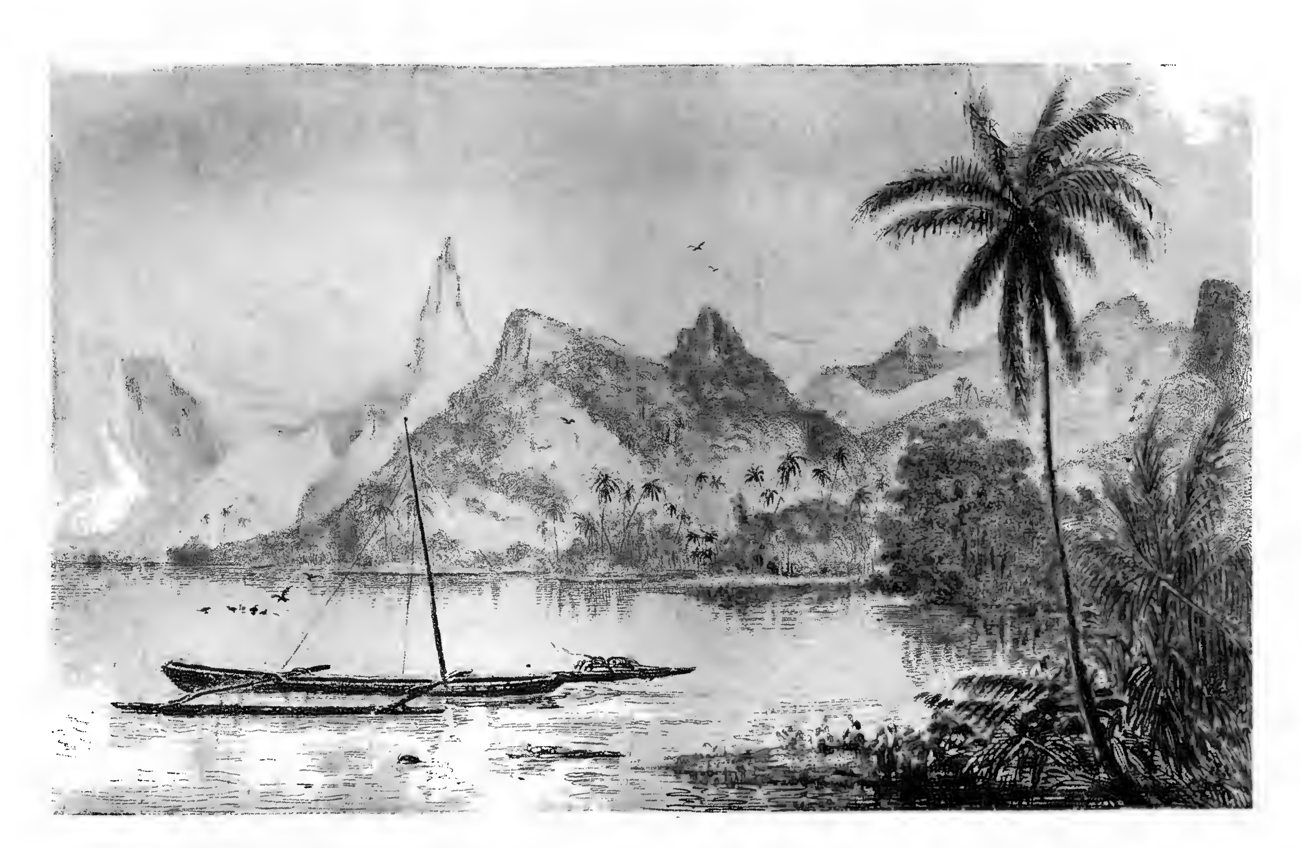
причиной этой доверчивости. Предосторожность, обнаруживаемая горными гусями Фальклендских островов, строящими свои гнезда на островках, доказывает, что они знают, как опасна для них лисица, но в то же время нимало не опасаются человека. Такая доверчивость со стороны птиц, особенно со стороны водных птиц, представляет резкий контраст с нравами тех же видов на Огненной Земле, где они с давнего времени подвергаются преследованиям со стороны дикарей. Охотнику на Фальклендских островах удается иногда в один день настрелять столько горных гусей, сколько он и дотащить не в состоянии, а на Огненной Земле почти так же трудно убить хотя одного, как в Англии подстрелить обыкновенного дикого гуся.

Во времена Пернети (1763) птицы были здесь, повидимому, несравненно доверчивее, чем теперь; он говорит, что Opetiorhynchus почти садились к нему на палец, и он убивал их тростью по 10 штук в полчаса. В это время птицы на Фальклендских островах были, вероятно, так же доверчивы, как теперь на Галапагосском архипелаге. На этих островах они, кажется, медленнее научаются осторожности, чем на Фальклендских, где они имели гораздо больше опыта, потому что помимо того, что сюда часто приставало много кораблей, на эти острова время от времени на протяжении длинного периода являлись и колонизаторы. Но, по словам Пернети, даже и в прежние времена, когда все птицы были здесь как бы ручные, никому не удавалось убить черношейного лебедя—перелетную птицу, которая, повидимому, во время своих дальних странствий приучилась к осторожности.

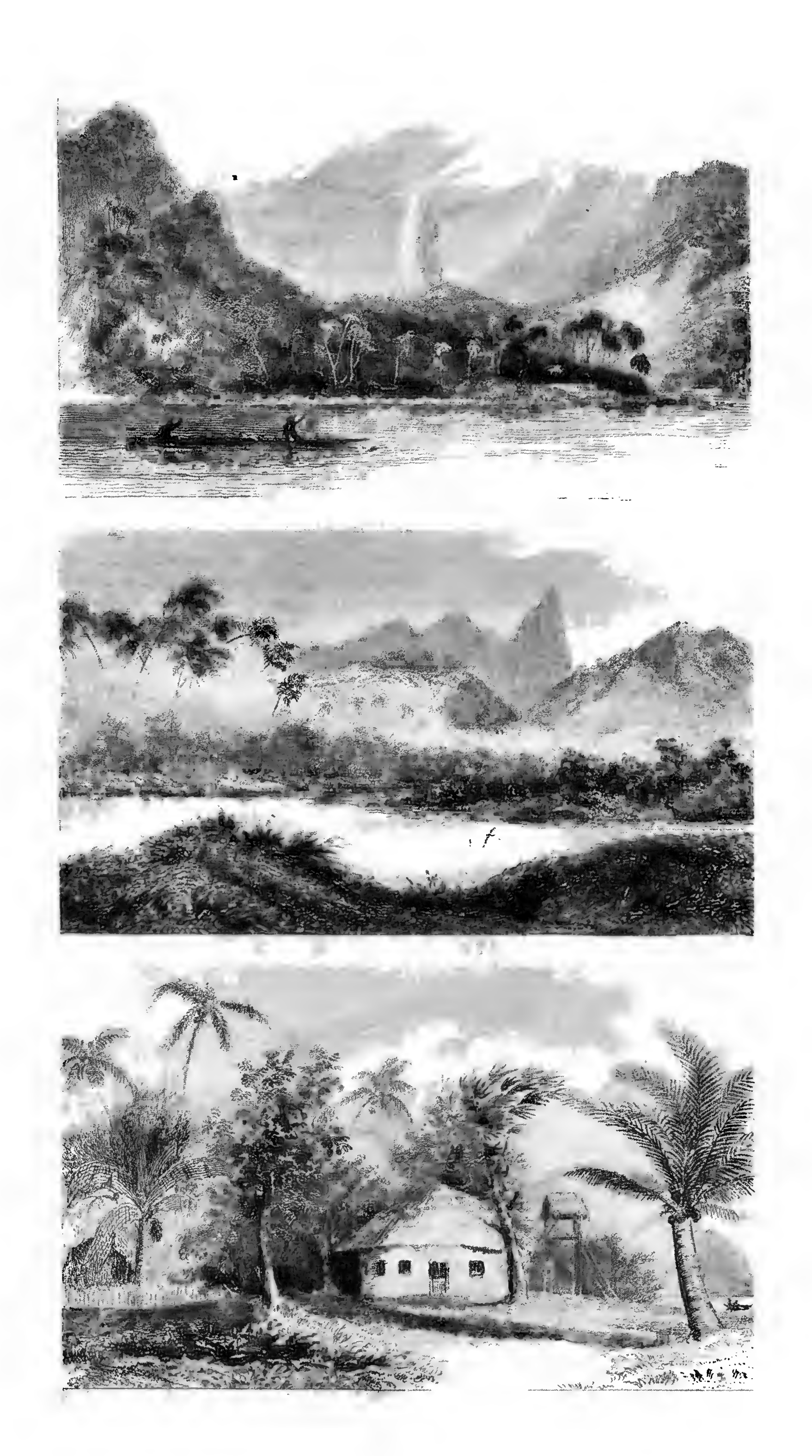
Могу прибавить, что, согласно Дю Буа, в 1571—1572 гг. на острове Бурбон все птицы, исключая только гусей и фламинго, были до такой степени доверчивы, что их можно было брать руками и в любом числе убивать палкой. Кармичель* утверждает, что на острове Тристан д'Акунья, в Атлантическом океане, единственные представители наземных птиц—дрозды и овсянки—«до того доверчивы, что их можно ловить сачком». Из этих фактов мы, кажется, можем заключить, во-первых, что дикость птиц по отношению к человеку есть совершенно особый инстинкт, направленный против *него*, а не зависящий от общей их боязливости, порождаемой другими источниками опасности; во-вторых, что эта боязливость не приобретается в короткое время отдельными особями, даже если их сильно преследуют, но что в продолжение целого ряда поколений она делается наследственной. У домашних животных мы уже привыкли видеть, как новые психические привычки или инстинкты приобретаются и становятся наследственными, но у животных в естественном состоянии всегда

* Linnean Transactions, vol. XII, p. 496. Наиболее аномальным фактом в этой области, с каким мне пришлось встретиться, является дикость мелких птичек в полярной части Северной Америки (по описанию Ричардсона в Fauna Borealis, vol. II, p. 332), где, как говорят, их никогда не преследуют. Этот случай кажется тем более странным, что, по достоверным сведениям, некоторые виды из той же группы на своих зимовках в Соединенных штатах вполне доверчивы. Д-р Ричардсон справедливо замечает, что иногда решительно непонятно, что вызывает у птиц большую или меньшую опасливость при выборе места для гнезд. Удивительно странно, например, что английский лесной голубь, обыкновенно такая дикая птица, часто выводит птенцов в кустарниках в непосредственной близости от человеческого жилья.

труднее найти примеры приобретенного знания, ставшего наследственным. Что касается дикости птиц по отношению к человеку, то здесь нет другого пути для объяснения, как принятие унаследованной привычки; в каждый данный год в Англии, например, сравнительно немного бывает молодых птиц, убитых людьми, но все они, даже гнездовые птенцы, боятся человека; с другой стороны, многие особи и на Галапагосских, и на Фальклендских островах были преследуемы человеком и пострадали от него, но все-таки не научились опасаться его. Из этих фактов мы можем заключить, какое опустошение должно быть произведено в данной стране появлением в ней нового хищника, прежде чем инстинкты местных обитателей приспособятся к хитрости или силе чужеземца.



Остров Таити.
Рисунок Ч. Мартенса.



Таити. Сверху вниз: остров Эймео близ Таити; бухта близ Матаваи на Таити; старая церковь миссионера Нотта на Таити.

Верхний и средний рисунки Ч. Мартенса; нижний рисунок Ф. П. Кинга.

ГЛАВА XVIII

ТАИТИ И НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ

Переход через Низменный архипелаг.—Таити.—Общий вид.—Горная растительность.—Вид на Эймео.—Экскурсия внутрь острова.—Глубокие овраги.—Ряд водопадов.—Множество дикорастущих полезных растений.—Трезвость жителей.—Состояние их нравственности.—Созыв парламента.—Новая Зеландия.—Айлендс.—Гиппа.—Экскурсия в Уаимате.—Миссионерская колония.—Английские сорные травы, одичавшие здесь.—Уайомио.—Похороны новозеландской женщины.—Отправление в Австралию.

20 октября.—Осмотрев Галапагосский архипелаг, мы направились к Таити и начали свой длинный переход в 3 200 миль. Через несколько дней мы вышли из пределов сумрачной и туманной области океана, которая в зимнее время простирается на далекое расстояние от берегов Южной Америки. Тогда началась превосходная и ясная погода, и, пользуясь пассатным ветром, мы проходили от 150 до 160 миль в день. Температура в этой центральной части Тихого океана гораздо выше, чем близ американских берегов. Термометр в кормовой каюте днем и ночью колебался между 80 и 83°, что было довольно приятно; но как только он поднимался на 1 или 2 градуса выше, жара делалась невыносимой. Мы проходили через Низменный, или Опасный, архипелаг и видели некоторые из этих чрезвычайно любопытных колец коралловой почвы, едва подымающихся над водой; их называют лагунными островами. Длинная береговая полоса ослепительно белого цвета, окаймленная яркозеленой растительностью, тянется в обе стороны и, быстро суживаясь, теряется в отдалении за горизонтом. Внутри этого кольца с вершины главной мачты виднеется обширное пространство спокойной воды. Эти низкие, с глубокими заливами коралловые острова слишком малы в отношении к громадному океану, из которого они внезапно поднимаются, и кажется странным, что эти слабые пришельцы не поглощаются всемогущими и неутомимыми волнами этого великого моря, совершенно неправильно названного Тихим океаном.

15 ноября.—На рассвете мы увидели Таити, остров, который, вероятно, навсегда останется классическим для всякого, кто путешествует по Южному океану. Издали вид его непривлекателен. Пышная растительность низменной части еще не была видна, а между тем, по мере того как облака рассеивались, в центре острова обозначались мрачные, обрывистые вершины. Как только мы бросили якорь в заливе Матаваи, нас окружили челноки. По нашему календарю

было воскресенье, а у таитян был понедельник[234]; если бы случилось обратное, никто бы к нам не выехал, потому что там строго соблюдается заповедь не спускать ладьи в день субботний. После обеда мы поехали на берег, чтобы вполне насладиться зрелищем страны, никогда еще невиданной и притом такой очаровательной, как остров Таити. Толпа мужчин, женщин и детей с веселыми, смеющимися лицами собралась нам навстречу на знаменитом мысе Венеры.[235] Они проводили нас к дому м-ра Уильсона, местного миссионера, который встретил нас на дороге и принял очень приветливо. Посидев несколько времени у него, мы разбрелись в разные стороны, но вечером возвратились опять к нему.

Земля, годная для обработки, образует здесь довольно узенькую полоску низменной аллювиальной почвы[236], накопившейся вокруг подошвы гор и защищенной от волн океана коралловым рифом, окружающим остров со всех сторон. Между этим рифом и островом простирается изрядное пространство спокойной воды, вроде озера, где безопасно снуют челноки туземцев и где корабли становятся на якорь. Низменность, простирающаяся до самого берега, образованного коралловым песком, поросла прекраснейшей растительностью тропических стран. Посреди бананов, апельсинов, кокосовых пальм и хлебных деревьев расчищены места, на которых выращивают ямс[237], бататы, сахарный тростник и ананасы. Даже кустарник представляет собой ввезенное фруктовое дерево, гуайаву[238], которая до того размножилась, что приобрела характер вредного сорняка. В Бразилии я часто восхищался разнообразной красотой бананов, пальм и апельсинных деревьев, представляющих рядом друг с другом чрезвычайно контрастную картину, а здесь к ним присоединяется еще хлебное дерево, замечательное своими большими блестящими листьями с глубокими лопастями. Удивительно приятно видеть целые рощи деревьев, могучих и ветвистых, как английские дубы, но вместе с тем обремененных крупными и в высшей степени питательными плодами. Хотя полезность предмета редко является причиной удовольствия, доставляемого его созерцанием, однако, когда смотришь на эти чудесные леса, сознание необыкновенной их пользы значительно увеличивает чувство восхищения. Маленькие вьющиеся тропинки, тенистые и прохладные, ведут к разбросанным домам, владельцы которых принимали нас с неизменным радушием и гостеприимством.

Ничто мне так не понравилось, как жители. Лица их выражают кротость, не допускающую и мысли о дикарях, и ум, доказывающий, что они уже далеко ушли по пути цивилизации. Простой народ почти совершенно обнажает во время работы верхнюю часть тела, и тогда таитяне предстают перед вами в самом выгодном свете. Они высокого роста, широкоплечи, мужественны и хорошо сложены. Уже давно было замечено, что нужна лишь самая небольшая привычка для того, чтобы темная кожа казалась европейцу гораздо более приятной на вид и естественной, чем его собственная. Белый, купающийся рядом с таитянином, выглядит по сравнению с ним так же, как бледное растение, полученное благодаря искусству садовника, по сравнению с красивым яркозеленым растением, свободно выросшим в открытом поле. Бóльшая часть мужчин татуирована, и линии этой татуировки

так грациозно следуют за всеми изгибами тела, что производят чрезвычайно изящное впечатление. Главный рисунок, варьирующий только в подробностях, несколько похож на крону пальмового дерева. Он начинается на центральной линии спины и, грациозно закругляясь, расходится в обе стороны. Хотя это может показаться странным, но я думаю, что тело человека, украшенное таким образом, подобно стволу величавого дерева, обвитому изящным вьющимся растением.

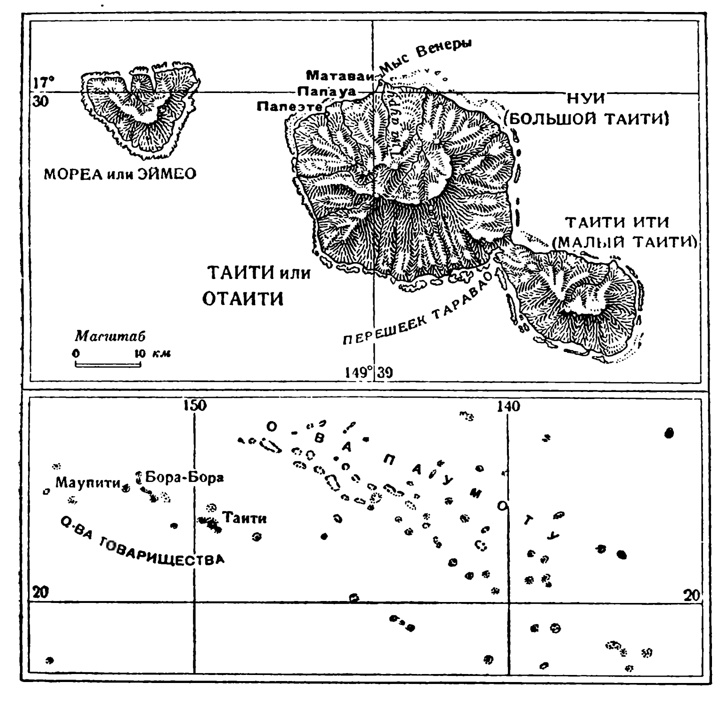
У многих стариков ноги покрыты маленькими фигурками, так расположенными, что они похожи на носки. Впрочем, эта мода частично прошла и заменена другой. Здесь мода также очень изменчива, но зато каждый подчиняется только той, которая преобладает в его молодости. Таким образом, возраст каждого отпечатан на его теле, и ни один старик не может принять вид юного щеголя. Женщины так же татуированы, как и мужчины; у них часто татуируются также и пальцы. Здесь завелась теперь одна очень неизящная мода, а именно волосы на верхней части головы сбриваются и оставляется только венчик вокруг головы. Миссионеры уже не раз старались уговорить их изменить этот обычай; но это мода—и такой ответ столь же убедителен на Таити, как и в Париже. Я сильно разочаровался в наружности женщин; они во всех отношениях гораздо хуже мужчин. Очень красив обычай носить белый или красный цветок на задней части головы или продевать по цветку в дырочки, сделанные в ушах. На голове носят также венок из листьев кокосовой пальмы, служащий для защиты глаз от солнца. Вообще же надо признаться, что женщины гораздо более мужчин нуждаются в каком-нибудь красивом одеянии.

Почти все туземцы понимают немного по-английски, т. е. знают названия главнейших предметов. С помощью этих слов и знаков можно кое-как вести разговор. Вечером, возвращаясь к своим лодкам, мы остановились, чтобы полюбоваться очень красивой сценой. Множество детей играло на берегу и разложило костры, освещавшие спокойное море и окружающие деревья. Другие, сидя кружками, пели таитянские песни. Мы уселись на песке и присоединились к ним. Песни сочинялись экспромтом и относились, кажется, к нашему прибытию; маленькая девочка пела один стих, который остальные подхватывали, образуя прекрасный хор. Вся эта сцена напоминала нам, что мы, несомненно, находимся на берегу острова среди знаменитого Южного океана.

17 ноября.—Этот день занесен в наш судовой журнал под именем вторника 17 ноября вместо понедельника 16-го, что доказывало полную успешность нашей погони за солнцем. Перед завтраком корабль был окружен флотилией челноков, и когда туземцам позволили взойти на палубу, то, мне кажется, их набралось не менее 200 человек. Мы все были того мнения, что трудно было бы собрать столько людей какой бы то ни было другой нации, которые бы вели себя так прилично. Каждый привез что-нибудь для продажи; главным предметом торговли были раковины. Таитяне теперь вполне понимают ценность денег и предпочитают их старому платью или другим предметам. Однако, разнообразие английской и испанской монеты приводит их в некоторое недоумение, и они явно с недоверием смотрят на мелкое серебро до тех пор, пока оно не разменено на доллары. Некоторые из старшин нажили уже довольно много денег.

Один из них предлагал недавно 800 долларов (около 160 фунтов стерлингов) за маленький корабль; они часто покупают вельботы и лошадей и платят за них от 50 до 100 долларов.

После завтрака я отправился на берег и поднялся по ближайшему склону на высоту от двух до трех тысяч футов. Передние горы имеют довольно гладкие, но крутые склоны и коническую форму; они состоят из древних вулканических пород, прорезанных глубокими оврагами, которые, исходя из гористого центра острова, расходятся до самых берегов. Перейдя узкую низменную полосу обитаемой и пло-



Карта островов Товарищества и Низменного архипелага (Паумоту).

дородной земли, я пошел по гладкому, крутому хребту между двумя глубокими оврагами. Растительность там была своеобразная. Она состояла почти исключительно из мелкого, низкорослого папоротника, перемешанного несколько повыше с грубым злаком; все это вместе было очень похоже на ту растительность, которая покрывает холмы Уэльса, что было очень странно в таком близком соседстве с тропическими садами, разросшимися по берегу. На высшей точке, до которой я поднялся, опять появились деревья. Из трех зон, в различной степени роскошных, нижняя обязана своей влажностью и, следовательно, плодородием своей плоской поверхности, которая едва возвышается над уровнем моря, и потому вода из верхних областей стекает по ней очень медленно. Средняя зона потому остается бесплодной, что не достигает облачных и влажных слоев атмосферы, подобно высшим точкам. Зато леса верхней зоны чрезвычайно красивы; древовидные

папоротники заменяют здесь кокосовые пальмы, растущие на берегу. Впрочем, не следует представлять себе, что эти леса так же великолепны, как бразильские. Нельзя ожидать, что на острове встретишь то значительное количество произведений природы, которое характерно для континента.

С самого возвышенного места, которого я достиг, хорошо был виден отдаленный остров Эймео, подвластный тому же государю, что и Таити. На высоких зубчатых вершинах собрались белые массивные облака, образовавшие на голубом небе такой же остров, каким и сам Эймео рисовался на фоне синего океана. Остров, за исключением одного маленького прохода, со всех сторон окружен рифом. С этого расстояния едва можно было различить узкую, но резко ограниченную, яркобелую линию, у которой волны впервые встречали коралловую стену. Горы круто подымались из зеркальной поверхности лагуны, простиравшейся за этой узкой белой линией, а по ту сторону рифа громадные волны океана казались темными. Вид был поразительный; он был похож на рисунок, вставленный в рамку: линия бурунов представляла раму, гладкая поверхность лагуны—края чистой бумаги, а самый остров—рисунок. Вечером, когда я сошел с горы, один из туземцев, которого я расположил к себе каким-то маленьким подарком, вышел ко мне навстречу, неся горячие печеные бананы, ананас и кокосовые орехи. После прогулки под жгучим солнцем я не знаю ничего лучше, как молоко из молодого кокосового ореха. Ананасов здесь такая бездна, что их едят в таком же количестве, как у нас репу. Они чрезвычайно сочны и даже, может быть, вкуснее тех, которые выводятся в Англии; а это, кажется, лучший комплимент, который может быть сделан какому-нибудь плоду. Перед отправлением на корабль м-р Уильсон объяснил с моих слов таитянину, выразившему ко мне такое внимание, что я хотел бы, чтобы он и какой-нибудь другой человек отправились со мной на экскурсию в горы.

18 ноября.—Рано утром я отправился на берег, взяв с собой мешок с провизией и два одеяла—для меня и для моего слуги. Все это было прикреплено к двум концам длинной палки, которую поочередно несли на плечах сопровождавшие меня таитяне. Эти люди привыкли таскать на плечах по целым дням палки, к которым привязано с каждой стороны по 50 фунтов. Я предложил моим проводникам запастись едой и платьем, но они сказали, что в горах найдется сколько угодно еды, а что до платья, то им и своей кожи достаточно. Путь наш лежал через долину Тиа-ауру, по которой протекает река, впадающая в море у мыса Венеры. Это одна из главных рек острова, и истоки ее находятся у подошвы самых высоких центральных вершин, достигающих около 7 000 футов высоты. Весь остров до того горист, что только по долинам и можно проникнуть внутрь него. Наша дорога проходила сначала через леса, расположенные по обеим сторонам реки, и вид высоких центральных пиков, появляющихся по временам словно в конце аллеи, окаймленной там и сям колышущимися листьями кокосовой пальмы, был чрезвычайно живописен. Вскоре долина начала суживаться, а бока ее становились все круче и выше. Через три или четыре часа ходьбы она превратилась в овраг, который до того сузился, что едва вмещал в себе русло реки. С обеих сторон стены

были почти вертикальны, однако, вследствие мягкости вулканического пласта на каждом выступе росли деревья и другая богатая растительность. Эти пропасти были, должно быть, в несколько тысяч футов глубины, и все вместе составляло великолепное горное ущелье, подобного которому мне не приходилось видеть. До тех пор пока полуденное солнце не встало прямо над ущельем, воздух оставался прохладным и влажным, но теперь сделалось очень душно. Мы обедали в тени нависшей скалы, под стеной столбообразной лавы. Мои проводники уже успели приготовить кушанье из мелкой рыбы и пресноводных креветок. Они взяли с собой небольшую сетку, надетую на обруч, и, где только было глубокое место или водоворот, они ныряли, и, широко раскрыв глаза, как настоящие выдры, высматривали рыбу во всех уголках и норах и таким образом ловили ее.

Таитяне двигаются в воде с быстротой и ловкостью амфибий. Случай, сообщенный Эллисом, показывает, как свободно они ведут себя в этой стихии. Когда в 1817 г. для королевы Помаре спускали с корабля лошадь, то веревки оборвались и лошадь упала в воду: немедленно несколько туземцев спрыгнули с палубы и своими криками и тщетными усилиями помочь ей едва не утопили ее. Но как только лошадь достигла берега, то все жители бросились бежать, стараясь спрятаться от этой человеконосной свиньи, как они прозвали лошадь.

Немного выше река разделилась на три небольших ручья. Два из них, текущие с севера, были совершенно недоступны, представляя собой ряд водопадов, стекавших с зубчатой вершины самой высокой горы; третий был, повидимому, тоже недоступен, но мы ухитрились подняться вверх по его течению самым необычайным способом. Бока долины в этом месте были почти отвесны; но, как часто случается со слоистыми породами, из них местами выступали небольшие карнизы, густо заросшие дикими бананами, лилейными растениями и другими пышными произведениями тропиков. Таитяне, лазавшие по этим карнизам в поисках за плодами, открыли тропинку, по которой можно было подняться на самую вершину стены. Первые шаги из долины были чрезвычайно опасны, потому что нужно было перебраться через круто нависшую часть голой скалы, для чего мы воспользовались веревками, которые взяли с собой. Я не могу понять, каким образом кто-то мог открыть, что это ужасное место и есть единственная точка, откуда можно взобраться на гору. Затем мы осторожно прошли вдоль по одному из таких карнизов и достигли одного из трех ручьев. Карниз образовал в этом месте плоский уступ, на который падал сверху красивый водопад в несколько сот футов высоты, и с этого уступа другой высокий водопад падал прямо в реку, протекавшую по долине. Из этого прохладного и тенистого убежища мы пошли в обход, чтобы не попасть под водопад. Как и прежде, мы продолжали пробираться по небольшим выступам, причем опасность была скрыта от наших глаз густой растительностью. При переходе с одного выступа на другой мы натолкнулись на вертикальную скалистую стену. Один из таитян, человек проворный и ловкий, приставил к ней древесный ствол, взлез по нему и затем, цепляясь за трещины, добрался доверху. Он привязал веревки к одному из выступов и на этих веревках поднял собаку и багаж, а затем вскарабкались и мы. Под выступом,

на который был поставлен древесный ствол, пропасть имела, вероятно, от 500 до 600 футов глубины, и если бы она не была отчасти прикрыта нависшими над ней папоротниками и лилиями, то у меня, наверное, закружилась бы голова и ничто в мире не могло бы заставить меня взобраться наверх. Мы продолжали взбираться то вдоль по выдающимся глыбам, то по острым, зубчатым гребням, окаймленным с обеих сторон глубокими оврагами. В Кордильерах я видел горы гораздо бо́льших размеров, но такой крутизны даже и там не встречал. Вечером мы достигли маленькой площадки на берегу того же самого ручья, вдоль которого мы продолжали итти и который спускается вниз целым рядом водопадов; на этой площадке мы остались ночевать. По обеим сторонам ущелья большие пространства заросли рощами горных бананов, покрытых зрелыми фруктами. Многие из этих растений достигали 20—25 футов вышины и имели в окружности от 3 до 4 футов. С помощью продолговатых кусков коры вместо веревок, бамбуковых стволов—вместо палок и огромного листа банана—вместо крыши таитяне в несколько минут построили нам славный домик и из увядших листьев сделали мягкую постель.

После этого они развели огонь и приготовили ужин. Огонь добыли, вращая тупой конец палки в отверстии, сделанном в другой палке, словно для того, чтобы расширить это отверстие, и терли до тех пор, пока не загорелись опилки. Для этого употребляется особое белое и очень легкое дерево *(Hibiscus tiliaceus)*;[239] из него же делаются шесты для ношения тяжестей, а также пловучие аутриггеры[240] для лодок. Огонь был получен в несколько секунд, но для человека неискусного такой способ добывания огня представляет, как я убедился, значительную трудность; но в конце концов, к моей великой гордости, мне удалось зажечь опилки. Гаучосы в пампасах употребляют другой способ: они берут гибкую палку длиной в 18 дюймов, один конец ее прижимают к груди, а другой—заостренный конец—вставляют в дыру, сделанную в куске дерева, и потом начинают вертеть палку так же быстро, как плотник вертит коловорот. Таитяне, разведя огонь, положили на горящие маленькие палочки десятка два камней величиной с крикетный шар. По истечении десяти минут палки сгорели, а камни нагрелись. Предварительно они завернули кучки говядины, рыбы, зрелых и незрелых бананов и головок дикого аронника[241] в листья; потом положили ряд этих зеленых пакетиков между двумя рядами горячих камней и покрыли землей, так что ни дым, ни пар не выходили. Через четверть часа все превосходно испеклось. Зеленые пирожки были выложены на скатерть из бананового листа, с помощью скорлупы кокосового ореха мы набрали прохладной воды из ручья и вполне насладились своим непритязательным ужином.

Я не мог без восхищения смотреть на окружающую растительность. По обеим сторонам росли целые леса бананов, и, несмотря на то, что плоды их доставляют жителям довольно разнообразную пищу, они гнили здесь целыми кучами на земле. Перед нами расстилалось обширное поле, заросшее сахарным тростником, а ручей был осенен темнозелеными, узловатыми стеблями авы[242], знаменитой в прежние времена своими сильно опьяняющими свойствами. Я сорвал кусочек, пожевал и нашел, что растение имеет такой едкий, неприятный вкус,

что каждому сразу должно стать ясно, насколько оно ядовито. Благодаря миссионерам это растение осталось теперь только в этих ущельях и никому не приносит вреда. Тут же я увидел дикий аронник, корни которого, если они хорошо испечены, очень вкусны, а молодые листья вкуснее шпината. Рядом росли дикий ямс и одно лилейное растение, называемое ти [243], которое растет в большом количестве и имеет мягкий темный корень, формой и объемом похожий на порядочное полено; этот корень послужил нам вместо десерта, потому что он сладок, как патока, и очень приятен на вкус. Кроме того, там были еще некоторые дикие фрукты и полезные растения. Маленький ручеек, кроме холодной, чистой воды, доставил нам угрей и раков. Видя все это, я только восхищался и мысленно проводил сравнение между этим местечком и каким-нибудь необработанным местом умеренных стран. Я почувствовал справедливость замечания, что человек, по крайней мере дикий человек с не вполне развитым разумом, должен был родиться под тропиками.

К концу вечера я пошел под тенью бананов вверх по течению ручья. Вскоре, однако, я встретил преграду в виде водопада от 200 до 300 футов высоты, над которым был другой такой же. Я упоминаю обо всех этих водопадах, встречающихся вдоль течения одного только ручья, чтобы дать понятие об общем наклоне местности. В тех укромных местах, где падала вода, казалось, никогда не было ветра. Тонкие края больших банановых листьев, смоченных водяной пылью, были совершенно целы, тогда как обыкновенно они бывают разорваны на тысячи лоскутьев. Мы расположились на очень крутом выступе горы, так что почти висели над пропастью. С этого места открывалось много чудесных видов на глубокие соседние долины, а высокие вершины центральных гор, подымавшиеся ввысь до 60° от зенита, закрывали от наших глаз бо́льшую часть вечернего неба. Сидя таким образом, я с восхищением наблюдал, как ночные тени постепенно окутывали высочайшие вершины гор.

Прежде чем мы легли спать, старший таитянин стал на колени и с закрытыми глазами произнес на родном языке длинную молитву. Он молился, как христианин, с глубокой набожностью, без всякого хвастовства, но и без опасения насмешек. Во время наших трапез ни один из них не прикасался к пище, не прочитав сначала короткой молитвы. Тем путешественникам, которые думают, что таитяне молятся только тогда, когда их видят миссионеры, не лишнее было бы провести с нами эту ночь на склоне горы. К утру пошел сильный дождь, но благодаря толстому слою банановых листьев мы совершенно не промокли.

19 ноября.—На рассвете мои друзья, прочитав свою утреннюю молитву, приготовили таким же способом, как и накануне, превосходный завтрак. Конечно, и сами они порядком поели; я даже никогда не видывал людей, так много евших. Я думаю, что такая громадная вместимость их желудков происходит от свойства их пищи, состоящей из фруктов и вообще веществ растительных, которые содержат при значительном объеме относительно мало питательного материала. Впоследствии я узнал, что помимо своего намерения сделался причиной того, что мои спутники нарушили одно из своих решений: я взял с собой бутылку водки, от которой они не имели силы отказаться; но

каждый раз, как они отведывали немного, они прикладывали палец ко рту и повторяли слово «миссионер». Около двух лет тому назад ава уже вышла из употребления, но зато были ввезены спиртные напитки, и на Таити началось страшное пьянство. Миссионеры уговорили нескольких порядочных людей, видевших, что их родина быстро идет к гибели, составить вместе с ними общество трезвости. Здравый ли смысл или просто стыд был тому причиной, но только все старшины и сама королева присоединились к этому обществу. Немедленно после этого был издан указ, воспрещавший ввоз крепких напитков на остров, а также подвергавший штрафу всякого, кто вздумал бы продавать или покупать эти запретные предметы. При этом соблюдена была удивительная справедливость, так как назначен был некоторый срок, в течение которого дозволялось распродать все имеющиеся налицо спиртные напитки, прежде чем закон вступит в силу. По истечении этого срока был сделан повальный обыск, от которого не были избавлены даже жилища миссионеров, и вся ава (так туземцы называют всякие спиртные напитки) была вылита на землю. Если подумать о тех бесчисленных печальных последствиях, которые невоздержанность вызвала среди туземцев Америки, то мне кажется, что всякий истинный доброжелатель таитян должен быть глубоко благодарен миссионерам. Пока маленький остров Св. Елены находился под управлением ост-индской компании[244], ввоз крепких напитков вследствие вредного их действия был воспрещен; виноградное вино, впрочем, привозилось с мыса Доброй Надежды. Замечателен, но не очень утешителен тот факт, что в тот самый год, когда ввоз крепких напитков был разрешен на Св. Елене, употребление их было изгнано с острова Таити волею самого народа.

После завтрака мы продолжали наш путь. Так как моей целью было только бегло осмотреть внутренность острова, то мы по другой тропинке спустились в главную долину. Некоторое время мы шли чрезвычайно извилистой тропинкой по склону горы, образующей бок долины. В наиболее отлогих частях мы проходили через большие рощи диких бананов. Таитяне, обнаженные и татуированные, с головой, убранной цветами, в тенистой чаще этих рощиц представляли превосходный образец людей, обитающих в первобытной стране. Сходя вниз, мы опять воспользовались рядом выступов, которые были чрезвычайно узки и на довольно больших протяжениях столь же круты, как стоячая лестница; однако, все они были покрыты растительностью. Необходимость соблюдать предосторожность при каждом шаге вперед делала наше путешествие крайне утомительным. Я не переставал удивляться крутизне оврагов и пропастей; оглядывая местность с одного из заостренных гребней этих гор, я видел, что пространство, служившее мне точкой опоры, невероятно мало, так что вид должен был быть приблизительно таким же, как с воздушного шара. Сходя вниз, мы только один раз употребили в дело веревки, именно при спуске в главную долину. Мы ночевали под тем же самым выступом скалы, на котором накануне обедали; ночь была теплая, но вследствие глубины и узости ущелья было совершенно темно.

Прежде, когда я еще не видел этой страны, мне очень трудно было понять два факта, рассказанные Эллисом, именно, что в прежние времена, после многих кровопролитных битв, горсть побежденных,

но уцелевших воинов ушла в горы, и там они с успехом противостояли своим многочисленным врагам. Теперь же я сам убедился, что в том месте, где таитянин приставил к утесу дерево, полдюжины людей, наверное, отразили бы целые тысячи. Второй факт, что после введения христианства на острове оставались дикари, которые жили в горах и убежища которых оставались неизвестными более цивилизованному населению.

20 ноября.—Мы пустились в путь рано утром и в полдень прибыли в Матаваи. По дороге мы встретили большую толпу красивых, атлетически сложенных людей, отправлявшихся за дикими бананами. Я узнал, что наш корабль вследствие неудобства первоначальной стоянки перешел в гавань Папауа; я немедленно пошел туда. Это очень красивое место. Бухта окружена рифами, и вода в ней спокойна, как в озере. Обработанная полоса, густо поросшая великолепными растениями и усеянная хижинами, доходит до самого моря.

Заинтересованный различными описаниями, которые мне пришлось читать еще до посещения этих островов, я очень хотел на основании собственных наблюдений составить себе понятие о нравственном состоянии жителей, хотя само собой разумеется, что мое личное суждение в этом случае не могло быть достаточно полным. Первые впечатления всегда находятся в сильной зависимости от ранее полученных представлений. Мои сведения почерпнуты были из «Polynesian Researches» Эллиса,—превосходного и чрезвычайно интересного сочинения, но разбирающего все факты с пристрастной точки зрения,—из «Путешествия» Бичи и, наконец, у Коцебу, решительного противника всей системы миссионерства. Мне кажется, что тот, кто сравнит эти три сочинения, может составить себе довольно точное понятие о современном состоянии Таити. Одно из впечатлений, полученных мною при чтении двух последних авторов, оказалось совершенно ошибочным: именно то, что таитяне становятся угрюмыми и живут в постоянном страхе перед миссионерами. Я не заметил ни малейших следов последнего чувства, конечно, если не принимать почтение за страх. Здесь не только не преобладает чувство неудовольствия, но едва ли и в Европе можно увидеть среди толпы людей столько веселых и счастливых лиц. Запрещение игры на флейте и плясок осмеивается здесь как бесполезное и безрассудное и подобным же образом относятся здесь к соблюдению субботнего дня по пресвитерианским обычаям. Не беру на себя задачу противопоставлять на этот счет свои собственные воззрения мнениям людей, которые провели на этом острове столько же лет, сколько я дней.

Вообще мне кажется, что нравственность и религиозность жителей находятся в очень хорошем состоянии, хотя есть немало людей, которые даже гораздо строже, чем Коцебу, нападают и на миссионеров, и на их систему, и на все последствия этой системы. Эти люди не сравнивают настоящего положения острова ни с тем, в котором он находился 20 лет тому назад, ни даже с положением Европы в настоящее время, но сопоставляют таитян с высшим идеалом евангельского совершенства. Им бы хотелось, чтобы миссионеры сделали то, чего не сделали и сами апостолы. Пока народ не достиг этого высокого совершенства, миссионеров порицают, тогда как их следовало бы благодарить за то, что уже сделано. Эти люди забывают или не хотят

помнить, что человеческие жертвоприношения, влияние языческого духовенства, разврат, подобного которому не нашлось бы во всем мире, детоубийство, которое было необходимым последствием этого систематического разврата, кровавые войны, в которых победители не щадили ни женщин, ни детей,—все это было уничтожено, и кроме того бесчестность, невоздержанность и всякая распущенность значительно уменьшились с введением христианства. Со стороны путешественника было бы в высшей степени неблагодарно забывать такие вещи; если бы ему случилось в результате кораблекрушения попасть на берега какой-нибудь неизвестной страны, то он, наверное, взмолился бы о том, чтобы туда уже проникло учение миссионеров.

Что касается нравственности, то говорят, что женщины здесь вообще далеки от соблюдения строгости нравов, но, прежде чем осуждать их слишком строго, нужно вспомнить сцены, описанные капитаном Куком и м-ром Бенксом, сцены, в которых принимали участие матери и бабушки нынешнего поколения. Моралисты и строгие судьи должны бы сообразить, насколько нравственность европейских женщин зависит от примера и правил, получаемых с детства от матерей, и насколько в каждом частном случае действуют правила религии. Но с такими судьями и толковать не стоит: я думаю, что, разочаровавшись в ожидании найти такое открытое поле для разврата, как в прежние времена, они совсем не хотят верить нравственности, которой им не хочется придерживаться, или религии, которую они не почитают, а, может быть, даже и презирают[245].

22 ноября.—Гавань Папиэте, резиденция королевы, может считаться столицей острова; здесь находятся все правительственные места и сюда пристают корабли. Капитан Фиц Рой с частью экипажа отправился туда к обедне и отслушал ее сначала на таитянском, а после на английском языке. Притчард, ученый миссионер этого острова, служил обедню. Церковь представляла собой большое светлое деревянное строение; она была наполнена множеством сильных, опрятных людей всех возрастов и обоих полов. Я разочаровался немного, увидев, что народ далеко не так внимателен к богослужению, как я ожидал; но я, кажется, был слишком требователен. Во всяком случае, общий вид совершенно напоминал обыкновенную сельскую церковь в Англии. Пение псалмов было положительно хорошо, но проповедь, хотя и очень гладко сказанная, поражала неблагозвучностью,—беспрестанное повторение слов вроде «*тата та мата маи*» делало ее монотонной. После английского богослужения некоторые из нас отправились пешком в Матаваи. Прогулка была очень приятная: мы проходили то по берегу моря, то под тенью прекрасных деревьев.

Два года тому назад маленький корабль под английским флагом был ограблен жителями Низменных островов, находившихся тогда под властью королевы Таити. Предполагают, что преступников подстрекнуло к совершению такого поступка издание ее величеством какого-то неосторожного закона. Великобританское правительство требовало удовлетворения, на которое все согласились, и сумма около 3 000 долларов должна была быть уплачена к 1 сентября прошлого года. Начальник эскадры, стоявшей в Лиме, поручил капитану Фиц Рою разузнать об этом долге и требовать уплаты, если она еще не

последовала. Поэтому капитан Фиц Рой требовал свидания с королевой Помаре, получившей впоследствии такую известность вследствие дурного обращения с нею со стороны французов[246]; для обсуждения вопроса было устроено заседание парламента, на котором присутствовали все главные старшины острова и королева. После превосходных отчетов капитана Фиц Роя я не стану описывать всего случившегося. Оказалось, что деньги еще не были заплачены, а объяснения, представленные по этому предмету, быть может, отличались двусмысленностью, но тем не менее все мы были поражены необыкновенным здравомыслием, рассудительностью, умеренностью, простотой и быстротой в принятии решений, которые были проявлены всеми без исключения. Выходя из этого собрания, все мы, конечно, имели о таитянах совершенно иное мнение, нежели то, с которым мы шли туда. Старшины и народ постановили собрать недостающую сумму путем подписки. Капитан Фиц Рой возражал, что слишком несправедливо было бы посягать на личную их собственность в возмездие за грабеж, произведенный отдаленными островитянами. Они ответили, что очень ему благодарны за такое соображение, но так как Помаре их королева, то они твердо решили поддержать ее в таких затруднительных обстоятельствах. Это решение и быстрое исполнение его (заем был открыт на следующее же утро) как нельзя лучше завершили это замечательное проявление преданности и добрых чувств.

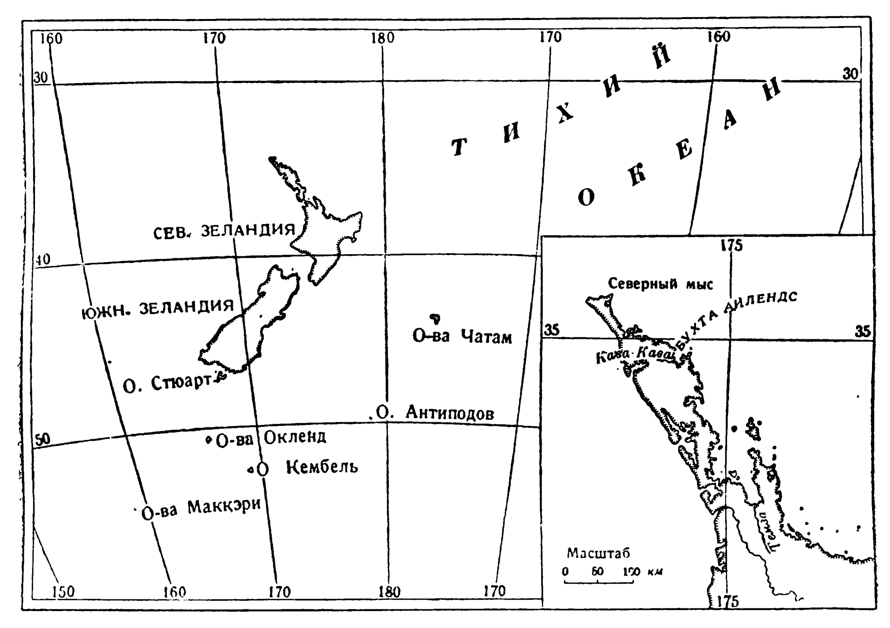
Окончив обсуждение главного вопроса, многие из старшин воспользовались случаем, чтобы задать капитану Фиц Рою много дельных вопросов относительно международных обычаев и законов, касающихся отношений к заезжим кораблям и чужестранцам. Некоторые пункты тут же обсуждались, решались и тотчас изустно передавались народу как законное постановление. Заседание таитянского парламента продолжалось несколько часов, и, когда оно кончилось, капитан Фиц Рой пригласил королеву Помаре посетить «Бигль».

25 ноября.—К вечеру четыре лодки были посланы за ее величеством; к ее приезду корабль был украшен флагами и на реи поставили людей. Ее сопровождала бо̀льшая часть старшин. Все вели себя очень хорошо, ничего не выпрашивали и, казалось, очень были довольны подарками капитана Фиц Роя. Королева—женщина крупная, неуклюжая, без всякого признака красоты, грации или величия. Единственная в ней царственная особенность—полная неподвижность в выражении лица при каких угодно обстоятельствах, да и оно, впрочем, выражает только некоторую тупость. Ракеты всем очень нравились, и после каждого взрыва с берега по всему заливу раздавались возгласы. Песни матросов также вызвали большой восторг; после самой бойкой из них королева заявила, что это, должно быть, нерелигиозный гимн! Сопровождавшие королеву вернулись на берег лишь после полуночи.

26 ноября.—Вечером при слабом береговом ветре мы отправились в Новую Зеландию и при заходе солнца бросили прощальный взгляд на горы Таити, острова, которому каждый путешественник отдал дань восхищения.

19 декабря.—Вечером мы увидели в отдалении Новую Зеландию. Теперь мы можем сказать, что пересекли почти весь Тихий океан.

Нужно поплавать по этому великому океану, чтобы вполне понять его грандиозные размеры. Быстро подвигаясь вперед все по одному направлению в продолжение нескольких недель, мы ничего не видели, кроме всей той же синевы этого глубокого океана. Даже в пределах архипелагов острова кажутся лишь маленькими пятнышками и лежат на большом расстоянии один от другого. Мы все привыкли к географическим картам небольшого масштаба, на которых точки, краски и названия скучены вместе, и вследствие этого мы не в состоянии с достаточной ясностью представить себе, до какой степени мало пространство, занимаемое сушей, сравнительно с громадным протя-



Карта Новой Зеландии и соседних островов.

жением воды. Мы миновали уже и меридиан антиподов и с радостью помышляли о том, что с каждой пройденной милей мы все ближе к Англии. Эти антиподы пробуждают в каждом из нас далекие воспоминания о наших сомнениях в детстве, о поражавшем нас тогда изумлении. Лишь вчера я сам с нетерпением дожидался достижения этой воздушной границы, как пункта, от которого начнется наше возвращение домой; но теперь я вижу, что эта линия, как и все подобные пункты, на которых останавливается наше воображение, подобна убегающей тени, которую никак не может уловить движущийся человек. Сильный ветер, продолжавшийся несколько дней подряд, дал нам возможность рассчитать на досуге, как долго еще продлится наше путешествие домой, и как часто нам придется еще задерживаться по пути, и это усилило наше желание, как можно скорее окончить его.

21 декабря.—Рано утром мы вошли в бухту Айлендс и, постояв несколько часов у входа вследствие наступившего штиля, около

полудня прибыли к пристани. Это холмистая страна, с мягкими очертаниями и глубоко изрезанная множеством бухт, исходящих из залива. Издали кажется, что страна покрыта крупной травой, но в действительности это не что иное, как папоротники. На более отдаленных холмах, а также в некоторых долинах имеются довольно большие леса. Общий оттенок ландшафта темнозеленый, и он напоминает страну, лежащую где-нибудь на небольшом расстоянии к югу от Консепсиона в Чили. По берегам залива видны деревушки, состоящие из квадратных опрятных, маленьких хижин, доходящих до самой воды. Три китоловных судна стояли на якоре, да изредка между берегами сновали челноки. Помимо этого движения общий вид носил на себе отпечаток необыкновенного спокойствия. Одна только лодочка прошла мимо нас. Все это представляло замечательный, хотя не очень приятный, контраст с веселым и бойким приемом, который мы встретили у таитян.

После полудня мы отправились на берег, к одной из самых больших групп домиков, которая едва ли заслуживает названия деревни. Она называется Пагия и служит местопребыванием миссионеров; из туземцев тут живут только слуги и рабочие. В окрестностях бухты Айлендс число англичан вместе с членами их семейств составляет от 200 до 300 человек. Все домики, из которых многие выбелены и очень чисты, принадлежат англичанам. Шалаши туземцев до того малы и бедны, что их даже не видно на некотором расстоянии. В Пагии я с большим удовольствием увидел английские цветы, посаженные в садиках перед домами: тут было несколько сортов роз, жимолость, жасмин, левкой и целые изгороди из душистого шиповника.

22 декабря.—Утром я пошел гулять, но вскоре убедился, что страна очень неудобна для прогулок. Все холмы густо заросли высоким папоротником и низеньким кустарником, похожим на кипарис. Возделанной или расчищенной земли очень немного. Я попытался итти берегом моря, но путь мой то и дело преграждался то мелкими рукавами моря, то глубокими речками. Сообщение между жителями различных частей залива (так же, как на Чилоэ) производится почти исключительно посредством лодок. Меня удивило то, что почти все холмы, на которые я взбирался, были в прежние времена более или менее укреплены. На вершинах были сделаны ступени или террасы, защищенные часто глубокими траншеями. Впоследствии я заметил, что и далее внутрь страны главные возвышения имели те же искусственные очертания. Это так называемые «па» (pas), часто упоминаемые капитаном Куком под именем «гиппа» («hippah»); разница в произношении происходит от частицы «ги», поставленной перед именем.

Доказательством того, что па были в прежние времена в большом употреблении, служат громадные кучи раковин и ямы, в которых, как мне рассказали, сохранялись запасы бататов. Так как на этих холмах нет воды, осажденные не могли бы выдержать здесь долговременной осады, а, вероятно, отражали только внезапные нападения грабителей, а для этой цели система уступов или террас, без сомнения, была очень полезна. Повсеместное введение огнестрельного оружия изменило характер войны, и теперь бросающееся в глаза положение на вершине холма сделалось более чем бесполезным. Вслед-

ствие этого па строятся теперь на ровном месте. Они состоят из двойного частокола, построенного из высоких толстых столбов и расположенного зигзагом так, чтобы с каждой стороны можно было устроить засаду. За частоколом насыпан земляной вал, позади которого осажденные совершенно безопасны и оттуда могут спокойно стрелять. На уровне земли иногда делают небольшие дугообразные тоннели, проходящие через этот бруствер; по ним осажденные могут выползать за частокол для разведки неприятеля. Достопочтенный У. Уильямс, сообщивший мне эти подробности, прибавил, что в одном из па он заметил с внутренней стороны земляного вала род откосов или перегородок. На расспросы, к чему они могут служить, старшина ответил ему, что если двоих или троих из его воинов убьют, то за этими перегородками их соседи не увидят мертвых тел и не потеряют бодрости.

Новозеландцы считают эти па лучшим средством для защиты, потому что нападающие никогда не бывают настолько организованы, чтобы дружно всей массой кинуться на частокол, срубить его и таким образом проникнуть внутрь. Когда какое-нибудь племя идет воевать, то начальник не может приказать одной части войска итти туда-то, а другой сюда,—каждый из воюющих дерется, как ему лучше нравится, а итти прямо к частоколу, защищенному огнестрельным оружием, всякому отдельному воину должно казаться смертельным риском. Мне кажется, что нет на всем земном шаре более воинственного народа, чем новозеландцы. Доказательством этого служит их поведение при первой встрече с кораблем, описанное капитаном Куком: увидев такой совершенно для них новый и притом громадный предмет, они сразу начали бросать в него камнями и кричать: «Только сойдите на берег, мы вас всех убьем и съедим». Такой поступок доказывает необыкновенную храбрость. Этот воинственный дух проявляется во многих обычаях и даже в самых мелких поступках. Если ударить новозеландца даже в шутку, то он должен непременно отдать удар; так и случилось с одним из наших офицеров.

В настоящее время благодаря прогрессу цивилизации здесь происходит значительно меньше войн, и лишь некоторые из южных племен продолжают воевать между собой. Мне рассказывали один характерный случай, происшедший несколько времени тому назад на юге. Один миссионер узнал, что какой-то вождь и его племя готовятся к войне; ружья были вычищены и блестели, аммуниция была приведена в порядок. Миссионер долго толковал о бесполезности войны и о том, из-за каких пустяков они ее затевают. Вождь уже сильно колебался в своем решении и находился в сомнении. Но вдруг ему вспомнилось, что целый боченок пороха находится у него в плохом состоянии, так что в скором времени, пожалуй, и совсем сделается негодным. Это было представлено в виде неопровержимого аргумента в пользу необходимости немедленно объявить войну; о том, чтобы такое количество хорошего пороха пропадало даром, не могло быть и речи, и это решило вопрос. Миссионеры рассказывали мне, что при жизни Шонги, вождя, посетившего Англию, страсть к войне была единственным стимулом всякого предприятия. Племя, которым управлял Шонги, терпело в течение некоторого времени притеснения со стороны другого племени, жившего по берегам реки Темзы [247]. Все жители произнесли торжественную клятву, что когда сыновья их

подрастут и будут достаточно сильны, то никогда не простят и не забудут нанесенных обид. Исполнение этой клятвы было, кажется, главной причиной, побудившей Шонги посетить Англию, и во все время своего пребывания там он только этой мыслью и был занят. Он ценил только такие подарки, которые можно было превратить в оружие, интересовался только теми ремеслами, которые имели отношение к производству оружия. Странный случай свел Шонги с врагом его, вождем племени реки Темзы, в доме м-ра Марсдена в Сиднее. Враги были вежливы друг с другом, но Шонги сказал своему противнику, что когда он вернется в Новую Зеландию, то никогда не перестанет воевать против его страны. Вызов был принят, и Шонги по возвращении на родину в точности исполнил угрозу. Племя реки Темзы было совершенно разбито, и сам вождь, которому был сделан этот вызов, был убит. Шонги, умевший так упорно ненавидеть и мстить, был, говорят, чрезвычайно добродушным человеком.

Вечером я отправился с капитаном Фиц Роем и с одним миссионером, м-ром Бекером, в Корорадику; мы погуляли по селению и беседовали со многими из жителей—мужчинами, женщинами и детьми. Глядя на новозеландца, как-то невольно сравниваешь его с таитянином, который принадлежит к одной с ним расе. В этом сравнении, однако, новозеландец непременно проигрывает. Хотя он и энергичнее таитянина, но во всех других отношениях он гораздо ниже его. Достаточно сравнить выражения их лиц, чтобы убедиться, что первый из них дикий, а второй цивилизованный человек. Невозможно найти во всей Новой Зеландии человека с таким лицом, как, например, старый таитянский старшина Утамме. Нет сомнения, что неприятное впечатление, производимое физиономиями новозеландцев, в значительной степени зависит от своеобразной татуировки, принятой здесь. Она состоит из очень сложных, хотя симметричных фигур, покрывающих все лицо, что сбивает с толку и производит неприятное впечатление на непривычный глаз. Кроме того, глубокие надрезы, вероятно, расстраивают движения подкожных мускулов, что создает впечатление суровой неподвижности. Помимо этого в глазах постоянно бегают огоньки, наводящие на мысль о хитрости и жестокости. Фигурой они высоки и массивны, но совершенно лишены того изящества, которым отличаются рабочие на Таити.

И сами они, и дома их чрезвычайно грязны и вонючи; им, кажется, и в голову не приходит, что можно помыться и выстирать платье. Я видел одного вождя, у которого рубашка была совершенно черная и покрыта всякой дрянью; когда я его спросил, как она могла так выпачкаться, он с удивлением отвечал: «Разве вы не видите, что она уж старая?» Некоторые из мужчин носят рубашки, но обыкновенной одеждой служит им одно или два больших одеяла, по большей части черные от грязи и наброшенные на плечи самым неудобным и неуклюжим образом. Некоторые из главных вождей имеют по паре приличного английского платья, но носят его только при высокоторжественных случаях.

23 декабря.—В месте, называемом Уаимате, около 15 миль от бухты Айлендс и на равном расстоянии от восточного и западного берегов, миссионеры купили землю и возделывают ее. Меня познакомили с достопочтенным У. Уильямсом; я высказал ему желание

Наверху: слева—туземец из Залива короля Георга (юго-западная Австралия); справа—новозеландец. Внизу—новозеландцы.

Верхние два рисунка Р. Фиц Роя; нижний рисунок А. Эрла.

посмотреть эти места и тотчас получил приглашение съездить к нему туда. Английский резидент м-р Бэшби предложил мне доехать с ним в лодке по маленькому заливу, где можно было полюбоваться красивым водопадом, а также значительно сократить путь. Он же достал мне и проводника. Он обратился было к одному из соседних вождей с просьбой рекомендовать человека, но вождь взялся сам проводить меня. Он до такой степени не понимал цены деньгам, что спросил сначала, много ли фунтов стерлингов я уплачу ему за услуги, а потом вполне удовлетворился двумя долларами. Я показал ему очень небольшой узелок, который мне нужно было взять с собой, но оказалось, что для перенесения такой тяжести необходимо было взять с собой невольника. Нынче такая гордость начинает уже выводиться, но в прежние времена всякий сколько-нибудь состоятельный новозеландец согласился бы скорее умереть, чем унизиться до перетаскивания хотя бы самой малой тяжести. Спутник мой был человек ловкий и подвижной, одетый в грязное одеяло и с лицом, совершенно покрытым татуировкой. В старину он был великий воин. По-видимому, он находился в очень хороших отношениях с м-ром Бэшби, однако, они не раз крепко ссорились. М-р Бэшби заметил, что когда новозеландец слишком заносится, то достаточно бывает самой легкой иронии, чтобы остановить его. Однажды этот самый старшина пришел к нему и произнес такую высокопарную речь: «Меня посетил великий вождь, великий человек, мой друг; дайте ему чего-нибудь хорошего поесть, каких-нибудь хороших подарков» и т. д. М-р Бэшби не прерывал его речи, но, когда он кончил, ответил что-то вроде: «Не прикажете ли еще чего-нибудь вашему слуге?» Тогда тот с самым комическим выражением лица мигом прекратил свою болтовню.

Несколько времени тому назад м-р Бэшби испытал более серьезное нападение. Один вождь с целой партией людей попробовал ворваться к нему в дом среди ночи, и так как это оказалось не очень легко, то они начали стрелять из ружей. М-р Бэшби был слегка ранен, но успел отразить нападение. Вскоре после нападения виновник был открыт, и все вожди собрались для обсуждения этого случая. Все новозеландцы признали это нападение очень скверным делом, тем более, что оно было произведено ночью и что м-с Бэшби была в это время больна; к чести их нужно прибавить, что это последнее обстоятельство они считают вообще ограждающим кого-либо от нападения. Вожди порешили конфисковать земли обидчика в пользу английского короля. Весь этот суд и наказание вождя были тогда делом беспримерным. Кроме того, нападавший потерял уважение своих собратий, и английское население полагает, что это обстоятельство по своим последствиям несравненно важнее, чем конфискация его земли.

Когда лодка отчаливала, в нее прыгнул другой вождь, желавший только прокатиться по заливу. Я никогда не видывал более ужасного и свирепого выражения лица, чем у этого человека. Мне с первого раза показалось, что где-то я видел подобное лицо и точно вспомнил, что то были рисунки Ретча к балладе Шиллера «Фридолин», где два человека толкают Роберта в раскаленную железную печь. Такое лицо у человека, который положил руку на грудь Роберта. В этом случае физиономия не обманывала: этот вождь был

известный душегубец и к тому еще отъявленный трус. Когда мы пристали, м-р Бэшби проводил меня еще несколько сот ярдов по дороге. Я не мог не восхититься хладнокровным бесстыдством старого седого негодяя, который остался в лодке и, лежа, крикнул вслед м-ру Бэшби: «Смотрите, не задерживайтесь там, я тут устану вас дожидаться!»

Мы начали свою прогулку. Дорога представляла собой проторенную тропинку, окаймленную с обеих сторон высоким папоротником, который покрывает всю страну. Пройдя несколько миль, мы приблизились к маленькой деревушке, состоящей из немногих хижин, возле которых несколько полос земли было засажено картофелем. Введение картофеля было одним из самых больших благодеяний для этого острова; теперь он здесь в большем употреблении, нежели какие-либо местные растения. Новая Зеландия имеет то громадное естественное преимущество перед другими странами, что жители ее не могут умереть с голода. Вся страна покрыта папоротником, корни которого хотя совсем невкусны, но содержат много питательных веществ. Туземец всегда может пропитаться этими корнями да еще моллюсками, которые имеются в изобилии по всему морскому побережью. В селениях наиболее бросаются в глаза помосты, укрепленные на четырех столбах на высоте 10 или 12 футов над землей; на них складывают произведения полей для предохранения от всяких случайностей.

Подойдя ближе к одной из хижин, я был очень заинтересован процедурой приветственного трения или, лучше сказать, прижимания носов. Как только мы показались, женщины начали вопить что-то самым печальным голосом, после чего присели на корточки, подняв вверх лица; мой товарищ поочередно подходил к каждой из них и, прикладывая свою переносицу под прямым углом к их переносице, прижимал ее. Эта церемония продолжалась немного дольше, чем наше обычное рукопожатие, и подобно тому как мы в разных случаях изменяем силу пожатия руки, так и они прижимают нос сильнее или слабее. Во время прижимания они испускали легкое, одобрительное хрюканье наподобие того, какое испускают свиньи, когда трутся друг о друга. Я заметил, что невольник также здоровался со всеми встречными и притом безразлично до или после своего хозяина. Хотя среди этих дикарей вождь имеет право жизни и смерти над своим невольником, однако, в их обращении друг с другом совершенно отсутствуют какие бы то ни было церемонии. М-р Берчелл заметил то же самое у диких бачапинов в Южной Африке. Только там, где цивилизация достигает уже известной высоты, появляются некоторые сложные формальности между различными классами общества; так, например, на Таити этикет требовал, чтобы в присутствии короля всякий обнажался до пояса.

Когда церемония прижимания носов была окончена со всеми присутствовавшими, мы уселись в кружок перед одной из хижин и отдыхали с полчаса. Почти все хижины одинаковой формы и размеров и все до одной отвратительно грязны. Они похожи на коровьи хлева, с одной стороны открытые, но с перегородкой внутри; в перегородке проделана четырехугольная дыра, ведущая в маленькую, темную каморку. В этой каморке жители сохраняют все свое добро, а в холод-

ную погоду спят там. Однако, они едят и вообще проводят время в открытой части хижины. Когда мои проводники выкурили по трубке, мы отправились дальше. Дорога проходила по той же холмистой стране, все так же сплошь обросшей папоротником. Справа виднелась извилистая речка, окаймленная деревьями, а по склонам холмов там и сям были разбросаны рощицы. Несмотря на зелень, пейзаж был довольно пустынный. При виде такого множества папоротника, как-то невольно думаешь, что это бесплодная пустыня, а между тем это не верно, так как везде, где папоротник зарастает густо и вышиной доходит до груди, земля при обработке оказывается плодородной. Некоторые из резидентов утверждают, что в прежние времена вся эта обширная открытая страна была покрыта лесами, которые впоследствии были выжжены. Говорят, что при раскапывании почвы даже в самых голых местах часто находят в земле куски смолы, вытекавшей из сосны каури[248]. Туземцы, выжигая леса, преследовали совершенно определенную цель: папоротник, которым они прежде преимущественно питались, растет только на расчищенных, открытых местах. Полное отсутствие связанных в сообщества злаков, являющееся столь замечательной особенностью растительности этого острова, может быть объяснено именно тем, что первоначально вся страна была покрыта лесами.

Почва здесь вулканическая; в некоторых местах мы проходили по шлаковой лаве, а на отдельных холмах можно было явственно различить кратеры. Хотя пейзаж вообще некрасивый, и только некоторые места можно назвать приятными, но эта прогулка доставила мне удовольствие. Она понравилась бы мне еще больше, если бы мой спутник—вождь—не был столь разговорчив. Я знал на местном наречии только три слова: «хорошо», «плохо» и «да» и этими словами отвечал на все его замечания, хотя сам, разумеется, не понял ни слова из того, что он говорил. Впрочем, этого было совершенно достаточно: я казался внимательным слушателем, следовательно, приятным человеком, и он говорил без умолку.

Наконец, мы прибыли в Уаимате. Пройдя столько миль по необитаемой, неиспользованной стране, было необычайно приятно увидеть английскую ферму с ее прекрасно обработанными полями, перенесенными сюда как бы по мановению волшебного жезла. М-ра Уильямса не было дома, но я встретил самый радушный прием в доме м-ра Дэвиса. Напившись чаю в кругу его семейства, мы отправились гулять по ферме. В Уаимате имеется три больших дома, в которых живут миссионеры, м-ры Уильямс, Дэвис и Клерк, а вокруг них расположены хижины туземцев—хлебопашцев. На соседнем склоне виднелось славное поле ячменя и пшеницы, а в других местах были посеяны картофель и клевер. Все, что я видел, описать невозможно. Тут были огромные сады, в которых росли всевозможные плоды и овощи, встречающиеся в Англии, а также многие другие, свойственные более теплому климату. Назову для примера спаржу, турецкие бобы, огурцы, ревень, яблоки, персики, фиги, груши, абрикосы, виноград, оливки, крыжовник, смородину, хмель, терновник для изгородей, наконец, английские дубы и множество различных цветов. Вокруг двора тянулись стойла для скота, стояла молотилка с веялкой, кузница, а на земле лежали плуги и другие земледельческие орудия. Среди двора

расположились вперемежку и блаженствовали куры и поросята, совершенно как на какой-нибудь английской ферме. На расстоянии нескольких сот ярдов, где вода небольшого ручья, прегражденного плотиной, образовала маленький пруд, стояла большая прочная водяная мельница.

Все это просто удивительно, когда подумаешь, что пять лет тому назад здесь ничего не было, кроме папоротника. К тому же все это, конечно, под присмотром и руководством миссионеров, произведено руками туземцев. Слово миссионера играет здесь роль волшебного жезла. Новозеландцы выстроили дома, вставили окна, вспахали поля и даже сделали прививки на деревьях. На мельнице хлопотал новозеландец, точно так же выбеленный мукой, как и собрат его, английский мельник. Такое зрелище восхитило меня, и не потому только, что мне живо припомнилась Англия—хотя с приближением сумерек все эти сельские звуки, вид растущих хлебов и деревьев, теряющихся вдали на холмистом горизонте, все было точь в точь, как на родине,—и не от чувства торжества при сознании, что этого сумел добиться англичанин; меня радовала всего больше надежда на будущий прогресс этого прекрасного острова.

Несколько молодых людей, выкупленных из рабства миссионерами, работали около фермы. На них были надеты рубашки, панталоны и куртки, и они имели приличный вид. Если можно сделать заключение из одного пустого случая, то есть повод думать, что они народ честный. Пока мы ходили по полям, один из них подошел к м-ру Дэвису и подал ему буравчик и ножик, говоря, что нашел их на дороге и не знает, кому они принадлежат! Вся эта молодежь имела вид очень веселый и добродушный. Вечером я видел, как они играли в крикет; увидав, какое деятельное участие принимает в этой игре один из сыновей миссионера, я улыбнулся, вспомнив о суровости, в которой обвиняют миссионеров. Еще более приятная перемена заметна в женщинах, служащих на ферме. Их опрятный, чистый и здоровый вид, напоминавший английских молочниц, составлял удивительный контраст с женщинами, живущими в грязных хижинах в Корорадике. Жены миссионеров пробовали уговаривать их не татуироваться; но когда с юга зашел туда какой-то знаменитый оператор, то они сказали: «Надо же сделать хоть несколько царапин на губах, а то как состаримся, губы сморщатся, и мы будем очень уродливы». Нынче татуируются уж не так много, как прежде; но так как этим отличаются свободные от рабов, то этот обычай еще долго сохранится. Некоторые представления так быстро становятся привычными, что сами миссионеры признавались мне, что даже для их глаз теперь гладкое лицо у туземца кажется неблагородным и недостойным настоящего новозеландского джентльмена.

Поздно вечером я отправился в дом м-ра Уильямса, где и переночевал. Я увидел там толпу детей, собравшихся праздновать рождество и сидевших вокруг чайного стола. Невозможно себе представить группу милее и веселее этой, и мне опять вспомнилось, что все это происходило в стране, прославленной людоедством, разбоями и всякими страшными преступлениями! Простодушие и счастье, так явно написанные на лицах этих детей, повидимому, вполне разделялись и старшими членами миссии.

24 декабря.—Утром для всего семейства читали молитвы на местном языке. После завтрака я бродил по садам и ферме. День был рыночный: туземцы из окрестных деревушек вынесли свой картофель, кукурузу или поросят с целью обменять их на одеяла, табак и даже иногда, в уважение к советам миссионеров, на мыло. Всеми делами на здешнем рынке заправляет старший сын м-ра Дэвиса, имеющий свою собственную ферму. Дети миссионеров, прибывшие сюда еще в молодости, лучше понимают местный язык и скорее могут справиться с туземцами, чем их родители.

Около полудня м-ры Уильямс и Дэвис повели меня в ближайший лес, чтобы показать мне знаменитую сосну каури. Я измерил одно из этих прекрасных деревьев и нашел, что оно имеет у корней тридцать один фут в окружности. Тут же поблизости была другая сосна, которой я, впрочем, не видел, имевшая 33 фута в окружности, и я слышал еще об одной сосне, имеющей в обхвате не менее сорока футов. Эти деревья замечательны своими гладкими цилиндрическими стволами, которые достигают высоты в шестьдесят и даже девяносто футов, сохраняя снизу доверху почти одинаковый диаметр и совершенно не давая ветвей. Крона ветвей на верхушке непропорционально мала в отношении к стволу, а листья также слишком мелки сравнительно с ветвями. Почти весь здешний лес состоит из каури, и эти огромные деревья благодаря параллельности всех сторон ствола возвышаются точно гигантские деревянные колонны. Древесный материал, доставляемый каури,—самое драгоценное произведение этого острова; кроме того, американцы покупают теперь огромное количество смолы, вытекающей из коры, и платят по 1 пенни за фунт, но в то время употребление этой смолы еще было неизвестно. Некоторые из новозеландских лесов, повидимому, совершенно непроходимы. М-р Метьюс рассказывал мне, что один лес, шириной всего в тридцать четыре мили и разделяющий две населенные области, только в недавнее время в первый раз был пройден насквозь. Он и еще один миссионер, каждый в сопровождении полусотни людей, решили проложить там путь, но это стоило им более двух недель труда! В лесах я встретил очень мало птиц. Что касается зверей, то замечательно, что остров, имеющий до семисот миль в длину и во многих местах доходящий до девяноста миль в ширину, с прекрасным климатом, разнообразными местообитаниями и с самыми различными высотами, начиная от 14 000 футов и до самого уровня моря,—такая страна не имела ни одного местного зверя, кроме одной маленькой крысы. Несколько видов гигантских птиц Dinornis [249], повидимому, так же заменили здесь млекопитающих, как на Галапагосском архипелаге их заменили пресмыкающиеся. Говорят, что обыкновенная норвежская крыса[250] в каких-нибудь два года уничтожила новозеландский вид крыс в северной части острова. Во многих местах я встречал различного рода травы, которые, так же как и крыс, должен был признать за своих соотечественников. Порей распространился по целым областям и со временем причинит много хлопот; но он был завезен сюда по чьей-то просьбе на французском корабле. Обыкновенный щавель также широко распространился и, конечно, навеки останется в виде напоминания о мошенничестве одного англичанина, который продал его семена за табачные.

Возвратившись с этой приятной прогулки, я обедал у м-ра Уильямса, после чего мне дали лошадь, и я отправился обратно в бухту Айлендс. Я распростился с миссионерами с чувством искренней благодарности за их радушный прием и глубокого уважения к их благородству, прямодушию и полезной деятельности. Полагаю, что трудно было бы найти еще людей, более пригодных для выполнения той великой обязанности, которую они на себя взяли.

Рождество.—Через несколько дней исполнится четыре года с тех пор, как мы уехали из Англии. Первое рождество мы проводили в Плимуте, второе—в бухте Св. Мартина возле Мыса Горна, третье—в Порт Дезире в Патагонии, четвертое—на якоре в пустынной гавани полуострова Трес Монтес, пятое—здесь; шестое встретим,—я полагаюсь на Провидение,—в Англии. Мы присутствовали на богослужении в церкви селения Пагия; часть службы была прочитана по-английски, часть на туземном языке. С тех пор, как мы здесь, нам не случалось слышать о недавних случаях людоедства; но м-р Стокс нашел на островке, близ якорной стоянки, обгорелые человеческие кости, разбросанные вокруг костра; впрочем, эти остатки уютной трапезы, может быть, уже несколько лет лежали здесь. Очень вероятно, что нравственное состояние народа в скором времени улучшится. М-р Бэшби рассказывал мне случай, доказывающий, что некоторые из туземцев, по крайней мере те, которые приняли христианство, искренне вступили на новый путь. От него ушел один молодой человек, читавший обыкновенно молитвы остальным слугам. Несколько недель спустя, проходя поздно вечером мимо какого-то сарая, он увидел и услышал, как один из слуг, с трудом разбирая печать, читает вслух Библию при свете огня. После чтения все стали на колени и молились; в молитвах своих они помянули м-ра Бэшби и все его семейство, и всех миссионеров, причем каждый поминал отдельно миссионера своего округа.

26 декабря.—М-р Бэшби предложил мне и м-ру Селивану отправиться с ним в его лодке вверх по течению реки Кава-Кава и, поднявшись по ней на несколько миль, дойти пешком до селения Уайомио, где имеются какие-то интересные горные породы. Плывя по одному из рукавов залива, мы наслаждались приятной прогулкой на лодке и любовались прекрасными видами; наконец, мы достигли деревни, дальше которой лодка уже не могла пройти. Оттуда местный старшина с несколькими людьми взялся проводить нас в Уайомио, до которого было четыре мили. Старшина этот в то время пользовался некоторой известностью по тому случаю, что незадолго до того повесил одну из своих жен и невольника за прелюбодеяние. Когда один из миссионеров стал ему за это выговаривать, он очень удивился и сказал, что, поступая таким образом, он думал, что в точности следует английскому методу. Старый Шонги, посетивший Англию в то самое время, когда там происходил суд над королевой [251], отозвался об этом деле с полнейшим неодобрением; он сказал, что у него дома пять жен, но скорее он им всем пятерым отрубил бы головы, чем подымать такие хлопоты из-за одной. Выйдя из этой деревни, мы прошли в другую, лежащую неподалеку оттуда на склоне холма. За пять дней перед тем у одного из старшин, еще не обращенного в христианство, умерла дочь. Хижина, в которой она скончалась, была сожжена до

тла, а тело положили между двумя челноками, поставили вертикально на землю и окружили оградой с деревянными изображениями богов; все было выкрашено яркокрасной краской, так, чтобы было заметно издали. Ее платье было привязано к гробу, волосы острижены и положены у ее ног. Родные разодрали кожу на лице, на руках и на всем теле, так что все были перепачканы кровью, и старухи казались от этого отвратительно безобразными и грязными. На следующий день некоторые из офицеров ходили туда и видели, что женщины все еще выли и царапали себя.

Мы пошли дальше и вскоре достигли Уайомио. Тут мы увидели довольно странные массы известняка, напоминавшие развалины замка. Эти скалы долгое время служили кладбищем и вследствие этого считаются такими священными, что к ним нельзя подходить. Один из молодых людей закричал быстро: «Ну-ка, расхрабримся!» и пустился бежать туда во весь дух; но, не дойдя сотни ярдов, все остановились и дальше не пошли. Впрочем, они с полнейшим равнодушием позволили нам осмотреть всю местность. Мы отдохнули несколько часов в этой деревне и в продолжение этого времени у жителей был большой спор с м-ром Бэшби относительно права продажи каких-то земель. Один старик, превосходно знавший генеалогию, назвал по порядку всех прежних владельцев, обозначая их палочками, которые втыкал в землю. Перед нашим уходом каждому из нас дали по корзиночке жареных бататов, и мы, по местному обычаю, взяли эту провизию с собой, чтобы есть по дороге. Я заметил, что между женщинами, занимавшимися стряпней, был один мужчина-невольник. Для мужчины в этой воинственной стране, должно быть, необыкновенно унизительно исполнять обязанности, которые и для женщины считаются самой низкой работой. Рабам не дозволяется ходить на войну; но это, пожалуй, вряд ли приходится считать тяжким лишением. Мне рассказывали, что однажды во время войны какой-то бедняк убежал от своих хозяев во вражеский лагерь, там его встретили двое людей и, конечно, тотчас схватили, но никак не могли порешить, кому из них он должен принадлежать; они стали над ним с каменными топориками в руках и, повидимому, твердо решили не уступать его друг другу, по крайней мере—живым. Полумертвый от страха, бедный малый был спасен благодаря вмешательству жены одного из вождей. Мы совершили приятную прогулку обратно к лодке, но на корабль вернулись уже поздно вечером.

30 декабря.—После полудня мы вышли из бухты Айлендс и направились в Сидней. Думаю, что все были рады покинуть Новую Зеландию. Это место непривлекательное. Туземцы лишены той очаровательной простоты, которую мы видели на Таити, а большинство живущих здесь англичан принадлежит к настоящим подонкам общества. Самая страна тоже ничего не представляет привлекательного. Я запомнил в ней одно только светлое место: это Уаимате с его христианским населением.

ГЛАВА XIX

АВСТРАЛИЯ

Сидней.—Поездка в Батерст.—Вид лесов.—Толпа туземцев.—Постепенное вымирание туземцев.—Зараза, порождаемая сборищами здоровых людей.—Голубые Горы.—Вид обширных бухтообразных долин.—Происхождение и образование их.—Батерст, всеобщая вежливость среди низших классов общества.—Вандименова Земля.—Гобарт.—Туземцы все вытеснены.—Гора Веллингтона.—Залив короля Георга.—Печальный пейзаж.—Болд Гэд, известковые слепки ветвей деревьев.—Толпа туземцев.—Прощание с Австралией.

12 января 1836 г.—Рано утром легкий ветерок подогнал нас ко входу в порт Джексон. Мы ожидали увидеть страну, украшенную зеленью и красивыми домами, а вместо того глазам нашим представилась прямая стена желтоватого камня, которая живо напомнила нам берег Патагонии. Один лишь одинокий маяк, построенный из белого камня, свидетельствовал, что мы находимся поблизости от обширного и многолюдного города. При входе в гавань обнаруживается, что она красива и просторна, а каменистые берега ее сложены из горизонтально напластованного песчаника. Почти совершенно плоская окрестная страна покрыта худосочными низкорослыми деревцами, демонстрирующими проклятие бесплодия. Но чем дальше подвигаешься внутрь залива, тем вид становится отраднее: великолепные виллы и красивые коттеджи разбросаны в разных местах вдоль по берегу. Показавшиеся вдали каменные двух- и трехэтажные дома и ветряные мельницы, стоявшие на самом краю обрыва, указывали, что столица Австралии недалеко.

Наконец, мы бросили якорь в бухте Сиднея. Этот маленький залив был загроможден множеством больших судов и окружен пакгаузами. Вечером я ходил по городу и вернулся в полнейшем восторге от всего виденного. Это самое прекрасное доказательство способностей британской нации. Здесь, в стране, подававшей мало надежд, в несколько десятков лет сделано несравненно больше, чем в Южной Америке в течение такого же числа столетий. Это сразу же заставило меня поздравить самого себя с тем, что я родился англичанином. Впоследствии, однако же, когда я рассмотрел город подробнее, восторги мои несколько стихли; но все же это прекрасный город. Улицы правильны, широки, чисты и прекрасно содержатся; дома солидных размеров, а лавки снабжены множеством товаров. Город всего больше похож на те обширные предместья, которые расположены около Лондона и некоторых других больших городов Англии. Но

даже предместья Лондона или Бирмингама не обнаруживают признаков столь быстрого роста. Количество больших домов и других зданий, только что оконченных постройкой, было поистине поразительным, и, несмотря на это, все здесь жалуются на чрезмерно высокую квартирную плату и на трудность приобретения квартиры. После Южной Америки, где в городах каждый богатый человек всем известен, меня всего более поражала невозможность сразу сказать, кому принадлежит та или иная коляска.

Я нанял человека и двух лошадей, чтобы доехать до Батерста, селения, лежащего на расстоянии около 120 миль внутрь страны и являющегося центром обширного скотоводческого округа. Я хотел таким образом получить понятие об общем виде страны. Утром 16 января я отправился в путь. Первой станцией была Параматта, маленький городок и самый важный пункт после Сиднея. Дорога была превосходная, построенная по системе Мак-Адама [252]; камень для нее привозили издалека, за много миль. Вообще страна очень походила на Англию, и только пивных здесь, пожалуй, гораздо больше. Всего меньше походил на Англию вид железных команд, т. е. каторжников, совершивших здесь какое-либо преступление; они работают в цепях под присмотром часовых с заряженными ружьями. То обстоятельство, что правительство обладает возможностью путем использования принудительного труда сразу провести по всей стране сеть прекрасных дорог, явилось, я думаю, одной из главных причин быстрого расцвета этой колонии. Я ночевал в очень комфортабельной гостинице у перевоза Эму в 35 милях от Сиднея, близ подошвы Голубых Гор. Это самая оживленная дорога в колонии, она была заселена раньше всех других дорог. Все поместья окружены высокими заборами, потому что фермеры никак не могут возвести живых изгородей. Со всех сторон виднеются солидные дома и отличные коттеджи; но хотя значительные пространства уже обработаны, все-таки бо́льшая часть земель остается в первобытном состоянии.

Удивительное однообразие растительности составляет главнейшую особенность пейзажа в большей части Нового Южного Уэльса. Везде виднеется редкий лес, и почва местами покрыта жиденькой бледнозеленой травой. Почти все деревья принадлежат к одному семейству; листья по большей части расположены вертикально, между тем как в Европе они приближаются скорее к горизонтальному положению; листва довольно редкая, какого-то особого бледнозеленого оттенка и без всякого блеска [253]. Вследствие этого леса кажутся редкими и лишенными тени. Для путешественника, палимого жгучими лучами солнца, это, правда, неудобно; но зато для фермера очень выгодно, потому что иначе совсем не выросла бы трава там, где она теперь растет. Листья не опадают периодически; это—черта, общая для всего южного полушария,—Южной Америки, Австралии и мыса Доброй Надежды. Вследствие этого жители этого полушария, так же как и обитатели тропических областей, лишаются едва ли не самого великолепного, хотя для нас и очень обыкновенного зрелища, а именно первого весеннего распускания молодых листьев. Они, однако же, могут сказать, что мы дорого платим за это зрелища, так как наши деревья представляют собой в продолжение нескольких месяцев одни только голые стволы. Это правда, но зато мы научаемся тем

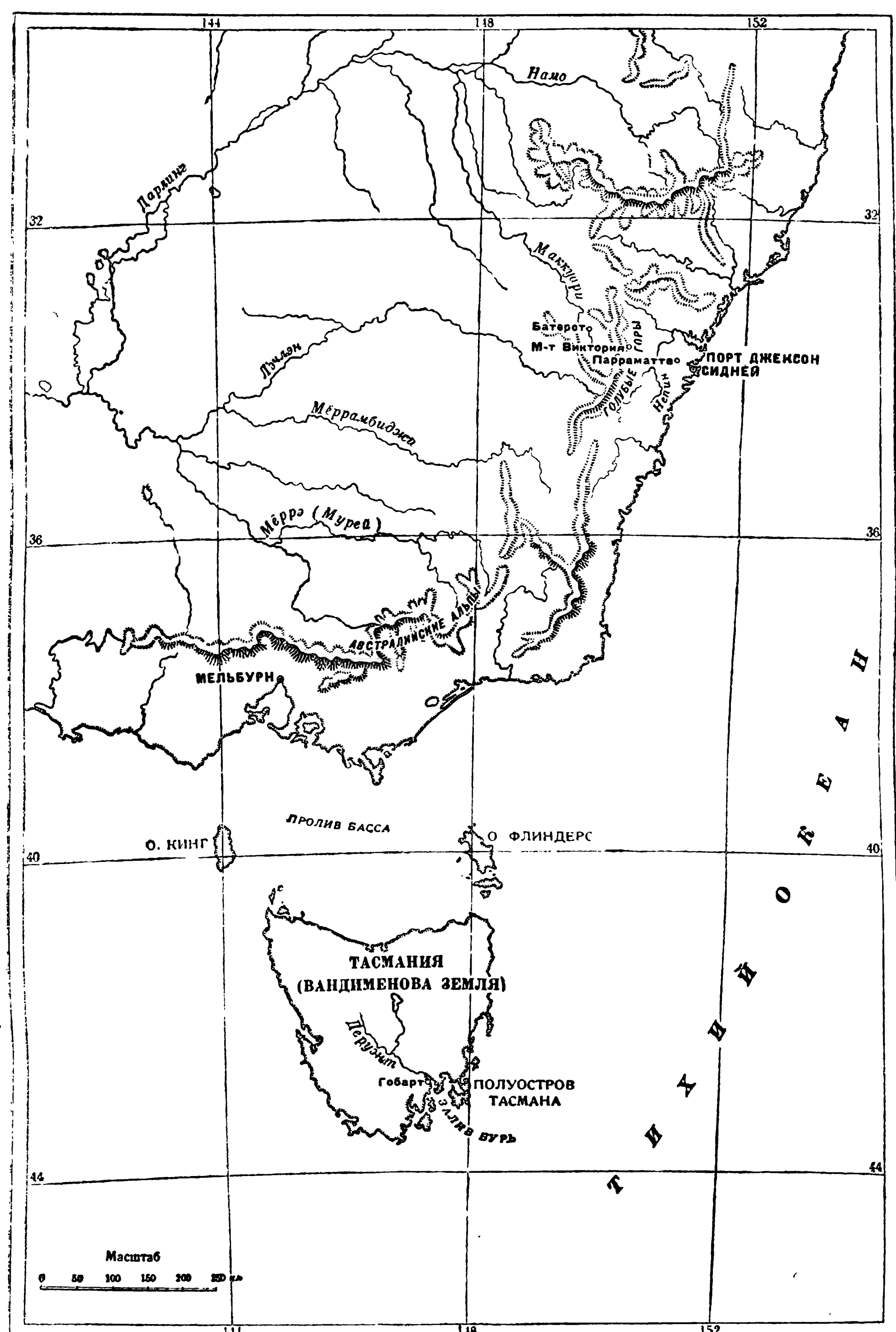
живее наслаждаться прекрасной весенней зеленью, между тем как жители тропиков, пресыщенные в течение круглого года видом роскошных произведений жаркого климата, не испытывают от этого больше никакого удовольствия. Бо̀льшая часть деревьев, за исключением некоторых эвкалиптов, не отличается крупными размерами, но они стройны, довольно высоки и стоят далеко друг от друга. У некоторых эвкалиптов кора ежегодно отпадает или, отмирая, висит длинными клочьями, которые развеваются по ветру и придают лесам разоренный и неопрятный вид. Нельзя себе представить более резкой противоположности во всех отношениях, чем та, которую представляют леса австралийские с лесами Вальдивии или Чилоэ.

К вечеру мы встретили толпу человек в двадцать черных туземцев; каждый из них нес, как это у них обычно принято, связку дротиков и другое оружие. Я дал шиллинг одному из молодых людей, шедших впереди: все они тотчас остановились и, чтобы доставить мне удовольствие, начали бросать дротики. Все они были кое-как одеты, и некоторые из них умели немножко говорить по-английски. Вид у них был добродушный, приятный, и они совсем не показались мне такими низкими существами, какими их обыкновенно изображают. В своих национальных играх они проявляли изумительное искусство. Шляпу, помещенную на расстоянии тридцати ярдов, они пробивали насквозь дротиком, брошенным с помощью метательной рукоятки с такой же быстротой, как стрела, пущенная из лука опытным стрелком. Следя за зверем или человеком, они выказывают чрезвычайную сметливость, а несколько слышанных мною от них замечаний обнаруживают наличие у них довольно значительной сообразительности. Однако, они не желают обрабатывать землю, строить дома, оставить бродячий образ жизни и даже пасти те стада овец, которые им предоставляют. Вообще, мне кажется, что по степени своей цивилизованности они несколько выше огнеземельцев.

Любопытно видеть среди цивилизованного народа горсть безобидных дикарей, ведущих бродячий образ жизни, не знающих заранее, где им придется провести ночь, и добывающих себе пищу охотой в лесах. По мере того, как белые пришельцы проникали внутрь страны, они селились на землях, принадлежавших разным племенам. Хотя эти племена окружены теперь со всех сторон одним и тем же народом, они сохранили свои прежние различия и по временам даже воюют друг с другом. Недавно произошла у них битва, и случилось, что обе воюющие стороны избрали полем сражения самый центр селения Батерст. Для побежденной стороны это оказалось очень выгодным, потому что воины, бежавшие с поля сражения, попрятались в сараи.

Число туземцев быстро уменьшается. Во время моего путешествия, за исключением нескольких мальчиков, воспитанных англичанами, я только один раз встретил партию туземцев. Это уменьшение числа туземцев частично вызывается, без всякого сомнения, ввозом спиртных напитков, распространением европейских болезней (из

* Замечательно, как одна и та же болезнь видоизменяется в различных климатах. На маленьком острове Св. Елены скарлатины боятся не менее чумы. В некоторых странах иностранцы и местные жители до того различно страдают от некоторых заразных болезней, как будто они принадлежат к различным родам животных. Такие примеры бывали в Чили, а также, по свидетельству Гумбольдта, в Мексике (Polit. Essay, New Spain, vol. IV).



Карта юго-западной Австралии и Тасмании.

которых даже самая незначительная, как, например, корь*, оказывается чрезвычайно губительной для туземцев) и постепенным исчезновением диких животных. Говорят, что множество детей умирает в самом раннем возрасте вследствие бродячей жизни, а между тем, по мере того как добывание пищи становится все более трудным, возрастает и необходимость в длительных кочевках; вследствие этого население, несмотря на отсутствие прямой смерти от голода, вымирает в гораздо бо̀льших размерах, нежели в цивилизованных странах, где отец семейства вследствие чрезмерного труда может нанести вред только самому себе, но не губит своего потомства.

Кроме этих очевидных причин вымирания, здесь действует, повидимому, еще какой-то другой, более загадочный фактор. Смерть как будто преследует местных жителей всюду, куда только ступит европеец. Куда мы ни взглянем, на громадных пространствах обеих Америк, в Полинезии, на мысе Доброй Надежды и в Австралии, везде мы встретим те же самые результаты. И не один только белый человек производит такое разрушительное действие; точно так же полинезиец малайского происхождения вытеснил в некоторых частях Ост-Индского архипелага местных темнокожих обитателей. Разновидности человеческой расы, повидимому, так же действуют друг на друга, как и разные виды животных, т. е. сильнейший всегда истребляет слабейшего. Печально было слышать, как красивые энергичные туземцы Новой Зеландии говорили, что им прекрасно известно, что земле их суждено отойти от их детей. Всем известен факт непонятного уменьшения населения на прекрасном и здоровом острове Таити со времени путешествий капитана Кука, между тем как в этом случае следовало ожидать, что население увеличится, потому что детоубийство, которое производилось прежде в таких громадных размерах, теперь совершенно прекратилось, разврат значительно уменьшился и кровавые войны стали гораздо реже.

Достопочтенный Дж. Уильямс в своем любопытном сочинении* говорит, что первое сношение между европейцами и туземцами «непременно сопровождается появлением лихорадки, кровавого поноса и других болезней, от которых умирает множество народа». В другом месте он говорит: «Совершенно бесспорным является тот факт, что бо̀льшая часть болезней, свирепствовавших на этих островах в продолжение моего там пребывания, была завезена кораблями**;

* Narrative of Missionary Enterprise, p. 282.

** Капитан Бичи говорит (глава IV, т. I), что жители острова Питкэрн твердо убеждены, что после приезда каждого корабля они страдают накожными и другими болезнями. Бичи приписывает это изменению пищи местных обитателей во время пребывания кораблей. Доктор Маккэллоч (Western Isles, vol. II, p. 32) говорит: «Утверждают, что с прибытием каждого иностранца (в С. Кильда) все жители, по местному выражению, схватывают простуду». Хотя этот факт не раз был подтверждаем, д-р Маккэллоч смеется над ним, но, однако, прибавляет, что «вопрос об этом был поставлен нами перед местными обывателями, которые единогласно это подтвердили». В «Путешествиях» Ванкувера то же самое говорится об острове Таити. Д-р Диффенбах в примечании к своему переводу моего «Дневника» утверждает, что то же самое поверье существует у жителей острова Чатэм, а также в некоторых частях Новой Зеландии. Нельзя же предполагать, чтобы такое поверье установилось и в северном полушарии, и в южном, и на Тихом океане и не имело бы ровно никакого основания. Гумбольдт (Polit. Essay on King of New Spain, vol. IV) говорит, что большие эпидемии в Панаме и Каллао «отмечались» прибытием судов из Чили вследствии того,

но особенно замечательно то обстоятельство, что среди команды корабля можно иногда вовсе не обнаружить той опасной болезни, которую он завез». Эти факты, пожалуй, совсем не так удивительны, как с первого раза кажется: известно несколько случаев возникновения целых эпидемий самых злокачественных лихорадок, причем люди, принесшие заразу, сами не были одержимы ею. В начале царствования Георга III [254] один арестант, содержавшийся в тюрьме, был посажен в карету с четырьмя констеблями и привезен в суд; и хотя сам он был здоров, но все четыре констебля умерли от скоротечной гнилостной горячки; зараза, впрочем, дальше не распространилась. Отсюда, кажется, следует заключить, что испарения людей, замкнутых в продолжение некоторого времени в тесном помещении, могут быть убийственны для других и что притом опасность увеличивается, если эти люди принадлежат к разным расам. Как ни таинственно все это, но разве не удивителен и тот факт, что тело человека тотчас после смерти и даже прежде, чем начнется разложение, почти всегда заключает в себе элементы до того ядовитые, что даже порез инструментом, употребляемым для его вскрытия, причиняет смерть[256].

17 января.—Рано утром мы переправились на пароме через Непин. Хотя в этом месте река широка и глубока, но текучей воды в ней очень мало. Пройдя небольшое пространство низменной земли на противоположном берегу, мы достигли подошвы Голубых Гор. Подъем тут не очень крут, потому что дорога тщательно проведена по склону утеса из песчаника. На вершине простирается почти гладкая равнина, которая, незаметно повышаясь к западу, достигает под конец более чем 3 000 футов высоты. Судя по громкому названию Голубых Гор и по цифре абсолютной их высоты, я полагал, что увижу большой горный хребет, прорезывающий страну; вместо этого слегка покатая равнина лишь незначительно возвышалась над низменной береговой полосой. С этого первого склона вид на громадное пространство лесов, которые тянутся к востоку, был удивительно красив, а вокруг стояли мощные и высокие деревья. Но как только достигнешь песчаникового плоскогорья, вид делается чрезвычайно однообразным. Дорога с обеих сторон окаймлена невзрачными деревцами, принадлежащими к неизбежному здесь семейству эвкалиптов. За исключением двух или трех маленьких гостиниц, не видишь по дороге ни домов, ни обработанной земли; кроме того, дорога эта крайне пустынна; только и видишь изредка телеги, запряженные волами и нагруженные шерстью.

Около полудня мы дали передохнуть нашим лошадям в маленьком трактире, называемом Уэтерборд. Это место находится на высоте 2 800 футов над уровнем моря. На расстоянии полутора миль отсюда открывается изумительный вид, который стоит посмотреть. Нужно перейти маленькую долину и итти по берегу бегущего через нее ручейка: внезапно из-за деревьев, окаймляющих тропинку, открывается гигантская пропасть, около 1 500 футов глубиной. Пройдя еще несколько ярдов, вы очутитесь на краю пропасти и у ног ваших

что обитатели этих умеренных стран впервые подвергаются губительному влиянию знойного климата. Прибавлю, что еще в Шропшире мне приходилось слышать, что если в стадо впустить новых овец, привезенных на корабле, то хотя бы сами они были здоровы, в старом стаде нередко обнаруживаются болезни[255].

увидите не то залив, не то бухту—не знаю, как это иначе назвать,— густо поросшую лесом. Вы стоите словно в глубине дуги, образующей залив, а в обе стороны тянется линия утесистого берега с выдающимися мысами, которые виднеются один за другим будто вдоль крутых берегов моря. Утесы эти состоят из горизонтальных пластов беловатого песчаника и до того вертикальны, что в некоторых местах, стоя на краю бездны и бросив камень вниз, можно видеть, как он упадет на дерево, растущее внизу на дне пропасти. Линия утесов тянется так непрерывно, что для того, чтобы попасть к подножию водопада, образуемого этим маленьким ручейком, нужно, говорят, сделать обход миль в шестнадцать. Впереди, миль за пять, виднеется другой ряд утесов, который как будто замыкает долину, и тем еще усиливает сходство этого напоминающего амфитеатр углубления с заливом. Чтобы получить полное представление о форме и характере этой местности, нужно вообразить себе извилистую гавань, глубокие воды которой окружены крутыми, утесистыми берегами; но только дно этой гавани высохло и поросло густейшим лесом. Такого рода пейзаж я увидел впервые и он поразил меня своим великолепием.

Вечером мы прибыли в Блекгэт. Песчаниковое плоскогорье достигает здесь высоты в 3 400 футов; попрежнему оно покрыто все теми же невзрачными перелесками. С дороги изредка можно было видеть другую глубокую долину, совершенно в таком же роде, как вышеописанная, но вследствие глубины и крутости ее боков дна почти совсем не было видно. Блекгэт очень благоустроенный трактир, содержимый старым солдатом; он напомнил мне маленькие трактиры нашего английского Уэльса.

18 января.—Рано утром я отправился за 3 мили посмотреть Говетс Лип; вид там совершенно такой же, как близ Уэтерборда, но чуть ли не еще поразительнее. В этот ранний утренний час пропасть была затянута легким, голубоватым туманом, который хотя и нарушал общий эффект картины, но, казалось, еще более увеличивал глубину, на которой находился лес, простиравшийся под нашими ногами. Эти долины, так долго представлявшие непреодолимую преграду попыткам самых предприимчивых колонистов проникнуть далее в глубь страны, в высшей степени замечательны. От верхних оконечностей этих долин нередко ответвляются длинные рукава или бухты, которые врезываются в песчаниковое плоскогорье; с другой стороны, само плоскогорье часто вдается в долины своими отрогами и образует в них иногда большие массивы вроде островов. Чтобы спуститься в некоторые из этих долин, нужно делать обходы миль в двадцать; в иные долины землемеры только недавно успели проникнуть, а колонистам и до сих пор еще не удалось провести туда скот. Самая замечательная черта их строения состоит, однако, в том, что у своего начала они иногда имеют по нескольку миль в ширину, а к устью они суживаются до такой степени, что в них совсем нельзя попасть. Старший землемер сэр Т. Митчелл* тщетно

* Travels in Australia, vol. I, p. 154. Я должен выразить мою благодарность сэру Т. Митчеллу за множество любопытных фактов, которые он лично сообщил мне относительно этих больших долин Нового Южного Уэльса.

пытался сначала пешком, потом ползком между огромными обломками обвалившегося песчаника пробраться вверх через ущелье, по которому река Грос течет до слияния с Непином, а между тем долина реки Грос в верхней своей части, которую и я видел, образует великолепный плоскодонный бассейн шириной в несколько миль, окруженный со всех сторон скалами, все вершины которых, как полагают, достигают высоты не ниже, чем в 3 000 футов над уровнем моря. В долину Уолган ведет тропинка (по которой спускался и я), частью естественная, частью же пробитая местным землевладельцем, и когда по этой тропинке спустят в долину стадо, то оно уже ни за что не может оттуда выйти, потому что эта долина со всех сторон окружена отвесными скалами, а восемью милями ниже она суживается от средней ширины в полмили до такой трещины, через которую не пролезет ни человек, ни зверь. Сэр Т. Митчелл говорит, что большая долина реки Кокс и всех ее притоков в том месте, где эта река сливается с Непином, суживается в ущелье шириной в 2 200 ярдов, а глубиной в тысячу футов. Можно назвать много подобных примеров.

При виде соответствия между горизонтальными пластами по бокам этих долин или обширных, подобных амфитеатру углублений сразу является мысль, что они, подобно другим долинам, выдолблены водой; но когда сообразишь, какие массы камня должны были в таком случае пройти через эти узенькие ущелья и даже трещины, то склонен спросить, не могли ли эти пространства образоваться путем оседания. Однако, принимая во внимание форму неправильно ветвящихся долин и узких горных отрогов, вдающихся в них из плоскогорья, приходится отказаться и от этого предположения. Приписать эти углубления современной аллювиальной деятельности было бы нелепо; притом горные потоки, стремящиеся с вершин, далеко не всегда изливаются в верхней части долины, как я заметил это близ Уэтерборда, а чаще впадают в какой-нибудь из ее рукавов. Многие из местных жителей говорили мне, что, глядя на эти заливообразные углубления с выступающими со всех сторон мысами, они всегда поражались их сходством с крутым берегом моря. Это именно так; к тому же и теперешний берег Нового Южного Уэльса изрезан множеством красивых, далеко разветвляющихся бухт, которые обыкновенно соединяются с океаном посредством узкого пролива, как бы промытого в береговых утесах из песчаника и имеющего в ширину от одной мили до одной четверти мили; эти бухты и проливы в точности напоминают, только в меньших размерах, обширные долины внутри материка. Но тут тотчас же является вопрос, каким образом море размыло такие огромные, хотя и замкнутые углубления в обширном плоскогорье, оставив лишь узенькие трещины и проходы, через которые должны были быть устранены все эти громадные массы измельченного камня? Единственное объяснение, которое я могу дать для решения этой загадки, заключается в указании на тот факт, что в некоторых морях, как, например, в Вест-Индии и в Красном море, повидимому, и в настоящее время образуются чрезвычайно крутые берега самой неправильной формы. Я склонен допустить, что эти берега образованы отложениями, нанесенными сильными течениями на неровное дно. Рассматривая

карту Вест-Индии, мы приходим к полнейшему убеждению, что в некоторых случаях море, вместо того чтобы располагать свои осадки равномерным пластом, накопляет их вокруг подводных скал и островов; притом во многих частях Южной Америки я имел случай убедиться, что даже в замкнутых гаванях волны еще настолько мощны, что могут образовать высокие и крутые утесы. Прилагая эти соображения к песчаниковому плоскогорью Нового Южного Уэльса, я думаю, что оно образовалось посредством наслоения осадков, нанесенных быстрыми течениями и обычным волнением открытого океана на неровное дно, что долиноподобные пространства оставались пустыми, пока в продолжение медленного поднятия страны крутые бока их были изрыты водой, благодаря чему образовались утесы, а измельченные обломки песчаника были унесены, вероятно, или в то время, когда отступавшие волны океана прорыли узкие ущелья, или впоследствии благодаря аллювиальной деятельности.

Выехав из Блекгэта, мы вскоре спустились с песчаникового плоскогорья через проход Маунт Виктория. Чтобы устроить этот проход, нужно было пробить громадные массы камня, и это сделано так превосходно, что принесло бы честь даже любой из дорог Англии. Мы вступили в местность, лежащую почти на целую тысячу футов ниже предыдущей и состоящую из гранита. С переменой почвы изменился и характер растительности: деревья стали красивее и росли не так часто. Трава между ними также стала обильнее и несколько ярче цветом. От Гассен Уолс я свернул с большой дороги и поехал немного в сторону, к ферме Уэлерауэнг, владелец которой дал мне в Миднее рекомендательное письмо к управляющему. М-р Броун пригласил меня провести у него и следующий день, на что я согласился с величайшим удовольствием. Это место представляет образец здешней большой фермы или, скорее, овцеводного хозяйства. Впрочем, на этой ферме содержат еще лошадей и рогатый скот в количестве несколько большем, чем обычно, потому что некоторые из долин здесь болотисты и отличаются более грубой травой. Вблизи от дома две или три площадки земли расчищены и обработаны под зерновой хлеб, который как раз в это время жнецы снимали; пшеницы сеют, однако, лишь столько, сколько нужно для годового прокормления рабочих, служащих на ферме. Обычное число назначенных на эту ферму рабочих-арестантов не превосходит сорока, но теперь их было больше. Несмотря на то, что ферма была отлично снабжена всем необходимым, отсутствие элементарных удобств бросалось в глаза; на ферме не было ни одной женщины. Закат солнца после прекрасного дня обыкновенно придает всякому пейзажу какой-то счастливый колорит; но тут, на этой уединенной ферме, все яркие оттенки окрестных лесов не могли заставить меня позабыть, что в этот час сорок закоренелых преступников прекращают свою дневную работу подобно африканским невольникам, но в противоположность неграм не имеют даже священного права на сострадание.

Рано утром на следующий день м-р Арчер, помощник управляющего, любезно пригласил меня на охоту за кенгуру. Бо́льшую часть дня мы провели верхом на лошадях, но охота была крайне неудачна, потому что мы не видали не только кенгуру, но даже

и дикой собаки[257]. Борзые выследили в древесном дупле кенгуровую крысу[258], которую мы оттуда и вытащили. Это животное величиной с кролика, но с виду похоже на кенгуру. Несколько лет тому назад эта страна изобиловала дикими животными, но теперь эму[259] изгнаны и ушли далеко, а кенгуру сделались чрезвычайно редки. Оба они сильно пострадали от английской борзой собаки. До полного их истребления еще очень далеко, но судьба их решена. Туземцы всегда пользуются случаем выпросить у фермеров собак, а поселенцы уступкой этих собак, подачкой требухи от убитого скота да иногда коровьим молоком поддерживают с ними добрососедские отношения и проникают все дальше и дальше вглубь материка. Беззаботный туземец, совершенно ослепленный этими ничтожнейшими подачками, радуется приближению белого человека, которому, кажется, суждено окончательно завладеть землей его детей.

Хотя охота была неудачна, но прогулка была все-таки приятна. Лес здесь вообще настолько редкий, что можно ехать по нему на лошади вскачь. Он пересечен несколькими плоскими долинами, которые покрыты зеленой травой и совершенно лишены деревьев; в таких местах прекрасный пейзаж напоминает парк. Во всей стране я, кажется, не встретил ни одного места, на котором не было бы следов пожара; однообразие пейзажа, столь утомительное для глаз путешественника, только и нарушалось степенью давности пожаров и большей или меньшей обгорелостью торчащих пней. В этих лесах немного птиц; я видел, однако же, большие стаи белых какаду, кормящихся на хлебном поле, и несколько удивительно красивых попугаев; иногда попадались вороны, вроде наших галок, да еще птица, похожая на сороку. В сумерки я пошел бродить вдоль ряда прудов, которые в этой сухой стране представляют собой течение реки, и тут посчастливилось мне увидеть несколько экземпляров знаменитого *Ornithorhynchus paradoxus*[260]. Они ныряли и играли на поверхности воды, но так мало высовывались из нее, что их легко можно было принять за водяных крыс. М-р Броун убил одного из них,—и действительно, это весьма странное животное; по чучелу отнюдь нельзя составить себе правильного представления о том, как выглядят его голова и клюв при жизни; последний становится жестким и сжимается*.

20 января.—Целый день ехали в Батерст. До большой дороги пробирались все тропинкой по сплошному лесу, и местность, за исключением нескольких хижин поселенцев, была чрезвычайно пустынна. В этот день мы испытали силу напоминающего сирокко[261] австралийского ветра, который дует из горячих пустынь централь-

* Меня очень заинтересовала замеченная мною в земле полая коническая западня, принадлежащая муравьиному льву или какому-нибудь другому насекомому. Сначала в это роковое отверстие упала муха и мгновенно исчезла; после этого попался большой, неосторожный муравей; он делал необычайные усилия, стараясь спастись бегством; но тогда начались снизу те любопытные выстрелы песчинками, которые описаны у Кирби и Спенса (Entomology, vol. I, p. 425); насекомое отбрасывает песчинки хвостом, направляя их прямо в намеченную жертву. Однако, муравей избегнул печальной участи, постигшей муху, и успел спастись от роковых челюстей, скрывавшихся у основания конической западни. Эта австралийская ловушка почти вдвое меньше той, которую делает европейский муравьиный лев.

ной части материка. Тучи пыли подымались со всех сторон и ветер был так горяч, как будто прошел через огонь. Впоследствии я узнал, что в тот день термометр на открытом воздухе показывал 119°, а в комнате 96°. После полудня перед нами открылись возвышенности Батерста. Эти слегка волнистые, почти гладкие равнины резко выделялись среди окружающей страны полным отсутствием деревьев. На них растет лишь тонкая, буроватая трава. Проехав несколько миль по такой местности, мы прибыли в местечко Батерст, лежащее по середине обширного пространства, которое можно назвать или очень широкой долиной или узкой равниной. В Сиднее меня предупреждали, чтобы я не составлял себе слишком невыгодного мнения об Австралии на основании пейзажей, попадающихся вдоль дороги, а также и слишком хорошего мнения на основании того, что увижу в Батерсте; насчет последнего предубеждения мне, кажется, нечего было опасаться. Правда, в это время была страшная засуха, и страна представлялась в самом неблагоприятном свете; впрочем, два или три месяца тому назад вид ее, вероятно, был еще хуже. Вся тайна быстрого расцвета Батерста состоит в том, что бурое пастбище, которое кажется таким невзрачным для глаз путешественника, доставляет превосходную пищу для овец. Город стоит на высоте 2 200 футов над уровнем моря, на берегах реки Маккуари, которая течет внутрь страны,—страны громадной и почти совершенно неизвестной. Линия водораздела, отделяющего внутренние потоки от береговых, имеет до 3 000 футов высоты и тянется по направлению с севера на юг на расстоянии от восьмидесяти до ста миль от берега моря. На географических картах Маккуари изображается как большая река; действительно, она, пожалуй, самая большая из тех, которые текут по эту сторону водораздела но все-таки, к великому моему удивлению, я нашел, что это не что иное, как ряд прудков, отделенных один от другого почти сухим пространством. Обыкновенно тут протекает небольшой ручей, а по временам бывают полноводные, быстрые потоки. Уже и в этой местности довольно мало воды, а внутри страны еще меньше.

22 января.—На обратном пути я избрал новую дорогу, называемую Локиеровой линией. Вдоль нее страна кажется холмистее и живописнее. По этой дороге я ехал целый день, и так как дом, в котором я намеревался переночевать, находился в стороне от большой дороги, то я не так-то легко нашел его. В этом случае, как и вообще в этой стране, я встречал со стороны низших классов населения необыкновенную предупредительность и вежливость, которых даже трудно ожидать, если сообразить, кем были эти люди еще недавно. Ферма, на которой я ночевал, принадлежала двум молодым людям, недавно прибывшим сюда и только что начавшим жизнь поселенцев. Полное отсутствие в их доме всякого комфорта было не очень привлекательным, но зато впереди у них была твердая надежда на быстрое и несомненное обогащение.

На другой день мы проезжали местами, на которых огромные пространства были в огне: столбы дыма клубились поперек дороги. Перед полуднем мы выехали на старую дорогу и взобрались на гору Виктория. Я ночевал в Уэтерборде и вечером опять сходил посмотреть на «амфитеатр». По дороге в Сидней я провел очень прият-

ный вечер у капитана Кинга в Денхиведе и тем закончил свою прогулку по колонии Нового Южного Уэльса.

До прибытия сюда меня всего больше интересовали следующие три вещи: состояние высших классов общества, положение преступников и условия, привлекающие сюда переселенцев. Само собой разумеется, что мнение, составленное в результате столь кратковременного посещения страны, едва ли заслуживает какого-нибудь внимания. Но совсем не составить себе никакого мнения так же трудно, как составить верное. Вообще говоря, все, что я слышал, больше, нежели то, что видел, разочаровало меня насчет состояния общества. Все население разделилось на партии, враждующие между собой почти по каждому вопросу. Среди тех, которые по своему положению должны были бы подавать пример нравственности, многие живут в таком разврате, что порядочные люди не могут иметь с ними никаких отношений. Между детьми богатых эмансипированных ссыльных и свободными поселенцами укоренилась вражда, потому что первые считают этих честных людей конкурентами, незаконно вторгшимися сюда. Все население, как бедные, так и богатые, наперерыв старается разбогатеть. В высших кругах только и разговора, что о шерсти да о разведении овец. В домашней жизни имеется много серьезных неудобств, главным из которых является, быть может, то, что вся прислуга состоит из ссыльных. Отвратительно постоянно чувствовать, что человек, который вам прислуживает, может быть, не далее как вчера был высечен по вашей жалобе за какой-нибудь пустяковый проступок. Служанки еще хуже: от них дети научаются самым скверным словам, и хорошо еще, если не заражаются соответственно скверными представлениями.

С другой стороны, капитал приносит здесь своему владельцу без больших хлопот с его стороны втрое больше, чем в Англии, а старательный человек, наверное, разбогатеет. Предметы роскоши здесь в изобилии и немногим дороже, чем в Англии, а бо̀льшая часть съестных продуктов гораздо дешевле. Климат здесь прекрасный и очень здоровый, но, по-моему, его очарование теряется вследствие непривлекательного вида страны. Для поселенцев важным преимуществом является то, что их сыновья уже с ранних лет помогают им. Нередко случается, что молодые люди в возрасте от 16 до 20 лет принимают на себя управление какими-нибудь отдаленными фермами. Но благодаря этому они предоставляются постоянному общению с прислугой из ссыльных. Правда, я не заметил, чтобы общий тон общества принял какой-либо особый характер, но такого рода привычки и полное отсутствие умственных интересов должны, несомненно, привести к ухудшению общественных нравов. Думаю, что лично меня только самая крайняя необходимость могла бы принудить к переселению.

Быстрый расцвет этой колонии и ее будущие возможности мне, человеку, слабо разбирающемуся в таких вещах, кажутся непонятными. Два главные предмета вывоза—шерсть и китовый жир; но ведь и тому и другому продукту предвидится конец. Страна совершенно непригодна для проведения каналов; а между тем уже не очень далек тот предел, дальше которого сухопутная перевозка шерсти не окупит издержек на стрижку и содержание овец. Паст-

бища повсюду так скудны, что поселенцы зашли уже далеко внутрь страны, а чем дальше внутрь, тем страна становится беднее. Вследствие засух земледелие не может производиться в больших размерах, и поэтому, как мне кажется, Австралия в конце концов станет центром торговли южного полушария да еще, может быть, получит значение как страна фабричная. Обладая каменным углем, она всегда имеет в своем распоряжении движущую силу. Так как обитаемая местность лежит вдоль морского берега и заселена она выходцами из Англии, то нет сомнения, что здесь выработается нация мореплавателей. Я когда-то воображал, что Австралии суждено возвеличиться до такого же благосостояния и могущества, какого достигла Северная Америка, но теперь такая великолепная будущность кажется мне более чем сомнительной.

Что касается положения преступников, то об этом я могу еще менее судить, нежели о других пунктах. Прежде всего представляется вопрос, можно ли считать наказанием то положение, в котором они здесь находятся? Если это наказание, то оно далеко не тяжкое. Думаю, однако, что это не имеет значения, по крайней мере, до тех пор, пока на родине ссылка продолжает служить предметом ужаса для провинившихся. В главнейших житейских потребностях ссыльные не терпят недостатка. Их надежда на будущую свободу и благосостояние не далека от осуществления, а при хорошем поведении становится несомненной. «Отпускной лист» дает право на свободное проживание в известном округе до тех пор, пока человек свободен от подозрений и не попался в новом преступлении; лист выдается за хорошее поведение по истечении срока, назначенного приговором; и тем не менее, даже оставляя в стороне предварительное тюремное заключение и бедственный переезд из Англии, годы принудительной работы, я думаю, проходят для ссыльного как годы позора и несчастья. Один умный человек справедливо сказал мне, что ссыльные способны ощущать только чувственные наслаждения, а их-то именно они лишены. Исключительное воздействие, которым пользуется правительство, предоставляя полное прощение, и глубокий страх перед одиночным заключением уничтожают доверие преступников друг к другу и таким образом предупреждают преступления. Что касается чувства стыда, то оно вряд ли существует, чему я не раз бывал свидетелем. Как это ни странно, но многие говорили мне, что ссыльные—отъявленные трусы: случается иногда— и нередко,—что некоторые из них становятся отчаянными и жизнь им совершенно ни по чем, но очень редко они в состоянии привести в исполнение план, требующий стойкости и хладнокровной смелости. Худшая сторона всего этого заключается в том, что хотя они исправились, так сказать, с точки зрения юридического закона и, говоря относительно, ничего противозаконного более не делают, но о нравственном их исправлении, повидимому, не может быть никакой речи. Знающие люди уверяли меня, что человек, который желал бы исправиться, не может этого сделать, пока живет среди других принудительно работающих слуг: жизнь его станет невыносимой вследствие всевозможных неприятностей и преследований со стороны товарищей. Не следует также забывать о заразительном влиянии, которое оказывает пребывание на кораблях для перевозки преступ-

ников и в тюрьмах как в Австралии, так и в Англии. Вообще говоря, как способ наказания ссылка сюда едва ли достигает цели; как средство подлинного исправления эта система оказывается столь же негодной, как, повидимому, и все прочие; но как средство сделать людей внешним образом порядочными, бродяг, ненужных в одном полушарии, превратить в полезных граждан другого мира и их руками положить начало новой прекрасной стране—обширному центру цивилизации—такая цель достигнута с успехом, беспримерным в истории.

30 января.—«Бигль» отплыл в город Гобарт на Вандименовой Земле. 5 февраля, после шестидневного плавания, первая часть которого была очень приятна, а последняя проходила при очень холодной и туманной погоде, мы вошли в устье Залива Бурь. Погода вполне оправдывала это грозное название. Залив этот скорее заслуживает названия эстуария, потому что в него впадает река Деруэнт. У входа в залив расположено несколько обширных базальтовых платформ, но дальше страна становится гористой и покрыта редким лесом. Нижняя часть холмов, окружающих залив, обработана, и поля, то яркожелтые от хлебных посевов, то темнозеленые от картофельной ботвы, кажутся исключительно изобильными. Поздно вечером мы бросили якорь в уютной бухте, на берегу которой стоит столица Тасмании. На первый взгляд она производит впечатление гораздо худшее, нежели Сидней. Последний смело можно назвать столицей, а это только город. Он расположен у подошвы горы Веллингтона, которая имеет 3 100 футов высоты, но не очень отличается красотой, однако, из этой самой горы город получает в изобилии воду. Вокруг пристани стоят отличные пакгаузы, а с одной стороны маленькая крепость. После посещения испанских колоний, где всегда уделяется столько внимания укреплениям, средства обороны этих колоний кажутся весьма ничтожными. Сравнивая этот город с Сиднеем, я был поражен малочисленностью больших домов как готовых, так и строящихся. По переписи в 1835 г. в Гобарте 13 825 жителей, а во всей Тасмании 36 505.

Все туземцы выселены на остров в проливе Басса, так что большим преимуществом Вандименовой Земли является полное отсутствие туземного населения. Такая жестокая мера, повидимому, была неизбежна, как чуть ли не единственное средство к прекращению ужаснейших грабежей, поджогов и убийств, производившихся чернокожими; иначе рано или поздно дело кончилось бы их собственной гибелью. Боюсь, впрочем, что все это зло со всеми его последствиями произошло, несомненно, вследствие позорного поведения некоторых из наших соотечественников. Тридцать лет—слишком короткий период для полного изгнания местного населения с острова величиной почти с Ирландию. Чрезвычайно интересна переписка, возникшая по этому поводу между английским правительством и правителями Вандименовой Земли. Хотя очень много туземцев было убито и взято в плен в стычках, продолжавшихся с некоторыми перерывами несколько лет подряд, но, повидимому, туземцы никак не могли проникнуться представлением о превосходстве нашей силы и сильное впечатление произвело на них лишь объявление острова в 1830 г. на военном положении и призыв ко всему населению принять участие

в попытке одним ударом окружить и захватить всю местную расу. План, принятый в этом случае, был похож на планы больших охотничьих состязаний в Индии; поперек всего острова расположили линию войск, с целью загнать всех туземцев в своего рода *cul-de-sac*[262], на полуостров Тасмана. Попытка не удалась; туземцы, взяв своих собак на привязь, прокрались ночью через цепь. Это неудивительно, если принять во внимание изощренность их чувств и их обычный способ пробираться ползком при ловле диких зверей. Меня уверяли, что они могут прятаться на местах почти открытых и притом таким способом, которому трудно поверить, если не увидеть его собственными глазами; их темные тела легко принять за черноватые пни, разбросанные по всей стране. Мне рассказывали об опыте, произведенном несколькими англичанами над местным жителем, стоявшим у всех на виду на склоне холма; когда англичане на несколько секунд закрывали глаза, он приседал на корточки, и тогда невозможно было отличить его от окружающих пней. Но возвратимся к охоте на туземцев. Когда последние поняли, какой характер принимает война, они страшно напугались, потому что впервые вполне сообразили и численность и могущество белых. Вскоре после этого 13 человек, принадлежащих к двум племенам, сознавая свое беспомощное положение, с отчаяния отдались в руки англичан. Затем благодаря храбрым усилиям м-ра Робинсона, активного и доброго человека, который в одиночестве отважился посещать самые враждебные племена, все туземцы согласились на сдачу. Тогда их перевезли на один остров и там снабдили пищей и одеждой. Граф Стжелецкий говорит*, что «во время их переселения, в 1835 г., число туземцев достигало 210 человек. В 1842 г., по прошествии 7 лет, их было уже только 54; в то время как во внутренних областях Нового Южного Уэльса каждое семейство туземцев, еще не приходивших в соприкосновение с белыми, изобилует детьми, на острове Флиндерс в течение целых восьми лет родилось всего только четырнадцать человек».

«Бигль» оставался здесь 10 дней, и за это время я сделал несколько прелестных маленьких экскурсий, главным образом, для геологического исследования окружающей местности. Наибольший интерес представляют, во-первых, несколько пластов, содержащих большое количество окаменелостей и относящихся к девонскому или каменноугольному периоду; во-вторых, доказательства недавнего поднятия страны и, наконец, одиночный, поверхностно залегающий небольшой слой желтоватого известняка, или травертина[263], содержащего многочисленные отпечатки древесной листвы и пресноводные раковины, ныне уже не существующие. Весьма вероятно, что это маленькое пространство земли—единственный пункт, в котором сохранилось какое-либо напоминание о растительности, существовавшей на Вандименовой Земле в течение одного из прошедших периодов.

Климат здесь сырее, чем в Новом Южном Уэльсе, и вследствие этого земля гораздо плодороднее. Земледелие процветает; обработанные поля имеют очень хороший вид, сады изобилуют овощами и фруктовыми деревьями. Некоторые фермы, находящиеся в отдаленных местах, имеют очень привлекательный вид. По своему общему

* Physical Description of New South Wales and Van Diemen's Land, p. 354.

характеру растительность сходна с австралийской; впрочем, она несколько зеленее и приятнее; трава, растущая между деревьями, также гораздо обильнее. Однажды я предпринял большую прогулку, отправившись на ту сторону залива, которая лежит против города; я проехал туда на одном из двух пароходов, постоянно снующих взад и вперед между этими берегами. Механизм одного из этих пароходов был целиком построен в колонии, которая с самого своего основания насчитывает всего только 33 года! В другой раз я поднялся на гору Веллингтона; я взял с собой проводника, потому что первая попытка взобраться на нее мне не удалась вследствие густоты леса. Однако, наш проводник оказался глупым малым, он повел нас по южному влажному склону горы, где растительность чрезвычайно роскошна, но именно по этой причине там множество сгнивших стволов, а потому пролезть в чаще почти так же трудно, как на горах Огненной Земли или на Чилоэ. Мы потратили пять с половиной часов усиленной ходьбы, прежде чем достигли вершины. Во многих местах эвкалипты достигают больших размеров, образуя красивый лес. В некоторых наиболее влажных оврагах необыкновенно роскошно разрослись древовидные папоротники; я видел один экземпляр вышиной, по крайней мере, в 20 футов от земли до основания листьев, а в обхвате он имел ровно 6 футов. Его листья составляли изящнейший шатер, дававший густую тень, подобную темноте первых ночных часов. Вершина горы широкая и плоская; она образована крупными, угловатыми кусками голого грюнштейна. Высота ее 3 100 футов над уровнем моря. День был удивительно ясный, и мы любовались чрезвычайно обширным видом; к северу страна представляла собой громадную массу лесистых гор, высотой почти равных той, на которой мы находились, и с такими же мягкими очертаниями; к югу четко и ясно, как на карте, рисовались извилистые линии воды и суши, изрезанной множеством заливов. Отдохнув несколько часов на вершине, мы спустились по более удобной дороге, но попали на «Бигль» только к восьми часам, измученные этим походом.

7 февраля.—«Бигль» отплыл из Тасмании и 6-го числа следующего месяца прибыл в Залив короля Георга, расположенный у самого юго-западного угла Австралии. Мы простояли тут восемь дней, и во все время нашего путешествия ни разу не было нам так скучно. Рассматривая страну с некоторой возвышенности, только и видишь лесистую равнину, из которой там и сям выступают округленные и частью обнаженные гранитные холмы. Один раз пошел я с несколькими товарищами побродить в надежде увидеть охоту на кенгуру; мы прошли по стране много миль. Почва повсюду была песчаная и тощая; растительность встречалась самая невзрачная: низенький, редкий кустарник, жесткая трава и низкорослые деревья. Вид был сходен с тем, который мы видели на плоской песчаниковой возвышенности Голубых Гор. Впрочем, казуарина (дерево, несколько похожее на шотландскую сосну) встречается здесь чаще, чем там, а эвкалиптов меньше. На открытых местах было много травяных деревьев; эти растения с виду несколько сходны с пальмами, с той только разницей, что вместо красивого шатра великолепной листвы у них торчит пучок жестких листьев, похожих на листья злаков [264]. Судя по яркой зелени кустарников и других растений, издали кажется, что тут

роскошная растительность, но одной прогулки было достаточно, чтобы рассеять такую иллюзию, и всякий, я думаю, согласится со мной, что не стоило предпринимать вторичного похода в такую непривлекательную местность.

Однажды мы с капитаном Фиц Роем посетили Болд Хэд («Плешивая голова»),—место, описанное уже столькими мореплавателями, из которых одни думали, что нашли там кораллы, а другие рассказывали об окаменелых деревьях, стоящих в том же положении, в каком они росли. Мы полагаем, что ветер нанес толстый слой тонкого песка, состоящего из мельчайших закругленных частиц раковин и кораллов; песок постепенно затягивал стоявшие тут деревья с корнями и ветвями и множество пресноводных раковин. Впоследствии все это превратилось в сплошную массу благодаря просачиванию известкового вещества, и цилиндрические пустоты, оставшиеся после того, как деревья сгнили, также наполнились твердой псевдосталактитной массой[265]. Мягкие части мало-помалу разрушаются под действием дождя и ветра, и вследствие этого твердые слепки корней и ветвей деревьев обнажаются, весьма замечательным образом создавая обманчивое впечатление пней мертвого леса.

Случилось, что во время нашего пребывания в колонии туда пришло в гости многочисленное племя туземцев, носящих прозвище Белых Какаду. Это племя, а также и то, которое обитает по берегам Залива короля Георга, затеяло «корробери», т. е. большой танцовальный вечер; впрочем, мы сами подкупили их поплясать, обещав дать им за это рис и сахар. Как только стемнело, они зажгли несколько маленьких костров, и мужчины занялись своим туалетом, т. е. начали разрисовывать себя белой краской, накладываемой в виде пятен и линий. Когда все было готово, запылали большие костры, и вокруг них уселись женщины и дети в качестве зрителей; оба племени составили две отдельные группы, но танцовали по большей части в лад. Пляска состояла в том, что ряды танцующих бежали по открытому месту то боком, то гуськом, причем все сразу крепко ударяли ногами о землю. Их тяжелые па сопровождались каким-то хрюканьем и пристукиванием стрел одна о другую; они делали и различные другие телодвижения, простирали руки и всячески изгибались. Зрелище было довольно грубое, дикое и, на наш взгляд, совершенно лишенное смысла; однако, мы заметили, что женщины и дети следили за танцами с величайшим удовольствием. Быть может, эти пляски первоначально представляли какие-нибудь действия, как, например, войну и победу; была, например, одна, так называемая «пляска эму», во время которой каждый из мужчин вытягивал одну руку, слегка загибая ее наподобие шеи этой птицы. В другой пляске один подражал движениям кенгуру, пасущегося в лесу, а другой подползал к нему и делал вид, будто бросает в него дротик. Когда плясали одновременно оба племени, земля дрожала под тяжестью их ног, и воздух оглашался их дикими криками. Повидимому, всем было очень весело, и эта толпа обнаженных фигур, оживленных светом пылающих костров и движущихся в отвратительной гармонии, представляла прекрасный образец праздника у дикарей, находящихся на самом низком уровне развития. На Огненной Земле мы бывали свидетелями многих любопытных сцен из жизни дикарей,

но никогда, кажется, не видели туземцев в таком веселом расположении духа и полнейшей непринужденности. По окончании танцев все общество уселось на землю большим кружком и, к общему восторгу, каждый получил свою порцию вареного риса и сахара.

Туманная погода довольно долго препятствовала нашему отплытию; наконец, 14 марта мы с радостью покинули Залив короля Георга и направились к острову Килинг. Прощай, Австралия!—ты еще дитя, но дитя, быстро растущее, и когда-нибудь, без сомнения, будешь великой владычицей юга; для нежной привязанности ты уже слишком велика и честолюбива, а для благоговения—еще не доросла. Покидаю берега твои без всякого сожаления и печали.

ГЛАВА XX

ОСТРОВ КИЛИНГ. КОРАЛЛОВЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ

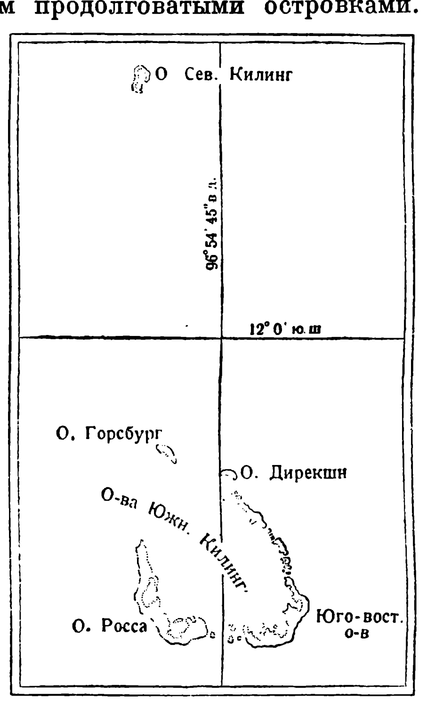
Остров Килинг.—Своеобразие пейзажа.—Скудная растительность.—Перенос семян.—Птицы и насекомые.—Действие прилива и отлива на источники.—Поля отмерших кораллов.—Камни, перенесенные на корнях деревьев.—Большой краб.—Жгучие кораллы.—Рыбы, питающиеся кораллами.—Коралловые образования.—Лагунные острова, или атоллы.—Глубина, на которой могут жить кораллы-строители рифов.—Обширные области, усеянные низменными коралловыми островами.—Опускание их оснований.—Барьерные рифы.—Береговые рифы.—Превращение береговых рифов в барьерные и в атоллы.—Доказательство изменений уровня.—Проходы в барьерных рифах—Мальдивские атоллы; особенности их строения.—Отмершие и затопленные водою рифы.—Области опускания и поднятия.—Распределение вулканов.—Опускание медленное, но в громадных размерах.

1 апреля.—На горизонте показались острова Килинг, или Кокосовые, лежащие в Индийском океане на расстоянии около шестисот миль от берегов Суматры. Это один из лагунных островов (или атоллов) кораллового строения, не считая тех, мимо которых мы уже проходили в Низменном архипелаге. Как только корабль приблизился ко входу в канал, навстречу нам выехал в лодке м-р Лиск, английский поселенец. Расскажу как можно короче историю здешних поселенцев. Лет девять тому назад м-р Гер, личность весьма мало почтенная, привез сюда из Ост-Индии несколько невольников-малайцев, которых в настоящее время, включая и детей, здесь насчитывается более ста человек. Вскоре после того прибыл сюда из Англии капитан Росс, который уже до того посещал эти острова на купеческом корабле; он приехал со всем семейством и имуществом с намерением поселиться. С ним вместе прибыл и м-р Лиск, бывший у него на корабле штурманом. Через весьма короткое время все малайские невольники бежали с островка, на котором поселился м-р Гер, и присоединились к капитану Россу, после чего м-ру Геру ничего больше не оставалось делать, как покинуть этот край.

В настоящее время малайцы считаются свободными, и они действительно пользуются свободой с точки зрения распоряжения своей личностью; но во всех других отношениях их рассматривают как рабов. От недовольства ли их или от беспрестанного их кочевания с одного островка на другой, а отчасти, может быть, и от неумелости, дела здесь идут не блестяще. На всем острове нет ни одного домаш-

него четвероногого, кроме свиней, а из растений преобладает кокосовая пальма. Благосостояние обитателей зависит исключительно от этого дерева, так как единственные предметы вывоза—кокосовое масло и кокосовые орехи; их отправляют в Сингапур и на остров Маврикия, где их в перетертом виде употребляют преимущественно при приготовлении кёрри [266]. Теми же орехами почти исключительно питаются и откармливаются жирнейшие свиньи, а также утки и куры. Даже один довольно крупный сухопутный краб снабжен природой средствами, позволяющими ему вскрывать плоды кокосовой пальмы и питаться этим исключительно полезным продуктом.

Кольцеобразный риф лагунного острова почти по всей своей длине окружен возвышающимися над ним продолговатыми островками. С северной, или подветренной, стороны имеется проход, через который корабли могут заходить во внутреннюю гавань. При входе открывается вид чрезвычайно оригинальный и довольно красивый; вся красота его, впрочем, зависит от яркости окружающих окрасок. Мелкая, прозрачная и спокойная вода лагуны, покоящаяся почти всюду на белом песке, кажется при освещении вертикальными лучами солнца изумрудно-зеленой. Все это сверкающее пространство, простирающееся на несколько миль в ширину, со всех сторон окаймлено либо белоснежной полосой прибоя, который отделяет лагуну от бурного темного океана, либо полосами земли с возвышающимися на них кокосовыми пальмами, верхушки которых—все на одном уровне—вырисовываются на фоне голубого неба. И подобно тому, как разбросанные там и сям белые облака составляют приятный контраст с лазурью небес, так и в лагуне полосы живых кораллов оттеняют изумрудно-зеленую воду.



Карта островов Килинг.
По карте, составленной офицерами «Бигля».

На следующее утро, после того как мы стали на якорь, я отправился на берег, на остров Дирекшн. Эта полоска суши имеет лишь несколько сот ярдов в ширину. Со стороны, обращенной к лагуне, берег известковый, белый, и отражение лучей от него при здешнем зное было просто невыносимо. С наружной стороны весь берег состоит из массивной, широкой и плоской полосы кораллов, о которую разбиваются волны океана. Вся почва острова состоит из закругленных кусков коралла и только вдоль лагуны к ним примешано немного песка. На такой рыхлой, сухой каменистой почве только тропический климат мог породить мощную растительность. На некоторых из самых

маленьких островков удивительно изящно рисовались стройные, гармоничные рощи молодых и старых кокосовых пальм, которые, несмотря на различие в размерах, представляли собой очень симметричное целое. Полоса блестящего белого песка красиво окаймляет эти волшебные места.

Приступаю к описанию естественной истории этих островов, которая именно вследствие своей крайней бедности представляет особый интерес. С первого взгляда кажется, что древесная растительность ограничивается кокосовой пальмой; однако, там растет еще пять или шесть других деревьев. Одно из них даже достигает очень крупных размеров, но вследствие чрезвычайной рыхлости своей древесины оказывается совершенно бесполезным; другое дерево доставляет отличный лес для постройки кораблей. Других растений, кроме этих деревьев, чрезвычайно мало, и все они представляют собой ничтожные травы. В моей коллекции, заключающей, я думаю, почти всю местную флору, всего двадцать видов, не считая одного мха, одного лишайника и одного гриба. Но к этому числу нужно прибавить еще два дерева, из которых одно при мне не цвело, а о другом я только слышал; оно находится здесь в единственном экземпляре и выросло на берегу, куда, вероятно, случайно попало одно семечко, занесенное волнами. Один экземпляр Guilandina [267] также растет только на одном из островков. В число здешней флоры я не включаю сахарный тростник, банан, некоторые другие овощи, плодовые деревья и ввезенные сюда хлебные злаки. Так как эти острова состоят исключительно из кораллов, а во времена, давно прошедшие, представляли собой не что иное, как подводные рифы, то, по всей вероятности, все произведения здешней почвы занесены сюда волнами океана. В соответствии с этим эта маленькая флора имеет характер, так сказать, убежища для нуждающихся в пристанище; профессор Генсло сообщил мне, что из двадцати найденных здесь видов девятнадцать принадлежат к различным родам, которые в свою очередь относятся к шестнадцати различным семействам!*

В «Путешествиях» Холмэна** приводится, со слов м-ра Китинга, прожившего на этих островах целый год, описание различных семян и иных предметов, занесенных на берега волнами. «К подветренным берегам этих островов прибило вместе с морской пеной семена и целые растения с Суматры и Явы. Между ними найдены: кимири, растущее на Суматре и на Малаккском полуострове; кокосовые орехи из Бальци, известные своей формой и размерами; дадасс, который малайцы сажают вместе с перечной лозой, обвивающейся вокруг его ствола, прикрепляясь к нему при помощи шипов на ее стебле; мыльное дерево; клещевина; стволы саговой пальмы и различного рода семена, неизвестные малайцам, поселенным на островах. Предполагают, что все они занесены северо-западным муссоном к берегам Новой Голландии, и оттуда юго-восточным пассатом к этим островам. Кроме того, находили здесь огромные массы яванского тэкового дерева и желтого дерева, а также гигантские стволы красного и белого кедра и новоголландских эвкалиптов в совершенно свежем состоянии. Все жесткие се-

* Эти растения описаны в Annals of Natural History, vol. I, p. 337.

** Holman, Travels, vol. IV, p. 378.

мена, например, семена ползучих растений, оказываются всхожими, но более нежные и мягкие, в том числе плоды мангостана, при переносе водой портятся. Иногда к берегам прибиваются рыбачьи лодки, повидимому, с Явы»[268]. Таким образом, мы узнаем любопытный факт, что огромное количество различных семян со всех концов света разносится волнами океана. По мнению профессора Генсло, почти все растения, привезенные мною с этих островов, представляют собой обычные прибрежные виды на островах Ост-Индии. Однако, судя по направлению ветров и течений, нельзя предположить, чтобы они попадали сюда прямо из Ост-Индии. Если же, как с большим основанием предполагает м-р Китинг, они сначала были прибиты к берегам Новой Голландии и уже вместе с произведениями последней дошли сюда, то выходит, что, прежде чем пустить ростки, семена эти проделали путь от 1 800 до 2 400 миль.

Шамиссо*, описывая Радакский архипелаг, лежащий в западной части Тихого океана, говорит: «Море приносит к этим островам плоды и семена многих деревьев, большинство которых никогда еще здесь не росло. Бóльшая часть этих семян не потеряла, повидимому, способности прорастания». Говорят также, что иногде волнами выбрасываются на берег пальмы и бамбуки из каких-то экваториальных стран и стволы северных сосен. Последние должны были переплыть громадные расстояния. Все это факты, в высшей степени любопытные. Нет сомнения, что если бы здесь были наземные птицы, которые склевывали бы семена тотчас по прибытии их на берег, а также если бы почва несколько более благоприятствовала их произрастанию, чем эти рыхлые скопления кораллов, то со временем и самые уединенные атоллы покрылись бы растительностью, гораздо более богатой, чем в настоящее время.

Список наземных животных еще беднее перечня растений. На некоторых островках размножились крысы, завезенные на корабле, который шел с острова Маврикия и разбился здесь. По исследованиям Уотергауза, эти крысы той самой породы, которая водится в Англии, но несколько мельче и ярче окрашены. Настоящих наземных птиц здесь совсем нет, так как один бекас и один пастушок *(Rallus Phillippensis)*, живущие исключительно в сухой траве, принадлежат к отряду голенастых. Птицы этого отряда встречаются, как говорят, на многих из низменных островков Тихого океана. На острове Вознесения, где нет наземных птиц, близ вершины горы был убит пастушок *(Porphyrio simplex)*,—очевидно нечаянно сюда попавший одинокий экземпляр. На острове Тристан д'Акунья, где, по свидетельству Кармичеля, водятся только две наземные птицы, имеется вид лысухи[269]. Из этих фактов я заключаю, что после бесчисленного множества перепончатолапых видов на мелких, уединенных островках прежде всего поселяются голенастые птицы. Прибавлю еще, что всякий раз, как я замечал далеко в море птиц, не принадлежащих к числу океанических видов, оказывалось, что они всегда принадлежали к отряду голенастых; отсюда я вывожу, что они, следовательно, являются вообще первыми поселенцами всякого очень отдаленного пункта земли.

* Kotzebue, First Voyage, vol. III, p. 155.

Из пресмыкающихся я встретил одну только маленькую ящерицу. Очень старательно я собирал всех решительно представителей насекомых. Не считая пауков, которых чрезвычайно много, я насчитал тринадцать видов насекомых*. Среди них был только один жук. Огромное количество особей одного вида мелких муравьев копошится под сухими, рыхлыми комьями кораллов; эти муравьи являются единственными насекомыми, встречающимися в изобилии. Мы видим, таким образом, насколько здесь скудны произведения суши; зато если мы обратимся к водам окружающего моря, то встретим поистине бесконечное количество органических существ. Шамиссо описал** естественную историю одного из лагунных островов Радакского архипелага, и замечательно, насколько обитатели этих островов как по своему составу, так и по количеству видов сходны с островом Килинг. Там также имеются одна ящерица и две голенастые птицы—бекас и кулик. Растений девятнадцать видов, в том числе один папоротник; некоторые из растений принадлежат к тем же видам, которые встречаются здесь, хотя расстояние между обоими пунктами громадное, и острова эти лежат в различных океанах.

Продолговатые полосы земли, образовавшие удлиненные островки, были подняты лишь на такую высоту, до которой волна может выбрасывать обломки кораллов, а ветер наносить известковый песок. С внешней стороны прочная плоская и широкая полоса коралловых скал представляет надежный оплот против первого напора могучих волн, которые без этой преграды, конечно, в один день смыли бы эти островки со всеми их произведениями. Океан и земля, как будто, спорят тут за владычество, и хотя суша завоевала себе прочное положение, но и обитатели воды предъявляют требование, по крайней мере, на равноправие. Повсюду встречаются различные виды раков-отшельников***, таскающих на спине раковины, найденные ими где-нибудь поблизости на берегу [270]. На деревьях сидят во множестве глупыши, фрегаты и крачки глупые, а в лесу такой спертый запах и такое множество гнезд, что его можно назвать приморским грачевником. Глупыши, сидя в грубых гнездах, поглядывают оттуда с глупым и вместе с тем сердитым видом. Крачки глупые, как показывает и их английское прозвище, также довольно глупые маленькие создания [271]. Но есть там одна прелестная птица—это небольшая снежнобелая крачка, которая грациозно парит на расстоянии нескольких футов над вашей головой и глаза ее, большие и черные, со спокойным вниманием всматриваются в ваше лицо. Так и кажется, что в этом легком и изящном теле скрывается какой-то блуждающий, таинственный дух.

Воскресенье, 3 апреля.—После обедни я отправился вместе с ка-

* Эти тринадцать видов относятся к следующим отрядам: из Coleoptera—один мелкий щелкун; из Orthoptera—один сверчок и один таракан; один вид Hemiptera; два вида Homoptera; из Neuroptera—Chrysopa; из Hymenoptera—два муравья; из Lepidoptera nocturna—Diopaea и Pterophorus (?); два вида Diptera.

** Kotzebue, First Voyage, vol. III, p. 222.

*** Большие клешни некоторых из этих раков замечательно устроены, так что если их отогнуть, то они образуют крышку для раковины, почти так же хорошо приспособленную, как и настоящие створки, принадлежащие моллюску. Меня уверяли—и, насколько я могу судить по собственному наблюдению, это совершенно справедливо,—что известные виды этих раков-отшельников пользуются всегда определенными видами раковин.

питаном Фиц Роем в селение, расположенное на расстоянии нескольких миль на мысе одного из островков, густо заросшем высокими кокосовыми пальмами. Капитан Росс и м-р Лиск живут в большом, открытом с обоих концов доме, похожем на сарай и обшитом снаружи цыновками из плетеной коры. Жилища малайцев расположены вдоль берега лагуны. Местность не представляет ничего отрадного, потому что нет ни садов, ни огородов—этих признаков тщательного ухода и обработки. Малайцы собраны с различных островков Ост-Индского архипелага, но говорят все на одном языке. Тут были уроженцы Борнео, Целебеса, Явы и Суматры. Цветом кожи они напоминают таитян да и чертами лица похожи на них; впрочем, некоторые из женщин приближаются скорее к китайскому типу. Мне понравились и наружность их, и звук их голоса. Видно было, что они бедны, их хижины были совершенно лишены обстановки; но по толщине маленьких детей можно было заключить, что кокосовые орехи и черепашье мясо пошли им впрок.

На этом острове находятся источники, из которых корабли добывают воду. С первого взгляда кажется крайне удивительным, что эти ручьи прибывают и сбывают регулярно вместе с приливом и отливом; думали даже, что песок может служить фильтром и что морская вода, просачиваясь через него, освобождается от соли. Такие прибывающие источники встречаются на многих из низменных островов Вест-Индии. Уплотненный песок или пористые коралловые скалы пропитываются, словно губка, соленой водой; но дождь, падающий на поверхность, должен проникнуть в почву до уровня окружающего моря и, собираясь там, вытеснить соответствующую массу соленой воды. По мере того как в нижних слоях губкообразной коралловой массы вода подымается и опускается с приливами и отливами, то же движение сообщается и воде, находящейся близко к поверхности почвы; и если коралловая масса достаточно компактна, чтобы не допустить механической примеси соленой воды, то вода в источнике останется пресной; но если в тех местах, где почва состоит из больших рыхлых глыб коралла с открытыми трещинами, вырыть колодец, вода в нем будет соленая, чему я и сам был свидетелем.

После обеда мы видели один любопытный полуязыческий обряд, исполненный малайскими женщинами. На могилу покойника они принесли большую, завернутую в одежду, деревянную ложку, которая, как гласит поверье, во время полнолуния одушевляется и начинает плясать и прыгать. После надлежащих приготовлений ложка, которую держали две женщины, начала дрожать и потом мерно заплясала под звуки песен, распеваемых окружающими женщинами и детьми. Зрелище было преглупое, но м-р Лиск уверяет, что многие малайцы убеждены в одухотворенности движений ложки. Пляска не начиналась до восхода луны, а этого восхода в самом деле стоило дождаться, чтобы увидеть ее светлый диск, спокойно сиявший сквозь длинные листья кокосовых пальм, колеблемых ночным ветерком. Впечатление, производимое подобным зрелищем в тропиках, само по себе до того очаровательно, что почти не уступит такого рода картинам родины, к которым привязывают нас все наши лучшие чувства и воспоминания.

Следующий день я употребил на исследование чрезвычайно любопытного, хотя и простого строения и происхождения этих островов. Так как море было необыкновенно спокойно, то я мог пройти в брод по наружной окраине вымерших кораллов до групп живых кораллов, о которые разбиваются волны открытого моря. Во многих углублениях и ямках я видел красивейших рыб зеленого и других цветов; формы и цвета многих зоофитов также удивительно красивы. Прийти в восторг от великого множества органических существ, которыми так изобилуют тропические моря, совершенно позволительно; однако, мне кажется, что естествоиспытатели, описывающие в столь известной форме подводные гроты, наполненные тысячами красот, впадают в излишнее красноречие.

6 апреля.—Вместе с капитаном Фиц Роем я отправился к острову, лежащему у самого входа в лагуну. Канал здесь был в высшей степени запутан, извиваясь между целыми полями изящно разветвленных кораллов. Мы видели нескольких черепах и встретили две лодки, занятые ловлей их. Вода до того мелка и прозрачна, что хотя черепаха сначала быстро уплывает из вида, но челнок или парусная лодка, преследующая ее, снова нагоняет ее довольно скоро. В этот момент один из охотников, стоящий наготове на носу лодки, прыгает в воду на спину черепахи и схватывает ее обеими руками за панцырь у ее шеи, черепаха тащит на себе человека до тех пор, пока не измучится, и тогда ее вытаскивают из воды. Чрезвычайно любопытно было наблюдать эту охоту: обе лодки обгоняли друг друга, а люди стремительно бросались в воду головой вниз, стараясь поймать добычу. Капитан Морсби сообщил мне, что жители архипелага Чагос, лежащего в этом же океане, снимают панцырь с живой черепахи очень жестоким способом. «Животное засыпают горячим углем, вследствие чего панцырь коробится; тогда его отделяют ножом, и пока еще он не остыл, выправляют между двумя досками. После этой варварской операции животное опять пускают в воду, где через несколько времени у него нарастает новый панцырь, который, впрочем, слишком тонок, чтобы приносить животному какую-либо пользу, и оно на всю свою жизнь остается слабым и болезненным».

Достигнув входа в лагуну, мы прошли мимо узкого островка и увидели мощный прибой, разбивающийся о наветренный берег. Не знаю почему, но вид наружного берега этих лагунных островов производит на меня всегда самое величавое впечатление. Так много простоты в этом, подобном барьеру, побережье, в кайме зеленых кустов и высоких кокосовых пальм, в плотной поверхности мертвого коралла, усеянной громадными обломками, и, наконец, в гряде этих бурных валов, которые набегают на берег со всех сторон. Океан, перекидывающий свои волны через широкие рифы, кажется таким непобедимым, всемогущим противником, и, однако, мы видим, как ему сопротивляются и даже как его побеждают средствами, которые на первый взгляд кажутся чрезвычайно слабыми и недействительными. Океан не щадит коралловых скал: большие обломки, разбросанные по рифам и нагроможденные на берегу там, где высится кокосовая пальма, ясно доказывают неумолимую силу волн. Промежутков покоя тут не бывает. Слабый, но постоянный пассат, вечно дующий на громадных протяжениях все по одному и тому же направлению,

разводит почти такое же сильное волнение, какое поднимают бури в наших умеренных широтах, но только эти волны никогда не улегаются. Глядя на них, приходишь к убеждению, что будь остров построен даже из самой твердой породы—из порфира, гранита или кварца,—он в конце концов должен был бы поддаться и был бы уничтожен этой непреодолимой силой. А между тем низкие, незначительные коралловые островки продолжают стоять и выходят из борьбы победителями, ибо на помощь им в борьбе является другая противодействующая сила. Органические силы выделяют из этих бурных пенистых волн атомы углекислой извести, которые мало-помалу соединяются в симметричные образования. Пусть ураган разбивает их на тысячи огромных обломков: какое значение это имеет по сравнению с совокупным трудом целых мириадов строителей, которые работают день и ночь месяц за месяцем? Таким образом, мы видим, что мягкое слизистое тело полипа действием жизненных законов побеждает великую механическую мощь морских валов, мощь, которую не могло бы одолеть ни искусство человека, ни какие бы то ни было неодушевленные силы природы.

Мы возвратились на корабль только поздно вечером, потому что долго оставались в лагуне, рассматривая коралловые поля и громадные раковины чамы (Chama)[272], которые замечательны тем, что если человек вложит в такую раковину свою руку, то не может вынуть ее, пока животное продолжает жить. Я был очень удивлен, увидев близ входа в лагуну большое пространство, гораздо больше квадратной мили величиной, покрытое лесом тонко ветвящихся кораллов, которые хотя и стояли прямо, но совершенно вымерли и сгнили. Сначала я никак не мог понять причины этого явления, но после сообразил, что оно происходит от следующего странного стечения обстоятельств. Прежде всего надо сказать, что кораллы не могут даже самое короткое время жить на открытом воздухе под солнечными лучами, так что верхний предел их роста определяется уровнем самого низкого отлива. Из старых карт видно, что длинный остров, обращенный к наветренной стороне, был прежде разделен посредством широких каналов на несколько островков. Этот факт подтверждается и тем, что деревья на месте прежних каналов гораздо моложе. При прежних условиях сильный ветер, перебрасывая гораздо бо́льшие массы воды через рифы, разумеется, подымал уровень воды в лагуне. Теперь же ветер действует как раз в обратном направлении, потому что вода в лагуне не только не прибывает от течений, идущих извне, но выгоняется оттуда наружу силой ветра. Вследствие этого замечено, что у входа в лагуну прилив во время сильного ветра подымается не так высоко, как в тихую погоду. Такое изменение уровня, хотя, несомненно, и очень незначительное, причинило смерть тем зарослям кораллов, которые при прежних более благоприятных условиях уже достигли возможного предела своей высоты.

В нескольких милях к северу от Килинга лежит другой маленький атолл, лагуна которого вся почти наполнена коралловым илом. Капитан Росс нашел в конгломерате внешнего берега этого острова округленный обломок грюнштейна величиной несколько больше человеческой головы. Он и бывшие с ним люди так удивились этому, что даже унесли этот камень с собой и берегут его как редкость. Без сом-

нения, чрезвычайно удивительно встретить такой камень в месте, где вся остальная почва состоит из одного только известняка. Путешественников на этом острове бывало, конечно, очень мало, и кораблекрушений, кажется, тоже не случалось. За отсутствием лучшего объяснения, я пришел к заключению, что он, вероятно, был принесен сюда на корнях какого-либо большого дерева; когда, однако, я принял во внимание, как далеко отстоит отсюда ближайшая земля, мне показалось невероятным, чтобы такое стечение обстоятельств могло вообще возникнуть: во-первых, нужно, чтобы такой камень был опутан корнями, потом, чтобы дерево попало в море, переплыло бы такие пространства, благополучно пристало бы к берегу и, наконец, отложило бы камень так, чтобы его легко можно было заметить. Такое средство к перемещению его мне самому показалось явно невозможным, и потому я с особым интересом прочел у Шамиссо, знаменитого натуралиста, сопровождавшего Коцебу, что жители Радакского архипелага, группы атоллов, лежащих в середине Тихого океана, употребляют для обтачивания своих инструментов камни, находимые ими в корнях деревьев, выброшенных на берег. Очевидно, что это много раз уже случалось, потому что у них был установлен закон, по которому такие камни признаются собственностью вождя и похититель этой собственности подвергается наказанию. Если принять во внимание уединенное положение этих маленьких островов среди обширного океана, их огромную отдаленность от всякой суши за исключением других коралловых островов (а это доказывается и той ценностью, которую туземцы, столь отважные мореплаватели, придают камням такого рода*, и, наконец, медленность течений в открытом океане, то случаи переноса камней таким способом кажутся просто изумительными. Может быть, камни часто так и переносятся, но если они попадают на острова, построенные не из кораллов, а из каких-нибудь других пород, то едва ли они будут замечены, по крайней мере, до происхождения их никто не стал бы доискиваться. К тому же этот способ переноса долго мог оставаться неизвестным, потому что деревья, а в особенности те, которые нагружены камнями, не всплывают на поверхность воды. В каналах Огненной Земли выбрасывается на берега множество перенесенных водой стволов и обломков деревьев, но крайне редко можно встретить плавающее на воде дерево. Эти факты, быть может, помогут объяснить появление отдельных остроконечных или округленных камней, находимых иногда в мелкозернистых пластах осадочного происхождения.

На другой день я посетил западный островок, на котором растительность была, кажется, роскошнее, чем на всех других островах. Кокосовые пальмы растут по большей части по одиночке, но здесь молодые деревья росли прямо под своими высокими родителями, и их длинные, изогнутые листья образовывали тенистые беседки. Только тот, кто сам испытал это, знает, какое наслаждение сидеть в тени таких деревьев и пить прохладную приятную жидкость кокосовых орехов. На этом острове есть обширное бухтообразное пространство, покрытое тонким белым песком; оно совершенно

* Когда Коцебу завез на Камчатку нескольких островитян, они занялись там собиранием камней для отвоза к себе на родину.

ровное и во время прилива заливается водой. Из этой большой бухты маленькие заливчики вдаются в окружающие леса. Своеобразное и красивое зрелище представляет эта поляна белого, блестящего песка, окруженная кокосовыми пальмами, склоняющими над нею свои высокие, гибкие стволы.

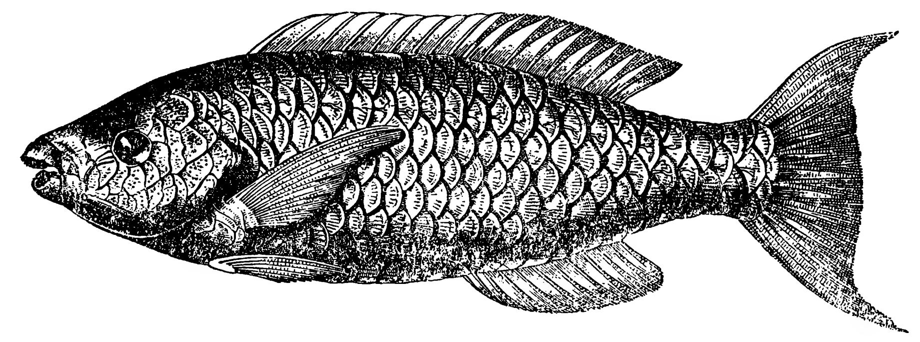
Я уже упомянул о крабе, питающемся кокосовыми орехами. Он встречается здесь повсюду на суше и достигает огромных размеров; это, кажется, *Birgos latro*[273] или очень близкий к нему вид. Передняя пара ног оканчивается сильными клешнями, а задняя—другими клешнями, которые у́же и слабее передних. С первого взгляда кажется невозможным, чтобы краб мог вскрыть крепкий кокосовый орех, покрытый скорлупой, но м-р Лиск говорил мне, что он сам не раз видел, как это делается. Сначала краб обрывает скорлупу, волокно за волокном, и всегда начинает с того конца, под которым находятся три впадины в виде глазков; когда это сделано, он начинает до тех пор колотить большими передними клешнями по одной из этих впадин, пока не пробьет в ней отверстия. Тогда он переворачивается и с помощью задних узких клешней достает из ореха белое белковидное вещество. Мне кажется, что это пример одного из любопытнейших инстинктов, о каких я когда-либо слышал, а также и удивительного приспособления в строении двух организмов, до такой степени, повидимому, далеких друг от друга в системе природы, как краб и кокосовая пальма. Birgos—дневное животное, но говорят, что по ночам он отправляется к морю, несомненно для того, чтобы смочить свои жабры. Молодые крабы также вылупляются из яиц и живут некоторое время на берегу. Эти крабы живут в глубоких норах, которые они вырывают под древесными корнями; они натаскивают туда невероятное количество волокон, собранных с шелухи кокосовых орехов, и на этой подстилке спят. Малайцы иногда пользуются этим и собирают эти волокна для изготовления пакли. Эти крабы очень вкусны; под хвостом тех из них, которые покрупнее, накопляется столько жира, что если его вытопить, получается иногда четверть бутылки прозрачного масла. Некоторые авторы утверждают, что Birgos взлезает на кокосовую пальму и ворует орехи. Я сильно сомневаюсь в возможности этого; в отношении пандануса* такое явление представляется гораздо более возможным[274]. М-р Лиск говорил мне, что на этих островах Birgos питается только теми орехами, которые упали на землю.

Капитан Морсби сообщил мне, что этот краб водится на архипелаге Чагос и на Сейшельских островах, но на соседнем с ними Мальдивском архипелаге не встречается. В прежние времена он попадался в большом количестве на острове Маврикия, но теперь там находят только очень мелкие экземпляры. В Тихом океане, говорят, этот вид или какой-то другой, по своим повадкам близкий к нему, живет** только на одном коралловом острове, к северу от островов Товарищества. В доказательство удивительной силы передней пары его клешней я приведу тот факт, что капитан Морсби запер одного из них в крепкую жестянку из-под сухарей, крышка которой была прикреплена

* См. Proceedings of Zoological Society, 1832, p. 17,
** Tyerman and Bennet, Voyage etc., vol. II, p. 33.

проволокой; но краб отогнул края жестянки и ушел. Отгибая края, он просверлил насквозь множество дырочек в жестянке!

Я очень удивился, когда оказалось, что два вида кораллов из рода Millepora *(M. complanata* и *alcicornis)* обладают способностью обжигать. Каменистые веточки или пластинки, когда их только что вынешь из воды, очень шероховаты и нисколько не слизисты, хотя издают сильный и неприятный запах. Способность обжигать, повидимому, неодинакова у различных экземпляров. Если кусочком этого коралла прижать или потереть нежную кожу на лице или на руках, то через секунду появляется ощущение как бы от укола булавкой; оно длится всего несколько минут. Один раз, однако, я едва дотронулся до лица такой веточкой, как сразу же почувствовалась боль, которая, как обычно, усилилась через пять секунд, в течение нескольких минут сохраняла свою остроту и даже спустя полчаса была еще ощутительна.



Scarus chlorodon, Jenyns (0,25 натуральной величины). Остров Килинг

Боль эта была так же сильна, как после ожога крапивой, но более похожа на ожог, причиненный физалией, или «португальским военным кораблем». Маленькие красные пятнышки появились на нежной коже руки, и я ожидал, что образуются водяные пузырьки, но пузырьков не оказалось. Об этом свойстве Millepora упоминает г. Коа; я слыхал, что в Ост-Индии встречаются жгучие кораллы. Повидимому, многие морские животные обладают этим свойством; кроме «португальского военного корабля», тем же свойством отличаются многие медузы, Aplysia, или морской слизень островов Зеленого Мыса, и, как установлено во время путешествия «Астролябии»[275], одна актиния, или морской анемон, а также одна гибкая кораллина, близкая к Sertularia[276], одарены этим средством нападения или обороны. В Ост-Индском море, говорят, найдена также одна жгучая водоросль.

Два вида рыб из рода Scarus[277], часто встречающиеся здесь, исключительно питаются кораллами; оба они прекрасного сине-зеленого цвета, один живет только в лагуне, а другой—между подводными рифами внешнего берега. М-р Лиск уверял нас, что не раз видел, как целые стаи их грызли своими крепкими костными челюстями верхушки коралловых веток. Я вскрывал несколько экземпляров этих рыб и нашел, что внутренности их наполнены желтоватым известковым песчаным илом. Слизистые отвратительные голотурии (близкие

к нашим морским звездам), которых так любят китайские гастрономы, также, по свидетельству доктора Оллена, поедают во множестве кораллы, и костный аппарат, заключенный внутри их тела, повидимому, прекрасно приспособлен для этой цели[278]. Эти голотурии, рыбы, многочисленные сверлящие моллюски и нереиды[279], протачивающие каждую глыбу мертвого коралла, без сомнения, активно участвуют в образовании тонкого, белого ила, устилающего дно и берега лагуны. Впрочем, профессор Эренберг нашел, что исследованное им небольшое количество этого ила, который в мокром состоянии совершенно похож на толченый мел, состоит частично из инфузорий с кремнистыми панцырями.

12 апреля.—Утром мы вышли из лагуны и направились к острову Иль де Франс. Я очень рад, что побывал на этих островах: эти образования несомненно относятся к числу наиболее любопытных явлений природы. Измеряя глубину океана на расстоянии лишь 2 200 ярдов от берегов, капитан Фиц Рой опустил лот в 7 200 футов длиной и все-таки не нашел дна. Следовательно, этот остров представляет собой высокую подводную гору со склонами более крутыми, чем даже у самых обрывистых вулканических конусов. Вдавленная в форме блюда вершина имеет около десяти миль в поперечнике и каждый отдельный атом* этой гигантской массы, которая, впрочем, все-таки мала по сравнению со многими другими атоллами,—каждая частица этой массы носит на себе отпечаток органического происхождения. Мы удивляемся, когда путешественники рассказывают нам об огромных размерах пирамид и других великих развалин; но до какой степени незначительны самые большие из них, если их сравнить с этими каменными горами, представляющими собой результат совокупной деятельности различных мельчайших и нежнейших животных. Это чудо, которое сначала нисколько не поражает нашего физического зрения, но после некоторого размышления повергает в изумление наш рассудок[281].

Постараюсь в самых кратких чертах описать все три рода коралловых рифов, а именно атоллы, барьерные рифы и береговые рифы, а также изложу свою точку зрения** на вопрос об их образовании. Почти каждый из путешественников, посещавших Тихий океан, выражал свое безграничное изумление при виде этих лагунных островов, или атоллов, как я отныне буду называть их сообразно их индийскому названию. Каждый из путешественников старался также по-своему объяснить их происхождение. Еще в 1605 г. Пирар де Лаваль восклицал: «C'est une merveille de voir chacun de ces atollons, environné d'un grand banc de pierre tout autour, n'y ayant point d'artifice humain»[282]. Прилагаемый рисунок [см. рис. на стр. 390], заимствованный из превосходного «Путешествия» капитана Бичи

* Разумеется, за исключением некоторого количества почвы, нарочно привезенной на кораблях из Малакки и Явы, а также нескольких небольших кусков пемзы[280], занесенных сюда волнами. Кроме того, нужно исключить упомянутый кусок грюнштейна, найденный на северном острове.

** Впервые я изложил ее в докладе, читанном в заседании Геологического общества в мае 1837 г. Впоследствии я развил мою мысль в особом сочинении под заглавием «Structure and Distribution of Coral Reefs»[283].

и представляющий остров Троицы [Уитсёндей, у восточных берегов Австралии] в Тихом океане, дает лишь очень слабое понятие о своеобразном виде атолла: этот—один из самых малых атоллов, и узкие островки его соединены между собою в одно кольцо. Безмерность океана и ярость прибоя образуют резкий контраст с низкой сушей и гладким обширным пространством зеленой воды внутри лагуны,—контраст, который трудно вообразить себе тому, кто не видел этого собственными глазами.

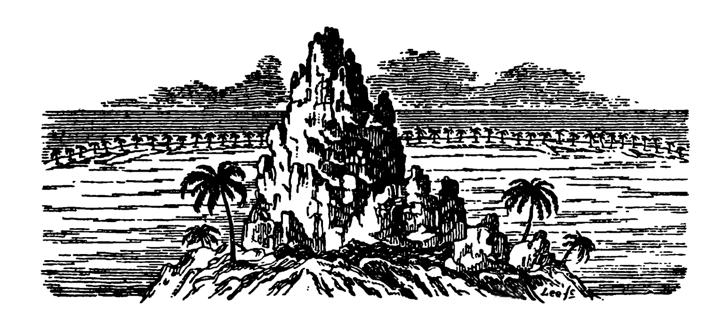
Старинные путешественники полагали, что животные, строящие коралловые рифы, инстинктивно располагали их в виде огромных колец, чтобы найти себе убежище в их внутренних частях; но это уже потому далеко от истины, что те массивные породы, которые растут на обращенных наружу берегах и от которых зависит самое существование рифа, не могут жить внутри лагуны, где процветают другие изящно разветвленные породы. Сверх того, приведенное воззрение заставляет предполагать, что тут для выполнения некоторой единой цели соединились многочисленные виды, принадлежащие к различным родам и семействам, чему нет ни одного примера в природе. Наиболее распространенная теория состояла в том, что атоллы построены на подводных кратерах; но эта теория теряет всякое вероятие, если принять во внимание форму и размеры некоторых атоллов, а также количество, относительное расстояние и положение других; так, например, атолл Суадива имеет в диаметре по одному направлению 44 географических мили, а по другому—34; атолл Римского имеет от 20 до 54 миль в поперечнике, и очертания его чрезвычайно извилисты; атолл Боу имеет в длину 30 миль, а в ширину, средним числом,—всего только шесть миль; атолл Меньшикова состоит из трех атоллов, соединенных или связанных друг с другом. Сверх того, упомянутая теория совершенно неприложима к северным Мальдивским атоллам Индийского океана (один из которых имеет в длину 88 миль, а в ширину от 10 до 20 миль), потому что они соединены между собою не узкими рифами, подобно обыкновенным атоллам, но огромным количеством отдельных маленьких атоллов, а из обширного центрального пространства воды, образующей лагуну, подымаются еще другие, меньшие атоллы. Третья и лучшая теория была выдвинута Шамиссо, который полагал, что так как наиболее энергично растут кораллы, обращенные к открытому морю,—а это несомненно так,—то всего скорее подымаются из общей основы те, которые расположены по внешнему краю, и этим-то и объясняется

кольцеобразное или чашеобразное строение их. Но мы сейчас увидим, что в этом случае, как и в теории кратеров, упущено было важнейшее обстоятельство, а именно—на чем же строители коралловых рифов, не могущие существовать на большой глубине, основали свои прочные постройки?

Капитан Фиц Рой произвел лотом множество тщательных промеров глубины на внешней, крутой стороне атолла Килинг, и оказалось, что на глубинах до 10 фатомов на сале, прикрепленном к лоту, всякий раз получались отпечатки живых кораллов, но в то же время оно было так чисто, как будто его опустили на свежий дерн; с увеличением глубины отпечатков становилось все меньше, зато к салу приставало все больше и больше песчаных частиц, пока, наконец, становилось ясно, что на дне остался ровный слой чистого песка, или, придерживаясь сравнения с дерном, кучки травы становились все жиже и реже, и почва сделалась, наконец, до того скудной, что ровно ничего не производила. Из этих и еще многих других наблюдений можно с достоверностью заключить, что наибольшая глубина, на которой кораллы могут строить рифы, колеблется между 20 и 30 фатомами. Между тем, в Тихом и Индийском океанах имеются громадные области, где решительно каждый остров принадлежит к числу коралловых образований, причем все они достигают только той высоты, до которой волны могут подбрасывать обломки, а ветры нагромождать кучки песка. Так, Радакская группа атоллов представляет неправильный четырехугольник в 520 миль длиной и в 240 миль шириной. Низменный архипелаг имеет форму эллипса, длинная ось которого равна 840, а короткая 420 милям. Между этими двумя архипелагами есть еще множество мелких групп и одиноких низменных островков, из которых ни один не превосходит своей высотой упомянутой черты; все это продолговатое пространство океана составляет более 4 000 миль в длину. В Индийском океане, опять-таки на пространстве в 1 500 миль в длину, встречаются три архипелага, в которых все острова низменные и все кораллового строения. Из того факта, что кораллы, строящие рифы, не могут жить на больших глубинах, следует с абсолютной ясностью, что на всем протяжении тех обширных площадей, на которых ныне встречаются атоллы, должны были первоначально существовать основы для таких построек на глубине от 20 до 30 фатомов от поверхности. В высшей степени невероятно, чтобы в самых центральных и глубоких частях Индийского и Тихого океанов, на огромном расстоянии от всех материков, и притом в местах, где вода совершенно прозрачна, могли образоваться широкие, высокие, изолированные, с крутыми склонами отмели из осадочных отложений, соединенные в группы и ряды в сотни лье длиною. Настолько же невероятно и то, чтобы силы поднятия могли на всем этом обширном пространстве выдвинуть вверх такое громадное количество обширных каменистых отмелей ровно до глубины от 20 до 30 фатомов, т. е. от 120 до 110 футов, под поверхностью моря, и ни единой вершины выше этого уровня. Где же во всем мире можно найти такую горную цепь, хотя бы в несколько сот миль длиной, многочисленные вершины которой имели бы более или менее одинаковую высоту, колеблющуюся лишь в пределах нескольких футов, и ни один пик не подымался бы выше этого уровня?

Если, однако, основания, на которых выросли атоллообразующие кораллы, не сложены из осадков и не приподняты из глубины океана до необходимого уровня, то из этого со всей необходимостью следует, что они опустились до этого уровня, и этим сразу разрешаются все затруднения. Ибо по мере того, как гора за горою и остров за островом медленно погружались под поверхность океана, они последовательно доставляли новые фундаменты, на которых кораллы могли расти. Здесь невозможно останавливаться на всех необходимых подробностях, но тем не менее я позволяю себе выразить сомнение * в том, может ли кто-либо иначе объяснить, как могло случиться, что на протяжении обширных пространств рассеяно такое множество островов, одинаково низменных, одинаково построенных из кораллов, безусловно нуждающихся для своего существования в твердой опоре, расположенной на определенной глубине под поверхностью океана.

Прежде чем приступить к объяснению того, каким образом атоллообразные рифы приобретают свое характерное строение, обратимся ко второму обширному классу, а именно к барьерным рифам. Они либо тянутся прямой линией, параллельно берегам какого-нибудь материка или значительного острова, либо же окружают малые острова. В обоих случаях они отделены от суши широким и сравнительно глубоким каналом, аналогичным лагуне внутри атолла. Удивительно, как мало внимания было обращено на окаймляющие барьерные рифы, тогда как строение их поистине замечательно. Нижеследующий рисунок представляет часть барьерного рифа, окаймляющего



остров Болабола в Тихом океане, так, как он виден с одного из центральных пиков острова. В данном случае весь ряд рифов превратился в сушу; но обычно светлозеленое пространство лагунного канала отделяется от темных, бурных валов океана белоснежной полосой пенистых бурунов, лишь изредка пересекаемых низкими островками,

* Замечательно, что м-р Ляйелль уже в первом издании своих «Основ геологии» упоминает, что в Тихом океане оседание происходило в бо́льших размерах, нежели поднятие; к такому выводу он приходит на основании того факта, что поверхность суши незначительна по сравнению с факторами, способствующими здесь ее образованию, а именно ростом кораллов и вулканической деятельностью.

на которых высятся кокосовые пальмы. И спокойные воды канала большей частью омывают полосу низменной наносной почвы, покрытой великолепнейшими тропическими растениями и лежащей у подошвы суровых, обрывистых центральных гор.

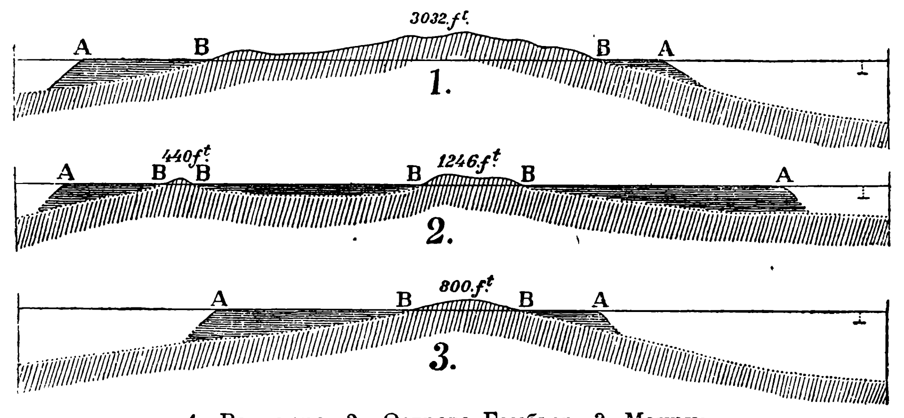
Окаймляющие барьерные рифы бывают всевозможных размеров: от трех миль и даже до сорока четырех миль в диаметре; риф, который тянется против берегов Новой Каледонии и огибает оба ее конца, имеет до 400 миль в длину. Каждый риф заключает в себе один, два или несколько скалистых островов различной высоты, а в одном случае такой риф охватывает до двенадцати отдельных островов. Риф проходит на бóльшем или меньшем расстоянии от охватываемой им суши: у островов Товарищества[284] он отстоит от одной до трех или четырех миль от берега, но в архипелаге Гоголеу с южной стороны он проходит в 20 милях от берега, а в северной—в 14. Глубина лагунных каналов также сильно вариирует, но вообще можно принять, что средняя глубина бывает от 10 до 30 фатомов. Однако, у Ваникоро в некоторых местах канал имеет не менее 56 фатомов, или 336 футов, глубины. С внутренней стороны риф или отлогим склоном сходит в лагунный канал, или кончается вертикальной стеной вышиною иногда от двухсот до трехсот футов под водою. С наружной стороны риф подымается, подобно атоллу, чрезвычайно круто из глубин океана. Что может быть необычайнее этих образований? Мы видим остров, который можно сравнить с замком, расположенным на вершине высокой подводной горы; он защищен громадной коралловой стеной, снаружи, а иногда и изнутри, всегда крутой; у стены этой широкая, ровная поверхность, прорезанная в нескольких местах узкими воротами, через которые самые большие корабли могут входить в широкий и глубокий ров, окаймляющий остров.

Что касается самого кораллового рифа, то нет никакой разницы в величине, очертании, группировке и даже в мелких подробностях строения между барьерными рифами и атоллами. Географ Бальби совершенно справедливо заметил, что остров, охваченный рифами, есть не что иное, как атолл, из лагуны которого подымается участок возвышенной суши: устраните эту сушу и останется настоящий атолл.

Но почему же эти рифы располагаются на таком большом расстоянии от берегов окаймляемых ими островов? Конечно, не потому, чтобы кораллы избегали селиться непосредственно около суши, ибо внутри лагунного канала по берегам, не покрытым слоем наносной почвы, очень часто встречаются целые полосы живых кораллов, а далее мы увидим, что существует целый разряд рифов, которые я назвал береговыми именно потому, что они тесно связаны с берегами островов и материков. На чем же, наконец, рифообразующие кораллы, не могущие жить на больших глубинах, основали свои окаймляющие строения? Мы видим здесь снова серьезное затруднение, подобное тому, которое мы имели в отношении атоллов, но на него-то именно вообще и не обращали внимания. Дело станет более ясным, если мы рассмотрим нижеследующие разрезы, соответствующие действительным, проведенным с севера на юг разрезам через острова Ваникоро, Гамбьер и Мауруа с их барьерными рифами; масштаб как в горизон-

тальном, так и в вертикальном направлении взят один и тот же, а именно четверть дюйма на милю.

Замечу еще, что, в каком бы направлении ни проводить такие разрезы через любой из этих или через многие другие окруженные рифами острова, общие очертания всегда будут одни и те же. Принимая во внимание, что рифообразующие кораллы не могут жить на бóльших глубинах, чем от 20 до 30 фатомов, а масштаб так мал, что отвесы, нарисованные с правой стороны, обозначают уже глубину в 200 фатомов, спрашивается: на чем же стоят эти барьерные рифы?



1. Ваникоро. 2. Острова Гамбьер. 3. Мауруа.

Горизонтальной штриховкой обозначены барьерные рифы и лагунные каналы. Косой штриховкой над уровнем моря (АА) обозначены современные очертания суши; той же штриховкой под линией уровня моря показано предполагаемое продолжение суши под водой.

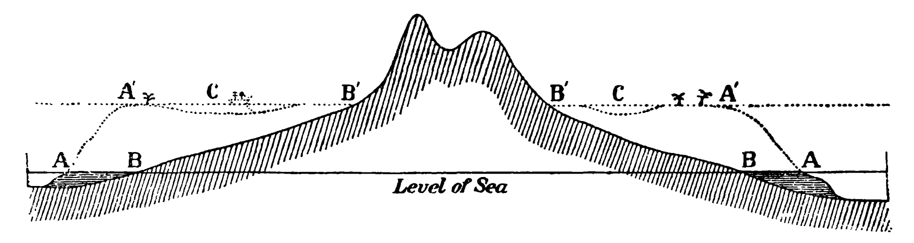
Можем ли мы предположить, что каждый остров окружен, словно ошейником, подводной каменной грядой или огромной отмелью осадочного происхождения, которая обрывается на том месте, где кончается риф? Если бы прежде, когда острова еще не были защищены рифами, море глубоко вдавалось в берега, образуя вокруг них подводные мели, то нынешние берега были бы неизменно ограничены огромными пропастями, что почти никогда не замечается. Сверх того эта теория не в состоянии объяснить, почему кораллы подымаются отвесной стеной на самом внешнем краю отмели, оставляя нередко широкие пространства воды с внутренней стороны, слишком глубокие для существования кораллов. Постепенное образование вокруг всех этих островов обширных отмелей осадочного происхождения, обычно тем более обширных, чем мельче окруженные ими острова, в высшей степени невероятно, принимая во внимание их незащищенное положение в самых центральных и глубоких частях океана. По отношению к барьерному рифу Новой Каледонии, который тянется на 150 миль далее самой северной точки острова все по тому же прямому направлению, по которому он шел вдоль западного его берега, едва ли возможно представить себе, что отмель осадочного характера могла быть отложена в столь прямом направлении против высокого острова и притом далеко за пределами крайних его бере-

гов в открытом океане. Наконец, если рассмотрим другие океанические острова, почти такой же высоты и подобного же геологического строения, но не окруженные коралловыми рифами, то нигде не найдем вокруг них такой незначительной глубины, как 30 фатомов, за исключением мест, непосредственно прилегающих к их берегам; ибо обычно суша, круто подымающаяся из воды,—безразлично, окружена ли она кольцом рифов или нет,—так же круто и опускается под воду. Но на каком же фундаменте, снова спрашиваю я, образовались в таком случае барьерные рифы? Отчего они не примыкают непосредственно к суше, а оставляют между ней и собой такие широкие и глубокие каналы, подобные рвам? Вскоре мы увидим, как просто разрешаются все эти трудности.

Займемся теперь третьим типом—береговыми рифами, о которых много распространяться нечего. Там, где суша круто спускается под воду, эти рифы имеют всего лишь несколько ярдов в ширину, образуя нечто вроде каймы или полосы вдоль берегов, но там, где берега отлоги, рифы распространяются гораздо дальше, иногда даже на целую милю от берегов; однако, в этих случаях промеры с наружной стороны рифов всегда показывают, что подводное продолжение суши постепенно понижается. В действительности рифы простираются только на такое расстояние от берегов, на котором дно океана не глубже 20—30 фатомов. Таким образом, этот тип рифов ничем существенным не отличается от барьерного рифа или от атолла; разница только в том, что береговой риф обыкновенно у́же и вследствие того образует гораздо меньше островков. Так как кораллы лучше растут на внешней стороне, а с внутренней стороны их росту препятствуют смываемые с берега осадочные слои, то наружный край рифа всегда самый высокий; и между этим краем и сушей образуется обыкновенно мелкий песчаный канал в несколько футов глубиной. Там, где отмели осадочного происхождения накопились близко к поверхности моря, как в некоторых частях Вест-Индии, они иногда покрываются каймой кораллов, и тогда они до некоторой степени похожи на лагунные острова, или атоллы; точно так же береговые рифы, окружающие острова с отлогими берегами, до некоторой степени напоминают барьерные рифы.

Ни одна теория образования коралловых рифов не может считаться удовлетворительной, если она не охватывает все три больших типа рифов. Мы уже видели, что оказалось необходимым допустить оседание этих обширных областей, усеянных низменными островами, из которых ни один не превышает черты, до которой волны и ветры могут наносить песок и камни; и вдобавок все эти острова построены животными, нуждающимися для своих построек в фундаменте, и фундамент этот должен находиться только на небольшой глубине. Итак, возьмем остров, окаймленный береговыми рифами, строение которых очень просто и легко объясняется; пусть этот остров со своими рифами,—на рисунке [см. стр. 396] остров и рифы представлены непрерывной линией,—медленно погружается в океан. Судя по всему, что известно об условиях, благоприятствующих развитию кораллов, мы можем с уверенностью утверждать, что по мере того, как остров будет опускаться,—сразу ли на несколько футов или незаметно для

глаза,—живые массы, омываемые прибоем волн на краю рифа, вскоре снова достигнут поверхности. Впрочем, вода будет постепенно наступать на берега, заливая их, остров будет становиться ниже и меньше, между тем как пространство, заключенное между внутренним краем рифа и берегами острова, будет пропорционально расширяться. Разрез рифа и острова в таком состоянии, после того как они опустились на несколько сот футов, изображен пунктиром. Предполагается, что на рифе образовались коралловые островки; в лагунном канале стоит на якоре корабль. Глубина этого канала может быть бо́льшей или меньшей и будет зависеть от степени оседания суши, от количества накопившихся в нем осадков и от развития мелковетвистых кораллов, которые могут жить в канале. В этом состоянии рассматриваемый разрез вполне сходен с разрезом, проведенным через остров, окруженный рифом; и фактически это действительный разрез (в масштабе 0,517 дюйма на 1 милю) через остров Болабола в Тихом океане.



AA. Наружные края окаймляющего рифа и уровень моря. BB. Берега окаймленного острова.

A'A'. Наружные края рифа, превратившегося—после роста рифа вверх в течение периода опускания—в барьерный риф с островками на нем. B'B'. Берега окруженного барьерным рифом острова. CC. Лагунный канал.

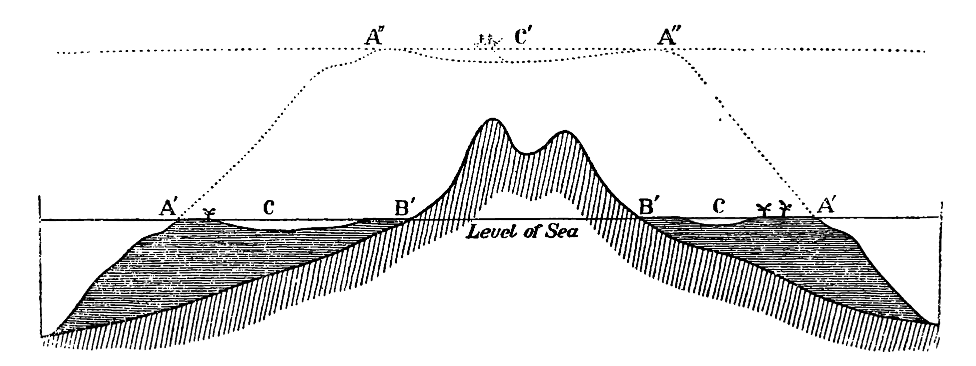
N.B. На этом и на следующем чертежах опускание суши можно было показать лишь мнимым поднятием уровня моря.

Теперь мы видим, почему кольцеобразные барьерные рифы располагаются так далеко от берегов, перед которыми они находятся. Мы видим также, что перпендикуляр, проведенный от внешнего края нового рифа вниз, к тому скалистому фундаменту, на котором построен первоначальный береговой риф, будет ровно на столько футов больше той незначительной глубины, на которой могут жить деятельные кораллы, на сколько футов произошло оседание: маленькие строители возводили свою массивную стену равномерно, по мере погружения суши, на фундаменте из других кораллов и их сцементировавшихся обломков. Таким образом, устраняется трудность, казавшаяся столь значительной.

Если вместо острова мы возьмем материк, окаймленный береговыми рифами, и предположим, что он погружается, то очевидно, что результатом этого будет возникновение громадного прямого барьерного рифа, подобного тому, какой мы видим в Австралии и в Новой Каледонии; риф этот будет отделен от суши широким и глубоким каналом.

Возьмем наш новый круговой барьерный риф, разрез которого изображен теперь непрерывной линией и который, как я уже указывал, представляет собой действительный разрез через остров Бола-

бола. Представим себе, что этот остров продолжает погружаться. По мере того, как барьерный риф медленно опускается, кораллы энергично растут, подымаясь все выше; но с погружением острова вода дюйм за дюймом затопляет его берега—сначала отдельные горы образуют изолированные островки внутри одного кольцеобразного рифа, и, наконец, последняя, самая высокая вершина исчезнет под водой. Как только это произойдет, мы получим настоящий атолл: я говорил уже, что если изнутри кольцеобразного барьерного рифа устранить возвышенный участок почвы, то получится атолл, а тут именно устранено центральное возвышение. Теперь мы видим, каким образом случается, что атоллы, образовавшиеся из кольцевых барьерных ри-



A′A′. Наружные края барьерного рифа с островками на нем и уровень моря. B′B′. Берега окаймленного барьерным рифом острова. CC. Лагунный канал. A″A″. Наружные края рифа, ныне превратившегося в атолл. C′. Лагуна вновь образовавшегося атолла.

N.B. По отношению к истинным масштабам глубина лагунного канала и лагуны сильно преувеличена.

фов, сходны с ними в общих размерах, форме, группировке и расположении одним или двумя рядами; их можно было бы назвать грубыми контурами погрузившихся островов, служащих им опорой. Далее мы увидим, почему в Тихом и Индийском океанах атоллы тянутся параллельно главному, преобладающему направлению возвышенных островов и больших береговых линий этих океанов. Я решаюсь поэтому утверждать, что теория направленного вверх роста кораллов, происходящего по мере оседания суши*, дает простое объяснение всех главных черт строения этих удивительных образований,—лагунных островов, или атоллов,—так долго возбуждавших внимание путешественников, а также не менее удивительных барьерных рифов, как огибающих кольцеобразно мелкие острова, так равно и распола-

* С особым удовлетворением я прочел следующие строки в брошюре м-ра Коутэй, одного из натуралистов большой антарктической экспедиции, снаряженной Соединенными штатами. «Я лично исследовал большое количество коралловых островов, кроме того, восемь месяцев провел на островах вулканического происхождения, снабженных частью береговыми, частью окаймляющими рифами, и на основании собственных наблюдений могу подтвердить справедливость теории м-ра Дарвина».—Однако, натуралисты этой экспедиции расходятся со мною в некоторых пунктах, относящихся к коралловым образованиям.

гающихся вдоль берегов континентов на протяжении многих сотен миль.

Меня могут спросить: какие же прямые доказательства могу я представить в пользу действительного оседания барьерных рифов или атоллов? Надо, однако, помнить о том, насколько трудно обнаружить движение, в результате которого опустившаяся часть суши скрывается под водой. Тем не менее в атолле Килинг я заметил, что со всех сторон лагуны старые кокосовые пальмы подмыты водой и падают, а в одном месте нижние венцы деревянного сарая, который, по свидетельству туземцев, семь лет назад стоял выше черты прилива, теперь ежедневно омывались приливом. По расспросам оказалось, что в последние десять лет здесь было три землетрясения, из которых одно очень сильное. У острова Ваникоро лагунный канал особенно глубок; у подошвы высоких окруженных рифом гор почти вовсе не накопилось еще наносной почвы, а на подобном стене барьерном рифе образовалось в результате нагромождения обломков и песка поразительно мало островков; из этих и некоторых аналогичных фактов я заключаю, что этот остров погрузился в воду, а риф вырос лишь в очень недавнее время; здесь также довольно часто происходят очень сильные землетрясения. С другой стороны, на островах Товарищества, где лагунные каналы почти совсем занесены, где накопилось много низменной аллювиальной почвы и где на барьерных рифах в некоторых местах образовались уже длинные островки,—все это факты, доказывающие, что эти острова в самое недавнее время не опускались,—землетрясения случаются крайне редко и притом очень слабые. По отношению к коралловым образованиям, где вода и суша вечно борются друг с другом за превосходство, всегда трудно определить, имеем ли мы дело с изменением положения черты прилива или с слабым оседанием почвы. Несомненно, что многие из этих рифов и атоллов подвергаются каким-то изменениям; на некоторых атоллах число островков, повидимому, значительно увеличилось в недавнее время; на других—островки сильно размыло, а местами и вовсе смыло. Жители некоторых островов Мальдивского архипелага знают, когда именно возникли впервые те или иные островки; в других местах кораллы успешно развиваются теперь на подводных рифах, которые, очевидно, были прежде обитаемой сушей, потому что в них заметны вырытые могилы. Трудно предположить, чтобы в открытом океане часто менялось направление приливных течений; наоборот, рассказы туземцев о землетрясениях на некоторых атоллах и большие трещины, замечаемые на других атоллах, с полной очевидностью доказывают наличие изменений и колебаний в подземных областях.

Согласно нашей теории, наличие у берегов одних только береговых рифов доказывает, что берега эти еще не оседали в сколько-нибудь значительной степени и, следовательно, в период роста своих кораллов они должны были или оставаться в покое или немного подниматься. И действительно, присутствие приподнятых органических остатков доказывает, что во всех без исключения случаях окаймленные береговыми рифами острова были подняты. Это обстоятельство служит косвенным подтверждением нашей теории. Этот факт особенно поразил меня, когда я, к удивлению, нашел, что описания гг. Коа и Гемара приложимы не, как предполагают они, ко всем во-

обще рифам, а только к береговым; изумление мое, однако же, исчезло, когда я впоследствии узнал, что по странной случайности все острова, посещенные этими знаменитыми натуралистами, должны быть отнесены, по их же собственным данным, к числу островов, возникших благодаря поднятию в течение современной геологической эры.

Теория оседания, которую мы необходимо должны принять для рассматриваемых нами местностей, так как иначе не найдем фундамента для кораллов в пределах требуемой для них глубины, не только объясняет главные черты строения барьерных рифов и атоллов и их сходство в форме, размерах и других признаках, но дает простое объяснение и многим деталям в их строении, а также и различного рода исключениям. Я приведу только несколько примеров. Давно уже с удивлением отмечали тот факт, что проходы в барьерных рифах всегда расположены прямо против долин опоясываемой ими суши, даже в тех случаях, когда риф отделен от суши лагунным каналом, очень широким и несравненно более глубоким, нежели самый проход, так что отнюдь нельзя предположить, чтобы те малые количества воды или осадков, которые сносятся вниз, могли разрушить кораллы рифа. Между тем в каждом береговом рифе даже самый маленький ручеек образует узкий проход, хотя бы ручеек этот бо́льшую часть года был вовсе безводен; это происходит от того, что ил, песок или гравий, даже случайно смытые вниз и осевшие на кораллах, убивают их. Поэтому, когда остров с береговыми рифами начнет оседать, то хотя бо́льшая часть таких узких проходов, по всей вероятности, закроется снова разрастающимися во все стороны кораллами, но некоторые останутся незакрытыми (и непременно должны остаться, так как куда-нибудь будут же стекать нечистая вода и осадки из лагунного канала), и это будут именно те проходы, которые находятся как раз против долин, при устье которых произошел прорыв первоначального берегового рифа.

Легко далее видеть, что если остров с одной только стороны сопровождается барьерным рифом или если один конец или оба конца острова оцеплены такими рифами, то после продолжительного оседания образуется или одиночный, подобный стене риф, или атолл с большой прямой вершиной, подымающейся из середины его, или, наконец, два или три атолла, соединенные между собой прямыми рифами,—подобные исключительные случаи действительно встречаются. Так как рифообразующие кораллы нуждаются в питании, сами служат пищей другим животным, гибнут, если их покрывают осадки, не могут расти на рыхлом дне и легко могут быть снесены на такие глубины, где они не могут расти, то нечего удивляться, что атоллы и барьерные рифы имеют во многих местах как бы незаконченный вид. Так, большой барьерный риф Новой Каледонии во многих местах не закончен и разломан; поэтому, несмотря на длительный период оседания, этот громадный риф не образует одного гигантского атолла в 400 миль длиной, но представляет только цепь или архипелаг атоллов, каждый почти таких же размеров, как в Мальдивском архипелаге. Кроме того, если атолл был сразу проломлен с двух противоположных концов, то, по всей вероятности, прямо через эти отверстия будут постоянно устремляться океанические и приливные течения, вследствие чего крайне невероятно, чтобы

кораллы, особенно при наличии продолжающегося оседания, были бы в состоянии когда-нибудь вновь соединить края разлома; а если этого не произошло, то с дальнейшим оседанием один атолл разделится на два или более отдельных атоллов. В Мальдивском архипелаге положение отдельных атоллов так ясно указывает на взаимную их связь, что, несмотря на чрезвычайную глубину разделяющих их каналов (некоторые каналы совсем не удается промерить лотом, каналы между атоллами Росса и Эри имеют глубину в 150 фатомов, а между северным и южным Нилланду 200 фатомов), стоит только взглянуть на карту, чтобы убедиться, что когда-то они были соединены. В том же архипелаге атолл Малос-Маду разделен разветвляющимся вилообразно каналом (от 100 до 132 фатомов глубиной) так, что трудно решить, три ли это отдельные атолла или один огромный атолл, еще не окончательно разделившийся.

Не стану входить в дальнейшие подробности; замечу только, что своеобразное строение северных Мальдивских атоллов (принимая во внимание, что морские течения свободно проходят через их проломленные края) очень просто объясняется разрастанием вверх и в стороны кораллов, первоначально основавшихся либо на отдельных мелких рифах, какие встречаются в лагунах обыкновенных атоллов, либо на разорванных участках продолговатого краевого рифа, окаймляющего всякий атолл обыкновенной формы. Я не могу удержаться от того, чтобы не отметить еще раз все своеобразие этих сложных строений: большой песчаный, бóльшей частью вогнутый диск круто подымается из бездонной глубины океана; центральное пространство его сплошь усеяно, а края симметрично окаймлены овальными бассейнами коралловой породы, едва достигающими поверхности моря; иные покрыты растительностью, и каждый заключает внутри себя озеро прозрачной воды!

Остановлюсь еще на одной детали: так как из двух соседних архипелагов на одном кораллы процветают, а на другом их вовсе нет, и так как на их существование влияет множество перечисленных выше условий, то при изменениях, которым подвергаются земля, воздух и вода, представлялось бы совершенно непонятным, если бы рифообразующие кораллы сохраняли вечно свою жизнь в одном и том же месте или области. А так как, согласно нашей теории, области, заключающие атоллы и барьерные рифы, опускаются, то должны встречаться рифы вымершие и затопленные. На всех рифах подветренная сторона наименее благоприятна для продолжительного, мощного роста кораллов, потому что в эту сторону направляются осадки, вымываемые из лагун и лагунных каналов; вследствие этого с подветренной стороны часто попадаются отмершие участки рифов, которые хотя и сохраняют еще свою стенообразную форму, но во многих случаях погрузились уже на несколько фатомов в воду. В архипелаге Чагос в настоящее время имеются какие-то условия, может быть чрезмерно быстрое опускание, которые оказываются значительно менее благоприятными для роста рифов, чем прежде: у одного атолла береговой участок в девять миль длиной отмер и затоплен водой; у другого осталось только несколько небольших живых участков, возвышающихся над поверхностью моря; третий и четвертый совсем отмерли и затоплены; пятый представляет собой обломок с почти

совершенно стертыми чертами строения. Замечательно, что во всех этих случаях отмершие рифы и участки их лежат почти на одинаковой глубине, именно от 6 до 8 фатомов под поверхностью моря, словно бы их увлекало вниз одно и то же равномерное движение. Один из этих «полузатопленных атоллов», как их называет капитан Морсби (которому я весьма обязан за множество ценных сведений), чрезвычайно велик; он простирается на девяносто морских миль в одном направлении и на семьдесят миль в другом и во многих отношениях в высшей степени любопытен. Так как из нашей теории следует, что, вообще говоря, в каждой новой области опускания должны возникать новые атоллы, то в случае, если невозможно было бы привести несомненных доказательств их разрушения, против теории можно было бы выдвинуть два веских возражения: во-первых, атоллы должны были бы неограниченно возрастать в числе, во-вторых, в прежних областях опускания каждый отдельный атолл должен был бы неограниченно возрастать в толщину. Таким образом, мы проследили историю этих громадных коралловых колец от первоначального возникновения их через все фазисы нормальных и случайных изменений в их существовании вплоть до их смерти и окончательного разрушения.

К моему сочинению о «Коралловых образованиях»[285] я приложил карту, на которой атоллы обозначены темносиней краской, барьерные рифы—бледноголубой, а береговые—красной. Последние образовались в период покоя страны или, как то доказывает иногда присутствие поднятых из океана органических остатков, в период медленного поднятия; напротив, атоллы и барьерные рифы выросли в процессе прямо противоположного движения—опускания, которое должно было совершаться крайне медленно и постепенно, но в громаднейших размерах, так как на обширных пространствах океана, усеянных атоллами, погрузились в воду все горные вершины. Как мы видим на этой карте, рифы, окрашенные голубой и синей краской и возникшие в результате движения одного и того же рода, как правило располагаются по соседству друг с другом. Мы видим также, что области с синими и голубыми рифами очень обширны и расположены отдельно от длинных линий берегов, окрашенных в красный цвет, чего, естественно, и следовало ожидать в силу теории, согласно которой природа рифов определяется природой движений земной коры. Замечательно, что в нескольких случаях, когда голубые и красные круги сближаются, я в состоянии доказать, что в этих пунктах происходило колебание уровня, ибо в этих случаях красные, или береговые, круги состоят из атоллов, которые первоначально, согласно нашей теории, образовались в период опускания, а впоследствии были подняты; с другой стороны, некоторые из голубых, т. е. окаймленных рифами, островов сложены из коралловой породы, поднятой, повидимому, на свою теперешнюю высоту до того, как произошло то опускание, во время которого нынешние барьерные рифы выросли и поднялись вверх.

Многие ученые с удивлением замечали, что хотя атоллы принадлежат к числу обыкновенных коралловых строений, широко распространенных в океанах, но в некоторых морях, например в Вест-Индии, их совершенно нет. Теперь мы видим, от чего это зависит:

там, где не было опускания, атоллы не могли образоваться. В Вест-Индии и отчасти в Ост-Индии, как известно, в течение недавнего периода происходило поднятие. Все обширные пространства, окрашенные в красный и синий цвет, имеют продолговатую форму; притом в порядке распределения их замечается некоторое чередование, как будто поднятие одной части уравновешивалось опусканием другой. Принимая во внимание доказательства недавнего поднятия берегов, как окаймленных береговыми рифами, так и некоторых других (например, в Южной Америке), не окаймленных рифами, мы приходим к заключению, что все большие материки суть по большей части области подымающиеся, а центральные части больших океанов, если исходить из природы коралловых рифов, суть области опускающиеся. Ост-Индский архипелаг—наиболее раздробленная на части страна в мире—представляет собой в большей своей части область поднятия, но последняя окружена и прорезана, вероятно, в нескольких направлениях, узкими областями опускания.

Я отметил яркокрасным цветом все известные ныне действующие вулканы, существующие в пределах области, изображенной на этой карте. Полное отсутствие их в любой из великих областей опускания, окрашенных в голубой или синий цвет, чрезвычайно поразительно; не менее замечательно совпадение главных вулканических цепей с частями, окрашенными в красный цвет, относительно которых мы пришли к заключению, что они либо давно находятся в периоде покоя, либо, как это чаще бывает, были недавно подняты из океана. Хотя несколько яркокрасных пятен находятся на небольшом расстоянии от отдельных голубых кружков, тем не менее ни один действующий вулкан не расположен ближе нескольких сот миль от какого-либо архипелага или даже от небольшой группы атоллов. Тем более удивителен тот факт, что в архипелаге Дружбы,[286] состоящем из группы атоллов, поднятых и отчасти уже размытых, два вулкана, а может быть и более, действовали, как известно, в историческое время. С другой стороны, хотя бóльшая часть островов Тихого океана, окаймленных барьерными рифами, вулканического происхождения, часто с различимыми еще остатками кратеров, но ни об одном из них неизвестно, чтобы он когда-либо действовал. Из этих обстоятельств можно сделать тот вывод, что вулканы действуют или потухают в данной местности, смотря по тому, какое движение там преобладает— поднятие или опускание. Можно привести множество фактов в подтверждение того, что всюду, где имеются действующие вулканы, обычно встречаются и органические остатки, поднятые со дна моря; но до тех пор, пока не было доказано, что в областях опускания вообще не бывает вулканов или они бывают только в потухшем состоянии, нельзя было с достоверностью утверждать, как бы это само по себе не казалось вероятным, что распределение их зависит от поднятия или опускания земной поверхности. Теперь же, я полагаю, мы можем смело принять этот важный вывод.

Бросим последний взгляд на карту: вспоминая приведенные данные относительно органических остатков, поднятых из глубины океана, мы испытываем чувство изумления перед обширностью тех областей, уровень которых подвергался колебаниям по направлению вверх или вниз в течение периода, геологически не очень отдаленного.

Оказывается также, что движения поднятия и опускания повинуются приблизительно одним и тем же законам. На усеянных атоллами пространствах, где над поверхностью океана не осталось ни одной горной вершины, опускание в сумме должно было достигнуть громадных размеров. Помимо того опускание,—совершалось ли оно непрерывно или с промежутками, достаточно долгими для того, чтобы кораллы успевали вновь нагромоздить свои живые постройки вплоть до поверхности океана,—должно было обязательно происходить крайне медленно. Этот вывод, по всей вероятности, наиболее важный из всех, полученных нами в результате изучения коралловых образований; и трудно себе представить, каким иным путем можно было бы притти к такому выводу. Не могу также не упомянуть о вероятности существования в прежние времена обширных архипелагов высоких островов на тех местах, где теперь кольцеобразные коралловые рифы едва нарушают однообразие поверхности океана; этим можно в некоторой степени объяснить распределение живых существ на других высоких островах, ныне расположенных так далеко друг от друга в пространствах громадных океанов. Кораллы, строители рифов, воздвигли и сохранили нам чудесные напоминания о подземных колебаниях уровня; в каждом барьерном рифе мы видим доказательство того, что в этом месте опустилась суша, в каждом атолле—памятник, воздвигнутый на острове, ныне исчезнувшем. Таким образом, мы, подобно геологу, который прожил десять тысяч лет и составил летопись происходивших перемен, получаем возможность в известной мере проникнуть в тот великий порядок, в результате которого поверхность земного шара оказалась раздробленной на части, а суша и море сменяли друг друга.[287]

ГЛАВА XXI

ОТ МАВРИКИЯ ДО АНГЛИИ

Остров Маврикия, его живописный вид.—Большое кратерообразное кольцо гор.—Индусы.—Остров Св. Елены.—История изменений растительности.—Причина исчезновения наземных моллюсков.—Остров Вознесения.—Разновидности ввезенных крыс.—Вулканические бомбы.—Пласты инфузорий.—Байа.—Бразилия.—Великолепие тропического пейзажа.—Пернамбуко.—Странный риф.—Невольничество.—Возвращение в Англию.—Обзор нашего путешествия.

29 апреля.—Утром мы обогнули северную оконечность острова Маврикия, или Иль де Франс. Вид на остров с этого пункта вполне оправдал наши ожидания, возбужденные многочисленными широко известными описаниями его красот. Покатая равнина Памплемусс, с разбросанными по ней домиками и с обширными яркозелеными плантациями сахарного тростника, составляла передний план пейзажа. Яркость зелени была тем поразительнее, что этот цвет обыкновенно становится различимым лишь на самом близком расстоянии. В центре острова, возвышаясь над этой превосходно обработанной равниной, подымались покрытые лесом горы; их вершины, как то часто случается с древними вулканическими скалами, представляют собой ряд остроконечных зубцов. Белые облака во множестве клубились вокруг этих зубцов, словно бы для того, чтобы усладить взоры путешественника. Весь остров со своими отлогими берегами и центральной массой гор производил удивительно изящное, гармоничное (если можно так выразиться) впечатление.

Бóльшую часть следующего дня я использовал на прогулки по городу и посещение разных лиц. Город довольно обширен; в нем, говорят, 20 000 жителей. Улицы очень чисты и правильны. Несмотря на то, что остров так давно уже находится под английским управлением, он носит чисто французский характер [288]. Даже англичане говорят со своими слугами по-французски, и магазины все французские. Мне кажется, что даже Кале или Булонь больше похожи на английские города [289]. Здесь имеется очень красивый небольшой театр, в котором отлично исполняют оперу. Не мало удивил нас также вид больших книжных лавок, снабженных множеством книг. Наличие музыки и чтения доказывало, что мы приближаемся к старому цивилизованному миру, так как Америка и Австралия—миры во всех отношениях новые.

Наиболее интересное зрелище в Порт Луи—представители различных человеческих рас, встречающиеся на улицах. Сюда ссылают навсегда преступников из Индии: теперь их здесь до 800 человек, и их используют для различных общественных работ. До этого времени я и не представлял себе, что обитатели Индии имеют столь благородную внешность. Цвет кожи их очень темный, и у многих стариков большие усы и длинные бороды, совершенно белые; в соединении с воодушевленным выражением лица это придает им чрезвычайно внушительный вид. Большинство их сослано сюда за убийства и другие тяжкие преступления; другие же—по причинам, которые едва ли можно назвать преступлениями против нравственности, именно за неповиновение английским законам из-за религиозных предрассудков. Вообще они народ тихий и ведут себя превосходно. Их поведение, опрятность и строгое исполнение странных обрядов религии заставляют смотреть на них совсем другими глазами, чем смотришь на наших ссыльных преступников в Новом Южном Уэльсе.

1 мая.—Воскресенье. Я отправился гулять по морскому берегу к северу от города. В этой части острова равнина совершенно не обработана и состоит из пласта черной лавы, поросшего жесткой травой и кустарниками, принадлежащими большей частью к мимозам. Пейзаж по своему характеру представляет как бы нечто среднее между Галапагосскими островами и Таити, но вряд ли эти слова помогут кому-нибудь составить себе сколько-нибудь определенное представление о нем. Хотя эта страна очень красива, но не обладает ни очаровательностью Таити, ни великолепием Бразилии. На следующий день я взобрался на Ла Пус, гору, названную так по похожему на большой палец руки[290] выступу ее; она расположена непосредственно за городом и достигает высоты в 2 600 футов. Центр острова представляет собой обширную площадку, окруженную древними изломанными базальтовыми горами, которые сложены из пластов, имеющих наклон к морю. Центральная площадка, образованная сравнительно недавними потоками лавы, имеет форму овала, короткая ось которого простирается на тринадцать географических миль. Наружное кольцо окружающих гор принадлежит к разряду тех образований, которые называются кратерами поднятия; предполагают, что они образовались не как обыкновенные кратеры, но вследствие внезапного и сильного поднятия почвы[291]. Мне кажется, что против такого воззрения можно привести решительные возражения; с другой стороны, мне кажется невероятным, как в этом, так и во многих других случаях, чтобы эти образующие внешнее краевое кольцо кратерообразные горы были ни чем иным, как сохранившимися основаниями громадных вулканов, вершины которых выветрились или были поглощены подземными безднами.

С этого возвышенного пункта мы наслаждались превосходным видом на остров. С этой стороны местность представляется прекрасно обработанной: земля разбита на участки, повсюду виднеются домики фермеров. Но меня уверяли, что не более половины всего острова использовано пока под сельское хозяйство. Если это так, то, судя по громадному вывозу сахара в настоящее время, можно предвидеть, что со временем, когда население станет гуще, этот остров получит большое значение. С тех пор как Англия овладела им, т. е. в течение

последних 25 лет, вывоз сахара, говорят, увеличился в 75 раз. Одна из главных причин его процветания—отличное состояние дорог. На соседнем острове Бурбоне, остающемся до сих пор под французским владычеством, дороги находятся все в таком же плачевном состоянии, в каком были здешние дороги несколько лет тому назад. Хотя французские поселенцы должны были значительно выиграть в результате возросшего благосостояния их острова, однако, английское правительство здесь далеко не популярно.

3 мая.—Вечером инспектор по съемке, капитан Ллойд, столь широко известный своим исследованием Панамского перешейка, пригласил м-ра Стокса и меня к себе на дачу, которая находится в 6 милях от города, на краю равнины Вильем. Мы пробыли два дня в этом прекрасном месте; оно лежит на высоте 800 футов над уровнем моря, и воздух здесь свежий и прохладный; вокруг имеются великолепные места для прогулок. Поблизости оттуда, в пласте слегка наклонного потока лавы, идущего от центральной площадки, прорыт водой огромный овраг, глубиной в 500 футов.

5 мая.—Капитан Ллойд водил нас к берегам лежащей в нескольких милях к югу Черной речки, чтобы я мог осмотреть там несколько утесов кораллового строения, приподнятых со дна моря. Мы ехали прелестными садами и плантациями сахарного тростника, расположенными между огромными глыбами лавы. Дороги были обсажены изгородями из мимоз, а к некоторым домам вели аллеи из манговых деревьев. Некоторые виды на остроконечные холмы, расположенные рядом с обработанными полями, были очень живописны, и мы невольно каждый раз восклицали: «Как приятно было бы провести жизнь в таком чудном местечке!». У капитана Ллойда был свой слон, и он предоставил его нам на половину дороги; таким образом, мы насладились этим индийским способом передвижения. Всего больше удивляла меня полная беззвучность его походки. До сих пор этот слон единственный на острове, но говорят, что уже выписывают других.

9 мая.—Мы отплыли из Порт Луи и, остановившись по дороге у мыса Доброй Надежды, 8 июля прибыли к острову Св. Елены. Этот остров, непривлекательный вид которого так часто описывали, круто подымается из океана наподобие большого черного замка. Возле города, как бы для дополнения естественной защиты, маленькие укрепления и пушки разбросаны повсюду в расщелинах среди зубчатых утесов. Город лежит в узкой и плоской долине; дома имеют порядочный вид и между ними виднеются немногочисленные деревья. Когда мы приблизились к пристани, перед нами развернулся замечательный вид: замок несимметричной постройки, стоящий на самой вершине высокого холма и окруженный несколькими соснами, резко выступал на фоне неба.

На следующий день я поселился поблизости от гробницы Наполеона*, на расстоянии, с которого можно бросить камень в нее. Это место

* После целых томов, наполненных красноречивыми излияниями по поводу этой гробницы, я едва смею упомянуть о ней. Один современный путешественник, посвящающий строк двенадцать острову Св. Елены, наделяет этот жалкий маленький остров следующими словами: могила, гробница, пирамида, кладбище, памятник, катакомба, саркофаг, минарет и мавзолей!

самое центральное, откуда удобно делать экскурсии по всем направлениям. В течение четырех дней, проведенных мною здесь, я бродил по острову с утра до ночи, изучая его геологическое строение. Я жил на высоте около 2 000 футов, где погода была холодная и бурная и непрерывно лил дождь; время от времени весь пейзаж заволакивался густыми облаками.

Возле берега неровная лава совершенно обнажена; в центральных, более высоких местах скалы полевого шпата подверглись разложению и образовали глинистую почву, которая в местах, не покрытых растительностью, расположилась широкими полосами различных ярких цветов. В это время года земля, увлажненная постоянными дождями, покрыта яркозеленой травой, которая по направлению к низменным частям острова постепенно все более блекнет и, наконец, совсем исчезает. Под 16° широты и на незначительной высоте в 1 500 футов над уровнем моря чрезвычайно странно встретить растительность, имеющую вполне английский характер. Холмы покрыты неправильными насаждениями шотландских сосен, а отлогие берега густо заросли кустами дрока с его яркожелтыми цветами. По берегам ручьев часто встречаются плакучие ивы, а живые изгороди образованы кустами ежевики, покрытой своими хорошо известными плодами. Если принять во внимание, что число растений, найденных до настоящего времени на острове, равно 746 и что из них только 52 местных вида, а прочие все ввезены, и главным образом из Англии, то легко понять, почему растительность имеет английский характер. Многие из этих английских растений процветают здесь, повидимому, гораздо лучше, чем на своей родине; впрочем, и некоторые виды, ввезенные из противоположной части света—Австралии, тоже разрослись здесь чрезвычайно хорошо. Многочисленные ввезенные растения, вероятно, вытеснили и уничтожили многие местные виды, и только на самых крутых и высоких горах преобладает теперь местная флора.

Английский, или, скорее, валлийский[292], характер пейзажа значительно усиливается еще множеством коттеджей и беленьких домиков, из которых иные прячутся в глубине долин, а другие стоят на вершинах высоких холмов. В некоторых местах виды поразительны, как, например, вид с места близ дома сэра У. Дэвтона: оттуда, из-за темной массы густого соснового бора, виднеется крутая вершина горы, называемой Лот, и все это рисуется на красном фоне размытых водою гор южного берега. Обозревая остров с возвышенного пункта, прежде всего поражаешься громадным количеством укреплений и дорог; труд, затраченный на общественные работы,—если отвлечься от того, что этот остров служит местом ссылки,—совершенно несоразмерен с пространством и значением острова. Здесь так мало плодородной и вообще удобной земли, что удивительно, как может прокармливаться тут население, состоящее из 5 000 человек. Низшие классы, т. е. эмансипированные невольники, чрезвычайно бедны и жалуются на недостаток работы. По всей вероятности, бедность еще увеличится вследствие уменьшения числа служащих, так как Ост-Индская компания отказалась от этого острова, и богатые люди большей частью разъехались. Рис с небольшим количеством соленого мяса составляют главную пищу рабочего класса, а так как оба эти продукта привозные и нужно их покупать, то незначитель-

ность заработной платы очень тяжело сказывается на положении неимущего населения. Теперь, когда народ этот получил свободу[293] и, кажется, умеет ценить это благо, народонаселение, по всей вероятности, начнет быстро увеличиваться, и если это действительно случится, то что же будет с маленьким островом Св. Елены?

Мой проводник был человек пожилой; в детстве он пас коз и знал каждую тропинку в скалах. Он принадлежал к расе, неоднократно подвергавшейся скрещиванию, но хотя цвет его кожи был смуглый, лицо его не отличалось неприятным выражением, характерным для мулатов. Это был чрезвычайно вежливый и спокойный старик, и это, повидимому, общая черта всего здешнего простого народа. Мне было очень странно слышать, как этот человек, уже седой и очень прилично одетый, равнодушно толковал о тех временах, когда он был невольником. Я каждый день совершал длинные прогулки с этим проводником, который нес наши съестные припасы и рог с пресной водой, что здесь совершенно необходимо, потому что во всех нижних долинах вода солоноватая.

Внизу, под верхним поясом зеленеющих центральных гор, лежат дикие, пустынные долины, совершенно необитаемые. Тут есть места, чрезвычайно интересные для геолога, потому что видна вся последовательность изменений и порядок сложных переворотов. На мой взгляд, остров Св. Елены уже чрезвычайно давно существует именно в виде острова, однако, заметны еще некоторые неясные следы поднятия суши. Я думаю, что высочайшие центральные вершины представляют собой части края огромного кратера, южная половина которого совершенно снесена волнами океана; кроме того, существует еще наружная стена черной базальтовой породы, вроде береговых гор острова Маврикия, и эта стена древнее центральных вулканических потоков. В высочайших частях острова встречаются в значительном количестве погребенные в почве раковины, которых долго принимали за морские виды. Оказывается, однако, что это Cochlogena[294]—наземный моллюск очень своеобразной формы*; вместе с нею я нашел шесть других видов, а в другом месте еще восьмой вид. Замечательно, что ни один из этих видов не находят в настоящее время живыми. Исчезновение их, вероятно, следует приписать полному уничтожению лесов, вследствие чего они лишились пищи и приюта, что случилось в начале прошлого столетия.

Чрезвычайно любопытна история изменений, которым подверглись возвышенные равнины Лонгвуд и Дедвуд и которые изложены генералом Бетсоном в его описании острова. Там сказано, что обе эти равнины в прежние времена были покрыты лесами, и место это называлось тогда Большим Лесом. Еще в 1716 г. там было много деревьев, но в 1724 г. бóльшая часть старых деревьев свалилась, а так как там паслись свиньи и козы, то все молодые деревца были истреблены ими. Несколько лет спустя, как видно из официальных отчетов, совершенно неожиданно на месте прежних лесов выросла жесткая трава, которая распространилась повсюду**. Генерал Бетсон прибавляет,

* Достойно замечания, что все многочисленные экземпляры этого вида, найденные мною в одной местности, отличаются в качестве резко выраженной разновидности от серии экземпляров, найденных в другой местности.

** Beatson, St. Helena. Introductory chapter, p. 4.

что в настоящее время равнина эта «покрылась прекрасной муравой и превратилась в лучшее пастбище на всем острове». Пространство, некогда покрытое, по всей вероятности, лесом, занимает около двух тысяч акров земли, и на всем этом протяжении теперь едва ли найдешь хотя одно деревцо. Говорят также, что в 1709 г. в Сэнди Бэй было огромное количество поваленного леса; теперь же это место до того обнажено и пустынно, что если бы не достовернейшие свидетельства, я бы никогда не поверил, что тут когда-либо могли расти деревья. Тот факт, что козы и свиньи уничтожали все молодые, только что появлявшиеся деревца и что в течение этого времени старые деревья, не подвергавшиеся их нападениям, гибли от старости, положительно доказан. Козы привезены сюда в 1502 г.; известно, что восемьдесят шесть лет спустя, в бытность там Кевендиша, они неимоверно размножились. Больше, чем через сто лет, в 1731 г., когда зло уже совершилось и исправить его было невозможно, был издан приказ об уничтожении всех бродячих животных. Таким образом, мы узнаем любопытный факт, что появление животных на острове Св. Елены в 1501 г. не раньше, как через двести двадцать лет, успело изменить вид страны, ибо козы ввезены в 1502 г., а в 1724 г., как говорят, «большая часть старых деревьев свалилась». Нет сомнения, что такой великий переворот в растительном мире должен был отразиться не только на наземных моллюсках, из которых, как мы видели, восемь видов совершенно вымерли, но и на множестве насекомых.

Остров Св. Елены, лежащий так далеко от всякого материка, посреди великого океана, и обладающий совершенно особой, только ему свойственной флорой, возбуждает наше любопытство. Восемь видов наземных моллюсков, в настоящее время вымерших, и один ныне живущий вид из рода Succinea—также совершенно особые, нигде больше не встречающиеся виды. Впрочем, м-р Кёминг сообщил мне, что здесь попадается во множестве одна английская улитка (Helix), яйца которой, без сомнения, завезены вместе с каким-нибудь растением. М-р Кёминг собрал на берегу 16 видов морских моллюсков, из которых семь, насколько ему известно, водятся только на этом острове. Птиц и насекомых*, как и следовало ожидать, здесь

* В числе этих немногих насекомых я с удивлением нашел один мелкий вид из рода Aphodius *(nov. spec.)*, а также один вид Orycteѕ, которые в огромном количестве водятся под навозом. В ту эпоху, когда остров был открыт, на нем, конечно, не было ни одного четвероногого, кроме, *может быть*, мыши, и то не наверно; поэтому чрезвычайно трудно установить, случайно ли завезены сюда эти питающиеся навозом насекомые или же, если они являются аборигенами острова, чем они питались в прежнее время. На берегах Ла Платы, где вследствие громадного количества лошадей и рогатого скота травянистые равнины обильно удобряются навозом, не встречаются, однако, многие роды питающихся навозом жуков, которые в изобилии водятся в Европе. Под навозом часто встречаются там один только вид Oryctes (в Европе этот род питается больше гниющими растительными веществами) и два вида из рода Phanaeus. По ту сторону Кордильер, на Чилоэ, чрезвычайно обилен другой вид Phanaeus, который зарывает навоз рогатого скота в землю в виде больших земляных шаров. Есть основание полагать, что до введения рогатого скота Phanaeus являлся мусорщиком по отношению к человеку. В Европе жуки, питающиеся веществами, которые уже служили пищей другим более крупным животным, до того многочисленны, что их насчитывают гораздо более ста видов. Зная это и наблюдая, какое количество пищи этого рода остается втуне на берегах Ла Платы, я полагал, что предо мною пример того, как вмешательство человека прерывает цепь, связующую столь

очень мало; я даже думаю, что все птицы ввезены сюда весьма недавно. Куропаток и фазанов довольно много; английские традиции здесь настолько сильны, что остров не обошелся без строжайших постановлений насчет охоты за дичью. Мне говорили об одной жертве, принесенной ради этих законов, гораздо более несправедливой, чем все, что̀ мне когда-либо приходилось слышать в Англии. По утесам растет здесь какая-то трава, которую местные бедняки прежде жгли и добывали из ее пепла поташ; но неожиданно был издан приказ, воспрещавший им этот промысел под тем предлогом, что куропаткам негде будет вить гнезда!

Во время моих прогулок я не раз проходил через окруженную глубокими лощинами травянистую равнину, на которой стоит Лонгвуд. На небольшом расстоянии он имеет вид обыкновенного сельского жилища зажиточного джентльмена. Перед ним расстилаются обработанные поля, а сзади высятся разноцветные горные породы отлогого холма, называемого Флагштоком, и угловатая, квадратная черная масса Барна. Вообще, вид был мрачный и непривлекательный. Единственное неудобство, которое я испытывал во время моих прогулок, были порывистые ветры. Однажды я наблюдал любопытное явление: я стоял на краю равнины, которая заканчивается большим скалистым обрывом, имеющим около тысячи футов в глубину, и увидел перед собой на расстоянии нескольких ярдов, как раз с наветренной стороны, чайку, которая боролась против сильнейшего ветра, между тем как на том месте, где я стоял, было совершенно тихо. Подойдя к самому обрыву, где течение воздуха, вероятно, отражалось стеной утеса, я протянул руку и немедленно ощутил напор крепкого ветра; невидимая преграда в два ярда шириной отделяла спокойный воздух от этого бурного порыва ветра.

Мне так понравилось бродить по горам и утесам Св. Елены, что утром 14-го числа я испытывал почти огорчение, когда пришлось возвращаться в город. Еще до полудня я вернулся на корабль, и «Бигль» поплыл дальше.

19 июля мы пришли к острову Вознесения. Кто видал острова вулканического происхождения под знойным небом тропиков, тот сразу сможет составить себе представление о внешнем виде острова Вознесения. Представьте себе ровную поверхность изрытой черной лавы, на которой высятся стройные конические холмы яркокрасного цвета, большей частью усеченные сверху и стоящие отдельно друг от друга. В центре острова расположен самый крупный холм, словно отец всех

многих животных в их родной стране. Однако, на Вандименовой Земле я нашел под коровьим пометом четыре вида Onthophagus[295], два вида Aphodius и один вид еще третьего рода, и все эти виды в огромном количестве экземпляров, хотя коровы ввезены в эту страну всего только 33 года тому назад. До этого времени там из четвероногих водились только кенгуру и несколько мелких зверьков, помет которых совершенно иного качества, нежели помет животных, ввезенных человеком. В Англии питающиеся навозом жуки по большей части очень разборчивы, т. е. известный вид не станет питаться безразлично экскрементами любого вида четвероногих. Следовательно, такая перемена привычек, которая, очевидно, произошла на Вандименовой Земле, в высшей степени замечательна. Определением всех упомянутых насекомых я обязан достопочтенному Ф. У. Хопу, который, я надеюсь, разрешит мне назвать его моим учителем в энтомологии.

малых конусов; он называется Зеленым Холмом по той причине, что он окрашен в бледнозеленый цвет, который в это время года едва заметен с места стоянки. Для довершения мрачного зрелища черные береговые скалы омываются бешеным прибоем сердитого моря.

Поселение находится у взморья: оно состоит из нескольких домов и бараков, неправильно расположенных, но прочно построенных из белого плитняка. Население состоит исключительно из моряков и нескольких негров, освобожденных с невольнических кораблей и получающих жалованье и питание от правительства. На всем острове нет ни одного частного лица. Многие из моряков казались вполне довольными своей участью; они предпочитают выслуживать свои сроки (21 год) на суше, какова бы она ни была, лишь бы не служить на корабле. Будь я на их месте, я поступил бы точно так же.

На следующее утро я поднялся на Зеленый Холм, имеющий 2 840 футов высоты, и оттуда поперек острова перешел на наветренную его сторону. Хорошая проезжая дорога ведет от берегового селения к домам, садам и полям, расположенным у вершины центрального холма. По сторонам дороги стоят столбы для отметки расстояний, а также цистерны, из которых каждый прохожий может напиться хорошей воды. Подобная же заботливость проявляется в каждой подробности устройства и в особенности во всем, что касается источников пресной воды, так что ни одна капля ее не пропадает даром; весь остров можно бы сравнить с громадным кораблем, который содержится в удивительном порядке. Восхищаясь деятельной предприимчивостью, которая, пользуясь столь неблагодарными средствами, достигла подобных результатов, я не могу все же не пожалеть, что она потрачена для такой жалкой и пустой цели. Г. Лессон справедливо заметил, что одним только англичанам могло прийти в голову сделать остров Вознесения производительным, всякая другая нация обратила бы его только в морскую крепость[296].

Близ берега ничего не растет, несколько дальше внутри страны попадаются кусты клещевины и немногочисленные кузнечики, эти неизменные друзья пустыни. Поверхность центральной возвышенности покрыта кое-где травой, и все вместе напоминает худшие местности валлийских гор. Но как ни плохи эти пастбища, они отлично прокармливают около шестисот овец, много коз, несколько коров и лошадей. Из туземных животных повсюду кишат во множестве наземные крабы да крысы. Сомнительно, впрочем, действительно ли эта крыса туземная; м-р Уотергауз описал две разновидности этого вида: одна из них черная, с красивой и гладкой шерстью, живет на травянистых высотах; другая бурая, менее гладкая, с длинной шерстью, водится ближе к берегу, около селения. Обе разновидности на треть меньше нашей обыкновенной черной крысы *(M. rattus)* и отличаются от нее как цветом, так и другими качествами своей шкурки, но ничем более. Я почти не сомневаюсь, что эти крысы, равно как обыкновенная домашняя мышь, здесь одичавшая, завезены сюда на кораблях и—точно так же, как на Галапагосском архипелаге—изменились под влиянием новых условий, действию которых они подверглись; по этой же причине возникло и различие между разновидностью, живущей на вершине, и той, которая водится у берегов. Туземных птиц здесь вовсе нет, но цесарки, ввезенные с островов Зеленого Мыса,

сильно размножились, равно как и обыкновенные куры, успевшие даже одичать. Для истребления крыс и мышей были завезены сюда кошки, но они до того расплодились, что в свою очередь стали бедствием. На острове нет ни одного дерева, и это обстоятельство в связи с многими другими решительно ставит его ниже острова Св. Елены.

Однажды я дошел до самой юго-западной оконечности острова. День был жаркий и ясный, и остров, не блещущий красотой, предстал предо мною в своей безобразной обнаженности. Потоки лавы покрыты буграми и до того неровны, что с геологической точки зрения трудно объяснить, отчего это могло произойти. Промежутки между этими буграми заполнены пемзой, пеплом и вулканическим туфом. Пока корабль наш огибал этот самый мыс, я не мог понять, что это за белые пятна разбросаны по всей равнине. Теперь я увидел, что это морские птицы, которые так спокойно спали, что человек среди белого дня мог подойти к ним и схватить их. Птицы эти были единственными живыми существами, встреченными мною в течение целого дня. Хотя дул лишь едва заметный бриз, но у береговых раздробленных лавовых скал бушевал сильный прибой.

Геология этого острова интересна во многих отношениях. В ряде мест я заметил вулканические бомбы,—так называются массы лавы, которые, будучи выброшены в воздух в расплавленном состоянии, приняли затем шаровидную или грушевидную форму. Не только их внешний вид, но часто и их внутреннее строение весьма любопытным образом доказывают, что во время своего полета в воздухе они вращались. Внутреннее строение одной из этих бомб, разбитой на части, в точности представлено на прилагаемом рисунке. Центральная часть состоит из грубых ячеек, которые становятся все мельче по мере приближения к наружному краю; здесь расположена скорлупообразная оболочка в $^1/_3$ дюйма толщиной, состоящая из плотного камня и покрытая снаружи корочкой мелкоячеистой лавы. Мне кажется, не подлежит сомнению, во-первых, что наружная корка быстро остыла в том самом виде, в каком мы теперь ее находим; во-вторых, что остававшаяся внутри еще жидкая лава была прижата центробежной силой, развившейся вследствие вращения бомбы, к наружным остывшим стенкам и таким способом образовала плотную каменную скорлупу; и наконец, что центробежная сила, понижая давление в центральных частях бомбы, позволила горячим парам расширить их ячейки, благодаря чему образовалась крупноячеистая масса в центре бомбы.

Один холм, образованный рядом древнейших вулканических пород и долго неправильно считавшийся кратером вулкана, замечателен своей широкой, слегка вогнутой и круглой вершиной, которая заполнена несколькими последовательными слоями пепла и тонкого шлака. Эти блюдообразные пласты, выходя на поверхность по склону холма, образуют правильные кольца нескольких различных цветов, что придает вершине довольно фантастический вид; одно из этих колец, широкое и белое, очень похоже на круг, по которому гоняют лошадей на корде; поэтому холм получил название Чортова манежа. Я взял образчики одного из этих туфовых пластов яркорозового цвета, и удивительно, что, по свидетельству профессора Эренберга*, он состоит почти исключительно из веществ, ранее принадлежавших организмам; профессор Эренберг нашел в этой массе несколько пресноводных инфузорий с кремнистыми панцырями и не менее двадцати пяти различных родов кремнистых растительных тканей, преимущественно злаков. Вследствие полного отсутствия углеродистого вещества профессор Эренберг полагает, что эти органические тела прошли через вулканический огонь и были извержены в том самом состоянии, в каком мы их ныне видим. Внешний вид пластов навел меня на мысль, что они были отложены под водой, однако, вследствие чрезвычайной сухости климата мне пришлось предположить, что во время какого-нибудь сильного извержения здесь, вероятно, выпали целые потоки дождя, вследствие чего образовалось временное озеро, в которое падал пепел. Но теперь можно даже думать, что озеро это было не временное. Как бы то ни было, можно быть уверенным, что в какую-то весьма отдаленную эпоху климат и произведения острова Вознесения были далеко не таковы, как теперь. Можно ли на всем земном шаре найти хотя одно местечко, которое после тщательного исследования не обнаружило бы следов того бесконечного ряда изменений, которым прежде подвергалась и теперь и всегда будет подвержена наша планета?

Покинув остров Вознесения, мы направились в Байю, на берегу Бразилии, с целью завершить наши кругосветные хронометрические измерения. Мы прибыли туда 1 августа и оставались там четыре дня, в течение которых я совершил несколько длинных прогулок. Мне приятно было сознавать, что наслаждение, которое доставлял мне тропический пейзаж, ни в какой мере не уменьшилось, хотя и утратило прелесть новизны. Элементы этого пейзажа до того просты, что стоит описать их в доказательство того, что даже изысканные красоты природы зависят от самых незначительных моментов.

Местность представляет собой равнину футов в триста высотой, которая по всем направлениям изборождена плоскодонными долинами. В то время как подобное строение встречается почти повсюду в тех более мягких породах, из которых обычно сложены равнины, для страны с гранитной почвой оно является исключительным. Вся поверхность поросла различными породами стройных деревьев, испещрена полосами обработанной земли, среди которых подымаются дома, церкви и монастыри. Нужно заметить, что под тропиками дикая рос-

* Monatsbericht der Königlichen Academie der Wissenschaften zu Berlin, April, 1845.

кошь природы не утрачивается даже вблизи больших городов, потому что естественная растительность живых изгородей и склонов холмов живописнее всего, что может создать искусство человека. Поэтому встречаешь лишь изредка клочок яркокрасной почвы, представляющий резкий контраст с окружающей его со всех сторон зеленью. С окраин равнины раскрываются далекие виды то на океан, то на большой залив с его низменными лесистыми берегами и белыми парусами многочисленных лодок и челноков. Кроме этих пунктов, вид отовсюду довольно ограниченный; идя по ровным дорожкам, вьющимся во все стороны, лишь изредка удается бросить взгляд внутрь лесистых долин, расположенных ниже. Нужно прибавить, что дома и в особенности церкви отличаются какой-то странной, фантастической архитектурой. Все они выбелены, и в полдень, освещенные ярким солнцем, они приобретают на фоне светлоголубого неба какой-то призрачный вид и не похожи на реальные здания.

Таковы элементы пейзажа, но напрасно пытался бы я изобразить производимое им впечатление. Ученые натуралисты, описывая тропические ландшафты, перечисляют множество предметов и указывают какую-либо характерную черту каждого из них. Образованному путешественнику это, может быть, и дает какие-нибудь определенные представления; но кто же еще в состоянии по засушенному растению в гербарии представить себе, какой оно имеет вид, когда растет на родной почве? Кто, глядя на отдельные экземпляры растений в оранжерее, сумеет вообразить себе одни из них в виде громадных лесных деревьев, а другие—в виде непроходимых джунглей? Кто, рассматривая в энтомологическом кабинете пестрых экзотических бабочек и странных цикад, может связать с этими безжизненными объектами трещащую музыку цикад и медленный полет бабочек,—этих неизменных спутников тихого знойного тропического полудня? Такие картины всего лучше в ту пору, когда солнце достигает высшей точки: тогда великолепная густая листва манго дает наибольшую тень, между тем как верхние его ветви, залитые потоками солнечного света, сверкают самыми яркими оттенками зеленого цвета. В умеренном поясе условия совсем иные,—растительность не так густа и роскошна, и потому лучи заходящего солнца, с их красными, пурпурными и яркожелтыми оттенками придают пейзажу наибольшую красоту.

Тихо бродя по тенистым тропинкам и любуясь поочередно каждым представлявшимся видом, я все придумывал, какими бы словами выразить мои переживания. Перебирая один эпитет за другим, я находил их слишком слабыми для того, чтобы передать человеку, не бывавшему под тропиками, то чувство наслаждения, которое охватывало меня. Я говорил уже, что по оранжерейным растениям невозможно составить себе правильного представления об этой растительности, и я снова должен вернуться к этому сравнению. Вся страна представляет собой огромную, дикую, беспорядочную, роскошную оранжерею, созданную природой для самой себя, но захваченную человеком, который еще украсил ее красивыми домами и благоустроенными садами. Как велико должно было бы быть желание всякого любителя природы увидеть пейзаж другой планеты, если бы это было возможно! Но можно в самом деле сказать, что для каждого европейца на расстоянии всего лишь нескольких градусов от его родной почвы

открыты чудеса иного мира. Обходя в последний раз все эти места, я беспрестанно останавливался и вглядывался в эти красоты, стараясь навсегда сохранить в своей памяти образы, которые рано или поздно, несомненно, должны будут поблекнуть. Ясно и раздельно останутся в памяти формы апельсинного дерева, кокосовой пальмы, манго, банана, древовидных папоротников, но те тысячи красот, которые все эти формы связывают в одно чудесное целое, со временем померкнут; однако, и от них останется в душе неясное, но прекрасное воспоминание, подобное тем, какие мы сохраняем о сказках, слышанных в детстве.

6 августа.—После полудня мы вышли в море с намерением направиться прямо к островам Зеленого Мыса. Однако, неблагоприятный ветер задержал нас, и 12-го числа мы пришли в Пернамбуко, большой город на бразильском берегу, под 8° ю. ш. Мы бросили якорь с внешней стороны рифа, но вскоре навстречу нам выехал лоцман, который провел нас во внутреннюю гавань, где мы остановились у самого города.

Пернамбуко расположен на нескольких узких и низменных песчаных отмелях, отделенных друг от друга мелководными каналами соленой воды. Три части города соединены между собой двумя длинными мостами, построенными на деревянных сваях. Город во всех своих частях отвратителен, улицы узкие, скверно вымощены и грязны, а дома высокие и мрачные. Дождливый сезон еще не совсем кончился, и поэтому вся окрестность, едва возвышающаяся над уровнем моря, была залита водой, так что все мои попытки совершить далекие прогулки оказались неудачными.

Плоская, болотистая местность, на которой расположен Пернамбуко, окружена на расстоянии нескольких миль полукружием невысоких холмов, или правильнее обрывистым краем равнины, возвышающейся футов на 200 над уровнем моря. На одном из концов этого полукружия стоит старинный город Олинда. Однажды я нанял лодку и поплыл вверх по течению одного из каналов к этому городу; я обнаружил, что старый город благодаря своему положению красивее и чище, чем Пернамбуко. Я должен отметить здесь обстоятельство, случившееся со мною в первый раз за все наше почти пятилетнее странствование, а именно я натолкнулся на невежливое к себе отношение: в двух домах мне очень грубо отказали, а в третьем насилу позволили пройти через сад к холму, с которого мне хотелось осмотреть прилегающую местность. Я даже рад, что это случилось именно в Бразилии, к которой я не питаю добрых чувств, ибо это—страна рабства и, следовательно, нравственного унижения. Испанец устыдился бы самой мысли об отказе в такой просьбе или о невежливости по отношению к чужестранцу. Канал, по которому мы ехали в Олинду и возвращались оттуда, оброс по обоим берегам мангровами[297], которые подобно миниатюрному лесу подымались из грязных, илистых отмелей. Яркозеленый цвет этих кустов всегда напоминает мне пышную траву кладбищ: то и другое питается гнилостными испарениями; только трава говорит о смерти минувшей, а мангровы слишком часто служат ее предвестниками.

Самым любопытным предметом, который я наблюдал в этих местах, был риф, образующий гавань. Я думаю, что во всем мире не найдется

естественного строения, которое казалось бы столь искусственным по своему внешнему виду*. Он тянется на несколько миль вдоль берега, на небольшом от него расстоянии, параллельно ему и совершенно прямо. Ширина его колеблется между 30 и 60 ярдами, поверхность его совершенно гладкая и ровная; он образован неясно-слоистым твердым песчаником. Во время прилива волны заливают его, а во время отлива вершина его остается сухой и его можно принять за волнолом, воздвигнутый циклопами. Морские течения наносят к этим берегам длинные косы и отмели рыхлого песка; на одной из таких отмелей расположена и часть города Пернамбуко. В прежние времена одна из таких длинных отмелей, повидимому, отвердела, пропитавшись известковым веществом, а впоследствии подверглась постепенному поднятию, во время которого наружные более рыхлые части были размыты морем и осталось только более плотное ядро, которое мы и видим в настоящее время. Хотя день и ночь волны Атлантического океана, мутные от осадков, разбиваются о крутые наружные края этой каменной стены, но и самые старые лоцманы не запомнят и никогда не слыхали, чтобы наружный вид ее сколько-нибудь изменился. Такая долговечность—самая замечательная черта в истории этой стены; объясняется она наличием вязкого слоя известкового вещества, толщиной в несколько дюймов, образовавшегося в результате последовательного нарастания и отмирания мелких раковин Serpulae[299], а также некоторого количества усоногих раков[300] и нуллипор. Эти нуллипоры, очень жесткие морские водоросли, отличающиеся чрезвычайной простотой строения, играют аналогичную и столь же важную роль в защите наружных поверхностей коралловых рифов, находящихся позади и в пределах черты прибоя; тут настоящие кораллы в процессе нарастания наружу их массы вымирали бы под прямым действием солнца и воздуха. Эти незначительные организмы, в особенности Serpulae, оказали величайшую услугу обитателям Пернамбуко: без их защиты песчаный нанос уже давно был бы неминуемо размыт морем, а без него не было бы и пристани.

19 августа мы окончательно покинули берега Бразилии. Благодарю бога за то, что мне никогда больше не придется быть в стране рабства. Еще и до сего дня, услышав отдаленный крик, я с мучительной живостью припоминаю чувства, которые я испытал, проходя близ Пернамбуко мимо одного дома, откуда слышались жалостные стоны; я не мог отказаться от мысли, что там истязают какого-нибудь несчастного невольника, но я знал, что я столь же беспомощен, как ребенок, даже для того, чтобы выразить свой протест. Я потому предположил, что эти стоны издавал невольник, которого подвергали истязаниям, что в другой раз в таком же случае мне сказали это. В окрестностях Рио де Жанейро я жил против дома одной старой дамы, которая держала в доме тиски, чтобы давить ими пальцы своих невольниц. Я останавливался в доме, где молодой слуга-мулат ежедневно и ежечасно подвергался такой ругани, побоям и придиркам, что подобное обращение привело бы в отчаяние даже последнее из домашних животных. Одного мальчика, лет шести или семи, успели

* Я подробно описал этот бар [298] в London and Edinburgh Philosophical Magazin, vol. XIX (1841), p. 257.

Сан Сальвадор, или Байа, в Бразилии.

Рисунок А. Эрла.

три раза ударить хлыстом по обнаженной голове (пока я не вступился) за то, что он подал мне воду в нечистом стакане, и я видел, как отец этого ребенка весь дрожал от одного взгляда своего хозяина. Все эти ужасы я наблюдал в испанской колонии, а между тем все говорят, что испанцы несравненно лучше обращаются с невольниками, чем португальцы, англичане и другие европейцы. В Рио де Жанейро я видел, как один могучий негр не решился даже отклонить удар, направленный, как он думал, ему в лицо. Я сам был свидетелем того, как один добросердечный человек собирался разлучить навсегда мужчин, женщин и детей многочисленных семейств, долго живших вместе. Я не стану и упоминать о множестве отвратительных жестокостей, о которых я слышал из достоверных источников; даже и о вышеупомянутых возмутительных фактах я не стал бы говорить, если бы я не встречал людей, настолько ослепленных природной веселостью негров, что они считают рабство терпимым злом. Такие люди, вероятно, бывали только в домах богатых, где с невольниками, исполняющими обязанности домашней прислуги, обычно обращаются хорошо; они не жили, подобно мне, среди низших классов рабовладельцев. Они иногда расспрашивают самих невольников об их положении, забывая, что невольник должен действительно быть полным тупицей, чтобы не сообразить, что его ответ достигнет ушей его господина.

Утверждают, что собственные выгоды должны удерживать рабовладельцев от излишних жестокостей, как будто подобная причина ограждает наших домашних животных, которые, конечно, гораздо меньше способны возбуждать ярость своих жестоких владельцев, нежели деморализованные рабы. Этот довод уже много лет назад вызвал исполненный благородства протест прославленного Гумбольдта, который привел разительные примеры. Нередко пытались ослабить ужас рабства, сравнивая положение рабов с положением наших неимущих сограждан; если нищета наших бедняков является следствием не естественных законов, а нашего государственного строя, то великий грех и на нас; но я не могу понять, какое это имеет отношение к рабству; с равным правом можно защищать употребление в одной стране тисков для зажимания пальцев на том основании, что в другом государстве люди страдают от какой-нибудь страшной болезни. Люди, сочувственно взирающие на рабовладельца и холодно относящиеся к рабу, повидимому, никогда не пробовали вообразить себя в положении последнего: какая безотрадная жизнь, без всякой надежды на перемену! Вообразите только, что вам вечно угрожает опасность, что жену вашу и ваших маленьких детей—существа, которые по законам природы даже раб считает своей собственностью—отнимут у вас и продадут, как скотов, первому встречному! И такие дела делаются и защищаются людьми, которые исповедуют, что надо любить ближнего как самого себя, веруют в бога и молятся: да будет воля его исполнена на земле! Кровь кипит в жилах и сердце сжимается, когда подумаю, что мы, англичане, и потомки наши, американцы, с их вечными хвастливыми возгласами о свободе, причинили и продолжаем причинять столько зла; утешительно только вспомнить, что мы, по крайней мере, принесли больше жертв, нежели всякая другая нация, для искупления нашего греха. [301]

В последний день августа мы вторично бросили якорь в Порто Прайе в архипелаге Зеленого Мыса; оттуда мы направились к Азорским островам, где пробыли 6 дней. 2 октября мы достигли берегов Англии, и в Фалмуте я покинул «Бигль», славный кораблик, на котором прожил почти пять лет [302].

Путешествие наше закончено, и я намерен сделать краткий обзор всех выгод и невыгод, страданий и радостей, принесенных нам этим кругосветным плаванием. Если бы человек, предпринимающий продолжительное путешествие, попросил у меня совета, то ответ мой зависел бы от того, имеет ли этот человек определенную склонность к какой-либо отрасли знаний, которая этим путем могла бы получить дальнейшее развитие. Конечно, созерцание различных стран и множества человеческих рас доставляет высокое удовлетворение, но удовольствие, получаемое от такого созерцания, не уравновешивает неприятностей. Необходимо надеяться при этом на жатву в будущем, хотя бы в очень отдаленном будущем, предвидеть возможность получить те или иные плоды, добиться осуществления некоторого блага.

Само собою разумеется, что путешественник подвергается многим лишениям, из которых самое, например, очевидное состоит в том, что подолгу не видишь своих старых друзей и те места, с которыми интимно связаны лучшие наши воспоминания. Эти лишения, однако же, отчасти облегчаются тем никогда не прекращающимся чувством радости, которое порождается предвкушением долгожданного дня возвращения на родину. Если, как говорят поэты, жизнь есть сновидение, то я уверен, что такого рода мечты всего успешнее сокращают долгую ночь путешествия. Но есть другие лишения, которые сначала не так чувствительны, но со временем становятся крайне тяжелыми; таковы недостаток просторного жилья, покоя, невозможность уединиться, утомительное чувство постоянной спешки, отсутствие мелких удобств, домашнего общества, даже музыки и других духовных наслаждений. Я упоминаю обо всех этих мелочах потому, что никаких действительных неприятностей, если не считать несчастных случаев, морские путешествия не доставляют. За какие-нибудь шестьдесят лет произошли изумительные изменения в условиях плавания в отдаленные страны. Еще во времена Кука мореплаватель, покидавший свой домашний очаг для таких экспедиций, подвергался тяжелым лишениям. Теперь же вы можете совершить кругосветное плавание на прекрасно благоустроенной яхте. Помимо многочисленных улучшений в искусстве кораблестроения и мореплавания, человечеству открыт ныне доступ ко всему западному берегу Америки, и Австралия сделалась центром возникающей цивилизации. Как резко отличается положение путешественника, потерпевшего кораблекрушение в Тихом океане в наше время, по сравнению с тем, что было во времена Кука! С тех пор цивилизованный мир увеличился на целое полушарие.

Если кто сильно подвержен морской болезни, тот должен серьезно учесть это обстоятельство. Я говорю на основании собственного опыта: это не пустое нездоровье, которое излечивается в одну неделю. Если, напротив, кто любит морскую качку, тому предстоит много удовольствия. Но следует все-таки помнить, что в течение длинного путе-

ствия приходится проводить на воде несравненно больше времени, чем на суше. Да и что за особая прелесть в хваленой безграничности океана? Утомительная безбрежность, водяная пустыня, как говорят аравийцы. Конечно, бывают и прелестные картины: лунная ночь, ясное небо, темный мерцающий океан и белые паруса, растянутые мягким дуновением теплого пассатного ветра; или штиль, мертвая тишь: море гладкое, как зеркало, только слегка выпуклое, и лишь изредка общая тишина нарушается хлопаньем паруса. Хорошо также хоть раз быть свидетелем шквала, видеть, как поверхность моря вздымается высоким сводом и налетает вихрь, или как волны подымаются горами под напором бурного ветра. Должен, однако, признаться, что в моем воображении я представлял себе морскую бурю как нечто гораздо более грандиозное и страшное. Несравненно более величественным зрелищем представляется буря на берегу, где гнущиеся деревья, стремительный полет птиц, черные тени и яркие молнии и потоки ливня,—все говорит о борьбе расходившихся стихий. На море альбатросы и маленькие буревестники летают так, словно буря их обычная стихия, вода подымается и опускается, как будто выполняет свою повседневную работу, и кажется, будто вся ярость стихий направлена исключительно на корабль и его обитателей. У пустынных, обвеянных бурями берегов зрелище совершенно иное, но оно возбуждает скорее чувство ужаса, а не безудержного восторга.

Взглянем теперь на светлую сторону всего пережитого. Созерцание пейзажа и знакомство с общим видом разных стран, которые мы посещали, несомненно служило для нас постоянным источником самого высокого наслаждения. Вполне вероятно, что в Европе имеется немало мест, превосходящих по своей живописности все, что мы видели. Но я нахожу особое удовольствие в сопоставлении характера пейзажа различных стран, что до известной степени отличается от простого созерцания их красот. Удовольствие это главным образом зависит от знакомства с каждой отдельной чертой данного вида; я склонен думать, что как в музыке человек, понимающий каждую ноту отдельно, способен (если он обладает и надлежащим вкусом) полнее насладиться произведением в целом, так и тот, кто изучил все составные элементы прекрасного ландшафта, полнее воспринимает красоту его в целом. Поэтому путешественник прежде всего должен быть ботаником, потому что растения составляют главное украшение всякого пейзажа. Нагромоздите массу обнаженных скал в виде каких угодно причудливых форм, и на время действительно они доставят вам великолепное зрелище, но вскоре оно наскучит своим однообразием. Расцветите эти камни в различные яркие цвета, как в северном Чили, и они примут фантастический вид; но оденьте их растительностью, и получится вид более или менее прекрасный.

Говоря, что некоторые из европейских видов живописнее всего, что мы видели, я исключаю, конечно, тропический пояс, как нечто совершенно особое. Эти два типа пейзажей нельзя сравнивать друг с другом; впрочем, о величии тропического пейзажа я уже не раз и довольно много говорил. Так как сила впечатлений вообще зависит от ранее создавшихся представлений, то могу прибавить, что мои представления были заимствованы из живых описаний Гумбольдта в его «Personal Narrative», которые далеко превосходят все, что

я когда-либо читал в этом роде. И, однако, несмотря на то, что на основании этих представлений я ожидал чего-то исключительно сильного, я не ощутил и тени разочарования ни в первое, ни в последнее посещение берегов Бразилии.

Из всех картин, глубоко запечатлевшихся в моей памяти, ни одна не превосходит величественного вида девственных лесов, не тронутых рукою человека,—будут ли то леса Бразилии, преисполненные Жизни, или леса Огненной Земли, в которых преобладают Смерть и Разрушение. И одни, и другие подобны храмам, наполненным разнообразными произведениями Творца Природы; недвижно стоя среди безмолвия этих лесов, нельзя не чувствовать, что в человеке есть нечто большее, чем одно лишь телесное существование. Вызывая в памяти моей образы прошлого, я нахожу, что особенно часто передо мною встают равнины Патагонии, которые всеми признаны жалкими и бесполезными. Правда, описать их можно только путем перечисления отрицательных признаков: ни жилищ, ни воды, ни деревьев, ни гор, и только несколько невзрачных растений. Почему же мне, да и не мне одному, так особенно памятны эти бесплодные пустыни? Почему не произвели на меня такого же впечатления еще более ровные, зеленые и плодородные равнины пампы, которые так полезны человечеству? Трудно проанализировать это чувство; отчасти оно, вероятно, происходит от того, что эти пустыни дают простор воображению. Равнины Патагонии кажутся безграничными, потому что они почти непроходимы и поэтому не исследованы; несомненно, они уже долгие века существуют в своем теперешнем состоянии и не видно конца такому состоянию даже в будущих веках. Если бы, как предполагали древние, плоская земля была окружена непроходимым простором вод или накаленными до невыносимого зноя пустынями, то кто мог бы взирать на эти крайние пределы человеческого знания без глубокого, но в то же время неопределенного чувства?

Из других картин природы надолго остаются в памяти виды с высоких гор, сами по себе, пожалуй, лишенные красоты. Когда смотришь вниз с самого высокого гребня Кордильер, мелкие подробности стушевываются, и вас охватывает сознание грандиозных размеров окружающих масс.

Из числа отдельных предметов, кажется, ничто так не поражает, как первая встреча с дикарем в его родной берлоге,—встреча с человеком в его наименее развитом, первобытном состоянии. Спешишь перелететь мыслью за рубеж прошедших веков и спрашиваешь себя, неужели и наши праотцы были такими же людьми?—людьми, самые жесты и выразительные движения которых менее понятны нам, нежели у домашних животных, людьми, которые не одарены инстинктом животных, но, повидимому, не могут похвастать и человеческим разумом, или, по крайней мере, деятельностью, являющейся следствием разума. Мне кажется, просто невозможно описать различие между диким и цивилизованным человеком. Различие это столь же велико, как между диким и прирученным животным, и посмотреть на дикаря в своем роде так же интересно, как видеть льва в его родной пустыне, тигра, разрывающего свою добычу в джунглях, или носорога, пасущегося в первобытных африканских степях.

К числу замечательнейших зрелищ, которые нам пришлось на-

блюдать, необходимо отнести Южный Крест, Магеллановы облака и другие созвездия южного полушария; смерчи; ледники, спускающиеся синим ледяным потоком или обрывистым утесом нависшие над морем; лагунный остров, построенный кораллами; действующий вулкан и катастрофические последствия сильного землетрясения. Последние из перечисленных явлений, быть может, потому представляли для меня особый интерес, что находятся в ближайшей связи с геологическим строением земного шара. Впрочем, землетрясение на каждого человека должно производить весьма сильное впечатление; земля, на которую с раннего детства мы привыкаем смотреть как на образец прочности, словно тонкая корка начинает колебаться под нашими ногами, и наблюдая, как в одно мгновение разрушаются плоды человеческого труда, мы испытываем ощущение всего ничтожества наших гордых усилий.

Говорят, что любовь к охоте—прирожденное человеку чувство, остаток инстинктивной страсти. Если это так, то я уверен, что удовольствие жить под открытым небом—спать и есть на земле—представляет собой часть того же унаследованного инстинкта; это в нас говорит прежний дикарь, возвращающийся к своим первобытным нравам. Я всегда вспоминаю о наших маленьких экспедициях в лодках и о сухопутных экскурсиях по неисследованным местам с таким восторгом, какого не возбуждали во мне никакие зрелища цивилизованного мира. Нет сомнения, что каждый путешественник навсегда сохранит воспоминание о чувстве глубочайшего восхищения, испытанного им в тот момент, когда он впервые дохнул воздухом чуждой страны, никогда не посещавшейся или редко посещаемой цивилизованным человеком.

В продолжительном путешествии имеется и много других источников наслаждения, природа которых носит более рациональный характер. Карта мира теряет свое чисто теоретическое значение и становится картиной, наполненной самыми разнообразными и оживленными образами. Каждая часть карты принимает свои настоящие размеры: материки перестают казаться островами, а острова какими-то пятнышками, тогда как многие из них в сущности гораздо больше некоторых европейских государств. Африка или Северная и Южная Америка—звучные и легко произносимые имена; но чтобы вполне понять, какие громадные пространства занимают они на нашей гигантской планете, нужно по целым неделям плыть вдоль какой-нибудь сравнительно небольшой части берега одного из этих материков.

Судя по тому, что мы видим в настоящее время, следует ожидать величайшего прогресса почти целого полушария. Улучшения, происшедшие в области Южного океана с введением там христианства, повидимому, представляют собой единственный в своем роде факт в летописях истории. Они тем более поразительны, что только шестьдесят лет назад Кук, который, по общему признанию, отличался чрезвычайной здравостью суждений, говорил, что нет надежды на перемены в будущем. И однако, эти перемены в настоящее время осуществились благодаря филантропическому духу британской нации.

В той же части земного шара возникает и даже, можно сказать, уже возникла Австралия в качестве громадного центра цивилизации,

который в скором времени будет управлять всем южным полушарием. Невозможно англичанину смотреть на все эти отдаленные колонии без глубокого чувства гордости и удовлетворения. Кажется, что стоит только водрузить где-нибудь британский флаг, и вокруг него тотчас возникнут богатства, благосостояние и цивилизация.

В заключение скажу, что, по моему мнению, для молодого естествоиспытателя ничего не может быть полезнее путешествия в отдаленные страны. Оно изощряет и в то же время удовлетворяет тем стремлениям и потребностям, которые, как замечает сэр Дж. Гершель, человек испытывает даже и тогда, когда все его физические потребности полностью удовлетворены. Возбуждение, испытываемое от новизны встречаемых предметов, и надежда на успех побуждают человека к усиленной деятельности. Сверх того, так как отдельные изолированные факты вскоре становятся неинтересными, мы приучаемся к сравнительной их оценке и, следовательно, к обобщениям. С другой стороны, так как всякий путешественник недолго остается в том или другом месте, его записи носят почти всегда характер поверхностных очерков, без всяких замечаний о подробностях. Отсюда проистекает, как я убедился на собственном опыте, постоянная наклонность заполнять пробелы науки неточными и поверхностными гипотезами.

Путешествие доставило мне такое глубокое наслаждение, что я не могу не посоветовать каждому натуралисту,—хотя, конечно, не каждый может рассчитывать на счастливый случай иметь таких спутников, каких имел я,—употребить все усилия для достижения возможности предпринять дальнее путешествие, лучше всего сухим путем, но если нужно, то и водой. Он может быть уверен, что за редкими исключениями он далеко не испытает тех опасностей и неудобств, каких заранее ожидает. С моральной точки зрения путешествие научит его добродушному терпению, поможет освободиться от эгоизма, приобрести привычку действовать самостоятельно и наилучшим образом использовать каждый представляющийся случай. Коротко говоря, он в известной мере приобретет те черты, которые характерны для большинства моряков. Путешествие приучит его, правда, и к некоторой недоверчивости; но в то же время он узнает, как много имеется на свете истинно добросердечных людей, с которыми он никогда не встречался до того времени, никогда, пожалуй, не встретится и в будущем, но которые с величайшей готовностью и полным бескорыстием окажут ему всевозможную помощь.

Примечание.—Описанная на стр. 90 змея, которая обладает курьезной привычкой вибрировать хвостом, представляет собой новый вид Trigonocephalus, который г-н Биброн предлагает назвать *T. crepitans* [303].

ЧАРЛЗ ДАРВИН

ПУТЕВОЙ ДНЕВНИК

ПО РУКОПИСИ

ПОДГОТОВЛЕН К ПЕЧАТИ

НОРОЙ БАРЛО

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

Д. Л. ВЕЙСА

*

Я бродил по северному Уэльсу, совершая геологическую экскурсию с профессором Седжвиком, после чего вернулся домой в понедельник 29 августа. Мои сестры первые сообщили мне о письмах профессора Генсло и м-ра Пикокка с предложением мне места на «Бигле», которое я ныне занимаю.—Я немедленно выразил согласие, но на следующее утро, убедившись, что отец резко настроен против всего плана, я послал м-ру Пикокку [отказ от его предложения. В последний день августа я отправился в Мэр,[304] *где все вскоре приняло другой оборот. Оказалось, что все члены семьи столь энергично поддерживали меня, что я решил предпринять еще одну попытку. Вечером я составил список возражений отца, по поводу которых дядя Джос написал свое мнение и ответ. На следующий день рано утром мы отослали все это в Шрюсбери, и я отправился на охоту. Около 10 часов дядя Джос прислал [слугу] сказать мне, что он намерен отправиться в Шрюсбери, и предложил взять меня с собой. Когда мы прибыли туда, все было улажено, и отец в высшей степени любезно дал свое согласие.*

Я никогда не забуду, какие это были беспокойные и смутные два дня,—сердце мое, казалось, замерло, не говоря о сомнениях, которые возбудило во мне недовольство отца проектом. Я с трудом мог решиться оставить Англию даже на тот срок, который, казалось тогда, должно было продолжаться путешествие.[305] *Конечно, для меня было счастьем, что экспедиция с самого начала рисовалась мне в таких ярких красках.*

Вечером я написал м-ру Пикокку и капитану Бофорту и пошел спать до крайности утомленный. 2-го я встал в 3 часа и отправился экстренным дилижансом до Брикхилла, а оттуда почтовым дилижансом до Кембриджа. Там я оставался два дня, советуясь с профессором Генсло. В это время я потерял почти всякую надежду вследствие письма капитана Фиц Роя м-ру Вуду, которое придало всему крайне обескураживающий характер.[306] *В понедельник 5-го я отправился в Лондон и в тот же день повидался с капитанами Бофортом и Фиц Роем. Последний вскоре устранил все затруднения и с того самого момента вплоть до настоящего времени не перестает проявлять*

величайшую любезность и интерес ко всем моим делам. В воскресенье 11-го я отправился на пароходе в Плимут, чтобы посмотреть «Бигль». В Лондон я вернулся 18-го[307]. *В понедельник 19-го отправился почтовым дилижансом в Кембридж, откуда, попрощавшись с Генсло, поехал в среду ночью в Сент Албэнс и затем экстренным дилижансом прибыл в Шрюсбери в четверг 22-го. 2 октября я выехал из дому в Лондон, где я оставался вследствие многих и неожиданных задержек до 24-го, когда я прибыл в Девонпорт; с этого дня начинается мой дневник.*

(16 декабря)

Понедельник, 24 октября.—Приехал сюда вечером после приятной поездки из Лондона.

25-го.—Был на «Бигле». Нашел его пришвартованным к главной пристани и в состоянии суматохи и хаоса. Экипаж был занят, главным образом, окраской носовой части и отделкой кают. Последний раз, когда я его видел 12 сентября, он находился в доке без мачт и перегородок и выглядел скорее как судно, потерпевшее крушение, чем как готовящееся к кругосветному путешествию.

26-го.—Дождливый, холодный день; был на корабле, застал плотников, занятых отделкой шкафов в кормовой каюте. Отведенный мне угол выглядел до того маленьким, что я не могу отделаться от опасения, что много моих вещей мне придется оставить на берегу.

27-го.—Был на корабле.

28-го.—Хороший день. М-р Эрл приехал из Лондона, проделав в высшей степени бурный путь. В течение всей недели дул ю.-з. ветер, и почтовый пароход все это время качало. Я думаю, что если бы мне пришлось проделать это путешествие, моя записная книжка была бы столь же ненужна мне, как любая пачка чистой бумаги.

29-го.—Хороший день; в 5 часов обедал с офицерами из оружейной каюты. Они забавлялись тем, что рассказывали мне в высшей степени страшные вещи, которые проделает со мной Нептун при переходе через экватор. М-р Эрл напомнил, что несколько лет тому назад, после перехода через экватор, они встретили корабль с поднятыми парусами. На палубе не было видно ни души, но взяв судно на абордаж и спустившись вниз, они нашли всех, в том числе и капитана с женой, мертвецки пьяными и потерявшими всякую способность двигаться. Это был результат веселой пирушки в честь Нептуна.

30-го.—Обедал в час дня с мичманами, затем катался на лодке и высадился в Миллбруке. Стокс, Мэстерс и я совершили затем длинную трудную прогулку.

Понедельник, 31-го.—Поехал с м-ром Стоксом в Плимут и оставался с ним, пока он подготовил принадлежащие «Биглю» астрономические приборы для магнитных наблюдений. Выбор остановился на саде, принадлежащем Атенеуму, как на пункте, хорошо известном и могущем легко быть описанным.

1 ноября.—Весьма дождливый день; из-за этого оставался дома. Вечером пришли капитан Кинг со своим сыном и обедали с нами. Последний едет на «Бигле» в качестве мичмана.

2-го.—Был на корабле.

3-го.—Ходил в Плимут с капитанами Кингом и Фиц Роем.

4-го.—Капитан Фиц Рой поехал со мной в лодке уполномоченного на мол, где мы оставались больше часа. Капитан Фиц Рой занимался измерением углов с целью связать определенный камень, от которого капитан Кинг начал измерение долгот в предыдущее путешествие, с набережной у Кларенс Бэтс, откуда теперь берется истинное время. Сэр Дж. Ренни, архитектор, был на молу и давал интересные объяснения относительно действия сильных бурь. В 1826 г. несколько каменных глыб, весом в 10 тонн каждая, были значительно сдвинуты с места. Ныне мол гораздо более устойчив против бурь, чем это было раньше. В настоящее время он построен в виде крыши дома, поставленной на земле; до этой перестройки он имел вид крыши, поставленной на низкую стену, так что море действовало на перпендикулярную поверхность. Все согласны, что мол представляет собой столь же полезное сооружение, сколь и изумительное произведение искусства. Вечером обедал с м-ром Гаррисом, автором нескольких статей об электричестве, и встретил там несколько весьма приятных людей: полковника Гамильтона Смита, который пишет о рыбах вместе с Кювье, капитанов Кинга и Локьера. Первый рассказал анекдот, из которого видно, что в Новом Ю. Уэльсе цивилизация и водка являются синонимами. Один туземец попросил у него однажды немного рому; когда ему отказали в этом и предложили вино, он казался недовольным. Капитан Кинг стал его увещевать и спросил его, что он делал до прихода англичан; тот ответил: О! мы тогда не были цивилизованы.

5-го.—Отвратительный, скверный день; оставался дома и читал.

6-го.—Пошел с Мэстерсом в портовую часовню. Весь вечер дождь лил, как из ведра. Совсем не требуется дождемера, чтобы показать, что на западе дождей падает гораздо больше, чем в центральной и восточной частях Англии.

Понедельник, 7-го.—Оставался дома.

8-го.—Утром отмечал время, пока Стокс измерял высоту солнца. Отправился на «Бигль»; он впервые начинает принимать чистый и благоустроенный вид.—Был представлен двум братьям капитана Фиц Роя, приехавшим из Лондона, чтобы попрощаться с ним.

9-го.—Пошел в Плимут с капитанами Фиц Роем и Видалем и посетил мистера Гарриса.

10-го.—Помогал капитану Фиц Рою в Атенеуме, отмечая различные углы магнитной стрелки; после этого слушал русский оркестр

на рожках и вечером обедал у адмирала сэра Мэнлей Диксона: все присутствовавшие, кроме меня, были морскими офицерами и, конечно, разговор носил почти исключительно морской характер. Это сделало вечер весьма приятным для меня, но я не мог не думать, как все это могло быть иначе при других обстоятельствах.

11 ноября.—Завтракал с м-ром Гаррисом и пошел опять в Атенеум, где провел весь день за магнитной стрелкой. Цель, которую преследуют эти занятия, заключается в уменьи точно установить пункт на земном шаре, на который указывает стрелка. Средством для достижения этой цели служат многочисленные наблюдения при различных условиях и определение на основе этих наблюдений главного пункта. Операция весьма длительная и тонкая.

12-го.—Завтракал с полковником Гамильтоном Смитом и провел несколько приятных часов в беседе о различных областях естественной истории. Совершил прогулку в большие известняковые каменоломни, вернулся домой и затем отправился на «Бигль». Матросы только что кончили окраску его, и, конечно, палубы были чисты и вещи были убраны. В первый раз я почувствовал в себе пыл моряка; нельзя было смотреть на корабль без восхищения; что касается кормовой каюты, то было бы излишеством желать чего-либо более вместительного и удобного. День оказался превосходным для высыхания краски, такой тихий и такой настоящий осенний, что можно надеяться, что западные ветры устали дуть. Большое утешение знать, что если бы мы даже отплыли в начале октября, то мы, вероятно, вряд ли успели бы добраться до Мадеры.

13-го.—Отправился пешком до Сэлтрема и поехал верхом с лордом Баррингтоном в Эксмур, чтобы посмотреть гранитную формацию; дорога проходила через весьма обширные дубовые леса, расположенные на склоне холмов, у подножья которых протекают очень прозрачные и широкие ручьи. Эксмур расположен на той же долготе, что и Дартмур, и простирается до Эксетера. Он имеет заброшенный вид, на верхушках холмов обнажаются лишь мшистые формы гранита. Вечером приехали на почтовом пароходе огнеземельцы[308] со своим учителем м-ром Дженкинсом. Имена их: Иорк Минстер, Джемми Бёттон и Фуэгия. Одновременно приехал миссионер Метьюс.

Понедельник, 14-го.—Капитан Фиц Рой удалил хронометры на палубу и поместил книги в кормовой каюте. Отправился на корабль; краска еще не просохла, так что ничего нельзя делать. Вечером прибыли инструкции из Адмиралтейства. Они во всех отношениях в высшей степени удовлетворительны; конечно, они точно таковы, как этого желал сам капитан Фиц Рой. Приказы носят только общий характер. Нельзя было оказать большего доверия капитану Фиц Рою, чем таким полным предоставлением планов на его собственное усмотрение.

15-го.—Мы с капитаном Фиц Роем отправились в Плимут и были весьма неприятно поражены, убедившись в неточности новой магнитной иглы Гембея.

16 ноября.—Отправился на корабль и провел весь день в бесцельном, но весьма приятном блуждании по улицам вместе с капитаном Фиц Роем.

17-го.—Весьма спокойный день.

18-го.—Капитан Фиц Рой был занят последние два дня с Лордами Адмиралтейства.

19-го.—Я теперь каждое утро регулярно занимаюсь отсчетом и сравнением разниц в показаниях барометров. Вечером пил чай с капитаном Видалем. Он многие годы занимался тем же делом, каким собираемся заняться мы; восемь лет он исследовал Африканское побережье; в течение этого времени он похоронил 30 молодых офицеров; ни одна шлюпка никогда не отправлялась вверх по реке без того, чтобы кто-либо не погиб.

20-го.—Пошел в церковь и прослушал весьма глупую проповедь, а затем отправился на весьма продолжительную прогулку в очень живописную местность между Маунт Эджкомб и Милл Брук.

Понедельник, 21-го.—Перенес все свои книги и инструменты на «Бигль». Вечером пошел в Атенеум и прослушал популярную лекцию м-ра Гарриса о его громоотводах. При помощи электрической машины он произвел громовую тучу; котел воды представлял море, а игрушечный корабль—боевое судно; он показал весь процесс удара молнии в судно и в высшей степени удовлетворительно доказал, что его проект делает корабль вполне защищенным от всяких дурных последствий. Проект этот заключается в прикреплении к мачтам и реям налегающих одна на другую медных пластинок, которые благодаря этому оказываются связанными с водой внизу. Принцип, из которого вытекают эти преимущества, обязан своей полезностью тому факту, что электрический ток, если его пропустить по широкой поверхности, ослабляется до такой степени, что он не производит никакого заметного действия, даже если молния ударяет в мачты. «Бигль» снабжен громоотводами такого устройства; весьма вероятно, что мы будем объектом опыта и, я надеюсь, докажем на себе полезность его действия.

Около шести часов какой-то матрос, переходя в пьяном виде с одного судна на другое, упал в воду и больше не показывался. Тело его не было найдено.

22-го.—Отправился на корабль и вернулся в панике по старому поводу,—недостаток помещения. Вернулся на корабль с капитаном Фиц Роем, который столь искусен, добродушен и изобретателен, что при его появлении сами шкафы как-то становятся больше и все затруднения исчезают. Вечером обедал и провел весьма приятно послеобеденное время с капитаном Видалем.

23-го.—Этот день был весьма важным в анналах «Бигля»; в час дня были отданы швартовы, и «Бигль» отплыл около мили к Барнет-

тову пруду. Здесь он будет оставаться до дня отплытия. Это небольшое плавание было для меня весьма интересным; все так ново и отлично от того, что я видел до сих пор: свисток рулевого, снаряжение рей, работа людей на канатах до сигнального свистка; но ничто так не поражает, как быстрота и решительность приказаний и живость, с какой они выполняются. Для того, чтобы быть окончательно готовыми к отплытию, осталось сделать очень мало. Все запасы сделаны, и вчера было погружено от 5 до 6 тысяч коробок консервированного мяса. Ни один дюйм помещения не пропадает зря и в трюм едва ли можно было бы поместить еще одну корзину с хлебом. Мои представления о внутренности корабля были приблизительно столь же неопределенны, как представления некоторых людей о внутренности человека, а именно: большая полость, содержащая воздух, воду и пищу, безнадежно перемешанные.

24 ноября.—Прекрасный день, превосходный для наблюдений. Все с радостью приветствовали солнце, ибо пока не установится хорошая погода, мы не можем оставить гавань. В течение дня я был на корабле несколько раз, но мне не удалось сделать что-либо полезное, так как меняли место стоянки, а это не время для сухопутного человека надоедать со своим хламом.

25-го.—Был очень занят на корабле уборкой своего платья и затем приведением в порядок своих книг; оставил корабль только когда стемнело.

26-го.—Опять занимался весь день приведением в порядок книг. Нам (Стоксу и мне) удалось привести кормовую каюту в весьма приличный вид. Закончив это и доставив на корабль несколько своих собственных вещей, Кинг и я пошли гулять по берегу моря и вернулись домой через парк лорда Маунт Эджкомба. День был очень хороший и вид Плимута был необычайно поразителен. Страна до того испещрена морскими рукавами, что со всякого пункта представляется совершенно новый, другой вид.

27-го.—Пустой день; с удовольствием совершил прогулку в шлюпке капитана Фиц Роя и затем сделал некоторые визиты.

Понедельник, 28-го.—Капитан Фиц Рой дал великолепный завтрак, на который было приглашено около сорока человек: это было нечто вроде празднования корабельного новоселья; и все шло хорошо; вечером танцовали вальс, продолжавшийся до тех пор, пока все не разошлись.

29-го.—Сегодня у капитана опять собралось большое общество, но в другом составе; так как я чувствовал себя не очень хорошо, я туда не пошел. Вечером обедал с сэром Мэнлей Диксоном.

30-го.—Капитан Кинг провел здесь все утро, и я имел с ним кое-какой весьма интересный разговор о метеорологии, которой он посвящал много внимания во время своего последнего путешествия.

Потом я совершил весьма интересную прогулку в Корсан; все мои мысли сосредоточены теперь на будущем, и я с большим трудом могу говорить и думать о чем-либо другом. Когда я впервые получил предложение отправиться в путешествие, я находился в таком же состоянии,—очень оно беспокойное, но на этот раз положение имеет то большое и решительное преимущество, что все определенно и твердо установлено.

1 декабря.—Завтракал с капитаном Кингом. Уполномоченный принял участие в поездке лорда Грейвса для осмотра «Каледонии» и предложил мне место на яхте. «Каледония», по всеобщему признанию, считается одним из прекраснейших кораблей в мире, она стоит 12 032 фунта стерлингов. Такое большое судно представляет изумительное зрелище; удивительно, с какой точностью идет все управление и как среди такого количества [людей и вещей] господствует такой порядок. Когда к нему приближаешься, то гудение напоминает отдаленный вечерний шум города.

2-го.—Работал весь день, приводя в порядок и укладывая в ящики свое добро. Эразм [309] приехал после обеда, и я провел с ним весьма приятный вечер.

3-го.—Все время занят [приемкой] заказанных [предметов], уплатой [по счетам], упаковкой всех своих бесчисленных вещей; с каким нетерпением я ожидаю понедельника, даже морская болезнь должна быть лучше, чем это состояние утомительного ожидания. Пребывание здесь Эразма—большое удовольствие, но я вижусь с ним мало.

4-го.—Впервые делаю свою запись на корабле; сейчас около часа дня, и я намерен спать в своем гамаке. Я так сделал в прошлую ночь и испытал в высшей степени забавную трудность попасть в него; так как я привык ездить верхом, то я сделал большую ошибку, пытаясь сначала устроить ноги. Так как гамак подвешен, то я таким образом только успевал отталкивать его, ни в малейшей степени не обеспечивая продвижения в него собственного тела. Правильный способ состоит в том, чтобы аккуратно сесть в центре гамака, затем сделать ловкий бросок, и тогда ваши голова и ноги попадут на свои места. Я уверен, что через некоторое время я, как и другие, найду гамак очень удобным. День я провел отчасти на корабле, отчасти со своим братом; вечером капитан Кинг со своим сыном, Стокс, мой брат и я обедали с капитаном Фиц Роем.

Утром корабль порядочно качало, но я не испытывал никаких неудобств; это позволяет мне сильно надеяться, что я не буду страдать от морской болезни. Я нахожу, что и другие опираются на эту слабую поддержку. Да не постигнет нас разочарование. Очень приятно разговаривать с вахтенным офицером ночью, все так спокойно и тихо, ничто не нарушает тишины, кроме получасовых звонков. Пойду теперь и пожелаю спокойной ночи Стюарту (дежурному офицеру) и затем поупражняюсь в искусстве вскакивать в гамак.

Понедельник, 5-го.—Утро было довольно ясное и видимость неплохая, так что мы теперь готовы к долго откладывавшемуся моменту

отплытия. Однако, с полудня подул сильный ветер с юга и возможно, что мы не будем в состоянии оставить гавань. Судно порядочно качало, и я был почти болен. Вернулся домой весьма огорченный, но думаю полечить себя тем, что оставшееся время буду спать на твердой, плоской, устойчивой кровати. Вечером обедал с Эразмом. Я не часто буду иметь такие спокойные уютные обеды. Пользуюсь случаем упомянуть о весьма любопытном обстоятельстве, которое здесь наблюдали лодочники. Когда строили стены гостиницы на глубине шести фатомов в воде, люди подавали сигналы, стуча изнутри водолазного колокола. Этот стук лодочники слышали всюду; даже в Торпойнте, на расстоянии двух миль, он звучал так, как будто кто-то ударял о лодку небольшим молотком, и в течение долгого времени это приводило лодочников в полное замешательство, так что они вытаскивали лодку, полагая, что это краб или другое животное.

6 декабря.— Опять отплытие было отложено. Утром ветер был ю.-з., но легкий; потом он перешел в сильный шторм с юга; Стокс и я привели в порядок кормовую каюту, после чего я был вынужден быстро удалиться на берег. Я не мог бы выдержать качку даже в течение короткого времени, если бы я не ушел весь в работу. Вечером обедал с Эразмом.

7-го.— С каждым днем становится все неприятнее оставаться так долго в гавани; наконец, мне нечего больше делать. Все находится на корабле, мы ждем только прекращения нынешнего ветра и тогда мы отплывем. Сегодня утром дул весьма сильный ветер с этой несчастной ю.-з. стороны. «Бигль» убрал брамстеньги и стал против ветра.

8-го.— Эту запись и запись двух последних дней я делаю в своем собственном углу. Каюта начинает теперь выглядеть комфортабельной, но все же еще очень сильно загромождена. Сегодня скверный, дождливый день и нет никаких надежд на перемену ветра; первый мой вопрос каждое утро—какой ветер? Поскорей бы наступил счастливый день, когда ответ будет гласить: с.-в.

9-го.— Окончательно привел в порядок кормовую каюту. Эразм и я совершили затем продолжительную и весьма приятную прогулку на Маунт Эджкомб. Вид оттуда в высшей степени поразительный и необычный, вид с птичьего полета на три больших города—Девонпорт, Стонхауз и Плимут, расположенных на морских рукавах и видимых с чрезвычайно красивого и живописного холма. Вечером обедал в последний раз со своим братом.

10-го.—Рано утром проливной дождь; затем небо стало очень чистым, легкий ветер с Ю.-З. Мы все подумали, что погода установится. Вчера ночью капитан сказал, что возможно, что мы отплывем сегодня; сообразно с этим мы в 9 часов подняли якоря и вскоре после 10 отплыли. Эразм находился на корабле, и мы с удовольствием покатались, пока не обогнули волнолома; здесь он нас оставил, и здесь началось мое несчастье. Я скоро основательно заболел и оставался

в таком состоянии до вечера, когда барометр предупредил нас, что с Ю.-З. идет сильный шторм. Волны подымались очень высоко и корабль сильно качало. Я страдал страшнейшим образом, такой ночи я никогда еще не проводил, со всех сторон ничего, кроме горя; завывание ветра и шум моря, хриплые крики офицеров и восклицания матросов составляли концерт, который я не скоро забуду.

11 декабря.— Это продолжалось до утра воскресенья, когда было решено вернуться в Плимут и оставаться там до более благоприятного ветра. Мы добрались до места нашей стоянки у Барнеттова пруда приблизительно в 12 часов дня, и сейчас мы лежим спокойно и уютно. Через короткое время Мэстерс, товарищ по несчастью, и я предприняли продолжительную прогулку, которая значительно оживила нас, но все же до сих пор голова у меня кружится и не в порядке. Я был удивлен, убедившись, что отъезд из Англии, как я тогда думал—на четыре года, очень мало или совсем не подействовал на мои чувства. Я думал, что буду испытывать те же ощущения замирания сердца, какие я почувствовал при первом предложении принять участие в экспедиции. Я оставил гавань так же спокойно, как будто бы я отправлялся в короткую экскурсию во Францию. Я думаю, что я так часто и так глубоко обсуждал этот вопрос, что никакие новые и свежие идеи, связанные с ним, не могут возникнуть в моем уме, а интенсивность чувствований создается их новизной. После того как я имел так много времени, чтобы принять решение, я пришел к твердому убеждению, что поступил правильно, приняв предложение; но все же я думаю, что еще неизвестно, насколько моя жизнь станет от этого счастливее. Если я сохраню свое здоровье после возвращения и затем буду иметь достаточно силы духа, чтобы устроить свою жизнь, то мои нынешние и будущие страдания и отсутствие комфорта будут обильно возмещены. Я считаю необходимым забыть о множестве маленьких удобств, которыми наслаждаешься на берегу, почти не замечая их. Ничего нельзя сделать без особых добавочных усилий; даже книгу нельзя взять с полки или кусок мыла с умывальника без того, чтобы не поколебаться, стоит ли помыть руки или прочесть какой-либо отрывок.

Понедельник, 12-го.— Бурная погода; корабль порядочно качает; и я, действительно, чувствовал себя весьма неудобно. Я ожидаю морской болезни с величайшим опасением не столько с той точки зрения, что я буду страдать в течение двух или трех недель, сколько из-за того, что я стану неспособным к какой-нибудь активной работе на гораздо более продолжительный срок. Среди дня отправился пешком в залив Корсан и там наслаждался видом бурных морских волн, с шумом и пеной разбивающихся о скалы. Нет удовольствия, равного тому, которое создается красивым пейзажем и упражнением; и этой стороны нашего путешествия я ожидаю с гораздо большим энтузиазмом, чем всякой другой. Обедал с сэром Мэнлей Диксоном, приятным, спокойным компаньоном, хотя, я подозреваю, весьма скучным для всякого другого, кроме меня, ибо главной темой нашего разговора был «Бигль», а это теперь единственное, что меня интересует вообще. Поддерживать беседу в обществе нелегкое дело во

всякое время, а теперь это особенно тяжело. — Поехали в лодке на корабль и долго и тяжело поработали на веслах, но теперь я сижу в своем собственном углу, уютном и спокойном, и прислушиваюсь к шуму ветра, гуляющего по снастям, и испытываю такое же самое чувство, какое часто ощущал, сидя у рождественского огня. Пробило восемь склянок—это значит 12 часов, так что я вернусь в свой гамак.

13 декабря.—Пустой день; впервые обедал в каюте капитана и чувствовал себя совсем как дома. Из всех льгот, предоставленных мне капитаном, ни одна не будет столь существенной, как возможность столоваться вместе с ним. Я часто прихожу в ужас при мысли о количестве предметов, которыми мне придется заниматься. Трудно составить какой-нибудь план, а без плана, я уверен, на корабле очень мало можно сделать. Главными предметами являются, во-первых, собирание коллекций, наблюдение и чтение во всех областях естественной истории, с какими мне удастся справиться. Метеорологические наблюдения, занятия французским и испанским языками, математикой и немного классическими сочинениями, быть может, не больше чтения Завета по-гречески в воскресные дни. Помимо всего этого я рассчитываю вообще почитать ту или иную английскую книгу для развлечения. Если у меня не будет достаточно энергии, чтобы заставить себя упорно работать во время путешествия, то я упущу большой и редкий случай для самоусовершенствования. Об этом я никогда не должен забывать и тогда, быть может, я буду иметь такой же случай для воспитания своего ума, какой я упустил в Кембридже.

14-го.—Прекрасный день, подающий большие надежды на попутный ветер. Совершил свою обычную и восхитительную прогулку в красивую местность вокруг Маунт Эджкомба. Все, связанное с одеванием и сном, было до сих пор величайшим камнем преткновения на моем пути к комфорту. Но даже и эти трудности исчезают. После бесконечных изменений удалось сделать мой гамак плоским, и я приучил себя к правильному способу одевания и раздевания[310].

Отдан приказ об отплытии завтра утром.

15-го.—Ветер продолжает дуть в прежнем ю.-з. направлении, что независимо от нашей задержки, повидимому, неизменно приносит с собой дурную [погоду]. Корабль полон ворчунов и брюзг, и я в ожидании морской болезни чувствую себя как нельзя хуже. Время, однако, проходит очень приятно, но вместо работы я занят весь день приведением в порядок всего моего скарба и—немного—чтением отрывков из Бэзил Холла[311].

16-го.— День закончился почти так же, как вчерашний. Я сижу в своем углу, чувствуя себя дома весьма комфортабельно. Сегодня я впервые провел на корабле весь день. Ветер и ливень бурно обрушились на нас.

17-го.—Пошел с Селиваном и Кингом на берег моря возле Рамхэда и там наблюдал, как дикое бурное море разбивается о скалы.

Мы проходили через селение Корсан, представляющее собой одно из наиболее любопытно построенных мест, которые я когда-либо видел. Ни одна из улиц не имеет тридцати ярдов прямого направления, и все они до того узки, что телега безусловно не могла бы по ним проехать. Оно расположено в очень красивой маленькой бухточке, в которой находят себе защиту от волн многочисленные лодки рыбаков и контрабандистов. Наш старый враг, сильный ю.-з. ветер, гуляет по снастям; сегодня он заставил вернуться бриг, который отплыл из Плимута три недели тому назад, так что мы вместо недовольства должны испытывать чувство благодарности за то, что остаемся на нашей нынешней уютной стоянке. Я чувствую себя на борту корабля, как дома, и новизна этого чувства еще не прошла, точно так же я не перестал еще восхищаться необычайным счастьем, давшим мне возможность получить то, о чем я не мог даже мечтать при самом необузданном воображении. Если желательно посмотреть мир, то трудно представить себе более редкий и превосходный случай, чем этот. Необходимо пройти через все предварительные приготовления к морскому путешествию, чтобы как следует понять, что̀ это за трудное дело. Это мне полностью объясняет, по какой причине так мало людей избирает для своих путешествий неисхоженные пути.

18 декабря.— Обедал в 12 часов с мичманами и затем пошел в бухту Уитсона с Байно и Стоксом; море здесь имело в высшей степени грандиозный и величественный вид. На пространстве почти в четверть мили оно представляло собой смешанную массу бурунов, а белый покров пены был похож на большое скопление снега. Каждая волна, ударяясь о скалы, подбрасывала брызги до самой вершины холма, и наши лица стали мокрыми. Как бы для того, чтобы дополнить картину, какой-то одинокий человек стоял на скале, наблюдая, не произойдет ли где случайного крушения.

Понедельник, 19-го.—Прекрасный спокойный день с легким северным ветерком. Имеются все данные за то, что завтра утром мы отплывем. Поднятие нашего якоря будет встречено всеобщей радостью.

20-го.— Дождь лил потоками и ю.-з. ветер дул все утро, но теперь луна ярко светит над морем, которое выглядит таким спокойным, что, кажется, никогда уже буря не растревожит его снова. Ничего не может быть более красивого, чем вид с нашей нынешней стоянки в такую ясную ночь, как эта; залив похож на озеро. Да не окажется все это ложными признаками, дабы наше разочарование не стало более горьким. Моряки заявляют, что кто-то на берегу держит черную кошку под лоханью и что по этой-то причине мы и задерживаемся в гавани.

21-го.— Утро было весьма спокойным и солнце сияло красным светом сквозь туман: все обещало устойчивый с.-в. ветер и счастливое путешествие. Но все же мы вынуждены оставаться здесь, то заклиная, то ругая ю.-з. ветры. От момента, когда мы подняли

якорь, и до того, как мы снова его опустили, все шло неудачно. Мы снялись с места в 11 часов при легком с.-з. ветре и, пока мы обходили остров Дрэка, начались наши несчастья. Стояли сизигии и был как раз момент самого низкого отлива; это было забыто, и мы натолкнулись сразу на скалу, лежащую за углом. Ветер был очень слабый и волны на море почти не было, так что хотя корабль засел крепко, почти на полчаса, но не был поврежден. Были испробованы все средства, чтобы сняться с камня; наиболее успешным оказалось перебегание всех присутствующих на корабле в разные части палубы, что вызывало колебательные движения судна. Наконец, мы сдвинулись с камня и вышли из гавани, ни в малейшей степени не пострадав в результате этого маленького происшествия. Вскоре после того, как мы вышли в открытое море, я заболел; в 4 часа я спустился в каюту капитана и проспал там до 8, после чего я перешел в свой гамак, где наслаждался в высшей степени спокойным сном до утра. Как только стало светло, Стокс и я взглянули на карманный компас, который, как мы решили, был заколдован, так как указывал на С.-В. вместо направления нашего пути с З. на Ю. Наше недоумение было рассеяно Уикгемом, который просунул голову в дверь и разъяснил нам, что мы через час будем в Плимутском заливе. Во время средней вахты ветер начал менять свое направление и к 4 часам, когда мы находились только в 11 милях от [мыса] Лизарда, подул крепкий ю.-з. ветер и мы вернулись на старое место со скоростью одиннадцати узлов в час.

22 декабря.—Весь этот день я чувствовал себя не совсем хорошо; предпринял длинную прогулку со Стоксом и Байно; все время дождь лил, как из ведра. По какой-то несчастной случайности якорь при опускании запутался в цепи; чтобы освободить якорь, пришлось тяжело поработать восемь часов. Вечером матросам был выдан паек в двойном размере. Несколько кораблей, которые отплыли вместе с нами, были равным образом вынуждены вернуться обратно.

23-го. Утром Селиван, Байно и я состязались в стрельбе из ружья за несколько бутылок разного сорта вина, которое должно быть оплачено и выпито на острове Мадере. Вечером пошел со Стоксом на скверный концерт. Хотя я все время горько жалуюсь на длительные задержки и мучения, которые нам пришлось претерпеть, но на самом деле я думаю, что они оказались для меня весьма полезными, так как я таким образом освоился с морскими обычаями, не будучи вынужден в то же время бороться с бедствиями болезни.

24-го.— Скучный и пустой день.

25-го.— Рождество; утром пошел в церковь и нашел там в лице проповедника старого кембриджского приятеля Хора. Обедал в 4 часа с офицерами из оружейной камеры. Для меня полезно время от времени обедать там, ибо это заставляет меня как следует ценить выпавшее на мою долю счастье жить с *капитаном*. Офицеры все очень дружны между собой. Все же у них чувствуется недостаток интимности, вызываемый, как я думаю, разницей в чинах; это значительно

понижает удовольствие от пребывания в их обществе. Вероятность ссоры на корабле и всяких неприятностей в результате ее производит действие, противоположное тому, чего хотелось бы ожидать; вместо того, чтобы каждый старался как можно больше способствовать усилению дружеского общения, все признают, по-видимому, установленной истиной, что самые лучшие друзья становятся скоро величайшими врагами. Для меня удивительно, что эта независимость друг от друга, которая является столь существенной частью характера моряка, не создает крайнего эгоизма. Я не думаю, что это оказывает такое действие, и весьма вероятно, что эта независимость приносит пользу, уменьшая количество ссор, которые всегда должны возникать среди людей, живущих в таком тесном общении друг с другом. Но от чего бы это ни происходило, совершенно изумительно, что беседа деятельных интеллигентных людей, которые видели так много и характеры которых так рано и решительно определились, до такой степени лишена всякого интереса.

Рождество имеет большое значение для матросов; все они изрядно выпили и сейчас на корабле нет ни одного трезвого матроса; обязанности часового вынужден нести Кинг, так как последний часовой заявил, еле держась на ногах, что он больше не будет стоять на посту, после чего он теперь вытрезвляется в кандалах так быстро, как только может. Где бы они ни находились, день Рождества они требуют для себя, и этот день они отдают исключительно пьянству, этому единственному и никогда не обманывающему их удовольствию, которого моряк всегда ожидает с нетерпением.

Понедельник, 26 декабря.— Прекрасный день, превосходный день для отплытия, но возможность была упущена вследствие пьяного состояния и отсутствия почти всего экипажа. Корабль находился весь день в состоянии анархии. Один праздничный день причинил все это бедствие; это доказывает, как абсолютно необходима строгая дисциплина среди таких неустойчивых людей, как моряки. Некоторые были наказаны за дерзость тем, что просидели восемь или девять часов в тяжелых кандалах. В таком состоянии они вели себя, как дети, ругая всех и все, кроме себя самих, а вслед затем почти плача. Весьма неудачное начало—сразу подвергнуть наказанию такое количество лучших наших матросов; однако, не было никакого выбора и сделать это было необходимо. Обедал в оружейной камере и провел приятный вечер.

27-го.—Сегодня, 5 января, я записываю воспоминания о своих несчастьях за последнюю неделю. Прекрасный день, сопровождаемый долгожданным восточным ветром. Снялись с якоря в 11 часов и с трудом повернули корабль. Уполномоченный капитан Росс отплыл с нами в своей яхте. Капитан, Селиван и я устроили прощальный завтрак с бараньими котлетами и шампанским, что, я надеюсь, послужит мне извинением за полное безразличие к оставлению Англии. Мы присоединились к «Биглю» приблизительно в 2 часа по ту сторону волнолома и немедленно пошли вперед на всех парусах при легком ветре со скоростью 7 или 8 узлов в час. В этот вечер я не болел, но отправился спать рано[312].

28 декабря.—Когда я утром проснулся, ветер дул со скоростью восьми узлов в час; вскоре я заболел и оставался в таком состоянии весь день. Голова моя была занята неприятнейшими мыслями по поводу наказания розгами нескольких матросов за нарушения, вызванные снисходительностью, которая была оказана им в день Рождества. Я сомневаюсь в том, чтобы эта мера делала более или менее простительными их преступное пьянство и вызванную им дерзость.

29-го.—В полдень мы были в 380 милях от Плимута; осталось до Мадеры 800 миль. Мы находимся в Бискайском заливе, и на море довольно большое волнение. В течение дня я несколько раз испытывал чувство сильной тошноты. Между прежней моей морской болезнью и нынешней существует большая разница, а именно отсутствие головокружения: моим глазам уже не неприятно смотреть; даже несколько забавно, лежа в гамаке, наблюдать, как луна и звезды совершают небольшие периодические движения по своим новым видимым орбитам. Я изложу теперь весь свой опыт в морской болезни, купленный мною дорогой ценой. Прежде всего бедствие это огромно и далеко превосходит все то, что может предположить человек, никогда не бывавший в море больше нескольких дней. Единственное облегчение мне доставляло горизонтальное положение; но нельзя никогда забывать, что чем больше вы будете бороться с врагом, тем скорее он уступит. Я нашел, что единственное, что мог выносить мой желудок, это бисквит и изюм; когда же такая пища сильно меня истощала, и я скоро утомлялся, то наилучшим лекарством являлось саго, приготовленное с вином и пряностями, и притом в горячем виде. Но единственная верная вещь—это лежать, и если в гамаке, то тем лучше.

Вечера уже заметно длиннее и погода много мягче.

30-го.—В полдень, пройдя через знаменитый Бискайский залив, находимся на широте 43°, к югу от мыса Финистерре[313]; отчаянно пал духом и очень болен. Я часто говорил перед отъездом, что не сомневаюсь в том, что не раз буду раскаиваться во всем предприятии; мало я тогда думал, с какой горячностью я это буду делать. Трудно представить себе более жалкое состояние, чем то, когда голова занята такими темными и мрачными мыслями, какие преследовали меня сегодня. Я едва простоял пять минут на палубе и был поражен видом моря. Вода в открытом океане отличается от воды близ берега так же, как озеро от небольшого пруда. Такую новую красоту всему виду придает не только густая синева воды, но блеск ее окраски вместе с белыми гребешками волн. Мне приходилось видеть произведения живописи, дающие правильное представление об этом.

31-го.—Утром чувствовал себя очень неважно; около полудня поднялся и наслаждался несколько минут сравнительным спокойствием. Стая дельфинов, ныряющих вокруг корабля, и буревестник, скользящий по волнам, были первыми интересными предметами, которые я увидел. Время после полудня я провел очень приятно, лежа на диване, беседуя с капитаном или читая блестящие описания тропических видов Гумбольдта. Ничто не может быть более подходящим для поднятия духа страдающего морской болезнью человека.

1 января.— При моем желчном настроении новый год подарил меня в высшей степени мрачной картиной. Утром почти спокойно, но мертвая зыбь на море. Вечером подул свежий противный ветер. Этот и три следующих дня были для меня днями больших и непрекращающихся страданий.

Понедельник, 2-го.— Бурная погода. Я был близок к потере сознания от истощения.

3-го.— Мы искали Восемь камней и прошли над тем местом, где они отмечены на картах. Быть может, они вулканического происхождения и с тех пор исчезли. Порто Санто ночью показался на горизонте, а с расветом мы увидели его; через несколько часов прошли Мадеру, оставив ее с запада. Так как якорная стоянка здесь плохая и высадка на сушу затруднительна, мы не сочли нужным лавировать для того, чтобы остановиться здесь.

4-го.— Сообразно с этим мы направились к Тенерифу. Я был так болен, что не мог даже подняться наверх посмотреть на Мадеру, когда мы были в 12 милях от нее; вечером мне стало немного лучше, но чувствовал себя сильно истощенным.

5-го.— Сегодня утром прошли в нескольких милях от скалы Питон, самой южной из [группы скал] Сальважеш[314]: это дикая обрывистая и необитаемая скала. В полдень мы были в 100 милях от Тенерифа. День был прекрасный, и я чувствую себя настолько лучше, что могу наслаждаться им; воздух очень мягкий и теплый; он напоминает весенний день в Англии, но небо здесь значительно ярче и воздух гораздо более прозрачен. На море была очень сильная мертвая зыбь, похожая на то, что можно видеть на Тихом океане: океан потерял свой плоский вид и выглядел больше как волнообразная равнина.

6-го.—Крейсируя в течение ночи, мы на рассвете очутились в виду Тенерифа, на расстоянии 12 миль к Ю.-З. от него. Мы находимся теперь в нескольких милях от него и держим курс при легком ветре на Санта Крус, который на этом расстоянии выглядит маленьким городком, построенным из белых домиков и расположенным очень плоско. Мыс Нага, который мы теперь огибаем, представляет собой суровую необитаемую массу высоких скал с замечательно резкими и разнообразными контурами. Если ее нарисовать, то не получится ни одной прямой линии. Все имеет красивый вид: краски так богаты и мягки. Пик, или Сахарная Голова, только что появился над облаками. Он поднимается в небо вдвое выше, чем можно было бы думать, глядя на него. Густая масса облаков совершенно отделяет снежную вершину от его неровного основания. Сейчас около 11 часов, и я снова должен взглянуть на этот долгожданный объект моих стремлений. О горе, горе, мы только что приготовились бросить якорь на расстоянии полумили от Санта Крус, как появилась шлюпка, привезшая нам смертный приговор. Консул заявил нам, что мы должны выдержать строгий карантин в 12 дней. Тот, кто этого не испытал, едва ли

Виды Мадеры.

Рисунки Р. Н. Гаммонда.

может понять, какую это наводит тоску на всякого; вопрос был скоро решен капитаном, отдавшим приказ поднять все паруса и взять курс на острова Зеленого Мыса. И мы оставили, быть может, одно из самых интересных мест в мире как раз в тот момент, когда мы были довольно близки от предметов, возбуждавших наше крайнее любопытство, удовлетворить которое мы были лишены возможности. Обрывистые долины, которые разделяли на параллельные ряды коричневые и пустынные холмы, были покрыты там и сям пятнами светлозеленой растительности и придавали пейзажу в моих глазах совсем новый вид. Однако, я полагаю, что вулканические острова в одной и той же зоне имеют в значительной степени один и тот же характер. На палубе сегодня, сравнивая этот вид с другими, признали его весьма сходным с другими местами, особенно с Тринидадом в Вест-Индии. Санта Крус все считают безобразным и неинтересным; на меня он произвел противоположное впечатление. Пестро окрашенные в белый, желтый и красный цвета дома, восточного вида церкви и низкие темные батареи с развевающимся над ними ярким испанским флагом представляли в высшей степени живописную картину. Маленькие торговые суда с их наклонными мачтами на великолепном фоне вулканической скалы еще более усиливали красоту вида. Но все это прошло, и завтра утром мы, вероятно, увидим только серые контуры окружающих холмов. Однако, пока что мы находимся всего в нескольких милях от города; сейчас около 10 часов, и мы на некоторое время попали в штиль. Ночь делает все, что в ее силах, чтобы смягчить нашу печаль; воздух тихий и восхитительно теплый: единственные звуки—журчание волн, рассекаемых кормой, и ленивое хлопание парусов вокруг мачт. Я могу уже понять энтузиазм Гумбольдта по поводу тропических ночей; небо до того чисто и прозрачно и бесчисленные звезды светят так ярко, что, подобно маленьким лунам, отражают свое сияние на волнах.

7 января.— В течение ночи мы лавировали при легком переменном ветре и утром перед нами открылся в высшей степени грандиозный вид. Солнце подымалось позади острова Гран Канария и ярко освещало его зубчатые очертания. Тенериф, еще серый от утреннего тумана, лежал к западу; так как часть облаков рассеялась, то снежный пик был виден во всем своем величии. Когда солнце поднялось, оно осветило эту массивную пирамиду, которая частью открыто высилась в синем небе, а частью была завуалирована перистыми облаками; все это представляло в высшей степени красивую и разнообразную картину. Такие моменты могут и действительно являются вознаграждением за мучительное страдание от болезни. Ветер дул в направлении Санта Крус, но скоро, перед тем как мы достигли города, он утих. День представлял для меня большой интерес; все на корабле были чем-нибудь заняты: некоторые стрельбой, другие ловлей рыбы; все развлекались. Никто не мог устоять против такой восхитительной погоды, ничто не напоминало о существовании таких крайностей, как жара и холод. В течение дня мы часто видели вершину пика, но остальная часть горы даже со стороны воды была скрыта; тогда-то меня больше всего поразила крайняя высота пика. Некоторые старинные картины, на которых изображен Юпитер и другие боги,

спокойно беседующие на скале среди облаков, дают приблизительное представление о Тенерифском пике.

Попутный ветер гонит нас от берега; так много приходилось читать описаний этого острова, что расстаешься с ним, как с другом; совсем другое чувство я буду испытывать, когда увижу Анды.

8-го и понедельник, 9 января. Эти два дня я провел спокойно за чтением; ничто не напоминало, что вы плаваете не в Английском канале.

10-го.—Сегодня утром мы пересекли тропики; если бы наш путь не лежал дальше, Нептун выполнил бы здесь свои страшные экваториальные обряды. Погода прекрасная и чуть-чуть жарче, чем в середине нашего лета; мы все оделись в легкие платья; какой контраст за две недели по сравнению со скверной, дождливой погодой в Плимуте. Вечером был великолепный закат солнца, за которым последовало не менее великолепное лунное сияние ночью. Я не думаю, чтобы я когда-нибудь до сих пор видел закат солнца при ясном горизонте. Я, конечно, не замечал никогда чудесной быстроты, с какой солнечный диск, коснувшись океана, погружается в него. Сегодня я проверил полезность одного изобретения, которое доставляет мне много часов развлечения и работы,—это корзина глубиной в четыре фута, сделанная из тряпок и прикрепленная к дуге в половину круга; при помощи линей корзину держат в натянутом состоянии и волочат позади корабля. Сегодня вечером она принесла мне массу маленьких животных, а завтра я жду более богатой добычи.

11-го.—Я очень устал от работы в течение всего дня над добычей моей сети. Число животных, собираемых сетью, весьма велико и полностью объясняет, каким путем такое множество животных большого размера может существовать так далеко от суши. Многие из этих созданий, стоящих на очень низкой ступени развития, в высшей степени изысканны по форме и богатству красок. Приходится изумляться, что так много красоты создано для такой незначительной, повидимому, цели. Погода превосходная, и синева неба, еще более оттененная белыми облаками, прямо поразительна. Снова восхищался я быстрым движением заходящего солнца. Сначала мне совсем не пришло в голову, что это вызывается изменением широты: я забыл, что то же вертикальное движение солнца, которое является причиной коротких сумерек на экваторе, обязательно должно ускорять исчезновение солнца за горизонтом. Средняя температура на основании 12 наблюдений составляла для 10-го $73^1/_2$°.

12-го, 13-го.—Это были два спокойных, неинтересных дня: время мое со дня изготовления сети было полностью занято собиранием многочисленных маленьких морских животных и наблюдениями над ними. Жизнь в открытом море настолько приятна, что мне стало совершенно безразлично, придем ли мы в какой-либо порт неделей раньше или позже. Приходится весьма пожалеть, что мы не в состоянии были остановиться на Тенерифе. Сант Яго до того жалкое место, что моя первая высадка в тропической стране не оставит того

прочного впечатления красоты, которое описывают столь многие путешественники.

14 и 15 января.—Эти дни, как и два предыдущих, быстро протекли, не оставив ничего достойного быть отмеченным. Погода была тихая и для моряков весьма надоедливая: весь день 15-го мы кружили вокруг с.-з. конца Сант Яго, причем так мало подвинулись вперед вследствие сильного течения, что за несколько часов едва прошли одну милю. Несколько птиц парило вокруг корабля и большой ярко окрашенный сверчок нашел себе небезопасный приют в пределах досягаемости моего пинцета. Он должен был пролететь по меньшей мере 370 миль от берега Африки.

Понедельник, 16-го.— [См. Д. н., стр. 13, строки 11—2 снизу,]. В три часа я отправился с компанией сообщить о нашем приезде губернатору. Разыскав дом, который, несомненно, не отвечает величию его титула, мы были введены в комнату, где великий человек принял нас с утонченнейшей вежливостью. Рассказав нашу историю на весьма забавном языке, представлявшем смесь португальского, английского и французского, мы удалились, сопровождаемые бесконечными поклонами. Затем мы посетили американского консула, который защищает и интересы англичан. Португальцы с большим успехом могли бы уделить этому кварталу немного своей благовоспитанности и вежливости. Меня поразили дома: комнаты просторные, воздуха много, но мебели необычайно мало, да и то в отвратительном вкусе. Затем мы пошли бродить по городу и набросились на апельсины, которые, я думаю, продаются здесь теперь по шиллингу сотня. Я пробовал также банан, но он мне не понравился, так как приторно-сладок и безвкусен. Город представляет собой жалкое место с площадью и несколькими широкими улицами, если только они заслуживают такого почтенного названия. Посредине этих «ruas» расположились кучей козы, свиньи, коричневые и черные дети; некоторые из детей могут похвастать передником, но у очень многих он отсутствует. Эти последние выглядят менее похожими на человеческие существа, чем мое воображение могло ожидать при любой степени вырождения. Имеется значительное количество черных солдат; было бы трудно, думается мне, собрать отряд людей, в столь малой степени способных на что-либо. У многих из них вместо оружия деревянные палки. Прежде чем вернуться к нашей шлюпке, мы прошли через город и вышли к глубокой долине. Здесь я впервые увидел все богатство тропической растительности: тамаринды, бананы и пальмы цвели у моих ног. Я ожидал очень многого, ибо читал описания Гумбольдта, и опасался разочарования; но до какой степени совершенно напрасен этот страх, может сказать только тот, кто испытал то, что испытал сегодня я. Не только грациозность форм этих растений или новизна и богатство их красок, но и бесчисленные и смешанные ассоциации, которые возникают в вашей голове,—вот что производит действие. Я вернулся к берегу, шагая по вулканическим камням, слушая пение неизвестных птиц и видя новых насекомых, порхающих вокруг еще более новых цветов. Это был для меня славный день, я был подобен слепцу, который прозрел,—он подавлен тем, что видит и не мо-

жет правильно разобраться в своих впечатлениях. Таковы мои чувства и да останутся они таковыми.

17 января. Сейчас же после завтрака я отправился с капитаном на остров Куайль (Quail). Это жалкое заброшенное место, имеющее в окружности меньше мили. Здесь предполагается поставить обсерваторию и палатки; это будет для нас нечто вроде главной квартиры. Как ни мало привлекательным показался он нам, я все же думаю, что впечатления сегодняшнего дня не оставят меня никогда. Первое исследование вулканических скал должно быть для геолога знаменательным моментом и таким же является для натуралиста первый взрыв восхищения при виде кораллов, растущих на их родной скале. Будучи в Эдинбурге, я часто смотрел на небольшие лужи, оставляемые приливом; и по мельчайшим кораллам, [выброшенным на] нашем побережье, я рисовал себе кораллы более крупных размеров; мало я думал тогда, как изысканна их красота, и еще меньше ожидал я, что мои надежды увидеть их когда-либо осуществятся. — И тот путь, каким это произошло, не могла бы себе представить и самая необузданная фантазия; подобные мечты на яву возможны лишь тогда, когда выйдешь за пределы узкой рассудительности. Отобрав ряд геологических образцов и собрав многочисленных морских животных, я принялся за завтрак, состоявший из зрелых тамариндов и бисквита; день был жаркий, но не на много больше, чем летом в Англии, и солнце пыталось придать веселый вид мрачным скалам Сант Яго. Атмосфера представляла собой любопытную смесь тумана и ясности; отдаленные предметы сливаются вместе, но на близлежащих скалах каждый угол и красочное пятно ясно видны.

Пусть те, кто видел Анды, выражают недовольство пейзажем Сант Яго. Я считаю, что его необычайно бесплодный характер придает ему величие, которое было бы только испорчено бо́льшим количеством растительности. Я полагаю, что вид здесь настоящий африканский, особенно слева от нас, где на нескольких круглых песчаных холмах видны лишь немногие чахлые пальмы. Я вернулся на корабль тяжело нагруженный своей богатой добычей и был занят весь вечер разбором ее [315].

18-го.—Я был необычайно занят весь день и едва имел время сделать свою ежедневную запись: то небольшое время, когда я находился вне своей каюты, я провел в геологических занятиях на острове Куайль. День был весьма жаркий, и я наслаждался тамариндами и обилием апельсинов. На обед я имел соленое черепашье мясо в качестве рыбы и сладкий картофель в качестве овощей: совершенно корректно и по-тропически.

19-го.—Я совершил прогулку с Мэстерсом. Мы отправились на запад берегом и вернулись обратно внутренней дорогой. Я никогда не воображал себе более голого места, чем это. Не только отсутствие растительности вызывает такое впечатление; все усиливает представление о заброшенности: глаз ничего не встречает, кроме равнин, усеянных черными и выжженными скалами, громоздящимися одна на другую. И все же в этом пейзаже было что-то величественное,

и мне доставило невыразимое удовольствие гулять под тропическим солнцем по дикому и пустынному острову. Увеличение моих коллекций идет прямо великолепно. Меня уже смущает тщеславный страх, что в Англии не найдется никого, кто взял бы на себя смелость исследовать некоторые из менее изученных отраслей. Я был так непрерывно занят предметами, полными нового и живого интереса, что три дня показались мне бесконечно длинными. Я оглядываюсь назад на 16-е, как на давно прошедший период.

20 января.—Я совершил с Маккормиком длинную прогулку внутрь острова. Хотя в такой местности интересных предметов немного, все же может быть по этой именно причине каждый отдельный предмет особенно поражает воображение. Мы пошли по одному из широких водных русел, которые служат путем сообщения для местных жителей; благодаря счастливейшей случайности оно привело нас к знаменитым баобабовым деревьям[316]. Я забыл об их существовании, но вид их немедленно вызвал в памяти описание, которое я раньше читал. Это огромное дерево имеет [в обхвате] 36 футов и 2 дюйма на высоте 2 футов и 8 дюймов от земли. Его вышина ни в какой степени не соответствует его большой толщине. Я не думаю, что оно выше 30 футов. Полагают, что среди существующих пород это дерево одно из наиболее долго живущих. Адансон высказал предположение, что некоторые из них достигли возраста 6 000 лет. Одно из них носит на своей коре следы своей известности; оно столь же испещрено инициалами и датами, как любое дерево в Кенсингтонском саду. Мы шли вперед, испытывая удовольствие только от новизны пейзажа: раскаленное солнце над нашими головами было единственное, что напоминало нам о нашем нахождении в тропиках. Природа здесь бесплодна; ничто не нарушает абсолютной тишины, не видно никакого движения, за исключением ярко окрашенного зимородка с его добычей—менее пестрым кузнечиком. В полдень мы отмерили себе по маленькой порции воды, расположившись в тени тамаринда[317]. Синевато-зеленый оттенок и чрезвычайная легкость перистых листьев придают этой акации в высшей степени приятный вид. Затем мы оставили долину и прошли на Красную гору, имеющую в высоту 1 300 [футов] и состоящую из более новых вулканических пород. На дороге два чернокожих человека принесли нам немного козьего молока; в уплату мы протянули им несколько медных монет; они взяли только полпенни, а когда мы дали им пенни, то с трудом могли помешать им буквально влить нам в рот целую кварту молока. Эти веселые простодушные люди оставили нас с гомерическим смехом. Я никогда не встречал более интеллигентных существ, чем негры, особенно негритянские или мулатские дети: они все *немедленно* заметили и выразили изумление при виде пистонных ружей; каждую вещь они исследуют с живейшим вниманием, и если вы позволите им, то дети, тараторя, вынут у вас из кармана все вещи, чтобы обследовать их. Мой серебряный футляр для карандаша был извлечен и вызвал живое обсуждение. Поймав колющегося наездника[318], дети стали щипать себя, чтобы показать, что насекомое может причинить мне боль. Мы поднялись на вершину Красной горы и оттуда нам открылся обширный вид на одну из наиболее заброшенных

местностей в мире. Дорога домой, близ Прайи, проходила через более плодоносную долину и немногие в силах вообразить, как освежающе действует вид темнозеленой пальмы. Мы вернулись на корабль с сильной жаждой и покрытые пылью, но не очень утомленные; не страдал я также особенно от солнечной жары.

21 января. — Весь день работал над вчерашней добычей. Геология в настоящее время мое главное занятие, и этот остров дает много материала для наслаждения этим занятием. Когда рассматриваешь вулканические горные породы, то испытываешь большое удовлетворение от мысли, что это следы сравнительно недавнего прошлого. Два ярких метеора пролетели с востока на запад.

22-го.—Этот день прошел (и это достойно удивления) почти так же, как и всякое другое воскресенье вне волшебной границы тропиков. Вечером я бродил по острову Куайль и поймал себя на мысли об Англии и ее политике; я убежден, что слово реформа не сошло с уст ни одного человека на корабле с тех пор, как мы увидали Мадеру: до того поглотил нас интерес к новой стране [319].

Понедельник, 23-го. — Пошел с Маккормиком на холм Флагштока. Мы прошли через обширную плоскую равнину. На всем пути мы не встретили почти ни одного зеленого листка, и все же обширные стада коз вместе с кое-каким другим домашним скотом умудряются здесь жить. В этой местности дожди выпадают очень редко и в период дождей появляется масса растительности; она скоро засыхает и увядает и этот жалкий род сена служит пищей для животных; в настоящее время дождя уже не было год, и я думаю, что его уже не будет до соответствующего периода будущего года, а именно октября и ноября. В эти периоды остров чрезвычайно нездоров: несколько лет тому назад один корабль потерял здесь шестерых из своих младших офицеров. Немного к северу от холма мы нашли весьма любопытный овраг, шириной немного больше 30 ярдов и высотой около 200 футов. С некоторым трудом мы обнаружили единственную тропинку у самого конца, по которой мы и спустились. В этой дикой лощине мы нашли гнезда многих птиц; ястребы и вороны и красивые тропические птицы парили вокруг нас; большая дикая кошка проскочила мимо нас и достигла своей норы, прежде чем Маккормик успел выстрелить в нее. Место, казалось, было создано для диких животных; большие громады скал, обвитых сочными ползучими растениями, и земля, усеянная побелевшими костями коз, были бы хорошим обиталищем для тигра.

24-го.—После завтрака в час дня Уикгем, капитан и я отправились к знаменитому баобабу и измерили его более точно. Капитан Фиц Рой сначала измерил угол при помощи карманного секстанта и затем влез на дерево и спустил веревку; оба способа дали одинаковый результат, а именно высоту в 45 футов. Его окружность, измеренная на высоте 2 футов от земли (ввиду того, что там уже не отходили корни), составила 35 футов. Форма его овальная и самый большой видимый диаметр составлял 13 футов. Таким образом, в точном соот-

ношении его вышина в 3,4 раза больше его ширины. Капитан Фиц Рой сделал набросок, давший хорошее представление о его пропорциях; все же на этом наброске высота была только в 2,4 раза больше ширины. Это доказывает то, что так часто наблюдаешь, а именно, что правильный рисунок не дает точного представления об изображаемом на нем предмете. Мы вернулись домой после нашей веселой и приятной прогулки как раз когда стемнело.

Сегодня утром пришла очень красивая шхуна; существует сильное подозрение, что это тайное работорговое судно; она заявила, что ведет торговлю по побережью Африки. Капитан предполагает подвергнуть ее утром осмотру и выяснить, что она собой представляет. Я полагаю, что все хорошо скрыто, ибо иначе она не осмелилась бы войти в гавань, где развевается английский флаг[301].

25 января.— Собрал несколько морских животных на острове Куайль и провел бóльшую часть дня над их исследованием.

26-го.—[Поездка с Роулеттом и Байно в Рибейра Гранде. См. Д. и., стр. 14, строка 22 сверху—стр. 15, строка 6 сверху.]

27-го.— Был занят приведением в порядок вчерашних сборов.

28-го.— Собрал большое количество любопытных и красивых животных из маленьких луж, оставляемых приливом. Окраска губок и кораллин в высшей степени яркая, и любопытно, что по мере приближения к жарким странам вся живая природа становится все более расцвеченной. Относительно птиц, рыб, растений, раковин моллюсков это известно каждому; но [и] окраски этих морских животных соперничают по своей яркости с окраской животных высших классов.

29-го.— На корабле было устроено богослужение, что я видел впервые; это удивительное зрелище, и величайшее внимание к нему со стороны команды делает его более внушительным, чем я ожидал. В воскресенье все на корабле блещет чистотой:—нижние палубы могли бы пристыдить [своей чистотой] многие порядочные дома.

30-го.— Вместе с Кингом отправился на западный берег острова Куайль и собрал там многочисленных, в высшей степени интересных морских животных. Я часто оказываюсь в положении осла между двумя связками сена: так много прекрасных животных приношу я обычно домой. Утром упало несколько капель дождя.

31-го.— [См. Д. и., стр. 15, строки 10—1 снизу.]...Весь этот день я упорно работал с микроскопом над вчерашними сборами.

1 февраля.— Был занят своим обычным делом—морскими животными.

2-го.— [Поездка с Роулеттом и Байно в Сан Доминго. См. Д. и., стр. 15, строки 7—32 сверху.] ...Ничто не привело меня в такое изумление, как темная зелень апельсинных деревьев; некоторые тро-

пические формы можно легко представить себе по оранжерейным образцам или по рисункам, как, например, бананы; но я не думаю, чтобы можно было составить себе правильное представление о красоте апельсинных деревьев или кокосовой пальмы, не видев их в натуральном виде на их родной почве. Мы познакомились с одним в высшей степени гостеприимным португальцем, который отнесся к нам чрезвычайно любезно и угостил нас солиднейшим обедом из мяса, сваренного с различными родами трав и специй, и апельсинного торта. Этот человек—главный владелец плантации и, повидимому, живет с большими удобствами; дом его отличается простотой, но он обладает, быть может, утопическим счастьем выращивать у себя все, в чем он нуждается. Нам сказали, что в двух милях от Сан Доминго имеется озеро; после обеда мы отправились посмотреть его и шли по тропинке вдоль ручья; по обеим сторонам цвели бананы, сахарный тростник, кофейные деревья, гуайява, кокосовые пальмы и бесчисленные дикие цветы. Никто, кроме любителей естественной истории, видевших такие картины, не поймет всей прелести их. Наконец, мы пришли к озеру; конечно, оно оказалось чрезвычайно крошечным, ибо оно имело не больше 20 футов в поперечнике; в этой сухой стране называют таким громким именем небольшую лужу пресной воды. Еще и еще раз насладившись видом этой красивой и уединенной долины, мы вернулись к нашим пони и, пожелав нашему гостеприимнейшему хозяину «buenos dias!»[320], направились прямым путем в Прайю. [Дальше см. Д. и., стр. 15, строки 33—41 сверху.] ...С наступлением темноты мы вернулись в Прайю, не без труда отыскав дорогу, так как наши пони устали.

3 февраля.— Ветреный день; я заметил, что становится довольно прохладно, когда термометр падает ниже 75° при свежем ветре. Бродил вдоль западного берега и нашел несколько красивых кораллов.

4-го.—Отправился с Мэстерсом на высокий холм к северо-востоку от Прайи. По дороге мы видели большую стаю цесарок и их обычного спутника и истребителя—дикую кошку. Эти животные, повидимому, очень обычны на острове; с тех пор как мы здесь, мы видели их очень много.

5-го.— На этот день, вернее, на 6-е, было первоначально назначено отплытие, но капитан настолько увлекся опытами по магнетизму, что отплытие было отложено на завтра. Я был занят своим обычным делом—собиранием морских животных в середине дня и осмотром их—вечером. Ежедневно, когда, возвращаясь на корабль, я обнаруживаю, что сумерки наступили вскоре после шести часов, я чувствую, что сделал очень мало. Дни точно такие же, как в сухое, жаркое лето в Англии, но трудно свыкнуться с тем, что солнце предпочитает заходить до своего привычного времени—около 8 часов.

6-го.— Поехал в лодке собирать кораллы, но не удалось ничего достать. Завтра мы, наверное, отплываем. И я рад этому, ибо с большим нетерпением жду момента, когда можно будет увидеть более

роскошную тропическую растительность, чем здесь. В целом я неплохо использовал время и провел его весьма приятно. Прошло три недели, и весь этот период—что может показаться весьма абсурдным—кажется мне менее длинным, чем любая из его частей. В течение первой недели каждый предмет был нов и полон необычайного интереса и, как замечает Гумбольдт, живость впечатлений придает им эффект длительности; вследствие этого несколько дней казались мне гораздо более длинным промежутком, чем кажутся теперь все три недели.

8 февраля.—Даты последних нескольких дней неправильны, ибо мы, несомненно, отплыли 8-го после полудня. Снова я восхищался разнообразием очертаний холмов, окружающих Прайю; воспоминание о них никогда не исчезнет из моей души.

9-го.—Прекрасный и спокойный день, но я не мог им насладиться, ибо, к великому своему негодованию, я чувствовал себя слабым и не по себе.

10-го.—Утром мы увидели корабль [321]. Мы гнались за ним весь день и только к самому вечеру поровнялись с ним. Это почтовое судно, направляющееся в Рио, и я намерен утром послать письмо [322] в Англию via Рио де Жанейро, ибо таким путем оно, возможно, придет туда скорее, чем каким-либо другим. Сегодня у меня был слабый приступ морской болезни: это очень скверно, ибо интересные объекты попадаются непрерывно. Вокруг корабля можно было видеть множество летучих рыб, но небольших. Все очень довольны плаванием на «Бигле». Несомненно, несколько необычным является то, что мы так легко побили почтовое судно, построенное как военное, но не снабженное пушками. Довольно трудно объяснить тот крайний интерес, который каждый чувствует при встрече с другим кораблем в открытом море. Мы не ожидали никаких новостей и не получили их; и все же я убежден, что все были бы сильно разочарованы, если бы мы не поднялись на него. К нашему стыду, я должен сказать, что мы совершенно забыли о холере, и хотя сами мы ускользнули от карантина у Тенерифа, все же мы не задали ни одного вопроса о наших друзьях в Англии.

11-го.—Мы быстро подвигаемся вперед по пути к экватору.

12-го.—Сегодня на море было небольшое волнение, и я чувствовал себя очень плохо. Это истощило и превзошло тот небольшой запас терпения, которое мне оставили первые дни путешествия. Я провел три дня в мучительном бездельи, в то время как животные глядели мне в лицо без наклеек и научных надписей.

13-го.—Это был первый день, когда жара стала нам в тягость, и сообразно с этим все наслаждались восхитительной прохладой лунных вечеров; но в постели чувствуешь себя, я уверен, совершенно так же, как если тебя парят в очень теплом растопленном масле. Сегодня утром нас гонит славный, свежий пассатный ветер; я называю его

славным потому, что так называют его другие; однако, ужасно горько и мучительно называть славным то, что причиняет так много неприятностей твоему желудку. О, корабль это—истинный ад кромешный, и конопатчики, без устали стучащие молотками над моей головой,— настоящие дьяволы.

14 февраля.—Сегодня в полдень мы были в 150 милях от экватора и познакомились с погодой, которая наблюдается так часто в этих местах. Ветер был легкий и переменчивый, сопровождавшийся небольшими шквалами и обильным дождем. Термометр ночью и днем показывает температуру между 75 и 80°; воздух очень сырой и угнетающий. Вид неба в этих местах вообще поразительный; особенно поражала картина неба после захода солнца. Налицо были все роды и формы облаков, которые своей тенью придавали морю угрюмый черный цвет. Паруса хлопали по мачтам, и длинная волна спокойно качала корабль. Место, где зашло солнце, было отмечено длинной красной полосой на горизонте и выше над ней чистым желтым пространством, которое бросало яркий свет на эту часть океана. В такие моменты особенно хорошо помнишь, что много миль отделяет наш корабль от всякой земли.

Все живут предчувствием появления Нептуна, и я слышу лишь, как везде точатся бритвы о камень и готовится мыльная пена из краски и дегтя; все это должно быть пущено в дело благороднейшим *valet de chambre*.[323]

15-го.—Прямо впереди увидал скалы Св. Павла: в течение ночи приблизились к ним и сегодня *(16-го)* утром были в нескольких милях от них. Когда мы подошли на расстояние в 3 мили, были спущены две лодки, одна с м-ром Стоксом для обследования острова, другая с м-ром Уикгемом и мною для того, чтобы позаняться геологией и пострелять. [Дальше см. Д. и., стр. 18, строки 18—15 снизу и стр. 20, строки 9—13 сверху] ...Вечером началась церемония пересечения экватора. Вахтенный офицер доложил, что впереди видна шлюпка. Капитан скомандовал: «Все наверх, убавить парусов», и мы легли в дрейф, чтобы побеседовать с м-ром Нептуном. Капитан имел беседу с ним через рупор, в результате чего утром он нанесет нам визит.

17-го. —Мы пересекли экватор, и я подвергся неприятной операции бритья. Сегодня утром, около 9 часов, мы, бедные «новички», числом тридцать два, были собраны на нижней палубе. Люки были закрыты, так что мы очутились в темноте, и было очень жарко. Потом к нам пришли четверо констеблей Нептуна, которые повели нас по одному на палубу. Я был первым и отделался легко: все же я нашел этот водный обряд достаточно неприятным. Прежде чем пойти наверх, констебль завязал мне глаза и в таком виде повел, причем со всех сторон меня обливали с шумом целыми ведрами воды; затем меня поместили на доску, которую легко можно было опрокинуть в большую ванну с водой. Здесь мне намылили лицо и рот дегтем и краской, часть которых была собрана с моего лица куском шероховатого железного обруча; по данному сигналу меня опрокинули с головой в воду, где два человека приняли меня и окунули. Наконец, к моему

великому удовольствию, меня освободили; с большинством других поступили гораздо хуже: им впустили в рот грязную смесь, которой им натерли лица. Весь корабль превратился в сплошную баню, и вода лилась ручьями во всех направлениях: конечно, все, даже капитан, промокли насквозь.

18 февраля.—Наконец, я с уверенностью могу сказать, что нахожусь в южном полушарии и, наслаждаясь прохладным вечерним воздухом, могу глядеть на Южный Крест, Магелланово облако и большую Южную Корону. В августе я спокойно бродил по Уэльсу, в феврале—я в противоположном полушарии; никогда уже ничего больше в жизни не должно будет меня поражать. Я нахожу, что у меня составилось весьма преувеличенное представление о жаре в этих широтах во время здешнего холодного сезона. Я часто ворчал гораздо серьезнее по поводу какого-нибудь жаркого летнего дня в Англии, чем я это делаю сейчас.

19-го.—Сегодня утром мы видели корабль, который, однако, не показал своего флага. За час до захода солнца Фернандо был ясно виден: это, повидимому, необычайное место; здесь имеется одна высокая гора, которая издали кажется нависшей. Мы сейчас лавируем, и как только подымется луна, мы бросим якорь в гавани. Как раз перед тем, как стемнело, Селиван убил гарпуном большого дельфина. Орудие было брошено с такой силой, что прошло сквозь все тело. Через несколько минут красивое животное, длиной около 5 футов, лежало на палубе, и через еще меньший промежуток дюжина ножей снимала с него шкуру с целью приготовить его к ужину. Вид группы островов при ясном лунном сиянии был весьма величествен, и я почувствовал себя несколько разочарованным, когда при наступлении дня *(20-го)* я убедился, что горы весьма невысоки. Я дал описание острова в своей геологии, а повторять что-либо не очень-то легкое дело, когда солнце находится всего лишь в нескольких градусах от зенита. Я провел в высшей степени восхитительный день, бродя среди лесов. Весь остров представляет собой сплошной лес, который так густо зарос, что требуется много усилий, чтобы пробираться через него. Пейзаж был очень красивый, и большие магнолии, лавры и другие деревья, покрытые нежными цветками, должны были бы удовлетворить меня. Но я уверен, что пока не видел еще всего величия тропиков. Мы не встретили ни ярких птиц, ни колибри, ни больших цветов; я рад, что видел эти острова. Я сильнее буду наслаждаться более великими чудесами, потому что могу теперь догадываться, чего следует ожидать. Бродя по лесу в этих великолепных областях, больше всего, быть может, поражаешься тем, что все деревья покрыты или какими-либо плодами или большими цветами. Вечером я встретился с капитаном, который сообщил мне, что мы снимаемся с якоря в этот же самый вечер. Это его решение было вызвано тем, что из-за сильного прибоя очень трудно производить высадку на берег.

21-го.—Мы отплыли ночью, но сегодня утром прошли немного; последнее время стоял мертвый штиль, причем нос корабля был

направлен не в ту сторону, куда следует. Пока человек не движется, сильная жара довольно приятна, но после физической или умственной работы охватывает какая-то беспомощная слабость. Ночью это похоже на то, словно ты спишь в теплой ванне. Я вынужден вставать и ложиться на стол, жесткость которого восхитительна после круглого мягкого гамака.

22 февраля.—Ветер оставался до того переменчивым, что сегодня утром мы еще были в виду Фернандо Нороньи. Днем было неприятно жарко, а вечером восхитительно прохладно. Самая большая неприятность, от которой я страдаю, это трудность заснуть; перед тем, как итти в постель, я близок к тому, что голова готова упасть на книгу, но лишь только ложусь в гамак, всякий сон пропадает.

23-го, 24-го и 25-го.—Эти три дня прошли спокойно и не произошло ничего, что стоило бы отметить. 23-го мы едва выбрались из состояния «переменчивости», которая столь обычна в экваториальных областях, но последние два дня мы плыли с устойчивым пассатным ветром по направлению к материку Южной Америки.

Со времени отплытия от Тенерифа море было до того спокойно, что трудно было поверить, что это та же самая стихия, которая метала нас в Бискайском заливе. Эта тишина занимает большое место среди удобств, которые достижимы на корабле. До сих пор меня поражало, какой радостной является жизнь в этой пловучей тюрьме. Но самым большим и самым постоянным недостатком является длинный срок, отделяющий нас от нашего возвращения. За исключением того времени, когда я нахожусь среди тропической природы, моим величайшим удовольствием является предвидение того будущего времени, когда я буду в состоянии оглянуться назад на прошлые события; и сознание того, что этот момент так далек, всегда причиняет мне боль. Восхищение мягкими и чудесными тропическими вечерами, любование светлой полосой звезд, простирающейся от Ориона до Южного Креста, и наслаждение этими приятными переживаниями в спокойном уединении,—все это оставляет впечатление, которое забудется не скоро.

26-го.—Впервые в своей жизни я увидел солнце в полдень с северной стороны; вчера оно стояло почти над головой, следовательно, мы находимся немного к югу от него. Я постоянно удивляюсь тому, что жара кажется мне не более интенсивной, чем она бывает на самом деле; на море при легком ветерке не хочется даже более прохладной погоды. Я уверен, что жара летнего дня в Англии часто угнетала меня в бо̀льшей мере.

27-го.—Плывем спокойно. Завтра прибудем в Байю.

28-го.—Около 9 часов мы были вблизи берега Бразилии, который был виден нам на значительном протяжении; весь берег весьма низкий, имеет неправильную форму и окрашен в яркозеленый цвет благодаря обилию леса и зелени. Около 11 часов мы во̀шли в бухту Всех Святых, на северной стороне которой расположен

город Байа, или Сан Сальвадор. Трудно представить себе, не видя этого собственными глазами, нечто более великолепное. Для этого, действительно, необходимо увидеть его в подлинной реальности. Если даже верно изобразить его на картине, то у вас возникнет чувство недоверия, как это, по-моему, происходит, когда мы смотрим пейзажи Мартина. [Далее следует краткое описание города, приведенное в письме Дарвина к его отцу от 1 марта 1832 г., см. т. IX.] Однако, эти красоты ничто в сравнении с растительностью; на основании того, что я видел, я думаю, что знаменитые описания Гумбольдта остаются и останутся навсегда непревзойденными; но даже и он, с его темносиними небесами и редким соединением поэзии и науки, которое выражено у него с такой силой при описании тропического пейзажа,—со всем этим и он далек от истины. Восхищение, которое испытываешь в такие минуты, очаровывает ум; если глаз пытается проследить полет какой-либо пестрой бабочки, он задерживается на каком-нибудь дереве или плоде; если наблюдаешь какое-нибудь насекомое, то сейчас забываешь его, увлекшись еще более необычным цветком, по которому оно ползет; если собираешься восхищаться пышностью всего пейзажа, внимание отвлекается своеобразием переднего плана. Душа полна хаотического восхищения, из которого вырастет мир будущего и более спокойного наслаждения. Я только и могу сейчас, что читать Гумбольдта; он является для меня вторым солнцем, которое освещает все, что я воспринимаю.

29-го.—[См. Д. и., стр. 21, строки 23—43 сверху.]

1 марта. К прежним восторгам я могу прибавить лишь новые. С двумя мичманами я прошел несколько миль в глубь страны. Местность состоит из невысоких гор и каждая новая долина превосходит красотой предыдущую. Я собрал большое число ярко окрашенных цветов, достаточных для того, чтобы привести флориста в дикий восторг. Бразильский пейзаж представляет собой не более и не менее, как сцену из «Арабских ночей», с тем преимуществом, что это реальность. Воздух восхитительно прохладен и мягок; полный радостных впечатлений, начинаешь горячо желать остаться навсегда в этом новом и грандиозном мире.

2-го и 3-го.—Мне очень стыдно за то, что я так мало сделал в течение этих двух дней; несколько насекомых и растений—вот весь итог. Единственным извинением могут мне служить ливни, но боюсь, что истинной причиной является лень. Вчера обедал с нами капитан Пэйджет, который очень занимал нас своими подробными рассказами о нелепостях морского этикета. Сегодня я пошел в город с Роулеттом, который служил мне проводником; в нижней части города, возле доков, улицы очень узки и дома даже более высоки, чем в старинной части Эдинбурга. Запах очень сильный и неприятный, что совсем не удивительно, ибо я заметил, что здесь так же нуждаются в предупреждении «gardez l'eau!», как и в Auld Reekie. [324] Вся работа производится чернокожими, которые большими толпами собираются вокруг лавок торговцев. Споры, которые подымаются вокруг вопроса о наемной плате, носят весьма оживленный характер; негры всегда сильно жестикулируют и громко кричат, и, шатаясь под бременем тяжелой

ноши, они отбивают такт и подбадривают себя грубой песней. Я видел всего лишь одну повозку; но лошадей здесь совсем немало; они все небольшие, хорошей осанки и служат, главным образом, для верховой езды купцам. Мы посетили одну из главных церквей; в качестве проводника мы нашли здесь маленького ирландского мальчика 13 лет. Отец его умер здесь около двух месяцев тому назад; это был один из тех несчастных, которых дон Педро завлек в эту страну обещанием устроить их здесь. Маленький парнишка ухитряется помогать матери и сестре при помощи нескольких винтемов, которые он зарабатывает в течение дня, исполняя различные поручения. М-р Гонд, один из крупнейших купцов города, предложил нам лошадей, если мы согласимся поехать к нему на дачу. Мы с радостью приняли его предложение и совершили в высшей степени приятную поездку; один за другим прекрасные виды все время раскрывались перед нами.

4 марта.—Сегодня первый день карнавала, но Уикгем, Селиван и я, ничего не боясь, решили встретить лицом к лицу его опасности. Последние заключаются в том, что тебя немилосердно бомбардируют восковыми шариками, наполненными водой, и обливают с головы до ног из широких жестяных леек. Для нас оказалось чрезвычайно затруднительным сохранить свое достоинство, бродя по улицам. Карл V говорил, что он храбрый человек и может, не страшась, пальцами снимать нагар со свечи; я думаю, что только он мог бы ходить твердым шагом, когда со всех сторон каждую минуту целые ведра воды готовы были обрушиться на его голову. После часа ходьбы среди таких опасностей мы, наконец, вышли за пределы города и решили остаться там до наступления темноты. Так мы и поступили, но дорогу обратно мы нашли лишь с некоторым трудом, так как старались вернуться к берегу, пробираясь по окраинам города. В завершение наших забавных бедствий сильный ливень промочил нас до костей, и, к нашей радости, мы, наконец, достигли «Бигля». Это было первое посещение берега Уикгемом, и он поклялся, что оно будет единственным, если мы простоим здесь даже шесть месяцев.

5-го.—Кинг и я предприняли в 9 часов продолжительную прогулку с естественно-научными целями. Некоторые из долин оказались даже более красивыми, чем те, которые я уже видел. В этих местах имеется какая-то дикая роскошь, которая очаровывает. Одно из больших преимуществ тропического пейзажа перед европейским заключается в дикости даже обработанной почвы. Кокосовые пальмы, бананы, пизанги, апельсинные и дынные деревья[325] как бы естественно перемешаны между собой и между ними простираются полосы травяных растений вроде маиса, ямса и маниока; при виде таких растений испытываешь еще большее удовольствие от сознания, что все это ведет к сохранению человеческого рода. Мы вернулись на корабль около $5^1/_2$ часов и в течение этих восьми часов мы вряд ли отдыхали час. Небо было безоблачно и день очень жаркий, все же мы не очень страдали. Мне кажется, что жара приносит с собой только лень, и если есть какое-нибудь основание для преодоления ее, то легко выдержать даже значительную усталость. Во время прогулки я был

занят, главным образом, собиранием бесчисленных маленьких жуков и геологическими исследованиями. Кинг подстрелил несколько красивых птиц, а я—великолепнейшую большую ящерицу. Для меня является новым и приятным сознание, что, занимаясь естественной историей, я исполняю свой долг и что, если бы я пренебрег этим долгом, я бы одновременно пренебрег тем, что в течение нескольких лет доставило мне так много радости.

6 марта.—Несколько дней тому назад я занозил себе колено, и сейчас оно настолько опухло, что я не могу ходить. Бóльшую часть дня я пролежал без дела на палубе. Я не удивляюсь, что люди так расслаблены в жарких странах: ни ум, ни тело не требуют никаких упражнений; наблюдение неба является достаточным занятием для первого, а последнее, повидимому, удовлетворяется спокойным лежанием.

12-го.—С 6-го я бóльшую часть времени провожу в своем гамаке; опухоль колена не уменьшалась и была необычайно болезненной. Сегодня первый день, когда я был в состоянии сидеть в продолжение нескольких часов подряд. Было очень мучительно видеть над своей головой чистое синее небо и не быть в состоянии наслаждаться им. Я слышал об интересных геологических фактах и был лишен возможности исследовать их; но вместо брюзжания я должен считать себя счастливым, что вообще видел славный город Байю. У нас на корабле было несколько торжеств; позавчера был большой обед на шканцах. Капитан Пэйджет часто посещал нас и всегда был очень занимателен; он рассказывал в присутствии тех, кто поспорил бы с ним, если бы они могли, такие возмутительные факты относительно рабства, что если бы я прочитал о них в Англии, то я отнес бы их за счет легкомысленного усердия людей с хорошими намерениями. Объем, в каком ведется работорговля; дикость, с какой она защищается; порядочные (!) люди, заинтересованные в ней,—рассказы обо всем этом далеко не преувеличены в Англии. Я не сомневаюсь, что нынешнее состояние значительнейшей части рабского населения гораздо счастливее, чем можно было бы предполагать. К этому ведут, возможно, заинтересованность и некоторого рода добрые чувства рабовладельцев. Но совершенно неверно (как это удовлетворительно доказал капитан Пэйджет), что есть хотя кто-нибудь даже среди тех, с которыми обращаются лучше всего, кто не пожелал бы вернуться к себе на родину. «Если бы я только мог снова повидать хотя один раз отца и двух сестер, я был бы счастлив. Я никогда не забуду их». Так выразился один из тех, кого цивилизованные дикари в Англии вряд ли причисляют к своим братьям, даже в глазах бога. Мне приходилось видеть людей, до того слепо и упрямо отстаивающих эти предрассудки, что хотя в других вопросах я отношусь к ним с большим доверием, в этом пункте я самым решительным образом не буду им верить ни на грош. Насколько я могу свидетельствовать, я утверждаю, что всякий, кто имел счастье бороться против рабства, может быть уверен, что его труды были направлены против бедствий, быть может, больших, чем он воображает.

13 марта.—Все еще не могу оставить корабль.

14-го.—Нанял лодку и проехал несколько миль вверх по гавани. Обнаружил несколько интересных геологических явлений и провел несколько приятных часов, бродя по берегу.

15-го.—Сегодня утром «Бигль» снялся с якоря и приступил к промеру отмели, расположенной у входа в гавань. Так как он намеревался вернуться, то я высадился на берег и был очень рад получить возможность еще раз насладиться видом прекрасной местности вокруг Байи. Я взял в качестве переводчика ирландского мальчика и снова отправился к тому самому месту, где был вчера. Погуляв некоторое время под палящим солнцем, мы зашли в гостиницу и выпили превосходнейшего сангаро (sangaro) [326]. Как это всегда бывает, мы вскоре оказались окруженными чернокожими мужчинами, женщинами и детьми. Я не знаю, кто для кого служил бо́льшим развлечением—я для них или они для меня; велико было их изумление при виде сетки для ловли бабочек, небольшого пистолета и компаса; по мере того как одна за другой эти вещи появлялись из моих в высшей степени вместительных карманов, они вскрикивали: «Полон, полон грехов!». Они, без сомнения, думали, что все мои инструменты имеют отношение к «al diabolo». Все восхищены превосходными манерами негров. Я угостил своих друзей в гостинице вином и глубоко убежден, что ни одна герцогиня с тремя шлейфами не могла бы отпустить такие придворные и полные достоинства поклоны, с какими меня провожали черные женщины, когда я расставался с этими [неграми]. Вечером я отправился в Hotel d'Universe, где сумел очень хорошо сговориться с хозяином при помощи трех слов: «comer»—поесть, «cama»—кровать и «pagar»—[заплатить].

16-го.—На следующее утро я предпринял длинную прогулку и собрал большое количество растений и насекомых; это был прекрасный, очень жаркий день; но весьма приятно было убедиться, что жара, против всякого ожидания, нисколько не мешает работе. В середине дня отправился на борт «Сэмеренга» и пообедал там. Разница между кораблем, предназначенным для производства съемки, и настоящим военным—весьма поразительна. На «Сэмеренге» можно в любое время в течение пяти минут произвести настоящий залп из всех орудий одного борта. Бо́льшую часть вечера я провел с мичманами; такой компании неповешенных мошенников, какими являются эти «молодые джентльмены», достаточно, чтобы привести в изумление берегового человека. Около 9 часов вернулся «Бигль» и стал на якорь, и вместо того, чтобы провести ночь на «Сэмеренге», я вернулся к собственному гамаку. Мне страшно повезло, что я остался на берегу на эти два дня: корабль качало и бросало так сильно, что бо́льшая часть младших офицеров заболела. Вообще, люди не знают, каким тяжелым бедствием является морская болезнь. Постоянно встречаешь людей, которые провели всю свою жизнь на море и все же при каждом ветре чувствуют себя скверно.

17-го.—Вместе с Кингом совершил прощальную прогулку; вечер был светлый и необычайно ясный; ни малейшее дуновение воздуха не шевелило листьев; все было спокойно; нельзя было бы вообразить

лучшей картины, чтобы запечатлеть в душе последнее и величественное воспоминание о Байе. Если бы к тому, что обеспечила бразильцам природа, человек прибавил свои справедливые и должные усилия, то эта страна могла бы действительно явиться предметом гордости для ее обитателей. Но там, где бо́льшая часть населения находится в состоянии рабства и где эта система поддерживается полнейшим отсутствием образования—одного из главных проявлений деятельности человека,—разве можно там ожидать чего-либо другого, кроме того, что целое осквернено его частью.

18 марта.—Мы снялись с якоря рано утром и крейсировали вокруг гавани, пока не были закончены карты. Против сильного прилива мы медленно вышли из бухты Всех Святых и бросили прощальный взор на Байю. Если допустить, что моего знакомства с тропиками достаточно уже, чтобы мне позволено было вынести о них суждение, то последнее будет в высшей степени благоприятным: в смысле климата ничто не может быть более восхитительным, а с красотой неба и ландшафта ничто в более холодной зоне не может сравниться.

19-го.—Утром следующего дня мы все еще вследствие легкого ветра и сильного течения находились в виду берегов Бразилии, а сегодня *(20-го)* утром вход в Байю ко всеобщему изумлению был ясно виден. В полдень появился на расстоянии нескольких миль смерч; явление это было для меня весьма интересным. Из черной массы слоистых облаков спустился небольшой темный цилиндр (в виде коровьего хвоста) и соединился с воронкообразной массой воды, опиравшейся на поверхность моря. Это продолжалось несколько минут и затем все явление исчезло, и разразилась сильнейшая гроза с дождем. Когда такой смерч приближается к кораблю, то обычно в него стреляют из больших пушек, чтобы разбить его.

Большая акула следовала за кораблем и ее сначала ударили гарпуном; после этого ее зацепили крюком; получив еще удар гарпуном, она сломала крючок и исчезла. Это приключение вызвало большой интерес на всем корабле.

21-го. — Величайшее событие дня — поимка мною при помощи собственного крюка молодой акулы. Конечно, ловля их не требует большого искусства, однако, это нисколько не умаляет интереса. В данном случае крючок был больше ладони руки и приманкой служил кусок солонины, едва достаточный, чтобы покрыть кончик крюка. Акулы, чтобы схватить свою добычу, поворачиваются на спину; не успел крючок очутиться за кормой, как мы увидели серебристое брюхо рыбы, и через несколько минут она уже была на палубе.

22-го и 23-го.—Ветер все еще легкий и противный; однако, небольшого волнения на море достаточно, чтобы я весь день чувствовал себя плохо. Лучшее лекарство—работа, и я всегда, оставляя порт, занимаюсь приятным делом приведения в порядок моих коллекций.

24-го, 25-го и понедельник 26-го. —Эти три дня, как и погода, были спокойными и радостными. Мы находимся приблизительно на расстоя-

нии 4 градусов от берегов Бразилии и около 2 градусов от островов Аброльос; от этих островов тянется длинная отмель. Лот регулярно опускают каждые два часа; сегодня, после того как на глубине 230 фатомов не было обнаружено дно, мы внезапно натолкнулись на мель на глубине от 30 до 40 фатомов. Сейчас мы держим курс на острова.

Я нахожу жизнь на корабле превосходнейшей порой для всякого рода занятий и я не могу понять, что может возразить против этого тот, кто не страдает морской болезнью. Интересного немного; так, например, со времени оставления Байи единственные живые существа, которых мы видели, это несколько акул и птенцы буревестников. В этих прекрасных тропических областях имеется по ночам один определенный и совершенно неисчерпаемый источник наслаждения: это восхищение созвездиями на небе. Многие из тех, кто видел оба полушария, отдают первенство звездам Севера. Для меня, однако, составляет невыразимое удовольствие смотреть на эти созвездия, первое впечатление от вида которых Гумбольдт описывает с таким энтузиазмом. Я испытываю такое же чувство, когда смотрю на Южный Крест, фосфоресцирующие Магеллановы облака и большую Южную Корону.

27 и 28 марта.—В течение этих двух дней начались работы экспедиции. Мы произвели промеры глубин в тех частях островов Аброльос, которые были оставлены незаконченными бароном Русеном. Глубина меняется чрезвычайно: в одном месте лот показывает 20 фатомов и через несколько минут только 5. Процедура, как совершенно новая для меня, оказалась очень интересной. Все в состоянии полной готовности; паруса спущены и неподвижны; якорь готов к спуску; не слышно ни единого звука или шума, за исключением чередующихся выкриков цепи матросов, пускающих лот. На ночь мы спустили якорь и на следующее утро *(29-го)* переменили стоянку и стали на расстоянии 2 миль от островов. Аброльос состоит из 5 маленьких скалистых островков, хотя и ненаселенных, но нередко посещаемых рыбаками. Две партии сошли на берег сейчас же после завтрака. Я начал атаку на скалы, на насекомых и растения; остальные приступили к более кровавой расправе с птицами. Громадное число последних было убито палками, камнями и ружьями; конечно, убито было больше, чем могли увести шлюпки. Мы все вернулись к обеду, после которого шлюпка была предоставлена мичманам, чтобы они могли осмотреть острова. Я воспользовался этим случаем и совершил еще одну прогулку по этому уединенному месту. Возвращаясь на корабль, мы увидели черепаху; она сразу скрылась; конечно, для того, чтобы привести животное в изумление, ничего нельзя было придумать хуже, чем лодка, полная мичманов.

30-го.—Сегодня весь день крейсировали в виду островов и занимались промерами глубин и определением углов. Я с величайшим удовольствием занимался разборкой вчерашней добычи. Сейчас (ночью) мы плывем к Рио при хорошем ветре, дующем сзади в направлении, перпендикулярном к ходу корабля.

31-го.—Прекрасный, сильный ветер.

1 апреля.—Все заняты первоапрельскими шутками. В полночь почти вся вахта была вызвана снизу наверх в ночных рубахах: плотники для исправления печи; шканцевые мастера под предлогом того, что треснула мачта; мичманы, чтобы убавить паруса. Все возвращались в свои гамаки одни с бранью, другие со смехом. Для меня придумали приманку, на которую поймать меня было легко: Селиван крикнул: «Дарвин, видели ли Вы когда-нибудь грампуса? [327] Поторопитесь в таком случае!» Я немедленно выбежал полный энтузиазма и был встречен взрывом смеха со стороны вахтенных.

2-го.—Дождливое, ветреное утро, весьма необычное для этих широт в это время года, ибо мы находимся в 130 милях к востоку от Рио. Большая стая буревестников парит над кормой совершенно так же, как ласточки над озером в спокойный летний день. Сегодня утром на палубу упала летучая рыба, она ударилась о мачту возле главной реи; к рыбе прицепился краб; боль, которую он причинял рыбе, вызвала, быть может, этот необычно сильный прыжок.

3-го.—Сегодня утром был виден мыс Фрио; для многих на «Бигле» это памятное место, ибо здесь потерпел позорное крушение «Тетис». [328] Весь день мы плыли вдоль берега и вечером приблизились к гавани Рио. Все побережье неравномерно гористо и пересечено горами странной формы. Вход в гавань открывается одной из таких гор, хорошо известной Сахарной Головой. Так как в такой поздний ночной час невозможно было найти хорошую стоянку и наслаждаться видом, капитан пустил корабль по ветру, и мы будем, к моей великой радости, крейсировать всю ночь. Мы видели большое количество кораблей и, что не менее интересно, дельфинов, акул и черепах; при всем том это был самый ленивый день, который я провел с тех пор, как оставил Англию. Все с нетерпением ждут писем и газет. Завтра утром наши судьбы будут решены.

4-го.—Так как ветер был очень слабый, то мы прошли под Сахарной Головой только после обеда; наше медленное продвижение оживлялось меняющейся перспективой гор, которые то скрывались в белых облаках, то ярко освещались солнцем; дикие каменистые вершины представляли новые виды. Когда мы находились в гавани, освещение было неважное, но, подобно хорошей картине, вид сегодняшнего вечера подготовил нас к восприятию завтрашнего наслаждения. Самым величественным образом вошел маленький «Бигль» в порт и убрал свои паруса рядом с флагманским кораблем. Нам было сообщено, что вследствие каких-то незначительных беспорядков мы должны стать на якорь в особом месте. Пока капитан отсутствовал с комендантом, мы лавировали в гавани, и «Бигль» вызвал большое почтение к себе качеством своего экипажа и командования. Затем началось восторженное вскрытие писем, возбуждающее самые лучшие и приятные душевные чувства; мне не надо было преходящего воспоминания о честолюбивых мечтах, получивших теперь удовлетворение; мне не надо было реального великолепия вида, чтобы в сердце моем пробудилась сильнейшая радость; но все это вместе оставляет такое неизгладимое и сильное впечатление, какое немногие могут себе представить и еще меньше забыть.

5 апреля.—Утром я высадился вместе с Эрлом у дворцовой лестницы; затем мы бродили по улицам, восхищаясь их веселым видом и многолюдием. Город построен очень правильно, улицы, как в Эдинбурге, идут параллельно и другие пересекают их под прямыми углами. Главные улицы, идущие от площадей, прямые и широкие; яркая окраска домов, украшенных балконами; многочисленные церкви и монастыри и обилие спешащих по улицам людей придают городу вид, свидетельствующий, что мы имеем дело с торговой столицей Южной Америки. Утром я строил очень много планов; вероятнее всего я предприму экскурсию на несколько миль в глубь страны; в Ботофого мы с Эрлом нашли чудеснейший дом, который будет нам служить превосходнейшей квартирой.

Я с величайшим удовольствием ожидаю возможности прожить несколько недель в этом спокойнейшем и в высшей степени красивом месте. Что может быть восхитительнее наблюдения природы в самой величественной ее форме в тропических областях. Мы вернулись в Рио в весьма приподнятом настроении и пообедали за табльдотом, где встретили несколько английских офицеров, служащих в бразильской армии. Эрл—великолепный проводник, так как он раньше прожил несколько лет по соседству; прямо ужасно, как коротка и непрочна жизнь в этих краях: на расспросы Эрла о ряде молодых людей, которых он оставил здоровыми и цветущими, ответ чаще всего гласил: «он умер» и «его нет». Такая ранняя смертность приписывается всеми пьянству; истощенные работой в этом жарком климате, немногие, повидимому, в силах устоять против соблазна прибегать к сильно возбуждающим средствам в виде крепких напитков.

6-го.—Весь день ушел на получение паспортов для экспедиции в глубь страны. Иметь дело с наглыми чиновниками всегда неприятно; но в отношении бразильцев, которые столь же низки душой, как жалки физически, это почти невыносимо. Но перспектива диких лесов, населенных красивыми птицами, обезьянами и ленивцами, и озер с морскими свинками и аллигаторами заставит всякого натуралиста лизать пыль с ног даже бразильца.

7-го.—Наконец, я закончил незначительные, но необходимые приготовления к верховой экскурсии на Рио Макаэ и вечером перевез кое-что из своих вещей в Ботофого; Эрл и Кинг также приготовились к проживанию здесь.

8-го.—В 9 часов я присоединился к моей компании в Прайа Гранде, деревне на противоположном берегу залива. Нас было шестеро, в том числе м-р Патрик Леннон, настоящий ирландец, который в те времена [, когда доступ] в Бразилию был впервые открыт для англичан, весьма преуспел, торгуя очками, термометрами и т. п. Около восьми лет назад он приобрел участок леса на Макаэ и назначил туда английского агента. Сообщение с этим местом настолько затруднительно, что с тех пор и по сей день он не мог ни разу получить оттуда денег. Несколько раз откладывая, м-р Патрик решил, наконец, лично посетить свое имение. Без всяких затруднений

меня устроили в качестве его спутника, и во многих отношениях это была действительно превосходная возможность посмотреть страну и ее обитателей. М-р Леннон уже 20 лет жил в Рио и поэтому—при свойственной ему ловкости и смышлености—мы очень легко могли получить необходимую информацию. С ним был его племянник, энергичный юноша, следующий по стопам своего дяди в умении наживать состояние. Третьим был м-р Лори, хорошо осведомленный ловкий шотландец, беспринципный эгоист, промышляющий частью работорговлей, частью—мошенничеством. Он захватил с собой своего друга, некоего м-ра Гозлинга, аптекарского ученика. Брат м-ра Лори женился на красивой бразильской женщине, дочери богатого землевладельца, также на Макаэ, и к нему-то м-р Лори отправлялся с визитом. Черный мальчик-проводник и я завершали компанию; бразильские дебри редко видели более необычайную и донкихотскую кучу искателей приключений. [Далее см. Д. и., стр. 27, строка 15 сверху до стр. 28, строка 6 сверху.]

9 апреля.—[См. Д. и., стр. 28, строка 7 сверху до стр. 29, строка 13 снизу, и стр. 30, строки 3—15 сверху.]

10-го.—Вышли в путь до рассвета в приподнятом настроении; но 15 миль тяжелого пути по пескам, до того как мы получили наш завтрак в Аддео де Сан Педро, почти расстроили всю жизнерадостность нашей компании. После второго продолжительного перевала мы прибыли к месту нашей ночевки—Кампос Новос. Вечер был весьма приятный и прохладный. Термометр показывал на лугу 74°; я вышел с целью поколлекционировать и нашел несколько пресноводных моллюсков.

11-го.—Прошли несколько лье в густом лесу. Я чувствовал себя плохо—немного лихорадило и тошнило; переехали в челноке через Барра де Сан Хаоа, причем наши лошади плыли рядом; ничего не мог есть, когда в час дня я впервые мог что-нибудь достать. Продолжали путь, пока не стемнело; чувствовал себя страшно слабым и истощенным; мне часто казалось, что я упаду с лошади. Спал в венде да Матто, в двух милях к югу от впадения Рио Макаэ в море. Всю ночь чувствовал себя очень плохо; не требовалось сильного воображения, чтобы нарисовать себе все ужасы болезни в чужой стране, когда не понимаешь ни единого слова местного языка и лишен возможности получить хотя какую-нибудь лечебную помощь.

12-го.—На следующее утро я почти вылечил себя, поев корицы и выпив портвейну; с радостью прибыл я вечером в Сосего, дом сеньора Фигуиреда, тестя старшего м-ра Лори.

13-го.—Чувствовал себя много лучше и был в состоянии полностью насладиться нашим однодневным отдыхом здесь. [Далее см. Д. и., стр. 30, строка 5 сверху до стр. 31, строка 25 сверху.]

14—22-го.— [См. Д. и., стр. 31, строка 26 сверху до стр. 33, строка 16 сверху.]

23 апреля.—Число красивых и нарядных домов свидетельствовало о нашем приближении к городу. Днем мы прошли через лес акаций, красивая перистая листва которых закрывает небо тончайшей вуалью и дает приятную тень; вследствие мягкости листьев не слышно никакого шума, когда ветер их шевелит. Вечером мы прибыли в Прайа Гранде, где вследствие потери паспортов нам пришлось долго доказывать, что наши лошади не краденые.

24-го.—К моей радости, я, наконец, достиг «Бигля». Дневной отдых я нашел до того восхитительным, что решил остаться на корабле. Во время моего отсутствия в нашем маленьком мирке произошло несколько государственных перемен. М-р Маккормик перешел на инвалидность и возвращается в Англию на «Тайне». М-р Дербишайр вышел в отставку по собственному желанию. Вместо него на «Бигль» будет назначен с «Уорспайта» м-р Джонстон.

25-го.—Перевез все свои вещи с «Бигля» в Ботофого. Во время высадки на берег я пострадал немного; однако, этого было достаточно для того, чтобы живо представить себе некоторые ужасы кораблекрушения. Две или три сильные волны захлестнули лодку и перед моими испуганными глазами поплыли книги, инструменты, футляры с ружьями и все, что было мне крайне необходимо. В результате ничего не пропало и ни одна вещь не попортилась совсем, но бо̀льшая часть вещей была повреждена.

26-го.—Весь день потратил на исправление последствий вчерашнего несчастья.

27-го.—Утром привел в порядок свои коллекции, которые я привез из экскурсии в глубь страны, и после обеда отправился с капитаном к м-ру Астону, английскому посланнику. Вечер прошел весьма приятно и отсутствие всякого этикета почти напоминало кембриджское общество. Капитан сообщил мне важную новость, что «Бигль» вернется на несколько дней в Байю. Произошел длинный спор относительно долготы Рио и все думали, что если этот вопрос будет разрешен, то получит разрешение также вопрос о всем побережьи Южной Америки. К своему удивлению, капитан находит, что есть разница между Байей и Рио; это значит, одна сторона права по отношению к первому месту, другая—по отношению к последнему. Чтобы проверить это, и предпринимается вторая поездка. Я решил спокойно оставаться здесь и ждать возвращения «Бигля».

28-го.—Завтракал на корабле и вечером отправился на приятный обед к адмиралу, сэру Томасу Бекеру.

29-го.—Восхитительно спокойный день, который я провел в заполнении своего дневника за время экскурсии на Макаэ.

30-го.—Обедал с м-ром Астоном.

1 мая.—Работал над кучей пресноводных животных, которыми изобилует всякая канава.

2 мая.—Пошел пешком в Рио; весь день ушел на неприятное хождение по лавкам.

3-го.—Отправился на «Уорспайт», 74-линейный военный корабль, чтобы присутствовать при смотре его адмиралом. Это было одно из великолепнейших зрелищ, которые я когда-либо видел. Когда адмирал прибыл, шканцы были заняты почти 400 матросами; благодаря правильности своих движений и белой одежде люди были похожи в действительности скорее на стаю диких птиц, чем на что-либо другое. Когда корабль инспектируется, все делается совершенно так же, как если бы он имел дело с неприятелем; и хотя на бумаге это звучит как детская игра, на самом же деле это выглядит весьма правдоподобно. Почти хотелось видеть перед собой неприятеля, когда была отдана страшная команда большим батареям внизу «приготовиться к бою». После различного рода операций с огромными пушками и проверки того, насколько хорошо и легко эти операции были проделаны, по палубам прозвучал крик: «В кубрике огонь!»; в полном порядке, при продолжающих работать пушках, были снаряжены насосы, пущены в ход пожарные машины и все пожарные со своими ведрами были наготове. Работа стала жарче (никто не знал, что должно наступить). Адмирал крикнул: «Продольный выстрел срезал наши фокванты!». «Капитан Талбот, берегите судно: срезать бизань-мачту!». В одну секунду люди выскочили с топорами на свои места, и с быстротой, поистине изумительной, открылись кладовые и были извлечены огромные канаты для поддержки шатающейся фокмачты. Адмирал решил привести их в смущение: во время всей этой суматохи он скомандовал залп с одного борта и крикнул: «Главные ванты и передний штаг ослаблены!». Одним словом, в несколько минут все наши главные канаты были перерезаны и связаны.

Однако, наиболее величественный момент был, когда горнист дал сигнал на абордаж; корабль весь задрожал от густой массы людей, пустившихся бегом вдоль корабля с обнаженными кортиками. Единственное, что отсутствовало, это призывный крик, который подают английские моряки при выполнении наиболее опасных операций.

Вечером обедал с адмиралом, а затем наслаждался более спокойным удовольствием чтения писем из Шропшира.

4-го.—Занимался обычными своими делами и в промежутках мечтал о «блеске военных дел».

5-го и 6-го.—Эти дни прошли спокойно; дождь лил, как из ведра, и земля была насквозь пропитана водой; если бы я пожелал совершить прогулку, то это было бы очень неприятно, но как бы то ни было, я нахожу, что один час коллекционирования дает мне работу на весь остальной день. [Далее см. Д. и., стр. 33, строки 19—25 сверху.]

7-го.—Отправился на корабль и провел весь день там; вечером захватил с собой некоторые вещи, которые мне понадобятся до отплытия «Бигля».

8 мая.—Проливной дождь. Я занят сейчас, главным образом, собиранием пауков. В течение нескольких часов выпало 0,26 дюйма дождя.

9-го.—Вышел коллекционировать и направился в сторону Ботанического сада; вскоре я очутился возле одного из соленых озер или бухточек, которые часто встречаются здесь в окрестностях. Многие виды были необычайно красивы; однако, полная новизна тропического пейзажа и наблюдающееся поэтому отсутствие всяких ассоциаций, которые у меня (и, я убежден, у других людей) бессознательно гораздо более часты, чем я когда-либо думал, требует сильнейшего напряжения ума; зато наслаждение получается ни с чем несравнимое; в противном случае разум говорит, что это красиво, но чувства молчат. Я часто спрашиваю себя, почему я не могу наслаждаться этим спокойно; я мог бы ответить опять-таки вопросом: что создает восхитительные представления о деревенском спокойствии и уединении, вызывает воспоминание о детстве и прошедших временах, где все неприятное забыто; пока в вашей душе не возникнут представления, сходные по своему действию с этими, вы напрасно будете ждать спокойного созерцания богатств этого почти нового мира.

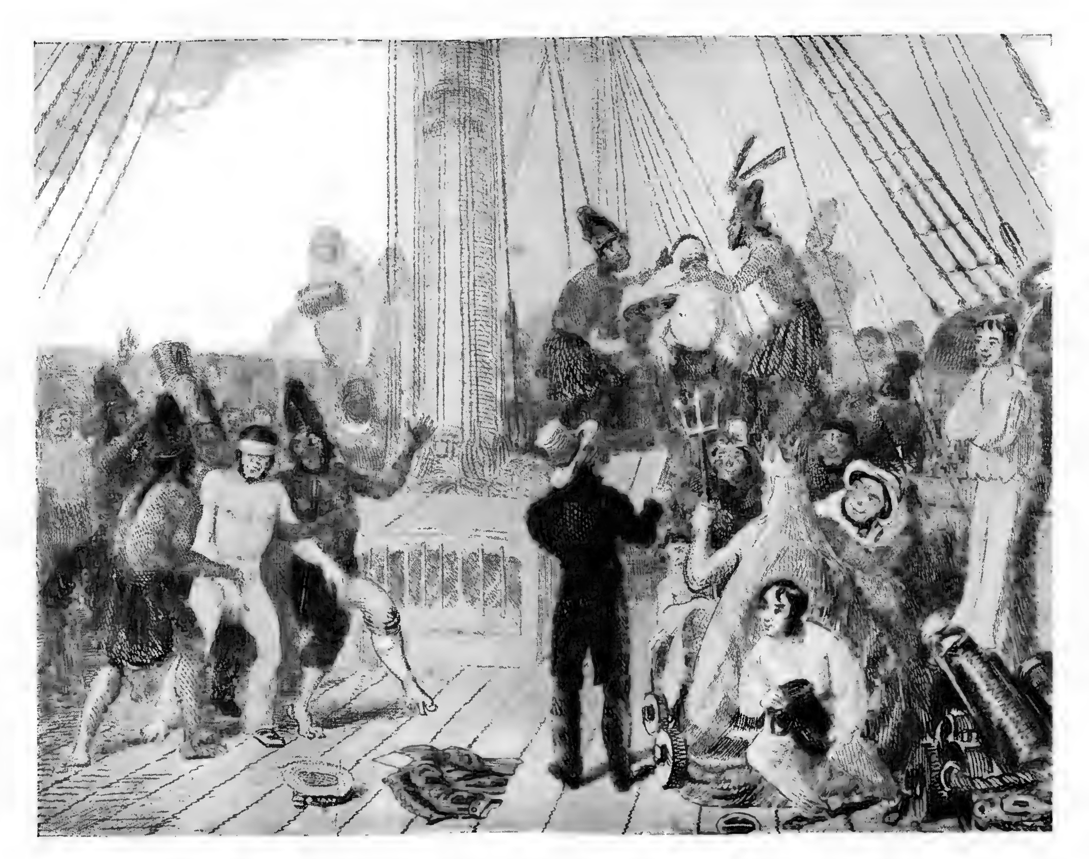
Капитан посетил нас вечером и сообщил, что «Бигль» отплывает завтра. Сегодня мы узнали также печальную новость: трое из компании, отправившейся на катере в Макаку́ поохотиться на бекасов, серьезно заболели лихорадкой. Есть основание опасаться, что и другие начинают чувствовать вредные последствия экскурсии. Первый случай произошел 2-го, через четыре дня после возвращения партии на корабль. Вчера с той же целью отправилась шлюпка с «Уорспайта». Мне почти удалось присоединиться к ней; но на мое счастье я не успел этого сделать. Нас здесь теперь живет четверо с «Бигля»: Эрл, чувствующий себя нехорошо и страдающий от ревматических болей; морской сержант, поправляющийся от продолжительной болезни, и мисс Фуэгия Баскет, ежедневно растущая во всех направлениях, кроме высоты.

10-го.—Сегодня вечером «Бигль» отплыл в Байю.

11-го, 12-го и воскресенье 13-го.—Все эти четыре дня я почти пролежал из-за воспаления на плече. Малейшая царапина в этой стране может очень легко превратиться в мучительный нарыв. Эрл продолжает серьезно болеть и лежит в постели. Здесь теперь зима; идут сильные дожди, но, главным образом, по ночам; в других отношениях погода великолепная и прохладная. Температура в комнате в общем колеблется между 70 и 75°.

14-го.—Плечо мое почти поправилось. Я воспользовался случаем, чтобы сделать несколько визитов—наиболее пустой и все же обременительный обряд вежливости.

15-го.—Отправился собирать и совершил восхитительнейшую прогулку. Сейчас полнолуние. Я не знаю, какой вид достоин больше восхищения: ясные очертания пейзажа ночью или же этот же пей-



Переход через экватор.

Рисунок А. Эрла.

Рио де Жанейро.
Рисунок А. Эрла.

заж, освещенный тропическим солнцем и расцвеченный яркими красками.

16 мая.—Исследовал богатую продукцию вчерашнего сбора. Эрлу значительно лучше.

17-го, 18-го и 19-го.—[См. Д. и., стр. 35, строки 12—7 снизу и стр. 36, строки 4—9 сверху.]

Воскресенье, 20-го.—Нам нанес визит м-р Дербишайр, оставшийся в городе после ухода с корабля. Вечером Эрл (который почти совсем поправился), я и Дербишайр гуляли вокруг бухты Ботофого.

21-го.—Предпринял продолжительную прогулку в лес; земля до того густо покрыта сухими сучьями и листьями, что при ходьбе по ним производишь такой шум, как если бы по ним передвигалось большое четвероногое; это чрезвычайно неприятно, так как вызывает бегство всех птиц и зверей и нарушает также то спокойствие, которое является главным очарованием этих лесов. Сегодня утром была сделана четвертая попытка достигнуть моря через лес; всякий раз я следовал по тропинке, проложенной дровосеками, но как только она кончалась, я оказывался не в состоянии продвинуться дальше через густые заросли даже на пять ярдов. Всю ночь сверкали молнии и воздух был очень душный. Термометр показывал 75°. Насколько я могу судить, в жарких странах действие, производимое температурой на тело, возрастает, повидимому, в большей пропорции, чем сама температура; это значит: если бы теперь температура поднялась до 85°, то расслабляющее действие жары было бы более чем в два раза сильнее, чем при температуре 80°.

22-го.—Это был мой очередной день отдыха за работой над вчерашними сборами. Вечера я посвящаю чтению и писанию писем; в последнем отношении у меня всегда работы много, принимая во внимание число друзей, перед которыми я остаюсь в долгу. Я только что кончил «Путешествие» Ансона. Удовольствие, которое мне доставляет чтение таких произведений, становится по меньшей мере в три раза сильнее от надежды увидеть самому некоторые из описанных мест и от кое-какого знакомства с морем.

23-го.—Собрал множество животных на песчаной равнине, которая окаймляет море позади Сахарной Головы. Земля на протяжении многих акров очищена здесь от кактусов и кустов и засажена ананасами. Они усажены прямыми рядами и на значительном расстоянии друг от друга. Таким образом, этот плод, выращиваемый в Англии с такой заботой, занимает здесь землю, которая для всяких других целей совершенно непригодна и непроизводительна. Количество апельсинов, которое приносят здесь апельсинные деревья в фруктовых садах, прямо-таки изумительно. Я видел сегодня одно такое дерево, и я уверен, что одних только лежавших на земле плодов было достаточно, чтобы нагрузить несколько телег, не считая того, что ветви почти ломились под тяжестью оставшихся на них плодов.

24-го.—Оставался дома.

25 мая.—Пошел в город доставать некоторые вещи, а затем присоединился к Эрлу и Дербишайру и все вместе предприняли восхождение на Корковадо. Дорогой на протяжении нескольких первых миль служит водопровод, вода поднимается у основания горы и отводится вдоль отлогого ребра к городу. На каждом углу нашим глазам представлялись различные и в высшей степени красивые виды. Наконец, мы начали подъем по крутому склону, который всюду, вплоть до самой вершины, покрыт густым лесом. Водостоки были украшены наиболее элегантной из всех растительных форм—древовидными папоротниками; они невелики, но по живости своей зелени, изяществу листвы и красивому изгибу верхушки они могут служить образцом классической красоты. Мы скоро достигли вершины и глазам нашим представился вид, который, за исключением, быть может, некоторых европейских, считается самым прославленным в мире. Если расположить пейзажи по степени изумления, которое они вызывают, то этот вид безусловно должен занимать высшее место, но если—что более правильно—судить по художественному действию, которое они производят, то он далеко уступает многим соседним видам. Всякий знает, что ландшафт, рассматриваемый с высоты, много теряет в своей красоте, и хотя здесь были широко представлены два элемента, которые, быть может, меньше всего страдают от этой причины, а именно большие пространства леса и моря, все же это наблюдение подтверждается и здесь. Корковадо имеет в высоту около 2 000 футов, причем одна сторона его на протяжении 1 000 футов до того крута, что с нее можно опустить лот. У подножья растет большой лес; ничто не понравилось мне так сильно, как этот вид, рассматриваемый почти по вертикали. Можно думать, что с воздушного шара такой вид был бы особенно поразителен. Несколько лет тому назад несчастная психически расстроенная молодая женщина бросилась с вершины; немногие места могут служить местом для более ужасного прыжка; наш нынешний хозяин, м-р Болга, был одним из первых, кто нашел разбитое на куски тело среди деревьев и скал.

26-го.—Вчера и сегодня дул сильный ветер с Ю.-З.; испарение, которое производит в таких странах воздушный поток, очень значительно и вследствие этого относительная сухость земли была сегодня весьма заметна. После обеда я отправился к бухте и наслаждался хорошим видом Органных гор. Меня сильно поразила правильность одного из наблюдений Гумбольдта, а именно, что горы в тропической местности, рассматриваемые издали, имеют однообразный синий оттенок, но в противоположность тому, что имеет место вообще, контуры их чрезвычайно отчетливы. Мало что доставляет мне такое удовольствие, как чтение «Personal Narrative», не знаю, почему это происходит, но мысль, однажды зародившаяся в вашей голове, когда вы видите ее оформленной в словах, немедленно принимает более конкретный и верный характер. То же самое имеет место, когда мы встречаем в драматических произведениях характер, знакомый нам в жизни,—это всегда доставляет нам удовольствие.

27-го.—[Описание ботанического сада, см. Д. и., стр. 37, строки 23—37 сверху.] Тропики являются как будто естественным местом

зарождения человеческой расы; но совершенствование ума, равно как и многих его плодов, достигает, повидимому, своего высшего предела в другом климате.

28 мая.—Посетил берег позади Сахарной Головы и снова поймал большое количество насекомых. Положение в этом отношении мало отличалось от Бармута [329]: многие из насекомых оказались близко родственными бармутским. Когда я наблюдал изящных Cicindelae [330], бегающих по пескам, мне вспомнился, как живой, Бармут с его очарованием.

29-го.—Серый облачный день, напоминающий в некоторой степени осенний день в Англии, однако, без тихого спокойствия, свойственного последнему. Я хотел послать сегодня утром записку в город, но столкнулся с величайшей трудностью, не найдя с кем ее послать. Все белые стоят выше этого, а все черные здесь рабы. Это, между прочим, является одним из больших неудобств рабовладельческой страны.

30-го.—Снова поднялся вместе с Дербишайром на Корковадо, причем захватил с собой горный барометр. Он показал высоту 2 225 над уровнем моря*. В течение всего времени пребывания на вершине мы находились в тучах или в дожде. Проходя через лес, я обратил внимание на тот же факт, о котором я упомянул по поводу внутренних лесов, а именно на небольшую толщину деревьев. Очень немногие (думаю не больше 3 или 4) имели семь футов в окружности и только одно 9 футов 7 дюймов. Корковадо пользуется большой известностью среди марунов, или беглых рабов; когда мы последний раз поднимались, мы встретили трех головорезов, весьма злодейского вида, вооруженных до зубов; это были матиканы, или охотники за рабами, получающие определенную сумму за каждого пойманного живым или мертвым раба. В последнем случае они приносят только уши. Один раб, впоследствии добровольно вернувшийся, бежал из поместья м-ра Леннона на Макаэ и прожил в пещере два с половиной года. Так легко поддержать свое существование в этих местах. Антиаболиционисты утверждают, между прочим, что освобожденные рабы не желают работать. Я несколько раз слышал о беглых рабах, имевших смелость наняться на работу по соседству от своих владельцев. Если они готовы работать при наличии такой опасности, то, конечно, они не менее охотно работали бы при отсутствии ее. С другой стороны, чернокожие, захваченные британскими военными судами, нанимались к различным купцам на семь лет в предположении, что за это время они научатся самостоятельно существовать. Мне рассказывали много случаев, когда они требовали себе свободы до истечения этого срока и устраивались самостоятельно. Чего только не станут утверждать люди, заинтересованные или зараженные слепыми предрассудками, защищая свою несправедливую власть или неправильные взгляды.

* Действительная высота 2 300.

31 мая.—Оставался дома; вечера теперь наступают рано; в то время как я жалуюсь на продвижение солнца к северу, в Англии радуются ему: я до сих пор еще не привык к этому обратному порядку вещей. Особенно странным кажется, когда говорят о плодах, созревающих к рождеству.

1 июня.—Предпринял продолжительную поездку верхом, чтобы заняться геологическим исследованием некоторых окрестных гор. Пройдя некоторое время по лугам, окаймленным изгородью из мимоз, я свернул на лесную тропинку. В лесу, даже на таком близком расстоянии от города, до того тихо и никого нет, что кажется, будто здесь никогда не ступала нога цивилизованного человека. [Далее см. Д. и., стр. 38, строки 11—19 сверху.]

2-го.—[См. Д. и., стр. 37, строки 12—2 снизу.]

Воскресенье, 3-го.—Спокойно просидел дома, а вечером отправился к лагунам. Зашел с визитом к некоему м-ру Робертсу, одному из тех бесчисленных, не поддающихся описанию типов, которыми полна Бразилия: проворовавшиеся агенты спекулятивных компаний, офицеры, служившие в войсках более чем одного правительства, и т. п.; я достаточно щедр, чтобы всем им приписать тот или иной небольшой грешок.

4-го.—Встал в 4 часа, чтобы отправиться на охоту; человек, которому принадлежат охотничьи собаки,—священник, настоятель собора; свора состоит всего лишь из пяти собак, их имена—Трумпета, Мимоза, Клариена, Дорена и Чампайгна; егерь—чернокожий, исполняющий и другие обязанности слуги и *приказчика.* Падре очень богатый человек, большой любимец последней королевы; мы пришли в его деревенский дом в пять часов и встретили у него его собрата, еще одного священника. Весьма любопытно было посмотреть жалкую обстановку, в которой жили эти люди: своего рода сарай, где, повидимому, ютились вместе собаки, чернокожие и сами они, и повсюду грязь и беспорядок. Около семи мы прибыли к месту охоты и оставили лошадей около маленького жилого дома на ферме, расположенной в самой середине леса. [Далее см. Д. и., стр. 34, строка 13 снизу—стр. 35, строка 14 сверху.] Мы присоединились к нашей компании, которую мы застали за стрельбой в маленьких зеленых попугаев; молодой бразилец скоро выделился своим ястребиным глазом и твердой рукой. Затем мы пообедали и пили вино настоящим донкихотским способом из козьей шкуры. После множества глубоких поклонов, прижимая руки к сердцу и повторяя «Monte, monte, obligado!» [331], мы попрощались с обоими интеллигентными и гостеприимными патерами и пошли домой. На своем столе я нашел письмо из Шрюсбери, датированное 12 марта.

Я застал также Кинга, который прибыл поздно вечером накануне на «Бигле». Он принес нам печальную весть о смерти трех наших товарищей. Это были те трое из партии, [отправившейся на] Макаќу, которые заболели лихорадкой, когда «Бигль» отплыл из Рио.

Первый, Морган, необыкновенно сильный человек и превосходный моряк; это был очень храбрый человек, совершивший несколько интересных подвигов; он обратил в бегство целый отряд португальцев, который беспокоил партию [съемщиков]; он сбросил в море вооруженного часового в Сант Яго; и раньше он был одним из участников абордажа в славном деле против работоргового судна—«Черного Джока». Второй, юнга Джонс, один из наиболее обещающих молодых матросов, которому всего лишь за день до болезни было обещано повышение. Это были единственные два матроса, которые отправились на катере; они были взяты за свои превосходные качества. И, наконец, бедный маленький Мэстерс, который за три дня до своей болезни получил извещение о смерти своей матери. Морган заболел через 4 дня после прибытия на корабль и умер возле Аброльос, где он был спущен в море в воскресенье после церковной службы,—в течение нескольких дней он сильно бредил и все говорил об экскурсии. Юнга Джонс умер спустя два дня после прибытия в Байю, а Мэстерс—через два дня после него. Оба они в течение долгого времени были почти без сознания. Оба похоронены на английском кладбище в Байе; здесь покоятся также два других мичмана. Остальные пять участников экскурсии пострадали очень мало, никто из них не болел больше одного или двух дней. Макаку́ в последнее время особенно прославился своей лихорадкой: как таинственна и как ужасна ее сила. Замечательно, что почти в каждом случае лихорадка появляется спустя несколько дней после возвращения в чистую атмосферу. Я мог бы привести множество таких случаев: быть может, это определяется резкой переменой жизни, лучшей и более возбуждающей пищей. Гумбольдт и Бонплан, прожив в течение многих месяцев в лесах, оба заболели сильной лихорадкой, как только они вернулись на берег [332].

«Бигль» совершил очень хороший переход; прошло всего 5 дней, как он оставил внутренние берега Аброльос. Французский корвет отплыл за 8 дней раньше и обещал нашему капитану приготовить для него обед к его приходу в Байю; оказалось наоборот; таково преимущество хорошего знания ветров и берега. «Бигль» оставался неделю в Байе, и 12 дней ушло на обратный путь в Рио; он успел бы на несколько дней раньше, если бы его не захватил штиль у мыса Фрио.

5 июня.—Работал над добычей вчерашней охоты; вечером отправился в геологическую экскурсию. Эрл вернулся (он провел неделю в городе у друзей) и принес порядочную кучу новостей с «Бигля».

6-го.—Отправился на корабль, где завтракал с капитаном, провел день между городом и «Биглем». Возвращаясь на корабль, всегда испытываешь до некоторой степени приятное чувство возвращения домой. Прожив столько времени на берегу, я почти забыл, как укладывать себя в собственном углу.

7-го.—Отправился верхом с м-ром Болджером в капеллу Nossa Senhora de Penha, которая является одной из местных достоприме-

чательностей. Наш путь лежал через северную, окраинную часть города, который занимает гораздо большее пространство, чем я ожидал. Окраины очень грязны и окружены болотами, заросшими мангровами; прилив иногда заливает их и этого достаточно, чтобы вызвать постоянное гниение растительных и животных веществ; результаты этого гниения весьма чувствительны для обоняния. Местность, окружающая бухту, всюду имеет такой характер,—например, Макакў,—и вследствие этого вредна для здоровья. По мере продвижения в этом направлении мы не встретили ничего интересного. Nossa Senhora представляет собой нарядную маленькую капеллу, построенную на одном из голых круглых холмов из гнейса [333], столь часто встречающегося в этой стране. Несколько сотен ступенек ведут к вершине, откуда открывается обширный вид на гавань и ее острова. По возвращении мы поехали верхом к дворцу Св. Христофа; издали он имеет величественный вид благодаря своим большим и правильным размерам и яркой окраске стен. Меня сильно поразила красота правого крыла здания; я не ожидал увидеть нечто столь изящное в Бразилии. Ворота, которые прислал герцог Нортумберлендский в качестве копии одних из ворот Сионского храма [317], стоят на гребне горы, куда нет ни одной дорожки, но даже и при таких условиях они весьма украшают [дворец].

8 июня.—Собрал несколько кораллин на скалах, окружающих часть бухты Ботофого.

9-го.—В половине седьмого отправились вместе с Дербишайром в очень продолжительную прогулку на Гавию. Эта гора стоит возле моря и заметна с очень большого расстояния благодаря своей в высшей степени своеобразной форме. Подобно большинству гор, она представляет собой обрывистый круглый конус, вершина которого образует плоскую угловатую массу, вследствие чего она получила название «столовой» или *мачтовой* горы. Узкая тропинка вьется вокруг ее южного подножья; утро было восхитительное и воздух был в высшей степени ароматный и прохладный. Я нигде не видел в таком роскошном изобилии таких лилейных растений и притом с широкими листьями; окаймляя берега прозрачных и тенистых ручейков, с блистающими еще [на листьях] каплями росы, они приглашали путешественника отдохнуть. Океан, синий от отраженного неба, поблескивал сквозь деревья. Острова, увенчанные пальмами, разнообразили горизонт. По дороге мы развлекались наблюдением колибри. Я насчитал четыре вида—самый маленький в точности походит, но лишь вблизи, по своим привычкам и внешнему виду на сфинкса.[335] Крылья двигались так быстро, что они были едва заметны и, оставаясь в таком неподвижном положении, маленькая птица устремляла свой клюв в дикие цветы, производя в то же время необычайно жужжащий шум своими крыльями. Те, которых я видел, часто посещают тенистые и уединенные леса, где можно видеть, как они обращают в бегство соперницу-бабочку. Напрасно мы пытались найти тропинку для подъема на Гавию: крутая гора висит над берегом под углом в 42°. Мы вернулись домой; с высшего пункта нашего подъема открывался хороший вид на берег на много миль. Берег был окаймлен поло-

сой толстого [слоя] валежника, позади которого находилась широкая равнина болот и озер; местами они были до того зелены, что выглядели, как луга.

10 июня.—Как школьник во время вакаций, я дрожу, когда проходит еще одна неделя.

11-го.—Поехал верхом к тому месту, где я охотился с падре. Поставив свою лошадь в конюшню, я отправился в лес. Меня сопровождали мулат и маленький бразильский мальчик,—совсем еще ребенок, но одетый так же, как уже описанный мною старший сын [336]. Я никогда не встречал чего-либо равного его наблюдательности. Он находил редчайших животных по самым незаметным следам. Я мог бы ожидать, что жук станет предателем и сам начнет мне помогать, с таким же успехом, как нахождение такого способного помощника в лице этого маленького парнишки. Это было реальным воплощением рассказов о наблюдательности индейцев; мои глаза, несмотря на многие годы практики, совершенно не могли итти в сравнение с глазами этого ребенка. Я бы хотел, чтобы бразильцы с годами не теряли приятных и любезных манер, которыми они обладают в юности. Мои компаньоны оставили меня, и я продолжал свой путь в глубь леса. Глубокий мрак царит везде; нельзя было бы сказать, что сияет солнце, если бы не случайный проблеск света, пробивающийся на землю как бы сквозь ставни, и если бы не яркое освещение верхушек более высоких деревьев. Воздух неподвижен и обладает какой-то особой холодной сыростью. Сидя на пне разрушенного дерева среди такого пейзажа, испытываешь невыразимое восхищение. Журчание какого-нибудь маленького ручейка, постукивание дятла или крик какой-нибудь более отдаленной птицы создают благодаря той четкости, с какой слышны эти звуки, представление о глубокой тишине, царящей среди всей остальной Природы.

Я вернулся домой; там я застал несколько человек, собравшихся после обеда, так как был один из многочисленных праздников. Различные орудия для ловли животных, которые заключались в моих вместительных карманах (которые и сами по себе являются объектом для изумления), служили предметами большого любопытства и восхищения. В обоих этих чувствах они хотя и весьма добродушны, но совершенно несдержанны. Они несомненно меня самого считали бо́льшим курьезом, чем что-либо другое, находящееся в их лесах.

12-го.—Утром работал над вчерашней добычей; лес является золотой россыпью для натуралиста, и вчерашняя добыча была очень богатая. В час я отправился к адмиралу, чтобы присутствовать на больших морских гонках. Первое появление баркасов, яликов, катеров и других больших судов представляло импозантное зрелище. Это сразу давало понять, какой силой может быть такая флотилия во время войны. Гонки несколько затянулись, тем более, что «Бигль» не вышел из них с таким торжеством, как этого хотелось бы. Вечер прошел очень приятно, и на берегу при лунном свете было устроено несколько состязаний в беге между офицерами и экипажами капитанских гичек.

13 июня.—Обедал с м-ром Кейрнсом; это единственный купец, которого я встретил в обществе. Общая масса их не стоит выше лавочников. Я провел приятный вечер. М-р Прайс, купец из окрестностей Горна [337] и пассажир капитана Уолдгрейва, рассказывал много забавного и интересного о равнинах—или, что будет правильнее,—о коневодческих и скотоводческих областях. М-р Прайс женился на испанке, которая умерла, оставив ему двух дочерей—Карлоту и Терезу; сеньориты, очень миловидные и с необычайно грациозными движениями, говорили только по-испански. Тереза, младшая, в возрасте около 8 лет, начинала сейчас же танцовать, как только слышала музыку, и танцовала великолепно, держа в каждой руке по розе, как и ее партнер.

14-го.—Обедал с м-ром Астоном; весьма веселая и приятная компания; вечером отправился с м-ром Скоттом (атташе) слушать одного знаменитого пианиста. Он говорил, что этюды Моцарта слишком легки. Я полагаю, что это верно в такой же мере, как то, что его игра была для меня слишком трудна, чтобы воспринимать ее с удовольствием.

15-го.—Собрал несколько красивых кораллин на скалах в бухте Ботофого. М-р Эрл не вернется больше на свою квартиру здесь, но останется в городе до отплытия «Бигля».

16-го.—Рано утром отправился в Тихеуку, чтобы посмотреть водопады. Ни высота, ни масса воды не производят особого впечатления, но водопад красив тем, что растительность благодаря обилию влаги настолько сильно разрослась, что кажется будто вода вытекает из одного леса и, падая вниз, скрывается в другом. По дороге виды были очень красивы, особенно вид издали на Рио. Подобно султану в серале, я становлюсь совершенно нечувствительным к красоте. Утомительно испытывать новое очарование при каждом повороте дороги. А между тем, как я уже сказал раньше, вы или обязаны это испытывать или же не должны чувствовать ничего.

17-го.—Совершил свою обычную вечернюю прогулку к бухте; там полежал на берегу и наблюдал, как заходящее солнце золотит голые склоны Сахарной Головы. Уикгем и Чефферс нанесли мне визит.

18-го.—Приехал Кинг и провел со мной весь день; вместе поехали верхом в старый лес. Он застрелил несколько птиц, а я по обыкновению нашел много интересных животных низших классов. Мы нашли небольшую пальму, имевшую в окружности всего лишь несколько дюймов; этому дереву, по моему мнению, 305 лет. Я сужу об этом по количеству колец, каждое из которых, я думаю, означает год. На обратном пути домой я встретил своего старого друга падре, возвращавшегося с Гавии со своими собаками. Он подарил мне великолепного маленького ягуара,[338] которого ему удалось подстрелить после пяти часов охоты.

19 июня.—Провел день между городом и кораблем. На корабле очень заняты приготовлением запасов для дальнейшего плавания. Корабль производит впечатление такого же безнадежного хаоса, как и в Плимуте. «Уорспайт» готовит для нас невода и абордажные сети. Наш экипаж пополнился. М-р Форсайт переведен с флагманского корабля на «Бигль» и замещает бедного маленького Мэстерса.

20-го, 21-го и 22-го.—В течение этих дней я усердно работал над различными животными, однако, главным образом, над кораллинами, и поэтому мои прогулки были очень короткими.

23-го.—Я снова отправился в лес, который так часто давал мне столь обильный материал в виде всякого рода животных. Это, по всей вероятности, моя последняя прогулка в бразильском лесу. Оказывается, что удовольствие, испытываемое от этих пейзажей, с каждым разом усиливается, а не ослабевает, как этого можно было бы ожидать. Сегодня я пошел не по трудным тропинкам, а вдоль ручья, протекавшего в узкой лощине среди огромных гранитных камней. Никакое искусство не в силах изобразить такую изумительную картину; разрушенные стволы огромных деревьев, разбросанные повсюду, образовали во многих местах естественные мосты; под ними и вокруг них влажная тень способствовала росту папоротников и пальм; если глядеть вверх, то деревья эти, сами по себе высокие, кажутся почти невероятной высоты. Я убедился вскоре, что даже ползком я не в силах пробраться через запутанную массу живой и мертвой растительности. Выходя из лесу, испытываешь буквально такое ощущение, как будто ты только что вышел из темной комнаты на яркий солнечный свет. Эти леса принадлежат правительству; дом, где я оставил свою лошадь, называется Часера о Макáко. Моего хозяина зовут Антонио да Роча, и его гостеприимству я обязан столь многими восхитительными прогулками. Перед отъездом он показал мне свой сад, в котором находилось странное на взгляд европейца соединение растений. С одной стороны, всякого рода капуста и рядом с ней целое поле риса. Последний едва можно отличить от ячменя; только колос другой: зерна сидят дальше друг от друга и потому верхушка у него не такая компактная.

Вернувшись вечером домой, я застал спокойное население Ботофого в необычайном волнении, вызванном празднованием кануна Св. Хуана. Вокруг многочисленных костров не смолкают взрывы ракет, петард, выстрелы из ружей и все это сопровождается криками «Viva St. Juan!»; весь этот шум не прекращается в течение большей части ночи. Я думаю, что так как бразильцы не имели счастья организовать пороховой заговор, то они таким путем празднуют невинного святого.

24-го.—Обедал с м-ром Кейрнсом; в отношении состава общества провел самый приятный вечер с тех пор, как оставил Англию. Капитан был здесь и сообщил, что «Бигль» отплывает ровно через неделю. Вечером мой маленький друг, сеньорита Тереза, которой, как оказывается, всего только 6 лет, вызвала всеобщее восхищение своими танцами и игрой.

25 июня.—Вечером совершил прощальную прогулку к Лагоа и наблюдал в последний раз, как ее воды окрашиваются в пурпурный цвет последними лучами сумерек.

26-го.—Поехал верхом в город и отправился на корабль, чтобы закончить приготовления к жизни на «Бигле» после моего долгого отсутствия. Я боюсь этого почти так же, как боялся в Девонпорте. На корабле произведены некоторые изменения; между прочим, мы имеем теперь две длинных девятифунтовых пушки; это даст нам больше уверенности в себе; во время последней войны было несколько случаев, когда очень маленькие корабли причиняли страшные повреждения большим вследствие того, что они имели одну большую пушку и держались вне выстрела противника. Я с огорчением вижу много новых лиц на палубе. В вельботе, доставившем меня на берег, не было ни одного старого матроса.

27-го.—Это мой последний день на берегу; поэтому я решил не проводить его в бездельи. В бухте я нашел несколько прекрасных кораллин, исследование которых заняло весь день. В общем, я не очень недоволен результатами своей работы по естественной истории в Рио; некоторые важные отрасли были исключены: геология неинтересна, ботаника и орнитология слишком хорошо известны, и море совершенно непродуктивно за исключением одного места в бухте Ботофого; таким образом, работа моя была сведена к низшим классам наземных или пресноводных животных. Число видов пауков, которое я собрал, огромно. Эти одиннадцать недель прошли до того восхитительно, что, оставляя Ботофого, я испытываю чувство сожаления и благодарности.

28-го.—Забрал все свои вещи с берега и сейчас опять нахожусь в своем тесном углу, где пишу этот дневник. Меня охватывает чувство сильной радости, когда я слышу знакомый шум: матросы впереди поют, часовой шагает над моей головой, мебель в каюте трещит и т. д.

29-го.—Мы отправляемся в море в следующий вторник, так что у меня очень мало времени, чтобы закончить приведение в порядок коллекций, собранных в Ботофого.

Весьма интересные и важные новости о меньшинстве графа Грея по вопросу о реформе[339] доставлены вчера ночью почтовым судном. Самое последнее известие от 20 мая. Отдаленность времени и пространства убивает у меня остроту интереса к политике и газетам.

30-го.—Отправился в город купить некоторые вещи. Нет ничего скучнее, как ходить здесь по лавкам. Если судить по времени, которое бразильцы у вас отнимают, и по несообразным ценам, которые они сначала запрашивают, можно думать, что они считают и время и деньги, не имеющими цены для англичанина.

Воскресенье, 1 июля.—Присутствовал на церковной службе на борту «Уорспайта»: церемония была импозантна, особенно вступительная часть,—«боже, спаси короля»,—когда 650 человек сни-

мают шапки. Когда, находясь среди чужестранцев, видишь силу и мощь своей нации, то тебя охватывает чувство экзальтации, которого на родине не испытываешь. Этот корабль был бы совершенно таким же, если бы ему пришлось итти в новое Трафальгарское сражение. Он представляет во всех своих частях великолепный механизм. Можно ли удивляться гордости капитана, если он знает, что все люди и все вещи подчинены его воле? Можно ли вообразить более возвышенное положение, чем то, когда стоишь на кормовой палубе среди такого экипажа? После службы (когда все люди были расставлены вдоль палубы, разделенные на две вахты) старшие офицеры обошли весь корабль. Я сопровождал их и таким образом увидал все кладовые и т. д. Кто никогда не видел их собственными глазами, тот не может составить себе правильного представления об их чистоте и крайней опрятности. После службы я был представлен двум офицерам, любителям естественной истории; я был удивлен, найдя в одной из их кают птичник с птицами и растения в рамах с мыса Доброй Надежды. Я обедал в караульном помещении в очень приятном обществе. Попав с десятипушечного брига в такую комфортабельную и роскошную обстановку, я стал испытывать некоторое чувство зависти. Наличие стольких незанятых углов показалось мне таким же мотовством, как выбрасывание пищи за борт. После гимна и молитвы за короля оркестр сыграл несколько красивых музыкальных вещей. Было не малым удовольствием послушать увертюры к Фигаро, Семирамиде и Цирюльнику [340]. После такого длительного поста аппетит к музыке становится весьма острым.

Прежде чем вернуться на «Бигль», я смотрел, как все гамаки вынимаются из сеток; говорят, что Наполеона ничто так не поразило на английском корабле, как быстрота и натиск матросов.

2 июля.—Отправился в Ботофого и посетил адмирала, м-ра Астона и м-ра Прайса. Последнего, я надеюсь, мы скоро увидим опять в Вальпарайсо. Он боится, что семнадцатилетнее пребывание в Чили сделало его совершенно неприспособленным к проживанию в какой-либо другой стране, и теперь, находясь в пути, он жалеет о предпринятой попытке переменить свое местожительство. Если нам так повезет, что мы встретим его в Вальпарайсо, то пребывание наше там будет очень приятным.

3-го.—Отправился в город. Сойдя на берег, я увидел на Дворцовой площади большую толпу народа возле дома двух менял, убитых вчера ночью необычайно жестоким образом. Прямо страшно слышать, какое огромное число остающихся ненаказанными преступлений совершается ежедневно. Если раб убивает своего хозяина, то после некоторого заключения он становится собственностью правительства. Но какое бы тяжелое обвинение ни было выдвинуто против богатого человека, можно быть уверенным, что через короткое время он будет на свободе. Здесь можно подкупить всякого. Человек может стать моряком или врачом, или членом любой профессии, если только у него есть достаточно денег, чтобы заплатить. Бразильцы серьезно утверждали, что единственный недостаток, который они находят в английских законах, заключается в том, что они не дают

никаких преимуществ богатым почтенным людям перед жалкими бедняками.

Бразильцы, насколько я могу судить, обладают в очень малой степени теми качествами, которые делают достойным человеческий род. Они невежественны, трусливы и крайне легкомысленны; гостеприимны и добродушны, пока это не требует от них никаких хлопот; умеренны, мстительны, но не задорны; довольны собой и своими обычаями; на всякое замечание они отвечают вопросом: «Почему мы не можем поступать так, как поступали наши деды до нас?» Самый наружный вид их свидетельствует о малой возвышенности их характера; низкого роста, они скоро толстеют, и лица их, мало выразительные, кажутся опущенными между плечами. В этом последнем отношении монахи отличаются в еще более худшую сторону: не требуется больших [познаний] в физиогномике, чтобы различить на их лицах резкий отпечаток постоянной хитрости, чувственности и гордости. Один старик постоянно привлекал мое внимание; единственное, похожее на него лицо, какое мне когда-либо пришлось видеть, это Иуда Искариот Scoens'а [341]. Все, что я говорил о выражении лиц священников, может быть отнесено к голосам старых женщин. Окруженные рабами, они привыкают к грубому тону приказания и к издевательским попрекам. Манеры их редко смягчаются выражением нежности: они рождены женщинами, но умирают, как исчадия ада. Весьма нетрудно будет поверить следующему сообщению: м-р Эрл видел остаток сустава, вырванного [у раба одной такой женщиной] тисками для зажимания пальцев, нередко встречающимися в домах.

Положение огромного количества рабов, живущих в Бразилии, должно интересовать всякого приезжего. Проходя по улицам, интересно наблюдать число племен, которые можно распознавать по различным украшениям, вырезанным на их коже, и по разнообразным выражениям. От этого [количества племен] зависит безопасность страны. Рабы должны сноситься между собой по-португальски и поэтому не объединены. Я убежден, что в конце концов они захватят власть в свои руки. Я сужу об этом, исходя из их численности, их прекрасных атлетических фигур (особенно если их сравнить с бразильцами), что свидетельствует о том, что они находятся в родном для них климате, и на основании их очевидных умственных способностей, которые чрезмерно недооцениваются; они активные работники во всех необходимых производствах. Если число свободных чернокожих будет увеличиваться (что необходимо должно иметь место) и недовольство своим неравноправным положением по сравнению с белыми среди них станет усиливаться, то эпоха всеобщего освобождения не за горами. Я убежден, что рабы счастливее, чем они сами полагают или чем о них думают в Англии. Однако, я думаю, что имеется много ужасных исключений. Характерными чертами их, повидимому, являются: удивительная живость и жизнерадостность, добродушие и «мужество», смешанное с доброй дозой упрямства. Я надеюсь, что наступит день, когда они предъявят требования на собственные права, причем они забудут отомстить своим врагам.

4 июля.—Вечером корабль отдал швартовы, поэтому сейчас очевидно, что утром мы оставляем Рио. Я очень рад, ибо нет ничего

скучнее, как стоять в гавани. И я всегда находил, что время между отплытием и первым днем объявления об этом является тяжелым.

5 июля.—Вскоре после 9 часов мы подобрали якоря и с легким ветром вышли из бухты. Капитаны Талбот и Гардинг сопровождали нас за пределы Санта Крус. Когда мы проходили мимо «Уорспайта» и «Сэмеренга» (нашего старого приятеля по Байе), они поставили всех людей по местам и попрощались с нами истинно по-морскому, прокричав нам три раза ура. Оркестр в то же время заиграл «Вы идете к славе». Капитан хотел сначала остановиться на короткое время у мыса Фрио, но так как над мысом сверкали молнии, то мы взяли прямой курс на юг. Возле острова Раса ветер стих, и так как сейчас штиль, то мы, вероятно, останемся в таком положении всю ночь. Луна ярко освещает сейчас гладкую, как зеркало, воду; все находятся в приподнятом настроении от того, что мы снова в открытом море; и единственное, чего все желают, это небольшого ветра. Тихий и спокойный ход жизни на корабле восхитителен; никогда так сильно не чувствуешь «шумного гула людей», как оставляя его для плавания в открытом море.

6-го.—Едва-едва заметный ветерок. Сахарная Голова еще видна, указывая на вход в Рио.

7-го, воскресенье 8-го и 9-го.—Погода была самая раздражающая; легкий меняющийся ветерок, длинная волна, и я очень болен и жалок. Этот второй припадок морской болезни не был для меня столь тяжелым, как первый. Но это снижение степени компенсируется возмущением, которое я испытываю от того, что все усилия что-либо делать парализованы.

10-го.—После полудня штиль сменился сильным ветром, почти штормом (т. е. весьма крепким в глазах сухопутного человека). Мы сначала убрали брамсели, а затем все паруса с мачт. Впервые я был в состоянии посмотреть, что происходит кругом, когда море неспокойно. Красивое зрелище представлял собой «Бигль», скользящий по волнам, как бы по собственному выбору избегая сотрясений. По мере наступления ночи небо принимало очень грязный оттенок, и волны с их белыми гребнями сердито ударяли о борта корабля. В среднюю вахту, однако, ветер стих и сменился затишьем: это всегда самый худший период шторма, ибо корабль, не поддерживаемый в устойчивом положении давлением ветра на паруса, качается самым неудобным образом между валами волн.

11-го.—День прошел в неприятном бездельи; если бы я чувствовал себя хорошо, то некоторые вещи заинтересовали бы меня в течение этих последних дней. За кораблем все время следовало множество родов буревестников; очень элегантную форму, капского голубка[342], мы встретили, как это обычно бывает, пересекая тропик. Несколько раз показывались киты. Одного из них мне удалось увидеть, но для моих желчных глаз даже и он представлял мало интереса.

12 июля.—Ветер все еще продолжает быть противным, но легким; мы отошли от Рио всего лишь на 150 миль и находимся в 700 милях от мыса Св. Марии.

13-го.—Красивый день; ясное небо и гладкая вода напомнили мне восхитительное плавание в тропических морях. Но так как мы теперь на всех парусах несемся к бурным морям юга, то чем скорее исчезнет память об этом прошлом, тем легче будет переносить настоящее. Все полны ожидания и интереса к неописанному побережью Патагонии. Строят бесконечные планы относительно ловли устриц, гуанако, лисиц и т. д. В наших мечтах мы уже видим себя возвращающимися с тяжелым грузом морских свинок, куропаток, бекасов и т. д. Я убежден, что будет изучено неисследованное течение Рио Негро. Что может быть более интересным, как следовать за течением большой реки через совершенно незнакомую страну. Все показывает, что мы отправляемся в дикие страны; все офицеры забросили свои бритвы и намерены придать своим бородам истинно патриархальный вид.

14-го.—Прекрасный день и благоприятный ветер.

Воскресенье, 15-го.—С полудня вчерашнего дня до полудня сегодняшнего мы прошли 160 узлов и поздравляли уже друг друга, что скоро обогнем мыс Св. Марии. Однако, дело приняло совсем другой оборот, и нам пришлось еще раз изведать всю неопределенность жизни моряка. Вечером подул сильный ветер прямо нам в лицо. Все паруса убраны, и мы пробиваемся сквозь бурное море.

Мы находимся на расстоянии около 80 миль от Морро де сан Марта; любопытный факт: разные офицеры проходили это место в разное время, и всегда их встречала здесь буря. «Бигль» на обратном пути в Англию из последней экспедиции выдержал здесь самую тяжелую бурю за все время своего плавания. Утром я был сильно заинтересован зрелищем большой стаи грампусов, следовавших за кораблем в течение некоторого времени. Каждый имел в длину около 15 футов; обычно они подымались из воды все вместе, с большой силой прорезая и разбивая воду. В отдалении видно было несколько выбрасывающих фонтаны китов. Это все были черные киты, кашалоты, та порода, за которой охотятся южные китоловы.

16-го.—На море поднялось значительное волнение и соответственно сильно упало мое настроение.

17-го.—Глаза мои с радостью восприняли вид лиселей вверху и внизу; это означает, что ветер благоприятный и дует сзади.

18—23-го.—[См. Д. и., стр. 43.]

24-го.—Ветер продолжает дуть против нас, и так как сильное течение сбивает нас с курса, то мы едва-едва продвигаемся вперед. Видна та же линия низкого и зеленого берега, что и вчера, но не так близко. Прямо удивительно, как сильно я страдал от холода. Термо-

метр стоит выше 50°, и я хорошо укутан, и все же, судя по моим ощущениям, я мог бы подумать, что сейчас очень холодный английский зимний день. Другие на корабле не страдали так от этого; я предполагаю поэтому, что моя конституция требует более короткого времени для того, чтобы привыкнуть к теплому климату и потому, при оставлении последнего, сильнее страдает от противоположного.

Сегодня вечером я достал вахтенный список и так как весьма похоже на то, что состав нашей команды не изменится уже до конца нашего путешествия, я этот список перепишу.—Помощники боцмана—Дж. Смит и У. Уильямс; каптенармусы—Дж. Петерсон, Уйат, Беннет и Гендерсон; носовые матросы—Дж. Дэвис, Гэрд, Босуорсик (канатчик), Теннер, Гарнер (парусник), Уиллс (оружейный мастер); марсовые матросы—Эванс, Ренсфрей, Доор, Райт, Робинсон, Мак Керди, Гер, Клерк; матросы при грот-мачте—Фипс, Дж. Блайт, Моор, Гегс, Д. Джонс, Слоан, Чедуик, Джонс, Уильямс, Б. Блайт, Чайлдс; плотничья команда—Роджерс, Роу, Дж. Мэй, Джемс; Айдлерс, Стеббинг (инструментальный мастер); Аш—слуга при оружейной камере; Феллер—слуга капитана; Р. Девис—юнга капитана; Метьюс—миссионер; Э. Девис—офицерский повар; Г. Филипс—корабельный повар; Лестер—бондарь; Ковингтон—скрипач и юнга при кормовой каюте; Билит—юнга при оружейной камере; солдаты морской службы—Бэрлей, сержант; Уильямс, Джонс, Бэргесс, Бэт, Дойль, Мартин, Мидльтон, Прайор (слуга мичманов); — боцман—м-р Соррель; плотник—м-р Мэй; мичманы—м-ры Стюарт, Эшборн, Джонсон, Стокс, Меллерш, Кинг, Форсайт, Геллиар, секретарь капитана;—м-р Байно—врач; м-р Роулетт—казначей; м-р Чефферс—заведующий хозяйством; м-р Селиван—2-й лейтенант; м-р Уикгем—1-й лейтенант; Р. Фиц Рой—командир. Всего на борту «Бигля» находится 76 человек (включая Эрла, огнеземельцев и меня). Я слышу грохот каната, пропускаемого через клюз,—значит, мы становимся на ночь на якорь.

25 июля.—Хороший ветер подвинул нас к остановке в шести или семи милях от Монтевидео. Около полудня мы прошли между Мальдонадо и маленьким островом Лобос, с многочисленными тюленями. Когда-нибудь в будущем мы сделаем остановку в гавани у Мальдонадо; местность по соседству более неровна, чем в остальных частях побережья, но песчаные холмики имеют угрюмый, неинтересный вид. Сегодня тихая и красноватогрязная вода была похожа на речную воду; однако, южный берег лежит, конечно, далеко за пределами видимости. Более пресная бесцветная вода вследствие своего меньшего удельного веса плавает на поверхности соленой; это интересно было наблюдать по следу корабля, где линия синевы смешивалась в маленьких водоворотах с притекающей водой; в этом случае вместо поднятия кверху ила получалось обратное и кверху поднималась чистая вода.

26-го.—Мы вошли в бухту около 9 часов. Как раз когда мы приближались к остановке, нам просигнализировали с «Друида»,—стоящего здесь фрегата; нам было приказано (к крайнему нашему изумлению и развлечению) «приготовиться к бою» и вскоре после этого

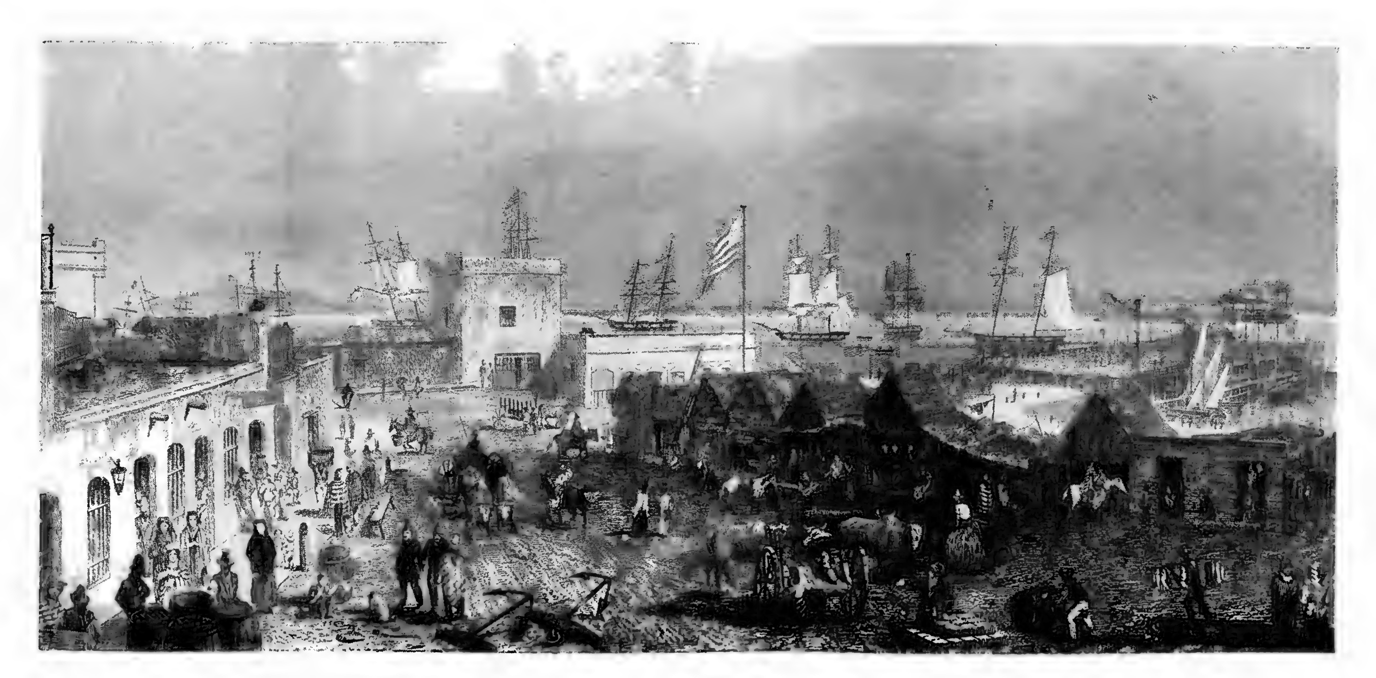
«приготовиться к прикрытию наших ботов». Мы подняли паруса, и последняя часть приказа скоро разъяснилась с прибытием 6 ботов, вооруженных каронадами[343] и содержавших около 40 моряков, готовых к бою, и свыше 100 матросов. Капитан Гамильтон прибыл на корабль и сообщил нам, что нынешнее правительство представляет собой военную узурпацию и что верхушка партии захватила 400 лошадей, составляющих собственность британского подданного, и что, коротко говоря, флотилия ботов прибыла для подкрепления прав этого англичанина. Революции в этих странах совершенно смехотворны; несколько лет тому назад в Буэнос Айресе на протяжении 12 месяцев произошло 14 революций; все продолжает итти совершенно спокойно; обе борющиеся партии не любят вида крови; и таким образом, та из них, которая кажется более сильной, одерживает верх. Беспорядки не отражаются сильно на жителях города, ибо обе партии считают необходимым охранять частную собственность. Нынешний правитель имеет в своем распоряжении кавалерию, состоящую из 260 гаучосов и приблизительно такого же количества пехоты, состоящей из негров; противоположная партия сейчас собирает силы и как только она вступит в город, другая партия его оставит. М-р Парри (один из руководителей местных купцов) говорит, что он вполне убежден, что 150 матросов с фрегата могут в любую ночь захватить Монтевидео. Конфликт разрешился обещанием вернуть лошадей, но я не совсем уверен, что это обещание будет выполнено. Я боюсь, что не исключена возможность весьма неприятных для нас последствий. Офицерам с «Друида» в течение нескольких недель не разрешают сходить на берег, и, быть может, нам предстоит та же участь. Как досадно будет смотреть на зеленые, покрытые травой равнины, а самим выдерживать нечто вроде карантина на корабле.

27 июля.—Мне не представилось удобного случая совершить продолжительную прогулку; так что я отправился с капитаном на остров Рот; пока он зарисовывал виды, я нашел несколько животных, в том числе одно чрезвычайно интересное; с первого взгляда можно подумать, что это змея; но две маленькие задние ножки, или вернее плавники, являются признаком того, что мы имеем здесь переходную форму от ящериц к змеям.

28-го.—Рано утром высадился на Гору. Эта небольшая гора, высотой около 450 футов, являющаяся самым возвышенным пунктом в стране, дала название городу Монтевидео.[89] Вид с вершины один из наименее интересных, какие я когда-либо видел. Ни единое дерево, домик или след обработки не оживляют пейзажа. Вид волнующейся зеленой равнины и обширных стад скота не имел даже прелести новизны. Всякий, кто видел Кембриджшир, если он мысленно заменит пахотную землю пастбищем и удалит все деревья, может сказать, что он видел Монтевидео. Хотя это и так, все же в ничем не ограниченной возможности итти все вперед и вперед по бесконечной, покрытой травой равнине есть какая-то своя прелесть. Более того, если ограничить взор небольшим пространством, то многие предметы представляются весьма красивыми; некоторые из самых маленьких птиц имеют в высшей степени яркую окраску,

Пристань в Монтевидео.

Рисунок А. Эрла.



Монтевидэо (таможня).

Рисунок А. Эрла.

значительно более яркую, чем соответствующие птицы в Бразилии. Яркозеленая трава, низко общипанная скотом, украшена карликовыми цветами, среди которых маргаритка имеет все права считать себя в моих глазах старой приятельницей. Единственными растениями больших размеров являются высокие тростники и чертополох, сильно напоминающий акант[344]; последний со своей серебряной листвой покрывает обширные пространства земли. Я вернулся на корабль с компанией мичманов, которые занимались охотой, застрелили несколько пар куропаток и диких уток и поймали большую игуану длиной около 3 футов. Эти ящерицы в определенные времена года считаются превосходной пищей. Вечер был тихий и светлый, но среди ночи внезапно подул сильный ветер. Все матросы были вызваны свистком наверх убирать паруса и приготовить катера. В такие моменты беспорядка я не знаю, что создает больше сумятицы—борьба со стихией или крики офицеров.

Воскресенье, 29 июля.—В это утро была тяжелая килевая качка, и временами волны захлестывали нас. Погода все еще бурная, и дождь очень холодный.

30-го.—Я был очень занят приведением в порядок субботних сборов. Капитан сегодня утром получил известие о некоторых старых испанских картах Патагонии, которые находятся ныне в Буэнос Айресе. Он немедленно решил отправиться туда, чтобы посмотреть их.

31-го.—В час дня мы вышли из бухты с легким попутным ветром. Проходя мимо «Друида», мы приняли м-ра Гаммонда, мичмана, служившего на «Друиде» и теперь переведенного на «Бигль». М-р Гаммонд—родственник бедного маленького Мэстерса. Перед отплытием я отправился на берег в город вместе с капитаном; вид города не особенно говорит в его пользу; он не очень велик; не обладает никакими архитектурными красотами, а улицы кривые и грязные и завалены мусором. Прямо невероятно, чтобы можно было так легкомысленно довести дороги до такого скверного состояния, в каком они находятся. Ложе бурного потока, заваленное обломками камней, лежащих в грязи,—вот точная картина. Было жалко смотреть, как быки с упряжкой через рога отчаянно силились продвинуть неуклюжие телеги среди камней. Что касается жителей, то они представляют собой гораздо лучший тип, чем в Рио де Жанейро. Многие из мужчин имеют красивые выразительные лица и атлетические фигуры; и то и другое очень редко встречается у португальцев. Я думаю, что приблизительно через неделю мы вернемся в Монтевидео для пополнения нашей экипировки.

1 августа.—Нам сопутствовал славный ветер, и теперь мы стоим на якоре в 12 милях от Буэнос Айреса. Один раз сегодня можно было видеть одновременно оба берега реки—северный и южный. Река такой огромной величины и размеров не представляет никакого интереса или величия.

2-го.—Мы, без сомнения, представляем собой самое неспокойное судно; стоит нам где-либо появиться, как сразу исчезают

мир и тишина. Перед входом в наружный рейд мы проходили мимо сторожевого судна Буэнос Айреса. Когда мы находились против него, оттуда был дан холостой выстрел из пушки; ничего не понимая, мы продолжали продвигаться вперед и через несколько минут раздался второй выстрел, сопровождавшийся свистом ядра, пролетевшего над нашими снастями. Прежде чем судно могло приготовиться к новому выстрелу, мы вышли за пределы его досягаемости. Когда мы пришли к нашей остановке, которая расположена на расстоянии более трех миль от места высадки на берег, были спущены две шлюпки и большая компания отправилась в город, чтобы остаться там несколько дней. Вместе с нами отправился Уикгем, намеревавшийся немедленно пойти к м-ру Фоксу, английскому посланнику, чтобы известить его об оскорблении, нанесенном английскому флагу. Когда мы уже приблизились к берегу, мы были встречены карантинной шлюпкой, которая заявила нам, что мы все должны вернуться на корабль, где должна быть произведена проверка нашего санитарного состояния—из опасения холеры. Все, что мы говорили,—что мы военное судно, оставившее Англию 7 месяцев тому назад, что остановились мы на открытом рейде,—не возымело никакого действия. Они заявили, что мы должны были ждать лодки со сторожевого судна и что мы должны вернуться на корабль, несмотря на противный ветер и наступивший прилив. Во время нашего отсутствия прибыла шлюпка с офицером, которого капитан скоро отпустил, поручив ему передать своему начальнику: «Он очень жалеет, что не знал, что он входит в нецивилизованный порт, иначе он приготовился бы к ответу на его выстрел». Когда наши шлюпки вместе с санитарной прибыли к кораблю, капитан немедленно отдал приказ поднять якоря и вернуться в Монтевидео. В то же время он отправил губернатору через испанского офицера такое же сообщение, какое он отправил начальнику сторожевого судна, с добавлением, что инцидент этот будет подвергнут самому тщательному расследованию в другом месте. Затем мы зарядили и нацелили все пушки с одного борта и прошли в непосредственной близости от сторожевого судна. Окликнув его, мы заявили, что когда мы снова будем входить в порт, мы будем готовы, как сейчас, и если оно осмелится выстрелить, мы угостим полным залпом его гнилой корпус. Теперь мы спокойно плывем вниз по реке. Из Монтевидео капитан намерен написать м-ру Фоксу и адмиралу, чтобы они предприняли решительные шаги для того, чтобы помешать вторичному, столь беспричинному оскорблению нашего флага. Судя по тому, что я мог видеть, Буэнос Айрес кажется мне обширным городом с множеством общественных зданий. Он лежит очень низко и прилежащее побережье расположено всего лишь на высоте нескольких футов над уровнем моря.

3 августа.—Во время утренней вахты, перед рассветом, «Бигль» стоял слишком близко к берегу, и его корма завязла почти на фут в грязи. Немного терпения и маневрирования было достаточно, чтобы освободить корабль и, спустив два вельбота для промера отмелей впереди, мы скоро вступили в канал. Плавание по Плате затруднительно, так как там нет никаких сигнальных установок, вода всюду

мелка и образует водовороты, и по всему течению имеется много отмелей. Мы видели несколько старых потерпевших крушение кораблей, которые теперь служат буями для предостережения других судов—«Это плохой ветер, который не приносит никому ничего хорошего». Мы прибыли в Монтевидео после захода солнца и капитан немедленно отправился на «Друид». Вернувшись, он сообщил нам, что «Друид» завтра утром отбудет в Буэнос Айрес и потребует извинения за их поведение по отношению к нам. О, я надеюсь, что сторожевое судно даст выстрел по фрегату; если оно это сделает, то это будет последним днем его жизни на поверхности воды.

4 августа.—Мы переменили свою остановку и стали значительно ближе; мы нашли превосходное место среди торговых судов. После обеда отправился с Уикгемом на остров Рот, где я нашел некоторых животных. По вечерам большая продолжительность сумерек очень приятна. Совершенно новое явление—наблюдать, как пурпурные облака на западе постепенно блекнут, утопая в свинцовой черноте ночи. Это—красота, которой экваториальные страны редко могут похвастать. А для европейского глаза это большая потеря.

5-го.—Это был полный событий день в жизни «Бигля». В 10 часов утра на корабль явился представитель нынешнего военного правительства и просил помощи против серьезного восстания части черных войск. Капитан Фиц Рой немедленно поехал на берег, чтобы удостовериться, идет ли речь о партийной распре или же жителям города грозит действительная опасность, что дома их будут разграблены. Глава полиции (Думас) остался на своем посту при обоих правительствах и считается вполне нейтральным; когда у него спросили, каково его мнение, он высказался в том смысле, что государству будет оказана услуга, если мы высадим на берег свои силы. Пока на берегу шли эти переговоры, американцы вытащили на берег свои шлюпки и заняли таможню. Капитан немедленно прибыл на мол, подал нам сигнал приготовить и снарядить экипаж на наших шлюпках. Через несколько минут ялик, катер, вельбот и гичка были готовы с 52 матросами, вооруженными мушкетами, кортиками и пистолетами. После некоторого ожидания на молу прибыл сеньор Думас, а мы направились к центральному форту, служившему местопребыванием правительства. В течение этого времени повстанцы поставили артиллерию, чтобы господствовать над некоторыми улицами, но во всем остальном оставались спокойными. Перед этим они раскрыли двери тюрьмы и вооружили заключенных. Главная причина опасений заключалась в том, что в их руках была цитадель, в которой находилась вся аммуниция. Есть подозрение, что все эти беспорядки вызваны махинациями прежнего конституционного правительства. Но местная политика совершенно непонятна: все время говорилось, что интересы солдат и нынешнего правительства вполне совпадают, а теперь, повидимому, оказалось наоборот. Капитан Фиц Рой вообще не видел никакой нужды вмешиваться во все эти дела; он хотел только остаться, чтобы устранить всякие покушения на частную собственность. Если бы национальная банда не состояла из трусов, то они сразу захватили бы цитадель и покончили бы со всем

этим делом; вместо этого они предпочитают отсиживаться в крепости Санта Лучия. Пока все эти различные партии пытались между собой сговориться, мы оставались на нашем посту и развлекались приготовлением бифштексов во дворе. К заходу солнца шлюпки были отосланы обратно на корабль, и одна из них вернулась с теплой одеждой для собиравшихся провести ночь на бивуаке. Так как у меня жестоко болела голова, я тоже вернулся на корабль, где и остался. На долю немногих оставшихся на корабле под командой м-ра Чефферса выпала работа всего экипажа корабля. Они подвесили абордажные сети, зарядили и наставили на цель пушки и были готовы к действию. Сейчас, ночью, мы находимся в полнейшей готовности к возможной защите, если на «Бигль» будет сделано нападение. Единственным мотивом для последнего могло бы быть стремление добыть аммуницию.

6 августа.—Шлюпки вернулись. Дела в городе теперь более решительно обнаружили свой партийный характер, и так как черные войска заперты в цитадели и их осаждает двойное число вооруженных граждан, то капитан Фиц Рой счел более целесообразным отозвать свои силы. Возможно, что через короткое время обе противные стороны придут в столкновение; при таких обстоятельствах капитану Фиц Рою, держа в своих руках центральный форт, очень трудно будет сохранить нейтралитет. В такого рода делах, несомненно, большую роль играет азарт; этого совершенно достаточно для объяснения безрассудной веселости, с какой моряки идут даже в самые рискованные атаки. Все же время уходит, и нельзя не признать большим злом трату такого количества времени на пустую демонстрацию нашей силы.

7-го.—К великому моему сожалению, признано неразумным отправляться в глубь страны; таким образом, я был вынужден сойти на берег и ограничиться грязным городом Монтевидео. После обеда отправился коллекционировать на остров Рот.

8-го.—Сильный ветер и дождь. Вечером барометр упал, так что капитан решил немедленно убрать паруса и спустить еще один якорь. К заходу солнца разыгрался настоящий шторм, но с нашими тремя якорями и без парусов мы только уютно покачивались, в то время как ветер свистел в снастях.

9-го.—Какое-то торговое судно снесло ветром с его стоянки. Капитан в середине дня подошел к нему и нашел, что прежде всего оно отдало только 30 фатомов каната (в то время как мы отдаем 70). Длина каната означает бо́льшую безопасность, ибо благодаря этому исключается резкое давление на судно и не натягивается так якорь. Приходится констатировать, что торговые суда проявляют большую небрежность; вчера очень немногие из них убрали паруса. Несколько лет назад 14 кораблей были выброшены на берег у Буэнос Айреса и все погибли; из них только три приняли кое-какие, хотя и недостаточные, предохранительные меры. Капитан был сегодня в городе и вернулся с новостью, что беспорядки усиливаются. Было какое-то

столкновение с черными войсками, и, повидимому, возникла новая партия в пользу правительства. В жалком штате Монтевидео борются за власть пять партий. Возникает вопрос, не следует ли предпочесть деспотизм такой бесконтрольной анархии. Погода продолжает быть дождливой и бурной; можно считать утешением, хотя и слабым, что обе главные причины, препятствующие нам сойти на берег, совпали во времени.

10 августа.—В течение ночи в городе раздалось несколько ружейных залпов, и мы решили, что там происходят тяжелые бои.

11-го.—Утром мы узнали, что не было даже ни одного раненого; фактически обе партии боятся приблизиться друг к другу на ружейный выстрел. Вчера Лаваллеха, военный губернатор, вступил в город и был хорошо принят всеми, кроме его прежних черных войск. Он грозит, что выгонит их из цитадели, и поставил несколько пушек, чтобы господствовать над воротами. В ответ на это черные сделали ночью вылазку; вот причина возникшей стрельбы. Сегодня утром пришло известие, что Лаваллеха, который только вчера был принят единодушно, был вынужден бежать из города, и что сеньор Фрутес и конституционное правительство одерживают верх. Нас приводят в ужас кровавые революции в Европе, но когда видишь, до чего могут довести такие бессмысленные перемены, то затрудняешься решить, какого из этих двух родов революций следует больше всего бояться. Погода за эти последние дни была дождливая и до крайности неприятная.

Воскресенье, 12-го.—Крайнее смущение гражданской охраны во время стычки в позапрошлую ночь послужило поводом для всеобщей насмешки. Большие отряды немедленно выбросили свои пояса с белым крестом, чтобы их не узнали в темноте, а стремительность, с какой они бежали вниз по улицам, если бы ее можно было направить на дело, была бы в высшей степени импозантна. Вечером обедал с м-ром Парри.

13-го.—Наконец, неустойчивое политическое положение и погода позволили нам совершить прогулку внутрь страны. Уикгем, Селиван, Гаммонд и я отправились пострелять, и если результаты оказались не особенно успешными, то сама охота была в высшей степени восхитительной. Гаммонд и я отправились за несколько миль по прямому направлению к равнинам, покрытым чертополохом, где мы надеялись найти стаю страусов. Мы увидели издали одного; если бы я был один, я бы сказал, что это очень большой олень, бегущий, как беговая лошадь; по мере увеличения расстояния он становился все более похожим на очень большого ястреба, парящего над самой землей; быстрота его движений была изумительна. Так как ветер был довольно свеж для шлюпок, то решено было направиться от Горы в город вокруг бухты. Когда мы были еще на далеком расстоянии от последнего, Уикгем и Селиван почувствовали себя до того усталыми, что отказались итти дальше. К счастью, нам попался верховой; мы его наняли, чтобы отвести их по очереди до того места, где можно

было достать вторую лошадь; таким образом, мы прибыли как раз к моменту закрытия городских ворот на ночь.

14 августа.—Сеньор Фрутес вступил в город в полном параде и был встречен салютом с фортов. Его сопровождали 1 800 диких кавалеристов-гаучосов; среди них было много индейцев. Я думаю, что это было великолепное зрелище; красота лошадей и дикость нарядов и вооружения всадников были весьма любопытны.

15-го.—Когда шлюпка высаживала меня у Горы, я заметил на скалах большую кабру, или капинчу [345]. После долгой и оживленной погони в маленькой бухте мне удалось прострелить ей пулей голову. Этих животных очень много в Ориноко, нередко встречаются они и здесь; так как они очень пугливы и прекрасно плавают и ныряют, то их очень трудно поймать. По своему строению она похожа на большую морскую свинку, а по своим привычкам—на водяную крысу. Она весила 98 фунтов. Отослав с торжеством свою добычу на корабль, я собрал большое количество различных животных: несколько красивых змей, ящериц и жуков. Под камнями я нашел несколько скорпионов длиной около 2 дюймов; когда их прижимали палкой к земле, они с такой силой ударяли жалом о землю, что можно было очень явственно это слышать.

«Друид» вернулся из Буэнос Айреса и привез от его правительства длинное извинение за оскорбление, нанесенное нам. Капитан сторожевого судна был немедленно арестован и британскому консулу было предоставлено право решить, может ли капитан оставаться дальше на своей должности.

16-го.—Провел день в исследовании богатых результатов работы предыдущего дня. «Бигль» отправляется через два дня в свой первый рейс.

17-го.—Весь день и ночь дул свежий ветер с юга. Выпало несколько дождей с градом, что знаменует наше первое вступление в область холодного моря. Море вскоре переходит в реку, и вследствие ее незначительной глубины волны становятся до того грязными, что выглядят, как горы ила. Это плавание против ветра потрясает мой желудок до самых основ его.

18-го.—Несколько офицеров находятся на берегу и все еще не могут попасть на корабль. Однако, капитан рискнул продвинуться к острову Рот, чтобы осмотреть горизонт. Красивое зрелище представлял вельбот, скачущий по волнам. По возвращении он убрал рею, к которой прикреплен его парус.

Воскресенье, 19-го.—Утром подул свежий ветер с С.-З. Ветер в этом направлении скоро опустошает реку; ночью мы имели под кормой 18 футов, утром только 13. По этой причине, независимо от нашего намерения отплыть в течение дня, было признано целесообразным отодвинуть нашу якорную стоянку. В тот самый момент, когда мы подняли якорь, ветер отогнал нас на расстояние в несколько ярдов

от буя, обозначающего место крушения. Вот тут-то и надо видеть моряков за работой: один гнилой канат, и мы все очутились бы на берегу. Моряки в городе говорили: «A dios Barca Inglese, a Dios» («Погибло английское судно, погибло»). Торговое судно, наверное, не вышло бы из положения; но для нашего экипажа было делом момента поднять паруса и пустить в ход корабль. Здесь я впервые увидел, как уходят от подветренного берега при сильном ветре. В течение всего утра мы крейсировали, дожидаясь улучшения погоды, и, наконец, стали снова на якорь. После полудня мы отправили на почтовое судно несколько посылок, в том числе мой ящик с образцами, и по возвращении шлюпок с берега снялись с якоря. Попутный ветер продвинул нас на 40 миль от Горы, и мы стали на якорь на ночь. В такой мелкой воде, как в Плате, волна очень коротка; я никогда не видел столько брызг, рассыпающихся над «Биглем», и не часто чувствовал более неприятные ощущения в своем желудке.

20 августа.—После полудня мы стали на якорь в 8 милях от мыса Пиедрас на южном берегу реки. На этом расстоянии [глубина] воды всего только 18 футов. Капитан намеревается в настоящее время проверить важнейшие пункты побережья. Детали измерений почти закончены испанцами, живущими на берегу. Подробное знание почти необитаемого побережья, к которому корабли подходить не могут, никогда не будет иметь большой ценности.

21-го.—В середине дня стали на якорь возле мыса Пиедрас и послали шлюпки для измерения глубин. Вскоре после того, как мы пустились в путь, вода внезапно стала мелкой, и мы весьма чувствительно коснулись дна. В спокойную погоду это никаких последствий не имеет, но при малейшем волнении можно быстро продырявить дно. Берега очень низкие и покрыты густым кустарником; крайнее сходство между собой различных частей побережья является главной причиной, затрудняющей навигацию по этой реке. В течение последних двух дней было красиво и ясно. Я думаю, что на небе не было ни единого облачка. Несколько наземных птиц нашли себе убежище в снастях; тут были такие птицы, как жаворонки, мухоловки, голуби и хищные птицы, и все они казались совершенно истощенными. Ночью мы стали на якорь с северной стороны от мыса Св. Антония. Как только мы его обогнем, мы окажемся в открытом океане. Вода уже потеряла свой отвратительный грязный цвет.

22-го.—Весь день мы шли на расстоянии двух или трех миль от берега. На протяжении 40 миль берег представлял собой одну лишь непрерывную и неизменную линию песчаных холмов. Вся эта местность никем не населена, и корабли редко проходят здесь, так что это самое нелюдимое место, какое я когда-либо посетил. К заходу солнца, перед тем как бросить якорь, мы довольно неожиданно натолкнулись на мель и должны были сразу поставить корабль по ветру. Эта прекрасная погода чрезвычайно способствует успеху съемки, и пока она держится, медленное плавание вдоль берега удовлетворяет всем целям.

23 августа.—Погода продолжает оставаться очень хорошей: куча облаков на Ю.-З. напугала нас утром, но сейчас, ночью, мы стоим на якоре спокойно. Никто не имеет таких оснований столь напряженно следить за погодой, как съемщики. Характер их обязанностей заставляет их посещать такие места, которых все другие корабли избегают, и их безопасность зависит от того, насколько они готовы к самому худшему. Каждую ночь мы убираем верхние паруса, чтобы не терять времени, если ветер заставит нас двигаться. Вчера утром на поднятие якоря, закрепление его и поднятие всех парусов ушло у нас всего пять минут. В течение дня мы не намного продвинулись вперед, потому что все время идем параллельно берегу.

24-го.—Мы прошли порядочное расстояние; наконец, к северу от мыса Корриентес берег немного изменил свой вид: вместо волнообразной цепи песчаных холмов горизонт ограничен низкой, плоской равниной; последняя, будучи разделена широкими расщелинами, или долинами, представляет множество квадратных площадок. В течение дня мы видели дым от нескольких больших огней, внутри страны; о происхождении этих огней догадаться нелегко. Индейцы не продвигаются так далеко на север, испанцы же здесь не живут. Солнце зашло на безоблачном небе; и можно, безусловно, надеяться, что северный ветер удержится; если так, то мы завтра обогнем Корриентес и, если будет возможно, пристанем на шлюпках к мысу.

25-го.—Сегодня мы сделали хороший переход в 70 миль. Правда, ветер на мой вкус был слишком хорош, ибо он помешал нам сделать попытку пристать к мысу Корриентес, который мы обогнули в полдень. Мы плыли очень близко от берега, и было интересно наблюдать различные местности, мимо которых мы быстро проходили. К северу от Корриентеса песчаные холмы сменяются совершенно ровной линией скал. Скалы расположены перпендикулярно к морю и имеют около 30 футов в высоту, и за небольшими исключениями тянутся непрерывно на всем протяжении к югу от мыса. С верхушки мачты было видно большое пространство плоской пампы, которая тянется без всякого перерыва или возвышения. Ко всеобщему изумлению, у мыса Корриентес стояла ферма; возле дома находилось очень много скота* и место казалось процветающим. Два или три человека верхом на лошадях с большим интересом наблюдали за нами: мы подняли наш флаг и вымпел, которые, несомненно, впервые показались в этом море. Эта ферма, вероятно, находится в 200 милях от какого-либо города, и бóльшая часть лежащего между ними пространства представляет собой пустынные солончаковые равнины. Трудно представить себе более заброшенное обиталище для цивилизованного человека.

Воскресенье, 26-го.—Дождь льет, как из ведра, и воздух до того непрозрачен, что невозможно продолжать съемку. Мы поэтому остались стоять на якоре. Дно было скалистое и, следовательно, вода полна рыбы; не было почти человека на корабле, который не забросил

* Нам говорили, что ферма имеет 50 000 голов.

бы удочку за борт, и в короткое время было поймано изумительное количество прекрасной рыбы. Я поймал также несколько кораллин, которые представляют выдающийся интерес по своей структуре. Сегодня мы имели прекрасную иллюстрацию того, какую пользу приносит барометр в море. В течение последних трех или четырех прекрасных дней он медленно падал; капитан был так уверен, что вскоре после того, как он начнет подниматься, мы будем иметь ветер с противоположной стороны, с юга, что, отправляясь спать, он приказал разбудить себя, как только барометр изменит свое положение.

27 августа.—Поэтому, когда в час барометр начал подыматься, то капитан немедленно приказал вызвать наверх всех людей и поднять якоря. Не прошло и часа после затишья, как подул крепкий ветер в сторону берега, и мы были рады отойти от него. К утру мы вышли далеко в открытое море, так что при убранных парусах нас мало трогали свежий ветер и сильное волнение. Если бы у нас не было барометра, мы, вероятно, стояли бы на якоре часа на два больше, и если бы затем ветер стал немного крепче, то мы оказались бы в чрезвычайно опасном положении. Как бы то ни было, но море было очень бурное; в результате наша гаубица преспокойно соскочила со своего места и упала в океан. Это не было единственным нашим несчастьем, так как, подымая якорь, мы разорвали его на части и пользоваться им стало совершенно невозможным. В течение ночи погода успокоилась и *(28-го)* сегодня утром мы опять направились к берегу. К тому времени, когда мы приблизились к берегу на несколько миль, стало почти спокойно, но волна, идущая из открытого океана, была необычайно велика. Это то, чего можно ожидать при постепенном уменьшении глубины. Прибой на берегу был сравнительно сильный: на протяжении четверти мили море было белое от пены и облако брызг отмечало на много миль линию берега. Так как делать наблюдения было невозможно, то мы сегодня вечером опять держимся в открытом море, чтобы там терпеливо ждать успокоения стихий.

29-го.—Утром ничего не было видно из-за дождя; но после полудня, несмотря на продолжавшееся волнение, нам удалось проследить несколько миль берега; ночью погода была скверная, и мы направились в открытое море.

Сегодня год, как я вернулся домой из северного Уэльса и впервые услыхал об этом путешествии. В течение этой недели я неоднократно с изумлением думал о различии между моим положением и взглядами тогда и теперь; забавно представить себе мое удивление, если бы на горах Уэльса кто-нибудь шепнул мне: ровно через год в это время ты будешь лавировать у берегов Патагонии. А между тем каким обычным и естественным это кажется мне теперь. Ничего я так живо не помню, как те дни мучительной неизвестности. Ясность, с какой я вспоминаю самые мелкие подробности, создает впечатление, что с того времени прошел не год, а значительно более короткий срок. Но если здесь остановиться и мысленно проследить месяц за месяцем все многочисленные события, происшедшие за это время, то, конечно, становится ясным, что прошло очень много времени.

30 августа.—Очень дождливый день; около полудня стало тихо, и мы могли слышать шум прибоя, хотя находились от берега на расстоянии около шести миль. Погода выглядит необычайно угрожающей, но после всего дело кончилось свежим ветром ночью.

31-го.—К середине дня мы были от берега на расстоянии, допускающем съемку. Мы бросили якорь, но при прояснившемся небе скоро подул правильный сухой ю.-з. ветер. Якорь не держался в песке, и мы были вынуждены снова тронуться в путь. Ночью все успокоилось, и мы бросили якорь. Завтра, я думаю, мы будем в состоянии продолжать съемку, которая была прервана на неделю. Наконец, я решительно стал значительно меньше бояться морской болезни, хотя в течение двух из этих дней я был чуть ли не «при смерти».

1 сентября.—Ветер посвежел в течение ночи, и к утру море было довольно бурное. Когда подымали якорь, то в результате внезапного наклона корабля он был обломан как раз над лапами. День был безоблачный, но ветер дул нам прямо в лицо. Ночью мы стали на якорь и, к всеобщей нашей радости, ветер переменился и подул с севера.

2-го.—Этот день навсегда останется для меня памятным, так как это был первый день, когда перспектива моего участия в этом путешествии приняла более благоприятный характер. Опять во время поднятия якоря (одного из лучших и самых больших) он сломался, подобно прежним; предполагают, что дно состоит из такой плотной глины, что она почти походит на скалу, и что в течение ночи лапы якоря входят в нее так, что никакими силами нельзя их оттуда вырвать. В начале путешествия это большая потеря. Подул сильный ветер, но с убранными парусами мы прошли вдоль берега около 70 миль. На всем протяжении берега вряд ли можно отличить одну часть от другой: ничто не прерывает линии песчаных холмов. Завтра мы будем возле Байа Бланки, где, я надеюсь, мы простоим некоторое время. В течение последней недели, хотя и потерянной для съемки, я все же заполучил несколько животных, исследование которых представило для меня большой интерес.

3-го.—Погода была сносной для нас, но вечером ветер посвежел, и море стало бурным. В это время положение корабля было в течение нескольких минут весьма опасным. Мы внезапно наткнулись на мель, где вода была очень мелкая. Раздался тревожный крик, когда лотовой прокричал: «...и половина, два». Дно корабля находилось в этот момент всего лишь в двух футах от дна моря; если бы мы ударились, то возможно, что мы пошли бы ко дну *; большие океанские волны вскоре разбили бы на куски самое крепкое дерево. Красивое зрелище представляют спокойствие, выдержка и быстрота движений моряков в таких случаях. Изменив курс, мы вскоре попали в более глубокую воду. В настоящее время мы стоим на якоре в ожидании утра, и нас отчаянно качает.

* Впоследствии мы имели основание приписать это ошибке рулевого.

4 сентября.—Мы не трогались с нашего места весь день; в течение последних нескольких дней было облачно, а чтобы удостовериться в том, где мы находимся, было почти необходимо получить возможность наблюдать солнце. Я смертельно устал от этой работы или, вернее, от отсутствия работы: бесцельной качки и толчков. О, поскорей бы в Байа Бланку; счастливый день будет для меня, когда мы туда придем.

5-го.—Мы прошли 40 миль вдоль берега и затем бросили якорь у входа в бухту. В течение дня поймал несколько любопытных морских животных.

6-го.—Утром вошли в бухту, но вскоре запутались среди отмелей и мелких мест; мы снова вернулись к якорной стоянке. В это время близко от нас проходила небольшая шхуна. Мы послали туда офицера разузнать подробно о бухте и т. д. Эта шхуна была тюленьщиком, направлявшимся из поселения Байа Бланка в Рио Негро, к югу от которой она намеревалась заняться ловлей тюленей. М-р Гаррис, капитан шхуны и наполовину владелец ее, согласился провести нас в бухту при условии, что мы доставим его в шлюпке в поселение, где стояла другая направлявшаяся в тот же порт шхуна, на которой он намеревался проехать. При помощи м-ра Гарриса мы прибыли вечером в прекрасную бухту, где защищенные от всякой плохой погоды стали на якорь. М-р Гаррис сообщил нам много весьма полезных сведений об этой стране. Байа Бланка как поселение была основана всего лишь шесть лет тому назад; до того времени не было даже известно о существовании бухты. Назначение этого поселения—служить пограничным фортом против индейцев и связать, таким образом, Буэнос Айрес с Рио Негро. В эпоху прежнего господства испанцев, до независимости, последняя область была куплена у главы туземных племен. Поселенцы Байа Бланки не последовали этому справедливому примеру, и вследствие этого с тех пор не прекращается варварская и жестокая война. Но об этом я подробнее расскажу ниже.

7-го.—Утром капитан, Роулетт, лоцман и я отправились при приятном ветре в поселение: оно лежит приблизительно в 20 милях от места нашей стоянки. Вместо того чтобы держаться среднего рукава, мы взяли ближе к северному берегу; по этой причине и вследствие множества сходных между собой островов лоцман вскоре запутался. Мы поплыли по первому попавшемуся рукаву, но через несколько миль он постепенно стал до того узким, что весла упирались с каждой стороны в берег, и мы были вынуждены остановиться. Эти острова скорее заслуживают названия отмелей; они состоят из такого мягкого ила, что по нему нельзя ступить даже нескольких шагов; на многих из них самые высокие пункты покрыты тростником и при высокой воде видны одни лишь верхушки. Из нашей шлюпки нельзя было ничего видеть на горизонте, кроме этих плоских илистых поверхностей; благодаря привычке горизонтальное водное пространство не кажется нам странным; но здесь пространство имеет в высшей степени неестественный вид вследствие смешения воды и суши без преимуществ, представляемых каждой из них. День был не

особенно ясный и преломление было сильное или, как говорят моряки, «все предметы маячили высоко». Единственное в поле нашего зрения, что возвышалось над уровнем воды, был горизонт; тростники выглядели, как кусты, ничем не поддерживаемые в воздухе; и вода имела вид илистых отмелей, а илистые отмели—вид воды. С трудом удалось повернуть шлюпку в небольшой рукав, и дождавшись прилива, чтобы подняться, мы поплыли над илистыми отмелями прямо в середину зарослей. При погружении лодки так, что край ее приходился вровень с водой, она сидела в воде не больше, чем на фут. Но и при этих условиях продвижение ее вперед доставило нам немало хлопот, так как мы несколько раз натыкались на дно. Вечером мы прибыли в бухточку, лежавшую в четырех милях от поселения. Здесь стояла небольшая шхуна и хижина из ила на берегу. Несколько диких кавалеристов-гаучосов ожидали, чтобы посмотреть, как мы будем высаживаться; они представляли собой самую дикую живописную группу, какую я когда-либо видел. Судя по их одежде, можно было подумать, что мы находимся в глубине Турции. Вокруг талии они носили пестрые шали, опускавшиеся в виде юбочки, под которыми виднелись бахромчатые штаны. Обувь их весьма странная,—она приготовлена из кожи подколенного сустава задних ног лошади так, что она имеет вид трубки с изгибом. Они надевают ее в свежем виде, и она, высыхая таким образом на их ногах, никогда больше не снимается. Шпоры у них огромные с колесиками от одного до двух дюймов в диаметре. Все они носят пончо—большую шаль с отверстием по середине для головы. Одетые таким образом, с саблями и короткими мушкетами, они сидели на крепких лошадях. Сами люди были значительно более замечательны, чем их одежда; бо́льшую их часть составляли полукровные испанцы и индейцы, несколько было чистокровных и тех и других, и несколько черных. Индейцы, обгладывавшие мясо с костей, наполовину напоминали своим видом диких зверей. Ни один художник не смог бы изобразить такое дикое собрание лиц. Так как наступал вечер, то решено было не возвращаться ночью на корабль; поэтому мы все уселись на лошадях позади гаучосов и поехали легкой рысью в форт. Здесь нам был оказан не особенно сердечный прием. Комендант намеревался быть вежливым, но, повидимому, главную роль здесь играет майор, хотя он и пониже чином. Это был испанец *старого закала*, со старым чувством зависти. Он не мог сдержать своего изумления и беспокойства по поводу появления впервые в гавани военного судна. Он задавал бесконечные вопросы о наших силах, и когда капитан, расхваливая бухту, сказал, что он может привести целую флотилию военных кораблей, то старый джентльмен был поражен и мысленно видел уже, как британские моряки захватывают его форт. Эти смехотворные подозрения были нам очень неприятны, так что капитан решил рано утром отправиться обратно на «Бигль». Поселение расположено на совершенно ровном, покрытом травой месте, имеет около 400 жителей, из которых большинство солдаты. Место укреплено, и для этого имеется достаточно оснований. Оно подверглось несколько раз нападению больших масс индейцев. Война продолжается в самых варварских формах. Индейцы подвергают пыткам всех пленных, а испанцы их расстреливают. Ровно

неделю тому назад испанцы, узнав, что главная масса неприятеля направилась к северу, устроили вылазку и захватили большой табун лошадей и нескольких пленных. Среди последних был главный вождь, старый Ториано, который правил большой областью много лет. Когда он был взят в плен, два младших вождя, или касики, прибыли один за другим в надежде договориться об его освобождении. Однако, испанцы отнеслись к этому предложению с полным безразличием; эти трое и еще 8 были выведены и расстреляны. С другой стороны, несколько времени тому назад был взят в плен сын коменданта; его связали, и дети (утонченная жестокость, о которой я раньше не слышал) готовились убить его при помощи гвоздей и маленьких ножиков. Но один касик сказал, что завтра соберется больше народу и поэтому будет веселее; экзекуция была отложена, а ночью пленник бежал.

Один испанец, друг м-ра Гарриса, принял нас гостеприимно. Его дом состоял из одной большой комнаты, но она была чище и удобнее, чем помещения в Бразилии. К ночи я был совсем истощен, так как не ел уже 12 часов.

8 сентября.—Мы поехали верхом к нашей шлюпке рано утром; и со свежим ветром прибыли на корабль к середине дня. В это время капитану донесли, что каких-то два человека верхом на лошадях наблюдают за кораблем. Капитан, хорошо зная, что такая небольшая группа испанцев не рискнет забраться так далеко, решил, что это индейцы. Так как мы намерены были забрать возле этого места топливо и воду, то для нас было абсолютно необходимо удостовериться, имеется ли здесь какой-нибудь лагерь. В соответствии с этим были снаряжены и вооружены три шлюпки; не доезжая до берега, мы заметили пять человек, скакавших вдоль холма и затем остановившихся. Увидев это, капитан отослал обратно две шлюпки, так как в его планы не входило напугать их, а лишь выяснить, что это за люди. Когда мы приблизились, верховые сошли с лошадей и подошли к берегу; мы сейчас же увидели, что это был отряд кавалерии из Байа Бланки. Сойдя на берег и поговорив с ними, мы узнали, что они были посланы для наблюдения за индейцами. Это до известной степени было верно, ибо мы нашли признаки костра; но в настоящий момент целью их было, очевидно, наблюдать за нами; это было тем вероятнее, что офицер отряда упорно не показывался, когда же капитан стал упрекать их за такую подозрительность, они это отрицали. Гаучосы были очень вежливы и повели нас к единственному месту, где можно было рассчитывать достать воду. Интересно было видеть этих закаленных людей в полном снаряжении для экспедиции. Во всякое время года они спят на голой земле, а пищу добывают в пути; они уже убили пуму, или льва; единственная часть этих животных, которую они берут,—это язык; поймали они также и страуса, которого они ловят при помощи двух тяжелых шариков, прикрепленных к концам длинной веревки. Они показали нам, как они бросают эти шарики; взяв в руки один шарик, они постепенно закручивают все больше и больше второй и затем с силой бросают оба на какой-нибудь предмет. Конечно, как только шарик ударяется о ноги животного, веревки сейчас же сильно опутывают их. Они дали нам яйцо страуса, и еще

до нашего ухода они нашли другое гнездо, или, вернее, склад, в котором оказалось 24 больших яйца. Несомненный факт, что многие самки страуса кладут яйца в одном и том же месте, образуя таким образом коллекции их. Мы дали нашим друзьям несколько долларов и расстались с ними большими приятелями; они обещали нам как-нибудь доставить живого льва. Затем мы вернулись на корабль. В течение последних двух дней капитан составил план, который в основном должен быть осуществлен в течение оставшейся части нашего путешествия. М-р Гаррис связан с двумя небольшими шхунами, занимающимися ловлей тюленей и находящимися сейчас на Рио Негро. Он и второй капитан хорошо знакомы с соседним побережьем. Капитан решил не упускать такого удобного случая и нанял шхуны помесячно; он намерен послать офицеров на каждую с тем, чтобы они произвели съемку этого запутанного побережья; «Бигль» же (после возвращения в Монтевидео) пойдет к югу; таким образом, время, которое нам придется провести на восточном берегу, значительно сократится; все с радостью приветствовали этот план. М-р Гаррис немедленно отправится в Рио Негро, чтобы привести шхуны, и вскоре после этого мы вернемся на Рио Плату [346].

Воскресенье, 9 сентября.—Утром церковная служба происходила на нижней палубе. После обеда большая компания офицеров поехала на берег, чтобы осмотреть местность. Первые две мили от берега представляли цепь песчаных холмов, покрытых грубой травой; затем следует пампа, тянущаяся на много миль, и вдали Сьерра де Вентана, цепь гор, которые нам кажутся высокими. Земля во всех направлениях испещрена следами страусов и оленей; один большой олень выскочил близко от меня. Кроме этих животных, все остальные, казалось, вымерли. Я никогда не видел местности, до такой степени лишенной живых существ.

10-го.—Сегодня все усердно работали,—кто над съемкой берегов, кто над рытьем колодца для воды, а другие рубили старое потерпевшее крушение судно на топливо. Я совершил длинную прогулку с ружьем, но мне ничего не удалось подстрелить. Я видел несколько оленей и страусов; последние производили странный низкий звук; я нашел также логовище агути, или пампасского зайца; по размерам он равен английскому зайцу, но по своим привычкам он походит на кролика. Вечером пришла из поселения торговая шхуна; на ней приехали м-р Гаррис, направляющийся в Рио Негро, и наш хозяин-испанец, приглашенный нами на корабль. М-р Гаррис рассказал нам, что страхи майора еще не прошли и что ни один из местных жителей, исключая нашего хозяина, не осмелился бы посетить нас.

Вместе со шхуной отправился в Рио Негро м-р Роулетт с целью попытаться достать там для нас провизию.

11-го.—Доказав нашим испанским друзьям, что мы не пираты, капитан отправился с двумя шлюпками в поселение. Почти все люди были заняты на берегу; таким образом, корабль оставался в покое, столь же необычном, как и восхитительном.

12-го.—Вместе с м-ром Уикгемом отправился поохотиться. К великому моему восхищению, мне удалось застрелить двух прекрасных

оленей—самца и самку. Еще три штуки убил слуга капитана. Мы вынуждены были послать экипаж шлюпки, чтобы дотащить их до берега. Один из моих оленей был, однако, временно брошен. Я оставил эту громадную тушу на земле, но вечером ястребы и соколы обглодали труп до самых костей. Я нашел также гнездо страуса; в нем оказалось одно лишь яйцо.

13 сентября.—Якорная стоянка корабля была отодвинута на несколько миль вверх вдоль бухты, для того чтобы быть ближе к вновь открытому источнику воды. Здесь мы останемся на несколько недель; если нынешняя хорошая погода будет продолжаться, то мы проведем время очень приятно.

14-го.—Я провожу сентябрь в Патагонии в значительной мере так же, как я провел бы его в Англии, а именно—в охоте; в данном случае, однако, я испытываю особое удовлетворение от сознания того, что я доставляю свежую провизию для экипажа корабля. Сегодня я застрелил еще одного оленя и агути, или Cavy [59]. Последний весит свыше 20 фунтов, и мясо его самое вкусное, какое я когда-либо пробовал. Охотясь, я прошел несколько миль вглубь; общий характер местности остается тот же—холмистая песчаная равнина, покрытая грубой травой и по мере удаления от берега становящаяся более ровной. Дно некоторых долин покрыто клевером; осторожно ползая и заглядывая в траву, удалось подстрелить дичь.

Если олень не видит вас стоящим, то его всегда охватывает ненасытное любопытство узнать, что вы собой представляете; это любопытство в нем так сильно, что даже несколько выстрелов не испугали его.

15-го.—Испанцы, которых мы недавно приняли за индейцев, были заняты охотой для нас и всегда располагались лагерем возле берега. Они предложили мне лошадь, чтобы поехать вместе с ними в одну из их экскурсий; я с радостью принял это предложение. Партия состояла из 9 мужчин и одной женщины; бо̀льшая часть мужчин были чистокровными индейцами, происхождение остальных оставалось весьма неясным; но все в одинаковой мере выглядели чрезвычайно дико по своему внешнему виду и наряду. Что касается женщины, то описать ее совершенно невозможно; она одевалась и ездила верхом совершенно, как мужчина, и до обеда я и принимал ее за мужчину. Охотники ловят все при помощи двух или трех шариков, прикрепленных к кожаным ремням; метод их действия заключается в следующем: они располагаются полукругом на расстоянии меньше четверти мили один от другого; один выходит несколько вперед и старается загнать животных по направлению к другим, таким образом окружая их. Я был очевидцем одной красивейшей охоты: прекрасный страус пытался бежать; гаучосы преследовали его смелым аллюром, причем каждый вертел шарики вокруг своей головы: наконец, передний бросил их, страус моментально споткнулся, так как ноги его оказались крепко спутанными ремнем. Он отчаянно боролся перед смертью. Затем люди образовали круг и загнали в центр нескольких агути; убили они только одно животное; они

ездят верхом превосходно, особенно отличаясь быстротой и точностью поворотов. Лошади скоро устают от таких бурных упражнений и необходимо часто заменять их свежими, взятыми из табуна, который всегда сопровождает такую партию. В это время года главной добычей являются яйца страусов. В этот день они нашли 64 яйца, из которых 44 были в двух гнездах, остальные же были разбросаны по одному и по два. Они ловят также очень много броненосцев. В середине дня они зажгли костер и быстро поджарили несколько яиц и несколько броненосцев в их твердых коробках. У них нет ни воды, ни хлеба, ни соли; последних они не видят по неделям, так что им безразлично, где жить.

Подобно улиткам, они носят всю свою собственность на своих спинах, а пищу находят вокруг себя. Было весьма интересно наблюдать, сидя вокруг костра, смуглые, но выразительные лица моих полудиких хозяев. Создание, именуемое женщиной, флиртовало; она действительно была взволнована, она делала вид, что напугана моим ружьем, и все охала: «No est cargado?» [«Вам не жарко?»]. Мы вернулись к берегу вечером, повторили ту же процедуру с яйцами и броненосцами, и я отправился на корабль. Ноги мои здорово устали, так как стремена были до того малы, что даже без обуви я с трудом мог вдеть в них первые два пальца. У гаучосов эти два пальца всегда остаются открытыми и отделены от остальных трех.

Воскресенье, 16 сентября.—Партия, отправившаяся на охоту, чтобы добыть свежей провизии, принесла домой 2 оленей, 3 агути и страуса. При помощи сети было поймано также изумительное количество рыбы; в один прием было извлечено рыбы весом больше целой бочки; среди этой рыбы оказалось десять различных видов.

17-го и 18-го.—Эти два дня был занят различными морскими животными, которых я поймал на берегу и при помощи драги. Меню нашего сегодняшнего обеда звучало бы в Англии очень странно:—страусовый пуддинг и броненосцы; мясо страуса никто не признал бы за птичье, а скорее счел бы за говядину. Броненосцы, приготовленные не по способу гаучосов, а без панцырей, напоминают по виду и по вкусу утку. Оба блюда очень вкусны.

19-го.—Бродил по равнинам за песчаными холмами и подстрелил несколько небольших птиц в качестве образцов для коллекции. Для всех нас является полной загадкой, каким образом страусы, олени, агути и другие животные, столь многочисленные, умудряются доставать воду. Никто из нас не видал ни малейшей лужи (за исключением колодца на глубине 8 футов), а едва ли вероятно, чтобы они могли существовать без воды. Я думаю, что эта песчаная страна летом должна представлять собой настоящую пустыню; даже сейчас, весной, когда все цветы еще в почках, солнце припекает довольно сильно, от него негде укрыться, и жар отражается от песчаных холмов.

20-го.—Оставался на корабле.

21-го.—Утром был сильный ветер, и я не оставлял корабля.

22 сентября.—Совершил приятный рейс вокруг бухты с капитаном и Селиваном. Мы остановились на некоторое время в Пунта Альте, расположенной в десяти милях от корабля; здесь я нашел несколько скал. Это были первые, которые я видел; они очень интересны, так как содержат многочисленные раковины и кости больших животных. День был совершенно спокойный; гладкая вода и небо неясно отделялись друг от друга лентой илистых отмелей; все вместе представляло в высшей степени неживописную картину. Жалко, что такая хорошая ясная погода пропадает в местности, где половина ее прелестей не находит себе проявления. Мы попали на корабль как раз во-время, чтобы спастись от тяжелого шквала и дождя.

Воскресенье, 23-го.—Большая партия была послана ловить рыбу в бухточке на расстоянии 8 миль; было поймано большое количество рыбы. Я отправился в Пунта Альту, чтобы поискать ископаемых, и, к моей великой радости, я нашел голову какого-то большого животного, залегавшую в мягкой горной породе. Почти три часа пришлось потратить, чтобы извлечь ее оттуда. Насколько я могу судить, это форма, родственная носорогу. Я доставил ее на корабль только спустя несколько часов после наступления темноты.

24-го.—Был занят тщательной упаковкой вчерашних находок. Утром прибыла одна из шхун и вскоре ожидается и вторая. В течение 6 дней они шли при очень скверной погоде. М-р Роулетт привез превосходный отчет о Рио Негро. Вежливость губернатора и жителей не имеет себе равной; это выделялось особенно резко по контрасту с приемом в форте Байа Бланка.

25-го.—Шхуна была приведена в бухту. М-р Упкгем и часть людей разбили палатки на берегу и будут жить там во время ремонта судна. Я их сопровождал и, пока они устраивали палатки, отправился в Пунта Альту, где опять нашел различных ископаемых. Я подошел очень близко к гнезду страуса, но не заметил его, пока страус не поднялся и не пошел на своих длинных ногах.

26-го.—Погода прекраснейшая. Переход от великолепия Бразилии к скучному бесплодию Патагонии показал мне, как сильно зависит удовольствие, доставляемое тем или иным упражнением, от окружающего пейзажа.

27-го.—Чтобы не терять времени, пока идет ремонт шхуны, мы переменили место нашей якорной стоянки и продвинулись дальше с целью произвести съемку некоторых других отмелей.

28-го, 29-го и воскресенье 30-го.—В течение этих трех дней мы крейсировали вокруг входа в бухту. Два последних дня погода была бурная; на море сильное волнение. Я, по обыкновению, был очень болен и жалок; единственное мое утешение это то, что двое или трое из офицеров чувствуют себя лишь немного лучше, чем я, и что, подобно мне, они всегда чувствуют движение, как только мы выходим из гавани.

1 октября.—Утро грозило нам плохой погодой, но дело кончилось бурей с градом. Мы стали на якорь возле скалы, на которой капитан намерен воздвигнуть какую-нибудь веху, которая служила бы указанием на вход в бухту.

2-го.—Рано утром капитан с большой партией поехал на берег на четырех вельботах. Обед был взят на всех людей, так как предполагалось работать над устройством вехи весь день и вернуться вечером. Кинг и я отправились в одном направлении, чтобы заняться геологическими исследованиями, а м-р Байно—в другом, чтобы пострелять. В пути я заметил, что ветер посвежел и изменил свое направление, но не обратил на это особого внимания. Вернувшись к берегу, мы нашли две шлюпки вытащенными на берег и сохнущими, а другие две ушли на корабль. За два часа до этого капитан с некоторым трудом отошел от берега, а теперь линия белого прибоя свидетельствовала о невозможности этого. Перспектива провести ночь в легкой одежде на голой земле была неприятна; но делать было нечего. М-р Стокс и Джонсон были оставлены для командования, и они сделали все, что могли. Ночью мы не готовили ужина, так как нас было 18 человек, а провизии было оставлено очень мало. Мы устроили нечто вроде палатки или ширмы из парусов шлюпки и приготовились устроиться на ночь. Было очень холодно, но, собравшись в кучу, мы устроились довольно хорошо, пока не начался дождь, и тогда мы оказались все в достаточно жалком положении.

3-го.—На рассвете дело приняло весьма скверный оборот. Небо выглядело мрачным и дул сильный ветер; тяжелый бурун бил о берег; и—что было хуже всего—люди думали, что такая погода будет длиться долго. «Бигль» качало очень сильно, и мы полагали, что он будет вынужден оторваться от привязи и выйти в море. Впоследствии мы узнали, что он выдержал качку хорошо, но что иногда волны захлестывали его, хотя канаты были вытянуты на 120 фатомов. Надо было подумать о съестных припасах для нас: мы позавтракали несколькими небольшими птицами, двумя чайками и найденным на берегу мертвым ястребом. Обед наш был немногим лучше, ибо он состоял из рыбы, оставленной приливом, и костей; мясо с последних мы решили сохранить на следующий день. Однако, к вечеру ветер, к нашей великой радости и удивлению, стих и капитан смог приблизиться на своей шлюпке, остановившись на расстоянии нескольких сот ярдов от берега; тогда он выбросил нам боченок с провизией; матросы подплыли к нему и захватили его. Все это было очень хорошо, но против ночного холода не было никаких средств. Ничто не могло остановить ветер, который был до того холодный, что утром на Сьерре де Вентана появился снег. Я никогда не знал, как мучителен может быть холод; я не мог заснуть ни на минуту, так как не переставал дрожать. Очень жестоко страдали также матросы, которые плавали за провизией, так как они не могли больше согреться.

4-го.—К середине следующего дня мы были все на борту «Бигля» и после нашего небольшого приключения наслаждались всей роскошью, которую он мог нам предоставить. Вечером мы снялись с якоря и направились к нашему старому месту.

5 октября.—Некоторые из матросов чувствовали себя довольно скверно, но по-настоящему в результате этого приключения не заболел никто из нас. Ветер весь день был очень слабый, и мы продвинулись мало.

6-го.—Мы вошли в канал против сильного ветра и ночью бросили якорь на старом месте против колодца. Песчаный холм здесь мы назвали «Холмом якорных стоянок».

Воскресенье, 7-го.—Я отправился к бухточке, где сооружены палатки на время ремонта шхун и переночевал там. Уикгем устроил настоящий маленький комфортабельный городок: лагерь на открытом воздухе всегда заключает в себе нечто чарующее. Даже цыганский шатер в Англии вызывает во мне зависть; здесь же на широкой открытой равнине маленький лагерь был чрезвычайно живописен. Эта бухточка оказалась очень полезной для судов. Большая шхуна почти готова для отплытия, а вторая будет готова через несколько дней.

8-го.—Капитан купил у солдат-гаучосов большую пуму, или южноамериканского льва, и сегодня утром его убили ради шкуры. Эти животные встречаются в пампасах часто; я нередко видел их следы во время прогулок. Говорят, что они не нападают на человека, хотя они, очевидно, обладают большой силой. Гаучосы поймали этого льва, сначала бросив шары и опутав его передние ноги; затем они бросили лассо, или петлю, и, кружа верхом вокруг кустов, бросали все новые лассо и таким образом вскоре запутали его совсем и захватили.

После завтрака я отправился в Пунта Альту к тому самому месту, где я нашел ископаемых. Я нашел челюсть, в которой сохранился зуб; по последнему я установил, что кость принадлежит большому допотопному животному Megatherium. Это особенно интересно, так как единственные остатки этого животного в Европе находятся в королевской коллекции в Мадриде, где они остаются столь же недоступными для всяких научных целей, как в месте своего первоначального залегания. Я поймал также большую змею, которую тогда принял за ядовитого ужа; оказалось, что по своей ядовитости она равна гремучей змее. По своему строению эта змея очень любопытна, так как является переходной формой от ядовитых ужей к гремучим змеям. Хвост ее кончается твердым овальным выступом, которым она вибрирует, по моим наблюдениям, не хуже тех известных змей, которые обладают более совершенным органом.

9-го.—Оставался на корабле.

10-го.—Утром дул свежий ветер, и я не сошел на берег.

11-го.—Совершил длинную прогулку в прямом направлении в глубь страны; как ни неинтересна эта местность, мы, конечно, видим ее сейчас в самое лучшее время. Теперь разгар весны; птицы все кладут яйца, и растения находятся в полном цвету. Кое-где земля покрыта пестрыми цветами кислицы, дикого горошка и крошечной герани. Но, несмотря на все это и на светлое ясное небо, равнина имеет скучный монотонный вид.

12 октября.—Сегодня я прошел гораздо дальше в глубь страны; но это ни к чему: ландшафт везде один и тот же. Я нашел гнездо страуса, в котором находилось 27 яиц. Каждое яйцо по весу превышает в 11 раз куриное, так что количество пищи, заключавшееся в этом гнезде, равнялось 297 куриным яйцам. Мы добрались до корабля с некоторым трудом, так как дул очень свежий ветер прямо нам в лицо.

13-го, воскресенье 14-го и 15-го.—В воскресенье шхуны вышли из бухточки и бросили якорь рядом с нами. Вид их стал значительно лучше после ремонта; но они очень малы. «La Paz»—бóльшая, вместимостью 17 тонн; «La Lièvre»—только $11^1/_2$ Экипажа на них 15 человек. М-р Стокс и Меллерш находятся на «La Paz», м-р Уикгем и Кинг—на другой. Они отплывают в среду. Я с большим огорчением ожидаю нашей разлуки; потеря таких значительных членов нашего общества на корабле может болезненно отразиться на нас. Я боюсь, что им всем предстоит много лишений; каюта на меньшей шхуне имеет только $2^1/_2$ фута в вышину. Первым их делом будет производство съемки к югу от Байа Бланки; к концу следующего месяца мы должны встретиться с ними у Рио Негро в бухте Сан Блас.

16-го.—Я опять пошел на Пунта Альту, чтобы поискать ископаемые кости; по пути я пересек следы большого стада гуанако, или американских верблюдов; следы такой же величины, как коровьи, только более расщепленные. Мы сделали хороший запас провизии для дальнейшего плавания; было убито 6 оленей и выловлено много рыбы.

17-го.—«Бигль» и обе шхуны, образуя маленькую флотилию, отплыли вместе и ночью стали на якорь у входа в бухту.

18-го.—Мы продолжали промеры глубин. В полдень шхуны отплыли к югу. Мы проводили их тремя сердечными и настоящими салютами на прощание.

19-го.—Капитан сошел на берег на полчаса у Монте Гермосо (или мыса *Голода*, как мы его называем), чтобы произвести наблюдения. Я отправился вместе с ним; мне повезло, и я нашел несколько хорошо сохранившихся ископаемых костей двух или трех видов грызунов. Один из них был, должно быть, очень похож на агути, но немного меньше. Сейчас ночь, и мы быстро продвигаемся к Рио Плате.

20-го.—Ветер очень слабый.

Воскресенье 21-го и 22-го.—В течение этих двух дней царил густой туман с легкими ветрами. Мы все с нетерпением ждем момента прибытия на место, чтобы получить письма. Кроме того, имеется еще одно существенное основание: к следующему воскресенью у нас кончится хлеб; уже сейчас все сидят на $^2/_3$ порции. Наем шхун является причиной ошибочного расчета запасов.

23-го.—Туман прояснился, но только для того, чтобы разочаровать нас неблагоприятным ветром.

24 октября.—Ночь была черная, как смоль, со свежим ветром. Море благодаря сильнейшему свечению представляло удивительную и в высшей степени красивую картину; каждая частица воды, которая днем воспринимается, как пена, сияла бледным светом. Корабль гнал перед собой две волны жидкого фосфора, а в своем кильватере оставлял молочный след. Насколько глаз мог видеть, гребень каждой волны светился; и от отраженного света небо над самым горизонтом не было таким густо черным, как над нами. При взгляде на всю эту массу материи, как бы расплавленной и пожираемой огнем, нельзя было не вспомнить мильтоновское описание царства хаоса и анархии.

25-го.—Попутный ветер, дующий нам как раз в спину; за последние 24 часа мы делали не меньше 6 узлов в час. Это, быть может, звучит странно, но необходимо пробыть некоторое время на корабле, чтобы понять радость, которую вызывает попутный ветер; это до некоторой степени напоминает удовольствие, доставляемое быстрой верховой ездой, хотя и не имеешь в виду особой цели; такое удовольствие приобретается только привычкой. Точно так же во время попутного ветра нет ничего более восхитительного, чем общая жизнерадостность, охватывающая весь корабль.

26-го.—День был очень облачный; но что значат облачность и мрак для людей, которые только что получили вести от друзей с родины. Письма из Шрюсбери ко мне датированы 12 мая и 28 июня. Получение писем делает человека неспособным к каким-либо занятиям; так что я ничего не делал, только читал газеты; это довольно утомительное занятие, и чтобы сделать его выносимым, требуется исключительный интерес к вопросам современной политики Англии. [347]

27-го.—Отправился в город покупать кое-какие вещи.

Воскресенье, 28-го.—Поехал верхом с м-ром Гаммондом на обед к одному из его друзей, имеющему здесь поместье. Город построен на мысу и сзади него на две-три мили простирается беспорядочный пригород. Непосредственно по соседству с ним расположено поместье. С каждой стороны от нас живые изгороди состоят из огромных агав, в промежутках между которыми растут большие кактусы. Я редко видал что-либо более странное для европейского глаза, чем вид, который приобретают благодаря этому поля. Дом джентльмена (м-ра Гренвилля), к которому мы приехали обедать, расположен в открытом поле; но большие фруктовые сады, окружающие его, придают местности необычайно веселый вид. В саду цвели в большом изобилии груши, яблони, айва, виноград, инжир, лимоны и апельсины; лимонные и апельсинные деревья образовали восхитительнейшие тенистые аллеи. Множество оливковых деревьев находилось в цвету; они очень сильно напоминают падуб (Ilex), однако, их листья уже и длиннее. После очень приятного обеда мы вернулись на корабль. М-р Гренвилль один из немногих англичан, служивших под бразильским флагом. Этот джентльмен происходит из бедной, но хорошей семьи; будучи совсем молодым человеком, он (как и многие другие) был соблазнен на выезд с родины лордом Кочрейном, кото-

рый служил тогда у чилийцев. После этого м-р Гренвилль командовал большим бразильским фрегатом, на котором совершил много красивых подвигов. Он теперь женат на очень приятной и—что встречается весьма редко—домовитой испанке. В приданое он получил поместье, в котором теперь проживает.

29 октября.—Гулял вокруг укреплений и вышел за город через ворота, через которые англичане проникли в Монтевидео.[348] Количество костей домашнего скота и лошадей, валяющихся на земле возле города, поистине изумительно и вполне соответствует большому количеству ежегодно вывозимых кож. Вечером обедал с м-ром Парри и встретился там с м-ром Пэйджетом с «Сэмеренга». Наш старый приятель «Сэмеренг» прибыл сюда спустя несколько недель после того, как мы отплыли на юг, а «Друид» отправился в Англию.

30-го.—Мы взяли курс рано утром на Буэнос Айрес, но свежий ветер, дувший нам прямо в лицо, продолжался весь день, и когда мы бросили якорь на ночь, оказалось, что мы продвинулись очень мало.

31-го.—Красивый день, но ветер упорно дует против нас. Вечером все канаты были покрыты осенней паутиной. Я поймал несколько летающих пауков, которые должны были пролететь, по крайней мере, 60 миль. Как необъяснима причина, побуждающая этих маленьких насекомых,—как теперь выясняется, в обоих полушариях,—предпринимать такие воздушные экскурсии.

1 ноября.—Спокойный, восхитительный день. Я не знаю, почему такие дни заставляют вспоминать Англию и родину. Можно подумать, что прозрачность воздуха позволяет мысли с бо́льшей легкостью снова и снова пролетать длинное расстояние.

2-го.—Пройдя мимо сторожевого судна (которое на этот раз обошлось с нами более почтительно), мы стали в полдень на якорь на внешнем рейде. Были спущены шлюпки и большая компания офицеров отправилась на берег; выход на берег крайне неудобен; из-за мелководья повозка должна выехать далеко в воду, чтобы встретить шлюпку. Мы немедленно отправились кататься верхом; нет другого способа полностью насладиться берегом, как сидя верхом на лошади; после того как мы прожили несколько месяцев на корабле, одна перспектива жизни на суше была уже нам весьма приятна, и мы все поэтому находились в повышенном настроении. Я думаю, что по этой причине большинство иностранцев считает, что английские моряки более или менее не в своем уме.

3-го.—[См. Д. и., стр. 109, строки 13—3 снизу, и стр. 110.]

Воскресенье, 4 ноября.—Зашел в несколько церквей и был восхищен великолепием украшений, которыми славится город. Нельзя не отметить той горячности, которая, повидимому, господствует здесь по отношению к католической службе по сравнению с протестантской. Это усиливается равенством всех классов. Испанская

леди в своей великолепной шали стоит на коленях в открытом боковом притворе церкви рядом со своей чернокожей служанкой.

Я посетил музей, расположенный в единственном сохранившемся монастыре. Хотя жители считают его не уступающим никаким другим музеям, все же он очень беден. Вечером поехал верхом с Гаммондом; мы видели первую отправку группы повозок в Мендосу. Меняя волов, они путешествуют день и ночь и при всем том дорога продолжается 50 дней. Эти повозки очень узки и длинны, они покрыты тростником и стоят на колесах, диаметр которых равен 10 футам. Их тащут 6 волов, погоняемых заостренной палкой длиной, по крайней мере, в 20 футов. Она подвешена на крыше, так что пользоваться ею легко; конец ее заострен, а для промежуточных волов имеется небольшой выступ вниз. Для задних волов в повозке имеется короткая палка. Весь этот аппарат с первого взгляда производит впечатление военного орудия.

5 ноября.—Проехал верхом в английское поместье, расположенное на расстоянии 6 лье в поле. Местность очень ровная и посаженные местами вдоль канав ивы и тополи делают ее весьма похожей на Кембриджшир. Вообще, местность открытая и состоит или из ярких зеленых лугов или из больших площадей очень высокого осота (высота 8—9 футов). Даже сами дороги изрыты вискашами. Это животное по своему образу жизни ночное; по своему строению оно напоминает агути, так как имеет грызущие зубы и только три пальца на задних ногах; отличается тем, что имеет хвост. Дыры, сделанные этим животным, ежегодно причиняют смерть многим гаучосам. Как говорит Хед, в каждой норе живет небольшая сова, которая серьезно глядит на вас, когда вы проезжаете мимо.

6-го.—Потратил день на покупки и получение сведений о геологии страны. Я надеюсь, что когда «Бигль» вернется на зиму в Рио Плату, я смогу совершить несколько длительных экскурсий в эту неживописную, но интересную страну. Буэнос Айрес прекрасное место для покупок. Здесь имеется много лавок, содержимых англичанами и полных английскими товарами. Конечно, весь город имеет более европейский вид, чем какой-либо другой, который я видел в Южной Америке. О настоящем местном колорите напоминают верховые гаучосы, проезжающие по улицам в своих веселых пестрых пончо, и наряды испанских дам. Эти наряды хотя и не отличаются многим от английских, в высшей степени элегантны и просты. В волосах (красиво причесанных) они носят *огромную* гребенку, от которой спадает вниз большая шелковая шаль, охватывающая складками верхнюю часть тела. Походка их в высшей степени грациозна, и, глядя на их очаровательные спины, обязательно скажешь: «как она, должно быть красива», хотя в этом приходится часто разочаровываться.[349]

7-го.—Мы ожидали переезда на корабль сегодня, но из-за плохой погоды и по другим причинам отплытие «Бигля» было отложено на несколько дней. Вечером капитан Фиц Рой и я обедали у м-ра Гора, английского полномочного министра. Мы провели очень приятный вечер: мы встретили там полковника Гаркурта Вернона,

редкий экземпляр туриста, уклонившегося от избитых дорог Европы. Он уже совершил путешествие по Египту и, имея желание повидать тропические страны, приехал в Рио де Жанейро. По его словам, одна прогулка среди роскошных пейзажей бразильской природы полностью возмещает все невзгоды, связанные с переездом через Атлантический океан. Полковник Вернон в настоящее время собирается предпринять в высшей степени трудное путешествие, а именно: пересечь пампасы до Лимы, оттуда поехать в Мексику и затем на родину.

8 ноября. — Вечером пошел в театр; я не понял ни слова; все же—и это я считаю отличием от других языков—слова звучали в высшей степени явственно и энергично. Мы наблюдали здесь общий для испанцев обычай: мужчины сидели отдельно от женщин. В ложах они сидят вместе, но партер полон мужчин, а галлерея женщин. Цена ложи около 14 пенсов, или двух *бумажных* долларов; цена всех остальных мест один доллар или семь пенсов на английские деньги.

9-го.—Пошел с капитаном Фиц Роем с визитом к донне Кларе, или миссис Клерк. История этой женщины в высшей степени странная. Когда-то это была красивая молодая женщина, отправленная в ссылку за какое-то жестокое преступление. На корабле с осужденными преступниками по дороге к месту ссылки она жила с капитаном. Незадолго до прибытия корабля в широты Буэнос Айреса она вместе с остальными осужденными женщинами составила план убийства всех на корабле, за исключением нескольких матросов. Собственными руками она убила капитана и при помощи немногих матросов корабль был доставлен в Буэнос Айрес. Затем она вышла замуж за богатого человека, который оставил ей в наследство свое состояние. Повидимому, все предали забвению ее преступления благодаря необычайным трудам, которые она положила на уход за нашими солдатами после бедственной попытки (наши знамена находятся теперь в местном соборе) захватить этот город.[348] Миссис Клерк в настоящее время старая дряхлая женщина с мужским лицом и, повидимому, сохранившимся еще до сих пор крайне жестоким характером. Самые обычные ее выражения: «я бы повесила их всех, сэр», «я бы убила его, сэр». Когда речь идет о менее значительных оскорблениях: «я бы отрезала им пальцы». Достойная старуха имеет такой вид, что она бы это охотнее выполнила на деле, чем на словах.

10-го.—Завтракал с м-ром Гором и в полдень отправился на корабль; вечером отплыли в Монтевидео, но так как ночь была темная, то стали на якорь.

Воскресенье, 11-го.—Ветер неблагоприятный, и мы медленно подвигаемся вперед. Каждый день теперь имеет значение, ибо это летний день.

12-го и 13-го.—Ветер продолжает дуть нам прямо в лицо, и хотя мы идем день и ночь, все же продвигаемся вперед очень медленно. Вечером ветер покрепчал, и мы опустили якорь.

14 ноября.—Сегодня в полдень вошли в гавань, хорошо справившись с таким вялым ветром, который вряд ли когда-либо дул. Я получил письма, датированные 25 июля, 15 и 18 августа.

15-го.—Провел весь день в городе.

16-го.—Медленный способ ведения дел в этом городе опять задержал меня на все утро; вечером наслаждался великолепной быстрой верховой ездой с Гаммондом по травянистым равнинам. На обратном пути посетил одно испанское семейство. Я впервые наблюдал распространенный здесь обычай преподнесения молодыми девицами джентльменам розы; сеньориты преподносят этот маленький подарок с большой грацией и элегантностью. Хозяйка в то же время с должным церемониалом просит вас считать дом своим собственным.

17-го.—Бурная погода; я был бы рад, если бы был близок день прощания с Рио Платой навсегда.

Воскресенье, 18-го.—После церковной службы на корабле я совершил спокойную верховую прогулку по открытым равнинам, окаймляющим реку.

19-го.—Был занят упаковкой естественноисторических коллекций для отправки в Англию.

20-го.—Отправился коллекционировать на Гору. Во время прогулки подошел совсем близко к двум большим ящерицам. От носа до кончика хвоста они имеют в длину по меньшей мере 3 фута.

21-го.—Весь день заготовляли провизию и запасы; никогда, даже считая Плимут, я не видел корабль столь заваленным, даже на верхней палубе, разного рода вещами. Я этому очень рад, ибо я с нетерпением жду того времени, когда мы опять будем в открытом море. Я опасаюсь, однако, что до того, как мы туда попадем, нам чаще придется вооружаться терпением, чем противоположной крайностью.

22-го.—Отправился верхом вместе с м-ром Гаммондом к Рио Санта Лучия; расстояние около 12 миль, и дорога проходит по неровной травянистой местности. На обратном пути мы вынуждены были сделать обход в несколько миль, чтобы избегнуть большого поля чертополоха. Последний совершенно непроходим, ибо [растения эти] вооружены большими колючками и растут очень близко друг от друга, поднимаясь до 6 футов в вышину. Верховая езда единственный источник удовольствия в этой стране.

23-го.—Ночью был дан большой бал, устроенный в ознаменование восстановления президента. Картина была гораздо более веселая, чем этого можно было ожидать от этого места; все жители страстно желают появиться на подобного рода празднествах в блестящих нарядах; для удовлетворения этого стремления дамы не останавливаются ни перед какими жертвами. Музыка играла в очень медлен-

ных темпах, и танцы, хотя и носили в высшей степени формальный характер, были весьма грациозны. Бал происходил в театре; ничто не удивило меня так сильно, как следующее обстоятельство: всякая часть здания, не занятая действительно танцующими, была открыта для низших слоев общества; таким образом, все проходы в ложи, задние места партера были заняты любителями поглядеть, и никому даже в голову не приходила мысль о том, что ими может быть вызван какой-либо беспорядок. Как непохожи на это нравы англичан во время таких ночных праздников.

24 ноября.—Был в театре и слушал оперу Ченерентола. [350]

Воскресенье, 25-го.—Поехал верхом с м-ром Парри в Лас Пиетрас, красивую деревушку, получившую свое название от нескольких скал своеобразной формы. Здесь называют красивой всякую деревню, если в ней растет дюжина фиговых деревьев и если она расположена на сотню футов выше общего уровня.

26-го.—Корабль в полдень поднял якорь, но ночью мы снова остановились, не покидая Монтевидео. На эту задержку все на корабле болезненно реагировали. Утром жара на берегу была необычайная и значительно более невыносимая, чем в тропиках. Я полностью почувствовал истинность установленного м-ром Дэниеллом факта, а именно, что разница между теплом солнечных лучей и температурой воздуха возрастает по мере того, как широта становится выше, и в большей пропорции, чем падает температура. Отсюда такой факт: термометр, выставленный на солнце, в Лондоне будет стоять выше, чем под экватором; это также доказывает, в какой полной зависимости находится действие климата от средней температуры. День был хороший, но барометр предсказывал перемену, поэтому мы стали на якорь в тихую погоду и убрали паруса. Это было не напрасно; вскоре после 10 часов ударил шквал и всю ночь дул сильный ветер.

27-го.—Утро было скверное, но к полудню погода прояснилась, и мы поднялись вверх по реке на 30 миль, чтобы набрать пресной воды. Стали на якорь возле скал, носящих название Санта Мария.

28-го.—Прекрасный день; но попутный вчерашний ветер стал теперь вялым. Мы идем прямо в бухту Сан Блас, где мы условились встретиться со шхунами к 20-му этого месяца. После встречи с ними мы идем прямо к Огненной Земле; таким образом, мы не будем больше терять эти драгоценные длинные дни. Я благодарю нашу счастливую судьбу, что Гора уже исчезла из виду, и я надеюсь, что мы не увидим ее очертаний в течение ближайших нескольких месяцев.

29 и 30-го.—Прекрасные дни, спокойное море и хороший ветер; чего еще может пожелать сердце человека?

1 декабря.—Вечером погода выглядела угрожающей; и в течение первой вахты дул сильный ветер; он перешел в обманчивую тишь,

которую моряки называют экваториальным штилем («doldrums»).

Воскресенье, 2 декабря.—Облачный день с сильным ветром.

3-го.—Ночью стали на якорь неподалеку от входа в Сан Блас. На расстоянии нескольких миль стояли на якоре обе шхуны. М-р Уикгем прибыл на корабль и сообщил, что на шхунах все обстоит благополучно. Путь от Байа Бланки прошел хорошо, но в течение месяца работ по съемке этих берегов нередко бывала скверная погода, причем небольшой ветер быстро вызывал сильное волнение. Сведения о бухте Сан Блас до того скверны, что, я думаю, мы в нее заходить не станем.

4-го.—Мы подошли к шхунам; все необходимые дела между последними и «Биглем» были закончены с величайшей живостью. Утро прошло весьма весело в выслушивании и сообщении всех событий, имевших место после того, как мы расстались. Однако, берега, над которыми работали шхуны, повидимому, даже еще менее интересны, чем побережье Байа Бланки. Инструкции для следующих трех месяцев таковы:—м-р Уикгем, законопатив «La Lièvre» на Рио Негро, идет в Байа Бланку; немедленно возвращается и присоединяется к м-ру Стоксу, который будет занят по соседству. Затем они вместе идут в Порт Дезире, и, начиная от этого пункта, эти маленькие суда будут производить съемку берега до Рио Негро. «Бигль» встретит их здесь в марте; так как этот месяц очень бурный, то вся наша флотилия намерена провести его уютно на реке. Все офицеры обедали вместе в оружейной камере; вскоре после этого «Бигль» отплыл. Теперь мы при шумном ветре и яркой луне направляемся в бухту Нассау, позади мыса Горна.

5-го и 6-го.—В течение этих двух восхитительных дней мы шли вперед, но очень медленно. Я был занят исследованием некоторых небольших ракообразных, большая часть которых принадлежит не только к новым, но и к весьма необычным родам.

7-го и 8-го.—Хорошая, ясная погода.

Воскресенье, 9-го.—Судя по высокой и неправильной волне, южнее должна была быть буря, так что мы счастливо избегли ее.

10-го.—Сильный ветер; в полдень мы продвинулись немного к югу от Порт Дезире.

11-го.—Барометр показывает перемену погоды; сегодня год, как мы сделали первую попытку выйти из Английского канала, но были встречены сильным ю.-з. ветром. Для меня связь между этими двумя днями была полная, хотя не очень удовлетворительная: мой желудок ясно заявлял, что он сухопутного происхождения и не любит моря.

12-го.—Продолжал дуть крепкий ветер, который в середине дня внезапно перешел в самый тяжелый шквал, какой я когда-либо видел. К счастью, мы получили хорошее предупреждение, так что каждая

вещь была закреплена, и корабль был поставлен по ветру; интересно бывает всегда наблюдать развитие шквала: черная туча с ее подымающейся дугой, дающей проход ветру; затем линия белых гребешков, которая упорно приближается, пока корабль ее не перескочит и свист шквала в снастях становится слышным. За последние несколько дней климат совершенно переменился. Температура колеблется между 45 и 50°, и воздух создает бодрящее ощущение английского зимнего дня. Но самое любопытное это—видеть, как дается свисток на спуск гамаков в половине восьмого, а в это время солнце стоит над самым горизонтом; это зрелище, которого мы не наблюдали за последние 15 месяцев.

13 декабря.—Вечером ветер круто изменился и стал попутным; однако, мы находимся на несколько лье дальше к северу, чем два дня назад; все это наделали эти несчастливые юго-западные ветры.

14-го.—Легкий, переменчивый ветер, в общем, против нас.

15-го.—Очень туманно; все в заговоре, чтобы удлинить нам путь. Сегодня вечером низменность к югу от Магелланова пролива была видна с палубы.

Воскресенье, 16-го.—Мы подошли к берегу Огненной Земли немного к югу от мыса Св. Себастиана и затем, изменив курс, отошли на несколько миль от берега. «Бигль» ни разу еще раньше не был в этих местах, так что для каждого это было ново. Наше неведение, живут ли тут туземцы, было вскоре рассеяно обычным дымовым сигналом, и вскоре мы смогли с помощью биноклей рассмотреть группу нескольких находившихся в разных местах индейцев, очевидно, с интересом следивших за нашим кораблем. Они, должно быть, зажгли огни немедленно после того, как заметили наш корабль, но мы не знаем, с какой целью они это сделали, для того ли чтобы сообщить новость или чтобы привлечь наше внимание. Ветер был свежий, и мы отошли на 50 миль от берега и стали на якорь на ночь. Местность невысокая, состоит из горизонтальных слоев новейших горных пород, которые во многих местах образуют обрывистые скалы, обращенные к морю. Она пересечена также многими отлогими долинами, покрытыми травой и разбросанными там и сям кустами и деревьями, так что вся картина в целом представляет оживленный вид. Небо было мрачно, и воздух не прозрачен, и если бы не это, то пейзаж в некоторых местах был бы приятный. На большом расстоянии к югу видна была цепь высоких гор, вершины которых сверкали снегом. Мы стали на якорь к югу от мыса Св. Павла.

17-го.—Корабль так качало в течение ночи вследствие стоянки в открытом море, что нельзя было добиться покоя. На рассвете, наступающем здесь около 3 часов, мы снялись с места и с попутным ветром направились к берегу. У порта Св. Поликарпа характер местности изменился; высокие горы, покрытые коричневатым лесом, заняли место горизонтальных формаций...

17 декабря—25 февраля.—[Дальнейшее описание первого посещения Огненной Земли включено в текст «Дневника изысканий»,

см. стр. 176—193. Ниже приведены наиболее существенные отрывки, не вошедшие в текст Д. и.:]

25 декабря.—[См. Д. и., стр. 182, строка 19 сверху. Далее следует:] ...Когда мы вернулись на корабль, нам сказали, что нас видели с корабля. Мы знали, что это невозможно, так как «Бигль» стоял на якоре у входа в бухту и близко под высоким пиком, позади которого стоит пик Катера. А так как не подлежало сомнению, что были видны люди, пробирающиеся по скалам этой горы, то это, должно быть, были огнеземельцы. С их позиции видны были все наши отряды; и каково должно было быть их изумление—вся бухта Вигвам огласилась звуками выстрелов охотников за дикими птицами в пещерах; мы втроем также кричали, чтобы слышать наше эхо; Селиван развлекался сбрасыванием в пропасти огромных камней, а я с увлечением колотил своим геологическим молотком по горным породам. Они должны были принять нас за исчадий тьмы; но за кого бы они нас ни принимали, они в страхе прятались. Бухту Вигвам мы посетили несколько раз. Имя это было дано м-ром Уэдделлом. «Chanticleer» с капитаном Форстером оставался здесь несколько месяцев; остатки палатки, где он повесил маятник, еще сохранились.

Небо не предсказывало ничего хорошего при заходе солнца; и в середине ночи матросы были вызваны для спуска второго якоря, так как поднялся страшный шторм.

26-го.—Погода продолжает быть неустойчивой и в высшей степени неприятной; на горах падает снег, а в долинах продолжается ветер и дождь. Температура днем 45°, а ночью падает до 38—40°; вследствие никогда непрекращающейся облачности солнечные лучи редко оказывают сильное действие. Принимая во внимание, что это происходит в середине лета и на той же приблизительно широте, на которой находится Эдинбург, надо признать, что климат здесь удивительно не соответствует широте. Даже в хорошие дни здесь происходит постоянное чередование дождя и бури с градом, вследствие чего на берегу не найти сухого места.

27-го, 28-го и 29-го.—К великому нашему огорчению, погода в течение этих трех дней была очень скверная, сопровождавшаяся обилием дождей и сильными шквалами с Ю.-З. Вчера капитан отправился на рекогносцировку бухт, образуемых многочисленными островами позади острова Хермит. Я сопровождал его, но было так холодно и сыро, что плавать в шлюпке было очень неприятно. Мы поднялись на некоторые из холмов, которые, как обычно, открыли перед нами картину голой местности...

14 января.—[См. Д. и., стр. 187, строка 7 сверху. Далее следует:] ...Я обнаружил, что вчерашнее бедствие причинило мне непоправимый ущерб: моя промокательная бумага и растения были промочены морской водой. Ничто не может устоять против силы бурного моря; волны проникают в открытые двери и узкие щели и всюду причиняют вред. Только тот, кто на деле испытал их, знает бедствия настоящего шторма.

19 января.—[См. Д. и., стр. 187, строка 24 сверху. Далее следует:] ...Нас было 28 человек, и ялик взял снаряжение, которым миссионерское общество снабдило Метьюса. Выбор вещей свидетельствовал о преступнейшем безумии и небрежности. Винные стаканы, масленки, чайные сервизы, супные миски, платяные шкафы красного дерева, тонкое белое полотно, бобровые шапки и бесконечное разнообразие других такого же рода предметов—все это показывает, как мало думали о стране, куда они направлялись. На деньги, совершенно зря потраченные на такие вещи, можно было бы купить огромный запас действительно полезных вещей. Мы держим курс по направлению к восточному входу в Канал Бигля, в который мы в полдень и вступили.

23-го.—[См. Д. и., стр. 190, строка 9 сверху. Далее следует:] ...Мы думаем, что они похоронены высоко в лесах; как бы то ни было, Джемми не хочет есть сухопутных птиц, потому что они питаются трупами людей. Это один из многих случаев, когда он предрассудки свои помнит, хотя язык свой забыл...

11—15 февраля.—[См. Д. и., стр. 193, строка 4 снизу. Далее следует:] ...поведение туземцев было вполне миролюбивым. Если опыт с огородом удастся, то это маленькое поселение может оказаться средством, которое принесет много добра и изменит нравы дикарей, живущих здесь. 13-го партия из восьми человек во главе с м-ром Чефферсом пересекла полуостров Гарди с целью достигнуть и обследовать западный берег. Расстояние было невелико, но мягкая болотистая почва сделала дорогу утомительной. Этот полуостров, представляющий на деле часть острова, можно рассматривать как самую южную оконечность Америки. Он кончается мысом Ложный Горн. День был хороший, даже достаточно хорош для того, чтобы сообщить часть своей прелести окружающему жалкому пейзажу. Это и вид на Тихий океан было все, что вознаградило нас за наши труды.

16-го.—Та же партия отправилась опять и с той же целью, но путь мы взяли совершенно другой. Поднявшись на более высокий холм, мы наслаждались весьма обширным видом на два океана и их острова. Погода была хорошая; правда, с момента пребывания нашего в бухте Огненная Земля делает все, что в ее силах, чтобы примирить нас с тремя несчастными неделями, проведенными нами в открытом море.

Воскресенье, 17-го.—Церковная служба и спокойный день.

18-го и 19-го.—Корабль продвинулся к острову Уолластон; в течение этих дней была произведена съемка северной части.

20-го.—Дул очень крепкий ветер и вследствие этого капитан отошел через бухту к нашей прежней спокойной стоянке в Гёри Руд. Термометр показывает 38°; сильный дождь с градом.

21 февраля.—Погода помешала нашему возвращению к острову Уолластон и заходу в бухту Агирре; поэтому мы отправились прямо в бухту Доброго Успеха.

22-го.—Сегодня ночью дует бешеный ветер; вода бежит вверх и плотные массы пены образуют настоящий водоворот в бухте.

23-го.—Шторм вчерашней ночи был необычайно тяжелый. Мы были вынуждены спустить три якоря. Шлюпки оказались не в силах доставить обратно людей, отправившихся за топливом, так что они вынуждены были устроиться на ночь на берегу.

Воскресенье 24-го и 25-го.—После ожидания хорошей погоды я в понедельник поднялся на гору Бенкса, чтобы измерить ее высоту; она оказалась равной 1 472 футам. Ветер был до того сильный и холодный, что мы были рады вернуться обратно. Если бы мы остались еще на один час, то шлюпки не могли бы добраться до берега, чтобы захватить нас. Это была одна из гор, на которую я поднимался во время нашего предыдущего посещения этого места. Я очень удивился, что за девять недель не исчезли следы наших ног, так что мы могли различить, кому какой след принадлежит.

26-го.—Вышли в море и направились к Фальклендским островам; ночью дул сильный ветер и поднялось большое волнение. История здешнего климата это—история штормов.

27-го и 28-го.—Сильные ветры.

1 марта.—Мы прибыли рано утром в Порт Луи, самый восточный пункт Фальклендских островов. Первой новостью, которую мы узнали, было, к нашему изумлению, известие о том, что Англия завладела Фальклендскими островами, на которых теперь уже развевается английский флаг. Эти острова были в течение некоторого времени необитаемы, пока правительство Буэнос Айреса не заявило на них несколько лет тому назад претензий и послало туда партию колонистов. Наше правительство заявило протест против этого, и месяц тому назад сюда прибыл «Клио» с приказом завладеть этим пунктом. В то время здесь находился буэнос-айресский военный корабль с новой партией колонистов. Обе партии и корабль вернулись в Рио Плату. Нынешнее население состоит из одного англичанина, который поселился здесь несколько лет тому назад и на которого теперь возложены заботы о британском флаге, 20 испанцев и трех женщин, из которых две негритянки. Остров изобилует животными. Здесь имеется около 5 000 диких быков, много лошадей и свиней. Дикой птицы, кроликов и рыбы имеется величайшее множество. Европейские овощи могут здесь произрастать. И так как здесь имеется обилие пресной воды и много хороших стоянок, то в высшей степени удивительно, что это место не было колонизировано давно для снабжения провизией судов, огибающих мыс Горн. В настоящее время оно посещается только китоловными судами, одно из которых стоит здесь теперь.

Все эти сведения мы получили от французской шлюпки, принадлежащей китоловному судну, потерпевшему крушение и лежащему сейчас на берегу. Между 12 и 13 января, как раз в то время, когда мы страдали от шторма у мыса Горна, этот прекрасный корабль был сорван с трех якорей и выброшен на берег. По их словам, шторм представлял собой настоящий ураган. Они были рады видеть нас, так как не знали, что делать: все запасы были спасены и в том числе, конечно, множество провизии. Капитан Фиц Рой предложил взять их всех, 22 человека, на «Бигль» и купить у владельцев те запасы, которые могут нам понадобиться. Остальным придется пожертвовать.

2 марта.—М-р Диксон, английский резидент, прибыл на корабль. Какой странной и одинокой должна быть его жизнь; с удивлением видишь, как англичане умеют пробить себе дорогу в каждый уголок земного шара. Я не думаю, чтобы имелось какое-либо населенное и цивилизованное место, где бы не нашлось англичанина.

3-го.—Совершил длинную прогулку; эта сторона острова очень мрачна: местность низменная и неровная с каменистыми пиками и голыми гребнями; она везде покрыта коричневой жесткой травой, которая растет на торфе. Растений здесь очень мало, а из животных вряд ли имеются какие-либо кроме бекасов и кроликов. Весь ландшафт от однообразного коричневого цвета имеет крайне мрачный вид.

4-го.—Сегодня после полудня произошел тяжелый инцидент—погиб м-р Геллайер. Один из местных жителей принес нам известие, что он нашел на берегу какую-то одежду и ружье. Мы все поспешили к месту и через короткое время нашли тело; оно лежало в нескольких ярдах от берега; оно было столь запутано морскими водорослями, что его с трудом высвободили. Было совершенно очевидно, что он застрелил птицу и пока он плавал за ней, крепкие стебли морской травы захватили его ноги, что и вызвало смерть.

5-го.—М-р Геллайер был похоронен на уединенной и мрачной косе. Процессия была печальная: впереди несли полуспущенный английский флаг, и гроб был покрыт морским флагом; похороны были весьма торжественны своей простотой и вполне соответствовали обстоятельствам.

6—9-го.—Прибыло несколько кораблей; в гавани теперь стоит пять судов; английская шхуна согласилась отвести француза и все его запасы (чего мы сделать не могли) в Монтевидео и получить 20% вырученной с аукциона суммы. В течение этих трех дней я бродил по острову, разбивая скалы, стреляя бекасов и собирая немногочисленные живые организмы, которыми может похвалиться этот остров. Прямо больно видеть такое множество боченков и остатков крушения в каждом углу и бухточке; нам известно, что четыре больших корабля потерпели крушение в одной только этой гавани. Одним из них была «Урания», французское исследовательское судно, совершавшее кругосветное путешествие.[351] Погода, в общем, была холодная и очень бурная.

Залив Адмиралтейства. Сверху вниз: мыс Надежды; бухта Колибри; отдаленный вид на гору Сармиенто.

Рисунки Ф. П. Кинга.

Северные огнеземельцы, отправляющиеся на торговлю с патагонцами.

Рисунок Р. Фиц Роя.

Воскресенье, 10-го марта.—Вечером подул ужасный ветер. Я никогда не представлял себе, что такое море может разбушеваться в несколько минут. Барометр давал самые превосходные показания на какую-то предстоящую необычайную перемену; в середине дня он, как будто бы, обещал ясную погоду; но за обедом капитан сказал, что барометр свидетельствует о том, что худшее нам еще предстоит. Через час это худшее настигло нас во всем своем бешенстве. Французский бриг спустил четыре якоря, английская шхуна была выброшена на берег; и немного позже к этому могло присоединиться еще одно крушение. Ночью наш ялик был сорван с цепи. Он не затонул, был вытащен на берег и очищен; некоторые из его снастей и парусов погибли.

10-го и до воскресенья, 17-го.—Это одно из самых спокойных мест, куда мы когда-либо заходили. Почти все корабли ушли; и в течение всей недели не произошло ни одного события. Шлюпки были заняты съемкой.

Однажды я отправился в город, который состоит из полудюжины домов, поставленных наугад в различных местах. Во время прежнего господства испанцев, когда это была Ботаническая бухта для Буэнос Айреса, она находилась в гораздо более цветущем состоянии. Однако, эта прогулка совершенно изменила в моих глазах представление о Фальклендских островах, ибо я нашел скалу, изобилующую раковинами, которые относятся к интереснейшей геологической эре.

Воскресенье, 24-го.—Никогда еще до сих пор мы не оставались так долго на одном месте и никогда еще у меня не было так мало материала для моего дневника. Ради ископаемых раковин я остановился в городе на три дня. После длительной верховой поездки я убедился, что местность в глубине острова мало чем отличается от побережья. То же полное отсутствие деревьев и тот же всеобщий покров из коричневой жесткой травы, растущей на торфяной почве. Жители представляют собой любопытную смешанную расу; их жилища находятся в жалком состоянии и лишены почти всяких удобств; местность носит на себе следы своего назначения,—быть яблоком раздора между различными нациями. В пятницу прибыло судно для ловли тюленей под командой капитана Лоу; это знаменитый и своеобразный человек, который в течение многих лет часто плавал в этих морях и был грозой для всех маленьких кораблей. Обычно говорят, что судно для ловли тюленей, для торговли рабами и пиратское—одного порядка; все они, несомненно, требуют смелых, энергичных людей; на таких «тюленьщиков» часто приглашается самый отчаянный «сброд»; на таких-то делах капитан Лоу приобрел свою известность. По своим манерам, нравам и т. п. эти люди, я бы сказал, поразительно похожи на старинных морских разбойников. Капитан Лоу привез с собой экипаж корабля, потерпевшего крушение на ю.-з. берегу Огненной Земли во время большой бури 13 января. Таким образом, мы уже знаем о гибели двух кораблей и о третьем, выброшенном на берег. Капитан Лоу говорит, что это лето было самым бурным из всех, которые он видел. Чувствуешь удовлетворение, когда подумаешь, что тебе пришлось испытать самую скверную погоду в одном

из самых знаменитых мест в мире и притом на такого рода корабле, который обычно считается неприспособленным для плавания вокруг мыса Горна. Немногие суда выдержали бы эту погоду лучше, чем наша маленькая «ныряющая утка».

26 марта.—Вскоре после нашего прибытия сюда в гавань вошел небольшой американский «тюленьщик». Капитан Фиц Рой вступил в переговоры относительно покупки его при условии его возвращения до 25-го. Так как корабль не сдержал условия, то мы предположили, что он не нашел себе компании, и капитан купил поэтому шхуну Лоу. Это превосходный корабль в 170 тонн, сидящий в воде на 10 футов и прекрасно приспособленный для морских путешествий. Если Адмиралтейство примет на свой счет жалованье и содержание экипажа, то этот день будет важным в истории «Бигля». Быть может, это сократит наше плавание; как бы то ни было, это удвоит сделанную работу и кроме того на море всегда приятно плавать в компании; сопровождающее судно представляет собой предмет внимания, уничтожающий монотонность морского горизонта.[352]

29-го.—Английская шхуна отказалась взять, как было условлено, всех французов с потерпевшего крушение корабля. Капитан предложил взять некоторых к себе, и сегодня три офицера прибыли на корабль.

4 апреля.—Наша шхуна отплыла в Рио Негро с целью захватить, если возможно, м-ра Уикгема до того, как он и м-р Стокс отправятся в обследовательский рейс на своих маленьких судах. Командует судном в настоящее время м-р Чефферс. Возможно, что командование перейдет к м-ру Уикгему. Главная причина нынешней задержки «Бигля» заключается в том, что капитан купил остатки французского погибшего корабля для ремонта шхуны. В течение этого времени я был очень занят зоологией моря; сокровища морских глубин безусловно неисчерпаемы для натуралиста.

6-го.—После крейсирования вокруг устья пролива для окончания съемки мы вышли в море и направились в Рио Негро.

7-го.—Наша обычная удача—сильный ветер,—не оставила нас; будучи попутным, он гнал нас вперед; таким путем мы прошли большое расстояние, но это была тяжелая работа: везде темно, мокро и до крайности неудобно.

9-го.—Погода сегодня прекрасная; впервые за три месяца поставлены лиселя. Яркое солнце и синее небо мы приписываем перемене в широте, как бы незначительна эта перемена ни была. Мы находимся сейчас в 380 милях от Рио Негро.

12-го.—Мы рассчитываем прибыть к месту нашего назначения завтра утром; погода в последнее время была довольно сносная, но волнение было слишком сильным, чтобы я мог чувствовать себя хорошо.

13 апреля.—Утром мы были у устья Рио Негро. Шхуны нигде не было видно. Напрасно пытались мы, стреляя из пушек и подымая лоцманский сигнал, получить какие-либо вести с берега. Мы полагаем, что прибой на баре помешал лоцману выехать. Таким образом, мы в течение всего дня крейсировали туда и обратно. Это было необычайно скучно, так как все с нетерпением хотели узнать, что у Уикгема и его партии все обстоит благополучно. Берег представляет ту же картину, которую мы так часто видели у Байа Бланки: песчаные дюны или горизонтальная линия низких скал.

Воскресенье, 14-го.—В середине дня далеко на Ю.-З. показался парус. Мы немедленно отправились за ним в погоню и, к нашей радости, скоро выяснилось, что это наша шхуна. М-р Чефферс явился на корабль и доложил, что погода была хорошая, но ветры были очень сильные. Капитан изменил свои планы и приказал м-ру Чефферсу итти прямо в Мальдонадо на Рио Плате и там ждать нашего прихода.

15-го.—Пока мы крейсировали возле нашей остановки, у устья Рио Негро показалась маленькая шхуна, направлявшаяся к нам. Все немедленно заявили, что они узнают в ней по разрезу парусов шхуну Уикгема. Оказалось не так; это было торговое судно, идущее в Рио Негро; оно принесло нам вести о наших маленьких шхунах. Неделю тому назад у них все обстояло благополучно и они были тогда готовы отплыть на юг в бухту Св. Иосифа. Они потеряли матроса Уильямса, который упал в реку и утонул. Так как мы находимся от них сейчас на расстоянии меньше 100 миль, то капитан решил нанести им визит. М-р Уикгем поедет на «Бигле» в Мальдонадо, а командиром останется м-р Стокс. Это существенно затронуло меня, так как капитан предложил одной из маленьких шхун забрать меня в Рио Негро, после того как я проведу несколько дней в бухте Св. Иосифа. Это в высшей степени заманчиво, так как позволит заняться геологией; в противном случае плавание на таком маленьком суденышке было бы для меня достаточно тяжелым.

16-го.—В течение дня мы стояли против бухты Св. Матвея; так как место это не обследовано, то мы ночью легли в дрейф. Погода была очень хорошая, но слишком безветренна; после нашего бурного плавания на юге мягкий теплый климат и синее небо доставляют нам всем большое наслаждение. Берег, насколько мы могли его видеть, состоит исключительно из горизонтальных скал, в которых наслоения тянутся на протяжении многих миль совершенно параллельно поверхности моря. Для геолога это настоящее Эльдорадо; такие современные формации должны содержать множество органических остатков.

17-го.—Мы достигли бухты Св. Иосифа; это большое круглое пространство воды, открывающееся узким проходом в залив Св. Матвея. Изгиб суши, образующий эту бухту, представляется весьма замечательным на карте побережья Патагонии. Мы ожидали встретить здесь мистера Уикгема, но к нашему сожалению и особенно к огорчению французских пассажиров, которые горят нетерпением

приехать в Монтевидео, маленьких шхун не было видно. Так как ветер был очень слабый и сильный прибой гнал воду в бухту, то мы были вынуждены спустить небольшой якорь. Это дало мне в высшей степени восхитительную возможность осмотреть прибрежные скалы. Они изобилуют ископаемыми раковинами и во многих отношениях весьма любопытны и интересны. Мой визит был настолько кратким, что времени хватило только для того, чтобы убедиться, как его мало. Ночью, как только начался отлив, якорь был поднят, и мы отправились на поиски м-ра Уикгема.

18 апреля.—Климат здесь прямо райский: безоблачные синие небеса, легкие ветерки и гладкая вода. Мы узнали, что этот сезон был прекрасным; как странно, что такое небольшое—по сравнению со всей поверхностью земного шара—расстояние, отделяющее эту страну от Огненной Земли, дает такую огромную разницу. Быстрые воздушные течения последней, достигающие скорости от 60 до 100 миль в час, даже не дают себя чувствовать здесь. Так как ветер очень слабый, то все ругают эту прекрасную погоду; мы медленно продвигались от бухты Св. Матвея до Порт Сан Антонио, где мы все еще надеемся найти шхуны.

19-го.—Все наши планы претерпели полную революцию. В течение ночи промеры глубин производились очень нерегулярно и соответственно этому плавать было опасно; мы были вынуждены лечь в дрейф, и вследствие этого течение отнесло нас далеко на юг. Утром подул свежий с.-з. ветер; из-за этих различных неудач капитан отказался от попытки найти м-ра Уикгема и высадить меня в Рио Негро и направился в Мальдонадо. Если ветру, этому всемогущему и всепокоряющему властелину, будет угодно, то «Бигль» зайдет в Мальдонадо и оттуда проследует в Монтевидео и Буэнос Айрес. Я намерен остановиться в Мальдонадо, так как это место обладает в моих глазах двумя преимуществами: уединенностью и новизной.

20-го.—Ветер дул полуштормовой; но он был попутный и мы продвигались быстро. Наши палубы полностью заслужили прозвище «полуприливной скалы»—до того непрерывно их захлестывают волны.

Воскресенье, 21-го, 22-го, 24-го.—В полдень 300 миль от Мальдонадо при вялом ветре. Обычное для нас чередование крепкого ветра и прекрасного дня. Мы возле устья Платы. Ночью было много молний; небо не могло иметь более разгневанного вида, даже если бы наступил ураган. Мы, вероятно, узнáем, что в Монтевидео была ужасная буря (pampero).[353] Верхушка нашей грот-мачты сияла огнем св. Эльма и поэтому согласно убеждению всех добрых моряков никаких несчастий нельзя было ожидать. Любопытно, что Рио Плата образует центр грозовых штормов, которые к югу и северу от нее наблюдаются сравнительно редко.

25-го и 26-го.—На рассвете мы убедились, что течение отнесло нас на подветренную сторону от Мальдонадо; так как ветер был и крепкий и попутный, то капитан решил итти в Монтевидео. Мы

прибыли туда вскоре после полудня. Я сошел на берег и повидался с м-ром Эрлом. Он оставался здесь в течение всего периода нашего плавания в надежде восстановить свое здоровье; однако, я боюсь, что в этом отношении он имел мало успеха. Вечером получил письма из дому, датированные 12 сентября, 14 октября, 12 ноября и 15 декабря.

Во время нашего отсутствия дела шли довольно спокойно, если не считать нескольких революций.

27 апреля.—Высадив на берег наших французских пассажиров и получив все посылки и письма, мы после обеда подняли якорь и отплыли при свежем ветре в Мальдонадо.

Воскресенье, 28-го.—В полдень прибыли к якорной стоянке в Мальдонадо и застали там нашу шхуну в полном благополучии.

29-го.—Я решил поселиться на берегу и снял квартиру у хорошо известной старой дамы по имени донна Франсиска. День ушел на напрасные усилия устроиться сколько-нибудь комфортабельно. Комнаты очень высоки и обширны, но окна у них очень маленькие, а мебели почти совсем нет. Комнаты все расположены в нижнем этаже и все проходные. В голову строителя не приходила никогда даже мысль о существовании того, что англичанин называет комфортом.

30-го.—Я проехался верхом за несколько миль от города; местность чрезвычайно напоминает окрестности Монтевидео, только она более холмиста. Мы видим здесь ту же прекрасную, покрытую травой равнину с ее красивыми цветами и птицами, те же изгороди из кактуса и то же полное отсутствие каких бы то ни было деревьев. После того как в течение нескольких недель ничего не видишь, кроме палубных досок, приятно шагать по зеленой мягкой земле, хотя окружающий вид в обоих случаях одинаково неинтересен.

1 мая.—День был потрачен на жалкие попытки купить что-либо, причем средством [для объяснения служил] до крайности плохой испанский язык. «Бигль» идет завтра в Монтевидео и вернется сюда приблизительно через две недели.

2-го и 3-го.—Проливные дожди почти полностью мешают мне что-либо делать. Невозможно пойти куда-нибудь в окрестности, так как все реки переполнены, а мост—изобретение, вряд ли известное в этих краях... [Далее см. Д. и., стр. 44, строки 12—21 сверху.]

...В высшей степени красивое зрелище представляют собой мальчики верхом на неоседланных лошадях, которые гонятся друг за другом через холмы и долины и скачут так, что человек, который не видел этого собственными глазами, не поверил бы, на что способны лошади. Их способ езды верхом, несомненно, самый совершенный и грациозный, ибо показывает всю силу лошади во всех ее движениях.

4 мая.—Я проехал верхом около четырех лье в поле к началу большого пресноводного озера, известного под названием Лагуна

дель Потреро. Целью моей поездки было увидеть белый мрамор, из которого вырабатывают известь. День был прекрасный, и поездка по покрытым травой холмам и долам с разбросанными по ним бесчисленными стадами домашнего скота, овец и лошадей была очень приятна.

Воскресенье 5—8 мая.—В течение бо́льшей части этих дней лили проливные дожди, сопровождавшиеся грозами. Вся местность находится в состоянии наводнения, так что имеется даже много человеческих жертв; самые старые жители никогда не видели раньше такой погоды. Это помешало мне совершить экскурсию внутрь страны, которую я предполагал уже к настоящему времени закончить. Вследствие этих задержек и скверной погоды я едва был в состоянии что-либо предпринять. Но как бы то ни было это дало мне возможность получить несколько хороших уроков терпения и разговора по-испански.

9—13-го.—[См. Д. и., стр. 44, строка 5 снизу, до стр. 47, строка 17 сверху.]

14-го.—...Вечером я был очевидцем довольно любопытной сцены: старый парагваец, бывший утром нашим проводником, сильно напился; так как кто-то из присутствующих его обидел, то он вытащил из-под своего пончо нож; сидевший возле старика гаучо, поняв его намерение, остановил его и забрал у него нож. После этого, чтобы напугать старика, остальные в шутку сделали вид, будто собираются заколоть его. Способ, каким они стремительно бросились через комнату, ударили его в сердце и затем выскочили из двери, свидетельствовал, что все это является привычным делом, по крайней мере, для этих людей. Единственный способ борьбы у гаучосов — это закалывание друг друга таким путем; и эта маленькая сцена показала мне очень ясно, как это делается. Я ношу большой складной нож, как делают моряки, прикрепленный к шнурку вокруг шеи; я часто замечал, что гаучосы считают крайне странным такой способ хранения ножа.

15-го.—Погода сегодня скверная; все остальные дни были хороши, так что у меня не было повода жаловаться. Мы оставались все время дома; и это было для меня достаточно скучным делом, так как все мое занятие заключалось в наблюдении за дождем и за гаучосами, раскуривающими свои сигары.

16-го.—Вернулся совершенно другим путем и ночевал в доме в 4 лье от Лас Минас. Вчерашний дождь до того переполнил реки, что их с трудом можно было переходить; зависимость путешествия от погоды—большой недостаток в полуцивилизованной стране.

17-го.—Мы опять прошли через Лас Минас и затем попали, перевалив через несколько низких диких гор, в очень гостеприимный дом. Формация представляет собой сплошной сланец; несколько лет тому назад здесь была открыта золотая россыпь, которую стали разрабатывать; но так как золото добывалось в ничтожных количе-

ствах, то работы были прекращены. Я думаю, что это место и соседние с ним были единственными в Банда Ориенталь, где было найдено золото.

18 мая.—Утром мы поехали верхом к дому Себастиана де Пимиенто; это родственник Гонсалеса и прекрасный старый кавальеро. Его дом обставлен лучше, чем все другие, которые я видел; это, вероятно, вызывается присутствием нескольких хорошеньких сеньорит—его дочерей. Эти молодые девицы решительно во всем резко отличаются от остального дома. Они одеваются необычайно хорошо; по всему своему виду и манерам они весьма похожи на настоящих леди. При всем этом они, как и полагается в доме Пимиенто, наблюдают за кухней и исполняют некоторые из самых низших домашних обязанностей. Одно из самых больших неудобств общения с этим народом заключается в количестве пищи, которые вы обязаны съесть; время от времени они наваливают груды мяса на вашу тарелку; после того как вы съели слишком много и сумели искусно спрятать остатки так, чтобы они, по возможности, не бросались в глаза, какая-нибудь очаровательная сеньорита, возможно, преподнесет вам отобранный кусочек со своей собственной тарелки и своей собственной вилкой; это вы должны съесть, не считаясь с возможными последствиями, ибо это высокая честь. Ох, это тяжелое положение, когда надо сладко улыбаться, а рот ваш до ужаса переполнен!

19 мая.—[См. Д. и., стр. 48, строки 26—43 сверху.]
Утром отправился в Мальдонадо. (*20-го*). Мы прибыли туда после полудня. Я вполне удовлетворен этой небольшой экскурсией, которая дала мне хорошую возможность как несколько ознакомиться с геологией местности, так и увидеть самую местность и ее диких обитателей—гаучосов. 18-го «Бигль» привез партию рабочих для шхуны, но оставался не больше часу. Он оставил для меня письма; одно из дому, датированное 13 января.

21—23-го.—Был занят приведением в порядок плодов моей экскурсии и собиранием в окрестностях города.

24-го.—«Бигль» вернулся из Монтевидео. М-р Гаммонд отпущен на «Pylades» и в конце концов намерен совсем оставить службу.

25-го и 26-го.—Совершил длинную прогулку к Лагуне дель Потреро; главным предметом моих занятий являются теперь птицы, которых здесь имеется большое количество и очень красивых. Погода в высшей степени восхитительная. Температура в комнате около 60°.

28-го и 29-го.—Капитан Фиц Рой нанял небольшую шхуну для отправки в Рио Негро с целью привезти м-ра Уикгема, которому он намерен передать командование нашей шхуной. Шхуна вчера прибыла, и сегодня меня посетил м-р Кинг, приехавший вместе с м-ром Уикгемом. Они сильно устали от своего маленького суденышка и рады видеть «Бигль» в такой же мере, как каждый на «Бигле» рад видеть их. Погода в общем была очень хорошая, но буря 12 января

настигла их. Однако, работа их была тяжелая и более чем достаточно опасная: вследствие незначительности размеров шхун с трудом можно было сохранить что-либо в сухом виде. Иметь сухую рубашку или постель считалось необычайной роскошью. В добавление ко всем этим невзгодам мистер Уикгем и некоторые другие не переставали страдать от морской болезни. М-р Стокс и м-р Эшборн (который занял место м-ра Уикгема) будут продолжать работу по соседству с Рио Негро.

30 и 31 мая.—Обычные спокойные занятия; один день собирание, а следующий—приведение в порядок собранного.

1—7 июня.—Погода в общем была бурная, так что на шхуне было сделано очень мало, ибо добраться до ее дна можно только при совершенно тихой погоде. Задержка мне приятна, хотя и не полезна, ибо здесь почти нечего больше собирать. Птицы, насекомые и рептилии составляли главную мою добычу.

8-го.—Письма из дому, датированные 13 февраля и 3 марта.

Воскресенье 9-го, 10-го.—Сильный ветер; я думаю, что следует остаться здесь еще на две недели.

11—19-го.—Время мое проходит совершенно так же, как последние три недели. Моя коллекция местных птиц и четвероногих становится весьма полной. Несколько реалов поставили ко мне на службу всех мальчиков города, и нет почти дня, когда бы они не приносили мне какого-нибудь любопытного создания. Со шхуной дело подвигалось вперед очень медленно, но если хорошая погода продержится, то через неделю с медными работами будет кончено. Сегодня я был на корабле, который я посетил, чтобы повидать м-ра Уикгема после его возвращения с юга. «Бигль» находится в таком состоянии хаоса, что в настоящее время, по моему глубокому убеждению, моя каюта наилучшая.

20—28-го.—Единственное мое занятие—это пополнение коллекции птиц и других животных; регулярный порядок установился такой: один день—пострелять и очистить ловушки, следующий—законсервировать животных, которых я ловлю. В субботу я проехал верхом несколько лье в поле и превосходно поохотился за оленями; я убил трех самцов из одного стада. Мои занятия до того безмятежны, что записывать мне приходится не больше, чем если бы я жил в английской деревне.

29-го.—Прибыл благополучно на корабль со всем своим зверинцем; я настолько стал совершенно сухопутным человеком, что разбил себе голову о палубу и чувствую движение даже в гавани.

30 июня, 1 и 2 июля.—Занимался приведением в порядок и составлением заметок о всех своих сокровищах из Мальдонадо. Капитан сообщает мне, что он надеется ближайшим летом обогнуть

мыс Горн. Сердце мое ликует, как только я подумаю о всех славных перспективах будущего.

3—7 июля.—Весь экипаж «Бигля» занят работой над шхуной (в будущем «Единорог»). Мои занятия так же неизменны, и я не трогаюсь с корабля.

8-го.—Сегодня стало известно, что один из штурманов «Единорога» находился раньше на «Президенте», относительно которого были предположения, что это пиратское судно, против которого действовал английский военный корабль «Блэк Джок».[354] После суда осталось подозрение, что то же самое судно захватило и перебило всех до одного на почтовом корабле «Редполь». Капитан Фиц Рой решил арестовать этого человека и передать его в руки консула в Монтевидео. Я только что с удивлением услыхал команду: «Закрепить все снасти и направить паруса». И мы теперь, незадолго до полуночи, подняли якорь и идем под парусами.

9-го.—Попутный ветер привел нас в гавань Монтевидео к семи часам. Этот же ветер привел и почтовый корабль с майским письмом ко мне. После завтрака сошел на берег для покупки бесчисленного множества мелочей. После заброшенных пустынных улиц Мальдонадо Монтевидео производит впечатление процветания и деловитости.

10-го.—Такой сильный ветер и дождь, что не мог сойти на берег. Климат здесь отвратительный; он дает себя чувствовать тем больше, что мы стоим на якоре в открытом месте, где нас качает среди грязных волн. Я должен сказать, что люблю крайности климата. За последний год лето Огненной Земли и зима Рио Платы представляли в значительной степени одно и то же. Постоянно мрачное небо, с обилием ветра и дождя, с сыростью и холодом, который никогда не бывает настолько сильным, чтобы высушить воздух. Сердце мое упивалось восхищением, когда я узнал о приказе заготовить провизию на 12 месяцев для ближайшего рейса.

11—12-го.—Бóльшую часть этих двух дней провел в городе, делая закупки.

13-го.—После обеда отплыли в Мальдонадо; прибыли туда в 11 [часов] ночи, совершив хороший переход.

Воскресенье, 14-го.—Наслаждался редким здесь безоблачным чистым небом; погода холодная; утром на берегу был мороз с инеем.

15-го, 16-го и 17-го.—Название шхуны было изменено в «Эдвенчер» в воспоминание о корвете, который участвовал в предыдущем путешествии с «Биглем», а также как имя одного из кораблей капитана Кука, а потому—классическое для всех кораблей, производящих обследование берегов.

Все были заняты установкой мачт шхуны и доставкой на борт ее железного балласта. С этим балластом связана маленькая лю-

бопытная история. Так как старый «Эдвенчер» имел его слишком много, то он зарыл 30 тонн на острове Горитти. Бразильцы, во время своего владения островом, услыхали об этом и усиленно искали место, где зарыто железо. Место это было близко от берега; выбор такого места сбил с толку бразильцев; таким образом, балласт сохранился и сослужил хорошую службу молодому «Эдвенчер».

18 июля.—Ночью почтовое судно выстрелами из пушек дало нам знать, что оно идет в Рио. Это вызвало большое оживление и суматоху на «Бигле», ибо немедленно был отдан приказ «сняться с якоря». Капитан, имея важные письма, решил итти за почтовым судном. Мы скоро снялись с якоря, и, приблизившись к почтовику, сигнализировали ему, что в течение нескольких дней мы будем итти с ним вместе.

19-го.—Тихий и тяжелый туман; мы были вынуждены временами сигнализировать стрельбой.

20-го.—В полдень была спущена шлюпка с письмами, моими коллекциями и т. д., которые были приняты на борт почтовика; после этого мы расстались и теперь идем обратно в Мальдонадо.

21-го и 22-го.—Прибыли в гавань Мальдонадо; безветренная и туманная погода задержала нас. Мы имели яркий пример того, насколько опасно плавание по Плате; при хороших наблюдениях за широтой мы, оставив порт только два дня тому назад, сбились с пути приблизительно на 40 миль. Это целиком было вызвано сильным течением, существование которого не было никаких средств установить предварительно.

23-го и 24-го.—Вечером 24-го, после того как стемнело, мы снялись с якоря и отправились в наш рейс к Рио Негро. Все небо сверкало молниями; это была дикая ночь для выступления в море, но время слишком дорого, чтобы мы могли позволить себе потерять даже плохую часть его.

25—29-го.—Наше обычное счастье сопровождало нас в виде резкого ветра. Он скоро стих, но в течение двух или трех дней оставалась скверная зыбь, которая сильно мешала нашему продвижению вперед. Целью настоящего рейса является съемка некоторых из наружных отмелей возле Рио Негро и Байа Бланки; мы должны также забрать м-ра Стокса с его людьми, которые так усердно работали с маленькими шхунами.

30 июля—2 августа.—Легкие противные ветры, прерываемые немногими попутными. Весь путь весьма утомительный, так как мы почти все время идем против ветра.

3-го.—Прибыли к устью Рио Негро. После нескольких сигнальных выстрелов к нам вышла маленькая шхуна «La Liévre». Через короткое время я перешел на нее, и мы затем вернулись в устье реки. «Бигль»

направился в открытое море, чтобы произвести съемку некоторых из наружных отмелей; на эту работу у него уйдет неделя. Мы присоединились ко второй шхуне, и я провел весьма приятный вечер, слушая рассказы о всех их приключениях. Каждый должен благодарить провидение, что он вернулся в целости. Обследовать неизвестные берега на судне в 11 тонн и с обшивкой в один дюйм, выдержать в открытом океане ту же бурю, во время которой мы потеряли наш вельбот,—это не обыкновенная служба. Кажется удивительным, что они могли выдержать хотя бы один час сильного шторма, но, повидимому, сама незначительность их размеров является их спасением, так как море вместо того, чтобы разбить их, гонит их вперед. Раньше я никогда не мог понять успеха маленьких парусных судов первых мореплавателей. Мы стали на якорь возле дома лоцмана, куда я отправился ночевать.

4 августа—1 ноября.—[Описание сухопутного перехода из Патагонеса в Буэнос Айрес и отсюда в Санта Фе и обратно в Буэнос Айрес. См. «Дневник изысканий», стр. 62—126. Ниже приведены отрывки, не включенные в текст Д. и.]

4—7 сентября.—[См. Д. и., стр. 96, строка 25 сверху. Далее следует:] ...Если эта война будет успешной, это значит—если все индейцы будут вырезаны, то большое пространство земли освободится для скотоводства, и долины Рио Негро, Колорадо, Саусе дадут очень большие количества зерна. Страна будет находиться в руках белых дикарей гаучосов вместо краснокожих индейцев, причем первые немного более цивилизованы, но стоят ниже в моральном отношении. В результате победы, о которой сказано выше, возвращено много лошадей, которые были украдены из Байа Бланки.

12-го.—[См. Д. и., стр. 102, строка 6 сверху. Далее следует:] ...Утром я отправился верхом исследовать соседние холмы; мы были разочарованы, так как из-за тумана нельзя было увидеть Вентану. Днем раньше по дороге на пост мой проводник обнаружил, на мой взгляд, яркий пример точности, с какой здесь ориентируются среди различных пунктов. Находясь за холмом на расстоянии многих лье, я спросил его, где находится пост. Подумав некоторое время, так как впереди не было ничего, что помогло бы ему ориентироваться, он указал направление; я отметил его при помощи компаса Катера. Спустя некоторое время мы находились на возвышенности; открывавшийся оттуда вид был ему знаком во всех деталях, и он снова указал мне направление, ошибка была на 3 градуса, т. е. на $^1/_{120}$ часть горизонта.

30-го.—[См. Д. и., стр. 113, строка 4 снизу. Далее следует:] ...Меня предупредили, что почти все добрые жители этой провинции являются в высшей степени ловкими ворами; они это скоро доказали, украв мой пистолет. Дорога в общем проходила близ Параны, и перед нами несколько раз открывались прекрасные виды на нее. Мы перешли несколько рек; вода Пабона в значительной массе обра-

зует водопад высотой в 20 футов. В этой стране это, должно быть, самое необычное явление.

2 ноября.—С достаточными затруднениями я достиг борта почтового судна; оно было переполнено мужчинами, женщинами и детьми, которые рады были бежать из несчастного города.

3-го и 4-го.—После длинного перехода мы прибыли в Монтевидео; я отправился на «Бигль» и с изумлением узнал, что он уйдет в плавание только в начале декабря; причина этой длительной задержки заключалась в необходимости закончить все карты, материалы для которых были собраны шхунами.

5-го.—Кормовая каюта была занята рабочими, и я поселился на берегу, чтобы максимально использовать этот добавочный месяц.

6-го.—Совершил длинную прогулку верхом к восточному концу Барранкас де сан Грегорио: геология меня разочаровала, но верховая прогулка вдоль берега Платы была приятна. Было необходимо пересечь Санта Лючию возле ее устья. Мы переправились в лодке; лошади были вынуждены проплыть, по крайней мере, 600 ярдов; я был удивлен, глядя, с какой легкостью они это сделали. Мы возвращались так поздно, что я ночевал в ранчо и *(7-го)* вернулся домой рано утром.

8—15-го.—[См. Д. и., стр. 127, строка 24—25 сверху; стр. 127, строка 7 снизу и до стр. 128, строка 20 сверху. Далее следует:]...скакавшие рядом пеоны напомнили мне мраморные статуи Элгина. [355]

16—20-го.—[См. Д. и., стр. 128, строка 26 сверху и до стр. 129, строка 3 снизу; стр. 131, строки 3—13 сверху. Далее следует:] ...Дом и печь для обжигания извести были необычайно стары для этой страны, так как построены 108 лет тому назад. Относительно печи для обжигания извести мне рассказали любопытную историю. В момент революции она была полна свежей обожженой извести; вследствие беспорядков в стране она была оставлена 18 лет нетронутой; на поверхности стали расти деревья, в то время как внутри известь оставалась негашеной. Когда стали рыть на месте, где были оставлены полусгоревшие дрова, то они зажглись в несколько минут и из ямы вырвалось пламя. Это вызвало необычайно суеверные страхи среди рабочих; но владелец мне сказал, что так бывает всегда, когда печь для обжигания извести открывают после нескольких месяцев перерыва...

20—26-го.—[См. Д. и., стр. 136, строки 23—4 снизу; стр. 131, строка 14 сверху и до стр. 132, строка 17 снизу; стр. 136, строка 3 снизу и до стр. 137, строка 2 сверху. Далее следует:] ...Одна из почтовых станций содержалась человеком, несомненно, чисто индейской крови; он был полупьян. Мой спутник заявляет, что он в моем присутствии сказал, что я gallego,[356]—это все равно, что сказать, что кого-либо следует убить. Его товарищи странно засмеялись, и я думаю, что то, что сказал мой проводник, было верно; когда я стал указывать ему на абсурдность этого, он воскликнул: «Вы не знаете местного народа!». Мотивом было, вероятно, желание прощупать моего проводника, который, быть может, к счастью для

меня, оказался верным человеком. Ваша безопасность в этой стране зависит от того, кто вас сопровождает. Ночью лил проливной дождь; так как хижина представляла слабую защиту от воды и ветра, то мы скоро промокли насквозь.

27 ноября.—Утром совершил длинную прогулку верхом; прибыл в Сан Хосе, откуда путь такой же, каким я приехал. Сан Хосе, Канелонес, Санта Лучия представляют собой довольно красивые четырехугольные города, похожие друг на друга. Ночевали на одной почтовой станции за Сан Хосе и в середине следующего дня прибыли в Монтевидео *(28-го)*. Расстояние, оплаченное мною почтовой станции, составляет около 70 лье от Мерседеса до столицы.

29 ноября—4 декабря.—В течение этих нескольких дней я жил на берегу; причина задержки корабля заключалась в том, что работа по картам не была закончена. [См. Д. и., стр. 137, строка 10 снизу и до стр. 139, строка 21 сверху.] ...«Бигль» и «Эдвенчер» оба готовы к выходу в море; у обоих хороший запас провизии и великолепный экипаж. Недавно здесь имел место случай непонятного бегства моряков с корабля. Два человека, низшие офицеры, бывшие на хорошем счету и не получившие жалования за два или три года, бежали, и притом по заранее обдуманному плану. Этим людям неоднократно разрешалось сходить на берег и на корабле они занимали первые места. У моряков наблюдается своего рода помешательство и детское отсутствие устойчивости, которые для сухопутного человека совершенно непонятны и которых едва ли можно было бы от них ожидать. [Далее см. Д. и., стр. 61, строки 23—37 сверху. Далее следует:]

Я не могу закончить свои краткие заметки об обитателях Провинций Рио де Ла Платы, не упомянув, что наиболее совершенное и остроумное описание их нравов и обычаев можно найти в «Rough notes» Хеда. Я не думаю, чтобы изображаемая им картина была преувеличена больше, чем это требуется от всякой хорошей картины; это значит, что он приводит яркие примеры и оставляет в стороне менее интересные. Однако, я не могу согласиться с его словами о «десяти тысячах красот пампасов». Но я подтверждаю, что быстрая верховая езда и питание «мясом и водой»—вещь в высшей степени приятная.

5 декабря.—Попрощался с берегом и перешел на корабль.

6-го.—«Бигль» снялся с якоря около 4 часов утра и направился вверх по реке, чтобы набрать пресной воды. Мы стоим сейчас без ветра в виду Горы. «Эдвенчер» стоит на якоре возле нас. Да постигнет нас на этот раз удача в виде хорошей погоды и попутных ветров.

7-го.—С попутным ветром мы вышли из реки и вечером были в открытом море; надеюсь, что мне никогда уже больше не придется попасть в грязные воды Платы. «Эдвенчер» шел впереди нас, что всех очень радовало, ибо существовали опасения относительно его хода. Большое развлечение—иметь товарища, на которого можно глазеть. Среди офицеров произошли следующие перемены. М-р Уикгем

командует «Эдвенчером»; вместе с ним находятся Джонстон и Форсайт и м-р Эшборн в качестве младшего съемщика. М-р Кент с «Pylades» перешел к нам в качестве врача. М-р Мартенс находится на «Бигле», занимая место, оставленное м-ром Эрлом по болезни.

8—23 декабря.—Прибыли в Порт Дезире. Наша дорога продолжалась семнадцать дней, так как ветры были все время слабые и вялые, за исключением двух или трех штормов.

«Эдвенчер» нас задерживал; оказалось, что он не может давать хороший ход при ветре, и здесь паруса его будут переменены. Гавань Порт Дезире представляет собой бухту, углубляющуюся в сушу в виде реки; вход в нее очень узок; но при попутном ветре «Бигль» вошел в нее хорошим ходом.

24-го.—Совершил длинную прогулку по северной стороне: взобравшись на скалы, я увидел огромную плоскую равнину, которая тянется одинаково во всех направлениях, но разделена на части долинами. Мне кажется, что подобную же пустынную местность я видел близ Байа Бланки; однако, земля во всех окрестных местах здесь настолько превосходит Байа Бланку по своему бесплодию, что уже по этому одному заслуживает названия пустыни. Равнина покрыта гравием, на ней имеются лишь самые ничтожные следы растительности и ни капли воды. В долинах кое-где встречается вода, но она сильно солоновата. Замечательно, что на поверхности этой равнины встречаются раковины моллюсков того же рода, какой существует и ныне, и даже мышцы отличаются своим обычным голубым цветом. Несомненно, следовательно, что не очень много столетий тому назад вся эта страна была покрыта морем. Но, несмотря на свой до крайности жалкий вид, эта страна дает возможность существования большому числу гуанако. Мне очень повезло, и я убил одно животное; оно весило без внутренностей 170 фунтов; так что мы будем иметь свежее мясо для всех на рождество.

Рождество, 25-го.—После обеда в оружейной камере офицеры и почти все матросы сошли на берег. Капитан распределил призы лучшим бегунам, прыгунам, борцам. Эти олимпийские игры были весьма забавны; было прямо восхитительно видеть, с каким школьническим азартом моряки им радовались: старики с длинными бородами и безбородая молодежь радовались, как малые дети. Так, несомненно, гораздо лучше провести рождественский день, чем обычным способом, когда каждый матрос напивается, как только может.

26 декабря—2 января.—[См. Д. и., стр. 144, строки 23—36 сверху; стр. 147—вся, кроме стихов, и стр. 148 до 13 строки сверху.]

3 января.—В течение этих дней я совершил несколько очень длинных и приятных прогулок. Геология интересна. Я поймал несколько новых птиц и четвероногих. Я измерил также барометрически высоту равнины, которая, должно быть, так недавно находилась под водой; она имеет высоту 247 футов. Вчера я застрелил большого гуанако, который должен был при жизни весить больше 200 фунтов. Два самца бешено боролись между собой и скакали, как беговые

лошади, с опущенными вниз ушами и шеей; они меня не заметили и прошли в 30 ярдах от меня; я разрешил спор, убив преследователя.

4 января.—Так как «Эдвенчер» не готов для выхода в море, капитан решил спуститься до Порт Сан Хулиан, миль на 110 к югу и произвести съемку некоторых из промежуточных берегов. Мы вышли из гавани при сильном отливе; эта так называемая осадка корабля и подъем парусов особым способом—опасная операция. Пройдя через узкий вход, мы подняли паруса; через несколько минут мы ударились довольно сильно о камень. Вода убывала, но нам повезло, и «Бигль» ударился только еще два раза и проскочил. Во время предыдущего путешествия «Бигль» также ночью ударился о камень, как полагают, об этот же самый. Верхушка скалы так мала, что на следующий день ее нельзя было найти, несмотря на все усилия. В обоих случаях «Бигль» не потерпел существенного ущерба, за что все находящиеся на нем могут быть признательны. Ночью мы стали на якорь вдали от берега.

5—9-го.—В течение этих дней мы производили съемку берега, а ночью становились на якорь или выходили в море. Недалеко от земли здесь имеется множество камней и бурунов, и корабли не должны близко подходить к ним. Плоскогорье тянется от Порт Дезире до Сан Хулиана, но во многих местах оно прерывается большими долинами, и притом широкие полосы земли нацело смыты, вследствие чего очертания берега напоминают военные укрепления. «Бигль» стал на якорь снаружи от входа в гавань, и капитан отправился внутрь промерить глубину бара. Он высадил меня на берег, и я обнаружил несколько в высшей степени интересных геологических фактов. С заходом солнца мы вернулись на корабль, и капитан ввел корабль в гавань.

10-го.—Я отправился в глубь гавани; так как шлюпка села на мель на илистой отмели, то мы должны были полмили пройти по илу и воде, и вернулись на корабль только поздно ночью совершенно замерзшие. В темноте мы были поражены, увидев другой корабль; он оказался французским китобойным судном, которое утром, с риском погибнуть, проскочило через бар. Французское правительство предоставляет большие льготы всем китобойным судам, я думаю, с целью воспитать хороших моряков, но, судя по тому, что я видел, это будет трудной задачей. Все офицеры прошли школу на английских торговых судах и любопытно слышать, как все приказания на их шлюпках отдаются на английском языке.

11-го.—[См. Д. и., стр. 148, строки 18—26 сверху.] ...Вся партия оставила оружие с теми двумя, которые выбились из сил, и вернулась к шлюпке. Свежие люди были затем посланы туда с водой; мы зажгли сигнальный огонь, и к 11 часам все собрались и вернулись на корабль. Я не особенно устал, хотя добрался до шлюпки одним из первых; но в течение ближайших двух дней *(12-го и 13-го)* меня знобило, и я лежал в постели.[357]

14 января.—Отправился на прогулку и нашел несколько красивых ископаемых раковин. Местность в точности напоминает Порт Дезире. Она чуть-чуть неровна, и вследствие отсутствия даже солоноватой воды здесь еще меньше животных. Но, конечно, видны гуанако, которые пьют и соленую воду. Мы нашли здесь две вещи, которые мы не в состоянии объяснить: на низком мысу стоит большая испанская печь, сложенная из кирпичей, а на вершине одного холма маленький деревянный крест. Трудно сказать, каким старинным мореплавателям принадлежат эти реликвии. Магеллан казнил здесь нескольких мятежников; так же поступил здесь Дрэк, который назвал остров «Истинное правосудие».

15-го.—Сильный штормовой юго-западный ветер. Ветры, дующие с этой стороны, напомнили нам о близости Огненной Земли.

16—18-го.—Плохая погода, помешавшая нам закончить съемку, задержала нас здесь на эти несколько дней.

19-го.—Рано утром подняли паруса и с попутным ветром отплыли в Порт Дезире; на следующий день бросили якорь у входа в гавань, а с начавшимся приливом вошли внутрь нее.

20-го.—Я высадился, как только судно стало на якорь, и кое-что собрал; на выступающем в море мысу я нашел кучу камней, подобную тем, которые уже были описаны. Здесь лежали зуб и головка берцовой кости, обе рассыпавшиеся в пыль, [когда я прикоснулся к ним]; через несколько лет от них не осталось бы никаких следов. Этим объясняется видимое отсутствие костей в гробнице, вырытой с таким трудом на вершине холма.

«Эдвенчер» готов к выходу в море, и со своим новым четырехугольным марсовым парусом будет, без сомнения, хорошо итти.

22-го.—«Эдвенчер» и «Бигль» вышли в море. С заходом солнца «Эдвенчер» направился к западному Фальклендскому острову, и мы достигли якорной стоянки позади мыса Уотчмена. *(23-го)*. В полдень, измерив широту, мы отплыли к Магелланову проливу.

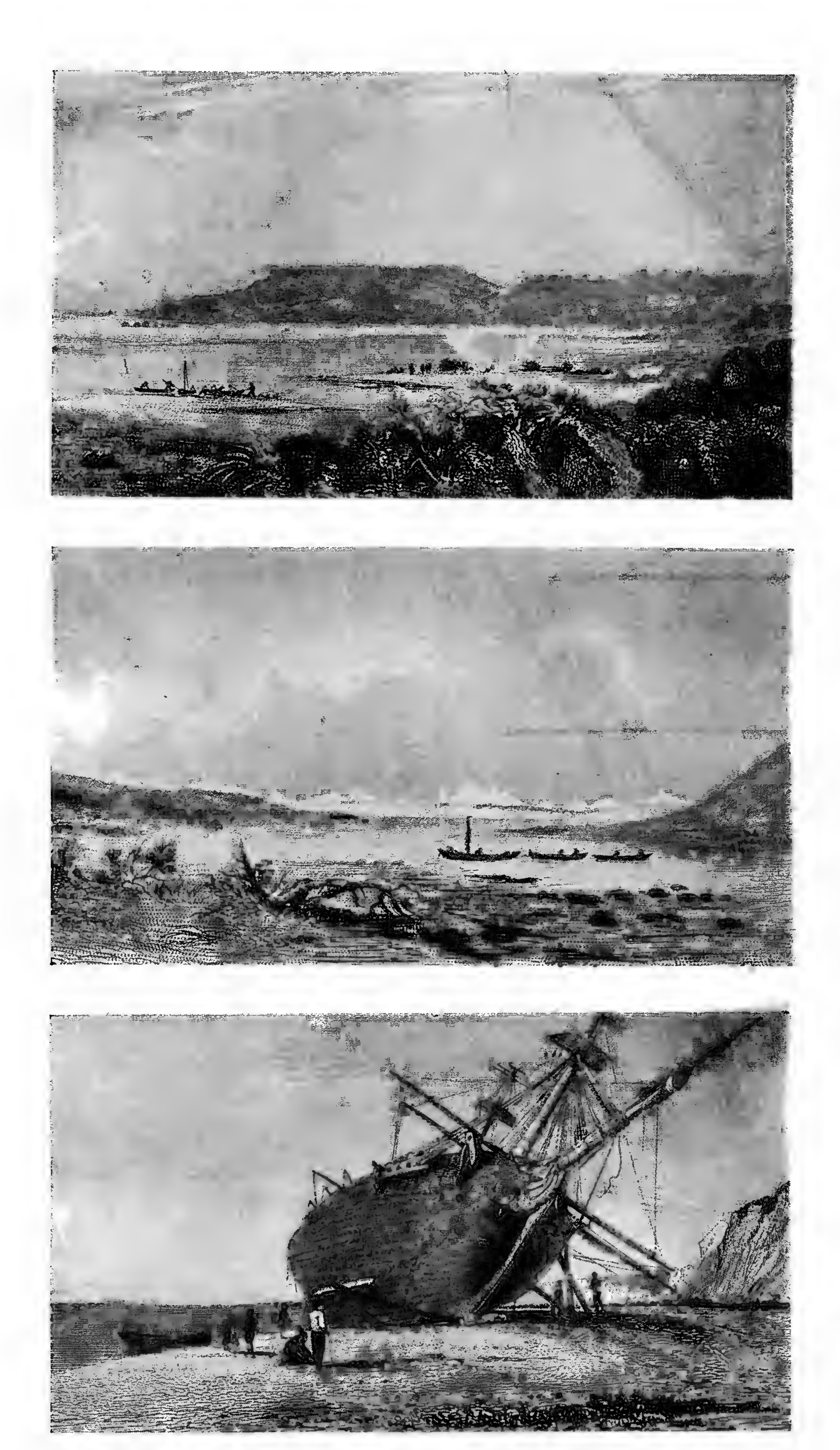
26-го.—С попутным ветром мы прошли мимо белых скал мыса Катерины и вступили в этот прославленный пролив.

29-го.—Мы пришли к якорной стоянке в заливе Сан Грегори. В течение этих дней нам пришлось преодолевать сильные западные ветры. Высота прилива достигает здесь 40—50 футов при скорости течения от 5 до 6 миль в час. Кто станет удивляться страху древних мореплавателей перед этим проливом?.. [Далее см. Д. и., стр. 197, строка 10 снизу и до стр. 198, строка 20 сверху.]

30-го. — [См. Д. и., стр. 198, строки 21—31 сверху.] ...Снялись с места и против ветра направились к острову Елизаветы, и там стали на якорь. Какие-то патагонцы возле гавани Пеккет зажгли три больших костра, так же, как это делали огнеземельцы

Тольдо (слева) и гробница (справа) патагонцев.

Рисунок Ф. П. Кинга.



Санта Крус (сверху вниз): привал на берегу реки (починка бота); вверх по реке (вдали видны Анды); «Бигль», вытащенный на берег в устье реки Санта Крус.

Рисунки Ч. Мартенса.

на более отдаленном южном берегу. Мы с огорчением смотрели на эти признаки их близости.

31 января.—Корабль стал на якорь в бухте Шоул; но это оказалось неудобным; он обогнул мыс Негро и снова стал на якорь в бухте Лэндо. Были спущены шлюпки и несколько человек отправились на берег. Хорошей воды нельзя было найти. *(1 февраля)*. Вследствие этого утром пришлось сняться, и мы направились в Порт Фемин. Ветер сильно ослабел; капитан отправил корабль обратно к его якорной стоянке и продвинулся в шлюпке к верхней части бухты Шоул. Во время предыдущего путешествия капитан открыл большое внутреннее море (Skyring water) длиной в 50 миль. От конца гавани Шоул мы прошли внутрь пять миль в надежде увидеть его; расстояние оказалось больше, чем мы ожидали, и мы были разочарованы; если бы оно было ближе, то капитан намеревался поставить ялик на колеса и протащить его по суше, что сэкономило бы много времени в обследовании этого моря. Как только мы вернулись на корабль, якорь был поднят, и с легким ветром мы отправились в Порт Фемин. Соседняя местность может быть названа смесью Патагонии и Огненной Земли; здесь мы имеем множество растений, общих обеим странам, так как климат носит промежуточный характер; в нескольких милях к югу начинаются круглые сланцевые холмы и вечнозеленые леса. Однако, местность совершенно неинтересна.

2 февраля.—В Порт Фемин мы пришли в середине ночи после спокойного восхитительного дня. Гора Сармиенто высотой в 6 800 футов была видна, хотя находилась на расстоянии 90 миль.

3-го, *4-го*, *5-го*.—Мы находимся теперь в дождливой области; каждое утро льет проливной дождь; вечером я устроился так, чтобы можно было совершить несколько прогулок вдоль берега, единственного места, где можно ходить, не карабкаясь.

6-го.—[См. Д. и., стр. 199, строка 2 снизу—стр. 200, строка 28 сверху.]

7-го.—Был великолепный день; Сармиенто, выступая огромной снежной массой, казалось, был совсем близко от нас *. Если бы Огненная Земля могла похвалиться одним таким днем в неделю, то она не была бы таким исключительно отвратительным местом, каким ее считают все, кто ее знает. Я максимально использовал день и совершил приятную прогулку с м-ром Роулеттом и Мартенсом. Здесь приходится мало бояться индейцев,—однако, мы нашли не очень старый вигвам и следы лошади. Мало что может привлекать сюда патагонцев, так как они не в состоянии жить на берегу моря; это одно из немногих мест, где огнеземельцы могут встречаться с патагонцами. [Далее см. Д. и., стр. 200, строки 16—9 снизу.]

10-го.—Вскоре после того как были закончены наблюдения, мы подняли паруса с намерением оставить пролив и заняться съемкой

* Описание снежных гор.

восточного побережья Огненной Земли. На следующий день мы попали в полный штиль.

11 февраля.—Изумительный контраст по сравнению с прошлым сезоном. Днем со шхуны, охотящейся за тюленями, прислали шлюпку, которая принесла нам прискорбные новости о Фальклендских островах. Гаучосы восстали и умертвили бедных Брайсбена и Диксона и главу гаучосов Симона; то же грозило и многим другим. Нескольким английским морякам удалось бежать и теперь они находятся на западном острове. После этого туда прибыл «Челленджер» и оставил там губернатора с шестью (!) солдатами морской службы. Губернатор без всяких подданных, если не считать нескольких преступников-гаучосов, которые живут в центре острова. Они захватили, конечно, половину дикого скота и лошадей; по моему мнению, Фальклендские острова погибли. Это второе отчаянное злодейство создает этому месту столь плохую славу, что испанские гаучосы не пожелают сюда ехать, а без них поимка дикого скота становится невозможной, и остров ничего не стоит.

Этим летом тюленьщик простоял шесть недель на якорной стоянке около островов Диего Рамирос при полном безветрии! Точно в это же самое время в прошлом году мы целый месяц страдали от сильного ветра. В прошлом году этот тюленьщик был у тех же островов. Во время шторма 13-го его палуба была нацело снесена, он потерял все свои шлюпки и т. д. В это время двое из его матросов находились на одной из скал Диего, где эти несчастные были брошены на произвол судьбы, так как тюленьщик был вынужден отплыть к Фальклендским островам.

12-го.—При сильном противном ветре мы стали поздно вечером на якорь в бухте Грегори, где наши друзья-индейцы, повидимому, весьма жаждали нашего присутствия. Днем мы прошли в непосредственной близости от острова Елизаветы, на северном конце которого находилась партия огнеземельцев с их челноками и пр. Это были высокие люди, одетые в плащи; они происходили, вероятно, с восточного берега, ту же группу людей мы видели в бухте Доброго Успеха; они явно отличались от огнеземельцев и их следовало бы назвать пешими патагонцами. Джемми Бёттон очень боялся этих людей, которых он называл «людьми энс». «Когда лист покраснеет,—говорил он часто,—люди энс приходят из-за гор и сильно дерутся».

13-го.—Рано утром мы нанесли индейцам визит в надежде получить у них некоторое количество мяса гуанако. Они по обыкновению были очень вежливы. Среди них находится теперь женившийся здесь уроженец Монтевидео (по рождению, я думаю, на две трети североиндейской крови), который живет с ними четыре года. Он говорит, что они останутся здесь всю зиму и затем подымутся на Кордильеры; они разыскивают страусовые яйца, мяса гуанако им никогда не хватает в этих местах. Капитан намерен исследовать реку Санта Крус, и этот человек сообщил кой-какие хорошие сведения, а именно, что в этих местах очень мало индейцев и что река так глубока, что лошади нигде не могут перейти ее вброд. На Рио Чупат, значительно

дальше к северу, индейцев очень много; они—враги живущего здесь племени. Все же южные индейцы, числом 900, друзья. В настоящее время здесь находятся два индейца, приехавших на шлюпке в гости к патагонцам (последних я назвал пешими патагонцами); они не говорят на одном языке, но один из здешнего племени научился их диалекту. Эти индейцы обладают, повидимому, способностью к языкам; большинство из них говорит немного по-испански и по-английски; это сильно способствует их цивилизации или деморализации, так как оба эти процесса идут рука об руку. В полдень мы вышли из первой узкой части пролива и начали съемку берега. Здесь много опасных отмелей, на одну из них мы чуть не сели; чтобы спастись, пришлось выбраться [в место глубиною]в три фатома.

14—21 февраля.—В течение этой недели была произведена полная съемка восточного берега Огненной Земли. Мы сошли на землю только один раз; это было у входа [в залив], относительно которого прежде предполагали, что это канал Св. Себастьяна, но на самом деле, как оказалось теперь, это—большая неисследованная бухта. Местность, представляющая собой часть Патагонии, открытая и лишена деревьев; дальше к югу мы имеем тот же род перехода между двумя странами, который можно наблюдать в Магеллановом проливе. Вследствие этого местность представляет приятную картину, она похожа на разбитый парк. В бухте Св. Себастьяна нам представилось любопытное зрелище многочисленных кашалотов; некоторые из них целиком выскакивали из воды, так что можно было видеть все их тело за исключением конца хвоста. Когда они боком падали в воду, то производимый ими при этом громкий всплеск напоминал отдаленный выстрел из большой пушки. К середине дня мы благодаря очень благоприятной погоде уже стояли на якоре в бухте Тетис, между мысом Св. Винцента и Диего. Сойдя на берег, мы увидели группу огнеземельцев, или пеших патагонцев, красивых высоких людей, покрытых шкурами гуанако. Их вигвам также был покрыт шкурами того же животного. Прямо непонятно, как эти люди, не обладая ничем, кроме своих легких стрел, умудряются убивать таких сильных, осторожных животных.

22-го.—Как только корабль обогнул мыс Сан Диего, он попал в очень большой и опасный водоворот. Корабль качало очень сильно; для слабого судна этого было бы достаточно, чтобы лишиться мачт. Мы скоро выбрались из этого неприятного места, где сильный прилив, большая волна и настолько неровное дно, что глубина его колеблется от 16 до 60 фатомов и даже доходит до 5, почти всегда создают на море сильное волнение. Вечером наступил полный штиль и большая южная волна загнала нас так далеко, что мы оказались у самого западного конца Земли Статен. Каким большим бесполезным животным является корабль без ветра; здесь волна гнала нас прямо на берег и *(23-го)* утром мы оказались у восточного конца острова в 30 милях дальше от места нашего назначения, чем накануне. Земля Статен является одним из наиболее пустынных мест,—это просто горный хребет, гребень которого подымается над поверхностью океана. Очертания ее остроконечны, зубчаты и в высшей степени неровны.

24 февраля.—Вечером стали на якорь у острова Уолластон. (*25-го*). Я поднялся или вернее вскарабкался на вершины некоторых из холмов; порода не сланцевая и поэтому деревьев здесь очень мало; холмы сильно выветрены и имеют фантастическую форму. [Далее см. Д. и., стр. 182, строка 6 снизу и до стр. 184, строка 12 сверху; стр. 185, строка 16 снизу и до стр. 186, строка 25 сверху.]

26 февраля—3 марта.—[См Д. и., стр. 193, строка 3 снизу и до стр. 194, строка 20 снизу.]

4-го.—Стали на якорь в северной части залива Понсонби. Мы провели здесь три весьма интересных дня: погода была прекрасная и виды великолепны. Горы, на северном берегу канала, мимо которых мы прошли сегодня, достигают 3 000 футов в высоту. Они имеют очень изломанные и острые вершины; и многие из них возвышаются одной крутой линией от края воды до самого верха. Поверхность их до 1 400 или 1 500 футов покрыта густым лесом. Гора, которую капитан оказал мне честь назвать моим именем, оказалась, на основании угловых измерений, самой высокой на Огненной Земле, около 7 000 футов, и, следовательно, выше горы Сармиенто. Она представляла весьма величественное зрелище; когда на одну из этих снежных гор падает розовый отблеск солнца, а очертания ее, несмотря на дальность расстояния, все же благодаря чистоте и прозрачности воздуха чрезвычайно отчетливы, то один такой вид, в который пробегающие облака вносят еще больше разнообразия, является праздником для души.

5—6-го.—[См. Д. и., стр. 195.]

10-го.—В середине дня, гонимые сильным ветром, мы прибыли в залив Беркли, сделав короткий переход. М-р Смит, действующий в качестве губернатора, явился на корабль и сообщил о таких осложнениях—случаях хладнокровного убийства, воровства, грабежа, страданий, такого позорного поведения почти каждого дышащего здешним воздухом,—что описание всего этого потребовало бы двух-трех листов.—Вместе с бедным Брайсбейном было убито четверо других, главный убийца Антуко отдал себя в руки правосудия; он говорит, что знает, что его ожидает виселица, но он хочет, чтобы вместе с ним понесли наказание некоторые англичане, замешанные в этом деле; на последний акт его толкнула, повидимому, исключительно жажда крови. Окруженный такой бандой негодяев м-р Смит, повидимому, удивительно хорошо успевает во всех своих планах.—(?)

11—14-го.—Корабль продвинулся ближе к городу. Прибыл «Эдвенчер» после необычайно удачного рейса. Они убили такое количество диких быков, гусей и т. д. и поймали такое множество рыбы, что даже не притронулись к солонине; это, вместе с хорошей погодой, является самым высшим идеалом для моряка во время плавания. Я отправился на берег, намереваясь совершить верховую экскурсию вокруг острова, но погода была такая скверная, что я отказался от прогулки.

16—19-го.—[См. Д. и., стр. 164—стр. 170, строка 12 сверху.]

20—30 марта.—«Эдвенчер» отплыл с целью продолжить съемку. Мы задерживаемся из-за нескольких арестованных, закованных в кандалы и находящихся у нас на корабле; мы ждем возвращения катера, который будет уполномочен забрать их в Рио. Время мое проходит очень однообразно, один день хожу с геологическим молотком по скалам; другой—вырываю корни морской водоросли из-за любопытных маленьких кораллин, которые к ним прикреплены.

7 апреля.—Наконец, снялись с якоря и направились к берегу Патагонии. Мы задержались из-за нескольких причин. Катер не вернулся и вследствие этого, к великому нашему огорчению, мы вынуждены оставить у себя двух арестованных и «судебные доказательства». Погода была очень плохая; недавно мы встретили французское китоловное судно с поврежденным рулем, скверной течью и взбунтовавшимся экипажем. Последний желает оставить корабль и поселиться на берегу; при настоящем положении вещей этого, конечно, разрешить нельзя, и мы были вынуждены припугнуть их, пока, наконец, не убедились, что судно направилось в Рио де Жанейро. Таким образом, удалены два худших арестанта и не приходится особенно беспокоиться за безопасность м-ра Смита. Два гаучоса все еще остаются на свободе и на них можно положиться; с их помощью можно будет изловить достаточное количество дикого скота для прокормления колонии. Быть может, это будет первым шагом на пути к тому процветанию, которого в конце концов эти острова могут достигнуть.

13-го.—Стали на якорь в устье реки Санта Крус. Переход наш был удачный, он продолжался всего шесть дней и то при постоянных западных ветрах. Утром поднялся сильный ветер, и мы только-только успели проскочить. Я никогда не видел корабля его величества под бо́льшим давлением парусов или ближе к подветренному берегу. Завтра поищем места, чтобы вытащить его на сушу для осмотра его дна. Его стеньги, за исключением гротмачт, будут на палубе, а пушки, якоря и т. д. на берегу.

14-го и 15-го.—Совершил две очень продолжительные прогулки. Местность, как и в Порт Дезире, представляет собой возвышенную, но совершенно плоскую равнину: она до крайности суха и бесплодна. Ее естественные произведения—растения, птицы и четвероногие—те же, что и в других частях побережья. Воздух сухой и небо ясное; и это—в конечном счете—делает прогулку очень приятной.

16-го.—Судно вытащили на берег; было обнаружено, что несколько метров его ложного киля сломаны, но это не является существенным повреждением; времени от одного прилива до другого было достаточно, чтобы починить его, и после полудня оно было спущено на воду и снова пришвартовано к берегу, оказавшись в полной безопасности. Ничто так не благоприятствовало этой, несомненно, трудной операции, как погода и место.

18 апреля—4 мая.—[Описание экспедиции к верховьям реки Санта Крус. См. Д. и., стр. 155—631. Далее следует:] ...Было очень смешно, до чего неизменно разговор возвращался вечером к обсуждению всякого рода сортов и видов пищи и ее качеств.

Капитан с большой компанией отправился на прогулку за несколько миль к западу. Мы пересекли пустынную равнину, образующую верхнюю часть долины Санта Крус, но не могли видеть основания гор. На северной стороне имеется большая расщелина в приподнятой лавовой равнине, похожая на долину реки. Вполне вероятно, что главный рукав Санта Крус уклоняется в этом направлении и, быть может, собирает воду [на протяжении] многих миль с восточного склона цепи. Мы бросили прощальный взгляд на Кордильеры, на которые, вероятно, здесь никогда еще не глядели глаза европейца, и затем вернулись к палаткам [358].

5—8 мая.—[См. Д. и., стр. 163, строки 16—9 снизу]

9—11-го.—Я совершил несколько продолжительных прогулок; в последнее время мне приходилось коллекционировать на бесплодных равнинах восточной стороны Ю. Америки. Охотникам в общем сильно повезло. Десять штук гуанако были убиты и съедены; было убито также несколько кондоров и большая дикая кошка, а м-р Стюарт застрелил очень большую пуму.

12-го.—Мы вышли в море и направились на поиски всеми упоминаемой скалы (l'Aigle) между Фальклендскими островами и устьем Магелланова пролива; после безуспешных поисков мы бросили якорь 16-го возле мыса Екатерины.

16-го.—Погода была скверная, холодная и бурная (и соответственно с этим я—болен и несчастен). Я никак не могу примириться с тем, что на побережьи Патагонии всегда сухая погода и ясное небо, а в 120 милях к югу непрекращающиеся облачность, дождь, град, снег и ветер.

21-го.—В течение этих дней мы крейсировали вокруг входа в пролив, совершая промеры глубин и разыскивая мели (одну опасную мы нашли); ночью мы стали на якорь, и *(22-го)* перед рассветом мы увидели «Эдвенчер» на его пути с Фальклендских островов. Вскоре после оставления нами залива Беркли мы встретили военный корабль; он забрал всех арестованных, и теперь на острове совершенно спокойно. Мы получили наши письма; мои датированы октябрем и ноябрем. Мы теперь в несколько дней постараемся пройти максимум пути к Порт Фемин. Дни, несомненно, очень коротки для работы по съемке; однако, погода, благодарение богам, довольно хороша для этих южных широт. Любопытно, что сейчас прошел только один месяц после самого короткого дня, а температура на такой широте чуть-чуть холоднее, чем летом, и мы все носим ту же одежду, что во время прошлогоднего посещения.

29-го.—Мы стали на якорь в заливе Грегори и взяли шестидневный запас воды; наших старых друзей-индейцев мы не застали. Погода последнее время была скверная и сейчас очень холодно. Термометр весь день стоял ниже точки замерзания, и выпало много снега. Это довольно неприятная вещь на корабле, где у вас нет пылающего

камина и где верхняя палуба, покрытая тающим снегом, служит вам гостиной.

1—8 июня.—[См. Д. и., стр. 198, строка 4 снизу—стр. 199, стр. 10 снизу.] ...они окончательно оставили лагерь, когда увидели шлюпку, которая намеревалась будто бы пуститься в погоню за их лодками и женщинами. Другая группа, вступившая в гавань, была легко загнана в небольшой рукав к северу от нее; на следующий день были посланы две шлюпки с целью отогнать их еще дальше*; достойна удивления была решительность, с которой четверо или пятеро человек выступили вперед с целью защитить себя против тройного количества людей. Как только они увидели шлюпку, они продвинулись на 100 ярдов к нам, построили баррикаду из гнилых деревьев и начали усердно набирать кучи камней для своих пращей. Всякий раз как против них направлялся мушкет, они в ответ направляли стрелу. Я убежден, что они не сдвинулись бы с места, пока некоторые из них не были бы ранены. Принимая во внимание такое положение вещей, мы решили отступить. Мы забрали наше топливо и воду; последняя здесь превосходна. Вода, которую мы в последнее время пили, заключала в себе столько соли, что назвать ее просто солоноватой было бы слишком мягко. Среди мелких неудобств нет ничего хуже соленой воды: стакан воды вы принимаете как лекарство, и к тому же она совершенно не удовлетворяет жажды. Просто нечистая, скверно пахнущая вода никаких последствий не влечет, особенно ввиду того, что кипячение и приготовление из нее чая делают эти свойства едва ощутимыми.

8—10-го.—[См. Д. и., стр. 205, строка 9 сверху и до стр. 206, строка 11 сверху.]

28-го.—Ночью мы стали на якорь в порту Сан Карлос на острове Чилоэ. Первоначальное намерение капитана было направиться прямо в Кокимбо, но непрекращавшиеся северные штормы заставили его подумать о том, чтобы сначала зайти в Консепсион, и в конце концов мы направились туда. Никогда еще неудачи не преследовали так «Бигль»; ночь за ночью бешеные штормы с севера заставляли нас стоять с убранными парусами, а когда ветер прекращался, сильное волнение мешало нам двигаться вперед. Такая погода, пока она держится, делает совершенно невозможным полезное использование драгоценного времени. Оставляя Огненную Землю, мы слишком рано поздравляли себя с избавлением от обычного курса ее штормов.

27-го скончался казначей «Бигля» м-р Роулетт; он в течение некоторого времени постепенно угасал вследствие осложнений после перенесенных им болезней, фатальный исход которых был только несколько ускорен скверной погодой южных стран. М-ру Роулетту было 38 лет; он был самый старый по возрасту офицер на корабле; он участвовал в предыдущей экспедиции на «Эдвенчере»; вследствие этого он был старым другом многих на «Бигле» и пользовался всеобщим уважением. На следующий день на шканцах была отслужена панихида, и тело было спущено в море; плеск воды, поглощающей

* Ракеты, шум, мертвая тишина.

тело старого корабельного товарища, производит благоговейное и торжественное впечатление.

29 июня—8 июля.—Утром многие из бедных жителей, живших на берегу, подплыли в нам на своих маленьких лодках; было очень приятно видеть неподдельную радость, с которой они приветствовали корабль и тех, кто был уже здесь раньше. [Далее см. Д. и., стр. 231, строка 14 сверху и до стр. 232, строка 16 сверху; стр. 246 строка 20 снизу. Далее следует:] ...в тропиках такая картина *восхитительна* благодаря контрасту, который она представляет с блеском и сиянием всякого открытого места. Местность обычно населена только по берегам бухточек и заливов и в этом отношении напоминает Огненную Землю. Дорога, идущая по берегу, в некоторых местах настолько плоха, что многие дома с трудом сообщаются между собой каким-либо другим путем, кроме лодок.

Сама столица достойна острова; это маленькая, широко раскинувшаяся грязная деревня; дома имеют странный вид вследствие того, что они целиком—стены, крыши, перегородки—построены из досок. Alerce, или кедр,[359] из которого эти доски сделаны, растет на склонах Андов; это дерево обладает любопытным свойством раскалываться так ровно, что путем строгания доски получаются такими же, как при распилке. Эти доски являются главным предметом экспорта острова; к ним можно прибавить картофель и окорока.

13 июля—Снялись с якоря; мы только успели добраться до внешнего рейда, как упавший ветер вынудил нас стать на якорь на ночь; на следующий день мы с трудом вышли из гавани, борясь против сильного волнения того океана, который мог бы быть назван как угодно, но не «Тихим». Мы все были рады оставить Чилоэ; в это время года здешний климат может переносить только земноводное животное. Даже местные жители ничего не могут сказать в его пользу; часто меня спрашивали, что я думаю об этом острове; no es muy mala?—не жалкое ли это место? У меня не хватало вежливости спорить с ними.—Летом, когда мы вернемся сюда, я надеюсь, что Чилоэ будет иметь более веселый вид. Мне говорили, что летом здесь тучи насекомых; это свидетельствует, что между этой страной и Огненной Землей существует большое различие (хотя в настоящее время года обе страны почти не отличаются друг от друга). На Огненной Земле в середине лета воздух не может похвалиться многочисленным населением; мир насекомых требует более животворного климата. Оставляя климат в стороне, неприятно видеть столь большую бедность и недовольство. Бедность редко можно видеть в Южной Америке; даже здесь это не европейская бедность; здесь имеются в изобилии простая пища, грубая одежда и топливо, но бедность заключается в трудности заработать достаточное количество денег, чтобы приобрести что-либо сверх предметов первой необходимости. Бо́льшая часть жителей определенно настроена в пользу прежней власти испанцев (хорошо известно, с каким трудом их завербовала патриотическая партия). Это чувство поддерживается тем, что они не получили никаких выгод от революции. Большим преимуществом в других местах является дешевизна европейских предметов комфорта; жители Чилоэ могут

Река Санта Крус (в правом углу вдали Анды).
Рисунок Ч. Мартенса.

пользоваться последними лишь в крайне незначительной мере.— Многие старики, с которыми мне приходилось разговаривать, имеют достаточно оснований жалеть о прежних временах; это—ветераны, служившие в испанских армиях и потерявшие с падением испанской власти свои пенсии, на которые они всю жизнь рассчитывали. Семнадцать местных жителей было казнено, когда приехал первый губернатор патриотов, за то, что остались верными своему королю. Такие вещи долго хранятся в памяти людей, ведущих однообразную и уединенную жизнь, какой живут жители Чилоэ.

22—31 июля.—[Вальпарайсо. См. Д. и., стр. 215, строка 18 сверху. Далее следует:] ...Мы все на корабле были крайне поражены значительным превосходством живущих здесь англичан по сравнению с другими городами Южной Америки. Я уже успел встретить несколько человек, которые читали труды по геологии и другим отраслям науки и проявляют живой интерес к делам, ничего общего не имеющим с тюками товаров и фунтами, шиллингами и пенсами. Для меня было столь же изумительно, сколь и приятно услышать вопрос, что я думаю о «Геологии» Ляйелля. Кроме того все склонны, повидимому, отнестись к нам очень дружелюбно, и мы все надеемся провести ближайшие два месяца очень приятно.

2, 5 августа.—[См. Д. и., стр. 216, строка 12 сверху. Далее следует:] ...К удивлению моему, оказалось, что этот род растительности насекомые посещают очень мало; конечно это обстоятельство оказывается полезным для некоторых из высших групп животных; четвероногих очень мало и не очень много птиц. Я уже нашел слои современных раковин, сохранивших свой цвет, на высоте в 1 300 футов, и ниже этого уровня почва усеяна ими. Нельзя, повидимому, считать особенно невероятным, что недостаточное количество [видов] животных объясняется тем, что с тех пор, как эта страна поднялась из моря, ни единое животное не было здесь сотворено.

14 августа—24 сентября.—[См. Д. и., стр. 216—227, строка 13 снизу. Далее следует:] ...К ночи я совершенно выбился из сил; но мне необычайно повезло, и я достал немного чистой соломы для постели. Впоследствии меня очень занимала мысль о том, какой относительной вещью является всякий комфорт. Если бы я был в Англии и чувствовал бы себя очень плохо, то чистая солома и вонючая лошадиная попона казались бы весьма жалкой постелью.

25 сентября.—Необходимость заставила меня итти вперед, и я успел добраться до Каса Бланки. Это было тяжелым делом; лежать больным в постели—почти удовольствие по сравнению с этим.

26-го.—Я послал в Вальпарайсо за экипажем и на следующий день добрался до дома м-ра Корфильда. *(27-го).* Здесь я пролежал в постели до конца октября. Тяжело было потерять столько времени, так как я рассчитывал собрать большое количество животных. Капитан Фиц Рой очень любезно отложил отплытие корабля до 10 ноября, к каковому времени я совершенно выздоровел. Во

время моего отсутствия в делах экспедиции произошли некоторые значительные изменения. «Эдвенчер» был продан; вследствие этого м-р Уикгем вернулся в качестве первого лейтенанта. Все чувствуют недостаток помещения, вызванный этой переменой. Это со всех точек зрения безусловно большое, хотя и неизбежное зло. Однако это имело один хороший результат, заключавшийся в том, что необходимо было отказаться от пополнения нашего первоначального обследования Огненной Земли, и срок нашей экспедиции таким образом сократится. М-р Мартенс, художник, вынужден был из-за недостатка помещения оставить «Бигль».

10, 21, 24—26 ноября.—[Чилоэ. См. Д. и., стр. 232—233, строка 3 снизу. Далее следует:] ...Индейцы принадлежат к племенам чауэс (Chawes, или Chahues) и рагунос, которые оба говорят на диалекте языка беличе. Однако, предполагают, что первоначальными жителями Чилоэ являются не они, а скорее байбенийцы, которые говорят на совершенно другом языке. Последняя народность, увидев, что к ним вторглось столько чужеземцев, переселилась в другое место, но никто не знает точно—куда; м-р Лоу во время одной из экспедиций за тюленями встретил большую партию индейцев в каналах к югу от мыса Трес Монтес; у них были лодки, построенные из досок, вроде периагуй, и приводимые в движение веслами; на носу каждой лодки находился крест. Не являлись ли эти люди потомками древних жителей Чилоэ? Полагают, что чауэсы и рагуносы произошли от индейцев, посланных с севера первым испанским поселенцам «en comiendas», что значит—для обучения христианской религии, за что они должны были платить своей работой *; короче говоря, они были отданы в рабство своим христианским учителям; равным образом их можно считать потомками большого племени, оставшегося верным [испанцам] при взятии Осорно и других испанских городов; сначала им предоставили территорию Каблуко, откуда они распространились по другим островам. Из первоначальных байбенийцев осталось всего лишь несколько семейств, главным образом, в Кайлене, но и они забыли родной язык. Индейцы все еще сохранили своих касиков, но последние вряд ли обладают какой-либо властью **; когда деревенский начальник или какое-либо другое правительственное лицо посещает их деревню, то появляется касик с палкой, увенчанной серебряной головкой. (Все эти подробности я узнал от м-ра Дугласа, который в качестве лоцмана вел наши боты; он долго жил на острове.) Далее см. Д. и., стр. 233, строка вторая снизу, до стр. 234. строка 22 сверху]

27 ноября—6 декабря.—[См. Д. и., стр. 234, строка 23 сверху, до стр. 237, строка 1 сверху. Далее следует:] ...Самым необычайным результатом наблюдения явилось то, что Чилоэ показан на 30 миль длиннее, следовательно, остров короче на $^1/_4$ ранее указанной длины его.

8—28 декабря.—[См. Д. и., стр. 237, строка 5 сверху, до стр. 239, строка 4 сверху.] ...Я никогда не видел такого нетерпения, какое было

* См. Гумбольдт.
** Никакой.

написано на лицах этих людей, желавших попасть в шлюпку; до того, как она пристала к берегу, они уже почти прыгнули в воду. Они находились в хорошем положении, имея большое количество тюленьего мяса, что вместе с моллюсками вполне поддерживало их существование. Вечером мы посетили их небольшую хижину, сделанную из тростника; несколько дней тому назад они убили девять тюленей; они разрезали мясо на куски, прикрепили их к крестообразно расположенным палкам и повесили над огнем, сохраняя таким образом мясо надолго. Они имеют немного одежды, библию (довольно истасканную), два топора и ножи; при помощи последних они выдолбили два дерева для приготовления лодок, но ни одно не подошло для этого. Трудности, с которыми им пришлось встретиться при попытках пройти вдоль берега, были ужасны; при переходе через мыс один из них погиб; чтобы обогнуть некоторые из бухт, им приходилось итти 5 дней. В конце концов они, повидимому, в отчаянии отказались от попытки добраться до Вальдивии. Да ничего другого им не осталось! Единственным их утешением было то, что они всегда имели достаточно топлива, чтобы зажечь огонь; они кладут фитиль между двумя кусками угля, получают искру от удара кремня о сталь и, раздувая эту искру, зажигают фитиль. Индейцев здесь нет. Обращение с ними на китоловном судне не было, повидимому, так уж скверно, но средство, к которому они прибегли, не предвидя, вероятно, опасностей, было безрассудным и гибельным. Я очень рад, что «Бигль» спас им жизнь. Если принять во внимание, чтó им пришлось перенести, то надо признать, что они очень хорошо вели счет времени при помощи зарубок, ибо этот день они считали 24-м вместо 28-го.

29 декабря.—Крейсировали вдоль берега, пока не стали на якорь у острова Юче, немного к северу от полуострова Трес Монтес. *(30-го).* Утром сошли на берег; к нашему большому изумлению, мы нашли на острове множество прекрасных диких коз. Охотники скоро убили восемь штук, которые дали нам запас свежего мяса на два дня. Я думаю, что эти козы были первоначально разведены некоторыми из старых испанских миссионерских экспедиций. Это место посетили, кроме нас, и другие; я нашел следы деревьев, срубленных давно, старый костер и остатки чего-то вроде сарая. Я думаю, что это было какое-нибудь бродячее племя охотников за тюленями. [Далее см. Д. и., стр. 239].

1 января 1835 г., 4 января.—[См. Д. и., страницы 239—240. Далее следует:] ...Полное отсутствие индейцев на всех этих островах совершенно непонятно. Не приходится сомневаться, что они первоначально жили здесь, причем некоторые даже в течение последнего столетия; я не думаю, чтобы они куда-нибудь переселились; и в самом деле, чтò могло бы соблазнить их на это? Ведь здесь мы находим большое обилие того, что считается у индейцев величайшей роскошью, а именно тюленьего мяса. Я думаю, что они просто вымерли; это еще один шаг к окончательному искоренению индейской расы в Южной Америке.

5-го.—Барометр предсказывает хорошую погоду, и хотя сейчас противный ветер и сильный дождь, мы все же вышли в море.

6 января.—Вера капитана была вознаграждена прекрасным днем и южным ветром. После полудня корабль лег в дрейф, и капитан отправился в шлюпке на рекогносцировку некоторых бухт. Мы прошли мимо мертвого кита; он еще не совсем сгнил, судя по тому, что усоногие и большие паразитические крабы были живы; кожа этой большой массы мяса и жира была совершенно пестрая,—я думаю вследствие частичного разложения*. В одной из гаваней полуострова Трес Монтес мы нашли выброшенным на берег другой труп такого же цвета. Вид кита всегда напоминает мне о больших ископаемых животных; он кажется слишком огромным для нынешней пигмейской расы обитателей земли. Он должен был жить с равными ему большими рептилиями лейасовой эпохи.

Во время нашего отсутствия к «Биглю» подошло французское китобойное судно, и мы застали на корабле капитана его. Он недавно стоял на якоре рядом с двумя другими большими кораблями, одним из которых командовал наш старый приятель Ле Дилли, потерпевший крушение у Фальклендских островов; таким образом, французскому правительству не надоело еще содержать эту расточительную школу для подготовки моряков.

7-го.— Мы продолжали плавание в течение ночи. Французский корабль в высшей степени упорно следовал за нами, предполагая, что мы направляемся в какую-нибудь гавань; а гавань на этом подветренном берегу является такой редкостью, отыскивать которую китобойному судну самому очень трудно. Оказалось, что м-р Стокс прибыл неделю тому назад к этому месту (гавань Лоу) нашей встречи. [Далее см. Д. и., стр. 240.]

8—25-го.—[См. Д. и., страницы 245—249.. Далее следует:] ...Я навел некоторые справки относительно истории индейцев Чилоэ. Они все говорят на одном и том же языке—бирличе, или уирличе; этот язык отличается от языка арауканцев; однако, выражение приветствия у них почти одинаковое; это слова «mari—mari», что означает «доброе утро». Они сами различают у себя несколько групп: я не думаю, что рагунасы или чауэсы пришли с севера (как утверждает м-р Дуглас) и только признали прежнее название. Они говорят, что байбенийцы раньше говорили на совершенно другом языке; комендант считает, что они пришли с юга. Индейское обозначение картофеля к югу от мыса Трес Монтес—«aquina»; здесь название совершенно другое. Говорят, что эти индейцы из Кукао первоначально жили на острове Гуафо и что они были привезены миссионерами. Подобным же образом миссионеры, найдя проход к островам Чонос трудным и опасным, подарками соблазнили туземцев переселиться в Кайлен. Это совпадает с тем, что говорят чилийцы в бухте Лоу и вполне объясняет пустынное состояние этого архипелага. Я раньше слышал, что немногие сохранившиеся байбенийцы живут, главным образом, в Кайлене. Не вероятно ли, что именно они являются первоначальными жителями островов Чонос?

Я представляю себе, что со времени победы патриотов с касиками покончено совсем.

* После разрушения тонкой наружной кожи.

26—28 января, 4—9 февраля. [См. Д. и., стр. 249 до конца. Далее следует:] ...Здесь очень мало домов, я думаю даже меньше, чем в Сан Карлосе; они целиком построены из досок Alerce. Нравы и обычаи высших классов здесь, очевидно, стоят на более высоком уровне, чем на нищем Чилоэ. Здесь, быть может, также и больше чисто испанской крови. Кроме этого, мало что свидетельствует о том, что Вальдивия одна из наиболее древних колоний на этом западном берегу Америки.

Первое наше впечатление от этого спокойного маленького города было безусловно приятное. Здесь живет несколько англичан (как, конечно, в каждом уголку Южной Америки); их число было недавно увеличено семью каторжниками, бежавшими с Вандименовой земли. Они украли (или изготовили) судно и направились прямо к этому берегу; неподалеку отсюда они потопили свое судно и пересели на шлюпки. В течение недели они все поженились, и столь известная слава их как мошенников не сыграла в глазах губернатора никакой роли по сравнению с преимуществом приобретения в их лице хороших работников. Мне кажется, что во всех этих испанских колониях совершение любым человеком величайших преступлений лишь очень мало отражается на общественном уважении к нему; но, конечно, до тех пор, пока преступление остается ненаказанным. Чилийцы в Сант Яго считают, что англичане поступают очень плохо, когда перестают иметь дело со своими соотечественниками, совершившими какой-либо бесчестный поступок. Это, вероятно, является отчасти следствием их всепрощающей, отпускающей грехи религии. Однако, я опасаюсь, что эта христианская благотворительность со стороны как общества, так и церкви распространяется, главным образом, на богатых.

11—12 февраля.—[См. Д. и., стр. 250—251, строка 6 сверху. Далее следует:] ...Гумбольдт встретился с большими трудностями в своих стараниях объяснить их присутствие или отсутствие в определенных частях Южной Америки; мне кажется, что уровень поверхности очень часто является решающим моментом в этом вопросе; но почему это так, я не могу понять. В отношении Огненной Земли отсутствие, вероятно, объясняется скоплением слишком большого количества влаги, но то же явление в Банда Ориенталь к северу от Мальдонадо, где мы имеем прекрасную волнообразную местность, по которой вода стекает в виде ручьев (в свою очередь окаймленных лесами), представляет для меня, как я уже сказал раньше, самую необъяснимую загадку. [Далее см. Д. и., стр. 251, строки 6—20 сверху. Далее следует:] ...Обычный грех, свойственный всем им, это пьянство; прямо изумительно, как много они способны выпить кислого слабого сидра, чтобы опьянеть. Но в точности установлено, что они остаются в таком состоянии целыми днями и в таком виде очень горды и опасны. Индейский темперамент повсюду в Америке с особенной силой ищет выхода для себя в возбуждении, вызываемом спиртными напитками. [Далее см. Д. и,, стр. 251, строки 23—48 сверху.]

13—20-го.—[См. Д. и., стр. 251, строка 48 сверху, до стр. 253, строка 29 сверху.]

21-го. Мы передвинули нашу якорную стоянку ближе к входу в гавань. В течение последней недели на «Бигле» царило необычное

веселье. Интендант в один прекрасный день нанес нам визит и привез с собой полную шлюпку дам: плохая погода вынудила их остаться на всю ночь, что оказалось большим бедствием и для нас и для них. Они в свою очередь дали бал, на котором присутствовали почти все с «Бигля». Бывшие на балу вернулись весьма довольные обществом Вальдивии. Сеньориты были объявлены очаровательными и, что еще более удивительно, они не потеряли способности краснеть,—искусство в настоящее время на Чилоэ совершенно неизвестное.

22 февраля.—Мы отплыли из Вальдивии и продолжали съемку вверх по берегу. Приблизительно в тридцати милях к северу местность становится ниже и более плоской и не покрыта сплошь лесом. Мы видели много скота, и несколько групп индейцев верхом на лошадях, повидимому, с интересом наблюдали за нашими движениями. Видя нас так близко от суши, они, быть может, надеялись, что мы разобьемся; такая судьба постигла незадолго до того французское китобойное судно, экипаж которого был ограблен до нитки в очень короткое время. Говорят, что земля этих арауканцев самая плодородная в Чили. Мой друг, патер из Кудико, высказывал горькие сожаления по поводу того, что она так пропадает даром, и с христианским человеколюбием выражал желание, чтобы все провинции объединились и истребили окончательно индейскую расу.

Это опасный берег; мелководье простирается далеко в открытое море, и сильная волна всегда направлена прямо на берег. Такого рода места в высшей степени опасны для корабля во время штиля. Волнение стоило нам якоря и 16 фатомов каната; мы стояли на якоре только один час, и при поднятии его толчки были настолько сильны, что канат разорвался надвое. Это шестой якорь с тех пор, как мы оставили Англию. *(23-го)*. Нам не очень повезло со съемкой; в течение части дня ежедневно стоял туман; я полагаю, что этот туман означает сильный дождь на Чилоэ; мы находимся теперь в стране синего неба.

24-го.—Вечером мы стали на якорь с подветренной стороны острова Мóча; мы имели возможность видеть необыкновенное зрелище: пять судов одновременно под парусами. Это китобойные суда, отправляющиеся за рыбой. *(25-го)*. Этот остров Мóча доставил нам много хлопот. Весь день мы плавали вокруг него, снимая план; вечером волнение мешало нам стать на якорь. Последовал шторм с севера, и ветер вместо того, чтобы измениться в южный, продолжал дуть в этом невыгодном для нас направлении. *(27-го)*. Наконец, капитану удалось устроить высадку сквозь тяжелый прибой; во время его наблюдений начался отлив и невозможно было снова спустить шлюпку. *(28-го)*. На следующий день в полдень прибой стал слабее, шлюпка была отведена. Вчера в начале ночи наш якорь получил сильный толчок; закрепили еще канат, и он остался прочно на месте; сегодня утром мы нашли наш якорь расколотым надвое. Это большое несчастье; у нас остался теперь только один якорь; и вместо того, чтобы заняться съемкой берега, необходимо будет после остановки в Консепсионе отправиться в Вальпарайсо для закупки нового запаса. (*1 и 2 марта*). В довершение наших бедствий сейчас дует легкий

противный ветер. Только люди, находящиеся на корабле, могут понять, как тягостны эти мелкие неудачи.

3 марта.—Мы почувствовали на корабле очень резкий толчок от землетрясения: одни сравнивали его с толчком, который получается при разрыве каната, другие с толчком, получающимся при посадке корабля на илистую мель. Капитан Фиц Рой во время пребывания на Мо́че слышал, что тюленьщики испытали ряд таких толчков в течение последних двух недель.

4—5-го.—[См. Д. и., стр. 253—256 до строки 22 сверху. Далее следует:] ...Проливные дожди после этого периода значительно усилили их бедственное положение, так как многие из них, как, например, м-р Роуз, остались без крова. Почти все они теперь построили себе хижины из досок. Шалаши, построенные из палок и соломы беднейшими жителями, не пострадали, и теперь богачи их снимают за высокую плату. Мы видели много прекрасных дам, стоящих у дверей таких ранчо. Обладатели имений давно уехали к себе. Город представляет собой такую кучу развалин, что еще не решено, не лучше ли построить его на новом месте, несмотря на связанное с этим лишение непосредственной близости к строительным материалам. [Далее см. Д. и., стр. 256—258.] ...Говорят, что легкие предметы, лежавшие на земле, просто качало во все стороны. Французский вице-консул приводит факт весьма любопытный, если он подтвердится: обычно во время землетрясения собаки начинают выть, как при звуках военной музыки, в этот же раз они все спокойно оставили город за несколько минут до толчка и стояли на окружающих город холмах. Все подтверждают также, что в 9 часов того же утра были замечены удивительно большие стаи чаек и других морских птиц, направлявшиеся, ко всеобщему изумлению, внутрь страны. Я сомневаюсь, заслуживает ли большого доверия это утверждение. Я не забыл, что жители Лемуи, когда мы прибыли туда на шлюпках, воскликнули: «Вот причина, почему мы недавно видели такое множество попугаев».

6-го.—Я пересек бухту в направлении Лингуэна, чтобы осмотреть лучшие угольные копи Консепсиона: дело в том, что все остальное, виденное мною, скорее лигнит, чем уголь, и встречается в весьма современной формации. Копи не разрабатываются, ибо уголь, сваленный в кучи, обладает необычайным свойством самовозгораться. Установлено, что на нескольких судах от этого произошел пожар. Я встретил капитана Уолфорда, шропширца, проживающего в красивой спокойной долине. Лингуэн находится недалеко от Пепко, прежнего порта Консепсиона, разрушенного в 1751 г. землетрясением и затопленного последовавшей за ним морской волной. Из того, что я мог видеть на расстоянии, я думаю, что разрушение не могло быть столь сильным, как теперь в Талькахуано. Как странно, что люди, имея перед своими глазами такие примеры, строят дома и массивные церкви из камней.

Вид Консепсиона сильно меня разочаровал; контуры местности весьма бесцветны и не видна ни одна часть Кордильер или проме-

жуточных высоких гор. Общий вид растительности имеет здесь бо́льшее сходство с Вальпарайсо, чем влажные леса юга; все же в долинах здесь лесу много. По дороге в Консепсион я не видел никаких парковых ландшафтов, о которых говорит капитан Безил Холл: быть может, такой вид принимает эта местность в глазах человека, только что вернувшегося из бесплодных песков Перу.

В течение дня я почувствовал два резких толчка; был еще третий, которого я не заметил; первый был такой силы, что куча черепиц с треском развалилась. Все же я думаю, что в этот день было меньше всего толчков за весь почти период со времени большого и первого землетрясения. В течение ближайших нескольких недель ожидаются еще небольшие сотрясения. Эти толчки делают весьма опасными поиски имущества среди развалин, ибо треснувшие стены всегда могут обрушиться.

7 марта.—После последних трех деятельных дней мы отплыли в Вальпарайсо. М-р Стокс и Эшборн остались на берегу, в палатках, для работы над картами. Для многих местных жителей наша поездка в Вальпарайсо и возвращение оттуда весьма удобны, ибо здесь чувствуется большой недостаток в разменной монете, свежий запас которой мы привезем. Капитан принял на борт патера, оставшегося без крова; мы с ним познакомились на Чилоэ. [Далее см. Д. и., стр. 261, строки 12—27 сверху.]

11 марта—3 мая.—[См. Д. и., стр. 261—280 до строки 17 снизу. Далее следует:] ...Я слышал, что когда «Бигль» обследовал все эти порты, все жители были убеждены, что он контрабандист и жаловались на полное отсутствие доверия со стороны капитана, не желающего с ними договориться; каждый считал, что его сосед посвящен в тайну. Мне было трудно разуверить их. Кстати, этот анекдот с контрабандой свидетельствует, как мало даже высшие классы в этих странах умеют разбираться в хороших манерах. Человек, который может принять капитана Фиц Роя за контрабандиста, никогда не заметит разницу между лордом Честерфилдом и его слугой.

4—23 мая.—[См. Д. и., стр. 280—286 до строки 17 сверху. Далее следует:] ...Мы остались здесь и на следующий день. (*24-го*). Сеньора оказалась весьма миловидной особой, не достигшей еще 17 лет, но уже матерью двух детей и собиравшейся в скорости прибавить еще третьего к семейству Сальсера. Странно, как мало внимания обращают владельцы гасиенд, которые соответствуют нашим сельским дворянам, на удобства. Этот дом, обстановка и т. д. ни в малейшей степени не стояли выше второразрядной английской фермы, хотя хозяйка дома была одета в высшей степени элегантно, а хозяин—с обычной респектабельностью. Пейзаж здесь был необычайно красив, по характеру—настоящий чилийский. Он напомнил мне некоторые виды в «Ежегодниках альпийских пейзажей».

25 мая—7 июня.—[См. Д. и., стр. 286, строкз 17 сверху и до конца стр. 287. Далее следует:] ...Вечером я посетил дом губернатора («governador»); хозяйка происходила из Лимы, и ей хотелось

казаться синим чулком и проявлять превосходство над своими соседями. И все же эта ученая дама никогда, повидимому, не видела географической карты. М-р Гарди рассказал мне, что однажды на фортепиано лежал цветной атлас, и эта дама, увидев его, воскликнула: «Esta es contradança» — Это контрданс! «que bonita» — как красиво! С другой стороны, славные жители Вальдивии, слыша так много о нашей работе над картами, все принимали за географическую карту. Не разбираясь в секстанте и искусственном горизонте,[360] они, без сомнения, приняли бы за карту и музыкальную пьесу.*

8 июня—5 июля.—[См. Д. и., стр. 288—297 до строки 18 сверху.] ...Оказалось, что «Бигль» прибыл 3-го. Капитана Фиц Роя на корабле не было: в Вальпарайсо он пересел на «Блонду», чтобы помочь в качестве лоцмана снять с берега Чили, к югу от Консепсиона, экипаж корабля е. в. «Челенджер», который потерпел здесь крушение.[361] Мне было очень приятно снова очутиться на «Бигле». [См. далее Д. и., стр. 297, строка 19—21 сверху.]

6—14 июля.—[См. Д. и., стр. 297, строка 22 сверху, до стр. 299, строка 24 снизу. Далее следует:] ...На обратном пути я объехал знаменитые рудники Гуантахайя; селение целиком состоит из семейств горняков; место крайне запущенное, вода привозится на животных за 30 миль. В настоящее время рудники почти ничего не дают; раньше они разрабатывались в большом объеме; глубина одного из них 400 ярдов. Здесь добывали большое количество серебра, весом в очень много фунтов, и такой чистоты, что оно не требовало никакого другого процесса обработки, кроме превращения его в слитки. Мы достигли Икике после захода солнца и прибыли на корабль, когда «Бигль» снимался с якоря, чтобы отплыть в Лиму. Я очень рад, что мы видели это место. Я думаю, что это типичный образец для большей части побережья Перу.

19-го.—Ночью стали на якорь на наружном рейде гавани Каллао. Наш переход был коротким благодаря устойчивому попутному ветру. Когда мы упорно подвигались вперед с лиселями с каждой стороны, я вспоминал Атлантический океан. Но эти два перехода представляют совершенно различный интерес. Во время последнего мы имели постоянно меняющееся синее небо; сияющий день сменяется прохладной свежестью вечера, и безоблачное небо великолепно. Океан кишит жизнью; нельзя без удовольствия наблюдать за летучими рыбами и дельфинами. Ночью в ясном небе европейский путешественник видит новые созвездия, которые предвещают ему новые страны, куда приведет его славный корабль. Здесь, в Тихом океане, вода, хотя бури никогда не приводят ее в волнение, все же никогда не остается спокойной, ибо она не перестает чувствовать возбуждение, которое царит на юге. Теперь, зимой, тяжелые мрачные тучи, непрерывно, день за днем, облегающие небо, не дают солнцу выглянуть даже на минуту. Температура никак не может быть названа теплой; приближаясь к этим низким широтам, я не испытывал той восхитительной

* Я преувеличил эту историю о Вальдивии.

мягкости, которая характерна в течение нескольких дней для английской весны или чувствуется при первом вступлении в тропики в Атлантическом океане.

20 июля.—[См. Д. и., стр. 299—301 до строки 14 сверху. Далее следует:] ...Каллао в настоящем своем виде, при расстоянии от Лимы на семь миль, является неприятным местом для стоянки корабля. В настоящее время здесь невозможно заниматься каким-нибудь делом. Незадолго до того генеральный консул м-р Уильсон, лорд Э. Клинтон и один француз поехали верхом и подверглись нападению банды солдат-грабителей, которые обобрали их начисто, так что они вернулись в одних кальсонах. Грабители действовали в порыве горячего патриотизма; над ними развевалось перуанское знамя, и восклицания «Viva la Patria» (да здравствует родина), «отдавай пиджак», «Libertad, Libertad» (свобода, свобода) и «снимай штаны» непрерывно чередовались друг с другом.

29-го—Я взял место в карете, которая ежедневно два раза в день отправляется в Лиму, и провел там пять весьма приятных дней. *(3 августа).* В этих краях царит большое гостеприимство, а беседа с интеллигентными людьми в новом и чуждом месте не может не быть интересной. Более того, жизнь в течение нескольких лет в контакте с вежливыми и церемонными испанцами безусловно способствует улучшению манер английских купцов. Генеральный консул м-р Уильсон оказался в высшей степени обязательным человеком; будучи адъютантом Боливара, он много путешествовал по Южной Америке и прекрасно знает ее обитателей. [Далее см. Д. и., стр. 301, строка 11 сверху, до стр. 302, строка 10 сверху. Далее следует:] ...В Лиме имеются две вещи, о которых говорят все путешественники: дамы «tapadas», или скрытые в шелковых мантильях, и плод, называемый чилимойя.[362] Я считаю первых столь же красивыми, сколь вторые вкусны. Тесно облегающее фигуру платье вынуждает дам ступать маленькими шажками, что они и делают весьма элегантно, выставляя наружу очень белые шелковые чулки и очень красивые ножки. Они носят черную шелковую вуаль, которая прикрепляется сзади к талии и перебрасывается через голову, причем концы ее они придерживают рукой перед лицом; открытым они оставляют только один глаз. Но этот глаз до того черен и блестящ и так подвижен и выразителен, что действие его весьма могущественно. Все это вместе до того преображает дам, что я сначала был очень изумлен, как будто бы я попал в среду красивых прогуливающихся наяд или других красивых существ такого рода. И, конечно, смотреть на них гораздо интереснее, чем на все здания и церкви в Лиме. Что же касается чилимойи, то это восхитительный плод, вкус которого столь же трудно описать, как слепому дать представление о каком-либо особом оттенке цвета; это не питательный плод вроде банана, не терпкий плод вроде яблока, не освежающий плод вроде апельсина или груши, но это весьма хороший и крупный плод—вот все, что я могу сказать о нем.

9 августа—24 сентября.—[См. Д. и., стр. 305—308 до строки 18 сверху. Далее следует:] ...Я полагаю, что здесь имеется какой-

то более существенный недостаток, чем простое отсутствие мелкой монеты,—недостаток сбыта продукции. Это положение, конечно, постепенно будет улучшаться; в течение года сюда заходят уже 60—70 китобойных судов за провизией и водой. Главное зло, от которого страдают эти острова,—недостаток воды. В очень немногих местах потоки достигают берега, давая возможность кораблям легко брать воду. Повсюду пористый характер вулканических горных пород способствует поглощению того небольшого количества осадков, которые здесь выпадают в течение года, причем обратно влага не возвращается. В селении имеется несколько источников и небольших прудов, в трех или четырех из которых, говорят, всегда имеется вода. Вообще острова Тихого океана подвержены годам засухи и возникающим вследствие этого неурожаям; я боюсь, что эта группа не представляет исключения. Местные жители ведут образ жизни Робинзона Крузо; дома очень простые, выстроенные из жердей и покрытые травой. Часть времени у них уходит на охоту за дикими свиньями и козами, которыми леса здесь изобилуют; по условиями климата земледелием они занимаются очень мало. [Далее см. Д. и., стр. 308, строки 20—22 сверху. Далее следует:] ...Эти огромные создания, вероятно, очень стары; в 1830 г. одно из них было поймано (причем потребовалось шесть человек, чтобы перенести его в шлюпку); на щите его были вырезаны различные даты; одна была 1786 г. Единственное основание, почему оно не было тогда забрано, заключается, должно быть, в том, что двум людям невозможно было с ним управиться. Китобойные суда всегда высылают людей на охоту попарно.

26 и 27 сентября.—Я старательно собрал всех животных, растения, насекомых и рептилий с этого острова. Будет очень интересно узнать из будущего сравнения, к какой области или «центру творения» должны быть отнесены организованные существа этого архипелага.

Я поднялся на самую высокую гору острова, высотой в 2 000 футов; в верхней своей части она была покрыта жесткой травой и кустарником. Остатки старого кратера были весьма явственно видны; как ни мал весь остров, на нем насчитывается 39 конических холмов; на вершинах всех их находится более или менее сохранившееся круглое углубление. Прошло много времени с тех пор, как потоки лавы, образующей нижние части острова, вытекали из этих кратеров. Начиная от кратеров, мы имеем более гладкую поверхность, более плодородную почву и более плодоносную растительность. Возможно, что значительная часть лавы подводного происхождения.

28-го.—Отплыли к южному концу острова Албемарль, съемка которого и была произведена. *(29-го).* В полдень стали на якорь в небольшой бухточке около самого высокого и глубокого берега, какой мы когда-либо видели. Вулканическое происхождение здесь вполне очевидно. Прошли место, усеянное небольшими усеченными конусами, или «отдушинами», как их называют некоторые авторы; кратеры были в прекрасной сохранности и внутри имели обычно красный цвет. Все в целом похоже на мастерскую даже в боль-

шей мере, чем на острове Чатэм. [Далее см. Д. и., стр. 308, до строки 27 сверху.]

30 сентября—11 октября.—[См. Д. и., стр. 308, строка 27 сверху, до стр. 309, строка 17 снизу.]

12—19-го.—Мы все были очень заняты эти дни собиранием всякого рода образцов. Небольшой колодец, из которого мы брали воду, находился очень близко от берега; набежавшая большая волна с севера залила его и испортила пресную воду. Это было бы для нас большим несчастием, если бы американское китобойное судно не дало нам весьма любезно трех бочек воды (и подарило нам ведро лука). В течение нашего путешествия американцы показали себя по меньшей мере столь же, если не более обязательными, как любой из наших соотечественников. Свою щедрость они всегда проявляли самым сердечным образом. Если их предрассудки против англичан столь же сильны, как наши против американцев, то они их забывают и смягчают самым удивительным образом. [Далее см. Д. и., стр. 309, строки 16—7 снизу.]

20 октября—26 ноября.—[См. Д. и., стр. 337—347 до строки 22 снизу. Далее следует:] ...(М-р Притчард получил систематическое образование в миссионерском колледже; это умный, приятный джентльмен и добрый человек. О почтенном м-ре Уильсоне я уже упоминал. Третий миссионер, которого мы видели,—это м-р Нотт, проживающий уже 40 лет на острове. Он занимается, главным образом, литературной работой и в настоящее время закончил большое дело—перевод всей библии. Он пользуется всеобщим уважением. Эта группа людей столь часто подвергается нападкам, что я считал необходимым привести свое мнение об этих трех представителях ее, проживающих здесь. В доме м-ра Притчарда мы встретили трех молодых женщин, дочерей миссионеров, гостивших здесь. Их вид и манеры свидетельствовали, что они получили приличное воспитание.) [363] Любопытно было видеть этих женщин, которых по наружному виду нельзя было бы отличить от наших соотечественниц, а между тем они говорили на таитянском языке более бегло, чем по-английски. Даже эти спокойные молодые женщины не избегли резких нападков со стороны врагов миссионеров. [Далее см. Д. и., стр. 347, строки 22—10 снизу. Далее следует:] ...Я нанял челнок и людей, чтобы отвезти меня на риф. Эти челноки настолько узки, что представляют собой комические маленькие суденышки. Они немедленно перевернулись бы, если бы не плавающий брусок очень легкого дерева, прикрепленный к лодке при помощи двух длинных поперечных палок. Мы плыли некоторое время вокруг рифа, восхищаясь красивыми ветвящимися кораллами. Я убежден, что помимо общепризнанного незнания того, что касается тонкого строения каждого отдельного вида, мы все еще очень мало знаем о структуре и происхождении коралловых островов и рифов, несмотря на то, что об этом так много писалось. [Далее см. Д. и., стр. 347, строка 9 снизу, до стр. 348, строка 3 снизу.]

3—22 декабря.—[См. Д. и., стр. 348, строка 2 снизу, до стр. 352, строка 17 сверху. Далее следует:] ...Это самое большое селение, которое со временем, несомненно, вырастет в главный город. Кроме

значительного туземного населения здесь живет много англичан. Эти последние—люди весьма безнравственные, среди них имеется много каторжников, бежавших из Нового Южного Уэльса. Здесь есть много лавок со спиртными напитками, и все население предается пьянству и всем видам пороков. Так как это столица, то всякий был бы склонен составить себе мнение о новозеландцах по тому, что он здесь видит; но в таком случае мнение его об их характере было бы слишком низким. Этот маленький городок является твердыней порока; хотя многие племена в других частях приняли христианство, здесь бóльшая часть остается еще язычниками. В таких местах миссионеров мало уважают, но они жалуются на поведение своих соотечественников гораздо больше, чем на поведение туземцев. Это странно, но я сам слышал здесь, что единственная защита, в которой эти достойные люди нуждаются и на которую они полагаются, это—защита, оказываемая им туземными вождями против англичан.

[Далее см. Д. и., стр. 352, строки 17—47 сверху. Далее следует:] ...Принимая во внимание число иностранцев, проживающих в Новой Зеландии, и размер торговли, производимой здесь, следует признать состояние правительства страны в высшей степени замечательным. Однако, неправильно употреблять слово «правительство», ибо ничего подобного здесь абсолютно не существует. Точно установленные границы делят страну на части, населенные различными племенами, которые друг от друга совершенно независимы. Каждое племя состоит из свободных людей и рабов, захваченных на войне; земля предоставлена в распоряжение всех свободных граждан, т. е. каждый может занять и обрабатывать любой незанятый участок. Поэтому при продаже земли всякое такое лицо должно получить часть платежа. Среди свободных людей всегда найдется кто-нибудь, кто вследствие своего богатства, талантов, происхождения от какого-нибудь знаменитого рода возьмет в свои руки руководство и в этом отношении может быть рассматриваем как вождь. Но если спросить объединенное племя, кто их вождь, то никто не будет признан таковым. Не подлежит сомнению, что в отдельных случаях многие лица приобретают таким образом большое влияние, но, насколько я понимаю, их власть не является законной. Даже власть хозяина над его рабом или родителя над его детьми, повидимому, не регулируется никакими установившимися обычаями. Законы в настоящем смысле здесь совершенно неизвестны; некоторые линии поведения всеми признаются правильными, другие—неправильными. За нарушение этих обычаев оскорбленное лицо или его племя, если оно обладает силой, стремится отомстить; если это не удается, они затаивают вражду, пока не наступит день мести. Если состояние, в котором живут огнеземельцы, обозначить с точки зрения состояния правительства нулем, то я боюсь, что Новая Зеландия будет стоять лишь несколькими градусами выше, в то время как Таити, даже в момент его открытия, должен был бы занять весьма почтенное место. (Продолжая нашу прогулку по городу, м-р Бэкер повел нас к месту постройки церкви. Я думаю, что миссионеры выбрали это место, где имеется так мало христиан, чтобы атаковать порок в самом его центре; но пока что здесь безусловно находит себе оправдание старая поговорка—«чем ближе церковь, тем дальше небо». В целом город Корорарика [Коро-

радика] представляет отвратительное зрелище, и я рад, что его не следует считать образцом Новой Зеландии.) [364]

23 декабря.—[См. Д. и., стр. 352—356, до строки 19 сверху. Далее следует:] ...Вся миссионерская система кажется мне совершенно отличной от той, которая существует на Таити; там гораздо больше внимания отдается религиозному просвещению и непосредственному духовному совершенствованию жителей; здесь—больше техническим достижениям цивилизации. Я не сомневаюсь, что в обоих случаях преследуется одна и та же цель; если судить только по успешности, то я склонялся бы больше на сторону Таити; однако, возможно, что каждая система более приспособлена к той стране, где она проводится. Ум жителя Таити, несомненно, более развит, а, с другой стороны, новозеландец, не имея возможности срывать с дерева, растущего перед его домом, хлебные плоды и бананы, естественно, отнесется с большим вниманием к технике. Если сравнить состояние Новой Зеландии с Таити, то следует всегда помнить, что благодаря различным формам правления перед миссионерами здесь стоит задача, во много раз более трудная. Рецензент «Путешествий» м-ра Эрла в «Quarterly Journal», намечая более успешную линию поведения для миссионеров, очевидно, считает, что слишком много внимания посвящается религиозному просвещению по сравнению с другими предметами. Так как это мнение столь сильно отличается от того, к чему пришел я, то какое-нибудь третье лицо, выслушав обе стороны, вероятно, придет к выводу, что лучшими судьями были миссионеры и что они выбрали правильный путь. [Далее см. Д. и., стр. 356 до конца.]

24 декабря—Рождество.—[См. Д. и., стр. 357—358, до строки 15 сверху. Далее следует:] ...(Этот прием мне кажется неуклюжим, так как одна половина службы не может не быть скучной для каждого. Число присутствовавших новозеландцев было невелико; пение, хотя и сопровождаемое игрой на небольшом органе, было хуже, чем на Таити.) [365] Насколько я мог разобраться, заметное большинство населения в этой северной части острова исповедует христианство. Любопытно, что религия даже тех, кто не исповедует христианства, претерпела изменения и представляет теперь смесь христианства с язычеством. Более того, христианская вера считается настолько выше, что внешнее поведение неверующих, говорят, стало решительно лучше благодаря христианскому учению, которое до известной степени знакомо всем. Не подлежит, однако, никакому сомнению, что порок далеко еще не исчез, что здесь существует еще очень много людей, которые не остановятся перед убийством раба из-за пустяшного оскорбления; многоженство представляет собой обычное, я бы сказал—всеобщее явление. [Далее см. Д. и., стр. 358.]

26—30-го.—[См. Д. и., стр. 358—359.]

NB. (Февраль). [366] Я должен признаться, что после посещения Сиднея мое восхищение институтом миссионерства значительно уменьшилось; я рассматривал Новую Зеландию как страну, расположенную почти на противоположном от Англии конце мира, а не как находящуюся в нескольких сотнях миль от большой и высоко-цивили-

зованной колонии. Для зрителя большая разница, приезжает ли он с Запада или с Востока.

12 января.—Рано утром легкий ветер понес нас по направлению к порту Джексон; вместо покрытой зеленью страны с красивыми домиками перед нами открылась прямая линия желтоватых скал, напомнившая нам берег Патагонии. Один только уединенный маяк, выстроенный из белого камня, свидетельствовал о близости большого и населенного города. [Далее см. Д. и., стр. 360—361, до строки 5 сверху. Далее следует:] ...По улицам разъезжают кабриолеты, фаэтоны и кареты с ливрейными лакеями; из последних многие превосходно экипированы. Когда приезжаешь из Южной Америки, где в городах всем известен всякий состоятельный человек, ничто тебя так не удивляет, как невозможность сразу установить, кому принадлежит тот или иной экипаж. Многие из старых поселенцев говорят, что прежде они знали каждого человека в колонии, а теперь во время утренней верховой прогулки они едва ли встречают хоть одного знакомого. Сидней имеет население в двадцать три тысячи человек, которое, как мне передавали, быстро растет; в городе, должно быть, много богачей; повидимому, всякому деловому человеку нетрудно составить себе здесь состояние; я видел везде красивые дома, одни, построенные на доходы от пароходства, другие—от строительства и т. д. Говорят, что один аукционер, бывший ссыльный, собирается вернуться на родину и взять с собой 100 000 фунтов. Другой, который постоянно разъезжает в собственной карете, имеет такие доходы, что никто даже не осмеливается строить догадки о них; последний раз называли цифру в пятнадцать тысяч в год. Но самыми красноречивыми фактами являются, во-первых, то, что общественные доходы возросли за последний год на 60 000 фунтов, и, во-вторых, что в пределах города Сиднея площадь земли меньше акра стоит 8 000 фунтов стерлингов. (Город имеет одну весьма приятную особенность—это многочисленные дорожки для прогулок в Ботаническом саду и правительственном парке; здесь нет красивых деревьев, но дорожки вьются вокруг кустарников, и для меня эти прогулки были гораздо более приятны, чем [прогулки по] так называемым бульварам—alamedas—Южной Америки.)[367]

[Далее см. Д. и., стр. 361, строка 9 сверху, до стр. 362, строка 11 сверху.] ...Хотя эта страна процветает столь замечательно, вид бесплодия до известной степени соответствует действительности; почва, без сомнения, хороша, но дождей и проточной воды так мало, что она много производить не может. Недороды как хлеба, так и овощей наблюдаются здесь обычно раз в три года; однако, бывает, что они случаются и чаще:—отсюда следует, что колония не может обеспечить себя необходимым ей хлебом и овощами. Страна занимается, главным образом, скотоводством и специально разведением овец, а не более крупных четвероногих. Наносная земля близ перевоза Эму является одной из наилучше обработанных, какую я видел; и, несомненно, вид берегов Непина, ограниченного на западе Голубыми Горами на горизонте, представляется приятным даже для глаза человека, думающего об Англии. [Далее см. Д. и., стр. 362, строка 12 сверху, до стр. 364, строка 10 сверху.]

17—19 января.—[См. Д. и., стр. 356—366, до строки 17 снизу; стр. 368, строки 16—32 сверху] ...Число овец достигало 15 000; бóльшая часть их паслась под присмотром пастухов на незанятой земле на расстоянии более сотни миль от границ колонии. М-р Броун только что закончил свой день, последний день стрижки семи тысяч овец; стрижка остальных производилась в другом месте. Я думаю, что стоимость средней продукции шерсти от 15 000 овец составляет больше 5 000 фунтов стерлингов. [Далее см. Д. и., стр. 368, строка 32 сверху, до стр. 369, строка 17 снизу.] ...Незадолго до этого я лежал на освещенном солнцем берегу и размышлял о странном характере животных этой страны по сравнению с остальным миром. Человек, ни во что не верующий. кроме своего собственного разума, мог бы воскликнуть: «Безусловно здесь работали два различных творца; однако, объект у них был один и тот же и цель в каждом случае достигнута полностью». Размышляя таким образом, я заметил коническую ловушку муравьиного льва:— муха попала туда и немедленно исчезла, затем появился большой, но неосторожный муравей. Так как он прилагал весьма энергичные усилия, чтобы уйти из ловушки, то против него были быстро направлены струйки песка, описанные Кирби (т. I, стр. 425). Его судьба, однако, оказалась более счастливой, чем судьба мухи *. Без сомнения, хищная личинка принадлежит к тому же роду, но к другому виду, чем европейский.—Что же скажет теперь по этому поводу *не*верующий? Можно ли думать, что два творца изобрели каждый столь красивое, столь простое и в то же время столь искусное приспособление? Допустить это невозможно. Несомненно, над всей вселенной работала одна рука. Геолог, быть может, высказал бы предположение, что периоды творения были различные, что они были отдалены один от другого [во времени и] что творец делал передышку в своей работе.[368]

20-го.—[См. Д. и., стр. 369—370, до строки 17 снизу. Далее следует:] ...Всем офицерам наскучило это место, и меня это не удивляет: оно должно было быть для них равносильным месту ссылки. В прошлом году здесь было множество перепелов, на которых можно было охотиться; в этом году их не видно было совсем; этот источник деятельности истощился, и последнее, что связывало их с существованием здесь, казалось, было на исходе. Капитан Четуод пытался заняться садоводством; но вид несчастных засушенных трав был прямо душераздирающим. За один вчерашний день горячий ветер уничтожил множество молодых яблонь, груш и винограда.

22—26-го.—[См. Д. и., стр. 370—371, до строки 2 сверху.]

27-го.—Вместе с капитаном Кингом поехал верхом в Параматту. Недалеко от города живет его зять м-р Мак Артур, и мы поехали туда позавтракать. Дом мог бы быть признан весьма аристократическим даже в Англии. В столовой собралось большое общество человек в 18. В моих ушах странно звучали слова весьма красивых молодых дам: «О, мы австралийки и ничего не знаем об Англии». После полудня я оставил этот дом, столь сильно похожий на английский, и поехал один в Сидней.

* Ловушка по размеру не превышала половины описанной Кирби.

28 января—10 февраля.—[См. Д. и., стр. 371—373, до строки 19 снизу; 374, строка 6 снизу, до 375, строка 16 снизу.]

12—15 февраля.—Я был представлен генеральному инспектору м-ру Франкленду, и в течение этих дней провел много времени в его обществе. Я совершил с ним две очаровательных поездки и провел в его доме самые приятные вечера со времени оставления Англии. Здесь, повидимому, имеется большое общество: я слышал о костюмированном бале, на котором присутствовало 113 человек в костюмах. Мне кажется, что и общество здесь гораздо приятнее, чем в Сиднее. Здесь имеется приятное преимущество, а именно отсутствие богатых ссыльных. Если бы я был вынужден эмигрировать, то я, конечно, предпочел бы это место: один только климат и вид местности побудили бы меня принять такое решение. Колония к тому же хорошо управляется; среди этого сильного населения преступность, безусловно, не *больше*, если не *меньше*, чем в Англии.

16-го.—Погода была облачная, и это задержало нас здесь сверх ожидания. Сегодня я поехал в дилижансе в Нью-Норфольк. В этом цветущем городке живет 1 822 жителя. Он лежит на растоянии 22 миль от Гобарта; дорога идет вдоль Деруэнта. Мы проезжали мимо множества красивых ферм и обширных зерновых полей. Вернулись вечером в том же дилижансе.

17 февраля, 6, 14 марта.—[См. Д. и., стр. 375—376, до строки 4 сверху. Далее следует:] ...Жители питаются солониной и, конечно, не имеют для продажи свежего мяса или овощей, они не дают себе даже труда ловить рыбу, которой изобилует бухта: я, право, не могу понять, что они делают или собираются делать. Я слышал,—и думаю, что это верно,—что в тридцати милях вглубь имеется превосходная земля, которая годится для всего; она уже распределена по участкам и скоро будет обрабатываться. Поселение у Залива короля Георга будет морским портом для этого внутреннего округа.—Конечно, я составил себе очень плохое мнение об этом месте; однако, не следует забывать, что со времени действительной колонизации его прошло всего лишь два-три года и что поэтому надо быть весьма снисходительным в своих суждениях. Окажется ли, однако, это место способным конкурировать с колониями, обладающими дешевой рабочей силой в лице ссыльных,—это покажет лишь время. Здесь имеются некоторые преимущества,—климат очень приятный и дождей выпадает больше, чем в восточных колониях. Я сужу об этом по тому факту, что широкие плоскодонные долины, густо покрытые камышеобразными травами и кустарниковыми лесами, зимой отличаются такой сыростью, что они едва проходимы. Второе большое преимущество—это хороший характер туземного чернокожего населения; нелегко вообразить себе столь истинно добродушное и добросердечное выражение лица, как у них. Кроме того, они очень охотно готовы работать и оказывать услуги; в этом отношении они сильно отличаются от туземцев других австралийских колоний. По своим нравам и обычаям, орудиям и общему виду они напоминают туземцев Нового Ю. Уэльса. Подобно последним, они весьма замечательны крайней гибкостью своих конечностей, особенно ног; вдобавок, не обладая,

как это можно видеть, особо развитыми мускулами для движения ног, они могут таскать тяжести более продолжительное время, чем большинство белых людей. Лица их весьма безобразны, бороды курчавы и обильны, кожа на всем теле весьма волосата, все тело в высшей степени грязно. Хотя они настоящие дикари, но невозможно не испытывать чувства симпатии к этим спокойным, добродушным людям. [Далее см. Д. и., стр. 376—377.]

1—12, 29, 30 апреля.—[См. Д. и., стр. 378—380, 382—389, 404—405. Далее следует:] ...Я видел человека высшей касты, который был изгнан за то, что не хотел свидетельствовать против соседа, совершившего какое-то преступление; этот бедняга замечателен кроме того тем, что был несомненным потребителем опиума, о чем свидетельствовали его изможденное тело и странное сонное выражение лица. ...Помимо таких арестантов из Индии ежегодно привозят много свободного народу, ибо плантаторы боятся, что негры после эмансипации не захотят работать; по этой причине индейское население здесь весьма значительно. Что касается негров, то здешние представители этой расы стоят на значительно более низкой ступени развития, чем бразильские и, как мне кажется, вест-индские; они происходят с Мадагаскара и с берегов Занзибара. Великий акт эмансипации не вызвал никакого возбуждения среди здешнего народа; повидимому, все убеждены, что, получив свободу, они ни за что не захотят много работать. К моему удивлению, оказалось, однако, что те немногие, с кем мне пришлось разговаривать, очень мало интересовались этим вопросом. Имея ресурсы в бесчисленном населении Индии, здесь результата эмансипации ожидали с гораздо меньшими опасениями, чем в Вест-Индии.

Воскресенье, 1—9 мая. [См. Д. и., стр. 405—406. Далее следует:] ...В течение всей недели я обедал вне дома почти ежедневно; все было бы чудесно, если бы можно было забыть об Англии. Насколько приятным ни казалось нам общество, для нас стало очевидным, даже за кратковременное наше пребывание здесь, что не малая доля ревности, зависти и ненависти имеется и здесь, как и в большинстве других небольших обществ. Увы, не существует на земле такого рая, куда бы не имели доступа подобные чувства.

31-го.—Вечером стали на якорь в бухте Симонса. В самом начале пути мы прошли в виду южной оконечности Мадагаскара; после этого мы подошли к берегу Африки у Наталя и оттуда проплыли значительное пространство вдоль южных берегов. Мы потеряли неделю возле мыса Эгюльяс из-за противных ветров и жестокого шквала. Маленький городок у бухты Симонса представляет для чужестранца мало радостного. Около пары сотен квадратных беленьких домиков, с очень немногими огородами и почти совсем без деревьев, рассыпаны вдоль берега у подножия высокой, крутой, голой стены горизонтально-слоистого песчаника.

1 июня.—Так как здесь нет ничего интересного, то я достал фаэтон, чтобы поехать в Капштадт, лежащий в 22 милях отсюда. Оба эти города расположены в пределах мыса, но на противопо-

ложных концах цепи гор, связанной с материком низкой песчаной равниной. Путь окаймляет основание этих гор; на протяжении первых миль местность очень пустынна и очень мало интересна, если исключить удовольствие, которое всегда доставляет вид совершенно новой растительности. Однако, вид гор на противоположной стороне равнины, освещенных заходящим солнцем, был превосходен. На седьмой миле от Капштадта, по соседству с Вайнбергом, уже заметно значительное улучшение. В этих окрестностях расположены дачи более состоятельных жителей столицы. Главную привлекательность этой местности составляют многочисленные леса молодых шотландских елей и низкорослых дубов; есть, безусловно, большое очарование в тенистости и уединенности после той полной оголенности, которая характерна для страны вроде этой. (Как ни малы здесь размеры деревьев, посаженных прямыми линиями и подрезанных по старому голландскому образцу, все же появление дороги с заставами, усеянной пожелтевшими листьями дуба, пахнущими, как английский лес осенью, было прямо восхитительно.)[369] Задняя часть домов и плантаций обращена к большой цепи гор, которые придают пейзажу какую-то необычайную красоту. В Капштадт я приехал поздно вечером, и мне очень трудно было найти себе комнату; утром в этот огромный трактир, расположенный на большой дороге народов, прибыло несколько кораблей из Индии, которые выбросили на берег кучу пассажиров, стремящихся насладиться прелестями умеренного климата. Здесь имеется только одна хорошая гостиница, так что все чужестранцы живут в пансионах—очень неприятный обычай, к которому я вынужден был прибегнуть, но мне повезло с комнатой.

2 июня.—Утром я отправился на соседнюю гору, чтобы посмотреть на город. Он выстроен с прямоугольной точностью испанского города; улицы содержатся в большом порядке и вымощены макадамом; на некоторых посажены деревья с обеих сторон; дома все выбелены и выглядят чистыми. В некоторых мелочах город имеет чужеземный вид, но с каждым днем он становится все более английским. Нет жителя в городе, за исключением низших слоев, кто бы не говорил немного по-английски; в легкости, с какой эта колония англифицируется, проявляется значительное различие между ней и островом Маврикия. Это, однако, не происходит вследствие популярности англичан, ибо голландцы, как и французы на Маврикии, хотя и извлекают огромную прибыль от английского правительства, все же чрезвычайно не любят нашей нации. Во всей стране существует одна цена для голландца и другая, и притом значительно более высокая, для англичан; тем не менее несколько живущих здесь голландцев послали своих сыновей в Англию изучить правильную систему земледелия. (Один молодой человек, только что вернувшийся из Норфолька, предложил своему отцу осушить большое мелкое озеро; отец с трудом дал согласие на такую странную идею, как превращение озера в зерновое поле. План, как можно было ожидать, удался хорошо, но после первых трех лет земля до того покрылась сорняками, что старик с радостью заметил, что новый метод, повидимому, готов провалиться. Однако, сын вскоре закрыл дренажные трубы, затопил землю и убил таким образом сорняки; старый джентль-

мен был поражен такого рода неслыханными опытами; в следующем году он снял прекрасный урожай.)[370]

Все фрагменты цивилизованного мира, которые мы посетили в южном полушарии, повидимому, процветают; маленькие отпрыски Англии взращиваются во всех частях. Капская колония, видимо, находится в весьма цветущем состоянии, хотя земля ее лишь умеренно плодородна. В одном отношении она страдает так же, как Новый Южный Уэльс, а именно вследствие отсутствия водного сообщения, причем внутренняя часть материка отделена от берега высокой цепью гор. Эта страна не обладает углем; а лес имеется лишь на значительном расстоянии, здесь же его мало. Кожа, сало и вино являются главными предметами экспорта, а в последнее время сюда надо прибавить значительное количество зерна. Фермеры начинают обращать также внимание на овцеводство, заимствованное из Австралии. Для Вандименовой Земли немалым триумфом является тот факт, что живые овцы были экспортированы из колонии, существующей тридцать три года, в колонию, основанную в 1651 г.

В Капштадте, как говорят, число жителей в настоящее время достигает 15 000, а население всей колонии, включая и цветное, составляет 200 000. Здесь перемешано множество национальностей; европейцы представлены голландцами, французами и англичанами и разбросанными среди них представителями других народов. Малайцы, потомки рабов, привезенных с Ост-Индского архипелага, образуют большую массу; это очень красивые люди; их всегда можно узнать по коническим шляпам, напоминающим круглые соломенные крыши коттеджей, или по красным платкам на их головах. Число негров не очень велико; еще меньше, я думаю, готтентотов, коренных обитателей страны, с которыми обращаются скверно. Первое, что бросается в Капштадте в глаза чужестранцу, это—число повозок, запряженных волами; несколько раз я видел восемнадцать и слышал о двадцати четырех волах, запряженных в одно общее ярмо (получается такая же длинная вереница, как если бы схватили всех коров в поле и связали их друг с другом для забавы.)[371] Кроме этого, можно встретить на всех улицах повозки, запряженные четырьмя, шестью и восемью лошадьми цугом. Я до сих пор еще не упомянул о хорошо известной Столовой горе; эта гигантская масса горизонтально-слоистого песчаника подымается непосредственно за городом до высоты 3 500 футов; верхняя часть образует совершенно вертикальную стену, закрываемую часто облаками. Я думаю, что столь высокая гора, не образующая части плато и все же состоящая из горизонтальных слоев, представляет редкое явление; это, несомненно, придает ландшафту весьма своеобразный и с некоторых точек зрения грандиозный характер.

4 июня.—Я отправился в небольшую экскурсию, чтобы посмотреть соседнюю область; но я видел так мало заслуживающего внимания, что мне нечего почти сказать. Я нанял пару лошадей и молодого грума-готтентота в качестве проводника. Он говорил по-английски очень хорошо и был одет в высшей степени опрятно; он носил длинный сюртук, бобровую шапку и белые перчатки. Готтентоты, или годмадоды, как их называет старый Дампьер, выглядят, по мо-

ему, как частично отбеленные негры; они небольшого роста; их голова и лицо имеют в высшей степени странную форму. Височные и скуловые кости так сильно выдаются вперед, что лицо их в профиль совершенно не видно человеку, между тем как с такого же положения часть лица европейца вполне видна. Волосы у них очень короткие и курчавые.

В первый день мы намеревались добраться до Паарля, деревни, расположенной на расстоянии от тридцати до сорока миль к С.-В. от Капштадта. Оставив окрестности города, где белые домики стоят как бы вырванные из улицы и случайно брошенные среди открытой местности, мы должны были пересечь широкую песчаную равнину, совершенно непригодную для обработки. В надежде найти какие-нибудь твердые материалы эти пески буравили вдоль всей линии пути до глубины в сорок футов. Оставив эту равнину, мы пересекли низкую холмистую местность, покрытую тонким слоем бледнозеленой растительности. Сейчас не период цветения, но все же и теперь там были весьма красивые виды Oxalis и Mesembrianthemum,[372] а некоторые участки песка были покрыты прекрасными пучками вереска. Даже на таком коротком расстоянии от берега можно было встретить несколько весьма красивых маленьких птиц. Для человека, который не находит удовольствия в наблюдении животных и растений, здесь вряд ли нашлось бы в течение всего дня что-либо, заслуживающее внимание; лишь изредка попадались навстречу здания ферм.

Сейчас же после прибытия в Паарль я поднялся на странную группу круглых гранитных гор, лежавших позади самой деревни. Я насладился прекрасным видом с вершины; прямо передо мной простиралась линия гор, которые я должен был пересечь на следующее утро. Цвет их был серый или, частично, ржаво-красный, очертания неправильны, но очень неживописны. Общий оттенок низменной части был бледнокоричнево-зеленый, а вся местность совершенно лишена леса. Обнаженные горы, видимые сквозь весьма прозрачный воздух, напомнили мне о северном Чили, но там скалы обладают, по крайней мере, яркой окраской. Непосредственно под горой, на которой я стоял, расположилось длинное селение Паарль; все дома были очень опрятны, удобны и выбелены; не было ни единого шалаша. При каждом доме имеется свой огородик и несколько деревьев, посаженных прямыми рядами; видно было множество виноградников, кусты которых в настоящее время года были лишены листьев. Все селение носило отпечаток спокойного и почтенного комфорта.

5 июня.—Проехав около трех часов, мы прибыли к перевалу Французский холм (French Hoeck). Он получил свое название от группы французских эмигрантов протестантов, которые первоначально поселились в плоской долине у подножья горы; это одно из красивейших мест, какие я видел в колонии. Перевал явился результатом большой работы; это наклонная дорога, проложенная вдоль крутого склона горы; она образует один из главных путей, ведущих из прибрежной низменности к горам и большим плоскогорьям внутренней части материка. Мы достигли подножья гор на противоположной, ю.-в. стороне прохода вскоре после полудня; здесь мы на-

шли в гостинице удобное помещение на ночь. Окружающие горы лишены деревьев и даже кустарника, но местами можно видеть на них растительность, значительно более яркозеленой окраски, чем обычно; однако, большое количество торчащих повсюду обнаженных кремнистых песчаников придавало местности голый и неприветливый вид.

6 июня.—Я решил вернуться через перевал сэра Лоури Кола, проходящий в той же самой цепи гор, только несколько дальше к югу. Следуя по редко посещаемым тропинкам, мы пересекли неправильную холмистую местность и вышли на другую линию пути. В течение целого длинного дня я не встретил почти ни одного человека и видел лишь немного обитаемых мест и мало скота. Небольшое число косуль паслось на склонах гор, и несколько больших грязных белых коршунов, похожих на американских кондоров, медленно парило над местом, где, вероятно, лежали какие-то трупы животных. Не видно было ни единого дерева, которое внесло бы хотя малейшее оживление в монотонное однообразие песчаных холмов. Я никогда не видал менее интересной местности. Ночь провели в доме английского фермера.

7-го.—Рано утром следующего дня мы спустились через перевал сэра Лоури, который, подобно Французскому, был проложен с большими затратами вдоль склона крутой горы. С вершины открывался хороший вид на всю Ложную бухту (False Bay) и Столовую гору и на расположенную прямо внизу земледельческую область Готтентотской Голландии. Равнина, покрытая песчаными долинами, не была видна с высоты; лишь достигнув вечером Капштадта, мы убедились, до какой степени эта равнина надоедливо длинна.

8—15-го.—В течение этих дней я познакомился с несколькими весьма приятными людьми. С д-ром Э. Смитом, который недавно вернулся из своей интереснейшей экспедиции за пределы тропиков, я совершил несколько геологических прогулок. Несколько дней я обедал в гостях,—с м-ром Мэклиром (астрономом), с полковником Беллом и с сэром Дж. Гершелем; это последнее было наиболее памятным и радостным событием, которое счастливая судьба доставила на мою долю за продолжительное время.

16-го.—Вернулись в бухту Симонса; наступившая плохая погода вынудила нас оставаться здесь дольше обычного.

17-го.—Совершил длинную прогулку с м-ром Селиваном с целью исследовать некоторые интересные особенности в геологии окружающих гор.

18-го.—После полудня отплыли в открытое море; наша обычная неудача преследовала нас сначала в виде шторма, а затем в виде полного безветрия.

29-го.—«Бигль» пересек тропик Козерога в шестой и последний раз. Мы были удивлены и огорчены, встретив легкие северные ветры там, где обычно господствует пассатный ветер.

8—13 июля.—[См. Д. и., стр. 406, строка 18—6 снизу. Далее следует:] ...Сознаюсь, что это последнее обстоятельство мало доставило мне удовольствия. Единственный шаг, отделяющий великое от смешного, в данном случае слишком часто совершался. Кроме того, гробница, расположенная близко от жилых домов и оживленной дороги, не вызывает чувств, гармонирующих с местом успокоения столь великого духа. Что касается дома, в котором умер Наполеон, то состояние его скандальное; при виде грязных и запущенных комнат, с вырезанными именами посетителей, я испытал такое же чувство, как при виде древней руины, гнусно обезображенной. [Далее см. Д. и., стр. 407—410.]

19—22-го.—[См. Д. и., стр. 410—412, до строки 23 снизу. Далее следует:] ...Океан—это бешеное чудовище, оскорбите его где-нибудь на расстоянии тысячи миль, и его гигантское тело сотрясается от гнева на другой половине земного шара.

23-го.—После полудня вышли в море. Находясь в открытом море, мы взяли курс на З.-Ю.-З., что вызвало горькое разочарование и удивление среди тех на корабле, кто с наибольшим нетерпением жаждал возвращения в Англию. Я не рассчитывал увидеть еще раз берега Южной Америки; но я рад, что судьба снова направила нас в Байю, город в Бразилии.

1 августа.—Стали на якорь в Байе де тодос лос Сантос. Город и его окрестности, красотами которых мы раньше так сильно восхищались, потерял [для нас, как мы могли убедиться] с первого взгляда, часть своего очарования. Местность потеряла в наших глазах характер новизны и уже не вызывала нашего изумления, возможно также, что за период длительного промежутка память наша преувеличила богатство красок. Однако, как мы открыли впоследствии, ослабление впечатления было вызвано более определенной причиной,—а именно отсутствием некоторых из самых красивых манговых деревьев, которые были вырублены во время последних негритянских беспорядков.

1—6, 12-го.—[См. Д. и., стр. 413, строка 13 снизу, до стр. 415, строка 23 сверху. Далее следует:] ...Количество белых людей, которых можно встретить утром на улицах, равно количеству иностранцев во всяком другом городе; все остальное население состоит из черно- или темнокожих. Последние, равно как и бразильцы, далеко не производят впечатления преобладающего элемента на улице; бедные негры, где бы они ни находились, веселы, болтливы и шумны. Ничего не было ни в виде, ни в запахах, ни в звуках этого большого города, что произвело бы на меня приятное впечатление. [Далее см. Д. и., стр. 415—416, строка 2 сверху. Далее следует:] ...Польза его велика; глубина здесь значительна, и корабли стоят привязанные к старым пушкам, укрепленным в отверстиях на вершине. На самом краю обрыва стоит маяк, вокруг которого бушует море. При входе в гавань корабль проходит в тридцати ярдах от этого пункта, среди пены разбивающихся волн; совсем близко, с другой стороны, нахо-

дятся другие волноломы, образуя таким образом узкие ворота; делается почти страшно, когда видишь, как корабль стремглав бежит навстречу таким опасностям.

Что касается происхождения рифа, то я думаю, что раньше, когда низменность, на которой ныне стоит город, была занята большой бухтой, под водой существовал бар, состоявший из песка и камней; этот бар сначала консолидировался, а затем был поднят. Эти два различных процесса встречаются так часто в Южной Америке, что я теперь нисколько не испытываю того изумления, которое раньше вызывали во мне такие факты. [Далее см. Д. и., стр. 416, строки 8—32 сверху.]

17 августа.—...В полдень мы оставили берега Бразилии. Мы держим наш курс круто по ветру, и поэтому корабль значительно качает. Я очень сильно страдаю от морской болезни. Но это на пути в Англию; такое утешение необходимо, чтобы поддержать себя в том тяжелом бедствии, которое представляет собой потеря времени. здоровья и покоя.

21-го.—Пересекли экватор.

31 августа—4 сентября.—После великолепнейшего перехода мы стали на якорь в Порто Прайе. Мы застали здесь, как это обычно бывает, несколько судов, занимающихся работорговлей. Погода в течение нашей четырехдневной стоянки была очень хорошая; но так как начинался нездоровый сезон, то я ограничил себя короткими прогулками. Об этом месте мне нечего сказать; только что прошли дожди, и начала пробиваться бледнозеленая растительность. Наш старый приятель, большой баобаб, был покрыт густой зеленой листвой, которая сильно изменила его вид. Как и можно было ожидать, я не был в таком восторге от Сант Яго, как во время первого посещения, но и на этот раз я нашел много интересного в его природе. Было бы, конечно, странно если бы первый вид пустынных вулканических равнин (на местность такого характера в Англии даже намека не встретишь) и первые ощущения при вступлении в жаркий климат не производили бы самого живого впечатления на всякого, кто испытывает удовольствие от созерцания природы.

4-го.—Мы все были очень рады сказать вечером 4-го последнее прости горам Сант Яго по мере того, как вечерние тени скрывали неправильные очертания их от наших взоров. Сознаюсь, что я испытываю чувство некоторой признательности к этому острову; я был бы неблагодарным существом, если бы это было иначе, ибо я никогда не забуду восхищения, которое я испытал, когда впервые стоял в своего рода лавовой пещере и глядел на волны Атлантического океана, разбивающиеся о суровые берега.

9-го.—Пересекли тропик Рака.

20 сентября.—Утром мы были вблизи восточного конца острова Терсейра и вскоре после полудня достигли селения Ангра. Остров умеренно возвышен и имеет круглую форму с отдельными коничe-

скими горами, очевидно, вулканического происхождения. Земля хорошо возделана и разделена каменными стенами на множество четырехугольных полей, простирающихся от края воды до самой вершины центральных холмов. Деревьев мало или совсем нет, и желтое после жатвы поле придавало в это время года всей картине неприятный характер выжженной земли. Небольшие хижины и выбеленные домики рассеяны повсюду. Вечером компания сошла на берег (в селение, или, вернее, город, Ангру, столицу соседних островов).[373] Селение оказалось весьма чистым и уютным местечком, в котором имеется около 10 000 жителей, составляющих приблизительно четверть всего населения острова. Хороших лавок здесь нет и вообще не видно никаких признаков деятельности, за исключением невыносимого скрипа случайной повозки, запряженной волами. Церкви весьма почтенны; здесь раньше было довольно много монастырей; но дом Педро некоторые из них уничтожил; три женских монастыря он сравнял с землей и разрешил монахиням выйти замуж, что было ими, за исключением самых глубоких старух, с радостью выполнено. Ангра была раньше столицей всего архипелага, но теперь под ее управлением находится лишь одна группа островов, и слава ее миновала. Город защищен за́мком и линией батарей, опоясывающих гору Бразилия,—потухший вулкан с крутыми склонами, обращенными к городу. Терсейра была первым островом, признавшим дом Педро, и, начиная отсюда, он завоевал остальные острова и, в конце концов, Португалию. На одном этом острове был собран заем в 400 000 долларов, из которых ни один фартинг не был никогда уплачен этим первым защитникам нынешней истинно королевской и почтенной фамилии.[374]

На следующий день консул любезно одолжил мне свою лошадь и снабдил меня проводниками для поездки в центр острова, где находится гора, которую описывают как действующий кратер. Поднимаясь узкими переулками, окаймленными с каждой стороны высокими каменными стенами, мы на протяжении первых трех миль прошли мимо множества домов и садов. Затем мы вступили в равнину, образованную сравнительно недавними потоками базальтовой лавы, застывшей в виде неправильной формы холмов. Скалы в некоторых местах покрыты густым кустарником высотой около трех футов, а в других—вереском, папоротником и травой; несколько разрушенных старых каменных стен дополнили сходство с горами Уэльса. Кроме того я встретил некоторых старых английских приятелей среди насекомых, а из птиц—скворца, водяную трясогузку, зяблика и черного дрозда. В этой возвышенной центральной части нет домов; и земля используется здесь только под пастбище для скота и коз. С каждой стороны помимо гребней более старой лавы имелись конусы различных размеров, которые сохранили еще частично свои кратерообразные вершины; там же, где последние были разрушены, внутри кратеров видны кучи золы, как в литейной. Когда мы достигли так называемого кратера, то оказалось, что это—небольшое углубление, или, вернее, короткая долина, примыкающая к более высокому гребню и не имеющая никакого выхода. Дно было пересечено несколькими широкими расщелинами, из которых приблизительно в дюжине мест выходили небольшие струи пара, как из щелей котла паровой

машины. Пар у самых отверстий, имеющих неправильную форму настолько горяч, что обжигает руку; он имеет слабый запах железной копоти, а необычайно резкое ощущение, испытываемое от него кожей, заставляет думать, что пар не чистый, а заключает в себе некоторое количество соляной кислоты. Действие пара на окружающие трахитовые лавы[375] необычайное: твердый камень целиком покрыт или чисто-белоснежным или же яркокрасным слоем фарфоровой глины; иногда оба цвета перемешаны между собой; пар проходит через влажную и горячую глину. Это явление продолжается в течение многих лет; говорят, что когда-то из щелей выходило пламя. Во время дождя вода со всех сторон стекает в эти щели, и, вероятно, та же самая вода, стекая вниз и попадая на горячую подземную лаву, и вызывает это явление. На всем острове подземные силы в течение последнего года проявляли большую деятельность, выразившуюся в нескольких слабых землетрясениях и в фонтане пара, бившем несколько дней из пропасти над морем, недалеко от города Ангры.

Я с удовольствием провел день верхом на лошади, хотя мне и не пришлось увидеть особенно много интересного; было приятно встретить такое количество красивых крестьян; я не помню, чтобы я когда-либо видел такую компанию красивых молодых людей с более добродушными лицами. (У поразительного количества мальчиков волосы были белые или очень светлые, что своей необычайностью для нас еще более увеличивало приятное впечатление.)[376] Взрослые и мальчики были одеты в куртки и штаны и не носили сапог и чулок; на голове у них суконные шапочки из синей материи с двумя наушниками и красным кантом; эти свои шапочки они самым вежливым образом приподнимают, здороваясь с каждым проходящим. Одежда их хотя сильно поношена, но необычайно чиста, равно как и их лица; мне говорили, что почти в каждом домике посетитель будет спать на белоснежных простынях и обед ему подадут на чистой скатерти. Каждый держит в руке палку для ходьбы длиной около шести футов; прикрепив к каждому концу ее большой нож, они могут превратить ее в страшное оружие. Рыжеватый цвет их волос, светлые глаза и прямая походка делают из них образец прекрасного крестьянина; какая разница между ними и бразильскими португальцами. Бо́льшая часть людей, которых мы сегодня встретили, была занята в горах собиранием хвороста на топливо. Целыми семьями, от отца до самого младшего мальчика, они тащили каждый на голове связку хвороста для продажи в городе. Ноша их была очень тяжела; этот тяжкий труд и поношенная одежда явно говорили о бедности; однако, как мне передавали, дело здесь не в недостатке пищи, а в отсутствии предметов широкого потребления,—совершенно так же, как на Чилоэ. По этой причине, хотя далеко не вся земля здесь еще обрабатывается, многие эмигрируют в настоящее время в Бразилию, где контракты, которые они заключают, немногим отличаются от рабства. Очень жаль, что такое прекрасное население должно бросать столь богатую страну, где всякий предмет питания—мясо, овощи и плоды—стоит необычайно дешево и имеется в величайшем изобилии; но труд оплачивается здесь очень дешево.

На следующий день я выехал рано утром, чтобы посетить город Прайю, расположенный на с.-в. краю острова. Расстояние около пят-

надцати миль; дорога почти на всем протяжении проходит близко от берега. Земля здесь почти вся возделана, и местность усеяна домиками и небольшими селениями. В нескольких местах я заметил, что от продолжительной езды запряженных волами повозок в толстой лаве, из которой частично состоит дорога, образовались выбоины глубиной в двенадцать дюймов. То же самое было с изумлением отмечено на древних мостовых Помпеи, причем указывалось, что в современных городах Италии это нигде не наблюдается. Здесь колеса имеют шину с необычайно большими железными шишками; может быть, такое же устройство имели и старые римские колеса. Местность, которую мы видели во время нашей утренней поездки, не представляла ничего интересного, за исключением всегда приятного вида счастливых крестьян. Жатва недавно кончилась, и возле домов большое количество красивых желтых кукурузных головок было привязано для просушки к стволам тополей. Последние издали казались увешанными красивыми плодами, представляя как бы эмблему плодородия. Одна часть пути пересекала большой поток лавы, скалистая и черная поверхность которой свидетельствовала о сравнительно недавнем ее происхождении; и на самом деле можно было различить кратер, из которого она вытекла. Трудолюбивые жители превратили это пространство в виноградники, но для этой цели необходимо было убрать разбросанные осколки лавы и сложить из них множество маленьких стенок, каждая из которых огораживает несколько ярдов чистой земли; таким образом, вся местность оказалась покрытой как бы сетью черных линий.

Город Прайя представляет собой спокойное, затерявшееся небольшое местечко. Много лет тому назад здесь находился большой город, разрушенный землетрясением. Утверждают, что земля погрузилась в море, в доказательство чего указывают на стену монастыря, омываемую ныне водой; факт этот мог иметь место, но доказательство неубедительно. Я вернулся другой дорогой, которая сначала идет северным берегом, а затем пересекает центральную часть острова. Особенно хорошо обрабатывается северо-восточная окраина острова, которая производит большое количество прекрасной пшеницы. Квадратные открытые поля и небольшие селения с выбеленными церквами придавали местности с высоты вид, напоминающий менее живописные части центральной Англии. Мы вскоре достигли зоны облаков, которые в течение всего нашего пути висели очень низко и скрывали верхушки гор. Через несколько часов мы пересекли возвышенную центральную часть, которая не заселена и носит заброшенный характер. Когда мы спустились из облаков в город, мне сообщили приятную весть, что наблюдения закончены и мы можем выйти в море в тот же вечер. Место стоянки открыто для волн Южного океана и потому оно в нынешнее бурное время года весьма неприятно и далеко не безопасно.

24 сентября. — Утром мы были у западного края острова Сан Микаэль, к столице которого мы направились в ожидании писем. Противный ветер задержал нас на целый день, но на следующее утро (*25-го*) мы были уже у самого города и шлюпка была послана на берег. Остров Сан Микаэль значительно больше, в три раза более населен

и ведет более обширную торговлю, чем Терсейра. Главным предметом экспорта являются фрукты, за которыми ежегодно прибывает целая флотилия судов. Хотя несколько сотен кораблей грузится апельсинами, эти деревья ни на одном из островов не растут в особенно большом количестве. Никто не мог бы подумать, что это и есть тот большой рынок, из которого экспортируется в Англию бесчисленное количество апельсинов. Остров Сан Микаэль имеет тот же открытый, полузеленый, возделанный, лоскутный вид, как Терсейра. Город более разбросан; дома и церкви в городе и по всей стране выбелены и издали выглядят чистенькими и уютными. Местность позади города менее возвышена, чем на Терсейре, но все же довольно высока; она густо усеяна или вернее составлена из небольших сосцевидных холмов, каждый из которых был некогда действующим вулканом. Через час шлюпка вернулась без писем, после чего, выйдя в море, мы взяли, слава богу, курс прямо на Англию.

[Далее см. Д. и., стр. 418—422. В заключение следует:]

2 октября.—После сравнительно короткого перехода, но при очень плохой погоде мы бросили якорь у Фалмута. К удивлению и стыду своему, я должен признаться, что первый вид берегов Англии не вызвал во мне более теплых чувств, чем если бы это было жалкое португальское селение. В ту же ночь (свирепствовала страшная буря) я отправился почтовым дилижансом в Шрюсбери.[377]

4-го.—«Бигль» отправился в Плимут, где он останется до 17-го.

18-го. «Бигль» отплыл в Темзу, посетив по пути Портсмут и Дил, а 28-го поднялся вверх по реке до Гринича.

7 ноября.—«Бигль» спустился до Вулвича, где 17-го экипаж его был отпущен. «Бигль» получил свое задание 1 июля 1831 г. Таким образом, он закончил его в необычайно долгий срок—в пять лет и сто тридцать шесть дней.[378]

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРИМЕЧАНИЯ

С. Л. СОБОЛЬ

«Дневник изысканий» Дарвина охватывает огромный фактический материал из различных областей естествознания (зоология, ботаника, геология, антропология, метеорология и др.), географии, этнографии, общественной и политической жизни, истории и т. д. В связи же с тем, что «Дневник» написан Дарвином почти сто лет тому назад, усвоение этого разнообразного фактического материала представляет для современного читателя неизбежные затруднения.

Это прежде всего дает себя чувствовать в отношении фактов политической истории,—читателю времени Дарвина, особенно английскому читателю, упоминаемые Дарвином политические события, отношения, имена были непосредственно близки и знакомы, нам же в большинстве случаев они ничего не говорят. Дать в этом отношении необходимые пояснения—одна из задач настоящих примечаний.

На первый взгляд более легкой, но несомненно более сложной является задача действительного усвоения естественнонаучных фактов, сообщаемых Дарвином. В описании многих явлений Дарвин выступает как пионер, но нередко, давая очень точное описание явления и правильный анализ его, он либо сам затрудняется в вопросе о наименовании данного явления, например, в определении того, к какой группе системы животных или растений отнести описываемый организм, либо дает неправильное наименование,—в результате для читателя остается неясным вопрос, о чем собственно идет речь. С другой стороны, надо помнить, что Дарвин пользовался в зоологии и ботанике номенклатурой и системой своего времени, которые в настоящее время устарели, вследствие чего сплошь и рядом читатель может принять описываемый организм за совершенно другой. Это неоднократно происходило с русскими переводчиками «Дневника». Бекетова, например, а вслед за ней и другие переводчики приняли бразильского жука Strongylus (см. стр. 38 и примеч. 39) за круглого червя Strongylus и соответственно этому в переводе назвали его свайником и т. п. Вследствие этого одной из задач настоящих примечаний и явилось, во-первых, выяснить по описаниям Дарвина, о каких именно организмах он говорит в тех случаях, когда он по состоянию знаний того времени не мог определить, с какими организмами он имел дело; во-вторых, перевести на язык современной научной номенклатуры названия животных и растений времени Дарвина. Не во всех без исключения случаях мне удалось это сделать. В разрешении нескольких трудных вопросов этого рода мне оказали любезное содействие Л. С. Берг, Л. А. Зенкевич, Н. А. Комарницкий, Н. Н. Плавильщиков, Н. С. Шатский и ряд других лиц, которым я приношу здесь свою благодарность.

С целью облегчения чтения в настоящих примечаниях даны также разъяснения более редких и специальных терминов, переводы испанских, португальских и индейских слов, переводы иностранных цитат и т. п. Не даны объяснения морских терминов—названий парусов, мачт и т. п.,—это слишком загромоздило бы примечания, между тем как объяснения этого рода терминов интересующийся найдет в любом словаре иностранных слов. Сведения обо всех упоминаемых Дарвином ученых, путешественниках, его спутниках по путешествию и прочих лицах вынесены в «Биографический словарь», который будет дан в XII томе настоящего издания.

Сравнительный анализ текстов первого (1839 года) и второго (1845 года) изданий «Дневника», так называемой «десятой тысячи второго издания» (1860

года) и опубликованного в 1933 году «Путевого дневника», а также сопоставление «Дневника» Дарвина с отчетом Фиц Роя позволили дать в примечаниях все важнейшие расхождения между этими текстами, показать момент появления тех или иных высказываний Дарвина, изменение его точек зрения и т. п., т. е. установить все наиболее существенное для понимания «раннего» Дарвина, для развития его идей. Наконец, в примечания введены указания относительно различных влияний на взгляды Дарвина по отдельным, затрагиваемым в «Дневнике» вопросам, его отношения к различным научным теориям того времени и т. п.

Дарвин пользуется в «Дневнике» английской системой мер и весов, температуру приводит по Фаренгейту и т. п. Ниже дается табличка переводов мер, встречающихся в «Дневнике», в метрические меры:

МЕРЫ ДЛИНЫ И ПОВЕРХНОСТИ

Лье (или лига)=3 англ. мили
Миля=1,60934 км
Фатом (или фадом)=1,82880 м=2 ярдам==6 футам
Ярд=0,91440 м=3 футам
Фут=0,30480 м
Дюйм=2,54000 см
Линия=2,54000 мм
Географическая миля=7,42000 км
Морская миля=1,85496 км
Узел=морской миле
Квадр. миля = 2,58999 кв. км=640 акров
Акр=0,404686 га
Квадр. ярд=8451,27 кв. см
Квадр. фут=929,030 кв. см
Квадр. дюйм=6,45160 кв. см

МЕРЫ ВЕСА И ОБЪЕМА ЖИДКОСТЕЙ

Тонна=1,016047 метр. т.=62,028 пуда==20 центнеров
Центнер=50,802352 кг=112 торговым фунтам
Стон=6,354288 кг=14 торг. фунтам
Фунт=0,453591 кг=16 унциям
Унция (торговая)=28,349527 г
Галлон=4,5460 л=4 квартам
Кварта=1,13650 л=2 пинтам
Пинта=0,65825 л

ТЕМПЕРАТУРА

На шкале употребляемого до настоящего времени в Англии термометра Фаренгейта точка таяния льда (0° Цельсия) обозначена 32°, а точка кипения воды (100° Цельсия) 212°, т. е. 180 делений шкалы Фаренгейта равны 100 делениям шкалы Цельсия. Для перевода градусов Фаренгейта в градусы Цельсия пользуются поэтому следующей формулой: 5/9 (F—32), где F—найденная температура по термометру Фаренгейта; например, 77° Фаренгейта равны 25° Цельсия: 5/9. (77—32)=25.

1. В предисловии к первому тому «Zoology of the Voyage of the Beagle» (London, 1840) Дарвин сообщает по этому поводу следующее:

«По моем возвращении (в октябре 1836 г.) в Англию я оказался обладателем обширной коллекции предметов, относившихся к различным областям естественной истории; однако, вследствие того, что для публикации их необходимы были значительные средства, я был лишен возможности сделать их общеполезными.

Так как президенты Линнеевского, Зоологического и Геологического обществ высказали мне свое мнение о том, насколько полезным будет опубликование этих материалов, я обратился к Высокопочтенному Канцлеру казначейства. (Т. Спринг Райсу, эсквайру) с письмом, в котором сообщал ему об обстоятельствах, вследствие которых я надеялся, что могу отважиться ходатайствовать перед правительством о помощи. В ответ я получил сообщение (приводимое ниже), извещавшее меня, что Лорды казначейства в своей готовности содействовать науке намерены на определенных условиях предоставить мне самую щедрую помощь.

«Казначейская палата, 31 августа 1837 г.

Сэр,

Лордам казначейства ее величества с разных сторон было указано, что науке естественной истории была бы оказана великая польза, если бы возможно было предоставить Вам содействие в издании—в соответствующей форме и по доступной цене—результатов Ваших трудов в этой области науки, вследствие чего Лорды будут чувствовать себя вполне оправданными, дав свое согласие на предоставление суммы, не превышающей в целом одной тысячи фунтов, в помощь такого рода изданию, при том ясном и определенном условии, что сочинение будет издано, а таблицы будут гравированы тем способом, который наиболее подходит для широких кругов читателей,—что план работы будет предварительно сообщен Совету и утвержден им после консультации с теми лицами, которые бла-

годаря своему опыту в этой области науки наиболее способны дать по этому поводу совет Лордам казначейства,—и что платежи в счет названной суммы будут выплачиваться Вам время от времени на основании письменного удостоверения в том, что в гравировании достигнуты определенные успехи в соответствии с предварительно одобренным планом, как свидетельство того, что к печатанию уже приступлено. Поэтому Лорды приказали мне сообщить Вам точку зрения, которой они придерживаются в этом вопросе, и известить Вас, что они готовы действовать в соответствии с указанными ими условиями по получении от Вас сообщения о том, что Вы согласны приступить к работе над сочинением на вышеизложенных основаниях, и о том, какой способ печатания книги и гравирования таблиц Вы считаете наиболее действительным для достижения цели, которую Лорды имели в виду, утверждая платежи из государственного фонда на погашение расходов по изданию сочинения, о коем идет речь.

Я остаюсь,
Сэр, Ваш покорный слуга,
А. И. Спирмен.»

2. См. том II настоящего издания (Геологические работы Дарвина).

3. В предисловии к первому изданию (1839 г.) вместо второго и третьего абзацев приведенного предисловия ко второму изданию (1845 г.) Дарвин писал:

«Настоящий том содержит в форме дневника очерк тех наблюдений по геологии и естественной истории, которые, я полагаю, могут представить общий интерес. Так как первоначально было предположено дать более подробное описание, издание которого, однако, неизбежно задержалось, то я надеюсь, мне простят краткость и несовершенство некоторых частей. Я приложил список тех опечаток (частично они вызваны моим отсутствием в городе в то время, когда некоторые листы находились в печати), которые искажают смысл; я присоединил также дополнение, содержащее несколько новых фактов (особенно относящихся к теории переноса эрратических валунов), с которыми я случайно встретился в течение последнего года. Я надеюсь в скором времени опубликовать мои геологические наблюдения; первая часть их будет относиться к вулканическим островам Атлантического и Тихого океанов и к коралловым образованиям; вторая часть будет трактовать об Южной Америке. Несколько выпусков «Зоологии путешествия на „Бигле"», которые обязаны своим осуществлением бескорыстному усердию многих наших крупнейших натуралистов, уже вышли в свет. Эти сочинения не могли бы быть предприняты, если бы не щедрость Лордов казначейства ее величества, которые по предложению Высокопочтенного Канцлера казначейства были любезны предоставить тысячу фунтов для оплаты части расходов по изданию. Я повторил в настоящем томе мой рассказ о нравах некоторых птиц и четвероногих Южной Америки, так как полагал, что подобные наблюдения могут представить интерес для тех читателей, которые, вероятно, не пожелают обратиться к более обширному сочинению. Но я надеюсь, что натуралисты будут помнить, что здесь даны только краткие очерки многих предметов, которые будут впоследствии—или уже и в настоящее время—описаны с бо́льшей полнотой: так, например, заметки о странных ископаемых четвероногих из восточных равнин Южной Америки до крайности неполны, между тем как превосходное описание их, сделанное м-ром Оуэном, составляет в настоящее время первую часть «Зоологии путешествия на „Бигле"».

4. Это дополнение к предисловию предпослано Дарвином «новому изданию» 1860 г., текст которого ничем не отличается от второго издания (1845 г.). На титуле этого издания 1860 г. и не указано, что это третье издание, а значится лишь «десятая тысяча». Ссылки на страницы английского издания заменены ссылками на страницы настоящего издания.

5. «Война за независимость»—испанское и португальское буржуазно-революционное движение, направленное против французского владычества. Когда в 1808 г. французские войска под начальством Мюрата вторглись в Испанию и Наполеон посадил на испанский престол своего брата Жозефа, в стране началось восстание, поддерживаемое Англией. «Война» длилась до 1813 г., когда Жозеф вынужден был оставить Испанию. Аналогичные события происходили в это же время в Португалии.

6. Винтем—медная монета в 20 португальских и бразильских рейсов (т. е. во времена Дарвина—около $1^2/_5$ коп. в Бразилии и около $2^1/_2$ коп. в Португалии).

7. Влажность воздуха измеряется в полевых условиях при помощи гигрометра особого типа (так называемого психрометра), состоящего из двух термометров: один из них показывает температуру воздуха, другой—т. н. смоченный—точку росы, т. е. температуру, при которой происходит насыщение воздуха парами воды. Чем суше воздух и чем выше его температура, тем ниже точка росы, тем больше следовательно разница (в градусах термометра) между температурой воздуха и точкой росы.

8. В первом издании «Дневника» (1839 г.) весь этот абзац отсутствовал. Кратко сообщив о самом факте осаждения тонкой коричневой пыли в море на кораблях, Дарвин дает следующее объяснение этому явлению: «Я полагаю, что эта пыль образуется в результате выветривания вулканических скал и приносится, должно быть, с берегов Африки» («Narrative»..., том III, стр. 4). Повидимому, обнаружение в составе пыли раковинок каких-то микроскопических организмов побудило Дарвина обратиться за консультацией к Х. Г. Эренбергу, результаты исследования которого Дарвин и сообщает во втором издании, отказавшись от своей первоначальной точки зрения. Эренберг рассматривал, как известно, микроскопические организмы не как простейшие организмы, а как многоклеточных с дифференцированной системой органов. Применив ко всем этим организмам старинное название «инфузории», Эренберг под влиянием своей ошибочной теории включил в состав «инфузорий» не только всех простейших в нашем, современном смысле слова, но и диатомовые водоросли, коловраток, некоторых червей и даже сперматозоиды. Таким образом, «инфузорий», которых обнаружил Эренберг в присланной ему Дарвином пыли, не следует понимать в нашем смысле этого слова. Скорее всего речь идет об окремнелых оболочках диатомовых водорослей и ископаемых раковинках фораминифер.

Доклад, на который ссылается Дарвин в примечании, был в 1846 г. напечатан в журнале Лондонского геологического общества под названием «An Account of the fine Dust»... Перевод этой статьи см. во II томе настоящего издания.

Большой интерес представляет заключительная фраза абзаца («После этого нечего»...), написанная Дарвином уже в то время, когда он, работая над проблемой происхождения видов, интересовался вопросом о способах распространения организмов и заселения ими новых областей.

9. Арагонит ($CaCO_3$)—минерал, часто кристаллизующийся в форме тонких мелких игол.

10. Aplysia (морской заяц)—род моллюсков из класса брюхоногих; не имеет наружной раковины.

11. Physalia (морской пузырь)—кишечнополостное животное из подкласса сифонофор. Как известно, способность обжигать при помощи ядовитых стрекательных нитей, выбрасываемых при прикосновении особыми клетками наружных покровов, свойственна большинству кишечнополостных. Ожоги, производимые Physalia, действуют на кожу человека сильнее ожогов крапивы.

12. Octopus—осьминог. У Дарвина «Octopus, or cuttle-fish», т. е. «Octopus, или каракатица». Английское cuttle-fish (каракатица) в общежитии употребляется для обозначения головоногих вообще. Мы предпочли передать это через русское народное название осьминога—спрут.

13. Объяснение это устарело; механизм изменения окраски у головоногих, хамелеона и других животных сводится, как известно, к попеременному расширению и сокращению пигментных клеток с различного цвета зернышками пигмента.

14. Змеевик ($H_4Mg_3Si_2O_9$)—минерал зеленого цвета.

15. Nulliporae, или чаще Lithothamniae,—группа красных водорослей, отличающихся тем, что в оболочках клеток отлагается в большом количестве известь. В частности, литотамнион образует в морях на камнях плотные розоватые корочки.

16. Marchantiae, или Marchantiaceae,—семейство печеночных мхов.

17. Oliva (морская олива)—род тропических брюхоногих моллюсков с очень гладкой, блестящей, как бы полированной раковиной.

18. Фонолит—изверженная горная порода из группы полевошпатовых пород; состоит из двух родов кристаллов: немногочисленных крупных и окружающих их многочисленных мелких (так называемый микролитовый тип строения).

19. Сиенит—изверженная горная порода зернистого типа из группы полевошпатовых пород.

20. Рыба из семейства двузубов. Близкий к описываемому Дарвином вид—еж-рыба (*Diodon hystrix*). Проглоченный воздух входит не в «полость тела», как указывает Дарвин, а в особый мешок, соединяющийся с глоткой. Приводимое Дарвином сообщение д-ра Оллена о том, что проглоченный акулой диодон прогрызает желудок акулы и таким образом убивает ее, повидимому, не соответствует действительности. По крайней мере, ни проф. Л. С. Бергу, ни мне не удалось нигде найти данные, которые бы подтверждали это сообщение.

21. Confervae—пресноводные нитчатые зеленые водоросли из класса разножгутиковых. Описание, приводимое Дарвином, явно относится не к Confervae, а к синезеленым водорослям (Cyanophyceae), одним из немногих морских представителей которых и является упоминаемая далее Дарвином Trichodesmium.

22. Проф. Л. А. Зенкевич полагает, что «мельчайшие животные», описание которых Дарвин далее приводит, это скорее всего так называемые трохофорные личинки каких-то кольчатых червей или похожие на них личинки (типа «veliger») моллюсков. Во времена Дарвина трохофора и veliger еще не были описаны. «Разрывы оболочек», так поразившие Дарвина, следует, повидимому, рассматривать как чисто механический результат помещения «животных» в каплю воды, где в силу изменения поверхностного натяжения такой эффект должен был иметь место.

23. Мелкие веслоногие рачки из семейства Calanidae, широко распространенные как в холодных, так и в теплых водах, действительно являются наряду с некоторыми мягкотелыми основной пищей китов. Наиболее известный северный представитель их—*Calanus finmarchicus;* подобно ему в южных районах Тихого океана *Calanus propinquus* образует громадные скопления красноватого цвета.

24. По мнению проф. Л. А. Зенкевича речь идет о таких колониальных формах радиолярий (подкласс корненожек), как Collozoum или Sphaerosoum. Помимо мелких вакуолей, капелек жира и пр. в протоплазме их живут в качестве симбионтов одноклеточные водоросли желтого цвета (Zooxanthella). Их-то и вакуоли Дарвин и мог принять за «яички двух родов».

25. Суккулентные растения, или суккуленты,—тип засухоустойчивых растений, у которых в качестве защитных приспособлений против избыточного испарения те или иные органы (листья, стебли) преобразуются в мясистые резервуары, заключающие большое количество влаги. Таковы, например, алоэ с мясистыми листьями, кактусы с мясистыми стеблями и редуцированными листьями, молочаи и др.

26. Limnaea, теперь Limnaeus (прудовик),—род пресноводных брюхоногих моллюсков из отряда легочных.—Solen (черенок)—род морских пластинчатожаберных моллюсков.—Mytilus (мидия)—род морских пластинчатожаберных моллюсков.—Ampullariae—пресноводные тропические улитки, род брюхоногих моллюсков.—Hydrophilus— жук-водолюб.— Эстуарии — воронкообразно расширенные устья рек.

27. Местность в юго-западной части Мексики.

28. Вампир (или кровосос)—род летучих мышей из семейства листоносов. Вопрос о питании вампиров кровью животных долгое время оставался спорным. По словам Брема, «дело разъяснилось и, строго говоря, вопрос... был решен только Дарвином». («Жизнь животных», том X, стр. 564, 4-е издание тов. «Деятель», С.-Петербург). См. также т. II настоящего издания, вводную статью Л. С. Берга.

29. Маниок (*Manihot utilissima*)—растение из семейства молочайных.

30. Fazênda (португ.)—ферма, поместье.

31. Canôa (исп.)—лодка туземцев Америки и Океании, сделанная из выдолбленного ствола дерева.

32. Капустная пальма (англ. Cabbage Palm)—название двух видов пальм *Euterpe oleracia* и *Euterpe edulis*; в окрестностях Рио де Жанейро растет вторая, первая распространена севернее.

33. Planaria (планарии), в настоящее время чаще—турбеллярии (Turbellaria), или ресничные черви,—наиболее просто организованный класс плоских

червей. Виды, с которыми имел дело Дарвин, относятся к так называемым трехветвистым турбелляриям (Triclada), подавляющее большинство которых живет в воде (чаще—пресной). Наземные формы—преимущественно тропические—обитают в сырых местах под листьями и т. п. Планарии—один из классических объектов по изучению явлений регенерации. Однако, после первых опытов над регенерацией у червей, производившихся различными учеными во второй половине 18 века, к ним вновь приступили в широких размерах, как известно, лишь в самом конце 19 века. Полузабытые наблюдения Дарвина над регенерацией, главным образом, тасманийского вида наземных планарий *(Planaria tasmaniana)* являются, таким образом, одной из первых попыток вернуться к этой важнейшей биологической проблеме уже в первой трети 19 века. Слова Дарвина «хотя все эти опыты давно уже известны» свидетельствуют о том, что он был знаком с опубликованными в 1822 и 1825 гг. работами Джонсона (J. R. Johnson, Observations on the genus Planaria, Phil. Trans. Roy. Society, 1822, part II, 437—447, и 1825, part II, 247—256) и даже ставил свои опыты в том же направлении, что и Джонсон. Последний установил, что некоторые планарии при разрезании их на две половины регенерируют до целого организма в срок от 14 до 19 дней; Дарвин обнаружил, что для *Pl. tasmaniana* этот срок еще больше, а именно 25 дней.

34. Ревуны (Mycetes, или Alouatta)—род цепкохвостых обезьян из подотряда южноамериканских широконосых обезьян.

35. Ягуарунди (*Felis yaguarundi*) — южноамериканский вид рода Felis (длина тела 55—60 см, хвоста—50—60 см).

36. Hyla (квакша)—род лягушек из семейства квакш, представленный в Южной Америке несколькими видами.

37. Нереиды (Nereidae)—морские черви из отряда многощетинковых кольчецов.—Кораллина—устаревшее название, которым во времена Дарвина обозначали мшанок, а также гидроидных полипов из класса гидромедуз (Hydromedusae—класс кишечнополостных животных); гидроидные (т. е. похожие на гидру) полипы—бесполое сидячее поколение гидромедуз (половое поколение—свободноплавающие медузы)—образуют в море обрастания на всяких подводных предметах (камнях, ракушках, водорослях, сваях и т. п.); во время путешествия Дарвин много раз возвращался к наблюдению над этими организмами; в настоящее время термин кораллина присвоен совершенно другим организмам—некоторым водорослям из группы Lithothamniae (см. выше примечание 15).—Pyrosoma (огнетелка)—род асцидий (одного из классов оболочников—Tunicata).

38. Хлебное дерево (Artocarpus), или яка, як-дерево,—род деревьев из семейства тутовых; плоды съедобны.—Манговое дерево (Mangifera)—дерево из семейства анакардиевых; дает съедобный плод-костянку («манго»). Оба дерева разводятся под тропиками.

39. Strongylus (в современной номенклатуре—Cyllodes)—род жуков из семейства блестянок (Nitidulidae). В современной зоологической номенклатуре название Strongylus присвоено одному из родов паразитических круглых червей (Strongylus—свайник).

40. Lepidoptera—чешуекрылые, или бабочки. Приводимое далее Дарвином деление бабочек на булавоусых (англ. Butterflies) и разноусых (англ. Moths) в настоящее время оставлено.

41. Coleoptera—жуки (жесткокрылые).—Carabidae—жужелицы.—Harpalidae—подсемейство жужелиц.—Мертвоеды—Silphidae.—Brachelytera, — повидимому, Дарвин имеет в виду жуков из семейства хищников (Staphylinidae), отличающихся обычно очень короткими надкрыльями; Rhyncophora (Rhynchophora?),—повидимому, Дарвин имеет в виду долгоносиков.—Chrysomelidae—листоеды.— Orthoptera—прямокрылые. —Hemiptera— полужесткокрылые.—Hymenoptera—перепончатокрылые.

42. Позднее, во второй половине XIX века, знаменитый французский энтомолог Фабр произвел подробнейшие наблюдения над поведением этих ос. См. его «Инстинкт и нравы насекомых», т. I—II, Петербург, 1898 и 1905.

43. Хотя уже Ламарк разделил в 1801 г. старый Линнеевский класс насекомых, равнозначный с типом членистоногих в современном понимании, на классы ракообразных, паукообразных и насекомых, однако, вплоть до середины 19 века под энтомологией нередко понимали учение о всех членистоногих. Это

находило отражение и в словоупотреблении того времени; так, «насекомыми» сплошь и рядом называли и пауков и многоножек. В этом смысле применяет довольно часто термин «насекомые» и Дарвин.

44. Epeira—крестовик.

45. В «Путевом дневнике «Дарвина за этим следуют зачеркнутые им строки: «Так как я очень плохо говорю по-испански, я возбуждаю большое сожаление, удивление и очень доброе отношение ко мне. Однако, мне кажется, что несколько человек составили себе представление обо мне как о порядочном Достерсуивеле». Дарвин имеет в виду героя романа Вальтер Скотта «Антикварий»: «Высокий, хмурый,неладно скроенный человек, увлекающийся научными вопросами, но,—по крайней мере, на мой невежественный взгляд,—обнаруживающий гораздо более самоуверенности, чем подлинного знания».

46. Banda Oriental (испанск. Восточная полоса)—старинное название Уругвая (собственно границы Banda Oriental были несколько шире современного Уругвая).

47. Пампасы (испанск. Pampa)—название равнинных степей в Южной Америке (главным образом, в Аргентине).

48. Гаучосы (испанск. gaucho)—своеобразная южноамериканская этническая группа, образовавшаяся в результате смешения испанцев с индейцами.

49. В настоящее время за всей группой американских страусов, образующих особый подотряд в отряде плоскогрудых птиц, укрепилось название нанду (Rheae).

50. Начальные слова католической молитвы, обращение к богородице, с чем и связан дальнейший ответ хозяина.

51. Aspalax или Spalax—слепыш.

52. Тукутуко был открыт и впервые описан Дарвином. В первом издании описание заканчивалось перед фразой: «Ламарк был бы восхищен»... Отсюда и до конца все добавлено Дарвином в издании 1845 г., когда, очевидно, Дарвин, более основательно познакомившись с Ламарком, склонялся к принятию теории упражнения и неупражнения органов, включая ее в рамки действия естественного отбора (см. том III, Происхождение видов, глава V). Цитируемое место «Философии зоологии» в русском переводе (Москва, 1935): стр. 191.

53. Molothrus (коровьи трупиалы)—род птиц, близкий к скворцам.

54. Описываемые далее Дарвином под общим названием «американских стервятников» птицы относятся к двум совершенно различным семействам отряда дневных хищных птиц. Кондор, гриф-индейка и галлинасо являются основными представителями семейства американских грифов, выделяемого в особый подотряд. Каракары образуют группу родов, близкую к ястребам. До настоящего времени главнейшие сведения об образе жизни всех этих птиц основаны преимущественно на наблюдениях Дарвина.

55. Конкиста (чаще, хотя и неправильно, пишут—конквиста)—буквально завоевание, период, в течение которого испанцы и португальцы захватили Центральную и Южную Америку, т. е. XVI век.

56. Касик (исп. cacique)—вождь индейского племени.

57. Дарвин включает в «Сибирь» прикаспийскую низменность, о соленых озерах которой, описанных Палласом, он дальше и говорит. Соленоводные ракообразные, водящиеся в этих озерах,—*Artemia salina* и *Diaptomus salinus*,—действительно живут при чрезвычайно высокой концентрации раствора соли. Artemia называют даже на юге СССР «соляной маткой», «так как ее появление предшествует осаждению соли» (С. А. Зернов, Общая гидробиология, стр. 186, Москва, 1934).

58. Напиток, приготовляемый из листьев дерева *Ilex paraguariensis*, содержащих кофеин («yerba de Maté», «парагвайский чай»).

59. Агути (Dasyprocta), или золотой заяц,—род особого семейства грызунов, близкого к морским свинкам (Cavia), с которыми раньше их соединяли в один род. Отсюда и устаревшее латинское название (*Cavia Patagonica*), которое приводит Дарвин.

60. Селитренный. См. по этому поводу то, что говорит Дарвин ниже (в этой же главе, стр. 73).

61. Сорильо (*Conepatus suffocans*) и скунс, или вонючка (*Mephitis mephitis*),—не синонимы, как пишет Дарвин, а названия двух разных животных из семейства куниц, принадлежащих к различным родам.

62. Все эти южноамериканские ископаемые млекопитающие, открытие и изучение которых Дарвином сыграло, как известно, важнейшую роль в формировании его эволюционных воззрений, относятся к следующим систематическим группам. Мегатерий, мегалоникс, сцелидотерий и милодон входят в состав двух семейств гигантских ленивцев третичного периода—предков современных ленивцев южноамериканских лесов; как и современные ленивцы, эти ископаемые гиганты были лишены резцов и клыков («неполнозубые») за исключением более древнего мегалоникса, у которого клыки еще имеются. Макраухения—представитель особого семейства вымерших южноамериканских непарнопалых, стоящего между лошадьми и носорогами. Токсодона в настоящее время относят к особому отряду южноамериканских копытных, среди которых имеются виды (в том числе и токсодон), действительно напоминающие по составу и характеру своих зубов грызунов; однако, они не являются родственниками последних. См. также главу VIII.

63. Testacea—старинное название, которым обозначали всех беспозвоночных животных (моллюски, некоторые корненожки), имеющих раковину. В настоящее время это название оставлено только за одной группой амеб (корненожек), покрытых раковинкой.

64. Карры, или карровые поля,—пустынные каменистые местности, изборожденные рытвинами и углублениями; образуются в результате процессов выветривания известняков.

65. В современной системе птиц южноамериканские зобатые, или перепелиные, бекасы (Thinocorythidae) выделяются в особое семейство отряда ржанкообразных, т. е. сближаются с бекасами, но отнюдь не с перепелкой, принадлежащей к отряду курообразных.

66. У Дарвина буквально: «рептилий». Мы предпочли перевести здесь это слово русским термином «гады», обнимающим амфибий и рептилий.

67. Т. е. «диавольской».

68. Lamellicornia—пластинчатоусые жуки; Heteromera—разноногие жуки— в некоторых старых системах жуков—подотряд, характеризующийся различным количеством члеников в лапках.

69. Зоофиты—животно-растения. Старинный термин, которым обозначали животных, внешне напоминающих растения (прикрепленность к субстрату, ветвистость тела и т. п.). Еще в середине XIX века термин удерживался как общее название кишечнополостных и иглокожих животных. Позднее он утерял свое значение и ныне не употребляется.—Морские перья (Pennatulidae)—отряд восьмилучевых кораллов.

70. Строфа из IX песни «Одиссеи» (стихи 371—375: Одиссей у Циклопа). Циклоп съел двух спутников Одиссея, после чего Одиссей напоил Циклопа вином, и

> Тут повалился он навзничь, совсем опьянелый; и на бок
> Свисла могучая шея и всепобеждающей силой
> Сон овладел им; вино и куски человечьего мяса
> Выбросил он из разинутой пасти, не в меру напившись.
> (Перевод В. А. Жуковского)

71. Прав Ширдель, а не Дарвин: Буэнос Айрес основан в 1535 г.

72. Образ этот навеян Дарвину поэмой Байрона «Мазепа». Бежав вместе с Карлом после Полтавского поражения, Мазепа рассказывает Карлу, как в юности он влюбился в молодую жену одного магната; тот, узнав об этом, схватил Мазепу и, раздев его донага, привязал к молодому необъезженному коню. Конь с беспомощным, прикрученным ремнями к его спине в лежачем положении Мазепой, умчался в степь.

73. Все три вида, которые называет Дарвин, не являются куропатками, а лишь несколько похожи на них. Тинаму принадлежат к особому отряду, который сближают с отрядом курообразных; Eudromia—вид куликов.

74. Чибис по английски peewit (произносится пи́-уит).

75. Колониа—провинция Уругвая на северном берегу Ла Платы.—Саванны (испанск. Sabana)—травянистые равнины с немногочисленными деревьями.

76. Кардон, или испанский артишок,—растение из сем. сложноцветных, с сочными, съедобными черешками листьев. Разводится в теплых странах.

77. Во втором томе «Основных начал геологии», в главе XXXVII («Законы, управляющие географическим распределением видов»), Ляйелль разбирает ряд данных относительно изменения состава растительности и акклиматизации растений и приходит к выводу, что «человек самый сильный деятель в расширении географических пределов известных растений» и что «он так же силен и в ограничении их. Он содействует миграции одних и замедляет миграцию других видов, так что в одно и то же время он, с одной стороны, употребляет все свои усилия к слиянию и смешению туземных видов различных областей, а, с другой стороны, служит орудием, препятствующим слиянию в одну группу обитателей смежных областей». (См. Основные начала, перевод А. Мина, том II, стр. 333, Москва, 1866.)

78. Пекари—род американских диких свиней.

79. Ombu—южноамериканское (испанское) название дерева *Phytolacca* (*Pircunia*) *dioica*. Небольшие деревья с крупной листвой. Родина—Аргентина (северные районы пампасов) и Перу. Как декоративные разводятся в средиземноморской области.

80. *Calodera maculata* (вернее *Chlamydera maculata*), или пятнистая воротниковая беседочница,—вид беседковых птиц, или шалашников,—группы родов из семейства райских птиц. Шалашники строят в брачный период обширные постройки, «беседки», украшенные пестрыми и яркими предметами.

81. Шренк фон Нотцинг высказал предположение, что нагромождение вискашами твердых предметов у входов в их норы служит им для ориентировки в совершенно лишенной деревьев однообразно ровной пампе.

82. Saladillo (испанск.)—соленый.

83. *Synetheres prehensillis*, или куанду,—южно- и среднеамериканский грызун из семейства дикобразов.

84. Кинкажу (Cercoleptes), или цепкохвостый медведь,—небольшой американский медведь из группы Procyoninae (енотовых).

85. Didelphys—сумчатая крыса, или двуутробка. К тому же роду относится и упоминавшийся Дарвином выше опоссум.

86. Геологический термин, обозначающий сцементированные в одну массу обломки минералов, горных пород или костей животных.

87. Silurus—сом. Армадо (*Plecostomus commersoni*) принадлежит к сомовым рыбам, но не является видом рода Silurus, а входит в состав особого семейства Loricariidae.

88. Mactra—моллюск из класса пластинчатожаберных.

89. Monte Video (испанск.)—собственно «оживленная гора» (зеленый по-испански verde).

90. В 1817 г. португальско-бразильский король Дон Жуан напал на Уругвай и присоединил его к Бразилии. В 1828 году в Уругвае началось восстание против бразильского владычества, и при поддержке Аргентины Уругвай добился признания своей независимости Бразилией.

91. Rincon (испанск.)—угол.

92. Старинная французская серебряная монета, уничтоженная с введением метрической системы. Во многих романских странах ливр (libra) имел обращение до середины 19 века.

93. Оба абзаца о породе ньята в издании 1839 года отсутствуют и впервые появляются в издании 1845 г. Рогатый скот Южной Америки ньята, впервые описанный Дарвином, был ошибочно принят им за породу. Мопсоголовость ньята, выражающаяся в укорочении лицевой части черепа, представляет собой наследственное дегенеративное изменение. Прекрасное описание Дарвина с поразительной ясностью демонстрирует роль естественного отбора, ведущего к вымиранию особей с ньятообразной формой черепа и челюстей в засушливые годы; наоборот, вмешательство человека, применяющего искусственное кормление, уничтожает гибельное значение дегенеративного признака (Л. Адамец, Общая

зоотехния. Перевод под редакцией проф. М. С. Карпова. Изд. 3-е. Стр. 99. Москва—Ленинград, 1933).

94. Личная гвардия египетских султанов.

95. Доллар (бумажный). В первой трети 19 века в латинских странах Южной Америки имел хождение так называемый банковский доллар стоимостью в 0,5 шиллинга.—Крона—португальская и бразильская золотая монета в 10 мильрейс (около 10 зол. рублей).

96. Бабочка из семейства белянок.

97. Красотел—жук из семейства жужелицевых (Carabidae).

98. *Vanessa* (*Pyrameis*) *cardui*—репейница. Описано несколько случаев миграций репейницы, причем во время таких перелетов эта бабочка образовывала громадные скопления во много сотен тысяч особей. Ляйелль объясняет этим «инстинктом миграций» репейницы ее широкое географическое распространение при почти полном отсутствии у нее местных, локальных форм. См. «Основные начала», том II, стр. 367—368, Москва, 1866.

99. Thomisidae (бокоходы)—семейство двулегочных пауков из группы бродячих пауков.

100. Citigrada, или Saltigradae (бегуны),—другое семейство из той же группы бродячих пауков.

101. Argyroneta—водяной паук.

102. Crustacea—ракообразные.

103. Beroë (морской огурец)—род кишечнополостных животных из класса гребневиков.

104. Pteropoda (крылоногие)—класс моллюсков.—Radiata (лучистые)—один из типов животных в системах Ламарка и Кювье; сюда входили губки, кишечнополостные, иглокожие, внутренностные (плоские) черви и инфузории; в настоящее время термин потерял свое научное значение.—Бониты (*Thynnus pelamys*) и альбикоры (*Thynnus alalonga*)—два вида макрелевых рыб из рода тунцов; первая до 80 см, вторая—до 1 м длиной; хищники, охотятся за мелкими, собирающимися в стаи рыбами; подобно дельфинам выпрыгивают из воды.

105. Во времена Дарвина учение о планктоне и о пищевых взаимоотношениях организмов в море оставалось еще совершенно неразработанным. Лишь значительно позже (в последней четверти XIX века) началось развитие гидробиологии. В настоящее время гидробиологами установлены уже во многих случаях точные пищевые ряды, начиная от «первопищи»—растительного планктона, водорослей и других водных растений или же детрита (продукта разложения растительных веществ)—и кончая (через более или менее длинный ряд членов) тем или иным хищником. Схема пищевых взаимоотношений очень сложна и обнаруживает взаимозависимость между весьма отдаленными на первый взгляд организмами. Количество микроскопических животных и растений, пассивно плавающих в толще морской воды (планктон), громадно, причем особенно больших размеров оно достигает в холодных водах. См., например, С. А. Зернов, Общая гидробиология, главы 10 и 11, Москва, 1934.

106. Эренберг в своей работе «Das Leuchten des Meeres» («Abhandlungen der Königlichen Academie der Wissenschaften», Berlin, 1834) доказывал, что свечение моря вызывается не физическими агентами, как предполагало большинство ученых того времени, а активным свечением некоторых организмов («инфузорий» в понимании Эренберга, см. выше примечание 8-е), причем полагал, что «производящие свет органы суть или самые яичники, или части, находящиеся с ними в ближайшей связи» (С. Куторга, Естественная история наливочных животных, стр. 62—66). В основном Эренберг был прав: свечение моря, как установлено в настоящее время, вызывается рядом планктических организмов. Сущность свечения еще не вполне ясна. Светятся и многие организмы на глубине, а не только у поверхности моря. Многие организмы светятся и после высушивания при смачивании водой. Таким образом, все наблюдения Дарвина очень точны.

107. *Theristicus melanops* (или *T. leucocephalus*)—хагедаш—обитатель восточной Африки. Повидимому, речь идет о представителе какого-то другого рода из семейства ибисов.

108. Non can reply—all seems eternal now.
The wilderness has a mysterious tongue,
Which teaches awful doubt.

Буквально:

Никто не сумеет ответить—все кажется теперь вечным.
Пустыня владеет таинственным языком,
Который внушает ужасное сомнение.

Приведенный в тексте стихотворный перевод, довольно близкий к английскому подлиннику, заимствован нами из Филипповского издания сочинений Ч. Дарвина (том III, стр. 125, СПБ, 1896). Переводчик стихов Шелли не указан.— Бальмонт в своем переводе сочинений Шелли (Шелли, Полное собрание сочинений, в переводе К. Д. Бальмонта. Новое трехтомное переработанное издание) дает следующий вольный перевод этих трех строк:

Кто скажет! Кто поймет! Теперь вокруг
Все кажется от века неизменным.
Раскинулась пустыня и молчит,
Но у нее есть свой язык чудесный,
Одним угрозой страшной он звучит,
Другим несет он веры дар небесный...

(Монблан. Стихи, написанные в долине Шамуни. Том I, стр. 23, СПБ, 1903).

109. Colymbetes—род жуков-плавунцов.—*Cicindella hybrida*—вид плотоядных жуков из семейства скакунов, близкого к жужелицам.—Cymindis и Harpalus—роды жуков из семейства жужелиц.

110. Pachydermata (толстокожие)—в классификации млекопитающих времени Дарвина—отряд, объединявший слонов, носорогов, бегемотов и свиней. В современной систематике не признается. О макраухении и ее систематическом положении см. примечание 62.

111. Дарвин неправ, сближая эти формы. См. примечание 62.

112. См. Buffon, Histoire naturelle, tome VI. Des époques de la nature (Cinquième époque), Paris, 1779.

113. См. Ляйелль, Основные начала геологии, том II, стр. 408, Москва, 1860.

114. Последние два абзаца (начиная от «Рассматривая, однако, предмет с другой точки зрения» и до конца главы) впервые были написаны Дарвином для издания 1845 г. В них, правда еще с чрезвычайной осторожностью, изложены уже идеи, всецело захватившие Дарвина в эти годы (набросок «Происхождения видов» 1844 г. был уже написан!). Наоборот, в издании 1839 г. вместо этих абзацев мы находим следующее:

«Я хочу добавить только еще одно. Мы видим, что целые ряды животных, каждое из которых получило при сотворении особого рода организацию, были ограничены [в своем распространении] определенными областями; и вряд ли мы можем предположить, что эти структуры являются всего лишь приспособлениями к особенностям климата или местности; ибо в противном случае животные, принадлежащие к другому типу и введенные человеком, не могли бы столь удивительно преуспевать, вплоть даже до уничтожения аборигенов. В силу этого вовсе не должно казаться столь уже обязательным заключение, что вымирание видов в большей мере, чем их сотворение, должно исключительно зависеть от природы (изменившейся в силу физических перемен) их родины. Все, что в настоящее время можно сказать с уверенностью, это то, что как в отношении индивидуума, так и в отношении вида—час жизни пришел к концу и иссяк». («Narrative», том III, стр. 212).

115. Точное название этого журнала «Magazine of Natural History and Journal of Zoology», conducted by J. C. Loudon. Vols. 1—9, London, 1829—36.

116. Дрок—общее название нескольких видов кустарников из семейства бобовых.

117. Эрратические (блуждающие) валуны—обломки гранита и других горных пород, перенесенные ледниками на большое расстояние от места своего образования. Нахождение эрратических валунов в местах, очень отдаленных

от горных стран, являлось долгое время загадкой, разрешение которой дала ледниковая теория: в ледниковые периоды гигантские ледники, распространившиеся с севера и покрывшие три четверти Европы, принесли с собой из Скандинавии обломки горных пород. Эти обломки при отступании (таянии) ледников остались на месте.—Заключительная фраза этого абзаца в издании 1839 г. отсутствует. См. примечание 143.

118. «Мы были не менее охвачены изумлением при виде неисчислимого количества камней всех размеров, нагроможденных одни на другие и все же расположенных таким образом, будто бы они были небрежно брошены с целью заполнить овраги. Не перестаешь изумляться грандиозным проявлениям деятельности природы».

119. Туссок (у Дарвина—tussuck)—местное название растения *Dactylis caespitosa*,—многолетний кустарник вышиной 5—6 футов из семейства злаков. Туссок—великолепный корм для скота; одичавший на Фальклендских островах рогатый скот уничтожал туссок столь быстро, что он скоро исчез бы, если бы колонисты не начали искусственно разводить его (см. Ионин А., Фальккландские острова, в сборнике «Америка» А. Крубера, С. Григорьева и др., Москва, 1917).

120. Вся последняя, подчеркнутая Дарвином фраза, добавлена им в издании 1845 г.

121. Кораллина—см. выше примечание 37. В данном случае под именем кораллин Дарвин описывает не гидроидных полипов, а мшанок. Обростая, так же как и полипы, различные подводные предметы, мшанки лишь внешне напоминают полипов,—в действительности же это очень далекие друг от друга группы животных. «Ястребиные головки»—это специализированные особи полиморфных колоний мшанок, так называемые авикулярии, несущие в колонии защитную функцию. Такую же функцию несут и «щетинки», или вибракулярии, иначе специализированные особи мшанок. Способность колоний некоторых мшанок единообразно реагировать на то или иное раздражение объясняется наличием у них—помимо индивидуальной нервной системы—еще особой, общей или колониальной нервной системы.—Clytia—гидроидный полип.

122. У Дарвина собственно «compound», т. е. составной, сложный. Во избежание двусмысленности мы перевели здесь это слово словом «колониальный», так как речь идет именно о колониальных организмах в противоположность одиночным.

123. «Фрейшютц» («Волшебный стрелок»)—пользовавшаяся огромным успехом в двадцатых годах XIX века опера К. М. Вебера (1786—1826), немецкого композитора. «Фрейшютц»—наиболее крупное оперное произведение романтического стиля; фантастика сюжета сочетается в ней с выразительностью, легкостью и мелодичностью музыки. Дарвин видел постановку «Фрейшютца», когда учился в Эдинбурге.

124. Это утверждение Дарвина, конечно, совершенно неправильно. Вообще все, что говорит Дарвин об огнеземельцах, полно противоречий и неправильного толкования фактов. См. об этом в вводной статье к этому тому.

125. Button (произн. бэтн)—по английски пуговица.

126. Дарвин имеет в виду неспособность маленьких детей к выбору между двумя представлениями: представления не сосуществуют в уме ребенка, а «чередуются», одно вытесняет в данный момент другое. Конечно, к огнеземельцам это не имеет в действительности отношения.

127. *Drimys Winteri* (англ. Winter's Bark—Винтерова кора)—дерево из семейства магнолиевых, распространено по всему западному склону Андов, от Колумбии до мыса Горн. Кора («Магелланова корица») в Чили используется в медицине.

128. Дёргем (Durham)—графство в Англии, под 55° сев. широты.—В середине января 1769 г. Кук во время первого своего плавания на судне «Усердие» остановился у этого же места на Огненной Земле. Его спутники Иосиф Бенкс и ботаник д-р Соландер отправились в экскурсию за сбором растений. Их сопровождали астроном Грин, хирург Монгауз и несколько матросов. В пути их застигли сильнейшая вьюга и мороз. Два негра-матросы погибли, остальные участники экскурсии вернулись на корабль лишь через два дня, причем особенно пострадал Соландер.

129. Морское яйцо (*Ovulum ovum*)—брюхоногий моллюск с яйцевидной молочно-белой раковиной.

130. В меморандуме Бофорта Фиц Рою мы находим следующее любопытное место, представляющее официальную инструкцию по вопросу о том, как следует держать себя по отношению к «дикарям» («Narrative»..., том II, стр. 39—40):

«Описание каждого путешествия в Тихий океан изобилует доказательствами того, насколько необходимо быть постоянно готовым к незначительным предательствам и к более дерзким нападениям со стороны туземцев. Следует помнить, что они—всего лишь робкие и беспомощные создания первозданных времен, но что многие из них ныне обладают огнестрельным оружием и боевыми припасами, и вполне искусны в обращении с ними. Спокойствие и бдительность—лучшие предохранительные средства против оскорблений и недоразумений, которые слишком часто кончаются стычками с фатальным исходом; и подлинная стойкость даст возможность избегнуть незначительных препятствий там, где упрямство обязательно прибегнет к применению силы; ибо было бы весьма достойным сожаления, если бы экспедиция, посвященная благороднейшей цели, приобретению знаний, запятнала себя хотя бы единственным враждебным действием».

131. В «Путевом дневнике» Дарвин, описывая эту встречу, выражается так: «Эта встреча была не так интересна, как встреча между двумя лошадьми в поле». Характерно, что и Фиц Рой использует этот же образ: «Животные обнаруживают при встрече гораздо более воодушевления и интереса друг к другу, чем было проявлено [огнеземельцами] при этой встрече» (Voyages of the Adventure and Beagle, vol. II, p. 209). Очевидно, такого рода суждения об огнеземельцах были общепринятыми среди членов экспедиции.

132. Описывая подробно этот случай, Фиц Рой указывает, что Дарвин первый бросился спасать боты: «... если бы не м-р Дарвин и два или три матроса, которые мгновенно побежали к ним, они были бы потеряны для нас безвозвратно» (Voyages of the Adventure and Beagle, vol. II, p. 217). На той же странице, несколькими строками ниже, Фиц Рой пишет: «На следующий день (30-го) мы вступили в обширное пространство воды, которое я назвал Проливом Дарвина,—по имени моего однокашника, шедшего с такой готовностью навстречу неудобствам и опасностям длительного перехода в небольшом перегруженном боте». Со свойственной ему скромностью Дарвин обо всем этом ничего не говорит.

133. Они относятся к «величайшим произведениям человеческого искусства так же, как к законам и явлениям природы».

134. Эскимосы живут летом в шатрах, покрытых оленьими или тюленьими шкурами; зимой—в снеговых куполообразных хижинах («иглу») или в землянках с земляной крышей. Очевидно, последние Дарвин и называет «подземными лачугами».

135. Бумеранг—метательный деревянный снаряд (оружие) австралийцев, устроенный таким образом, что, брошенный вперед, он приобретает винтообразное движение и возвращается к месту, откуда был брошен.

136. Icterus (желтушник)—род птиц из семейства трупиалов (близкого к скворцам). Opetiorhynchus (в современной номенклатуре—Furnarius)—род воробьинообразных птиц из подсемейства печников (Furnariinae), распространенного от Панамы до Огненной Земли. Furnariinae входят в состав семейства древолазов.—По поводу Scytalopus и Oxyurus см. примечание 162.

137. Здесь, как и повсюду в других местах книги, Дарвин под пресмыкающимися (Reptilia) понимает как рептилий, так и амфибий, т. е. его «Reptilia» равно старинному русскому термину «гады».

138. Succinea (янтарка)—род пресноводных моллюсков из класса брюхоногих.

139. Macrocystis—одна из самых крупных (до 200 м в длину) бурых водорослей из отряда ламинариевых.

140. Фукусы—отряд бурых водорослей.

141. Грюнштейны, чаще называемые зеленокаменными породами, представляют собой продукты метаморфизма эффузивных пород (порфиров, диабазов,

идезитов и др.) и их туфов; при этом процессе появляются большие количества вторичных зеленого цвета минералов (хлорит, актинолит, эпидот).

142. Вандименова земля—одно из названий острова Тасмания.—Оклендские острова расположены на юго-запад от Новой Зеландии. Еще южнее в том же направлении находятся острова Маккуари.

143. Как здесь, так и в других местах книги (см. описание экспедиции вверх по реке Санта Крус и рассуждение о «каменных потоках» на Фальклендских островах) Дарвин доказывает, что перенос валунов водой немыслим (тем самым он вступает в полемику с «нептунистами», объяснявшими явление эрратических валунов «наводнениями») и что единственным объяснением является теория переноса их а й с б е р г а м и. Правда, он допускает перенос валунов на небольшие расстояния л е д н и к а м и, однако он еще очень далек от того, чтобы приписать этой деятельности ледников универсальное значение и продолжает подчеркивать универсальность своей теории переноса валунов айсбергами. Отдельные ученые приближались к высказыванию ледниковой теории, начиная с 1802 г. Но только с августа 1837 г., когда Луи Агассиц сделал свой доклад по этому вопросу на Съезде немецких врачей и естествоиспытателей в Невшателе, теория начинает быстро распространяться. В 1840 г. к ней примыкают Бёкланд и Ляйелль, а в 1842 г. Дарвин в письме к Трайтену полностью высказывается за эту теорию. Во втором издании «Дневника» (1845 г.) это уже получило отражение как включением последней фразы абзаца о «каменных потоках» на Фальклендских островах (см. примечание 117), так и той фразой, к которой сделано настоящее примечание.

144. Птица из рода щевриц.

145. Rodear (испанск.)—сгонять скот (в одно место); rodeo—загон для скота.

146. «Водопой гуанако» (agua—испанск.—вода).

147. Корнуол—графство на крайнем юго-западе Англии. Здесь имеются многочисленные месторождения олова, издавна разрабатываемые.

148. Rex (латинск.)—король. Рудокоп принял слово «rex» за фамилию английского короля Георга IV, умершего в 1830 г. Ганноверская династия, к которой принадлежал Георг IV, физически вырождалась. Георг III, психически больной, умер в 1820 г. Еще при его жизни в качестве принца-регента правил его старший сын Георг IV, пьяница и развратник. Остальные шесть сыновей Георга III также приобрели печальную известность необузданным пьянством, картежной игрой и исключительной жестокостью. Старший из них, герцог Кларенс, царствовал с 1830 по 1837 (Уильям IV), а в 1837—после его смерти—на престол вступила знаменитая Виктория, его вторая дочь.—Шутка Дарвина основана на том, что в XVIII и XIX веках часто в конце книги ставили латинское слово «Finis» (конец), которое люди, не знавшие латинского языка, принимали за фамилию автора.

149. Портовый город в Уэльсе (Англия).

150. Опунции—кактусы с плоскими или листообразными стеблями.

151. Cueva del Obispo (испанск.)—пещера епископа.

152. Pteroptochos (или в настоящее время Hylactes)—род птиц, принадлежащий к особому семейству воробьинообразных птиц. Заключение Дарвина о том, что тюрко «связывает до некоторой степени дроздов с отрядом куриных», основано на чисто внешнем сходстве; по существу же это очень далекие в родственном отношении группы. См. прим. 162.

153. El famoso Corcovado (испанск.)—великолепная гора (собственно—изогнутость, кривизна).

154. Лигнит—разновидность бурого угля, отличающаяся преобладанием древесины, подвергшейся еще настолько незначительному изменению, что форма и строение ее сохраняются и видны при внешнем осмотре. Лигнит залегает очень неглубоко и пласты его переслаиваются с глинами и песками.

155. Gunnera—род многолетних травянистых растений, принадлежащих к особому семейству отряда миртовых. Распространены исключительно в Южной Америке и в Австралии. Сходство с ревенем чисто внешнее, так как последний принадлежит к очень далекому от миртовых отряду гречишных.

156. Alerce (испанск.)—лиственница. Однако, Alerce это не лиственница и

не сосна, как пишет Дарвин, а особый род громадных (до 30 метров высоты) хвойных деревьев, носящий в настоящее время название Fitzroya. В роде Fitzroya имеется всего два вида, из которых один (*F. patagonica*) распространен в Южном Чили, а другой (*F. Archeri*)—в Тасмании.

157. Astelia—род растений из подсемейства драконниковых (Dracaenoideae) семейства лилейных. Распространен в южном полушарии, во влажных лесах, по большей части на ветвях деревьев. Некоторые виды (*A. Cunninghamii, A. Banksii*) культивируются как декоративные растения.—Donatia—род растений из семейства камнеломковых (Saxifragaceae). 2 вида: один *D. Novae Zeelandiae*, Hook.)—на горах Новой Зеландии, другой *(D. fascicularis Forst=D. Magellanica)*—в южном Чили и на Огненной Земле.

158. Myrtus (мирт)—род растений из отряда миртовых.—Empetrum (воронник)—род растений из отряда Celastrales. Juncus (ситник)—род растений из отряда лилейных.

159. Staphylinidae (жуки-хищники)—семейство разноядных жуков.—Pselaphus—род жуков из семейства Pselaphidae (ощупники), близкого к предыдущему.—Telephoridae—прежнее название жуков-мягкотелок (Cantharididae).

160. *Myopotamus coypus* (теперь *Myocastor coypus*)—болотный бобр, или бобровая крыса, грызун из семейства осьмизубых. Мех известен под названием «нутрии».

161. Морской выдрой обычно называют камчатского «бобра», или «котика». «Морские выдры» Дарвина принадлежат к какому-нибудь виду рода Lutra или какого-либо близкого к последнему другого рода. Хотя род Lutra носит название «речная выдра», но многие виды, живущие по берегам морей, отлично охотятся за своей добычей в соленой воде.

162. Описанные Дарвином на стр. 202, 228, 243, птицы родов Opetiorhynchus, Pteroptochos, Scytalopus и Oxyurus (=Aphrastura) относятся в настоящее время к подотряду одноголосых (Clamatores) воробьинообразных птиц. Эти роды, принадлежащие к семействам Dendracolaptidae (Opetiorhynchus и Oxyurus) и Pteroptochidae (Scytalopus, Pteroptochos), свойственны исключительно Южной Америке. Многочисленные виды их отличаются разнообразным поведением: одни напоминают европейских пищух, другие более похожи на корольков, третьи—на дроздов. Но сходство это чисто внешнее, так как в системе птиц они стоят друг от друга очень далеко. Дарвин, называя Scytalopus корольком (wren), а Oxyurus—пищухой (creeper), пользуется названиями этих более знакомых птиц для того, чтобы дать читателю представление об описываемых им птицах, отнюдь не ставя между ними знака равенства, как это видно из всего изложения. Впрочем, сходство тюрко (*Hylactes megapodius*) с дроздами и куриными ввело Дарвина в заблуждение относительно систематического положения этих птиц (см. примечание 152). См. также примечание 136.

163. Нам не удалось в точности выяснить, к какому именно растению может относиться название «chepones». Возможно, что это *Greigia sphacelata*, вид бромелиевых, близкий к бромелии и носящий в Чили название «chupon» (см. Engler und Drude, Die Vegetation der Erde. Band VIII, Reiche, Flora von Chile).

164. «Нужда—мать изобретения».

165. «Обращены в христианство».

166. Иаков (Джемс) I (1566—1625), король Англии, Ирландии и Шотландии, сын Марии Стюарт.

167. «Да воздаст Вам бог!»

168. Революционное движение в Чили, направленное, как и в других южноамериканских колониях Испании, против испанского владычества, возглавлялось городской буржуазией и землевладельцами. В 1817 г. вспыхнула революция, в результате которой была объявлена независимость Чили.

169. «Милосердие!»

170. См. Narrative of the surveying Voyages of H. M. S. Adventure and Beagle, between the years 1826 and 1836, vol. II, Proceeding of the second Expedition, 1831—1836, under the command of Captain Robert Fitz-Roy. R. N., London. 1839 (глава XVIII, стр. 402—418).

171. Имеется в виду страшное землетрясение 1 ноября 1755 г., разрушившее Лиссабон и ряд других городов в Португалии и распространившееся на пространство в 700 000 географических миль. Во многих местах этой области землетрясение выразилось усиленным волнением у берегов.

172. Погонщик вьючных животных.

173. Жилы с параллельными поверхностями, пересекающие основные горные породы.

174. Valle de Yeso—Долина гипса.

175. Денудация—процесс выветривания, разрушения и сноса горных пород атмосферными агентами (ветром, дождем, снегом, льдом), а также реками и морем.

176. Эта водоросль, окрашивающая снег в красный цвет, принадлежит не к отряду Protococcales, а к другому, близкому к нему отряду Chlamydomonadinaceae. Ее современное название *Chlamydomonas (Sphaerella) nivalis.*

177. Не совсем понятно, почему Дарвин называет Мендосу республикой. Мендоса до 1776 г. составляла провинцию Чили, а после этого года была присоединена к Аргентине (в то время Провинции Ла Платы) в качестве провинции с главным городом Мендосой.

178. Portillo (испанск.)—брешь, трещина, узкий проход.

179. Собственно travesia (испанск.)—пустыня.

180. В Южной Америке гигантские скопления образует чаще всего *Schistocerca paraensis*, вид, принадлежащий к другому роду, нежели восточная саранча *Locusta migratoria*. Название Gryllus в настоящее время оставлено только за родом сверчков.

181. Alameda (испанск.)—бульвар.

182. Араукариевые (Araucariae)—группа деревьев из семейства хвойных, немногочисленные виды которой распространены исключительно в Южной Америке и Австралии. Ископаемые стволы, подобные тем, о которых пишет Дарвин, принадлежат по большей части вымершему дереву Walchia, древесина которой по своему строению вполне сходна с древесиной араукарий (так называемая древесина араукариоидного типа). Вальчия является древнейшим из известных в настоящее время представителей хвойных. Остатки ее встречаются, начиная с верхних слоев каменноугольного периода.

183. Ladera (испанск.)—горный склон.

184. Инки—один из родов племени аймара в древнем Перу, объединивший в XIII веке под своей властью индейские племена в северо-западной половине Южной Америки. Из рода инков происходили затем все монархи вновь образованного государства инков. В 1531 г. Франциско Пизарро во главе небольшого отряда завоевал это государство, и в 1542 г. оно было объявлено испанским вице-королевством.

185. *Quillaja saponaria*—дерево из семейства розовых, растущее в Южной Америке. Кора («мыльная кора», «мыльное дерево») содержит в большом количестве сапонины (вещества из группы глюкозидов), способные образовывать сильную пену. Сапонины Quillaja ядовиты; применяются в медицине.

186. Род растений из семейства лилейных. Родина—Южная и Центральная Америка. Многие виды имеют древесный ствол, заканчивающийся пучком длинных, лентовидных, жестких листьев, усаженных по краям колючками.

187. Редакцию этой фразы Дарвин изменял три раза. В «Путевом дневнике» он писал: «Довольно любопытен способ, каким растительность *узнает*, как много дождя следует ожидать» (Diary, стр. 307). В первом издании «Дневника изысканий» он изменил эту фразу следующим образом: «Любопытно наблюдать, как семена злаков словно знают, как бы путем приобретенного инстинкта, какое количество дождя следует ожидать» (Voyages of the Adventure and Beagle, vol. III, p. 417). Наконец, во втором издании фраза приобрела свой окончательный вид.

188. Альфарфа (Alfarfa). Ошибка, которая повторяется у Дарвина как в первом, так и во втором издании: речь идет, конечно, об альфальфе, или люцерне (Medicago), виды которой широко распространены в Чили до Консепсиона на юге.

189. Буканьеры, или флибустьеры,—морские пираты, грабившие и разорявшие испанские колонии в Вест-Индии, Чили, Перу в XVII и XVIII столетиях. Первоначально это были, главным образом, французы, позже шайки буканьеров стали пополняться и англичанами. Буканьеры, обладавшие целой флотилией кораблей, пользовались поддержкой Англии и Франции. В конце XVII века деятельность буканьеров, достигшая совершенно исключительных размеров (они завоевали и разорили Панаму, Веракрус, многие города в Перу и Мексике, Картагену и др.), начала серьезно мешать развитию морской торговли, что вынудило англичан и голландцев направить против них в 1717—1718 гг. соединенный военный флот, который значительную часть их уничтожил. Однако, еще долго в широких кругах южноамериканского населения память об ужасах буканьерства сохранилась, и самое представление о буканьерах неизменно переносилось на англичан вообще.

190. Yerba buena (испанск.)—хорошая трава.

191. Bulimus—род брюхоногих моллюсков из отряда легочных, близкий к обыкновенной улитке (Helix).

192. Silliman's Journal: American Journal of Science, New Hawen, 1818—1896. Редакторами этого журнала были сначала Б. Силлимэн, затем Дж. Дана и др.

193. Во времена Дарвина относительно природы бешенства существовали самые сбивчивые представления. Вопрос о том, что бешенство передается только через укус бешеного животного, был решен много позднее (известны, правда, исключительные случаи, когда слюна бешеного животного, попав на свежие царапины, ссадины на коже, на слизистую оболочку глаза, вызывала заболевание; однако, приводимый Дарвином случай заболевания негров, «поевших мяса быка, издохшего от бешенства», совершенно исключается). Прививки против бешенства, сразу переведшие бешенство из числа абсолютно смертельных заболеваний в число абсолютно излечимых, были открыты Пастером и впервые применены им к человеку в 1885 г. Возбудитель бешенства, как теперь установлено, относится к ультрамикробам: специфический вирус (микробный яд) бешенства выделен, но самый возбудитель настолько мал, что находится за пределами видимости в микроскоп.

194. Точное заглавие этой анонимной работы: Voyage à l'îsle de France, à l'îsle de Bourbon etc. Par un Officier du Roi. Neuchatel, 1773.

195. Agua amarga (испанск.)—горькая вода.

196. Альгарроба (правильнее—альгарробо)—местное название деревьев из рода Prosopis (*P. dulcis.*, *P. siliquastrum*, *P. juliflora*), принадлежащего к семейству бобовых (Leguminosae), подсемейству мимозовых (Mimosoideae). Альгарробо образует небольшие редкие, характерные для тропического южноамериканского пейзажа леса с опадающей летом (вследствие засушливых условий) листвой. Плоды съедобны. Древесина очень твердая.

197. Так называемый «олений мох» (Дарвин правильно пишет «олений лишайник»), или ягель (*Cladonia rangiferina*), принадлежит к тому же роду, что и описываемая Дарвином форма.

198. Чилийская, или натровая, селитра (азотнокислый натрий, $NaNO_3$) и до настоящего времени ежегодно вывозится в Европу и другие страны миллионами тонн. Используется, главным образом, как удобрение, а также как сырье для получения азотной, серной кислоты и др. В результате усиленной разработки гигантские залежи селитры уже близки к истощению.

199. Представление о связи между болотистыми местами и некоторыми лихорадочными заболеваниями (например, малярией, желтой лихорадкой и др.) существовало исстари, и уже в древнем Риме в связи с этим делались попытки осушать болотистые места с целью борьбы с этими болезнями. Однако, ни возбудители этих болезней, ни переносчики возбудителей (комары) не были известны, и поэтому до восьмидесятых годов XIX века удерживалось старинное представление о том, что эти болезни причиняются «дурным воздухом» (итальянск. mal'aria) болот или носящимися в нем невидимыми вредными организмами—«миазмами». Только в 1880 г. Лаверан открыл возбудителя малярии—малярийного плазмодия, а в 1898 г. Грасси выяснил роль комара (анофелеса) в распространении болезни. Начиная с этого времени, была установлена и эпидемиология других болезней этого рода.

200. В движении южноамериканских государств, направленном против испанского владычества, Перу приняло участие одним из последних. В первые века своего существования (с середины XVI столетия) Перу благодаря развитию земледелия и разработке серебряных рудников давало Испании большие доходы. Вице-королевский двор по своей пышности соперничал с испанским королевским двором; здесь образовалось сильное ядро испанских чиновников и духовенства; в стране были установлены феодальные порядки. Положение основной массы населения—индейцев-земледельцев и негров-рабов—было до крайности тяжелым. Когда в первые два десятилетия XIX века испанские колонии Южной Америки одна за другой сбросили власть Испании и добились независимости, Перу все еще оставалось сильнейшим оплотом Испании в Южной Америке и являлось угрозой нового их захвата испанцами. Ввиду этого в 1820 г. объединенные войска Аргентины и Чили ворвались в Перу и в 1821 г. была провозглашена его независимость. Вице-король, оставивший Лиму, продолжал, однако, войну, которая закончилась лишь в 1824 г. полным поражением испанцев и оставлением ими страны. В дальнейшем история Перу заполнена борьбой военных диктаторов, удерживавших власть по большей части очень недолго. Этой анархией в стране воспользовались как европейские империалисты (главным образом, Англия), так и соседи Перу (Чили), захватившие в свои руки основные экономические ресурсы страны.

201. Вулканические шлаки—пористые твердые продукты извержения, образовавшиеся из расплавленных и затем застывших капель лавы; вулканические туфы—сцементированный вулканический пепел, отложившийся на склонах и у подножия вулкана.

202. Так называемое течение Гумбольдта. Оно идет вдоль чилийских берегов на север и около Перу поворачивает на запад к Галапагосским островам. Благодаря этому течению температура воды у Галапагосских островов на 8—11 градусов ниже той температуры, которая обычна для экваториальных вод на соответствующей широте.

203. Euphorbiaceae (молочайные)—семейство, главным образом, тропических растений. Многие содержат млечный сок, часто ядовитый. Некоторые виды из рода Euphorbia (молочай) по внешнему виду напоминают кактусы.

204. Галапагосские острова были открыты в 1535 г. испанским епископом Томасом де Ферланга, который, отправившись на корабле из Панамы в Перу, попал в штиль; течением Гумбольдта корабль принесло к Галапагосским островам. Де Ферланга оставил первое описание галапагосских черепах. В сороковых годах XVI века туда также случайно попал испанский капитан Диего де Риваденейра, бежавший с награбленными сокровищами из Перу. Во второй половине XVI века испанцы несколько раз побывали на этих островах и дали им название Insulas de los Galapagos (Черепашьи острова). В XVII и XVIII веках острова эти становятся одной из баз морских пиратов (флибустьеров), которые также оставили ряд записей о природе и животном населении Галапагосских островов. В конце XVIII века острова начинают усиленно посещать китоловы, главным образом, с целью охоты за гигантскими черепахами, служившими им пищей во время плавания. Благодаря им эти черепахи быстро стали уменьшаться в числе и в настоящее время встречаются на островах очень редко. В 1793 г. английское судно под начальством капитана Кольнетта, отправленное для отыскания в Тихом океане наиболее прибыльных в промысловом отношении мест, подробно обследовало острова. В 1800 г. здесь побывал капитан Делано, в 1813—капитан Портер, в 1825—Моррель,—все они дали описание островов и произвели ряд интересных наблюдений. В 30-х гг. XIX века республика Эквадор объявила эти острова принадлежащими ей и начала ссылать сюда восставших солдат и других политических преступников, которых здесь в 1835 г., когда острова посетил Дарвин, было около 300 человек. В дальнейшем число их быстро уменьшалось и все последующие попытки колонизовать эти острова—вплоть до настоящего времени—оканчивались неудачно. После Дарвина, обратившего внимание всего ученого мира на исключительный интерес, представляемый Галапагосскими островами, их неоднократно посещали научные экспедиции. В 1923 г. здесь побывал американский зоолог Биб, издавший увлекательную книжку об этих островах (Beebe Ch. W., Hartley G. I. and Howes P. G., Galapagos, world's end, 438 стр., 24 цветных табл. и 83 фотографии, New York, 1924; сокращенный русский перевод: Вильям Биб, На краю света—Экспедиция на Галапагосские

острова в 1923—1924 гг., Ленинград, 1928. Отсюда заимствованы приведенные выше сведения). В самое последнее время (в 1935 г.) группа американских зоологов, Американское общество охраны природы и Британская ассоциация наук занялись вопросом о мерах, которые необходимо предпринять для охраны от полного исчезновения вымирающей под натиском человека и ввезенных домашних животных аборигенной фауны Галапагосских островов. Правительство Эквадора объявило ряд островов заповедными и, кроме того, запретило уничтожение аборигенных птиц, рептилий и водных млекопитающих на пространстве всего архипелага (см. Nature, № 3437, от 14 сентября 1935 г., стр. 427, и № 3440 от 5 октября 1935 г., стр. 535).—Недавно правительство Экуадора постановило переименовать Галапагосский архипелаг в Архипелаг Колумба. Отдельные острова также переименованы: Чатэм в остров Сан Кристобаля, Худ—в Эспаньола, Чарлз—в Санта Мария Флореана, Альбемарль—в Изабелла (см. Nature, № 3436, от 7 сентября 1935 г., стр. 391).

205. Имеется в виду маленький островок, расположенный в Тихом океане против берегов Центральной Америки, под 5° сев. широты и 87° зап. долготы от Гринича, а не Кокосовые острова, или острова Килинг, описание которых Дарвин дает ниже, в главе XX.

206. Сладкий картофель, или батат (*Jpomaea batatas*)—растение из семейства вьюнковых. Родина—Центральная Америка. Клубни содержат крахмал и употребляются в пищу в печеном виде, как картофель. Разводится в тропических и субтропических странах.

207. За десять лет до Дарвина Моррель наблюдал сильное извержение вулкана на острове Нарбору. «Его корабль находился в 16 км от вулкана, но несмотря на это был сильно засыпан пеплом. Измеряя температуру воздуха и воды, Моррель нашел, что в продолжение усиленной деятельности вулкана воздух накалился до 51, а вода до 40 градусов по Цельсию. Кораблю угрожала опасность пожара от раскаленного пепла, людям было тяжело дышать... Воспользовавшись набежавшим слабым ветром, Моррель снялся с якоря и поплыл вдоль пролива, отделяющего Нарбору от Альбемарля. Чтобы выйти из опасной сферы, судну пришлось пройти в шести километрах от пылающего вулкана. Здесь воздух был нагрет до 64 градусов, а вода до 66. Огненный поток лавы низвергался прямо в море, и волны кипели вокруг него, как в огромном котле, и были покрыты массою плавающих шлаков. Через сутки медленного плавания судно укрылось к острову Чарлз, но и отсюда, на расстоянии 80 км, виден был пылающий вулкан и слышны непрестанные взрывы». (В. Биб, На краю света, стр. 6.)

208. Cyperus (сыть)—род камышей из семейства осоковых.

209. Водяные пастушки (Rallidae)—семейство журавлиных птиц.

210. Рисовый трупиал, или рисовая птица,—североамериканский вид певчих воробьинообразных птиц. Сильно вредит хлебным полям. Во время осеннего перелета на юг (до Парагвая) залетает на Галапагосские острова.

211. Вьюрки (Fringillidae)—семейство певчих воробьинообразных птиц. Описываемая Дарвином галапагосская группа вьюрков большинством авторов относится в настоящее время к одному роду земляных вьюрков (Geospiza) с 38 видами и подвидами. Их сближают с распространенным на американском материке родом Guiraca. В настоящее время не только совершенно исчезла описываемая Дарвином в конце этой главы доверчивость вьюрков и других обитателей Галапагосских островов к человеку, но и сами вьюрки значительно уменьшились там в числе и стали редкими птицами. Большеклювый земляной вьюрок (*Geospiza magnirostris*), повидимому, уже вымер.

212. Голенастые птицы (Grallatores)—старинный термин, под которым в прежнее время объединяли, как особый отряд, всех птиц с длинной голенью (цапли, аисты, кулики, ржанки и др.), т. е. группы, систематически стоящие очень далеко друг от друга. Точно также устаревшим является и термин перепончатолапые птицы: к этой группе относили самых различных водоплавающих птиц с плавательной перепонкой между пальцами ног.

213. Totanus (улиты)—род куликов из семейства ржанок.

214. Прежде всех гигантских черепах рассматривали как разновидности одного вида *Testudo indica.* Дарвин относит всех галапагосских черепах к виду *Testudo nigra.* Исследованиями, произведенными после Дарвина, установлено,

что галапагосские черепахи, ныне исчезнувшие или, во всяком случае, близкие к исчезновению, принадлежали, по крайней мере, к 14—15 видам рода Testudo.

215. Гуайавита,—повидимому, то же, что гуайава. См. прим. 238.

216. Ulva («морской салат»)—крупная морская водоросль из группы зеленых водорослей (Chlorophyceae).

217. В настоящее время описанные Дарвином два вида галапагосских ящериц относят к двум разным родам: за морской ящерицей сохраняют данное ей Беллом название *Amblyrhynchus cristatus*, рассматривая ее как единственного представителя рода; наземную ящерицу относят к другому роду (Conolophus), единственным представителем которого она является (*C. subcristatus*). Однако, оба рода и теперь рассматривают как очень близкие друг к другу. Оба они принадлежат к семейству игуановых и очень близки к роду Iguana, характерному для тропической части Центральной и Южной Америки.

218. Prionotus—род рыб из семейства Triglidae, близкого к семейству Cottidae (куда входят бычки-рогатки и бычки-подкаменщики). Виды Prionotus встречаются исключительно в американских водах.

219. Paludina (лужанка)—род пресноводных улиток.

220. Trochus (курганчик), Turbo (кубарка), Nassa (мережка)—различные роды морских брюхоногих моллюсков (улиток). Monodonta—род брюхоногих моллюсков из отряда переднежаберных, семейства Trochidae. Кубаревидная раковина с почти круглым устьем. Живут в море.

221. Конхиология (от греческ. cónche—раковина)—отдел зоологии, посвященный изучению моллюсков.

222. Monoceros (по современной номенклатуре—Acanthina)—род брюхоногих моллюсков из отряда переднежаберных, семейства Purpuridae. Раковина похожа на раковину Purpura (см. прим. 224). Около 15 видов у западных берегов Южной Америки.—Fissurella (дырчатка)—род морских брюхоногих моллюсков.—Cancellaria—род брюхоногих моллюсков из отряда переднежаберных, семейства Cancellariidae. Яйцевидная раковина покрыта поперечными и, часто, продольными ребрами. Живут в море.

223. Oniscia—род брюхоногих моллюсков из отряда переднежаберных, семейства Cassididae. Живут в море.—Stylifer—род морских брюхоногих моллюсков из отряда переднежаберных, семейства Pyramidellidae. Отличаются тонкой, прозрачной раковиной. Паразитируют на иглокожих. 16 видов распространены в теплых морях.

224. Purpura (пурпурница)—род морских брюхоногих моллюсков.

225. Dermestes—род жуков из семейства кожеедов. Corynetes—род жуков из семейства Dermostoididae. Питаются веществами животного происхождения, особенно охотно—кожей. Из стран, являющихся центрами торговли кожей, распространились по всему миру.

226. Apate—род жуков из семейства Bostrychidae. Жуки этого семейства похожи на крупных короедов; питаются древесиной больных и мертвых деревьев.

227. Compositae—сложноцветные растения.

228. Приводим полностью опубликованную недавно Норой Барло (Nature, № 3436, от 7 сентября 1935 г., стр. 391) черновую запись Ч. Дарвина о галапагосских пересмешниках, сделанную им на месте в сентябре 1835 г.:

«*Thenca*. [Mimus Thenca]. Эти птицы по внешнему виду весьма близки к Thenca из Чили. Это живые, пытливые, деятельные, *быстро бегающие* [птички], часто ютящиеся около домов, чтобы поклевать черепашье мясо, вывешенное [для просушки],—поют довольно сносно,—говорят, что они строят простое открытое гнездо,—*очень* доверчивы, черта, общая с другими птицами. Я *думал*, однако, что их пение или крик несколько отличается от Thenca из Чили?—Весьма обильны на всем острове, в [более] высокие и сырые места их привлекают, главным образом, дома и обработанная земля.

Я имею экземпляры с четырех больших островов; экземпляры с островов Чатэм и Альбемарль кажутся одинаковыми, но два другие отличаются [от них]. На каждом острове встречается *исключительно* данный род; повадки всех их неразличимы.

Когда я вспоминаю тот факт, что по форме тела, очертаниям панцыря и общим размерам испанцы могут сразу сказать, с какого острова доставлена та

или иная черепаха;—когда я вижу эти острова, [расположенные] один в виду другого и обладающие лишь ограниченным ассортиментом животных, населенные этими птицами, [которые] незначительно разнятся по [своей] структуре и заполняют одно и то же место в Природе, я должен предположить, что они представляют собой лишь разновидности. Единственный факт такого рода, который мне известен, это—как постоянно утверждают—различие между волкообразной лисицей восточного и западного Фальклендских островов.—Если имеется хотя бы малейшее основание для этих замечаний, то зоология Архипелага вполне заслуживает исследования; ибо такого рода факты подорвали бы неизменность видов».

229. Leguminosae—бобовые.

230. Scalesia—род кустарников из семейства сложноцветных (Compositae), эндемичный для Галапагосских островов (10 видов).

231. Acalypha—обширный род тропических растений из семейства молочайных (Euphorbiaceae). На Галапагосских островах имеется эндемичный вид *A. parvula* Hook., образующий много форм.

232. Borreria—род тропических растений из семейства марѐнных (Rubiaceae). Большинство видов свойственно жарким странам Америки, много видов на Галапогосских островах.

233. Весь отрывок, начиная с ботанической характеристики Галапагосских островов («В ботаническом отношении эти острова»... стр. 328) и до фразы, в конце которой поставлено это примечание, вставлен Дарвином во второе издание. Вместо него в первом издании Дарвин писал следующее:

«Я не буду делать здесь попытки дать тот или иной окончательный вывод, так как виды не были в точности исследованы; но мы можем сказать, что за исключением немногих бродячих животных, живые существа, найденные на этом архипелаге, свойственны исключительно ему; и что тем не менее в их общей форме резко выражен американский характер. Человек, который привык к виду птиц Чили и Ла Платы, не может не почувствовать, оказавшись на этих островах, что он находится—по крайней мере, поскольку дело касается органического мира—на американской почве. Это сходство типа между отдаленными друг от друга островами и материками, при одновременном различии видов, вряд ли было в достаточной мере отмечено. Его можно было бы объяснить, согласно точке зрения многих авторов, сказав, что творческая сила действовала согласно одному и тому же закону на обширном пространстве».

В следующем абзаце первого издания Дарвин вкратце приводит те факты (распределение черепах, дроздов-пересмешников, вьюрков), которые доказывают своеобразие состава населения каждого из островов Галапагосского архипелага. В развернутом виде эти же факты он рассматривает и во втором издании (см. стр. 329-330).

234. При движении с востока на запад полдень, т. е. момент прохождения солнца через меридиан данной точки земной поверхности, наступает все позже по сравнению с местом, лежащим на восток от нее. Эта разница во времени равна одному часу на каждые 15° долготы, или 24 часам на все 360° окружности земного шара. Таким образом, путешественник, двигаясь с востока на запад, как бы опережает солнце и если он совершит в этом направлении полный круг, то он «опередит» солнце на целые сутки; чтобы устранить для кораблей, огибающих земной шар, возникающую отсюда разницу в календарном времени, издавна введена условная демаркационная линия, проходящая в Тихом океане приблизительно по 180° восточной долготы. Переезжая через нее с востока на запад, путешественник сразу перескакивает на одни сутки вперед; наоборот, переходя демаркационную линию с запада на восток, он двое суток подряд считает за одни сутки. См. текст Дарвина ниже, под 17 ноября.

235. Мыс Венеры (мыс Венус) на северном берегу Таити, близ залива Матаваи, на восток от него. Получил свое название в память произведенных на нем Куком 1 июня 1769 г. наблюдений над прохождением планеты Венеры через диск солнца. Первое путешествие Кука и было снаряжено собственно с этой целью Лондонским королевским обществом.

236. Аллювиальная почва—наносная, осадочная почва, отлагаемая водою рек и озер.

237. Ямс (Dioscorea)—род однодольных растений. Подземные крупные

клубни содержат крахмал и употребляются в пищу подобно картофелю в печеном или вареном виде. Разводится в тропических и субтропических странах. Иногда ямс неправильно смешивают с бататами, или сладким картофелем,—растением другого семейства (см. примечание 206).

238. Гуайава—собственно название не дерева, а плодов дерева *Psidium Guajava* из семейства миртовых. Разводится под тропиками.

239. Hibiscus—род древесных растений из семейства Malvaceae, к которому принадлежит также хлопчатник. Древесина Hibiscus столь же легка, как пробка.

240. Аутриггер—легкий шест, прикрепляемый многими жителями полинезийских островов сбоку к одному из бортов их лодок при помощи жердей длиною в 1,5—2 м. Аутриггер придает лодке устойчивость на море.

241. Аронник (Arum)—род травянистых растений из семейства аронниковых (принадлежащего к одному отряду с пальмами, рогозами и др.). Вареные или жареные клубни (содержащие крахмал) съедобны.

242. Ава, ава-перец, каба (*Piper methysticum*),—кустарник из семейства перечных. Сок из корневища вызывает местную анестезию, подобно кокаину. Применяется в медицине. Родина—острова Таити и Сандвичевы.

243. *Draceana carminalis*—растение из семейства лилейных. К тому же роду относится знаменитое драконовое дерево.

244. Ост-индскими компаниями назывались организации, которым было передано монопольное право торговли с Индией и прилегающими странами. Компании эти имели особые политические права, могли заключать союзы с туземными государствами, строить крепости, чеканить монету и т. д. Они сыграли основную роль в закрепощении колониальных стран европейским капиталом. Наиболее мощными из них были голландская Ост-Индская компания, просуществовавшая с 1602 до 1825 г., и английская Ост-Индская компания, учрежденная в 1599 г. Последняя, которую имеет в виду Дарвин, распространила свое влияние, главным образом, на Индию и способствовала ее захвату и экономическому порабощению Англией.

245. Во время пребывания «Бигля» в Капштадте Фиц Рой и Ч. Дарвин передали в журнал «South African Christian Recorder» подписанную ими совместно статью под названием «Письмо, содержащее замечания о моральном состоянии Таити, Новой Зеландии и т. д.» («A letter containing remarks on the Moral State of Tahiti, New Zealand, etc.»). Письмо это было напечатано во II томе указанного журнала (№ 4 от сентября 1836 г.). Бо́льшая часть его принадлежит Фиц Рою, параграфы, подписанные буквой «D», представляют собой отрывки из «Дневника» Дарвина. Письмо заканчивается следующими строками за подписью обоих авторов:

«В общем, взвешивая все, что мы слышали, и все, что мы сами видели, касательно миссионеров в Тихом океане, мы в высшей степени убеждены, что они вполне заслуживают самой горячей поддержки не только со стороны отдельных лиц, но и со стороны Британского правительства.

Роберт Фиц Рой
На море, 28 июня 1836 г. Чарлз Дарвин.»

246. В 1835 г. на Таити приехали два французских иезуита Каре́ и Лаваль. Английские миссионеры, успевшие к тому времени распространить на острове англиканское вероисповедание и пользовавшиеся со времени короля Помаре, отца королевы Помаре, большим влиянием на правящие круги Таити, добились от последних высылки иезуитов. Под этим предлогом Луи Филипп (французский король) направил на Таити в 1838 г. военный фрегат и потребовал от Помаре извинения и громадной контрибуции за «ущерб», нанесенный иезуитам в результате высылки. Помаре вынуждена была подчиниться и позволить селиться на острове всем французам независимо от рода их занятий. После этого между французами и англичанами начинается борьба за остров, в результате которой французы вытеснили англичан и подчинили остров себе. Помаре продолжала «царствовать», но фактически власть находилась в руках французов. «Благотворная деятельность» «цивилизаторов», сначала англичан, затем еще в большей мере французов, очень скоро привела к тому, что туземное население совершенно вымерло.

247. Река в северной части Новой Зеландии.

248. Каури (kawri)—собственно название не дерева, а смолы хвойных деревьев Agathis из подсемейства араукариевых. Агатис (около 20 видов) растет на островах Малайского архипелага, в Новой Зеландии и др. Высокие деревья с широкими (для хвойных деревьев) листьями. Смолу дает новозеландский вид *Agathis australis*.

249. Dinornithes (моа) новозеландский подотряд бегающих, плоскогрудых птиц. Моа (по ряду данных) вымерли, повидимому, сравнительно недавно (в первой половине XIX века), однако, ни один белый человек никогда не видел живого моа. Кости, обрывки кожи с перьями, целые скелеты и яйца моа находили неоднократно. Это были гигантские бегающие птицы (до 3 м ростом), несколько напоминавшие страусов, но значительно крупнее их, с массивным, плотным туловищем, очень маленькой головой, очень длинной шеей и с чрезвычайно мощными, но непропорционально короткими ногами.

250. Норвежская крыса (*Epimys norvegicus*)—один из синонимов пасюка (*Mus decumanus*).

251. Дарвин имеет в виду скандальный бракоразводный процесс короля Георга IV, затеянный последним в 1821 г. со своей женой принцессой Каролиной Брауншвейгской.

252. Способ устройства мостовых и шоссейных дорог, предложенный инженером Мак-Адамом (I. L. Mac-Adam, 1756—1836), заключается в том, что поверх крупных камней, которыми укладывают дорогу, насыпают слой мелкого щебня и утрамбовывают его катками. По имени изобретателя мостовые этого типа носят название «макадам».

253. Растительность Австралии очень своеобразна: 86% видов австралийских растений принадлежат только Австралии и нигде больше не встречаются. Большинство деревьев (как и прочих растений) принадлежат к нескольким особенно характерным для Австралии семействам; таковы миртовые, куда относится богатый видами род эвкалиптов, мимозовые с многочисленными видами (280) акаций, казуариновые и пр. Вертикальное расположение листьев (у акаций листочки перистого листа отпадают и листовой черешок разрастается в вертикальную пластинку, так называемый филлодий) представляет собой приспособление к излишнему прогреванию листьев солнцем: в полдень вертикальные лучи солнца падают на ребро листовой пластинки, т. е. лучи скользят мимо листа.

254. Георг III (1738—1820), король Англии с 1760 до 1811 г., когда вследствие его умственного расстройства его сын (впоследствии Георг IV) был назначен регентом.

255. Упоминаемые в этом примечании менее известные географические пункты: остров Питкэрн—в Тихом океане под 130° зап. долготы и 25° ю. ш.; Сен Кильда—близ Мельбурна на юго-восточном берегу Австралии; остров Чатам—в Тихом океане, к востоку от Новой Зеландии.

256. Все эти рассуждения о заразных болезнях, основанные отчасти на довольно правильных наблюдениях, отчасти на непроверенных рассказах, показывают, насколько сбивчивые представления по этому вопросу господствовали сто лет назад, до того, как были открыты возбудители заразных болезней и способы их распространения. См. также примечания 193 и 199.

257. Дикая собака, или динго (*Canis dingo*). До настоящего времени остается открытым вопрос, является ли дикая австралийская собака исконным обитателем Австралии или это одичавшая домашняя собака, ввезенная первыми европейскими путешественниками, посетившими Австралию. В плейстоценовых отложениях южной Австралии найдены кости динго, что как будто говорит за первое, с другой стороны, наличие домашней собаки на островах Тихого океана, легкость скрещивания динго с домашней собакой и отсутствие в Австралии других местных высших млекопитающих (кроме нескольких летучих мышей, которые могли залететь сюда с соседних островов, и крыс, которых могло занести сюда на обломках деревьев через океан) говорит против того, что динго коренной обитатель Австралии.

258. Кенгуровые крысы, или потору (Potoroinae)—подсемейство прыгающих сумчатых, очень похожи на кенгуру, но отличаются от них небольшими размерами, наличием клыков в верхней челюсти и пр.

259. Эму (Dromaeus), австралийский страус,—род плоскогрудых, бегающих птиц из подотряда казуаровых.

260. *Ornithorhynchus paradoxus* (утконос)—вид особого семейства низших млекопитающих, клоачных. Отличается наличием клюва, по своей форме напоминающего утиный клюв.

261. Сирокко—горячий и удушливый ветер, дующий зимой в области Средиземного моря с юго-востока (из Африки).

262. Cul-de-sac (французск.)—тупик.

263. Травертин—плотный известняк, отлагаемый источниками, водными потоками, озерами. В травертинах почти всегда имеются в большом количестве отпечатки листьев.

264. Казуарина (Casuarina)—род деревьев из особого семейства казуариновых. Зеленые прутьевидные ветви несут на своих концах редуцированные мутовчатые листья. Казуарины встречаются только в Австралии и на Индо-малайских островах. Некоторые виды доставляют ценную древесину («железное дерево»). Казуарины относятся к двудольным покрытосеменным растениям, и сходство с сосной, на которое указывает Дарвин, является чисто внешним.—Эвкалипт (Eucalyptus)—род деревьев из семейства миртовых. Распространен в Австралии и на Малайских островах. Некоторые виды достигают 150 м высоты.—Травяное дерево (Xanthorrhoea)—род австралийских деревьев из семейства лилейных.

265. Сталактиты—натеки извести на потолке пещеры, образующиеся с чрезвычайной медленностью из отложений углекислой извести капельками воды, падающими с потолка пещеры; имеют вид конических и цилиндрических сосулек. «Псевдо-сталактиты», т. е. образования, по внешнему виду напоминающие сталактиты, но имеющие иное происхождение.

266. Кёрри—индийское национальное кушанье: разваренный рис, приправленный различными пряностями.

267. Guilandina—род тропических кустарников и деревьев из семейства бобовых (Lequminosae). Три вида; из них один—дерево *G. echinata* Lam.—свойствен Бразилии; другой вид—ползучий кустарник *G. Bonduc* Roxb.—тропической Азии и Австралии; третий вид *G. Bonducella* Roxb., также ползучий кустарник, распространен под тропиками в обоих полушариях.

268. Растения, упоминаемые в этой цитате: Dadass,—вероятно, *Erythrina indica* Lam., дерево из семейства бобовых (подсемейства мотыльковых); малайцы называют его «dudap» или «dadap»; в тропической Азии оно обыкновенно сажается на плантациях перца, который взбирается наверх по его стволу—К какому растению относится название Kimiri нам не удалось выяснить.—Перечная лоза, или черный перец (*Piper nigrum*)—вид семейства перечных, разводится в тропиках, родом из Ост-Индии, доставляет продажный перец.—Мыльное дерево (*Sapindus saponaria*)—дерево из семейства Sapindaceae, родом из Китая и Японии, плоды, богатые сапонином, применяются в тропиках как мыло (мыльным деревом называют также чилийское дерево *Quillaja saponaria*, см. примечание 185).—Клещевина (*Ricinus communis*)—растение из семейства молочайных, доставляющее касторку, в тропических странах клещевина—дерево, достигающее высоты в 10 м, у нас—однолетний кустарник.—Тэковое дерево (*Tectona grandis*)—вид из семейства вербеновых, доставляет лес для кораблестроения, родина Индо-малайские острова.—Желтое дерево—общее название древесины многих тропических деревьев, трудно установить, о каком виде говорит Дарвин.—Мангостан (*Garcinia mangostana*)—дерево из семейства гуммигутовых, родина Малакка, большие круглые плоды съедобны.

69. Лысуха (Fulica) и упомянутый выше Porphyrio (султанская курица)—различные роды птиц того же семейства пастушков (из отряда журавлеобразных), к которому принадлежит и водяной пастушок (Rallus).

270. Раки-отшельники (Paguridae)—семейство особой группы ракообразных, занимающей промежуточное положение между длиннохвостыми раками (куда относятся лангуст, речной рак, омар и др.) и настоящими крабами.

271. Глупыш (Fulmarus)—род буревестников.—Фрегаты (Fregatidae)—семейство аистообразных птиц.—Крачки, или морские ласточки (Sternidae).—подсемейство чаек. Крачка глупая (*Anous stolidus*) имеет и соответствующее

английское название: нодди (Noddy), что по-английски означает простак, дурак. Белая крачка, которую Дарвин описывает несколькими строками ниже, принадлежит к тому же подсемейству, но к другому роду (*Gygis candida*).

272. Речь идет о гигантском двустворчатом моллюске *Tridacna gigas* (Дарвин дает ее старинное название Chama, которое в настоящее время присвоено другому роду того же семейства). Tridacna достигает 1—1,5 м в длину; сила сжатия ее створок действительно огромна, но старинные рассказы о том, что она, замыкая свои створки, может перерезать корабельный канат или человеческую руку, повидимому, неверны. Для того чтобы освободить захваченный тридакной предмет, достаточно перерезать ножом мощные мышцы (так называемые замковые мышцы), сокращение которых и вызывает закрывание створок раковины.

273. *Birgos latro* (пальмовый вор)—краб, относящийся к тому же семейству, что и рак-отшельник (см. примечание 270). Дарвин дал одно из первых и наиболее полных описаний поведения пальмового вора.

274. Панданус (Pandanus)—род деревьев из семейства Pandanaceae, близкого к пальмам. Небольшие деревья, распространенные в тропических странах. У некоторых видов плоды имеют съедобную мякоть. Панданусы отличаются наличием многочисленных тонких стеблей-подпорок, отходящих на разных высотах от главного стебля, слишком тонкого, чтобы поддерживать могучую крону дерева. По таким тонким и не вполне вертикальным стеблям *Birgos latro*, действительно, в состоянии взобраться наверх, чего он не смог бы сделать на толстом и гладком стволе кокосовой пальмы.

275. «Астролябия»—французское судно, совершившее кругосветную экспедицию в 1826—1828 гг. под командованием Дюмон-Дюрвиля. Главным образом, занималось изучением и собиранием позвоночных Атлантического и Тихого океанов. В качестве натуралистов на «Астролябии» плавали Коа и Гемар.

276. Актинии (Actinaria)—отряд шестилучевых полипов, близкий к рифообразующим коралловым полипам (Madreporaria), однако, в противоположность им актинии не образуют колоний (они большей частью одиночны) и не имеют твердых отложений в теле.—Sertularia—гидроидный полип из отряда гидромедуз (подотряд Campanulariae).

277. Scarus (рыба-попугай)—род рыб из подотряда сростноглоточных, характеризующийся срастанием нижне-глоточных костей в одну неподвижную кость.

278. Голотурии (Holothuroidea)—класс иглокожих. Особым образом приготовленные голотурии, преимущественно из родов Holothuria и Stichopus, под именем «трепанга» потребляются в Китае в пищу.

Предположение Дарвина, что «костный аппарат, заключенный внутри тела» голотурий, «прекрасно приспособлен» для поедания кораллов, неверно. В стенке глотки голотурий заключено известковое кольцо из 10 пластинок. Но эти пластинки лежат очень глубоко, служат для прикрепления мышц и защиты нервного кольца, но отнюдь не являются жевательным аппаратом. Голотурии питаются не живыми кораллами, а коралловым песком, который они в больших количествах пропускают через свой кишечник, усваивая то небольшое количество органического вещества, которое в нем находится.

279. Нереиды (Nereidae)—семейство морских кольчатых многощетинковых червей.—Сверлящие организмы (сюда принадлежат многочисленные виды самых различных групп животных—водоросли, губки, черви, морские ежи, моллюски, ракообразные) просверливают скалы либо химическим путем, выделяя какую-либо кислоту, либо механически, например, при помощи раковин, приобретающих вид сверл.

280. Пемза—один из продуктов извержения вулканов. Благодаря наличию большого количества газов пемза при остывании становится очень пористою, вследствие чего обладает низким удельным весом и может плавать в воде.

281. Запись от 12 апреля 1835 г. представляет большой интерес, как первый по времени и притом сделанный на месте набросок будущей теории Дарвина происхождения коралловых рифов. В опубликованном тексте Дарвин сильно сократил эту запись, заменив ее вторую половину в первом издании (1839 г.) еще довольно коротким изложением своей теории, а во втором издании (1845 г.) более подробным изложением, которое снабдил рисунками, взятыми им из вышед-

шей в 1842 г. его работы о коралловых рифах. Приводим запись от 12 апреля полностью по «Путевому дневнику» (Diary, стр. 399—400):

«*12-го.*—Утром мы вышли из лагуны. Я очень рад, что мы посетили эти острова; эти образования несомненно относятся к числу наиболее изумительных явлений природы. Это не того рода чудо, которое сразу же поражает наше физическое зрение, а скорее чудо, которое—после некоторого размышления—[поражает] наш ум. Нас изумляют рассказы путешественников о громадных строениях и размерах некоторых древних развалин; но как незначительны даже самые большие из них по сравнению с веществом, накопленным здесь различными мельчайшими животными. На всем пространстве этой группы островов каждый отдельный атом, безразлично [откуда он взят] из самой ли маленькой частицы или из громадных обломков скал, носит на себе печать того, что когда-либо он подвергался действию силы органического порядка. Капитан Фиц Рой измерил глубину на расстоянии немного более одной мили от берега линем в 7 200 футов длиной и не достал до дна. Следовательно, мы должны рассматривать этот остров как вершину крутой горы; до сколь большой глубины или толщи простирается продукт работы коралловых животных, совершенно неизвестно. Если допустить правильность того мнения, что скалообразующие полипы продолжают свою постройку вверх [по мере того], как основание острова под действием вулканических сил через [известные] промежутки [времени] постепенно опускается, то возможно, что коралловый известняк должен иметь значительную мощность. В Тихом океане мы видим некоторые острова, как упомянутые в этом «Дневнике» Таити и Эймео, которые окружены коралловым рифом, отделенным от берега каналами и бассейнами спокойной воды. Различные причины могут препятствовать росту наиболее действенных пород кораллов в такого рода условиях. Следовательно, если мы вообразим себе, что подобный остров через длительные последовательные промежутки [времени] опускается на несколько футов таким же образом, как континент Южной Америки, но в противоположном направлении*, кораллы будут продолжать [расти] вверх, подымаясь с основания окружающего рифа. Со временем центральная суша погрузится под уровень моря и исчезнет, но кораллы будут завершать [постройку] своей круговой стены. Не получим ли мы тогда лагунный остров?—С этой точки зрения мы должны рассматривать лагунный остров, как памятник, воздвигнутый мириадами крошечных архитекторов и отмечающий место, где прежняя суша погрузилась в глубины океана**.

«Бигль» остановился в виду северного острова на расстоянии около 12 миль [от него]. Это также маленький лагунный остров, но его центр почти заполнен [осадками]; вход недостаточно глубок даже для того, чтобы [через него могла] войти шлюпка. Вечером, когда была закончена [работа по составлению] карты, мы взяли курс на Иль де Франс.»

282. «Чудесное зрелище представляет собой каждый из этих атоллов, окруженный со всех сторон большой каменной стеной и при том без всякого участия человеческого искусства».

283. Это предварительное сообщение Дарвина напечатано в Proceedings of the Geological society of London (vol. II, pp. 552—554, 1838) под названием: On certain Areas of Elevation and Subsidence in the Pacific and Indian Oceans, as deduced from the Study of Coral Formations (1837). Перевод на русский язык самой работы Дарвина о коралловых рифах см. во втором томе настоящего издания.

284. Мы сохраняем установившееся в русской географической литературе и в наших атласах неправильное название этих островов, в состав которых входит Таити. Эти острова в честь Лондонского географического общества (London Geographical Society) были названы островами Общества (Society Islands).

285. Как в тексте «Дневника изысканий», так и повсюду в предварительных ссылках на свою будущую работу о коралловых рифах Дарвин говорит о «коралловых образованиях» (Coral Formations). И здесь также имеется в виду не какая-либо другая работа, а вышедшее в 1842 г. сочинение «The structure

* Т. е. острову свойственно движение опускания, противоположное по своему направлению движению поднятия, свойственному континенту Южной Америки. *Прим. ред.*

** В этом месте на полях рукописи сделана кем-то (возможно, Фиц Роем) приписка: «Хорошо, но 1-й пункт не очень ясен». *Прим. ред.*

and distribution of Coral Reefs». Перевод его и карту, о которой говорит здесь Дарвин, см. во втором томе настоящего издания.

286. Архипелаг Дружбы (Friendly Archipelago), находящийся к западу от островов Товарищества, чаще фигурирует в атласах под названием островов Тонга.

287. Разбор выдвинутой Дарвином теории образования коралловых островов см. в вводной статье и примечаниях к геологическим работам Дарвина во втором томе настоящего издания.

288. Остров Маврикия, или Иль де Франс («Остров Франции»), из группы Маскаренских островов (в Индийском океане, на восток от Мадагаскара), главный город Порт Луи. Остров до 1715 г принадлежал Голландии, с 1715 до 1814 г.—Франции, а с 1814—Англии.

289. Повидимому, Дарвин видел эти города, когда в мае 1827 г. поехал вместе со своим дядей Джосией Веджвудом и сестрой Каролиной в Женеву через Париж. Он, однако, доехал лишь до Парижа и, заболев по дороге, вернулся домой. Это было единственное посещение европейского континента Дарвином за всю его жизнь. См. E. Darwin, A Century of Family Letters, том I, стр. 200—201.

290. Ла Пус (французск. la pouce)—большой палец (руки).

291. Теория «кратеров поднятия», выдвинутая Леопольдом фон Бухом в соответствии с учением о главенствующей роли вулканических сил в процессе образования складок земной коры («плутонизм»), заключалась в том, что горные породы, расположенные вокруг вулкана, приподнимаются под действием подземных сил, происходит как бы вздутие почвы, причем иногда эти вздутия лопаются и таким путем образуются кольцевые горы, «кратеры поднятия»; в центре «кратеров поднятия» постепенно возникает конус с кратером, через который выбрасываются наружу лава и другие продукты извержения. Неправильность этой теории легко обнаруживается уже одним тем фактом, что кольцевые горы образованы, как правило, вулканическими горными породами, т. е. продуктами извержения (лавами, туфами и т. п.), и остается непонятным, почему в них никогда не встречаются осадочные горные породы (известняки, песчаники и пр.), которые в равной мере должны были бы подвергнуться действию «сил поднятия». Против теории Буха и его сторонников (Эли де Бомон и др.) резко выступили Прево, Скроп, Ляйелль и другие геологи. Неправильность этой теории признавал и Дарвин.

292. Валлийский, или уэльский, т. е. характерный для Уэльса,—западного района Англии.

293. Остров св. Елены в 1834 г. был объявлен английской коронной колонией и население его (преимущественно негры и метисы) было освобождено от рабства, в котором оно находилось у английской Ост-Индской компании (см. примечание 244), владевшей островом с 1673 г.

294. Cochlogena Ferussac 1821—род брюхоногих моллюсков из семейства Helicidae. В настоящее время в качестве синонима отнесен к роду Achatinella Swainson. Так как, однако, род Achatinella, обнимающий несколько сот видов, свойствен исключительно Гавайским островам, то, очевидно, описываемая Дарвином Cochlogena не является видом этого рода. Выяснить, с каким моллюском имел дело Дарвин, нам не удалось.

295. Aphodius—род семейства пластинчатоусых жуков (Scarabaeidae).—Oryctes (жук-носорог)—род того же семейства.—Phanaeus—род пластинчатоусых жуков из подсемейства Scarabaeini (навозники), близкий к роду Copris. У самцов, реже и у самок, на лбу имеется мощный рог.—Onthophagus—род того же семейства жуков.

296. Благоустройство и укрепление острова Вознесения было начато англичанами в 1815 г., когда Наполеон был поселен на острове св. Елены, со специальной целью наблюдения отсюда за Наполеоном и предотвращения попыток к бегству его в Европу.

297. Мангровы, или мангровые деревья,—общее название древесных растений, образующих густые заросли на плоских берегах тропических морей у устьев рек, в лагунах, бухтах, эстуариях; почва, на которой растут мангровы, представляет собой затопленное мелкой соленой или солоноватой водой болото, состоящее из черного вонючего ила, в котором при участии бактерий идет интенсивное разложение органических веществ. Своеобразным приспособле-

нием мангров к условиям их обитания является наличие воздушных корней и корней-подпорок, образующих густое сплетение. К мангровам относится около 30 видов растений, из которых в американских мангровых болотах обитает лишь четыре вида. Наиболее характерным из них является *Rhizophora Mangle* с дугообразно согнутыми корнями, развивающимися из ветвей.

298. Бар—отмель, образующаяся в море перед устьем реки из приносимых последней твердых материалов—песка, ила и пр.—Статья, на которую ссылается Дарвин (On a remarkable Bar of Sandstone off Pernambuco, on the coast of Brasile) и которую он напечатал в 1841 г. в указанном в примечании журнале, включена им целиком во 2-е издание его «Коралловых рифов» (см. том второй настоящего издания).

299. Serpula (змейка)—род трубчатых кольчатых морских червей. Как и все трубчатые кольчецы, змейки—сидячие, прикрепленные животные, селящиеся на подводных камнях и рифах огромными колониями. Змейка отлагает вокруг своего тела известковую трубочку (которую Дарвин неправильно называет раковиной). По мере роста животного удлиняется и его жилище.

300. Усоногие раки (Cirripedia)—отряд низших раков (Entomostraca). Усоногие впоследствии стали предметом особого исследования Дарвина (см. второй том настоящего издания).

301. «Жертвы», которые, как пишет Дарвин, Англия «больше, нежели всякая другая нация» принесла для дела освобождения негров, скрывали под гуманными лозунгами стремление Англии обеспечить для своих африканских, азиатских и других колоний дешевый рабский труд. С отпадением от Англии Соединенных штатов торговля неграми, которой англичане энергично занимались в течение полутораста лет, потеряла для Англии свое значение, тем более, что цены на негров стали быстро расти, что могло невыгодно отразиться на стоимости рабского труда в колониях Англии в Восточном полушарии. В 1807 г. Англия запрещает торговлю неграми, начиная с 1822 г. она заключает с другими государствами ряд соглашений, предоставляющих ей право вести на море борьбу с работорговыми судами,—тем самым—под предлогом осмотра иностранных судов для обнаружения рабов—Англия закрепляет за собой (в 1841 г.) фактическое господство на морях. Но наибольшая «жертва», которую, по-видимому, имеет в виду Дарвин, это предоставление Англией в 1833 г. английским плантаторам в Вест-Индии 20 миллионов фунтов стерлингов под условием освобождения ими своих рабов через семь лет. Эта «жертва» фактически представляла собой помощь вест-индским плантаторам, которые в то время обанкротились в связи, главным образом, с тем, что на европейском рынке свекловичный сахар начал вытеснять тростниковый, а также и в связи с некоторыми другими экономическими моментами. Все другие государства вступили на путь освобождения рабов позже (Франция—в 1848 г., Соединенные штаты—в 1865 г., Бразилия—в 1888 г.), в связи с чем Англия и оказалась в этом деле «передовым» государством. Ср. «Путевой дневник», запись от 30 апреля 1836 г. (стр. 554).

302. Между этим и следующим абзацами Дарвин в первом издании (1839 г.) на стр. 598—602 дает описание основных правил и технических приемов, которыми он пользовался во время путешествия при собирании, упаковке, хранении и пересылке коллекций на родину. См. вводную статью к настоящему тому.

303. Это примечание добавлено к изданию 1860 г.

304. Мэр (Maer)—деревня, в которой жил дядя Дарвина Джосия Веджвуд («дядя Джос»). Мэр был расположен приблизительно в тридцати километрах от Шрюсбери, где жили Дарвины.

305. В письме Генсло к Дарвину от 24 августа 1831 г. содержавшем предложение Дарвину отправиться в путешествие на «Бигле», Генсло писал, что «путешествие должно продолжиться два года».

306. Фиц Рой неожиданно решил вместо натуралиста взять с собой в путешествие своего друга Честера, о чем и написал в Кембридж (Вуду?). Однако, Честер не мог уехать из Англии, в связи с чем и решился положительно вопрос о поездке Дарвина. См. письмо Дарвина к его сестре Сюзен от 4 сентября 1831 г. (том IX настоящего издания).

307. В письме к Фоксу от 19 сентября (понедельник) Дарвин пишет, что он «вернулся в субботу из Плимута» (см. том IX), следовательно, это было не 18, а 17 сентября. Точно также в неопубликованном письме к своей

сестре Сюзен, написанном из Лондона и датированном «суббота 17 сентября», он говорит о своем путешествии: «Какое это изумительно быстрое путешествие. Из Плимута сюда я прибыл сегодня утром, проделав путь в 250 миль в 24 часа». См. Ch. Darwin's Diary, Cambridge, 1933 (стр. 433).

308. Фиц Рой привез в Англию из предыдущего путешествия на «Эдвенчер» и «Бигле» (1826—1830) четырех огнеземельцев, но один из них умер в Англии от оспы несмотря на то, что ему были сделаны предохранительные прививки.

309. Старший брат Чарлза Дарвина.

310. Помещение, предоставленное Дарвину на «Бигле», было действительно настолько тесным, что для того, чтобы он мог более или менее удобно устроиться в своем гамаке, он должен был вытаскивать на ночь верхний ящик, служивший для хранения одежды.

311. Дарвин имеет в виду «Путешествие капитана Б. Холла в Чили, Перу и Мексику» (1820—1822).

312. В своей «Автобиографии» Дарвин дает следующую характеристику своего двухмесячного пребывания в Плимуте: «Эти два месяца, проведенные в Плимуте, были самыми несчастными в моей жизни, хотя я делал всевозможные усилия, чтобы превозмочь себя. Я падал духом при мысли о такой продолжительной разлуке с родными и друзьями, да и погода наводила тоску и уныние. К тому же я страдал сердцебиением и болью где-то около сердца, и как нередко бывает с молодыми людьми, особенно кое-чего нахватавшимися в медицине, воображал, что у меня болезнь сердца. Я не советовался с доктором, будучи уверен, что он запретит мне путешествие, а я решил пуститься в него во что бы то ни стало».

313. Северо-западная оконечность Пиринейского полуострова.

314. Группа скалистых островков в Атлантическом океане, к северу от Канарских островов, под 30° с. ш.; принадлежит Португалии.

315. Вспоминая о своем пребывании на Сант Яго, Дарвин пишет в «Автобиографии»: «Геология Сант Яго поразительна, хотя и проста: поток лавы разлился по дну моря, покрытому обломками раковин и кораллов, которые спеклись в твердую белую породу. А после того весь остров был поднят над уровнем моря. Но полоса этой белой породы открыла мне новый и важный факт, именно, что после того почва опускалась вокруг кратеров, которые позднее действовали и изливали новые потоки лавы. Тогда мне в первый раз пришла в голову мысль, что я, быть может, напишу целую книгу о геологии посещенных мною стран, и эта мысль привела меня в радостный трепет. Никогда не забуду этой минуты, и теперь еще с полной ясностью я могу себе представить низкий навес из лавы, под которым я отдыхал, между тем как солнце обдавало своими палящими лучами все кругом; из расселин скал здесь и там высовывались диковинные растения пустыни, а у моих ног в лужах, образовавшихся после отлива, виднелись живые кораллы. Несколько позднее, в течение нашего путешествия, Фиц Рой предложил мне прочесть ему несколько отрывков из моего дневника и сказал мне, что его стоило бы издать. Это была уже вторая книга в перспективе!».

316. Баобаб (*Adansonia digitata*)—одно из самых толстых деревьев (до 45 м в окружности) при сравнительно небольшой высоте (до 25 м). Характерно для африканских саванн; разводится под тропиками. Достигает возраста 4—5 тысяч лет.

317. Тамаринд (*Tamarindus indica*)—дерево из семейства мотыльковых. Плоды (бобы) съедобны. Родом из Африки; разводится под тропиками.

318. Наездники (Ichneumonidae)—семейство перепончатокрылых насекомых. Кладут яйца внутрь тела личинок и куколок других насекомых, которыми затем развивающиеся личинки наездников питаются. Уничтожая таким путем многих вредных насекомых, наездники приносят пользу сельскому хозяйству.

319. «Реформа»—речь идет о начавшейся еще в десятых годах XIX века борьбе промышленной буржуазии за преобладание в парламенте. Существовавшая в то время в Англии система избирательного права давала преобладающее большинство в парламенте представителям земельной аристократии и финансистов. Тяжелый экономический кризис десятых-двадцатых годов, вызванный многолетней войной с Францией, с новой силой вспыхнул в тридцатых годах. Стремясь нейтрализовать революционное движение промышленного пролетариата и вместе с тем использовать его для борьбы за реформу избирательного

права, партия мелкой буржуазии, виги, привлекла рабочих на свою сторону обещанием всеобщего избирательного права. Разгар борьбы пришелся на 1831 г., когда Дарвин уехал из Англии: билль о парламентской реформе был внесен вигами 8 марта; торийское большинство парламента своими поправками к биллю фактически провалило его; тогда правительство распустило парламент и назначило новые выборы, в результате которых виги получили подавляющее большинство. Билль о реформе теперь легко прошел в парламенте, но 8 октября был провален палатой лордов. В стране началось революционное движение, грозившее перерасти в гражданскую войну. Из опасения последней король и палата лордов пошли на уступки, и 4 июня 1832 г. закон об избирательной реформе был, наконец, принят. Однако, рабочие, благодаря революционному движению которых «реформа» была проведена, в огромном большинстве своем в число избирателей не вошли.

320. Buenos dias! (испанск.)—с добрым днем!

321. Под тем же числом в отчете Фиц Роя (Voyages of the Adventure and Beagle, том II, стр. 55) значится: «Мы окликнули почтовое судно „Лиру“, направлявшееся из Англии в Рио де Жанейро, и получили от него ящик, содержавший шесть лотов Массея, эти превосходные штуки, которые часто оказывались нам столь полезными».

322. В этом неопубликованном письме к отцу Дарвин писал: «Естественная история подвигается у меня великолепно, и я непрерывно занят новыми и в высшей степени интересными животными... Я глубоко убежден, что такой удобный случай не [повторится?] в течение столетия. Мне думается,—если я могу так скоро судить,—что я буду в состоянии создать что-либо оригинальное в естественной истории». См. Ch. Darwin's Diary, London, 1933 (стр. 434).

323. Valet de chambre (французск.)—камердинер.

324. Auld Reekie (=old smoky—буквально: старый прокопченный)—принятое в Эдинбурге старинное название нижней, очень грязной части города. Возглас «Gardez (или Gare) l'eau» («Берегись воды») был принят вплоть до XVIII века в Париже, где при отсутствии канализации содержимое ночной посуды и ведра с экскрементами выливались из окон прямо на улицу; для предупреждения прохожих каждый раз, как с этой целью раскрывалось окно, раздавался указанный крик. См. И. М. Кулишер, Лекции по истории экономического быта западной Европы. Изд. 6-е, Петербург, 1922. Часть II, стр. 12.

325. Пизанг то же, что банан: не совсем понятно, почему Дарвин ставит рядом оба английских названия банана—Banana и Plantain.—Дынное дерево (*Carica Papaya*)—тропическое дерево из семейства Caricaceae (двудольное), 4—6 м высоты, ствол не ветвится; плоды (съедобны) похожи по своему строению на дыню, но крупнее (достигают размера арбуза).

326. Может быть «sangria»?—так в Вест-Индии и Бразилии называется напиток, приготовляемый из вина с лимонадом.

327. Грампус (Grampus)—род дельфинов, распространенный в южной половине Атлантического и Тихого океанов.

328. Английский военный фрегат «Тетис», выйдя из Рио де Жанейро 4 декабря 1830 г. в южном направлении, попал в шторм, был отнесен сильным юго-западным ветром на северо-восток и вечером 5 декабря потерпел крушение у мыса Фрио (в 150 км на восток от Рио де Жанейро); 25 человек погибло, остальные выбрались на скалы и из ближайшей деревни на лошадях доехали до Рио де Жанейро. Давая подробный анализ всех обстоятельств этого крушения (Voyages of the Adventure and Beagle, том II, стр. 67—72), Фиц Рой приходит к выводу, что весьма трудно подыскать соответствующую причину, приведшую к тем ошибкам в управлении судном, в результате которых оно погибло, особенно если принять во внимание, что это был превосходный военный корабль, отлично снаряженный, с прекрасной командой и хорошим офицерским составом.

329. Бармут—местечко на берегу Кардиганского залива в Уэльсе (западная Англия).

330. Cicindelae, или Cicindelidae (скакуны)—семейство плотоядных жуков.

331. «Весьма, весьма обязан!»

332. Фиц Рой, давая подробное описание этой экскурсии вверх по реке

Макакў, сообщает о принятых затем мерах лечения заболевших малярией участников экспедиции; Байно и он советовались с лучшими врачами Рио де Жанейро. В попытке объяснить болезнь Фиц Рой, естественно, так же далек от истины, как и Дарвин (см. примечание 199); он предупреждает только против ночевки у реки в жарких странах. См. Voyages of Adventure and Beagle, том. II, стр. 76—78.

333. Гнейс—горная порода, состоящая из тех же минералов (кварца, полевого шпата и слюды), что и гранит, но отличающаяся от последнего слоистым расположением своих составных частей.

334. Храм Давида в Иерусалиме.

335. Сфинкс, или бражник (Sphinx),—род бабочек из семейства бражников; к тому же семейству относится и бабочка мертвая голова.

336. См. Дневник изысканий (настоящее издание), стр. 34, строки 9—6 снизу.

337. Северное побережье Шотландии.

338. Это был не ягуар, а ягуарунди. См. стр. 34—35.

339. См. примечание 319. Граф Чарлз Грей стоял во главе министерства вигов, которое внесло в парламент билль о реформе. Сведения, полученные Дарвином, относятся к тому моменту (апрель, май 1832 г.), когда после провала законопроекта в палате лордов Грей подал в отставку, угрожая королю и лордам гражданской войной.

340. «Свадьба Фигаро»—опера Моцарта, написанная в 1785 г.; «Семирамида» и «Севильский цирюльник»—оперы Россини, впервые поставленные первая в 1823, а вторая—в 1816 г.

341. Нора Барло, издавшая «Путевой дневник» Дарвина, в примечании к этому месту пишет: «Я не могла установить, о какой картине идет речь. На полях оригинала в этом месте кто-то, быть может, Фиц Рой, написал карандашом: кто?». Ch. Darwin's Diary, Cambridge, 1933 (стр. 435).

342. Капский голубок (*Daption capensis*)—единственный вид особого рода буревестников, распространенный в Атлантическом океане на юг от тропика Козерога; наоборот, в Тихом океане он распространен к северу от экватора.

343. Старинная морская пушка, стрелявшая ядрами и разрывными снарядами.

344. Акант (Acanthus)—травянистое растение из семейства акантовых, с большими выемчато-зубчатыми листьями. Как декоративное растение часто разводится на юге.

345. В основном тексте (стр. 51) Дарвин вместо этих названий дает английское (water-hog) и латинское (*Hydrochaerus capybara*) названия водосвинки. Оба приводимые Дарвином здесь местные названия даны им не совсем правильно: на языке гуарани это животное называется capi-i-uara («властитель травы») по-испански же—carpincho (карпинчо), а не capincha, как пишет Дарвин.

346. Наем двух шхун у Гарриса был произведен Фиц Роем с целью ускорения работ по съемке без санкции Адмиралтейства. Фиц Рой нанял шхуны на срок в «восемь лунных месяцев» с обязательством уплачивать Гаррису «по 140 фунтов стерлингов за каждый лунный месяц». Фактически он пользовался шхунами 12 месяцев и уплатил Гаррису 11 августа 1833 г. 1 680 фунтов стерлингов. Эти деньги Адмиралтейство Фиц Рою не вернуло, как отказалось от компенсации ему и других подобного рода расходов, понесенных им во время путешествия. См. ниже примечание 352 к записи Дарвина от 26 марта 1833 г.. См. Voyages of Adventure and Beagle, том II, стр. 110 и том IV, стр. 97—98 (договор с Гаррисом и расписка последнего в получении денег).

347. С этой почтой 26 октября 1832 г. Дарвин получил также второй том «Основ геологии» Ляйелля.

348. Начиная с XVII века и до двадцатых годов XIX века между европейскими государствами шла непрерывная борьба за овладение «Провинциями Ла Платы» (нынешние Аргентина, Уругвай, Боливия и Парагвай). Испания, которой эти Провинции принадлежали, фактически предоставила местную власть самой себе. Англичане, наряду с португальцами, пытались несколько раз захватить побережье. Последняя из этих попыток была совершена Англией в 1806 г.; англичане ворвались в Буэнос Айрес и Монтевидео и продержались здесь несколько месяцев; в 1807 г. они вынуждены были, однако, освободить эти города.

349. В одном из неопубликованных писем Чарлза Дарвина к его сестре Каролине (от ноября 1832 г.) Дарвин пишет ей: «Мы [Роберт Гаммонд и Ч. Д.] обычно бываем на берегу вместе: наше главное развлечение заключается в том, что мы ездим верхом по улицам и восхищаемся испанскими дамами. Наблюдая за этими ангелами, скользящими по улицам, невольно воскликнешь: «как глупы английские женщины, они не умеют ни ходить, ни одеваться». И затем как безобразно звучит слово мисс по сравнению с словом синьорита. Я огорчен за всех вас. Для всего вашего племени было бы очень полезно приехать в Буэнос Айрес». См. Ch. Darwin's Diary, Cambridge, 1933 (стр. 435).

350. Опера Россини.

351. «Урания»—французский военный фрегат, совершавший кругосветное плавание с научно-исследовательскими целями под начальством капитана Фрейсине с 1817 до 1820 г. В начале 1820 г. «Урания» потерпела крушение, наткнувшись на подводную скалу у Фальклендских островов. Экипаж, дневники путешествия и коллекции были спасены; экспедиция была закончена на судне «Physicienne».

352. Фиц Рой пишет (Voyages of Adventure and Beagle, том, II, стр. 273, 274), что в это время он пришел к выводу, что «ему придется отказаться от наиболее интересной задачи экспедиции—производства ряда меридиональных промеров вокруг земли,—так как береговая съемка отнимает слишком много времени и сил.» Это привело его к решению приобрести у капитана Лоу шхуну «Единорог», которая, как он пишет, представляла собой «первоклассное судно». Его «желание приобрести ее было непобедимо», хотя ему пришлось затратить для этого 6 тысяч долларов (около 1 300 фунтов стерлингов). Сообщая о своем поступке, Фиц Рой писал Адмиралтейству: «Я надеюсь, что Ваши превосходительства одобрят мои действия, но если я поступил неправильно, то государство от этого нисколько не пострадает, так как я единолично несу ответственность за соглашение с собственником кораблей и я могу и хочу уплатить условленную сумму». Краткая резолюция их превосходительств в углу этого заявления Фиц Роя гласила: «Не одобряем найма кораблей для этой службы и поэтому желаем, чтобы они были освобождены от работы как можно скорее». Когда впоследствии в 1835 г., Фиц Рой снова приобрел небольшую шхуну, которую он наново снарядил и оборудовал за свой собственный счет, он сообщил об этом Адмиралтейству. Поперек его сообщения сделано несколько надписей. Одна из них гласит: «Уже прежними отношениями ему было запрещено нанимать вспомогательные судна»; другая: «Сообщить капитану Фиц Рою, что Лорды крайне недовольны его образом действий, особенно имея в виду распоряжения, которые он уже получал раньше по этому поводу». Приводя эти документы (Ch. Darwin's Diary, стр. 436 и 438), хранящиеся в Английском государственном архиве, Нора Барло замечает: «Его (Фиц Роя) глубокая обида на отсутствие поддержки со стороны Адмиралтейства, повидимому, ускорила его умственное расстройство».

353. Pampero (испанск.)—ветер, дующий из пампы.

354. «Black Joke» был послан Адмиралтейством в 1829 г. для захвата судов, торгующих рабами, у западных берегов Африки. См. примечание 301.

355. Peon (испанск.)—полевой рабочий, батрак.

356. Gallego (испанско-аргентинск.)—переселенец из Испании.

357. Фиц Рой пишет (см. Voyages of Adventure and Beagle, том II, стр. 320) по этому поводу: «М-р Дарвин, более привычный к продолжительным экскурсиям на берегу, чем я и матросы, думал, что сумеет дойти до озер, и отправился туда. Мы, с беспокойством наблюдая за ним с вершины холма (названного нами на карте Холмом жажды), видели, как он спустился к одному озеру, но немедленно оставил его и пошел к другому, которое он также оставил, не задерживаясь; по медленному шагу, каким он возвращался, мы поняли, что это «salinas». Фиц Рой был одним из тех двух, которые были оставлены на месте, так как он совершенно выбился из сил, таская весь день помимо инструментов тяжелое двуствольное ружье.

358. Отчет об этой экспедиции был зачитан Фиц Роем в Королевском географическом обществе 8 мая 1837 г., за два года до опубликования Voyages of Adventure and Beagle. Фиц Рой достиг пункта, лежащего в нескольких милях от озера Аргентино, которое связано с другими большими озерами Андов—Вьедма и Сан Мартин. Дж. Г. Гардинер первый достиг озера Аргентино тридцать три

года спустя, в 1867 г. Его путешествие вкратце изложено в Boletin de Instituto Geografia Argentino (том I, стр. 28—35, 1879). Впоследствии, в 1878 г., это озеро вновь посетил д-р Морено.

359. Alerce не кедр, а особый род хвойных. См. примеч. 156.

360. Секстант—угломерный инструмент, употребляемый для определения положения корабля на море. При этом применяется горизонтально поставленная стеклянная пластинка или поверхность жидкости (ртуть)—так называемый искусственный горизонт—для замены видимого горизонта.

361. Барло приводит (Ch. Darwin's Diary, стр. 437) следующий отрывок из неопубликованного письма Дарвина к его сестре Каролине: «Лима, июль 1835 г... Добравшись до порта Копиапó, я застал здесь „Бигль", но с Уикгемом в качестве временного командира. Вскоре после прибытия „Бигля" в Вальпарайсо было получено известие, что корабль е. в. „Челленджер" потерпел крушение у Арауко и что капитан Сеймур, большой друг Фиц Роя, с экипажем находятся в бедственном положении у индейцев. Старый комодор на „Блонде" не очень спешил,—короче, он боялся выйти зимой к этому подветренному берегу; капитану Фиц Рою пришлось попугать его, и под конец Фиц Рой предложил себя в качестве лоцмана.—Мы узнали, что им удалось спасти почти всех людей, но капитан и комодор страшно между собой поссорились из-за того, что первый что-то намекнул насчет военного суда над старым комодором за его медлительность.—Мы подозреваем, что такой опытный человек, как капитан, открыл всем глаза на „Блонде" в неожиданной для них степени. Мы ожидаем прибытия „Блонды" сюда через несколько дней, и все с нетерпением ждут новостей; никакая перемена в государственной политике никогда не вызывала столько разговоров в нашей среде, как эта удивительная ссора капитана с комодором». См. также Voyages of the Adventure and Beagle, том II, стр. 428.

362. Tapado (испанск.)—женский плащ, здесь—женщины, лицо которых прикрыто вуалью. Chilimoya (черимойа?),—повидимому, искаженное Дарвином местное название плодов дерева *Anona Cherimolia* из семейства Anonaceae, близкого к магнолиевым. Сюда относятся распространенные под тропиками, главным образом, в Америке, частично—в Африке, многочисленные древесные растения, среди которых много полезных. Плоды *Anona Cherimolia* (так называемый в тропической Америке плод черимойа) являются, действительно, одними из наиболее замечательных по своему аромату и вкусу тропических плодов.

363. Взятое в скобки в рукописи зачеркнуто.

364. Взятое в скобки в рукописи зачеркнуто.

365. Взятое в скобки в рукописи зачеркнуто.

366. Эта заметка Дарвина, датированная февралем и включенная между 30 декабря 1835 г. и 12 января 1836 г., заставляет думать, что все январские записи были сделаны Дарвином спустя некоторое время после описанных в них событий, быть может, на пути из Сиднея в Гобарт (Н. Барло. Ch. Darwin's Diary, Cambridge, 1933, стр. 439).

367. Взятое в скобки в рукописи зачеркнуто.

368. Любопытно, что эту запись своих размышлений о муравьином льве Дарвин в первом издании (1839 г.) приводит полностью за исключением последней фразы («Геолог, быть может, высказал бы предположение, что периоды творения были различные, что они были отдалены один от другого [во времени] и что творец делал передышку в своей работе»), между тем как во втором издании (т. е. к тому времени, когда его теория уже окончательно созрела, в 1845 г.) он оставляет только изложение самого факта, да и его переносит в подстрочное примечание. Он словно боялся подобного рода высказываниями по отдельным поводам повредить своей теории прежде, чем она будет в законченном виде представлена на суд науки.

369. Взятое в скобки в рукописи зачеркнуто.

370. Взятое в скобки в рукописи зачеркнуто.

371. Взятое в скобки в рукописи зачеркнуто.

372. Oxalis (кислица)—род растений из семейства кислицевых, особенно богато представленный в Южной Африке и субтропической Америке.—Mesembryanthemum—род растений из семейства Aizoaceae, листья мясисто-сочные;

особенно много видов в Южной Африке; плоды некоторых африканских видов употребляются в пищу («лошадиные фиги», «готтентотские фиги»).

373. Взятое в скобки в рукописи зачеркнуто.

374. Речь идет о бразильском императоре Педро I (1798—1834), который в 1826 г. был провозглашен и королем Португалии, однако, отрекся от португальского престола в пользу своей малолетней дочери. Престол был захвачен регентом Мигуэлем, братом императора Педро. Мигуэль отменил конституцию, разогнал кортесы, восстановил инквизицию. Жестокий террор заставил бежать из Португалии тысячи людей, сторонников буржуазной конституции. Эмигранты эти сконцентрировались, главным образом, на Азорских островах. В это время революция в Бразилии вынудила Педро I отречься от бразильского престола. Он возглавил эмигрантов на Терсейре, образовал в 1831 г. из них и наемных европейских солдат армию и при поддержке Англии начал войну со своим братом Мигуэлем. В 1832 г. он занял Опорто, а в 1833 г. вступил в Лиссабон. На престол, в виду отказа Педро занять его, была возведена его дочь. Партия реакционеров-мигуэлистов, остатки которой сохранились в Португалии и до настоящего времени, называла Мигуэля «самодержавным, богом данным королем». Как бы желая подчеркнуть свое отрицательное отношение к этому течению, Дарвин говорит о «нынешней истинно-королевской и почтенной фамилии», которая, впрочем, несмотря на свою «почтенность», не платит долгов своим «первым защитникам».

375. Термин трахит в настоящее время употребляется для обозначения излившихся аналогов сиенитов. В прежнее время трахитами называли все темноцветные, шероховатые на ощупь лавы, богатые ортоклазом или другими щелочными полевыми шпатами, встречающимися в виде крупных кристаллических образований (фенокристаллов) среди основной массы, которая состоит из микролитов полевого шпата и темноцветных минералов—биотита, авгита, роговой обманки.

376. Взятое в скобки в рукописи зачеркнуто.

377. 5 октября 1836 г. Дарвин, только что вернувшись домой, сейчас же написал своему дяде Джосии Веджвуду, вмешательство которого решило в положительном смысле вопрос о поездке Дарвина на «Бигле». Текст письма см. том IX.

378. Нора Барло сообщает (Ch. Darwin's Diary, стр. 440) дальнейшую судьбу «Бигля»: в 1838 г. командиром его стал Джон Клемент Уикгем, о котором Дарвин так тепло пишет в своих письмах к родным; в течение следующих нескольких лет «Бигль» обследовал северное побережье Австралии; в 1841 г. командование «Биглем» перешло к Джону Лорту Стоксу, другому испытанному офицеру «Бигля», и корабль снова пересек экватор с целью обследовать берега Новой Зеландии; в 1845 г. «Бигль» перешел на службу береговой охраны в Саутсенде; в 1870 г. он был продан за 295 фунтов стерлингов.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕРЕПЛЕТ, СУПЕР-ОБЛОЖКА И ТИТУЛА
художника Д. А. Бажанова.

ОФОРМЛЕНИЕ КНИГИ
художника-полиграфиста А. В. Крейчика.

КОРРЕКТУРА
под руководством *Л. М. Голицыной.*

ВЫПУСК ИЗДАНИЯ ПРОИЗВЕДЕН
под наблюдением *С. Л. Серебряного, П. И. Маркелова и Б. В. Кочукова.*

ОТПЕЧАТАНО
в 16-ой типографии треста «Полиграфкнига»,
Москва, Трехпрудный, 9,
под руководством
А. Н. Дьячкова, Н. В. Моргунова, Ф. С. Иванова-Таранина, В. П. Зудина, И. Г. Колобашкина, С. Г. Майорова, В. В. Баранова и А. А. Александрова.

Сдано в производство 13 VI 1935 г; подписано к печати 29 XI 1935 г.
Бумага фабрики «Полотняный завод».
Формат 72×108 см, 1/16. Объем 41 п. л. + 26 вклеек + 4 карты.
В п. л. 50880 тип. зн. Авт. л. 52,15. Тираж 15200.
Уполномоченный Главлита Б—16065.
Биомедгиз 256. Заказ № 824.
Цена 13 р. 80 к. Переплет 1 р. 20 к.

МАРШРУТ ПУТЕШЕСТВИЯ КОРАБЛЯ «БИГЛЬ» ВОКРУГ СВЕТА (1831—1836).

Из «Narrative of the surveying Voyages of H. M. S. Adventure and Beagle», том IV.

КАРТА ЮЖНОЙ ЧАСТИ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ.
Из «Narrative of the Surveying Voyages of H.M.S. Adventure and Beagle», том III.